

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

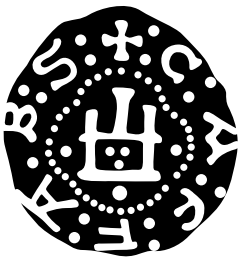
ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. ХАЛИКОВА

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ИСТОРИИ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УНИВЕРСИТЕТ ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА



ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ *и* ЗОЛОТАЯ ОРДА

Под редакцией
С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова

Казань — Симферополь — Кишинев

2015

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

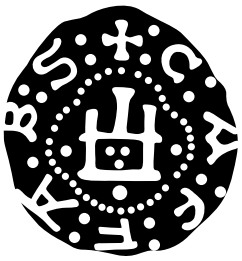
ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN
A. KH. KHALIKOV INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF UKRAINE
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
CRIMEA BRANCH

KAZAN (VOLGA REGION) FEDERAL UNIVERSITY
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES AND INTERNATIONAL RELATIONS

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY



THE GENOESE GAZARIA *and* THE GOLDEN HORDE

Edited by
Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov

Kazan — Simferopol — Kishinev

2015

902/904(4)(082)
Г 34

Descrierea CIP a Camerei Naţionale a Cărţii

Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde: [on-line] / отв. ред.: Сергей Геннадиевич Бочаров ; науч. рецензенты: И. Л. Кызласов [и др.]. – Кишинев: Stratum Plus, 2015. – (Серия «Археологические источники Восточной Европы», ISBN 978-9975-4272-6-5).

1 disc optic electronic (CD-ROM) : sd., col.; în conteiner, 13 × 13 cm.
Cerinţe de sistem: Windows 98/2000/EXP, 32 Mb hard
ISBN 978-9975-4272-8-9.
902/904(4)(082)
Г 34

Сборник статей посвящен историко-географическим исследованиям территорий и историко-топографическому изучению городов Византийской империи, Золотой Орды, Генуэзской республики в XIII—XV вв. и государств-наследников этих территорий в XVI—XVIII вв. в Юго-Восточной Европе. В него вошли статьи, подготовленные девятнадцатью исследователями из России, Украины, Молдовы и Казахстана.

Для специалистов по истории и археологии средних веков, а также для краеведов и широкого круга читателей.

© Казанский (Приволжский) Федеральный университет
© Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
© Ответственные редакторы: С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков
© Издательство «Stratum plus» Р. Р., Университет «Высшая антропологическая школа»
© Обложка: Д. А. Топал
Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина
Технический координатор: Ж. Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник, Г. В. Засыпкина
Редактор карт: Л. А. Мосионжник
Корректор: Г. В. Засыпкина

Печатается по решению ученых советов:
Института археологии имени А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан,
протокол № 1 от 14 мая 2014 г.
Крымского филиала Института археологии Национальной Академии наук Украины,
протокол № 3 от 12 апреля 2013 г.

Под редакцией
С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова

Научные рецензенты:

И. Л. Кызласов, доктор исторических наук,
заведующий группой средневековой археологии евразийских степей Института археологии Российской Академии наук

Ю. М. Могаричев, доктор исторических наук,
профессор Крымского республиканского института последипломного педагогического образования

С. Б. Сорочан, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Издание подготовлено за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров

Printed by decision of the following Academic Councils:

A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, minutes no. 1 of 14 May 2014

Crimean Branch of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, minutes no. 3 of 12 April 2013

Edited by

Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov

Reviewed by:

I. L. Kyzlasov, doctor of historical sciences,
Head of the Eurasian Steppes Medieval Archaeology Group
Archaeology Institute, Russian Academy of Sciences

Yu. M. Mogarichev, doctor of historical sciences,
Professor of the Crimean Institute for
Post-University Pedagogical Education

S. B. Sorochan, doctor of historical sciences,
Professor, Head of Ancient and Medieval History Department,
V. N. Karazin National University in Kharkov

The volume was funded by the subsidy the Russian Government to support the Program of competitive growth of Kazan Federal University among world class academic centers and universities

С О Д Е Р Ж А Н И Е

С. Г. Бочаров (*Симферополь, Крым*), А. Г. Ситдиков (*Казань, Россия*). Предисловие 13

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ

Н. Д. Руссев (*Кишинёв, Молдова*). Два варианта городской истории средневекового Причерноморья — Белгород и Олешье 19

А. Г. Еманов (*Тюмень, Россия*). Дж. Каталано из Солдайи первой четверти XV века: эпиграфический экзерсис. 39

С. Г. Бочаров (*Симферополь, Крым*). Генуэзский замок Калиера 47

В. Л. Мыц (*Санкт-Петербург, Россия*). «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции 99

И. Б. Тесленко (*Симферополь, Крым*). Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV—XV вв. 125

ЗОЛОТАЯ ОРДА

О. В. Кузнецова (*Алматы, Казахстан*). Поливная керамика Сарайчика . . 167

Е. М. Пигарёв (*Астрахань, Россия*). Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области 181

Л. В. Яворская (*Москва, Россия*). Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам) 197

О. А. Ильина (*Камышин, Россия*). Вопросы исторической топографии и хронологии золотоордынских городов Нижневолжского Правобережья 207

Д. А. Кубанкин (*Саратов, Россия*). Историческая топография Увекского городища 243

К. А. Руденко (*Казань, Россия*). Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды). 255

А. Г. Ситдиков (*Казань, Россия*). Казань в эпоху Золотой Орды 365

А. Ю. Зеленеев (*Йошкар-Ола, Россия*). Расселение мордвы: её этническая и политическая история в XIII—XV вв. 377

А. Н. Масловский (*Азов, Россия*). Заметки по топографии золотоордынского города Азака 383

Э. Е. Кравченко (*Донецк, Украина*). Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном 411

М. В. Ельников (*Запорожье, Украина*). Памятники золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье 479

В. П. Кирилко (*Симферополь, Крым*). Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму 509

Г. С. Богуславский (*Одесса, Украина*). Эпоха Улуса Джучи в Северо-Западном Причерноморье и город Акджа Керман 559

ВИЗАНТИЯ ПОСЛЕ ВИЗАНТИИ

И. В. Волков (*Москва, Россия*). Два надгробных камня из Музея-заповедника «Херсонес Таврический» 573

И. В. Волков (*Москва, Россия*). Турецкая карта Черного и Азовского морей из собрания Государственного исторического музея 577

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

И. В. Волков (*Москва, Россия*). Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473—1478 гг. (текст, перевод, комментарий) 605

Список сокращений. 693

CONTENTS

S. G. Bocharov (*Simferopol, Crimea*), A. G. Sitdikov (*Kazan, Russian Federation*). Introduction 15

GENOESE GAZARIA

N. D. Russev (*Kishinev, Moldova*). Two Variants of the Urban History of Medieval Black Sea Region — Belgorod and Oleshye 19

A. G. Emanov (*Tyumen, Russian Federation*). G. Catalano of Soldaia of the First Quarter of 15th Century: an Epigraphic Exercise 39

S. G. Bocharov (*Simferopol, Crimea*). Kaliera, a Genoese Castle 47

V. L. Myts (*Saint Petersburg, Russian Federation*). Timur's Crimean Campaign in 1395: a Historiographic Confusion, or Archaeology against Historiographic Tradition 99

I. B. Teslenko (*Simferopol, Crimea*). Pithoi from Archeological Complexes of the 14th—15th Centuries in the Crimea 125

GOLDEN HORDE

O. V. Kuznetsova (*Almaty, Kazakhstan*). Glazed Ceramics of Saraichik Hillfort . 167

E. M. Pigarev (*Astrakhan, Russian Federation*). Golden Horde Sites on the Territory of Astrakhan Region. 181

L. V. Yavorskaya (*Moscow, Russian Federation*). Urbanization Processes and Meat Consumption Trends in Medieval Towns in the Volga Area (by archaeozoological materials) 197

O. A. Ilyina (*Kamyshin, Russian Federation*). Problems of Historical Topography and Chronology of the Golden Horde Towns on the Right Bank of Lower Volga 207

D. A. Kubankin (*Saratov, Russian Federation*). Historical Topography of Uvek Hillfort 243

K. A. Rudenko (*Kazan, Russian Federation*). Sites of Golden Horde Time in the Middle Volga Region (Bulgar Ulus of the Golden Horde) 255

A. G. Sitdikov (*Kazan, Russian Federation*). Kazan during Golden Horde Epoch 365

A. Yu. Zeleneev (*Yoshkar-Ola, Russian Federation*). Distribution of Mordvins: Their Ethnic and Political History in the 13th—15th Centuries 377

A. N. Maslovskiy (*Azov, Russian Federation*). Notes on the Topography of the Golden Horde Town of Azak 383

E. E. Kravchenko (*Donetsk, Ukraine*). Sites of Golden Horde Time in Steppes between the Dnieper and the Don 411

M. V. Elnikov (*Zaporizhzhe, Ukraine*). Monuments of the Golden Horde Period in the Lower Dnieper Region 479

V. P. Kirilko (*Simferopol, Crimea*). Periodisation of Construction of the So Called Uzbek Mosque from Stary Krym 509

G. S. Boguslavskiy (*Odessa, Ukraine*). Jochi's Ulus Time in the North-Western Pontic Area and the City of Akja Kerman 559

BYZANTIUM POST BYZANTIUM

I. V. Volkov (*Moscow, Russia*). Two Gravestones from the National Museum Reserve of Tauric Chersonesos 571

I. V. Volkov (*Moscow, Russia*). Turkish Map of the Black and Azov Seas from the State Historical Museum 577

SOURCES

I. V. Volkov (*Moscow, Russia*). Giosafat Barbaro's Travel to Persia in 1473—1478 (text, translation, comments) 605

List of Abbreviations 693

Предисловие

Тематика статей сборника «Генуэзская Газария и Золотая Орда» связана преимущественно с периодом XIII—XV вв., когда на обширной для средневековой эпохи территории от Дуная до Урала возникло и активно функционировало государство, возглавляемое монгольской династией. В это же время в Причерноморье на землях увядающей Византийской империи появляется новое западноевропейское государственное образование, созданное Генуэзской республикой и получившее в научной литературе название Генуэзская Газария.

В XIII в. резко изменилась политическая ситуация на юге Восточной Европы. Перемены связаны с несколькими событиями: с появлением Монгольского государства, с возрождением Византийской империи в 1261 г., когда император Михаил VIII Палеолог по условиям Нимфейского соглашения разрешил генуэзцам свободно торговать на Черном море и предоставил им торговые привилегии. В Черном море стали появляться западноевропейские купцы, которые создавали свои торговые поселения — фактории. Таким образом, в Северном Причерноморье соединились азиатский сухопутный и европейский морской торговые пути, превратив регион в перекресток, где сходились потоки товаров с Запада и Востока. Дальнейший ход исторических событий определялся именно этими государствами и их наследниками — Золотой Ордой, затем Крымским, Казанским и Астраханским ханствами; греческой Трапезундской империей, затем княжеством Феодоро, Генуэзской и Венецианской республиками.

Несмотря на кажущуюся значительную исследованность истории и культуры Золотой Орды, основные обобщающие монографии написаны в середине прошлого века, а современные работы либо носят локальный характер, то есть, в них приводятся сведения об отдельных ее регионах, либо посвящены тому или иному народу, чья история неразрывно связана с золотоордынской эпохой.

Впервые идея объединения историко-географических и археологических исследований Улуса Джучи была осуществлена в монографии В. Л. Егорова «Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.», вышедшей в 1985 году. С тех пор активно продолжается изучение золотоордынских памятников, вводятся в научный оборот новые тексты, связанные с исследуемой проблематикой.

Надеемся, что собранная нами книга будет рассматриваться как первый шаг в осуществлении идеи сводной обобщающей работы по истории и археологии Юго-Восточной Европы в XIII—XV вв. при современном состоянии источниковой базы. В него вошли статьи, подготовленные девятнадцатью исследователями из России, Украины, Молдовы, и Казахстана посвященные истории и археологии Византии, Золотой Орды и Генуэзской Газарии в XIII—XV вв. и стран — их наследниц в XVI—XVIII вв.

Книга состоит из четырёх разделов: «Генуэзская Газария», «Золотая Орда», «Византия после Византии» и «Публикация источников». Статьи из этих четырех разделов можно разбить на ряд тематических блоков.

Первый блок касается исторической географии отдельных регионов восточноевропейского пространства. Каждая работа этой тематики выстроена по собственному сценарию, в соответствии с традицией рассмотрения данной территории. Поэтому некоторые из них более археологичны, рассматривают специфику памятников региона в контексте его истории, а также истории отдельных народов, формировавших собственную культуру в рамках золотоордынского государства. Это статьи М. В. Ельникова, Э. Е. Кравченко, Е. М. Пигарева, К. А. Руденко, Ю. А. Зеленеева. Внутри этого же тематического блока несколько работ посвящено исторической и этнической топографии конкретных городов, когда через судьбу отдельного города или укрепленного поселения выстраивается ясная карти-

© С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков, 2015.

на истории крупных регионов страны. Это работы А. Н. Масловского, Н. Д. Руссева, А. Г. Ситдикова, С. Г. Бочарова, Д. А. Кубанкина. В статье О. А. Ильиной история Нижневолжского региона в пределах современной Волгоградской области рассматривается в проблемно-историографическом аспекте. Статья Л. В. Яворской представляет собой исследование по экономической географии Поволжского региона. Каждая из перечисленных работ ставит собственные внутренние задачи, решает их, привлекая разные группы источников, тем самым вводя в научный оборот новые сведения и концепции. Самое важное, что этим тематическим блоком охвачены практически все основные территориальные образования Золотоордынского государства, рассмотрены характерные особенности каждого из них.

Другой большой тематический блок неразрывно связан с предыдущим. Исследования здесь направлены на разбор исторических прецедентов в византийской и золотоордынской истории. Изложение материалов исследования часто подано в полемическом контексте, однако прекрасно видны громадная работа и тщательный выбор как источников, так и имеющихся точек зрения на проблему. Источники же самые разнообразные — это археологические, эпиграфические, архитектурно-археологические, картографические, письменные памятники. К этому тематическому блоку следует отнести статьи А. Г. Еманова, В. Л. Мыца, В. П. Кирилко и все тексты И. В. Волкова, размещенные в сборнике. Работы такого рода вносят новые повороты в исторически сложившиеся научные представления об отдельных этапах или событиях истории Византийской империи, Генуэзской Газарии и Золотой Орды, таким образом, продолжая развивать приоритетную задачу предыдущего тематического блока.

Третий тематический блок также связан с двумя первыми. Это исследования средневековых керамических изделий, которые могут выступать важнейшим археологическим источником по истории производств и связей различных регионов. Статьи О. В. Кузнецовой и И. Б. Тесленко решают именно эти задачи, а по сути, направлены на освещение материальной специфики двух регионов Монгольского государства.

Таким образом, представляемый сборник пытается решить три важнейшие задачи исторических исследований Византии, Генуэзской Газарии и Золотой Орды. Задача первая: широкий территориальный охват статей историко-топографического блока позволяет увидеть специфические особенности функционирования как всего Золотоордынского государства, так и его локальных регионов, и все это в широком проблемном историографическом контексте. Вторая задача, которую решает данный сборник, — показ новых подходов к историческим сюжетам и источникам по истории восточноевропейского средневековья. Третья задача — демонстрация возможностей интеграции разных типов источников при исследовании широких исторических проблем.

Надеемся, что предложенный формат и тематика сборника будут полезны коллегам, получат их одобрение, и нам удастся сделать это издание продолжающимся.

С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков

Introduction

The articles in this volume titled *The Genoese Gazaria and the Golden Horde* focus on the period of 13th—15th centuries, when vast lands spanning from the Danube to the Urals — a huge territory for the Middle Ages — saw evolvement and active development of a state ruled by a Mongol dynasty. At the same time, the Pontic possessions of the declining Byzantine Empire saw evolvement of a new West-European formation founded by the Genoese Republic, which is known to the academic circles as Genoese Gazaria.

The thirteenth century was marked by some dramatic political changes in the South-Eastern Europe. The changes were connected with a number of events: emergence of the Mongol state, rebirth of the Byzantine Empire in 1261 when Emperor Michael VIII, following the Treaty of Nymphaeum, allowed the Genoese to lead free trade on the Black Sea and offered them some commercial privileges. Thus, Western European merchants started coming to the Black Sea region and built their trading settlements known as *factories*. That is how the Asian terrestrial and the European maritime trade routes met in the Northern Pontic area; the latter turned into a crossroads with streams of goods coming from the West and the East. Further historical events were determined by these states and their successors — the Golden Horde, followed by the Crimean, Kazan and Astrakhan khanates; the Greek Trabzon Empire, then by the Feodoro Principality, the Genoese and the Venice Republics.

Although history and culture of the Golden Horde is seemingly well researched, the main generalizing monographs were written in the middle of the last century, while modern papers are either locally focused, i.e. discussing some separate regions, or dedicated to a folk group inseparably connected with the Golden Horde time.

The first attempt to combine historical-geographic and archaeological studies of Jochi's Ulus was undertaken by V.L. Egorov in his monograph "Historical Geography of the Golden Horde in 13th—14th cc." published in 1985. Ever since, the Golden Horde artefacts have been actively studied, with new relevant texts offered for the academic research.

We hope our volume will be seen as the first step towards an overarching summarized work on history and archaeology of South-Eastern Europe in 13th—14th cc. in view of the now available sources. It contains articles prepared by nineteen researchers from Russia, Ukraine, Moldova and Kazakhstan on history and archaeology of Byzantium, the Golden Horde and the Genoese Gazaria in 13th—15th cc. and their successors in 16th—18th cc.

The book has four sections: Genoese Gazaria, Golden Horde, Byzantium post Byzantium and Sources. The articles in these four sections can be grouped into the following thematic blocks.

The first block is about historical geography of some regions in Eastern Europe. Each paper in this block follows its own scenario in accordance with the traditional approach to studies of a given territory. That is why some of them focus rather on archaeology and study specific artefacts in a particular region in the context of its past, as well as histories of some peoples with their own cultures within the Golden Horde. These include articles by M.V. Elnikov, E.E. Kravchenko, E.M. Pigarev, K.A. Rudenko, Yu.A. Zeleneev. A few contributions within the same thematic block are dedicated to historical and ethnic topography of some cities or forts, whose story can illustrate the history of a vast region. These are papers written by A.N. Maslovsky, N.D. Russev, A.G. Sitdikov, S.G. Bocharov and D.A. Kubankin. O.A. Ilyina's article treats some topical historiographic aspects of the history of the Lower Volga region within the borders of the modern Volgograd Oblast. L.V. Yavorskaya's contribution is a study of economic geography of the Volga region. Each of the abovementioned papers formulates its own issues, addresses them by involving various groups of sources, and thus offers new accounts and concepts for discussion. Most importantly, this thematic block embrac-

© S. Bocharov, A. Sitdikov, 2015.

es almost all main territorial formations of the Golden Horde and considers their typical features.

Another big thematic block is closely connected with the previous one. The studies focus on analysis of historical precedents in the past of Byzantium and the Golden Horde. The authors often polemicize their discussions, however one can observe their tremendous effort behind and careful selection of sources and views. They use a big variety of sources — archaeological, epigraphic, architectural-archaeological, cartographic, as well as written accounts. This thematic block includes articles by A. G. Emanov, V. L. Myts, V. P. Kirilko and all of I. V. Volkov's contributions published in this volume. Discussions of this kind give a new turn to historically established ideas about some stages or events in the history of the Byzantine Empire, the Genoese Gazaria or the Golden Horde, and thus also contribute towards achievement of the main objective of the previous thematic block.

The third thematic block is also connected with the previous two. It comprises studies of medieval ceramic products which can be used as a very important archaeological source on history of industries and relations with different regions. O. V. Kuzentsova's and I. B. Teslenko's articles are a good example of such studies, while they, in fact, focus on material features of two regions in the Mongol state.

Thus, the present volume is an attempt to address three major objectives of the historical study of Byzantium, the Genoese Gazaria and the Golden Horde. Number one: a vast territorial coverage of the articles in the historical-topographic block enables us to find specific functions of the Golden Horde as such and its local provinces, while putting them in a broad historiographic context. The second objective addressed in this volume is about showing new approaches to historical subjects and sources on history of Eastern Europe in the Middle Ages. The third objective is to demonstrate how different types of sources can be integrated into research of extensive historical problems.

We hope that the suggested format and topics of this volume will be useful to our colleagues and enjoy their approval. We also hope to make it a serial publication.

Sergei Bocharov, Ayrat Sitdikov

Генуэзская Газария

Genoese Gazaria

Н. Д. Руссев

Nicolaj Russev. Doctor Habilitat of History. High Anthropological School University [1].

Руссев Николай Дмитриевич. Доктор хабилитат истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: nrussev@mail.ru

Address: [1] Zimbrului St., 10a, Kishinev, MD-2024, Moldova

Два варианта городской истории средневекового Причерноморья — Белгород и Олешье

Keywords: domination of the Golden Horde, Byzantium, Moldova, Belgorod, Oleshye, Bulgarians, Genoese, international sea trade, Ottoman expansion.

Ключевые слова: господство Золотой Орды, Византия, Молдавия, Белгород, Олешье, болгары, генуэзцы, международная морская торговля, османская экспансия.

N. D. Russev

Two Variants of the Urban History of Medieval Black Sea Region — Belgorod and Oleshye

Relying on written sources, the author considers the fate of two towns from the Black Sea region — Belgorod and Oleshye.

In the "pre-Mongolian" period, the two towns did not display any close relationship, because by the end of the 10th century, the town located in the mouth of the Dniester River and historically connected with the right bank of the Danube had already completed a whole stage in its history, while the town near the Dnieper, which played an important role in relations between Medieval Russia and Byzantine Crimea appeared only in the 11th century.

By the end of the 13th century, under the rule of Mongolian governor Nohay, Belgorod saw a revival of Byzantine traditions and became an important obstacle on the way of the Italians spreading into this region. At the same time, Oleshye (Illiche) was in declining state. Only in the second half of the 14th century, the settlement attracted the Genoeses as a port in which it was possible to buy considerable amounts of food.

In the last quarter of the 14th century, Moldova forced the Golden Horde out of the Dniester basin. In Belgorod (Asprocastro), the Greeks took leading positions. In the conditions of instability of 1432—1457, the autonomy of the city increased so much that the local community started running independent business with Italians and even Ottomans.

The expansion of the Great Duchy of Lithuania towards the Lower Dnieper region broke the former tenor of life and led Illiche to decline. Only in 1440—1450 the life here became more active as the Mongols and Genoeses re-established their partner relations.

The collision between Caffa and Belgorod, with the castle of Illiche just in the center of it, provoked irreparable damage to the urban life in the Lower Dnieper region. In the conditions of Ottoman rule established in the region in 1475—1484, Illiche never revived, and Belgorod (Akkerman) got an entirely new appearance.

Н. Д. Руссев

Два варианта городской истории средневекового Причерноморья — Белгород и Олешье

В статье на материалах письменных источников рассмотрена судьба двух городов Северо-Западного Причерноморья — Белгорода и Олешья.

В «домонгольский» период они мало соприкасались друг с другом, поскольку центр в устье Днестра, исторически связанный с правобережьем Дуная, к концу X в. уже завершил целый этап своей истории, а приднепровский город, занявший важное место в отношениях Древней Руси и византийского Крыма, в XI в. только появился.

К концу XIII в. под властью монгольского правителя Ногая в Белгороде возродились византийские традиции, ставшие серьезным препятствием на пути устремившихся сюда итальянцев. В то же время Олешье (Илличе) пребывало в упадке. Только во второй половине XIV в. поселение привлекло генуэзцев в качестве порта, в котором можно было закупить значительные объемы продовольствия.

В последней четверти XIV в. Молдавия вытеснила ордынцев из Поднестровья, а в Белгороде (Аспрокастро) лидирующее положение заняли греки. В условиях нестабильности 1432—1457 гг. автономия возросла настолько, что городская община стала самостоятельно вести дела с итальянцами и даже османами.

Экспансия Великого Литовского княжества в низовья Днепра нарушила прежний уклад жизни, что привело к угасанию Илличе. Только в 40—50-х гг. XV в. жизнь здесь активизировалась, поскольку были восстановлены прежние партнерские связи ордынцев и генуэзцев.

Столкновение Каффы и Белгорода, эпицентром которого стал замок Илличе, нанесло непоправимый удар по городской жизни в Нижнем Поднепровье. В условиях османского господства, установленного в регионе в 1475—1484 гг., Илличе больше никогда не возродился, а Белгород (Аккерман) приобрел совершенно иной облик.

© Н. Д. Руссев, 2015.

О судьбах городской жизни в причерноморской полосе, связывающей два издревле цивилизованных района — Нижнее Подунавье и Крым, за последние полтора столетия написано много. В известных публикациях чаще всего фигурируют два средневековых города, в русскоязычной историографии обычно именуемые «Белгород» и «Олешье». Их, так или иначе, вписывают в историю Древней Руси и ее отношений со странами Черноморско-Средиземноморского бассейна. Тем не менее, необходимо сознавать, что внятные научные представления о своеобразии региональной истории эпохи все еще не сложились. Это объясняется как разрозненностью источников, так и отсутствием сравнительной оценки эволюции городских реалий, имевшей место на хронологическом отрезке продолжительностью более чем в пятьсот лет.

Если с позиций современных знаний обобщающего характера попытаться выделить некоторые ступени исторического развития края, то неизбежно возникнут картины сменяющих друг друга периодов:

1) до 40-х гг. XIII в. — «домонгольский»;

2) до последней четверти XIV в. — «ордынский»;

3) до 1475/1484 гг. — «постордынский»;

4) до конца XVIII — начала XIX вв. — «османский».

Названия этапов приведены в кавычках, поскольку широко распространены в научных публикациях, откуда и взяты. Причем, если второе и четвертое из них ясно обоснованы, то за словами «домонгольский» и «постордынский» прячется плохо скрытое незнание (его легко распознает даже компьютер, подчеркивающий красными чертами эти аморфные и неадекватные определения).

В предлагаемой читателям работе на примере двух населенных мест, описанных у средневековых авторов под разными именами, рассматриваются вопросы городской истории Северо-Западного Причерноморья X—XV вв. Задача состоит в том, чтобы сквозь совокупность сведений увидеть направленность линий развития Белгорода и Олешья на длительном отрезке времени. Как представляется, это будет способствовать преодолению хотя бы части сложностей, характеризующих современную историографию проблемы.

1. Белые пятна на фоне темных веков

Проблема городских традиций Поднестровья — Поднепровья, во времена, предшествующие завоеваниям хана Бату, а также о возможность их генетических связей с городами более позднего времени интересует исследователей давно. Такого рода сведения малочисленны и хорошо известны, но все же заслуживают нового рассмотрения.

Первые данные о городах связываются с племенами тиверцев, которые в IX—X вв. обитали по обе стороны от Днестра до самого моря, а также на землях, примыкающих к Дунаю. «Повесть временных лет» указывает на факт их существования еще в начале XII в.: «И суть грады их до сего дне» (ПВЛ 1960: 14; ПСРЛ 1962: 13).

В какой-то мере это стыкуется с сообщениями византийцев. Судя по трактату «Об управлении империей», приписываемому Константину VII Багрянородному (945—959), прибрежный мореходный маршрут на Константинополь к середине X в. был хорошо освоен. От Киева однодревки «росов» спускались по Днепру к устью реки, где на острове Св. Эферия воины 2—3 дня отдыхали и готовились к дальнейшему плаванию. В пути, прежде чем подойти к Дунаю, они обычно находили убежища у рек Днестр и Аспрос. При этом до дунайского рукава Селина за ними по берегу неотступно следовали «пачинакиты» — печенеги, кочевавшие тогда в степях Северного Причерноморья. В другом пассаже того же сочинения перечислены шесть пустых крепостей на правой стороне Днестра, «в краю, обращенном к Булгарии, у переправ через эту реку». Пять топонимов звучат по-тюркски, но «первая крепость названа пачинакитами Аспрон, так как ее камни кажутся совсем белыми». В тексте уточняется, что за стенами древних укреплений «обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике, поэтому кое-кто сохраняет предание, что ромеи некогда имели там поселение». Река Аспрос и крепость Аспрон, имеющие наименования с общей греческой основой со значением «белая», связываются с местами слияния Днестровского лимана с морем и средневековым Белгородом[1] (Константин Багрянородный 1991: 51, 157, 328, 391).

Скорее всего, в землях между устьями Дуная и Днепра происходили военные действия X в., о которых известно из т.н. «Записки греческого топарха». Большинство ученых согласны с локализацией отдельных сообщений византийского военачальника, хотя конкретно-исторические интерпретации

[1] В средневековых источниках различного происхождения город известен под многими названиями (см. далее).

отрывочных черновых набросков анонимного автора, включая точную датировку событий, противоречивы. Источник называет два подвластных империи поселения, которые были разорены варварами. Одно из них — Борион — находилось в устье Днепра, а другое — Маврокастрон — в сущности, одноименно средневековому городу, располагавшемуся на правом берегу Днестровского лимана. Из текста следует, что подданные вражеского правителя, «царствующего к северу от Дуная», опустошили более десятка городов и не менее 500 сел. В одной из полуразрушенных крепостей византийский отряд, состоявший из нескольких сот воинов, остановился и быстро отстроил ее укрепления. В это время разбежавшиеся жители «безымянного» города стали возвращаться. Затем собрание местной знати, похоже, более всего стремившейся «к автономии», вынесло решение подчиниться агрессивному противнику (то ли болгарскому царю, то ли киевскому князю) и склонило на свою сторону топарха. Ромейский предводитель, заботясь о сохранении владений империи, лично отправился просить о мире «гордого своей силой» варвара, который вернул ему управление над всей областью и соседними землями. Когда византийский отряд прибыл в Борион, его жители отнеслись к грекам радушно как к своим близким[2] (Левченко 1956: 302—309; Божилов 1979: 40—47, 57—71; Сахаров 1982: 112—127). По всей видимости, двуименный город — Аспрон и Маврокастрон — перестал существовать еще в X в. (Полевой 1979: 67).

Не менее интересны сообщения о северо-западном побережье Черного моря арабского географа середины XII в. ал-Идриси. В составе одного из дорожников, включенных в его труд, содержится описание судоходного пути от Константинополя до Тмутаракани. На нем отмечена пристань у «устья реки Данастр», которой двигавшиеся с Дуная моряки достигали за один день плавания. Хотя название приднестровского пункта в тексте не указано, он вполне уверенно соотносится с поселением на месте современного Белгорода-Днестровского. «На восточной стороне устья» Днепра автор поместил город Мулису, при этом «в устье реки Данабрис», всего в одной миле от берега, у него отмечен город Улиски. Этот район с одной стороны был связан по реке с русскими городами, включая Киев, а с другой стороны — с крымским Херсонесом, расстояние до которого составляло один день плавания. Исследования показали, что наименования «Мулиса» и «Улиски» почерпнуты из разных источников, но относятся к одному населенному пункту. Единственный город того времени в устье Днепра — это «Олешье» русских летописцев, название которого в искаженных арабской речью вариантах вошло в труд ал-Идриси (Коновалова 1999: 126, 132, 153, 154, 161, 162).

Южнорусский летописный свод содержит несколько упоминаний об Олешье, датированных концом XI — первой четвертью XIII вв. Считается, что «после печенежской бури» и ослабления Византии город оказался в зависимости от киевских князей и служил приморским портом столицы Древней Руси (Грушевський 1994, I: 242; 1992, II: 517—518). Самое раннее сообщение относится к 1084 г., когда один из князей захватил Олешье и ограбил «гречников» — купцов, торговавших с греками, или собственно византийских негоциантов. Под угрозой оказались важные для Руси международные экономические связи, поэтому великий киевский князь Всеволод Ярославич предложил в обмен на портовый город целую волость в районе современного Ровно (ПСРЛ 1962: 196; Толочко 1975: 15).

В следующий раз Олешье отмечено только 70 лет спустя. Осенью 1153 г. Мстислав Изяславич, сын великого князя, встречал в устье Днепра свою мачеху с Кавказа (ПСРЛ 1962: 465). Очевидно, это был привычный путь для делегаций, направлявшихся в Киев из причерноморских стран. Не случайно в 1164 г. здесь пребывали ехавший из Константинополя в Киев новый митрополит и сопровождавший его посол византийского императора. В Олешье их застал представитель Ростислава Мстиславича, направленный в византийскую столицу, чтобы воспрепятствовать этому назначению (ПСРЛ 1962: 522). Под 1160 г. во время борьбы Рюриковичей за Киев Олешье разгромили берладники. Воеводы того же Ростислава догнали их на челнах уже в низовьях Дуная; неприятель был уничтожен, а пленники отбиты (ПСРЛ 1962: 505).

Экономическое значение порта в устье Днепра, по всей видимости, было вели-

[2] Взгляд на «Записку» как фальшивку начала XIX в., обстоятельно разработанный в наше время И. Шевченко (Ševčenko 1971: 117—188) и активно поддержанный в последнее десятилетие И. П. Медведевым (2003; 2007), до сих пор находит существенные возражения у сторонников подлинности источника (см., например, Харитонов 2003). К тому же в данном случае исход дискуссии не может повлиять на общую интерпретацию исторической ситуации.

ко и для Юго-Западной Руси. Так в голодном 1213 г. «лодья из Олешья» доставили по Днестру во владения Даниила Галицкого рыбу и вино (ПСРЛ 1962: 735; Грушевський 1995, VI: 26). Согласно другому известию, накануне битвы на Калке русское войско, двигавшееся по степи навстречу монголам, остановилось на Днепре, «не дошедше Олешья» (ПСРЛ 1856: 130). Из летописей следует, что южный приморский город в XI—XIII вв. являлся для Руси узловым пунктом международных связей, центром транзитной торговли (особенно с Византией) и рыбных промыслов (Грушевський 1992, II: 17; Толочко 1975: 15).

Вопрос о существовании накануне монгольского завоевания поселения на берегу Днестровского лимана позволяют ставить только косвенные данные. Движение в первой четверти XIII в. по маршруту, связывавшему устья Днепра и Днестра, отражено в тексте Ипатьевской летописи дважды. Кроме рассмотренного свидетельства 1213 г., известен факт участия в битве на Калке 1223 г. «галицких выгонцев», которые на 1000 челнах спустились по Днестру, морем дошли до Днепра и поднялись вверх по реке до порогов (ПСРЛ 1962: 742). Такое сложное путешествие вряд ли могло быть успешным при отсутствии в устье Днестра пристани и поселения, где многотысячный отряд мог подготовиться к выходу в море.

2. Времена ханов

В эпоху Золотой Орды данные о поселениях региона становятся более регулярными, но довольно редко пространными. Правда, возникает вопрос: могли ли пережить города потрясшее Европу монгольское нашествие? По данным персидского историка Рашид ад-Дина, возвращаясь в 1242 г. из похода в Европу, полководец Бату Кадан «дорогою после многих битв» взял на правобережье Дуная болгарскую столицу Тырново и город «Кыле» — Килию в дельте реки (Тизенгаузен 1941: 38; Decei 1978: 207). Высказано предположение, что в таком случае разграбления не избежал и Белгород (Параска 1981: 29). Если город и в самом деле стал жертвой завоевателей, то его подчеркнутая безымянность в одних источниках, а равно и полное молчание о нем других памятников письменности указывают на местное значение предшественника знаменитого нижнеднестровского центра следующих эпох. Об Олешье даже косвенных сведений нет. Вероятно, поэтому считается, что в условиях ордынского господства город пришел в упадок (Грушевський 1995, VI: 9).

Со второй половины XIII в., прежде всего благодаря генуэзцам, в практику судовождения стали входить навигационные карты и портоланы (Коновалова 1983: 35—37). Их добротные сведения, ориентировавшие мореходов в трудных путешествиях, давно привлекли внимание исследователей исторической географии Северного Причерноморья (Брун 1879: 72—93 и др.). Современные разработки показали, что суммарная топонимическая нагрузка прибрежной части междуречья Дуная и Днепра устойчива и сравнительно невелика (Тодорова 1989: 173—175; Фоменко 2001: 51—55).

Почти на всех картах XIV—XV вв. выделяется только один пункт в устье Днестра — «Маурокастро» или «Монкастро». Эти названия обычно написаны красными чернилами, которые отмечали только крупные порты. Над Маурокастро порой развевается флаг с джучидской тамгой — знаком политической принадлежности города. Кроме того, на береговой линии между Дунаем и Днестром встречаются надписи черными чернилами: «Салине» и «Фалконаре». Одна характерна для мест добычи соли, а за другой скрывается мыс в форме «клюва сокола» или угодья, подходящие для соколиной охоты (Коновалова 1983: 42—44; Димитров 1984, карты 4, 5 и др.; Тодорова 1989: 173).

К востоку от Днестра топонимическая номенклатура более многочисленна. Наиболее примечательно то, что название Днепра — «Элексе» — нередко дублируется. Двойная фиксация, известная также для нижнедунайских Вичины и Ликостомо, совершенно определенно указывает на существование в устье реки одноименного поселения. Действительно, согласно древнейшей итальянской лоции Черного моря во второй половине XIII в., суда покидали дельту Дуная и шли прямо к устью Элексе, минуя Днестровский лиман (Димитров 1984: 32—33; Коновалова, Перхавко 2000: 212—213).

Что стоит за названиями «Джинестра», «Флор де лис», «Барберексе», «Гроте де тоно», «Порто Бо», сказать гораздо сложнее. По всей вероятности, они обозначали бухты, где можно было укрыться от шторма, стать на ночлег, поправить такелаж, запастись пресной водой или продовольствием. Этимология топонимов свидетельствует о прекрасном знании средневековыми штурманами природы края (рельеф, флора, фауна и т. п.), но редко дает основания для суждений о самом факте существования поселения и тем более об его характере.

* * *

Временная дезурбанизация имела место почти во всех областях оседлой жизни, вошедших в состав западных владений Чингисидов. На правом берегу Нижнего Дуная новый подъем городов произошел в последней четверти XIII в., когда в Исакче находилась ставка Ногая. Отсюда всесильный темник установил со многими странами тесные политические и экономические связи, особенно разветвленные в Причерноморье. Благодаря этому, в дунайских низовьях стали обосновываться генуэзцы. Центром их деятельности являлась Вичина, объемы торговли которой в 1281 г. превысили обороты Каффы (Brătianu 1935: 148—174; Тодорова 1981: 221—222).

Именно во времена Ногая появляются достоверные сведения о Белгороде. Впервые имя этого города в форме «М. Кастро» отмечено на т. н. Пизанской карте конца XIII — начала XIV вв. (Коновалова 1983: 39, 43). Тогда же город попал в поле зрения генуэзских торговцев. Одним из нотариальных актов Каффы 1290 г. оформлено получение кредита серебром для реализации в районе «Мальвокастро» (Brătianu 1935: 176—177; Balard 1973: 203). Этот документ политическую принадлежность города не зафиксировал, но косвенно на ордынское господство указывают обращавшиеся здесь «аспры-барикаты» — джучидские дирхемы.

Сложная ситуация возникла после ликвидации западного политического центра Улуса Джучи. В Белгороде произошли столкновения между генуэзцами и болгарами, из-за которых республика Св. Георгия в 1316 г. запретила генуэзцам ведение торговых операций в землях «Федиксклавуса», то есть болгарского царя Теодора Светослава (1300—1322). Для возобновления отношений комиссия «восьми мудрых» потребовала возместить ущерб, причиненный итальянцам болгарами в Мавокастро. Когда попытки урегулировать конфликт провалились, власти Генуи санкционировали грабежи подданных «императора Загоры» — Болгарии (Гюзелев 1995: 103—108).

Происшествие, не находящее однозначного толкования историков (Spinei 1982: 172—175), скорее всего, указывает на двойное подчинение Белгорода в первые десятилетия XIV в. (Brătianu 1926: 153—167; Ников 1929: 136—141; Коновалова, Руссев 1988: 38—40; Руссев 1999а: 88—90). Этот факт находит подтверждение в документе о «братьях миноритах, замученных в Тартарии» около 1307—1329 гг. Среди погибших францисканцев значится и Анджело де Сполето, убитый болгарами в «Мауро Кастро» (Golubovich 1913: 72, 102). Показательно, что на картах XIV в. земли между Дунаем и Днестром находятся либо под властью Чингисидов, либо — Золотой Орды и Болгарии (Коновалова, Руссев 1988: 41—42).

Арабские авторы знали Белгород под именем «Акджа-Керман». По энциклопедии, завершенной в 1321—1331 гг., это небольшой город в стране «болгар и тюрок», а его обитатели — «мусульмане и неверные» (Aboulfeda 1848: 40—41, 316—317; Коновалова 1991: 70; Коновалова, Перхавко 2000: 210). Согласно другому автору, Акджа-Керман «связывал Болгарию с основной страной тюрков» (Поляк 1964: 34—35, 51). Третий энциклопедист в 1338 г. записал рассказ купца, возвратившегося из Золотой Орды, «в которой он, заехав далеко, добрался до Акджа-Кермана и страны Булгарской». Со слов очевидцев, в число пограничных пунктов Улуса Джучи включен Белгород, причем владения ордынцев распространялись далее на запад — «до реки Дуная» (Тизенгаузен 1884: 235—237; Коновалова 1991: 77).

Приведенные факты свидетельствуют, что после расправы с Ногаидами, в которой важную роль сыграл Теодор Светослав (Тизенгаузен 1884: 117), хан Токта передал зависимому болгарскому царю управление оседлыми землями Причерноморья от Дуная до Днестра вместе с Белгородом. Западные пределы остались под контролем Золотой Орды, но напряжение между местной средой и Сараем удалось на время ослабить (Коновалова, Руссев 1988: 42—43).

Для характеристики положения города в последующие годы ценные сведения содержит славяноязычное сочинение о мученике Иоанне Новом (Яцимирский 1904: 467; 1906: 3—11, 29; Русев, Давидов 1966: 90—109). Оно повествует о богатом греческом торговце из Трапезунда, прибывшем в Белгород на судне некоего «фряга» — очевидно, итальянца. Завистливый католик клеветнически заявил управлявшему городом «персу», что купец желает принять его веру. На суде правителя трапезундец решительно отказался стать вероотступником. Подвергнутый истязаниям Иоанн умер, а его останки стали православной святыней. Записанная в начале XV в. полулегендарная история отразила период, когда более чем 70 годами ранее город находился во власти язычника, непосредственно подчиненного хану (см.: Руссев 1997: 127—162). Таким образом, во второй четверти XIV в. Белгородом безраздельно руководил ставленник сарайской администрации.

Нотариальные акты Килии 1361 гг. отметили в прилегающих к дельте Дуная землях три «тысячных» улуса (Pistarino 1971: 16, 22, 175), возможно, входивших в один тумен. Подобные кочевые владения, несомненно, существовали и в окрестностях Белгорода. Когда с началом внутренних распрей окраины перестали подчиняться хану, приднестровский город, вероятно, покорился одному из крупных кочевых аристократов. В частности, им мог быть Кутлубуга, чье имя зафиксировано в письменных источниках и средневековой гидронимике края (Руссев 1999б: 388—390; ср.: Spinei 1982: 274—275).

* * *

Взаимодействие различных этнических и религиозных групп в значительной мере определяло специфику структуры золотоордынского общества. Вплоть до своего развала Улус Джучи оставался окончательно не сложившимся, многослойным организмом (см.: Бырня, Руссев 1988: 147—152). Разнообразие ремесленной и купеческой специализации в сочетании с этнической и религиозной пестротой резко увеличивало разветвленность корпоративных интересов. Многоликость Белгорода объясняется и его географическим положением на стыке этнокультурных миров Евразии.

Собственно ордынцы, упоминающиеся в письменных свидетельствах о Белгороде чаще других групп населения, не были однородными. Хотя в нотариальных актах Килии 1360—1361 гг. отмечен общий для них «команский язык», внутри этой языковой общности значатся «татары», «сарацины» и «монголы» (Balard 1980: 98—99, 107; Pistarino 1971: 24, 22, 103, 175—176).

Название «сарацины», очевидно, указывало не на этническую, а на религиозную принадлежность этой части обитателей Маокастро. В самом деле, не только язык, но и имя «Тандис» выдают в одном из них тюркское происхождение (Balard 1980: 98). С настоящими сарацинами-арабами таких людей роднило лишь мусульманство, получившее широкое распространение в Орде при Узбеке.

О проживании в Белгороде сторонников языческого шаманизма говорит житие Иоанна. Они прославляли «светозарное солнце», служили огню, поклонялись Венере и приносили жертвы небесным светилам. Сам правитель города показан как «горячий хранитель унаследованных от отцов заблуждений». Очевидно, подразумевается язычество монголов, в число приверженцев которого входил даже «царь» (Яцимирский 1906: тексты — 4—5; Русев, Давидов 1966: 92, 94). Речь может идти о представителях верхушки кочевой аристократии, особенно долго сохранявшей традиционные верования.

И все же в Улусе Джучи преобладали кочевники, в обиходе именовавшиеся «татарами». Среди горожан известны и рабы из степи — в основном это девочки-подростки и молодые женщины в возрасте от 13 до 22 лет. Одна такая невольница была привезена из Маокастро и продана в Килие одному из генуэзцев (Balard 1980: 98).

Ордынцев Белгорода, кроме социального статуса, отличали религия и этническая принадлежность. Одни из них приняли мусульманство, другие оставались язычниками, третьи вольно или невольно переходили в христианство (Balard 1980: 36, 39). Хотя общий тюркский язык свидетельствует о развитии ассимиляционных процессов, разные этнические определения указывают на сохранение самосознания отдельных общностей.

Западный вектор в Мальвокастро впервые отмечен в 1290 г. торговой активностью итальянцев. Уже в 1320 и 1334 гг. в городе существовал францисканский монастырь (Golubovich 1913: 266—268). Однако постоянное проживание здесь большого числа католиков выглядит маловероятным. Присутствие болгар, поддерживаемых до поры властями и конфликтовавших с «латинянами», по всей видимости, исключало возможность существования на правом берегу Днестровского лимана генуэзской колонии.

Неопровержимые сведения о белгородских итальянцах появляются только после середины XIV в. Имена четырех таких жителей Маокастро отмечены в документах килийского нотария весной 1361 г., когда они занимались вывозом зерна из района дельты Дуная в Константинополь. Итальянцы, судя по их именам (например, «Леонардо из Порту, житель Маокастро»), еще не оторвались от родных мест и, возможно, являлись белгородцами в первом поколении (Pistarino 1971: 43, 62).

Сообщения о болгарах приходятся на время Теодора Светослава, правившего в Белгороде под контролем Золотой Орды (Коновалова, Руссев 1988). Ликвидация власти Болгарии вряд ли означала полную утрату ее этнического присутствия. О связях приднестровского центра с Болгарией говорит факт продажи в Килие в феврале 1361 г. жителем Маокастро Иоанном более тонны «меда из Загоры» (Pistarino 1971: 24). Только традиционные тесные отношения объясняют

деяельность белгородца, скупавшего в селениях соседней страны мелкие партии товара и тут же перепродававшего его заморским торговцам.

Власть болгар в Белгороде, очевидно, имела и религиозные последствия. Уже в 1303 г. была создана «епископия Аспрокастрона», существовавшая и в 1345 г. во главе с владыкой Кириллом (Giurescu 1967: 201—202). Православные люди пережили в Белгороде ордынцев, иначе память не сохранила бы до XV в. историю Иоанна из Трапезунда.

Отдельные слова жития, вроде «епарх», наводят на мысль о первоначальном звучании повести на греческом языке (Яцимирский 1906: тексты — 4 и др.; Русев, Давидов 1966: 92 и др.). О значимости местной греческой общины свидетельствует и эллинское наименование города «Асперо Кастро», отмеченное нотариальным актом из Килии в 1360 г. В документах того же нотария фигурируют жители Маокастро — гречанка-невольница Мария, а также обладатели типично греческих имен торговцы Теодор Осгораги и Яне. К ним может быть отнесен и «житель Маокастро Иоаннис из Трапезунда» (Pistarino 1971: 52, 62, 63; Balard 1980: 85).

Среди обитателей Белгорода были и евреи. Насколько можно судить по рассказу об Иоанне Новом, они, вероятно, составляли замкнутую торгово-ремесленную общину. Ношение оружия прямо указывает на значительную степень свободы белгородских иудеев (Яцимирский 1906: тексты — 9; Русев, Давидов 1966: 104).

Белгородец Иоанн «из Арзероно», то есть из Эрзерума на территории исторической Армении, вероятно, был армянином. Наблюдающееся в Килии сотрудничество торговцев по этно-конфессиональному признаку подтверждается и в данном случае: Иоанн являлся партнером армянина Саркиса (Pistarino 1971: 24—25).

* * *

Отношения различных категорий горожан выявляют особенности общественной жизни ордынского Белгорода. Участники конфликтов четко разделяются на православных и католиков. Их соперничество за определенную социальную нишу очевидно, но это не борьба «на выживание». Они худобедно сосуществовали, в храмах продолжались службы, а запрет 1316 г. на вывоз и ввоз товаров вскоре сняли (Гюзелев 1981: 188). Противостояние в Белгороде велось на «нижних этажах» общественной пирамиды, и поэтому социальные группы, добивавшиеся относительно лучшей позиции, так или иначе, оставались под прессом третьей силы — ордынцев. Вовсе не случайно и то, что убитый в Маурокастро болгарами минорит отнесен к числу жертв, «замученных в Тартарии» (Golubovich 1913: 72).

На статус монголов проливает свет история Иоанна Нового. «Епарх» Белгорода исполнял множество функций, возложенных на него ханом: командовал гарнизоном, вел судебные разбирательства и был священнослужителем. Пытаясь склонить православного торговца к вероотступничеству, он вступил с ним в религиозную полемику. Весь объем полномочий градоначальника являлся слепком властных прерогатив «царя»-язычника, уменьшенной копией которого он и являлся (Руссев 1991: 12—13).

В понимании епарха Иоанн поплатился за вероломство. Настоящей же причиной трагедии было столкновение сторонников православия и католицизма. Сущность конфликта получилась размытой, поскольку в его эпицентре не было истинных хозяев Белгорода, а судьба Иоанна решалась как бы на периферии круговорота событий.

В конфликте 1316 г. Болгария и Генуя также действовали весьма осторожно. Если это имело место оттого, что «над ними» стояли ордынцы, то понятно, почему болгары избегали переговоров, а итальянцы сначала долго добивались урегулирования отношений, затем объявили серьезные санкции, но скоро от них отказались. Такой зыбкий баланс сил не устраивал ханскую администрацию, поскольку ее богатства зависели от стабильности коммерческих операций. По этой причине при хане Узбеке болгарского вассала отстранили (Гюзелев 1995: 31), и положение Белгорода перестало быть двояким.

Из рассказа об Иоанне Новом видно, что белгородские евреи жили компактно. Когда лошадь притащила тело мученика к «иудейским жилищам», их обитатели улюлюкали и бросали в него все, что попадалось под руку. Один еврей выбежал с мечом и отсек трупу голову, другой — пытался стрелять в него из лука (Яцимирский 1906: тексты — 8—9; Русев, Давидов 1966: 102, 104). В таком поведении выражалась откровенная поддержка действий «епарха». Однако, в отличие от христиан, иудеи претендовали скорее на лояльность властей, а не на роль ведущей силы в городе.

Специфика отношений, складывавшихся в Белгороде, состоит в «двойной сословной стратификации» — для завоевателей и для завоеванных, которая в условиях монголь-

ского господства особенно ярко проявилась в Китае. Там в 1280—1367 гг. сосуществовали четыре разряда сословий. Завоеватели, разумеется, принадлежали к высшей касте, в которую входили знать, военное и гражданское чиновничество, простонародье, но отсутствовали «подлые сословия» (Илюшечкин 1986: 53). Борьба болгар, греков и итальянцев в Белгороде, очевидно, велась за статус «союзника», наиболее приближенный к завоевателям. Его в начале XIV в. добились болгары, когда Теодор Светослав помог Токте покончить с Чакой. При Ногае и Узбеке на это претендовали греки. Не случайно отношения обоих с Константинополем связывали браки с византийскими принцессами (Насонов 1940: 41—44; Тизенгаузен 1884: 294—295). Установить союзнические отношения с ордынскими ханами стремились и итальянцы, однако в Белгороде этому препятствовали сильные позиции православной прослойки.

В Золотой Орде XIV в. началось срастание части кочевой аристократии с городской верхушкой. На другом полюсе находились рабы и подобный им зависимый люд. Несколько выше стояли мелкие собственники — ремесленники (Федоров-Давыдов 1973: 76—88; Илюшечкин 1986: 45—46). Ордынцы Белгорода не являлись исключением — среди них отмечены «епарх», работорговцы из «сарацинов», рядовые воины, рабыня-татарка. Подобным образом в числе греков источники называют не только купцов, но и невольницу (Balard 1980: 84—85, 98).

Распад Золотой Орды пошатнул устойчивое развитие ее оседлых районов, поскольку города и кочевые степи в социально-экономическом отношении были «мало и поверхностно связанными друг с другом» (Федоров-Давыдов 1976: 48). Этим пытались воспользоваться разнородные группы населения, которые могли реализовать свой социальный потенциал только при благоприятном стечении исторических обстоятельств.

Существует мнение, что в середине XIV в. власть в Белгороде перешла от ордынцев к Генуе (Iorga 1899: 38). Однако, в инструкции генуэзского дожа 1351 г. говорится только о сборе средств и провизии для войны с Венецией в Чембало, Вичине и «Махокастро» — не в колониях (Тодорова 1981: 224), а вообще в тех местах Причерноморья, «где есть генуэзцы» (Brătianu 1935: 74—75).

* * *

В развитии международной торговли в Северо-Западном Причерноморье ордынской эпохи большое значение имели два события: создание второго политического центра Улуса Джучи и восстановление Византийской империи. Получившие в 1261 г. монопольные права на черноморскую торговлю генуэзцы нашли благоприятные условия для своей деятельности в подвластных Ногаю низовьях Дуная и Днестра (Левченко 1956: 513—515; Гюзелев 1995: 35—38). Основным центром генуэзской торговли на Нижнем Дунае в 80—90 гг. XIII в. стала Вичина (Brătianu 1935: 46—57).

Маем 1290 г. датировано получение в Кафе 800 аспров-барикатов, которые взявший кредит генуэзец должен был реализовать в районе Мальвокастро (Balard 1973: 203). Эта небольшая сумма, равная в ценах того времени стоимости 8 вьючных лошадей (Старокадомская 1974: 170), отметила начальный этап торговой деятельности итальянцев на Днестровском лимане. Другой генуэзский документ говорит о корабле, направлявшемся в Белгород в 1294 г. (Brătianu 1935: 102). Венеция в 1292 г. также направила посольство к Ногаю, чтобы договориться об условиях торговли. В случае успеха посол должен был стать консулом республики в его владениях (Коновалова, Руссев 1994: 75—76). Однако в соперничестве с генуэзскими купцами венецианцы потерпели поражение.

В начале XIV в. генуэзская торговля пережила спад из-за изменения политического статуса Дунайско-Днестровских земель (Коновалова 1991: 102; 1994: 109). Итальянцы встретили препятствия со стороны контролировавшего этот район Теодора Светослава. После столкновений в Белгороде генуэзцы в 1316 г. решили даже свернуть торговлю в городах, подвластных болгарскому царю (Гюзелев 1995: 38—39, 103—108).

Однако флорентийское пособие «Практика торговли» свидетельствует, что в 1324—1336 гг. зерно из Подунавья и Приднестровья вновь поступало на рынки Перы и Генуи. В главе, посвященной торговле на Черном море, довольно высоко оценена пшеница «из Маорокастро», вывоз которой очевидно и преобладал в экономике города (Полевой 1979: 68). По качеству она сопоставляется с зерном из Анхиало, которое лишь немногим уступало лучшей черноморской пшенице — каффинской. Белгородский хлеб, качество которого превосходило зерно из Вичины, Варны и «Загоры», обладал еще одним достоинством — он хорошо сохранялся при транспортировке (Pegolotti 1936: 42).

Во времена Узбека Белгород превратился в один из самых известных центров междуна-

родной торговли Северного Причерноморья, что отразили итальянские карты XIV—XV вв. Когда в 1351 г. генуэзский дож собирал средства на войну с Венецией во всем «Великом море», то в числе трех поименно названных городов, чье участие в расходах представлялось необходимым, значится «Монхастро» (Brătianu 1935: 75). В 1357—1361 гг., напротив, необычайно выросли объемы зерна, вывозимого итальянцами из района Нижнего Дуная (Гюзелев 1981: 198, 202; Коновалова 1994: 110).

Белгород, подобно дунайским портам, представлял собой конечный пункт, в который стекалась перед отправкой за море продукция. Пока товар попадал от производителей на склады, он становился объектом не одной сделки — явление, типичное для средневековой торговли. Различное качество пшеницы, вывозимой из Монкастро и из Вичины, показывает, что она не была выращена в одном районе (Полевой 1988: 17; Коновалова 1994: 119—120).

В нотариальных актах из Килии фигурируют только четыре итальянца из Белгорода, в начале апреля 1361 г. грузивших здесь пшеницу для Перы. Двое жителей Маокастро владели на паях судном «Св. Николай», третий служил на нем капитаном, а четвертый — писарем (Pistarino 1971: 43, 52, 59—62). В сентябре 1360 г. местная гречанка выставила на торг в Килие свою соотечественницу, купленную ранее «в Асперо Кастро». Тогда же сарацин из Маокастро продал в нижнедунайском городе молодую рабыню-татарку (Balard 1980: 84—85, 98). Эти факты показывают, что торговые операции разноязыких обитателей Белгорода не ограничивались Приднестровьем (Коновалова 1989: 14—21).

Известно, что в мае 1361 г. генуэзец Элиано Дентуто намеревался отправиться на своем корабле из дунайской Килии в Илличе за солью. Поездка, по всей видимости, сулила немалую выгоду. Поэтому он заранее продал еще не привезенный товар двум соотечественникам по цене 9 соммов за 100 модиев (Pistarino 1971: 133—134). К сожалению, это единственное известное мне событие, относящееся к преемнику Олешья эпохи господства Золотой Орды.

3. Эпоха недостигнутых вольностей

В 70-е гг. XIV в. южная часть Карпато-Днестровских земель на короткое время перешла под власть князя Юрия Кориатовича (Параска 1981: 106). Судя по грамоте 1374 г., подложность которой признают не все исследователи (Советов 1972: 147), этому литовскому князю подчинялся и Белгород. Здесь правил его наместник Якша Литавор, совершивший «храбрые подвиги» в сражении с татарами на Днестре (DRHA 1975: 416).

В том же 1374 г. в Илличе не просто проживало некоторое количество итальянцев, но и находился генуэзский консул (Пономарев 2005: 49, 71, 89). При этом известно, что в 1381 г. город являлся владением некоего ордынца Акбоги, с которым был заключен договор о поставке проса в Каффу. Причалившее в Илличе судно взяло на борт около 400 модиев (112,6 т) проса, за которое было заплачено 70 соммов. Тогда же отсюда в Каффу прибыл посланник с письмами из Ликостомо на Дунае. В 1386—1387 и 1390 гг. отмечено пребывание генуэзцев из Илличе в Каффе и Пере (Iorga 1896: 38; Барабанов 1995: 26).

Сведения о Белгороде 1386 г. содержатся в записях расходной книги Каффы. Из них следует, что в мае в Монкастро «к Константину и Петру воеводе» отправилось генуэзское посольство (Papacostea 1973: 45). Если воевода — это молдавский господарь Петр Мушат (1375—1391), то Константин — правитель города. Его идентифицируют с витязем Костей, удостоверившим в 1395 г. присягу господаря Стефана I (1394—1399) польскому королю (Costăchescu 1932: 611—615; Spinei 1982: 329—330). Из всех печатей представителей высшей знати Молдавии, приложенных к этому документу, только на печати Кости читается греческая легенда (Şimanschi 1980: 151, 156, fig. 18). С другой стороны, нельзя упускать из виду то, что Константином был и один из братьев Кориатовичей, правивший Подольем как раз в 1385—1388 гг. (Білецька 2004: 122). Таким образом, Маокастро к 1386 г. перешел под юрисдикцию Молдавии. Однако Петр Мушат делил власть в городе с названным Константином, который был греком или, с меньшей вероятностью, литовцем, но никак не итальянцем.

Первое прямое упоминание Белгорода как молдавского города содержится в т. н. «Списке русских городов дальних и ближних», составленном в 1387—1392 гг. (Тихомиров 1979: 88) или 1394—1396 гг. (Наумов 1974: 150—157). Список открывается перечислением болгарских и «волошских» (молдавских) городов, среди которых значится и Белгород «на устье Днестра, над морем» (НПЛ 1950: 475; ПСРЛ 1856: 240). С выходом границ Молдавии к Черному морю преимущества ее стратегического положения быстро оценили во многих странах. Именно в Белгороде пересека-

лись политические интересы поляков, литовцев, итальянцев, татар и турок, да и других народов.

В этом плане показателен договор, заключенный в 1412 г. между Венгрией и Польшей. Один из его пунктов предусматривал раздел Молдавии между двумя королевствами так, что Килия отходила венграм, а Белгород — полякам. Стороны условились пойти на это, если молдавский господарь откажется выступить вместе с ними против османов (ОВИМК 1987: 39—40). Тем самым серьезная опасность для приднестровского центра исходила из разных сторон.

Уже осенью 1420 г. гарнизон Белгорода отбил нападение турецкого флота (Ciobanu 1985: 36). В это время в Молдавии правил господарь Александр Добрый (1400—1432), названный в 1421 г. «сеньором Манкастро» (ГЛ 1853: 440). После его смерти страна оказалась в состоянии долгих междоусобных войн. Ее зависимость от внешних сил резко возросла, а угроза османского подчинения стала неотвратимой.

Изменения в истории приморских степей между Днестром и Днепром во многом связаны с Витовтом. В 1398 г. он совершил глубокий рейд в татарские владения и достиг моря. По его приказу в устье Днепра за четыре недели из камня и глины сложили «Город Св. Иоанна». Эту крепость принято отождествлять с Таванью на правом берегу реки (Грушевський 1993, IV: 313—316; Шабульдо 1987: 148—149; Білецька 2004: 81, 98, 292). Практически тогда же в «Список русских городов» внесен «Олешеск» как населенный пункт, принадлежащий литовцам (ПСРЛ 1856: 241).

В первые десятилетия XV в., благодаря новой активизации действий Литвы, на восточном берегу Днестра у впадения в море появился замок «Черный город», а на месте современной Одессы — укрепление и порт «Качибеев». Правда, после 1442—1444 гг. упоминания о них надолго исчезают из документов (Білецька 2004: 61, 84—86, 258, 281; Грушевський 1993, IV: 86). Судя по всему, как и другие замки и города на «татарской дороге», они не обеспечили нормальные поставки товаров из Львова в Крым и обратно, а потому быстро потеряли свое значение (Грушевський 1993, VI: 58—59, 608).

Можно предположить, что с утратой литовско-польских позиций на побережье связана попытка генуэзцев закрепиться в устье Днепра. В Илличе, сведений о котором не было несколько десятилетий, они выстроили замок. Один из его создателей и хозяев в сентябре 1440 г. продал своему соотечественнику Бруноро Сальваиго 6 из 24 каратов владельческих прав на укрепление по цене 70 соммов за карат (Барабанов 1995: 21). Однако уже в 1441 г. замок находился в управлении Каффы (Iorga 1896: 59). После того как консул главной генуэзской колонии на Черном море получил распоряжение дожа приобрести замок в собственность коммуны, настоящих хозяев заставили продать свои владельческие права по заниженной цене. Установив «истинную цену» в 40 соммов за долю, власти заявили, что никто из основателей замка не смеет требовать больше, хотя «изначальная цена» доходила до 100 соммов за карат. Пострадавший Бруноро стал добиваться получения денег в судебном порядке, но не нашел справедливость в Каффе. Только в 1453 г. вышло постановление дожа, совета старейшин и оффиции попечения Романии, в котором признавалось, что Бруноро обманут. Тем не менее, тяжба продолжалась еще в начале 1460 г., когда на прошении истца появилась резолюция — передать дело на рассмотрение в банк Сан-Джорджо. «Истинной цены» Бруноро, по всей видимости, так и не получил (Барабанов 1995: 21—28).

За время 20-летней тяжбы замок пережил немало потрясений. От имени Каффы Илличе уже в мае 1441 г. управлял Джулиано ди Гвизальди. По всей видимости, через несколько лет властвования этот наместник почувствовал себя хозяином положения и, вопреки генуэзским законам, решил вместе с Грегорио де Торрилья перестроить замок. Однако летом 1449 г. последовало предписание центральных властей о том, что никто из генуэзцев не должен помогать осуществлению их плана, а незадачливых компаньонов следует вынудить уйти из Илличе. Так Республика Св. Георгия жестко пресекла затею своих граждан (Данилова 1974: 198; Барабанов 1995: 21).

Правительство Генуи запретило частным лицам строить, перестраивать и укреплять по своей инициативе поселения на Черном море. Не исключено, что это решение связано с историей покупки Илличе. В устав черноморских колоний 1449 г. вошла статья «О том, что не должно строить крепости на Черном море» без разрешения метрополии (Юргевич 1863: 752—753; Барабанов 1995: 28).

В 1454—1455 гг. замок находился в ведении четырех отпрысков генуэзского клана Сенарега. Хотя в Илличе они, по всей видимости, представляли коммуну Каффы, они нашли способ для превращения вверен-

ных им крепостных стен в источник собственного обогащения. Сенарега содержали здесь купленных у татар христианских пленников, а отпускали их на родину, только получив большой выкуп. Когда в Илличе попали 14 жителей из Мокастро, братья запросили за их свободу сумму, в 50 раз превышавшую рыночную цену такой партии рабов. Возмущенные наглым предложением, шесть десятков белгородцев под видом рыбаков захватили и сожгли Илличе. Пленников освободили. Одни генуэзцы погибли, другие попали в плен. Попытки итальянцев получить компенсацию (ущерб оценили в 10 тыс. дукатов) и вернуть замок ни к чему не привели. Белгородцы при поддержке молдавского господаря Петра Арона (1452—1457) восстановили Илличе и не собирались возвращать его итальянцам (Iorga 1895: 32—34; 1899: 116—118; Бадян, Чиперис 1974: 188—187; Данилова 1974: 191, 207).

Пути Мокастро и Илличе пересеклись в тяжелейшей политической и экономической ситуации. После взятия османами Константинополя правительство Генуи передало в ноябре 1453 г. все черноморские колонии банку Св. Георгия. Каффа находилась в упадке — город выглядел «беззащитным, пустым и вымершим». Продолжительная засуха обернулась голодом. Толпы бедняков, пребывавшие «в большом брожении», в надежде на «более сносную жизнь» в 1455 г. уходили «по направлению к Мокастро» (Данилова 1974: 204, 207).

Дело о возвращении Илличе законным владельцам зашло в тупик, поскольку Молдавия и Белгород не собирались уступать, а Генуя и Каффа рассчитывали на поставки хлеба из Поднестровья. В марте 1456 г. правительство Республики Св. Георгия предупредило каффинцев не прерывать отношений с белгородцами: «Лучше притвориться и ожидать, пока не настанут лучшие времена, которые позволят вернуться к мысли о возврате поселения Илличе» (Iorga 1895: 32—34; 1899: 116—118; Бадян, Чиперис 1974: 188—187; Данилова 1974: 191, 207).

Положение города на Днестровском лимане, равно как и Молдавского государства, также было неустойчивым и тревожным. В 1454 г. более 50 кораблей султана блокировали Белгородскую крепость, однако сняли осаду, убедившись в ее неприступности (Iorga 1899: 113—114; Гонца 1984: 18). Тем не менее, уже с 1456 г. Молдавия стала османской данницей, впервые заплатив султану 2000 золотых венгерских дукатов (Costăchescu 1932: 801).

После того как в 1473 г. Стефан Великий посмел прекратить выплату дани, Мухаммед II (1451—1481) в ультимативной форме потребовал вновь изъявить покорность, отдав Белгород и Килию (ОВИМК 1987: 80). Поскольку господарь не выполнил эти требования, вслед за захватом Каффы в 1475 г. флоту было приказано без промедления следовать к Белгороду. Противник выгрузил на берег четыре пушки, но защитники крепости ночью захватили их, загнав врага в воду. Город выстоял (Iorga 1899: 143—144).

Положение усугубилось, когда в ответ на просьбу польского короля Казимира IV (1447—1492) не нападать на Молдавию, турки оговорили свое согласие жесткими условиями, включая отказ от владения Белгородом. Господарь вновь отверг эти притязания. Тогда султан велел построить 60 судов для рейда к Днестровскому лиману (Iorga 1897: 56). Летом 1476 г. близ крепости Нямц турецкая армия нанесла тяжелое поражение молдаванам (ОВИМК 1987: 80—81). Однако неподалеку от Монкастро отряды Стефана разбили десятитысячное войско татар. Части турецкого флота, наводившие мост ниже крепости, удалось рассеять самим белгородцам. Невзирая на победу в основном сражении, деморализованная голодом и болезнями османская армия вернулась за Дунай (Iorga 1899: 149—151; CSȚR 1968: 142—143). Даже турецкие хронисты признали, что главной цели война не достигла — Белгород и Килия остались за Молдавией (СТ 1966: 214).

Новая схватка произошла спустя почти восемь лет. Летом 1484 г. Баязид II (1481—1512) во главе 100-тысячного войска перешел Дунай. После десятидневной осады пала Килия, а через три недели — Белгород (СМЛ 1976: 30, 72). Уже 11 августа 1484 г. султан с гордостью заявил, что, взяв Белгород, получил ключи к воротам Польши, России, Татарии и всего Черного моря (Iorga 1899: 158; Giurescu 1967: 205).

* * *

В XV в. обитатели Белгорода являли не менее пестрое сообщество, чем в эпоху господства Золотой Орды. Побывавший здесь в 1421 г. фламандец называл молдаван «валахами» и помещал на втором месте после генуэзцев, но перед армянами (ГЛ 1853: 438—439). Это может указывать на то, что молдавское население среди горожан не преобладало.

Однако и итальянцы едва ли здесь доминировали, хотя к 1448 г. генуэзцы создали

в Белгороде купеческое товарищество (Iorga 1925: 121). В отсутствие колонии конкурентов попытку обосноваться в Маурокастро сделали венецианцы. В 1435—1439 гг. они послали сюда вице-консула, но успеха не добились (Iorga 1899: 196; Карпов 1994: 58). Похоже, что присутствие итальянцев носило в Белгороде в основном частный характер и было связано, как прежде, с торговыми делами.

Армяне оседали на юге Карпато-Днестровских земель издавна, создав тут крепкие общины (Giurescu 1967: 89). На стабильность положения белгородских армян указывает их участие в 1476 г. в войске Стефана (CSȚR 1968: 137).

Включение Белгорода и ряда других населенных пунктов Молдавии в «Список русских городов» еще не дает оснований видеть в восточных славянах обитателей приднестровского центра. Источники содержат на этот счет отдельные косвенные свидетельства. Неоспоримы регулярные торговые отношения с Львовом (Подградская 1968) и тесные религиозные связи с Галицией — белгородский епископ прямо подчинялся митрополиту «Малой Руси» (Giurescu 1967: 201—202). В равной мере и соседство с населенными главным образом восточными славянами землями, в частности, с Подольем (Білецька 2004), должно было способствовать оседанию некоторого числа их представителей в Белгороде. Не случайно византийский автор XV в. говорит, что от Левкополя начинаются земли, по которым рассеяны «сарматы» — русские (LC 1958: 91).

В разноязыком Белгороде издавна проживали греки (Giurescu 1967: 200—205). В их числе были люди, хорошо известные в международных купеческих кругах. В частности, большой вес в 70—80-х гг. XV в. приобрело семейство Валата (Iorga 1897: 288, 290, 292, 293; Подградская 1968: 50—51). По всей видимости, именно греки и составляли наиболее многочисленную группу горожан.

Белгород являлся крупным центром православия. Житие Иоанна прямо говорит, что православные обитатели имели здесь свою церковь (Яцимирский 1906: тексты — 10; Русев, Давидов 1966: 104). Это было время, когда епископский город в лице мученика обрел свою святыню, а потому стал еще более известным среди единоверцев. Примечательно посещение Аспрокастрона императором Иоанном VIII Палеологом осенью 1424 г. (Гюзелев 1981: 209—210, 227).

Кроме христиан — православных, католиков и монофизитов, некоторое число горожан, вероятно, составляли иудеи и мусульмане (татары и турки).

Белгородцы были неоднородны и в социальном отношении. Известно, что после взятия крепости османами «пятеро лучших людей» направились к Баязиду II просить мира (Iorga 1897: 85). Может быть, в результате этих переговоров победители переселили 1099 семей в Константинополь и Галату. Более половины из них обладали состояниями, свидетельствующими о принадлежности к числу чрезвычайно богатых торговцев (Beldiceanu 1969: 243—247; Бырня 1984: 74—75). Учитывая, что, кроме того, для гаремов и невольничьих рынков были отобраны несколько тысяч девушек и юношей, вполне обоснован вывод: современник падения Белгорода едва ли заблуждался, отметив, что здесь накануне 1484 г. проживало около 20 тысяч человек (Iorga 1897: 85; 1899: 160, 162; Бырня 1984: 68—69).

* * *

В итальянском источнике 1410 г. среди городов, «в которых Генуя хозяйничает до сих пор на территориях неверных», значится и Мокастро (Iorga 1899: 57). Полное отсутствие данных о консулах и административной подчиненности Каффе доказывает, что генуэзцы так и не сумели закрепиться на Днестровском лимане. В 1408 г. здесь уже работала молдавская таможня (Costăchescu 1932: 631), а в перечне черноморских колоний Республики из Устава 1449 г. Белгород даже не упомянут (Юргевич 1863: 629—837).

Тем не менее, в истории Белгорода XV в. ясно прослеживаются его особые отношения с центральной властью. Своего рода «соправительство», зафиксированное в парах Юрг Кориатович — Якша Литавор, Петр Мушат — Константин, было продолжено. Социальная структура Белгорода всегда сильно отличалась от общественной системы государств, в составе которых он находился. Его самоуправляющийся организм и в Молдавии нуждался в правах и привилегиях, которыми не обладали другие города.

Особый статус Белгорода-Левкополя отражен в греческой версии рассказа об Иоанне Новом. Святые останки перенесли в Сучаву в начале правления Александра Доброго, после того как «тамошние начальники дали позволение на это» (Мученичество 1875: 157). Следовательно, господарь, являясь лишь «сеньором Манкастро» (ГЛ 1853: 440), не мог решить этот вопрос единолично.

В греческом сочинении, повествование которого доведено до 1464 г., Левкополь пред-

ставлен как резиденция господаря (LC 1958: 93). Вероятно, это соответствует действительности для эпохи неурядиц, продолжавшихся до середины 50-х гг. XV в. Тогда в разделенной надвое Молдавии политический вес Белгорода необычайно возрос. Не случайно в конце жизни здесь нашел убежище юный соискатель престола — Александрел-Олехно (СМЛ 1976: 25, 68, 117).

Независимо действовали белгородцы и в случае с замком Илличе. Успешное нападение на генуэзское владение было организовано не без поддержки «великих господ-советников» Албо Кастро. Это они не вняли призыву господаря о возвращении добра и крепости законным хозяевам. Правительство Генуи также напрасно апеллировало к городскому совету. В итоге летом 1455 г. Петр Арон принял сторону местной общины, не желавшей отдавать итальянцам замок. Тогда же в источниках упомянуты суммы в 4000 «дукатов Мокастро» и 3400 «дукатов, обращающихся в Мокастро». Похоже, Белгород производил полноценные деньги, которые генуэзцы легко отличали от венецианских и турецких монет того же наименования (Iorga 1897: 31—36; 1899: 116—117).

Полномочия городских властей отражены и в инструкции правительства Республики Св. Георгия 1458 г. Она предписывает властям Каффы поддерживать добрые отношения с главными контрагентами Генуи в «большой торговле» на Черном море — «императорами» татар и Трапезунда, главами княжества Феодоро и «правителем или общиной Мокастро». В этом указании, повторенном в 1472 г. (Iorga 1897: 50; 1899: 121), Белгород выступает равноправным субъектом международных отношений, тогда как об участии в них молдавского господаря нет ни слова.

Белгородцы составляли привилегированную общину, сохранявшую широкое самоуправление даже при Стефане Великом. Автономия реализовывалась в разных сферах — от торговых соглашений до военно-политических акций. Судя по всему, центральная власть дорожила отношениями с белгородской общиной и не часто нарушала ее права.

Однако Белгород, как и все крепости Молдавии, также подчинялся непосредственно господарю и назначенным им «пыркалабам». Так назывались коменданты, выполнявшие в пограничных районах не только военные, но и административно-судебные функции (Бырня 1984: 115). На латинском языке белгородские пыркалабы также известны как «капитаны» и «кастелланы» (Iorga 1899: 291; Bogdan 1913: 300). Первое достоверное упоминание о пыркалабе Белгорода Юргиче содержится в грамоте 1443 г. (DRHA 1975: 315). Более 15 лет комендантом приднестровской крепости был Станчул. Стефан Великий сместил его, чтобы передать ключевой пост своему дяде Влайкулу. Впрочем, не прошло и двух лет, как господарь вновь направил Станчула на трудный участок в качестве второго пыркалаба (DRHA 1976: 34, 94, 247). Назначение двух опытных и доверенных командиров в имевшую первостепенное значение крепость продолжалась до ее взятия османами в 1484 г. Последними военными руководителями молдавского Белгорода были Герман и Оана-Иоанн (DRHA 1976: 402; СМЛ 1976: 30, 72).

* * *

К концу XIV в. значение Белгорода в международной торговле возросло. Этому способствовало перемещение торговых маршрутов на юго-востоке Европы, вызвавшее к жизни «Молдавский путь», который связывал Западную Европу и Прибалтику через Краков и Львов с Причерноморьем и завершался на Днестровском лимане (Подградская 1968: 43—45; Мохов 1974: 303, 306). Это поставило генуэзцев перед необходимостью заключить соглашение с новыми правителями об условиях торговли, прежде всего, в Монкастро. Скорее всего, с этой целью в 1386 г. миссия из Каффы и посетила «Константина и Петра-воеводу» (Papacostea 1973: 139—158).

Немалые доходы господарской казне стала приносить транзитная торговля. Согласно грамоте Александра Доброго, выданной в 1408 г. львовским купцам, важнейшим пунктом купли-продажи ввозимых итальянцами товаров был Белгород. Отсюда в Польшу, Германии, Фландрию с «татарской стороны» везли перец, имбирь, шафран, корицу, гвоздику, изюм, инжир, благовония, лимоны, греческое вино, рис, хлопок, шелка, меха, оружие (Costăchescu 1932: 630—633; ИНХ 1976: 125).

Об оснащенности в 1419 г. белгородского порта маяком свидетельствует рассказ русского паломника в Святую землю. По его словам, у самого устья Днестра возвышался «столп», называвшийся «Фонарь», а неподалеку находилась пристань для кораблей, где путешественники нанимали суда (Зосима 1984: 121). Много трапезундских и армянских кораблей увидел здесь в 1445 г. и представитель далекой Бургундии (CSȚR 1968: 83).

У Днестровского лимана сходились потоки польских и трансильванских товаров, продукция из внутренних районов Молдавии. В 1448 г. отмечены следовавшие в город господарские и боярские возы с товаром. Судя по документу 1466 г., даже жители отдаленных сел возили на белгородский рынок капусту, яблоки, воск, мед, домашние сукно и полотно, гончарную и деревянную посуду (DRHA 1975: 394; 1976: 190). Из Монкастро в Константинополь везли значительные партии кож крупного рогатого скота (Гюзелев 2001: 215). Еще с конца XIV в. отсюда судами вывозили соль (CSȚR 1968: 16).

Сельскохозяйственную продукцию в основном закупали итальянцы. Белгород и Килия обычно обеспечивали хлебом Каффу. Ее торговцы и бедняки в голодном 1455 г. искали съестные припасы именно в Монкастро. Однако, поскольку белгородцы предпочитали продавать резко подорожавшую пшеницу в османских владениях, генуэзцы перешли к пиратским действиям. Впрочем, в 1474—1475 гг. Каффа опять закупала зерно в Белгороде (Iorga 1899: 117—118; Câmpina 1973: 74—76). Хлебная торговля держалась на регулярных поставках из господарских, монастырских и боярских вотчин Молдавии.

В 1470 г. один из молдавских монастырей получил право на ежегодную беспошлинную покупку в Белгороде трех возов рыбы (DRHA 1976: 243—244). Размах рыбной торговли был столь велик, что даже в 1484 г., после истребления и пленения тысяч жителей, в городе оставалось 200 рыбацких семейств (Iorga 1897: 85; Câmpina 1973: 81).

Как и в XIV в., здесь процветал невольничий рынок. По данным 1438 г., через Босфор ежегодно проходили «тридцать и более кораблей, полных рабами, которых татары продают как скот в Монкастро, Тане и Каффе» (Panaitescu 1958: 95). Живой товар обычно покупали итальянцы, выгодно перепродававшие его на средиземноморских рынках. Примером подобного рода сверхприбыльной операции служит история с 14 белгородцами, приобретенными братьями Сенарега (Câmpina 1973: 123—127).

Кроме местных и восточных товаров, в Белгород через Львов поступали западные «крамные речи»: шапки, брюки, венгерские палаши, мечи, косы, серпы, плужное железо, пояса, посуда, сукно и бархат (ИНХ 1976: 122, 125—126). С львовских и подольских купцов, направлявшихся «до татар» или «в Турецкую землю», белгородская таможня взимала сбор по весу товара — с 12 кантаров пол-рубля серебра (Costăchescu 1932: 631; Подградская 1968: 65). Если рубль — это платежный слиток (сомо), то пошлина за 466,8 кг товара составляла около 100 г высокопробного серебра.

Крупнейшие сделки в Белгороде заключали генуэзцы. В 1448 г. власти Каффы наградили одного из них 1000 аспров за заслуги в деятельности купеческого товарищества в Монкастро (Iorga 1925: 121). Конфискованные у другого генуэзца в 1449 г. товары — 18 мешков хлопка, 100 шапок и два мешка тафты — оценивались в 4000 золотых (Iorga 1899: 101; 1925: 121—122; Подградская 1968: 48; 52—53). Месячный оборот генуэзской торговли в городе доходил до 8300 флоринов, тогда как рабы здесь продавались по 4—10 флоринов и даже дешевле (Câmpina 1973: 54—55, 124).

В 1437—1438 гг. и купцы из Венеции вели торговлю в Белгороде (Гюзелев 2001: 203, 215, 245). Республика Св. Марка предполагала регулярно посылать в Монкастро одно из своих судов. Однако и эта попытка успеха не имела (Карпов 1994: 58).

В 1456 г. султан Мухаммед II дал белгородским купцам право ходить «на своих кораблях в Адрианополь, Бруссу и Константинополь» и вести там беспрепятственную торговлю (Câmpina 1973: 63). Речь идет, прежде всего, о богатых белгородских греках. Среди них выделяются представители семейства Валата, посредничавшие в сделках Каффы и Львова. Георгий Валата, известный как гражданин Мокастро и друг консула Каффы, торговал во многих итальянских колониях. Его сын Димитрий в 1469—1476 гг. поставлял во Львов перец. В 1481—1483 гг. там же Калоян Валата оперировал большими суммами, связанными с закупкой восточных товаров (Подградская 1968: 50—51). В 1480 г. у сыновей Калояна холопа-татарина приобрел пыркалаб Герман (DRHA 1976: 345). Годом ранее в Львове сделку от его имени заключил логофет Михул (Iorga 1899: 291). Таким образом, в торговле Белгорода участвовали и господарские администраторы.

Международное признание Молдавии XV в. на западе и востоке Европы не в последнюю очередь обусловлено обширными связями и высоким авторитетом белгородцев. В 1484 г. после падения под ударами османов двух последних христианских твердынь на Черном море историческая обстановка в целом переменилась. Прекратил свое существование и Молдавский торговый путь.

Некоторые предварительные обобщения

Приведенные здесь сведения почерпнуты исключительно из письменных источников. Они не в состоянии осветить все стороны рассмотренной проблемы, но позволяют сделать ряд интересных наблюдений и выводов, вполне соотносимых со знаниями об археологических древностях того времени[3].

В «домонгольский» период Белгород и Олешье мало соприкасались друг с другом. О Белгороде (Аспроне, Маврокастроне) уже к концу X в. говорится как о городе, завершившем определенный этап своей истории. Олешье же появилось лишь в конце XI в. и существовало до вторжения орд Чингисхана в Европу. Совершенно точно можно сказать, что основное содержание истории этих населенных пунктов также существенно отличается. Если городская жизнь в устье Днестра носила, по предварительным наблюдениям, греко-болгарский облик, то на Днепровско-Бугском лимане приобретала греко-русский характер. Кочевая стихия, по всей видимости, одинаково губительно сказывалась на обоих центрах, но все же тесно связанное с Киевом и Херсонесом Олешье оказалось более жизнестойким. Когда в XII — первых десятилетиях XIII вв. выросло значение Галицкой Руси, некоторое оживление затронуло и Нижнее Поднестровье. Впрочем, порт на Днестровском лимане приобрел утерянное имя уже в следующую эпоху.

Начало властвования монголов сопровождалось почти полным упадком городской жизни. Перемены произошли только к концу XIII в., когда Ногай создал на западе Золотой Орды второй военно-политический центр государства. Под властью Джучидов в Белгороде (Акджа-Кермане, Аспрокастро, Монкастро) возродились греко-болгарские традиции, являвшиеся серьезным препятствием на пути устремившихся сюда итальянцев. На фоне подъема приднестровского центра продолжался упадок Элексе (Олешья). Только во второй половине XIV в., после пандемии чумы, распада политических и экономических связей отмечены новые серьезные трансформации исторических реалий. Очевидно, именно в условиях регионализации истории Улуса Джучи поселение Илличе заинтересовало генуэзцев не только как связующее звено с Поднестровьем и Подунавьем, но и в качестве порта, в котором можно было закупить значительные объемы товарной продукции, включая хлеб.

В политической жизни Поднестровья наступили еще более кардинальные перемены. Здесь Орду вытеснила Молдавия, а в Аспрокастро главенствующее положение заняла греческая община. Масштабы ее деятельности во многом зависели от могущества молдавских господарей. В условиях крайней нестабильности 1432—1457 гг. роль городской автономии существенно возросла. Белгородцы стали самостоятельной силой в международных делах, в том числе в отношениях с итальянцами и даже османами.

Экономическая и политическая активность Молдавии и Литвы в Северо-Западном Причерноморье вовсе не способствовала расцвету района низовий Днепра. В частности, волны экспансии Великого Литовского княжества разрывали прежние связи, но не были подкреплены успехами в освоении этих территорий. Жизнь в Илличе угасала и вновь стала заметной только в 40—50 гг. XV в., когда здесь восстановили прежние партнерские связи ордынцы и итальянцы.

Столкновение генуэзцев из Илличе (Лерича) и белгородцев нанесло очередной удар по городской жизни. Можно сказать, что новый вид православного взаимодействия (греко-молдавский) оказался более прочным старого — мусульманско-католического. Из-за отсутствия документальных свидетельств трудно сказать, продолжалось ли властвование Молдавии в замке сколько-нибудь долго. Впрочем, вскоре после 1455 г. значение Илличе сошло на нет.

Захват Османской империей Северного Причерноморья сопровождался активизацией Крымского ханства. Менгли Гирей, построивший близ днепровского устья крепость, в 1492 г. отказался вывести из нее свой гарнизон, хотя Литва предложила хану компенсировать строительные затраты деньгами. После этого отряд черкасского старосты разрушил укрепления, но литовцы не смогли по-

[3] За рамками работы осталось рассмотрение темы с точки зрения памятников материальной культуры. Отмечу лишь асимметричность археологических представлений о двух городищах. Если Белгороду посвящено множество исследований, включая монографические (см., напр.: Кравченко 1986; Шлапак 2001), то Олешье — Илличе до недавнего времени не было даже надежно локализовано (см.: Сокульский 1980). Тем не менее, накопление находок, в особенности нумизматических, позволило соотнести этот средневековый город с городищем Днепровское-2, находящимся вблизи древней Ольвии (Буйських, Ієвлєв 1991; Руссев, Мельников 2003—2004). Остается надеяться, что будущие археологические исследования на берегах обоих лиманов позволят ответить на многие пока неразрешимые вопросы.

мешать хану отстроить крепостные сооружения будущего Очакова (Грушевський 1993, IV: 330, 337). К этому времени Илличе, очевидно, уже не существовал, а город на Днестровском лимане назывался Аккерманом. «Его захватили и владеют им турки, а кругом в степях живут татары», — отметил в начале XVI в. польский автор (Матвей Меховской 1936: 106).

Литература

Бадян В.В., Чиперис А.М. 1974. Торговля Каффы в XIII—XIV вв. В: Бибиков С.Н. (ред.). *Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма*. Киев: Наукова думка, 174—189.

Барабанов О.Н. 1995. Судебное дело Бруноро Сальвиаго (Каффа, 1454 г.). Опыт историко-юридического исследования. В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века* 2. Москва: МГУ, 20—36.

Білецька О. 2004. *Поділля на зламі XIV—XV ст.: до витоків формування історичної області*. Одеса: Астропринт.

Божилов И. 1979. *Анонимът на Хазе: България и Византия на Долни Дунав в края на X век*. София: БАН.

Брун Ф.К. 1879. Черноморье. В: *Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852—1877)*. Одесса.

Буйських С.Б., Ієвлєв М.М. 1991. Про осіле населення понизь Дніпра та Південного Бугу у X—XIII ст. *Археологія* (4), 89—104.

Бырня П.П. 1984. *Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV — начало XVI в.)*. Кишинев: Штиинца.

Бырня П.П., Руссев Н.Д. 1988. О господстве золотоордынской государственности в Днестровско-Карпатских землях. В: Янин В.Л. (ред.). *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии* 1. Москва: Институт истории СССР, 147—152.

ГЛ 1853: Путешествия и посольства господина Гильберта де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени в 1399—1450 годах. *ЗООИД* III, 433—465.

Гонца Г.В. 1984. *Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV — первой трети XVI в.* Кишинев: Штиинца.

Грушевський М. 1992—1995. *Історія України-Руси*. Т. I—VI. Київ: Наукова думка.

Гюзелев В. 1981. *Средновековна България в светлината на нови извори*. София: Народния просвета.

Гюзелев В. 1995. *Очерци върху историята на Българския североизток и Черноморието (края на XII — началото на XV век)*. София: Борина.

Гюзелев В. 2001. *Венециански документи за историята на България и българите от XII—XV в.* София: Главно управление на архивите.

Данилова Э.В. 1974. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам «Codice»). В: Бибиков С.Н. (ред.). *Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма*. Киев: Наукова думка, 189—214.

Димитров Б. 1984. *България в средновековната морска картография XIV—XVI век*. София: Наука и изкуство.

Зосима. 1984. Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину. В: Прокофьев Н.И. (сост., перев.). *Книга хожений. Записки русских путешественников XI—XV вв.* Москва: Советская Россия, 120—136.

Илюшечкин В.П. 1986. Сословная и классовая структура в добуржуазных обществах. В: Ким Г.Ф., Ашрафян К.З. (ред.). *Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности*. Москва: Наука, 45—67.

ИНХ 1976: *История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.)*. 1976. Кишинев: Штиинца.

Карпов С.П. 1994. *Путями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII—XV вв.* Москва: Наука.

Коновалова И.Г. 1983. Итальянские навигационные пособия XIII—XV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья. В: Буганов В.И. (отв. ред.). *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*. Москва: Институт истории СССР.

Коновалова И.Г. 1989. Торговая фактория в Килие (по данным нотариальных актов 1360—1361 гг.). *Известия АН Молдавской ССР. Серия общественных наук* 1, 14—21.

Коновалова И.Г. 1991. Арабские источники XII—XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель. В: Новосельцев А.П. (ред.). *Древнейшие государства на территории СССР. 1990 год*. Москва: Наука, 5—115.

Коновалова И.Г. 1994. Вывоз зерна из портов Северо-Западного Причерноморья в XIV в. и его значение для экономического развития региона. В: Dragnev D.M. (ed.). *Evul mediu timpuriu în Moldova (probleme de istoriografie şi istorie urbană)*. Chişinău: Ştiinţa, 108—125.

Коновалова И.Г. 1999. *Восточная Европа в сочинении ал-Идриси*. Москва: Восточная литература.

Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. 1988. О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. В: Советов П.В. (ред.). *Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма*. Кишинев: Штиинца, 33—45.

Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. 1994. Золотая Орда в жизни городов Днестровско-Дунайского региона. (По сведениям письменных источников). В: Dragnev D.M. (ed.). *Evul mediu timpuriu în Moldova (probleme de istoriografie şi istorie urbană)*. Chişinău: Ştiinţa, 70—107.

Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. 2000. *Древняя Русь и Нижнее Подунавье*. Москва: Памятники исторической мысли.

Константин Багрянородный. 1991. *Об управлении империей*. Москва: Наука.

Кравченко А.А. 1986. *Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII—XIV вв.)*. Киев: Наукова думка.

Крип'якевич І.П. 1984. *Галицько-Волинське князівство*. Київ: Наукова думка.

Левченко М.В. 1956. *Очерки по истории русско-византийских отношений*. Москва: АН СССР.

Матвей Меховской. 1936. *Трактат о двух Сарматиях*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Медведев И.П. 2003. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха». В: Чекалина А.А. (ред.). *Мир Александра Каждана*.

К 80-летию со дня рождения. Санкт-Петербург: Алетейя, 160—172.

Медведев И.П. 2007. Новонайденный текст письма Максима Катилианоса: еще одна подделка Карла Бенедикта Газе? *ВВ* 66 (99), 307—323.

Мохов Н.А. 1974. Молдавский торговый путь в XIV—XV вв. В: Рыбаков Б.А. (ред.). *Польша и Русь*. Москва: Наука, 298—307.

Мученичество 1875: Мученичество и житие святого, всехвального великомученика Иоанна Нового Трапезундского, пострадавшего в Левкополе, называемом по общему употреблению Аккерман. *ЗООИД* IX, 149—160.

Насонов А.Н. 1940. *Монголы и Русь. История татарской политики на Руси*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Наумов Е.П. 1974. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних». В: Рыбаков Б.А. (ред.). *Летописи и хроники. 1973 г.* Москва: Наука, 150—163.

Ников П. 1929. Българи и татари в средните векове. *Българска историческа библиотека* 3. София, 136—141.

НПЛ 1950: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. 1950. Полное собрание русских летописей 3. Москва; Ленинград: АН СССР.

ОВИМК 1987: *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя четверть XIV — начало XIX в.)*. Кишинев: Штиинца.

Параска П.Ф. 1981. *Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства*. Кишинев: Штиинца.

ПВЛ 1950: *Повесть временных лет*. 1950. Москва; Ленинград: АН СССР.

Подградская Е.М. 1968. *Торговые связи Молдавии со Львовом в XVI—XVII веках*. Кишинев: ЦК КП Молдавии.

Полевой Л.Л. 1979. *Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв*. Кишинев: Штиинца.

Полевой Л.Л. 1988. Международная черноморская торговля и социально-экономическое развитие Днестровско-Карпатских земель во второй половине XIII—XIV вв. (по материалам истории товарно-денежных отношений). В: Советов П.В. (ред.). *Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма*. Кишинев: Штиинца, 7—22.

Поляк А.Н. 1964. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе. В: Тверитинова А.С. (ред.). *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы* 1. Москва: Наука, 29—66.

Пономарев А.Л. 2005. Путеводитель по рукописям массарии Каффы 1374 г. В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века* 6. Москва; Санкт-Петербург: Алетейя, 41—138.

ПСРЛ 1856: *Летопись по Воскресенскому списку*. 1856. Полное собрание русских летописей 7. Санкт-Петербург: Археографическая комиссия.

ПСРЛ 1962: *Ипатьевская летопись*. 1962. Полное собрание русских летописей. Москва: Издательство восточной литературы.

Русев П., Давидов А. 1966. *Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература*. София: БАН.

Руссев Н.Д. 1991. Социальные конфликты в Белгороде на Днестре XIV в. В: Драгнев Д.М. (ред.). *Из истории социальных отношений и общественно-политического движения в Молдове (XIV — начало XX в.)*. Кишинев: Штиинца, 6—22.

Руссев Н.Д. 1997. Житие Иоанна Нового: легенда и историческая действительность. В: Крыжицкий С.Д., Росохацкий А.А. (ред.). *Аккерманские древности* I. Белгород-Днестровский: «Ю.Г.-компани», 127—162.

Руссев Н.Д. 1999а. *На грани миров и эпох: города низовий Дуная и Днестра в конце XIII—XIV вв.* Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Руссев Н.Д. 1999б. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов. *Stratum plus* (5), 379—407.

Руссев Н.Д., Мельников О.Н. 2003—2004. Тайна «каратов замка Илличе». *Stratum plus* (6), 479—494.

Сахаров А.Н. 1982. *Дипломатия Святослава*. Москва: Международные отношения.

СМЛ 1976: *Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв.* 1976. Москва: Наука.

Советов П.В. 1972. *Исследования по истории феодализма в Молдавии (Очерки истории землевладения в XV—XVIII вв.)* 1. Кишинев: Штиинца.

Сокульский А.Л. 1980. К локализации летописного Олешья. *СА* (1), 64—73.

Старокадомская М.К. 1974. Солхат и Каффа в XIII—XIV вв. В: Бибиков С.Н. (ред.). *Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма*. Киев: Наукова думка, 162—173.

Тизенгаузен В.Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.* Т. 1. *Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Тизенгаузен В.Г. 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.* Т. 2. *Извлечения из персидских сочинений*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Тихомиров М.Н. 1979. *Русское летописание*. Москва: Наука.

Тодорова Е. 1981. Вичина, Килия и Ликостомо. В: Кузев А., Гюзелев В. (ред.). *Български средновековни градове и крепости* I: *Градове и крепости по Дунав и Черно море*. Варна: Георги Бакалов, 217—243.

Тодорова Е. 1989. Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья (Историко-географическое исследование). *История СССР* (1), 170—184.

Толочко П.П. 1975. Киевская земля. В: Бескровный Л.Г. (ред.). *Древнерусские княжества*. Москва: Наука, 5—56.

Федоров-Давыдов Г.А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. Москва: МГУ.

Федоров-Давыдов Г.А. 1976. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху. *ВИ* (8), 39—48.

Фоменко И.К. 2001. Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам XIII—XVII вв. В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века* 5. Санкт-Петербург: Алетейя, 40—107.

Харитонов С.В. 2003. О средневековом письменном памятнике «Записка готского топарха» в связи с результатами археологических исследований Эски-Кермена и его округи. *Археологические вести* 10, 305—309.

Шабульдо Ф.М. 1987. *Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества литовского*. Киев: Наукова думка.

Шлапак М.Е. 2001. *Белгород-Днестровская крепость. Исследование средневекового оборонного зодче-*

ства. Кишинев: ARC.
Юргевич В.Н. 1863. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году. *ЗООИД* V, 629—837.
Яцимирский А.И. 1904. *Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности*. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.
Яцимирский А.И. 1906. *Из истории славянской проповеди в Молдавии. Неизвестные произведения Григория Цамблака, подражания ему и переводы монаха Гавриила*. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова.
Aboulfeda. 1848. *Géographie d'Aboulfeda* II. Paris: Imprimerie nationale.
Balard M. 1973. *Gènes et l'Outre-Mer* 1. *Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289—1290*. Paris; La Haye: Mouton.
Balard M. 1980. *Gènes et l'Outre-Mer* 2. *Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo, 1360*. Paris; New York: Ecole des hautes études en sciences sociales; Mouton cop.
Beldiceanu N. 1969. La Moldavie ottomane à la fin du XVe siècle. *Revue des études islamiques* XXXVII (2). Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner.
Bogdan I. 1913. *Documentele lui Ştefan cel Mare* II. Bucureşti: Atelierele grafice SOCEC & Co.
Brătianu G.I. 1926. Les Bulgares a Cetatea Albă (Akkerman) au debut du XIV siecles. In: *Byzantion* II. Paris: 153—167.
Brătianu G.I. 1935. *Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Contributions a l'histoire de la domination byzantine et tatare et du commerce gènois sur le littoral roumain de la Mer Noire*. Bucureşti.
CT 1966: *Cronici turceşti privind Ţările Române*. 1966. Vol. I. Bucureşti: Editura Academiei RSR.
DRHA 1975: *Documenta Romaniae Historica*. 1975. A. *Moldova*. Vol. I: *1384—1448*. Bucureşti: Editura Academiei RSR.
DRHA 1976: *Documenta Romaniae Historica*. 1976. A. *Moldova*. Vol. II: *1449—1486*. Bucureşti: Editura Academiei RSR.
Câmpina B. 1973. Despre rolul genovezilor la gurile Dunării în secolele XIII—XV. In: Mioc D., Stănescu E. (eds.). *Scrieri istorice* I. Bucureşti: Editura Academiei RSR, 47—135.
Costăchescu M. 1932. *Documentele moldoveneşti înainte de Ştefan cel Mare* II. Iaşi: „Viaţa românească" S.A.
Ciobanu V. 1985. *Ţările Române şi Polonia. Secolele XIV—XVI*. Bucureşti: Editura Academiei RSR.
CSŢR 1968: *Călători străini despre Ţările Române*. 1968. Vol. I. Bucureşti: Editura ştiinţifică.
Decei A. 1978. *Relaţii româno-orientale: Culegere studii*. Bucureşti: Editura Academiei RSR.
Giurescu C.C. 1967. *Tîrguri sau oraşe şi cetăţi moldovene din secolul al X-lea pînă la mijlocul secolului al XIV-lea*. Bucureşti: Editura Academiei RSR.
Golubovich P.G. 1913. *Biblioteca Bio-Bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francescano*. T. 2. *Addenda al sec. XIII, e fonti pel sec. XIV*. Firenza: Quaracchi Presso Firenze, Collegio di S. Bonaventura.
Iorga N. 1895—1897. *Acte şi fragmente cu privire la istoria Românilor*. Vol. I—III. Bucureşti: Impr. Statului.
Iorga N. 1899. *Studii istorice asupra Chiliei şi Cetăţii-Albe*. Bucureşti: Institutul de arte grafice C. Göbl.
Iorga N. 1925. *Istorie comerţului românesc. Epoca veche* I. Bucureşti: Lumina Românească.
LC 1958: Laonic Chalcocondil. 1958. *Expuneri istorice*. Scriptores Byzantini II. Bucureşti: Editura Academiei RPR.
Papacostea Ş. 1973. La începuturile statului moldovenesc. Consideraţii pe marginea unui izvor necunoscut. In: *Studii şi materiale de istorie medie* VI. Bucureşti: 43—58.
Pegolotti F.B. 1936. *La pratica della mercatura*. Cambridge, Massachusetts: The Mediaeval Academy of America.
Pistarino G. 1971. *Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360—1361)*. Bordighera: Istituto internazionale di studi liguri.
Spinei V. 1982. *Moldova în secolele XI—XIV*. Bucureşti: Editura ştiinţifică şi enciclopedică.
Şimanschi L. 1980. Cele mai vechi sigilii domneşti şi boiereşti din Moldova (1387—1421). *Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie «A.D. Xenopol»* XVII. Iaşi, 141—159.
Ševčenko I. 1971. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus. *Dumbarton Oaks Papers* 25, 117—188.

References

Badyan, V.V., Chiperis, A.M. 1974. In *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma (Feudal Taurica. Materials on the history and archaeology of Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 174—189 (in Russian).
Barabanov, O.N. 1995. In *Prichernomor'e v srednie veka (Northern Pontic Region in Middle Ages)* 2. Moscow: Moscow State University, 20—36 (in Russian).
Bilets'ka, O. 2004. *Podillya na zlami XIV—XV st.: do vytokiv formuvannya istorychnoï oblasti (Podolye at the turn of 14th—15th centuries: on the roots of formation of a historical region)*. Odessa: "Astroprynt" Publ. (in Ukrainian).
Bozhilov, I. 1979. *Anonimăt na Khaze: Bălgariya i Vizantiya na Dolni Dunav v kraya na X vek (Anonymous of Haza: Bulgaria and Byzantium on Lower Danube at the end of 10th century)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
Brun, F.K. 1879. In *Sbornik issledovanii po istoricheskoi geografii Iuzhnoi Rossii (1852—1877) (Compilation of studies into the historical geography of Southern Russia (1852—1877))*. Odessa (in Russian).
Bujskikh, S.B., Ievlev, M.M. 1991. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 89—104 (in Ukrainian).
Bârnea, P.P. 1984. *Moldavskii srednevekovyi gorod v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurech'e (XV— nachalo XVI v.) (Moldavian Medieval Town in the Dniester-Prut Interfluve (15th — early 16th century))*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).
Bârnea, P.P., Russev, N.D. 1988. In *Obshchee i osobennoe v razvitii feodalizma v Rossii i Moldavii (Common and distinctive traits in the development of feudal order in Russia and Moldova)* 1. Moscow: Institute of History of USSR, 147—152 (in Russian).
Puteshestviia i posol'stva gospodina Gill'berta de Lannua, kavalera Zolotogo runa, vladel'tsa Santa, Villervalia, Tronshiena, Bomona, Vageni v 1399—1450 godakh (Voyages et Ambassades de Messire Guillebert de Lannoy, 1399—1450). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* III, 443—465 (in Russian).
Gontsa, G.V. 1984. *Moldaviia i osmanskaia agressiia v poslednei chetverti XV — pervoi treti XVI v. (Moldova and Ottoman aggression in the last quarter of 15th — first third of 16th century)* Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).
Grushevsky, M.S. 1992—1995. *Istoriya Ukraïny-Rusy (History of Ukraine-Rus')*. T. I—VI. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
Gyuzelev, V. 1981. *Srednovekovna Bălgariya v svetlinata na novi izvori (Medieval Bulgaria in the light of new sources)*. Sofia: "Narodniya prosveta" Publ. (in Bulgarian).
Gyuzelev, V. 1995. *Ochertsi vărkhu istoriyata na Bălgarskiya severoiztok i Chernomorieto (kraya na XII — nachaloto na XV vek) (Essays on Early History of Bulgarian North-East and Northern Pontic Area (End of 12th — early 15th*

century)). Sofia: "Borina" Publ. (in Bulgarian).
Gyuzelev, V. 2001. *Venetsianski dokumenti za istoriyata na Bălgariya i bălgarite ot XII—XV v. (Venetian documents on the history of Bulgaria and Bulgarians in the 12th—15th century)*. Sofia: Glavno upravlenie na arkhivite (Main archive department) (in Bulgarian).
Danilova, E.V. 1974. In *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma (Feudal Taurica. Materials on history and archaeology of Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 189—214 (in Russian).
Dimitrov, B. 1984. *Bălgariya v srednovekovnata morska kartografiya XIV—XVI vek (Bulgaria in the Medieval sea cartography of 14th—16th century)*. Sofia: "Nauka i izkustvo" Publ. (in Bulgarian).
Zosima. 1984. In *Kniga khozhenii. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI—XV vv. (The Book of Pilgrimages. Notes of the Russian Travelers of 11th— 15th cc.)* Moscow: "Soviet Russia" Publ., 120—136 (in Russian).
Ilyushechkin, V.P. 1986. In *Klassy i sosloviia v dokapitalisticheskikh obshchestvakh Azii: Problema sotsial'noi mobil'nosti (Classes and estates in pre-capitalistic societies of Asia: problem of social mobility)*. Moscow: "Nauka" Publ., 45—67 (in Russian).
Istoriia narodnogo khoziaistva Moldavskoi SSR (s drevneishikh vremen do 1812 g.) (History of national economy of Moldavian SSR (from the most ancient times to 1812)). 1976. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).
Karpov, S.P. 1994. *Putiami srednevekovykh morekhodov: Chernomorskaia navigatsiia Venetsianskoi Respubliki v XIII—XV vv. (On the ways of medieval seamen: the Black Sea navigation of the Venetian Republic in the 13th—15th centuries.)* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Konovalova, I.G. 1983. In *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii SSSR dooktiabr'skogo perioda (Research on the source study of USSR history of the pre-October period)*. Moscow: USSR Institute of History (in Russian).
Konovalova, I.G. 1989. In *Izvestiia AN Moldavskoi SSR. Seriia obshchestvennykh nauk (Reports of the Academy of Sciences of Moldavian SSR. Social sciences series)* 1, 14—21 (in Russian).
Konovalova, I.G. 1991. In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. 1990 god (The most ancient states on the territory of USSR. 1990)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5—115 (in Russian).
Konovalova, I.G. 1994. In *Evul mediu timpuriu în Moldova (probleme de istoriografie şi istorie urbană). (Early Middle Ages in Moldova (problems of historiography and urban history)*. Chişinău: "Ştiinţa" Publ., 108—125 (in Russian).
Konovalova, I.G. 1999. *Vostochnaia Evropa v sochinenii al-Idrisi (Eastern Europe in the works of al-Idrisi)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
Konovalova, I.G., Russev, N.D. 1988. In *Sotsial'no-ekonomicheskaia i politicheskaia istoriia Moldavii perioda feodalizma (Social-economic and political history of Moldavia in the feudal period)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ., 33—45 (in Russian).
Konovalova I.G., Russev N.D. 1994. In *Evul mediu timpuriu în Moldova (probleme de istoriografie şi istorie urbană). (Early Middle Ages in Moldova (problems of historiography and urban history)* Chişinău: "Ştiinţa" Publ., 70—107 (in Russian).
Konovalova, I.G., Perkhavko, V.B. 2000. *Drevniaia Rus' i Nizhnee Podunav'e (Medieval Russia and the Lower Danube Region)*. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ. (in Russian).
Constantine Porphyrogenitus. 1991. *Ob upravlenii imperiei (De Administrando Imperio)*. Moscow: Nauka (in Russian).
Kravchenko, A.A. 1986. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII—XIV vv.) (Medieval Belgorod on the Dniester (late 13th—14th centuries))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
Kryp'yakevych, I.P. 1984. *Halyts'ko-Volyns'ke knyazivstvo (Principality of Galicia-Volhynia)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
Levchenko, M.V. 1956. *Ocherki po istorii russko-vizantiiskikh otnoshenii (Essays on the history of Russian-Byzantine relations)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
Maciej Miechowita. 1936. *Traktat o dvukh Sarmatiiakh (Tractatus de Duabus Sarmatis Europiana et Asiana et de Contentis in Eis)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
Medvedev, I.P. 2003. In *Mir Aleksandra Kazhdana. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia (The World of Alexander Kazhdan. To the Anniversary of 80 Years from Birth)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 160—172 (in Russian).
Medvedev, I.P. 2007. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 66 (99), 307—323 (in Russian).
Mokhov, N.A. 1974. In *Pol'sha i Rus' (Poland and Rus')*. Moscow: "Nauka" Publ., 298—307 (in Russian).
Muchenichestvo i zhitie sviatogo, vsekhval'nogo velikomuchenika Ioanna Novogo Trapezundskogo, postradavshego v Levkopole, nazyvaemom po obshchemu upotrebleniiu Akkerman (The Martyrdom and Life of Saint All-praised John the New of Trebizond, Who Suffered in Leukopolis that is Commonly Called Akkerman). 1875. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* IX, 149—160 (in Russian).
Nasonov, A.N. 1940. *Mongoly i Rus'. Istoriia tatarskoi politiki na Rusi (Mongols and Russia. History of Tatar politics in Russia)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
Naumov, E.P. 1974. In *Letopisi i khroniki. 1973 g. (Chronicles. 1973)* Moscow: "Nauka" Publ., 150—163 (in Russian).
Nikov, P. 1929. In *Bălgarska istoricheska biblioteka (Bulgarian historical library)* 3. Sofia, 136—141 (in Bulgarian).
Novgorodskaia pervaia letopis' starshego i mladshego izvodov (Novgorod First Chronicle of the early and late versions). 1950. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 3. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii Moldavskogo kniazhestva (poslednaia chetvert' XIV — nachalo XIX v.) (Essays from the External Political History of the Moldavian State (Last Quarter of 14th— early 19th cc.)). 1987. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).
Paraska, P.F. 1981. *Vneshnepoliticheskie usloviia obrazovaniia Moldavskogo feodal'nogo gosudarstva (External political conditions of the formation of Moldavian feudal state)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).
Povest' vremennykh let (Primary Chronicle). 1950. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
Podgradskaya, E.M. 1968. *Torgovye sviazi Moldavii so L'vovom v XVI—XVII vekakh (Trade relations of Moldavia with Lvov in the 16th—17th centuries)*. Kishinev: Central Committee of the Communist Party of the Moldavian SSR (in Russian).
Polevoy, L.L. 1979. *Ocherki istoricheskoi geografii Moldavii XIII—XV vv. (Essays on Political Geography of Moldavia in the 13th—15th centuries)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).
Polevoy, L.L. 1988. In *Sotsial'no-ekonomicheskaia i politicheskaia istoriia Moldavii perioda feodalizma ((Social-economic and political history of Moldavia in the feudal period)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ., 7—22 (in Russian).
Poliak, A.N. 1964. In *Vostochnye istochniki po istorii narodov Iugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy (Oriental sources on the history of people of South-Eastern and Central Europe)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 29—66 (in Russian).
Ponomarev, A.L. 2005. In *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 6. Moscow; Saint Petersburg: Aleteiia, 41—138 (in Russian).
Letopis' po Voskresenskomu spisku (Resurrection Version Chronicle). 1856. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 7. Saint Petersburg: Arkheograficheskaia komissiia (Archaeographic Commission) (in Russian).
Ipat'evskaia letopis' (Hypatian Codex). 1962. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles). Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).
Rusev, P., Davidov, A. 1966. *Grigorij Tsamblak v Rumăniya i v starata rumănska literatura (Grigory Tsamblak in Romania and old Romanian literature)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).
Russev, N.D. 1991. In *Iz istorii sotsial'nykh otnoshenii i obshchestvenno-politicheskogo dvizheniia v Moldove (XIV — nachalo XX v.) (From the history of social relations and social-political movement in Moldova (14th — early 20th centuries))*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ, 6—22

(in Russian).
Russev, N.D. 1997. In *Akkermanskie drevnosti (Akkerman Antiquities)* I. Belgorod-Dnestrovskii: "Iu.G.-kompani", 127—162 (in Russian).
Russev, N.D. 1999a. *Na grani mirov i epokh: goroda nizovii Dunaia i Dnestra v kontse XIII—XIV vv. (On the edge of worlds and epochs: towns from the Lower Danube and Lower Dniester regions in the late 13th—14th centuries)* Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
Russev, N.D. 1999b. In *Stratum plus* (5), 379—407 (in Russian).
Russev, N.D., Mel'nikov O.N. 2003—2004. In *Stratum plus* (6), 479—494 (in Russian).
Sakharov, A.N. 1982. *Diplomatiia Sviatoslava (Diplomacy of Svyatoslav)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia (in Russian).
Slaviano-moldavskie letopisi XV — XVI vv. (The Slavic-Moldavian Chronicles of the 15th—16th Centuries). 1976. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Sovetov, P.V. 1972. *Issledovaniia po istorii feodalizma v Moldavii (Ocherki istorii zemlevladeniia v XV—XVIII vv.) (Studies of History of Feudalism in Moldavia (Essays on History of Land Ownership in 15th—18th centuries))* 1. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).
Sokulskii, A.L. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 64—73 (in Russian).
Starokadomskaia, M.K. 1974. In *Feodal'naia Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma (Feudal Taurica. Materials on the history and archaeology of Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 162—173 (in Russian).
Tiesenhausen, V.G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collection of Materials Related to the History of Golden Horde*). Vol. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Abstracts from the Arabian Writings)*. Saint Petersburg: "Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk" Publ. (in Russian).
Tiesenhausen, V.G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collection of Materials Related to the History of Golden Horde).* Vol. 2. *Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii (Abstracts from the Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
Tikhomirov, M.N. 1979. *Russkoe letopisanie (Russian Annals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Todorova, E. 1981. In *Bălgarski srednovekovni gradove i kreposti (Bulgarian Medieval towns and fortresses)* I: *Gradove i kreposti po Dunav i Cherno more (Towns and fortresses in the Danube and Black Sea regions)*. Varna: "Georgi Bakalov" Publ., 217—243 (in Bulgarian).
Todorova, E. 1989. In *Istoriia SSSR (History of USSR)* (1), 170—184 (in Russian).
Tolochko, P.P. 1975. In *Drevnerusskie kniazhestva (Old Russian Principalities)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5—56 (in Russian).
Fedorov-Davydov, G.A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (Social structure of the Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
Fedorov-Davydov, G.A. 1976. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (8), 39—48 (in Russian).
Fomenko, I.K. 2001. In *Prichernomor'e v srednie veka (Northern Pontic Region in Middle Ages)* 5. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 40—107 (in Russian).
Kharitonov, S.V. 2003. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 10, 305—309 (in Russian).
Shabuldo, F.M. 1987. *Zemli Iugo-Zapadnoi Rusi v sostave Velikogo kniazhestva litovskogo (Lands of South-Western Russia as a part of Grand Duchy of Lithuania)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
Şlapac, M.E. 2001. *Belgorod-Dnestrovskaia krepost'. Issledovanie srednevekovogo oboronnogo zodchestva (Belgorod-Dnestrovsk fortress. Study on the Medieval defensive construction works)*. Kishinev: "ARC" Publ. (in Russian).
Yurgevich, V.N. 1863. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* V, 629—837 (in Russian).
Yatsimirskii, A.I. 1904. *Grigorii Tsamblak. Ocherk ego zhizni, administrativnoi i knizhnoi deiatel'nosti (Grigory Tsamblak. Essay on his life, administrative and literary activities)*. Saint Petersburg: The Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences (in Russian).
Yatsimirskii, A.I. 1906. *Iz istorii slavianskoi propovedi v Moldavii. Neizvestnye proizvedeniia Grigoriia Tsamblaka, podrazhaniia emu i perevody monakha Gavriila (From the history of Slavic Sermon in Moldova. Unknown works of Grigory Tsamblak, imitations of his works and translations by monk Gavriil)*. Saint Petersburg: "I.N. Skorokhodov" Publ. (in Russian).
Aboulfeda. 1848. *Géographie d'Aboulfeda* II. Paris: Imprimerie nationale.
Balard, M. 1973. *Gènes et l'Outre-Mer* 1. *Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289—1290*. Paris; La Haye: Mouton.
Balard, M. 1980. *Gènes et l'Outre-Mer* 2. *Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo, 1360*. Paris; New York: Ecole des hautes études en sciences sociales; Mouton cop.
Beldiceanu, N. 1969. La Moldavie ottomane à la fin du XVe siècle. *Revue des études islamiques* XXXVII (2). Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner.
Bogdan, I. 1913. *Documentele lui Ştefan cel Mare* II. Bucureşti: Atelierele grafice SOCEC & Co.
Brătianu, G.I. 1926. Les Bulgares a Cetatea Albă (Akkerman) au debut du XIV siecles. In: *Byzantion* II. Paris: 153—167.
Brătianu, G.I. 1935. *Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Contributions a l'histoire de la domination byzantine et tatare et du commerce gènois sur le littoral roumain de la Mer Noire*. Bucureşti.
Cronici turceşti privind Ţările Române. 1966. Vol. I. Bucureşti: Editura Academiei RSR.
Documenta Romaniae Historica. 1975. A. *Moldova*. Vol. I: *1384—1448*. Bucureşti: Editura Academiei RSR.
Documenta Romaniae Historica. 1976. A. *Moldova*. Vol. II: *1449—1486*. Bucureşti: Editura Academiei RSR.
Câmpina B. 1973. Despre rolul genovezilor la gurile Dunării în secolele XIII—XV. In: Mioc D., Stănescu E. (eds.). *Scrieri istorice* I. Bucureşti: Editura Academiei RSR, 47—135.
Costăchescu, M. 1932. *Documentele moldoveneşti înainte de Ştefan cel Mare* II. Iaşi: „Viaţa românească" S.A.
Ciobanu, V. 1985. *Ţările Române şi Polonia. Secolele XIV—XVI*. Bucureşti: Editura Academiei RSR.
Călători străini despre Ţările Române. 1968. Vol. I. Bucureşti: Editura ştiinţifică.
Decei, A. 1978. *Relaţii româno-orientale: Culegere de studii*. Bucureşti: Editura Academiei RSR.
Giurescu, C.C. 1967. *Tîrguri sau oraşe şi cetăţi moldovene din secolul al X-lea pînă la mijlocul secolului al XIV-lea*. Bucureşti: Editura Academiei RSR.
Golubovich, P.G. 1913. *Biblioteca Bio-Bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francescano.* T. 2. *Addenda al sec. XIII, e fonti pel sec. XIV*. Firenza: Quaracchi Presso Firenze, Collegio di S. Bonaventura.
Iorga, N. 1895—1897. *Acte şi fragmente cu privire la istoria Românilor*. Vol. I—III. Bucureşti: Impr. Statului.
Iorga, N. 1899. *Studii istorice asupra Chiliei şi Cetăţii-Albe*. Bucureşti: Institutul de arte grafice C. Göbl.
Iorga, N. 1925. *Istoria comerţului românesc. Epoca veche* I. Bucureşti: Lumina Românească.
Laonic Chalcocondil. 1958. *Expuneri istorice*. Scriptores Byzantini II. Bucureşti: Editura Academiei RPR.
Papacostea, Ş. 1973. La începuturile statului moldovenesc. Consideraţii pe marginea unui izvor necunoscut. In: *Studii şi materiale de istorie medie* VI. Bucureşti: 43—58.
Pegolotti, F.B. 1936. *La pratica della mercatura*. Cambridge, Massachusetts: The Mediaeval Academy of America.
Pistarino, G. 1971. *Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360—1361)*. Bordighera: Istituto internazionale di studi liguri.
Spinei, V. 1982. *Moldova în secolele XI—XIV*. Bucureşti: Editura ştiinţifică şi enciclopedică.
Şimanschi, L. 1980. Cele mai vechi sigilii domneşti şi boiereşti din Moldova (1387—1421). *Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol"* XVII. Iaşi, 141—159.
Ševčenko, I. 1971. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus. *Dumbarton Oaks Papers* 25, 117—188.

А. Г. Еманов

Alexander Emanov. Doctor of Historical Sciences. Tyumen State University [1].

Еманов Александр Георгиевич. Доктор исторических наук. Тюменский государственный университет.

E-mail: a_emanov@mail.ru

Address: [1] Lenin St., 23, Tyumen, 625003, Russian Federation

Дж. Каталано из Солдайи первой четверти XV века: эпиграфический экзерсис

Keywords: Crimea, Soldaia, Genoa, 15th cent., Catalano, Latin epygraphy.

Ключевые слова: Крым, Солдайя, Генуя, XV в., Каталано, латинская эпиграфика.

A. G. Emanov

G. Catalano of Soldaia of the First Quarter of 15th Century: an Epigraphic Exercise

The article studies a Genoese inscription from Soldaia, written in Latin and dated by 1423. In 19th—20th centuries, different scientists, like G. Oderico, P. Keppen, V. Yurgevich, C. Desimoni, E. Skrzinskaya and others have proposed different readings of the inscription. However, an important semantic part of the inscription remained unexplained. One of the factors which made it difficult to decode the inscription was its hardly accessible location.

The use of digital photography permitted the author to obtain a qualitative image and to entirely reconstruct the inscription. Basing on its content, the author assumes that G. Catalano, mentioned in the inscription, was not the Genoa's consul in Soldaia, as thought earlier, but a catholic bishop of the town, who initiated construction of the cathedral. Below the inscription, there are two coats of arms belonging to the Genovese families who provided financial support to the construction. One of these coats of arms was identified as representing the Goano family.

А. Г. Еманов

Дж. Каталано из Солдайи первой четверти XV века: эпиграфический экзерсис

В статье исследуется генуэзская надпись из Солдайи на латинском языке, датированная 1423 г. На протяжении XIX—XX вв. различные варианты ее прочтения предлагали Г.Л. Одерико, П.И. Кеппен, В.Н. Юргевич, К. Десимони, Е.Ч. Скржинская и др. Однако важная семантическая часть этой надписи осталась не расшифрованной. Одним из факторов, затруднявших исследование надписи, являлось ее труднодоступное расположение.

Использование цифровой фотографии позволило автору получить изображение и осуществить полную реконструкцию данной надписи. На основании ее содержания выдвигается точка зрения, что упоминаемый в ней Дж. Каталано был не генуэзским консулом в Солдайе, как предполагали ранее, а католическим епископом города, по инициативе которого было начато строительство собора. Под надписью расположены два герба генуэзских родов, представители которых сделали пожертвования на это строительство; один из них идентифицирован как принадлежащий роду Гоано.

Многочисленные посетители одного из самых импозантных памятников средневековой фортификации в Восточной Европе — генуэзской крепости в Судаке — непременно оказываются около массивного здания кубической формы с большим куполом. Это — храм, который во времена генуэзского господства, во второй — третьей четвертях XV века, был кафедральным собором для католиков, а после турецкого завоевания служил мечетью для мусульман. Едва ли кто удержится от искушения войти вовнутрь этого здания. Перед взором окажутся монументальные плиты с таинственной вязью каких-то восточных письмен, мраморные и песчаниковые блоки с распознаваемыми буквами латинского алфавита и загадочными гербами, трудно угадываемые лики святых, рельефное обрамление огромной ниши, почти во всю высоту помещения. На южной

© А. Г. Еманов, 2015.

стене храма, возле того места, где устанавливался алтарь, под самыми сводами, усматривается длинная надпись на латинском языке в две строки (рис. 1).

Рассмотреть ее невооруженным глазом довольно затруднительно — нужны высококачественная оптика и ровное освещение; последнее особенно трудно достижимо. Скопировать надпись с помощью привычного эстампажа — накладывания на буквы напитанной влагой бумаги — едва ли возможно. Не удивительно, что этого никому не удавалось. Выручить может лишь техническое оснащение человека XXI в. — цифровая фотокамера.

Это аффективное обращение из средневекового прошлого, заведомо рассчитанное на столетия вперед, не раз становилось объектом пристального внимания просвещенных эрудитов, путешествовавших по историческим местам крымского побережья, любителей древностей и, конечно, историков.

Одно из первых описаний эпиграфического памятника оставил в конце XVIII в. профессор теологии Гаспаро Луиджи Одерико (Oderico 1792: 211). Он пытался прочесть латинскую надпись на архивольте алтарной ниши в главном зале; в частности, он различил большую часть знаков даты «MCCCLXXXII». Но итальянский ученый ошибочно идентифицировал четвертый знак «C», слегка стертый сверху, как «L»; не распознал он и восьмой знак: он принял «I» за «X». Чтение остального текста он оставил для будущих поколений историков. Исходя из своей скромной дешифровки, Одерико считал постройку итальянской и датировал ее концом XIV в.

В первой половине XIX в. здание обследовали академик П.И. Кеппен (1793—1864) (Кеппен 1837: 126—128) и французский просветитель Ф. Дюбуа де Монпере (Dubois de Montpereux 1843: 359). Последний, в частности, смог прочесть часть фразы в латинской надписи: «HOC OPUS FIERI FECIT» («это творение велел возвести»).

Во второй половине XIX в. строение дважды осматривал один из руководителей Одесского общества истории и древностей, профессор Новороссийского университета В.Н. Юргевич (1818—1898) (Юргевич 1863: 174; 1875: 398). Он характеризовал его как «генуэзскую капеллу», которая использовалась в турецкое время как мечеть, а затем, уже после присоединения Крыма к России, короткое время служила православным храмом. Боковой пристрой исследователь считал ризницей, которая потом была переделана в притвор. Его внимание привлек резной карниз над дверным проемом притвора, на котором им были распознаны латинские буквы в начале и конце фразы: «BE...» и «...E DEO»; всю строку Юргевич предложил прочесть: «BEATUS EST QUI SERVIT DIGNE DEO» («Блажен тот, кто служит Богу»). Сегодня от этого фрагмента остаются только три буквы: «DEO». В ту пору на нижнем камне у порога просматривался еще рельеф Св. Георгия, восседавшего верхом на коне. Он, однако, не сохранился.

В.Н. Юргевич немало потратил сил на прорисовку и транскрибирование надалтарной надписи. Первую попытку прочтения текста он предпринял в 1863 г.: «IN CHRISTE NOMINE AMEN. MCCCCXXII, DIE IIII JANUARII [HOC] OPUS FECIT FIERI DOMINE CONSUL TALANUS CHRISTIANUS MONDIANA» («Во имя Христа Аминь. 1422 год, 4 января, эту постройку сооружил (sic!) господин консул Талано Кристиано Мондиана») (Юргевич 1863: 174). Им была дана далекая от действительности реконструкция титулатуры, личного и родового имени создателя храма; только-только формирующийся список генуэзских консулов Солдайи поспешно «пополнился» никогда не существовавшим «Талано Кристиано Мондианой». Кроме этого, остался не считанным один знак «I» в datatio.

В 1875 г. В.Н. Юргевич под воздействием эпистолярного общения с К. Десимони, директором Генуэзского архива и основателем Лигурийского общества истории, предложил иное чтение: «IN CHRISTI NOMINE AMEN. MCCCCXXIII DIE IIII IANUARII HOC OPUS FECIT FIERI DOMINE R. CATALANUS. CHRISTUS CUSTODIAT» (Во имя Христа Аминь. 1423 год, 4 января, эту постройку соорудил (sic!), господи, Р. Каталано. Да хранит Христос!) (Юргевич 1875: 398). Здесь получили уточнение датировка и родовое имя, прояснилась концовка надписи, однако остались непонятными статус названного лица, его личное имя, кто и кого призван «хранить». Однако благодаря Десимони и Юргевичу впервые появилась фамилия «Каталано» в качестве творца солдайского собора, без преувеличения духовной доминанты средневекового города.

Несколько лет спустя рассматриваемый памятник описывал священник Кушнерев (Кушнерев 1885: 7). Он обратил внимание на геральдическую плиту в углу возле входа; гербы на плите были сбиты, надпись распознавалась частично: «в 1450 году, в первый день июня, во время правления выдающего-

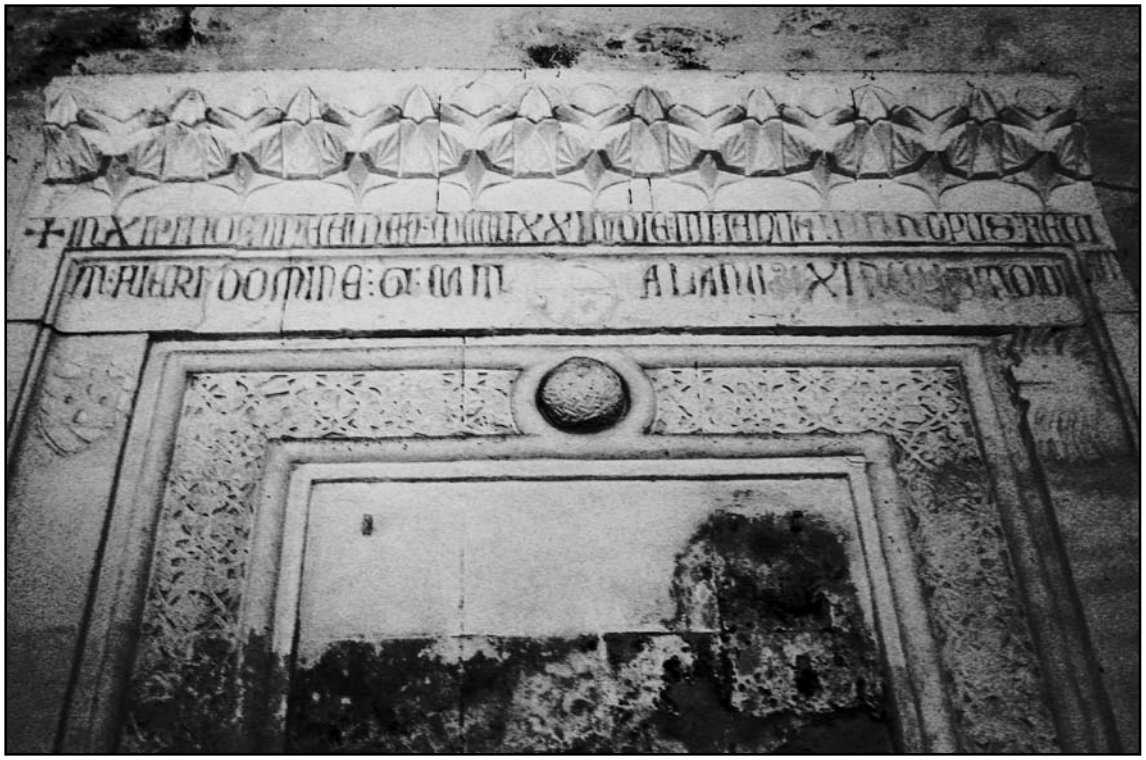


Рис. 1. Генуэзская надпись 1423 г. из Судакской крепости (Солдайи) (фото автора).

Fig. 1. Genoese inscription of 1423 from Sudak fortress (Soldaia) (photo by the author).

ся мужа господина Бенедетто де…, консула и кастеллана Сол(дайи)». Эта плита оказалась утраченной в начале XX в.

В 20-е гг. XX в., почти одновременно, но независимо друг от друга, постройку и ее латинскую эпиграфику изучали Е. Ч. Скржинская (1891—1981) (Скржинская 1926: 2; Skrzinska 1928) и Н. Ф. Лапин (Лапин 1928). Оба автора рассматривали данный памятник как итальянский и датировали первой четвертью XV в., хотя давали различную транскрипцию и надписи и особенно даты.

В частности, Е. Ч. Скржинская предложила такое чтение: «IN XIPI NOMINE AMEN MCCCCXXIII DIE IIII IANUA[RII HOC] OPUS FECIT FIERI DOMINE G CATALAN[US] XI …US TODI AT» (Skrzinska 1928: 122—123). Инициал имени Каталано ею был прочитан как «G», что соответствовало действительности, однако окончание текста оставило у исследовательницы непреодолимые сомнения. Надо сказать, пренебрежительное отношение искушенного питерского эпиграфиста к Юргевичу не позволило ей оценить интуитивно угаданный одесским историком финал лапидарного послания.

Реконструкция текста Н. Ф. Лапиным создавала еще больше препятствий: «IN XIPI NOMINE AMEN MCCCCIIXXIIII DIE IANUA[RII HOC] OPUS FECIT FIERI DOMINE G CATALANUS XI …TODI AT». Совершенно невразумительной была дата, и автор перекладывал бремя ошибок на средневекового резчика инскрипции.

После Второй мировой войны на названном объекте были проведены обширные археологические изыскания, масштабные реставрационные работы, в ходе которых появился обильный новый материал.

О. И. Домбровский (Домбровский 2005: 612—620) впервые подверг специальному изучению фрески. При расчистке штукатурки на западном пилястре были выявлены три генуэзских герба, один из которых ученый склонен был определять как консульский. Он предложил и иное чтение даты латинской надписи на архивольте: «MCCCCLXXIII», отнеся постройку к последним годам существования генуэзской колонии в Солдайе. Само здание он считал «домом консульства», а главное помещение называл «присутственным залом».

М. А. Фронджуло (Фронджуло 2005: 621—631) продолжил археологические изыскания загадочного здания, воздержавшись называть его «генуэзской капеллой», и только что появившееся обозначение «храм с аркадой» он предпочитал брать в кавычки.

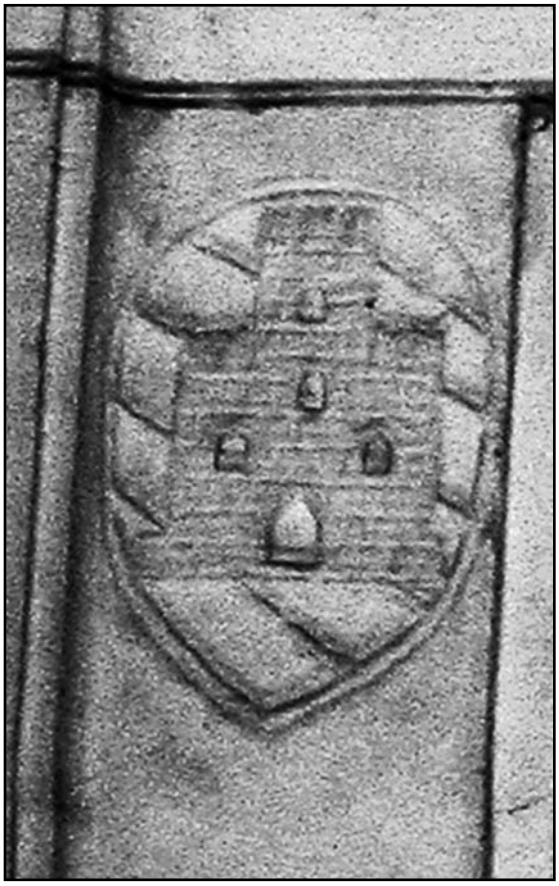


Рис. 2. Герб генуэзского рода Гоано (фото автора).

Fig. 2. Coat of arms of the Genoese Goano family (photo by the author).

Археолог пришел к убеждению, что здание стало возводиться еще до утверждения генуэзцев в Солдайе в 1365 г.; по строительным приемам оно отражало восточные архитектурные традиции. И изначально это строение предназначалось служить мечетью для мусульманского населения города. Возможно, полагал Фронджуло, что строительство не было полностью завершено к моменту завоевания Солдайи генуэзцами в 1365 г. Новые правители города предпочли использовать внушительное здание для хозяйственных целей, свидетельством чему был не свойственный культовым строениям археологический материал. Возможно, заключал ученый, что в дальнейшем в этом здании было размещено одно из административных учреждений генуэзской крепости Солдайи.

Архитектурные достоинства солдайской фортификации, в том числе и интересующего здесь «храма с аркадой», анализировались Е. И. Лопушинской. В целом, она не сомневалась в итальянской атрибуции постройки. Однако смысл основной латинской надписи ею был сильно искажен по сравнению с данными Е. Ч. Скржинской и Н. Ф. Лапина. К примеру, автор, не давая латинской транскрипции, предлагала такой перевод: «Во имя Христа аминь. 1422 года, 4 дня января, эту постройку велел сделать … консул Талано Кристиано Мондиано»; на подобном чтении сказалась устаревшая транскрипция В. Н. Юргевича 1863 г. (Лопушинская 1991: 66).

Неоднократно к этому загадочному памятнику обращался И. А. Баранов (Баранов 2005: 632—653). Латинскую надпись на архивольте он датировал, как и О. И. Домбровский, 1473 г. Называвшегося в инскрипции Каталано он отказывался признавать консулом или каким-либо другим генуэзским официалом Солдайи, уже потому, что тот не был генуэзцем. Исследователь полагал, что Каталано не был нобилем; скорее всего, он являлся купцом из числа каталонцев, активно торговавших в Латинской Романии и, в частности, в генуэзских владениях в Крыму. Соответственно, надпись он предлагал воспринимать не как официальную, но как донаторскую, составленную от частного лица, дарителя. Предложенное им чтение выглядело следующим образом: «IN XIPI NOMINE FMEN MCCCCLXXIII DIE IIII IANUA[rii hoc] OPUS FECIT FIERI DOMINE G CATALANUS XI CUSTODIAT»; за исключением поправки в datatio и инициала имени автор принял транскрипцию В. Н. Юргевича 1875 г.

В начале XXI в. к анализируемой надписи и геральдике обратилась петербургская исследовательница Е. А. Яровая (Яровая 2004: 191). Она обратила внимание на знаки креста и их место в тексте: «† IN XIRI NOMINE AMEN MCCCCXXIII DIE IIII IANUA[rii hoc] OPUS FECI † T FIERI DOMINE G CAT † ALAN[us] XI …US TOTI AT». Сущность эпитета «domine» оставалась невнятной, а последние восемь букв вообще предстают бессмысленным набором. Тем не менее, ценной была атрибуция одного из гербов с изображением крепости, который автор идентифицировала как герб генуэзского рода Гоано (рис. 2). Второй герб с львиной головой остался без атрибуции (рис. 3).

В то же самое время трудно поддающаяся расшифровке солдайская лапидарная мемория становилась объектом внимания московского эпиграфиста Д. В. Валькова (Вальков 2004: №51). Однако то ли отсутствие достаточного времени для аутопсии, то ли сложности технического характера не позволили автору продвинуться дальше в понимании тек-

ста, и он предпочел согласиться с чтением Е. Ч. Скржинской.

В летний сезон 2003 г. с любезного позволения директора Историко-архитектурного музея «Судакская крепость» А. М. Фарбея нам удалось сделать достаточно качественную цифровую съемку надписи, гербов и каменной резьбы всего обрамления алтарной ниши, а затем осуществить компьютерную обработку снимков.

Результатом стала следующая транскрипция [1]:

«† IN XIPI NOMINE AMEN MCCCCXXIII DIE IIII IANUA[rii hoc] OPUS FECI |

†T FIERI DOMIN[u]S G[erolamus] CAT†ALAN[us] XI N[omen] CUSTODIAT |»

(«† Во имя Хри[ста], аминь [!] В 1423 году, в четвертый день янва[ря], это строение веле†л возвести господин Дж[ироламо] Ката†лано. Да хранит [имя] Х[риста!]»).

Информационные методы позволяют точно прочесть финальное слово «custodiat». Оказалось, что между этим глаголом и контракцией имени Христа «XI» еще высечена буква «N», являющаяся аббревиатурой слова «nomen». Окончание слова «domin» следует прочитывать не как готическое «E», как это виделось предшественникам, но как «[u]S»; соответственно это проблемное слово находилось в том же именительном падеже, что и имя Каталано; стало быть, «dominus» — это почетный эпитет названного в надписи лица.

В двухстрочной инскрипции — три креста: два в начале каждой строки и один помещен в круге в центре нижней строки, разделяя фамилию на две почти равные части. Вообще для формуляра латиноязычных генуэзских надписей средневековья свойственно использование *invocatio signi* в форме креста, которым обычно начинается текст (Вальков 2003: 127—164). Здесь же *invocatio signi* не только открывает все сообщение, но и является зачином второй строки, знаменательной указанием на действие и действующее лицо; причем этот знак словно вклинивается в глагол «feci», оказываясь перед перенесенным окончанием «t». Определенно, он призван акцентировать особо значимый акт. Третий *signum crucis* в круге далеко не случайно совмещен с именем: он являлся, вероятнее всего, знаком поминовения данного лица, последним действием которого на солдайской земле стало распоряжение о строительстве. Круг, как известно, был

Рис. 3. Герб с львиной головой (фото автора).

Fig. 3. Coat of arms with a lion's head (photo by the author).

одним из символов Бога (Guénebault 1845). И в соотнесенности с именем и *signum crucis* он мог указывать на восхождение души почившего и будущее соединение ее с Богом. Надежду на это могло дать строительство не какого-то профанного складилища и даже не консульских апартаментов, но храма.

Выразительна контракция сакрального имени Бога-Сына, дважды помещенного в надписи, в ее начале и конце. Обычно *nomen Christi* в латинских надписях средневековой эпохи фиксируется в форме «XRI» (Chassant 1866), где слиты греческая «хи» и латинские буквы «RI». В солдайской версии имени Христа — «XIPI», как будто, ощущается более сильный греческий акцент, когда удваивается «йота» и вместо латинской буквы «R» вырезается греческая «ро».

Финальное «XI» не просто образует раму, начинавшуюся и заканчивавшуюся именем Христа, но связано с инициалом подлежащего «n [omen]» и сказуемым «custodiat»: «Да хранит (это здание) имя Христа!». Здесь отчетливо обозначается верховный патронат Иисуса Христа, что имело смысл, прежде всего, по отношению к храмам, освящаемым обычно именами Богоматери, апостолов и святых, да к крепостным башням, носящим имена святых воителей.

[1] [ ] — реконструируемые знаки; | — конец строки.

Кем же был Дж. Каталано, начавший строительство этого замечательного собора? Инициал «G» может иметь самые различные расшифровки: «Georgius», «Gregorius», «Gabriel», «Gasparinus», «Gentile», «Guilelmus», «Gotifredus», «Gerolamus». Здесь приведены лишь имена, свойственные антропонимии Генуэзской Газарии XIV—XV вв. Едва ли до указанного в тексте времени мог дожить часто фигурировавший в массариях Кафы 1374, 1381—1382 гг. Джульельмо Каталано, который был то социем, то балистарием, то кустодом одних из кафинских ворот (Пономарев 2005: 66, 86); к тому же доходы наемного воина едва ли позволяли стать заказчиком столь грандиозного проекта.

Реальнее всего, это мог быть один из католических епископов Солдайи. Эпитет «dominus» вполне соответствовал такому статусу. К сожалению, сведения о солдайских пастырях крайне скудны. Известны лишь два — три имени: Агостино из Кафы, который занял епископскую кафедру в Солдайе в 1432 г., через девять лет после начала строительства храма, Джованни из Перы, ставший городским первосвященником в 1456 г., да Леонард Висбах, переведенный из Германии в 1480 г., уже после захвата города турками (Eubel 1901: 264).

Более предпочтительной расшифровкой *nominatio* может служить имя «Gerolamus» (по-гречески «Ἱερώνυμος», церковная латинизация «Hieronimus»). Под таким именем, Hieronimus, но без указания фамилии, действовал католический епископ Кафы в 1404—1417 гг., уступивший затем эту должность небезызвестному Готифредо Чигала (Gams 1873: 432; 1957: 432; Eubel 1913: 154—155). Возможно, подобная практика была обычной, что из Кафы сей Джироламо был переведен в Солдайю, где он мог пробыть в епископском сане последние годы жизни (1417—1423 гг.) и завершить свой жизненный путь великим начинанием. Род, к которому принадлежал Джироламо, не обязательно был каталонского происхождения; он мог быть связан с южноитальянским кланом, действовавшим в Латинской Романии и Константинополе (Prosopographisches 1981: fasz. 5, N 11430, 11431 (Καταλάνος); Balard 2003: 103—111; Cabestany 2003: 309—323). Если консулом Солдайи мог стать только представитель нобилитета и только гражданин Генуи, то епископом позволительно было быть выходцу из любого сословия и из любой страны католического мира, в том числе из Каталонии или Королевства обеих Сицилий.

Мысль о епископском статусе Джироламо Каталано подкрепляется упоминанием той же самой фамилии на колодезном камне, который сохранялся в Судаке в немецкой колонии еще в конце XIX в. и описывался В. Н. Юргевичем (Юргевич 1875: 398), но впоследствии оказался утраченным. Дело в том, что колодцы и водопровод по обычаям Кафы и других генуэзских городов Крыма находились под попечением архипастырей. И этот обычай затем был узаконен в статуте Кафы 1449 г. (Statutum Caphae 1879: 567—680).

Что касается двух гербов, высеченных на правой и левой сторонах резной рамы, то они никак не связаны с родом Каталано. По мнению Е. А. Яровой (Яровая 2004: 191; 2005: 146), герб с правой стороны принадлежал генуэзскому роду Гоано: его поле разделено тремя рельефными и тремя врезными перевязями справа; в центре помещен двухэтажный донжон. Представители этого рода известны в Кафе и Крыму с 1290 г.; самый прославленный его представитель Бернабо Гоано, юрист и дипломат, был дожем Генуи в 1415—1416 гг. (Buonadonna, Marcenaro 2000: 36). Герб с левой стороны с львиной головой пока остается не определенным.

На характеризуемые геральдические изображения обращала внимание Е. А. Айбабина (Айбабина 2004: 182); она отмечала герб с «трехбашенным замком» и образ «льва с пышной гривой»; последний она предпочитала называть не гербом, но «геральдическим символом», воздержавшись от идентификаций.

Возможно, эти геральдические эмблемы указывали на имена знатных донаторов, внесших наиболее крупные пожертвования на строительство храма, что практиковалось церковью.

Таким образом, никому не ведомый Каталано, оставивший память о себе в сохраняющейся почти шестьсот лет монументальной мемории и величественной соборной постройке, с большей степенью вероятности, был одним из католических епископов Солдайи в первой четверти XV в. В соответствии со своим долгом и подобающими его сану средствами он заботился о спасении и защите граждан города от надвигавшейся турецкой опасности.

Литература

Айбабина Е. А. 2004. Плита башни Якопо Торселло Судакской крепости. В: Мыц В. Л. (гл. ред.). *«О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»*. По материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П. И. Кеппена. Киев: Стилос, 181—185.

Баранов И. А. 2005. Зальное купольное здание Судакской крепости. *Сугдейский сборник* II. Киев; Судак, 632—653.

Вальков Д. В. 2003. Эволюция формуляра эпиграфических памятников Генуи (IX—XIV вв.). *Средние века* 64. Москва, 127—164.

Вальков Д. В. 2004. *Эпиграфическая традиция Генуи и Генуэзской Романии: VIII — 70-е годы XV века*. Дисс. … канд. ист. наук. Ч. II. Москва: МГУ.

Домбровский О. И. 2005. Средневековое купольное здание Судакской крепости. *Сугдейский сборник* II. Киев; Судак, 612—620.

Кеппен П. И. 1837. *Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Кушнерев Д. 1885. *Судакская долина и генуэзская древняя капелла*. Одесса.

Лапин Н. Ф. 1928. *Судак*. Москва: Госиздат.

Лопушинская Е. И. 1991. *Крепость в Судаке*. Киев: Будівельник.

Пономарев А. Л. 2005. Путеводитель по рукописи массарии Каффы 1374 г. В: Карпов С. П. (ред.). *Причерноморье в средние века* 6. Санкт-Петербург: Алетейя, 41—138.

Скржинская Е. Ч. 1926. Латинские надписи из генуэзских колоний в Крыму. *Бюллетень конференции археологов СССР в Керчи* 2. Керчь, 2.

Фронджуло М. А. 2005. Раскопки «храма с аркадой» Судакской крепости (1969—1975). *Сугдейский сборник* II. Киев; Судак, 621—631.

Юргевич В. Н. 1863. Генуэзские надписи в Крыму. *ЗООИД* V, 157—177.

Юргевич В. Н. 1875. Донесение о поездке в Крым. *ЗООИД* IX, 397—402.

Яровая Е. А. 2004. *Геральдика генуэзского нобилитета по каменным плитам из Каффы, Солдайи и Чембало (XIV — первая треть XVI вв.)*. Дисс. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Яровая Е. А. 2005. Генеалогия и геральдика генуэзских официалов Крыма (по материалам лапидарного наследия Кафы, Солдайи и Чембало XIV—XV вв.). В: Карпов С. П. (ред.). *Причерноморье в Средние века* 6. Санкт-Петербург: Алетейя, 139—169.

Balard M. 2003. Les catalans dans l'Outre-Mer génois aux XIII—XIV siècles. In: Ferrer i Mallol M. T. (ed.). *Els Catalans a la Mediterrània oriental a l'Edat Mitjana*. Barcelona: Institut d'estudis Catalans, 103—128.

Buonadonna S., Marcenaro M. 2000. *Rosso Doge. I Dogi della Repubblica di Genova dal 1339 al 1797*. Genova: De Ferrari Ed.

Cabestany i Fort J. J. 2003. Els consolats Catalans d'Ultramar a l'Orient (1262—1549). In: Ferrer i Mallol M. T. (ed.). *Els Catalans a la Mediterrània oriental a l'Edat Mitjana*. Barcelona: Institut d'estudis Catalans, 309—326.

Chassant L.-A. 1866. *Dictionnaire des abbreviations latines et françaises usitées dans les inscriptions lapidaries et métalliques, les manuscripts et les chartes du moyen âge*. Paris: A. Aubry.

Dubois de Montpereux F. 1843. *Voyage autour du Caucase*. Vol. V. Paris: Librairie de Gide.

Eubel K. 1901. Augustinus de Capha, Ioannes de Pera, Leonardus Wisbach. In: *Hierarchia catholica medii aevi*. Vol. II. *Monasterii*, 264.

Eubel K. 1913. Hieronimus, Giffridus Cigalla. In: *Hierarchia catholica medii aevi*. Vol. I. *Monasterii*. Patavii: Typis et sumptibus Domus Editorialis, 154—155.

Gams P. B. 1873. *Series episcoporum ecclesiae catholicae*. Vol. 1. Regensburgiae: J. Manz.

Gams P. B. 1957. *Series episcoporum ecclesiae catholicae*. Vol. 1. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt.

Guénebault L.-J. 1845. *Dictionnaire iconographique des monuments de l'antiquité chrétienne et du moyen âge*. Vol. 1. Paris.

Oderico G. L. 1792. *Lettere lingustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa, ed altri luoghi della Crimea posseduti un tempo da' Genovesi, e spiegati de' monumenti*. Bassano.

Prosopographisches 1981: *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit*. 1981. Erst. von E. Trapp. Fasz. 5. Wien: ÖAW.

Skrzinska E. 1928. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. *Atti della società Ligure di storia Patria* LVI. Genova: Per Tommaso Ferrando, 30—140.

Statutum Caphae. 1879. A cura di A. Vigna. *Atti della società Ligure di storia patria* VII. P. II. Genova: Per Tommaso Ferrando, 567—680.

References

Aibabina, E. A. 2004. In *«O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh». Po materialam konferentsii v chest' 210-letiia so dnia rozhdeniia P. I. Keppena ("On the antiquities of the Southern shore of Crimea and Tauric mountains": proceedings of the conference organized to honour 210 years from the birth of P. I. Keppen)*. Kiev: "Stilos" Publ., 181—185 (in Russian).

Baranov, I. A. 2005. In *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia compilation)* II. Kiev; Sudak, 632—653 (in Russian).

Valkov, D. V. 2003. In *Srednie veka (Middle Ages)* 64. Moscow, 127—164 (in Russian).

Valkov, D. V. 2004. *Epigraficheskaia traditsiia Genui i Genuezskoi Romanii: VIII — 70-e gody XV veka (Epigraphic tradition of Genoa and Genoese Romania: 8th — 70's of 15th century)*. Diss. … kand. ist. nauk. Part II. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Dombrovskii, O. I. 2005. In *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia compilation)* II. Kiev; Sudak, 612—620 (in Russian).

Keppen, P. I. 1837. *Krymskii sbornik. O drevnostiakh iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (Crimean Collected Works. On the antiquities of the Southern shore of Crimea and Tauric mountains)*. Saint Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Kushnerev, D. 1885. *Sudakskaia dolina i genuezskaia drevniaia kapella (Sudak valley and Genoa ancient chapel)*. Odessa (in Russian).

Lapin, N. F. 1928. *Sudak (Sudak)*. Moscow: Gosizdat (in Russian).

Lopushinskaya, E. I. 1991. *Krepost' v Sudake (The fortress in Sudak)*. Kiev: "Budivel'nik" Publ. (in Russian).

Ponomarev, A. L. 2005. In *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea region in the Middle Ages)* 6. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 41—138 (in Russian).

Skrzhinska, E. Ch. 1926. In *Biulleten' konferentsii arkheologov SSSR v Kerchi (Bulletin of the USSR Archaeologists Conference in Kerch)* 2. Kerch, 2 (in Russian).

Frondzhulo, M. A. 2005. In *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Works)* II. Kiev; Sudak, 621—631 (in Russian).

Yurgevich, V. N. 1863. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* V, 157—177 (in Russian).

Yurgevich, V. N. 1875. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* IX, 397—402 (in Russian).

Yarovaia, E. A. 2004. *Geral'dika genuezskogo nobiliteta po kamennym plitam iz Caffa, Soldaia i Cembalo (XIV — pervaia tret' XVI vv.) (Heraldry of Genoese noble families basing on the stone slabs from Caffa, Soldaia and Cembalo (14th — first third of the 16th century)).* Diss. … kand. ist. nauk. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Yarovaia, E. A. 2005. In *Prichernomor'e v Srednie veka (Black Sea region in the Middle Ages)* 6. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 139—169 (in Russian).

Balard, M. 2003. Les catalans dans l'Outre-Mer génois aux XIII—XIV siècles. In: Ferrer i Mallol M.T. (ed.). *Els Catalans a la Mediterrània oriental a l'Edat Mitjana*. Barcelona: Institut d'estudis Catalans, 103—128.

Buonadonna, S., Marcenaro, M. 2000. *Rosso Doge. I Dogi della Repubblica di Genova dal 1339 al 1797*. Genova: De Ferrari Ed.

Cabestany i Fort, J. J. 2003. Els consolats Catalans d'Ultramar a l'Orient (1262—1549). In: Ferrer i Mallol M.T. (ed.). *Els Catalans a la Mediterrània oriental a l'Edat Mitjana*. Barcelona: Institut d'estudis Catalans, 309—326.

Chassant, L.-A. 1866. *Dictionnaire des abbreviations latines et françaises usitées dans les inscriptions lapidaries et métalliques, les manuscripts et les chartes du moyen âge*. Paris: A. Aubry.

Dubois de Montpereux, F. 1843. *Voyage autour du Caucase*. Vol. V. Paris: Librairie de Gide.

Eubel, K. 1901. Augustinus de Capha, Ioannes de Pera, Leonardus Wisbach. In: *Hierarchia catholica medii aevi*. Vol. II. *Monasterii*, 264.

Eubel, K. 1913. Hieronimus, Giffridus Cigalla. In: *Hierarchia catholica medii aevi*. Vol. I. *Monasterii*. Patavii: Typis et sumptibus Domus Editorialis, 154—155.

Gams, P. B. 1873. *Series episcoporum ecclesiae catholicae*. Vol. 1. Regensburgiae: J. Manz.

Gams, P. B. 1957. *Series episcoporum ecclesiae catholicae*. Vol. 1. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt.

Guénebault, L.-J. 1845. *Dictionnaire iconographique des monuments de l'antiquité chrétienne et du moyen âge*. Vol. 1. Paris.

Oderico, G. L. 1792. *Lettere lingustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa, ed altri luoghi della Crimea posseduti un tempo da' Genovesi, e spiegati de' monumenti*. Bassano.

Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. 1981. Erst. von E. Trapp. Fasz. 5. Wien: ÖAW.

Skrzinska, E. 1928. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. In: *Atti della società Ligure di storia Patria* LVI. Genova: Per Tommaso Ferrando, 30—140.

Statutum Caphae. 1879. A cura di A. Vigna. In: *Atti della società Ligure di storia patria* VII. P. II. Genova: Per Tommaso Ferrando, 567—680.

С. Г. Бочаров

Sergei Bocharov. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University [1]; Crimea Branch of Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine [2].

Бочаров Сергей Геннадиевич. Кандидат исторических наук. Казанский (Приволжский) федеральный университет; Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: sgbotcharov@mail.ru

Addresses: [1] Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Russian Federation; [2] Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, Crimea

Генуэзский замок Калиера

Keywords: Eastern Crimea, Genoese Gazaria, Kaliera, Genoese Castle, Caffa, glazed pottery, historical geography.

Ключевые слова: Восточный Крым, Генуэзская Газария, Калиера, генуэзский замок, Каффа, поливная керамика, историческая география.

S. G. Bocharov

Kaliera, a Genoese Castle

The author publishes all archaeological materials collected during excavations in 1927—1928 and 2006 on a fortification on Kordon-Oba Mount (Eastern Crimea, Feodosia Municipal Council's territory). The site was attributed based on written, cartographic and archaeological sources. The castle was built by the Genoese administration of Caffa in the second half of 14th c. and ceased to exist after the Ottoman conquest of the Genoese lands in the Crimea in 1475. The castle took its name — Kaliera — after the nearest medieval locality. The author questions why this castle was built and why it was built here.

С. Г. Бочаров

Генуэзский замок Калиера

В статье публикуются полные коллекции археологических материалов из раскопок 1927—1928 и 2006 гг. укрепления на горе Кордон-Оба (Восточный Крым, территория Феодосийского горсовета). На основании письменных, картографических и археологических источников осуществлена атрибуция памятника. Замок был возведен генуэзской администрацией Каффы во второй половине XIV в. и прекратил свое существование после османского завоевания генуэзских владений в Крыму в 1475 г. Название замка — Калиера, по имени ближайшего средневекового населенного пункта. Рассмотрены вопросы, почему был построен этот замок и почему он был возведен именно в этом месте.

Юго-Восточный Крым известен своими крупными фортификационными ансамблями. Здесь расположены два больших генуэзских укреплённых города XIII—XV вв. — Каффа (Феодосия) и Солдайя (Судак), и самый крупный крымский средневековый город — золотоордынский Солхат (Старый Крым), также защищенный крепостными стенами. В то же время в юго-восточной части полуострова расположены только две маленькие крепости, которые по местной традиции принято называть *исарами* (от тюркского 'стена, стенка'). Если рассматривать Горный Крым в целом, то количество малых крепостей значительное — 99. При этом средневековые исары размещены по территории Горного Крыма неравномерно. На Южном берегу Крыма мы знаем о 45 таких крепостях, в Юго-Западном Крыму расположены 52 исара, а в юго-восточной части полуострова известны только две крепости (Мыц 1991: 126—151). Первое укрепление — это замок на горе Чабан-Куле. Археологические исследования этого памятника в 1986—1987 гг. убедительно доказали, что укрепление Чабан-Куле было замком итальянской семьи Гуаско, называлось Тасили (Taxili) и возводилось в третьей четверти XV в. К моменту захвата

This work was funded by the subsidy of the Russian Government to support the Program of competitive growth of Kazan Federal University among world class academic centers and universities ■ Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

© С. Г. Бочаров, 2015.

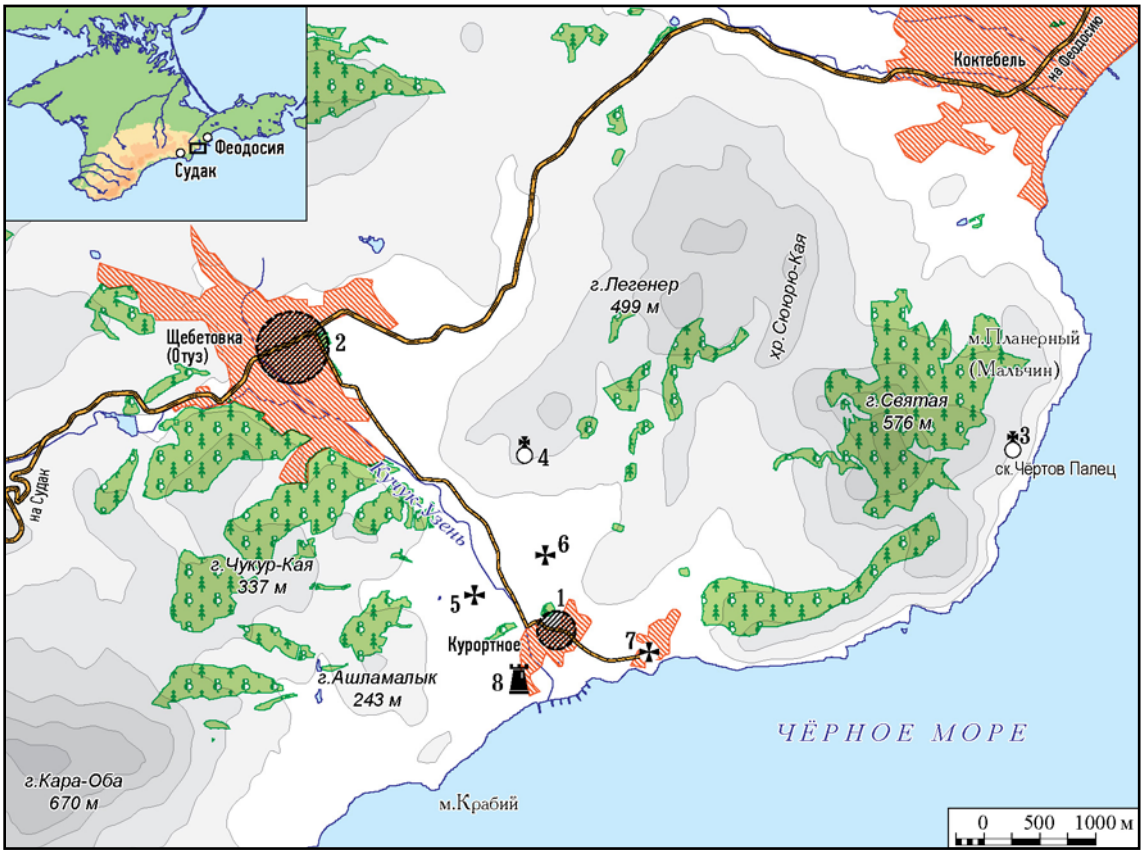


Рис. 1. План Отузской долины. 1 — селение Калиера; 2 — селение Отуз; 3 — монастырь Св. Петра; 4 — монастырь Св. Георгия; 5 — могильник на участке А.Т. Козинцева; 6 — могильник на участке Бариева; 7 — могильник на участке Гафарова; 8 — замок Калиера.

Fig. 1. Plan of Otuzy valley. 1 — Kaliera village; 2 — Otuzy village; 3 — St. Peter's monastery; 4 — St. George monastery; 5 — graveyard discovered by A.T. Kozintsev; 6 — graveyard discovered by Bariev; 7 — graveyard discovered by Gafarov; 8 — Kaliera castle.

турками крымского побережья в 1475 г. укрепление так и не было достроено (Кирилко, Мыц 2004: 235—237; Мыц 2009: 245—289). Поскольку сам факт наличия средневекового малого укрепления в этом регионе — явление экстраординарное, то наше внимание привлек второй исар — укрепление на горе Кордон-Оба. Основная цель этой статьи — полная публикация археологических материалов, полученных в ходе изучения этого археологического памятника, и, как следствие, основными задачами становятся попытки определить точную дату его возведения, причины строительства, политическую принадлежность и выполнить графическую реконструкцию укрепления.

Первые археологические исследования на данном памятнике проводились в 1927—1928 гг. Их результаты были кратко опубликованы в единственной статье (Барсамов 1928в: 345—356). Автор этих раскопок Н.С. Барсамов пришел к выводу, что укрепление на горе Кордон-Оба было средневековым армянским монастырем (Барсамов 1928в: 356). Попытаемся разобраться, так ли это.

Помимо упомянутой статьи, порядок исследований 20-х гг. XX в. отражен в двух археологических отчётах (Барсамов 1928а; 1929), полевых материалах (дневники и отдельные чертежи) (Барсамов 1927а; 1927б; 1928б) и археологических находках, хранящихся в Феодосийском музее древностей. По этим данным возможно восстановить ход проведения работ в 1927—1928 гг.

В марте 1927 г. в Феодосийский археологический музей поступило сообщение о разрушении древнего городища, находящегося у села Отузы (современное название пгт. Щебетовка Феодосийского горсовета) на холме Кордон-Оба (рис. 1; 2). Заведующий музеем Н.С. Барсамов зафиксировал на памятнике значительные разрушения. Архитектурные остатки были очищены от грунта и разбирались на камень. Часть камня была увезена, а часть сложена в кучи вдоль траншей (рис. 3), образовавшихся после выемки кам-

Рис. 2. Вид горы Кордон-Оба с востока (фото Н.С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 2. View of Kordon-Oba from the east (photo by N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 3. Вид разрушений укрепления на горе Кордон-Оба (фото Н.С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 3. View of destroyed fortifications on the Kordon-Oba Mount (photo by N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 4. Траншея после выборки кладок стен укрепления на горе Кордон-Оба (фото Н. С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 4. Trench left after extraction of fortification's masonry on Kordon-Oba Mount (photo by N. S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 5. Общий вид разрушений укрепления на горе Кордон-Оба (фото Н. С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 5. General view of destroyed fortification on Kordon-Oba Mount (photo by N. S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 6. Вид разрушений укрепления на горе Кордон-Оба (фото Н.С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 6. View of destroyed fortification on Kordon-Oba Mount (photo by N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

ня (рис. 4; 6). На вершине холма отдельные древние строения представляли собой земляные возвышенности, обведенные по абрису траншеями (рис. 5). По этим траншеям прослеживалось направление стен, их толщина, в них же фиксировались фундаменты построек. Было установлено, что уничтожаемые на холме Кордон-Оба остатки строений обнесены наружной стеной, сложенной на известковом растворе (Барсамов 1927а: 2). Состоят из фундаментов отдельного, в плане квадратного, здания, находящегося в южной части со стороны моря, сложенного также на извести, прилегающих к нему нескольких мелких помещений, смежных между собой, сложенных на глиняном растворе, и фундаментов часовни, сложенных на известковом растворе. В столбе образованном выемкой камня из стен часовни, обнаружено большое количество туфа. Тогда же (18 марта 1927 г.) был снят геодезический план городища (рис. 7; см. цвет. вклейку, с. 69) (Барсамов 1928а: 11).

С 8 по 13 августа 1927 г. на городище археологической экспедицией Феодосийского

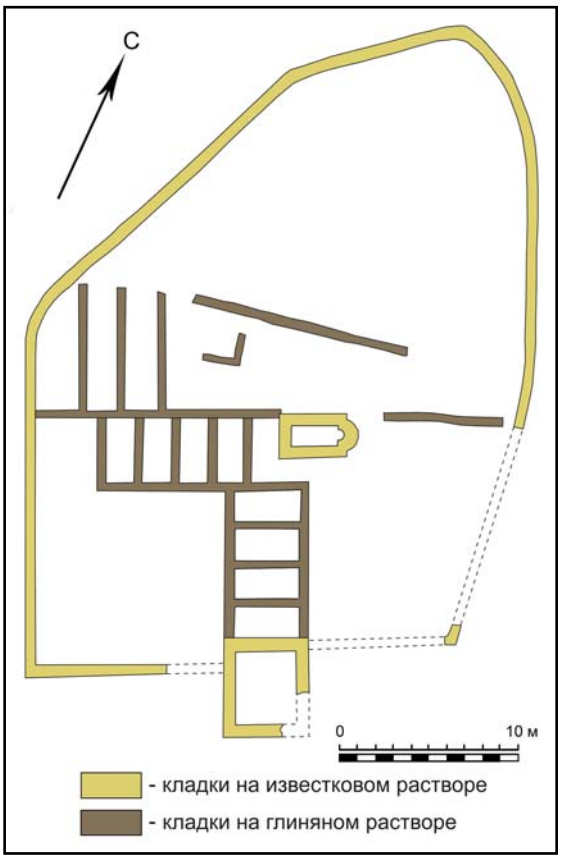


Рис. 7. План замка Калиера (по Н.С. Барсамову, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 315).

Fig. 7. Plan of Kaliera castle (after N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 315).

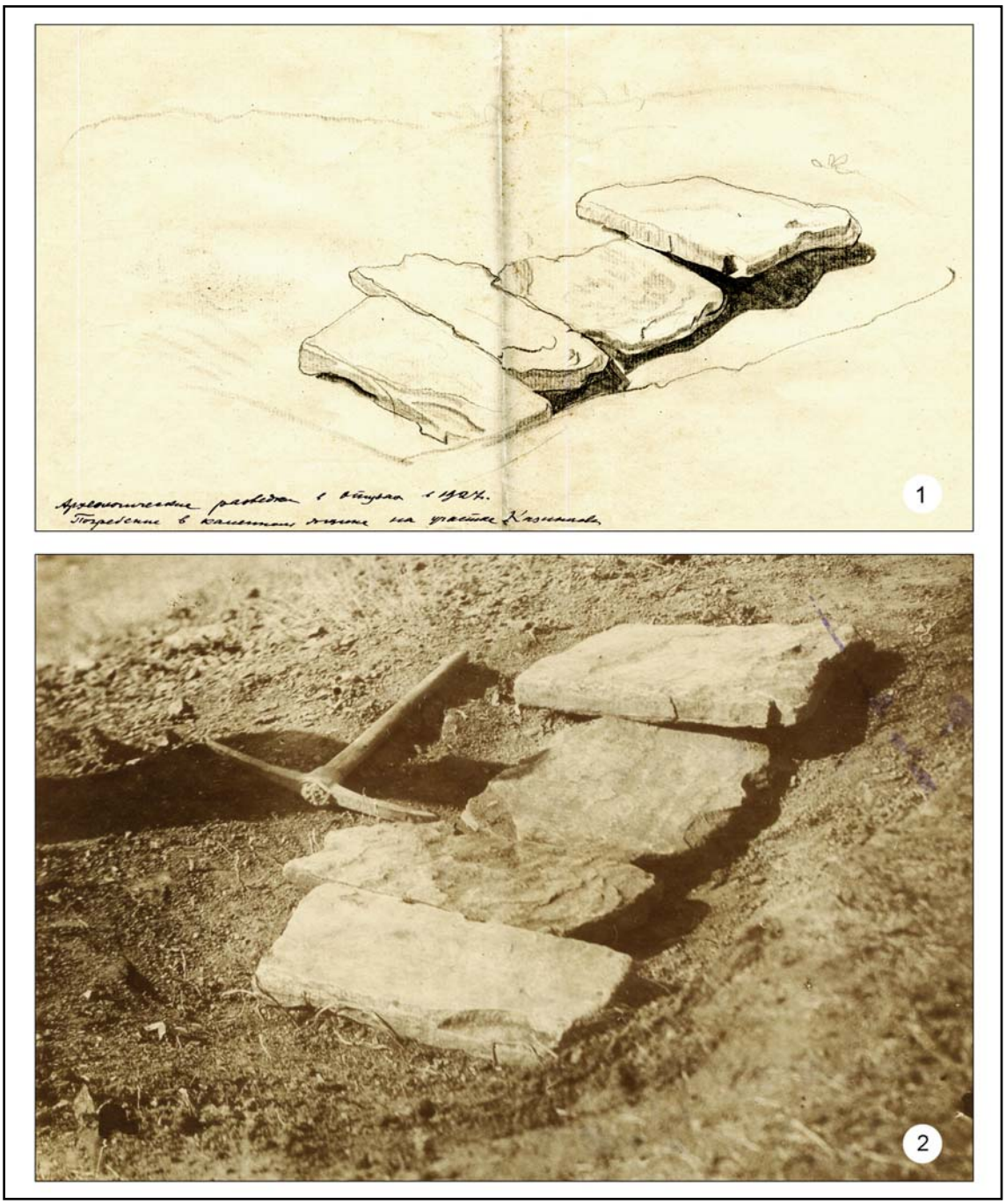


Рис. 8. Плиты заклада погребения, исследованного на участке А. Т. Козинцева. Вид с северо-востока (1 — рисунок Н. С. Барсамова, 1927 г.; 2 — фото Н. С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 8. Covering slabs from a grave studied on A. T. Kozintsev's plot. View from the north-east (1 — drawing by N. S. Barsamov, 1927; 2 — photo by N. S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

музея под руководством Н. С. Барсамова были проведены разведочные исследования (Барсамов 1927: 1—6). В работе экспедиции принимали участие архитектор — археолог П. И. Голландский, научный сотрудник Феодосийского музея П. Н. Заболотский, художник К. Ф. Богаевский, профессор В. С. Муралевич и А. Ф. Слудский.

Работы были начаты 8 августа с осмотра укрепления на холме Кордон-Оба и плитовой могилы, выявленной на участке А. Т. Козинцева (рис. 1: 5) (Барсамов 1927а: 3). 9 августа могила была раскопана. Расчищенное погребение залегало под тонким слоем дерна (0,10—0,15 м) и было перекрыто четырьмя сланцевыми плитами (рис. 8). При снятии

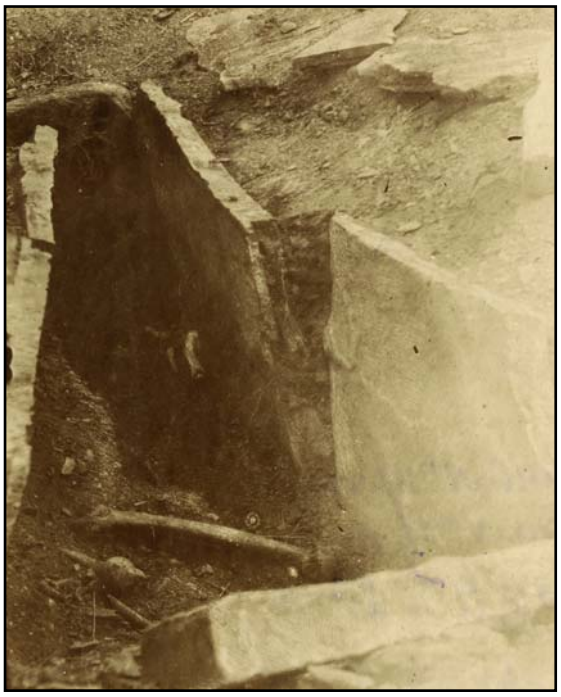


Рис. 9. Погребение, исследованное на участке А.Т. Козинцева (фото Н.С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 9. Grave studied on A.T. Kozintsev's plot (photo by N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

перекрытия было обнаружено, что боковые плиты, образовывавшие стенки погребальной конструкции, деформированы, утратили вертикальное положение (рис. 9), а сама могила до верхнего уровня засыпана землей. Внутренние размеры плитовой могилы: длина 2,32 м, ширина 0,21 — 0,59 м, глубина 0,43 м (рис. 10). Длина могилы больше, чем размер перекрытия, две плиты перекрытия отсутствовали. При исследовании заполнения плитовой могилы на глубине 0,38 м от верхнего края боковых плит были обнаружены кости человека: две бедренные, две большие и одна малая берцовые кости, смещенные от своего первоначального положения. Кроме того, были зафиксированы фаланги пальцев ноги, одна пяточная кость, один позвонок. Черепные кости и кости верхней части туловища не найдены. Погребальный инвентарь отсутствовал. Кроме того были найдены фаланги пальцев ноги, одна пяточная кость, один позвонок. Ориентация погребальной конструкции восток — запад (рис. 10). К востоку от раскопанного захоронения были обнаружены выступающие на поверхность плиты второго погребения, к западу от первого выявлены следы третьего захоронения. По свидетельству автора раскопок, вся территория холма была занята подобными погре-

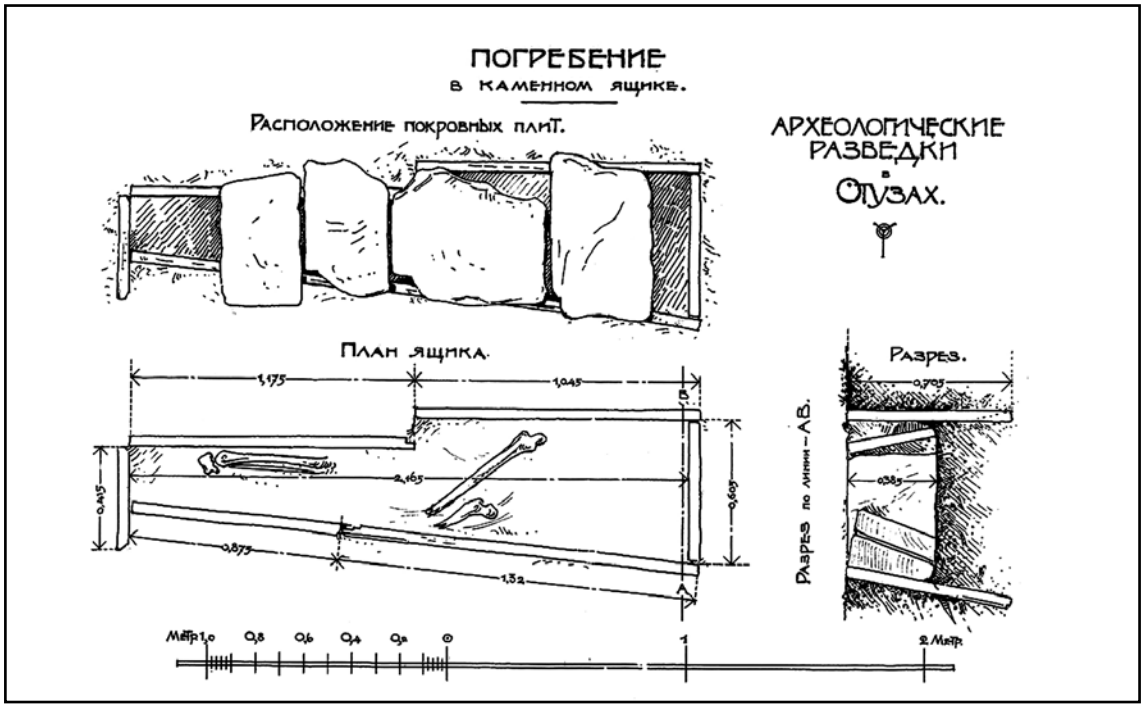


Рис. 10. План и разрезы погребения, исследованного на участке А.Т. Козинцева (по Н.С. Барсамову, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 10. Plan and sections of the grave studied on A.T. Kozintsev's plot (after N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

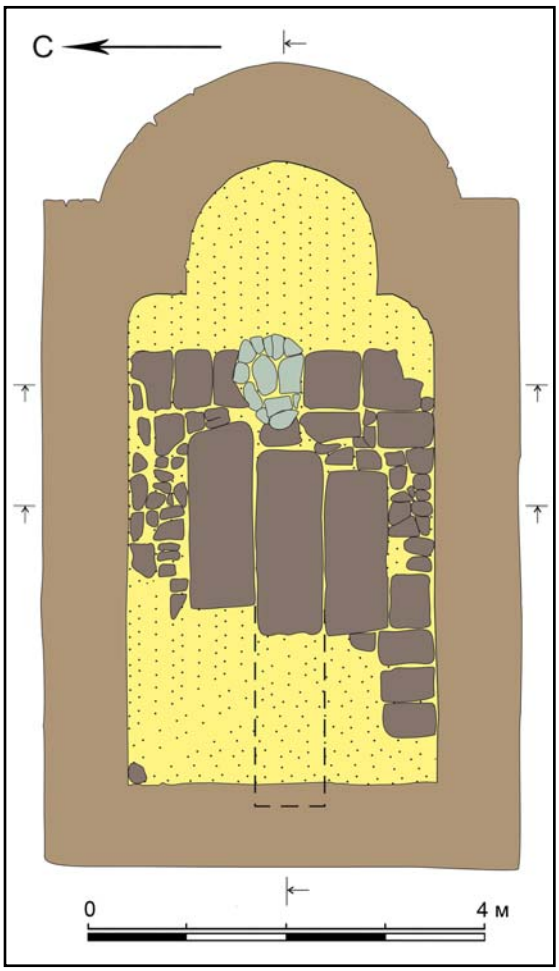


Рис. 11. Замок Калиера. План церкви. Исследования 1927 г. (по Н. С. Барсамову, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 316).

Fig. 11. Kaliera castle. Plan of church. Studies of 1927 (after N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 316).

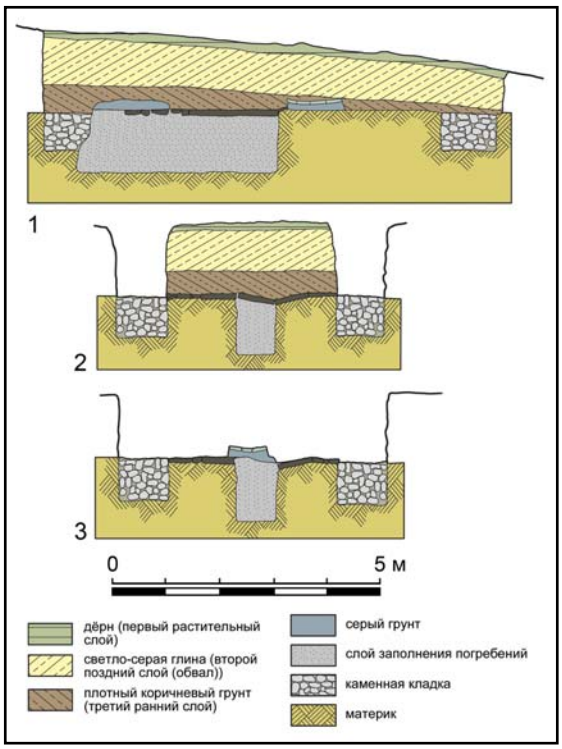


Рис. 12. Замок Калиера. Стратиграфические разрезы церкви. Исследования 1927 г. (по Н. С. Барсамову, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 316).

Fig. 12. Kaliera castle. Stratigraphic sections of the church. Studies of 1927 (after N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 316).

бениями. Работами экспедиции было выявлено расположение еще двух средневековых могильников. Второй плитовый могильник был обнаружен при строительных работах на участке Бариева к северо-востоку от участка Козинцева (рис. 1: 6). Третий некрополь находился на участке Гафарова, в 220 м восточнее здания Карадагской биологической станции на берегу моря (рис. 1: 7).

На холме Кордон-Оба разведочные исследования проводились на двух объектах: прямоугольной в плане постройке в южной части укрепления и крепостной часовне.

9 августа была проведена очистка места у часовни от камней и растительного слоя (Барсамов 1927а: 2).

10 августа размечена первая разведочная траншея по продольной оси здания. Длина траншеи 16,0 м, ширина 1,5 м (впоследствии расширена до 2,20 м). Исследовались культурные слои заполнения храма, которые представляли собой отдельный столб, образовавшийся вследствие выборки камня из фундаментов строения (рис. 11; 12).

Под слоем дерна, по Н. С. Барсамову — в первом, растительном слое, залегал слой разрушения стен и свода здания (второй слой — обвал, по Н. С. Барсамову) мощностью до 0,70 м. Состоял слой из бутового камня со следами известкового раствора и туфа, из чего был сделан вывод, что внутренние части стен и своды были сложены именно из туфа (рис. 12). Также найдены туфовые блоки со следами штукатурки. На шести камнях сохранились следы фресковой росписи (рис. 13). Фрагменты фрескового слоя попадались вдоль всех стен здания, наибольшее их количество было у абсиды. На одном из камней с фресковой росписью, найденном в абсидной части, сохранились следы нескольких букв (рис. 14).

Ниже слоя разрушения стен исследован слой, состоявший из рыхлых масс извести, камня, песка и коричневого грунта (третий — над плитами пола, по Н. С. Барсамову), тол-

Рис. 13. Фрагменты камней с остатками фрескового слоя (фото Н.С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 13. Fragments of stones with remains of fresco layer (photo by N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 14. Фрагмент камня с остатками надписи на фресковом слое (фото Н.С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 14. Fragment of a stone with remains of an inscription in fresco layer (photo by N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

щина слоя до 0,40 м. Помимо керамических фрагментов, найдены: «две металлические вставки для свечей, железный фрагмент неизвестного предмета и фрагмент стеклянного сосуда» (Барсамов 1927а: 3).

В абсидной части был обнаружен выложенный из мелкого камня очаг овальной в плане формы; его длина 1,02 м, ширина 0,74 м, высота 0,19 м (рис. 15).

У входа в храм зачищены остатки вымостки из мелкого бутового камня, утрамбованного в глинистом слое (рис. 16). Ниже вымостки из разномерного бутового камня залегала вымостка из крупных плит песчаника. Вымостка была потревожена в древности, плиты просели в центральной части здания (рис. 17).

11 августа была начата вторая разведочная траншея в центре прямоугольной постройки в южной части укрепления. Она была проложена параллельно стенам от внутреннего панциря северной стены до внутреннего панциря южной стены. Длина траншеи 12,00 м, ширина 2,00 м, ориентирована по оси север-юг (рис. 7; 18).

Ниже слоя дерна толщиной 0,10 м. залегал слой светло-серой глины (у Н.С. Барсамова — поздний культурный слой) толщиной от 0,30 до 0,45 м. В слое на глубине 0,45 м от дневной поверхности зачищены три известняковых плиты размерами 0,50 × 0,75 м, расположенные по оси здания на равном расстоянии (рис. 19), и одна плита меньшего размера (0,17 × 0,26 × 0,59 м). Плиты залегали на утрамбованном грунте третьего культурного слоя. Толщина плит от 0,18 до 0,35 м, расстояние между ними около 2,00 м (рис. 18).

Ниже слоя глины залегал слой плотного коричневого грунта (третий — ранний культурный слой по Н.С. Барсамову), мощностью до 0,50 м. В слое обнаружены три деформированных фрагмента железных предметов, один из которых по форме напоминает кусок наконечника копья, другой является головкой ключа.

Ниже слоя плотного коричневого грунта залегал слой известнякового отсева, толщиной 0,15 м (строительный мусор, по мнению автора отчета). В самом низу открывался материковый слой глиняных сланцев темно-зеленого цвета.

В этот же день К.Ф. Богаевским была сделана зарисовка вида раскопок часовни и проведены обмеры плана часовни и вымосток пола (рис. 20). Была снята, верхняя «булыжная» вымостка и зачищен второй пол из плит песчаника.

12 августа была закончена вторая разведочная траншея — по всей площади она была углублена до уровня материковой поверхности. Глубина траншеи была доведена до подошвы фундамента стен.

В первой траншее была снята средняя большая плита вымостки пола часовни. Под ней были обнаружены мелкие фрагменты штукатурки, обломки фресок. Слой представлял собой рыхлый потревоженный грунт с остатками волокон войлочной ткани, что свидетельствовало о том, что внутренние культурные напластования церкви ниже уровня плит пола были потревожены грабительскими раскопками. Найден маленький фрагмент стеклянного сосуда (лампады?). На глубине 0,53 м от уровня пола храма

Рис. 15. Исследования храма (фото Н. С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 15. Studies in the temple (photo by N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

были обнаружены остатки грунтового погребения 1 — кусочки сгнившего дерева, железные гвозди и человеческие кости, лежащие без определенного порядка (Барсамов 1928а: 7).

13 августа — последний день археологических разведок 1927 г. на холме Кордон-Оба. Завершались работы по исследованию первой траншеи внутри церкви. Было зачищено погребение 2. Зафиксированы следы деревянного тлена от гроба. Погребение было совершено в грунтовой могиле. Костяк лежал в анатомическом порядке на спине, руки сложены на груди, ориентировка западная. Длина костяка составляла 1,72 м. Обнаружены железные гвозди от гроба, другие находки отсутствовали. (Барсамов 1927а: 6)

Среди камней, извлеченных грабителями из построек укрепления, сложенных вдоль храма и подготовленных к вывозу, была найдена известняковая каменная пята входа храма (рис. 21), со вставленными по краям железными стержнями (Барсамов 1927б: 5).

Ввиду того, что материалы, полученные в ходе разведок 1927 г., не позволили исследователю определить характер этого укрепления. Методическая комиссия Музейного отдела Главнауки постановила произвести на месте разведок археологические раскопки. Эти раскопки были проведены Н. С. Барсамовым с 24 по 29 сентября 1928 г. В работах приняли участие П. Н. Заболоцкий, практикант Феодосийского музея А. В. Ровицкий и геолог профессор Д. В. Соколов (Барсамов 1928б: 1—7).

Основное внимание было сосредоточено на двух пунктах — часовне и прямоугольном в плане здании в южной части укрепления. Раскопки погребений во внутреннем пространстве церкви были начаты со снятия большой средней плиты, под которой в 1927 г. были обнаружены погребения 1 и 2, засыпанные по завершению разведок (рис. 11). После снятия крайней северной плиты был зафиксирован тот же культурный слой, состоявший из рыхлого щебенчатого грунта с кусочками извести со следами фрескового слоя, и мелкие осколки стеклянного сосуда. На глубине 0,12 м от уровня пола, в южной части грунтовой могильной ямы погребения 3 найдена смальтовая бусина. На глубине 0,40 м в западной части могильной ямы обнаружены поврежденные кости черепа. А на глубине 0,77 м был зачищен костяк хорошей сохранности, ориентированный головой на запад, со сложенными на груди руками (рис. 22). Обнаружены три фрагмента сильно коррозированных гвоздей.

Рис. 16. Вымостка в западной части храма (фото Н.С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 16. Paving in the western part of the temple (photo by N.S.: Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 17. Вымостка пола центральной части храма (фото Н.С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 17. Paving of the floor in the cetnral part of the temple (photo by N.S. Barsamov. 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

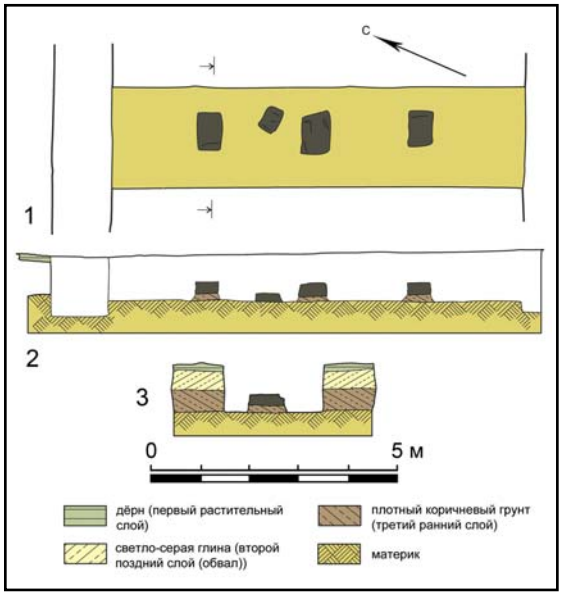


Рис. 18. План и стратиграфические разрезы разведочной траншеи в башне замка Калиера. Раскопки 1927 г. (по Н. С. Барсамову, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 18. Plan and stratigraphic sections of the survey trench in the tower of the Kaliera castle. Excavations of 1927 (after N. S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 19. Разведочная траншея в башне замка Калиера. Раскопки 1927 г. Вид с северо-востока (фото Н. С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 19. Survey trench in the tower of the Kaliera castle. Excavations of 1927. View from the north-east (photo by N. S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

После снятия южной плиты вымостки пола церкви были обнаружены фрагменты стеклянного сосуда, кусок свинца неопределенной формы и куски извести со следами фресковой росписи. На глубине 0,78 м от уровня пола церкви зачищены остатки тлена крышки и стенок деревянного гробовища погребения 4. Его длина 1,72 м, ширина у ног 0,32 м. Там же были найдены фрагменты железных гвоздей. На глубине 1,02 м от уровня плит пола был зачищен костяк плохой сохранности, длиной 1,50 м (рис. 23). Между бедренными костями, вместе с кусками истлевшего дерева, обнаружены остатки ветхой парчовой ткани темно-коричневого цвета. Кроме указанных, никаких других находок обнаружено не было: ни при выемке грунта из засыпи могилы около костяка, ни под ним (Барсамов 1929: 3).

В процессе зачистки грунтового погребения 5, в северо-западном углу часовни, в слое засыпи найдены мелкие фрагменты стеклянного сосуда (как и при зачистке погребений 2—4). На глубине 0,68 м от уровня плит пола храма, обнаружены следы истлевшего гроба. Длина — 2,0 м, ширина у головы — 0,54 м, извлечены куски истлевшего дерева и гвоздей. Зачищен костяк плохой сохранности, ориентированный головой на запад, со сложенными на груди руками (длина костяка 1,72 м) (рис. 24). Между бедренными костями и у верхней части грудной клетки сохранились значительные фрагменты темно-коричневой ткани такого же рисунка, как и в погребении 4 (Барсамов 1929: 4).

После снятия мелких плиток вымостки пола церкви к востоку от средней большой плиты участниками экспедиции 1928 г. было исследовано погребение 6 в восточной части храма. На глубине 0,45 м в слое засыпи могильной ямы был найден фрагмент бронзового кольца с растительным орнаментом. На глубине 0,88 был зафиксирован ряд горизонтально лежащих плит песчаника. Размер плитовой могилы 2,04×0,56 м. Могила в западной части была полностью засыпана землей, в восточной — засыпана наполовину. После удаления слоя заполнения погребения зачищены отдельные кости двух скелетов, лежавшие в полном беспорядке. В западной

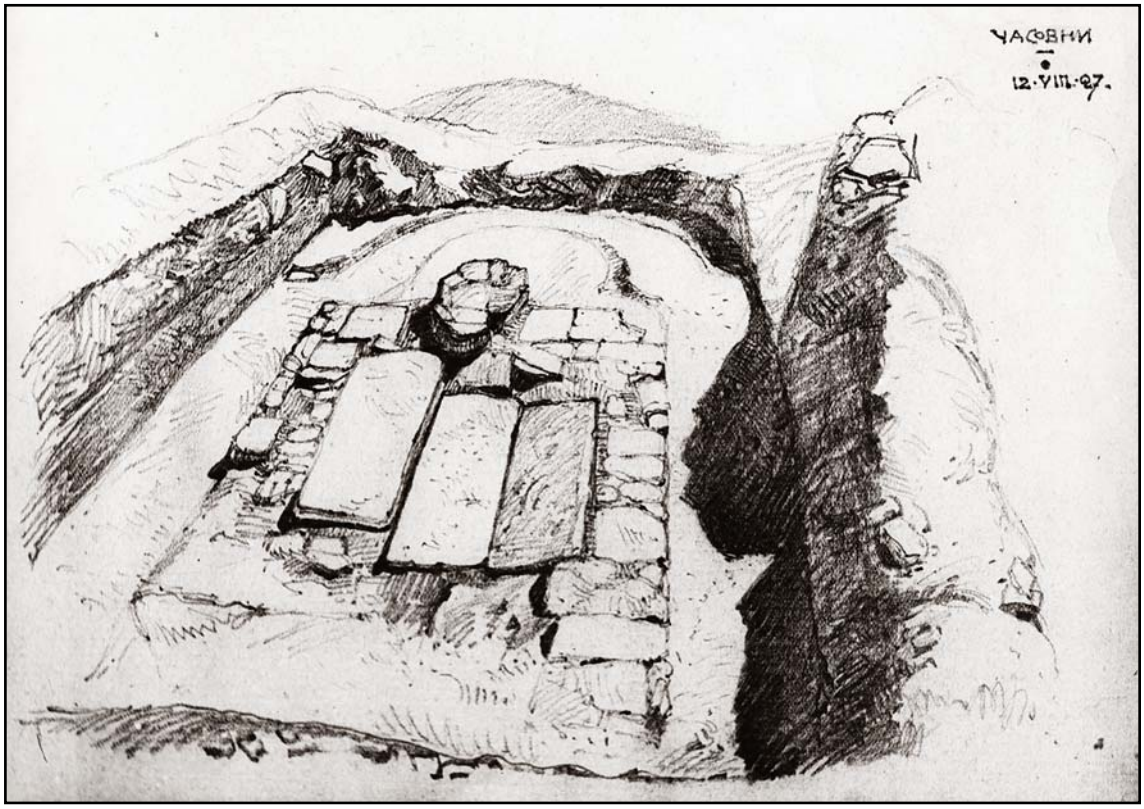


Рис. 20. Вид храма замка Калиера (рисунок К.Ф. Богаевского, 1927 г. Рисунок был любезно предоставлен для публикации Э.Б. Петровой).

Fig. 20. View of the temple of the Kaliera castle (drawing by K.F. Bogaevsky, 1927. The drawing was kindly offered for publication by E.B. Petrova).

Рис. 21. Камни известнякового порога входа храма (фото Н.С. Барсамова 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 21. Stones in the limestone bottom at the entrance to the temple (photo by N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 22. Замок Калиера. Храм. Грунтовая могила 3. Вид с юга (фото Н. С. Барсамова, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 22. Kaliera castle. Temple. Ground grave 3. View from the south (photo by N. S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 23. Замок Калиера. Храм. Грунтовая могила 4. Вид с севера (фото Н. С. Барсамова, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 23. Kaliera castle. Temple. Ground grave 4. View from the north (photo by N. S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

части плитовой могилы лежали позвонки, ребра, фаланги пальцев и фрагменты других мелких костей (рис. 26). Бедренные и голенные кости были сдвинуты со своих мест и находились в восточной части могилы. Костей черепа и зубов не оказалось. Ориентирована могила по оси запад — восток (рис. 27). После зачистки погребения 6 работы по исследованию храма были закончены (Барсамов 1929: 4).

Рис. 24. Замок Калиера. Храм. Грунтовая могила 5. Вид с юго-востока (фото Н.С. Барсамова, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 24. Kaliera castle. Temple. Ground grave 5. View from the south-east (photo by N.S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 25. Замок Калиера. Храм. Плитовая могила 6. Вид с юга (фото Н.С. Барсамова, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 25. Kaliera castle. Temple. Slab grave 6. View from the south (photo by N.S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

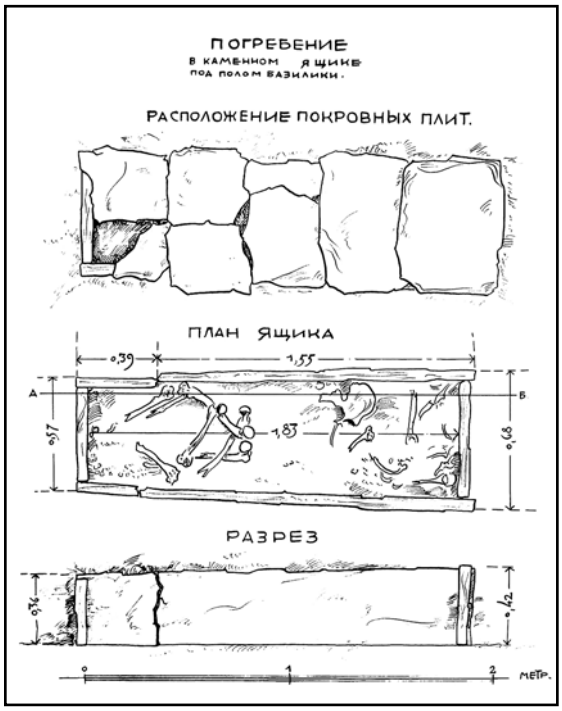


Рис. 26. План и разрез плитовой могилы 6 (рисунок Н.С. Барсамова, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 26. Plan and section of slab grave 6 (drawing by N.S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Однотипность погребального обряда (погребения в деревянных гробах сколоченных гвоздями, ориентировка костяков, остатки одинаковой ткани в двух захоронениях) и идентичность материалов обнаруженных в засыпях могильных ям (фрагменты одного и того же стеклянного сосуда) и расположение погребений — почти смежно друг с другом, позволило Н.С. Барсамову сделать вывод: «погребения были совершены одновременно или с небольшим промежутком времени, не ранее XIV в.» (Барсамов 1929: 5).

Вторым раскопом исследовалось прямоугольное здание в южной части укрепления (рис. 27). После расчистки траншеи 1927 года вся площадь сооружения была разбита на квадраты 2,0×2,0 м. Северный борт траншеи, оставшейся от выборки камня из южной стены постройки, был зачищен под стратиграфический разрез. В этом разрезе зафиксированы те же три культурных слоя, что и в траншее 1927 г. Первый — растительный покров с большим содержанием строительного мусора мощностью до 0,25 м (рис. 28). Второй — поздний культурный слой, состоящий из глины серого цвета с корнями растений и включениями камней из развала стен здания, толщиной до 0,50 м. Третий — ранний культурный слой, состоял из щебенистого коричневого грунта, смешанного с глиной и песком, его мощность достигала 0,50 м (рис. 27) (Барсамов 1929: 6). При снятии грунта работы на соседних квадратах велись таким образом, что к работе на смежном квадрате приступали после того как полностью был снят один из культурных слоев предыдущего квадрата (рис. 29). Разница в высотах была на толщину культурного слоя (рис. 30; 34). Во всех слоях отмечались находки поливной и красноглиняной керамики. Лучше всего сохранилась кладка юго-западного угла постройки, сложенного из крупного бутового камня на белом известковом растворе с серым крупным песком. Толщина кладки 1,14 м (рис. 31). В южной части здания обнаружена стена из одного ряда булыжных камней, сложенных на глине, лежащая на материковом слое глиняных сланцев. Кладка ориентирована по линии северо-запад — юго-восток, отстоит от южной стены прямоугольного помещения на 0,10 — 0,51 м сохранилась на высоту трех рядов (0,32 м), ее длина — 6,10 м. В северной части здания отмечена находка четырех металлических предметов, аналогичных найденным в храме в 1927 г. подсвечникам. Здесь же в раннем культурном слое найдена костяная игла из двух фрагментов. К сожалению, автор отчета не описывает характер кладки стен и фундаментов, не зафиксированы они и на чертежах. Составить впечатление о них можно только по трем фотографиям, отснятым без масштабных линеек (рис. 31—33). На этих фотографиях видно, что кладки стен и фундаментов отличаются. Фундамент выложен из более крупных камней и, видимо, имеет незначительный выступ за линию стен. Не объяснено Н.С. Барсамовым функциональное назначение четырех массивных плит, выложенных по центральной оси здания и лежащих на раннем культурном слое (рис. 7; 19; 32; 33). Их расположение на равном удалении друг от друга и от северной и южной стен постройки (ширина шага 1,80—1,90 м), наводит на мысль, что это опорные камни для колонн (столбов), поддерживающих межэтажное перекрытие. Но подчеркну, что сегодня можно высказывать лишь предположения, так как данные графической и фотофиксации исследований 1927—1928 гг. не всегда совпадают. Так, на стратиграфическом разрезе 1927 г. под этим плитами глубина культурного слоя 0,10—0,15 м (рис. 19), а на фото 1928 г. (рис. 34) глубина культурного слоя гораздо больше и возможно, что это уже материковый слой. Внутренние размеры здания 7,18×8,48 м, наружные — 8,35×10,50 м.

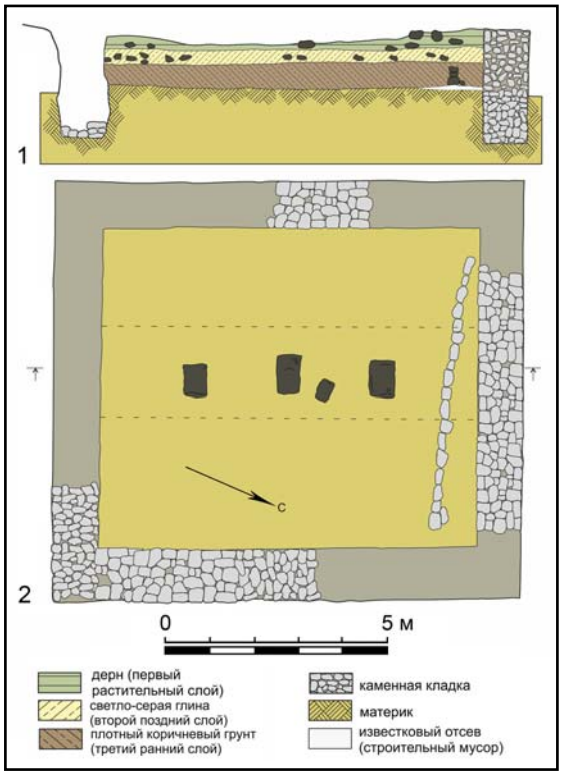


Рис. 27. Замок Калиера. Башня. План и стратиграфический разрез. Раскопки 1928 г. (по Н.С. Барсамову, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 319).

Fig. 27. Kaliera castle. Tower. Plan and stratigraphic section. Excavations of 1928 (after N.S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 319).

(рис. 32; 33) (Барсамов 1929: 11). Автор раскопок отмечает полное отсутствие штукатурки на стенах здания и полное отсутствие кровельной черепицы в культурном слое, а также то, что находки представлены в подавляющем большинстве фрагментами глиняной посуды. Отличительная черта керамики раннего культурного слоя — «свинцовая полива по белой обмазке с рисунком сграффито по ней или рисунком кистью по поливе, который дает расплывчатые пятна, — до последнего времени не имеет определенной датировки» (Барсамов 1929: 12).

После завершения исследований в прямоугольном здании юго-восточная часть «обводной стены» была прослежена траншеей на протяжении 42 м. Для определения мощности культурных слоев в смежных с часовней постройках в ближайшем с запада к храму здании была заложена траншея 0,5 × 3,0 м, глубиной 0,45 м, ориентированная по оси север-юг, поперек здания. В траншее «непосредственно под растительным слоем, на глубине 0,38 м (? — *С.Б.*), следовала незначительная по толщине глиняная прослойка, в которой найден небольшой черепок с зеленой поливой. Непосредственно под глиняной прослойкой залегал слой золы (0,05 м) и под ним грунт» (Барсамов 1929: 13). К сожалению, никаких чертежей, планов, разрезов и фотографий по этим двум траншеям в ар-

Рис. 28. Замок Калиера. Башня перед началом исследований 1928 г. Вид с севера (фото Н.С. Барсамова, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 28. Kaliera castle. Tower before excavations of 1928. View from the north (photo by N.S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 29. Замок Калиера. Башня, исследования 1928 г. Вид с юга (фото Н. С. Барсамова, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 29. Kaliera castle. Tower, studies of 1928. View from the south (photo by N.S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 30. Замок Калиера. Башня, исследования 1928 г. Вид с юго-запада (фото Н. С. Барсамова, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 30. Kaliera castle. Tower, studies of 1928. View from the south-west (photo by N.S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

хивных материалах мне обнаружить не удалось, как и ссылки на иллюстрации в отчетах.

Н. С. Барсамов атрибутировал памятник как армянский монастырь, игравший роль административно-хозяйственного центра восьми монастырей, расположенных между Феодосией и Судаком (Барсамов 1928в: 168). К такому выводу он пришел на основании нескольких соображений. Первое — по находке «металлических подсвечников», которые «до нашего времени, употребляются в армянских церквях» (Барсамов 1929: 11). Второе — полное отсутствие в прямоугольном здании «находок, которые могли бы навести на мысль о его военном назначении, и наоборот, громадное количество черепков посуды и отдельные предметы — игла, подсвечники, скорее говорят о хозяйственном, а не стратегическом назначении здания» (Барсамов 1929: 12—13). Третье соображение: что раскопанное им прямоугольное здание в южной части «городища» «было обведено кольцеобразной обводной стеной» (Барсамов 1928в: 168, рис. 1). Четвертое — что окружающие монастыри

Рис. 31. Замок Калиера. Юго-восточный угол башни, исследования 1928 г. Вид с северо-запада (фото Н. С. Барсамова, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 31. Kaliera castle. South-eastern corner of the tower, studies of 1928. View from the north-west (photo by N.S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 32. Замок Калиера. Башня, исследования 1928 г. Вид с северо-запада (фото Н. С. Барсамова, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 32. Kaliera castle. Tower, studies of 1928. View from the north-west (photo by N.S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 33. Замок Калиера. Башня, восточная часть, исследования 1928 г. Вид с юга (фото Н. С. Барсамова, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 33. Kaliera castle. Tower, eastern part, studies of 1928. View from the south (photo by N. S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Рис. 34. Замок Калиера. Башня, западная часть, исследования 1928 г. Вид с юга (фото Н. С. Барсамова, 1928 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 34. Kaliera castle. Tower, western part, studies of 1928. View from the south (photo by N. S. Barsamov, 1928. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

по размеру и количеству жилых помещений значительно уступают Отузскому «монастырю». Пятое замечание: «Среди Отузских старожилов сохранилось предание о том, что на Кордон-Обе некогда был армянский монастырь» (Барсамов 1929: 12—13). Шестое — у подножия холма с восточной стороны была найдена надгробная плита прямоугольной формы, с армянской надписью: «Этот памятник Киркору, юноше 18 лет, отошедшему ко Христу в 1130 году» (1681 г.) (рис. 35) (Барсамов 1928а: 14). Н. С. Барсамов дати-

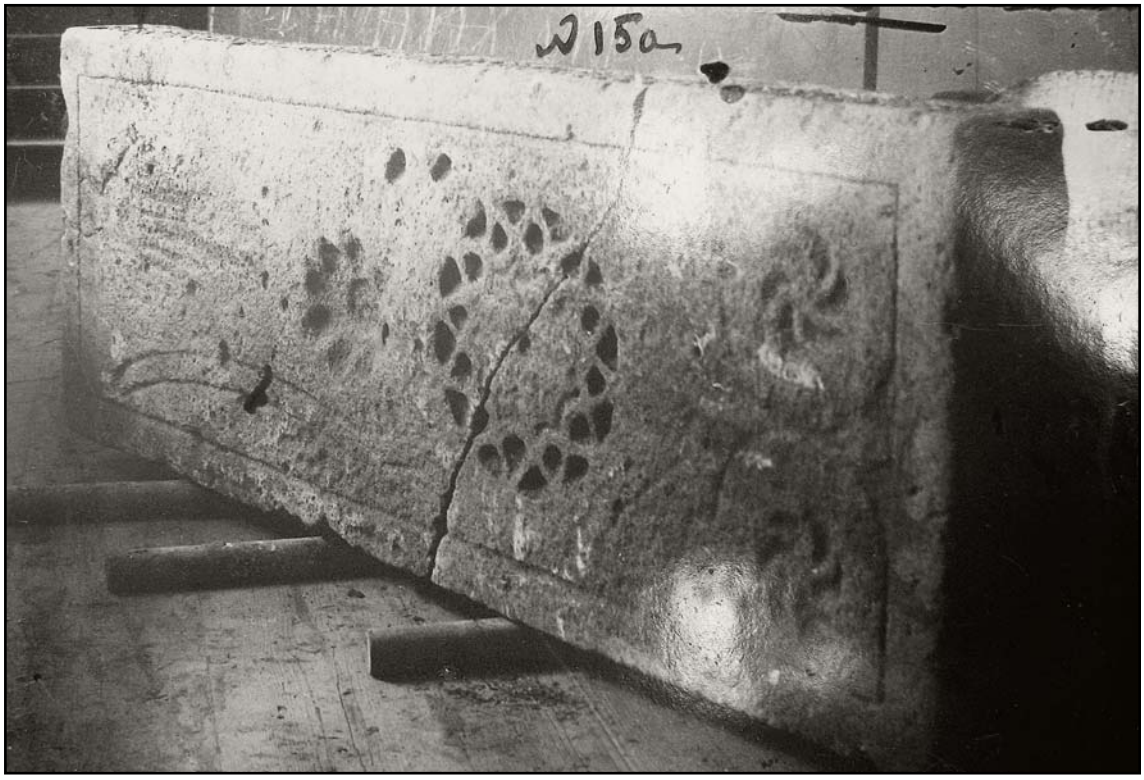


Рис. 35. Надгробная плита с армянской надписью: «Этот памятник Киркору, юноше 18 лет, отошедшему ко Христу в 1130 году» (1681 г.) (фото Н.С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 35. Grave slab with an inscription in Armenian: "This is to Kirkor, an 18-year-old youth, who rested in Christ hands in 1130" (1681) (photo by N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

ровал памятник на основании керамических материалов, а также характера кладки стен прямоугольного здания, его строительного материала и связующего раствора — XIV—XV вв. (Барсамов 1929: 12).

Меня этот объект заинтересовал самим фактом своего существования, как один из двух «исаров» в Юго-Восточном Крыму. И если с укреплением на горе Чабан-Куле после исследований В.Л. Мыца и В.П. Кирилко (2004: 205—245) была хоть какая то ясность, то по укреплению на горе Кордон-Оба осталось много вопросов. Ответы я начал искать в архивных материалах экспедиции 1927—1928 г. И сразу бросились в глаза отличия плана укрепления, снятого 18 марта 1927 г. А.Ф. Слудским во время разведочных работ (рис. 7), и плана, опубликованного Н.С. Барсамовым (Барсамов 1928в: 165, рис. 1). Не может этот объект быть монастырским административным центром. На пространстве от Феодосии до Судака есть еще только два армянских храма. Первый действительно монастырский — в Двухякорной долине, а второй — на склоне горы Сююрю-Кая, относится к поселению. Все остальные монастыри греческие, вряд ли армянский монастырь мог их возглавлять. Не подтверждается и полное отсутствие в прямоугольном здании «находок, которые могли бы навести на мысль о его военном назначении» (Барсамов 1929: 12—13). Мне долго было не ясно, что это за «металлические подсвечники». На одном из иллюстративных планшетов экспедиции 1928 г. я увидел фото одного из таких предметов (рис. 36). Это оказался железный наконечник арбалетной стрелы. В фондах Феодосийского музея сохранился только один наконечник (рис. 48: 7), но напомню, что во время работ 1927—1928 гг. их было найдено шесть: два — в храме и четыре — в башне. Такие же наконечники арбалетных стрел найдены при раскопках замка Тасили (Чабан-Куле) (Мыц 2009: 249, рис. 145). Плановое решение укрепления на холме Кордон-Оба во многом повторяет плановую схему генуэзских замков, расположенных на Южном берегу Крыма (Бочаров 2004: 190), а на планы средневековых крымских монастырей не похоже вовсе. У меня сложилось впечатление, что Н.С. Барсамов неверно атрибутировал это укрепление, и было предложено его новое определение как генуэзского замка (Бочаров 2001а: 90).

Рис. 36. Планшет с находками (фото Н. С. Барсамова, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 318).

Fig. 36. Map-board with finds (photo by N. S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 318).

Затем встал вопрос о дате укрепления. В фондах Феодосийского музея древностей удалось найти археологические находки из раскопок 1927—1928 гг. К сожалению, разделить весь массив находок на отдельные комплексы и слои не удалось, поскольку все находки были зашифрованы одинаковыми цифрами. А в отчетах экспедиции 1927—1928 гг. есть фото планшетов, на которых ниткой были привязаны от 14 до 42 находок, из которых опознавались единицы (рис. 36). На иллюстрациях к этому тексту проставлены места находок, в тех случаях, когда их удавалось определить. Всего в фондах Феодосийского музея сохранилось: 151 фрагмент керамических сосудов, 8 железных предметов, 1 бронзовая пластина, 2 облитых глазурью камня (табл. 1).

Даже изученный в целом керамический комплекс позволил сделать некоторые выводы. Керамика, полученная в ходе археологических исследований 1927—1928 гг. представлена сосудами как импортного, так местного крымского производства. Можно выделить три хронологических периода. Первый период (вторая половина XIII — первая половина XIV вв.) представлен находками византийских амфор и поливной керамики — это находки, попавшие на гору Кордон-Оба до строительства укрепления. Второй период (вторая половина XIV в.) отмечен находками поливной керамики, произведенной в мастерских города Солхат, и красноглиняной керамики, относящейся к двум группам: Юго-Западный и Юго-Восточный Крым. Третий период (первая — третья четверти XV в.) датируется находками поливной керамики, произведенной в Каффе, Солдайе и турецком городе Изник. Дату существования крепости можно определить в пределах последней четверти XIV — третьей четверти XV вв.

Чтобы выяснить, правильно ли зафиксирована стратиграфия исследованиями 1927—1928 гг., и подтвердить предполагаемые даты существования замка разведочные археологические исследования этого объекта были продолжены в 2006 Восточно-Крымской (Феодосийской) экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины под руководством автора статьи.

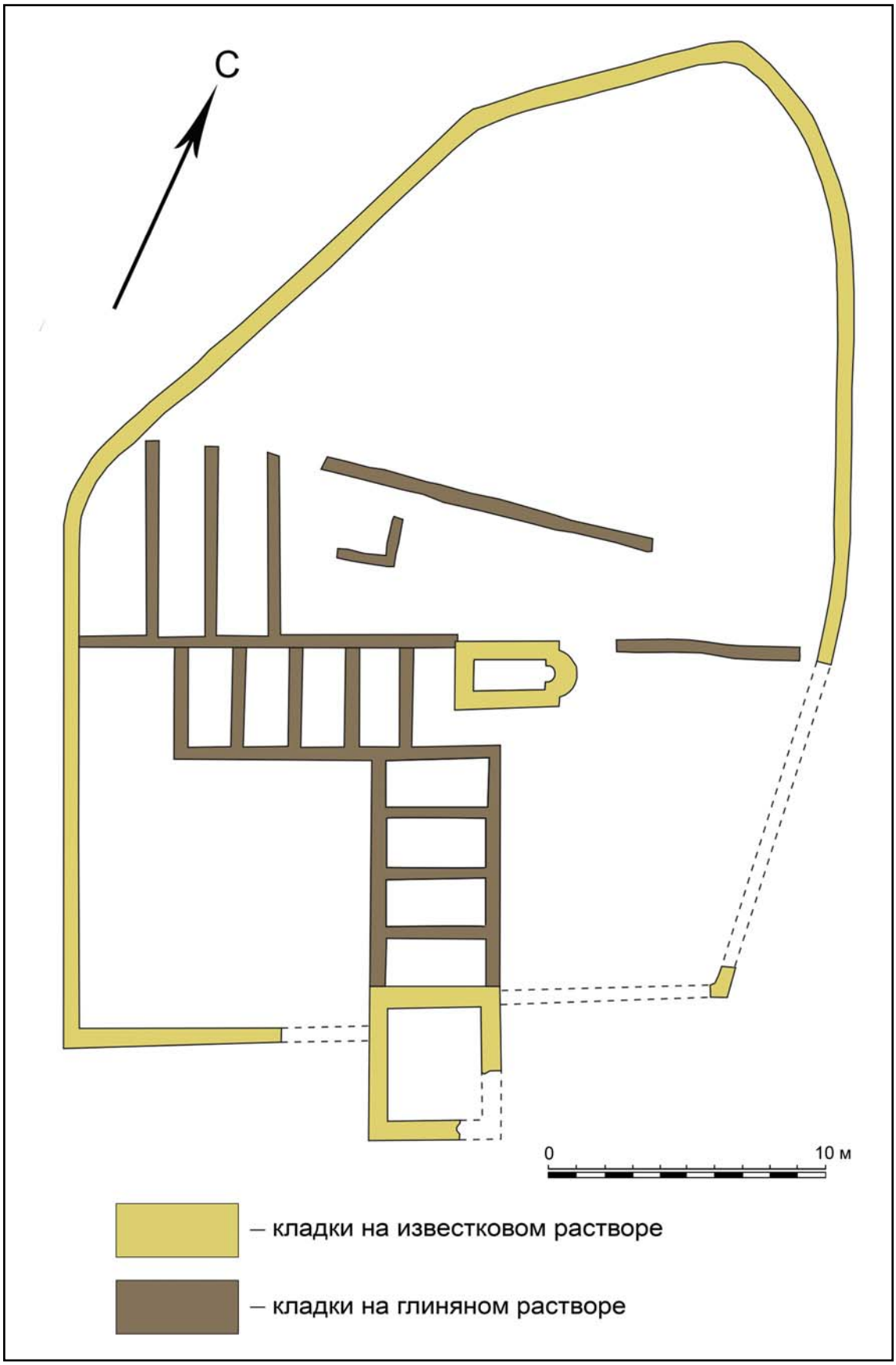


Рис. 7. План замка Калиера (по Н.С. Барсамову, 1927 г. Архив ФМД. КП 25236, НА 315).

Fig. 7. Plan of Kaliera castle (after N.S. Barsamov, 1927. Feodosian Museum of Antiquities Archive. КП 25236, НА 315).

Рис. 57. Реконструкция замка Калиера. Вид с северо-запада.

Fig. 57. Kaliera castle, reconstruction. View from the north-west.

Рис. 58. Реконструкция замка Калиера. Вид с севера.

Fig. 58. Kaliera castle, reconstruction. View from the north.

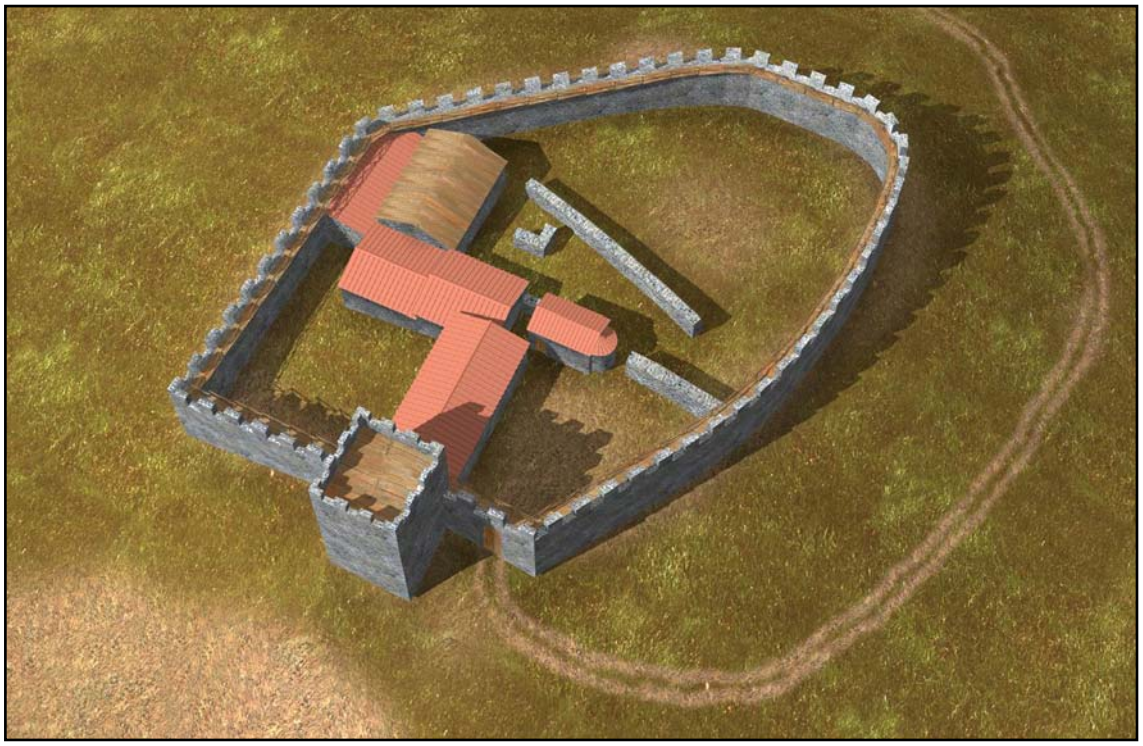


Рис. 59. Реконструкция замка Калиера. Вид с юго-востока.

Fig. 59. Kaliera castle, reconstruction. View from the south-east.

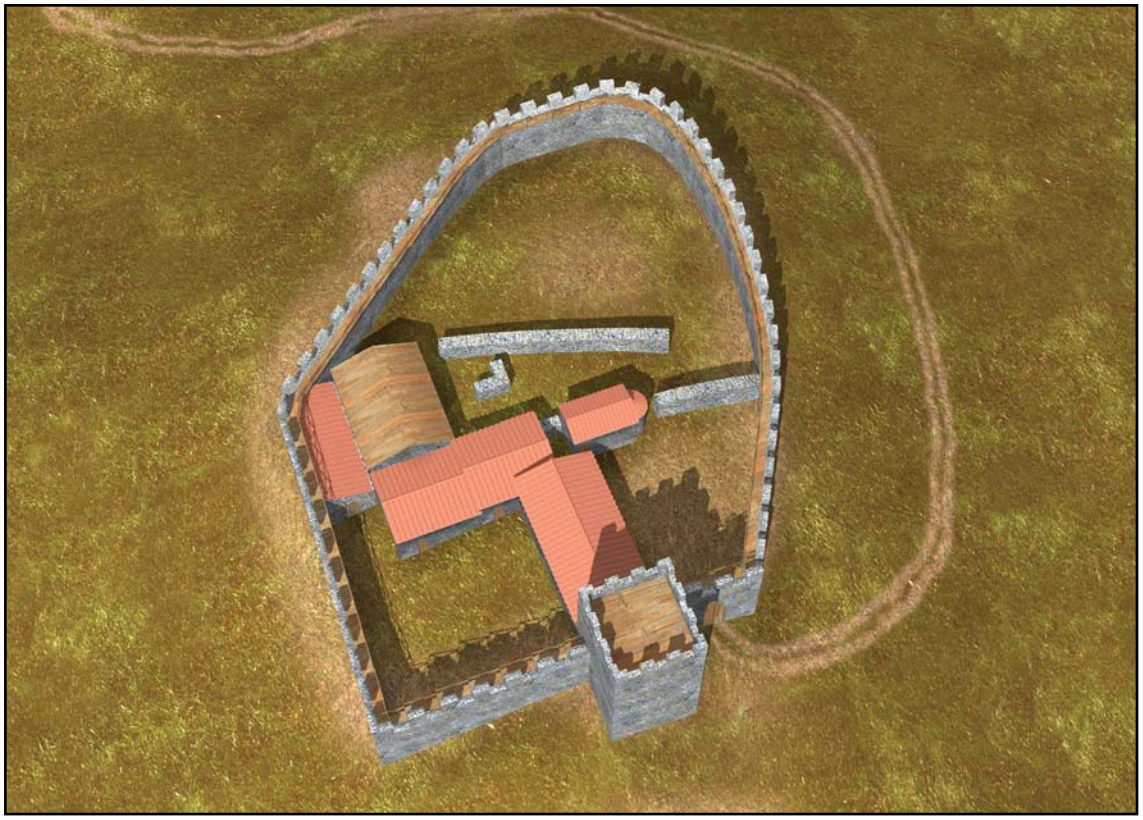


Рис. 60. Реконструкция замка Калиера. Вид с юга.

Fig. 60. Kaliera castle, reconstruction. View from the south.

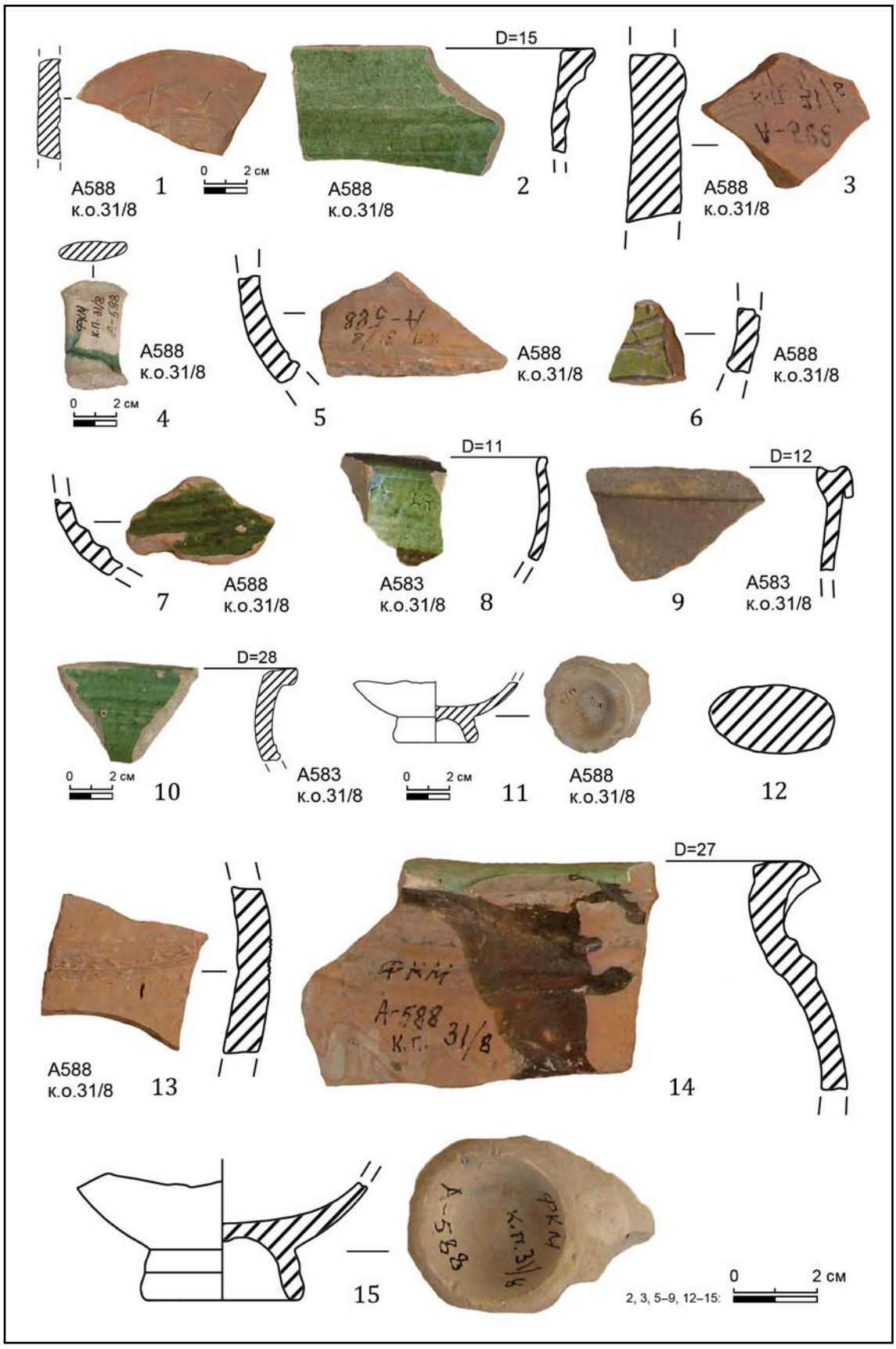


Рис. 37. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг. 1 — башня, второй слой.

Fig. 37. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928. 1 — tower, second layer.

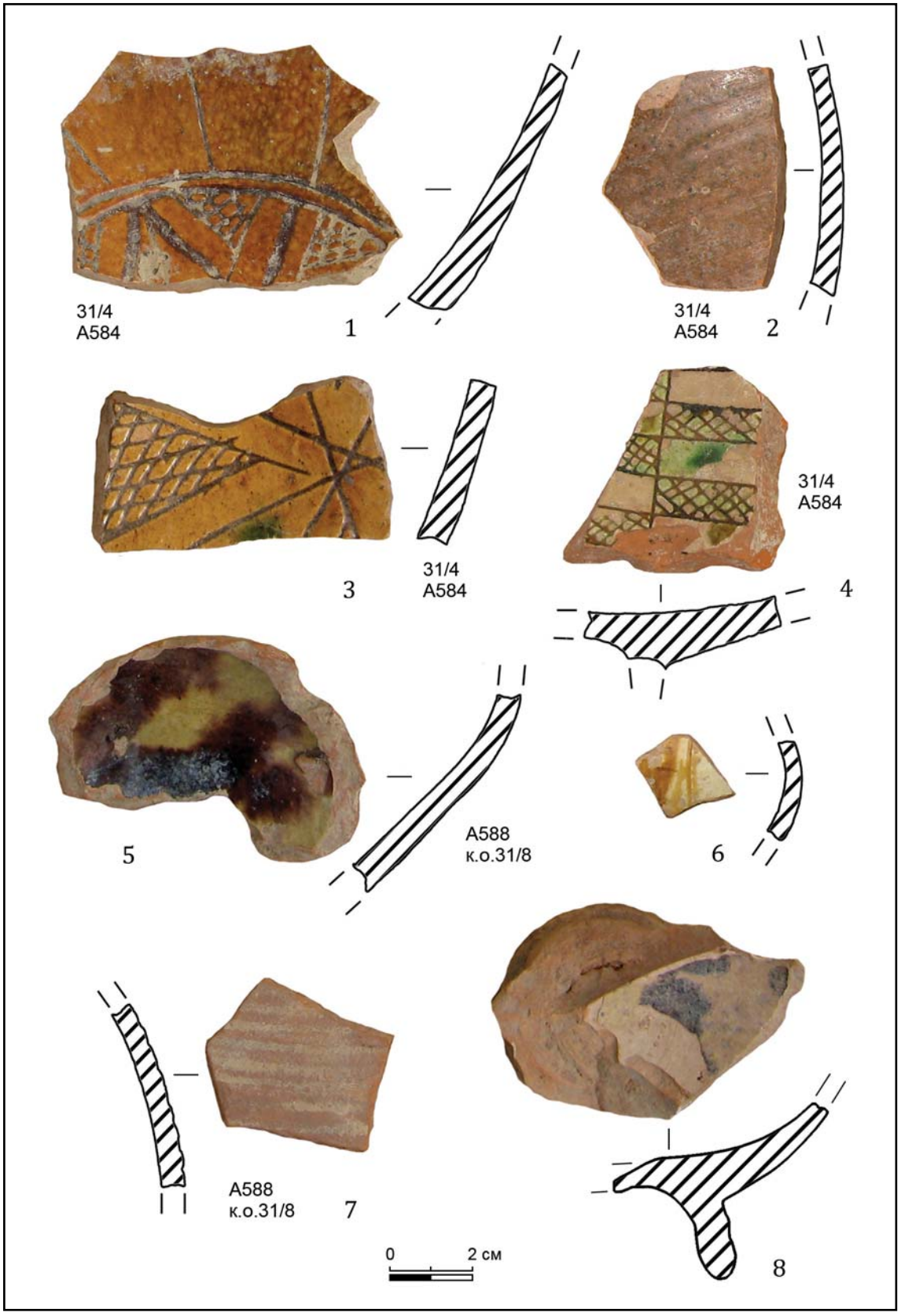


Рис. 38. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг. 2 — церковь, второй слой; 4 — башня, третий слой; 8 — церковь, первый слой.

Fig. 38. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928. 2 — church, second layer; 4 — tower, third layer; 8 — church, first layer.

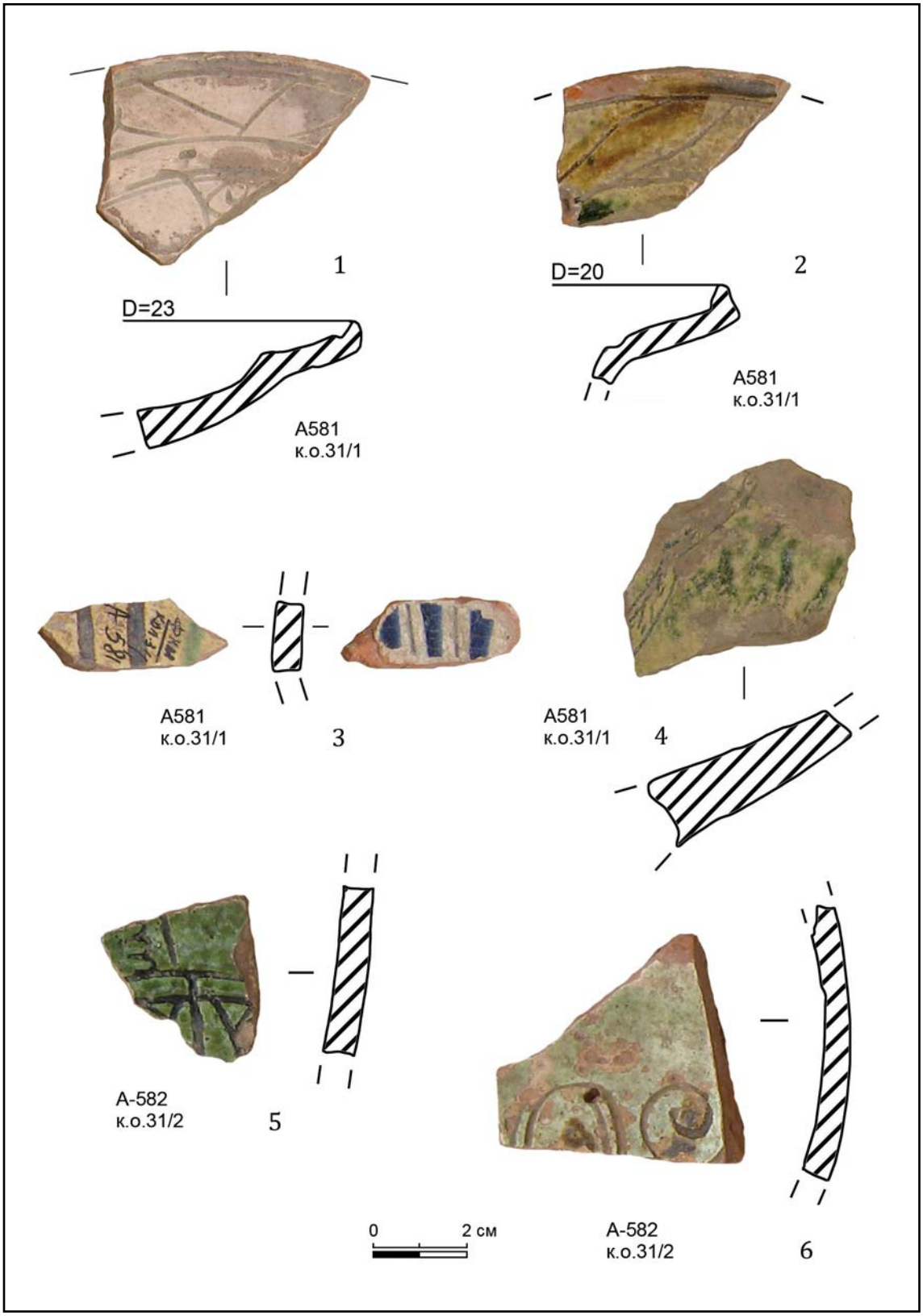


Рис. 39. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг. 5, 6 — башня, третий слой.

Fig. 39. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928. 5, 6 — tower, third layer.

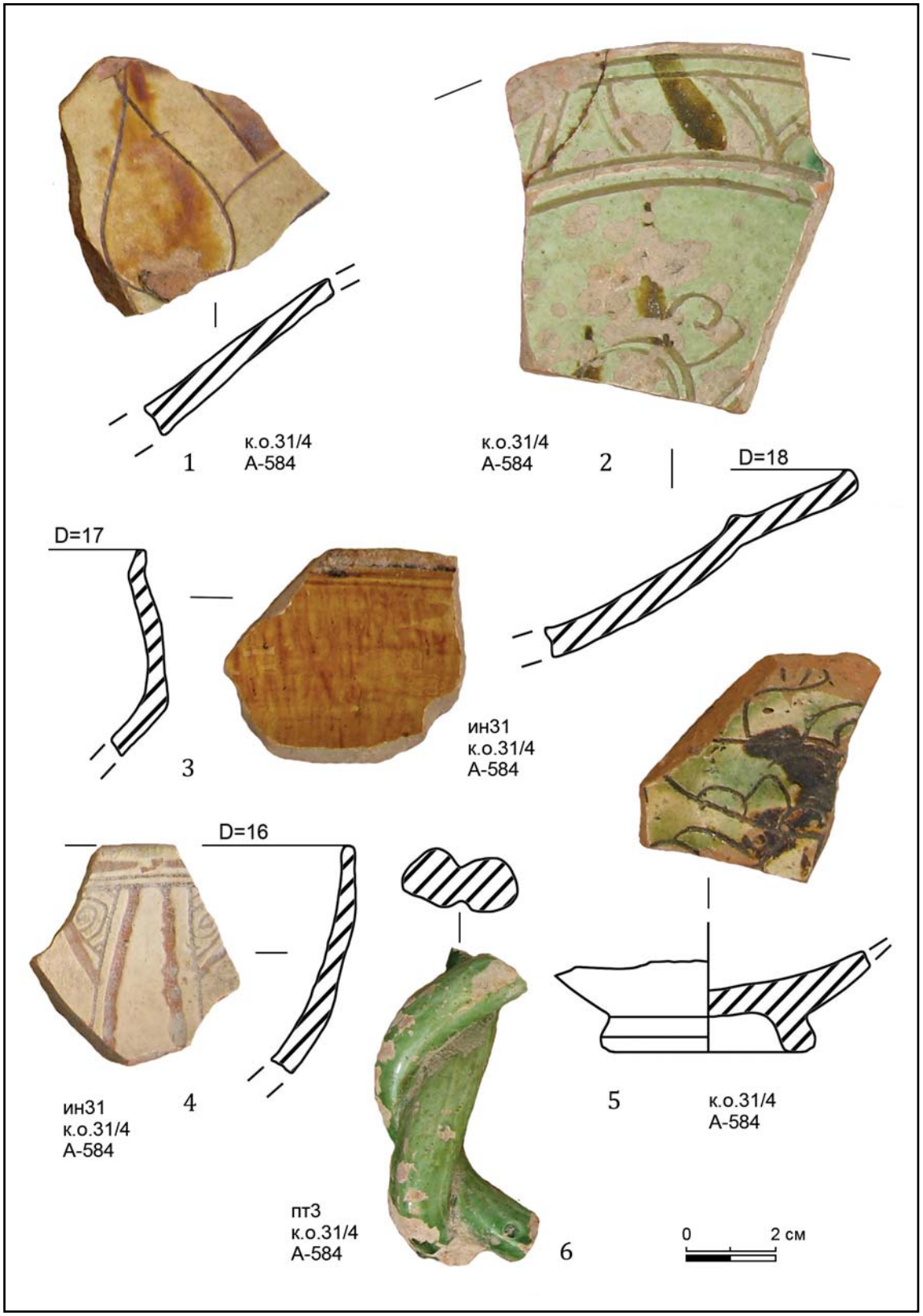


Рис. 40. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг.

Fig. 40. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928.

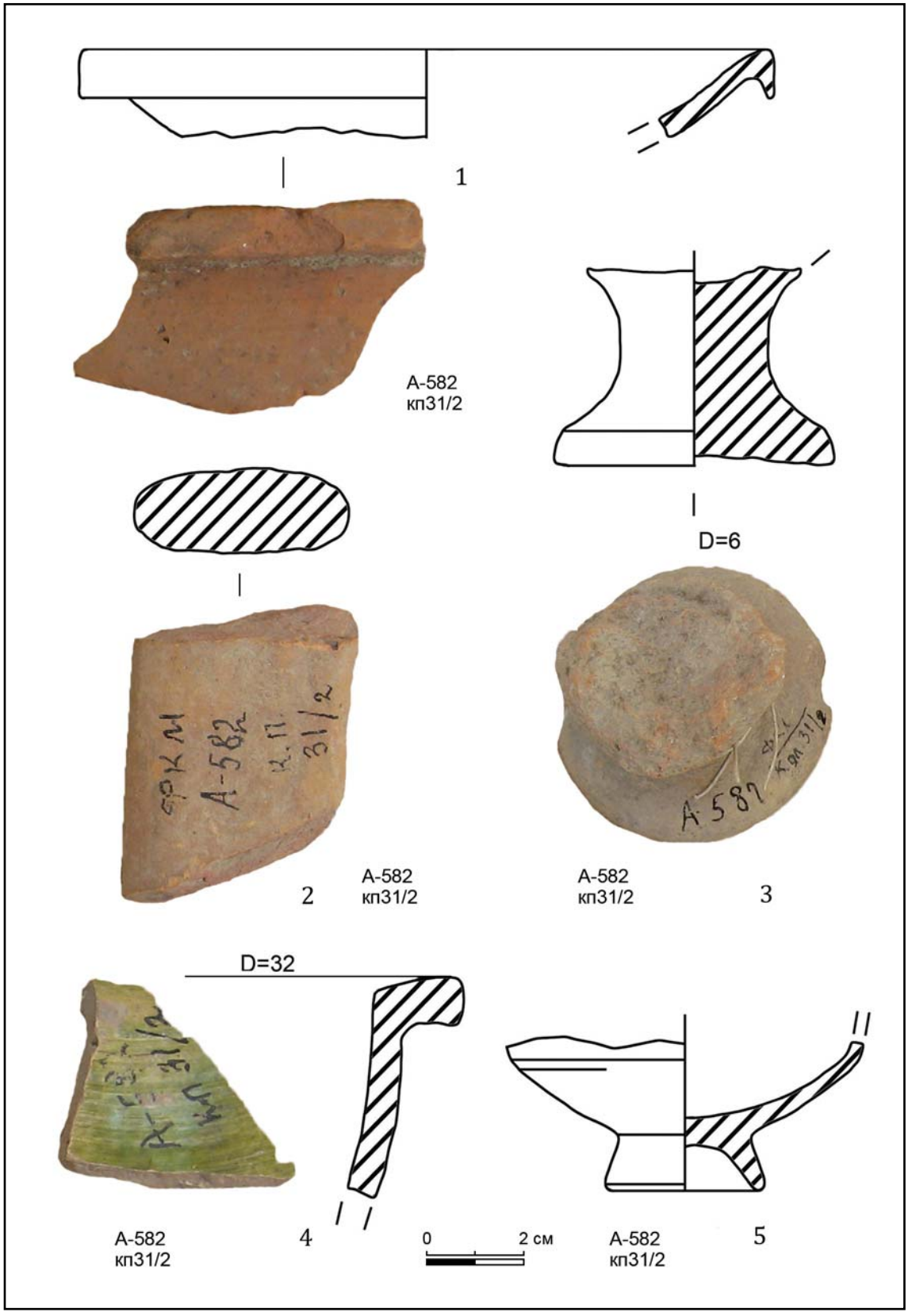


Рис. 41. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг. 2, 5 — церковь, третий слой.

Fig. 41. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928. 2, 5 — church, third layer.

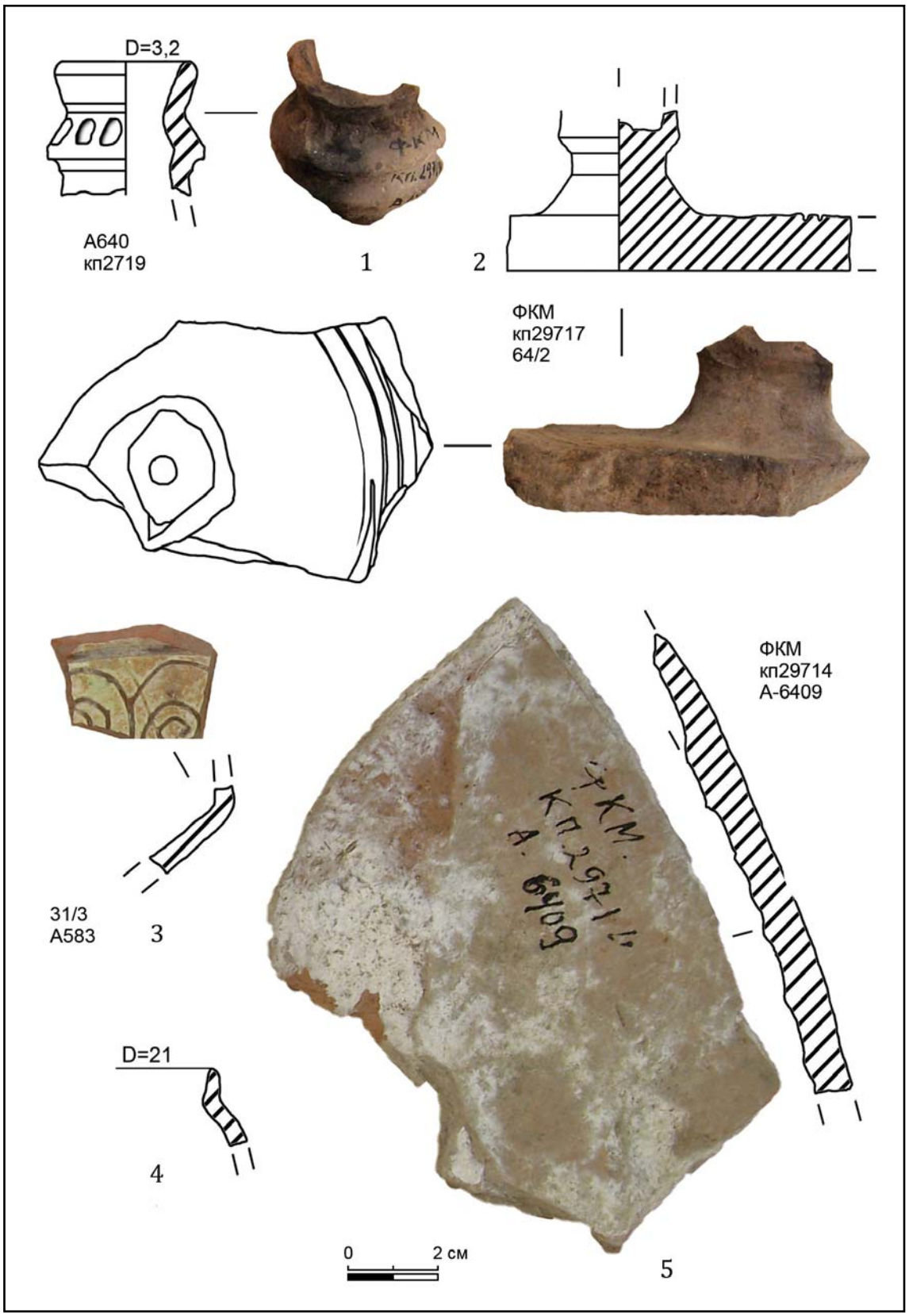


Рис. 42. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг. 4 — башня, первый слой.

Fig. 42. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928. 4 — tower, first layer.

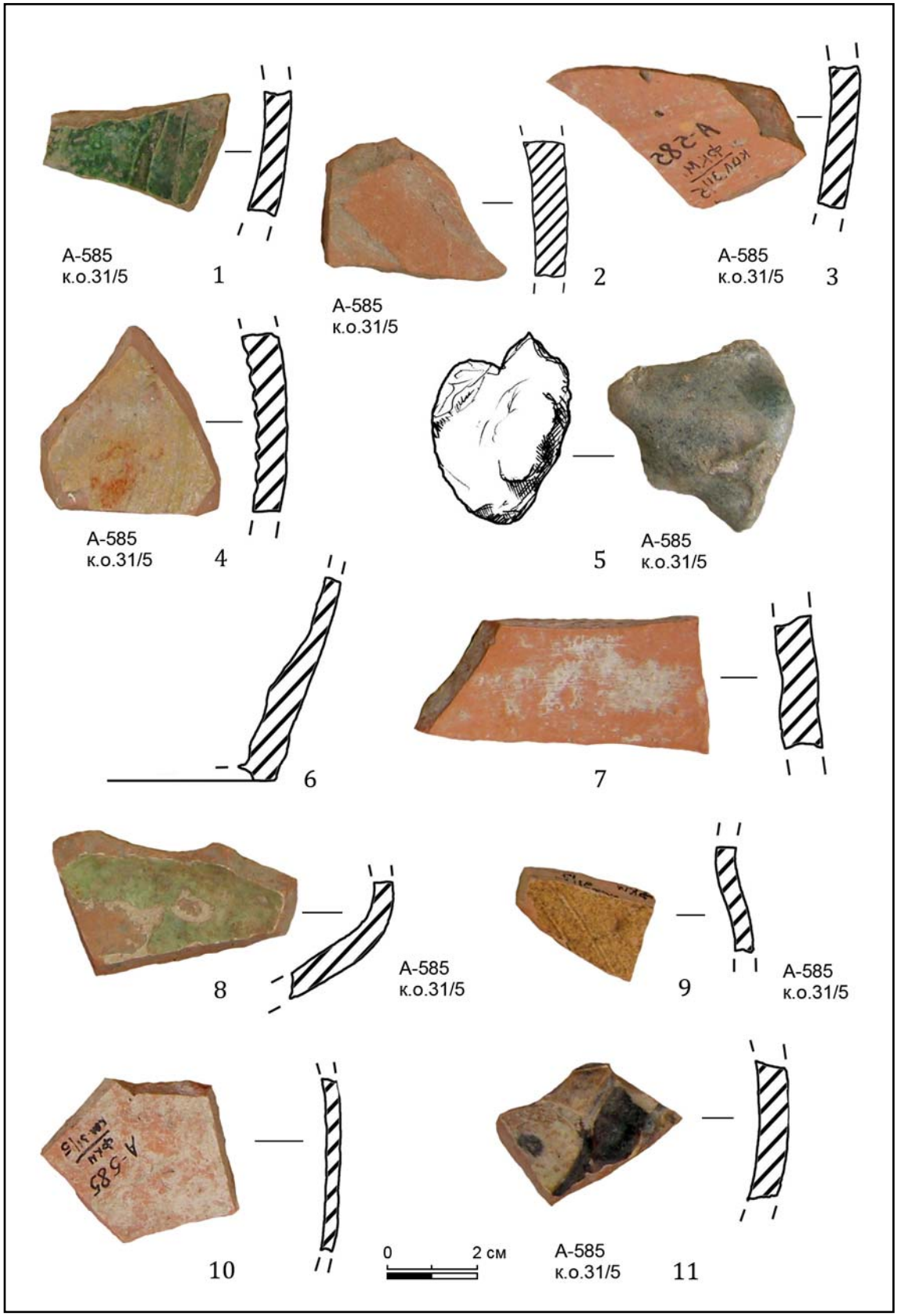


Рис. 43. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг. 7, 9, 10 — башня, второй слой; 1, 11 — башня, третий слой; 5 — церковь, второй слой; 8 — церковь, третий слой.

Fig. 43. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928. 7, 9, 10 — tower, second layer. 1, 11 — tower, third layer; 5 — church, second layer; 8 — church, third layer.

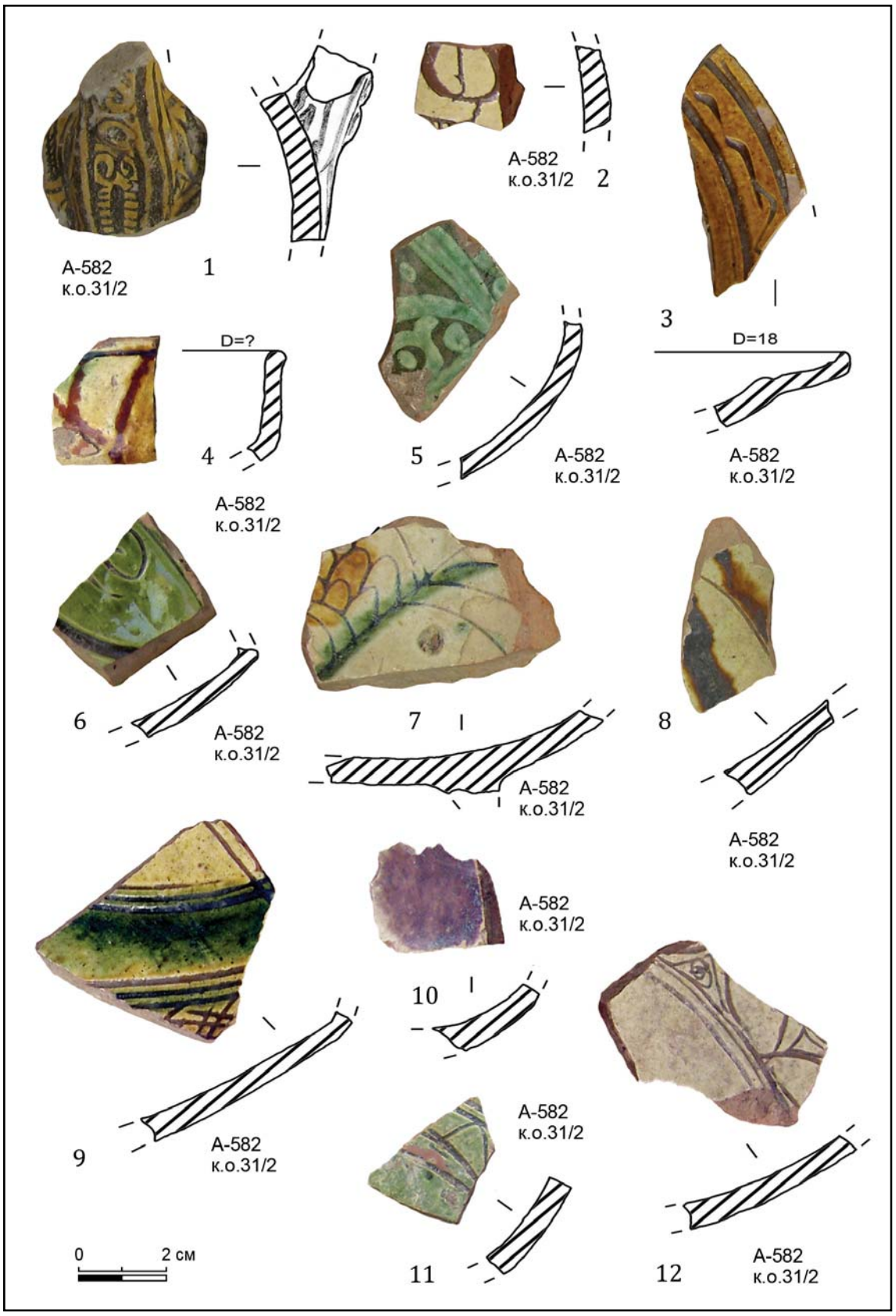


Рис. 44. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг. 1, 9 — башня, третий слой; 3 — церковь, третий слой.

Fig. 44. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928. 1, 9 — tower, third layer; 3 — church, third layer.

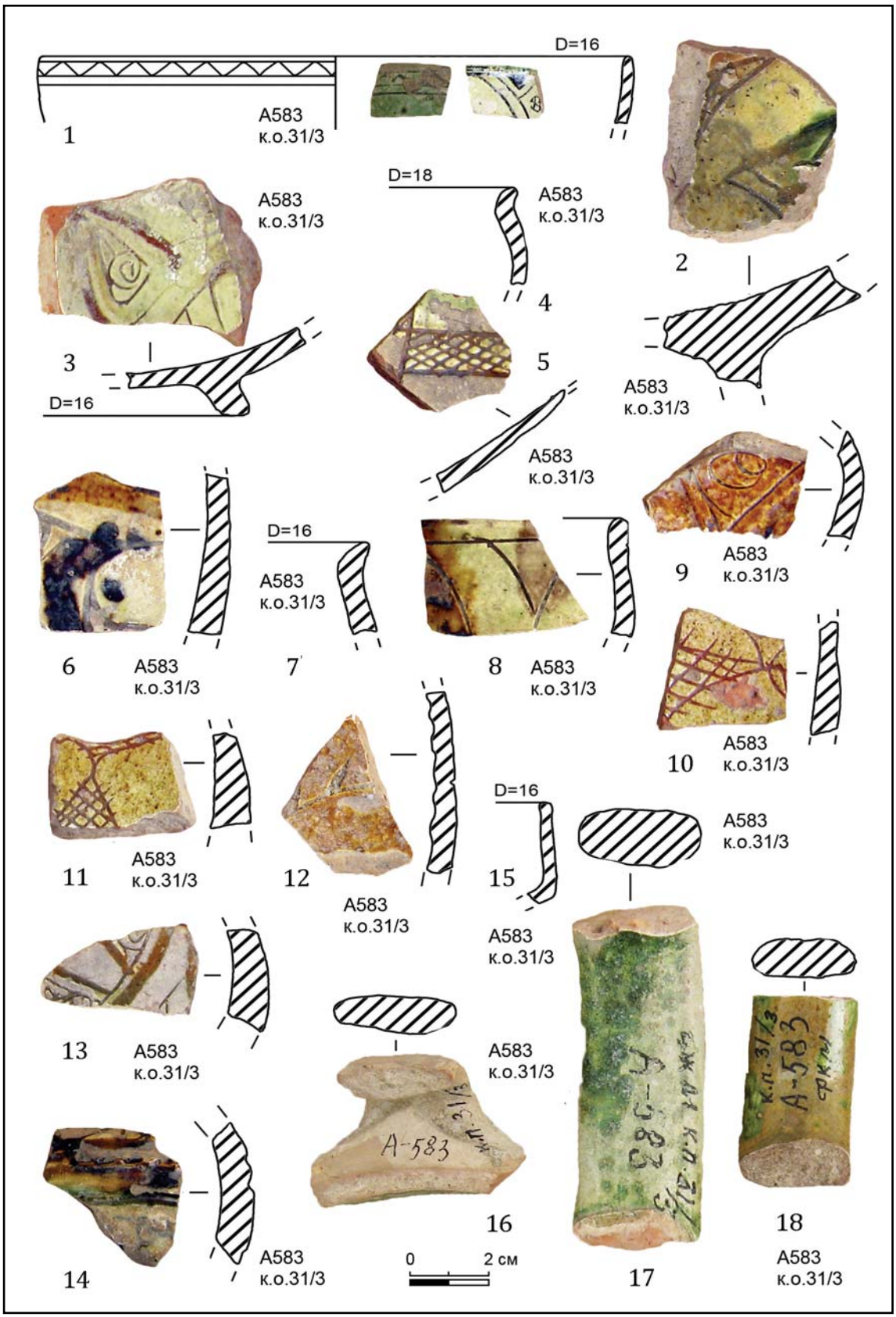


Рис. 45. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг. 3 — церковь, третий слой; 5, 17 — башня, третий слой.

Fig. 45. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928. 3 — church, third layer; 5, 17 — tower, third layer.

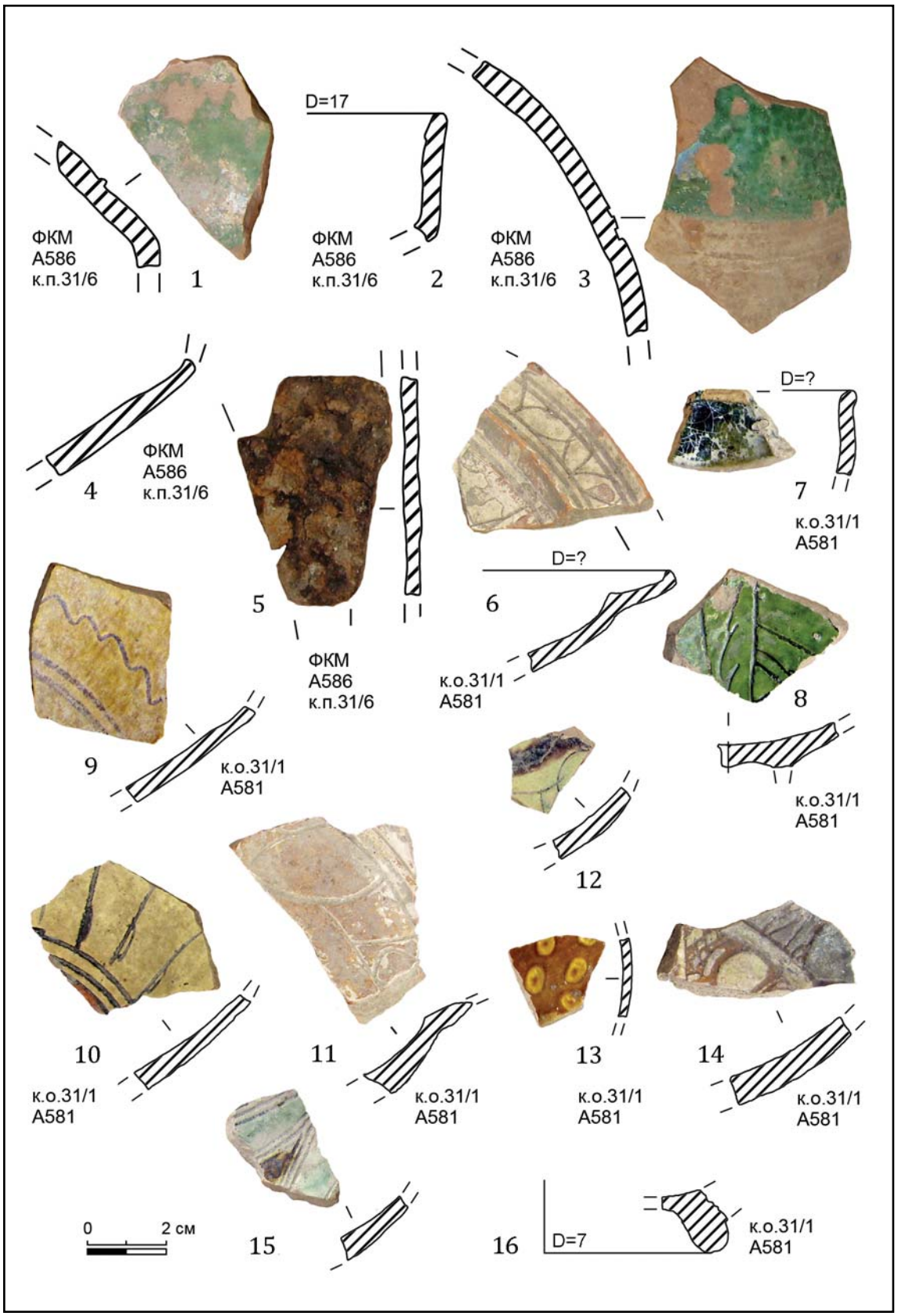


Рис. 46. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг. 1, 3 — башня, третий слой; 5 — церковь, третий слой.

Fig. 46. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928. 1, 3 — tower, third layer; 5 — church, third layer.

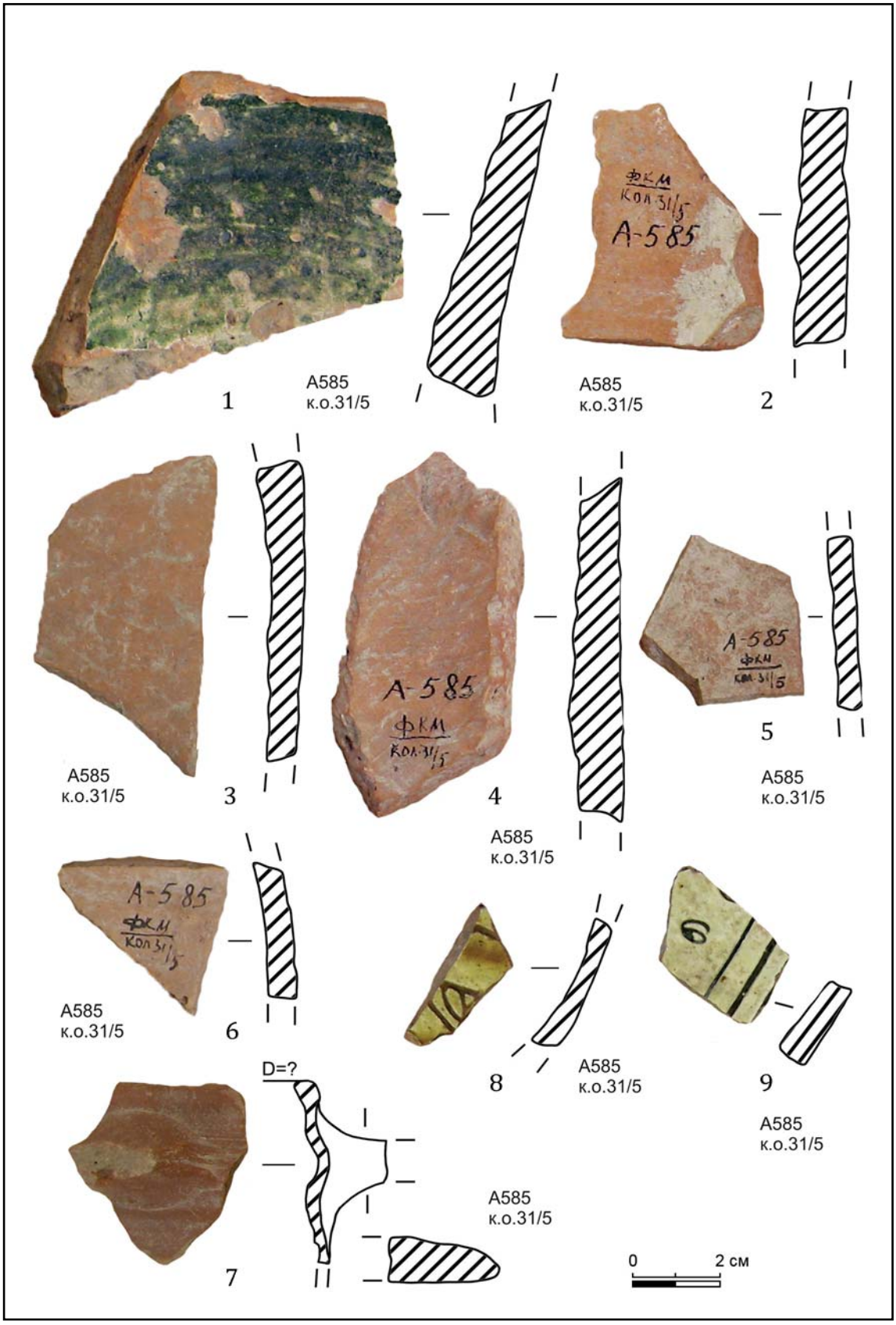


Рис. 47. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг. 1 — церковь, первый слой; 3, 4 — церковь, второй слой; 7, 8 — церковь, третий слой.

Fig. 47. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928. 1 — church, first layer; 3, 4 — church, second layer; 7, 8 — church, third layer.

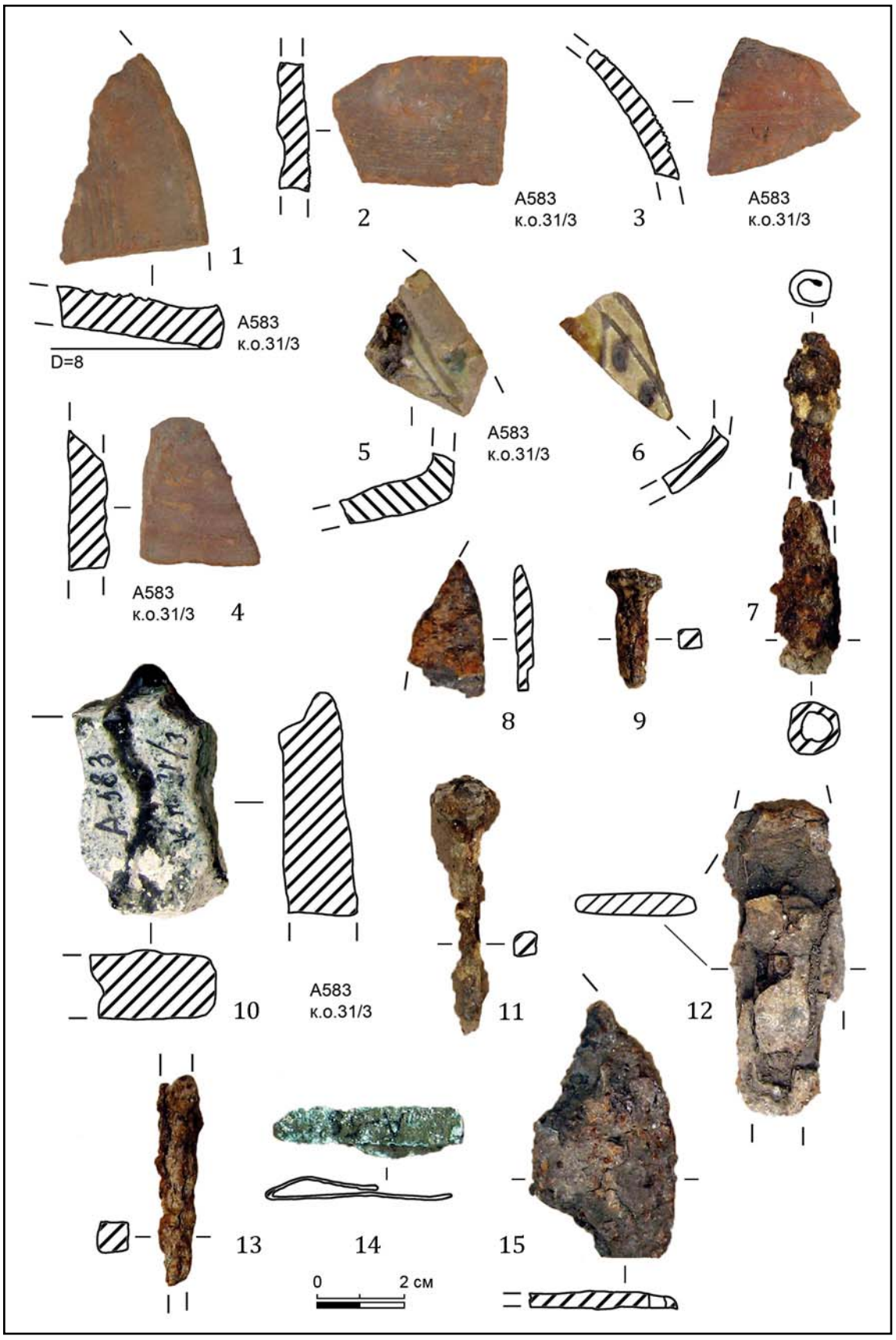


Рис. 48. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг. 2 — церковь, второй слой; 7, 8, 13 — церковь, третий слой.

Fig. 48. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928. 2 — church, second layer; 7, 8, 13 — church, third layer.

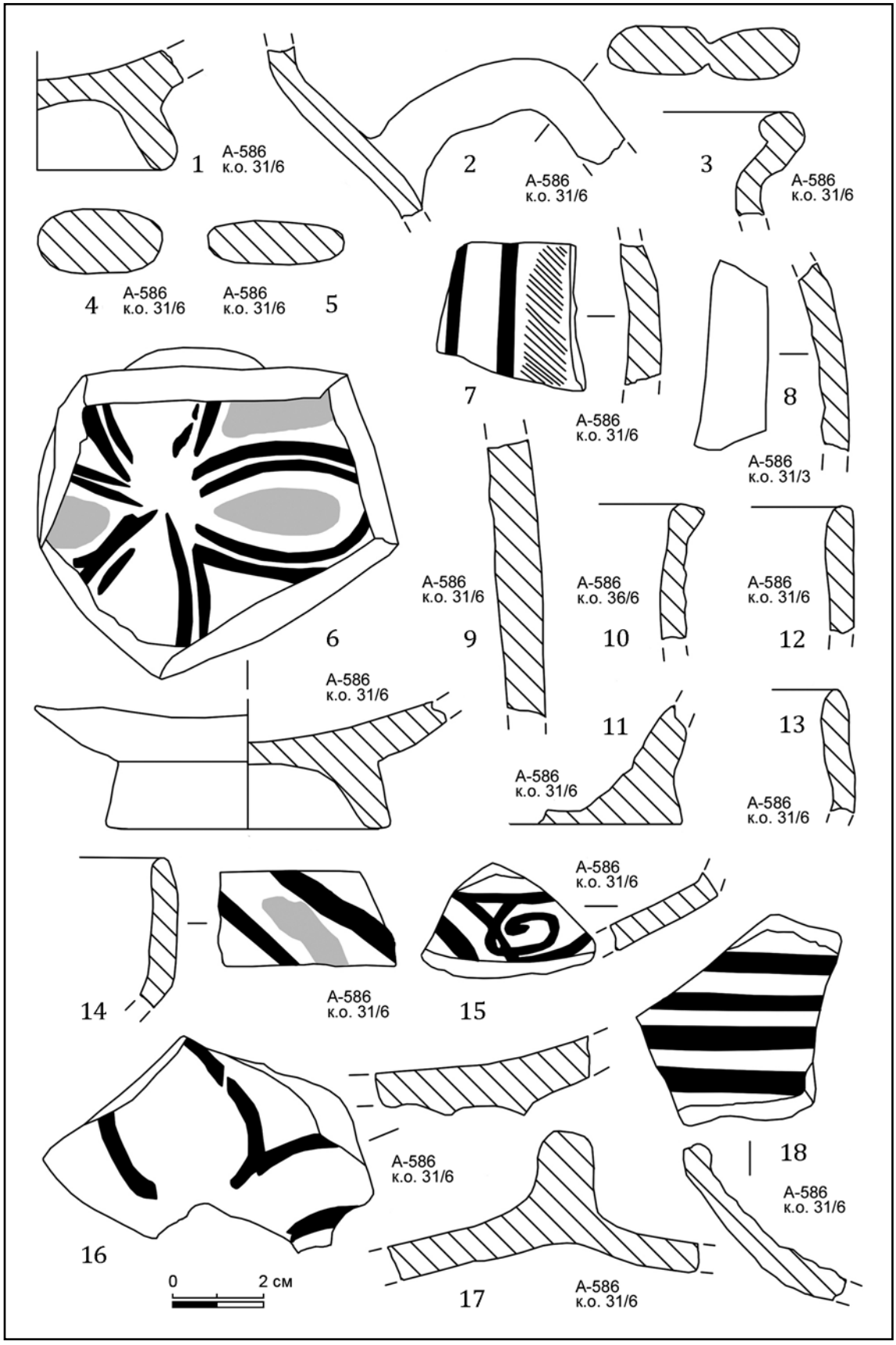


Рис. 49. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг.

Fig. 49. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928.

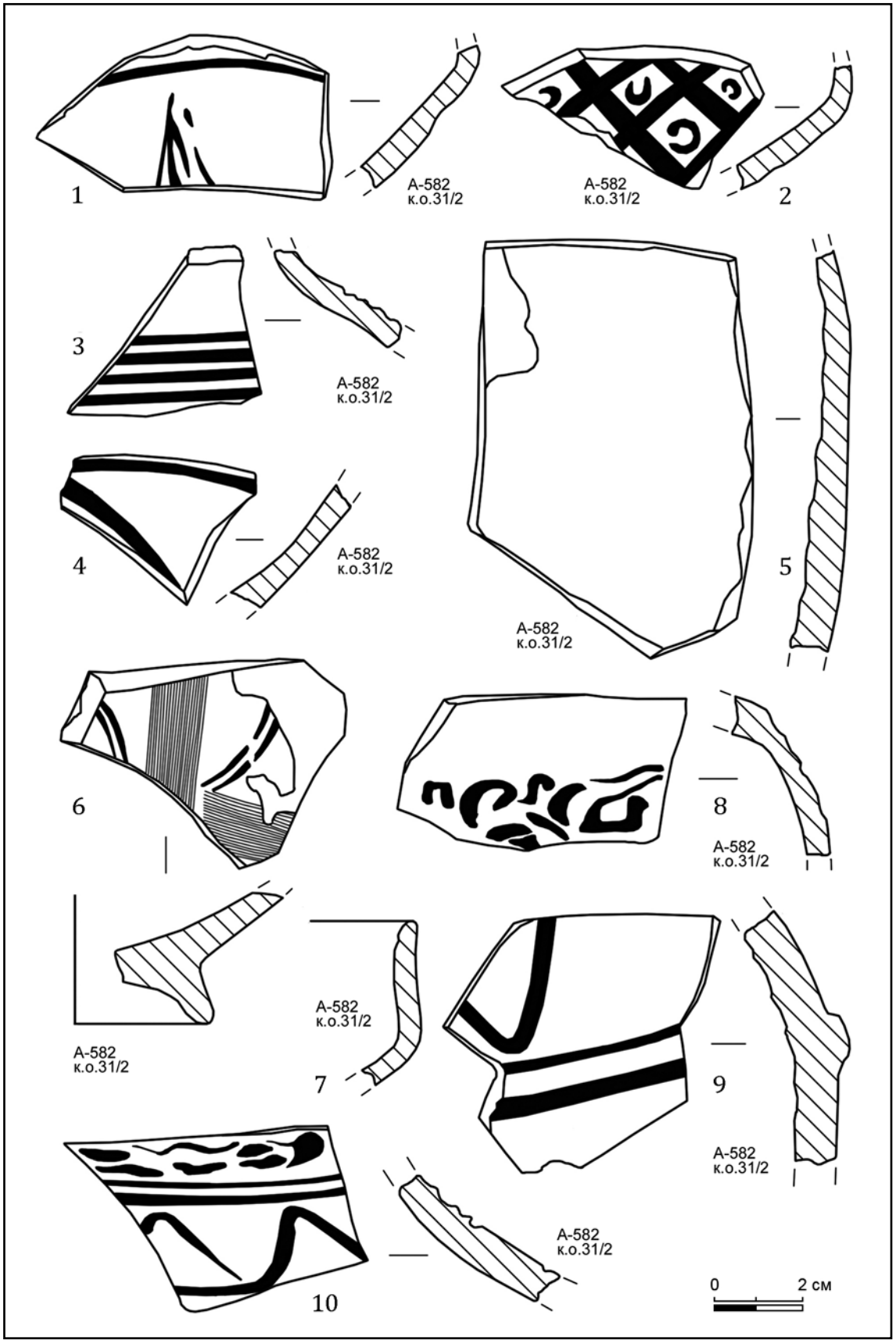


Рис. 50. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг.

Fig. 50. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928.

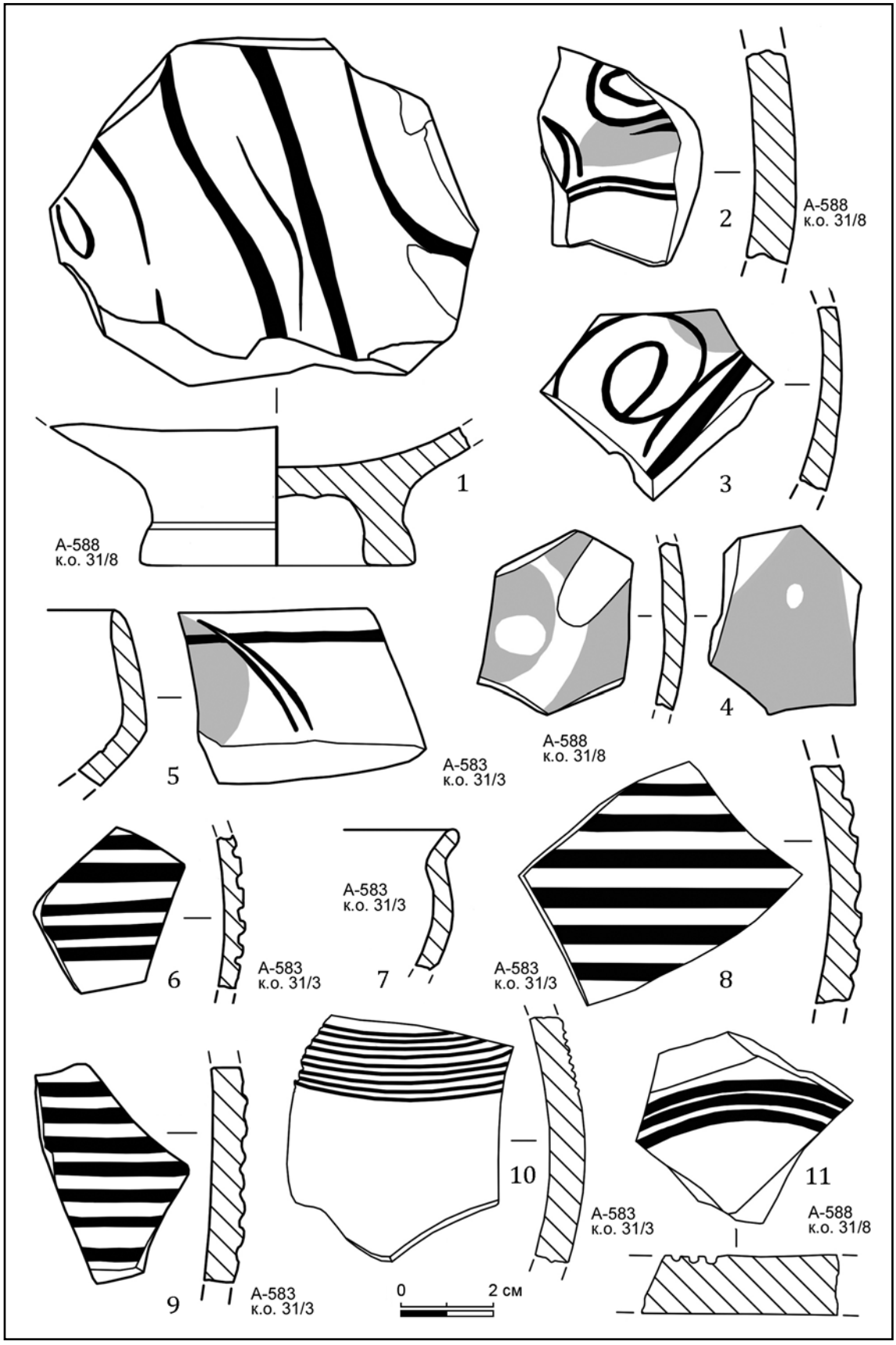


Рис. 51. Замок Калиера. Находки. Исследования 1927—1928 гг.

Fig. 51. Kaliera castle. Finds. Studies of 1927—1928.

Таблица 1.

Определения находок из археологических исследований 1927—1928 гг.

№ п.п.	Описание находки	Кол-во	Группа — центр производства (Дата)	№ рисунка (Литература)
1	Фрагменты амфор красноглиняных	3	Крым, «причерноморский» тип (IX—X вв.)	рис. 42: 5; 48: 2, 3 (Паршина и др. 2001: 76—86)
2	Фрагменты амфор красноглиняных	4	«Трапезунд» (XIII—XIV вв.)	рис. 38: 7; 43: 2; 51: 8, 9 (Волков 1989: 87—96; Масловский 2006: 381—383)
3	Фрагменты тарелок поливных красноглиняных	4	Византия, тип 2 (вторая половина XIII в.)	рис. 44: 3; 46: 9; 47: 9; 50: 6 (Волков 2005: 78—96; Масловский 2006: 392—393; Бочаров 2007: 12—18; Bocharov, Maslovskiy 2011: 257)
4	Фрагмент ручки кувшина поливного красноглиняного, орнаментация выполнена в технике резерва	1	Византия, Константинополь, тип 5 (1290—1340-е гг.)	рис. 44: 1 (Bocharov, Maslovskiy 2011: 260)
5	Фрагмент стенки чаши поливной красноглиняной с росписью марганцем	1	Византия, тип 3 (1285—1345 гг.)	рис. 44: 10 (Масловский 2006: 392—393; Bocharov, Maslovskiy 2011: 295)
6	Фрагмент венчика чашечки поливной красноглиняной с орнаментом, выполненным в технике резерва	1	Византия, Константинополь, тип 6 (вторая половина XIV в.)	рис. 45: 1 (Bocharov, Maslovskiy 2011: 160)
7	Фрагменты труб водопроводных красноглиняных	5	Юго-Восточный Крым (XIV—XV вв.)	рис. 37: 3; 47: 2—3; 49: 17
8	Фрагменты крышек красноглиняных	4	Юго-Восточный Крым (XIV—XV вв.)	рис. 37: 1; 48: 1, 4; 51: 11 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 356—359)
9	Фрагменты подсвечников красноглиняных	2	Юго-Восточный Крым (XIV—XV вв.)	рис. 42: 1, 2 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 356—359)
10	Фрагменты сосудов красноглиняных	8	Юго-Восточный Крым (XIV—XV вв.)	рис. 41: 2; 43: 3, 6, 7; 47: 5, 6; 50: 9; 51: 10 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 356—359)
11	Фрагменты сосудов красноглиняных	6	Юго-Западный Крым (XIII—XV вв.)	рис. 37: 5, 9; 41: 1; 43: 10; 47: 7; 50: 10 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 383—388)
12	Фрагменты сосудов поливных красноглиняных открытых форм (маркотцы)	2	Группа Юго-Восточный Крым, город Каффа (XV вв.)	рис. 37: 14; 41: 4
13	Фрагменты амфор аптечных поливных красноглиняных	3	Группа Юго-Восточный Крым, город Каффа (XV вв.)	рис. 37: 2, 10; 49: 10 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 364—366)
14	Фрагменты кувшинов поливных красноглиняных	21	Группа Юго-Восточный Крым, город Каффа (XV в.)	рис. 37: 4. 7, 12; 38: 2; 43: 3, 4, 9; 45: 16—19; 46: 1, 3; 49: 2, 4, 5, 7, 11, 18; 50: 5; 51: 6 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 364—366)
15	Фрагменты чаш поливных красноглиняных монохромных	17	Группа Юго-Восточный Крым, город Каффа (XV в.)	рис. 37: 6, 11, 15; 40: 3; 41: 5; 42: 5; 43: 8; 45: 4, 7, 15; 46: 2, 4; 49: 1, 12, 13; 50: 7; 51: 7
16	Фрагменты доньев чаш поливных красноглиняных с росписью пятнами марганца	2	Группа Юго-Восточный Крым, город Каффа (1320—1340 гг.)	рис. 38: 5, 8 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 356—359)

Таблица 1 (окончание).

№ п.п.	Описание находки	Кол-во	Группа — центр производства (Дата)	№ рисунка (Литература)
17	Фрагменты чаш поливных красноглиняных монохромных с орнаментом сграффито	10	Группа Юго-Восточный Крым, город Каффа (XV в.)	рис. 37: 8; 40: 4; 44: 2; 45: 3, 10, 11; 46: 6, 11; 50: 2
18	Фрагменты мисок и тарелок поливных красноглиняных полихромных с орнаментом сграффито	22	Группа Юго-Восточный Крым, город Каффа (XV в.)	рис. 38: 3, 4, 6; 39: 1, 2; 44: 4, 7, 8; 45: 5, 8; 46: 12, 15; 47: 8; 48: 6; 49: 12, 13; 50: 1, 4; 51: 1, 2, 3, 5
19	Фрагменты мисок и тарелок поливных красноглиняных полихромных с орнаментом сграффито	2	Группа Юго-Восточный Крым, город Солдайя (XV в.)	(Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 356—359) рис. 39: 6; 40: 2
20	Фрагмент двухчастной ручки сосуда поливного красноглиняного	1	Юго-Восточный Крым, город Солхат (вторая половина XIV в.)	рис. 49: 2 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 356—359)
21	Фрагменты стенок кувшинов поливных красноглиняных	2	Юго-Восточный Крым, город Солхат (вторая половина XIV — начало XV вв.)	рис. 47: 1; 50: 3 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 356—359)
22	Фрагмент кувшина поливного красноглиняного с орнаментом сграффито	1	Юго-Восточный Крым, город Солхат (вторая половина XIV в.)	рис. 45: 12 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 356—359)
23	Фрагмент кувшина поливного красноглиняного штампованного	1	Юго-Восточный Крым, город Каффа (вторая половина XIV в.)	рис. 50: 8 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 356—359)
24	Фрагменты чаш поливных красноглиняных монохромных с орнаментом сграффито	12	Юго-Восточный Крым, город Солхат (вторая половина XIV — начало XV вв.)	рис. 38: 1; 39: 5; 42: 3; 43: 1; 44: 6, 11, 12; 45: 9, 13; 46: 8, 10; 49: 15 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 355, 360—364)
25	Фрагменты мисок поливных красноглиняных полихромных с орнаментом сграффито	13	Юго-Восточный Крым, город Солхат (вторая половина XIV — начало XV вв.)	рис. 40: 1, 5; 43: 11; 44: 9; 45: 2, 6, 14; 46: 7, 14, 16; 48: 5; 49: 14, 16 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 355, 360—364)
26	Фрагменты чаш поливных красноглиняных с росписью ангобом	3	Юго-Восточный Крым, город Солхат (80—90-е гг. XIV в.)	рис. 44: 5; 46: 13; 51: 4 (Волков 1992: 5—19; Масловский 2006: 355, 360—364)
27	Ножка сосуда красноглиняного	1		рис. 41: 3
28	Фрагмент двухчастной плетеной ручки сосуда поливного красноглиняного	1		рис. 40: 6
29	Фрагмент стенки чаши глазурованной красноглиняной	1	Османская империя, группа «Милет», город Изник (вторая половина XV в.)	рис. 39: 3 (Тесленко 2005: 405)
30	Фрагмент стенки чаши поливной красноглиняной с орнаментом сграффито	1	Закавказье? (XV в.?)	рис. 39: 4
31	Камни, облитые зеленой глазурью (?)	2		рис. 43: 5; 48: 10
32	Пластины железные	3		рис. 46: 5; 48: 8, 15
33	Пластина железная. Рукоять ножа (?)	1		рис. 48: 12
34	Фрагменты гвоздей железных	3		рис. 48: 9, 11, 13
35	Болт втульчатый железный. Наконечник арбалетной стрелы	1	(XV в.?)	рис. 48: 7
36	Пластина бронзовая	1		рис. 48: 14

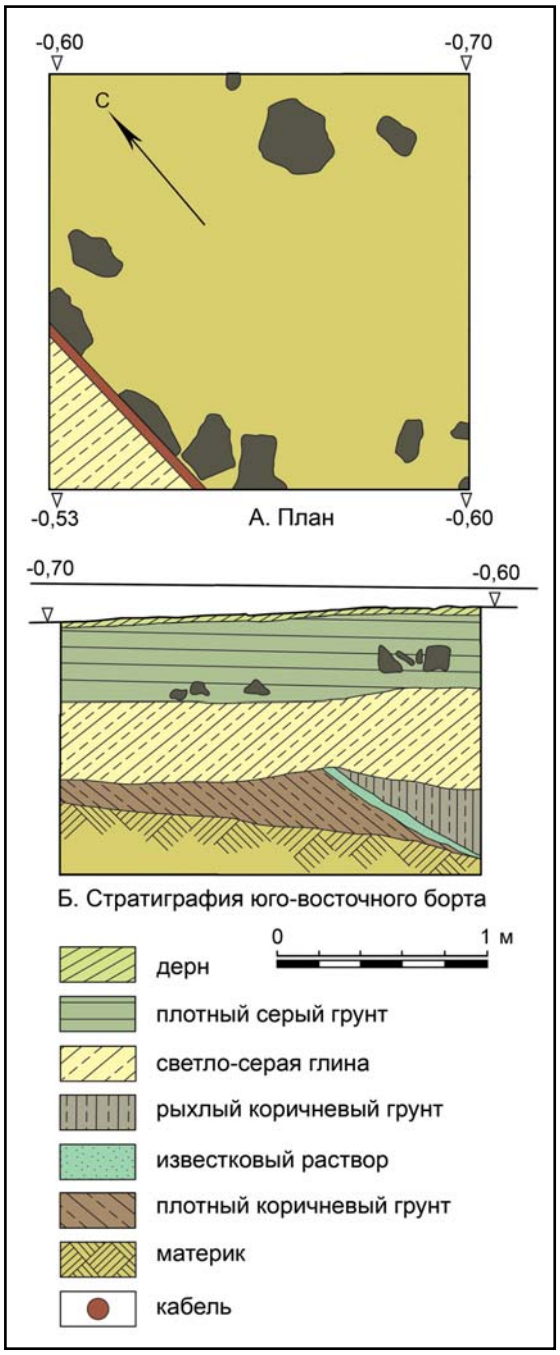


Рис. 52. Замок Калиера. Шурф 2006 года. План (А) и стратиграфия юго-восточного борта (Б).

Fig. 52. Kaliera castle. Shaft of 2006. Plan (A) and stratigraphy of the south-eastern rim (Б).

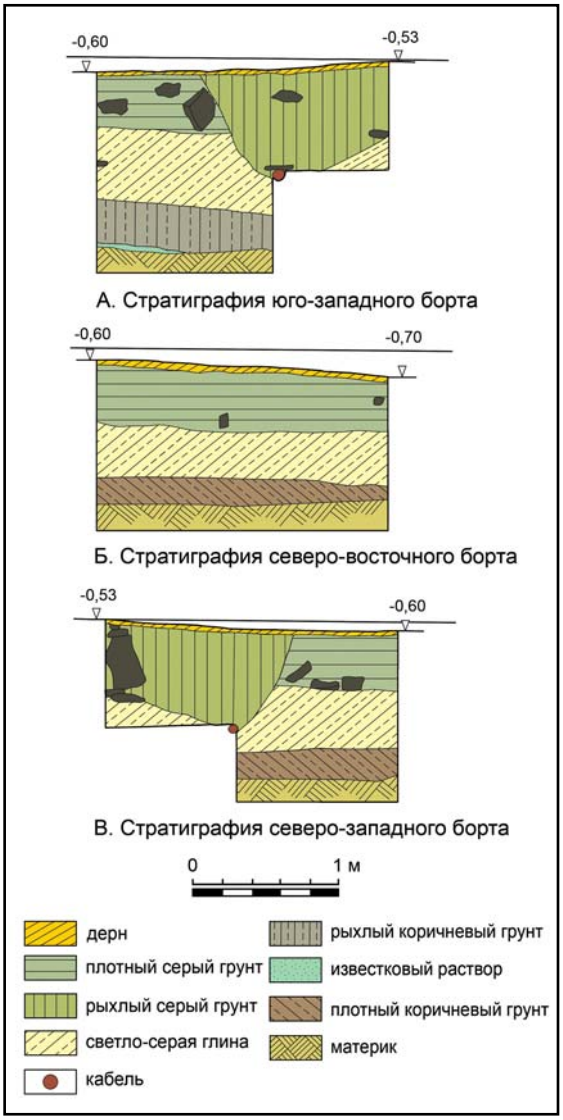


Рис. 53. Замок Калиера. Шурф 2006 года. Стратиграфии юго-западного (А), северо-восточного (Б) и северо-западного (В) бортов.

Fig. 53. Kaliera castle. Shaft of 2006. Stratigraphies of the south-western (A), north-eastern (Б) and north-western (В) rims.

Исследования велись одним шурфом, который был разбит на территории замка во внутренней части второго от церкви прямоугольного помещения в 4,50 м к юго-западу от храма и в 5,20 м к северу от башни-донжона (рис. 7).

Шурф ориентирован по оси северо-восток — юго-запад, в соответствии с рельефом местности, размер шурфа 2,00×2,00 м (рис. 52: А). Глубина культурных напластований от 0,82 до 1,22 м.

Разведочными исследованиями зафиксировано семь культурных напластований: слой дерна, слой плотного серого грунта, слой рыхлого серого грунта, слой светло-серой глины, слой коричневого рыхлого грунта, слой деструктированного известкового раствора, слой коричневого грунта.

Слой дерна (рис. 52; 53) зафиксирован по всей площади шурфа. Мощность слоя от 0,02 до 0,04 м. Археологических находок в слое не обнаружено.

Слой плотного серого грунта (рис. 52; 53; 54; 55) зафиксирован по всей площади шур-

Рис. 54. Замок Калиера. Шурф 2006 года. Вид с северо-запада.

Fig. 54. Kaliera castle. Shaft of 2006. View from the north-west.

Рис. 55. Замок Калиера. Шурф 2006 года. Вид с северо-востока.

Fig. 55. Kaliera castle. Shaft of 2006. View from the north-east.

фа, кроме его западного угла. Он залегал под слоем дерна на глубине от 0,02 до 0,04 м от уровня современной дневной поверхности, его мощность до 0,40 м. Слой представлял собой плотный серый грунт с камнями. Археологических находок в слое не обнаружено, найдены фрагменты стеклянных бутылок XIX—XX вв.

Слой рыхлого серого грунта (рис. 52; 53; 54; 55) исследован в западной части шурфа, залегал под слоем дерна на глубине от 0,02 до 0,04 м от уровня современной дневной поверхности. Его мощность до 0,70 м. Слой представлял собой рыхлый серый грунт с камнями и являлся заполнением ямы, на дно которой на глубине от 0,70 до 0,76 м был уложен высоковольтный кабель, перекрытый современной черепицей. Археологических находок в слое не обнаружено.

Слой светло-серой глины (рис. 52; 53; 54; 55) зафиксирован двумя участками. Первый участок слоя исследован в восточной части шурфа. Он залегал под слоями плотного серого грунта и рыхлого серого грунта, на глубине от 0,38 до 0,70 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность участка слоя от 0,14 до 0,62 м. Второй участок данного слоя зафиксирован в западном углу шурфа, залегал под слоем рыхлого серого грунта на глубине от 0,50 до 0,70 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность участка слоя до 0,22 м. Участки слоя являлись единым слоем, разрезанным перекопом во время прокладки кабеля. Слой представлял собой плотную светло-серую глину с включениями деструктированного известкового раствора. Вся керамика из него представлена сосудами, относящимися к двум группам: Трапезунд (6 фрагментов)[1] и группе местного крымского производства — Юго-Восточный Крым (95 фрагментов)[2]. К группе Трапезунд относятся шесть мелких фрагментов стенок красноглиняных амфор (XIV—XV вв.). Красноглиняная неглазурованная керамика группы Юго-Восточный Крым представлена 54 мелкими фрагментами стенок, фрагментом дна кувшина (рис. 56: 5) и венчика миски (рис. 56: 6). На долю поливных сосудов данной группы приходится 41 фрагмент: 14 фрагментов стенок, два фрагмента венчиков (Каффа, XV в.) (рис. 56: 3, 4) и один фрагмент ручки (рис. 56: 7) поливных красноглиняных сосудов закрытых форм (Каффа, XV в.). Все сосуды покрыты поливой зеленого цвета. Один фрагмент поливного красноглиняного монохромного кувшина с орнаментом сграффито, полива зеленого цвета нанесена на обеих поверхностях (Каффа, XV в.) (рис. 56: 12). Фрагменты двенадцати стенок и четырех венчиков поливных красноглиняных монохромных мисок (Каффа, XV в.) (рис. 56: 8—11), у 15 сосудов на внутренней поверхности нанесена полива зеленого цвета, на одном фрагменте — желтого цвета (рис. 56: 11). Фрагмент стенки миски поливной красноглиняной, монохромной, с орнаментом сграффито, полива желтого цвета нанесена по внутренней поверхности (Каффа, XV в.) (рис. 56: 13). Фрагмент стенки миски поливной красноглиняной с росписью ангобом (Солхат, вторая половина XIV в.) (рис. 56: 14). Фрагменты трех мисок

[1] Выделена И. В. Волковым (Волков 1992: 8), историография: (Масловский 2006: 381, 383).

[2] Группа также выделена И. В. Волковым (1992: 20, табл. 1). Описание формовочных масс группы: (Масловский 2006: 355—373, 383—388; Бочаров 2009: 120).

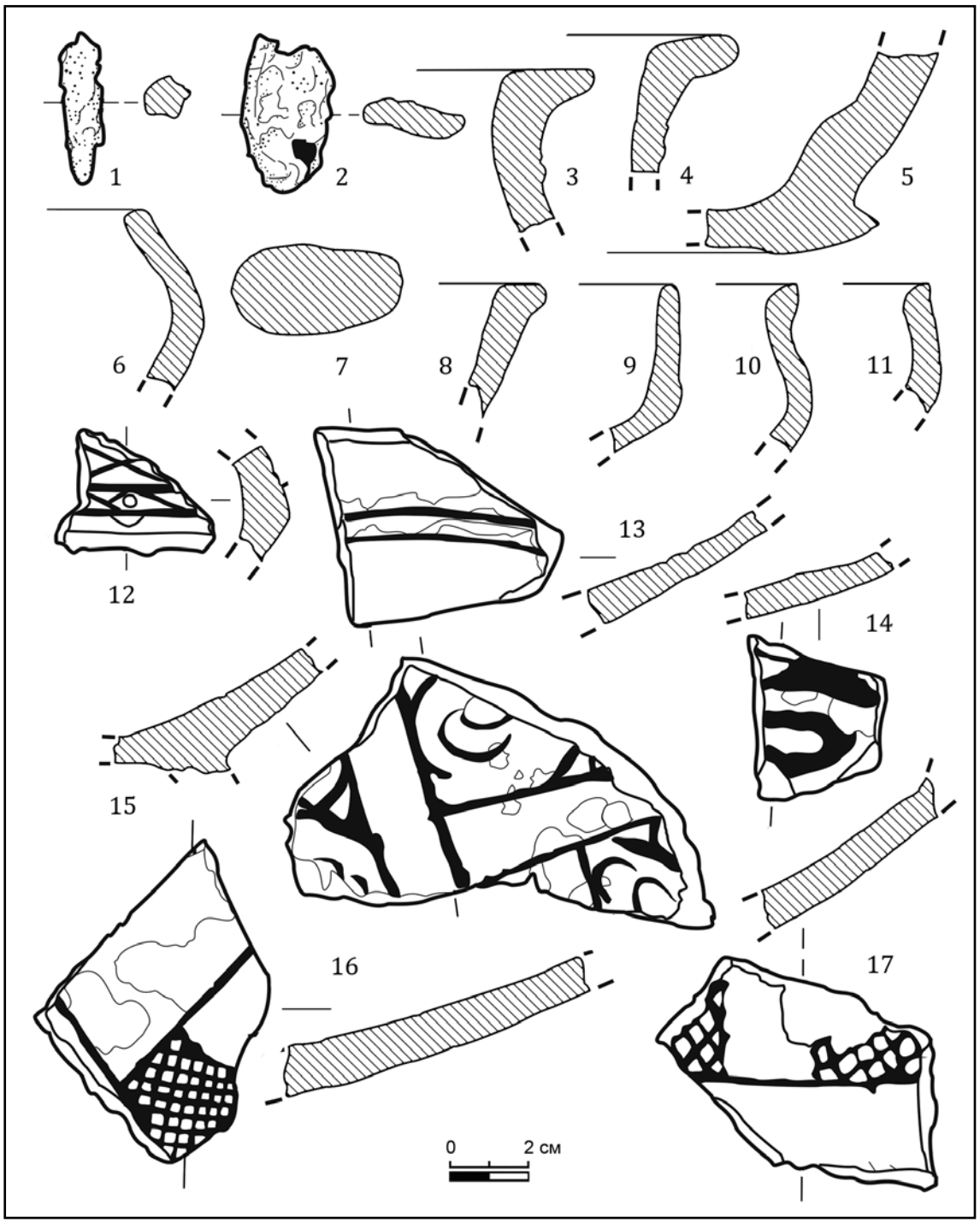


Рис. 56. Замок Калиера. Шурф 2006 года. Находки из слоя светло-серой глины.

Fig. 56. Kaliera castle. Shaft of 2006. Finds from the layer of light-grey clay.

поливных, красноглиняных, полихромных, с орнаментом сграффито. Полихромные изделия покрыты светло-желтой поливой, пространство между врезными линиями заполнялось расплывчатыми пятнами темно-зеленой и коричневой глазури (Каффа, XV в.) (рис. 56: 15—17). Кроме керамики, найдены также фрагмент железного гвоздя (рис. 56: 1) и обломок лезвия железного ножа (рис. 56: 2).

Слой коричневого рыхлого грунта с камнями и деструктированным известковым раствором (рис. 52; 53; 54; 55) исследован в южной части шурфа. Он залегал под слоем светло-серой глины, на глубине от 0,74 до 1,00 м от уровня современной дневной поверхности.

Мощность слоя до 0,30 м. Археологических находок в слое не обнаружено.

Слой деструктированного известкового раствора (рис. 52; 53; 54; 55) зафиксирован в южной части шурфа, залегал под слоями светло-серой глины и слоем коричневого рыхлого грунта на глубине от 0,74 до 1,15 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,05 м. Археологических находок в слое не обнаружено.

Слой коричневого грунта с камнями (рис. 52; 53; 54; 55) исследован по всей площади шурфа, залегал под слоями светло-серой глины и деструктированного известкового раствора, на глубине от 0,74 до 1,14 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,30 м. Археологических находок в слое не обнаружено.

Ниже слоев коричневого рыхлого грунта, деструктированного известкового раствора и коричневого грунта залегал материковый слой плотного коричневого грунта с камнями.

Стратиграфическую ситуацию можно представить следующим образом. Выше материкового слоя залегал предматериковый слой плотного коричневого грунта. На этих слоях удалось зачистить слой деструктированного известкового раствора, образовавшийся при строительстве храма и крепостной стены. Слой рыхлого коричневого грунта отложился во время существования замка, но, к сожалению, не содержал никаких археологических находок. Слой светло-серой глины — слой разрушения построек замка, содержит разновременные материалы второй половины XIV—XV вв. Слои плотного серого суглинка и плотного серого грунта относятся к XIX—XX вв. При шурфовке 2006 г. определить узкую археологическую дату существования замка не удалось, но в целом полученный материал вполне соответствует датировке, полученной в 1927—1928 гг.: последняя четверть XIV — последняя четверть XV вв. (Бочаров 2006: 4—9).

Попытаемся выяснить средневековое название местности, где расположен интересующий нас замок. В первой половине XIX в. П. И. Кеппен установил это название — Калиера (Caliera, Calitera), основываясь на подписях с названиями на средневековых компасных картах-портоланах (Кеппен 1837: 311). Действительно, на портоланах между Каффой и Солдаей отмечены три пункта: Провато (Provato), Посидима (Possidima) и Калиера (Бочаров 2001а: 89; Бочаров 2011б: 144; Фоменко 2003: 61). Данные уцелевших до наших дней письменных портоланов с уверенностью позволяют отождествить топоним Калиера с побережьем Отузской бухты[3]. Первый, самый ранний источник — «Compasso da navigare» (конец XIII в.) — сообщает: «De la Sipidima a Callita X millara per garbino» («от Сипидимы до Калиты 10 миль на юго-запад»); «De Callita a Megannome XX millara per garbino» («от Калиты до Меганома 20 миль на юго-запад») (Il Compasso 1947: 136). Второй источник — это рукописный греческий (Лейденский по месту хранения) портолан XVI в.: «От Елафопидима (Ελαφοπήδημα) до Халита, и Тузис, 9 миль. Опознавать Халита (Χαλίτα) можно следующим образом: если подходишь с моря, увидишь высокую гору, округлую и каменистую, и называется (она) Тузис (Τούζιν)… и Халита выглядит как замок» (Delatte 1947: 39).[4] Как видим, оба источника размещают Калиеру западнее Посидимы (Коктебель) и восточнее мыса Меганом. А Лейденский портолан отмечает, что селение находится у горы Тузис (возможно, это средневековое название горного массива Карадаг по близлежащему ордынскому селу Отуз). Эти свидетельства доказывают, что прибрежное селение называлось Калиера и генуэзский замок, видимо, носил то же название — замок Калиера.

Теперь попытаемся ответить, почему генуэзский замок появляется именно в этом месте и в чем была необходимость его строительства. В первой половине XIII в. в приморской части долины располагалось греческое селение Калиера, входившее в византийские владения в Восточном Крыму, с центром в городе Сугдее, и одноименную епархию. В настоящее время вся территория средневековой Калиеры находится под современными строениями пос. Курортное, где при земляных работах были выявлены участки культурного слоя с керамикой XIII—XV вв. (рис. 1: 1). Три плитовые могилы некрополя селения были исследованы в 1927 г. экспедицией Феодосийского краеведческого музея под руководством Н. С. Барсамова (Барсамов 1927а: 5—7) (рис. 1: 5). Неподалеку, в трех километрах севернее селения, на юго-западном склоне горы Святой горного массива Кара-Даг, в верховьях ущелья Гяур-Бах распола-

[3] Выражаю благодарность И. В. Волкову, любезно познакомившему меня с публикациями этих источников, за консультации по вопросам изучения средневековых карт-портоланов.

[4] Хочу поблагодарить док. хаб. Виктора Кожокару (Яссы, Румыния) за помощь и консультации при переводе Лейденского портолана.

гался греческий монастырь Св. Петра (название удалось установить по одному из актов Константинопольского патриархата) (Антонин 1866: 10) (рис. 1: 3). Здесь в 1831 г. П. И. Кеппеном отмечены «остатки стены церковной» и монастыря (Кеппен б. г.: 179 об.); сегодня строения полностью затянуты дерном, до проведения археологических исследований план монастыря установить сложно.

Около середины XIII в. византийские владения в Юго-Восточном Крыму, включавшие город Сугдею и его сельскую округу (в том числе и селение Калиера), входят в состав монгольского государства. В апреле 1249 г. в Сугдее монголами проводится перепись податного населения (Νυσταζοπούλου 1965: 49).

Во второй половине XIII века в северо-западной части долины, в 6,0 км от моря и греческой Калиеры, было основано золотоордынское селение Отузы (современное название Щебетовка) (рис. 1: 2). Для темы нашего исследования особый интерес представляет участие в его основании переселенцев из сельджукской Малой Азии (вспомним постоянный интерес к изучению влияния сельджукизма в средневековом Крыму), что свидетельствует в пользу нерядового статуса этого населенного пункта (Бочаров 2011: 140—143) и выделяет его из общего числа ордынских селений. И. Н. Бороздин считает Отузы «татарским селением, тесно связанным со Старым Крымом, быть может, бывшего какой-то дачной местностью, летней резиденцией» (Бороздин 1927: 25). На древнем сельском кладбище сотрудниками археологической экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму в 1926 г. зафиксированы три надгробных камня 1328, 1361 и 1380 гг. шейха Якуба Конийского, Идриса сына Хаджи Яхьйи Отузского, шейха Хаджи Яхьйи сына Мухаммеда Иракского, а также закладная плита фонтана, построенного Идрисом сыном Хаджи Яхьйи, с датой 1358 г. (Акчокраклы 1927: 17). Как видим, обитатели Крымского улуса Золотой Орды активно осваивают территорию долины, но в середине XV в Отузы упоминаются в массариях Каффы уже в составе генуэзских владений (Desimoni, Belgrano 1867: 255, Бертье-Делагард 1920: 30).

Когда же данная территория перешла под юрисдикцию Генуэзской республики? Мне представляется вероятной следующая последовательность событий. В 1356 г. венецианцам разрешается устроить корабельную пристань в бухте Провато (Diplomatarium 1899: 24, №14; Григорьев, Григорьев 1998: 156—157). Через два года, в 1358 г. наместником Солхата Кутлуг Тимуром были подтверждены права венецианцев на Провато и разрешено использование гаваней Калитра (Калиера) и Солдайя для создания торговых поселений — факторий (Diplomatarium 1899: 51, №25, Григорьев 1994: 30; Григорьев, Григорьев 2002: 181—182). С целью не допустить своих главных торговых конкурентов на ближайшие к Каффе земли Восточного Крыма, воспользовавшись замятней в Золотоордынском государстве, генуэзцы в 1365 г. захватывают Солдайю и ее сельскую округу (Balard 1978: 161).

Тогда же под их власть переходит и Отузская долина, о чем свидетельствует акт CCXXVI Константинопольского патриархата (1366 г.) о монастыре св. Петра, который располагался в пределах Каффы (Антонин 1966: 457), в Старой Гавани (Παλαιφ Λιμενι), когда настоятелю Варлааму дана была охранная грамота о подчинении монастыря патриарху и невмешательстве митрополита Сугдейского и его клира в монастырские дела (Miklosich, Müller 1860a: 486—487). В XIV в. Каффа образовывала отдельный церковный округ, подчинявшийся непосредственно Константинопольскому патриархату, и изменение политических границ повлекло за собой и изменение церковной юрисдикции монастыря.

Затем, в начале 80-х гг. XIV в., во время длительного конфликта с Крымским улусом Золотой Орды, эта территория на незначительный срок возвращается под протекторат Солхата, что подтверждается десятидневной стоянкой венецианских галей в Провато в 1382 г. (Карпов 1994: 65). Она была окончательно закреплена за коммуной Каффы после окончания Солхатской войны в 1387 г. (Basso 1991: 15).

О необходимости постоянного контроля генуэзской колониальной администрации над этим регионом говорит тот факт, что для закрытия доступа к морю у селения Отузы и контроля над гаванью Калиера в последней четверти XIV в. здесь строится единственный в Восточном Крыму генуэзский замок (Бочаров 2001a: 90) (рис. 1: 8)[5].

[5] Я пишу «единственный» потому, что замок Тасили братьев Гуаско строится в другой политической обстановке и значительно позднее (во второй половине XV в.). Возводят его в порядке частной владельческой инициативы хозяева окружающей территории, хотя это строительство и поддерживалось генуэзской администрацией Каффы.

Рис. 57. Реконструкция замка Калиера. Вид с северо-запада (цветная вклейка, с. 70).

Fig. 57. Kaliera castle, reconstruction. View from the north-west (color plate, p. 70).

Рис. 58. Реконструкция замка Калиера. Вид с севера (цветная вклейка, с. 70).

Fig. 58. Kaliera castle, reconstruction. View from the north (color plate, p. 70).

Рис. 59. Реконструкция замка Калиера. Вид с юго-востока (цветная вклейка, с. 71).

Fig. 59. Kaliera castle, reconstruction. View from the south-east (цветная вклейка, с. 71).

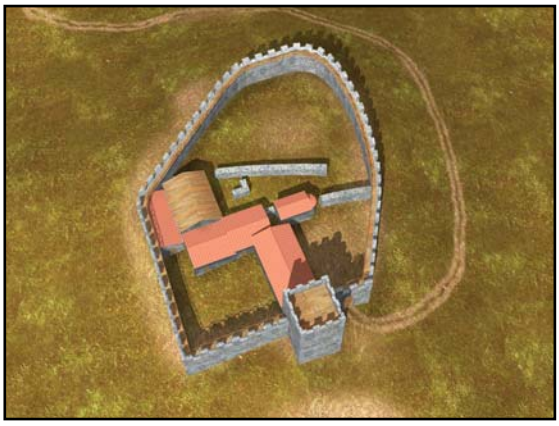


Рис. 60. Реконструкция замка Калиера. Вид с юга (цветная вклейка, с. 71).

Fig. 60. Kaliera castle, reconstruction. View from the south (цветная вклейка, с. 71).

Удалось выполнить и графическую реконструкцию крепости. Замок на холме Кордон-Оба занимал вершину приморского холма и имел полный периметр крепостных стен и одну башню (рис. 57; см. цвет. вклейку, с. 70). Площадь замка 0,074 га. Наибольшие размеры крепостной площадки около 28 × 35 м. В случае с замком Калиера удалось проследить и внутреннюю планировку объекта, разделенного поперечной стеной (длина 27,0 м) на две части. Южная часть в плане близка к форме прямоугольной трапеции и включала в себя крепостную церковь (сложена на песчано-известковом растворе, размер 8,4 × 5,0 м, стены толщиной 0,8 м изнутри были оштукатурены и покрыты фресковой росписью), два строения состоявшие из четырех жилых помещений гарнизона каждое (сложены на глиняном растворе). Выделяются два крепостных двора: восточный двор (10,50 × 12,40 м) — за воротами в замок, и западный внутренний двор (10,70 × 13,90 м), ограниченный с севера и востока жилыми строениями. В южной части находились единственная башня-донжон (размерами 8,35 × 10,5 м, толщина стен 1,00—1,15 м, вынесенная за линию стен на 4,8 и 5,0 м), которая занимала господствующее положение во всем комплексе крепостных строений, и, видимо, ворота в замок (находились в разрушенной части юго-восточной куртины) (рис. 59; см. цвет. вклейку, с. 71). Северная часть сложной в плане формы, ее занимают да строения из четырех комнат,

сложенные на глиняном растворе. Вероятно, она использовалась для хозяйственных нужд, часть второго замкового двора оставалась незастроенной (рис. 58—60; см. цвет. вклейку, с. 70—71) (Бочаров 2004: 188). В плановом решении замка заметно в тыльной стороне смещение к востоку, что обусловлено рельефом холма.

Литература

Акчокраклы О. 1927. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII—XV вв. *ИТОИАЭ* 58 (1), 5—18.

Антонин, архимандрит. 1866. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к новороссийскому краю. *ЗООИД* IV, 445—474.

Бадер О.Н. 1940. Материалы к археологической карте восточной части Горного Крыма. *Труды Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы* 1. Москва, 150—174.

Барсамов Н.С. 1927а. *Дневник раскопок произведенных в Отузах в 1927 г.* Фонды Феодосийского музея древностей. КП 25236 А 318. Л. 30—35.

Барсамов Н.С. 1927б. *Предварительное сообщение об археологической разведке в Отузах в августе 1927 г.* Фонды Феодосийского музея древностей. КП 25237 А 319. Л. 1—9 об.

Барсамов Н.С. 1928а. *Отчет о раскопках в Отузах в 1927 г.* Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 140.

Барсамов Н.С. 1928б. *Дневник раскопок в Отузах, на холме Кордон-Оба 1928 года.* Фонды Феодосийского музея древностей. КП 25238 А 320. Л. 1—5.

Барсамов Н.С. 1928в. Археологические раскопки в Отузах 1927 и 1928 гг. *ИТОИАЭ* 3, 165—169.

Барсамов Н.С. 1929. *Отчет об археологических раскопках в Отузах на холме Кордон-Оба летом 1928 года.* Научный архив ИИМК РАН. Санкт-Петербург. Ф. 2. Оп. 1. Д. 159.

Бертье-Делагард А.Л. 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. *ИТУАК* 57, 1—136.

Бороздин И.Н. 1927. Из Отузской старины (Надгробие шейха Якуба из Коньи 729 г. Хиджры). *ИТОИАЭ* 58 (1), 24—26.

Бочаров С.Г. 2001а. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV—XV веков. *Проблемы истории и археологии Украины*. Материалы международной научной конференции. Харьков: ХНУ, 89—90.

Бочаров С.Г. 2001б. Монастыри Кампании Каффы. В: Бабинов Ю.А. (гл. ред.). *Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность*. Тез. док. III Международной конференции по религиоведению. Севастополь: НЗХТ, 9—10.

Бочаров С.Г. 2004. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV—XV вв. Южный берег Крыма. В: Мыц В.Л. (гл. ред.). *«О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»*. Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена. Киев: Стилос, 186—205.

Бочаров С.Г. *Отчет об археологических разведках на горе Кордон-Оба в 2006 году.* Научный архив КФ ИА НАНУ. Инв. книга 6. Инв. №1113. Папка 1460, 1—27.

Бочаров С.Г. 2007. Рубеж XIII—XIV вв. по материалам керамического комплекса поселения Посидима (Коктебель). В: Бочаров С.Г. (ред.). *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.* Тезисы II-й международной научной конференции. Ялта: Копи-Центр, 12—18.

Бочаров С.Г. 2009. Предварительные результаты археологического исследования укрепления Учансу-Исар. В: Бочаров С.Г., Кожокару В. (ред.). *Взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху и средневековье*. Симферополь: Издательство А.Э. Барановского, 108—114.

Бочаров С.Г. 2011. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV веков (Кампанья Каффы). В: Васильев Д.В., Зеленеев Ю.А., Ситдиков А.Г. (ред. колл.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Казань: ИИ АН РТ, 137—145.

Волков И.В. 1989. Импортная амфорная тара золотоордынских городов. В: Фёдоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв*. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 87—96.

Волков И.В. 1992. Керамика Азова XIV—XVIII вв. (классификация и датировка). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Москва: МГУ.

Волков И.В. 2005. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240—1260). В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* Киев: Стилос, 122—160.

Григорьев А.П. 1994. Золотоордынский город Янгишехр. *Вестник ЛГУ*. Сер. 2. Вып. 2, 28—38.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. 1998. Уведомление правителя Крыма Рамадана венецианским купцам в Янгишехре (1356 г.). В: Искоз-Долинина А.А., Касевич В.В. (отв. ред.). *Востоковедение* 20. *Филологические исследования*. *Серия востоковедческих наук* 36. Санкт-Петербург: СПбГУ, 155—159.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. 2002. *Коллекция золотоордынских документов из Венеции*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Карпов С.П. 1994. *Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв.* Москва: Наука; Восточная литература.

Кеппен П.И. Б.г. Поездка к Отузскому Кале. *Материалы для ближайшего познания горной части Крыма. Путевые заметки П.И. Кеппена* II. ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 344.

Кеппен П.И. 1837. *О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2004. Укрепление Чабан-Куле (по материалам раскопок 1992—1993 гг.). В: Мыц В.Л. (отв. ред.). *«О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»*. Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппе-

на. Киев: Стилос, 205—245.

Масловский А. Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г.* 21. Азов: Азовский краеведческий музей, 309—473.

Мыц В. Л. 1991. *Укрепления Таврики X—XV вв.* Киев: Наукова думка.

Мыц В. Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV веке*. Симферополь: Универсум.

Паршина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М. 2001. Гончарные центры Таврики VIII—X вв. В: Гладких М. И. (гл. ред.). *Морская торговля в Северном Причерноморье*. Киев: Стилос, 52—81.

Тесленко И. Б. 2005. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии). В: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* Киев: Стилос, 385—410.

Фоменко И. К. 2003. Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам конца XIII—XVII вв. В: Карпов С. П. (ред.). *Причерноморье в средние века* 5. Санкт-Петербург: Алетейя, 40—108.

Balard M. 1978. *La Romanie Génoise (XIIIe — début du XVe siècle)* I. Rome: École Française de Rome; Genova: Societá Ligure di Storia Patria.

Basso E. 1991. *Il "bellum de Sorchati" ed i trattati del 1380—1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro*. Genova: Studi genuensi. N. S. VIII, 11—26.

Bocharov S., Maslovskiy A. 2011. The byzantine glazed pottery in northern Black See region (end XIII — XIV centuries). In: Gelichi S. (a cura di). *Atti del IX Congresso Internazionale sulla ceramica Medievale nel Mediterraneo*. Venezia, 23—27 novembre 2009. Firenze: All'Insegna del Giglio, 255—260.

Delatte A. 1947. *Les portulans grecs*. Liège: Univ. de Liège.

Desimoni C, Belgrano L. T. 1867. *L'atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. T. Luxoro*. Vol. V. Genova: Atti di Società Ligure di Storia Patria.

Diplomatarium 1899: *Diplomatarium Veneto-Levantinum, siva Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia*. 1899. A. *1351—1454*. Ed. by R. Predelli. P. 2. Venetiis.

Il Compasso da navigare. Opera italiana della meta del secolo XIII. 1947. A cura di B. S. Motzo. Cagliari: Università.

Miklosich F., Müller J. 1860a. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana* I. Vindobonae.

Νυσταζοπούλου Μ. 1965. Η εν τῃ Ταυρική Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία. Αθήναι: Υπουργειο πολιτισμου.

References

Akchokrakly, O. 1927. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 58 (1), 5—18 (in Russian).

Antonin, arkhimandrit. 1866. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* IV, 445—474 (in Russian).

Bader, O. N. 1940. In *Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedcheskoi i muzeinoi raboty (Proceedings of the Scientific Research Institute for the Local Lore and Museums)* 1. Moscow, 150—174 (in Russian).

Barsamov, N. S. 1927a. *Dnevnik raskopok proizvedennykh v Otuzakh v 1927 g. (Journal of Excavations in Otuzy in 1927)*. Funds of the Feodosian Museum of Antiquities. KP 25236 A 318, sheet 30—35 (in Russian).

Barsamov, N. S. 1927b. *Predvaritel'noe soobshchenie ob arkheologicheskoi razvedke v Otuzakh v avguste 1927 g. (Preliminary report on archaeological field survey in Otuzy in August 1927)*. Funds of the Feodosian Museum of Antiquities. KP 25237 A 319, sheet 1—9 ob. (in Russian).

Barsamov, N. S. 1928a. *Otchet o raskopkakh v Otuzakh v 1927 g. (Report on the Excavations in Otuzy in 1927)*. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 2, Inv. 1, dossier 140 (in Russian).

Barsamov, N. S. 1928b. *Dnevnik raskopok v Otuzakh, na kholme Kordon-Oba 1928 goda (Journal of Excavations in Otuzy, on Kordon-Oba Hill in 1928)*. Funds of the Feodosian Museum of Antiquities. KP 25238 A 320. Sheet. 1—5 (in Russian).

Barsamov, N. S. 1928v. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 3, 165—169 (in Russian).

Barsamov, N. S. 1929. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Otuzakh na kholme Kordon-Oba letom 1928 goda (Report on archaeological excavations in Otuzy, on Kordon-Oba Hill in the summer of 1928)*. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg. Fund 2, Inv. 1, dossier 159 (in Russian).

Bert'e-Delagard, A. L. 1920. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 57, 1—136 (in Russian).

Borozdin, I. N. 1927. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 58 (1), 24—26 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2001a. In *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Problems of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkov: Kharkov National University named after V. N. Karazin, 89—90 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2001b. In *Vzaimootnosheniia religioznykh konfessii v mnogonatsional'nom regione: istoriia i sovremennost' (Relationships between religious confessions in a multiethnic region: history and modernity)*. Sevastopol: National Preserve of Tauric Chersonesos, 9—10 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2004. In *«O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh»: Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letiia so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena) („On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica": Proceedings of Scientific Works (after the Materials of the Conference to Celebrate the Anniversary of 210 Years from the Birth of Petr Ivanovich Keppen))*. Kiev: "Stilos" Publ., 186—205 (in Russian).

Bocharov, S. G. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na gore Kordon-Oba v 2006 godu (Report on archaeological field surveys on Kordon-Oba Mount in 2006)*. Scientific archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. Inv. book 6. Inv. №1113. Folder 1460, 1—27 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2007. In *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v X—XVIII vv. (Glazed Pottery in the Eastern Europe, Pontic and Mediterranean Regions in the 10th—18th Centuries)*. Yalta: "Kopi-Tsentr" Publ., 12—18 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2009. In *Vzaimootnosheniia Severnogo i Zapadnogo Prichernomor'ia v period antichnosti i srednie veka (Interrelations between the Northern and Western Pontic Regions in the Antiquity and Middle Ages)*. Simferopol: "A. E. Baranovskiy" Publ., 108—114 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2011. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan: The Institute of

History named after Shigabuddin Mardzhani, The Tatarstan Academy of Sciences, 137—145 (in Russian).

Volkov, I.V. 1989. In *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniiakh Vostoka i Zapada v XII—XVI vv. (Northern Pontic and Volga Regions in Relationships between the East and the West in the 12th—16th cc.)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 87—96 (in Russian).

Volkov, I.V. 1992. *Keramika Azova XIV—XVIII vv. (klassifikatsiia i datirovka) (Pottery of Azov in 14th—18th Centuries (Classification and Dating))*. PhD Thesis. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Volkov, I.V. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th —18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 122—160 (in Russian).

Grigor'ev, A.P. 1994. In *Vestnik LGU (Bulletin of the Leningrad State University)*. Series 2. Issue 2, 28—38 (in Russian).

Grigor'ev, A.P., Grigor'ev, V.P. 1998. In *Vostokovedenie (Oriental Studies)* 20. *Filologicheskie issledovaniia*. *Ser. vostokovedcheskikh nauk (Philological Studies*. *Oriental Studies Series)* 36. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 155—159 (in Russian).

Grigor'ev, A.P., Grigor'ev, V.P. 2002. *Kollektsiia zolotoordynskikh dokumentov iz Venetsii (Collection of the Golden Horde Documents from Venice)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Karpov, S.P. 1994. *Putiami srednevekovykh morekhodov: Chernomorskaia navigatsiia Venetsianskoi respubliki v XIII—XV vv. (Following the Itineraries of the Medieval Sailors: Black Sea Navigation of the Venice Republic in 13th — 15th cc.)* Moscow: "Nauka" Publ.; "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Köppen, P.I. S.a. In *Materialy dlia blizhaishego poznaniia gornoi chasti Kryma. Putevye zametki P.I. Keppena (Materials for a Better Knowledge of the Crimean Mounts. P.I. Köppen's Travel Notes)* II. Saint-Petersburg Branch of the Russian Acaademy of Sciences' Archive. Fund 30, Issue 1, dossier 344 (in Russian).

Köppen, P.I. 1837. *Krymskii sbornik. O drevnostiakh iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (Crimea Collected Works. On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Tauric Mountains)*. Saint Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2004. In *«O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh»: Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letiia so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena) („On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica": Proceedings of Scientific Works (after the Materials of the Conference to Celebrate the Anniversary of 210 Years from the Birth of Petr Ivanovich Keppen))*. Kiev: "Stilos" Publ., 205—245 (in Russian).

Maslovskiy, A.N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 gg. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov Museum of Local Lore, 309—473 (in Russian).

Myts, V.L. 1991. *Ukrepleniia Tavriki X—XV vv. (Fortifications of Taurica in the 10th—15th Centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Myts, V.L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Caffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).

Parshina, E.A., Teslenko, I.B., Zelenko, S.M. 2001. In *Morskaia torgovlia v Severnom Prichernomor'e (Sea Trade in the Northern Pontic Region)*. Kiev: "Stilos" Publ., 52—81 (in Russian).

Teslenko, I.B. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 385—410 (in Russian).

Fomenko, I.K. 2003. In *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 5. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ., 40—108 (in Russian).

Balard, M. 1978. *La Romanie Génoise (XIIIe — début du XVe siècle)* I. Rome: École Française de Rome; Genova: Societá Ligure di Storia Patria.

Basso, E. 1991. *Il "bellum de Sorchati" ed i trattati del 1380—1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro*. Genova: Studi genuensi. N.S. VIII, 11—26.

Bocharov, S., Maslovskiy, A. 2011. The byzantine glazed pottery in northern Black See region (end XIII—XIV centuries). In: Gelichi S. (a cura di). *Atti del IX Congresso Internazionale sulla ceramica Medievale nel Mediterraneo*. Venezia, 23—27 novembre 2009. Firenze: All'Insegna del Giglio, 255—260.

Delatte, A. 1947. *Les portulans grecs*. Liège: Univ. de Liège.

Desimoni, C, Belgrano, L.T. 1867. *L'atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. T. Luxoro*. Genova: Atti di Società Ligure di Storia Patria. Vol.V.

Diplomatarium Veneto-Levantinum, siva Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. 1899. A. *1351—1454*. Ed. by R. Predelli. P. 2. Venetiis.

Il Compasso da navigare. Opera italiana della meta del secolo XIII. 1947. A cura di B.S. Motzo. Cagliari: Università.

Miklosich, F., Müller, J. 1860a. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana* I. Vindobonae.

Νυσταζοπούλου, Μ. 1965. Η εν τη Ταυρική Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία. Αθήναι: Υπουργειο πολιτισμου.

В. Л. Мыц

Victor Myts. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage Museum[1].

Мыц Виктор Леонидович. Кандидат исторических наук. Государственный Эрмитаж.

E-mail: vic.mytz@yandex.ru

Address: [1] Dvortsovaya Emb., 32/34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation

«Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции

Keywords: Crimea, 1395, Timur, Edigu, Tokhtamysh, 'Crimean Campaign', Chersonese, Mangup, Solghat, Caffa, historiography.

Ключевые слова: Крым, 1395 г., Тимур, Едигей, Тохтамыш, «крымский поход», Херсон, Мангуп, Солхат, Каффа, историография.

V. L. Myts

Timur's Crimean Campaign in 1395: a Historiographic Confusion, or Archaeology against Historiographic Tradition

The author analyzes a historiographic tradition related to the so called Timur's "Crimean campaign" (or of his protégé Edigu) in 1395, during the war with Tokhtamysh. According to this tradition, this campaign led to devastation of a significant part of the Crimea, including its most important urban centers — Chersonese, Mangup, Solghat, Caffa. A detailed comparison of written accounts and archaeological materials, however, does not prove this view. Information about Timur's campaign in Crimea originates from a biased Egyptian source. Most of the other contemporary accounts — Greek, Latin and Armenian — "ignore" this catastrophe. The archaeological research does not yield any reliable data to prove that any of the Crimean towns were ruined in late 14th c. Overall, it can be substantially inferred that Timur's western campaign in 1395 did not affect the Crimean territory.

В. Л. Мыц

«Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции

В статье анализируется историографическая традиция, сложившаяся вокруг так называемого «крымского похода» Тимура (или его ставленника Едигея) в 1395 г., в ходе войны против Тохтамыша. Согласно данной традиции, в результате этого похода значительная часть Крыма подверглась опустошительному разгрому, включая важнейшие городские центры полуострова — Херсон, Мангуп, Солхат, Каффу. Однако тщательное сопоставление данных письменных источников и археологических материалов не подтверждает эту точку зрения. Сведения о походе Тимура в Крым берут начало из одного тенденциозного египетского источника. Большинство других источников этого времени — греческие, латинские, армянские — «не замечают» такое катастрофическое событие. Археологические исследования не дают надежных данных для выводов о разгроме крымских городов в конце XIV в. В целом, есть достаточно оснований заключить, что западный поход Тимура 1395 года не затронул территорию Крыма.

Историография средневекового Крыма до настоящего времени хранит в себе ряд анахронизмов, одним из которых, на мой взгляд, является так называемый «крымский поход» Тимура в 1395 г. и интерпретация исследователями последовавших за этим событий. Давно установлено, что роль одного из определяющих внешнеполитических факторов в истории причерноморского региона и Крыма было суждено сыграть походам Тимура, осуществленным им в 90-х гг. XIV в. Масштабные военные экспедиции Тимура в 1391 и 1395—1396 гг., в конечном итоге, привели к развалу Золотой Орды (Сафаргалиев 1996: 429—433; Греков, Якубовский 1998: 249—274).

Вероятно, одним из первых, кто внёс в археологическую литературу о средневековом Крыме и «развил» тезис о «тимуровском погроме» полуострова в 1395 г., был А. Л. Якобсон. Он, создавая для своих фундаментальных работ компилятивные очерки письмен-

© В. Л. Мыц, 2015.

ных источников (Скржинская 1953: 253—269; Богданова 1995: 107), всегда следовал в кильватере конъюнктурных построений своих предшественников-историков (Ф.К. Бруна, В.Д. Смирнова, Ф.А. Брауна, В.В. Латышева, Н.В. Малицкого, А.А. Васильева и др.).

Начало «разработки» этой темы было положено А.Л. Якобсоном в 1950 г., когда в серии «Материалы и исследования по археологии СССР», №17, вышел из печати его первый фундаментальный том «Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)» (Якобсон 1950). В главе I, содержащей «Очерк истории Херсона в XI—XIV вв.», разделе 16, озаглавленном «Крым в XIV в. Экономическая и политическая блокада Херсона. Разорение и окончательное падение его в конце XIV в.», исследователь писал: «Падение Херсона довершили, по всей вероятности, события самого конца XIV в. Речь идёт о вторжении в Крым полчищ нового золотоордынского временщика — Едигея (Идику-Идике), который воцарился в последние годы XIV в. (после 1397 г.)» (Якобсон 1950: 42). В данном случае мы не находим ссылки на какой-либо письменный источник, действительно указывающий на вторжение «полчищ» Едыгея на территорию полуострова.

Однако далее А.Л. Якобсон продолжает: «Это вторжение было эпизодом той длительной внутренней и внешней борьбы, которую переживала на склоне дней своих Золотая Орда, находившаяся в это время на грани полного разложения. Нашествия Тимура привели, в конечном счете, к гибели этой огромной державы. В 1395 г. был разбит Тохтамыш. *Полчища* золотоордынских *эмиров*, изменивших Тохтамышу и ставших на сторону *Тимура*, *громили* не только кипчакские степи, но и *Крым*» (здесь и далее курсивом выделено мной — *В.М.*) (Якобсон 1950: 42). Здесь находим чисто риторические рассуждения (не опирающиеся даже формально на источники) о полчищах анонимных эмиров — сторонников Тимура, якобы громивших Крым.

В последующих пассажах исторического очерка, которые считаю необходимым процитировать полностью, исследователь опять же «опирается» не на анализ письменных источников или хотя бы компилятивное их изложение, а на чисто конъюнктурные построения В.Д. Смирнова и следовавшего за ним Н.В. Малицкого: «По рассказу турецкого писателя XVII в. Печеви, “два или три раза он (т.е. Тимур или, вероятнее, как полагает В.Д. Смирнов, его сторонник Таш-Тимур, известный в качестве крымского хана в 1394—1395 гг., — *А.Я.*) приходил с несметными войсками в Дэшт и Крым, и эти населенные владения, попранные копытами скотов грабительского войска татарского, сравнялись с землей”. Крым не случайно стал ареной борьбы: по замечанию В.Д. Смирнова, “крымский удел, вследствие его изолированного положения, считали наиболее надежным убежищем в случае неуспеха в исконных становищах ханов Золотой Орды” (Смирнов 1887: 170). Сюда, в Крым, между прочим, бежал (по преданию) и сын Тохтамыша (Смирнов 1887: 148) Едигей в качестве сторонника и ставленника Тимура: он действовал здесь не только против Кафы, которую осадил в 1396—1397 гг.: “копыта грабительского войска татарского” промчались и по Юго-Западному горному Крыму (Малицкий 1933: 19) — тем районам, где, по-видимому, пытались обосноваться сторонники Тохтамыша. А о том, что и этот район в последние годы XIV в. оказался во власти ставленников Едигея, свидетельствует тарханный ярлык Тимур-Кутлука, который хоть номинально и был провозглашен золотоордынским ханом, но фактически властвовал лишь в Крыму (Смирнов 1887: 169), где он имел “опору в полчищах Едики, хлынувших в Крым для преследования одного из сыновей Тохтамыша, вздумавшего там искать себе убежище” (Смирнов 1887: 169). В ярлыке этом, среди прочего, назван и район Кыркора, т.е. Чуфут-Калэ. *Вряд ли эта волна татарских погромов, учиненных в Крыму Едигеем и его ставленниками, а то и попросту бродячими татарскими ордами, миновала Херсон, к тому времени фактически беззащитный. Не эти ли татарские погромы самого конца XIV в. явились причиной того всеобщего пожарища, в котором, как показывают раскопки, окончательно погиб город?* (здесь и далее курсивом выделено мной — *В.М.*). По крайней мере, для XV в. невозможно указать ни одного подобного события, с которым это пожарище можно было бы связывать. И уж во всяком случае, это не связано было с турецким захватом Крыма в 1475 г., ибо к тому времени Херсон, как известно, фактически был уже необитаем» (Якобсон 1950: 42).

Из представленной выше пространной цитаты видно, что А.Л. Якобсон привлек «исторический материал», состоящий лишь из кратких ссылок на работы В.Д. Смирнова и Н.В. Малицкого. Причём сделал это с целью определить причины (их он находит в татарских погромах) тотального пожара конца XIV в., в котором якобы «окончательно погиб» Херсон. В дальнейшем исследователь убедился, что открытые на территории

средневекового города верхние слои пожара не выходят за пределы XIII в., и поэтому связал произошедшую катастрофу с нашествием в 1299 г. орды Ногая (Якобсон 1973: 129). Тем не менее, озвученная ранее тема «нашествия» на Крым в конце XIV в. «татарских полчищ» Едигея продолжает, хотя и в разной тональности, звучать в его работах.

Так, касаясь истории княжества Феодоро во второй половине XIV в., А.Л. Якобсон в монографии «Средневековый Крым» писал: «Как видно, ослабление татарского господства, что означало относительную независимость княжества (а может быть, и покровительство татар), и определенная стабилизация в Крыму благоприятствовали усилению Феодоро. Запустевшие селения и плодородные долины Юго-Западного Крыма начали, по-видимому, заселяться и наполняться жизнью». Далее, ссылаясь на работу В.Д. Смирнова «Крымское ханство…» (Смирнов 1887: 148, 169), он делает собственное заключение: «Однако процесс этот прервали новые события: в самом конце XIV в. сюда нагрянули полчища татарского временщика Идики (Едигея), ставленника Тимура, преследовавшего здесь одного из сыновей хана Тохтамыша, пытавшегося обосноваться в Крыму. Огнем и мечом прошло по западному Крыму татарское войско» (Якобсон 1964: 124).

В научно-популярной книге «Крым в средние века» (1973 г.) А.Л. Якобсон предлагает несколько иную редакцию данного сюжета в истории и археологии средневекового Крыма: «После татарских погромов (орда Ногая) в 1299 г. и в начале XIV в. Юго-Западный Крым снова сильно запустел, но вскоре, уже в 40-х годах того же столетия, когда в Золотой Орде начались смуты, зависимость Крыма от татар ослабела, временами она вообще переставала ощущаться, особенно в его западной части, удаленной от их административного центра (Солхата). Новая обстановка не могла не способствовать оживлению края: запустевшие селения и плодородные долины Юго-Западного Крыма начали заселяться. Однако процесс этот снова прервали нагрянувшие сюда в 1399 г. огромные полчища татарского временщика Идикэ (Эдигея). С огнем и мечем прошло по Юго-Западному Крыму татарское войско» (Якобсон 1973: 129 и сл.).

Таким образом, благодаря «изысканиям» А.Л. Якобсона, в литературе появились две даты разрушения поздневизантийского Херсона, разделённые интервалом ровно в сто лет — 1299 и 1399 гг. Но если первая была подкреплена не только ссылкой на письменный источник, но и реальным археологическим материалом из раскопок памятника, то вторая — введена чисто декларативно. Вероятно, поэтому современные исследователи Херсона (А.И. Романчук), Мангупа (А.И. Герцен) и Солхата (М.Г. Крамаровский) придерживаются даты 1395 г., когда, по их мнению, в результате похода Тимура (или его креатуры — Едигея) произошло разграбление и разрушение данных средневековых городов Крыма.

При этом они избегают не только рассмотрения историографии затронутой темы, но также предпочитают ограничиться формальными ссылками на более ранние работы историков, предпринимавших попытки анализа некоторых письменных источников, или просто отсылают читателя к данным свидетельствам. Имеющийся в их распоряжении археологический материал призван играть роль материальной иллюстрации не реальных событий, а сложившейся ещё в XIX в. историографической традиции. Попытаюсь представить основные аргументы, используемые А.И. Романчук, А.Г. Герценом и М.Г. Крамаровским в качестве подтверждения «крымского похода» Тимура (или его креатуры Едигея) в 1395 г. По их мнению, таковыми являются материалы проведённых археологических исследований и свидетельства письменных источников.

I. Археологический контекст политических событий 1395 г.: антиллюстрация

1. А.И. Романчук в серии своих работ, выходивших с начала 80-х гг. прошлого века, полемизируя с А.Л. Якобсоном, считавшим, что «после событий конца XIII в. Херсон не был больше крупным поселением» (Якобсон 1959: 233), поставила перед собой задачу во что бы то ни стало доказать существование Херсона в XIV в. как по-прежнему значительного экономического, политического и культурного центра Юго-Западного Крыма (Романчук 1982: 89—113; 1997: 280; 2000: 205; 2003: 261—269; 2005: 102 и др.).

При этом дату разрушения города в XIV в. исследовательница относит к самому финалу столетия — 1395/96 г., когда в Таврике якобы появляется «карательная экспедиция» Тимура, действовавшая «против феодалов, выступивших на стороне Тохтамыша, в частности, против укрепившегося в Крыму Таш-Тимура» (Романчук 1982: 90; 1997: 280; 2000: 185).

Однако связь данных событий (предполагаемая борьба за Крым между Тамерланом и Таш-Тимуром в 1395 г. уже после поражения Тохтамыша) с выявленным в ходе раскопок в портовой части Херсона археологическим материалом вызывает сомнения. В основном исследовательница в своих выводах опирается на демонстрацию монет и поливной керамики как наиболее яркой составляющей «закрытых комплексов».

Дело в том, что исследователи Херсона крайне редко отмечали в припортовой части города (в других районах они не известны) находки монетных номиналов XIV в. времени правления ханов Золотой Орды — Токты (1290—1312), Узбека (1313—1342) и Джанибека (1343—1357) (Богданова 1991: 70, 160—163; Романчук 2005: 101—102). К этой же группе примыкает и одна серебряная монета сербского короля Стефана Душана (1331—1355) (Бобринский 1905: 16). Причём, наиболее молодым датированным номиналом из «верхнего слоя» является монета мамаевского хана Абдуллаха (1362/63—1368/69) (Богданова 1991: 162). Только в одном случае вроде бы удаётся определить залегание джучидских монет на разных уровнях слоёв разрушения памятника: «в расположенной к юго-востоку усадьбе в верхнем слое разрушения встречены монеты Токты (1290—1312), а в слое выше, перекрывавшем его, — Узбека (1313—1339) и Джанибека (1338—1357)» (Романчук 2005: 101—102). Но, к сожалению, ни одна из этих находок не опубликована.

В работе «Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища (сочетание техники сграффито и шамплеве)» А.И. Романчук (2003: 261—269, рис. 1—10) продолжает отстаивать свою прежнюю точку зрения о существовании Херсона в XIV в. как крупного торгово-ремесленного центра Юго-Западного Крыма. В качестве доказательства правоты своего заключения она приводит два, уже неоднократно ею использованных, аргумента: 1) «Находки монет в целом на территории Херсонесского городища и, в частности, в портовом районе не позволяют согласиться с тем, что завершающим в жизни города стал конец XIII в.» (Романчук 2003: 261); 2) А.И. Романчук также считает, что такому выводу (то есть о значительном сокращении территории жилой застройки поздневизантийского Херсона — *В.М.*) якобы противоречат и «свидетельства письменных источников, в которых описывается борьба Херсонского иерарха за спорные территории на побережье в конце XIV в.» (Романчук 2000: 199—201).

К письменным источникам обратимся позднее, а сейчас рассмотрим привлекаемые в качестве доказательства существования Херсона и в XIV в. как важнейшего экономического центра Юго-Западного Крыма нумизматические материалы. Тем более, что несколько ранее, в своей монографии «Очерки истории и археологии византийского Херсона», продолжая давно начатую дискуссию с А.Л. Якобсоном, считавшим Херсон XIV в. незначительным по своим размерам поселением, А.И. Романчук категорически заключает: «Такому выводу противоречат некоторые находки, в том числе и монеты XIV в.» (Романчук 2000: 186).

Исследовательница, даже в этой своей фундаментальной работе, избегает каких-либо количественных и качественных характеристик нумизматических материалов, отсылая читателя к отчёту К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 г. (Отчет 1897: 21), сводной характеристике монет из раскопок северо-восточной части Херсонеса в 1908—1912 гг., подготовленной Л.Н. Беловой-Кудь (Белова-Кудь 1931: №28, 107, 172, 200, 208, 247, 282, 320, 396, 518, 536), и двум публикациям А.М. Гилевич, содержащим самый общий анализ монетных находок из раскопок портового района в 1963—1966 гг. (Гилевич 1971: 96; 1973: 29).

В отчёте К.К. Косцюшко-Валюжинича действительно содержится весьма важная информация об обнаружении джучидских монет: «С наружной стороны оборонительной стены, во время плантажных работ монастыря, найдено 25 сер. и 10 медн. монет Золотой Орды…» (Отчет 1897: 91). К этому следует добавить, что ещё одна «медная монета Золотой Орды с изображением тамги и “Соломоновой” печати» находилась вместе с останками 6 человек, «лежавших в беспорядке» между оборонительной стеной и протейхизмой (Отчет 1897: 96).

Ссылка А.И. Романчук на указанные номера монет в публикации Л.Н. Беловой-Кудь как на «монеты XIV в.» вообще вызывает недоумение, потому что только 3 из них (№28, 282, 536) — «восточные», а №396 (3 монеты) — «восточно-сельджукские». Остальные номиналы (№107, 172, 200, 208, 247, 320, 518) представляют собой позднеримские и византийские монеты (до Константина VII включительно).

Из 693 средневековых монет, обнаруженных в результате раскопок портового района 1965—1966 гг., 16 определены А.А. Быковым как «восточные», и только 5 оказались джучидскими номиналами XIII—XIV вв.

(Гилевич 1973: 29). Наиболее ранней является монета 1266/67 г. Менгу Тимура (помещение 53а, слой 3) (Гилевич 1973, №221). Ещё две монеты чеканены от имени хана Узбека (1313—1342) (одна найдена «в верхнем слое» помещения 37 (№67), а вторая — в «помещении 58, в слое 3, над слоем горения» [1].

Отдавая отчёт в малочисленности имеющегося нумизматического материала XIV в., А.И. Романчук в своей работе «Заметки к истории Херсонеса XIV в.» предлагает «пополнить» монетный фонд данного времени номиналами херсонесской анонимной чеканки с монограммой «ро», так как они встречаются и в верхнем слое гибели города (Романчук 1996: 300). По этому поводу А.И. Романчук заключает: «сами по себе находки монет чрезвычайно важны для оценки торговых связей этого города. Так, например, Н.М. Богданова пишет, что об активном участии Херсона в торговле Северного Причерноморья во второй половине XIII — XIV в. свидетельствуют находки монет, в частности, монет Золотой Орды. К сожалению, полностью согласиться с таким выводом не позволяет демонстрируемый в таблицах материал: к XIV в. из 120 монет крымских ханов и Золотой Орды относится *только 16. Это обстоятельство порождает сомнение в правильности вывода, хотя он вполне правомерен* (выделено мной — *В.М.*). Всё дело в том, что не учтён значительный круг материалов, которые подтверждают данный тезис. Прежде всего — находки, характеризующие стратиграфически отличающиеся слои разрушения поздневизантийского периода и время обращения монет с монограммой «ро» (Романчук 1996: 300).

Но сама А.И. Романчук так и не приводит общее количество монет с монограммой «ро», встреченных в слое XIV в., а ссылается на единственное заключение А.М. Гилевич, что «верхний слой, снятый в 1963 г., дал 22 монеты с монограммой… Кроме херсоновизантийских монет, здесь обнаружены монеты Джучидов XIII—XV вв. и византийская монета Михаила VIII Палеолога (1261—1282 гг.). Эти “нехерсонесские” монеты говорят о том, что слой может быть датирован временем не ранее конца XIV—XV вв.» (Гилевич 1971: 63—64; Романчук 1996: 302). Как кажется, если даже к 16 джучидским монетам XIV (?) в. прибавить 22 медные анонимные херсонесские XII—XIII вв. с монограммой «ро», то экономика Херсона этого времени не будет выглядеть более развитой, а торговые связи не станут намного шире.

Тем не менее, обращение к нумизматическому материалу дало А.И. Романчук возможность прийти к важному заключению, которым она до сих пор так и не воспользовалась: «в слое разрушения найдены две монеты Тохты (1290—1313), а в засыпи, перекрывавшей его, — Узбека (1313—1339) и Джанибека (1339—1357). Все это, без сомнения, позволяет говорить о том, что *пожар, приведший к разрушению усадьбы, имел место не ранее 60-х годов XIV в.»* (выделено мной — *В.М.*) (Романчук 1996: 302). В дальнейшем эта дата (60-е гг. XIV в.), на которую указывает нумизматический материал из «верхнего слоя» разрушения портовой части Херсона, исчезает из работ А.И. Романчук, а остается только 1395 г. как время разрушения поздневизантийского города Тимуром.

В качестве иллюстрации научной объективности своей точки зрения А.И. Романчук, в статье «Кувшины и миски из слоя пожара XIV в.», на 10 рисунках, помещает изображения 31 фрагмента поливных сосудов (кувшинов и мисок). По её заверению, они происходят «из слоёв разрушения в портовом районе, датируемых на основании нумизматических данных именно XIV в.» (Романчук 2003: 262, рис. 1—10). Но из общей характеристики представленного материала (двух видов кувшинов и мисок) оказывается, что «подобные сосуды в настоящее время датируются XIII в.» (Романчук 2003: 263). Тем не менее, автор указывает на то, что «некоторые глазурованные миски, близкие по характеру орнаментации, были обнаружены в домах, которые, судя по стратиграфии и нумизматическим находкам, прекратили своё существование после пожара XIV в.» (Романчук 2003: 263).

Остаётся только сожалеть, что исследовательница, уже в который раз, не даёт возможности читателю получить хотя бы самое общее представление не только о составе так называемых «закрытых комплексов» из «слоя пожара XIV в.» в портовом районе Херсона, но также и об их топографии, стратиграфии и нумизматическим находкам. Это тем более важно, потому что из приводимого в статье описания поливных изделий только 14 (из 32)

[1] Следует также обратить внимание А.И. Романчук на годы правления ханов Тохты, Узбека и Джанибека, постоянно указываемые исследовательницей средневекового Херсона неверно. Например, хан Тохта скончался в среду 9 августа 1312 г., но Узбек воцарился только в рамазане 712 г.х. (=январь 1313 г.). Дата его смерти относится к шевалле 742 г.х. (=10 марта — 7 апреля 1342 г.), после чего «временно» на престол вступил один из его сыновей — Джанибек (Золотая Орда в источниках 2003: 100, 117, 324).

имеют указание на место их находки в помещениях (№ 3а, 4, 10, 40, 43, 46, 47, 47а, 48, 52 54, 61) или строительной траншее (у помещения 3а). Причём, в помещении № 48 в «слое пожара XIV в.» обнаружено 2 фрагментированных поливных керамических изделия, а в помещении № 3а второй фрагмент (№ 17) «найден в строительной траншее начала XIV в.» (Романчук 2003: 266).

На рис. 8 отсутствует изображение фрагмента «стенки с остатками ручки красноглиняного кувшина с шахматным декором» (№ 22). Оказывается, что ещё несколько таких сосудов было обнаружено «в слое пожара XIV в.». К тому же, подобные поливные кувшины, изготовленные с помощью формы, «не представлены в публикациях керамики из Херсонеса», и только один аналогичный «кувшин из раскопок в Солхате (Старый Крым, датирован XIV в.) опубликовал М.Г. Крамаровский» (Романчук 2003: 266—267). Этим информация о столь редких для Херсона изделиях исчерпывается, и заинтересованный читатель не сможет не только их увидеть, но и узнать о месте обнаружения данных артефактов.

Остальные же находки происходят (как сказано в описании) из раскопок портовых кварталов 1 и 2, цитадели и Северо-восточного района города. Всё это производит впечатление весьма странной и уж совсем не репрезентативной выборки археологического материала (по 1—2 предмета) в виде единичных фрагментов поливной керамики из сомнительных «закрытых комплексов» 1395/96 гг.

В ряде случаев автор явно испытывает затруднения с определением времени бытования публикуемых фрагментов поливной керамики. Поэтому некоторые из них не датированы (№ 10—12) или время их бытования определяется в пределах двух (!) столетий — XIII—XIV вв., и опять же «на основании стратиграфии», которая ни разу не представлена в публикациях (Романчук 2003: 266, рис. 7, № 14, портовый квартал 2, помещение 4, НЗХТ № 53/36962).

Видимо, осознавая крайнюю недостаточность приведённых ранее «доказательств» в пользу своего утверждения, исследовательница портовой части Херсона делает оговорку: «Безусловно, на основании нескольких, описанных выше сосудов делать какие-либо глобальные выводы преждевременно». Вместе с тем подобное признание не мешает А.И. Романчук прийти к оптимистическому заключению: «Однако именно эти керамические изделия, имеющие аналогии среди материалов памятников Крыма и более удаленных районов, свидетельствуют о том, что жители Херсона, уцелевшего после разгрома последней четверти или конца XIII в., сохранили региональную торговлю (в пользу такого предположения говорят и монеты) и, возможно, некоторых из своих партнеров из городов Западного побережья Чёрного моря» (Романчук 2003: 268).

И поэтому (исключительно на материалах портового района города) А.И. Романчук приходит к выводу: «Вряд ли Херсон в XIV в. сократился до жалкого, незначительного по размерам поселения “с точечной застройкой”, расположенного в основном в портовом районе. На основании “умолчания источника” ранее делался вывод о глубоком кризисе в VII в. и “об обезлюдивании Херсона” в VIII в., однако археологическое изучение городища в последние годы, анализ коллекций, хранящихся в фондах заповедника, показали некорректность такого вывода. Возможно, в будущем мы сможем дать объяснение, почему в том или ином из кварталов Херсона поздневизантийского периода сохранились (или отложились) материалы XIV в., в других же они отсутствуют» (Романчук 2003: 269).

«Перспектива» дискуссии очевидна. Но, чтобы придать ей научное направление, необходимо, прежде всего, опубликовать данные стратиграфии памятника. А этого так и не сделано А.И. Романчук за четыре десятилетия изучения портового района города. Желательно, чтобы в ней нашла отражение фиксация нумизматических и других находок в местах их залегания с материалами закрытых комплексов, связанных со следами тотальных или локальных пожаров и разрушений. Только в случае решения данной задачи споры по поводу времени гибели поздневизантийского Херсона, наконец, приобретут конструктивный характер и форму корректной научной дискуссии.

Собственно, ничего нового в данном предложении нет. Странно только то, что об этом и в таком контексте приходится «дискутировать» с А.И. Романчук, которая ещё в 1986 г. в своём монографическом исследовании по исторической топографии города XII—XIV вв. определяла актуальные задачи, стоящие перед исследователями Херсона: «*установление детальной стратиграфии городища*, отражающей всю многовековую жизнь города; *уточнение времени основания и гибели города*, а также выявление основных перестроек и строительных периодов; *увязка стратиграфии городища с оборонительными сооружениями*; выяснение вопросов роста

территории города; уточнение времени бытования массового археологического материала» (выделено мной — *В.М.*) (Романчук 1986: 24). Однако приходится констатировать, что и по истечении двадцати лет поставленные задачи еще весьма далеки от своего решения (см., например: Богданова 1995: 104—116).

2. Издание Х.-Ф. Байером на русском языке поэмы иеромонаха Матфея «Сказание о городе Феодоро»[2], только предположительно датируемое публикатором 1396 г. (Байер 2001: 196), по всей видимости, вдохновило А.Г. Герцена вновь обратиться к разработке идеи разгрома Мангупа войсками Тамерлана (первым идею непосредственной связи сообщаемых в поэме Матфея «сведений» о запустении города Феодоро и походом Тамерлана в 1395 г. высказал А.А. Васильев (Vasiliev 1936: 191)). Поэтому он пишет: «В середине 90-х гг. (XIV в. — *В.М.*) Крым оказался втянутым в грандиозную междоусобицу Тохтамыша и Тимура, в результате которой Юго-Западная часть полуострова подверглась разгрому, сопоставимому по последствиям с учинённым здесь ранее Ногаем. Теперь *главный удар* пришёлся по возрождённой столице княжества Феодоро, *обращённой в руины* (выделено мной — *В.М.*). Последствия этого наблюдал иеромонах Матфей, летом 1395 г. направленный в Ялту константинопольским патриархом в качестве экзарха. Матфей — автор первого дошедшего до нас описания столицы феодоритов, выполненного в форме стихотворного диалога между странником и городом, лежащим в руинах. Восхищаясь необычностью и живописностью местоположения, странник в то же время с горечью оплакивает безлюдность города, что в дальнейшем изложении объясняется басурманским нашествием» (Герцен 2006: 27—28).

Начало возрождения жизни на Мангупе исследователь относит к 60-м гг. XIV в., основываясь на надписи, обнаруженной во время раскопок базилики в 1913 г., и считает, что в «ней прямо говорится о восстановлении в 1362 г. Феодоро и строительстве некоей “Пойки”, под которой следует, вероятнее всего, понимать цитадель — фактически кремль будущего города» (Герцен 2006: 27).

Если следовать хронологической схеме истории Феодоро-Мангупа второй половины XIV в., предлагаемой А.Г. Герценом, то возрожденный в 1362 г. город был разрушен в 1395 г. в результате нападения войск Тимура (или Едигея). В таком случае на территории памятника и, прежде всего, в цитадели города, в ходе многолетних раскопок должны были быть обнаружены закрытые комплексы, представленные артефактами, отложившимися в культурных напластованиях на протяжении 1362—1395 гг. Однако исследователю до сих пор ни разу не удалось продемонстрировать археологических комплексов Мангупа, датированных этим временем. Поэтому он вынужден прибегать к характеристике материала самого общего порядка, датируя имеющиеся находки XIV—XV вв.

В сравнительно недавно вышедшей работе «Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа» А.Г. Герцен и В.Е. Науменко отмечают: «наилучшим образом здесь (в цитадели — *В.М.*) представлены культурные горизонты, относимые к последнему этапу жизни акрополя Мангупа — слои функционирования и разрушения XIV—XVI вв. Находки более раннего времени единичны и распределены на исследованной территории крайне неравномерно, датируются они в основном по аналогиям. Тем не менее,

[2] Ввиду малого тиража данного издания и возможным затруднением читателя познакомиться с книгой Х.-Ф. Байера «История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро», предлагаю несколько цитат, относящихся к данному сюжету, оставляя их без комментариев. Хотя ряд высказываемых исследователем суждений, особенно касающихся «осады» Мамаем города Феодоро, как и вся последующая реконструкция хода событий, вызывают возражения: «п) Кажется, Мамай начал осаду Феодоро уже около 1373 г. (см. Айбабин 2003: 282 о её семидесятилетней (sic!) продолжительности). После поражения Мамая на Куликовом поле в 1380 г., мятежа его военачальников в начале 1381 г. и его устранения соединенные под руководством Тохтамыша ордынские войска отправились от Азовского моря в Крым к Феодоро и полностью окружили крепость, так что осажденные, ослабленные голодом (ст. 127—129), в конце концов сдали ее в том же году, вероятно, осенью. *Незадолго до осени 1395 г. один из отрядов вторгся в Крым. Храбрые татарские оккупанты сопротивлялись им, но были разбиты* (выделено мной — *В.М.*)… Матфей отправился в Феодоро весной или летом 1396 г., потому что увидел землю богатой фруктами и зерном (ст. 6), урожай которого на юге нельзя предположить после июля. Он нашел город “пустым, массы народа не имеющим”. Пока не вернулись ни жители, ни неизвестные нам властители, если вообще они были там ранее, кроме военачальников не очень высокого ранга (сотник), которым подчинялось местное население ради поддержания общественного порядка и защиты от нередких врагов. Город был “необитаемым” (ст. 110 сл.). Естественно, что покинутую крепость посещали люди, вероятно, бывшие владельцы, чтобы спасти что-то из оставшегося имущества. Иначе Матфей не встретил бы тех, от кого и узнал об осаде пятнадцать и более лет назад. Там находились, как он сообщает, и “воды весьма сладчайшие, сады орошаемые” (ст. 44). Разумеется, что люди в садах занимались сельским хозяйством так же, как и вне крепости» (Байер 2001: 196—197).

учитывая, что *цитадель* может рассматриваться как *пространственно закрытый комплекс*, этапы развития которого установлены *в результате многолетних исследований*, имеется возможность попытаться коррелировать с ними группы происходящих отсюда материалов, из которых особого внимания заслуживает глазурованная керамика» (выделено мной — *В.М.*) (Герцен, Науменко 2005: 257).

К тому же, авторы специально отмечают: «Процесс формирования слоя XIV—XV вв. отражает исторический период становления, развития и гибели поселения, отождествляемого со столицей княжества Феодоро» (Герцен, Науменко 2005: 261). Причём ими, согласно сформулированной ранее А.Г. Герценом концепции создания архитектурного ансамбля памятника, выделяются и два этапа формирования культурного слоя цитадели Мангупа, «запечатленных в археологической ситуации». Первый этап охватывает временной отрезок от начала строительства цитадели в 60-х гг. XIV в., включает в себя «связанное с ним разрушение жилых построек, оказавшихся на трассе северо-западной куртины», и завершается частичным разрушением «цитадели в конце этого столетия» (1395 г. — *В.М.*). Второй этап начинается с восстановления и реконструкции оборонительных рубежей акрополя Феодоро в 20-х гг. XV в. «Событием, определившим завершение данного этапа и формирование культурного горизонта в целом, явился захват цитадели в финале турецкой осады Мангупа 1475 г.» (Герцен, Науменко 2005: 261).

После столь чёткого определения хронологии формирования культурного слоя, выявленного, по заверению исследователей, в ходе многолетних археологических раскопок на мысе Тешкли-Бурун, можно надеяться на то, что и характеристика материала будет представлена разделённой на два периода: 1) 1362—1395 гг. и 2) 20—70-е гг. XV в. К тому же в ней найдётся место и для описания закрытых комплексов, содержащих материалы двух периодов. Их верхние даты, соответственно, относятся к 1395 и 1475 гг.

Однако авторы неожиданно сетуют, что «Пока не представляется возможным *распределить* (sic!) все находки поливной посуды в соответствии со всеми этапами (выделено мной — *В.М.*). С достаточной уверенностью можно подавляющее их большинство отнести к последнему, то есть к 20—70-м гг. XV в.» (Герцен, Науменко 2005: 261). И далее, как оказывается, по мнению авторов, «Для решения данной проблемы необходимо рассмотрение комплекса глазурованной керамики в целом, что требует как анализа уже накопленного материала, так и продолжение раскопок за пределами цитадели» (Герцен 2006: 261).

Далее А.Г. Герцен и В.Е. Науменко приступают к «обобщённой» характеристике красноглиняной поливной керамики XIV—XV вв., условно разделенной ими на две большие группы — монохромную и полихромную. При этом авторы считают необходимым подчеркнуть, что «обе группы имеют идентичные по форме сосуды, поэтому *не несут в себе каких-либо хронологических различий*» (выделено мной — *В.М.*) (Герцен, Науменко 2005: 261). Подобное замечание было бы более уместным для хронологической группы 20—70-х гг. XV в. (так называемого «второго этапа» существования жизни на территории цитадели), но никак не XIV—XV вв.

Обратимся к опубликованным А.Г. Герценом и В.Е. Науменко изображениям поливной керамики из раскопок цитадели Мангупа. На 23 графических рисунках представлен 171 фрагмент или археологически целые изделия (Герцен, Науменко 2005, рис. 1—23). В основном она состоит из 5 хронологических групп: 1) X—XI вв. (31 =18,1%); 2) XIII в. (53=30,9%); 3) XIV (1= 0,58%); 4) XV в. (79=46,2%); 5) XVI—XVII вв. (17=9,9%). Как видим, материал XIV в. представлен одним фрагментом (0,58% от общего количества опубликованных поливных изделий). По поводу данной находки, не определяя время и возможное место её производства, авторы пишут: «Для поливной посуды цитадели Мангупа не характерны сосуды, сочетающие технику «граффито» с выемчатой по светлому ангобу. До сих пор обнаружен всего один фрагмент, вероятно, миски, с желтой глазурью» (Герцен, Науменко 2005, рис. 6: 12).

Количественное соотношение находок вряд ли можно объяснить случайностью выборки или почти полным уничтожением культурного слоя с материалом XIV в. в ходе строительных работ XV в. Ведь при раскопках цитадели выявлены достаточно представительные коллекции более раннего времени (X—XIII вв.). Опубликованные недавно коллективом авторов (А.Г. Герцен, А.Ю. Землякова, В.Е. Науменко, А.В. Смокотина) в статье «Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп)» материалы не создают впечатления существования здесь чётко выраженного слоя, который бы свидетельствовал о массовом «сбросе» археологического материала XIV в. именно с юго-восточного склона мыса (Герцен, Земляко-

ва, Науменко, Смокотина 2006: 371—427, рис. 1—54). Представленная в данной публикации характеристика находок опять дана обобщённо, в необычайно широких хронологических пределах XIV—XVI вв. (в статье фигурирует как «комплекс находок из 2-го слоя в квадрате Б 2003 г.») (Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина 2006: 376—392).

И она оказывается полностью подчинена уже известной концепции существования памятника в феодоритский период (XIV — третья четверть XV вв.). Данный слой связан, как пишут авторы, «с формированием на плато города Феодоро — центра одноимённого княжества в Юго-Западной части Крыма… *После разрушительного похода армии Тамерлана в конце XIV в.* возрождается в 20-х гг. следующего столетия, постепенно приобретая столичный облик» (выделено мной — *В.М.*) (Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина 2006: 371).

Очевидно, что авторам не удаётся выделить из общего состава материала артефакты XIV в., связанные со слоем разрушения Мангупа в 1395 г. войсками Тамерлана. Поэтому они лаконично заключают: «Более 60% находок керамики, стеклянных, костяных, металлических изделий, *с определенными оговорками* (выделено мной — *В.М.*), характеризует материальный комплекс городища XIV—XV вв., прежде всего, его наиболее изученной на сегодня в археологическом отношении части — Мапгупской цитадели» (Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина 2006: 391).

На фоне полученных элементарных статистических данных более чем странно выглядит заключение исследователей, касающееся стратификации материалов XII—XIII вв.[3]: «Заканчивая рассмотрение поливной керамики XII—XIII вв., подчеркнем, что *стратиграфические горизонты этого времени* (выделено мной — *В.М.*), как в цитадели, так и на остальной территории городища, до сих пор не выявлены. Поэтому вопрос о хронологии этих сосудов применительно к Мангупу пока остается открытым» (Герцен, Науменко 2005: 261).

Очевидно, поэтому, в статье «Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун», исследователи, намечая «в общих чертах основные этапы истории городища» на протяжении III—XVIII вв., между 3 («*Фемный* (середина IX — середина XI вв.)» и 4 (*Феодоритский* (XIV — третья четверть XV вв.)» этапами оставляют ничем не объяснимую хронологическую лакуну протяженностью в два с половиной столетия в истории Мангупа (вторая половина XI — XIII вв.) (Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина 2006: 371). Хотя в своей статье «Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея» А.Г. Герцен, касаясь содержания надписи 1361/62, даёт следующее объяснение продолжительному отсутствию признаков жизни на памятнике: «Из текста следовало, что в начале 60-х гг. XIV в. на плато велись значительные строительные работы по «восстановлению Феодоро». Смысл этого выражения *хорошо согласуется с археологическими данными* (выделено мной — *В.М.*), которые показывают, что, по крайней мере, с середины XI по XIV вв. в жизни поселения был “мертвый сезон”, представленный на городище лишь единичными артефактами (монета Андроника I, несколько фрагментов поливной посуды), не говоря уже о культурных напластованиях» (Герцен 2003: 570).

Однако, как видно из представленных выше подсчётов, опубликованный материал в виде фрагментов поливной посуды указывает на то, что в жизни Мангупа-Феодоро в XII—XIII вв. не было, по выражению А.Г. Герцена, «мертвого сезона», а по своей интенсивности он уступал только XV в. К тому же исследователь никак не комментирует появившееся в печати сообщение А.Н. Коршенко о находке на Мангупе медных скифатных монет с именами деспотов Мануила и Андроника, выпуск которых относится к 40—60 гг. XIII в. и связывается с попыткой организации здесь местной чеканки (Коршенко 1998: 48—49, рис. 1—2).

Выводу исследователя Мангупа о хронологической лакуне явно противоречит как массовость находок XII—XIII в., составляющих 30,9% всей поливной керамики X—XVII вв., так и их хорошая сохранность (некоторые изделия представлены целыми археологическими формами (Герцен, Науменко 2005: рис. 3; 5: 5)). Если «стратиграфические горизонты этого времени» не выявлены, то тогда возникает естественный вопрос, каким образом относительно хрупкие керамические изделия могли сохраниться в таком количестве и состоянии до нашего времени, будучи неоднократно перемещаемы при повсеместных строительных работах, начиная с 1362 г., как об этом пишет А.Г. Герцен? И где тогда находится широко

[3] При этом для читателя может так и остаться не ясным, почему «вопрос о хронологии этих сосудов применительно к Мангупу остается открытым», если здесь же данная группа поливных изделий отнесена к XII—XIII вв.

анонсируемый А.Г. Герценом слой гибели Мангупа-Феодоро, связанный с якобы произошедшим летом 1395 г. нападением «орды Едыгея (креатуры Тимура)» (Герцен 2003: 577). В таком случае автор, ведущий исследования Мангупа более трех десятилетий, должен был представить в подтверждение правоты своих слов закрытые комплексы, содержащие (согласно его уверениям) материалы 60—90-х гг. XIV в. и стратифицированный слой разрушения города 1395 г. Однако, насколько мне известно, этого до настоящего времени не произошло.

В качестве литературных «доказательств» разрушения города Феодоро Тамерланом летом 1395 г. А.Г. Герцен использует 2 строки из поэмы иеромонаха Матфея (Байер 2001: 297, ст. 54—55): *«…увидел и тела мертвых и массы останков и черепа без костей, а останков кучи…»* [4]. Видимо, поэтому А.Г. Герцен заключает: «Строки 54—55 *рисуют трагическую картину следов побоища*» (выделено мной — *В.М.*) (Герцен 2003: 573). При этом исследователь указывает на то, что «Во время раскопок в разные годы и в различных местах плато обнаруживались человеческие скелеты, обычно без инвентаря, но с явными признаками соблюдения традиций христианского обряда (ориентировка, положение скелета), например, в заброшенных тарапанах (вырубных винодавильнях). Обычно такого рода находки отождествлялись с последствиями захвата города турками в 1475 г. Однако сведения Матфея не дают оснований для столь однозначных выводов. Вполне вероятно, что такого рода захоронения могли появиться ранее и отражать другую, более раннюю драматическую страницу в истории Феодоро» (Герцен 2003: 573).

Далее, по-видимому, в целях эмоционального подтверждения своего предположения, основанного только на разрозненных и безынвентарных (т.е. ничем не датированных) христианских захоронениях, А.Г. Герцен прибегает к помощи пространной цитаты из публикации Е.В. Веймарна, посвящённой изучению крепостных стен и некрополя Мангупа в 1938 г. В ней даётся описание вырубных склепов, расположенных в 100 м к юго-западу от цитадели. Придётся и нам полностью процитировать данный пассаж, так как он занимает ключевое место в системе доказательств А.Г. Герцена о наличии на Мангупе реальных следов погрома 1395 г.: «Все пространство пола (склепа №1 — *А.Г.*) оказалось заваленным огромным количеством сильно перемешанных человеческих костей, заплывших темной слежавшейся сырой землей, особенно у входа, где она доходит до половины его… Под верхним слоем явно перемешанных костей, среди которых оказалось 77 человеческих черепов (43 из них совершенно целых), на полу склепа найдены были отдельные части костяков, лежавших нетронутыми…

В верхних слоях (склепа №2 — *А.Г.*) находились остатки двух почти целых костяков, один на другом, причем их нижние конечности лежали высоко на ступенях дромоса, а верхние части были опущены настолько, что головы покойных оказались в простенке входа в камеру склепа… По-видимому, здесь в разное время было захоронено не менее 13 трупов, так как в простенке входа в камеру и в самом склепе близ входа, приблизительно на одном горизонте, было обнаружено соответствующее количество почти целых черепов…

У входа склеп был заполнен (толщина 0,40 м) мягкой желтоватой землей, прикрывавшей здесь сильно перемешанные остатки значительного количества человеческих костяков. У Юго-Западной и восточной стен склепа слой земли сходил на нет; здесь видны были сильно истлевшие человеческие кости, которые у стен лежали незначительным слоем — толщиной до 0,10 м. После выборки из склепа натечной земли до костного слоя были обнаружены сдвинутые со своих мест кости, среди которых оказалось 19 сильно истлевших черепов» (Веймарн 1953: 422—424).

Действительно, для непосвященного в археологические реалии средневекового Крыма читателя столь яркая картина описания человеческих останков, обнаруженных в ходе раскопок только двух склепов, может произвести сильное эмоциональное впечатление. К тому же А.Г. Герцен делает краткое резюме к цитате из работы Е.В. Веймарна: «В данном описании обращает внимание высокая концентрация погребений в двух относительно небольших склепах, явно использовавшихся не один раз. Достаточно ясно прослеживается, по крайней мере, два таких этапа. Приведенный в публикации обнаруженный здесь скудный вещевой материал, к сожалению, не расчленяющийся стратигра-

[4] К этим словам Х.-Ф. Байер делает следующее примечание: «Если хорошо помню, в монастыре Великой Лавры черепа и кости после их эксгумации сохраняются отдельно. В нашем случае можно думать и о том, были ли упомянутые Матфеем тела мертвых останками убитых во время осады (см. ст. 118—129) и беспорядочно захороненных» (Байер 2001: 297, прим. 812).

фически, суммарно датируется не ранее XII и не позднее XV в. Правда, сам автор раскопок склонен был отнести сооружение склепов к V—VII вв., исходя из их сходства с соответствующими погребальными памятниками Эски-Кермена. Однако *синхронного инвентаря найдено не было, и приходится ограничиться предположением* о том, что первоначальные захоронения здесь были полностью уничтожены при использовании камер для *массовых захоронений* (выделено мной — *В.М.*) уже в период существования княжества Феодоро. Отметим, что описанная ситуация весьма соответствует картине, наблюдавшейся Матфеем, и именно в той части плато, через которую он наверняка проходил, направляясь к цитадели (рис. 2: 10), и которую он затем осматривал с вершины башни» (Герцен 2003: 573—574).

Из представленного выше заключения совершенно очевидно, что А.Г. Герцен не может найти и продемонстрировать датированных 90-ми гг. XIV в. и подтвержденных стратиграфией не только жилых, хозяйственных и оборонительных, но и погребальных комплексов. При этом, на фоне предлагаемой широкой датировки инвентаря захоронений — XII—XV вв. (сюда же входит и «отсутствующий» на плато Мангупа материал XII—XIII вв.) — ставится под сомнение и тезис о «массовых захоронениях» времени существования княжества Феодоро. Очевидно, что за четыре столетия при неоднократных подзахоронениях (перезахоронениях) в склепах вполне могли отложиться выявленные при раскопках останки.

Возникает вопрос: почему А.Г. Герцен, ведущий с 1975 г. систематические раскопки на плато Мангупа, вынужден прибегать к цитированию материалов Е.В. Веймарна, полученных ещё в период кратковременных разведочных работ 1938 г.? Невольно создаётся впечатление, что за всё время проводимых им исследований так и не удалось получить убедительных материалов, подтверждающих его гипотезу о захвате и разрушении города летом 1395 г. войсками Тамерлана.

Ответ на данный вопрос, очевидно, содержится в предвзятом, заангажированном «чтении» (интерпретации) исследователем Мангупа не только «Сказания» Матфея, но и стратиграфии изучаемого им памятника. А.Г. Герцен, вероятно, находясь под «гипнозом обаяния» двух ярких письменных источников: строительной надписи 1361/62 г. и поэмы иеромонаха Матфея «Сказание о городе Феодоро», весьма приблизительно датируемой 1396 г., пытается выдать желаемое за действительное. Плита с датой 1361/62 г. турмарха (?) Феодоро Хуитани к возведению цитадели отношения не имеет[5], строительный горизонт этого времени в ходе раскопок А.Г. Герцена здесь не выявлен, как и не обнаружен на исследованной территории города слой его гибели в 1395 г. А иеромонах Матфей, прибыв на Мангуп и в середине XV в., все равно описал бы его как «опустевший город», так как из 90 га площади плато застроенной было не более 10—15% его территории[6]. В таком контексте, вероятно, и следует понимать им увиденное и сказанное в поэтической форме, но без особых

[5] А.Г. Герцен, делая критическое замечание в мой адрес, настаивает на том, что «Данные археологических исследований в цитадели подтверждают нашу гипотезу о связи возникновения цитадели с содержанием упомянутой (1361/62 г. — *В.М.*) надписи. См. об этом ниже» (Герцен 2003: 571, прим. 6). Но сколько я ни смотрел «ниже», так до сих пор и не нашел каких-либо археологических доказательств, подтверждающих правоту гипотезы уважаемого автора, а одних словесных заверений уже явно недостаточно. К тому же нет никаких реальных архитектурно-археологических материалов, свидетельствующих о существовании на месте дворца-донжона второй половины XV в. башни, «с высоты» которой Матфей в 1395 г. наблюдал панораму Мангупа (ст. 51—55) и якобы затем «поглощённой» при позднейшей реконструкции крепостного ансамбля цитадели. Вероятнее всего, Матфей поднимался на башню, располагавшуюся на самой оконечности мыса Тешкли-бурун (имеется в виду «Барабан-Коба» или комплекс №1 по нумерации Е.В. Веймарна): «Поверху он венчался дозорной башней, руины которой могли видеть посетители еще в начале прошлого века, сейчас от нее остались только вырубки в скале» (Герцен 2003: 575).

В целом, читая комментарий А.Г. Герцена к путешествию Матфея по Феодоро в 1395 г., создается впечатление, что иеромонах совершает прогулку по виртуальному городу, так как существование какого-либо из «зримых» им объектов именно в конце XIV в. не доказано на основании материалов раскопок памятника. Даже цитадель города, которой больше всего внимания уделяет А.Г. Герцен, «возводится» в 1362 г. не на основании выявленного в ходе раскопок и датированного на основании археологического материала строительного периода, а на предположении Р.Х. Лепера и поддержавшего данную гипотезу Н.И. Репникова, что цитадель есть не что иное, как «почтенная Пойка» надписи 1361/62 г. Решающим для исследователя в этом вопросе служит заключение эпиграфиста В.Н. Малицкого о территориальной неразрывности Пойки с Феодоро (Герцен 1990: 146).

[6] А.К. Шапошников предлагает свой перевод поэмы и более позднюю дату её написания. Касаясь персонификации автора «Описания города Феодоро», в комментарии к стихам, он пишет: «Мы полагаем, что речь идёт о Матфее, посетившем уже опустошённый город Феодоро *столетием позже* (выделено мной — *В.М.*); следовательно, он путешествовал, по крайней мере, в последней четверти XV в. Впрочем, описанное им зрелище страшного разорения в обоих случаях могло быть одинаковым» (Фадеева, Шапочников 2005: 230).

претензий на полную историческую достоверность.

В опубликованной диссертационной работе «Крепостной ансамбль Мангупа» А.Г. Герцен пишет: «На наш взгляд, это мнение наиболее соответствует наблюдаемой на Мангупе ситуации. Нет ничего странного в том, что цитадель имела особое, отличное от города в целом название…» (Герцен 1990: 146). Чтобы не быть голословным, автор, в подтверждение своего суждения, приводит и результаты исследований памятника: «При раскопках у тыльной стороны куртины А цитадели была открыта строительная траншея (рис. 36), перекрытая слоем строительного мусора. В ней среди маловыразительной строительной керамики были найдены фрагменты неорнаментированной столовой посуды, покрытой зеленой поливой, *характерной для слоя XIV—XV вв.*» (выделено мной — *В.М.*) (Герцен 1990: 146). Однако на рис. 36, представляющим собой ущербную в графическом исполнении схему, «заполнение строительной траншеи» отнесено именно к XIV, а не к XIV—XV вв. (Герцен 1990: рис. 36).

Как мне кажется, иную картину строительной периодизации цитадели Мангупа дали авторы раскопок (А.Г. Герцен, В.Е. Науменко, С.А. Черныш) в своих отчётных материалах за 1995 г. Например, описываемый ими слой 3, представляющий собой «Плотный грунт серого цвета, насыщенный мелким бутовым камнем, разложившимся известковым раствором. Представляет собой *насыпь*, протянувшуюся *вдоль куртины цитадели* и перекрывающую слои разрушения построек нижнего строительного яруса. Высота её до 1,30—1,00 м, ширина основания до 3,00 м, расстояние от верхушки до крепостной стены — 2,00—2,60 м. *Насыпь образовалась в результате выброса грунта из-под куртины для расчистки ее основания с целью проведения работ по наращиванию внутреннего панциря стены… Массовым материалом слоя является керамика X—XV вв.* с незначительной примесью фрагментов раннесредневековых амфор, *время образования его относится к рубежу XV—XVI вв.*» (выделено мной — *В.М.*) (Герцен, Науменко, Черныш 2007: 44).

Хронологически со слоем 3 непосредственно связано и образование слоя 4, представляющего собой рыхлый «грунт серого цвета, насыщенный обработанным и необработанным камнем различных размеров, известковым раствором, керамическим материалом XIII—XV вв. с достаточно значительной примесью керамики и более раннего времени, особенно X—XIII вв. …*Слой* зафиксирован по всей площади раскопа, перекрывает строительные остатки нижнего яруса и *является*, кроме того, *заполнением строительной траншеи куртины* (ширина ее 0,50—1,00 м). Вышесказанное позволяет определить его как слой разрушения построек нижнего строительного яруса, *образовавшийся в последней четверти XV в. Засыпь строительной траншеи хронологически синхронна со временем появления слоя 3 (рубеж XV—XVI вв.)*» (выделено мной — *В.М.*) (Герцен, Науменко, Черныш 2007: 44).

Таким образом, исследователи цитадели Мангупа в 1995 г. пришли к заключению, что на рубеже XV—XVI вв. с внутренней стороны куртины проводились работы «по наращиванию внутреннего панциря стены». Материальным свидетельством строительной деятельности османов, нашедшей отражение в стратиграфии памятника, являются слои 3 и 4 рубежа XV—XVI вв. При этом слой 4 формирует заполнение строительной траншеи. Но при этом авторы статьи не забывают в очередной раз декларативно напомнить читателю о том, что «Строительство крепостной стены цитадели и связанную с ним перестройку уже существовавшего жилого комплекса на участке, примыкающем к куртине, *на основании анализа полученного археологического материала и данных других источников (письменных, эпиграфических) можно отнести ко второй половине XIV в.*» (выделено мной — *В.М.*) (Герцен, Науменко, Черныш 2007: 45). Остаётся только сожалеть, что до настоящего времени так и не представлен реальный анализ «полученного археологического материала и данных других источников», на основании которых возведение цитадели Мангупа «можно отнести ко второй половине XIV в.».

Тем не менее, проведенные раскопки цитадели позволили дать общую строительную периодизацию памятника: «Полученный материал говорит о *непрерывном существовании* на исследуемом участке *застройки X—XV вв.* Открытый жилой комплекс, в процессе своего функционирования, пережил *три строительных периода*. Первый (доцитадельный) связан с возникновением и существованием участка *поселения с достаточно плотной застройкой во второй половине X — XIII вв.*[7]

[7] Судя по данной публикации, авторы не сомневаются в существовании на территории цитадели культурного слоя (в тексте слой 5), строительных остатков и разнообразных артефактов XII—XIII вв.: «Массовым материалом является керамика X—XIII вв. с приме-

Во второй половине XIV в. на мысе была сооружена цитадель. Одновременно произошла расчистка эспланады, во время которой пострадали культовые и хозяйственные сооружения, оказавшиеся перед крепостной стеной, подвергся существенной перестройке жилой комплекс у тыльной стороны северо-западной куртины. Последний строительный период рубежа XV—XVI связан с работами по укреплению крепостной стены (увеличение ее толщины) в связи с появлением огнестрельного оружия, после прекращения функционирования построек нижнего яруса в конце XV в.» (выделено мной — *В.М.*) (Герцен, Науменко, Черныш 2007: 46). К этому следует, видимо, добавить и дополнительно выделенную А.Г. Герценом «реконструкцию цитадели», якобы осуществленную в 20-е гг. XV в. князем Алексеем. Вот только на все три строительных периода оборонительной системы цитадели города Феодоро мы располагаем одной стратиграфией с одинокой строительной траншеей «XIV в.», заполненной материалом XIV—XV или рубежа XV—XVI вв.[8]

3. В 1978 г. к исследованию крупнейшего средневекового города не только Крымского полуострова, но и всего Северного Причерноморья — Солхата — приступила экспедиция Государственного Эрмитажа, которую возглавил М.Г. Крамаровский. За истекшие годы систематических раскопок, ставших логическим продолжением исследований 1924—1928 гг. под руководством И.Н. Бороздина, на территории памятника частично или полностью изучены наиболее значимые монументальные архитектурно-археологические комплексы золотоордынского города второй половины XIII — XIV вв. — бывшей столицы Крымского улуса (Крамаровский 1989: 141). Однако в публикациях автора из раскопок Солхата представлены только единичные раритетные находки (в виде серебряных платежных слитков — саумов, художественной поливной керамики и проч.), а среди архитектурных памятников города — скромная армянская церковь, незаслуженно названная исследователем «базиликой» (Крамаровский 1980: 68—72; 1991: 69—143, рис. 6: 1—3; 7: а, б, в; 8; 11: 1—3; 2004: 68—76).

Проведенные Старокрымской экспедицией Государственного Эрмитажа архитектурно-археологические исследования позволили М.Г. Крамаровскому в своей первой обобщающей работе «Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв.» (Крамаровский 1989: 141—154) выделить наиболее существенные периоды «исторического развития города XIII—XIV вв., жизнь которого протекала в условиях повседневного общения представителей трёх религиозных деноминаций — мусульманской, христианской и иудаистской» (Крамаровский 1989: 141—142, 152, рис. 2). Исследователь пришёл к заключению, что на четвертом этапе (охватывающем хронологический период с конца 80-х гг. XIV в. по первые десятилетия XV в.) населением Солхата «*Разрушения тимуровского погрома, по-видимому, оказались не преодоленными вплоть до конца XV в.*» (выделено мной — *В.М.*) (Крамаровский 1989: 154).

II. В поисках свидетельств письменных источников

Всегда интересно проследить путь, который проходит археолог-медиевист в поисках того или иного письменного источника,

сью фрагментов позднеантичных и раннесредневековых сосудов. Важную роль для определения верхней даты слоя играет херсоно-византийская монета с монограммой “ро” первой половины XIII в., обнаруженная на полу помещения №7, перекрытом вымосткой из мергелевых плиток» (Герцен, Науменко, Черныш 2007: 44).

[8] В связи с рассматриваемым вопросом, подилетантски наивно, компилятивно и неубедительно выглядят «рассуждения» А.И. Айбабина. Следуя в русле бездоказательных заключений А.Г. Герцена, он пишет: «во время археологических раскопок на плато (Мангупа — *В.М.*) не выявлен культурный слой XII—XIII вв. Возможно, его уничтожили в процессе активных строительных работ, развернувшихся на плато в XIV в. … О них говорится в происходящих с плато надписях. Очевидно, в 1360-е гг. ремонтируются оборонительные стены, башни и главные крепостные ворота, а на мысе Тешкли-Бурун восстанавливается цитадель. Она представляет собой трехэтажный дворец, к которому с двух сторон пристроены куртины, протянувшиеся до неприступных обрывов. Тогда же (в 60-е гг. XIV в.? — *В.М.*) реконструируется возведенная в раннее средневековое время трехнефная базилика» (Айбабин 2003: 282). Так как за этими словами не стоит ничего оригинального и реального (например, А.И. Айбабин, по незнанию отличий в архитектурно-строительных приемах XIV и XV вв., донжон цитадели Мангупа второй половины XV в. пытается представить как сооружение 60-х гг. XIV в.), подтвержденного стратифицированным археологическим материалом, то их можно оставить без критики. А.И. Айбабин (Айбабин 2003: 282) также не успевает следить за переменами в мнениях А.Г. Герцена (Герцен 2001: 262—279) об очередном «изменении» архитектоники мангупской цитадели: «реконструкция (20-х гг. XV в.? — *В.М.*) крепостного ансамбля на мысе Тешкли-бурун *поглотила первоначальный донжон*» (выделено мной — *В.М.*). Поэтому, если следовать «новой» датировке А.Г. Герцена, А.И. Айбабин вынужден описывать здание дворца-донжона цитадели 20-х гг. XV в. как постройку начала 60-х гг. XIV в.

способного придать особую «историческую окраску» полученной им в ходе раскопок «совокупности материальных свидетельств». Следует признаться, что зачастую это невозможно сделать. И не только потому, что путь сложен и долог, не потому, что исторические и археологические источники «говорят на разных языках», а ещё и потому, что между ними порой невозможно установить не только прямую, но даже косвенную связь.

Обратимся к современным исследователям и интерпретаторам результатов прежних исследований Херсона, Мангупа и Солхата, попробуем пройти пройденный ими путь «сближения» археологической иллюстративной составляющей и отобранных ими для этого письменных свидетельств.

Как мы видели, три исследователя (А.И. Романчук, А.Г. Герцен и М.Г. Крамаровский) солидарны в том, что Херсон, Мангуп и Солхат пострадали в 1395 г. от «нахлынувших» на территорию полуострова войск Тамерлана. Однако каждый из них пытается по-своему обосновать эту дату и предложить свои комментарии к источникам.

А.И. Романчук, как это уже было представлено выше, время образования слоя пожара и разрушения в портовом районе Херсона относит к 1395/96 г., когда якобы на территории полуострова появляется карательная экспедиция Тимура, действовавшая «против феодалов, выступивших на стороне Тохтамыша, в частности, против укрепившегося в Крыму Таш-Тимура» (Романчук 1982: 90; 1997: 280; 2000: 185 и др.). Но при этом, ни в одной из своих многочисленных работ, А.И. Романчук не даёт обоснования, почему ею выбран именно данный «эпизод» из истории Крыма XIV в. и имел ли он вообще отношение к судьбе Херсона. Не находим мы у А.И. Романчук и какого-либо анализа письменных источников, касающихся событий 1395/96 гг. Исследовательница попросту ограничивается «глухой» ссылкой на работу 1973 г. Г.А. Федорова-Давыдова «Общественный строй Золотой Орды», делая к ней в монографии 2000 г. «Очерки истории и археологии византийского Херсона» дополнительное примечание: «Судя по данным раскопок в горных районах Юго-Западного Крыма, в этот же период пострадал от пожара Эски-Кермен» (Романчук 2000: 185, прим. 65). Сразу отметим, что примечание сделано крайне неудачно. Наиболее поздняя из монет, обнаруженных в слое тотального пожара и разрушения Эски-Кермена, относится ко времени правления никейского императора Феодора II Ласкариса (1254—1258), а археологический материал из него идентичен находкам из слоя разрушения Херсона в последней четверти XIII в. (см.: Веймарн 1982: 73).

Вместе с тем, А.И. Романчук сосредотачивает своё внимание на спорах крымских иерархов конца XIV в. Но при этом делает акцент только на событиях 80—90-х гг. XIV в., лаконично отмечая, что до «80-х гг. XIV в. упоминания о херсонских иерархах редки: февраль 1340 г., сентябрь 1364 г. — участие в заседаниях Синода, 1356 г. — перевод из Ниссы в Херсон епископа Игнатия» (Романчук 2000: 199). Вероятно, поэтому от её внимания «ускользает» весьма важный эпизод из церковной истории Херсона XIV в., на который обратил внимание А.Л. Бертье-Делагард, а вслед за ним и А.Л. Якобсон (Бертье-Делагард 1920: 37; Якобсон 1950: 41). Например, согласно данным Актов Константинопольского патриархата, в июле 1365 г., а не в 1356 г., как пишет А.И. Романчук, вместо Кирилла кафедру митрополита Херсона получил Игнатий (Acta 1860—1862: 475; Das Register 1981: 2499). В сентябре того же года он находился в Константинополе, где принимал участие в заседаниях собора (Das Register 1981: 2502). До настоящего времени остаётся не выясненным вопрос — приступал ли Игнатий вообще к исполнению своих обязанностей иерарха Херсонской митрополии (Байер 1995: 69), потому что с октября 1365 г. управление его епархией было передано митрополиту Готии почти на 14 лет (до 1379 г.) (Das Register 1981: 2543).

В этом отношении весьма интересен армянский источник, относящийся непосредственно к событиям военно-политического характера, происходивших на территории полуострова летом 1365 г., но оставшийся вне внимания А.И. Романчук. В нём упоминается и Херсон. Имеется виду «часоц», написанный в городе Крым 23 августа 1365 г., когда «…в пору многонародного волнения, так как вся страна от Керча до Сарукармана (Херсона — В.М.) здесь собралась…» (Саргсян 2004: 153).

Для нас важна отражённая в источнике география происходивших в 1365 г. событий, охвативших весь полуостров — от Керчи на востоке и до Херсона — на западе. Причём часть населения (армяне и татары?) бежала из Херсона в Солхат в поисках защиты от грабежей и насильственной мобилизации в войско Мамая. Таким образом, есть основание говорить, что война 1365 г. между Кутлуг-Тимуром и Мамаем затронула непосредственно и Херсон. На то, что город после упомянутых в армянском источнике событий опустел

(«обезлюдел») и переживал тяжелый экономический кризис, косвенно указывают два факта: 1) отсутствие в Херсоне с 1365 по 1379 г. митрополита; 2) после 60-х гг. XIV в. наступает длительный перерыв поступления в Херсон джучидских монет (данный период представлен единственной (?) монетой хана Абдуллаха).

Столь редкое созвучие письменных источников в их корреляции с монетами (в том числе и с наиболее младшим номиналом) дает достаточно оснований предполагать, что Херсон в значительной степени мог пострадать летом 1365 г. от орды Мамая. Представленные А.И. Романчук в статье поливные изделия указывают, что события, в результате которых произошло их отложение в культурном слое памятника, не выходят далеко за пределы середины — 60-х гг. XIV в. Не противоречит такому выводу и датировка аналогичных изделий, известных к настоящему времени. Более уверенно об этом можно было бы говорить, обладая полными сведениями о составе стратифицированного массового керамического материала из портовой части города в его сочетании с монетными находками [9].

В отличие от А.И. Романчук, опирающейся в своих суждениях о событиях 1395 г. исключительно на научный авторитет А.Г. Федорова-Давыдова, А.Г. Герцен и М.Г. Крамаровский подошли более основательно к освещению данной темы, дополнительно обратившись не только к конъюнктурным реконструкциям событий, созданным историками XIX—XX вв., но и к свидетельствам письменных источников.

Например, А.Г. Герцен делает краткий экскурс по историографии рассматриваемого им вопроса: «Определению узкой даты нашествия войск Тимура было уделено немало внимания различными авторами. Сопоставляя довольно противоречивые известия арабских летописцев, можно установить, что после взятия Таны в устье Дона *в сентябре 1395 г. войско Тимура вторглось на полуостров, захватило город Крым и после 18-дневной осады взяло Кафу* (Эскалани). *Эти события произошли в конце сентября — первой половине октября 1395 г. Осада и захват Феодоро остались вне поля зрения арабских источников*, но это не удивительно, так как центр экономической жизни уже со второй половины XIII в. переместился в восточную часть полуострова. Кафа и Крым (Солхат) были наиболее известными на мусульманском востоке городскими центрами на северном побережье Черного моря, к ним было приковано главное внимание. Однако *нашествие Тимура, естественно, должно было захватить и юго-западную часть полуострова, населенную в это время преимущественно христианами*. Именно по такому сценарию развивался в 1299 г. рейд орды Ногая, вначале обрушившийся на Солхат, Кафу, Судак, а затем пронесшийся, разоряя все на своем пути, до Сары-Кермена (Херсона). *Эдигей, руководивший военными действиями в Крыму, мог уже к концу осени пойти по тому же маршруту*. *Исходя из исторических ориентиров*, трудно определить более узкую дату посещения разоренного города Матфеем» (выделено мной — *В.М.*) (Герцен 2003: 577).

По ходу историографического экскурса автор делает ряд важных примечаний, призванных глубже отразить затронутую тему. К таковым относится и заключение, что «В.Д. Смирнов считал неверными сведения арабских историков о том, что Тимур лично приводил войска в Крым и сражался здесь с Тохтамышем, на самом деле крымской кампанией руководил эмир Эдигей (Идика)» (Герцен 2003: 577, прим. 9).

После прочтения представленного текста создается впечатление, что А.Г. Герцен подошёл формально и поверхностно к освещению «крымского похода» Тимура, не замечая, что его исторические построения весьма близко напоминают то, что в своё время писал А.Л. Якобсон. Под «различными авторами», по-видимому и в первую очередь, следует понимать работы Ф.К. Бруна, В.Д. Смирнова, А.А. Васильева, А.Ю. Якубовского, М.Г. Сафаргалиева, Г.А. Федорова-Давыдова, В.Л. Егорова и других исследователей

[9] Вместе с тем, вероятно, не следует исключать полностью из политического контекста Юго-Западного региона Крыма и события войны 1344—1346 гг., которая велась ханом Джанибеком против генуэзцев на территории Крыма. Весной 1345 г. татарское войско, повторно появившись у стен Каффы, не стало предпринимать попыток штурма города, а направилось к Чембало, где генуэзцы не успели достаточно хорошо укрепиться, занимаясь рытьём рва, насыпкой вала и установкой на его гребне частокола из бревен. При приближении конницы жители Чембало, бросив всё, бежали в горы, а татары сожгли возведенные к тому времени оборонительные сооружения. Эти полулегендарные сведения, сообщаемые итальянским писателем конца XVIII в. В. Формалеони (Formaleoni 1789: cap. XXI), вполне подтвердились в ходе современного археологического изучения памятника (Адаксина, Кирилко, Мыц 2005: 32—35). Поэтому можно только предполагать, что летом 1345 г., наряду с Чембало, от нападения татар мог в какой-то степени пострадать и Херсон, где в то время находилась генуэзская торговая фактория и католическая епископия.

истории Золотой Орды. А под «арабскими летописцами», оставившими довольно противоречивые известия, — Ибн Дукмака, Ибн ал-Фората, ал-Макризи, Ибн Шохбу ал-Асади и Ибн Хаджара ал-Аскалани. Хотя, как это видно из представленного выше текста, А.Г. Герцен отдает предпочтение известному ориенталисту-историку XIX в. В.Д. Смирнову и одному из арабских летописцев — ал-Аскалани.

Более подробно свидетельства арабских авторов рассмотрим несколько ниже, а сейчас только замечу, что на основании их сообщений невозможно столь точно установить хронологию развития «событий» 1395 г., как это делает А.Г. Герцен [10]. Дело в том, что арабские летописцы, хотя и по-разному, но называют просто время возвращения посольства во главе с Тулуменом Алишахом ко двору султана Эззахыра: 18 сентября (ал-Макризи), 18 ноября (ал-Форат) и 17 сентября — 16 октября (ал-Асади) 1395 г. (Тизенгаузен 1884: 362, 442, 448; Золотая Орда в источниках 2003: 168, 197, 201). Вполне вероятно, что Тулумен Алишах попал в Крым (Солхат), а затем в Каффу, летом 1395 г.[11] Но всё-таки трудно понять логику хронологических расчётов А.Г. Герцена, так как на этом основании невозможно сделать вывод, что именно «в сентябре 1395 г. войско Тимура вторглось на полуостров, захватило город Крым и после 18-дневной осады взяло Кафу», сославшись при этом на ал-Аскалани, который (из всех арабских писателей) о событиях 1395 г. имел самые смутные представления, т.к. указывает только год — «797 г.х.» (27 октября 1394—15 октября 1395 г.) (об этом см. ниже).

Фраза относительно развития сценария рейда «орды Ногая» 1299 г., «вначале обрушившейся на Солхат, Кафу, Судак, *а затем пронесшейся, разоряя все на своем пути* (выделено мной — *В.М.*), до Сары-Кермена», очевидно, более достойна применения в краеведческой научно-популярной брошюре, рассчитанной на непосвященного и эмоционально восприимчивого читателя. Зимний поход 1298/99 гг. Ногая в Крым — тема отдельного разговора. А сейчас только отмечу, что мятежный беклярибек Токты не «обрушался» на Каффу, так как всегда покровительствовал генуэзцам. Длительный альянс Ногая с генуэзцами не остался незамеченным для Токты, и он, после «улаживания» государственных дел (полного подавления и уничтожения «партии» сепаратистов), в октябре 1307 г. осадил Каффу. Её защитники (600 человек — генуэзцев и греков) через 8 месяцев (20 мая 1308 г.) вынуждены были, сев на корабли, покинуть подожжённый ими город. Вернуться вновь на полуостров генуэзцы смогли только после смерти Токты и воцарения Узбека. А в 1298—1299 гг. генуэзцы были заняты войной с Венецией. Каффа в 1296 г. подвергалась нападению венецианского флота, а не нашествию «орды Ногая» в 1298/99 г. Карательная экспедиция Ногая, предпринятая им в конце 1298 г., проходила в обстановке гражданской войны, начавшейся между ханом Токтой и беклярибеком. Причем сепаратистские устремления Ногая не получили полной поддержки со стороны населения городов Таврики. Это и послужило основной причиной (поводом явилось убийство «в Кафе», а на самом деле в Солхате, внука Ногая Актаджи) организации похода для приведения к покорности населения полуострова. Рукн-ад-Дин Бейбарс (умер 4 сентября 1325 г.) — единственный из арабских историков, оставивший нам описание похода Ногая в Таврику. Но он явно не имел ясного представления о географии происходивших в далёком Крыму событий 1298/99 гг., называя местом убийства Актаджи Каффу, а не Солхат (Крым)[12].

---

[10] Известные в письменных источниках расчеты времени передвижения между городами и реками на территории Улуса Джучи сделаны для купеческих караванов, а не для передвижения войск (см., например, сообщение ал-Омари (Тизенгаузен 1884: 236—237; Золотая Орда в источниках 2003: 106)). Всадники перемещались намного быстрее и могли преодолевать в день от 60 до 100 км.

[11] В недавно вышедшей работе «Христианская община Мангупа под властью турок» А.Г. Герцен, не давая при этом каких-либо дополнительных пояснений, что именно повлияло на изменение хронологии событий, относит захват и разрушение Феодоро войсками Тимура к более раннему времени, так как «Последствия этого наблюдал иеромонах Матфей летом 1395 г.» (Герцен 2006: 27).

[12] В.Г. Тизенгаузен в переводе неверно заполнил одну из лакун в последнем предложении, указывающую на место действия, поставив вместо города Крым город Каффу. Вместе с двумя приписками, помещёнными В.Г. Тизенгаузеном в примечаниях (№ 17 и 18), текст главы, названной в «Летописи Бейбарса» «Об умерщвлении Актаджи, сына дочери Ногая, в Кафе (Крыму — *В.М.*)» будет выглядеть следующим образом: «В 698 году /9 октября 1298—27 сентября 1299 г./ было убито в городе Кафе (г. Крым — *В.М.*) упомянутое лицо, вследствие того, что дед его Ногай, поразив Токту, овладел областями /его/ и послал сына дочери своей в земли Крымские, чтобы собрать подати, наложенные на жителей его || (прим. 17) потому что он /Токта/ (Ногай — *В.М.*) подарил ему /Ногаю?/ (Актаджи — *В.М.*) его /Крым/; тот /Актаджи/ отправился туда, и вместе с тем (с ним — *В.М.*) эмир по имени Эльтабрас, сын

К сюжету, связанному с разрушением Солхата войсками Тимура в 1395 г., М. Г. Крамаровский более подробно обращается в статье «Джучиды и Крым: XIII—XV вв.» (Золотая Орда в источниках 2003: 506—525): «Видимо, *правление Таш-Тимура продлилось до прихода в Крым отрядов Тимура сразу же после победы на Тереке в 1395 г.* (выделено мной — *В. М.*): Ибн Дукмак и Ибн ал-Форат, заимствовавший свои сведения у Ибн Дукмака, говорят о 18-дневной осаде отрядами Тимура Каффы (Тизенгаузен 1884: 330, 364), а Шериф ад-дин Езди — о сожжении Азова» (Тизенгаузен 1941: 180). Затем исследователем, со ссылкой на работу 1844 г. некоего «В. Малиновского» (на самом деле автором опубликованной в ЗООИД рецензии на книгу польского исследователя А. Пржздецкого был В. Линовский) высказывается предположение: «Весьма вероятно, что *наместником Солхата в период тимуровских потрясений был второй сын Кутлубуги Синан* (Dominus Sinan, Filius Chotiubei)» (Крамаровский 2003: 521).

Как видим, М. Г. Крамаровский не может определить, кто же на самом деле являлся наместником Солхата «в период тимуровских потрясений» — Таш-Тимур или Синан? Но имеющиеся источники вполне определенно указывают на то, что сын Кутлубуги Синан в 1394 и 1398 гг. выполнял дипломатические миссии, являясь, по-видимому, послом Тохтамыша к Витовту. Чингизида Таш-Тимур-оглана мы встречаем в 1391 г. в составе армии Тохтамыша в «местности Кундурче» (Золотая Орда в источниках 2003: 348). В апреле 1395 г., перед сражением на Тереке, среди знатных лиц правого крыла Улуса Джучи, упомянут и Таш-Тимур-оглан. При этом ни в одном из сражений не отмечено участие Синана. Таким образом, вопрос о наместнике Солхата в первой половине 90-х гг. XIV в. должен быть, видимо, решён в пользу Таш-Тимура. Причём именно ему историографическая традиция, без каких-либо убедительных доказательств, незаслуженно навязывает роль противника Тохтамыша. Это опровергает не только участие Таш-Тимура вместе с Тохтамышем в двух сражениях с Тимуром, но также и специально организованное Тимуром преследование эмиром Османом, отступающих к Днепру Таш-Тимура и Актау.

Затем М. Г. Крамаровским делается лаконичное и точное замечание, что «Едва ли не все сведения арабских источников о тимуровском погроме в Крыму восходят к сообщениям египетского посла к Тохтамышу эмира Тулумена Алишаха, согласовавшего было вопрос о не состоявшемся военном союзе против Тимура. Тот же Ибн ал-Форат, после передачи известия о тимуровской кампании в Крыму, очень скупо сообщает, что уже в 1396 г. войска Тохтамыша снова осаждают генуэзскую Каффу» (Крамаровский 2003: 521).

Весь сюжет, посвящённый пребыванию войск Тимура в 1395 г. на территории полуострова, М. Г. Крамаровский завершает: «*Солхат-Крым, пострадавший еще в тимуровскую кампанию*, весь двадцатилетний период властвования Едигея так и не вышел из состояния стагнации (по свидетельству Иоанна де Галонифонтибуса, в начале XV в. (1404 г. — *В. М.*) большая часть города все еще лежала в развалинах)» (Крамаровский 2003: 522).

Как видим, исследователь не приводит каких-либо доказательств из материалов мно-

---

Касра (?), да войско приблизительно в 4000 всадников||. Тот пришел в Кафу, а это город /принадлежащий/ Генуэзским Франкам, между Стамбулом и между Крымом, и потребовал от её жителей денег. Они угостили его, поднесли ему кое-что для еды и вино для питья. Он поел да выпил вино, и одолело его опьянение. Тогда они /жители/ напали на него и убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногая, деда его, который отправил в Крым огромное войско || (прим. 18) в обществе Маджи, одного из эмиров ||. Оно ограбило его /город Кафу/ (Крым — *В. М.*), сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен находившихся в нём купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман (Херсон — *В. М.*), Кырк-Иери (т. е. Чуфут-Кале), Керчь и другие» (Тизенгаузен 1884: 111—112; Золотая Орда в источниках 2003: 61).

Если принять во внимание явную ошибку «Летописи Бейбарса», связанную с заменой в тексте города Крым — столицы провинции одного из улусов государства Джучи, на генуэзскую Каффу, то получится вполне логичный и информационный сюжет: «Об умерщвлении Актаджи, сына дочери Ногая, в [Крыму]». «В 698 г. х. было убито в городе [Крым] упомянутое лицо, вследствие того, что дед его Ногай, поразив Токту, овладел областями /его/ и послал сына дочери своей в земли Крымские, чтобы собрать подати, наложенные на жителей его, потому что он [Ногай] подарил ему [Актаджи] его /Крым/; тот/Актаджи/отправился туда, и вместе [с ним] эмир по имени Эльтабрас, сын Касра (?), да войско приблизительно в 4000 всадников. Тот пришёл в [Крым] […] и потребовал от [его] жителей денег. Они угостили его, поднесли ему кое-что из еды и вино для питья. Он поел да выпил вино, и одолело его опьянение. Тогда они /жители/ напали на него и убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногая, деда его, который отправил в Крым огромное войско в обществе (во главе, в сопровождении? — *В. М.*) Маджи, одного из эмиров. Оно ограбило его /город/ [Крым], сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен находившихся в нем купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман, Кырк-Иери, Керчь и другие».

голетних раскопок памятника, а опирается исключительно (в собственной интерпретации) на «свидетельства» письменных источников. Например, тот же Иоанн де Галонифонтибус прямо не говорит о том, что причиной запустения Солхата, большая часть которого и в его время «лежала в развалинах», явилось именно нашествие войск Тимура (Галофонтибус Иоанн де 1980: 14).

Если бы М.Г. Крамаровский более внимательно прочитал извлечения из сочинения Шереф-ад-дина Езди «Книга побед», то заметил бы, что после разгрома на Тереке, преследуемые эмиром Османом *«Баш-Тимур-оглан и Актау бежали и, переправившись через реку Узи, вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами. Там положение их стало хуже, чем от грабежа и плена, и оттуда туман Актау, ища [спасения] в бегстве, ушёл в Рум и поселился на равнине Иераяка, где находится и до сих пор. Повернув от реки Узи, Тимур счастливо направился на русских»* (Золотая Орда в источниках 2003: 357—358). Сторожевым отрядом Тимура командовал эмир Осман, который *«в местности Манкерман ограбил Бек-Ярык-оглана»* (Золотая Орда в источниках 2003: 357).

Увлекшись грабежами, преследователи упустили Таш-Тимура и Актау, дав им и их людям возможность переправиться через Днепр. Зная о том, что в Крыму нет тумена Актау и Таш-Тимура, эмир Осман пошёл на север, а не на юг. Таким образом, в 1395 г. Солхат, как и весь улус, опустел не от мнимого нашествия войск Тимура, а потому, что вместе с Актау и Таш-Тимуром из Крыма ушло и подвластное им население.

Большинство исследователей, касаясь заключительного этапа войны Тимура с Тохтамышем в 1395/96 гг. и её последствий для Крыма, обычно ограничивались ссылками на очень близкие по содержанию сообщения «Летописей» Ибн Дукмака, Ибн ал-Фората, ал-Макризи, Ибн Шохбы ал-Асади и Ибн Хаджар ал-Аскалани (Золотая Орда в источниках 2003: 154, 168 197, 201, 204). При этом сами источники крайне редко цитировались, а в большинстве случаев сразу предлагалась интерпретация «известных событий». Наиболее полное отражение комплекса разнообразных письменных источников (сообщений арабских и персидских авторов, русских летописей и польских хроник), повествующих о войне 1395 г. между Тохтамышем и Тимуром, её политических и экономических последствий для Улуса Джучи, можно найти не у В.Д. Смирнова, которого так любят цитировать исследователи средневекового Крыма, а у А.Ю. Якубовского (Греков, Якубовский 1998: 249—296).

В.Д. Смирнов, работая над «Историей Крымского ханства» во второй половине 80-х гг. XIX в., имел в своём распоряжение не только изданный в 1884 г. первый том В.Г. Тизенгаузена, содержащий *«извлечения из арабских авторов»*, *но и отдельные фрагменты из сочинений персидских историографов. Причём сам В.Д. Смирнов весьма скептично относился к достоверности сведений, сообщаемых арабскими летописцами о событиях в Орде и допускаемой ими «хронологической путанице, бывшей последствием недостаточности сведений о происходившем в Деште-Кыпчаке и в Крыме…»* (Смирнов 2005: 144). Поэтому, касаясь последствий войны 1395 г., он писал: «Некоторые из арабских историков сообщают при этом, что разбитый Тохтамыш бежал в земли русские, а Тимур-Ленк овладел Крымом, 18 дней осаждал Кафу, взял ее и разорил». Далее исследователь, со ссылкой на Ф.К. Бруна, заключает: «Но они ошибаются в этом случае: *предание о том, что Тимур-Ленк, сражаясь с Тохтамышем, лично проникал в Крым, признано теперь неверным*» (Брун 1879: 232). Возможность ошибки со стороны арабов по части сведений о судьбе Тохтамыша явствует из самого разночтения их между собой. Ибн-Хальдун, например, прямо сознается, что «затихли известия о нем (о Тимур-Ленке) на некоторое время, но потом, в 797 = 1394—1395 году, пришло известие, что султан Тимур одержал победу над Тохтамышем, убил его и завладел всеми землями его»; тогда как положительно известно, что Тохтамыш окончательно был поражен в 1399 году… У другого араба, Эль-Аскалани, вышел такой курьез: в 798 = 1395—1396 году, говорит он, «был убит тюрк Токтамыш-хан, владетель земли Дештской, после поражения его Ленком; убил его один из татарских эмиров, по имени Темир-Кутлу», а в следующем, 799 = 1396—1397 году, будто бы «произошло великое сражение между (убитым-то) Тохтамыш-ханом, владетелем земли Дештской, и между генуэзскими франками» (Смирнов 2005: 143).

В.Д. Смирнов, по-видимому, был первым, кто привлёк и свидетельства османских историков, также повествующих о событиях 1395/96 гг. Особую популярность среди исследователей средневекового Крыма (см., например, работы А.Л. Якобсона и А.Г. Герцена) получил турецкий историк середины XVII в. Печеви. Ссылаясь на Алты-Пармака и вторично коснувшись вторжения Тимура

во владения татарские», Печеви повествует так: «Урус-хан стал было ханом; но против него выступил Тохтамыш-хан. Тот был прогнан и, нашед прибежище у Тимур-Ленка, был причиною нашествия Тимура на Дэшти-Кыпчак. *Два или три раза он приходил с несметными войсками в Дэшт и Крым*, и эти населённые владения, попранные копытами скотов грабительского войска татарского, сравнялись с землею…» (выделено мной — *В.М.*) (Смирнов 2005: 150). Как видим, Печеви в своём сообщении необычайно лаконичен и ничего нового и конкретного, кроме дополнительной эмоциональной нагрузки, не дает. В основе знаний Алты-Пармака о войнах между Тохтамышем и Тимуром явно лежат сведения арабских летописцев (отсюда, видимо, и количество «походов» Тимура «в Дешт и Крым»).

Но, вместо дальнейшего цитирования рассуждений классика исторической науки, предлагаю обратиться к самим источникам, чтобы дать возможность читателю составить собственное мнение о характере и степени достоверности их повествования.

Например, в летописи Ибн Дукмака, озаглавленной «Драгоценная жемчужина в жизнеописании халифов и султанов» (Тизенгаузен 1884: 315; Золотая Орда в источниках 2003: 150), события войны между Тимуром и Тохтамышем в 1395 г. освещены следующим образом: «В 797 году [27 октября 1394—15 октября 1395 г.] произошло сражение между Тимурленком и Тохтамышханом; окончилось оно поражением Тохтамышхана, который после поражения своего бежал в землю Русских; всё [это произошло] во время пребывания [в Типчаке] гонца султана [Египетского] Эльмелик-Эззахыра, т. е. эмира Тулумен-Алишаха. Услышав о поражении [Тохтамыша], он уехал из Сарая и прибыл [сперва] в Крым [т. е. Солгат], потом *в Кафу, владетель которой* не позволил ему отправиться [в Египет] до тех пор, пока не *взял с него 50 000 дирхемов*. Тогда он разрешил ему [отъезд] и отправил его да ходжу Измаила, и бывших с ними двух лиц в Самсум. Здесь они оставались до тех пор, *пока подтвердились у них известия о том, что Тимурленк овладел Крымом, 18 дней осаждал Кафу, взял и ограбил её*. В это время прибыли упомянутые лица в Египетские земли и рассказали об этом [султану]» (выделено мной — *В.М.*) (Тизенгаузен 1884: 329—330; Золотая Орда в источниках 2003: 154).

У Ибн ал-Фората (1334/35—1404/5) (Тизенгаузен 1884: 351; Золотая Орда в источниках 2003: 164) в «Летописи царств и царей», содержащей сведения за 1107—1397 гг., читаем: «В четверг, 23 джумадиэльэввеля 796 года [26 марта 1394 г.] прибыли в Дамаск богохранимый послы Тохтамышхана, вступившего на престол Узбек хана в странах Кипчакских. Султан Эззахыр пригласил их к себе, и они поднесли ему привет и послание его [Тохтамыша], содержавшее просьбу, чтобы султан и он были одной рукою на мятежника-злодея Тимурленка.

В субботу, 2 дзульхиддже 797 года [18 ноября 1395 г.] явился к высочайшему двору эмир Тулумен Алишах, который ездил послом к царю Токтамышхану, вместе с ходжей Меджеддином Исмаилом. Он сообщил султану Эззахыру, что был у Тохтамышхана и что он обещал ему всего лучшего. В это самое время пришло известие, что Тимурленк идёт на него [Тохтамыша]. Тогда он [Тохтамыш] отправился [в поход] и двинулся со своими войсками, [но] ему изменил один из его приближенных и перешёл к Тимурленку. Затем они встретились и бились три дня. Тохтамыш был разбит и бежал в земли Русских. Во всё это время Тулу[мен] находился в Сарае. Когда пришло известие о поражении [Тохтамыша], то он [Тулумен] уехал и направился в Крым, а оттуда в Кафу. *Владетель* её [*Кафы*] *не разрешил проезда ему и бывшим с ним, но он* [*Тулумен*] *дал ему 50000 дирхемов*, и он [владетель Кафы] дозволил ему [уехать]. Тогда он [Тулумен], ходжа Исмаил и бывшие с ним переправились в Самсуни пробыли в Самсуне до тех пор, когда *пришли известия, что Тимурленк овладел Крымом, осаждал Кафу 18 дней, взял её и разорил*. Затем эмир Тулу[мен], ходжа Исмаил и бывшие с ними явились к высочайшему двору и сообщили об этом.

В субботу, 16 джумадиэлахыра 799 года [17 марта 1397 г.] к высочайшему двору, в Мыср богохранимый, пришло известие, что кан *Тохтамышхан*, государь стран «Северные степи», сидевший на престоле Беркехана в землях Кипчакских, собрал войска и *пошёл на владетеля города Кафы*, лежащей на берегу Крыма [и] принадлежащей Генуэзским Франкам, что *между ними произошло сражение и что кан Тохтамышхан приступил к осаде её*» (выделено мной — *В.М.*) (Тизенгаузен 1884: 363—364; Золотая Орда в источниках 2003: 168).

Близкую, но более краткую версию излагает и Абулаббас Ахмед Таки ад-Дин ал-Макризи (род. в 766 г. х. [28 сентября 1364—17 сентября 1365 г.], а умер в 845 г. х. [22 мая 1441—11 мая 1442 г.]) в «Книге путей для познания династий царских» (Тизенгаузен 1884: 417; Золотая Орда в ис-

точниках 2003: 190): «В субботу, 2 дзульхидджа 797 г. [18 сентября 1395 г.], прибыл эмир Тулумен Алишах, ездивший к Тохтамышхану, [и сообщил], что после того, как он согласился с ним [Тохтамышем] воевать против Тимура, Тимур выступил в поход против него [Тохтамыша], что последний пошёл на него и бился с ним 3 дня, но был разбит Тимуром и ушёл в землю Русских. Тогда *Тулумен* выехал из Сарая в Крым и *отправился в Кафу, правитель которой захватил его, чтобы этим снискать расположение Тимура* [*и держал его у себя*], *пока не взял с него 50000 дирхемов. Тимур же занял Крым и Кафу и разорил её*» (выделено мной — *В.М.*) (Тизенгаузен 1884: 442; Золотая Орда в источниках 2003: 197).

Менее всех последователен и противоречив в своём сообщении («Извещение неразумных о детях века») Ибн Хаджар ал-Аскалани (23.02.1374—22.02.1449) (Тизенгаузен 1884: 449; Золотая Орда в источниках 2003: 203): «В 797 году [27 октября 1394 — 15 октября 1395 г.] между Тохтамышханом и Тимурленком произошли сражения, в которых победа осталась за Тимурленком. Он отправил сына своего в Гилян и овладел им. Тохтамышхан бежал в землю русских. *Потом он* [*Тимур*] *направился в Крым и овладел им, затем в Кафу, которую он также взял и разорил*. Прибыли [в Египет] с этим известием послы Эльмелик-Эззахыра, которых он посылал к Тохтамышхану в дзульхиддже; старший из них назывался Тулу. Они сообщили, что Тохтамышхан напал на Ленка вскоре после ухода от него, что часть приверженцев Тохтамыша покинула его, что он был разбит, что Тулу бежал [сначала] в Сарай, потом направился в Крым, а затем в Кафу и [оттуда] в Самсун, и что *до них дошло известие, что Ленк овладел Крымом, обложил Кафу, осадил её и завладел ею*. Тулу же употребил все средства, чтобы прибыть в Каир.

В этом же году произошло сражение между Тохтамышем и Тимурленком; битва продолжалась три дня. Потом Тохтамыш был разбит и ушёл в землю Русских. *Тимурленк* [*же*] *овладел Крымом, 18 дней осаждал Кафу, потом занял и разорил её.*

Об умерших *в 798 г.* [16 октября 1395 — 4 октября 1396 г.]. В этом (?) году *был убит Тюрк Тохтамышхан*, владетель земли Дештской после поражения его Ленком. Убил его один из Татарских эмиров по имени Темиркутлу.

В 799 г. [5 октября 1396 — 23 сентября 1397 г.*] произошло великое сражение между Тохтамышханом*, владетелем земли Дештской, *и между Генуэзскими Франками*» (выделено мной — *В.М.*)» (Тизенгаузен 1884: 204; Золотая Орда в источниках 2003: 204).

Несколько иначе об этом сказано в летописи «Извещения по истории людей ислама» главного кадия Дамаска Ибн Шохбы ал-Асади (1377—1446/1448 гг.) (Тизенгаузен 1884: 443; Золотая Орда в источниках 2003: 200), который вовсе не упоминает о захвате и разорении Каффы войсками Тимура: «В дзульхиддже 797 года [17 сентября — 16 октября 1395 г.] прибыл в Египет Эмир Тулумен Алишах, ездивший к царю Тохтамышхану. Он сообщил султану, что виделся с Тохтамышем, и что последний обещал ему всего лучшего; в это самое время дошло до него [Тохтамыша] известие, что Тимурленк идёт на него, и он [Тохтамыш], сев на коня, двинулся в поход со своими войсками, но один из эмиров его изменил ему и ушёл к Тимурленку. Потом они встретились и бились три дня. Тохтамышхан был разбит и бежал в земли Русских. Всё это время Тулу[мен] находился в Сарае, но когда до него дошло известие о поражении [Тохтамыша], то он *отправился* [*сперва*] *в Крым*, а потом в разные стороны, пока до него не дошло известие, что *Тимурленк овладел Крымом*. Тогда Тулу[мен] направился в Египет и сообщил об этом [султану]» (Тизенгаузен 1884: 448; Золотая Орда в источниках 2003: 201).

Все арабские источники явно следуют в русле единого протографа, которым, вероятнее всего, являлось официальное сообщение о посольстве эмира Тулумена Алишаха, отправленного египетским султаном Эльмелик-Эззахыром к Тохтамышу для обсуждения совместных действий против Тимура. При всей подкупающей эпиграфической лаконичности и «конкретике фактов», данная версия содержит откровенно тенденциозные и ошибочные сведения об осаде и разорении Тимуром золотоордынского Крыма (Солхата) и генуэзской Каффы (Ибн ал-Форат, ал-Макризи, Ибн Хаджар ал-Аскалани). Весьма симптоматично, что они не подтверждаются как латинскими и армянскими документами того времени, так и данными археологических исследований этих городов. Ни сам Тулумен Алишах, ни сопровождавшие его лица не были свидетелями захвата Тимуром Крыма, осады и разорения Каффы, т.е. их сообщения основываются только на слухах («полученных известиях»).

Ещё более настораживает и вызывает недоверие к свидетельствам арабских летописцев (Ибн-Дукмака, Ибн ал-Фората, ал-Макризи), сообщение о баснословной взятке

в 50000 дирхемов, якобы данной Тулуменом Алишахом «владетелю Кафы». Очевидно, что о получении такой суммы «за проезд» египетского посольства не подозревал и сам консул Каффы 1395 г. Элиано Чентурионе (Eliano Centurione) (Balard 1978: 903).

Иначе представляют ход событий и последствия войны между Тимуром и Тохтамышем в 1395/96 гг. писатели, близкие к правителю Самарканда. Так, у Ибн Арабшаха, в его сочинении «Чудеса преодоления в судьбах Тимура» (1388—1450) (Тизенгаузен 1884: 455; Золотая Орда в источниках 2003: 205), посещавшего в свое время и Крым (Солхат), в рассказе о перипетиях кампании 1395 г. кратко отмечено, что «*Передовые войска* его [*Тимура*] *дошли до Азака*, и он разрушил Сарай, Сарайчук, Хаджитархан и [все] эти края…» (выделено мной — *В.М.*) (Золотая Орда в источниках 2003: 211).

Получивший известность благодаря своей пышной риторике (из-за чего Тимур забраковал его труд) Гийассаддин Али в сочинении «Дневник похода Тимура в Индию» удивительно лаконичен в описании событий 1395/96 г.: «Последовал приказ отправиться на границы Дашт-и-Кипчака и в другие области Туктамыш-хана от Сарая и Астрахани до Крыма и земель франков. И [вся] эта беспредельная страна была очищена от сопротивления противников [его величества] и освобождена от смуты [его] недругов» (Гийассаддин Али 1958: 57). На основании данного автора невозможно прийти к заключению, что Тимуром был завоеван Крымский улус и земли франков.

Более подробно действия войск Тимура в 1395/96 гг. на территории Золотой Орды описаны в сочинении персидского автора Низам-ад-дина Шами в «Книге побед», который в 1401/1402 г., по личному поручению Тимура, приступил к составлению истории его царствования[13]: «Преследуя правое крыло войска врагов в сторону реки Узи, Тимур снова повёл войско в набег (илгар) и, дойдя до реки Манкерман в стороне реки Узи, разграбил область Бек-Ярыка и всё хозяйство их, кроме немногих, которые спаслись. *Таш-Тимур-оглан и Атаку* (Актау — *В.М.*) *ушли в сторону врага и достигли местности Уйматай. Повернув обратно от реки Узи, войско, которому повинуется мир, настигло Бек-Ярыка и, прижав к реке Тан, стеснило и обессилело его…* Мирза Мираншах, сделав набег на врагов, вернулся со стороны Азака. *Тимур, дойдя до крепости Азак, взял всю ту область и сжег их дома. Выделив мусульман тех областей, он отпустил их, а неверных тех областей всех предал смерти…* (выделено мной — *В.М.*)» (Золотая Орда в источниках 2003: 307).

Ещё один персидский автор, Шериф-ал-дин Йезди (умер в 1454 г.), в своём сочинении, также названном «Зафар-наме» («Книга побед», закончена в 1424/25 г. в Ширазе)[14] наиболее детально описывает западный поход Тимура в Дешт-и-Кипчак после разгрома Тохтамыша в 1395 г.: «Направляясь против правого крыла улуса Джучихана, он *двинулся в ту беспредельную степь к реке Узи и в сторожевой отряд назначил эмира Османа*, который, взяв проводников, отважно отправился в путь. *Дойдя до реки Узи*, он в местности Манкерман ограбил Бек-Ярык-оглана и некоторых из находившихся там людей улуса узбекского и большую часть их покорил, так что лишь немногие, и то с одной лошадью, смогли спастить. *Баш-Тимур-оглан* (Таш-Тимур-оглан — *В.М.*) *и Актау бежали и, переправившись через реку Узи, вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами.* Там положение их стало хуже, чем от грабежа и плена, и *оттуда туман Актау, ища* [*спасения*] *в бегстве, ушёл в Рум и поселился на равнине Иераяка* (Исакчи в Добрудже? — *В.М.*), *где находится и до сих пор. Повернув от реки Узи, Тимур счастливо направился на русских.* Подобные небосводу войска на берегу реки Тана еще раз окружили Бек-Ярыка; спереди у него оказалась река-кровопийца, сзади отважное войско. Дойдя до Карасу (г. Елец — *В.М.*), одного из городов русских, они разграбили весь город внутри и снаружи. Бек-Ярык-оглан дошёл до полного изнеможения и бессилия… Мирза Мираншах, Джеганшах-бахадур и другие эмиры — темники и тысячники повернули назад, со своими воинами вторично произвели набег на правое крыло Джучиева улуса и, придя туда, уничтожили Бек-ходху и других эмиров со всем улусом онкол [правой руки], убивая, забирая в плен и разоряя. Города Сарай и Урусчук они также ограбили и весь улус и области подчинили своей власти… Тимур двинулся на Москву, которая также один из городов русских. Прибыв туда, победоносное войско [его] также опустошило всю ту область, вне города, разбило и уничтожило

[13] Подробнее об авторе и истории написания его книги см.: Золотая Орда в источниках 2003: 307.

[14] Более подробно об авторе и его книге см. в прим.: Золотая Орда в источниках 2003: 367.

всех эмиров тамошних… Могущественный Тимур, взяв проводника, отправился оттуда в Бальчимкин. Когда он достиг крепости Азака, мирза Мираншах с бывшим при нём войском, пройдя по берегу реки Тан и ограбив неприятеля, присоединился там к царственному поезду. Последовал обязательный приказ, чтобы в Азаке мусульман отделили от прочих общин и отпустили, а всех неверных предали мечу джихада и, ограбив дома их, сожгли… Победоносное знамя выступило оттуда [из Азака] и двинулось к Кубани. Черкесы сожгли луга, которые находятся между Азаком и Кубанью…» (Золотая Орда в источниках 2003: 357—359).

Как видим, две представленные в письменных источниках версии похода Тимура, принципиально отличаются. В «египетской» версии, после бегства посольства из Сарая, фигурируют два крупнейших города, расположенных на территории полуострова — Крым (Солхат) и Каффа, якобы захваченные и разграбленные войсками эмира за «18 дней». В то же время в «самаркандской», наиболее близкой к Тимуру версии, «крымская» часть «похода» вообще не упоминается, а отмечено только движение войск эмира Османа, посланного в погоню за Таш-Тимур-огланом и Актау, до реки Узи (т.е. Днепра). Случайно ли это различие?

До настоящего времени, путём искусственного и недостаточно критичного объединения обеих существующих версий, выстраивалась «реконструкция всего похода» 1395/96 гг. Тимура в Юго-Западных владениях Золотой Орды. Вероятнее всего, «египетская» версия была создана для оправдания Тулуменом Алишахом и его спутниками (перед общественным мнением) своих дипломатических неудач, поспешности бегства из городов Крыма (Солхата) и Каффы, а также понесенных затрат (но не в 50 000 дирхемов), которые можно было объяснить только непосредственной близостью смертельной опасности со стороны войск Тимура. Вместе с тем, совершенно очевидно, что историографы Тимура, описывая его поход, прекрасно зная о Крымском улусе Золотой Орды, не могли упустить из виду пребывание хотя бы части войска на полуострове, захват и разорение его столицы — Крыма (Солхата) и ещё одного крупнейшего города Причерноморья — генуэзской Каффы. Тем более, что об этом «эпизоде», как было отмечено выше, красноречиво умалчивают армянские и латинские письменные источники.

К тому же, несмотря на многолетние археологические исследования, ни на одном памятнике средневекового Крыма до сих пор так и не был обнаружен хотя бы один закрытый комплекс 1395 г. (конца XIV в.). Поэтому утверждения А.И. Романчук, А.Г. Герцена и М.Г. Крамаровского о том, что якобы в 1395 г. войсками Тимура (или его «креатуры» Идигея) оказались разрушены Херсон, Мангуп и Солхат-Крым, основаны на старой историографической традиции, а не на археологических материалах и комплексном изучении нарративных источников. После 1391 г. Идигу называть креатурой Тимура — некорректно, т.к. Идигу вместе с Кутлук-Тимуром, под предлогом «сбора своего народа», покинули ставку эмира на р. Кундурче и более к нему не возвращались. Сведения о них отсутствуют в источниках до 1397/8 г., когда Кутлук-Тимур и Идигу вступают в открытую борьбу с Тохтамышем за власть в Орде.

Таким образом, «крымский поход» Тимура в 1395 г. — является вымыслом историографов египетского султана. Столь же бездоказательны «сообщения» арабских летописцев об осадах и походах 1396—1397 гг. Идигу и Тохтамыша на Каффу. Старанным образом, но именно жители генуэзской фактории ни разу так и не заметили бурных военно-политических событий, якобы происходивших непосредственно под их стенами, когда город на протяжении трёх лет (1395—1397 гг.) «подвергался осадам», а один раз (1395 г.) даже был «захвачен» и «разорён».

Серия неудачных военных столкновений Тохтамыша с Тимуром (1387—1395 гг.) поставила Улус Джучи на грань катастрофы. Долгое время господствовавшая в историографии версия о походе войск Тимура в 1395 г. в Крым и о разгроме им важнейших городских центров полуострова (Солхата, Каффы, Феодоро и Херсона), основывалась исключительно на «слухах» и «известиях», доставленных дипломатической миссией Тулумена Алишаха ко двору египетского султана. Она не подтверждается независимыми персидскими источниками, а также какими-либо документами местного (крымского) происхождения. Кроме того, именно на территории этих средневековых городов, несмотря на многолетние археологические исследования, не выявлены закрытые комплексы 1395 г. Столь же бездоказательны фигурирующие в историографии «походы» Идигу и Тохтамыша на Каффу и «сражения с генуэзскими франками» 1396—1397 гг. Ещё более сомнительна военная акция Идигу на территории полуострова в 1399 г., так как она лишена каких-либо подтверждений со стороны источников.

Тохтамышу удалось временно восстановить свою власть в Орде и формально сохранить единство государства после поражения на Тереке в 1395 г. Однако уже в 1397/98 г. он, потерпев поражение от Кутлук-Тимура и Идигу, вынужден был бежать в Литву к Витовту и искать у него поддержку для возвращения на престол Улуса Джучи. Разгром Кутлук-Тимуром и Идигу в 1399 г. на р. Ворскле объединённого татаро-христианского войска явился заключительным аккордом в политической карьере Тохтамыша как государственного лидера.

Литература

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2005. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году*. Санкт-Петербург; Симферополь.

Айбабин А.И. 2003. Города и степи Крыма в XIII—XIV вв. по археологическим свидетельствам. *МАИЭТ* X, 277—306.

Байер Х.-Ф. 1995. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов. В: Могаричев Ю.М. (ред.). *Византия и средневековый Крым. АДСВ* 27, 65—76.

Байер Х.-Ф. 2001. *История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро*. Екатеринбург: УрГУ.

Белова-Кудь Л.Н. 1931. Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса в 1908—1912 гг. *ХСб* III, 141—215.

Бертье-Делагард А.Л. 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. *ИТУАК* 57, 1—135.

Бобринский А.А. 1905. *Херсонес Таврический. Исторический очерк*. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова.

Богданова Н.М. 1991. Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города. В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века* I. Москва: МГУ, 8—172.

Богданова Н.М. 1995. О методике использования археологических источников по истории византийского города. В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века* II. Москва: МГУ, 104—116.

Брун Ф.К. 1879. О поселениях итальянцев в Газарии. Топографические и исторические заметки. В: Брун Ф.К. *Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России* I. Одесса: Типография Г. Ульриха, 189—240.

Веймарн Е.В. 1953. Разведки оборонительных стен и некрополя. *МИА* 34, 419—429.

Веймарн Е.В. 1982. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища. *АДСВ* 19, 69—88.

Галофонтибус Иоанн де. 1980. *Сведения о народах Кавказа 1404 г.* Баку: Элм.

Герцен А.Г. 1990. Крепостной ансамбль Мангупа. *МАИЭТ* I, 87—166; 242—271 (илл.).

Герцен А.Г. 2001. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея. *АДСВ* 32, 257—282.

Герцен А.Г. 2003. Описание Мангупа — Феодоро в поэме иеромонаха Матфея. *МАИЭТ* X, 562—589.

Герцен А.Г. 2006. Христианская община Мангупа под властью турок. В: *Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готского»*. (7—10 июля 2005 г., пос. Партенит). Симферополь: Издательство Симферопольской и Крымской епархии, 22—40.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. 2005. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа. В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (отв. ред.). *Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв.* I. Сб. науч. трудов. Киев: Стилос, 257—287.

Герцен А.Г., Землякова Л.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. 2006. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп). *МАИЭТ* XII, 371—494.

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Черныш С.А. 2007. Археологические исследования Мангупа. В: *Археологические исследования в Крыму. 1995 год*. Симферополь: Сонат, 44—48.

Гийассаддин Али. 1958. *Дневник похода Тимура в Индию*. Москва: Издательство восточной литературы.

Гилевич А.М. 1971. Монеты из раскопок портового района в 1963—1964 гг. *АДСВ* 7, 62—80.

Гилевич А.М. 1973. Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса в 1965—1966 гг. *АДСВ* 9, 28—38.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1998. *Золотая Орда и ее падение*. Памятники русской исторической мысли. Москва: Богородский Печатник.

Золотая Орда в источниках 2003: *Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или Улуса Джучи)*. 2003. Т. 1. *Арабские и персидские сочинения*. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена. Храпачевский Р.П. (сост., ввод. ст., комм.). Исторические источники. Москва.

Коршенко А.Н. 1998. Находки скифатных монет на Мангупе. В: Потин В.М. (отв. ред.). *Шестая Всероссийская нумизматическая конференция*. Санкт-Петербург, 20—25 апреля 1998 г. Тезисы докладов. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 48—49.

Крамаровский М.Г. 1980. Клад серебряных платежных слитков из Старого Крыма и золотоордынские сумы. *СГЭ* XLV, 68—72.

Крамаровский М.Г. 1989. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв. В: *Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 141—157.

Крамаровский М.Г. 1991. Чаша со сценой пира из Солхата. В: *Древние памятники культуры на территории СССР*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 69—91.

Крамаровский М.Г. 2003. Джучиды и Крым: XIII—XV вв. *МАИЭТ* X, 506—532.

Крамаровский М.Г. 2004. Средневековая базилика на городище Солхата. В: Залесская В.Н. (ред.). *Византия в контексте мировой истории*. Материалы науч. конф., посвященной памяти А.В. Банк. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 68—76.

Малицкий Н.В. 1933. *Заметки по эпиграфике Мангупа*. *ИГАИМК* 71. Ленинград: ГАИМК.

Отчет 1897: Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича. 1897. *ОАК за 1895 г.* Санкт-Петербург, 91—132.

Романчук А.И. 1982. Материалы к истории Херсона XIV—XV вв. *АДСВ* 19, 89—114.

Романчук А.И. 1986. *Херсонес XII—XIV вв.: историческая топография*. Красноярск: Красноярский университет.

Романчук А.И. 1996. Заметки к истории Херсонеса XIV в. *ВВ* 56 (81), 298—304.

Романчук А.И. 1997. Херсон XIV в.: каким могли видеть свой город херсониты. В: Мещеряков В.Ф. (ред.). *Античный мир. Византия.* К 70-летию профессора В.И. Кадеева. Сборник научных трудов. Харьков: Бизнес Информ, 272—289.

Романчук А.И. 2000. *Очерки истории и археологии византийского Херсона*. Екатеринбург: УрГУ.

Романчук А.И. 2003. Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища (сочетание техники сграффито и шамплеве). *МАИЭТ* X, 261—276.

Романчук А.И. 2005. Находки глазурованной керамики поздневизантийского времени в Херсонесе: местное производство и импорт. В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Сборник науч. трудов. Киев: Стилос, 93—99.

Саргсян Т.Э. (рус. пер., предисл. и комм.). 2004. Армянские памятные записи XIV века о политической жизни в Крыму и строительной деятельности крымских армян. *Историческое наследие Крыма* 8. Симферополь: Новая эра, 148—157.

Сафаргалиев М.Г. 1996. Распад Золотой Орды. В: Павличенко С.В. (ред.). *На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X—XVI вв.).* Москва: ИНСАН.

Скржинская Е.Ч. 1953. Рец.: А.Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). Москва; Ленинград, 1950. *ВВ* 6 (31), 252—269.

Смирнов В.Д. 1887. *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века.* Санкт-Петербург: Университетская типография.

Смирнов В.Д. 2005. *Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты.* В 2 т. Т. I. *Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века.* Орешкова С.Ф. (отв. ред.). Москва: Рубежи XXI.

Тизенгаузен В.Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.* Т. 1. *Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Тизенгаузен В.Г. 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.* Т. II. *Извлечения из персидских сочинений*. Москва; Ленинград: АН СССР; Институт востоковедения.

Фадеева Т.М., Шапошников А.К. 2005. *Княжество Феодоро и его князья*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Якобсон А.Л. 1950. *Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)*. МИА 17. Москва; Ленинград: АН СССР.

Якобсон А.Л. 1959. К изучению позднесредневекового Херсонеса. *ХСб* V, 229—244.

Якобсон А.Л. 1964. *Средневековый Крым*. Москва; Ленинград: Наука.

Якобсон А.Л. 1973. *Крым в средние века*. Москва: Наука.

Acta 1860—1862: *Acta Patriarchatus Constantinopolitani MCCCV—MCCCCII*. 1860—1862. Miklosich F., Müller J. (eds.). Bd. I—II. Vindobonae: Bibliothecae Palatinae Vindobonensis.

Balard M. 1978. *La Romanie gènoise (XII — début du XV siècle)*: In 2 vol. Rome: École française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria.

Das Register 1981: *Das Register des Patriarchats von Konstantinopol* I. 1981. Ed. und Übers., des Urkunder aus den Jahren 1315—1331, Hunger H., Kresten O. (Hrsg.). Corpus Fontium Historiae Byzantinae 19 (1). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Formaleoni V. 1789. *Storia Filosofica, E Politica Della Navigazione, Del Commercio E Delle Colonie Degli Antichi Nel Mar Nero*. Vol. II. Venezia: Autore.

Vasiliev A.A. 1936. *The Goths in the Crimea.* Monographs of the Mediaeval Academy of America 11. Cambridge, Massachusetts.

References

Adaksina, S. B., Kirilko, V. P., Myts, V. L. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2004 godu* (*Report on Archaeological Research on the Medieval Fortress Cembalo (Balaclava) in 2004)*. Saint Petersburg; Simferopol (in Russian).

Aibabin, A. I. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* X, 277—306 (in Russian).

Bayer, H.-F. 1995. In *Vizantiia i srednevekovyi Krym. Antichnaia drevnost' i srednie veka (Byzantium and Medieval Crimea. Antiquity and Middle Ages)* 27, 65—76 (in Russian).

Bayer, H.-F. 2001. *Istoriia krymskikh gotov kak interpretatsiia Skazaniia Matfeia o gorode Feodoro (History of the Crimean Goths as an Interpretation of the Tale of Mathew on the City of Theodoro)*. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).

Belova-Kud, L. N. 1931. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos Compilation)* III, 141—215 (in Russian).

Bertier de la Gard, A. L. 1920. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Tauric Academic Archival Commission)* 57, 1—135 (in Russian).

Bobrinskiy, A. A. 1905. *Khersones Tavricheskii. Istoricheskii ocherk (Tauric Chersonese. Historical Essay)*. Saint Petersburg: "I.N. Skorokhodov" Publ. (in Russian).

Bogdanova, N. M. 1991. In *Prichernomor'e v srednie veka (Northern Pontic Region in Middle Ages)* I. Moscow: Moscow State University, 8—172 (in Russian).

Bogdanova, N. M. 1995. In *Prichernomor'e v srednie veka (Northern Pontic Region in Middle Ages)* II. Moscow: Moscow State University, 104—116 (in Russian).

Brun, F. K. 1879. In Brun F. K. *Chernomor'e. Sbornik issledovanii po istoricheskoi geografii Iuzhnoi Rossii (Northern Pontic Region. Collection of Studies on Historical Geography of Southern Russia)* I. Odessa: "Tipografiia G. Ul'rikha" Publ., 189—240 (in Russian).

Veimarn, E. V. 1953. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Researches in Archaeology)* 34, 419—429 (in Russian).

Veimarn, E. V. 1982. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 19, 69—88 (in Russian).

Galofontibus, Ioann de 1980. *Svedeniia o narodakh Kavkaza 1404 g. (Accounts on Peoples of the Caucasus in 1404)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Gertsen, A. G. 1990. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris)* I, 87—166; 242—271 (ill.) (in Russian).

Gertsen, A. G. 2001. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 32. Yekaterinburg, 262—279

Gertsen, A. G. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris)* X, 562—589 (in Russian).

Gertsen, A. G. 2006. In *Materialy Mezhdunarodnoi tserkovno-istoricheskoi konferentsii «Dukhovnoe nasledie Kryma» pamiati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotskogo» (Proceedings of the International Ecclesiastic Historical Conference on the Spiritual Legacy of the Crimea dedicated to the Memory of the Rev. John the Bishop of Gothia)*. Simferopol: Eparchy of Simferopol and Crimea, 22—40 (in Russian).

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E. 2005. In *Polivnaia keramika Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Northern Black Sea and Mediterranean Sea in 10th — 18th cc.)* I. Kiev: "Stilos" Publ., 257—287 (in Russian).

Gertsen, A. G., Zemliakova, L. Iu., Naumenko, V. E., Smokotina, A. V. 2006. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris)* XII, 371—494 (in Russian).

Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., Chernysh, S. A. 2007. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1995 god (Archaeological Research in Crimea in 1995)*. Simferopol: "Sonat" Publ., 44—48 (in Russian).

Ghiyath al-Din Ali. 1958. *Dnevnik pokhoda Timura v Indiiu (The Journal of Timur's Campaign in India)*. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).

Gilevich, A. M. 1971. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 7, 62—80 (in Russian).

Gilevich, A. M. 1973. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 9, 28—38 (in Russian).

Grekov, B. D., Iakubovskii, A. Iu. 1998. *Zolotaia Orda i ee padenie (The Golden Horde and Its Fall)*. Moscow: "Bogorodskii Pechatnik" Publ. (in Russian).

Zolotaia Orda v istochnikakh (materialy dlia istorii Zolotoi Ordy ili Ulusa Dzhuchi) (The Golden Horde in the Sources (Materials for the History of the Golden Horde or Jochi's Ulus)). 2003. Vol. 1. *Arabskie i persidskie sochineniia (Arab and Persian Writings)*. Istoricheskie istochniki (Historical Sources). Moscow (in Russian).

Korshenko, A. N. 1998. In *Shestaia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia. (VI All-Russian Numismatic Conference)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 48—49 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1980. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* XLV, 68—72 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1989. In *Itogi arkheologicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Findings of Archaeological Expeditions of the State Hermitage)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 141—157 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1991. In *Drevnie pamiatniki kul'tury na territorii SSSR (Ancient Cultural Sites on the USSR Territory)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 69—91 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris)* X, 506—532 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2004. In *Vizantiia v kontekste mirovoi istorii (Byzantium in the Context of the World History)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 68—76 (in Russian).

Malitskii, N. V. 1933. *Zametki po epigrafike Mangupa*. *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 71. Leningrad (in Russian).

Otchet zaveduiushchego raskopkami v Khersonese K. K. Kostsiushko-Valiuzhinicha. 1897. *Otchet arkheologicheskoi komissii za 1895 g. (Report of the Archaeological Comission from 1895)*. Saint Petersburg, 91—132 (in Russian).

Romanchuk, A. I. 1982. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 19, 89—114 (in Russian).

Romanchuk, A. I. 1986. *Khersones XII—XIV vv.: istoricheskaia topografiia (Chersonese in 12th—14th cc.: Historical Topography)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University (in Russian).

Romanchuk, A. I. 1996. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 56 (81), 298—304 (in Russian).

Romanchuk, A. I. 1997. In *Antichnyi mir. Vizantiia (Ancient World. Byzantium)*. Khar'kov: "Biznes Inform" Publ., 272—289 (in Russian).

Romanchuk, A. I. 2000. *Ocherki istorii i arkheologii vizantiiskogo Khersona (Essays on History and Archaeology of the Byzantine Cherson)*. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).

Romanchuk, A. I. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauris)* X, 261—276 (in Russian).

Romanchuk, A. I. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th — 18th Centuries)* I. Kiev: "Stilos" Publ., 93—99 (in Russian).

Sargsyan, T. E. (2004. In *Istoricheskoe nasledie Kryma (Historical Legacy of the Crimea)* 8. Simferopol: "Novaia era" Publ., 148—157 (in Russian).

Safargaliev, M. G. 1996. In *Na styke kontinentov i tsivilizatsii (iz opyta obrazovaniia i raspada imperii X—XVI vv.) (On the Joint of Continents and Civilizations (from experience of formation and fall of empires in 10th — 16th cc.))*. Moscow: "INSAN" Publ. (in Russian).

Skrzhinskaia, E. Ch. 1953. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 6 (31), 252—269 (in Russian).

Smirnov, V. D. 1887. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty do nachala XVIII veka (The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire before Early 18th c.)*. Saint Petersburg: "Universitetskaia tipografiia" Publ. (in Russian).

Smirnov, V. D. 2005. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty (The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire)* I. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty do nachala XVIII veka (The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire before Early 18th c.)*. Moscow: "Rubezhi XXI" Publ. (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (A Compilation of Materials on the History of the Golden Horde)* 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: The Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (A Compilation of Materials on the History of the Golden Horde)* II. *Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii (Excerpts from Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; Institute of Oriental Studies (in Russian).

Fadeeva, T. M., Shaposhnikov, A. K. 2005. *Kniazhestvo Feodoro i ego kniaz'ia (The Principality of Theodoro and Its Princes)*. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).

Jakobson, A. L. 1950. *Srednevekovyi Khersones (XII—XIV vv.) (The Medieval Chersonese (12th—14th cc.))*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Researches in Archaeology) 17. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Jakobson, A. L. 1959. In *Khersonesskii sbornik (Chersonesse Compilation)* V, 229—244 (in Russian).

Jakobson, A. L. 1964. *Srednevekovyi Krym (The Medieval Crimea)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Iakobson, A. L. 1973. *Krym v srednie veka (The Crimea in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Acta Patriarchatus Constantinopolitani MCCCV—MCCCCII. 1860—1862. Miklosich F., Müller J. (eds.). Bd. I—II. Vindobonae: Bibliothecae Palatinae Vindobonensis.

Balard, M. 1978. *La Romanie gènoise (XII — début du XV siècle)*: In 2 vol. Rome: École française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria.

Das Register des Patriarchats von Konstantinopol I. 1981. Ed. und Übers., des Urkunder aus den Jahren 1315—1331, Hunger H., Kresten O. (Hrsg.). Corpus Fontium Historiae Byzantinae 19 (1). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Formaleoni, V. 1789. *Storia Filosofica, E Politica Della Navigazione, Del Commercio E Delle Colonie Degli Antichi Nel Mar Nero*. Vol. II. Venezia: Autore.

Vasiliev, A. A. 1936. *The Goths in the Crimea*. Monographs of the Mediaeval Academy of America 11. Cambridge, Massachusetts.

И. Б. Тесленко

Irina Teslenko. Candidate of Historical Sciences. Crimea Branch of the Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine[1].

Тесленко Ирина Борисовна. Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: iryna_teslenko@hotmail.com

Address: [1] Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 95007, Crimea

Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV—XV вв.*

Keywords: Crimea, 14th—15th century, Medieval archaeological complexes, ceramic ware, pithos, Greek and Byzantine traditions.

Ключевые слова: Крым, XIV—XV вв., средневековые археологические комплексы, керамическая тара, пифос, греко-византийские традиции.

I. B. Teslenko

Pithoi from Archeological Complexes of the 14th—15th Centuries in the Crimea

Studies of 14th—15th cc. complexes on medieval sites in the Crimea (in its southern part mainly) documented presence of three groups of pithoi dated by different periods. The earliest of them were vessels of group I — locally produced thick red clay barrels. By the 15th c. they could have been in use for 500—600 years. One should not exclude possible early medieval traditions of manufacturing such vessels conserved in some regions of Taurica. Imported pithoi of group II became predominant later. They were produced and used for not more than 250—300 years. Further studies must be carried out to identify the region where vessels with such morphological characteristics originated from. The latest to appear were the so called wine jars of group III. They existed for not more than 150—180 years. Their detailed chronology and origin of forms require further investigation.

It should be mentioned that the Greek-Byzantine traditional manufacturing and use of pithoi were common in the Crimea in 14th—15th cc., and most of them seemed to have been used predominantly in wine-making. Relics of these traditions can be still marked in ethnography of peoples living in wine-making regions — Caucasus, Balkans, Pyrenees, etc. However, the Crimea lost these traditions after the Ottoman conquest.

И. Б. Тесленко

Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV—XV вв.

В результате исследований на средневековых памятниках Крыма (преимущественно в южной его части) в комплексах XIV—XV вв. удалось зафиксировать наличие трех разновременных групп пифосов. Самыми ранними являются сосуды группы I — толстостенные красноглиняные бочки местного производства. Период их использования в XV в. мог достигать уже 500—600 лет. Не следует исключать возможность сохранения раннесредневековых традиций изготовления таких сосудов в отдельных регионах Таврики. Позже распространяются преимущественно импортные пифосы группы II. Они изготовлялись и использовались на протяжении не более 250—300 лет. Предстоит выяснить, в каком регионе впервые появляются сосуды с подобными морфологическими характеристиками. Наиболее поздними являются «винные кувшины» группы III. Период их бытования не превышает 150—180 лет. Детальную хронологию и происхождение форм сосудов еще предстоит установить.

Следует отметить, что в Крыму в XIV—XV вв. полностью сохранялись греко-византийские традиции изготовления и использования пифосов, основная масса которых служила, скорее всего, для виноделия. Остатки этих традиций до сих пор фиксируются в этнографии народов винодельческих регионов — Кавказа, Балкан, Пиренеев и др. Однако в Крыму эти традиции были утрачены после османского завоевания.

* В работе использованы материалы раскопок на территории замка Фуна и крепости Алустон, проводившихся экспедициями Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР, Крымского филиала Института археологии НАНУ под руководством В. Л. Мыца (1982—1994), В. П. Кирилко (1995), при участии археологической экспедиции Государственного Эрмитажа РФ под руководством С. Б. Адаксиной (1990—1993). Искренне благодарю исследователей за предоставленные материалы.

© И. Б. Тесленко, 2015.

Пифосы[1] — большие прочные сосуды впечатляющих размеров и хорошей выделки, еще в XIX в. привлекали к себе внимание первых исследователей Крыма, коллекционеров и даже местных крестьян, давно утративших традиции их изготовления. В. Х. Кондараки, характеризуя глины Крыма, их свойства, способы использования, в том числе и в гончарном производстве, пишет, что из всех изделий наиболее примечательны «в хозяйственном отношении, … амфоры колоссальной величины, находимые и теперь совершенно целыми в южной части горной Тавриды. Они, без сомнения, заменяли древним современные мешки, корзины и деревянные бочки, требующие частой смены или ремонта и, кроме того, отдельной комнаты для склада их. В то же время глиняный сосуд, какой бы он не был величины, вкапывался просто в землю в комнате и, прикрытый сверху каменной плитой, нисколько не мешал обитателям. Нередко попадаются такие сосуды 20-ти ведерной вместимости, но при этом с такими тонкими стенками, что даже мальчик может переносить их в пустом виде. Поскольку они не боялись времени и влажности, в них сохранялось хлебное зерно от мышей и крыс, в них сберегали вина, требующие прохлады — словом, это были маленькие кладовые, которые разбить врытыми в землю не представлялось никакой возможности. Кроме того, таврические греки в больших количествах солили в них рыбу для отправки в Рим и Византию. Сосуды эти, судя по материалу, из которого они состоят, делались чуть ли не по всей юго-восточной береговой полосе, но наилучшего качества — только в местности от Аутки до Алупки. Удивительно то, что секрет изготовления их не сохранен современными обитателями Тавриды несмотря даже на то, что во многих местах встречаются развалины гончарных печей с черепками подобных сосудов» (Кондараки 1875: 12).

Находки пифосов случались, обычно, в процессе сельскохозяйственных земляных работ. Е. Л. Марков[2], описывая достопримечательности окрестностей Баклы, отмечает, что «в долине, под обрывом скалы Бакла, несколько лет назад мангушские крестьяне, распахивая землю, наткнулись на 12 огромных каменных горшков или амфор, каждая величиною в бочку. Горшки эти были зарыты рядом в землю и были сделаны из отлично выжженной, чрезвычайно крепкой глины. … сосуды были уже пусты, в них, как рассказывают, не нашли ничего, кроме земли». Е. Л. Маркову удалось осмотреть всего 2 экземпляра (остальные были распроданы или раздарены) (Марков 2006: 521—522). Не исключено, что именно один из них запечатлен на фотографии, приведенной в иллюстрированном издании «Очерков», вместе с татарским крестьянином из окрестностей Бахчисарая (рис. 1: 1). М. Сосногорова-Славич, в составленном ею путеводителе, упоминает «древние греческие амфоры или глиняные кувшины» (пифосы?), вырытые при разработке плантаций под посадки винограда и табака на территории древнего поселения на правом берегу р. Месарли (Улу-Узень) в деревне Алушта (Сосногорова-Славич 1880: 41).

Целые экземпляры приобретались для музейных и частных коллекций. Так, в 1889 г. на заседание Таврической Ученой Архивной Комиссии рассматривалось отношение Таврического губернского правления о находке в деревне Тав-Бадрак пяти сосудов «25-ведерной, 15-ведерной, 12-ведерной, 8-ведерной и 5-ведерной величины, повидимому, древнего происхождения» (Маркевич 1889: 109). Для выяснения обстоятельств дела на место выехал член ТУАК А. О. Кашпар. В деревне Мангуш он обнаружил «у тамошних крестьян не пять, а десять амфор упомянутой величины, несомненно древних…», выкопанных на г. Бакла (Маркевич 1889: 109). После этого была организована специальная экскурсия для «приобретения этих амфор»[3], завершившаяся покупкой шести из десяти сосудов, двух каменных крышек и куска черепицы «очень хорошей работы» (Маркевич 1889: 109—113).

[1] Пифос (греч. πίθος, лат. dolium) — буквально «бочка» — древнейшая керамическая тара, предназначенная в основном для хранения и изготовления различных продуктов питания. История пифосов в Причерноморско-Средиземноморском регионе насчитывает несколько тысячелетий — от периода расцвета первых цивилизаций и до наших дней. В настоящее время они используются в домашнем виноделии на Кавказе, а также во многих средиземноморских странах для изготовления и хранения вина и оливкового масла. Из этнографических источников известны различные названия таких сосудов в разных регионах. В Грузии это «чури», «тагари», «квеври», в Армении — «карасы», в Средней Азии — «хумы» (см. напр.: Народы Кавказа 1962: 244; Этнография Грузии 1964: 8, табл. I; Лисициан 1955: 194; Лунина 1962: 350).

[2] Путешествовал по Крыму в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в.

[3] Экскурсия состояла из членов ТУАК А. О. Кашпара, Х. П. Ящуржинского, А. Маркевича и законоучителя симферопольской гимназии священника о. Владимира Александрова.

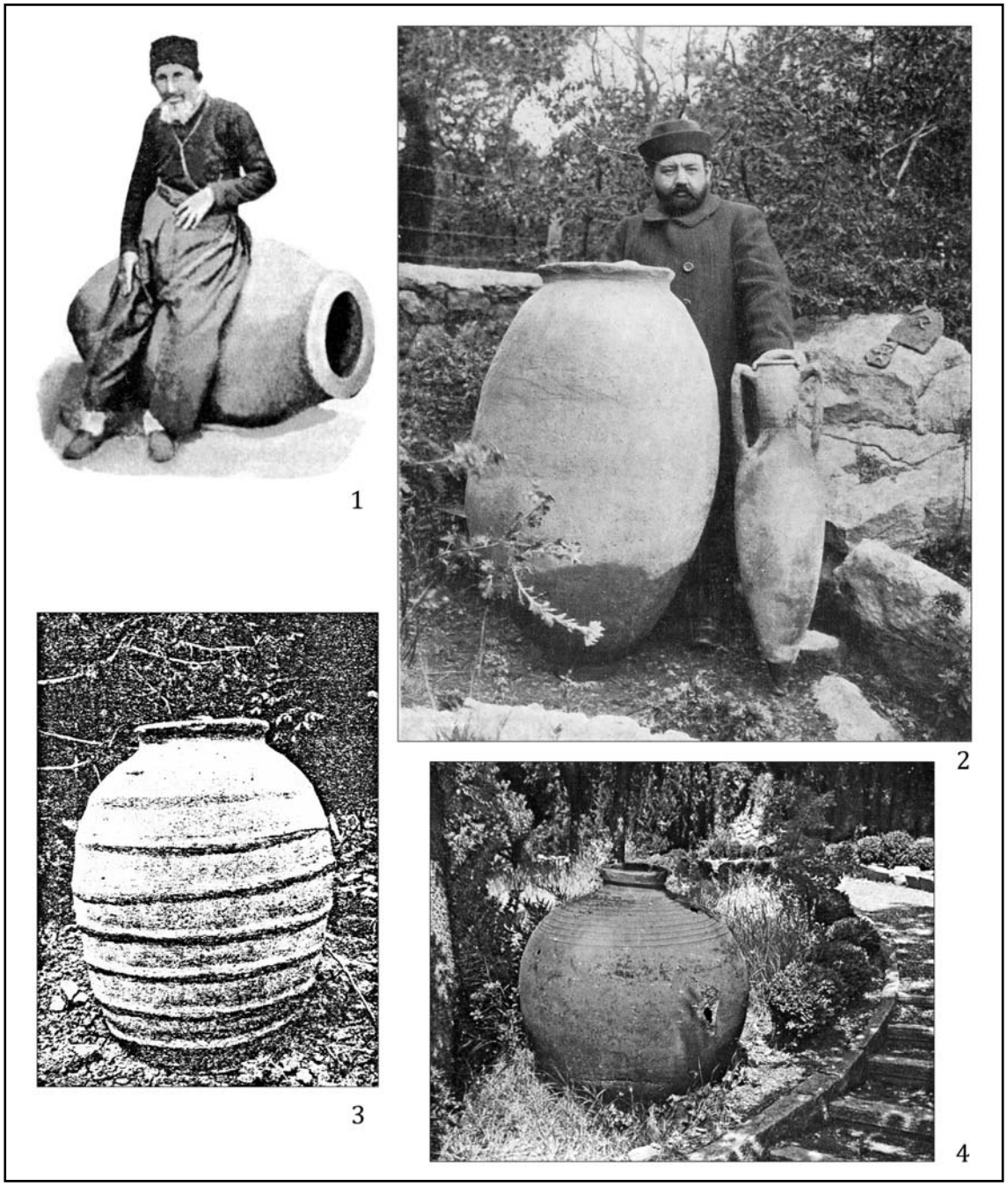


Рис. 1. Пифосы, найденные в конце XIX — начале XX вв. на территории Таврики: 1 — крестьянин из окрестностей Бахчисарая с пифосом (по Марков 1884: 50); 2 — средневековый пифос и позднеантичная амфора, найденные в окрестностях Симеиза, с их владельцем Н.Н. Богдановым (по Кузьменко 1913: 49); 3 — пифос в саду имения Кучук-Ламбат (по Репников 1909: 99, рис. 1); 4 — пифос в парке имения «Харакс» (открытка 1926 г. из фондов ЯИЛМ, гр. хр. 3731, КП 49926).

Fig. 1. Pithos-vessels found in late 19th — early 20th century on the territory of Taurica: 1 — a peasant from the neighbourhood of Bakhchisarai with a pithos (after Марков 1884: 50); 2 — medieval pithos and a late antique amphora found in the surroundings of Simeiz with the owner N.N. Bogdanov (after Кузьменко 1913: 49); 3 — pithos in the garden of Kuciuk-Lambat estate (after Репников 1909: 99, рис. 1); 4 — pithos in the park of Charax estate (1926 postcard from the collection of Yalta Museum of History and Literature, inv. gr. 3731, КП 49926).

И. Репников пишет о трех огромных пифосах с каменными крышками, вкопанных у западной оконечности руин небольшой церкви, вскрытой при разработке плантажа под виноградник в урочище Мармара, выше удельного имения Кучук-Ламбат, в 1906 г. Два сосуда «по неосторожности были разбиты, третий же сохраняется в саду имения у бывшего

дома принца Мюрата» (Репников 1909: 99) (рис. 1: 3). В путеводителе В. М. Кузьменко по Симеизу и его окрестностям сообщается о «больших (свыше 1½ арш. высоты) глиняных сосудах, служивших для хранения вина и других продуктов», найденных в Лименской долине при обработке плантажа под виноградник. Здесь также приводится фотография пифоса, приобретенного «ново-симеизским дачевладельцем Н. Н. Богдановым от одного из татар — жителей дер. Лимены, выкопавшего его при обработке своего виноградника» (Кузьменко 1913: 48—49) (рис. 1: 2). Один из пифосов, происходивший, вероятно, из окрестностей Гаспры и Кореиза, украшал парк имения великого князя Александра Михайловича «Харакс» [4] (рис. 1: 4).

Находки пифосов XIX — начала XX вв., безусловно, демонстрировали их значительное распространение в местной средневековой культуре. Однако только археологические исследования средневековых памятников Крыма позволили получить многочисленные свидетельства действительно массового использования «глиняных бочек» в хозяйстве городских и сельских жителей полуострова с эпохи раннего средневековья вплоть до периода турецкого вторжения (1475 г.). На основании материалов из раскопок конца 30-х — первой половины 60-х гг. XX в. в Херсонесе, Южном, Юго-Западном и Юго-Восточном Крыму А. Л. Якобсон предпринял первое специальное исследование средневековых пифосов Северного Причерноморья (Якобсон 1966: 189—202). Работа, опубликованная в 1966 г., до настоящего времени является единственным обобщающим трудом по этой проблематике [5]. Впервые исследователь попытался «представить развитие форм средневековых пифосов и дать по возможности их хронологическую классификацию…», отмечая, однако, «что в настоящее время эта задача не может быть осуществлена полностью, так как имеющийся материал очень неравномерно распределен хронологически и не охватывает всего средневековья» (Якобсон 1966: 189). Сосуды разделены автором на 4 хронологические группы — VI—VIII; VIII—IX, X; XII—XIII и XV вв. Больше всего пифосов второй группы — более трех десятков целых форм из 13—14 (?) пунктов Юго-Западного и Юго-Восточного Крыма. Это сосуды с яйцевидным корпусом, массивным, треугольным в сечении венчиком, гладкостенные или с дополнительной обработкой поверхности в виде горизонтальных «желобов-канелюров» или «рельефных обручей» (Якобсон 1966: 189). Пифосы XII—XIII вв. представлены 5 целыми и 1 фрагментированным экземпляром из раскопок Херсонеса [6]. Все они однотипны, с «раздутым шарообразным корпусом», как правило, украшенным горизонтальными налепными валиками с пальцевыми вдавлениями, небольшим массивным днищем и массивным венчиком, «напоминающим муфту», с прямым наружным краем (Якобсон 1966: 199).

Более поздние пифосы охарактеризованы по остаткам девяти сосудов из кладовой начала 70-х годов XV в. мангупского дворца (Якобсон 1966: 200). Как отмечает автор, форма их мало отличается от херсонесских пифосов XII—XIII вв.: «они также шарообразные…, у них такая же широкая горловина и узкое плоское днище…». Различия заметны лишь в профиле массивного венчика: «он имеет округлый верхний край и косой срез боковой части». Корпус некоторых сосудов «обработан широкими горизонтальными бороздами», а под венчиком «помещен орнамент из налепных колец, подобный ряду медальонов на херсонесских пифосах XII—XIII вв.». Черепок сосудов светло-красный с включениями слюды (Якобсон 1966: 200).

В начале 70-х гг. хронологическая классификация А. Л. Якобсона была использована Е. А. Паршиной для разделения на группы и датировки пифосов, найденных во время раскопок и разведок 1965—1969 гг. в Южной Таврике (на г. Демерджи, г. Кастель, г. Ай-Тодор, в Партените, Гурзуфе, Ай-Даниле, Голубом Заливе и др.). Коллекция сосудов включала свыше 50 целых экземпляров, в основном VIII—X вв. (Паршина 1974: 57). Исследовательница впервые обратила внимание на то, что верхняя хронологическая

[4] Фотография сосуда представлена на открытке №10 из серии «Крым» издательства «ГОССЗНАК», Москва, 1926 г. Хранится в фондах ЯИЛМ, группа хранения 3731, КП 49926. Выражаю глубокую благодарность директору музея О. П. Ткачук и главному хранителю ЯИЛМ Т. М. Коноплянко за предоставленную возможность публикации открытки.

[5] Позже А. Л. Якобсон полностью использовал материалы своей статьи в монографии «Керамика и керамическое производство средневековой Таврики» (Якобсон 1979: 17—19, 33—38, 114—117).

[6] Автор указывает, что находки пифосов типичны для домовых кладовых XII—XIII вв., где они располагались по несколько штук в ряд, однако сосуды, как правило, сильно фрагментированы, и реконструировать форму удается только в единичных случаях.

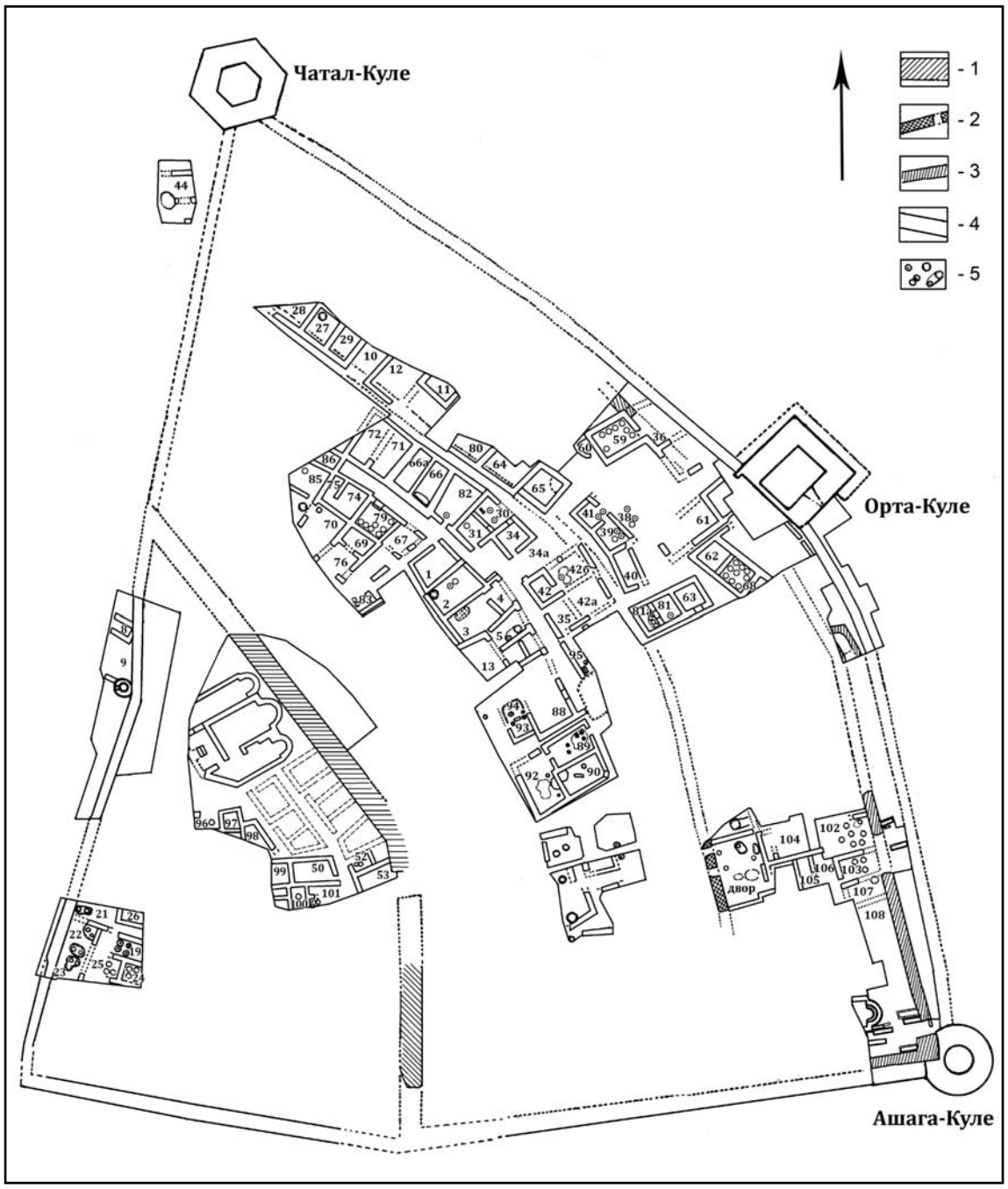


Рис. 2. Крепость Алустон. План застройки укрепления XIV—XV вв. со схематическим обозначением пифосов и пифосных ям (рисунок автора). 1 — куртина первой линии обороны крепости (VI в.); 2 — куртина второй линии обороны (X в.); 3 — куртина третьей линии обороны (не позднее 20-х гг. XV в.); 4 — куртина последней линии обороны (60-е гг. XV в.); 5 — пифосные ямы и вкопанные пифосы). Номера помещений, обозначенные на плане, соответствуют номерам помещений в каталоге.

Fig. 2. Aluston fortress. Fortification plan of 14th—15th centuries with the schematic indication of pithos-vessels and pithos pits (drawing by author). 1 — curtain of the first line of defence (6th century); 2 — curtain of the second line of defence (10th century); 3 — curtain of the third line of defence (no later than 1420s); 4 — curtain of the last line of defence (1460's); 5 — pithos pits and embedded pithos-vessels. Numbers of rooms from the plan correspond to the ones from the catalogue.

граница гладкостенных пифосов с яйцевидным туловом, датированных А. Л. Якобсоном IX—X вв., по условиям находки сосудов на г. Ай-Тодор, в Голубом Заливе и Ласпи могла быть более поздней — XIII—XIV вв. (Паршина 1974: 58—59).

К 90-м гг. XX — началу XXI вв. сведения о крымских пифосах VIII—X—XIII вв.

пополнились публикациями находок из раскопок в Керчи (Сазанов 1998: 50—53), средневекового поселения в урочище Сотера (Паршина 2002а: 125—126, рис. 7), древнего Партенита (Паршина 1991: 74—75, рис. 5; 2002: 92—93, рис. 2), Херсонеса (Золотарев, Коробков, Ушаков 1998: 192, рис. 8).

В 1991 г. С. Б. Адаксиной, В. Л. Мыцом и Т. Н. Смекаловой впервые была предпринята попытка комплексного исследования (с привлечением естественнонаучных методов) коллекции из 40 целых пифосов, обнаруженных за восемь лет раскопок крепости Алустон в различных хронологических горизонтах (с IX—X по XIV—XV вв.). К сожалению, работа не была завершена и опубликована, поэтому сложно оценить полноту реализации замысла авторов, однако некоторые результаты, в частности, естественнонаучных изысканий, представляют значительный интерес (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991). Т. Н. Смекаловой был осуществлен петрографический анализ шлифов, каппометрия (измерение магнитной восприимчивости) и ЭПР-спектроскопия проб глины, проведены измерения магнитных полей над пифосами. По направлению остаточной намагниченности определен способ установки сосудов в печь. Из шести пифосов, подвергнутых измерениям, три обжигались на ножке и три — на горле. Посредством измерения магнитной восприимчивости и ЭПР-спектроскопии — определена температура и атмосфера обжига изделий. Удалось установить, что температура обжига различных сосудов не одинакова и колебалась от показателя около 400ºС до 700—800ºС. При этом основная масса сосудов обжигалась в восстановительной среде, и лишь 4 из 40 — в окислительной (что, однако, не отразилось на цвете их черепка). По замечанию автора исследований, режим обжига, вероятно, определялся конструкцией и размером горна, а также размером самих сосудов. Заметна тенденция, когда сходные по форме пифосы, принадлежащие одной группе, обжигались по-разному: маленький пифос — при температуре 700—800ºС, а большой — при температуре около 400ºС. То есть, вероятно, крупные пифосы обжигались в больших печах, где трудно было достигнуть высоких температур и создать равномерное распределение температуры по всему пространству обжигательной камеры (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991: 4—14). Кроме того, в работе приведены результаты идентификации содержимого пифосов по основным компонентам, характеризующим виноматериалы и вино, полученные Отделом химии вина Института винограда и продуктов его переработки «Магарач» (руководитель темы — Р. К. Ступакова) (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991: 15—16, табл. 1—2).

Доступные широкому кругу исследователей данные о «глиняных бочках» из комплексов XIV—XV вв. остаются по-прежнему довольно скудными. К настоящему времени опубликованы четыре сосуда из раскопок донжона третьей четверти XV в. замка Фуна (Мыц 1991а: 100; Кирилко 2005: 214, рис. 166), обломки пифосов из культурных отложений 1459/60—1475 гг. замка братьев Гваско (Чабан-Куле) (Кирилко, Мыц 2004: 212, рис. 22: 6), упомянуты фрагментированные коричневоглиняные пифосы из северной башни и постройки со слоем пожара 1475 г. крепости Фуна (Мыц 1991а: 102; Кирилко 2005: 67, рис. 58: 3), а также тарные сосуды двух типов из строения второй половины XIV — начала XV вв., предшествовавшего возведению оборонительных стен этого укрепления (Кирилко 2005: 49), два пифоса из раскопок хозяйственного комплекса Каффы середины — второй половины XIV в. (Сазанов, Иващенко 1995: 118—119) и венчик пифоса из «средневековых слоев» Керчи (Сазанов 1998: 52, рис. 1: 1). В то же время, количество накопленной к настоящему времени информации позволяет рассмотреть сосуды, находившиеся в обращении в Крыму в XIV—XV вв., более детально. Основным источником для их изучения служат материалы раскопок, проводившихся в 80—90-е гг. XX в. на двух средневековых укреплениях — Алустон и Фуна (Мыц 2002: 140; Кирилко 2005: 28). Интерес также представляет небольшой винодельческий комплекс, остатки которого зафиксированы в 2007 г. на водоразделе между долинами р. Улу-Узень и левым притоком ручья, берущего начало от родника Чаш-Бурна (Чаш-Пурна) у юго-восточной окраины с. Изобильное[7]. Здесь обнаружены 2 фрагментированных пифоса, располагавшихся, видимо, на краю виноградника под открытым небом или временным сооружением, следы которого обнаружить не удалось[8].

[7] Территория Изобильненского сельского совета.

[8] Обломки сосудов обнаружены в отвале и заполнении водоотводной канавы, прокопанной землеройной техникой по вершине водораздела вдоль края современного виноградника. Канава в сечении трапециевидная, ширина — 0,73—1,04 м, глубина — около 0,5 м, прослежена в длину на 50 м. В северо-западной части канавы зафиксирована нижняя часть пифосной ямы с остатками сосуда *in situ*. Глубина сохранившейся

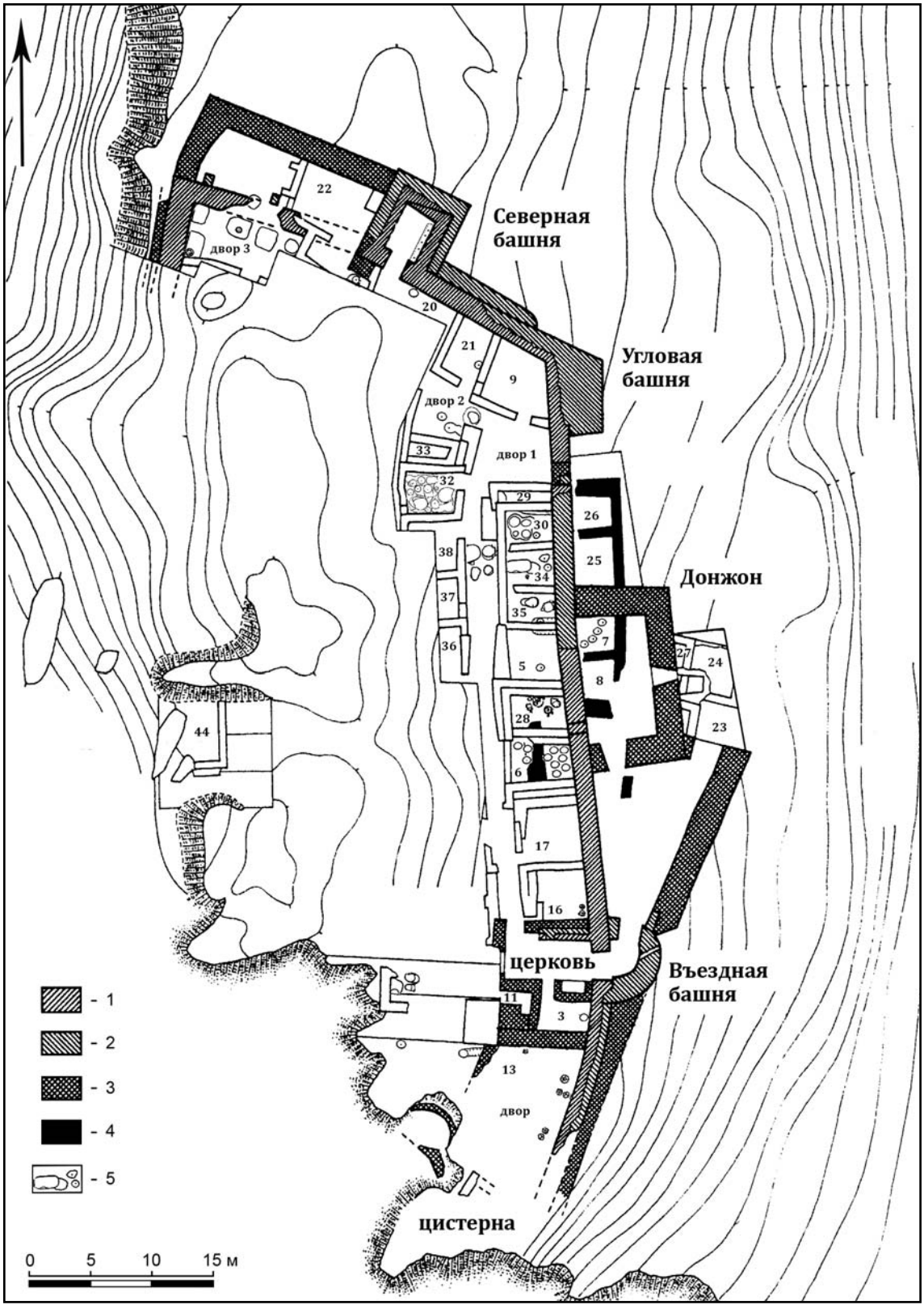


Рис. 3. Замок Фуна. План застройки со схематическим обозначением пифосов и пифосных ям (по Кирилко 2005: рис. 38; 66—75). 1 — 1423 г.; 2 — вторая четверть XV в.; 3 — 1459—1475 г.г.; 4 — строения предшествовавшие укреплению; 5 — пифосные ямы и вкопанные пифосы. Номера помещений, обозначенные на плане, соответствуют номерам помещений в каталоге.

Fig. 3. Funa castle. Building plan with the schematic indication of pithos-vessels and pithos pits (after Кирилко 2005: рис. 38; 66—75). 1 — 1423; 2 — second quarter of 15th century; 3 — 1459—1475; 4 — buildings erected before the fortification; 5 — pithos pits and embedded pithos-vessels. Numbers of rooms from the plan correspond to the ones from the catalogue.

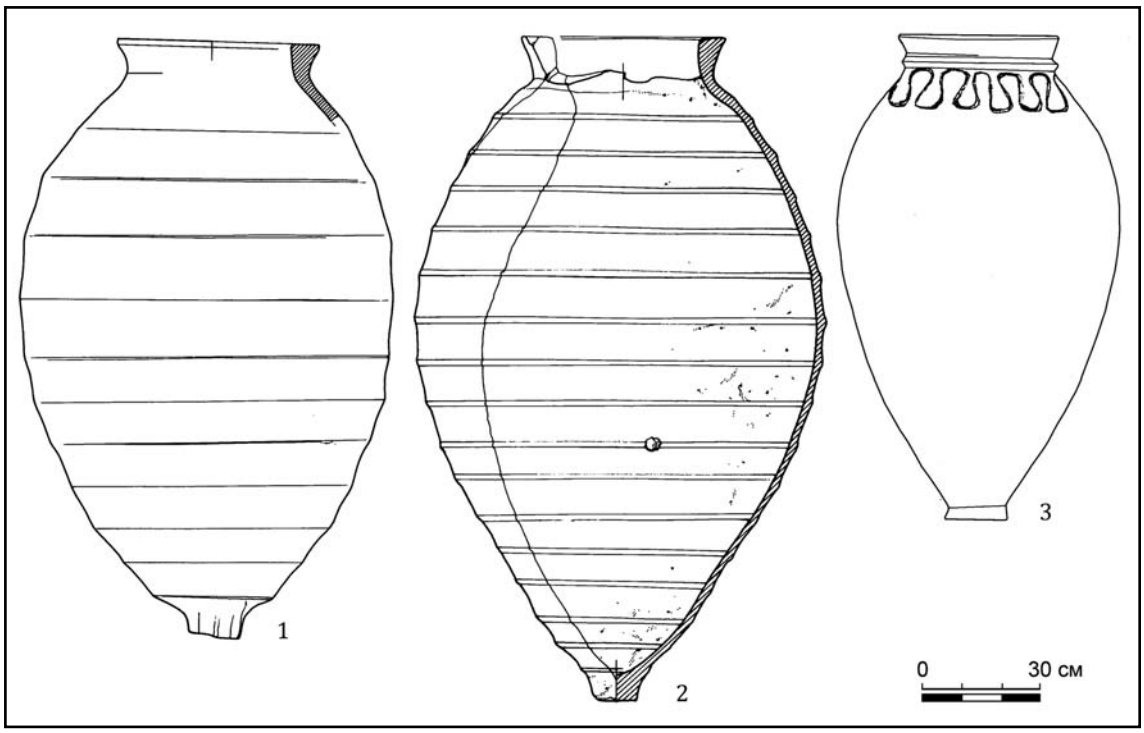


Рис. 4. Пифосы группы I из раскопок крепости Алустон: 1, 2 — тип 1; 3 — тип 2.

Fig. 4. Pithos-vessels of group I from excavations of Aluston fortress: 1, 2 — type 1; 3 — type 2.

В крепости Алустон исследовано около 80 жилых и хозяйственных помещений заключительного этапа существования памятника — XIV—XV вв. (Тесленко 2005: 332—333); из них 51 помещение можно объединить в 17—19 усадеб (рис. 2). В 43 помещениях[9] найдено 27 целых и не менее 64 фрагментированных пифосов, в 11 — только засыпанные пифосные ямы, в остальных постройках какие-либо следы установки пифосов не прослежены (рис. 2; каталог). Количество сосудов в помещениях — от 1 до 8 штук.

В замке Фуна, весь период существования которого укладывается в рамки конца первой — третьей четверти XV в., исследованы 4 башни (в их числе 1 донжон), захаб, цистерна, надвратная церковь, 20 помещений и 4 двора внутрикрепостной застройки (рис. 3). Кроме того, изучены 2 усадьбы (по 4 помещения в каждой), предшествовавшие возведению укрепления и датирующиеся XIV — первой половиной XV вв. (Кирилко 2005: 47—81, рис. 38). Пифосы (в целом около 42 единиц) обнаружены в обеих этих усадьбах, а также в 11 жилищно-хозяйственных помещениях, 2 башнях («северной» и донжоне) и на территории 3 дворов крепости (рис. 3; каталог). Количество сосудов в помещениях — от 1 до 10 штук. Целых экземпляров нет, но форма большинства поддается реконструкции. В 4 постройках и 1 дворе зафиксированы только пифосные ямы без остатков сосудов.

По технологии приготовления сырья, цвету черепка и способам формовки пифосы можно разделить на 3 основные группы, отражающие различные гончарные традиции.

Группа I (рис. 4—7). Формовочная масса довольно грубая, со значительным количеством включений шамота и дресвы алевролитов (средний размер — 1,5 мм, встречаются частицы до 5 мм)[10]. Пифосы сформованы

части ямы — 0,45 м, диаметр — 0,6 м. Изначальное месторасположение остальных пифосов установить не удалось. Следы каких-либо капитальных сооружений в ближайших окрестностях не найдены. Видимо, данный археологический объект представляет собой остатки небольшого винодельческого комплекса, располагавшегося в непосредственной близости от синхронного ему виноградника.

[9] К помещениям условно отнесен также закрытый двор в юго-восточной части внутрикрепостного пространства.

[10] Т.Н. Смекаловой осуществлялся петрографический анализ шлифов пифосов, отнесенных к этой группе. В качестве основных компонентов отощителя отмечены частицы шамота и алевролита, а также кварцевый песок. Выделяются формовочные массы с хоро-

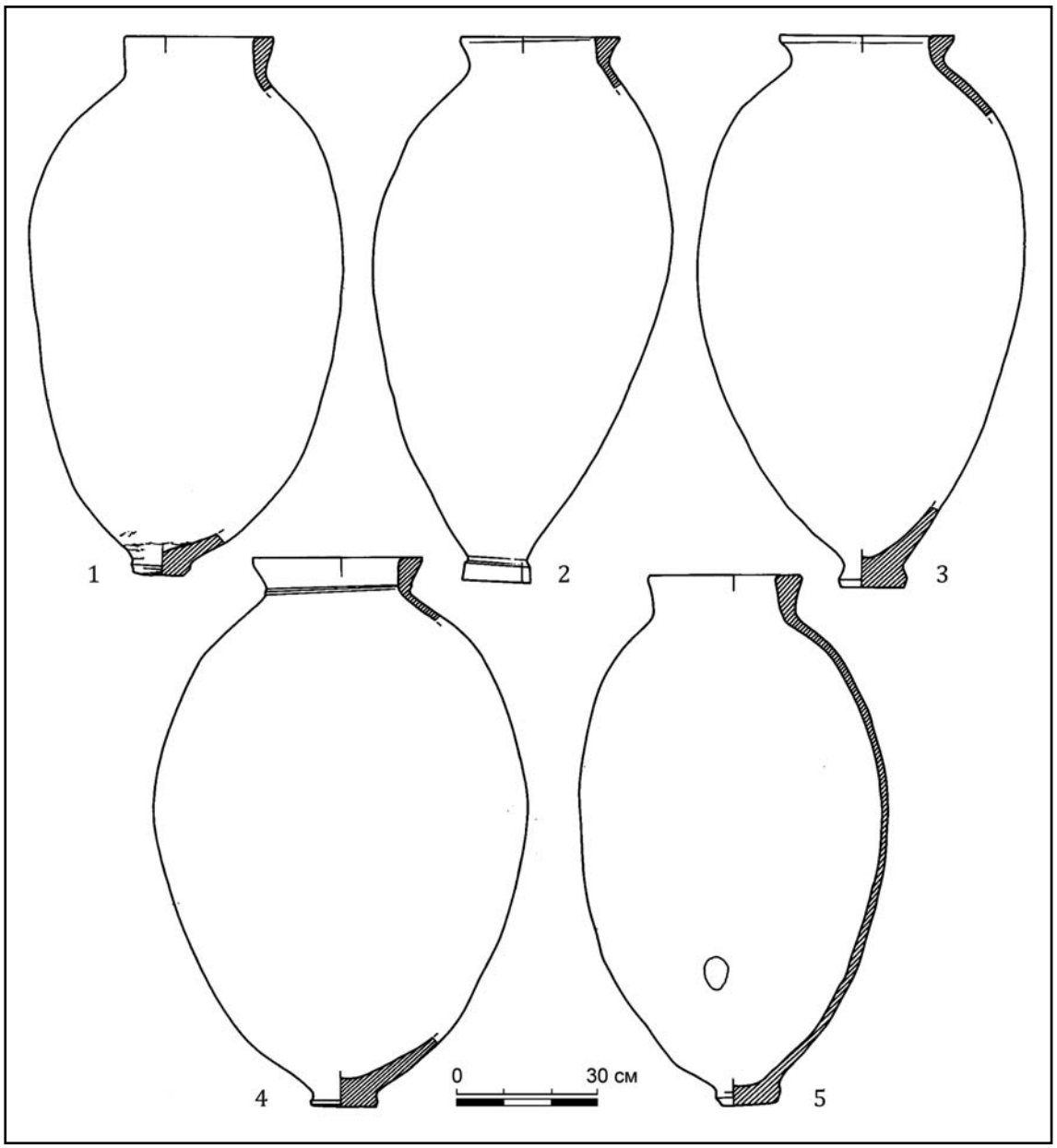


Рис. 5. Пифосы группы I, тип 2, из раскопок крепости Алустон.

Fig. 5. Pithos-vessels of group I, type 2, from excavations of Aluston fortress.

без использования гончарного круга, в технике скульптурной лепки, путем наращивания глиняных жгутов. Иногда пифосы раскалываются по стыкам жгутов, что позволяет выяснить особенности их скрепления: в месте соединения друг с другом жгуты оформлялись глубокими пальцевыми вдавлениями, что, видимо, увеличивало прочность сцепления. Толщина стенок сосудов — в среднем 2—4 см. Обожженный черепок желто-красный различной тональности, иногда с розовым или малиновым оттенком, иногда пережжен до коричневого или серого цветов. Обжиг осуществлялся, в основном, в окислительной среде при температуре 400—700—800°[11]. Общие морфологические признаки этой группы следующие. Тулово вытянутое, овалоидное, с максимальным расширением в центральной или верхней части. Горло низкое. Венчик массивный с широким, плоским верхним краем, в сечении,

шо и плохо отсортированным отощителем (см.: Адаксина, Мыц, Смекалова 1991: 5—8).

[11] Температура и атмосфера обжига сосудов определена Т.Н. Смекаловой (см.: Адаксина, Мыц, Смекалова 1991: 11—14).

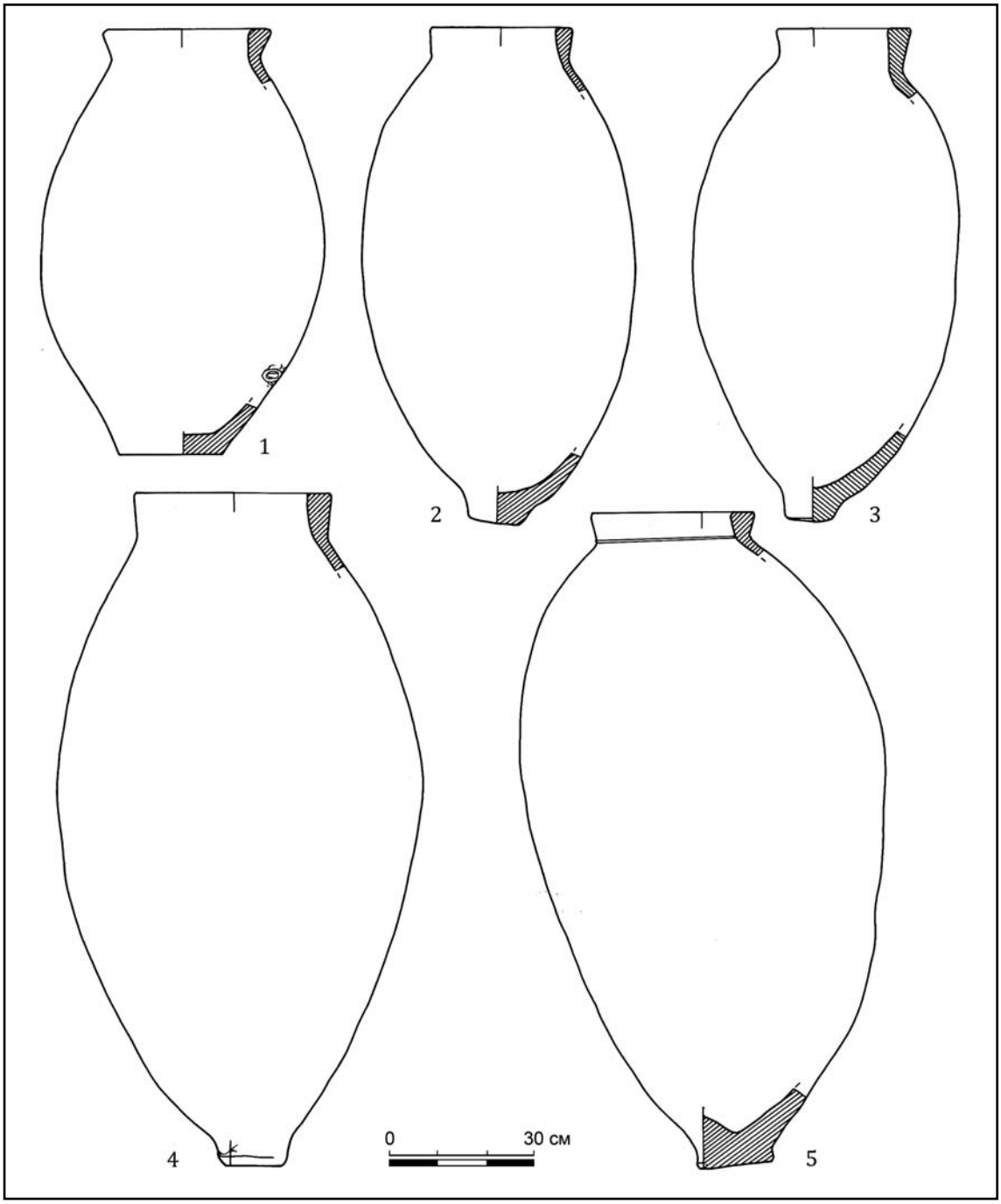


Рис. 6. Пифосы группы I, тип 2, из раскопок крепости Алустон.

Fig. 6. Pithos-vessels of group I, type 2, from excavations of Aluston fortress.

как правило, треугольный, иногда с уступом. Ножка специально профилирована. У сосудов небольших размеров встречается плоское дно (рис. 6: 1). По способу оформления внешней поверхности пифосы первой группы делятся на 2 основных типа.

Тип 1. С реберчато-желобчатой поверхностью (рис. 4: 1, 2). В комплексах XIV—XV вв. встречаются редко. 2 фрагментированных сосуда найдены при раскопках замка Фуна (см. каталог: №36, 53), 1 фрагментированный и 2 целых экземпляра обнаружены в крепости Алустон (см. каталог: №3.1; 10.1; 21). Их параметры: Н — 164 и 147 см; Дв. — 50 см; Дт. — 102 и 93 см; Дд.– около 13 см[12].

[12] Н — высота, Дв. — диаметр венчика, Дт. — максимальный диаметр тулова, Дд. — диаметр днища.

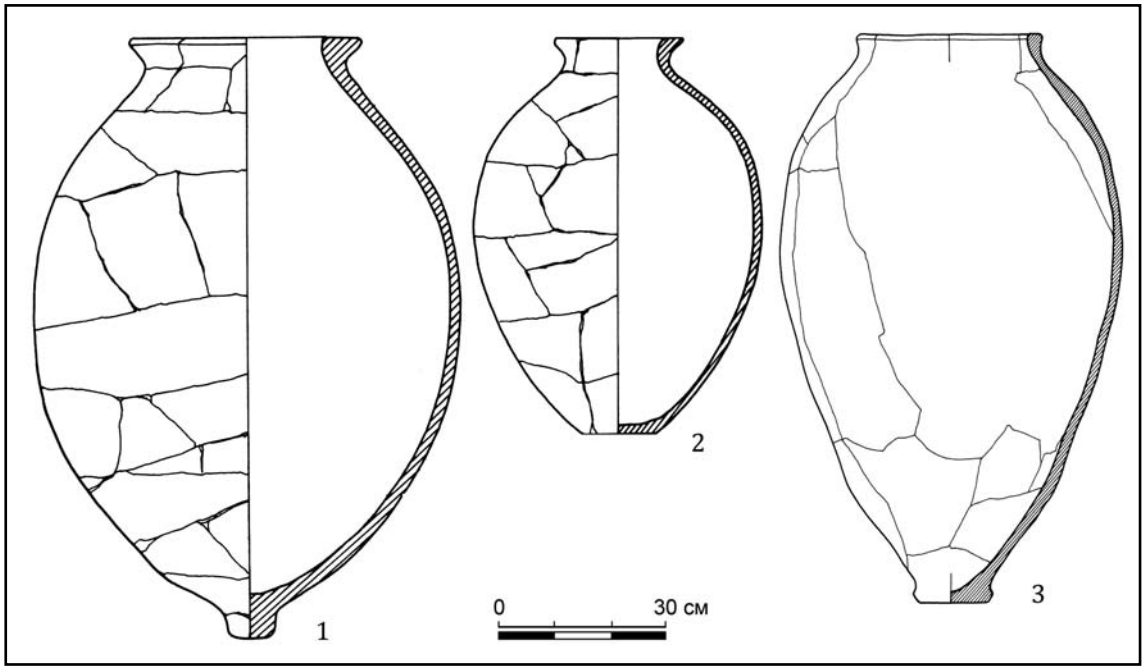


Рис. 7. Пифосы группы I, тип 2, из раскопок замка Фуна (1, 2 — по Мыц 1983: рис. 85: 5, 6; 3 — по Мыц 2009: рис. 340).

Fig. 7. Pithos-vessels of group I, type 2, from excavations of Funa castle (1, 2 — after Мыц 1983: рис. 85: 5, 6; 3 — after Мыц 2009: рис. 340).

Тип 2. Гладкостенные пифосы. Форма часто асимметрична (рис. 4: 3; 5—7; 18: I). Единичные экземпляры с декоративным оформлением верхней части сосуда: валикообразный выступ по горлу; волна, прочерченная пальцем по сырой глине; вдавления штампа (рис. 4: 3; 5: 4; 6: 5; 19: 2). Размеры сосудов: Н — 73—144 см; Дв. — 23—55 см; Дт. — 55—110 см; Дд. — 12—18 см.

Пифосы группы I вкапывались в грунт, в основном, по венчик или на 2/3 высоты (рис. 8; 18: I). Это обстоятельство, а также массивность самих сосудов, способствуют их хорошей сохранности. Именно эта группа «глиняных бочек» представлена наибольшим количеством целых экземпляров. На Фуне найдено не менее 15 пифосов этого типа, на Алустоне — не менее 45, из них 23 целых формы (см. каталог).

Группа II (рис. 9: 1, 2). В структуре формовочной массы визуально определяются кристаллы плотного прозрачного и полупрозрачного минерала белого цвета (кварц? полевой шпат?), частицы рыхлого минерала белого цвета (известковая крошка?), частицы рыхлого минерала бурого или красно-коричневого цвета, золотистые блестки[13]. Черепок светлый, красновато-желтый или светло-оранжевый. Поверхность некоторых сосудов покрыта темно-красным или коричнево-красным ангобом. Пифосы изготовлены, видимо, с частичным использованием гончарного круга, который, возможно, выступал в роли поворотного столика, облегчающего ручную лепку (наращивание глиняных жгутов или полос) и обработку поверхности сосуда. Тулово сферической или расширенной овалоидной формы, симметричных очертаний, с максимальным диаметром в центральной части. Толщина стенок в среднем около 2 см. Венчик массивный, в сечении трапециевидный. Ножка специально профилирована. Верхняя часть корпуса декорирована. Чаще всего это горизонтальные борозды и реберчатые выступы (интервал около 1,5—2,5 см), эпизодически оформленные пальцевыми вдавлениями (рис. 9), или же реберчатые выступы, дополненные рядом округлых налепов с пальцевыми вдавлениями (Кирилко, Мыц 2004: рис. 22). В комплексах XIV—XV вв. рассматриваемых памятников найденные *in situ* сосуды группы II встречаются редко. В Фуне находки их не отмечены, в Алустоне зафиксирован всего 1 такой пифос, вкопанный в пол помещения по венчик и накрытый каменной крышкой (рис. 10: 4; каталог: №16.1). К настоящему времени сохранилась только верхняя часть

[13] Петрографический анализ шлифов не проводился.

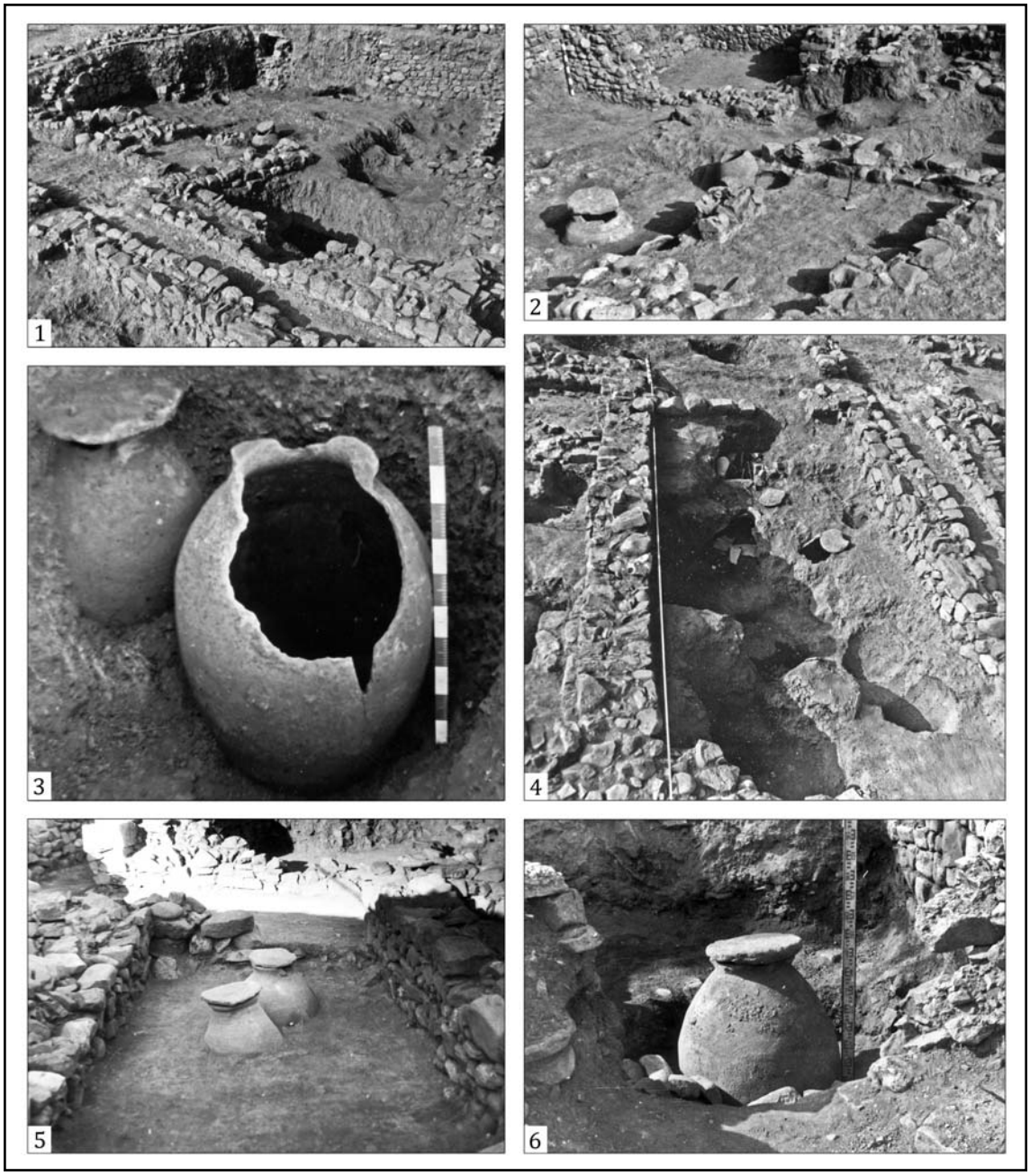


Рис. 8. Пифосы группы I из раскопок крепости Алустон. Фото сосудов in situ: 1, 2 — помещение №94 (по Мыц 1990: рис. 68, 69); 3 — помещение №83 (по Мыц 1989: рис. 52); 4 — помещение №89 (по Мыц 1990: рис. 72); 5 — помещение №52 (по Мыц 1988: рис. 83); 6 — помещение №100 (по Мыц, Адаксина 1992: рис. 27).

Fig. 8. Pithos-vessels of group I from excavations of Aluston fortress. Photos of vessels in situ: 1, 2 — room no. 94 (after Мыц 1990: рис. 68, 69); 3 — room no. 83 (after Мыц 1989: рис. 52); 4 — room no. 89 (after Мыц 1990: рис. 72); 5 — room no. 52 (after Мыц 1988: рис. 83); 6 — room no. 100 (after Мыц, Адаксина 1992: рис. 27).

корпуса сосуда с горлом и венчиком (рис. 9: 1). Точные параметры восстановить сложно: Дт. — не менее 85 см, Дв. — 38 см.

Группа III (рис. 9: 3, 4; 10: 3, 5, 6; 11—17; 19—21). Глиняное тесто тщательно приготовлено, отощитель хорошо отсортирован. Преобладают мелкие частицы кварца и плагиоклаза (50—90 %), средний размер которых составляет 0,1—0,25 мм, максимальный — 0,7—1,3 мм [14]. Визуально фиксируются также отдельные зерна дресвы алевролитов. Черепок от красно-коричневого до темно-коричневого цвета, в местах утол-

[14] Результат петрографического анализа шлифов, осуществленного Т.Н. Смекаловой, см.: Адаксина, Мыц, Смекалова 1991: 6.

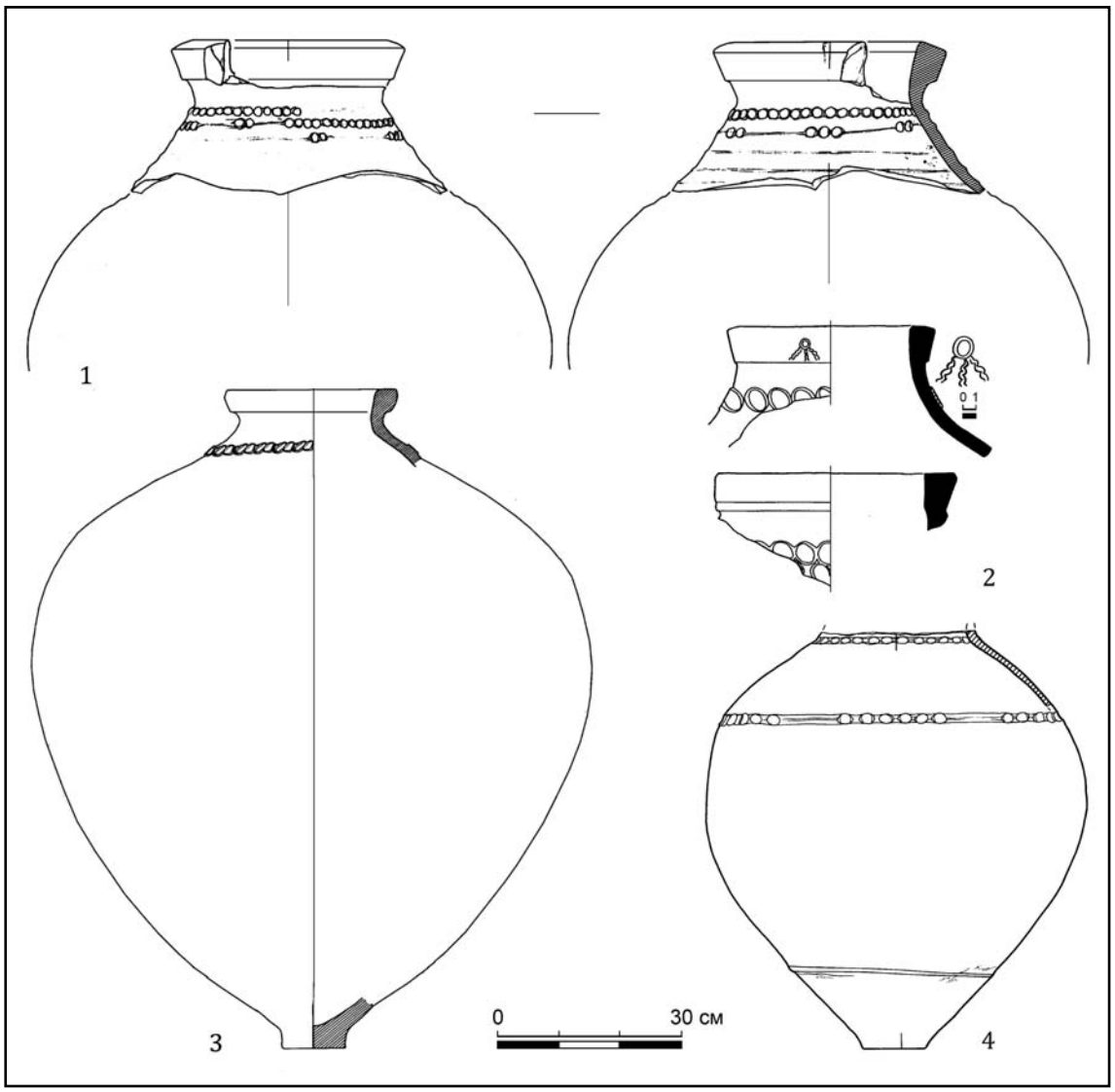


Рис. 9. Пифосы группы II (1, 2) и III (3, 4): 1, 3, 4 — из раскопок крепости Алустон; 2 — из раскопок на месте кораблекрушения последней трети XIII в. близ Судака (по Зеленко 1999: рис. 3).

Fig. 9. Pithos-vessels of groups II (1, 2) and III (3, 4): 1, 3, 4 — from excavations of Aluston fortress; 2 — from excavations on the place of a shipwreck from the last third of 13th century near Sudak (after Зеленко 1999: рис. 3).

щения часто с серой прослойкой. Обжиг окислительный. Температура — 400—700—800º (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991: 12—14).

Пифосы группы III отличаются наиболее высоким уровнем развития функций гончарного круга. У сосудов значительных объемов вращение круга использовалось для частичного профилирования верхней части, начин и полое тело изготовлены в технике скульптурной лепки. Однако для формовки сосудов меньших размеров вращение круга использовано не только для заглаживания и профилирования, но и для частичного конструирования путем вытягивания глины. Тулово сферической или расширенной овалоидной формы, с максимальным диаметром в центральной или верхней части симметричных очертаний. Толщина стенок в среднем от 0,7—0,8 до 1,5—2 см. Ножка специально профилирована (рис. 14—16; 21). У сосудов небольших размеров встречается плоское дно. Верхняя часть корпуса практически всех сосудов украшена налепными валиками с пальцевыми вдавлениями и (или) прочерченным по сырой глине при помощи зубчатого инструмента орнаментом в виде горизонтальных, волнистых или пересекающихся полос (рис. 9: 3, 4; 11—13; 15; 16; 19—21). Иногда венчик украшен наколами (углублениями), выполненными заостренным стержнем (рис. 10: 3).

По профилю венчика пифосы третьей группы делятся на 2 основных типа.

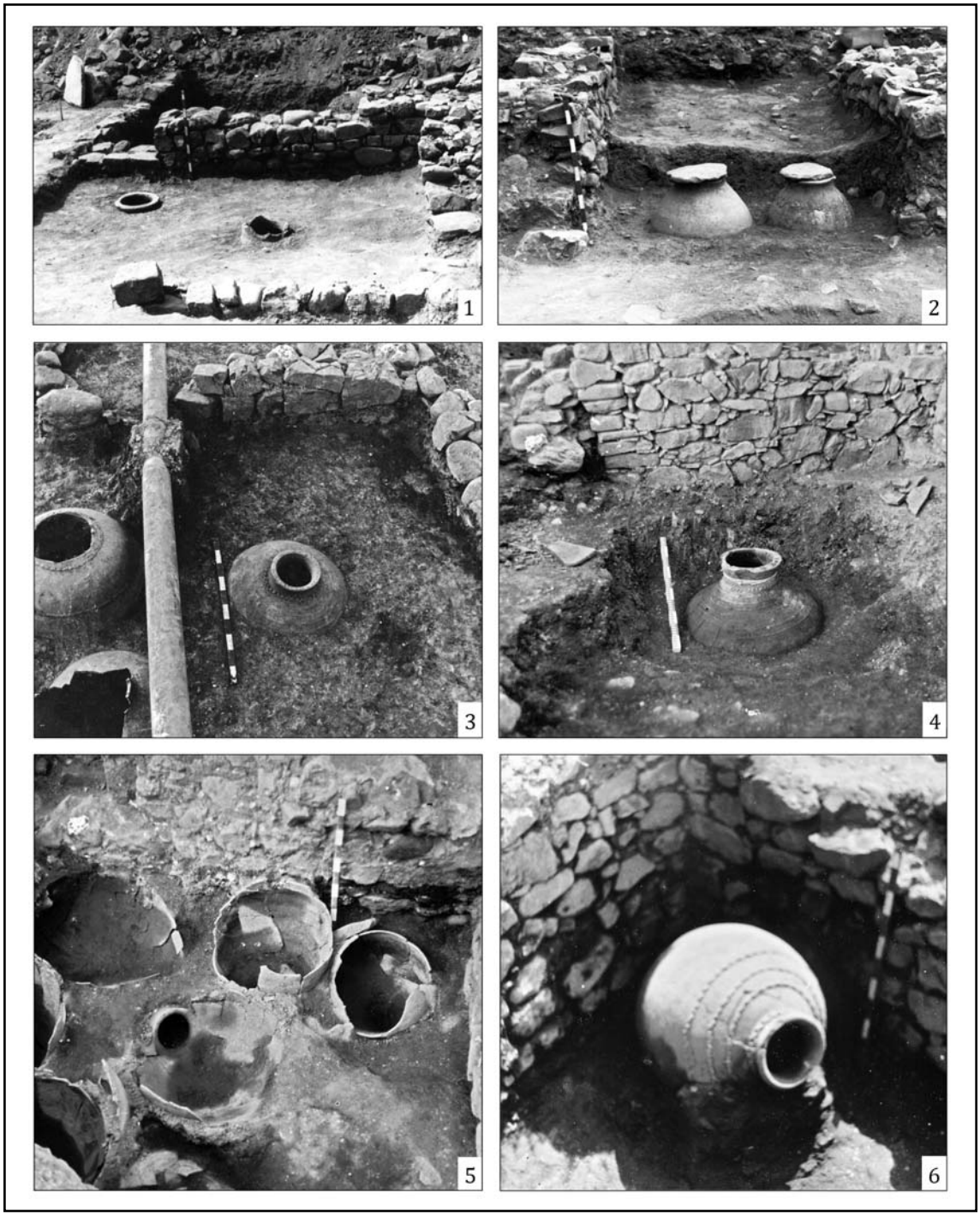


Рис. 10. Пифосы групп I (1, 2), II (4), III (3, 5, 6) из раскопок крепости Алустон. Фото сосудов *in situ*: 1 — помещение №30 (по Мыц 1987: рис. 15); 2 — помещение №19 (по Мыц 1986: рис. 11); 3 — помещение №39 (по Мыц 1987, рис. 38); 4 — помещение №82 (по Мыц 1989: рис. 20); 5 — помещение №68 (по Мыц 1989: рис. 58); 6 — помещение №59 (по Мыц 1989: рис. 55).

Fig. 10. Pithos-vessels of groups I (1, 2), II (4), III (3, 5, 6) from excavations of Aluston fortress. Photos of vessels *in situ*: 1 — room no. 30 (after Мыц 1987: рис. 15); 2 — room no. 19 (after Мыц 1986: рис. 11); 3 — room no. 39 (after Мыц 1987, рис. 38); 4 — room no. 82 (after Мыц 1989: рис. 20); 5 — room no. 68 (after Мыц 1989: рис. 58); 6 — room no. 59 (after Мыц 1989: рис. 55).

Тип 1. С массивным трапециевидным в сечении венчиком (рис. 9: 3; 11; 15: 3, 4; 16: 3).

Тип 2. С плавно отогнутым, слегка утолщенным венчиком, с округлым или скошенным наружу краем (рис. 12; 13; 15: 1, 2; 16: 1, 2; 20; 21).

Сосуды вкапывались в землю на различную глубину, в основном — на 2/3—1/3 вы-

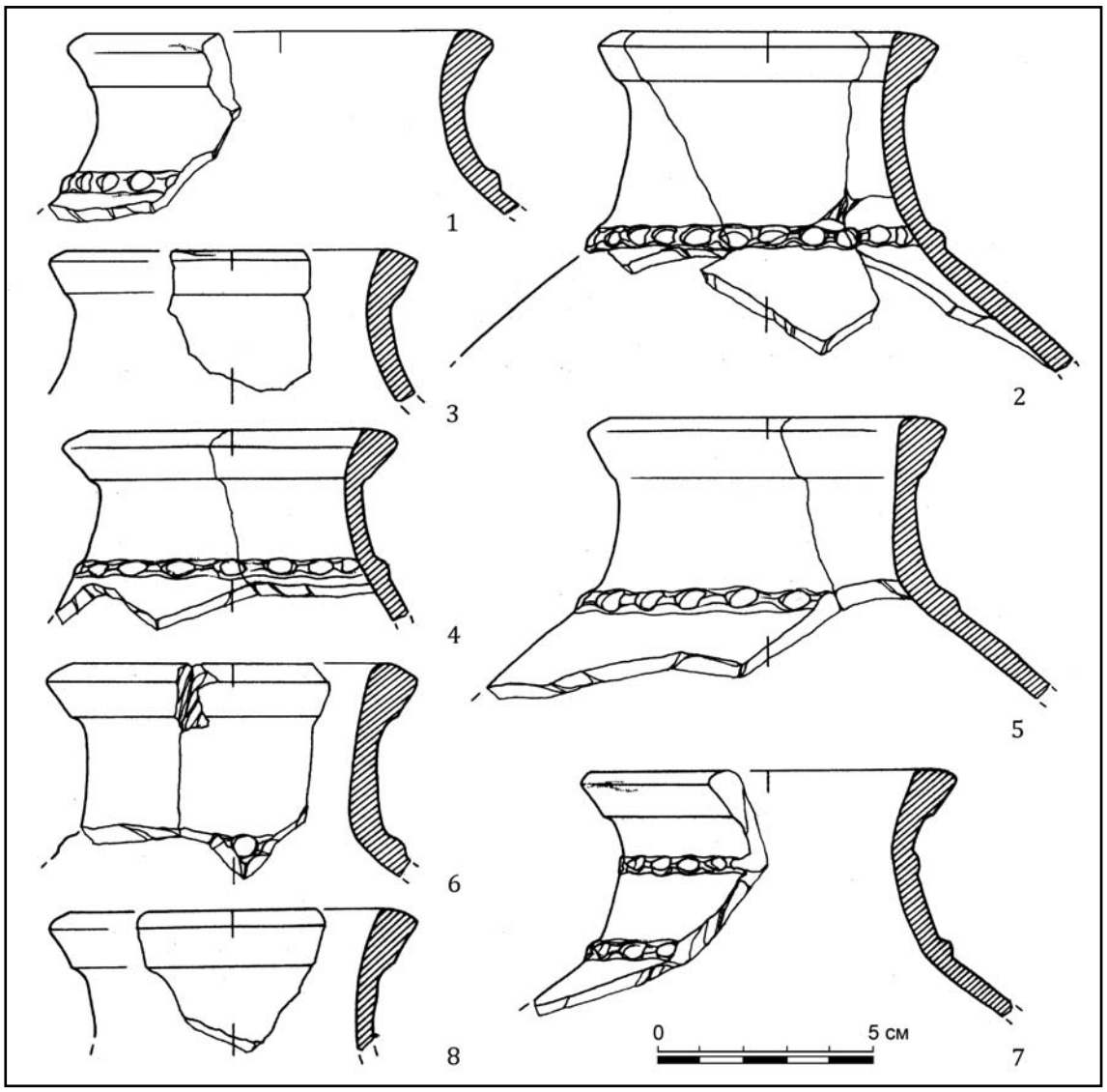


Рис. 11. Пифосы группы III, тип 1, из раскопок крепости Алустон (1—3, 5, 6, 8) и замка Фуна (4, 7).

Fig. 11. Pithos-vessels of group III, type 1, from excavations of Aluston fortress (1—3, 5, 6, 8) and Funa castle (4, 7).

соты (рис. 10: 3, 5; 18: I). Поэтому, а также учитывая значительные размеры и относительную небольшую толщину стенок, они преимущественно фрагментированы. Реконструируемые параметры сосудов следующие: Н — 75—115 см; Дв. — 23—35 см; Дт. — 52—95 см; Дд. — 7—10 см. В Фуне найдены остатки не менее 25, в Алустоне — не менее 43 пифосов группы III, из них только 1 целый (см. каталог). 2 фрагментированных пифоса входили также в состав винодельческого комплекса, частично исследованного у ЮВ окраины с. Изобильное (рис. 20; 21).

Очевидно, что наибольшее количество пифосов из комплексов XIV—XV вв. Алустона и Фуны относится к группам I и III. В помещениях и дворах они распределяются следующим образом. В крепости Алустон «бочки» только группы I найдены в 22 постройках — от 1 до 5 сосудов. В 4 помещениях располагались пифосы, как первой, так и второй групп по 1—2 сосуда каждой из них. В 15 жилищно-хозяйственных комплексах зафиксированы пифосы только группы III, максимальное количество их в помещении достигало 8 единиц.

В Фуне расположение сосудов несколько иное. Здесь пифосы группы I найдены в 5 помещениях (по 1 сосуду) и в 1 дворе (2 сосуда). «Бочки» групп I и III зафиксированы в 3 жилищно-хозяйственных комплексах (соотношение соответственно 2 к 1, 2 к 8, 2 к 7) и в донжоне (по 2 каждой группы). В 7 внутрикрепостных строениях, хозяйственном дворе ЮВ части укрепления и в «северной» башне обнаружены сосу-

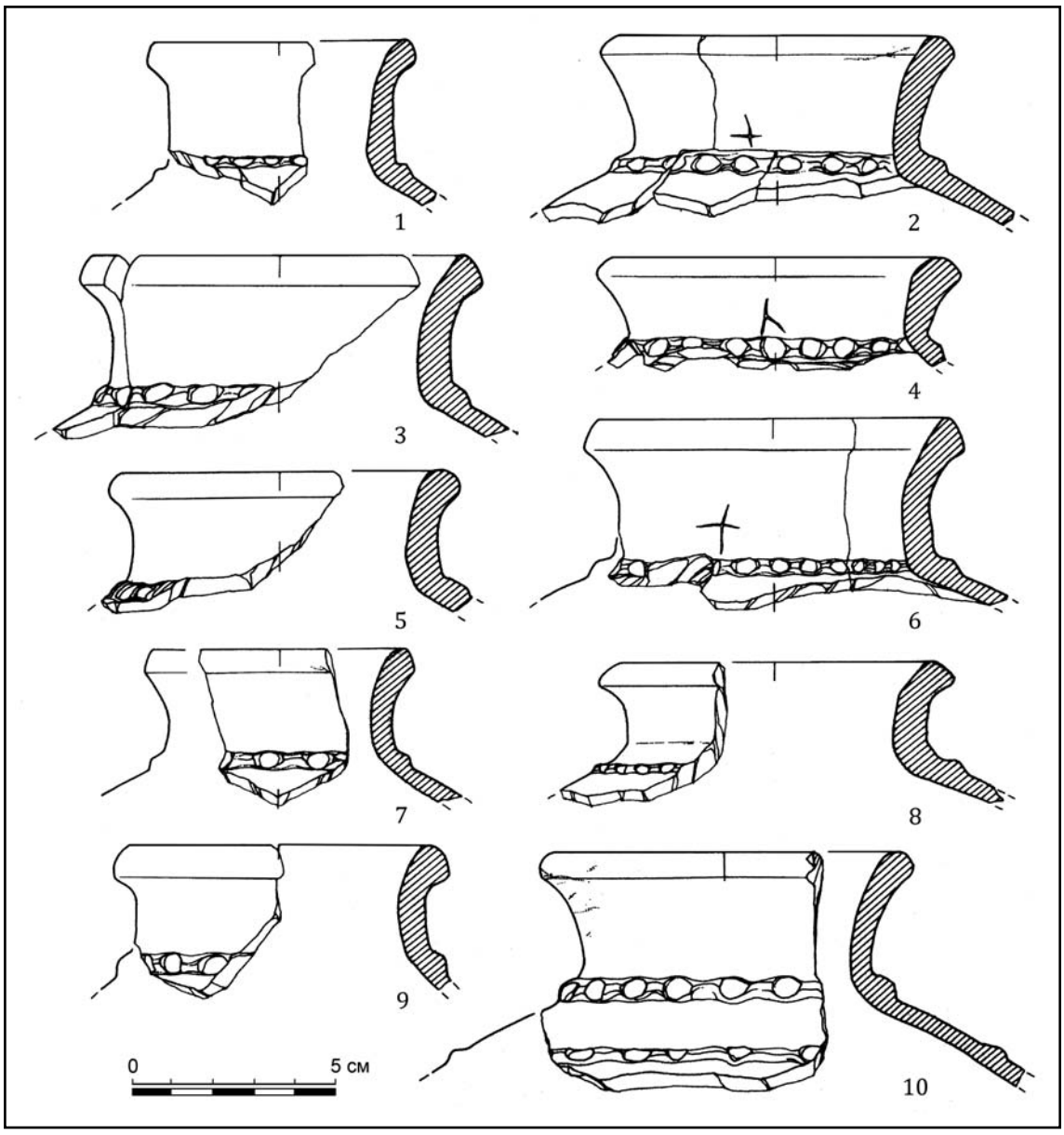


Рис. 12. Пифосы группы III, тип 2, из раскопок крепости Алустон.

Fig. 12. Pithos-vessels of group III, type 2, from excavations of Aluston fortress.

ды только группы III от 1 до 6 экземпляров в каждом комплексе.

В способах установки пифосов особого разнообразия не наблюдается. Сосуды опускались в специально выкопанные углубления, рассчитанные на 1/3—2/3 или на полную их высоту. При этом вторая и третья позиции более характерны для пифосов группы I и II, первая — для сосудов группы III. Пространство между стенками пифоса и ямы заполнялось вынутым из нее же грунтом. Лишь в одном из помещений замка Фуна дно ямы, в которую установили толстостенный красноглиняный пифос, было дополнительно обложено плитками песчаника и обломками стенок пифосов на известковом растворе, обмазано серо-голубой глиной. После установки сосуда пространство между его стенками и обмазкой залили известковым раствором (рис. 23) [15]. Применение известкового раствора в ямах для установки пифосов группы II

[15] Следует отметить, что сосуд, установленный в эту яму, подвергался ремонту. Отверстие в придонной части пифоса было заделано при помощи заплатки, изготовленной из стенки аналогичного сосуда, залитой по шву свинцом. Не исключено, что именно наличие дефекта обусловило необходимость дополнительной изоляции поврежденной части пифоса (каталог: №39) (Мыц, Кирилко 1995: 30, рис. 31, 32).

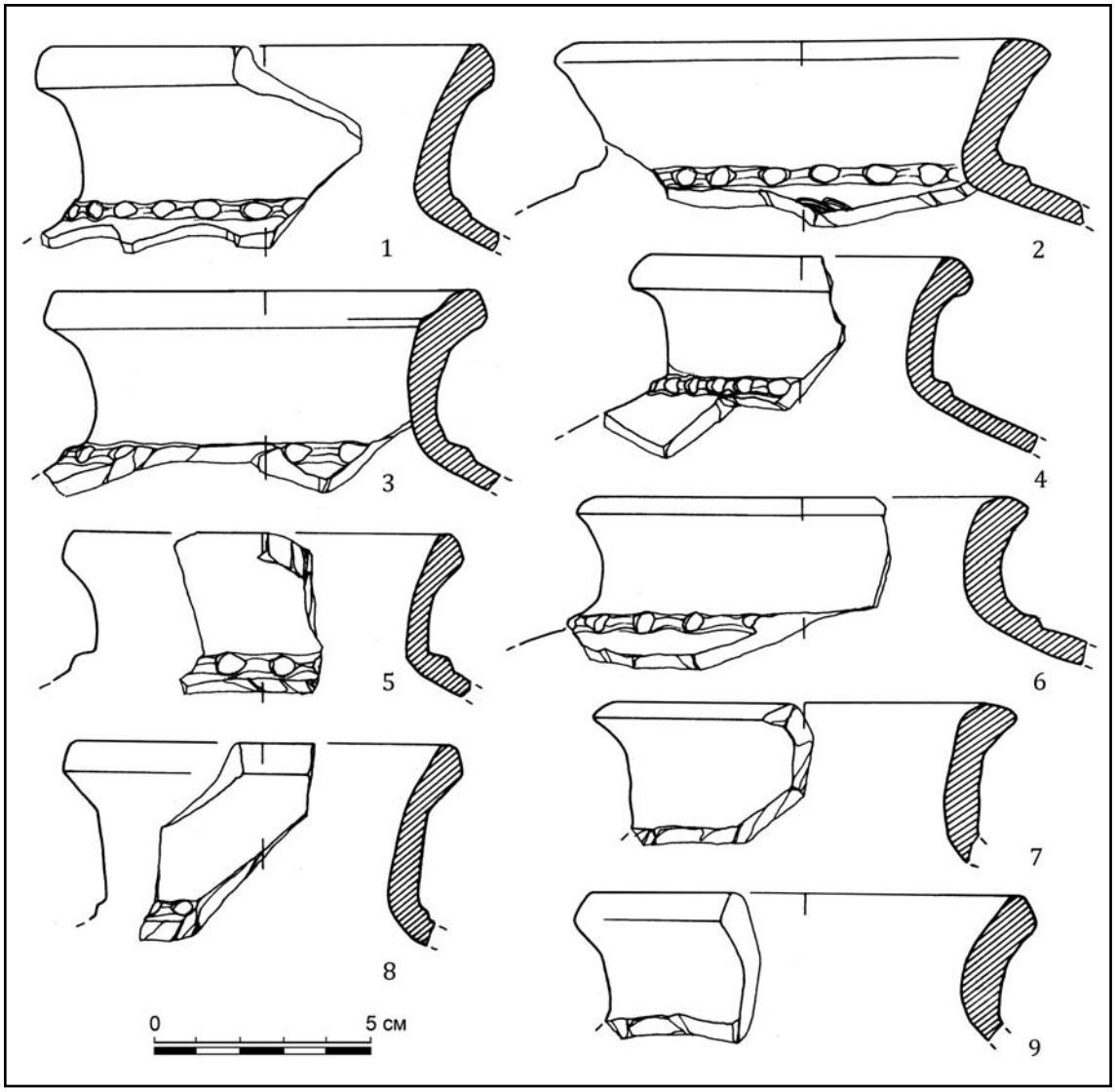


Рис. 13. Пифосы группы III, тип 2, из раскопок крепости Алустон.

Fig. 13. Pithos-vessels of group III, type 2, from excavations of Aluston fortress.

отмечено на Мангупе (Якобсон 1953: 410). Довольно часто в помещениях фиксируются разновременные засыпанные пифосные ямы без остатков сосудов (рис. 18: II, IV; см. каталог) (Кирилко 2005: рис. 35; 36; 47).

Способ закупорки пифосов различных групп отличался. Так, «бочки» с массивными уплощенными венчиками (группа I, II) закрывались плоскими, округлыми в плане каменными крышками, изготовленными преимущественно из песчаника (рис. 8; 10: 2; 18: I; см. каталог). Такая крышка довольно плотно прилегала к широкой плоскости края. В некоторых случаях фиксируется дополнительная герметизация сосуда при помощи уложенного между венчиком и крышкой глиняного жгута (каталог: №3.1; 5). Для пифосов группы III какие-либо специальные закупоривающие приспособления археологически не зафиксированы. Учитывая, что горло этих пифосов устроено в виде раструба, а венчик отклонен наружу и не создает хорошей опорной плоскости, для них могли быть использованы «пробки», вставляющиеся вовнутрь горла, изготовленные из недолговечных материалов, например, дерева. Также горло сосуда могло быть обвязано тканью, кожей и т. п.

Несмотря на то, что пифосы трех рассмотренных групп найдены в комплексах XIV—XV вв., хронологические рамки их бытования не одинаковы. Общей для них является лишь верхняя дата — конец третьей четверти XV в. — 1475 г. — турецкое вторжение на полуостров, прервавшее ряд культурных

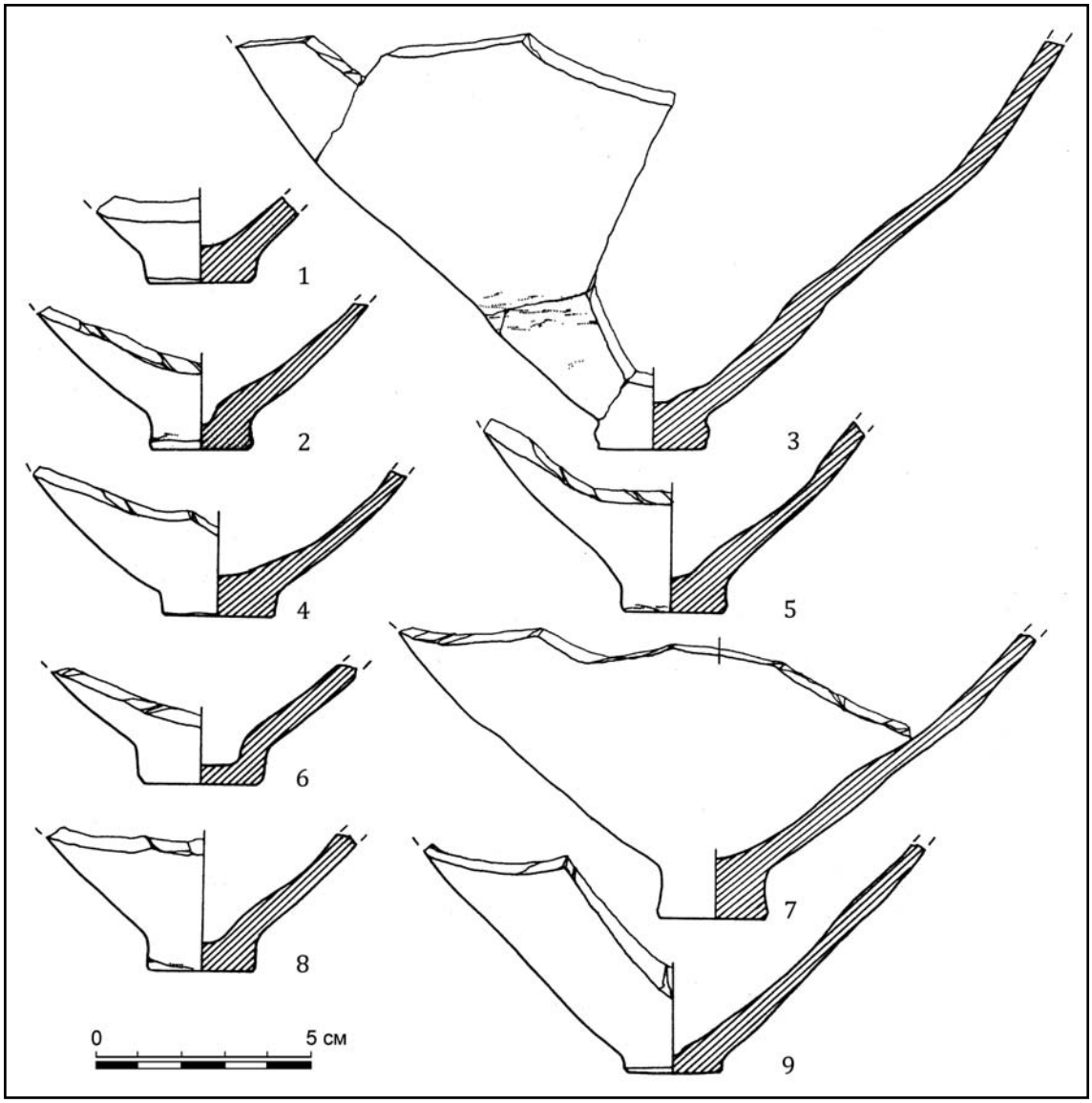


Рис. 14. Пифосы группы III из раскопок крепости Алустон.

Fig. 14. Pithos-vessels of group III from excavations of Aluston fortress.

традиций местного населения, в том числе и гончарные.

Пифосы группы I массово появляются в Крыму примерно со второй половины VIII—IX вв. Они изготавливались в местных мастерских, во множестве обнаруженных в юго-восточной и юго-западной частях полуострова (Фронджуло 1968: 121—122, рис. 25—26; Якобсон 1966: 192—197; Паршина, Тесленко, Зеленко 2001: 60). Благодаря своей массивности и прочности некоторые «бочки» могли функционировать довольно долго. Следует отметить, что состояние этих пифосов даже в настоящее время вполне удовлетворительное. В этой связи интересны сведения 1889 г., приведенные А. Маркевичем об использовании крестьянами д. Мангуш подобных пифосов, найденных на г. Бакла, «для ссыпки зерна» (Маркевич 1889: 109). На длительность использования сосудов и бережное к ним отношение указывают также следы ремонтов, преимущественно в виде заплаток, специально изготовленных из фрагментов стенок таких же сосудов, залитых по шву свинцом (рис. 4: 2; 6: 1; 23). При этом отремонтированные сосуды продолжали использовать для жидких продуктов, возможно, даже для хранения вина. Ярким примером этого является пифос из помещения №94 крепости Алустон (рис. 4: 2; 8: 1, 2; каталог: №3.1). У него была утрачена примерно треть венчика и пробито небольшое отверстие в нижней части тулова. Отверстие залили свинцом (рис. 4: 2),

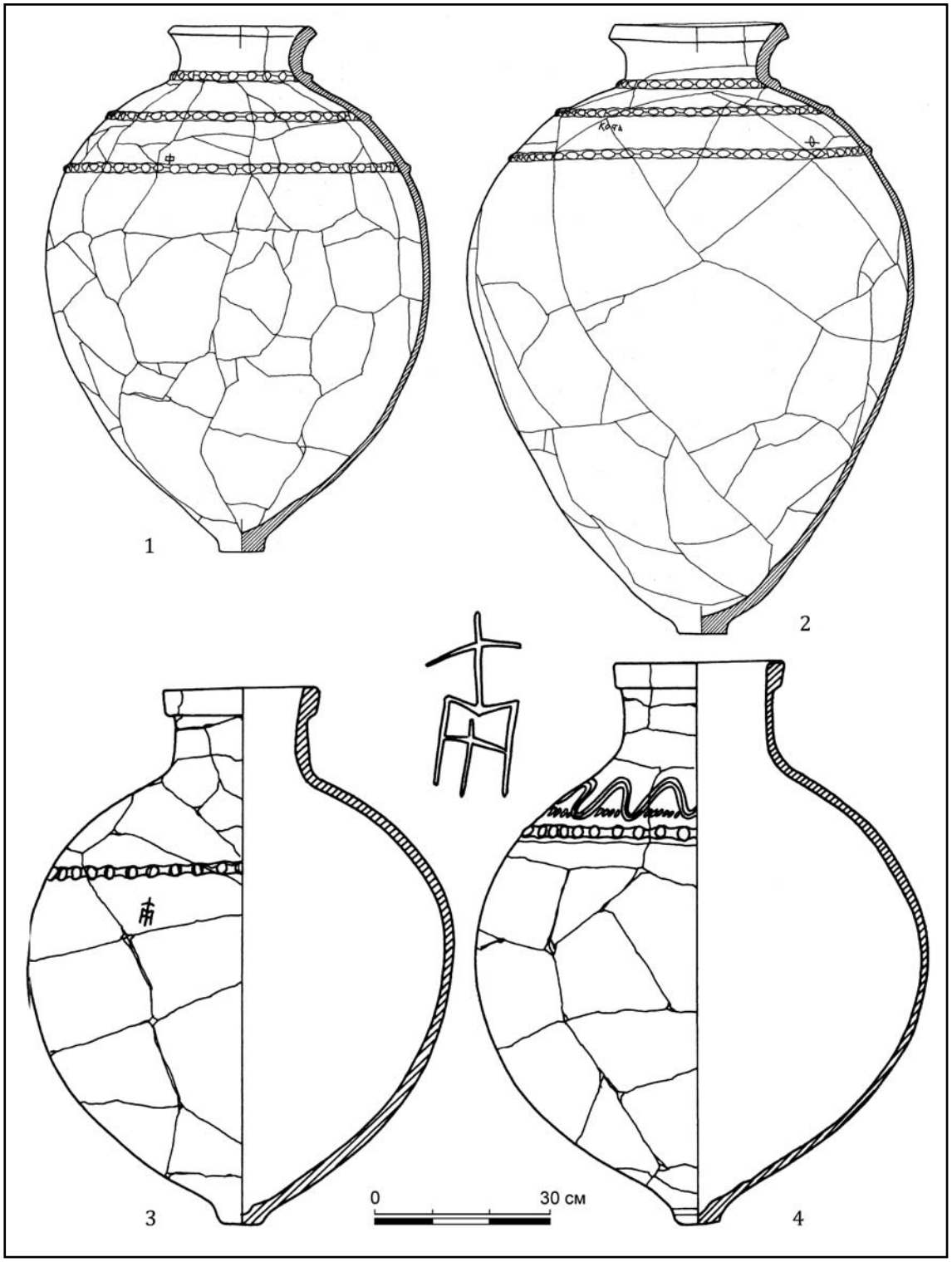


Рис. 15. Пифосы группы III из раскопок замка Фуна: 1, 2 — тип 2 (по Мыц 2009: рис. 340; 342); 3, 4 — тип 1 (по Мыц 1983: рис. 85: 1, 2).

Fig. 15. Pithos-vessels of group III from excavations of Funa castle: 1, 2 — type 2 (after Мыц 2009: рис. 340; 342); 3, 4 — type 1 (after Мыц 1983: рис. 85: 1, 2).

а лакуну в венчике «залатали» обломком стенки другого пифоса, прилепив его на глине. Каменная крышка также была уложена на глиняный жгут, то есть «бочка» закупоривалась герметично. Кроме того, согласно этнографическим наблюдениям, традиции производства тары для приготовления и хранения вина весьма консервативны. Форма и спо-

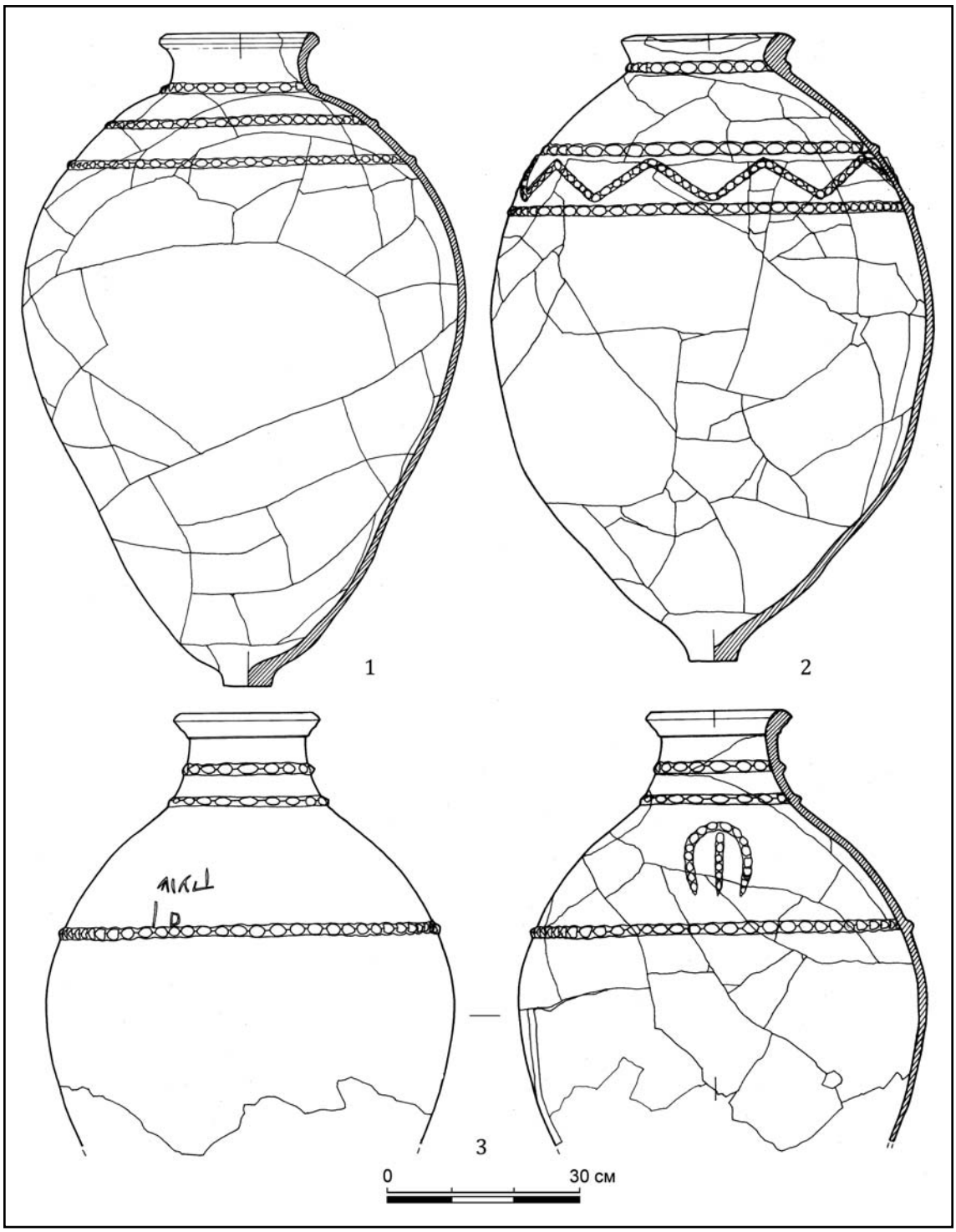


Рис. 16. Пифосы группы III из раскопок замка Фуна: 1, 2 — тип 2; 3 — тип 1 (по Мыц 2009: рис. 341—342).

Fig. 16. Pithos-vessels of group III from excavations of Funa castle: 1, 2 — type 2; 3 — type 1 (after Мыц 2009: рис. 341—342).

соб выделки сосудов сохраняются длительное время, передаваясь из поколения в поколение, и мало подвержены влияниям моды. Так, например, на Крите в 60-е гг. XX в. изготавливали пифосы, по форме напоминающие пифосы из раскопок кносского дворца. При этом для обжига сосудов использовались горны, конструкция которых в деталях повторяла античные обжигательные сооружения (Hampe, Winter 1962: Taf. 2—13). В Абхазии в 40-х — 50-х гг. XX в. использовались пифосы, схожие по форме с сосудами группы I крымских памятников (рис. 22) (Акаба 1955: рис. 3). Не исключено, что в отдельных рай-

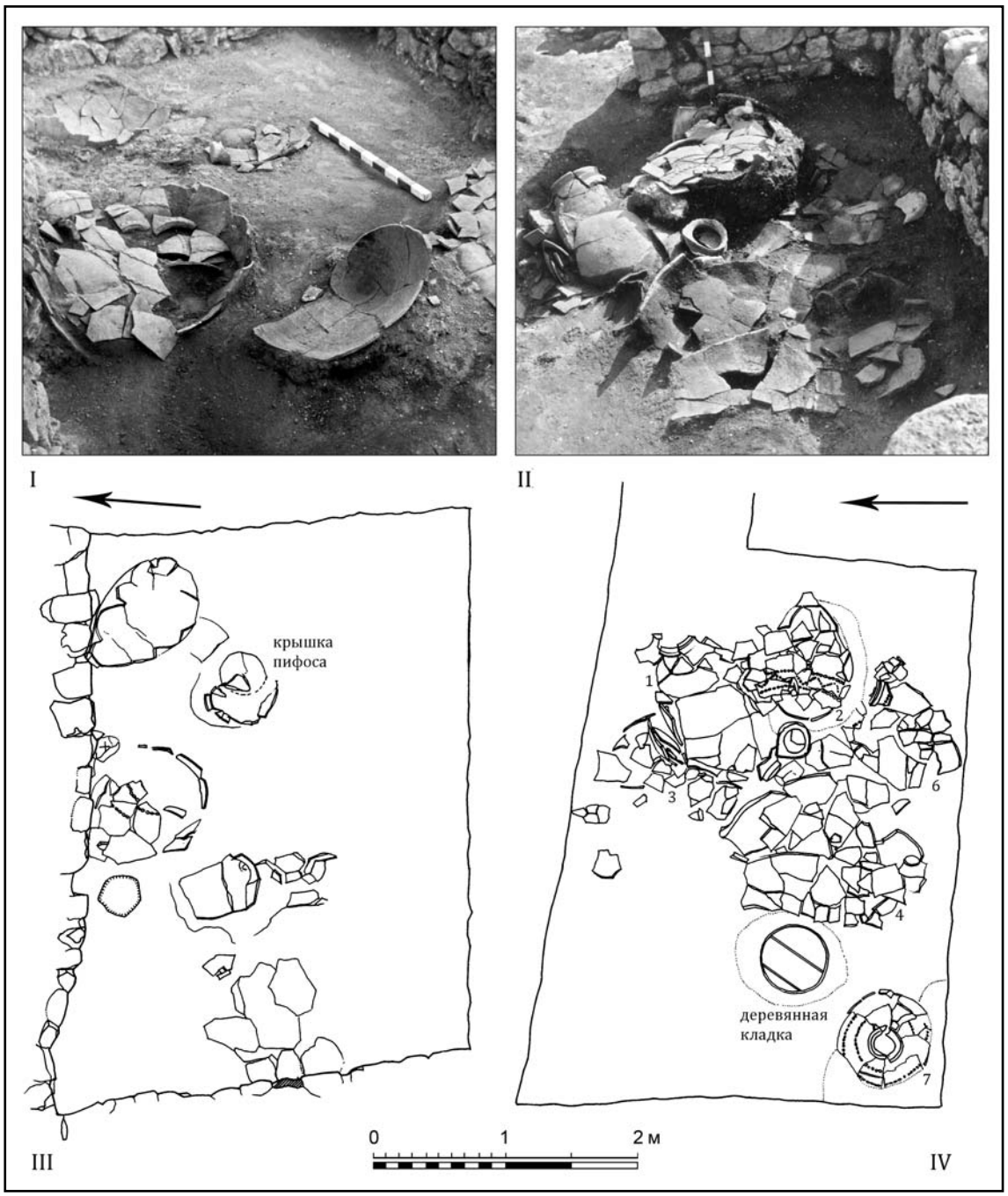


Рис. 17. Замок Фуна. Внутрикрепостные строения №28 (I, III) и 32 (II, IV) с фрагментированными пифосами группы III на полу (по Мыц, Кирилко 1991: рис. 42; 47; 53; 55).

Fig. 17. Funa castle. Inner constructions no. 28 (I, III) and 32 (II, IV) with fragmented pithos-vessels of group III on the floor (after Мыц, Кирилко 1991: рис. 42; 47; 53; 55).

онах средневекового Крыма некоторые стандарты в производстве пифосов также могли сохраняться веками.

Пифосы группы II. Обломки пифосов, подобных группе II, найдены при раскопках укрепления Чабан-Куле (Кирилко, Мыц 2004: 212, рис. 22: 10) и княжеского дворца на Мангупе (Якобсон 1953: 416, рис. 25: д) в слоях и комплексах, датировка которых не выходит за рамки XV в. Появление в Крыму сосудов с близкими морфологическими характеристиками относят к XII—XIII вв. В жилищно-хозяйственных комплексах Херсона, погибших в пожаре последней четверти XIII в., они преобладают (Якобсон 1950: 107—109). Подобные пифосы составляли груз корабля, потерпевшего крушение в последней трети XIII в. близ Судака

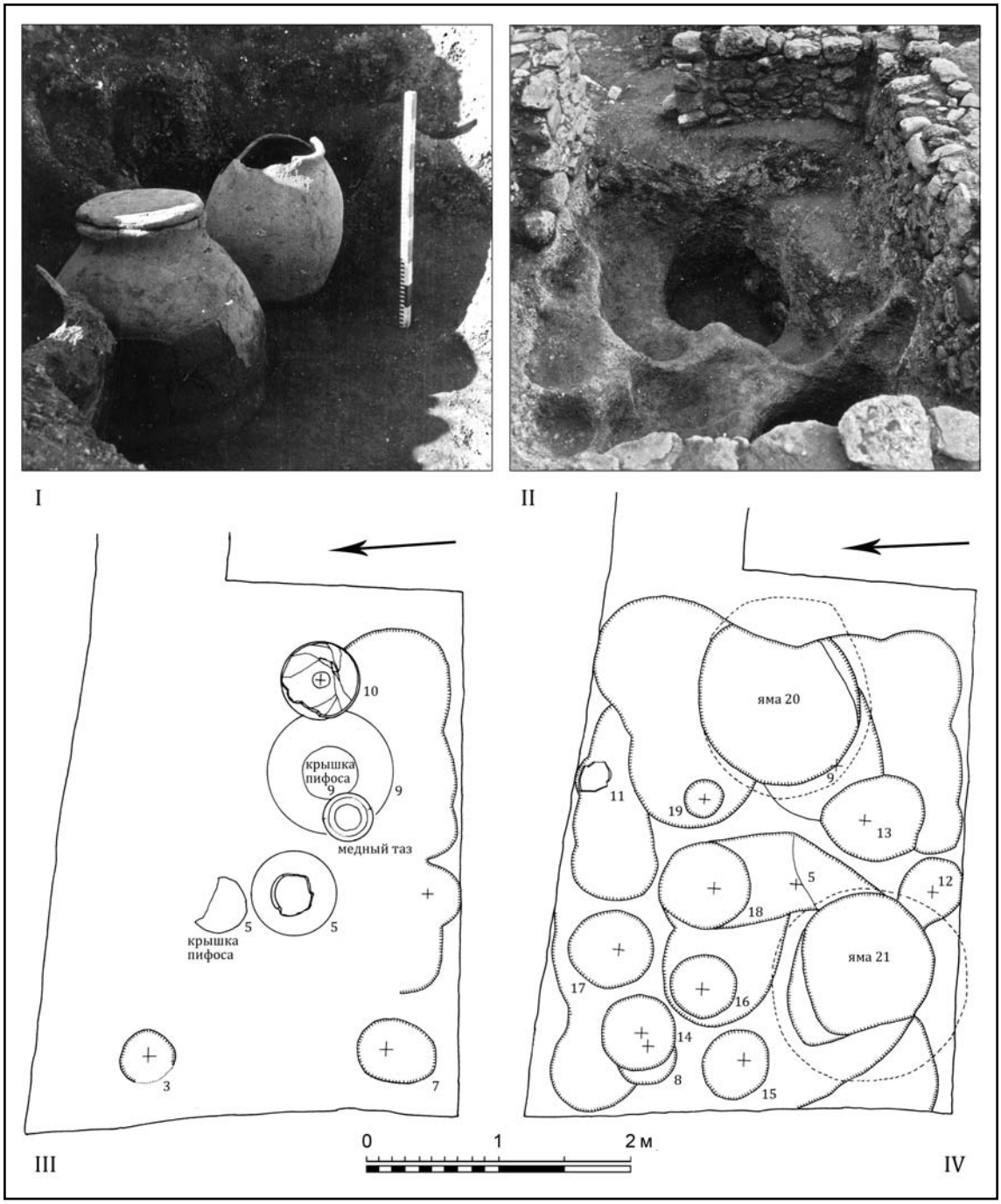


Рис. 18. Замок Фуна. Строение №32: I, III — пифосы группы I, вкопанные по венчик в пол помещения; II, IV — пифосные ямы, впущенные с уровня пола (по Мыц, Кирилко 1991: рис. 43; 44; 48; 52).

Fig. 18. Funa castle. Construction no. 32: I, III — pithos-vessels of group I, embedded up to the rim into the floor of the room; II, IV — pithos pits dug in the floor level (after Мыц, Кирилко 1991: рис. 43; 44; 48; 52).

(рис. 9: 2) (Зеленко 1999: 225, рис. 3). Находки аналогичных сосудов известны на Северном Кавказе (Плетнева 1963: 59, рис. 37: 5—6; Зажигина 1996: 118—119, рис. 3: 1; Хрушкова 1998: 43, рис. 30: 1). Место производства их не установлено.

Пифосы группы III датируются наиболее узко — в рамках XIV — конца третьей четверти XV вв., и являются, скорее всего, продуктом местного производства. Сосуды типа 1 изготавливались, вероятно, как подражание импортным образцам группы II, появившимся на полуострове веком ранее. Источник морфологических особенностей пифосов типа 2 достоверно установить сложно. Близкие аналогии профилю венчика происходят из раскопок

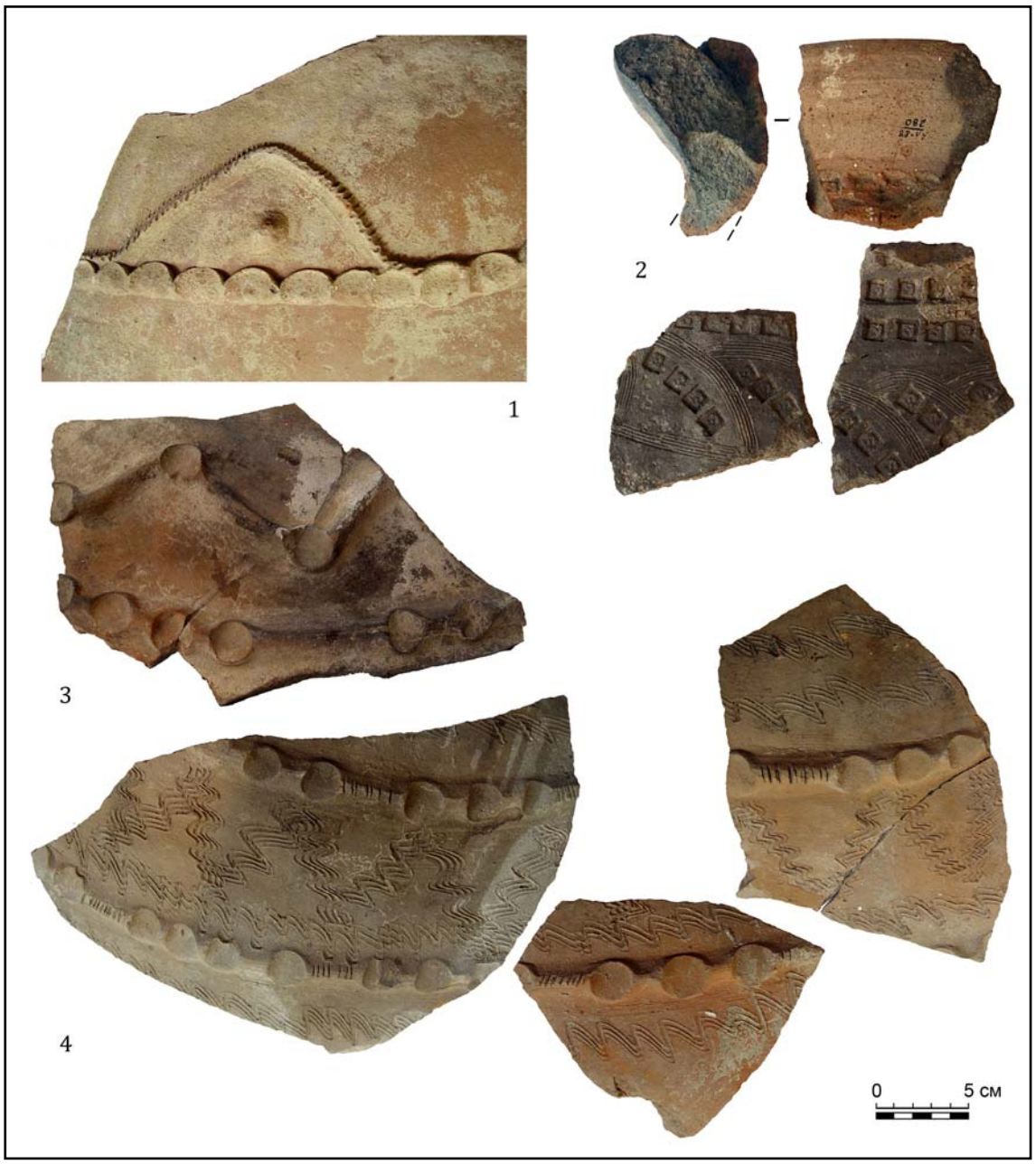


Рис. 19. Обломки пифосов с рельефным орнаментом: 1, 3, 4 — группа III; 2 — группа I.

Fig. 19. Fragments of pithos-vessels with relief ornament: 1, 3, 4 — group III; 2 — group I.

средневекового дворцового комплекса Лыхны в Абхазии. Здесь же в качестве декора отмечено использование пальцевых и ногтевых вдавлений по горлу сосудов (Хрушкова 1998: 50—53, рис. 40). О проникновении в Горный Крым в XIV—XV вв. выходцев из Кавказа свидетельствуют данные топонимики и археологические материалы (Мыц 1991), однако выяснить степень влияния культурных традиций этого населения на производство пифосов в Крыму пока сложно.

Точно определить, для чего использовались пифосы в жилищно-хозяйственных комплексах XIV—XV вв., не всегда возможно, так как далеко не всегда содержимое их поддается идентификации и фиксируется исследователями. В двух из девяти пифосов мангупского дворца отмечены сохранившиеся кости рыбы (Якобсон 1953: 410). На Алустоне всего лишь в трех сосудах зафиксированы обугленные зерна пшеницы и овса (каталог: №6). В замке Фуна остатки различных запасов обнаружены в 17 сосудах. В 9 из них находились зерна злаков (ячмень пленчатый, рожь, пшеница, вика (?)), в 2 — бобы, в 3 — семена льна, в 1 — скорлупа орехов лещины,

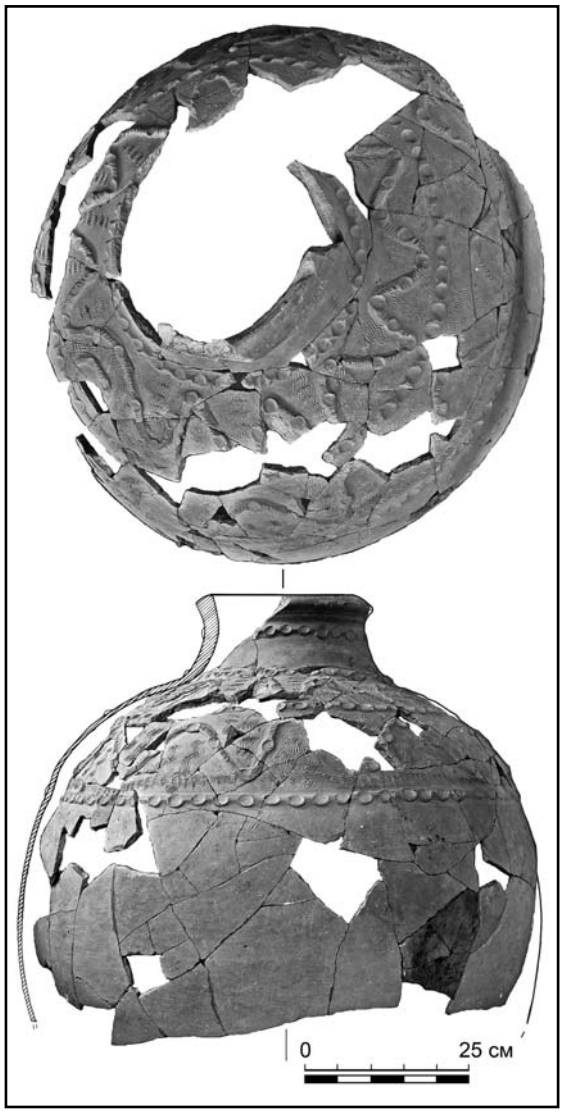


Рис. 20. Пифос группы III из винодельческого комплекса у юго-восточной окраины с. Изобильное.

Fig. 20. Pithos of group III from the winemaking complex near the South-Eastern outskirts of Izobilnoe village.

в 2 — крупные куски древесного угля (каталог: №42; 44; 47; 48; 55). Большинство же пифосов, вероятно, использовалось для воды или жидких продуктов, остатки которых практически не сохраняются и определяются только при помощи естественнонаучных исследований. Впервые в Крыму химический анализ содержимого средневековых пифосов производился на базе материалов, полученных В.Л. Мыцом при раскопках крепости Алустон. Из 27 проб, представленных для анализа, 19 имели компоненты, входящие в состав продуктов переработки винограда (Адаксина, Мыц, Смекалова 1991: 16, табл. 1, 2). То есть 70,3 % подвергнутых анализу сосудов использовались как емкости для виноматериала или вина. О производстве вина в крепости Алустон в XIV—XV вв. свидетельствует также винодельческий инвентарь, обнаруженный в 2-х усадьбах. В одной из них найдена большая каменная гиря для виноградного пресса. Здесь же располагались 2 каменные крышки для пифосов и яма для установки 2-х «бочек». В соседнем помещении располагался вкопанный по венчик пифос группы II с каменной крышкой (каталог: №16.1; 16.2). Во второй усадьбе обнаружены остатки обугленных деревянных конструкций тарапана с каменной гирей и 7 фрагментированных пифосов группы III, общим объемом около 900 л (каталог: №33.1; 33.2). На Фуне остатки деревянного тарапана с каменной гирей в комплексе с двумя пифосами группы I найдены в помещении, предшествовавшем сооружению крепости (каталог: №35.1). В самом замке гири использованы только в качестве строительного материала (Кирилко 2005, рис. 91; 97; 98). Не исключено, что первичная переработка винограда происходила за пределами крепостных стен в близлежащем селении, а в княжеские закрома доставлялся полуфабрикат или готовый продукт и заливался в предназначенные для него глиняные «бочки».

Об особенностях производства и использования пифосов достаточно много информации содержится в нарративных источниках и этнографических материалах. Особое внимание к глиняным «бочкам» во многом обусловлено большим значением сосудов в традиционном виноделии и довольно сложной процедурой их изготовления. От добротности пифоса во многом зависело качество будущего напитка. Довольно подробно нюансы технологического процесса и последующей подготовки «винных сосудов» описаны в «Геопониках» — византийской сельскохозяйственной энциклопедии X в. Важными были все этапы работы — от приготовления глины до послеобжиговой обработки сосуда. В энциклопедии отмечено, что «не всякая глина пригодна для гончара… Заказчик должен побывать в мастерской, позаботиться заранее о том, чтобы глина была хорошо обработана и разрешить подымать на круг пифос не раньше, чем станет ясно по самой глине, каким выйдет обожженный пифос» (Геопоники 1960, VI: 3). В энциклопедии описаны разные подходы к формовке пифосов. Указывается, что «гончары ставят на круг не все, а только маленькие пифосы. Над большими же, которые лежат на земле, они работают в теплом помещении, ежедневно подбавляя к ним глины…» (Геопоники 1960, VI: 3). Подобная ситуация известна из этнографических наблю-

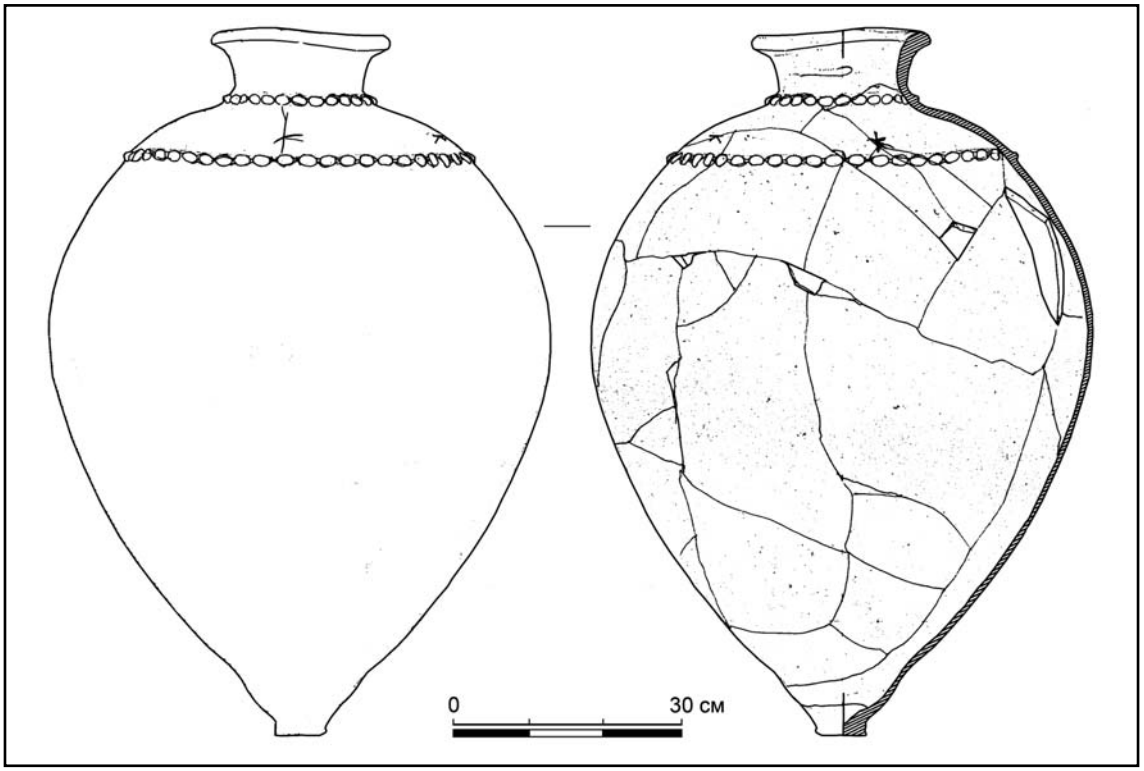


Рис. 21. Пифос группы III из винодельческого комплекса у юго-восточной окраины с. Изобильное.

Fig. 21. Pithos of group III from the winemaking complex near the South-Eastern outskirts of Izobilnoe village.

дений. В Грузии, например, формовка больших сосудов (от 50—200 до 450—500 ведер) производилась также вручную, без использования гончарного станка, путем наращивания стенок из глины, раскатанной в жгуты. Стенки выводились постепенно по мере высыхания наложенных жгутов. Процедура формовки продолжалась от двух недель до месяца в зависимости от температуры воздуха. Для экономии времени одновременно формировали несколько пифосов. Работы производились в помещениях, защищенных от солнечного света и быстрой перемены температуры. Хорошо подсохшие сосуды переносили в большие обжигательные печи, куда одновременно ставили несколько «чури», промежутки между которыми заполняли мелкой посудой (Народы Кавказа 1962: 260—261). Аналогичные технологии изготовления пифосов зафиксированы в 60-х гг. XX в. в традиционном гончарном производстве в Мессении (юго-западный Пелопоннес) и на Кипре (рис. 24: 1—4) (Hampe, Winter 1962: Taf. 19—21, 37—41). Вероятно, примерно так же происходил процесс выделки сосудов группы I в средневековой Таврике. В Армении в XIX в. среди армянских гончаров имелись мастера, которые могли изготавливать карасы в рост человека и выше на гончарном станке (Лисициан 1955: 194). На гончарном круге формовались пифосы и на Крите. При этом для устройства рабочего места гончара изначально выкапывалась специальная траншея с боковыми нишами, в каждой из которых устанавливался гончарный круг с подвижной осью. Рабочая плоскость круга находилась вровень с дневной поверхностью. В производственном процессе участвовали два че-

Рис. 22. Старинный способ хранения вина, с. Джгерда, Абхазия (по Акаба 1955: рис. 3).

Fig. 22. An ancient way of wine storage, village Dzhgerda, Abkhazia (after Акаба 1955: рис. 3).

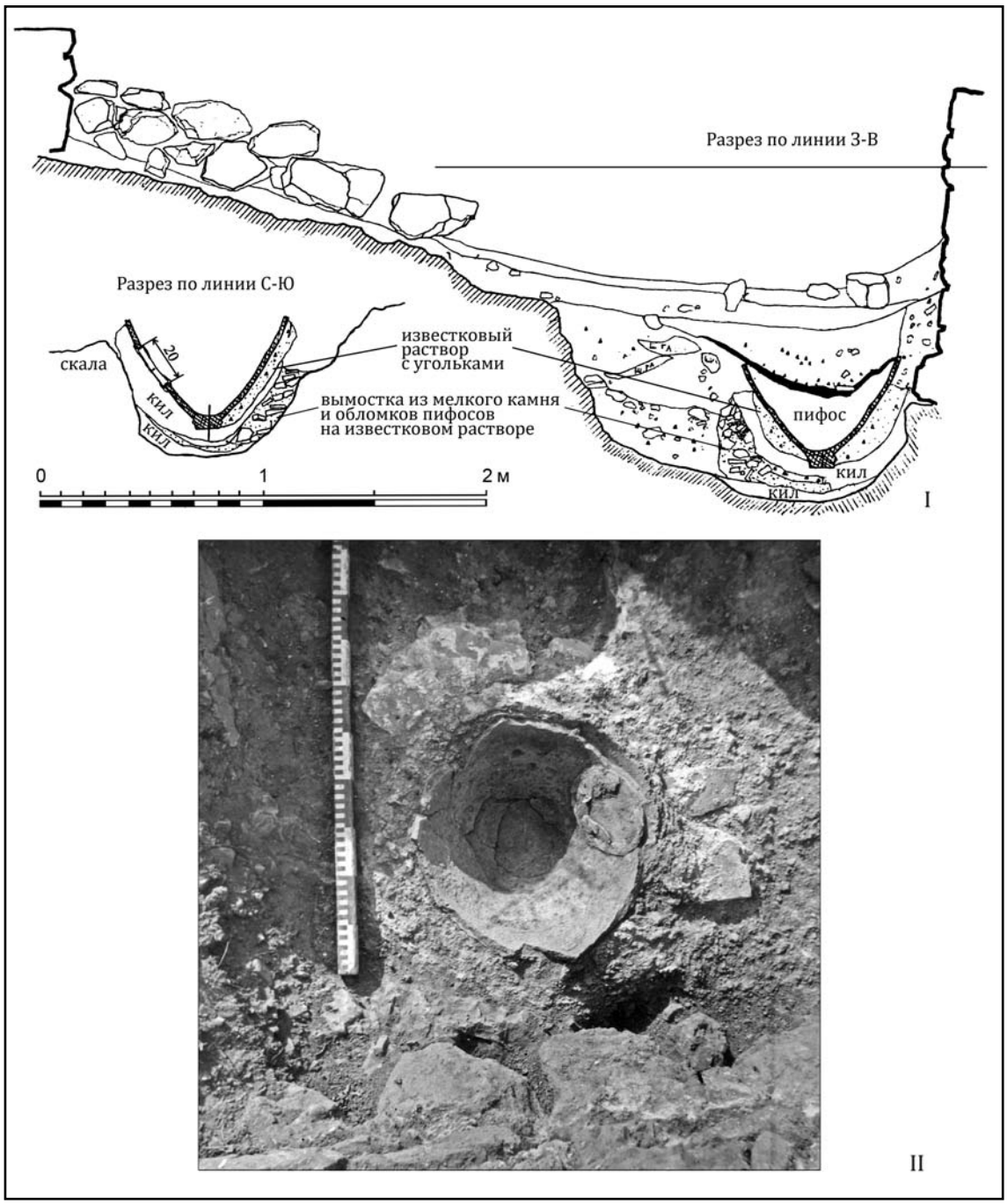


Рис. 23. Замок Фуна. Донная часть пифоса с ремонтом, укрепленная вымосткой из камня и обломков стенок пифосов, килом и известковым раствором: I — разрезы пифосной ямы по линиям З–В и С–Ю; II — фото, вид сверху (по Мыц, Кирилко 1995: рис. 31; 32).

Fig. 23. Funa castle. Bottom part of a repaired pithos, fastened by a setting consisting of stones and fragments of pithos walls, kil and mortar: I — sections through the pithos pit on the West-East and North-South axis; II — photo from above (after Мыц, Кирилко 1995: рис. 31; 32).

ловека. Один из них, сидя в траншее, вращал маховик, второй, находясь наверху, формовал изделие посредством наложения глиняных жгутов с последующим заглаживанием и выравниванием стенок (рис. 24: 5, 6) (Hampe, Winter 1962: 40—41, Taf. 16—17). На территории Греции для обжига пифосов использовали, как однокамерные печи (Hampe, Winter 1962: 69—70, Taf. 39, 41: 1, 2), так и двухъярусные горны с вертикальным ходом горячих газов (рис. 25; 26) (Hampe, Winter 1962: 24—25, 49—54, Taf. 10; 11; 18; 19: 5, 6; 20; 21).

Пифосы изготавливались как на заказ, так и на продажу. При этом, например,

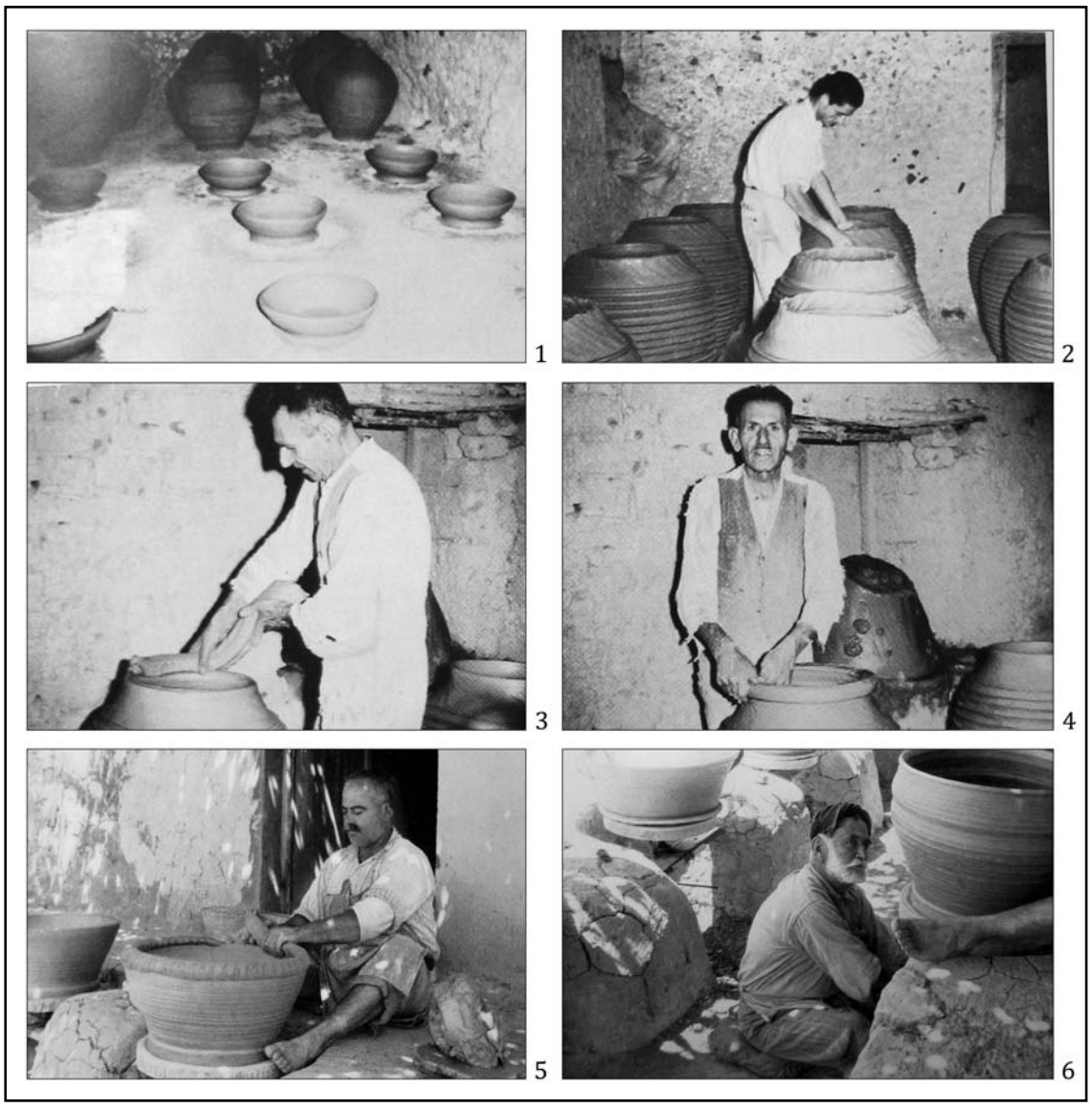


Рис. 24. Способы формовки пифосов: 1—4 — без использования гончарного круга, Мессения, 1960 г. (по Hampe, Winter 1962: Taf. 19); 5, 6 — на гончарном круге, Крит, 1960 г. (по Hampe, Winter 1962: Taf. 17).

Fig. 24. Ways of moulding of pithos-vessels: 1—4 — without wheel, Messenia, 1960 (after Hampe, Winter 1962: Taf. 19); 5, 6 — using the wheel, Crete, 1960 (after Hampe, Winter 1962: Taf. 17).

на Кавказе предпочтение отдавалось винным кувшинам из определенных районов, несмотря на сложность доставки (Народы Кавказа 1962: 261; Винокуров 1999: 139). В Греции славились пифосы из окрестностей местечка Корони в Мессении. Отсюда, на маленьких парусниках и моторных лодках, они развозились по побережью, на острова Эгейского моря и даже на Крит, где существовало собственное производство глиняных «бочек». «Пифосы из Корони» пользовались здесь спросом, так как считались более добротными (Hampe, Winter 1962: 47). Как в античный, так и в средневековый периоды были нередки случаи трансчерноморских перемещений пифосов (Винокуров 1999: 139; Диатроптов 1999: 177; Зеленко 1999: 225, рис. 3), которые, скорее всего, не представляли собой специальный товар, а использовались как тара для транспортировки готовых продуктов.

При подготовке к использованию «винные кувшины» подвергались специальной обработке. На Кипре только что вынутые из печи, еще горячие сосуды обливали изнутри расплавленной смолой, состав которой, к сожалению, не приводится (рис. 26: 2—5). После этого сосуды окуривали дымом тлеющих оливковых листьев, освященных в Вербное воскресенье (рис. 26: 6) (Hampe, Winter 1962: 71). Последнее действие, видимо,

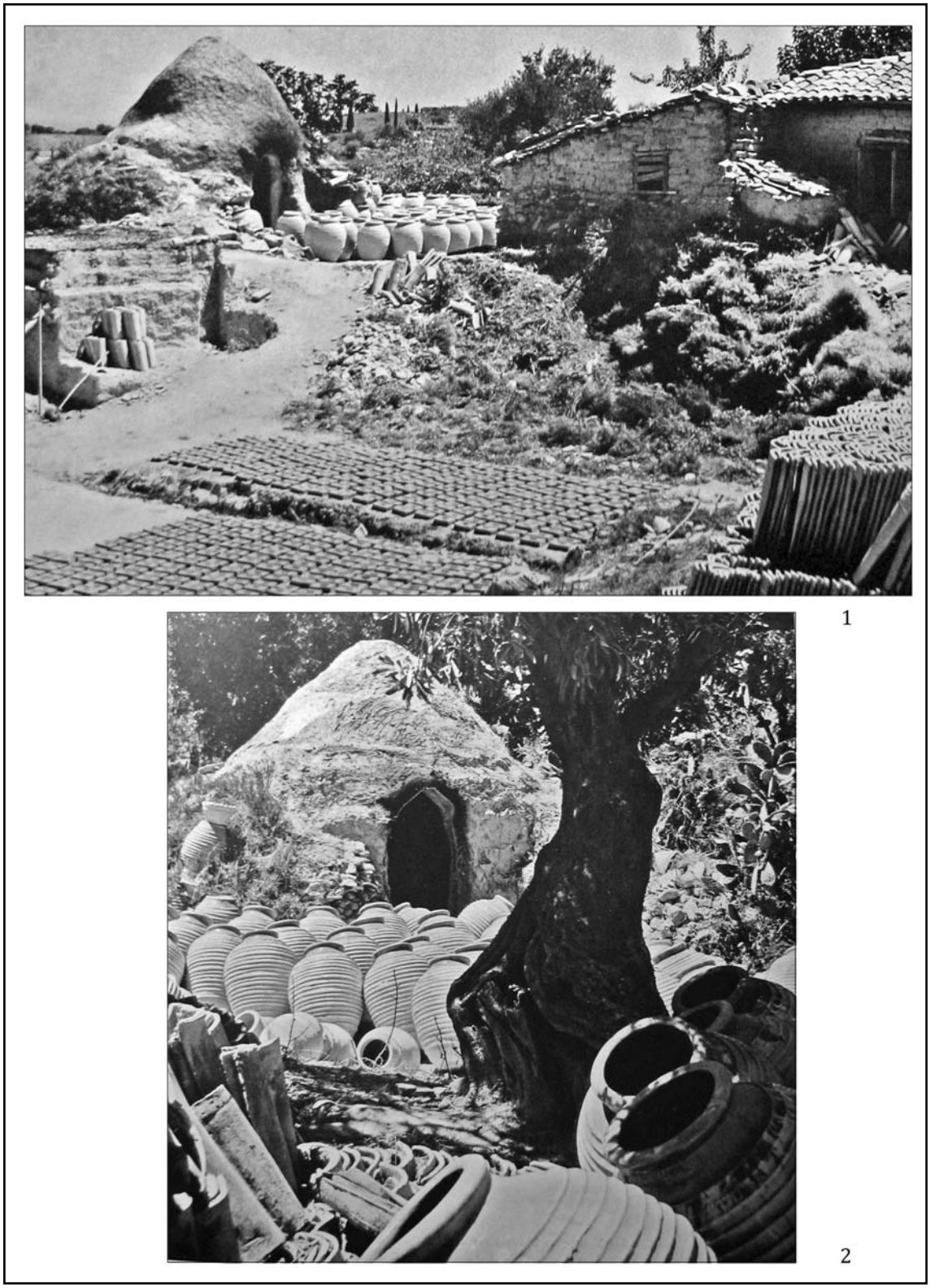


Рис. 25. Горны для обжига пифосов в Мессении, 1960 г. (по Hampe, Winter 1962: Taf. 20, 21).

Fig. 25. Kilns for pithos baking from Messenia, 1960 (after Hampe, Winter 1962: Taf. 20, 21).

выполнялось скорее в ритуальных, чем в утилитарных целях. На Кавказе для уменьшения пористости внутренняя поверхность сосуда смазывалась жиром (курдючным салом), воском или же смесью воска и смолы (Народы Кавказа 1962: 244). В античное время для пропиток использовались воск, камедь и смола (Винокуров 1999: 139—140). В византий-

Рис. 26. Печь для обжига пифосов на Кипре, завершающие этапы производства сосудов, 1961 г.: 1 — замуровывание загруженной гончарной печи; 2 — извлечение пифосов из горячей печи; 3—5 — смоление сосудов; 6 — ритуальное обдымливание пифоса (по Hampe, Winter 1962: Taf. 41: 37).

Fig. 26. Kiln for pithos baking from Crete, final stages of production of vessels, 1961: 1 — immuring of loaded kiln; 2 — extraction of vessels from the hot kiln; 3—5 — caulking of vessels; 6 — ritual smoking of pithos (after Hampe, Winter 1962: Taf. 41: 37).

ской традиции в смолу добавляли различные травы, ладан, толченые семена. Считалось, что смола имеет большое влияние на качество и свойства напитка (Геопоники 1960, VI: 5—8). Бывшие в употреблении сосуды тщательно чистились и обрабатывались. Известны специальные приспособления, используемые для этих целей грузинскими виноделами. Малые кувшины мылись при помощи длинной палки, на конце которой крепились зажатые между двух дощечек куски вишневой коры. Воду удаляли черпаком, сделанным из глиняной или тыквенной чаши, которая подвешивалась к двум длинным палкам. Большие сосуды чистили спустившиеся на их дно мойщики (Народы Кавказа 1962: 244). При необходимости сосуд мог заполняться хворостом и выжигаться (Винокуров 1999: 139). В «Геопониках» рекомендовалось в августе высушивать пифосы на солнце (Геопоники 1960, III: 11). Не исключено, что многочисленные, перекрывающие одна другую пифосные ямы, фиксируемые в помещениях на Алустоне и Фуне, и свидетельствуют о частом извлечении сосудов из земли именно для подобных целей — чистки, просушки,

специальной обработки. Вкапывались сосуды на разную глубину, в зависимости от особенностей технологического процесса производства вина и существующих традиций (Геопоники 1960, VI: 2; Винокуров 1999: 139; Акаба 1955, рис. 3). На Кавказе большие кувшины для прочности и лучшей изоляции при закапывании обкладывали слоем известкового раствора, перемешанного с плоскими камнями, закрывали круглой деревянной или каменной крышкой (Народы Кавказа 1962: 244). Как отмечалось выше, большинство сосудов группы I и II также было найдено с плоскими округлыми каменными крышками, а в замке Фуна и в княжеском дворце на Мангупе некоторые пифосы были укреплены известковым раствором. Видимо, на территории средневековой Таврики также существовала специфика в использовании пифосов в зависимости от их размера, толщины стен и формы венчика. Сосуды больших объемов (группа I и некоторые экземпляры группы II) с толстыми стенками и широким венчиком служили, скорее всего, для длительного хранения готового продукта (выдержки вина). Они полностью вкапывались в грунт и герметично закупоривались при помощи глиняного жгута, уложенного между венчиком и крышкой, чем достигался стабильный температурный режим и изоляция от внешних воздействий. Тонкостенные пифосы, возвышающиеся над поверхностью, скорее всего, применялись в процессе изготовления и для непродолжительного хранения молодого вина, подлежащего либо быстрой утилизации, либо переливанию в подземные емкости.

Исходя из этого, очевидно, что в Крыму в XIV—XV вв. сохранялись византийские традиции изготовления и эксплуатации пифосов, основная масса которых использовалась в виноделии. Корни этих традиций уходят в глубокую древность, а остатки до настоящего времени фиксируются в этнографии народов винодельческих районов — Кавказа, Греции и пр. Близкое сходство форм «винных кувшинов» из Крыма и Кавказа может указывать на тесные связи этих регионов в средневековье, сопровождаемые, вероятно, перемещениями населения.

Что касается морфологического и хронологического разнообразия самих сосудов, то на памятниках Крыма (по крайней мере, южной его части) в комплексах XIV—XV вв. удалось, пока, зафиксировать использование трех основных групп пифосов, появившихся на полуострове в разное время. Самыми древними являются сосуды группы I, период эксплуатации их к XV в. мог достигать 500—600 лет. С другой стороны, возможно также, что в отдельных районах с VIII—X вв. сохранялись традиции изготовления именно таких сосудов. На основании имеющихся данных это невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Более «молодые» — пифосы группы II. Они изготавливались и эксплуатировались на протяжении не более 250—300 лет, представлены, в основном, импортными образцами. В каком регионе впервые появляются сосуды с подобными морфологическими особенностями, установить не удалось. Более детальная хронология их также затруднительна. И, наконец, самые поздние — «винные кувшины» группы III. Период их бытования не превышает 150—180 лет. Детальную хронологию и истоки морфологических особенностей сосудов еще предстоит выяснить.

Находки пифосов и винодельческого инвентаря в археологических комплексах XIV—XV вв. в крепости Алустон и в замке Фуна[16]

Крепость Алустон

1. Усадьба из 4 помещений (№35, 42, 42а, 42б).

1.1. Помещение №35.

Пифосы группы III: фрагменты 1 сосуда (у западной стены).

1.2. Помещение №42.

Пифосы группы III: 1 (у юго-восточной стены), Дт. — 50 см, остальные параметры не указаны.

1.3. Помещение №42б.

Пифосы группы I, тип 2: 1, с каменной крышкой, вкопан по горло; Н — 100 см, Дт. — 75 см.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 2, размер

[16] В каталог включены только комплексы, в которых, согласно отчетной документации, обнаружены пифосы и/или пифосные ямы. К сожалению, соотнести изделия, отображенные на рисунках к статье с конкретными комплексами, перечисленными в каталоге, не всегда возможно, потому что на многих сосудах, в особенности из раскопок крепости Алустон, отсутствовали шифры и коллекционные номера, а в отчетах — рисунки или фотографии этих пифосов. Там, где можно было точно идентифицировать происхождение пифоса из того или иного комплекса, — ссылки на рисунки приведены.

в плане — 1,25 × 1,30 м, глубина — 0,90—0,95 м.

Источник: Мыц 1987: 13—14.

2. Усадьба из 3 помещений (№39—41) и крытого двора (№38).

2.1. Помещение №38.

Пифосы группы I, тип 2: 3, вкопаны по горло, из них 2 больших (рис. 5: 1), Н — 130 см, Дт. — 85—87 см, и 1 небольшой, Н — 100 см, Дт. — 52 см.

2.2. Помещение №39.

Пифосы группы III: 3 (1 целый, тип 1, у 2-х утрачены венчики), вкопаны примерно на 2/3, украшены налепными валиками с пальцевыми вдавлениями (рис. 10: 3; 9: 3, 4); Н — 108 см, Дт. — 87—90 см, Дв. — 30—35 см.

2.3. Помещение №41.

Пифосы группы I, тип 2: 2, вкопаны по горло, в верхней части обмазаны известью; Н — 100—110 см, Дт. — 70—80 см, Дв. — 42—50 см; установлены на месте двух разбитых сосудов группы III, обломки которых остались в ямах.

Источник: Мыц 1987: 14—15, рис. 33—38; 49; 1988: 4—5.

3. Усадьба из 3-х помещений (№88, 93, 94).

3.1. Помещение №94.

Пифосы группы I, тип 1: 1, накрыт каменной крышкой поверх валика из глины; утраченный фрагмент венчика заменен фрагментом стенки другого сосуда, прикрепленным на глине, небольшое отверстие в корпусе залито свинцом (рис. 4: 2; 8: 1, 2); Н — 164 см; Дв. — 50 см; Дт. — 102 см; Дд. — 12,5 см.

Пифосы группы I, тип 2: 3, утрачены венчики и верхняя часть корпуса; Дт — 40—60 см.

Источник: Мыц 1990: 23—24, рис. 68; 69; 78; 79.

4. Усадьба из 3-х помещений (№89, 90, 92).

4.1. Помещение №89.

Пифосы группы I, тип 2: 5, из них 2 — вкопаны по венчик (верхняя часть фрагментирована), накрыты каменными крышками; 3 — примерно на 1/3—1/4 возвышались над полом, венчики утрачены (рис. 8: 4).

Пифосные ямы без остатков сосудов: 4, параметры не ясны (рис. 8: 4).

4.2. Помещение №90.

Пифосы группы I, тип 2: 1, вкопан по венчик, накрыт каменной крышкой; параметры не указаны.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 1, округлая в плане, Д — 100 см.

4.2. Помещение №92.

Пифосы группы III: 2 фрагментированных пифоса, донные части впущены в небольшие углубления.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 6; параметры не указаны.

Источник: Мыц 1990: 18—22, рис. 72—75, 81.

5. Помещение №95.

Пифосы группы I, тип 2: 1, накрыт каменной крышкой поверх жгута из глины; параметры не указаны.

Источник: Мыц 1990: 24.

6. Помещение без номера с внешней стороны северо-западной куртины.

Пифосы группы I, тип 2: 1, фрагментированный; в *заполнении* — обугленные зерна пшеницы и овса.

Пифосы группы III: 2, фрагментированы, украшены налепными валиками и волной, выполненной гребенкой; в *заполнении* — обугленные зерна пшеницы и овса.

Источник: Мыц 1985а: 3—4.

7. Усадьба из 2-х помещений (№8 и 9).

7.1. Помещение №8.

Пифосы группы I, тип 2: фрагменты 2 сосудов (на полу).

Источник: Мыц 1985а: 22.

8. 2—3 усадьбы из 6 помещений (№1—5, 13).

8.1. Помещение №2 (второй строительный период).

Пифосы группы I, тип 2: 1, горло украшено налепным валиком, под которым по сырой глине пальцем прочерчена высокая плавная волна (рис. 4: 3); вкопан по горло, накрыт каменной крышкой; Н — 120 см, Дв. — 38 см, Дт. — 69 см, Дд. — 15 см.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 2, параметры не указаны.

8.2. Помещение №3.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 1 для 2 пифосов, овальная в плане, размер — 0,9 × 1,5 м, глубина — 0,6 м.

8.3. Помещение №4.

Пифосы группы III: отдельные обломки стенок.

8.4. Помещение №5.

Пифосы группы I, тип 2: 1, верхняя часть утрачена; Дт. — 75 см,

Дд. — 17 см, Н — около 135 см.

Пифосы группы III: обломки стенок.

Пифосные ямы: 2, в плане неправильной формы, глубина — 1,0 м; в одной из них остатки пифоса, указанного выше.

Источник: Мыц 1985а: 8—16, рис. 3; 16—20; 27—28; 35; 38—39: 75: 1, 2.

9. Помещение №27.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 1, округлая в плане; Д — 45 см, гл. — 20 см.

Источник: Мыц 1986: 15.

10. Усадьбы из 3-х помещений (№19, 24, 25).

10.1. Помещение №19.

Пифосы группы I, тип 1: 1, с каменной крышкой, вкопан по венчик (рис. 4: 1); Н — 147 см, Дв. — 50 см, Дт. — 93—98 см, Дд. — 13 см.

Пифосы группы I, тип 2: 3, с каменными крышками, вкопаны по венчик (рис. 10: 2); 2 из них более крупные, Н — 130 см, Дв. — 36 см, Дт. — 80 и 64 см, Дд. — 12 см; 1 — мельче, Н — 103 см, Дв. — 31 см, Дт. — 60 см, Дд. — 11 см.

10.2. Помещение №24.

Пифосы группы I, тип 2: фрагменты 3-х (?) сосудов; параметры не указаны.

Пифосные ямы: 3, с остатками сосудов; параметры не указаны.

10.2. Помещение №25.

Пифосы группы I, тип 2: фрагменты 3-х (?) сосудов; параметры не указаны.

Пифосные ямы: 3, с остатками сосудов; параметры не указаны.

Источник: Мыц 1986: 21—23, рис. 2; 11—12; 19; 30: 1—3; 31: 1.

11. Усадьбы из 3-х помещений (№21—23).

11.1. Помещение №21.

Пифосы группы I, тип 2: 1, нижняя часть.

Пифосные ямы: 1 для 2-х сосудов; параметры не указаны.

11.2. Помещение №22.

Пифосы группы I, тип 2: нижние части 2-х сосудов в 2-х ямах.

Пифосные ямы: 2 ямы для установки 4—5 сосудов; параметры не указаны.

11.3. Помещение №23.

Пифосы группы I, тип 2: нижние части 2-х сосудов в 1-й яме.

Пифосные ямы: 1 яма для установки 2 сосудов, в плане овальной формы, 1,00×1,50 м.

Источник: Мыц 1986: 18—19, рис. 2; 6; 10.

12. Усадьба из 3-х помещений (№30, 31, 34) и двора (№34а).

12.1. Помещение №30.

Пифосы группы I, тип 2: 2, с каменными крышками, вкопаны по венчик (рис. 10: 1); Н — 118 и 128 см; Дт. — 80 и 90 см.

12.2. Помещение №31.

Пифосы группы I, тип 2: 1, вкопан примерно на 1/3 (40 см), верхняя часть утрачена; Дт. — 100 см.

Источник: Мыц 1987: 10—11, рис. 11—20.

13. Помещение №52.

Пифосы группы I, тип 2: 2, с каменными крышками, вкопаны по венчик (рис. 8: 5); параметры не указаны.

Источник: Мыц 1988: 37—38, рис. 63; 83.

14. Усадьба из 3-х (?) помещений, исследовано 2 (№62, 68).

14.1. Помещение №68.

Пифосы группы III, тип 2: 8, вкопаны примерно на 1/3, верхние части фрагментированы; горло и верхняя часть тулова украшены налепными валиками с пальцевыми вдавлениями и прочерченным орнаментом в виде многорядной волны (рис. 10: 5); Н — 110—115 см, Дт. — 85—95 см.

Источник: Мыц 1989: 11, рис. 58.

15. Усадьба из 3-х помещений (№63, 81, 81а).

15.1. Помещение №81.

Пифосы группы I, тип 2: 1, с каменной крышкой, вкопан по венчик, фрагментирован; Н — 120 см, Дт. — 110 см, Дв. — 55 см.

15.2. Помещение №81а.

Пифосы группы III: 3, вкопаны днища, верхние части фрагментированы.

Источник: Мыц 1989: 14, рис. 64; 65.

16. Усадьба из 3-х помещений (№82, 66, 66а).

16.1. Помещение №82.

Пифосы группы II: большой желтоглиняный пифос с высоким горлом и манжетовидным венчиком, фрагментирован, верхняя часть корпуса украшена реберчатыми выступами, которые на горле дополнены пальцевыми вдавлениями; вкопан по венчик, накрыт каменной крышкой (рис. 9: 1; 10: 4); Дв. — 39 см.

16.2. Помещение №66 и 66а (разделено на два во втором строительном периоде).

Винодельческий инвентарь: большая каменная гиря для виноградного пресса, 2 каменные крышки для пифосов.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 1, для установки 2 пифосов; размер в плане — 3,0×1,5 м.

Источник: Мыц 1989: 20—22, рис. 20.

17. Усадьба из 2-х (?) помещений (№69, 76).

17.1. Помещение №69.

Пифосы группы III: фрагменты стенок.

Источник: Мыц 1989: 27.

18. Помещение №70.

Пифосы группы I, тип 2: основание небольшого пифоса.

Источник: Мыц 1989: 30.

19. Помещение №79.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 8 для 8-ми (?) пифосов; параметры не указаны.

Источник: Мыц 1989: 35.

20. Помещение №83 (раскопано частично).

Пифосы группы I, тип 2: 2, с каменными крыш-

ками, вкопаны по венчик (рис. 8: 3); 1 плоскодонный: Н — 98 см, Дт. — 58 см, Дв. — 41 см, Дд. — 18 см (рис. 6: 1); 1 на ножке: Н — 112 см, Дт. — 70 см, Дв. — 41 см.

Источник: Мыц 1989: 33, рис. 51—54.

21. Помещение №85.

Пифосы группы, тип 1: остатки 1 сосуда; параметры не указаны.

Источник: Мыц 1989: 32; 1990: 4.

22. Усадьба из 3-х (?) помещений (№96—98).

22.1. Помещение №96.

Пифосы группы I, тип 2: 1, с каменной крышкой, вкопан по венчик, впущен в яму с остатками донной части подобного пифоса, фрагментирован; Н — 0,83, Дв. — 0,31, Дт. — 0,64, Дд. — 0,16; обломки других сосудов, количество не указано.

Пифосы группы III: значительное количество обломков, в том числе с налепными валиками и пальцевыми вдавлениями, количество сосудов или их профильных частей не указано.

22.2. Помещение №97.

Пифосы группы I, тип 2: обломки стенок, количество сосудов не указано.

Пифосы группы III: обломки стенок, в том числе с налепными валиками и пальцевыми вдавлениями. Количество сосудов не указано.

Источник: Мыц, Адаксина 1991: 5—6, 8—9, рис. 5—7.

23. Усадьба (?) из 4 (?) помещений (№99, 100, 100а, 100б).

23.1. Помещение №99.

Пифосы группы III: фрагменты стенок, в том числе с налепными валиками и пальцевыми вдавлениями.

23.2. Помещение №100.

Пифосы группы I, тип 2: 1, с каменной крышкой, в центральной части которой выбит крест (рис. 6: 4; 8: 6); Н — 144 см, Дв. — 38 см, Дт. — 80 см, Дд. — 12,5 см; в з*аполнении* — остатки органического вещества белого цвета, состав которого включает продукты переработки винограда.

Пифосы группы III: 1, фрагментирован, украшен налепным валиком с пальцевыми вдавлениями; в з*аполнении* — коричневоглиняный горшок с росписью белым ангобом.

Источник: Мыц, Адаксина 1992: 6—10, 11—12, рис. 27—30; 65.

24. Помещение №101.

Пифосы группы I, тип 2: 1 целый, с каменной крышкой (рис. 5: 4), Н — 115 см, Дв. — 36 см, Дт. — 80 см, Дд. — 14 см; 2 донные части.

Источник: Мыц, Адаксина 1992: 14—15, рис. 34; 35; 60.

25. «Внутренний дворик» на раскопе 12.

Пифосы группы I, тип 2: фрагменты 1 пифоса и каменная крышка.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 1, округлая в плане, Д — 1,25 м.

Источник: Мыц, Адаксина 1992: 21—22.

26. Помещение №102.

Пифосы группы III: 7 фрагментированных сосудов, вкопаны донные части; в з*аполнении одного из них* — коричневоглиняный кувшин-ойнохоя с росписью белым ангобом.

Источник: Мыц, Адаксина и др. 1994: 76—77.

27. Помещение №103.

Пифосы группы III: разрозненные обломки, количество сосудов не указано.

Источник: Мыц, Адаксина др. 1994: 78.

28. Помещение №104.

Пифосы группы III: разрозненные обломки, количество сосудов не указано.

Источник: Мыц, Адаксина и др. 1994: 79.

29. Помещение №105.

Пифосы группы III: 1 фрагментированный сосуд, донная часть вкопана на 30 см.

Источник: Мыц, Адаксина и др. 1994: 81.

30. Помещение №106.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 2, исследована 1; Д — 160 см, глубина — 65 см.

Источник: Мыц, Адаксина др. 1994: 81—82.

31. Помещение №107.

Пифосы группы I, тип 2: 1, фрагментированный, в яме (Д — 1,4 м, глубина — 90 см); в з*аполнении* — коричневоглиняный кувшин-ойнохоя с росписью белым ангобом.

Источник: Мыц, Адаксина и др. 1994: 82—83.

32. Помещение №108.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 1, Д — 85 см, глубина — 87 см.

Источник: Мыц, Адаксина др. 1994: 84.

33. Усадьба из 3-х помещений (№36, 59, 60).

33.1. Помещение №36.

Пифосы группы III: фрагменты стенок.

Винодельческий инвентарь: остатки сгоревшего тарапана и каменная гиря для виноградного пресса, параметры не указаны.

33.2. Помещение №59.

Пифосы группы III: 7, фрагментированы, донные части вкопаны; 1 пифос украшен 4-мя рядами налепных валиков с пальцевыми вдавлениями

(рис. 10: 6); общий объем — около 900 л; в *заполнении одного из сосудов* — органические остатки, состав которых включает продукты переработки винограда.

Источник: Мыц 1987: 18; 1989: 4—7, рис. 55.

Крепость Фуна

Строения, предшествовавшие сооружению крепости (верхняя дата — 1423 г., нижняя — не ранее конца XIII — XIV вв.)

34. Усадьба (?) из 3—4-х помещений (№23, 24, 27).

34.1. Помещение №27.

Пифосы группы I, тип 2: 1, фрагментирован.

Пифосы группы III: фрагмент венчика.

Источник: Мыц 1981: 14—15, рис. 47; 1987: 25; рис. 107; 108.

35. Усадьба из 4-х помещений (№7, 8, 25, 26).

35.1. Помещение №7.

Пифосы группы I, тип 2: 2, вкопаны по венчик, фрагментированы, сохранились на 2/3; в одном из пифосов — обломки красноглиняного горшка.

Пифосы группы III: фрагментированные сосуды, количество не указано.

Винодельческий инвентарь: каменная гиря для виноградного пресса, пирамидальной формы, Н — 70 см, основание — 50×55 см, диаметр отверстия — 5—6 см; деревянные детали конструкции тарапана — обугленные доски (ширина — 12—15 см, толщина — 3,5—4,5 см), бруски.

35.2. Помещение №8.

Пифосы группы III: фрагментированные сосуды, количество не указано.

35.3. Помещение №25.

Пифосы группы I, тип 2: 1, фрагментирован.

Пифосные ямы без остатков сосудов: ямы для установки 5—6 пифосов; параметры не указаны.

35.4. Помещение №26.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 1, северная стена обложена бутовым камнем на известковом растворе.

Источник: Мыц 1983: 18—19; рис. 89: 1—2; 95—97; 1984: 4—5, 8—10, рис. 4; 1987: 32—33, рис. 78; 96—99; Кирилко 2005: 49, рис. 39.

Внутрикрепостная застройка, 1423—1475 гг.

36. Помещение №21 (ранний этап).

Пифосы группы I, тип 1: красноглиняный пифос больших размеров; параметры не указаны.

Источник: Мыц, Кирилко 1991: 18, рис. 30.

37. Помещение №30.

Пифосы группы I, тип 2: изделие из стенки пифоса (16,5×17,5 см).

Пифосы группы III: тонкостенный пифос с плоским дном; Н — 75—80 см, Д — около 60 см.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 1 яма для 4 пифосов; в плане неправильной четырехугольной формы — 2,15×2,35 м, глубина — 1,25 м.

Источник: Мыц, Кирилко 1991: 24—25, рис. 27; 34.

38. Помещение №34.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 2 — для пифосов, 2 — неясного назначения.

Источник: Мыц, Кирилко 1991: 25, рис. 21.

39. Помещение №35.

Пифосы группы I, тип 2: днище пифоса с отверстием, закупоренным пробкой элипсовидной формы, выточенной из стенки такого же пифоса (20,5×16,2 см) с заливкой шва свинцом (рис. 23).

Пифосные ямы без остатков сосудов: 2 — в восточной и центральной части помещения, 3 — под южной кладкой, одна из них с остатками указанного днища, укрепленного вымосткой из камня и обломков стенок пифосов, глиной (килом) и известковым раствором (рис. 23).

Источник: Мыц, Кирилко 1995: 30, рис. 31; 32.

40. Помещение №3.

Пифосы группы I, тип 2: остатки 1 пифоса в яме, параметры не указаны.

Источник: Мыц 1986: 34, рис. 73.

41. Помещение №5.

Пифосы группы III: фрагменты стенок коричневоглиняных пифосов, в том числе с орнаментом в виде многорядной волны и граффити в виде дельт.

Источник: Мыц 1984: 4, 35; Мыц, Кирилко 1991: 26—27, 54, рис. 20.

42. Помещение №6.

Пифосы группы I, тип 2: 2, фрагментированы; Н — 100—110 см; Dт. — 80—85 см, Dв. — 40—42 см, толщ. ст. — 2—2,5 см; в заполнении обоих пифосов — ячмень пленчатый (*Hordeum vulgare* L.)[17] (12,5 кг).

Пифосы группы III: 8, фрагментированы, украшены налепным валиком с пальцевыми вдавлениями и прочерченным гребенчатым орнаментом; Н — 90—95 см, Dт. — 70—80 см, Dв. — 0,28—0,30 см, толщ. ст. — 1—1,5 см; *заполнение* — в пифосах №1 и 5 — 19 кг обугленных зерен льна (*Linium usitatissimum* L.), №4 — 12 кг пшеницы двузернянки (*Triticum dicoccum* Schrank), №7 и 10 — бобы (*Vicia faba*) (21 кг), №6, 8, 9 — обугленные зерна ржи (*Secale cereale* L.) (20 кг).

Источник: Мыц 1984: 5—7; 1985: рис. 2; 1991а: 105—107; Мыц, Кирилко 1991: 29—30.

[17] Здесь и далее определение Г. А. Пашкевич (Мыц 1991а: 105).

43. Помещение №11.

Пифосы группы III: разрозненные обломки, количество сосудов не указано.

Источник: Мыц 1984: 15—16.

44. Помещение №13 (хозяйственный двор).

Пифосы группы III: 6, фрагментированы; от 3-х сохранились только обломки днищ с профилированными ножками; 1 — уцелел на высоту 65 см (вкопан в грунт на 45 см), венчик плавно отогнут, плечи украшены налепным валиком с пальцевыми вдавлениями, Dт. — 70 см, Dв. — 30 см, толщ. стенок — 1—1,5 см; 2 — плоскодонных сосуда сохранились на высоту 27 см (вкопаны в грунт на 20 см), Dт. — 52 см, толщ. стенок — 1 см; в заполнении 1 сосуда найдено несколько зерен злаков, в 2-х плоскодонных — крупные куски древесного угля.

Источник: Мыц 1984: 21, рис. 3: 1, 5, 6; 4; 72—77; 1985: рис. 2.

45. Помещение №20.

Пифосы группы III: обломки небольшого коричневоглиняного пифоса.

Источник: Мыц 1985: 4, рис. 3.

46. Помещение №16.

Пифосы группы III: 2, с плоским дном, сохранились на высоту 0,25—0,35 см; Н пиф. реконстр. — 50—55 см; Дт. — 40—45 см; Дд. — 11—12 см.

Источник: Мыц 1985: 9—10, рис. 21—22.

47. Помещение №28.

Пифосы группы I, тип 2: 1 фрагмент стенки с пентаграммой.

Пифосы группы III: 4, фрагментированы; 1 обломок стенки пифоса с многорядной волной (рис. 17: I, III); в *заполнении* 2-х сосудов — зерно вики или пшеницы.

Источник: Мыц, Кирилко 1991: 27—28, рис. 53; 55—57.

48. Помещение №32.

Пифосы группы I, тип 2: 2 (№5 и 9), с каменными крышками, вкопаны, возвышались над полом на 10—15 см (рис. 7: 3; 18: I, II).

Пифосы группы III: 7, из них 5 (№1—4, 6) — фрагментированы, располагались на полу; 1 (№7) — *in situ*, вкопан на 2/3, 1 (№10) — вкопан горловиной вниз (рис. 16; 17: II, IV); в заполнении 1 пифоса (№7) — семя льна.

Пифосные ямы без остатков сосудов:

1 углубление в полу под пифос без сосуда (№8), 9 пифосных ям под полом, без сосудов (рис. 18: II, IV).

Источник: Мыц, Кирилко 1991: 11—13, рис. 5; 42—47; Мыц 2009: рис. 340—342.

49. Помещение №43 (?).

Пифосные ямы без остатков сосудов: 2 ямы, из них 1 — для 3-х (?) пифосов, овальной в плане формы (0,95×1,30 м), 1 — для 1-го сосуда, округлая в плане (0,70×0,80 м, глубина — 0,60 м).

Источник: Кирилко 1998: 13—14, рис. 16—17; 2005: рис. 47.

50. Помещение №44.

Пифосы группы III: фрагменты, один из них украшен тремя налепными валиками с пальцевыми вдавлениями и граффити в виде птичьей лапы и надписи «Ицхак».

Пифосные ямы: 1 — в полу, центральной части помещения, округлая в плане, Д — 0,3 м, глубина — 0,15 м; 3, под полом помещения, вероятно, более ранние, с отдельными обломками пифосов группы I.

Источник: Кирилко 1998: 23—26, рис. 16—17; 2005: 67, рис. 58: 3.

51. Двор 1.

Пифосы группы III: фрагменты стенок и профильных частей от 3-х (?) сосудов с граффити.

Источник: Мыц, Кирилко 1991: 3—9, 83.

52. Двор 2 и помещение №21 (навес).

Пифосы группы III: фрагменты стенок с граффити в виде крестов.

Пифосные ямы без остатков сосудов: 2, под нивелирующей подсыпкой, вероятно, более ранние.

Источник: Мыц, Кирилко 1991: 14—17, 43, 50, рис. 16; 50.

53. Двор 3.

Пифосы группы I, тип 1: 1, донная часть.

Пифосы группы I, тип 2: 2, верхние части утрачены.

Источник: Мыц, Кирилко 1992: 6, рис. 3; 8; 9.

54. Северная башня.

Пифосы группы III: остатки днищ 5 сосудов в траншее (дл. — 3,9 м; шир. — 0,9—1,05 м, глубина 0,5 м).

Источник: Мыц 1983: 20; 1988: 102.

55. Донжон.

Пифосы группы I, тип 2: 2, фрагментированы: 1 на цилиндрической ножке (рис. 7: 1), Н — 115 см, Дт. — 80 см, Дв. — 43 см; 1 с плоским дном (рис. 7: 2), Н — 73 см, Дт. — 55 см, Дв. — 23 см. В маленьком пифосе — скорлупа орехов лещины.

Пифосы группы III, тип 1: 2, фрагментированы, украшены налепным валиком с пальцевыми вдавлениями, на одном из них дополнительно нанесен орнамент в виде прочерченной многорядной волны (рис. 15: 3, 4); Н — 95—98 см, Дв. —

28—30 см, Дт. — 75—81 см.

Источник: Мыц 1983: 7—16, рис. 85; 1991а: 100; Кирилко 2005: 214, рис. 166.

56. Скальный разлом у юго-западной оконечности крепостной площадки.

Пифосы группы III: 1, донная часть.

Источник: Мыц, Кирилко 1995: 8, рис. 2; 16.

57. Скальный разлом в южной части крепостной площадки.

Пифосы группы III: обломки не менее чем 2-х сосудов.

Источник: Мыц, Кирилко 1995: 8—9, рис. 2; 5.

Литература

Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Смекалова Т.Н. 1991. *Пифосы средневекового Алустона*. Архив КФ ИА НАНУ. Рукописный фонд. № 280. Симферополь.

Акаба Л.Х. 1955. Абхазы Очамчирского района. В: *Кавказский этнографический сборник* I. Москва: АН СССР, 48—112.

Винокуров Н.И. 1999. *Виноделие античного Боспора*. Москва: МГПУ.

Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. 1960. Пер. и комм. Е.Э. Липшиц. Москва; Ленинград: АН СССР.

Диатроптов П.Д. 1999. Пифосы городища Беляус с граффити. *Археологія* (1), 177—183.

Зажигина Л.Ю. 1996. Средневековые пифосы из собрания Анапского музея. *Историко-археологический альманах* 2. Армавир; Москва, 117—122.

Зеленко С.М. 1999. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997—99 гг. *Vita Antiqua* 2, 65—70.

Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. 1998. Кладовая дома XIII века в северо-восточном районе Херсонеса. *ХСб* IX, 182—194.

Кирилко В.П. 1998. *Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна близ с. Лучистое в 1995 г.* Архив КФ ИА НАНУ. № 445. Папка 795. Симферополь.

Кирилко В.П. 2001. Организация обороны и объемно-планировочная структура крепостного ансамбля Фуны (1423—1475). *ССПiК* IX, 240—253.

Кирилко В.П. 2005. *Крепостной ансамбль Фуны 1423—1475 гг.* Киев: Стилос.

Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2004. Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992—1993 гг.). В: Мыц В.Л. (ред.). *О древностях Южного берега и гор Таврических*. Сб. науч. трудов по материалам междунар. науч. конф. в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена. Киев: Стилос, 205—245.

Кондараки В.Х. 1875. *Универсальное описание Крыма* 5. Санкт-Петербург: Типография В. Веллинга.

Кузьменко В.М. 1913. *Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма*. Москва: б.и.

Лисициан С.Д. 1955. Очерки этнографии дореволюционной Армении. В: *Кавказский этнографический сборник* I. Москва: АН СССР, 182—264.

Лунина С.Б. 1962. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв. *Труды ЮТАКЭ* XI. Ашхабад, 358—361.

Маркевич А. 1889. Экскурсия на гору Бакла и в дер. Мангуш. *ИТУАК* 8, 108—113.

Марков Е.Л. 2006. *Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы*. Киев: Стилос. (Репринт издания 1884 г.: Санкт-Петербург: Товарищество М.О. Вольф).

Мыц В.Л. 1981. *Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1980 г.* Архив КФ ИА НАНУ. №168. Папка 368. Симферополь.

Мыц В.Л. 1982. *Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1981 г.* Архив КФ ИА НАНУ. №168. Папка 369. Симферополь.

Мыц В.Л. 1983. *Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1982 г.* Архив КФ ИА НАНУ. №169. Папка 370. Симферополь.

Мыц В.Л. 1984. *Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1983 г.* Архив КФ ИА НАНУ. №170. Папка 371. Симферополь.

Мыц В.Л. 1985. *Отчет об археологических исследованиях средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1984 году*. Архив КФ ИА НАНУ. №231. Папка 504. Симферополь.

Мыц В.Л. 1985а. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1984 г.* Архив КФ ИА НАНУ. №232. Папка 506. Симферополь.

Мыц В.Л. 1986. *Отчет об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1985 году*. Архив КФ ИА НАНУ. №235. Папка 513. Симферополь.

Мыц В.Л. 1987. *Отчет об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1986 году*. Архив КФ ИА НАНУ. №236. Папка 517. Симферополь.

Мыц В.Л. 1988. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна. В: *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев: Наукова думка, 97—115.

Мыц В.Л. 1988а. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1987 г.* Архив ИА НАНУ. №1987/27. Симферополь.

Мыц В.Л. 1989. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1988 г.* Архив ИА НАНУ. №1988/30. Симферополь.

Мыц В.Л. 1990. *Отчет о раскопках средневекового укрепления Алустон в 1989 г.* Архив ИА НАНУ. №1989/32. Симферополь.

Мыц В.Л. 1991. О пребывании «черкесов» в Крыму. В: *Проблемы истории Крыма* I. Тезисы докл. науч. конф. Симферополь, 81—82.

Мыц В.Л. 1991а. *Укрепления Таврики X—XV вв.* Киев: Наукова думка.

Мыц В.Л. 2002. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50—70-е гг. XV в. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стилос, 139—186.

Мыц В.Л. 2009. *Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.

Мыц В.Л., Адаксина С.Б. 1991. *Отчет о раскопках средневекового укрепления Алустон в 1990 г.* Архив ИА НАНУ. №1990/21«б». Симферополь.

Мыц В.Л., Кирилко В.П. 1991. *Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна в 1990 г.* Архив КФ ИА НАНУ. №281. Папка 573. Симферополь.

Мыц В.Л., Адаксина С.Б. 1992. *Отчет об археологических исследованиях на крепости Алустон*

в 1991 г. Архив ИА НАНУ. №1991/11. Симферополь.

Мыц В.Л., Кирилко В.П. 1992. *Отчет об археологических исследованиях укрепления, поселения и некрополя Фуны в 1991 г.* Архив КФ ИА НАНУ. №312. Папка 603. Симферополь.

Мыц В.Л., Адаксина С.Б., Кирилко В.П. 1993. *Отчет о раскопках средневековой крепости Алустон в 1992 г.* Архив ИА НАНУ. №1992/119. Симферополь.

Мыц, Адаксина и др. 1994: Мыц В.Л., Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б. 1994. *Отчет о раскопках средневековой крепости Алустон в 1993 г.* Архив ИА НАНУ. № 1993/157. Симферополь.

Мыц В.Л., Кирилко В.П. 1995. *Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна близ с. Лучистого в 1994 г.* Архив КФ ИА НАНУ. №345. Папка 680. Симферополь.

Народы Кавказа 1962: *Народы Кавказа. Этнографические очерки*. 1962. Москва: АН СССР.

Паршина Е.А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965—1969 гг.). В: *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, 56—94.

Паршина Е.А. 1991. Торжище в Партенитах. В: *Византийская Таврика*. Киев: Наукова думка, 64—100.

Паршина Е.А. 2002. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985—1988 гг.). В: *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стилос, 89—109.

Паршина Е.А. 2002а. Средневековое поселение в урочище Сотера. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стилос, 117—131.

Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. 2001. Гончарные центры Таврики VIII—X вв. В: Гладких М.І. (гол. ред.). *Морська торгівля в Північному Причорномор'ї*. Київ: Київський Національний університет ім. Т. Шевченка, 52—81.

Плетнева С.А. 1963. Средневековая керамика Таманского городища. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Керамика и стекло древней Тмутаракани*. Москва: АН СССР, 5—72.

Репников Н.И. 1909. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине. *ИАК* 30, 101—130.

Сазанов А.В. 1998. Хронология слоев средневековой Керчи. *ПИФК* V, 50—88.

Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. 1995. Хронология слоев генуэзской Каффы. В: Карпов С.П. (ред.) *Причерноморье в средние века* 2. Москва: МГУ, 117—130.

Сосногорова-Славич М.А. 1880. *Путеводитель по Крыму для путешественников*. Одесса: Типография Л. Нитче.

Тесленко И.Б. 2005. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым). В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* Киев: Стилос, 324—348.

Фронджуло М.А. 1968. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957—1959 гг. В: Домбровский О.И. (отв. ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 177—183.

Хрушкова Л.Г. 1998. *Лыхны — средневековый дворцовый комплекс в Абхазии*. Москва: Наука.

Этнография Грузии 1964: *Этнография Грузии. Керамика. Красная глиняная посуда*. 1964. Тбилиси: Собчата Сакортвело.

Якобсон А.Л. 1950. *Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Якобсон А.Л. 1953. Дворец. *Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп)*. МИА 34, 390—418.

Якобсон А.Л. 1966. Средневековые пифосы Северного Причерноморья. *СА* (2), 189—202.

Якобсон А.Л. 1979. *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики*. Ленинград: Наука.

Hampe R., Winter A. 1962. *Bei Töpfen und Töpferinnen in Kreta, Messenien und Zypern*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanisches Zentralmuseums.

References

Adaksina, S. B., Myts, V. L., Smekalova, T. N. 1991. *Pifosy srednevekovogo Alustona (Pithos-vessels of Medieval Aluston)*. Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. Manuscripts Fund. No. 280. Simferopol (in Russian).

Akaba, L. Kh. 1955. In *Kavkazskii etnograficheskii sbornik (Caucasian Ethnographical Collected Works)* I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 48—112 (in Russian).

Vinokurov, N. I. 1999. *Vinodelie antichnogo Bospora (Winemaking in Ancient Bosphorus)*. Moscow: Moscow State Pedagogical University (in Russian).

Geoponiki. Vizantiiskaia sel'skokhoziaistvennaia entsiklopediia X v. (Geoponici. Byzantine Agricultural Encyclopedia of 10th Century). 1960. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Diatroptov, P. D. 1999. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 177—183 (in Russian).

Zazhigina, L. Iu. 1996. In *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical and Archaeological Bulletin)* 2. Armavir; Moscow, 117—122 (in Russian).

Zelenko, S. M. 1999. In *Vita Antiqua* 2, 65—70 (in Russian).

Zolotarev, M. I., Korobkov, D. Iu., Ushakov, S. V. 1998. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos Compilation)* IX. Sevastopol, 182—194 (in Russian).

Kirilko, V.P. 1998. *Otchet o raskopkakh srednevekovogo ukrepleniia Funa bliz s. Luchistoe v 1995 g. (Report on the Excavations in the Medieval Fortification of Funa near the Village of Luchistoe in 1995)*. Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 445. Folder 795. Simferopol (in Russian).

Kirilko, V. P. 2001. In *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ia i Krimu (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* IX, 240—253 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2005. *Krepostnoi ansambl' Funy 1423—1475 gg*. (*Fortress Ensemble of Funa in 1423—1475*). Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).

Kirilko, V. P., Myts, V. L. 2004. In *O drevnostiakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh (On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Tauric Mountains)*. Kiev: "Stilos" Publ., 205—245 (in Russian).

Kondaraki, V. Kh. 1875. *Universal'noe opisanie Kryma (Universal description of Crimea)*. Part 5. Saint Petersburg: "Tipografiia V. Vellinga" Publ. (in Russian).

Kuzmenko, V. M. 1913. *Novyi Simeiz i ego okrestnosti na Iuzhnom beregu Kryma (The New Simeiz and its Surroundings at the Southern Shore of Crimea)*. Moscow: s. ed. (in Russian).

Lisitsian, S. D. 1955. In *Kavkazskii etnograficheskii sbornik (Caucasian Ethnographical Collected Works)* I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 182—264 (in Russian).

Lunina, S. B. 1962. In *Trudy Iuzhno-Turkmenistanskoi arkheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii (Papers of the Complex*

Archaeological Expedition in Southern Turkmenistan) XI. Ashgabat, 358—361 (in Russian).

Markevich, A. 1889. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission)* 8, 108—113 (in Russian).

Markov, E. L. 2006. *Ocherki Kryma. Kartiny krymskoi zhizni, istorii i prirody (Essays on Crimea. Images of Crimean Life, History and Nature)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).

Myts, V. L. 1981. *Otchet o raskopkakh srednevekovogo ukrepleniia Funa u s. Luchistoe v 1980 g. (Report on the Excavations in the Medieval Fortification of Funa near the Village of Luchistoe in 1980).* Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No.168. Folder 368. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L. 1982. *Otchet o raskopkakh srednevekovogo ukrepleniia Funa u s. Luchistoe v 1981 g. (Report on the Excavations in the Medieval Fortification of Funa near the Village of Luchistoe in 1980).* Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No.168. Folder 369. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L. 1983. *Otchet o raskopkakh srednevekovogo ukrepleniia Funa u s. Luchistoe v 1982 g. (Report on the Excavations in the Medieval Fortification of Funa near the Village of Luchistoe in 1982).* Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No.169. Folder 370. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L. 1984. *Otchet o raskopkakh srednevekovogo ukrepleniia Funa u s. Luchistoe v 1983 g. (Report on the Excavations in the Medieval Fortification of Funa near the Village of Luchistoe in 1983).* Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 170. Folder 371. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L. 1985. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovogo ukrepleniia Funa u s. Luchistoe v 1984 godu (Report on the Excavations in the Medieval Fortification of Funa near the Village of Luchistoe in 1984)*. Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 231. Folder 504. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L. 1985a. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1984 g. (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Aluston in 1984).* Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 232. Folder 506. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L. 1986. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovykh ukreplenii Aluston i Funa v 1985 godu (Report on archaeological investigations of the Medieval fortifications of Aluston and Funa in 1985)*. Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 235. Folder 513. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L. 1987. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovykh ukreplenii Aluston i Funa v 1986 godu (Report on archaeological investigations of the Medieval fortifications of Aluston and Funa in 1985)*. Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 236. Folder 517. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L. 1988. In *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Architectural and Archaeological Investigations in Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 97—115 (in Russian).

Myts, V. L. 1988a. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1987 g. (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Aluston in 1987).* Archive of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 1987/27. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1988 g. (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Aluston in 1988).* Archive of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 1988/30. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L. 1990. *Otchet o raskopkakh srednevekovogo ukrepleniia Aluston v 1989 g. (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Aluston in 1989).* Archive of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No.1989/32. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L. 1991. In *Problemy istorii Kryma (Problems of History of Crimea)* I. Simferopol, 81—82 (in Russian).

Myts, V. L. 1991a. *Ukrepleniia Tavriki X—XV vv. (Fortifications of Taurica in the 10th—15th Centuries)* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Myts, V. L. 2002. In *Alushta i Alushtinskii region s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Alushta and Alushta Region from the Most Ancient Times to Present)*. Kiev: "Stilos" Publ., 139—186 (in Russian).

Myts, V.L. 2009. *Kafa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty (Caffa and Theodoro in 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).

Myts, V. L., Adaksina, S. B. 1991. *Otchet o raskopkakh srednevekovogo ukrepleniia Aluston v 1990 g. (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Aluston in 1990).* Archive of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 1990/21"б". Simferopol (in Russian).

Myts, V. L., Kirilko, V. P. 1991. *Otchet o raskopkakh srednevekovogo ukrepleniia Funa v 1990 g. (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Funa in 1990).* Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 281. Folder 573. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L., Adaksina, S. B. 1992. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na kreposti Aluston v 1991 g. (Report on the Archaeological Investigations in the Aluston Fortress in 1991).* Archive of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 1991/11. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L., Kirilko, V. P. 1992. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh ukrepleniia, poseleniia i nekropolia Funy v 1991 g. (Report on the Archaeological Investigations of the Fortification, Settlement and Necropolis of Funa in 1991).* Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 312. Folder 603. Simferopol (in Russian).

Myts, V. L., Adaksina, S. B., Kirilko, V. P. 1993. *Otchet o raskopkakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1992 g. (Report on the Excavations of the Medieval Fortress of Aluston in 1992).* Archive of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 1992/119. Simferopol (in Russian).

Myts, V.L., Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Lysenko, A.V., Semin, S.V., Teslenko, I.B. 1994. *Otchet o raskopkakh srednevekovoi kreposti Aluston v 1993 g. (Report on the Excavations of the Medieval Fortress of Aluston in 1993).* Archive of the Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 1993/157 (in Russian).

Myts, V. L., Kirilko, V. P. 1995. *Otchet o raskopkakh srednevekovogo ukrepleniia Funa bliz s. Luchistogo v 1994 g. (Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Funa in 1994)*. Archive of the Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences. No. 345. Folder 680. Simferopol (in Russian).

Narody Kavkaza. Etnograficheskie ocherki (People of Caucasus. Ethnographical Essays). 1962. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Parshina, E. A. 1974. In *Feodal'naia Tavrika (Feudal Taurica)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 56—94 (in Russian).

Parshina, E. A. 1991. In *Vizantiiskaia Tavrika (Byzantine Taurica)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 64—100 (in Russian).

Parshina, E. A. 2002. In *Alushta i Alushtinskii region s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Alushta and Alushta Region from the Most Ancient Times to Present)*. Kiev: "Stilos" Publ., 89—109 (in Russian).

Parshina, E. A. 2002a. In *Alushta i Alushtinskii region s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Alushta and Alushta Region from the Most Ancient Times to Present)*. Kiev: "Stilos" Publ., 117—131 (in Russian).

Parshina, E. A., Teslenko, I. B., Zelenko, S. M. 2001. In *Mors'ka torhivlya v Pivnichnomu Prychornomor'i (Sea Trade in Northern Black Sea Region)*. Kiev: Kiev National University named after T. Shevchenko, 52—81 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1963. In *Keramika i steklo drevnei Tmutarakani (Ceramics and Glass of the Ancient Tmutarakan)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 5—72 (in Russian).

Repnikov, N. I. 1909. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 30, 101—130 (in Russian).

Sazanov, A. V. 1998. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology, Culture)* V, 50—88 (in Russian).

Sazanov, A. V., Ivashchenko, Iu. F. 1995. In *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 2. Moscow: Moscow State University, 117—130 (in Russian).

Sosnogorova-Slavich, M. A. 1880. *Putevoditel' po Krymu dlia puteshestvennikov (Travel Guide through Crimea for Travelers)*. Odessa: "L. Nitche" Publ. (in Russian).

Teslenko, I. B. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 324—348 (in Russian).

Frondzhulo, M. A. 1968. In *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma (Archaeological Investigations of Medieval Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 177—183 (in Russian).

Khrushkova, L. G. 1998. *Lykhny — srednevekovyi dvortsovyi kompleks v Abkhazii (Lykhny — Medieval Palatial Complex in Abkhazia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Etnografiia Gruzii. Keramika. Krasnaia glinianaia posuda (Ethnography of Georgia. Pottery. Red Clay Ware). 1964. Tbilisi: "Sobchata Sakartvelo" Publ. (in Russian).

Jakobson, A. L. 1950. *Srednevekovyi Khersones (XII—XIV vv.) (Medieval Chersoneses in 12th—14th cc.)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Jakobson, A. L. 1953. In *Materialy po arkheologii Iugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup) (Materials on Archaeology of South-Western Crimea (Chersoneses, Mangup))*. Materials and Researches in Archaeology 34, 390—418 (in Russian).

Jakobson, A. L. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 189—202 (in Russian).

Jakobson, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Hampe, R., Winter, A. 1962. *Bei Töpfen und Töpferinnen in Kreta, Messenien und Zypern*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanisches Zentralmuseums.

Золотая Орда

Golden Horde

О. В. Кузнецова

Olga Kuznetsova. A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan[1].

Кузнецова Ольга Викторовна. Институт археологии им. А. Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан.

E-mail: olga_kuznetsova@mail.ru

Address: [1] Dostyk Av., 44, Almaty, 050100, Kazakhstan

Поливная керамика Сарайчика

Keywords: Saraichik Hillfort, Golden Horde pottery, glazed ceramics, Kashan pottery, ornament, classification.

Ключевые слова: городище Сарайчик, золотоордынская керамика, поливная керамика, кашинная керамика, орнамент, классификация.

O. V. Kuznetsova

Glazed Ceramics of Saraichik Hillfort

The author introduces glazed pottery found at Saraichik (a Golden Horde Hillfort) and classifies it according to a typology proposed by N. M. Bulatov and G. A. Fedorov-Davydov. Thus, the glazed pottery found at Saraichik is divided into redware and Kashan types.

The redware ceramics is further distinguished by the color of glazing: there are vessels with transparent glazing of green, yellow and brown colors, as well as with colorless glazing, and is represented by bowls, plates, jugs, albarello and tubeks. By type of ornament, there are vessels with glazed-over engravings, glazed-over paintings, or a combination of both, as well as pottery with glazed-over stamped ornament on sgraffito.

The Kashan ceramics of Saraichik is divided into two groups: with transparent and non-transparent glazing, further divided into subgroups by the color of glazing and method of ornamentation. The Kashan ceramics with colorless glazing and transparent turquoise or ultra-marine glazing was ornamented by glazed-over polychromic painting with glazed-over relief, or painting without relief, while stamped ornament under turquoise glazing is not very common. There are finds of so called 'Timurid' ceramics with a specific complex ornament. Besides, there is also ceramics with polychromic painting over ultra-marine glaze (Lajvardina) and ceramics with enamels over white opaque glazing (Minai).

Ongoing field research at Saraichik keeps yielding new ceramic artefacts, which demand further detailed and careful studies.

О. В. Кузнецова

Поливная керамика Сарайчика

В статье вводится в научный оборот поливная керамика золотоордынского городища Сарайчик и осуществляется ее классификация на основе типологической схемы, предложенной Н. М. Булатовым и Г. А. Федоровым-Давыдовым. Поливная керамика Сарайчика разделяется на красноглиняную и кашинную.

Красноглиняная керамика различается по цвету поливы: выделяются сосуды с прозрачной поливой зеленого, желтого и коричневого цвета, а также с бесцветной поливой. По способу орнаментации выделяется керамика с подглазурной гравировкой, с подглазурной росписью, сочетающая оба эти приема, а также керамика со штампованным орнаментом по ангобу под поливой.

Кашинная керамика Сарайчика разделена на два отдела: с прозрачной и непрозрачной поливой, с последующим выделением внутри этих отделов групп по цвету поливы и типов по способу орнаментации. Керамика с бесцветной и с прозрачной бирюзовой или ультрамариновой поливой орнаментировалась подглазурной полихромной росписью с подглазурным рельефом или росписью без рельефа, реже встречается штампованный орнамент под бирюзовой поливой. Присутствует т. н. «тимуридская керамика» со своеобразным сложным расписным орнаментом. Кроме того, выделяется керамика с полихромной надглазурной росписью по ультрамариновой поливе (ладжвардин) и керамика с росписью эмалями по белой глухой поливе (минаи).

Коллекция керамики Сарайчика продолжает пополняться в процессе полевых исследований и требует дальнейшего более подробного и тщательного изучения.

© О. В. Кузнецова, 2015.

Городище Сарайчик расположено на правом берегу реки Урал, в 50 км выше по течению, севернее г. Атырау (бывший г. Гурьев). Согласно источникам XIV—XV вв., город существовал уже в XIII в. и представлял собой крупный политический, культурный и торгово-ремесленный центр (Егоров 1985: 134; Кушаев 1993: 133; Бадян, Чиперис 1974: 184). Сарайчик занимал очень выгодное географическое положение. Через него пролегал главный трансконтинентальный караванный путь из стран Европы и столицы Золотой Орды Сарай на Волге в города Хорезма, Ирана, Индии и Китая.

В настоящее время городище Сарайчик потеряло значительную часть своей первоначальной территории в результате изменения русла реки Урал (Самашев, Кожаков, Талеев 1998: 240; Самашев 1998: 137).

Первые научные археологические раскопки на развалинах городища Сарайчик были проведены в 1937 году Н.К. Арзютовым (Арзютов 1949: 126—134), а в 1950 году возобновлены А.Х. Маргуланом (Маргулан 1951: 1—7).

Стационарные исследования Западно-Казахстанской археологической экспедиции Института археологии МОН РК на городище начались в 1996 году. Основные работы, с учетом сильного разрушения весенним половодьем культурного слоя городища, проводились, главным образом, по береговой полосе реки Урал. За период 1996—2006 гг. было заложено несколько раскопов (Самашев 2000: 84—100; Тасмагамбетов, Самашев 2001; Самашев, Кузнецова 2004: 129—137; Самашев, Бурнашева, Базылхан, Плахов 2006: 81—87), основным из которых является так называемый «хан» или караван-сарай (объект V), расположенный непосредственно на берегу, где проводилось изучение нижних слоев, относящихся к началу XIV века. Кроме того, вскрыты помещения, пристроенные к основным сооружениям на протяжении всего XIV века с северной и южной сторон. Во многих пристроенных помещениях зафиксированы остатки ташнау из хумов, вкопанных в полы и перекрытых вогнутыми известняковыми дисками.

Выявлены также многочисленные хозяйственные помещения, в частности, коптильня для рыбы, ямы-зернохранилища с остатками проса. На западной стороне «хана» очищен участок магистральной улицы, вымощенной битым кирпичом, обломками керамики, золой и др. остатками хозяйственной деятельности.

Самым массовым материалом среди археологических находок и одним из наиболее ярких показателей уровня развития ремесла и торговых международных связей Сарайчика является керамика. Керамический комплекс Сарайчика включает большое количество разнообразных форм сосудов, отличающихся по сырьевому материалу, способу изготовления, технике орнаментации.

В статье предпринята попытка классификации поливной керамики Сарайчика по схеме, предложенной Н.М. Булатовым и Г.А. Федоровым-Давыдовым для материалов городищ Нижнего Поволжья, согласно которой керамика делится на основные большие классы по характеру керамической массы: красноглиняную и кашинную, кроме того, внутри классов выделяются отделы и подотделы (Булатов 1968; Федоров-Давыдов, Булатов 1989: 195; Федоров-Давыдов 1994: 79—124).

Красноглиняная поливная керамика

Черепки красноглиняной посуды в изломе имеют красно-желтый цвет. Глина хорошо отмучена. Обжиг ее хороший, ровный по всей поверхности излома. В составе глины встречаются разные примеси.

Сосуды покрывались прозрачной свинцовой поливой. Окраска свинцовых полив достигалась примесями главным образом окислов меди, добавляемых в разных пропорциях и сочетаниях с другими веществами.

Красноглиняная керамика в собранной коллекции поливной посуды составляет 33% от общего количества фрагментов.

Керамика с зеленой поливой

Красноглиняная керамика с зеленой свинцовой поливой составляет 46% от общего количества красноглиняной керамики и делится на несколько подвидов, различающихся между собой по способу нанесения орнамента.

Одно из первых мест занимает *керамика с зеленой прозрачной поливой и гравировкой под ней.* Орнамент наносился довольно глубокой линией, прочерченной по светлому ангобу. Гравировка под поливой давала эффект темных орнаментальных линий (Булатов 1969: 54—55). Встречается гравировка как тонкой, так и толстой линией: толстая линия служит для выделения основных деталей орнамента, а тонкая в качестве дополнительного украшения.

Керамика с зеленой поливой с подглазурной росписью ангобом. Рисунок на этой посуде наносился ангобом, толщина слоя которого

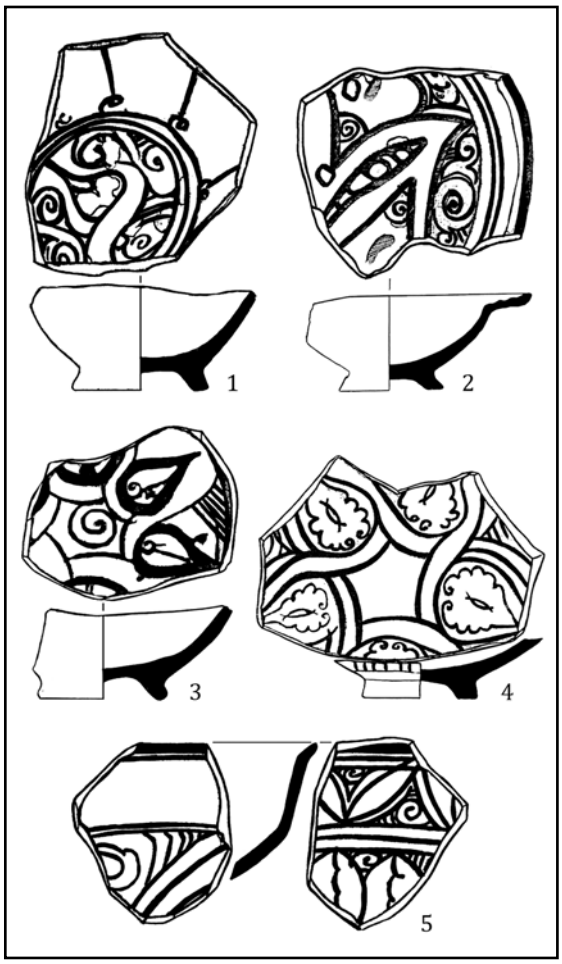


Рис. 1. Городище Сарайчик. Красноглиняная керамика с зеленой поливой, орнаментированная в технике «резерва».

Fig. 1. Saraichik Hillfort. Redclay ceramics with green glazing, ornamented by using "reserve" technique.

Рис. 2. Городище Сарайчик. Красноглиняная керамика с зеленой поливой, орнаментированная в технике «резерва» (цветная вклейка, илл. 1).

Fig. 2. Saraichik Hillfort. Redclay ceramics with green glazing, ornamented by using "reserve" technique (color plate, ill. 1).

образует невысокий рельеф под тонким слоем поливы. Там, где прозрачная зеленая полива ложится на красное тесто, она приобретает коричневый цвет; там, где полива приходится на светлый ангоб, она дает зеленый, порой почти травянистый оттенок.

Керамика с зеленой поливой орнаментированная в технике «резерва». При орнаментации изделий техникой «резерва» часть ангоба с изделий снимается, что дает темный фон для рисунка, образующегося на той части поверхности сосуда, где сохраняется ангоб (Булатов 1976: 89).

По росписи внутренних поверхностей чаш и блюд, изделия делятся на два основных вида: сосуды с концентрической композицией в рисунке и сосуды с радиальным расположением орнамента. Но часто концентрическое и радиальное расположение орнамента сочетаются на одном изделии. То есть большая часть поверхности чаши орнаментировалась радиально, а сверху располагался пояс, типичный для изделий с концентрическим расположением рисунка. Часть сосудов имеют свободное расположение рисунка, то есть их поверхность никак не расчленена и является единым полотном для рисунка. Как правило, на таких чашах изображались растения (рис. 1; 2; цветная вклейка, илл. 1).

Красноглиняная поливная керамика со штампованным орнаментом под прозрачной зеленой поливой по ангобному покрытию. Сосудов такого типа, которые несомненно относятся к кувшинам со штампованным орнаментом, в коллекции немного. По орнаментальным мотивам эти фрагменты очень близки к сероглиняной штампованной керамике. Орнамент в виде зигзагообразных линий, состоящих из «еловых веточек», свободное пространство между которыми заполнено выпуклыми крестообразными фигурами либо мелкими шарообразными фигурками. Кроме того, имеются фрагменты сосудов, наружная поверхность которых была покрыта зеленой поливой по ангобной подгрунтовке, а орнамент нанесен штампом.

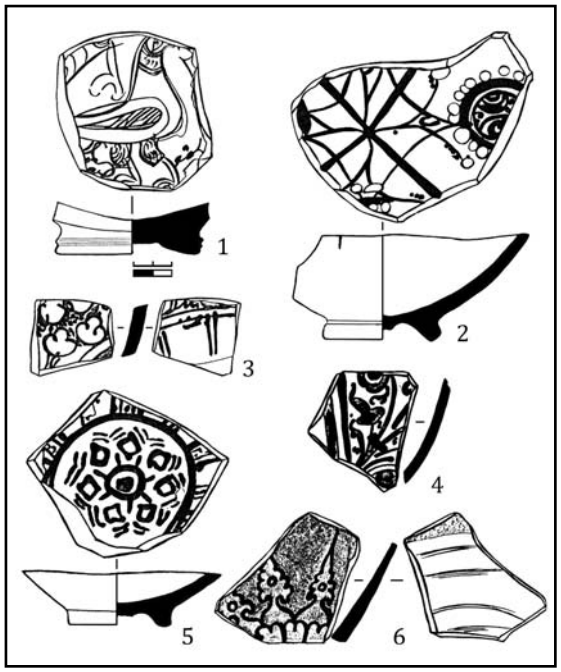


Рис. 3. Городище Сарайчик. Красноглиняная керамика с прозрачной бесцветной (1), желтой (2—5) и коричневой (6) поливой, орнаментированная подглазурной росписью.

Fig. 3. Saraichik Hillfort. Redclay ceramics with transparent colorless (1), yellow (2—5) and brown (6) glazing, ornamented with glazed-over painting.

Узор в виде вдавленных звездочкообразных фигур, расположенных в шахматном порядке. Внутренняя поверхность сосудов была покрыта зеленой поливой без ангобной обмазки.

Керамика с желтой поливой

Керамика с желтой поливой составляет 42% от общего числа красноглиняной посуды.

Керамика с желтой поливой и подглазурной росписью. Поливой покрывались наружная и внутренняя поверхности сосудов. Роспись наносилась коричневыми и зелеными красками. Основные мотивы орнамента — стилизованное изображение растительных побегов, переплетающихся между собой, концентрические линии, ромбы (рис. 3: 2—5).

Керамика с желтой прозрачной поливой и гравировкой под ней. Техника нанесения орнамента подобна вышеописанной на керамике с зеленой поливой. Характерен стилизованный растительный орнамент в виде переплетающихся между собой стеблей с побегами, трилистниками, концентрическими линиями.

Керамика с коричневой поливой

Коричневый цвет свинцовых полив достигался путем введения в состав их в определенном процентном соотношении красителя — окиси меди. Данный тип керамики составляет 4% от общего количества красноглиняной посуды Сарайчика (рис. 3: 6).

Керамика с ангобной подгрунтовкой и гравировкой. Техника нанесения орнамента аналогична вышеописанной на сосудах с зеленой поливой.

Красноглиняная керамика, покрытая глазурью зеленого, желтого, коричневого цветов, а также бесцветной поливой представлена в основном чашами на кольцевом или коническом поддоне со сферическим туловом, округлым венчиком, слегка загнутым вовнутрь или отогнутым наружу, и тарелками на кольцевом или коническом поддоне со сферическим туловом, переходящим в вертикальный или полочковидный бортик. Кроме того, в коллекции имеются кумганы — кувшины с носиком, с узкой раструбовидной горловиной, имеющей расширение в средней части, к которому крепилась ручка, с туловом шаровидной формы и конусовидным носиком, прикрепленным к плечику сосуда. Представлены также альбарелло — сосуды цилиндрической формы на кольцевом коническом поддоне (рис. 2: 7). Имеются как археологически целые, так и фрагментированные тубеки (детские горшки), с туловом усеченно-конической формы и широким венчиком, отогнутым наружу, их внутренняя поверхность покрывалась зеленой поливой.

Орнаментальные мотивы характерны для всех видов посуды. Наиболее часто встречаемыми узорами являются: так называемые «шестеренки» и четырех-, пяти- и шестилепестковые розетки, концентрические линии, которые служили для украшения дна чаши или тарелки, внутренняя поверхность сосудов украшалась листьями в форме луковиц, спиралями и спиралями вполоборота, «елочками», нарисованными волнистой линией, стилизованными изображениями деревьев с вытянутыми макушками. Свободное пространство между узорами часто покрывалось штриховкой косыми линиями или т. н. «клетчатым узором». Наружная поверхность сосудов иногда также покрывалась поливой и украшалась орнаментом. В некоторых случаях это арочный орнамент, или узоры в виде листиков, соединяющихся попарно макушками. Венчики сосудов часто украшались одной или несколькими концентрическими линиями (рис. 1; 2).

Керамика с бесцветной поливой

Керамика с гравировкой по ангобу и подглазурной росписью коричневым и зеленым цветом. Наибольший интерес представляет фрагмент дна чаши на кольцевом поддоне, внутренняя поверхность которой была покрыта белым ангобом, по которому было выгравировано изображение стоящей птицы в профиль. Рисунок сохранился не полностью — только туловище, шея и часть ног. Контуры рисунка выгравированы тонкой линией и обведены коричневой краской. Тело птицы окрашено желто-коричневой краской. Крыло, прижатое к туловищу, обведено широкой зеленой полосой, внутренняя поверхность его заштрихована косыми линиями, имитирующими перья. На шее птицы также проходит широкая зеленая полоса. Все свободное пространство было, видимо, украшено растительным орнаментом (рис. 3: 1).

Кашинная поливная керамика

Кашин — особое светлое керамическое тесто силикатного происхождения, основными компонентами которого были песок, каолин, полевой шпат, глина и известь на клеящем веществе. Тесто рыхлое, поэтому слой поливы предохраняет его от разрушения (Сайко 1963: 21; Федоров-Давыдов, Булатов 1989: 195). В Средней Азии наиболее ранние образцы кашинной керамики со щелочной глазурью отмечены в Южной Туркмении XI—XII вв. и Маргиане XII—XIII вв. (Сайко 1963: 21; Булатов 1959: 327), затем она распространяется в золотоордынских городах Поволжья и Кавказа (Булатов 1969: 47).

В комплексе поливной керамики Сарайчика количество сосудов, изготовленных из кашинного теста, достигает 66%.

Вся кашинная керамика Сарайчика может быть разделена на два отдела: с прозрачной и непрозрачной поливой, с последующим выделением внутри этих отделов групп по цвету поливы и типов по характеру росписи, способу орнаментации. Используется классификация, разработанная Н.М. Булатовым (Булатов 1968: 95—109; Федоров-Давыдов, Булатов 1989: 195—199).

Керамика с прозрачной бесцветной поливой

Кашинная керамика с прозрачной бесцветной поливой в основном представлена фрагментами полусферических чаш на кольцевом коническом поддоне, венчики которых

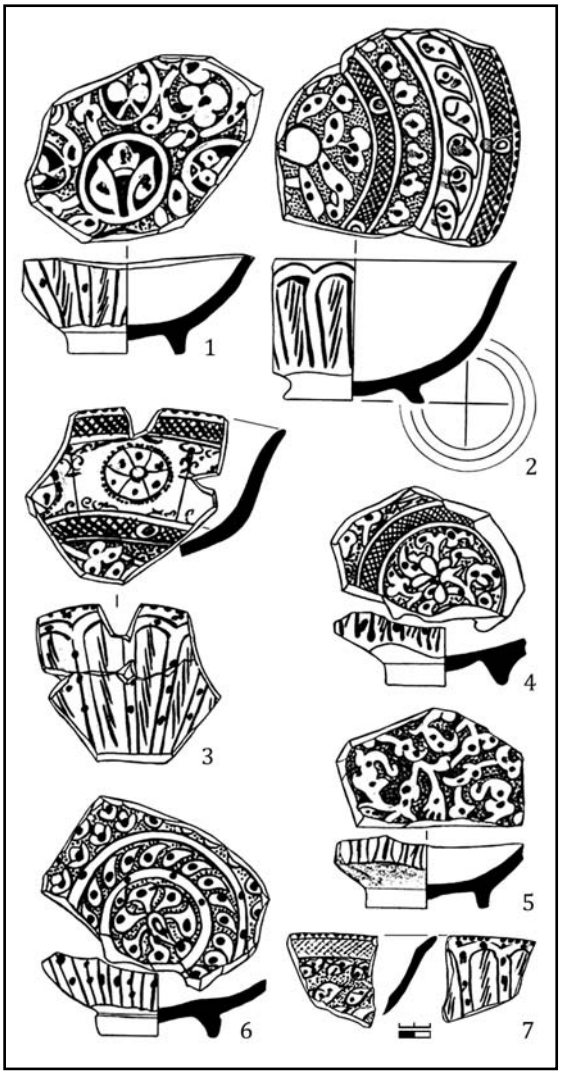


Рис. 4. Городище Сарайчик. Кашинная керамика с прозрачной бесцветной поливой, орнаментированная подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом.

Fig. 4. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics with transparent colorless glazing, ornamented with glazed-over polychromic painting and glazed-over relief.

чаще всего слегка отогнуты наружу, иногда загнуты внутрь (диаметр поддона 6—8 см, высота поддона — от 1,0 до 1,5 см, толщина стенок чаш — примерно 0,5—0,7 см), а также тарелками с вертикальными или полочкообразными бортиками на кольцевом коническом поддоне.

Среди кашинной керамики с прозрачной бесцветной поливой по способу и характеру орнаментации можно выделить несколько типов.

Керамика с подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом включает наибольшее (из числа кашинной керамики) количество сосудов. Для полихромной

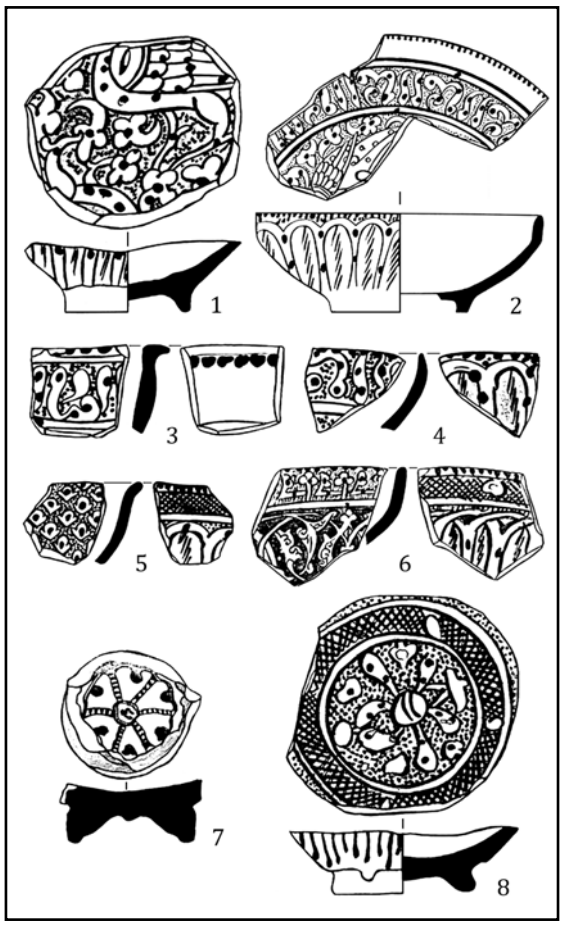


Рис. 5. Городище Сарайчик. Кашинная керамика с прозрачной бесцветной поливой, орнаментированная подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом.

Fig. 5. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics with transparent colorless glazing, ornamented with glazed-over polychromic painting and glazed-over relief.

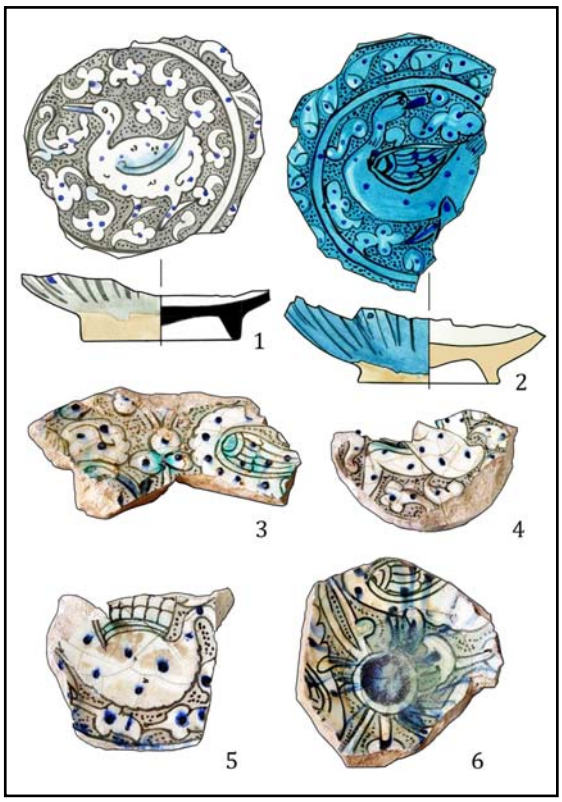


Рис. 6. Городище Сарайчик. Кашинная керамика: 1, 3—6 — с прозрачной бесцветной поливой, с подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом; 2 — с прозрачной голубой поливой и черной подглазурной росписью с рельефом (цветная вклейка, илл. 2).

Fig. 6. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics: 1, 3—6 — with transparent colorless glazing, with glazed-over polychromic painting and glazed-over relief; 2 — with transparent blue glazing and black glazed-over painting with relief (color plate, ill. 2).

росписи применялись окислы меди, дающие зеленый цвет всех оттенков, и кобальт, дающий цвет от темно-синего до бледно-голубого. Полихромная роспись кашинной керамики, как правило, состоит из трех цветов: зеленого всех оттенков, синего и белого, являющегося фоном для двух других и образуемого кашином под прозрачной глазурью. Подглазурным рельефом на поверхности сосудов выделяются наиболее важные детали орнамента. Рельефный орнамент часто оконтурен серо-зелеными линиями и расцвечен синими пятнами. Фон такого орнамента состоит из коричнево-серых и серо-зеленых точек.

На внешней поверхности пиалообразных сосудов практически всегда располагается арочный орнамент, оконтуренный серо-зелеными линиями и расцвеченный темно-синими точками (рис. 4—7; цветная вклейка, илл. 2; 3).

Роспись внутренней поверхности сосудов отличается исключительным разнообразием, особенно в донной части. Принцип орнаментации — деление внутренней поверхности на несколько поясов, каждый из которых имеет свой рисунок (цветы, побеги, стебли, медальоны, с вписанными в них побегами с цветами и трилистниками и др.). Поясной способ орнаментации завершается своеобразным украшением днища сосуда, где наблюдается наибольшее разнообразие изображений и характера рисунка. Чаще всего это растительный орнамент, замкнутый кругом, либо розетка, либо окружность, разделенная на 4, 6, 8 частей и т.д. Особый интерес представляют изображения уток на днище таких сосудов (рис. 5: 1; 6; 7: 1) (Археологическая карта 1960: рис. 8). Подобные изображения встречены в Шемахе-Кале (Вактурская 1959: 318; Булатов 1968: 100—101), Сарае-Берке (Якубовский 1931: 28, рис. 1). На донной части некоторых чаш

Рис. 7. Городище Сарайчик. Кашинная керамика с прозрачной бесцветной поливой, орнаментированная подглазурной росписью и подглазурным рельефом (цветная вклейка, илл. 3).

Fig. 7. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics with transparent colorless glazing, ornamented with glazed-over painitng and glazed-over relief (color plate, ill. 3).

из Сарайчика имеются изображения двух уток (рис. 5: 1; 6: 3, 6). Птицы изображены стоящими в профиль, напротив друг друга, со сложенными крыльями. Пространство вокруг птиц заполнено растительным орнаментом в виде побегов с трех- и четырехлепестковыми цветами. И птицы, и цветы украшены голубыми расплывшимися точками (рис. 5: 1, 2). Фрагмент еще одной чаши имеет на дне изображение головы птицы, нарисованной в профиль, с длинным клювом, подцвеченным синей краской, и овальным глазом. Кроме описанного поясного орнамента, встречается роспись в виде многократно повторяющихся павлиньих глазков с синим и голубым заполнением (рис. 4: 2, 6, 7).

Также довольно часто встречается орнамент в виде крупной выделенной рельефом куфической надписи, обведенной линиями серо-зеленого цвета (рис. 5: 2, 3, 4, 6).

Свободное пространство внутренних поверхностей чаш и тарелок часто заполнялось серо-зелеными точками и диагональными синими сетками.

Керамика с подглазурной росписью без рельефа. Отличается отсутствием рельефа при орнаментации сосудов. Кроме того, при росписи в гораздо большем количестве применялась синяя кобальтовая краска.

Из орнаментальных мотивов встречаются косые сетки, круги, горизонтальные и вертикальные линии, фигуры, напоминающие перо павлиньего хвоста. Часто внутренняя поверхность чаш разбита на несколько секторов широкими полосками, заполненными внутри диагональной синей сеткой или зигзагообразными линиями и т. д. Сектора украшались цепочками, состоящими из медальонов сердцевидной или округлой формы, образованных соединениями побегов и стеблей с вписанными в них цветами. Кроме того, часто встречаются изображения кустов с тонкими стеблями и длинными узкими листьями в центре куста — круг, заполненный диагональной сеткой. Также часто орнаментация внутренней поверхности сосудов располагалась и поясами. В центре чаш размещалась розетка с растительным орнаментом. Свободное пространство украшено

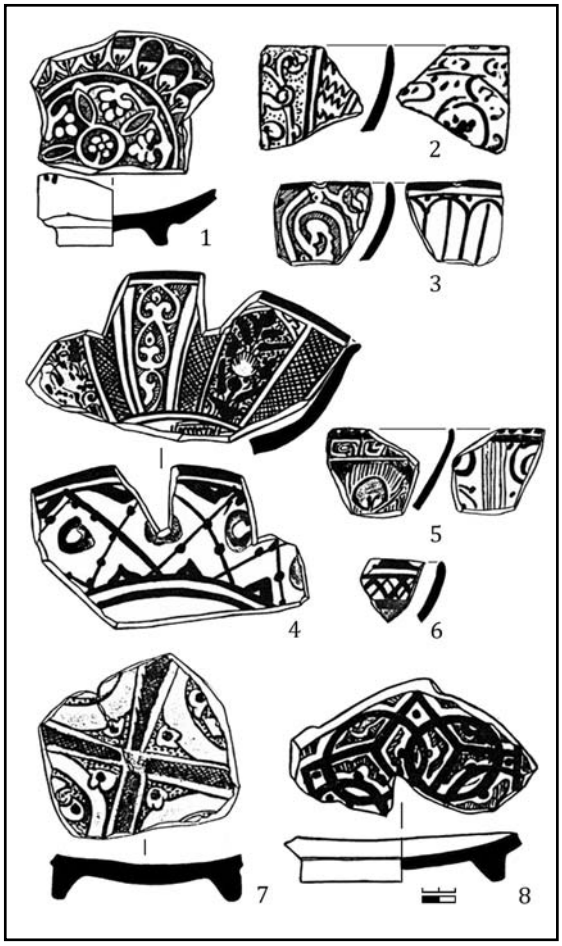


Рис. 8. Городище Сарайчик. Кашинная керамика с прозрачной бесцветной поливой, орнаментированная подглазурной росписью без рельефа.

Fig. 8. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics with transparent colorless glazing, ornamented with glazed-over painting without relief.

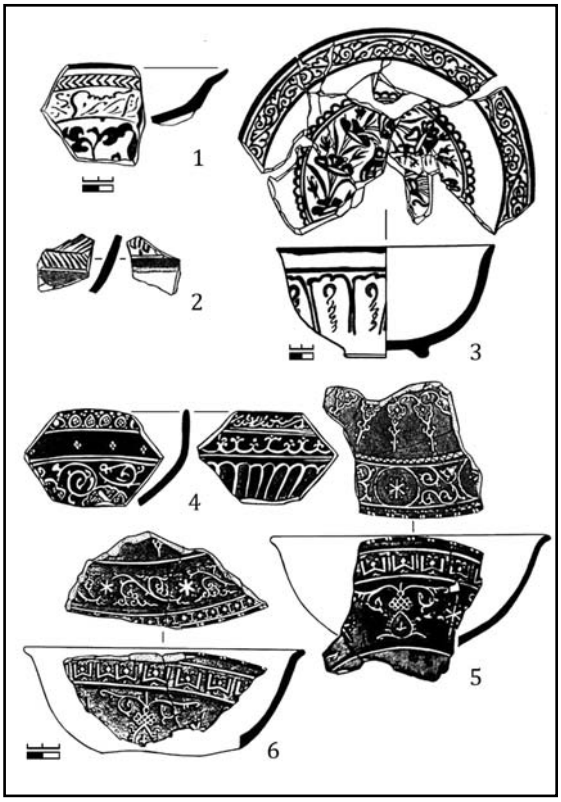


Рис. 9. Городище Сарайчик. Кашинная керамика: 1—3 — «тимуридская» керамика с подглазурной росписью синим цветом; 2—6 — керамика с полихромной надглазурной росписью по ультрамариновой поливе (ладжвардин).

Fig. 9. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics: 1—3 — 'Timurid' ceramics with glazed-over painting in deep blue color; 2—6 — ceramics with polychromic painting over ultra-marine glazing (Lajvardina).

«запятыми», точками, маленькими спиралями (рис. 8: 1—8).

Орнамент внешней поверхности чаш чаще всего представляет собой широкую полосу, ограниченную горизонтальными линиями под венчиком и в придонной части, внутри которой полосы серо-зеленого цвета, украшенные точками того же цвета, образуют косые кресты, которые, повторяясь и соединяясь, составляют треугольники и ромбы. В треугольники вписывались углы, а в ромбы — круги, и те и другие были нанесены широкими синими контурами (рис. 8: 4).

«Тимуридская керамика» составляет 4% от общего числа кашинной керамики. Роспись кобальтом на ней обычно образует сложный растительный орнамент. Эта керамика появилась в конце XIV века и процветала в течение всего XV века в эпоху Тимуридов. Она возникла как подражание китайскому фарфору типа «кобальт», который так же расписывали подглазурным синим рисунком по белому фону (Булатов 1968: 102; 1969: 52—53; 1974: 137—138; Шляхова 1980: 76—86).

Для данного вида керамики также характерны чаши полусферической формы на кольцевых конических поддонах и тарелки с уплощенным туловом, отогнутым наружу бортиком и почти горизонтальным венчиком.

В качестве украшения по краю венчика наносилась полоса синего цвета. Затем шел горизонтальный поясок из угольников, направленных в одну сторону. Далее наносился растительный орнамент — стебли с двухлепестковыми цветами и листьями (рис. 9: 1—3).

Интересна роспись одной чаши полусферической формы, на кольцевом поддоне, с венчиком, слегка отогнутым наружу. Чаша сохранилась не полностью, ангобное покрытие отслаивается от кашинной основы. Наружная и внутренняя поверхности чаши

покрыты слоем белого ангоба, на который нанесена роспись синего цвета под прозрачной поливой. По венчику проходит полоса синего цвета. Верхний пояс орнамента внутренней поверхности представляет собой изображение стилизованных «китайских облаков». Следующий пояс не орнаментирован. Донная часть чаши украшена розеткой с изображением птицы, возможно, фазана, с распущенным хвостом. Вокруг птицы — растительный орнамент в виде цветов с четырьмя лепестками сердцевидной формы, на длинных тонких стеблях с узкими длинными листьями и трехлепестковыми бутонами. Цветы располагаются в ряд по кругу. Внешняя поверхность орнаментирована ажурными арочками, по центру которых радиально проходят зигзагообразные линии (рис. 9: 3).

Керамика с прозрачной бирюзовой поливой

Этот тип поливной керамики очень часто встречается в материалах Сарайчика и составляет 44% от общего числа кашинной керамики.

Формы таких сосудов представлены: чашами с чуть загнутыми вовнутрь или отогнутыми наружу венчиками, стройными удлиненными альбарелло, блюдами, тарелками с широкими горизонтальными бортами, миниатюрными луковицеобразными сосудиками (чернильницами), кувшинами, горшковидными сосудами с прямыми низкими шейками, а также фрагментами сосудов с дном прямоугольной формы и вертикальными стенками (рис. 10: 1—9). По способу орнаментации различаются несколько типов.

Керамика с черной подглазурной росписью. На сосудах этого типа под бирюзовой поливой очень часто встречаются изображения черных крестиков (птичек), растительный (изображения кустов с ветвями и трилистниками) и геометрический (угольники направленные в одну сторону, треугольники, окружности, зигзагообразные линии) орнамент, а также изображения животных (птиц, зайцев, ланей, рыб). Наблюдаются и нарушения в соблюдении классического сочетания бирюзового и черного цветов: черная краска под глазурью часто заменяется зеленой (рис. 10: 2, 6, 9; рис. 12; цветная вклейка, илл. 5).

Керамика с черной подглазурной росписью и рельефом. Иногда отдельные элементы узора даны рельефом, обведенным черной краской, т. е. в той технике, которая характерна для керамики с полихромной расцветкой.

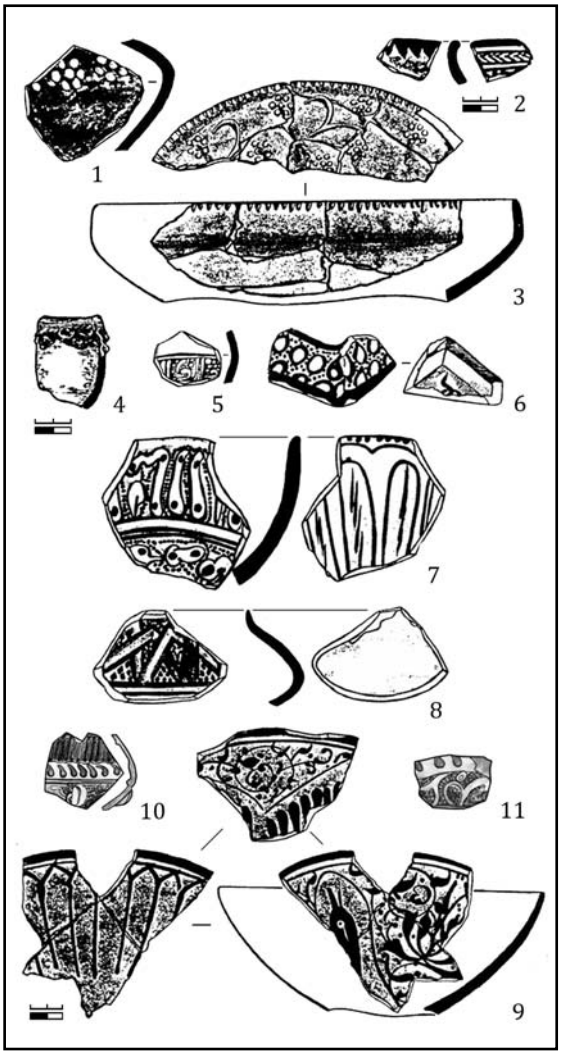


Рис. 10. Городище Сарайчик. Кашинная керамика с прозрачной бирюзовой поливой: 1—3, 5—9 — с подглазурной росписью; 4, 10, 11 — со штампованным орнаментом.

Fig. 10. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics with transparent turquois glazing: 1—3, 5—9 — with glazed-over painting; 4, 10, 11 — with stamped ornament.

Интересен фрагмент блюда на кольцевом поддоне (диаметр поддона — 8,0 см, высота поддона — 0,9 см, толщина кольца поддона — 0,8 см, толщина стенок — 0,5 см). Блюдо покрыто бирюзовой поливой внутри и снаружи. На наружной поверхности расположен арочный орнамент. Внутренняя поверхность была украшена поярусно. На дне сохранилось изображение птицы, стоящей в профиль, со сложенными крыльями, с головой, повернутой назад. Клюв и ноги птицы окрашены в синий цвет. Пространство вокруг птицы заполнено растительным орнаментом в виде побегов с трехлепестковыми цветами. И птица, и цветы украшены мелкими синими точками.

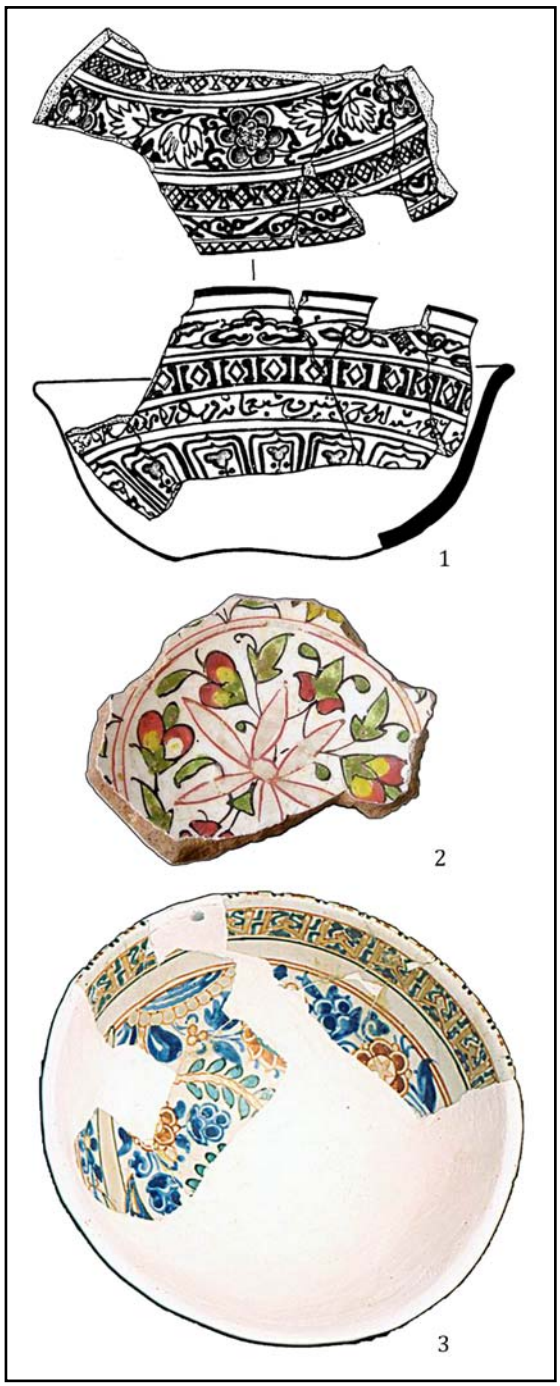


Рис. 11. Городище Сарайчик. Кашинная керамика с полихромной росписью эмалями по непрозрачной белой поливе (минаи) (цветная вклейка, илл. 4).

Fig. 11. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics with polychromic enamel painting over non-transparent white glazing (Minai) (color plate, ill. 4).

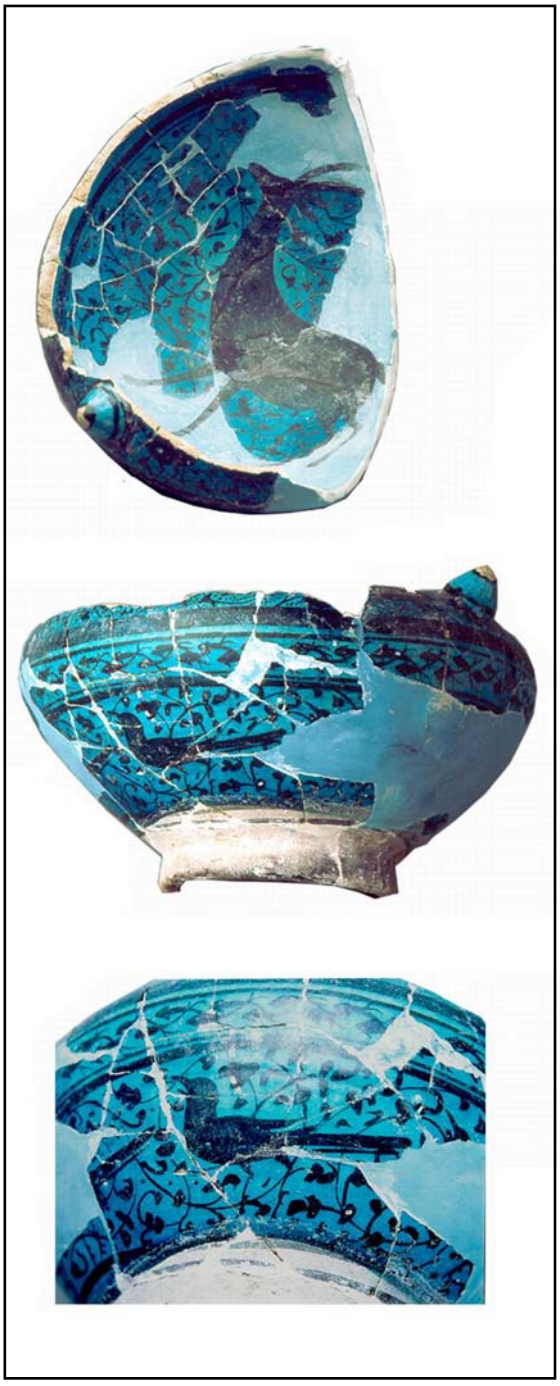


Рис. 12. Городище Сарайчик. Кашинная керамика с черной росписью под прозрачной бирюзовой поливой (цветная вклейка, илл. 5).

Fig. 12. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics with black painting glazed-over by transparent turquois glazing (color plate, ill. 5).

Следующий ярус был орнаментирован многократно повторяющимися павлиньими глазками с синими точками (рис. 6: 2).

Имеются в коллекции и фрагменты чаши со стилизованным эпиграфическим орнаментом (рис. 10: 7).

Керамика с подглазурной росписью рельефом. Такие сосуды имеют рельеф на внешней поверхности. Углубленные места выделяются более темным цветом поливы. На выпуклых местах под прозрачной поливой просвечивает светлый кашин. Орнамент чаще

эпиграфический или в виде точек, образующих пяти- или четырехлепестковые цветы (рис. 10: 1, 3).

Керамика с белым рельефным орнаментом с фоном, залитым черной краской, под бирюзовой прозрачной поливой. К этому виду посуды относится фрагмент сосуда, возможно, альбарелло, его внутренняя поверхность не орнаментирована, а на внешней поверхности белой рельефной линией нанесен эпиграфический орнамент, фон залит черной краской. Также найден фрагмент тулова сосуда горшковидной формы с налепной рельефной конической шишечкой, на котором рельефный белый орнамент выделяется при помощи заливки фона черной краской.

Керамика без росписи и рельефа. Внутренняя и внешняя поверхности покрыты бирюзовой поливой.

Керамика с ультрамариновой поливой

Ультрамариновый цвет поливы достигается путем введения в ее состав кобальта. Группа немногочисленна, составляет 5% от общего числа кашинной керамики. Выделяется *керамика, сочетающая покрытие поверхностей сосуда бирюзовой (внутри) и ультрамариновой (снаружи) поливами.*

*Керамика с полихромной надглазурной росписью по ультрамариновой поливе (**ладжвардин**).* Орнамент растительный. Роспись золотистой, белой и красной красками (рис. 9: 4—6). Наиболее интересный экземпляр — фрагмент тарелкообразного сосуда с уплощенным туловом и почти вертикальным бортиком. По венчику с наружной и внутренней сторон нанесена полоса черного цвета. По верху венчика располагаются чередующиеся точки белого и красного цветов, сгруппированные по три. С внутренней стороны венчик украшен луковицеобразными медальонами, нарисованными тонкой белой линией, внутри которых располагаются по четыре точки белого цвета. Полоса луковицеобразных медальонов прерывается изображением медальона округлой формы с золотым ромбом в центре, обрисованного красным цветом. Поясок, расположенный на бортике, выделенный белыми и красными линиями, орнаментирован только группами из четырех белых точек, расположенных через каждые 2,5 см. Следующий пояс украшен растительным орнаментом в виде стилизованных закрученных стеблей, побегов и листьев, возможно, винограда, и медальонов округлой формы с розетками золотого цвета, оконтуренными красным. С наружной стороны по венчику располагается стилизованная арабская надпись, выполненная белым цветом по черной полосе. Следующий поясок образует стилизованный растительный орнамент в виде стеблей и побегов, соединенных между собой. Ниже располагается арочный орнамент, выполненный белой краской. Пояски разделены между собой концентрическими линиями красного, белого и черного цветов (рис. 9: 4).

Минаи

*Кашинная керамика с росписью эмалями по белой глухой поливе (**минаи**)* представлена фрагментами чаш на кольцевом поддоне, орнаментированных красными, сине-серыми, черными и зелеными красками и позолотой. Орнамент — побеги винограда, цветы, изображение птицы с длинным хвостом, сидящей на ветке, арабские и персидские надписи, «китайские облака» и др. (рис. 11; цветная вклейка, илл. 4). Некоторые фрагменты поливных чаш (рис. 11: 1, 3) имеют близкие параллели в керамике из раскопок золотоордынского Азака (г. Азов) (Белинский, Масловский 2005: 176, рис. 11: 3; Крамаровский 2007: 183).

Штампованная керамика с бирюзовой поливой

Необходимо отметить находки в Сарайчике *серо- и красноглиняной керамики со штампованным орнаментом и с бирюзовой поливой*. Такая керамика является подражанием штампованной среднеазиатской посуде (Вактурская 1959: 306—308; Булатов 1969: 57). Орнамент на этих сосудах чаще всего растительный и геометрический. Поверхность в основном оставлена без покрытия, только горло и плечики расцвечены пятнами бирюзовой поливы (рис. 10: 4, 10, 11) (Вактурская 1959: 308).

В коллекции поливной керамики Сарайчика также имеется небольшое количество фрагментов ***люстровых изделий***.

Каждый новый сезон раскопок на городище Сарайчик приносит большое количество керамики, что требует дальнейшего более подробного и тщательного изучения. Необходима разработка более полной сводной классификации на основе технологических, морфологических и др. признаков. Данная работа предполагает введение в научный оборот только части поливной керамики с городища Сарайчик.

Литература

Арзютов Н. 1949. Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте развалин золотоордынского города Сарайчик. *Известия АН КазССР. Серия археологическая* 2. Алма-Ата, 126—131.

Археологическая карта Казахстана. 1960. Алма-Ата: Наука.

Бадян В.В., Чиперис А.М. 1974. Торговля Каффы в XIII—XV вв. В: Бибиков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, 174—189.

Белинский И.В., Масловский А.Н. 2005. Импортная поливная керамика Азака (XIV в.). В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* Киев: Стилос, 160—177.

Булатов Н.М. 1968. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов (по материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ). *СА* (4), 95—109.

Булатов Н.М. 1969. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах. *Вестник МГУ* 2. *История*. Москва, 46—59.

Булатов Н.М. 1974. Кобальт в керамике Золотой Орды. *СА* (4), 135—141.

Булатов Н.М. 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов. В: Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Средневековые памятники Поволжья*. Москва: Наука, 73—107.

Вактурская Н.Н. 1959. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма IX—XVIII вв. В: Толстов С.П. (ред.). *Керамика Хорезма. Труды ХАЭЭ* IV. Москва, 261—342.

Егоров В.И. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.

Крамаровский М.Г. 2007. Кубок из Азака. О полихромии в керамике Золотой Орды. В: Кызласов И.Л., Зеленеев Ю.А. (отв. ред.). *Средневековая археология евразийских степей* 1. Казань, 183—188.

Кушаев Г.А. 1993. *Этюды древней истории степного Приуралья*. Уральск: Диалог.

Маргулан А.Х. 1951. Раскопки Сарайчика. *Тезисы докладов на Всесоюзном археологическом совещании 1951 г.* Архив Института археологии МОН РК. Инв. №763а.

Сайко Э.В. 1963. *Глазури керамики Средней Азии VIII—XII вв.* Душанбе: АН Тадж. ССР.

Самашев З.С. 1998. Исследование золотоордынского города Сарайчик. В: *Проблемы изучения и сохранения исторического наследия.* Материалы международной археологической конференции. Алматы, 137—162.

Самашев З., Бурнашева Р., Базылхан Н., Плахов В. 2006. *Монеты Сарайчика*. Алматы: Grapho-art.

Самашев З.С., Кожаков Д.А., Талеев Д. 1998. Сарайчик: проблемы исследования великого города. В: *Проблемы изучения и сохранения исторического наследия.* Материалы международной археологической конференции. Алматы, 240—245.

Самашев З.С., Кузнецова О.В. 2000. Поливная керамика Сарайчика. *Известия НАН РК* 224 (1). Алматы, 129—137.

Самашев З.С., Кузнецова О.В. 2004. Новые данные по керамике Сарайчика. *Известия НАН РК* 242 (1). Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 129—137.

Тасмагамбетов И., Самашев З. 2001. *Сарайчик*. Алматы: Берел.

Федоров-Давыдов Г.А. 1994. *Золотоордынские города Поволжья*. Москва: МГУ.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища. В: *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. Москва: Наука, 133—248.

Шляхова В.И. 1980. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городищ). *СА* (4), 75—86.

Якубовский А.Ю. 1931. *К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке*. ИГАИМК VIII (2—3).

References

Arziutov, N. 1949. In *Izvestiia Akademii nauk Kazakhskoi SSR (Reports of the Academy of Sciences of Kazakh SSR). Seriia arkheologicheskaia (Archaeological Series)* 2. Alma-Ata, 126—131 (in Russian).

Arkheologicheskaia karta Kazakhstana (Archaeological map of Kazakhstan). 1960. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Badyan, V. V., Chiperis, A. M. 1974. In *Feodal'naia Tavrika (Feudal Taurica)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 174—189 (in Russian).

Belinsky, I. V., Maslovskiy, A. N. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X —XVIII vv. (Glazed pottery of the Mediterranean and Pontic regions in the 10th—18th centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 160—177 (in Russian).

Bulatov, N. M. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 95—109 (in Russian).

Bulatov, N. M. 1969. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Moscow State University, Series of History)* 2. Moscow, 46—59 (in Russian).

Bulatov, N. M. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 135—141 (in Russian).

Bulatov, N. M. 1976. In *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval sites of the Volga region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 73—107 (in Russian).

Vakturskaya, N. N. 1959. In *Keramika Khorezma. Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Ceramics of Khwarazm. Proceedings of Khwarazm Archaeological and Ethnographic Expedition)* IV. Moscow, 261—342 (in Russian).

Egorov, V. I. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kramarovsky, M. G. 2007. In *Srednevekovaia arkheologiia evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)* 1. Kazan, 183—188 (in Russian).

Kushaev, G. A. 1993. *Etiudy drevnei istorii stepnogo Priural'ia (Studies in Early History of the Steppe Ural Region)*. Uralsk: "Dialog" Publ. (in Russian).

Margulan, A. Kh. 1951. In *Tezisy dokladov na Vsesoiuznom arkheologicheskom soveshchanii 1951 g. (Report Summaries at the All-Soviet Archaeological Meeting in 1951)*. Archive of the Institute of Archaeology under the Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan, no. 763a (in Russian).

Saiko, E. V. 1963. *Glazuri keramiki Srednei Azii VIII—XII vv. (Glazes on Central Asian Pottery of 8th—12th cc.)*. Dushanbe: Tajik SSR Academy of Sciences (in Russian).

Samashev, Z. S. 1998. In *Problemy izucheniia i sokhraneniia istoricheskogo naslediia (Issues of Study and Preservation of Historical Heritage)*. Almaty, 137—162 (in Russian).

Samashev, Z., Burnasheva, R., Bazylkhan, N., Plakhov, V. 2006. *Monety Saraichika (Coins of Saraichik)*. Almaty: "Grapho-art" Publ. (in Russian).

Samashev, Z. S., Kozhakov, D. A., Taleev, D. 1998. In *Problemy izucheniia i sokhraneniia istoricheskogo naslediia (Issues of Study and Preservation of Historical Heritage)*. Almaty, 240—245 (in Russian).

Samashev, Z. S., Kuznetsova, O. V. 2000. Polivnaia keramika Saraichika. *Izvestiia Natsional'noi Akademii Nauk Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the National Academy of Sciences, Republic of Kazakhstan)* 224 (1). Almaty: Kazakh National University named after al-Farabi, 129—137 (in Russian).

Samashev, Z. S., Kuznetsova, O. V. 2004. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii Nauk Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the National Academy of Sciences, Republic of Kazakhstan)* 242 (1). Almaty: Kazakh National University named after al-Farabi, 129—137.

Tasmagambetov, I., Samashev, Z. 2001. *Saraichik (Saraichik)*. Almaty: "Berel" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Region)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov, N. M. 1989. In *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdei i drevnie goroda Povolzh'ia (Treasures of Sarmatian Chieftains and Ancient Towns in the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133—248 (in Russian).

Shlyakhova, V. I. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 75—86 (in Russian).

Yakubovsky, A. Yu. 1931. *K voprosu o proiskhozhdenii remeslennoi promyshlennosti Saraia-Berke (On the Origins of Craft Industries in Saray-Berke)*. Reports of the State Academy for the History of Material Culture VIII (2—3) (in Russian).

Е. М. Пигарёв

Evgeniy Pigarev. Candidate of Historical Sciences. Municipal State Cultural Institution "Sarai-Batu Historical and Cultural Center"[1].

Пигарёв Евгений Михайлович. Кандидат исторических наук. Муниципальное казенное учреждение культуры «Историко-культурный центр «Сарай-Бату».

E-mail: pigarev1967@mail.ru

Address: [1] Sovetskaya St., 53, Selitrennoe, Harabali district, Astrakhan oblast, 416022, Russian Federation

Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области

Keywords: Lower Volga region, Astrakhan region, Golden Horde sites, urban centres, historical geography.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Астраханская область, золотоордынские памятники, городские центры, историческая география.

E. M. Pigarev

Golden Horde Sites on the Territory of Astrakhan Region

The article is the first attempt in twenty-five years to present complete corpus of Golden Horde sites found on the territory of Astrakhan region. The corpus includes 115 sites: barrow and ground necropolises, fortified and open settlements. For each site, the author indicates its characteristics, short description of the location, topography, state of preservation and research, as well as main finds; and for the necropolises — he provides peculiarities of the funeral rite. The material presented enables a better understanding of such problem as "Lower Volga Golden Horde town and formation of its vicinity".

E. M. Pigarev

Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области

В данной статье впервые за двадцатипятилетний период приводится полный свод археологических памятников, относящихся к золотоордынской эпохе, находящихся на территории Астраханской области. В свод вошли 115 объектов (курганные и грунтовые могильники, городища и поселения). Каждому памятнику даны характеристика и краткое описание его местоположения, топографии, степени сохранности и изученности, основных находок, для могильников — особенностей погребального обряда. Представленный материал помогает подойти к решению такой проблемы, как «нижневолжский золотоордынский город и формирование его округи».

Прошло свыше двадцати лет с момента выхода из печати историографического исследования известного отечественного археолога В. Л. Егорова «Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.», в которой приводились данные о более чем 100 золотоордынских городах и поселениях (Егоров 1985). За эти годы в результате археологических исследований появилось немало новой информации, позволяющей провести корректировку сформированных ранее положений.

На всем протяжении истории Золотой Орды Нижнее Поволжье играло особую роль в ее политической и экономической жизни. Появление здесь административного центра всего государства, сделало эту территорию центром градостроительной культуры империи. Именно здесь находилось самое большое количество различных по величине и значению населенных пунктов Золотой Орды.

На территории Астраханской области в монографии В. Л. Егорова отмечено 11 населенных пунктов (Егоров 1985: 114—120). Работы астраханских археологов за последнее время существенно изменили картину, сформированную ранее. Были обнаружены новые памятники золотоордынской эпохи, на некоторых, известных ранее, но не изученных, проводились археологические исследования.

Описание золотоордынских памятников, расположенных на территории Астраханской области, удобнее производить сверху вниз

© Е. М. Пигарёв, 2015.

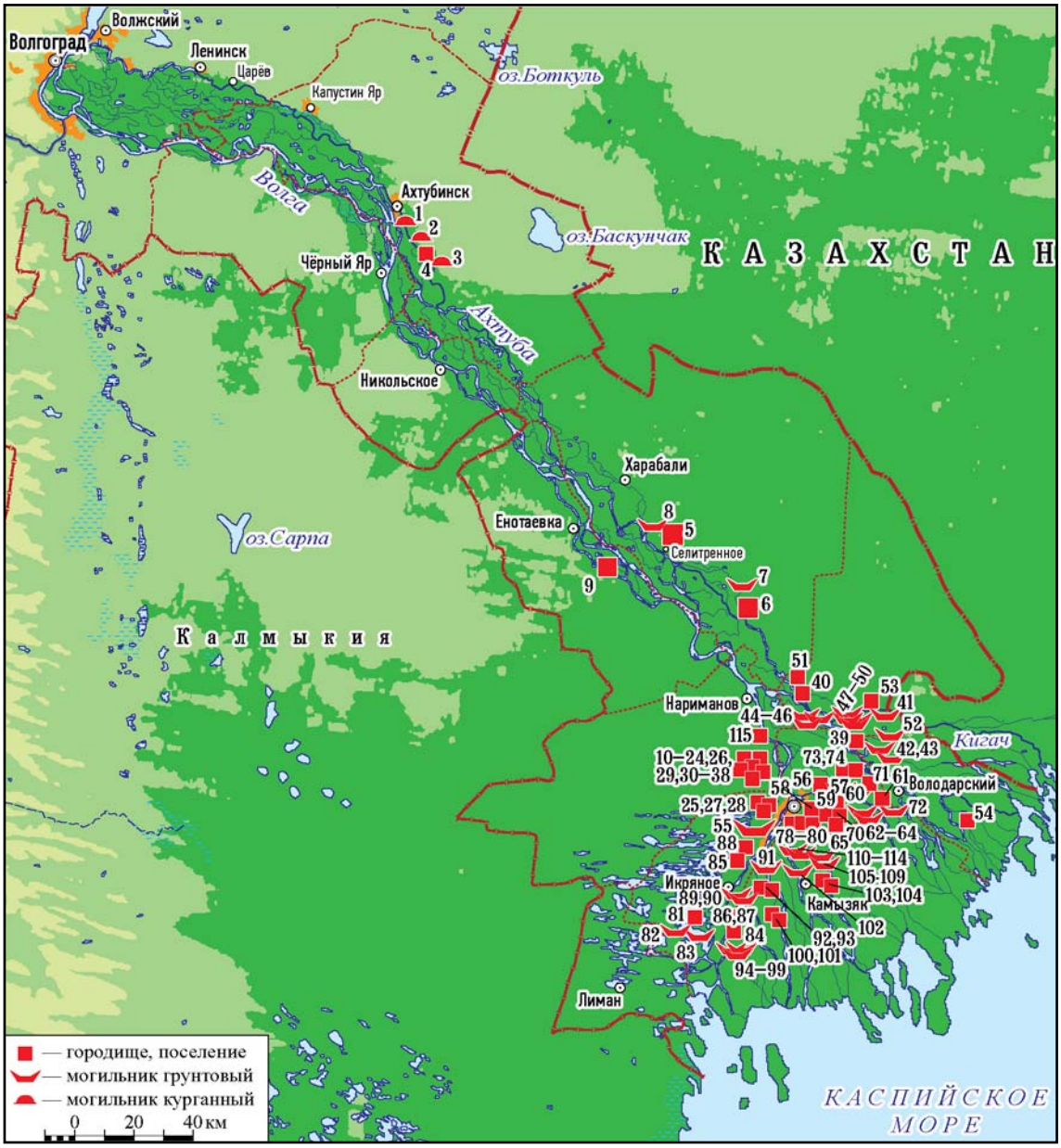


Рис. 1. Карта памятников золотоордынской эпохи на территории Астраханской области. 1, 4 — Бутырки; 2 — Успенка; 3 — «301 км»; 5 — Сарай; 6 — Ак-Сарай (Лапас); 7 — Хошеутовский; 8 — Баста; 9 — Енотаевское; 10 — Тинаки-1; 11 — Становский; 12 — Большой Джулер; 13 — Бердин; 14 — Камынкуль; 15 — Городок; 16 — Кизелькуль; 17 — Саргуль; 18 — Водяной; 19 — Турганши; 20 — Долгий; 21 — Джанак-Куль; 22 — Усадебный; 23 — Малый; 24 — Куга; 25 — Средний; 26 — Майле-Куль; 27 — Бактюбе; 28 — Ильку-Тюбе; 29 — Карантинный; 30 — Тинаки; 31 — Кара-Тобе; 32 — Приволжский; 33, 34 — Петропавловка; 35 — Рассвет; 36 — Ильмень; 37 — Николаевка; 38 — «34-й км»; 39 — Красноярское (Монгольское); 40 — Ахтубинское; 41 — Калмыцкий; 42 — Мечетный-I; 43 — Мечетный-II; 44—46 — Комсомольский; 47 — Маячный-I; 48 — Маячный-II; 49 — Вакуровский-I; 50 — Вакуровский-II; 51 — ст. Досанг; 52 — Лебединый; 53 — Мыльников; 54 — Новорычанское; 55 — Кан-тюбе; 56, 57 — Мошаик; 58 — Алаучук; 59 — Барский; 60 — Касыпак-Тобе; 61 — Началовский-I; 62 — Началовский-II; 63 — Бараний; 64 — Артельный; 65 — Малый Чека; 66 — Большой Чека; 67 — Красный; 68 — Песчаный; 69 — Камышин; 70 — Болдинский; 71 — Черный; 72 — Садовый; 73 — Хлебный; 74 — Седой; 75 — Татарская Башмаковка-I; 76 — Татарская Башмаковка-II; 77 — Кирпичный-II; 78 — Золотой; 79 — Казлар-Тобе; 80 — Тимошкин; 81 — Чертово; 82 — Большой Черный; 83 — Малый Черный; 84 — Красный; 85 — Ильинка; 86 — Большой Толчин; 87 — Малый Хаджи; 88 — Шантемир; 89 — Большой Ходжи; 90 — Петухов; 91 — Габбас тюбе; 92 — Долгий; 93 — Исмаил тюбе; 94 — Большой Морской; 95 — Попок; 96 — Федоровский; 97 — Хмелевинский-I; 98 — Хмелевинский-II; 99 — Чулпанский; 100 — Самосдельское; 101 — Кочкаринский; 102 — Большой Долгий; 103 — Тумак-тюбе; 104 — Касыпак-Тобе; 105 — Кара-Тобе; 106 — Ялан-Тобе; 107 — Жулан-Тобе; 108 — Ажанай; 109 — Кюзене; 110 — Промысловый; 111 — Бос-Тобе; 112 — Коц-Тобе; 113 — Джидале; 114 — Троицкий; 115 — Хаджитархан (Шаренный бугор).

Fig. 1. Map of Golden Horde sites on the territory of Astrakhan region. 1, 4 — Butyrki; 2 — Uspenka; 3 — «301 km»; 5 — Sarai; 6 — Ak-Sarai (Lapas); 7 — Khosheutovskii; 8 — Basta; 9 — Enotaevskoe; 10 — Tinaki-1; 11 — Stanovskii; 12 — Bol'shoi Dzhuler; 13 — Berdin; 14 — Kamynkul'; 15 — Gorodok; 16 — Kizel'kul'; 17 — Sargul'; 18 — Vodianoi; 19 — Turganshi; 20 — Dolgii; 21 — Dzhanak-Kul'; 22 — Usadebnyi; 23 — Malyi; 24 — Kuga; 25 — Srednii; 26 — Maile-Kul'; 27 — Baktiube; 28 — Il'ku-Tiube; 29 — Karantinnyi; 30 — Tinaki; 31 — Kara-Tobe; 32 — Privolzhskii; 33, 34 — Petropavlovka; 35 — Rassvet; 36 — Il'men'; 37 — Nikolaevka; 38 — "34 km"; 39 — Krasnoiarskoe (Mongol'skoe); 40 — Akhtubinskoe; 41 — Kalmytskii; 42 — Mechetnyi-I; 43 — Mechetnyi-II; 44—46 — Komsomol'skii; 47 — Maiachnyi-I; 48 — Maiachnyi-II; 49 — Vakurovskii-I; 50 — Vakurovskii-II; 51 — st. Dosang; 52 — Lebedinyi; 53 — Myl'nikov; 54 — Novorychanskoe; 55 — Kan-tiube; 56, 57 — Moshaik; 58 — Alauchuk; 59 — Barskii; 60 — Kasypak-Tobe; 61 — Nachalovskii-I; 62 — Nachalovskii-II; 63 — Baranii; 64 — Artel'nyi; 65 — Malyi Cheka; 66 — Bol'shoi Cheka; 67 — Krasnyi; 68 — Peschanyi; 69 — Kamyshin; 70 — Boldinskii; 71 — Chernyi; 72 — Sadovyi; 73 — Khlebnyi; 74 — Sedoi; 75 — Tatarskaia Bashmakovka-I; 76 — Tatarskaia Bashmakovka-II; 77 — Kirpichnyi-II; 78 — Zolotoi; 79 — Kazlar-Tobe; 80 — Timoshkin; 81 — Chertovo; 82 — Bol'shoi Chernyi; 83 — Malyi Chernyi; 84 — Krasnyi; 85 — Il'inka; 86 — Bol'shoi Tolchin; 87 — Malyi Khadzhi; 88 — Shantemir; 89 — Bol'shoi Khodzhi; 90 — Petukhov; 91 — Gabbas tiube; 92 — Dolgii; 93 — Ismail tiube; 94 — Bol'shoi Morskoi; 95 — Popok; 96 — Fedorovskii; 97 — Khmelevinskii-I; 98 — Khmelevinskii-II; 99 — Chulpanskii; 100 — Samosdel'skoe; 101 — Kochkarinskii; 102 — Bol'shoi Dolgii; 103 — Tumak-tiube; 104 — Kasypak-Tobe; 105 — Kara-Tobe; 106 — Ialan-Tobe; 107 — Zhulan-Tobe; 108 — Azhanai; 109 — Kiuzene; 110 — Promyslovyi; 111 — Bos-Tobe; 112 — Kots-Tobe; 113 — Dzhidale; 114 — Troitskii; 115 — Khadzhitarkhan (Sharennyi bugor).

по течению рек Волги и Ахтубы. В данной работе мы постараемся показать не только крупные города, но и поселения и могильники времени Золотой Орды. Так как в большинстве случаев золотоордынские названия населенных пунктов нам неизвестны, имена памятникам присвоены по современным географическим названиям (село, бэровский бугор, урочище). Данный свод археологических памятников золотоордынской эпохи на территории Астраханской области не считается полным и законченным. Так как многие административные районы области изучены в археологическом отношении очень неравномерно, разведочные работы будут продолжены. Но уже по представленному материалу видно, что многочисленные сельские поселения и могильники группируются вокруг крупных городских центров, таких, как Сарай, Красноярское городище, Хаджитархан, Суммеркент, образуя вокруг них зону сплошной оседлости (рис. 1).

Ахтубинский район

1. Курганный могильник «Бутырки». Памятник расположен на окраине с. Бутырки. Обнаружен экспедицией Астраханского пединститута в 1983—84 гг. В процессе исследований было раскопано 12 курганов, в 10 из них находились выкладки из сырцового кирпича вокруг безынвентарных мусульманских погребений. В основном погребении кургана №6 был расчищен костяк коня, в инвентарь погребения, кроме многочисленных предметов, входила серебряная монета начала XIV в. В одном из курганов оказался мавзолей, выложенный из обожженного кирпича и украшенный поливными кашинными изразцами (Шнайдштейн 1989: 5).

2. Курганный могильник «Успенка». Памятник находится в 0,6 км восточнее с. Успенка. В 1981 г. было исследовано 18 курганов, содержащих 18 позднекочевнических погребений (Шнайдштейн 1989: 4).

3. Курганный могильник «301 км». Памятник находится в 4 км к востоку от с. Бутырки на надпойменной террасе левого берега р. Ахтуба. Было исследовано 10 средневековых курганов с погребениями, совершенными по мусульманскому обряду, вокруг некоторых могил были сооружены ограды из сырцовых кирпичей, прямоугольной и кольцевидной формы (Шнайдштейн 1989: 7).

4. Поселение «Бутырки». Памятник расположен на окраине с. Бутырки рядом с курганным могильником и мавзолеем, изучавшимся в 1983—84 гг. Были раскопаны остатки жилых помещений, наземных и углубленных в материк, от конструкций которых сохранились сырцовые сооружения, суфы с канами и очагами. Кроме того, были исследованы две гончарные печи для изготовления кирпича. Вещевой материал представлен золотоордынской гончарной красноглиняной керамикой (Шнайдштейн 1989: 7). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно.

Харабалинский район

5. Сарай. Первая столица Золотой Орды. В археологической литературе остатки Сарая носят название Селитренного городища, оно находится на левом берегу Ахтубы, у села Селитренное (рис. 2). Золотоордынское название города известно по письменным источникам и чеканившимся здесь монетам (Егоров 1985: 114—117). Сарай был самым крупным из городов Золотой Орды и одним из крупнейших во всей средневековой

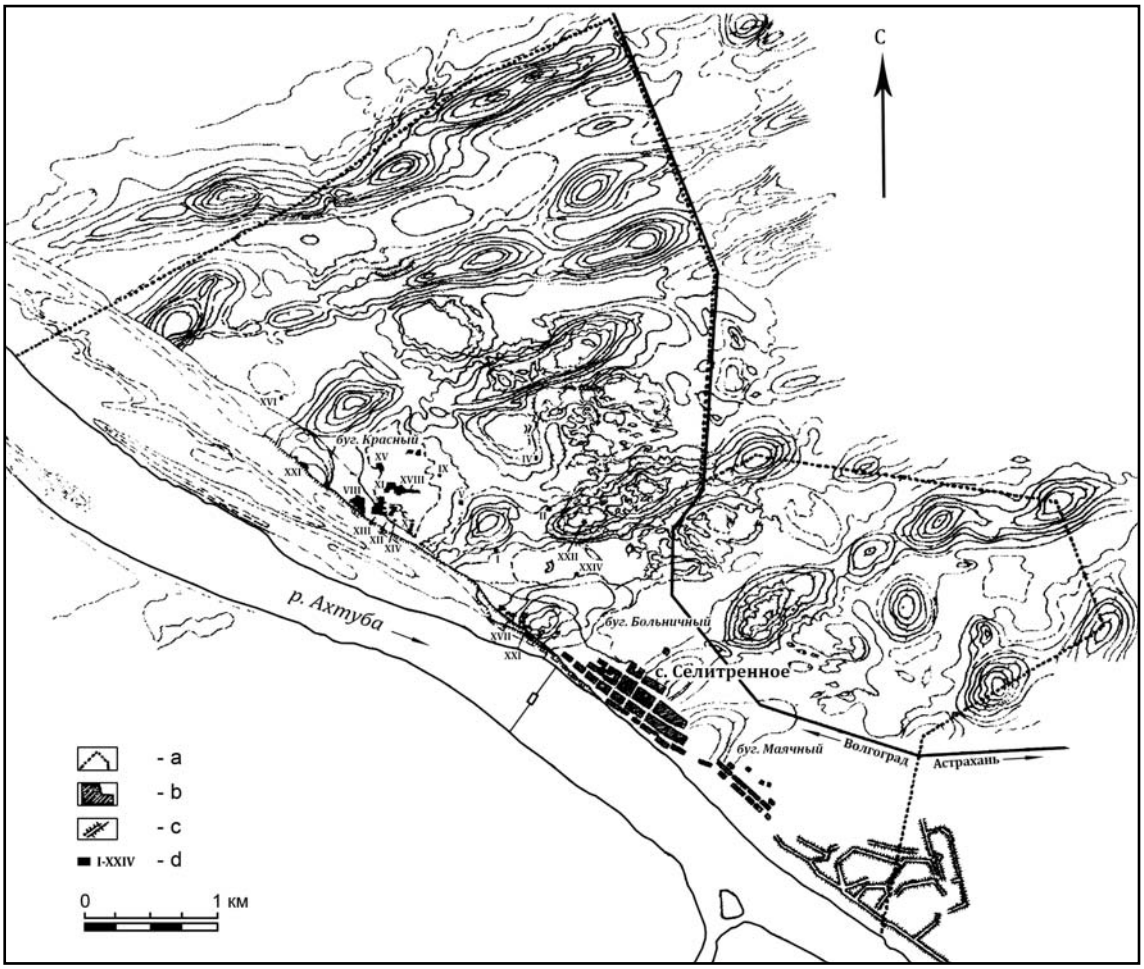


Рис. 2. План-схема городища Сарай-Бату с указанием границ охранной зоны. Инструментальная съёмка. Условные обозначения: a — границы городища; b — строения; c — дамба; d — раскопы.

Fig. 2. Schematical plan of the Sarai Batu fortified settlement with the indication of the borders of protected area. Instrumental survey Условные обозначения: a — borders of the settlement; b — structures; c — dike; d — digs.

Евразии. Ф.В. Баллод оценивал его площадь приблизительно в 36 км^2 (Баллод 1923: 31). В.Л. Егоров справедливо замечает, что цифру эту можно считать правдоподобной лишь в том случае, если учесть окружавшие столицу пригороды и различные аристократические усадьбы (Егоров 1985: 115). В настоящее время охранная зона памятника составляет 2061,5 га (Паспорт 2002).

Селитренное городище неоднократно посещалось и изучалось путешественниками XVIII в. и археологами XIX — начала XX в. (Федоров-Давыдов 1994: 24). Систематически Селитренное городище стало изучаться Поволжской археологической экспедицией ИА АН СССР (РАН) (Рудаков 2000: 180—191). В 2003 г. по распоряжению губернатора Астраханской области на Селитренном городище был организован историко-археологический музей «Селитренное городище» — филиал Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника (www.saray-al-mahrusa.ru). В последние годы на городище исследуются не только объекты и культурные отложения собственно Золотой Орды, но и остатки русской крепости и селитроваренного производства XVII—XVIII вв.

6. Городище «Ак-Сарай (Лапас)» и комплекс мавзолеев. Находится в 40 км ниже Сарая у села Лапас, на левом берегу р. Большой Ашулук. Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. В.Л. Егоров отмечал, что археологические исследования памятника не проводились, хотя этот пункт представляет особый интерес, т.к., кроме находящегося на берегу поселения, здесь сохранились остатки четырех больших построек из обожженного кирпича, украшенных изразцами (Егоров 1985: 117—118).

К настоящему времени на памятнике неоднократно проводились археологические исследования. В результате трехлетних работ В. В. Дворниченко были составлены подробные планы всего комплекса и каждого выявленного объекта. Всего было обнаружено 16 остатков архитектурных объектов, которые определены исследователем как остатки средневековых мавзолеев (к сожалению, нездоровье и смерть помешали Владимиру Васильевичу оформить научный отчет и сделать публикацию полученных материалов). Поражает своими размерами мавзолей №1 (центральный), носящий среди местного населения имя Давлет-хан. Квадратное в плане сооружение имеет длину стены до 50 м (Пигарёв 1996: 106—107).

Особый интерес представляет отмеченное на карте братьев Пицигани 1367 г. место, где находятся «гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки» (Чекалин 1889: 21, карта в приложении). Можно с уверенностью считать, что именно здесь находятся фамильные усыпальницы Джучидов, принявших ислам.

Параллельно с обследованием некрополя проводились исследования поселения, в результате которых мнение В. Л. Егорова о том, что на берегу располагался поселок строителей мавзолеев, подтвердилось (Пигарёв 1997: 21—22). В 2000-м году работы на памятнике продолжились. В ходе раскопок на берегу был исследован дом из сырцового кирпича с остатками подворья. Кроме того, с площади поселения была собрана значительная коллекция медных монет, которые уверенно датируют памятник 1312—1342 гг. (Васильев 2001а: 68—71; Пигарёв и др. 2005: 149—150). Таким образом, центральный мавзолей можно с большой степенью уверенности связать с именем хана Узбека, утвердившего в Золотой Орде ислам государственной религией.

7. Грунтовый могильник «Хошеутовский». Памятник расположен на северной окраине с. Хошеутово, на левом берегу реки Ашулук. Исследования могильника проводились ПАЭ ИА РАН под руководством В. В. Дворниченко. Помимо погребений, относящихся к раннему железному веку и раннему средневековью, на могильнике встречены погребения, относящиеся к периоду Золотой Орды. Научного отчета и публикаций материала не существует, по указанным выше причинам.

8. Грунтовый могильник «Баста». Памятник расположен в 8 км к северо-западу от с. Селитренное в месте слияния рек Ахтуба и Ашулук (Пигарёв 2003: 3). Масштабных археологических исследований не проводилось.

Енотаевский район

9. Городище «Енотаевское». По данным В. Л. Егорова, городище находилось на правом берегу Волги напротив Сарая, между поселками Енотаевка и Сероглазовка (Егоров 1985: 117). Разведки последних лет не выявили в указанном месте остатков какого-либо поселения. Возможно, что в результате разрушения правого берега остатки поселения полностью уничтожены рекой.

Наримановский район

10. Поселение «Тинаки-1». Памятник расположен в 2,5 км к западу от пос. Карантинное. Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан (Попов 2006: 12).

11. Поселение «Становский». Памятник расположен в 800 м к северу от с. Николаевка (Попов 2005: 14). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились.

12. Поселение «Большой Джулер». Памятник расположен в 800 м к югу от с. Николаевка (Павленко 2003: 6). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились.

13. Поселение «Бердин». Памятник расположен в 50 м к северу от ильменя Бердин на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 1). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

14. Поселение «Камынкуль». Памятник расположен в 100 м к северу от ильменя Камынкуль, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 3). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

15. Комплекс усадеб «Городок». Памятник расположен в 375 м к югу от Военного городка, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 5). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

16. Комплекс усадеб «Кизелькуль». Памятник расположен в 80 м западнее пос. Солянка, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 5). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

17. Комплекс усадеб «Саргуль». Памятник расположен в 350 м к северо-востоку от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 6). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

18. Комплекс усадеб «Водяной». Памятник расположен в 400 м к востоку от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 7). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

19. Комплекс усадеб «Турганши». Памятник расположен в 370 м к юго-востоку от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 7). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

20. Комплекс усадеб «Долгий». Памятник расположен в 480 м к юго-востоку от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волга (Никонов 1991; 1992: 8). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

21. Комплекс усадеб «Джанак-Куль». Памятник расположен в 850 м западнее пос. Солянка, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 8). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

22. Комплекс усадеб «Усадебный». Памятник расположен в 470 м южнее Военного городка, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 9). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

23. Комплекс усадеб «Малый». Памятник расположен в 850 м к северо-западу от ст. Трусово, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 10). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

24. Комплекс усадеб «Куга». Памятник расположен в 450 м к югу от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 11). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

25. Комплекс усадеб «Средний». Памятник расположен в 600 м к северу от ст. Трусово, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 11). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

26. Комплекс усадеб «Майле-Куль». Памятник расположен в 800 м к юго-востоку от центральной усадьбы колхоза им. Ленина, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 12). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

27. Комплекс усадеб «Бактюбе». Памятник расположен в 500 м к северо-востоку от ст. Трусово, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 12). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

28. Комплекс усадеб «Ильку-Тюбе». Памятник расположен на западной окраине ст. Трусово, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 13). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

29. Комплекс усадеб «Карантинный». Памятник расположен 350 м к северу от курорта Тинаки, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 2). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

30. Комплекс усадеб «Тинаки». Памятник расположен в 50 м южнее озера Тинаки, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 3). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

31. Комплекс усадеб «Кара-Тобе». Памятник расположен в 575 м к востоку от Военного городка, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 4). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

32. Грунтовый могильник «Приволжский». Памятник расположен в 120 м южнее курорта Тинаки, на правом берегу р. Волга (Васильев 1992: 4). Археологические исследования не проводились. Могильник входит в округу города Хаджитархан.

33. Поселение «Петропавловка». Памятник расположен в 0,5 км к востоку от с. Петропавловка (Шнайдштейн 1980: 5). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились.

34. Грунтовый могильник «Петропавловка». Памятник расположен в 2 км к востоку от с. Петропавловка (Шнайдштейн 1980: 6). Археологические исследования не проводились.

35. Поселение «Рассвет». Памятник расположен на землях колхоза «Рассвет», на берегу ерика Дурной, между селами Стрелецкое и Дурной (Шнайдштейн 1980: 6). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

36. Поселение «Ильмень». Памятник расположен на берегу ильменя за заводом силикатных стеновых изделий (Шнайдштейн 1980: 7). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

37. Поселение «Николаевка». Памятник расположен в 600 м к северу от с. Николаевка (Шнайдштейн 1980: 9). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Поселение входит в округу города Хаджитархан.

38. Поселение «34-й км». Памятник расположен в 34 км к западу от с. Джакуевка в барханных песках (Шнайдштейн 1980: 9). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились.

Красноярский район

39. Городище «Красноярское (Монгольское)». Памятник расположен в с. Красный Яр, на слиянии рек Бузан и Маячная (рис. 3). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. История Красноярского городища в исторической литературе практически не освещена. В Трудах Астраханского губернского статистического комитета в разделе «Описание населенных местностей Красноярского уезда за 1875 г.» сообщается о многочисленных «могильных холмах» в окрестностях Красного Яра (Труды 1875).

В 1989—1991 гг. были проведены первые археологические исследования городища, которые выявили здесь остатки жилых домов, гончарной мастерской по изготовлению поливной посуды, городского кладбища (Казаков, Пигарёв 1998: 72—83). Нумизматический материал, полученный в ходе раскопок, был произведен на монетном дворе Сарая. Основная масса монет приходится на 20-е — 30-е гг. XIV в. Это обстоятельство дало возможность сделать предположение о существовании на Красноярском городище первой столицы Золотой Орды города Сарая (Пачкалов 2002: 177). Полученный вещевой материал позволяет сделать выводы о хозяйственной жизни населения города. Красноярское городище являлось крупным центром городской культуры с развитой сельскохозяйственной округой. Это подтверждают находки дигирей, серпов, зерен проса, дынь, арбузов, тыквы. Кроме того, обследования округи городища выявили целый ряд сельских поселений золотоордынского времени. Находки предметов из железа, стекла, кости, остатки гончарного производства, говорят о развитой ремесленной деятельности.

40. Городище «Ахтубинское». Памятник расположен на территории пос. Комсомольский и его окрестностях, на левом берегу р. Ахтуба. Впервые исследовался в 1988 году археологической экспедицией Астраханского музея-заповедника (Плахов 1989). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно.

41. Грунтовый могильник «Калмыцкий». Памятник расположен в 3,5 км к северу от пос. Барановка, на правом берегу р. Альчи. В процессе археологических исследований здесь было изучено 11 погребений, относящихся к позднему средневековью (Никонов 1990: 40—41; Казаков 1991: 43).

42. Грунтовый могильник «Мечетный-I». Памятник расположен в 1,5 км к востоку от с. Красный Яр, на левом берегу ерика Огородный. В ходе раскопок были изучены погребения золотоордынского времени (Васильев 1993: 5).

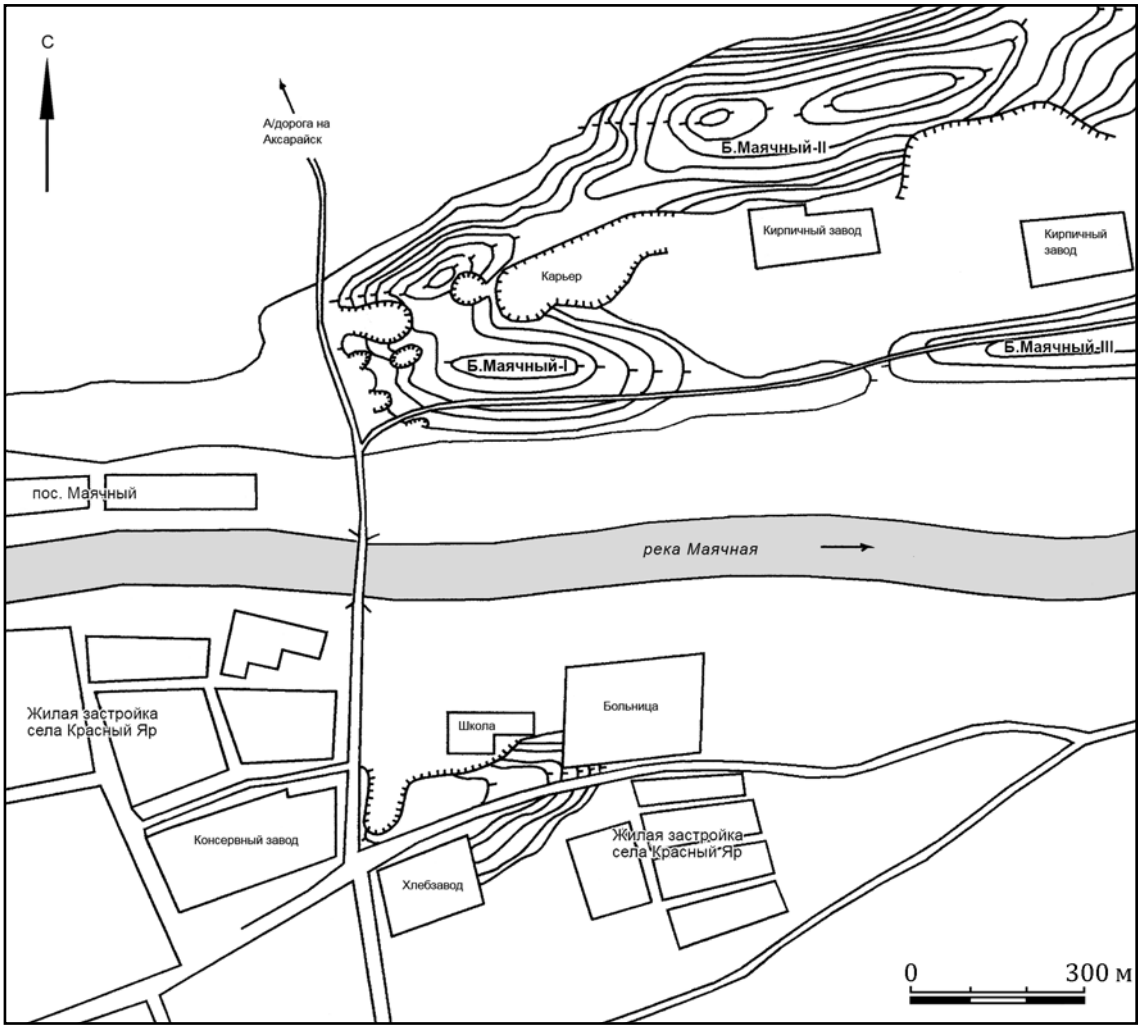


Рис. 3. Схема расположения археологических памятников в райцентре Красный Яр.

Fig. 3. Scheme of location of archaeological sites in the Krasnyi Yar district centre.

43. Грунтовый могильник «Мечетный-II». Памятник расположен в 1,68 км к востоку от с. Красный Яр, на правом берегу ерика Огородный. В ходе раскопок были изучены погребения золотоордынского времени (Васильев 1993: 6).

44. «Мавзолей». Памятник расположен в 3 км к юго-востоку от пос. Комсомольский, на левом берегу реки Ахтуба. Впервые исследовался археологической экспедицией Астраханского музея-заповедника. Мавзолей относится к городищу у пос. Комсомольский (Плахов 1987).

45. Грунтовый могильник (без названия). Памятник расположен в 3 км к юго-востоку от пос. Комсомольский, на левом берегу реки Ахтуба. В ходе разведочных работ на площади памятника были обнаружены кости человека и животных, обломки обожженного кирпича, медная монета середины XIV века (Пигарёв 1995: 233).

46. Грунтовый могильник у пос. Комсомольский. Памятник расположен на северной окраине современного поселка и является некрополем расположенного рядом городища «Комсомольский» (Ак-Сарай). Археологические исследования проводились экспедицией Астраханского музея-заповедника в 1991 году. В результате этих работ было изучено 13 погребальных комплексов, три из которых являлись остатками склепов, сложенных из обожженного кирпича. Обнаруженные объекты относятся к концу XIV — началу XV вв. (Плахов, Сумин 1996: 108).

47. Могильник грунтовый «Маячный-I». Памятник расположен в 0,3 км к востоку от пос. Маячный, на левом берегу реки Маячная (рис. 3). Исследовался разными археологами с 1990 по 2001 гг. За это время было вскрыто и изучено свыше 600 погребений, относящихся ко второй половине XIII — XIV вв.

Могильник является городским некрополем Красноярского городища. Наибольший интерес вызывают погребения, совершенные в доисламский и раннемусульманский периоды Золотой Орды. Эти погребения отличаются многообразием ориентировки погребенных, разнообразным погребальным инвентарем, различными внутри- и надмогильными сооружениями. Данная группа погребений уверенно датируется монетным материалом, входящим в погребальный инвентарь, второй половиной XIII — началом XIV вв. (Котеньков 1991; 1992; 1993; 1994; 1995; 1997; Гордеев 2006).

48. Могильник грунтовый «Маячный-II». Памятник расположен в 0,3 км к северо-востоку от пос. Маячный, на левом берегу реки Маячная (рис. 3). Исследования проводились различными археологическими экспедициями. Могильник считается городским некрополем Красноярского городища и является продолжением могильника «Маячный Бугор-I». В процессе исследований здесь также были встречены погребения как относящиеся к мусульманскому золотоордынскому периоду, так и к ранней истории Золотой Орды (Четвериков 1992; Артемьев 1996; Котеньков 1997.)

49. Грунтовый могильник «Вакуровский-I». Памятник расположен в 1,15 км к северу от пос. Маячный, на левом берегу реки Маячная. Первые исследования были проведены археологической экспедицией Астраханского пединститута. Было раскопано два безынвентарных погребения (Казаков 1991: 42).

50. Грунтовый могильник «Вакуровский-II». Памятник расположен в 1,2 км к северу от пос. Маячный, на левом берегу р. Ахтубы. В ходе раскопок были изучены погребения золотоордынского времени (Васильев 1993: 5).

51. Местонахождение у ст. Досанг (стоянка II). В ходе разведочных работ на площади памятника были обнаружены красноглиняная гончарная керамика, обломки кашинного поливного изразца, медная монета конца XIV века (Пигарёв 1995: 233).

52. Грунтовый могильник «Лебединый». Памятник расположен в 1 км на север от с. Кошелевка (Попов 2006: 23). Археологические исследования памятника не проводились.

53. Поселение «Мыльников». Памятник расположен в 0,9 км к югу от с. Алча на правом берегу р. Ахтуба (Юрьев 1997: 3). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

Володарский район

54. Городище «Новорычанское». Изменений в информации, данной В. Л. Егоровым, нет (Егоров 1985: 118). Археологические исследования памятника не проводились.

Приволжский район

55. Грунтовый могильник «Кан-тюбе». Памятник расположен в 5 км к ЮВ от с. Татарская Башмаковка, на левом берегу р. Волга. В процессе археологических исследований, проведенных в 1969 году, было раскопано 145 погребений, относящихся к золотоордынскому периоду. В ряде погребений наблюдались явные отклонения от канонов ислама: разные формы могильных ям, неустойчивость поз, находки вещей в могилах, наличие золы, угля, подстилок из камыша (Шнайдштейн 1992а: 29).

56. Городище «Мошаик». Находится у пос. Мошаик на восточной окраине г. Астрахань, на правом берегу р. Болда. Название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования выявили здесь типичные золотоордынские жилые постройки. (Егоров 1985: 118; Шнайдштейн 1992: 3; Васильев 2001б: 48—51).

57. Грунтовый могильник «Мошаик». Находится у пос. Мошаик на восточной окраине г. Астрахань, на правом берегу р. Болда. В 1978 г. во время исследований городища, на могильнике было вскрыто 8 безынвентарных погребений, которые автор отнес к золотоордынскому времени (Шнайдштейн 1992: 9).

58. Поселение «Алаучук». Памятник расположен на территории аэропорта г. Астрахань (Пантелеев 2005: 4). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

59. Поселение «Барский». Памятник расположен в 1,46 км к юго-востоку от пос. Мошаик на правом берегу р. Болда (Пантелеев 2003: 5). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

60. Грунтовый могильник «Касыпак-Тобе». Памятник расположен в 0,65 км к югу от пос. Стекольный завод, на правом берегу р. Кизань (Кутуков 2005: 4). Археологических исследований не проводилось.

61. Поселение «Началовский-I». Памятник расположен в 1 км к югу от с. Началово (Васильев 1992: 16). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно.

Археологических исследований не проводилось.

62. Грунтовый могильник «Началовский-II». Памятник расположен в 1,6 км к югу от с. Началово (Васильев 1992: 16). Археологических исследований не проводилось.

63. Грунтовый могильник «Бараний». Памятник расположен в 2,4 км к югу от с. Началово (Васильев 1992: 17). Археологических исследований не проводилось.

64. Грунтовый могильник «Артельный». Памятник расположен в 3,5 км к югу от с. Началово (Васильев 1992: 17). Археологических исследований не проводилось.

65. Поселение «Малый Чека». Памятник расположен в 3,55 км к югу от с. Началово (Васильев 1992: 18). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

66. Поселение «Большой Чека». Памятник расположен в 3,88 км к югу от с. Началово (Васильев 1992: 18). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

67. Поселение «Красный». Памятник расположен в 650 м к юго-западу от бэровского бугра Большой Чека (Васильев 1992: 19). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

68. Поселение и грунтовый могильник «Песчаный». Памятник расположен в 1,66 км к юго-западу от бэровского бугра Большой Чека (Васильев 1992: 19). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

69. Поселение «Камышин». Памятник расположен в 2,1 км к югу от бэровского бугра Большой Чека (Васильев 1992: 20). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

70. Поселение «Болдинский». Памятник расположен в 2,45 км южнее бэровского бугра Большой Чека (Васильев 1992: 20). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

71. Поселение «Черный». Памятник расположен в 2,9 км южнее бэровского бугра Большой Чека (Васильев 1992: 21). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

72. Грунтовый могильник «Садовый». Памятник расположен в 0,5 км к югу от с. Началово (Шнайдштейн 1980: 3). Археологических исследований не проводилось.

73. Поселение «Хлебный». Памятник расположен в 7,5 км к юго-западу от пос. с/з Начало, на правом берегу р. Болда (Шнайдштейн 1980: 4). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

74. Поселение «Седой». Памятник расположен в 3 км севернее ПМК № 35 (Шнайдштейн 1980: 5). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

75. Поселение «Татарская Башмаковка-I». Памятник расположен в 1,5 км к югу от с. Татарская Башмаковка на бэровском бугре Большой Змеиный (Шнайдштейн 1980: 5). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

76. Поселение «Татарская Башмаковка-II». Памятник расположен в 2 км к югу от с. Татарская Башмаковка (Шнайдштейн 1980: 10). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

77. Поселение «Кирпичный-II». Памятник расположен в 5 км к югу от с. Татарская Башмаковка (Шнайдштейн 1980: 9). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

78. Поселение «Золотой». Памятник расположен в 0,45 км к северу от с. Фунтово-I и в 3,3 км к юго-западу от с. Евпраксино (Кутуков 1995: 2). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

79. Поселение и грунтовый могильник «Казлар-Тобе». Памятник расположен на восточной окраине с. Яксатово (Кутуков 1995: 4). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

80. Поселение «Тимошкин». Памятник расположен в 1,9 км к юго-западу от с. Евпраксино (Кутуков 1995: 5). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

Икрянинский район

81. Городище «Чертово». Памятник расположен в 9 км к юго-западу от райцентра Икряное на правом берегу р. Бахтемир.

Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологические исследования не проводились. Анализ случайных находок с этого памятника позволяет предположить существование здесь грунтового могильника X—XIII вв. и поселения золотоордынского времени (Пигарёв 2006: 98—102).

82. Грунтовый могильник «Большой Черный». Расположен на правом берегу р. Бахтемир к югу от с. А. Зверева. В ходе осмотра поверхности бугра были зафиксированы кости человека и обломки керамики от раннего железного века до времени Золотой Орды (Пантелеев 2001: 31). Археологических исследований не проводилось.

83. Грунтовый могильник «Малый Черный». Расположен на правом берегу реки Бахтемир к югу от с. А. Зверева, к западу от бугра Большой Черный. В ходе осмотра поверхности бугра были зафиксированы кости человека и обломки керамики от раннего железного века до времени Золотой Орды (Пантелеев 2001: 31). Археологических исследований не проводилось.

84. Поселение «Красный». Расположено на левом берегу реки Бахтемир, южнее с. Маячное. Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. В ходе осмотра поверхности бугра были обнаружены обломки золотоордынской керамики, кладка из обожженного кирпича, медная монета времени Узбек-хана. (Пантелеев 2001: 31—32). Археологических исследований не проводилось.

85. Поселение «Ильинка». Памятник расположен на северо-западной окраине пос. Ильинка на бэровском бугре Калмыцкий (Кутуков 2005: 11). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

86. Поселение «Большой Толчин». Памятник расположен в 2,1 км к юго-востоку от с. Маячное в междуречье Бахтемира и Сухой Сомовки (Шнайдштейн 1988: 2; 1989: 9). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

87. Поселение «Малый Хаджи». Памятник находится на левом берегу реки Бахтемир в 6 км к северо-востоку от с. Маячное (Шнайдштейн 1988, т. 5: 2; 1989: 9). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

88. Поселение «Шантемир». Памятник находится на окраине пос. Ильинка (Шнайдштейн 1989: 9). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

89. Грунтовый могильник «Большой Хаджи». Памятник находится в 5 км к северо-востокус. Маячное (Шнайдштейн 1989: 9). Археологических исследований не проводилось.

90. Грунтовый могильник «Петухов». Памятник расположен в 1,5 км к северо-востоку от с. Ямное, на правом берегу р. Старая Волга между ериками Петухов и Сухая Сомовка (Васильев 1992: 14). Археологических исследований не проводилось.

91. Грунтовый могильник и мавзолей «Габбас тюбе». Памятник находится на левом берегу реки Бахтемир в 1,36 км к юго-востоку от с. Новые Булгары (Шнайдштейн 1988, т. 1: 3; 1989: 9). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

92. Поселение «Долгий». Памятник находится на левом берегу реки Бахтемир в 0,95 км к юго-востоку от с. Новые Булгары (Шнайдштейн 1988, т. 1: 3; 1989: 9). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось. Во время осмотра памятника обнаружены остатки горнов для обжига кирпича.

93. Поселение «Исмаил тюбе». Памятник находится на левом берегу реки Бахтемир в 0,84 км к северу от с. Новые Булгары (Шнайдштейн 1988, т. 1: 4). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

94. Грунтовый могильник «Большой Морской». Памятник расположен в 2,4 км к северо-востоку от с. Житное и в 3,2 км к востоку от р. Старая Волга (Пантелеев 1994: 2). Археологических исследований не проводилось.

95. Грунтовый могильник и поселение «Попок». Памятник расположен в 0,65 км к северо-востоку от с. Маячное и в 0,43 км к юго-востоку от р. Бахтемир (Пантелеев 1994: 4). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

96. Грунтовый могильник «Федоровский». Памятник расположен в 1,1 км к юго-западу от с. Федоровка (Пантелеев 1994: 6). Археологических исследований не проводилось.

97. Грунтовый могильник «Хмелевинский-I». Памятник расположен на восточной окраине с. Хмелевое в 0,35 км к северу от р. Бахтемир (Пантелеев 1994: 7). Археологических исследований не проводилось.

98. Грунтовый могильник «Хмелевинский-II». Памятник расположен на восточной окраине с. Хмелевое в 0,26 км к северу

от р. Бахтемир (Пантелеев 1994: 8). Археологических исследований не проводилось.

99. Грунтовый могильник «Чулпанский». Памятник расположен на безымянном бэровском бугре в 11 км к северу от с. Чулпан и в 2 км к юго-востоку от с. Ямное (Котеньков 1991: 4). Археологических исследований не проводилось.

Камызякский район

100. Городище «Самосдельское». Памятник расположен в 1,2 км к западу от с. Самосделка, на правом берегу р. Волга. Первые известия о нахождении в дельте Волги археологического памятника относятся к 1898 году, когда секретарю Статистического комитета Зубовичу было предложено сделать описание местности у с. Самосделка (Госархив АО). Первые археологические работы на городище проводились с 1990 по 1995 гг., они были связаны со сбором подъемного материала и составлением топоплана городища (Васильев, Гречкина, Зиливинская 2003: 85). С 2000 г. начаты планомерные археологические раскопки, которые позволяют сделать предварительную хронологию существования городища. Возникновение городища относится исследователями к VIII—IX вв. и связывается ими с хазарской культурой. После падения каганата в X—XII вв. на поселении возникает один из центров формирования материальной культуры саксин. С XIII в., после прихода на Нижнюю Волгу монголов, начинается золотоордынский период памятника, который в островной части прекращается в самом начале XIV в. Поселение золотоордынского периода связывается исследователями с городом Суммеркентом (Гречкина, Васильев 2001: 40—43).

101. Поселение «Кочкаринский». Памятник расположен в 11,7 км к востоку от с. Самосделка, в междуречье Старой Волги и Старого Иванчуга (Васильев 2004: 8). Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Археологических исследований не проводилось.

102. Грунтовый могильник «Большой Долгий». Памятник расположен в 4,5 км к юго-востоку от с. Семибугры (Кутуков 2005: 10). Археологических исследований не проводилось.

103. Городище «Тумак-тюбе». Памятник расположен в 4,7 км к юго-западу от пос. Присельский, на левом берегу р. Волга. В ходе археологических раскопок были изучены погребения, хозяйственные ямы, полуземлянка с суфой, тандыром и канами (Котеньков 1992а: 2). Золотоордынское название населенного пункта не известно.

104. Грунтовый могильник «Касыпак-Тобе». Памятник расположен в 525 м южнее пос. Стекольный завод, на правом берегу р. Кизань (Васильев 1992: 22). Археологических исследований не проводилось.

105. Грунтовый могильник «Кара-Тобе». Памятник расположен в 1,2 км к юго-востоку от с. Татарская Башмаковка, на правом берегу р. Кизань (Васильев 1992: 22). Археологических исследований не проводилось.

106. Грунтовый могильник «Ялан-Тобе». Памятник расположен в 1,1 км южнее пос. Стекольный завод, на правом берегу р. Кизань (Васильев 1992: 23). Археологических исследований не проводилось.

107. Грунтовый могильник «Жулан-Тобе». Памятник расположен в 350 м южнее пос. Кизанский Рыбзавод, на правом берегу р. Кизань (Васильев 1992: 24). Археологических исследований не проводилось.

108. Грунтовый могильник «Ажанай». Памятник расположен на юго-западной окраине пос. Присельский, на правом берегу р. Кизань (Васильев 1992: 25). Археологических исследований не проводилось.

109. Грунтовый могильник «Кюзене». Памятник расположен в 1 км юго-западнее пос. Присельский, на правом берегу ерика Широкий (Васильев 1992: 25). Археологических исследований не проводилось.

110. Грунтовый могильник «Промысловый». Памятник расположен в 2,7 км южнее с. Татарская Башмаковка, на левом берегу р. Волга (Васильев 1992: 26). Археологических исследований не проводилось.

111. Грунтовый могильник «Бос-Тобе». Памятник расположен в 400 м юго-восточнее пос. Ассадулаево, на левом берегу р. Волга (Васильев 1992: 26). Археологических исследований не проводилось.

112. Грунтовый могильник «Коц-Тобе». Памятник расположен в 260 м юго-западнее с. Татарская Башмаковка, на левом берегу р. Волга (Васильев 1992: 27). Археологических исследований не проводилось.

113. Грунтовый могильник «Джидале». Памятник расположен в 2 км к юго-востоку от с. Татарская Башмаковка, на правом берегу р. Кизань (Васильев 1992: 28). Археологических исследований не проводилось.

114. Грунтовый могильник «Троицкий». Памятник расположен в 1,75 км к северо-востоку от с. Иванчуг, на правом берегу

р. Камыча (Юрьев 1997: 1). Археологических исследований не проводилось.

Город Астрахань

115. Хаджитархан (Хаджи-Тархан, городище «Шаренный бугор»). Расположено на правом берегу Волги, на 11 км выше современной Астрахани. В настоящее время городище практически полностью смыто Волгой и застроено современными сооружениями, сохранилась лишь небольшая его часть, представляющая собой загородные усадьбы и мелкие земледельческо-рыболовно-скотоводческие поселения, входящие в его округу (Гузейров 2004: 3).

Литература

Артемьев С. Б. 1996. *Отчёт о научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике «Маячный-2» Красноярского района Астраханской области в 1995 г.* Архив ИА РАН. №19395, 19396.

Баллод Ф. В. 1923. *Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды*. Казань: Издание Комбината издательства и печати в Казани.

Васильев Д. В. 1992. *Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Наримановском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском и Камызякском районах Астраханской области в 1991 г.* Архив АГОИАМЗ. НВ 13244.

Васильев Д. В. 1993. *Отчет об археологических разведках на территории Красноярского, Приволжского и Наримановского районов Астраханской области в 1992 г.* Архив АГОИАМЗ. НВ 13555.

Васильев Д. В. 2001а. Городище Ак-Сарай. В: *Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань: АПУ, 68—71.

Васильев Д. В. 2001б. Новые исследования на городище Мошаик. В: *Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань: АПУ, 48—54.

Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю., Зиливинская Э. Д. 2003. Городище Самосделка — памятник домонгольского периода в низовьях Волги. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 3. *Половецко-золотоордынское время*. Труды по археологии. Донецк: ДонНУ, 83—122.

Васильев Д. В. 2004. *Отчет об археологических разведках в Камызякском районе Астраханской области в 2003 г.* Архив АГОИАМЗ.

Госархив АО: Государственный архив Астраханской области. Ф. 37. Оп. 1. Д. 34.

Гордеев В. И. 2006. *Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 2001 г.* Архив ИА РАН.

Гречкина Т. Ю., Васильев Д. В. 2001. Предварительные итоги исследований на Самосдельском городище в дельте Волги. В: *Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань: АПУ, 40—43.

Гузейров Р. А. 2004. *Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа*. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Казань.

Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.

Казаков П. В. 1991. Средневековые погребения дельты Волги. В: *Материалы Четвертой краеведческой конференции*. Ч. 1. Астрахань.

Казаков П. В., Пигарёв Е. М. 1998. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989—1990 гг.). *Материалы и исследования по археологии Поволжья* 1. Йошкар-Ола, 72—83.

Котеньков С. А. 1991. *Отчет о разведках памятников археологии на юге Астраханской области в 1990 году*. Т. 1. Архив АГОИАМЗ. НВ 12905.

Котеньков С. А. 1991. *Отчёт о научно-исследоват. археологич. работах на грунтовом могильнике бугор «Маячный-1» Красноярского района в 1990 г.* Архив ИА РАН. №17564, 17565.

Котеньков С. А. 1992. *Отчёт об исследованиях грунтового могильника Маячный бугор 1 Красноярского района в 1991 г.* Архив ИА РАН. №16787, 16788, 16789.

Котеньков С. А. 1992а. *Отчет об археологических раскопках на городище Тумак-Тюбе Камызякского района Астраханской области в 1991 г.* Т. 1. Архив АГОИАМЗ. НВ 13304/1.

Котеньков С. А. 1993. *Отчёт об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-1» в Красноярском р-не Астраханской области в 1992 г.* Архив ИА РАН. №17655, 17656.

Котеньков С. А. 1994. *Отчёт об исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-1» в Красноярском р-не в 1993 г.* Архив ИА РАН. №18395, 18396.

Котеньков С. А. 1995. *Отчёт о научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике «Маячный бугор» Красноярского района Астраханской области в 1994 г.* Архив ИА РАН. №18983, 18984.

Котеньков С. А. 1997. *Отчёт об археологических исследованиях на бэровских буграх «Маячный-1» и «Маячный-2» Красноярского района Астраханской области в 1996 г.* Архив ИА РАН. №20630, 20631.

Кутуков Д. В. 1995. *Отчет об археологических разведках в Приволжском районе Астраханской области в 1994 году*. Архив АГОИАМЗ. НВ 13980/18.

Кутуков Д. В. 2005. *Отчет об археологических разведках на территории Приволжского, Володарского, Икрянинского, Камызякского и Лиманского районов Астраханской области в 2004 г.* Архив АГОИАМЗ.

Никонов В. А. 1990. Раскопки средневекового могильника в дельте Волги. В: Мамонтов В. И. (ред.). *Древности Волго-Донских степей* 1. Волгоград, 40—41.

Никонов В. А. 1991. *Отчёт об исследованиях на бугре Мечетный 1 в Красноярском р-не Астраханской области и на бугре Долгий в Трусовском р-не Астраханской области в 1990 г.* Архив ИА РАН. №16978, 16979.

Павленко Ю. А. 2003. *Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 2002 г.* Архив АГОИАМЗ.

Пантелеев С. А. 1995. *Отчет о разведках в Икрянинском*

районе Астраханской области в 1994 году. Архив АГОИАМЗ. НВ 13979/19.

Пантелеев С. А. 2001. Малоизвестные памятники археологии в дельте Волги. В: *Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань: АПУ, 31—32.

Пантелеев С. А. 2003. *Отчет об археологических разведках в приволжском районе Астраханской области в 2002 г.* Архив АГОИАМЗ.

Пантелеев С. А. 2005. *Отчет об археологических исследованиях в Приволжском районе Астраханской области в 2004 г.* Архив АГОИАМЗ.

Паспорт 2002: *Паспорт на недвижимый памятник истории и культуры РФ «Городище Сарай-Бату»*. 2002. Министерство культуры РФ. 11 сентября 2002 г. Астрахань.

Пачкалов А. В. 2002. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды). В: Станко В. Н. (відп. ред.). *Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження* 3. Одеса: Друк, 177.

Пигарёв Е. М. 1995. Разведки в районе станции Досанг. *АО 1994 года*, 232—233.

Пигарёв Е. М. 1996. Новые памятники золотоордынской эпохи в Астраханской области. В: *XIII Уральское археологическое совещание*. Тезисы докладов. Ч. II. Уфа, 106—108.

Пигарёв Е. М. 1997. Исследования золотоордынского городища у с. Лапас. В: *Первый международный симпозиум «Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни»*. Тезисы докладов. Волгоград, 21—22.

Пигарёв Е. М. 2003. *Отчет об археологических разведках в Харабалинском районе Астраханской области в 2002 г.* Архив АГОИАМЗ.

Пигарёв Е. М. 2006. К вопросу об исследовании «Чертова городища». *Археологическое наследие Саратовского края* 7. Саратов: Научная книга, 98—102.

Пигарёв Е. М., Скисов С. Ю., Лосев Г. А., Минаев А. П. 2005. Монетные находки с городищ «Красный Яр», «Лапас» и «Чертово городище», Астраханская область, 2001—2003 гг. В: Петров П. Н. (ред.). *Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков*. Труды международной нумизматической конференции. Москва, 148—152.

Плахов В. В. 1987. *Отчёт по предварительным работам на мавзолее у посёлка Комсомольский Красноярского р-на Астраханской области в 1986 г.* Архив ИА РАН. №11614.

Плахов В. В. 1989. *Отчёт об археологических раскопках у посёлка Комсомольский Астраханской области в 1988 г.* Архив ИА РАН. №14329, 14330.

Плахов В. В., Сумин А. Ю. 1996. Погребальные сооружения рубежа XIV—XV веков городища у пос. Комсомольский (Предварительное сообщение). В: *XIII Уральское археологическое совещание*. Тезисы докладов. Ч. II. Уфа, 108.

Попов П. В. 2005. *Отчет об археологических разведках в Енотаевском и Наримановском районах Астраханской области в 2004 г.* Архив АГОИАМЗ.

Попов П. В. 2006. *Отчет об археологических разведках в Красноярском, Харабалинском и Наримановском районах Астраханской области в 2005 г.* Архив АГОИАМЗ.

Рудаков В. Г. 2000. История изучения Селитренного городища. *РА* (2), 180—191.

Труды 1875: *Труды Астраханского статистического комитета* 5. 1875. Астрахань.

Федоров-Давыдов Г. А. 1994. *Золотоордынские города Поволжья*. Москва: МГУ.

Чекалин Ф. Ф. 1889. Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным. *Труды СУАК* 2 (1), 21.

Четвериков С. И. 1992. *Отчёт об охранных раскопках грунтового могильника Маячный-2 Красноярского р-на в 1991 г.* Архив ИА РАН. №16750.

Шнайдштейн Е. В. 1980. *Отчет об археологических разведках в Нариманoвском районе Астраханской области в 1979 г.* Архив АГОИАМЗ. НВ 14493.

Шнайдштейн Е. В. 1988. *Отчет об археологических разведках в Икрянинском районе Астраханской области в 1987 г.* Архив АГОИАМЗ. Т. 1: НВ 16220/1; Т. 4: НВ 16220/4; Т. 5: НВ 16220/5.

Шнайдштейн Е. В. 1989. Археологические исследования Астраханского пединститута. В: *Материалы Второй краеведческой конференции.* Астрахань, 3—6.

Шнайдштейн Е. В. 1992. Средневековый Мошаик. В: *Материалы Четвертой краеведческой конференции* Ч. II. Астрахань, 3.

Шнайдштейн Е. В. 1992а. *Северный Прикаспий в древности. Учебное пособие*. Астрахань.

Юрьев А. Д. 1997. *Отчет о научно-исследовательских археологических работах на территории Красноярского и Камызякского районов Астраханской области в 1996 году*. Архив АГОИАМЗ. НВ 14577.

References

Artemev, S. B. 1996. *Otchet o nauchno-issledovatel'skikh arkheologicheskikh rabotakh na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi-2» Krasnoiarskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1995 g. (Report on the Scientific Investigations of the Ground Necropolis "Mayachnyi-2" of Krasnoiarsky District of Astrakhan Region in 1995).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 19395, 19396 (in Russian).

Ballod, F. V. 1923. *Staryi i Novyi Sarai, stolitsy Zolotoi Ordy (Old and New Sarai, Capitals of Golden Horde)*. Kazan: "Izdanie Kombinata izdatel'stva i pechati v Kazani" Publ., (in Russian).

Vasilev, D. V. 1992. *Otchet o nauchno-issledovatel'skikh arkheologicheskikh rabotakh v Narimanovskom, Ikrianinskom, Privolzhskom, Limanskom i Kamyziakskom raionakh Astrakhanskoi oblasti v 1991 g. (Report on the Scientific Archaeological Investigations in Narimanovsky, Ikryaninsky, Privolzhsky, Limansky and Kamyzyaksky Districts of Astrakhan Region in 1991).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve. HB 13244 (in Russian).

Vasilev, D. V. 1993. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Krasnoiarskogo, Privolzhskogo i Narimanovskogo raionov Astrakhanskoi oblasti v 1992 g. (Report on Archaeological Fieldwalking on the territory of Krasnoyarsky, Privolzhsky and Narimanovsky Districts of Astrakhan Region in 1992).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve. HB 13555 (in Russian).

Vasilev, D. V. 2001. In *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia na rubezhe tysiacheletii (Archaeology of Lower Volga Region at the Turn of Millennia).* Astrakhan: Astrakhan Pedagogical University, 68—71 (in Russian).

Vasilev, D. V. 2001. In *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia na rubezhe tysiacheletii (Archaeology of Lower Volga Region at the Turn of Millennia).* Astrakhan: Astrakhan Pedagogical University, 48—54 (in Russian).

Vasilev, D. V., Grechkina, T. Ju., Zilivinskaia, E. D. 2003. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia* 3. *Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (European Steppes in the Middle Ages* 3.

Cuman and Golden Horde Period). Donetsk: Donetsk National University, 83—122 (in Russian).

Vasilev, D. V. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Kamyziakskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2003 g. (Report on Archaeological Fieldwalking on the Territory of Kamyzyaksky District of Astrakhan Region in 2003).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti (State Archive of Astrakhan Region). F. 37. Inv. 1. dossie 34 (in Russian).

Gordeev, V. I. 2006. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-I» v Krasnoiarskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2001 g. (Report on the Archaeological Investigations on the Ground Necropolis "Mayachnyi Bugor-I" in the Krasnoyarsky District of Astrakhan Region in 2001).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Grechkina, T. Ju., Vasilev, D. V. 2001. In *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia na rubezhe tysiacheletii (Archaeology of Lower Volga Region at the Turn of Millennia)*. Astrakhan: Astrakhan Pedagogical University, 40—43 (in Russian).

Guzeirov, R. A. 2004. *Zolotoordynskii gorod Khadzhi Tarkhan i ego okruga (Golden Horde Town of Hagi Tarhan and Its Surroundings)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazakov, P. V. 1991. In *Materialy Chetvertoi kraevedcheskoi konferentsii (Materials of the Fourth Conference for Regional Studies).* P. 1. Astrakhan (in Russian).

Kazakov, P. V., Pigarev, E. M. 1998. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Researches on the Archaeology of the Volga Region)* 1. Yoshkar-Ola, 72—83 (in Russian).

Kotenkov, S. A. 1991. *Otchet o razvedkakh pamiatnikov arkheologii na iuge Astrakhanskoi oblasti v 1990 godu (Report on the Fieldwalking for Archaeological Sites in the South of Astrakhan Region in 1990)* 1. Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve. HB 12905 (in Russian).

Kotenkov, S. A. 1991. *Otchet o nauchno-issledovat. arkheologich. rabotakh na gruntovom mogil'nike bugor «Maiachnyi-1» Krasnoiarskogo raiona v 1990 g. (Report on the Scientific Investigations of the Ground Necropolis "Bugor Mayachnyi-1" of Krasnoyarsky District in 1990).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. no. 17564, 17565 (in Russian).

Kotenkov, S. A. 1992. *Otchet ob issledovaniiakh gruntovogo mogil'nika Maiachnyi bugor 1 Krasnoiarskogo raiona v 1991 g. (Report on the Investigations of the Ground Necropolis "Bugor Mayachnyi-1" of Krasnoyarsky District in 1991).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 16787—16789 (in Russian).

Kotenkov, S. A. 1992a. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gorodishche Tumak-Tiube Kamyziakskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1991 g. (Report on the Archaeological Investigations on the Tumak-Tiube Fortified Settlement of the Kamyzyaksky District of Astrakhan Region in 1991)* 1. Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve. HB 13304/1 (in Russian).

Kotenkov, S. A. 1993. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-1» v Krasnoiarskom r-ne Astrakhanskoi oblasti v 1992 g. (Report on the Archaeological Investigations on the Ground Necropolis "Mayachnyi Bugor-1" in the Krasnoyarsky District of Astrakhan Region in 1992).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 17655, 17656 (in Russian).

Kotenkov, S. A. 1994. *Otchet ob issledovaniiakh na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-1» v Krasnoiarskom r-ne v 1993 g. (Report on the Investigations on the Ground Necropolis "Mayachnyi Bugor-1" in the Krasnoyarsky District in 1993).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 18395, 18396 (in Russian).

Kotenkov, S. A. 1995. *Otchet o nauchno-issledovatel'skikh arkheologicheskikh rabotakh na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor» Krasnoiarskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1994 g. (Report on the Scientific Archaeological Investigations on the Ground Necropolis "Mayachnyi Bugor-1" in the Krasnoyarsky District in 1994).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 18983, 18984 (in Russian).

Kotenkov, S. A. 1997. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na berovskikh bugrakh «Maiachnyi-1» i «Maiachnyi-2» Krasnoiarskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1996 g. (Report on the Archaeological Investigations on the Hillocks "Mayachnyi-1" and "Mayachnyi-2" in the Krasnoyarsky District of Astrakhan Region in 1996).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No 20630, 20631 (in Russian).

Kutukov, D. V. 1995. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Privolzhskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1994 godu (Report on Archaeological Fieldwalking on the Territory of Privolzhsky District of Astrakhan Region in 1994).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve. HB 13980/18 (in Russian).

Kutukov, D. V. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Privolzhskogo, Volodarskogo, Ikrianinskogo, Kamyziakskogo i Limanskogo raionov Astrakhanskoi oblasti v 2004 g. (Report on Archaeological Fieldwalking on the Territory of Privolzhsky, Volodarsky, Ikreaninsky, Kamyzyaksky and Limansky Districts of Astrakhan Region in 2004).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve (in Russian).

Nikonov, V. A. 1990. In *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 1. Volgograd, 40—41 (in Russian).

Nikonov, V. A. 1991. *Otchet ob issledovaniiakh na bugre Mechetnyi 1 v Krasnoiarskom r-ne Astrakhanskoi oblasti i na bugre Dolgii v Trusovskom r-ne Astrakhanskoi oblasti v 1990 g. (Report on Investigations on "Mechetnyi 1" Hillock in the Krasnoyarsky District of Astrakhan Region and on "Dolgii" Hillock in Trusov District of Astrakhan Region in 1990).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 16978, 16979 (in Russian).

Pavlenko, Ju. A. 2003. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Narimanovskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2002 g. (Report on Archaeological Fieldwalking in Narimanovsky District of Astrakhan Region in 2002).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve (in Russian).

Panteleev, S. A. 1995. *Otchet o razvedkakh v Ikrianinskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1994 godu (Report on Archaeological Fieldwalking in Ikryaninsky District of Astrakhan Region in 1994).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve. HB 13979/19 (in Russian).

Panteleev, S. A. 2001. In *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia na rubezhe tysiacheletii (Archaeology of Lower Volga Region at the Turn of Millennia).* Astrakhan: Astrakhan Pedagogical University, 31—32 (in Russian).

Panteleev, S. A. 2003. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v privolzhskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2002 g. (Report on Archaeological Fieldwalking in Privolzhsky District of Astrakhan Region in 2002).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve (in Russian).

Panteleev, S. A. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh v Privolzhskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2004 g. (Report on Archaeological Investigations in Privolzhsky District of Astrakhan Region in 2004).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve (in Russian).

Pasport 2002: *Pasport na nedvizhimyi pamiatnik istorii i kul'tury RF «Gorodishche Sarai-Batu» (Passport for Immovable Monument of History and Culture of Russian Federation "Sarai-Batu Fortified Settlement").* 2002. Ministry of Culture of Russian Federation. Astrakhan (in Russian).

Pachkalov, A. V. 2002. In *Arkheologiia ta etnologiia Skhidnoï Єvropi: materiali i doslidzhennia (Archaeology and Ethnology of Eastern Europe: Materials and Researches)* 3. Odessa: "Druk" Publ., 177 (in Russian).

Pigarev, E. M. 1995. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1994 goda (Archaeological Discoveries in 1994)*, 232—233 (in Russian).

Pigarev, E. M. 1996. In *XIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (13th Ural Archaeological Session).* Part II. Ufa, 106—108 (in Russian).

Pigarev, E. M. 1997. In *Pervyi mezhdunarodnyi simpozium «Osobo okhraniaemye territorii i formirovanie zdorovogo obraza zhizni» (First International Symposium "Specially Protected Territories and Formation of Healthy Lifestyle").* Volgograd, 21—22 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2003. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Kharabalinskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2002 g. (Report on Archaeological Fieldwalking in Harabalinsky District of Astrakhan Region in 2002).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve (in Russian).

Pigarev, E. M. 2006. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Land)* 7. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 98—102 (in Russian).

Pigarev, E. M., Skisov, S. Iu., Losev, G. A., Minaev, A. P. 2005. In *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII—XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th—15th Centuries).* Moscow, 148—152 (in Russian).

Plakhov, V. V. 1987. *Otchet po predvaritel'nym rabotam na mavzolee u poselka Komsomol'skii Krasnoiarskogo r-na Astrakhanskoi oblasti v 1986 g. (Report on the Preliminary Works on the Mausoleum near the Komsomolski Village of Krasnoiarsky District of Astrakhan Region in 1986).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 11614 (in Russian).

Plakhov, V. V. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh u poselka Komsomol'skii Astrakhanskoi oblasti v 1988 g. (Report on Archaeological Excavations near the Village of Komsomolski of Astrakhan Region in 1988).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 14329, 14330 (in Russian).

Plakhov, V. V., Sumin, A. Iu. 1996. In *XIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (13th Ural Archaeological Session).* Part II. Ufa, 108 (in Russian).

Popov, P. V. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Enotaevskom i Narimanovskom raionakh Astrakhanskoi oblasti v 2004 g. (Report on Archaeological Fieldwalking in Enotaevsky and Narimanovsky Districts of Astrakhan Region in 2004).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve (in Russian).

Popov, P. V. 2006. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Krasnoiarskom, Kharabalinskom i Narimanovskom raionakh Astrakhanskoi oblasti v 2005 g. (Report on Archaeological Fieldwalking in Krasnoyarsky, Harabalinsky and Narimanovsky Districts of Astrakhan Region in 2005).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve (in Russian).

Rudakov, V. G. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 180—191 (in Russian).

Trudy Astrakhanskogo statisticheskogo komiteta (Proceedings of the Astrakhan Statistical Commission) 5. 1875. Astrakhan (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns of Volga Region).* Moscow: Moscow State University (in Russian).

Chekalin, F. F. 1889. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Academic Archival Commission)* 2 (1), 21 (in Russian).

Chetverikov, S. I. 1992. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh gruntovogo mogil'nika Maiachnyi-2 Krasnoiarskogo r-na v 1991 g. (Report on Rescue Excavations of the "Mayachnyi-2" Ground Necropolis in the Krasnoyarsky District in 1991).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. No. 16750 (in Russian).

Shnaidshtein, E. V. 1980. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Narimanovskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1979 g. (Report on Archaeological Fieldwalking in Narimanovsky District of Astrakhan Region in 1979).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve. HB 14493 (in Russian).

Shnaidshtein, E. V. 1988. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Ikrianinskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1987 g. (Report on Archaeological Fieldwalking in Ikryaninsky District of Astrakhan Region in 1987).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve. Vol. 1: HB 16220/1; Vol. 4: HB 16220/4; Vol. 5: HB 16220/5 (in Russian).

Shnaidshtein, E. V. 1989. In *Materialy Vtoroi kraevedcheskoi konferentsii (Proceedings of the Second Conference on Regional Studies).* Astrakhan, 3—6 (in Russian).

Shnaidshtein, E. V. 1992. In *Materialy Chetvertoi kraevedcheskoi konferentsii (Proceedings of the Fourth Conference on Regional Studies).* Part II. Astrakhan, 3 (in Russian).

Shnaidshtein, E. V. 1992a. *Severnyi Prikaspii v drevnosti (Northern Caspian Sea Region in Antiquity).* Astrakhan (in Russian).

Yurev, A. D. 1997. *Otchet o nauchno-issledovatel'skikh arkheologicheskikh rabotakh na territorii Krasnoiarskogo i Kamyziakskogo raionov Astrakhanskoi oblasti v 1996 godu (Report on Scientific Archaeological Investigations on the Tterritory of Krasnoyarsky and Kamyzyaksky Districts of Astrakhan Region in 1996).* Archive of the Astrakhan State Regional Historical and Archaeological Museum-Reserve. HB 14577 (in Russian).

Л. В. Яворская

Lilia Yavorskaya. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences [1]; Kazan (Volga Region) Federal University, Paleoanthropology and paleogenetics laboratory [2].

Яворская Лилия Вячеславовна. Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук; Казанский (Приволжский) Федеральный университет. Лаборатория палеоантропологии и палеогенетики.

E-mail: lilechkayavorska@list.ru

Addresses: [1] Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; [2] Kremlevskaya St., 18, Kazan, 420000, Russian Federation

Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам)

Keywords: Golden Horde, medieval town, urbanization, archaeozoological studies, meat consumption.

Ключевые слова: Золотая Орда, средневековый город, урбанизация, археозоологические исследования, мясное потребление.

L. V. Yavorskaya

Urbanization Processes and Meat Consumption Trends in Medieval Towns in the Volga Area (by archaeozoological materials)

The author focuses on a relation between urbanization and changes in meat consumption among the dwellers of medieval towns in the Middle and Lower Volga area. Methodology elaborated by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences specially for palaeoeconomic reconstructions allowed conducting an archaeozoological study of animal bone collections from archaeological digs on seven urban sites (Bolgarskoe, Uvekskoe, Vodyanskoe, Tzarevskoe, Selitrennoe, Moshaik, Samosdelskoe fortified settlements) in three chronological periods: pre-Mongol, Early Golden Horde and Late Golden Horde. It was established that beef predominated in meat diet of the urban citizens in each of the three periods, followed by mutton and horse meat. Very similar spectrums of meat consumption in almost every town in the mid 14th c., whenever it emerged or whatever its tradition of meat consumption, expressly demonstrate presence of a well planned agricultural district around them.

Л. В. Яворская

Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам)

Статья посвящена исследованию связи процесса урбанизации и изменений в мясном потреблении горожан средневекового Среднего и Нижнего Поволжья. По методике, разработанной в Институте археологии РАН специально для палеоэкономических реконструкций, проведено археозоологическое исследование коллекций костей животных из археологических раскопок семи городских памятников (городищ Болгарского, Увекского, Водянского, Царевского, Селитренного, Мошаик, Самосдельского) по трем хронологическим периодам: домонгольскому, раннеордынскому и позднеордынскому. Установлено, что лидирующую роль в мясной диете горожан всех периодов играет говядина, второе место занимает баранина, на третьем — конина. С появлением на исследуемой территории государства Золотая Орда и ее новых городов доля баранины в спектрах мясного потребления резко возрастает. В середине XIV в. спектры мясного потребления сближаются почти во всех городах, вне зависимости от времени их возникновения и традиций мясного потребления, что наглядно демонстрирует наличие вокруг них спланированной сельскохозяйственной округи.

This work was funded by the subsidy of the Russian Government to support the Program of competitive growth of Kazan Federal University among world class academic centers and universities ■ Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

© Л. В. Яворская, 2015.

Средневековые города Среднего и Нижнего Поволжья хорошо известны ученым с XVIII столетия. Такие крупнейшие памятники, как Болгарское и Царевское городища, исследуются уже с середины XIX века. Затем, в конце XIX—XX вв., арсенал отечественной археологии пополнился изучением как небольших, так и крупных городов. За исключением памятников Волжской Булгарии, которые функционировали преимущественно в домонгольский период, все остальные городища Среднего и Нижнего Поволжья датируются уже золотоордынским временем. Золотоордынских городов XIII века известно немного, в среднем течении Волги после монгольского разгрома возрождается Болгар, а в Нижнем Поволжье были построены столичный Сарай, остатки которого до сих пор не обнаружены (Блохин, Яворская 2006: 64), и Укек (Увекское городище на окраине современного Саратова). Со второй трети XIV в. и почти до конца века Поволжье уже густо населено горожанами: функционируют крупные столичные мегаполисы, такие, как Царевское и Селитренное городища. Кроме них, ученым известен довольно широкий перечень небольших памятников городского типа. Выделен ряд этапов урбанизации как в Золотой Орде в целом, так и в Поволжье, в частности (Егоров 1985; Блохин, Яворская 2006).

В.Л. Егоров выделил шесть этапов градостроительства в Золотой Орде: 1) 40-е гг. XIII в. — восстановление и использование старых городов; 2) первая половина 50-х гг. — начало градостроительства; 3) вторая половина 50-х гг. — 60-гг. XIII в. — подъем градостроительства; 4) 70-е гг. XIII в. — начало XIV в. — замедленный рост городов; 5) 1312—1357 гг. — расцвет градостроительства; 6) 60-е гг. XIV в. — 1395 г. — затухание и упадок городской жизни. (Егоров 1985: 77).

Данная периодизация охватывает всю территорию Золотой Орды, однако, как указывал Г.А. Федоров-Давыдов, в ней не учитываются локальные особенности развития городской культуры в Золотой Орде (Федоров-Давыдов 1994: 16). Так, в частности, в золотоордынском Нижнем Поволжье четыре первых этапа прослеживаются чрезвычайно слабо или их невозможно выделить археологически, кроме того, это не подтверждается сведениями письменных источников. В то же время в позднеордынских 5 и 6 этапах можно выделить еще несколько периодов в отдельных городах или даже в их конкретных районах.

По мнению В.Г. Блохина и автора данной статьи, наиболее чутким материалом, отражающим пики градостроительной деятельности, является нумизматический: периоды накопления и тезаврации кладов на территории поселенческих памятников золотоордынского Поволжья. Анализ опубликованных кладов по Поволжью как XIII, так и XIV вв. показывает несколько другие этапы градостроительной активности для Поволжья, чем те, что выделены В.Л. Егоровым. В частности, в период с 1240-х гг. до 1310 г. «в градостроительной политике золотоордынских ханов на Нижней Волге каких-либо кардинальных изменений, чередования периодов подъема и замедленного развития уловить сложно» (Блохин, Яворская 2006: 41—42). Заявленная позиция хорошо коррелирует с археологическими данными. В то же время для Болгара как по данным нумизматики, так и археологии возможно выделить ряд этапов внутри этого — раннеордынского — периода на конкретных локальных участках памятника (Хлебникова 1987: 34—35).

Подъем градостроительства на территории Нижнего Поволжья по нумизматическим данным фиксируется с 710 г.х., то есть в конце правления хана Тохты (1290—1312). Сконцентрированные к этому моменту в регионе материальные и людские ресурсы были реализованы при последующих ханах Узбеке (1312—1342) и Джанибеке (1342—1357), что выразилось как в строительстве новых населенных пунктов, так и в развитии существовавших ранее городов. Здесь возникли крупные города-мегаполисы, остатками которых являются Царевское и Селитренное городища, серия малых городов — на Водянском городище, на Шареном бугре и им подобных. В это же время существенно разрастается в своих границах Болгар. В нем и в других городах Поволжья резко увеличивается объем денежного обращения, застройка приобретает регулярный характер, в большем числе строятся общественные здания — мечети, бани, медресе и ханаки, возводятся монументальные погребальные памятники. Значительное влияние на развитие градостроительства в этот период оказала мусульманская культура среднеазиатских и малоазийских городов, интегрированная в поволжский регион в результате официального принятия ислама и доминирующих связей со Средней Азией и другими странами мусульманского Востока (Блохин, Яворская 2006: 42).

Политическая дестабилизация, связанная с «Великой замятней» русских летописей, негативно сказалась на процессе развития градостроительных традиций Золотой Орды. На 60-е — 70-е годы XIV века при-

ходится не только снижение денежного обращения по данным анализа монетных кладов, но и по археологическим данным происходит некоторый упадок городской жизни, особенно ярко проявившийся в Нижнем Поволжье, где прекращают функционировать монументальные общественные сооружения, а на столичном Царевском городище замирает жизнь. С приходом к власти хана Тохтамыша военно-политическая конфронтация несколько утихает, что благоприятно сказывается и на развитии городской культуры, а для восстановления внутреннего рынка появляются новые монетные дворы, возрастает практика надчеканивания старой монеты. Однако на градостроительной деятельности это не сказывается — почти нет построек, датирующихся этим периодом.

Поход Тимура на Золотую Орду в 1395—1396 гг. окончательно подорвал хозяйственно-экономические основы государства, нарушил хрупкую политическую стабильность, в результате чего было разорено и сожжено большинство городов и поселений Нижнего Поволжья: Сарай, Бельджамен, Хаджи-Тархан. Однако 1395 г. не является рубежной датой, маркирующей окончательный упадок городской жизни, поскольку ряд городов продолжал существование: есть следы функционирования в первые десятилетия XV века городищ Селитренного и Шареный бугор. Для Болгара рубежным оказалось другое событие — разгром города русскими войсками в 1432 г. (Хлебникова 1987: 47).

Таким образом, динамика городской жизни в Поволжском регионе Золотой Орды по В.Г. Блохину и Л.В. Яворской укладывается в следующие этапы:

1) 40-е гг. XIII — начало XIV вв. — период медленного поступательного развития урбанизационной структуры;

2) начало XIV в. — начало 60-х гг. XIV в. — стремительный подъем городской жизни;

3) начало 60-х гг. — начало 80-х гг. XIV в. — период упадка городской культуры, связанный с «Великой замятней»;

4) начало 80-х гг. XIV в. — 1395 г. — временный незначительный подъем, связанный с восстановительной деятельностью хана Тохтамыша;

5) 1395 г. — первая половина XV в. — полная деградация городской культуры в Поволжье.

За последние 15 лет произошел существенный прорыв в тех сведениях, которые имели ученые об урбанизации Среднего и Нижнего Поволжья не только в золотоордынскую, но и в домонгольскую эпохи. На настоящий момент известна серия населенных пунктов в дельте Волги, которые имеют слои, предшествующие появлению монгольского государства. Археологические исследования проводились на двух из них — Самосдельском городище (Камызякский район Астраханской области) и на городище Мошаик (окраина города Астрахань). Существенно больше информации появилось и о домонгольских слоях Болгара, а также о раннем периоде функционирования Увекского городища в XIII веке. Однако развернутых периодизаций для домонгольского Поволжья пока не создано. В Болгаре выделены слои V и VI по общеболгарской хронологической шкале, для Самосдельского городища хорошо выделен период Саксина (XI — начало XIII вв.), а для городища Мошаик предварительно к домонгольским слоям отнесены горизонты V и IV.

Новые сведения позволяют выстроить более детальную картину развития урбанизации Нижнего и Среднего Поволжья в средневековый период и выяснить, как связано развитие городской культуры с экономическими изменениями, выраженными, в частности, в мясном потреблении горожан.

Особенности потребления мяса домашних животных горожанами могут быть выяснены через анализ коллекций костных остатков, полученных при археологических раскопках. Имея в арсенале археозоологические коллекции из культурных напластований одних и тех же городов, но в разные хронологические периоды, есть возможность установить наличие или отсутствие изменений в мясной диете горожан, предположить факторы, на неё влиявшие.

Определения коллекций костей животных из раскопок города Болгара и других средневековых поселений Волжской Булгарии проводились в основном такими исследователями, как В.И. Цалкин и А.Г. Петренко (Цалкин 1967; Петренко 2007). Из раскопок городов Нижней Волги есть определения В.И. Цалкиным сводной коллекции костных остатков за несколько лет раскопок Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище (Цалкин 1967). Этими исследованиями зафиксирован видовой состав животных, костные остатки которых встречены на памятниках средневекового Поволжья, а также обобщенные размерные и возрастные характеристики для основных видов.

На основании этих определений Г.А. Федоров-Давыдов указывал, что «кости домаш-

них животных, находимые в культурном слое золотоордынских городищ, характеризуют как состав стада, так и состав мясной пищи жителей», а также, что состав костей (по видам — *Л.Я.*) на каждом золотоордынском городище особый (Федоров-Давыдов 2001: 229—230).

Во второй половине XX века в отечественной археологии сложилось убеждение, что на основании костных остатков можно реконструировать не только видовой набор животных, чьи останки обнаружены на поселении. Предполагалось, что доля каждого из видов мясных домашних млекопитающих в коллекциях костных остатков из раскопок археологических памятников точно соответствует его доле в стаде, животными из которого жители были обеспечены мясной продукцией. Однако на самом деле процедура реконструкции виртуального стада значительно сложнее: в ней должны учитываться зоотехнические законы и другая археобиологическая информация (Антипина 2006; 2008; Антипина, Лебедева 2005).

Подсчеты долей остатков разных видов мясных животных, которых съели на поселении, дают основание говорить лишь о структуре мясного потребления. Для выяснения особенностей мясной диеты горожан, помимо видовых определений костных остатков, необходимо учитывать целый ряд факторов биологического и исторического характера. Важнейшим из них является археологический контекст находок. Например, важно убедиться, что исследуемые фрагменты действительно являются «кухонными» остатками, но не ритуальными и не останками животных, погибших при катастрофах или от болезней. Современные методики археозоологических исследований, в частности, методика, разработанная и используемая в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, предполагают уже на первом этапе обработки разделение костных останков по категориям — кухонных, ритуальных и прочих, которые далее изучаются по совершенно разным программам (Антипина 2005).

Для этого разграничения прежде всего используются подсчеты следов, которые остаются на костях, при манипуляциях с тушами животных и остатками мяса: разрубы острым краем металлического орудия (топор, мясницкий нож), следы разбивания костей после разруба, их доламывания, погрызы собаками, следы воздействия огня и температурной обработки. Если естественная сохранность костей плохая, оценивается ниже 3 баллов по пятибалльной шкале, далеко не все из этих следов хорошо заметны на фрагментах из культурных слоев археологических памятников. Сохранность костных фрагментов зависит, как правило, от тех тафономических условий, в которых они находились. На средневековых памятниках Среднего и Нижнего Поволжья в лесостепи, сухих степях и полупустыне сохранность хорошая, она оценивается в 4, реже в 3 балла по пятибалльной шкале. Это позволяет достоверно отделить костные фрагменты, которые являются остатками мясной пищи, от тех, которые попали в культурный слой в результате ритуалов, катастроф или косторезного ремесла. Для оценки особенностей мясного потребления, безусловно, использованы лишь те материалы, чье «кухонное» происхождение достоверно.

Другая проблема, связанная с археологическим контекстом при исследовании археозоологических коллекций, касается больших, как правило, размеров городов и многоэтничного состава населения с, возможно, разными предпочтениями жителей в мясной диете. Хорошо известны районы компактного проживания русского населения в золотоордынских городах, есть следы пребывания представителей других этносов, населявших Золотую Орду, но не всегда удается их уверенно зафиксировать археологическими методами. Поэтому, когда речь идет о сравнении археозоологических коллекций разных городов, имеется в виду конкретный район, и выводы о мясном потреблении не распространяются на всех горожан.

По методической схеме, которая разработана в Институте археологии РАН специально для палеоэкономических реконструкций (Антипина 2004), мной проводились археозоологические исследования коллекций костных остатков с 7 памятников городской культуры эпохи средневековья Среднего и Нижнего Поволжья. Это городища Болгарское, Увекское, Царевское, Водянское, Селитренное, Самосдельское и Мошаик.

Обзор исследованных археозоологических коллекций ведется по географическому принципу с севера на юг.

Коллекция костных остатков из раскопок в центральной части города Болгар (Спасский район Республики Татарстан) общим объемом в 81 202 фрагмента происходит из раскопа №CLXXIX, исследуемого под руководством В.Ю. Коваля (ИА РАН). На этом раскопе зафиксированы слои как домонгольского (V и VI слои — XI—XII вв.), так и двух золотоордынских периодов: IV — раннеордынского (XIII — начало XIV в.) и IV — поздне-

ордынского (вторая четверть XIV — начало XV в.). Исходя из археологического контекста, функционирования тех или иных построек в различные периоды истории города, в последнем из названных слоёв исследователям удалось выделить три субгоризонта. В верхнем субгоризонте обнаружены остатки монументального сооружения городского базара, а культурный слой изобилует находками, демонстрирующими торговое назначение данного участка памятника. Таким образом, коллекция костных остатков из данного раскопа Болгара позволяет проследить динамику мясной диеты горожан в центральной части города от домонгольского периода к концу золотоордынского.

Увекское городище на окраине города Саратов является остатками золотоордынского города Укек. Судя по письменным источникам, этот город был основан еще в XIII веке, довольно скоро после завоевания Поволжья монголами. Из сообщения Марко Поло известно о посещении данного города его родственниками и их встрече с ханом Берке. То есть, в отдельные периоды XIII в. город выполнял роль ханской резиденции. Пока не выявлены все причины появления этого города точно на середине пути из столичного Сарая в Болгар, однако можно отчетливо сказать, что это редкий для поволжских городов случай, когда новый город был основан еще в XIII веке, поскольку все другие города, появившиеся в монгольскую эпоху на этой территории, возникали уже в XIV веке. На раскопе №III 2010—2011 гг. экспедицией Саратовского областного музея краеведения под руководством Д. А. Кубанкина отчетливо выявлены следы проживания христианского населения на данной территории в XIII — начале XIV вв., вскрыты остатки фундамента монументального здания с фресками — христианского храма 80-х годов XIII века. Однако среди находок экспедиции довольно много предметов материальной культуры, связывающие население этого города с традициями средневековых народов Центральной Азии (Кубанкин 2011). Общий объем коллекций костных остатков из раскопа №III составляет 9244 фрагмента.

Водянское городище возникло в начале XIV века как поселок русского населения, которое, по-видимому, первоначально осуществляло переправу через реку Волга в ее узком месте (Лапшин, Мыськов 2011: 80—84). В 30-е годы XIV в. на этом месте разросся шумный город с другим в этническом отношении основным населением, которое было переселено на Нижнюю Волгу из городов Среднего Поволжья и Средней Азии, но русские люди продолжали жить в нем собственным кварталом (Полубояринова 1978; Мыськов 2001: 257). Коллекция из раскопок 2005 года составляет 5347 фрагментов.

Городища Царевское и Селитренное являются руинами степных мегаполисов — огромных, густонаселенных городов средневековья, появившихся в XIV веке, при градостроительном «буме» в Золотой Орде, связанном с деятельностью и реформами ханов Узбека и Джанибека (2-й период по классификации Блохина).

Царевское городище (Ленинский район Волгоградской области) расположено на левом берегу р. Ахтуба почти у вершины отделения этой реки от русла Волги. Оно построено, по-видимому, в 40-е годы XIV века, уже во времена правления хана Джанибека (Блохин, Яворская 2006: 80). В нем обнаружены крупные аристократические усадьбы с небольшими мастерскими при них. Все раскопы городища 2005—10 гг. (автор исследований — А. А. Глухов, ВГИ при ВолГУ) расположены вблизи центральной части города, принадлежат к одному небольшому хронологическому диапазону, и на всех обнаружены остатки городской жилой застройки 40-х — конца 50-х гг. XIV в., так что костные остатки из этих исследований можно рассматривать как единую коллекцию общей численностью в 14 429 фрагментов.

Городище Селитренное (Харабалинский район Астраханской области), расположенное на левом берегу реки Ахтуба, является остатками столицы государства от времен хана Узбека, когда оно строилось в 1320-е годы, до середины XV века. Город появился, скорее всего, на незаселенном прежде месте — до сих пор в нем не найдены отчетливые слои XIII века или рубежа XIII—XIV вв. Население столичного центра было этнически и социально разнородным. Раскоп №40 (исследованный под руководством А. Г. Ситдикова и Р. Р. Валиева, Институт археологии АН РТ) располагался вблизи береговой линии, в районе, где в середине XIV века функционировали ремесленные мастерские. Общий объем коллекции костных остатков 5846 фрагментов.

Городище Мошаик (Приволжский район Астраханской области) расположено на вершине Волжской дельты и является остатками города, который функционировал как в домонгольское время (слои IV и V — конец XI — начало XIII вв.), так и в золотоордынское (слой III — раннеордынский — 30-е годы XIII в. — первая четверть XIV в.; слой II — позднеордынский — до нача-

ла XV в.). Городище исследуется экспедицией Института археологии АН РТ под руководством А.Г. Ситдикова и И.Ю. Мирсияпова. Объем коллекции с раскопа №1 2011—2012 годов составил 16271 фрагмент.

Городище Самосдельское (Камызякский район Астраханской области) расположено в дельте реки Волга. В домонгольский период это был крупный торговый город, после разгрома монгольскими завоевателями на рубеже 1230—40-х годов, то есть в золотоордынский период, он представлял собой небольшой город, регулярно подтопляемый поднявшимися водами дельтовых речных проток. Раскопы 1 и 2 (руководители экспедиции Э.Д. Зиливинская, ИАЭ РАН, и Д.В. Васильев, АГУ) были заложены в центре городища, и общий объем коллекции из двух больших периодов — домонгольского (XI — первая треть XIII вв.) и двух золотоордынских (первая треть XIII — первая половина XIV вв.) составил 29647 фрагментов.

Видовой набор животных оказался практически одинаков на всех городищах. Решительно преобладают остатки домашних мясных млекопитающих: крупного и мелкого рогатого скота и лошади (71—96%). Кроме этих многочисленных остатков, практически на всех памятниках присутствуют единичные кости свиньи и верблюда. Во всех городах обнаружены остатки собак и кошек, единичны кости осла, однако для городов средневекового Поволжья эти виды мясными не являются. Их доля в городах колеблется от 0,17 до 4%. Видовой набор диких млекопитающих несколько отличается в городах лесостепи от городов степных и полупустынных. Однако в целом для исследуемых коллекций характерна очень невысокая доля остатков диких животных, не достигающая совокупно даже 1%, то есть их вклад в мясное потребление ничтожен. Кости птиц пока не определены до видового уровня и не разделены на диких и домашних, в среднем их доля в культурных слоях городов составляет 1,3%. Доля рыбы в общем остеологическом спектре, сильно колеблется на различных памятниках от 1 до 40%. Наивысшие значения доля рыбы принимает на городищах Самосдельское — 20%, Водянское — 28%, Мошаик — 12—40% в слоях разного времени, наименьшие — на Царевском и Увекском городищах (1—3%). Все памятники расположены недалеко от больших водных потоков (Волга, Ахтуба). Сохранность костных фрагментов на всех памятниках примерно одинаковая — 3—4 балла, соответственно, нельзя объяснить колебания доли костей рыбы их хрупкостью и плохой сохранностью. В культурах разных народов по-разному относятся к употреблению рыбы. Так, например, мясо представителей семейства осетровых могло не считаться рыбьим. В культуре монгольских народов не принято употреблять костную рыбу. У оседлого мусульманского населения Средней Азии также нет привычки к употреблению рыбы. В таком контексте можно предположить, что высокие доли костей рыбы могут быть обнаружены на памятниках, где проживало преимущественно население с прочными традициями ее употребления, — например, домонгольское население Поволжья или древнерусское. В этой связи объяснимы и более низкие доли рыбы на городище Царевское (около 1%), где большую долю населения составляли переселенцы из Средней Азии.

Несмотря на то, что на исследуемом участке Увекского городища среди другого возможного христианского населения проживало и древнерусское, доля рыбы там очень невысока (3%). По-видимому, объяснение этому факту возможно через указание на специфику данного участка памятника. Пока до конца не прояснен вопрос: жили ли на этом участке города христиане постоянно, или район эпизодически активно функционировал, когда прибывала очередная делегация русских князей или иных христианских правителей. То есть вопрос заключается в том, было ли это христианское поселение в составе города постоянным и долговременным. Кроме того, на Увекском городище пока не проведены промывки культурного слоя, которые дают возможность обнаружить остатки мелкой костной рыбы. В раскопе фиксируются остатки чешуи некрупных костных рыб.

Основу кухонных остатков на всех памятниках составляют кости трех видов домашних копытных — крупного и мелкого рогатого скота, а также лошади, их доли поразному распределяются в остеологическом спектре разных городов и разных культурно-хронологических горизонтов одного и того же города. Наиболее верным будет исследовать динамику мясного потребления не по остеологическим спектрам, а сразу по спектрам мясного потребления, то есть по вкладу каждого из трех видов домашних мясных копытных в совокупный спектр, условно принимаемый за 100%.

Поскольку мелкий рогатый скот весит меньше крупных копытных — коров и лошадей, то для вычисления вклада каждого вида в мясное потребление необходимо умножить соответствующую ему долю в остеологиче-

ском спектре на весовой коэффициент. Сам этот коэффициент не является абстракцией, взятой из сельскохозяйственной литературы. Он рассчитывается на основе конкретных данных по возрастной структуре и размерам животных, которых съели на поселении (Антипина 2004: 112). Из остеологических исследований (Цалкин 1967; Петренко 1984) мы имеем представление о средних размерах золотоордынского скота. Анализ возрастной структуры дает основания утверждать, что в подавляющем большинстве случаев животные были забиты на мясо в том возрасте, когда они достигли размера взрослых. Размеры животных, реконструируемые на основании костных остатков из археологического памятника, нами соотнесены с размерами представителей современных пород для расчета коэффициента кратности веса внутри единой популяции домашних животных.

Размеры средневекового скота Среднего и Нижнего Поволжья удобнее всего соотносить с калмыцкими или казахскими степными породами, находящимися, так же, как и исследуемый, на свободном выпасе. За единицу измерения принят вес одной овцы без курдюка. Для средневековья он составлял около 50 кг. Коэффициенты кратности веса туш получились следующие: КРС весит в 6 раз больше овцы, лошадь — в 5,5. Доли животных в остеологических спектрах умножаются на соответствующие коэффициенты, и, таким образом, получаются объемы мясных продуктов в условных единицах, от суммы которых вновь вычисляются процентные доли для каждого вида. Эта получаемая пропорция и обсуждается как относительные объемы потребления мяса домашних мясных животных на поселении (Яворская 2009).

Остеологические спектры трех городов, чьи культурные слои формировались с домонгольского времени, позволяют проследить динамику мясного потребления в рамках одного города, но в разные эпохи его функционирования (рис. 1). Следует отметить, что как в доордынское время, так и во все последующие эпохи в городах решительно «лидирует» говядина, а вторым мясным ресурсом традиционно выступает баранина. Конина всегда на третьем «месте», однако следует указать, что в отдельные периоды ее доля приближается к доле баранины, но характерно это лишь для городов Нижней Волги (Мошаик и Самосдельское в раннеордынский период).

В центральной части Болгарского городища доли говядины и конины постепенно снижаются от домонгольского периода к позднеордынскому за счет того, что быстро растет

Культурно-хронологические горизонты	Говядина	Конина	Баранина
Болгар, позднеордынский горизонт	56,2	6,8	37,0
Болгар, раннеордынский горизонт	62,1	10,1	27,8
Болгар, домонгольский горизонт	70,4	11,9	17,7
Самосдельское, позднеордынский горизонт	61,5	14,2	24,3
Самосдельское, раннеордынский горизонт	56,9	20,1	23,0
Самосдельское, домонгольский горизонт	44,2	14,5	41,3
Мошаик, позднеордынский	57,4	9,2	33,4
Мошаик, раннеордынский	50,5	22,8	26,8
Мошаик, домонгольский	55,6	18,4	26,0

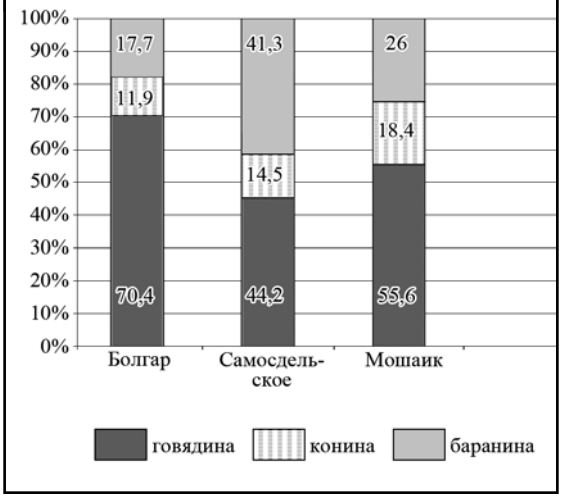


Рис. 1. Спектры мясного потребления средневековых городов Поволжья в доордынский период (%).

Fig. 1. Spectrums of meat consumptions in medieval Volga towns before the Golden Horde (%).

доля баранины в мясном потреблении горожан. Следует указать, что изменение доли баранины от одного горизонта к последующему отличается не менее чем на 10%, доли говядины — на 7—8%. Такие изменения значений уже не лежат в пределах стандартной статистической погрешности (5%) и могут быть признаны достоверными.

Для городов Волжской дельты — городищ Самосдельского и Мошаик — ситуация выглядит почти одинаково по трем периодам. Рост доли говядины от ранних перио-

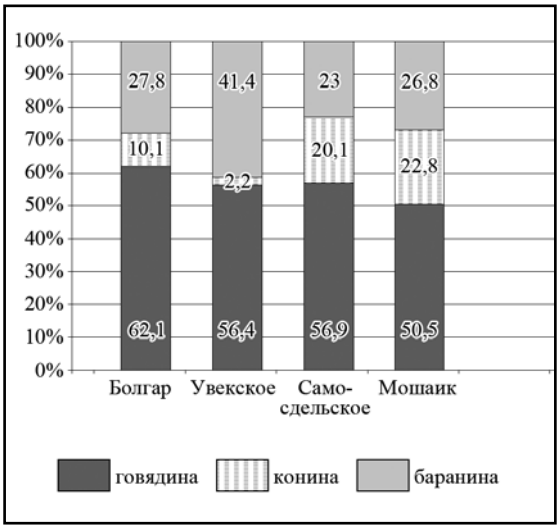


Рис. 2. Спектры мясного потребления городов золотоордынского времени в раннеордынский период (середина XIII — начало XIV веков).

Fig. 2. Spectrums of meat consumption in towns in the early Golden Horde period (mid 13th — early 14th cc.).

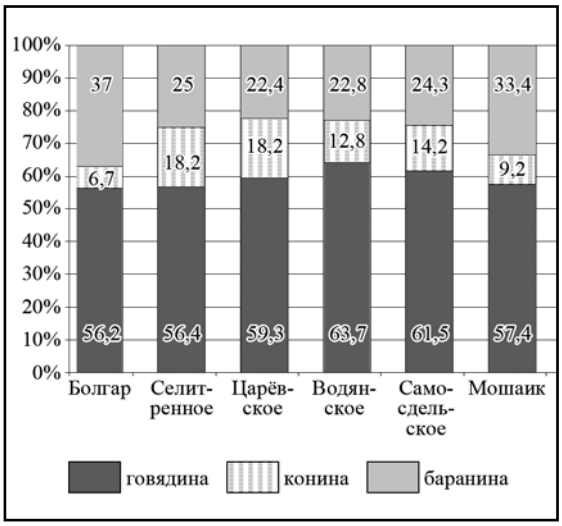


Рис. 3. Спектры мясного потребления городов золотоордынского времени в позднеордынский период (вторая треть — конец XIV века).

Fig. 3. Spectrums of meat consumption in towns in the late Golden Horde period (second third — late 14th c.).

дов к поздним невелик, хотя некоторое явное повышение можно зафиксировать на Самосдельском при переходе от домонгольского (Саксинского) периода к раннеордынскому. Параллельно с этим и в тот же период резко падает доля баранины — почти на 20%. Эта ситуация имеет два объяснения. На рубеже этих периодов город постигла внешняя катастрофа с пожаром и следами военного разгрома. Исследователи связывают эту ситуацию со взятием города монголами в 30—40-х годах XIII века. Это могло пресечь обычные пути поставок продукции степного скотоводства — баранов — и увеличило долю животных стойлового содержания, то есть коров, в мясном потреблении горожан. Этих животных до сих пор разводят в пределах большого острова, на котором расположено Самосдельское городище. Та же ситуация могла сложиться по другой причине — в середине XIII века началось резкое подтопление территории городища, что также могло снизить возможности поставок продукции из степи. На Мошаике поднятие вод Волжской дельты не имело столь катастрофических последствий в XIII—XIV вв., и подобные изменения между домонгольским и раннеордынским периодом не столь заметны.

После монгольских походов 1230—40 годов на территорию Восточной Европы возникает новое государство, которое впоследствии именуют Золотая Орда. Центральной «осью» этого государства и одновременно ханскими кочевьями стала исследуемая нами территория — берега Волги в ее среднем и нижнем течениях. Следы разгрома хорошо фиксируются на двух из указанных городов — в Болгаре и на Самосдельском (Васильев, Яворская 2010). Слои раннеордынского времени (середина XIII — начало XIV вв.) отчетливо выделяются в указанных выше районах на Болгарском, Самосдельском, Увекском городищах и на Мошаике.

Лидирующая роль говядины в городском мясном потреблении очевидна и в этот период, а ее значения на всех памятниках в XIII веке довольно близки (50—62%; рис. 2). Существенные отличия наблюдаются по долям конины и баранины. Город Укек на Увекском городище отличается от трех других тем, что он был основан новыми завоевателями, то есть возник не ранее второй трети XIII века и не имеет подстилающего домонгольского слоя. По-видимому, города Волжской дельты и Болгар продолжают свои домонгольские традиции белковой диеты, где конина существенно дополняет рацион и потому доля баранины невелика (23—27%) и сравнима с долей конины (10—23%). А в новом лесостепном городе Укеке конина не являлась важным мясным ресурсом (2,2%), ее заменяла баранина — мясной продукт, поставляемый из кочевой степи (41%).

В позднеордынский период спектры мясного потребления городов Поволжья существенно сблизились (рис. 3). Центральным мясным продуктом везде оставалась говяди-

на (56—61%), вторым ресурсом — баранина (22—37%), у конины — стабильное третье место (7—18%). Разброс значений доли каждого вида по памятникам весьма невелик. Некоторую особенность — более высокую долю баранины и меньшую — конины, чем в синхронных слоях других городов, можно отметить для Болгара и Мошаика. Несмотря на эту особенность, в целом по памятникам складывается убеждение в том, что уже в 40-х годах XIV века вокруг крупных городов окончательно сложилась сельская оседлая округа, которая поставляла такой важный мясной ресурс, как говядина. Из степи были отлажены стабильные поставки баранины и конины. Выравнивание «показателей» по видам в отдаленных городах золотоордынского Поволжья в XIV веке демонстрирует, что даже домонгольские города со своими традициями мясной диеты и отлаженными поставками мяса из собственной округи приобретают единообразный облик с новыми городами. А новые города в XIV веке, по-видимому, сразу планировались уже с той округой, которая должна была снабжать их основным мясным продуктом — говядиной, а также, очевидно, и продукцией земледельческой.

Таким образом, анализ данных по мясному потреблению в средневековых городах Среднего и Нижнего Поволжья дал следующие результаты.

1. В мясном потреблении всех изученных городов во все периоды их развития центральную роль играет говядина, на втором месте — баранина, на третьем — конина.

2. Доли всех видов мяса домашних животных варьируют по изученным трем периодам (домонгольский, ранне- и позднеордынский). По сравнению с домонгольским временем в ранне- и позднеордынский периоды растет доля баранины практически на всех памятниках, за исключением городов Волжской дельты, где сложилась особая природно-хозяйственная ситуация, приведшая к пресечению возможностей обширных поставок домашних животных на мясо из степи.

3. Вариации мясной диеты горожан одного и того же города по периодам находят объяснение в археологическом контексте — специфике конкретного участка города или изменении общей экономической стратегии поставок сельскохозяйственной продукции в средневековом Поволжье в связи с появлением государства Золотая Орда.

4. Активные процессы урбанизации постепенно привели к выравниванию спектров мясного потребления в различных городах Поволжья в середине XIV века и наглядно продемонстрировали наличие спланированной сельскохозяйственной округи для новых степных городов и даже мегаполисов.

Литература

Антипина Е.Е. 2004. Реконструкция особенностей мясного потребления и других форм использования животных на поселениях Замятино-5, 7, 8 в середине I тысячелетия. В: Обломский А.М. (сост.). *Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени.* Раннеславянский мир 6. Москва: ИА РАН, 106—120.

Антипина Е.Е. 2005. Мясные продукты в средневековом городе — производство или потребление? В: Черных Е.Н., Завьялов В.И. (ред.). *Археология и естественнонаучные методы.* Москва: Языки славянской культуры, 181—190.

Антипина Е.Е. 2006. Возможности реконструкции состава стада домашних животных в археологии. *Современные проблемы археологии России* II. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 339—342.

Антипина Е.Е. 2008. Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации. *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии* 6. Москва: Параллели, 67—85.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. 2005. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия. *РА* (4), 70—78.

Блохин В.Г., Яворская Л.В. 2006. *Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья*. Волгоград: Волгоградский государственный университет.

Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.

Кубанкин Д.А. 2011. Христианское население золотоордынского города Укек. *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве.* Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Астрахань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 237—245.

Лапшин А.С., Мыськов Е.П. 2011. *Исследования на Водянском городище в 2009—2010 гг.* Волгоград: Перемена.

Мыськов Е.П. 2001. Русский поселок и русский квартал Водянского городища. *Материалы по археологии Волго-Донских степей* 1. Волгоград, 250—267.

Петренко А.Г. 2007. *Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам).* Археология евразийских степей 3. Казань: Институт истории АН РТ.

Полубояринова М.Д. 1978. *Русские люди в Золотой Орде*. Москва: Наука.

Федоров-Давыдов Г.А. 1994. *Золотоордынские города Поволжья*. Москва: Московский университет.

Хлебникова Т.А. 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография. В: Фёдоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки истории и культуры.* Москва: Наука, 34—90.

Цалкин В.И. 1958. Фауна из раскопок археологиче-

ских памятников Среднего Поволжья. *МИА* 61, 221—281.

Цалкин В.И. 1967. Домашние животные Золотой Орды. *Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии* LXXII (1). Москва, 114—130.

Яворская Л.В. 2009. Специфика мясного потребления жителей городища Самосделка в VIII—XIV вв. (по археозоологическим данным). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве.* Доклады к IV-ой Международной научной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. Донские древности 10. Азов, 499—508.

Яворская Л.В. 2011. Некоторые аспекты в сравнительном изучении археозоологических материалов из раскопок золотоордынских городов Нижнего Поволжья. *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве.* Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Астрахань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 343—350.

Яворская Л.В., Васильев Д.В. 2011. Слои периода монгольского нашествия на Самосдельском городище по археозоологическим и археологическим данным. *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве.* Материалы V Международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (г. Астрахань, 2—6 октября 2011 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 338—343.

References

Antipina, E.E. 2004. In *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Zamiatinskii arkheologicheskii kompleks gunnskogo vremeni (Ostraia Luka of Don in Antiquity. Zamiatin Archaeological Complex from the Hun Period).* Ranneslavianskii mir (Early Slavic World) 6. Moscow, 106—120 (in Russian).

Antipina, E.E. 2005. In *Arkheologiia i estestvennonauchnye metody (Archaeology and Scientific Methods).* Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 181—190 (in Russian).

Antipina, E.E. 2006. In *Sovremennye problemy arkheologii Rossii (Actual Problems of Archaeology of Russia)* II. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 339—342 (in Russian).

Antipina, E.E. 2008. In *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (OPUS: Interdisciplinary Studies in Archaeology)* 6. Moscow: "Paralleli" Publ., 67—85 (in Russian).

Antipina, E.E., Lebedeva, E. Yu. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 70—78 (in Russian).

Blokhin, V.G., Yavorskaya, L.V. 2006. *Arkheologiia zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia (Archaeology of Golden Horde Towns in the Lower Volga Area).* Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kubankin, D.A. 2011. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory).* Kazan; Astrakhan: The Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 237—245 (in Russian).

Lapshin, A.S., Myskov, E.P. 2011. *Issledovaniia na Vodianskom gorodishche v 2009—2010 gg. (Studies on Vodyanskoe Fortified Settlement in 2009—2010).* Volgograd: "Peremena" Publ. (in Russian).

Myskov, E.P. 2001. In *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei (Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes)* (1). Volgograd, 250—267 (in Russian).

Petrenko, A.G. 2007. *Stanovlenie i razvitie osnov zhivotnovodcheskoi deiatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (po arkheozoologicheskim materialam) (Formation and Development of Animal Husbandry in History of Peoples of the Middle Volga Area and Cis-Urals (by archaeozoological materials)).* Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 3. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Poluboyarinova, M.D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area).* Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khlebnikova, T.A. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture).* Moscow: "Nauka" Publ., 34—90 (in Russian).

Tsalkin, V.I. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Researches in Archaeology)* 61. 221—281 (in Russian).

Tsalkin, V.I. 1967. In *Biulleten' Moskovskogo Obshchestva ispytatelei prirody. Novaia seriia, Otdelenie biologii (Bulletin of the Moscow Society of Naturalists. Department of Biology)* LXXII (1). Moscow, 114—130 (in Russian).

Yavorskaya, L.V. 2009. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory).* Donskie drevnosti (Antiquities of Don) 10. Azov, 499—508 (in Russian).

Yavorskaya, L.V. 2011. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory).* Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 343—350 (in Russian).

Yavorskaya, L.V., Vasilev, D.V. 2011. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 338—343 (in Russian).

О. А. Ильина

Olga Ilyina. Candidate of Historical Sciences. Kamyshin Technological Institute, Branch of the Volgograd Technological University [1].

Ильина Ольга Алексеевна. Кандидат исторических наук. Камышинский технологический институт (филиал Волгоградского технического университета).

E-mail: oailina62@yandex.ru

Address: [1] Lenin St., 6A, Kamyshin, 403870, Russian Federation

Вопросы исторической топографии и хронологии золотоордынских городов Нижневолжского Правобережья

Keywords: Lower Volga region, Golden Horde towns, topography, fortification, chronology, history of research.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, золотоордынские города, топография, фортификация, хронология, история исследований.

O. A. Ilyina

Problems of Historical Topography and Chronology of the Golden Horde Towns on the Right Bank of Lower Volga

The article represents an analysis of the Golden Horde sites situated on the right bank of Lower Volga, which have been large urban settlements in the Middle Ages: Uvekskoe, Vodyanskoe, Mechetnoe fortified settlements, Ternovskoe fortified and open settlements. At the present time these settlements are completely or considerably destroyed, which makes us turn mainly to the research materials from the 19th — early 20th century. Basing on the analysis and correlation of archaeological, numismatic and written sources and urban planning, the author presents the topography of the settlements, main archaeological complexes (fortifications, living and household facilities, burials) and determines the time period and stages in development of these localities.

О. А. Ильина

Вопросы исторической топографии и хронологии золотоордынских городов Нижневолжского Правобережья

В статье рассматриваются золотоордынские памятники Правобережья Нижней Волги, которые в средние века были крупными городскими поселениями: Увекское, Водянское, Мечетное городища, Терновское городище и селище. В настоящее время они полностью или в значительной степени разрушены, что заставляет обратиться прежде всего к материалам исследований XIX — начала XX вв. На основании анализа и сопоставления археологических, планиграфических, нумизматических и письменных данных рассматриваются топография поселений, основные исследованные археологические объекты (фортификационные сооружения, жилые и хозяйственные комплексы, захоронения); определяется время существования данных населенных пунктов, выделяются этапы их развития.

Первая половина XIV в. — период расцвета градостроительства в Золотой Орде. В это время по берегам Волги от Каспийского моря до пределов Волжской Болгарии существовало множество городов и поселков. Только на территории Нижнего Поволжья в результате разведок и раскопок выявлено большое количество бытовых археологических памятников, хотя не все они являются остатками золотоордынских городов.

Нижневолжские средневековые селища и городища довольно четко разделяются на левобережные и правобережные. Подобное деление памятников золотоордынского времени в этом регионе было отмечено исследователями еще на рубеже XIX—XX вв. Более четкое оформление эта идея нашла в работах сотрудников Поволжской археологической экспедиции, в частности, В. Л. Егорова. На карте-схеме, составленной В. Л. Егоровым (рис. 1), видно, что от Каспийского моря до широты г. Волгограда основная часть населенных пунктов эпохи Золотой Орды располагалась вдоль левого берега р. Ахтубы. Выше средневековые населенные пункты находились, в основном, на правом бе-

© О. А. Ильина, 2015.

регу р. Волги — это Мечетное городище, Бельджамен, городища Песковатское, Пролейское, Шишкин Бугор, Терновское, Даниловское, Ахметовское и Увек. Из перечисленных памятников к средневековым городским центрам можно уверенно отнести Мечетное городище, Бельджамен и Увек (Егоров 1985).

Подобное географическое деление предопределило и особенности топографии этих золотоордынских городов. Сопоставление различных видов источников показало, что золотоордынские города Правобережья, расположенные на территории Приволжской возвышенности, размещены в местах, схожих по топографической ситуации: на высоком берегу Волги, в пределах естественных границ в виде глубоких труднопроходимых оврагов и балок. Часть из них имела искусственные преграды, представляющие собой линии оборонительных сооружений в виде валов и рвов.

В данной работе рассматриваются только те памятники нижневолжского правобережья, которые в средние века были достаточно крупными населенными пунктами, а сейчас представляют собой городища с относительно мощным культурным слоем. В настоящее время изучение вопросов исторической топографии осложняется тем обстоятельством, что большинство золотоордынских бытовых памятников правого берега Нижней Волги серьезно пострадали в результате активной хозяйственной деятельности человека, природных катаклизмов и наступления волжских вод. Поэтому только анализ и сопоставление археологических, планиграфических, нумизматических и письменных данных позволяет нам составить относительно верное представление о том или ином городище. И это возможно в том случае, если в нашем распоряжении имеются документальные результаты их исследований: в разные годы были составлены описания и планы, сохранились топографические карты, накоплен довольно богатый археологический и нумизматический материал. Эти причины стали основанием для включения в подборку следующих памятников: Увекского, Водянского и Мечетного городищ, а также Терновского городища и селища.

Мечетное городище

Мечетное городище расположено на правом берегу р. Волги, прямо напротив входа в р. Ахтубу. К сожалению, в настоящее время городище почти полностью разрушено, большая часть его площади застроена жилыми кварталами поселка Спартановки — северной окраины г. Волгограда. Именно поэтому в современной археологической литературе Мечетное городище рассматривается как потерянное для науки, а сведения о нем обычно ограничиваются лишь краткими сообщениями. Тем не менее, всестороннее изучение материалов исследований прежних лет позволит существенно расширить наши представления об этом памятнике.

Первые упоминания и описания развалин этого средневекового города мы встречаем в работах путешественников XVIII в. Так, по данным П.С. Палласа, «на крутом склоне Соленого буерака, рассекающего берег почти посередине между двумя ручьями Мечетными» располагались остатки «большого каменного строения, которое было караван-сараем или гостиным двором» (Паллас 1788: 204—205). И.П. Фальк указывал, что «между двумя речками Мечетными в 230 саженях от Волги лежат едва приметные развалины большого татарского города… Город имеет вид четырехугольника и более 150 сажень в поперечнике. Одно весьма большое здание должно было иметь много отделений» (Фальк 1824: 127).

К началу XX в. практически все постройки на городище были почти полностью разобраны для получения камня и кирпича в качестве строительного материала. В середине 70-х годов XX в. здесь была проведена сплошная нивелировка поверхности, все балки и овраги засыпаны, а большая часть площади городища застроена многоэтажными зданиями. Только на берегу Волги, на узкой прибрежной полосе в районе профилакториев Алюминиевого и Тракторного заводов до настоящего времени сохранились отдельные участки культурного слоя.

Научный интерес к Мечетному городищу возникает в конце XIX — начале XX вв. и связан с деятельностью членов СУАК. В 1910 г. памятник осмотрел Б.В. Зайковский, выявив визуально около 30 контуров зданий, а на следующий год им был составлен план Мечетного городища. Этот план, несмотря на отсутствие условных обозначений, ориентировки, некоторую схематичность, до настоящего времени является единственным документом, наглядно отображающим особенности топографии и планировки средневекового города, а также расположения наиболее важных археологических объектов (рис. 2).

На плане изображены: р. Мокрая Мечетка, Забазная балка, р. Мечетка (по описанию — «Сухая Мечетка») и еще одна балка без названия (по описанию — «Безымянная»),

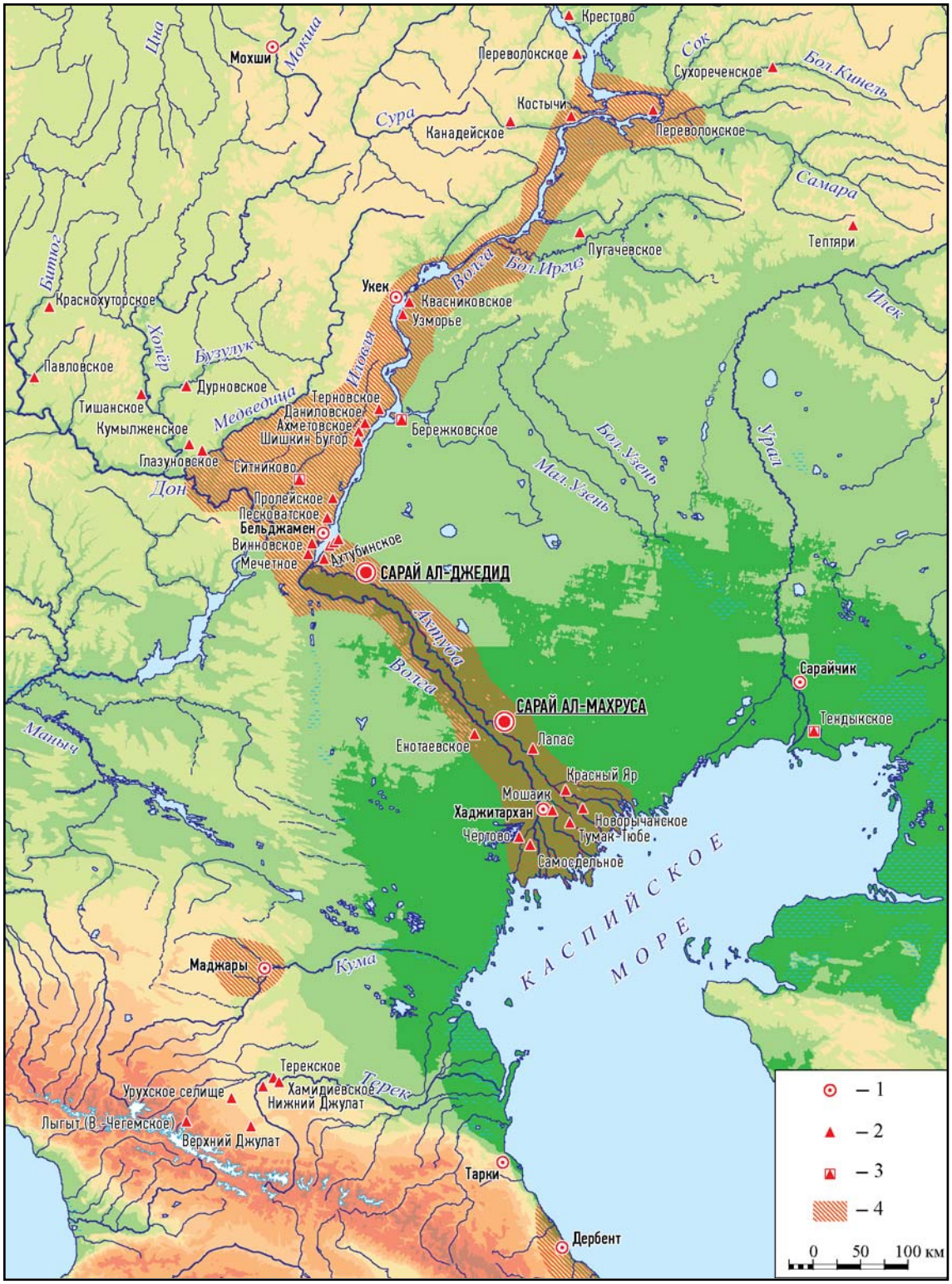


Рис. 1. Карта-схема золотоордынских городов Нижнего Поволжья (по Егоров 1985: карта 2). 1 — города, основанные монголами в XIII—XIV вв.; 2 — города, названия которых неизвестны (городища); 3 — специализированные ремесленные поселения; 4 — районы с преобладанием оседлого населения.

Fig. 1. Schematic map of the Golden Horde towns from Lower Volga region (after Егоров 1985: карта 2). 1 — towns, founded by Mongols in the 13th—14th centuries; 2 — towns with unknown names (fortified settlements); 3 — specialized handicraft settlements; 4 — regions with a predominance of sedentary population.

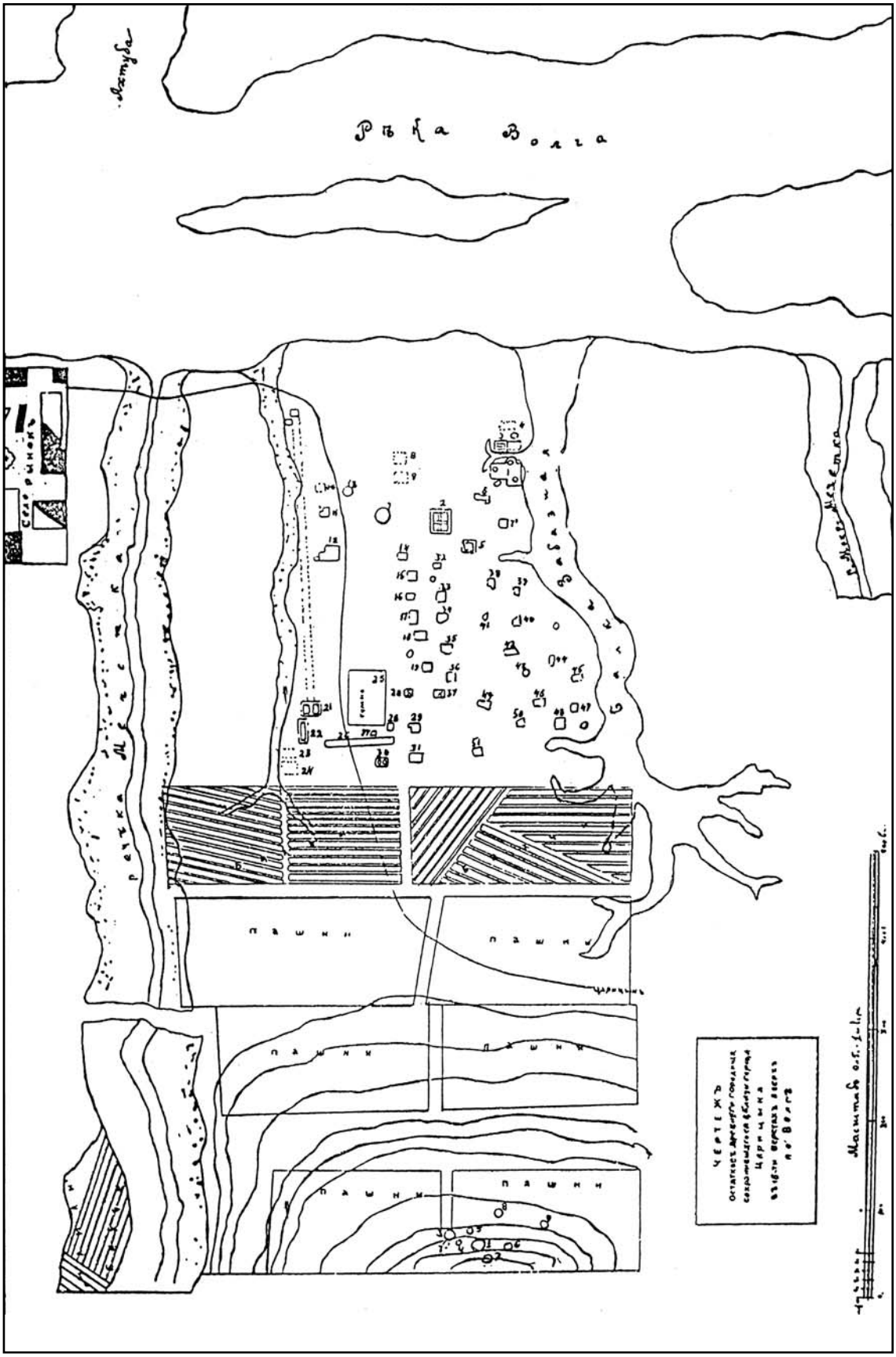


Рис. 2. План Мечетного городища 1911 г. (по Зайковский 1915: 155).

Fig. 2. Plan of the Mechetnoe fortified settlement, made in 1911 (after Зайковский 1915: 155).

располагавшаяся между Сухой Мечеткой и Забазной балкой. Согласно плану, балки ограничивали городище с севера и юга. Между ними, в некотором отдалении от берега Волги, нанесен 51 археологический объект. Большая часть контуров этих сооружений обозначена сплошными линиями, только некоторые (№ 4, 8—10, 23 и 24) выполнены пунктиром. Очевидно, уже в начале XX в. эти объекты выделялись на местности едва заметными всхолмлениями. Два сооружения, расположенные у устья «Безымянной» балки, по какой-то причине номеров не получили. Западнее остатков всех этих построек земли были распаханы, но, по утверждению Б. В. Зайковского, «признаки культурных наслоений той поры и здесь несомненны» (Зайковский 1915: 156). К западу от распаханных участков, на возвышенности обозначена еще одна группа сооружений, состоящая из 9 объектов, которые автор считал остатками городских зданий. К северу от р. Мечетки, на берегу Волги, располагалось село Рынок, от которого через площадь городища проходила грунтовая дорога на Царицын (рис. 2).

Этот план был опубликован в статье Б. В. Зайковского в 1915 г. В ней был рассмотрен и вопрос о площади средневекового города. В описании памятника автор несколько расширяет его границы на север, по сравнению с данными ранее снятого плана. Он сообщает, что «площадь земли, ограниченная Волгою, р. Сухой Мечеткою и Забазною балкою, доныне сохранила следы многих разрушенных каменных зданий, числом свыше 50» (Зайковский 1915: 153). Примечательно, что на плане ни одного сооружения на участке между Безымянной балкой и р. Сухой Мечеткой не обозначено. По-видимому, они были обнаружены позднее, когда в 1914 г. Б. В. Зайковский работал в экспедиции СУАК.

Восточной границей города, по мнению Б. В. Зайковского, являлась р. Волга. Но на плане и в описании городища автор отмечает, что «следы древних строений начинаются в некотором отдалении от берега Волги», и связывает их отсутствие на берегу с основанием здесь в XVIII в. деревни Мечетной, в результате чего были уничтожены остатки сооружений золотоордынского времени.

Обнаружив культурный слой в береговых обнажениях и «признаки культурных наслоений на пашне», Б. В. Зайковский определил длину города от берега Волги до 9 зданий на возвышенности в 2,1 км. Сейчас с этим утверждением трудно согласиться, т. к. в нашем распоряжении нет убедительных сведений о существовании остатков жилых построек на площади так называемой «полосы посева». Пятна золы и россыпи кирпичной крошки, обнаруженные Б. В. Зайковским на пашне, могут быть связаны с могильником, или следами производственных сооружений, вынесенных за пределы жилых кварталов. Поэтому более верной представляется ситуация, отраженная на плане, где перешеек, образованный отрогами балок, является западной границей города, а группа из девяти сооружений располагается отдельно, «на сырту».

В 1914 г. на городище проводились раскопки, организованные СУАК, под руководством А. А. Ширинского-Шихматова. Эти исследования, очевидно, ставили целью составить общее представление об археологическом памятнике, т. к. раскопы закладывались в разных частях городища. Выбор пал на объекты № 1, № 20 и некоторые другие, не обозначенные на плане Б. В. Зайковского, который А. А. Ширинский-Шихматов использовал в ходе своих работ.

Сооружение № 20 представляло собой двухкомнатный дом с печью. Другой исследованный объект оказался без номера. Судя по приведенным в отчете данным, это была жилая постройка с умывальником-тошнау. Опираясь на сообщение, что от сооружения № 20 до здания с тошнау была проложена траншея к югу длиной около 6,4 м, а также используя план Б. В. Зайковского, удалось выяснить, что этот объект на нем вообще не обозначен. Очевидно, Б. В. Зайковский отмечал на плане только наиболее крупные, четко выделяющиеся на местности объекты, реально же городская застройка была более плотной. Третий раскоп был заложен на всхолмлении в северо-восточном углу комплекса сооружений № 1. Несмотря на то, что в отчете дается описание раскопок только трех зданий, из текста ясно, что общее число исследованных объектов было бóльшим. Ф. В. Баллод, проводивший здесь археологические исследования несколькими годами позже, сообщает о более двадцати сооружениях, раскопанных А. А. Ширинским-Шихматовым (Баллод 1923: 17). Кроме того, Ф. В. Баллод упоминает, что в 1914 г. были начаты работы по исследованию «караван-сарая», очевидно, сооружения № 2 (рис. 2). К сожалению, ни планов, ни описаний работ в нашем распоряжении нет.

Таким образом, в ходе первых экспедиций удалось выяснить некоторые архитектурные особенности золотоордынских построек Мечетного городища и установить, что хол-

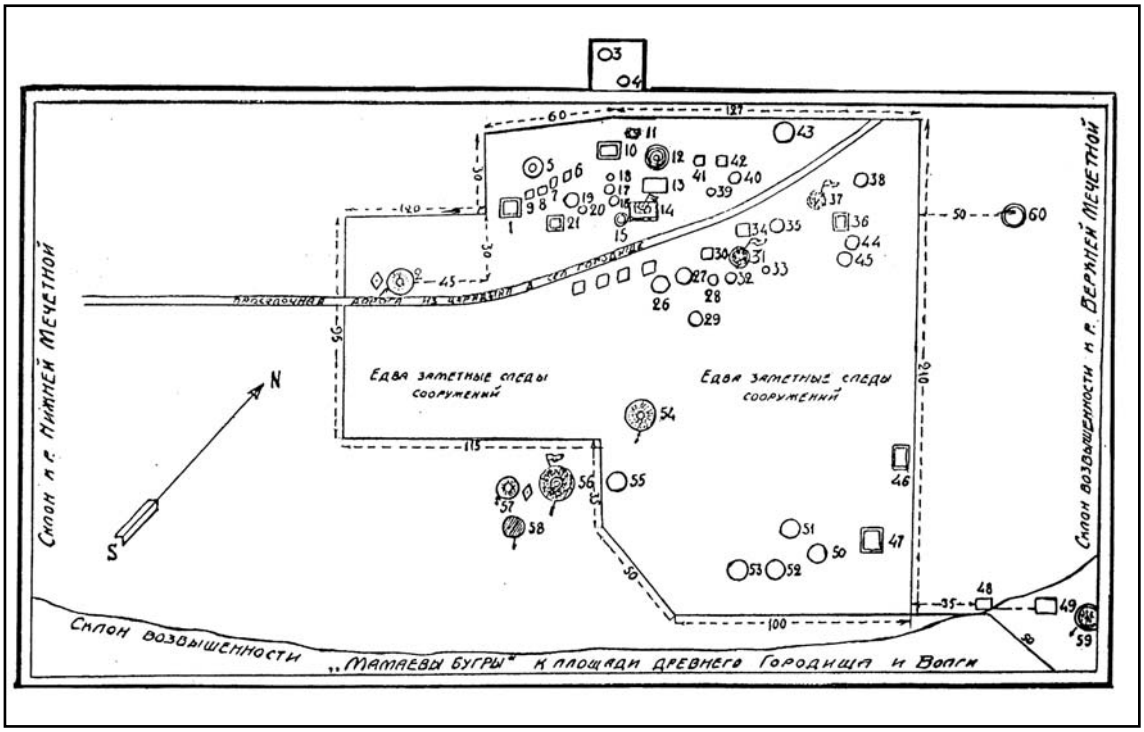


Рис. 3. План пригородного могильника Мечетного городища 1919 г. (по Баллод 1923: 19, рис. 3).

Fig. 3. Plan of adjacent burial ground at Mechetnoe fortified town, made in 1919 (after Баллод 1923: 19, рис. 3).

мы в восточной части памятника являются бытовыми, общественными или культовыми городскими сооружениями.

Во время работы экспедиции 1914 г. была собрана небольшая коллекция джучидских монет, которую Б.В. Зайковский датировал периодом с 1313 г. по 1361 г. С этими датами он предположительно связывал и время существования города. В то же время, Б.В. Зайковский с 1910 г. скупал у местного населения находки с городища, при этом его внимание особенно привлекал монетный материал. В результате подобных сборов в нумизматической коллекции с Мечетного городища образовалась значительная группа «ранних монет» XIII в. Примечательно, что ни одной монеты XIII в. в результате археологического изучения памятника обнаружено не было.

В 1920 г. исследование городища продолжила экспедиция под руководством профессора Саратовского университета Ф.В. Баллода. Работы проводились как в прибрежной части памятника, так и на возвышенности, расположенной к западу от города. Прежде всего, сотрудники экспедиции занялись выяснением характера сооружений «на сырту», которые, как отмечалось выше, Б.В. Зайковский принял за городские здания. В результате дополнительного обследования этого участка было выявлено еще 3 объекта на северо-восточном склоне возвышенности и 48 — на самом плато. Здесь были проведены раскопки и составлен план этой группы сооружений (рис. 3). На нем отмечено 60 объектов, образующих две условные группы — западную и восточную. Между ними — пустое пространство, где были выявлены лишь «едва заметные следы сооружений». К сожалению, на плане, который и сам автор называет схематичным, нет условных обозначений, масштаба, привязки. Не ясно, что обозначают линии, ограничивающие большинство объектов на плане, и почему часть объектов оказалась за пределами этих границ, — то ли таким образом отображены особенности рельефа местности, то ли это простые разметочные линии. Трудно сказать и то, какие единицы измерения использовались при составлении плана. Кроме того, отсутствие привязок не позволяет точно установить месторасположение этой группы сооружений.

Для археологического изучения Ф.В. Баллодом были выбраны объекты в восточной, центральной и западной частях группы. Ими оказались объекты №14, №31, №37 и №56 (рис. 3). Сооружение №14 представляло собой остатки разрушенного мавзолея с семью захоронениями; №31 и 37 — курганы с парными захоронениями; №56 — очевид-

но, курган эпохи бронзы, основное погребение которого было разрушено впускной могилой XVIII—XIX вв. Таким образом, стало совершенно ясно, что сооружения, расположенные на возвышенности к западу от города, являются пригородным могильником, что было характерно для большинства золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

Участники экспедиции 1920 г. провели исследование сооружений и на территории самого города. На основе сообщений путешественников, данных плана Б.В. Зайковского, собственных визуальных наблюдений Ф.В. Баллод попытался сделать словесно-образную реконструкцию восточной части городища. Так, сооружение №1 получило наименование «мечеть с минаретом», сооружение №2 — «караван-сарай». «Мечеть» своими западной и северной стенами смотрела на городские площади. Параллельно ее западной стене проходила «главная» улица. На нее и центральную площадь города выходила восточная стена «караван-сарая», который вместе с сооружениями №5, №6 и №7 образовывали квартал (рис. 2). Хотя Ф.В. Баллод и отсылал читателя к плану В.Б. Зайковского, сам план и его нумерацию в своей монографии не использовал. Во время работы экспедиции составлялся новый план городища (Баллод 1923: 9), но по каким-то причинам он так и не был опубликован. В связи с этим отождествление исследованных в 1920 г. зданий с объектами плана Б.В. Зайковского вызывает определенные трудности. Тем не менее, можно предположить, что раскопанные Ф.В. Баллодом Дом №1 и Дом №2 являются зданиями комплекса сооружений №6 плана (рис. 2).

Дом №1 — это двухкомнатное здание с двумя печами и разной системой отопления в каждой из комнат, следами ее перестройки в годы функционирования жилища, а также примыкающим к дому двором, обнесенным оградкой.

Дом №2 являлся остатками деревянного однокомнатного сооружения с пристройкой. Кроме того, было начато исследование сооружения №1, но завершить его не удалось по объективным причинам.

В обобщающей монографии, посвященной золотоордынским городам Нижнего Поволжья, при определении размеров Мечетного городища Ф.В. Баллод приводит довольно противоречивые данные. Кроме того, нумизматические находки он сначала ограничивает периодом с 1277 по 1388 гг., а ниже речь идет уже о времени с 1274 по 1377 гг. (Баллод 1923: 18; 95).

Таким образом, в результате археологического изучения Мечетного городища в 1920 году удалось окончательно установить, что в восточной части памятника располагался сам город, а к западу от него на возвышенности — пригородный могильник. Кроме того, появилась возможность уточнить особенности планировки отдельных участков города, а также новые архитектурные особенности жилых зданий.

Впоследствии интерес исследователей к этому памятнику угас, и внимание к нему проявляли, в большинстве случаев, краеведы. Особенно активно они действовали в 70-х гг. XX в., когда на площади городища начались строительные работы. Часть вещей, найденных на городище, была отдана Е.П. Мыськову краеведом В.Н. Конкиным. Впоследствии эти материалы (фотографии двух погребений, одно из которых с зеркалом с изображением «гона зверей», и само зеркало) были включены в научный отчет Е.П. Мыськова об исследованиях Мечетного городища (Мыськов 1986: 31—41). Кроме того, во время планировочных работ, по свидетельствам очевидцев, на территории прибрежной зоны в северо-восточной части городища, в районе устья «Безымянной» балки было разрушено много погребений золотоордынского времени. Следовательно, пригородный могильник на западной окраине Мечетного городища не был единственным городским кладбищем.

В 1986 году Е.П. Мыськов провел археологические исследования нескольких объектов, обнаруженных в береговых обнажениях Волги, а также сбор подъемного материала. Им были раскопаны две хозяйственные ямы, которые дали фрагменты поливной керамики, нескольких красноглиняных сосудов и другой домашней утвари, а также ограбленный кирпичный склеп, в котором обнаружены кости скелета женщины, остатки кожаных сапог и массивные железные ручки от гроба (Мыськов 1987: 189). Коллекция из 33 медных и серебряных монет XIV века с Мечетного городища собрана в 80-е годы Е.Ю. Гончаровым.

В настоящее время в нашем распоряжении имеется довольно важный документ — топографическая карта 1929 года, фрагментом которой является участок, где располагалось Мечетное городище (рис. 4). Особый интерес эта карта вызывает в связи с тем, что она была составлена фактически в то время, когда здесь проводились исследования Б.В. Зайковским, А.А. Ширинским-Шихматовым и Ф.В. Баллодом. Поэтому со-

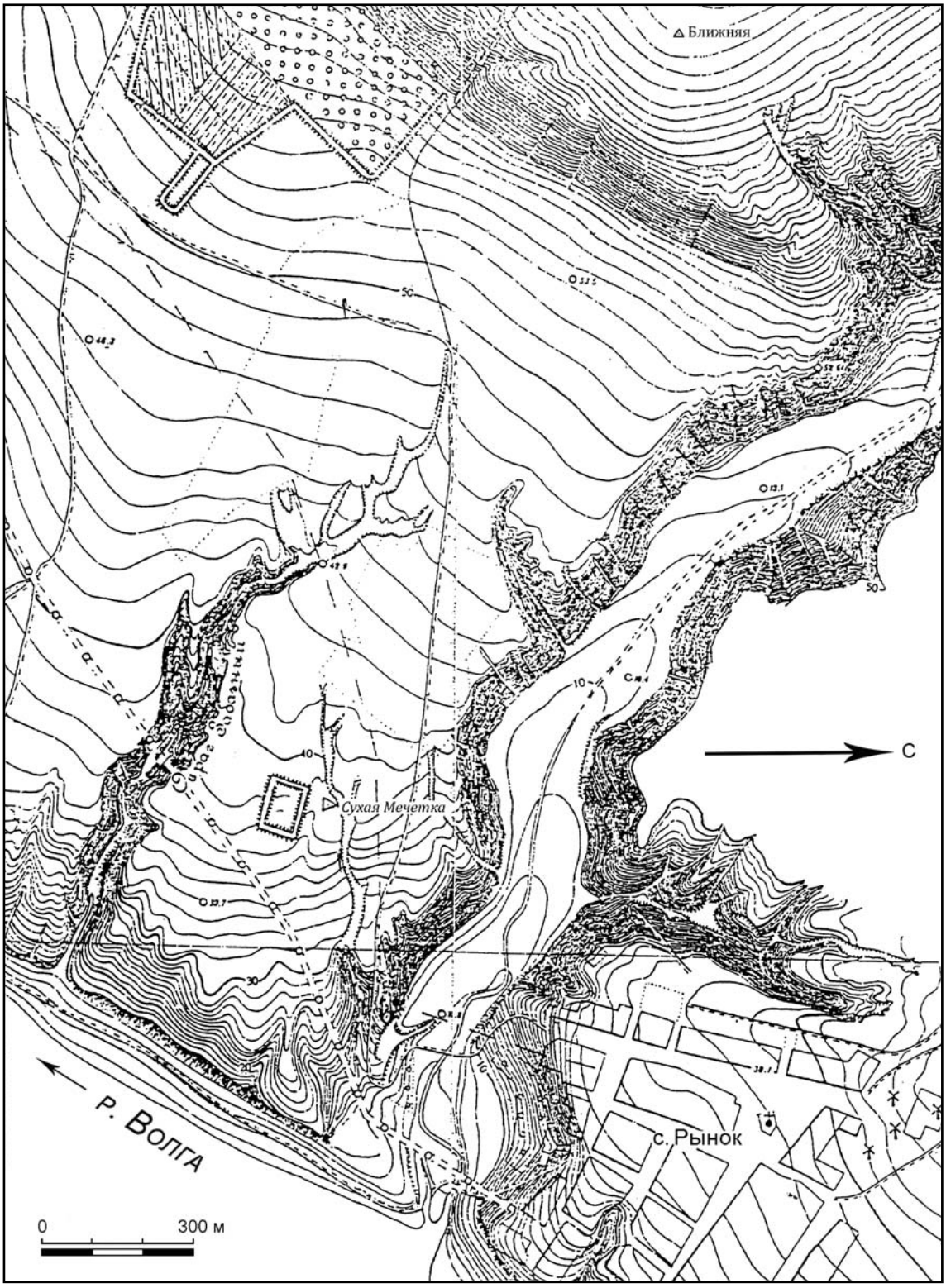


Рис. 4. План Мечетного городища. Топографическая съемка 1929 г. (по Ильина 2005: 112, рис. 1).

Fig. 4. Plan of the Mechetnoe fortified settlement. Topographie survey of 1929 (after Ильина 2005: 112, рис. 1).

отнесение данных карты с данными этих исследователей кажется вполне уместным.

На карте изображены: р. Сухая Мечетка, на левом берегу которой расположено с. Рынок, впадающая в нее неглубокая «безымянная» балка и овраг Забазный. Следует отметить, что ныне засыпанный овраг Забазный был очень глубоким и имел отвесные, прак-

тически неприступные склоны. Его отроги и одна из балок, впадающая в русло Сухой Мечетки, образуют узкий перешеек (менее 130 м), который, очевидно и являлся границей города на западе. Таким образом, длина городища от берега Волги составляет не более 1,2 км, а ширина не превышает 0,6 км. В 2 км к западу от Волги обозначена возвышенность — «сырт», где располагался пригородный могильник, что довольно точно совпадает с размерами, приведенными в работах Б.В. Зайковского и Ф.В. Баллода. Совпадают на плане и карте контуры дороги, ведущей из с. Рынок в Царицын, что позволяет нам признать значительную достоверность данных, представленных исследователями начала XX в.

На топографической карте 1929 г. в центре городища изображено большое сооружение в виде прямоугольного в плане вала, ориентированного по линии ЗСЗ-ВЮВ, его размеры по внешнему контуру составляют 100×75 м. Это сооружение можно с полной уверенностью отождествлять с так называемым «караван-сараем». Самое раннее и наиболее подробное описание этого комплекса дано в сочинении П.С. Палласа: «…в сторону от берега находятся явные следы большого каменного строения, которое было караван-сараем или гостиным двором: основание оного представляет большой четвероугольник, имеющий в середине широкий ход, по правую сторону ряд один подле другого лежащих малых отделений, а по левую несколько больших и два малых покоя» (Паллас 1788: 204—205). Общая характеристика этого сооружения дана и в книге Ф.В. Баллода, который также предполагал, что это «торговые ряды — караван-сарай» (Баллод 1923: 17). При этом следует отметить, что описание Ф.В. Баллода явно соответствует и планировочным особенностям сооружения №2 на плане Б.В. Зайковского, и местонахождению прямоугольного в плане вала на топографической карте 1929 г.

Эта привязка дает возможность достаточно точно определить расположение и некоторых других городских сооружений, в частности, большого комплекса строений у Забазного оврага (сооружение №1). Весьма интересно, что его местонахождение и на плане Б.В. Зайковского, и на схеме А.А. Ширинского-Шихматова приурочено к небольшому отрогу крутого северного склона Забазного оврага. По сведению Ф.В. Баллода, этот комплекс построек располагался «на высоком берегу Забазной балки, где в нее входит первое, считая от Волги, ответвление с северной стороны» (Баллод 1923: 16). Это «ответвление» без особого труда можно найти на топографической карте 1929 г. и, таким образом, определить, что рассматриваемый комплекс находился в 180—190 м к югу от развалин «караван-сарая». Он представлял собой особую архитектурную конструкцию, обнесенную дувалом. По данным А.А. Ширинского-Шихматова, общая длина комплекса сооружений №1 составляла 44,7 м, ширина — 32 м. Работавшие здесь исследователи отмечали расположение на этой площадке, ограниченной стеной, нескольких округлых всхолмлений. При раскопках одного из них Ф.В. Баллод обнаружил полусферическую кладку диаметром 4,3 м, которую принял за остатки «башнеобразного сооружения». Учитывая, что сооружение башен не было характерно для градостроительной традиции золотоордынских городов Нижнего Поволжья, можно предположить, что остатки округлого сооружения большого диаметра являлись в прошлом, скорее всего, минаретом, а комплекс строений в целом — комплексом мечети. Таким образом, наличие в городе крупного культового сооружения, а впоследствии сохранение на протяжении веков остовов его стен, вполне обоснованно могли найти закрепление в гидронимах, наименовании деревни XVIII в., а в итоге дать название и самому городищу.

В тоже время, карта позволяет выявить и некоторую неточность на плане Б.В. Зайковского, который изобразил «Безымянную» балку впадающей в Волгу, а не в Сухую Мечетку.

Кроме того, если предположить, что Ф.В. Баллод использовал на плане пригородного могильника топографическое обозначение геодезического знака (объект №2), то этот ориентир позволяет определить на карте и местоположение этого могильника.

В итоге, сопоставление плана Б.В. Зайковского и карты 1929 г. дает возможность надежно привязать к топографии археологические объекты, исследованные в начале XX в. А.А. Ширинским-Шихматовым и Ф.В. Баллодом, а также и другие сооружения, как на территории города, так и пригородного могильника.

Таким образом, Мечетное городище, как историко-археологический памятник, фактически полностью уничтожено. Несмотря на то, что в прибрежной зоне еще сохранились участки культурного слоя, их исследование вряд ли сможет внести существенный вклад в его изучение. Обращение к материалам исследований XX в., анализу архивных и неопу-

бликованных музейных коллекций даст возможность создать наиболее ясную картину существования средневекового города. Так, изучение данных археологических исследований и сопоставление их с картографическими данными позволило выявить ряд важных моментов, касающихся этого памятника.

Мечетное городище располагалось на берегу Волги напротив входа в р. Ахтубу. Здесь находился узел золотоордынских поселений, что делало город на месте Мечетного городища одним из центральных звеньев и перевалочных пунктов низового Волго-Донского торгового пути, о чем говорит наличие в городе «караван-сарая».

Площадь города, ограниченная руслом р. Сухой Мечетки, Забазным оврагом и их отрогами, занимала площадь в 50 га и представляла собой довольно узкую трапецию, вытянутую по линии запад-восток с плавным понижением к Волге. Средневековый город на месте Мечетного городища не имел оборонительных сооружений со стороны, незащищенной естественными преградами. Скорее всего, западной границей города являлся узкий перешеек, образованный отрогами балок, впадающих в Забазный овраг и русло р. Сухой Мечетки.

Судя по всему, в центральной части города располагались общественные и культовые сооружения — караван-сарай, городские площади и комплекс мечети; в периферийной — жилые кварталы и ремесленные мастерские. Караван-сарай (очевидно, сооружение №2 на плане Б.В. Зайковского) легко сопоставляется с прямоугольным в плане сооружением на карте 1929 г., что позволяет привязать к местности и другие городские здания, в том числе и исследованные в 1914 и 1920 гг. сооружения №1, №6 и №20. Сооружение №1, видимо, представляло собой комплекс мечети с минаретом, возвышающийся на склоне Забазного оврага и хорошо видимый с Волги. Другие исследованные сооружения представляли собой жилые дома с деревянными стенами, традиционной для золотоордынских городов системой отопления в виде канов и хозяйственными пристройками с оградками.

Город, видимо, пережил несколько этапов своего развития. Ф.В. Баллод приводит сведения о прямой стратиграфии, когда дом №1 явно перекрывал хозяйственную яму, заполненную обломками костей животных и птиц, а также фрагментами красноглиняной и поливной керамики золотоордынского времени (Баллод 1923: 31). В городе было не менее двух кладбищ. Одно из них располагалось в северо-восточной части городища, а на расстоянии около 1 км к западу от него находился довольно большой пригородный могильник.

По данным Ф.В. Баллода, в результате раскопок и сборов на территории Мечетного городища найдено несколько серебряных монет конца XIII в., чеканенных в годы правления ханов Менгу-Тимура, Туда-Менгу и Токты, а также несколько медных монет хана Токтамыша. Эти находки позволяют предполагать, что средневековый город на месте Мечетного городища был основан в конце XIII в. и существовал до конца XIV столетия, хотя полной уверенности в этом нет, т.к. серебряные монеты XIII в. могли находиться в обращении до 1310 г., а находки пулов Токтамыша здесь слишком малочисленны. Следует отметить, что в работах большинства авторов, проводивших исследования на Мечетном городище, нет никаких сведений о крупномасштабных разрушениях или следах большого пожара. Только в книге Ф.В. Баллода есть упоминание о «частично обуглившихся бревнах стены» одного из раскопанных домов (Баллод 1923: 34). В связи с этим можно высказать предположение о том, что город вряд ли прекратил свое существование во время похода Тимура в 1395 году.

Водянское городище

Водянское городище расположено на правом высоком берегу Волги у северной окраины г. Дубовки Дубовского района Волгоградской области, в 40 км выше по течению Волги от города Волгограда (рис. 1).

На протяжении XIX—XX вв. все исследователи отмечали плачевное состояние памятника: на городище в течение многих лет производилась добыча металлического лома, костей для костемольного завода, а также камня и кирпича для строительства домов посада Дубовки, значительная часть площади городища была распахана и занята садовыми участками. В 40-х годах XX в. в центральной части городища было сооружено несколько антиэрозийных валов, которые насыпались при помощи землеройной техники из культурного слоя городища. В 1987 г. по инициативе местного лесхоза практически вся площадь городища была пропахана на глубину до 25 см. В середине XX в. в связи со строительством Волжской ГЭС и созданием Волгоградского водохранилища, началось интенсивное разрушение Водянского городища, в результате чего вся прибрежная часть средневекового города была полностью уничтожена. Таким

образом, современное состояние памятника таково, что наиболее полное представление о нем можно получить, обратившись к материалам исследований конца XIX — XX вв.

На этом основании интерес представляют планы Водянского городища. Техника их составления с развитием археологии совершенствовалась: на смену глазомерным планам пришли инструментальные и планы, составленные на основе топографических карт. Однако, крупномасштабного топографического плана, на котором были бы нанесены все видимые археологические объекты, до сих пор не существует.

Самым ранним из известных в настоящее время планов Водянского городища является план А. А. Лебедева (Зайковский 1908: 33—44), составленный не позднее второй четверти XIX в. План довольно подробный, на нем четко выделяются, помимо «Водяной балки» и «Земляного вала», три балки с отрогами, а также большое количество объектов — очевидно, остатков каких-то сооружений. При этом отмечена особенно плотная застройка прибрежной части города. В качестве западной и южной его границы указан «земляной вал или окоп», имеющий непрерывную линию, что не согласуется с более поздними наблюдениями и не соответствует современной ситуации. Серьезным недостатком плана можно считать отсутствие масштаба и условных обозначений, в результате чего назначение многих линий на плане сейчас понять довольно трудно (рис. 5).

В 1888 г. Н. С. Соколовым был представлен новый глазомерный план памятника. На нем схематично обозначены контуры «Водяного оврага» и двух других глубоких оврагов, проезжая дорога, пересекающая городище с севера на юг в западной части, а также два вала — внешний и внутренний. Кроме того, на плане указаны «следы больших построек», «водопровода», место раскопа 1888 г., а на северном берегу Водянской балки — границы «предполагаемого древнего кладбища» (рис. 6).

В 1914 г. сотрудником СУАК С. А. Щегловым был составлен еще один глазомерный план (рис. 7). Сопоставление планов Н. С. Соколова и С. А. Щеглова, показывает, что по многим деталям они почти полностью идентичны. Видимо, С. А. Щеглов при составлении нового плана в качестве основы использовал план своего коллеги. Об этом свидетельствует полное совпадение контуров Водянской балки и двух оврагов, «древнего кладбища», сада Челюканова (усадьбы по Н. С. Соколову) и сада (ватаги) Кардева (Киреева), а также контуров внутреннего и внешнего валов. Один из раскопов 1914 г. С. А. Щеглов назвал «холм на мысу», обозначил на плане под №4 и расположил на «языке» между отрогами северной балки. На самом деле, отроги этой балки постепенно смыкаются, образуя своеобразный «остров». Но эта характерная особенность топографии не нашла отражения ни на более ранних планах, ни на планах, составленных позднее.

В 1921 г. новый план городища был составлен Ф. В. Баллодом (рис. 8). На первый взгляд этот план может показаться достаточно совершенным, но при ближайшем рассмотрении выясняется, что он весьма приблизителен и неточен. На нем не представлены условные обозначения, ориентировка, масштаб. Почему-то на план не нанесены балки, рассекающие площадь городища и впадающие в Волгу. Вопреки реальной ситуации, на плане Ф. В. Баллода балки тянутся почти через все городище с юга на север и впадают в Водянскую балку, а те, что впадают в Волгу, вынесены за пределы городища. С очень серьезными искажениями вычерчены контуры глубокого оврага, ограничивающего город с запада. Не совсем понятно, на каком основании Ф. В. Баллод выделяет три района средневекового города. Таких особенностей застройки не отмечали исследователи более раннего периода, не выделяются они визуально и сейчас. Таким образом, несмотря на внешнюю эффектность графического исполнения, план Ф. В. Баллода следует признать самым приблизительным. Тем не менее, интерес представляют обозначенные на нем «слабый культурный слой» и следы «древнего кладбища» на северном берегу Водянской балки, контуры «внутреннего» и «внешнего» валов, а также «большая дорога из Балыклея в Дубовку».

Еще один план Водянского городища был составлен сотрудниками ПАЭ в середине 60-х годов XX в. (рис. 9). При его составлении, несомненно, использовались данные топографической карты. На плане обозначена линия городских оборонительных сооружений — вала и рва, все раскопы ПАЭ 1967—1973 гг., а также один «старый раскоп». По какой-то причине, на этот план не был нанесен раскоп 1914 г., обозначенный в работе С. А. Щеглова как «холм на мысу». Кроме того, создается впечатление, что при его составлении использовалась система относительных привязок. Очевидно, именно поэтому сохранившиеся до настоящего времени раскопы III-68 и I-69 оказались смещенными

Рис. 5. План Водянского городища второй четверти XIX в. по А.А. Лебедеву (по Зайковский 1908: 43—44).

Fig. 5. Plan of the Vodyanskoe fortified settlement, made in the second quarter of 19th century, according to A.A. Lebedev (after Зайковский 1908: 43—44).

на 25 м к западу от их действительного местоположения (рис. 9; 10).

Следует отметить, что за последние годы ситуация на городище существенно изменилась. В результате систематических обвалов берега водохранилища все раскопы ПАЭ, располагавшиеся в прибрежной зоне, полностью уничтожены, исчезло и озеро, находившееся в устье северной балки. Береговая кромка сместилась на 55—60 м к западу, до-

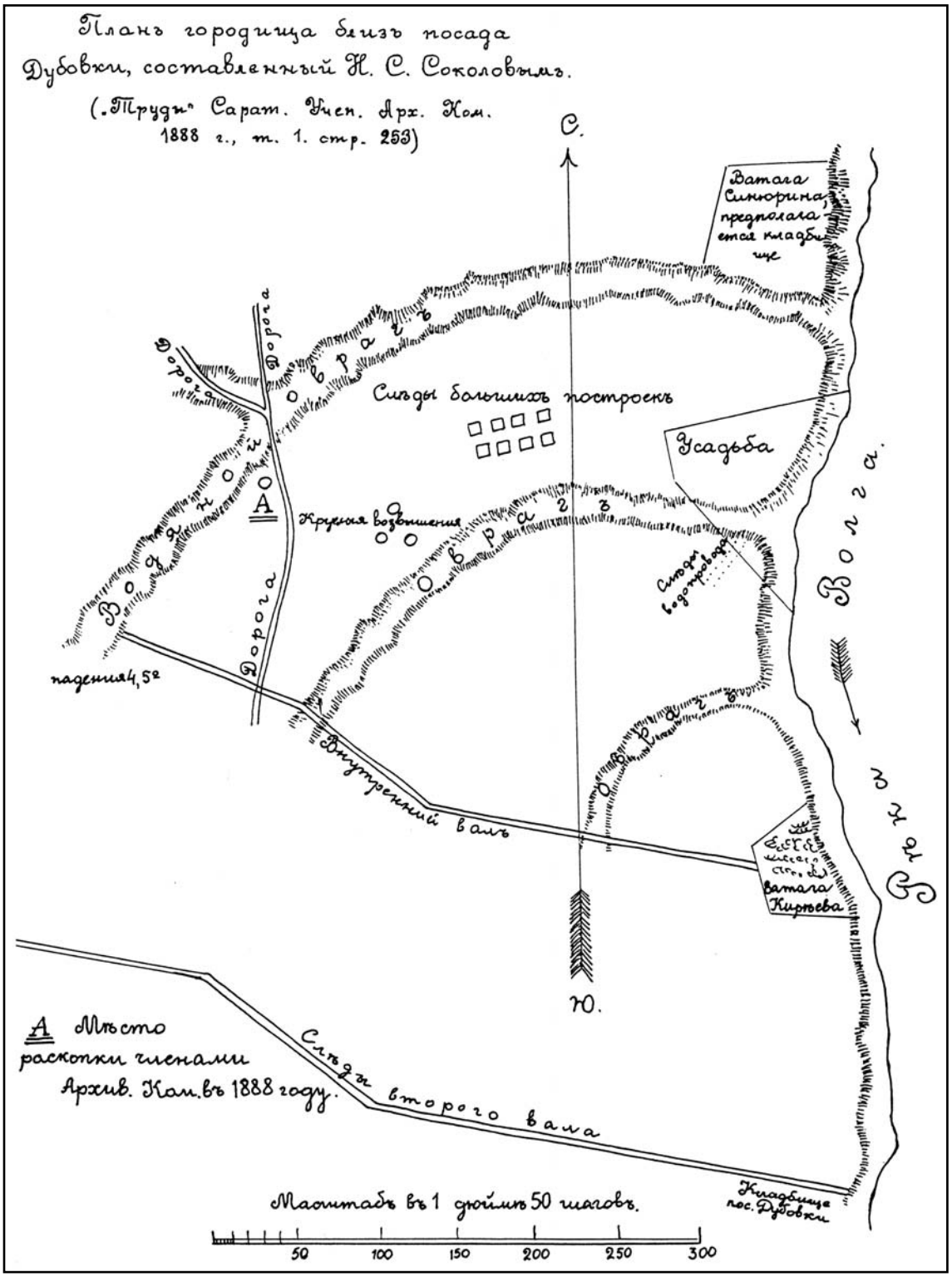


Рис. 6. План Водянского городища 1883 г. (по Соколов 1888: 253).

Fig. 6. Plan of the Vodyanskoe fortified settlement of 1883 (after Соколов 1888: 253).

вольно сильно изменился и абрис южного берега Водянской балки, полностью обвалился северный мыс, на котором располагался раскоп III–69, что нашло отражение на инструментальном плане прибрежной части памятника, составленном в 2002 г. сотрудниками ВААЭ (рис. 9; 10).

Начало археологического изучения городища относится к концу XIX в. С 1888 г. сотрудниками СУАК на территории памят-

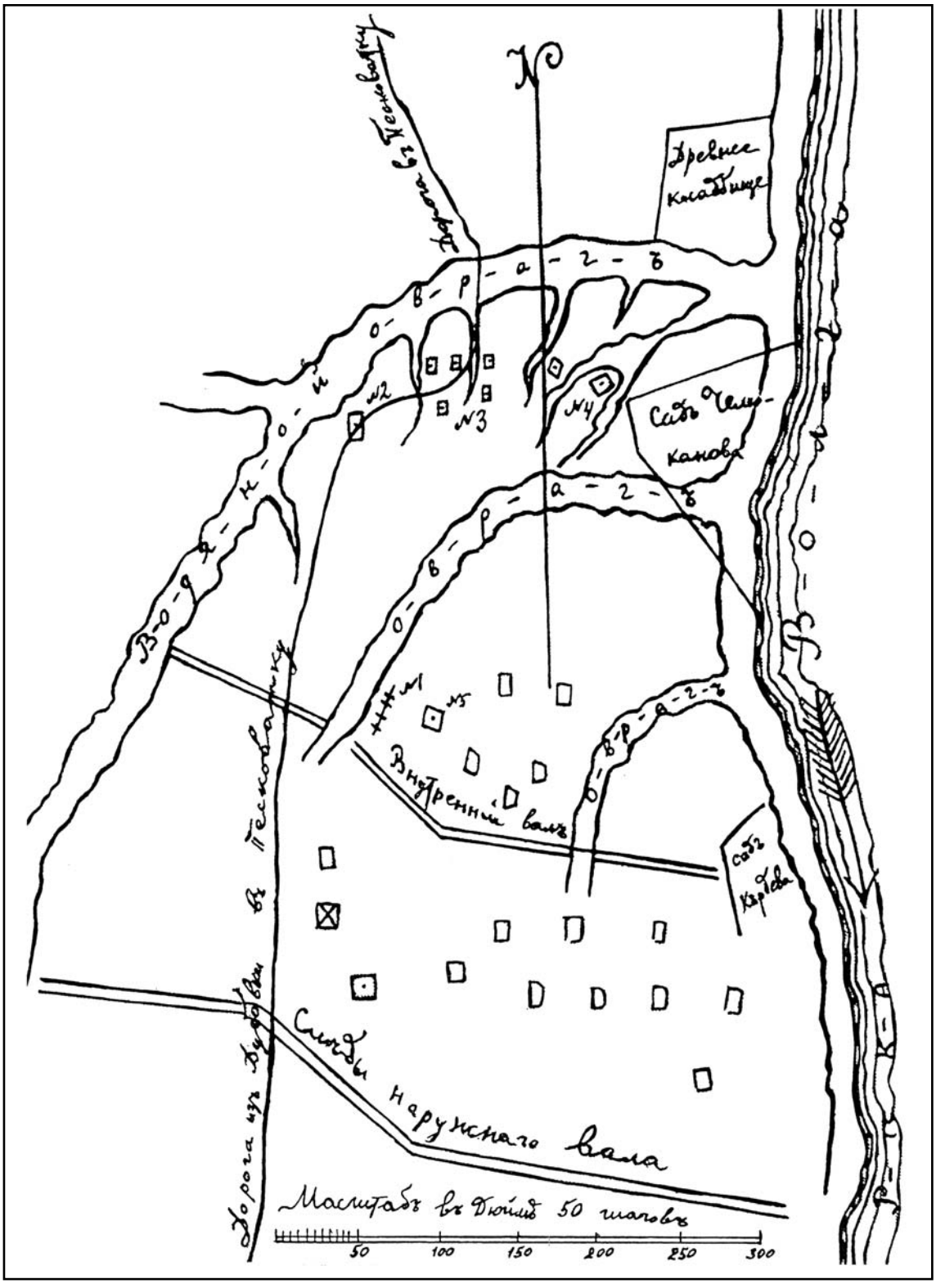


Рис. 7. План Водянского городища 1914 г. (по Щеглов 1915: 147).

Fig. 7. Plan of the Vodyanskoe fortified settlement of 1914 (after Щеглов 1915: 147).

ника проводились раскопки, составлялись описания городища и его глазомерные планы (Соколов 1888: 253—263; Щеглов 1915: 145—152). Первые раскопки позволили исследователям установить, что холмы, расположенные на площади городища, ограниченной внутренним валом и Водянским оврагом, представляют собой остатки жилых золото-

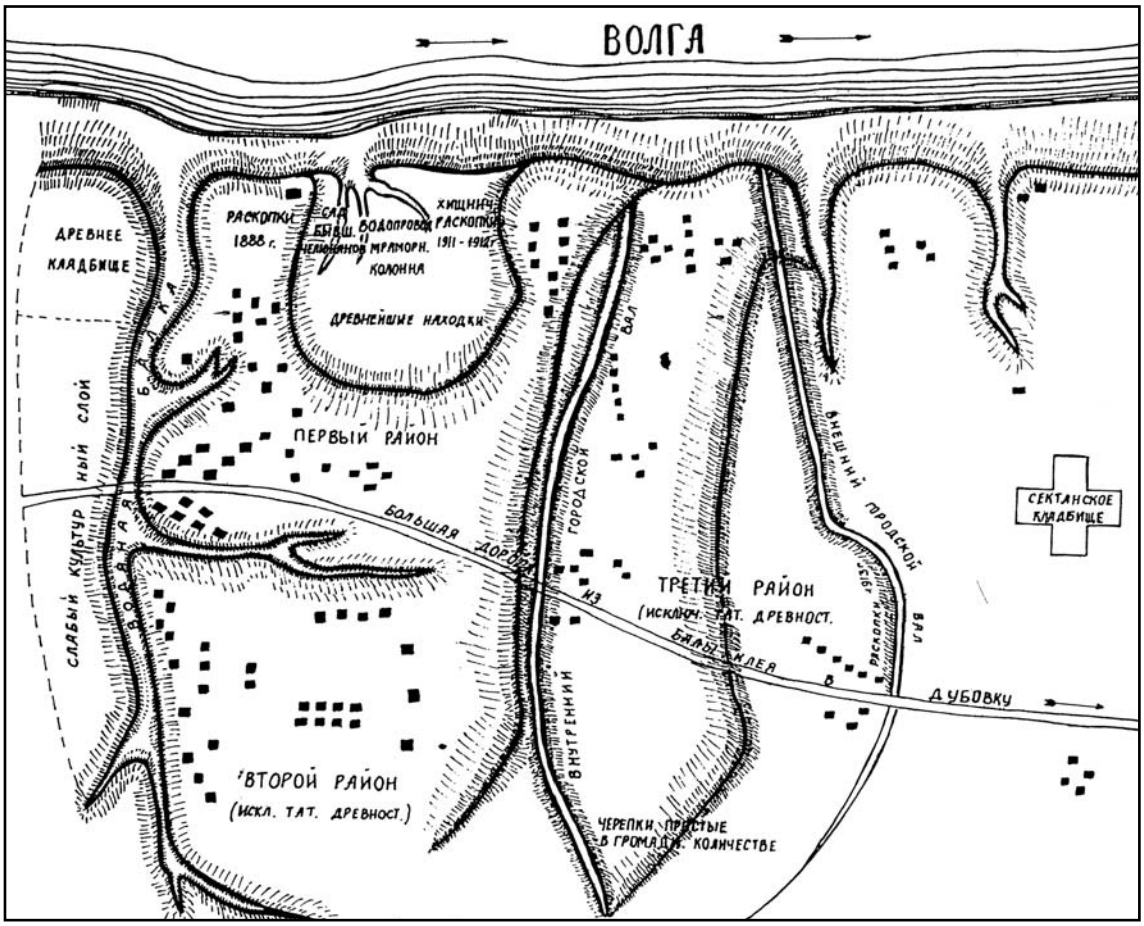


Рис. 8. План Водянского городища 1921 г. (по Баллод 1923: 36, рис. 16).

Fig. 8. Plan of the Vodyanskoe fortified settlement of 1921 (after Баллод 1923: 36, рис. 16).

ордынских сооружений. Кроме того, в центральной части памятника были выявлены остатки выложенного из камня водостока (рис. 6). Вторая экспедиция СУАК провела раскопки на территории памятника в 1914 г. Пять раскопов, заложенных в южной и северной частях городища, выявили несколько безинвентарных погребений (раскоп № 1) и остатки бытовых зданий (раскопы 2—5) золотоордынского времени (рис. 7).

Качественно новый этап в исследованиях Водянского городища связан с работами ПАЭ под руководством Г. А. Федорова-Давыдова. Широкомасштабные раскопки проводились в разных частях памятника, в том числе и на территории разрушающейся прибрежной зоны (Егоров, Полубояринова 1974: 39—79; Мухамадиев 1974: 80—89; Егоров, Федоров-Давыдов 1976: 108—167; Федоров-Давыдов 1994: 32). С 1967 по 1974 гг. на городище было вскрыто более 0,5 га культурного слоя. В западной части городища исследователи выявили большую мечеть, которая действовала в 50—70-х годах XIV в., и выстроенные впоследствии на этом месте мавзолеи. В восточной части городища, в прибрежной полосе, были раскопаны многочисленные жилые, хозяйственные и производственные сооружения (Федоров-Давыдов 1984: 83—95). Кроме того, юго-восточный участок памятника (раскопы II-67, II-68, IV-68 и II-69) обнаружил место проживания русского населения и русское кладбище (рис. 9). За пределами городища, в 400 м южнее внутреннего вала, был раскопан один из множества расположенных здесь холмов. Исследования показали, что он скрывал остатки большого портально-купольного мавзолея. Судя по нумизматическим находкам, его возведение относится к 50—60-м годам XIV в. (Егоров 1980: 74—88).

С 1992 г. и до настоящего времени планомерные охранные раскопки памятника проводит ВААЭ Волгоградского государственного педагогического университета под руководством Е. П. Мыськова. За этот период в прибрежной зоне вскрыто более 0,3 га культурного слоя. Раскопаны большие участки жи-

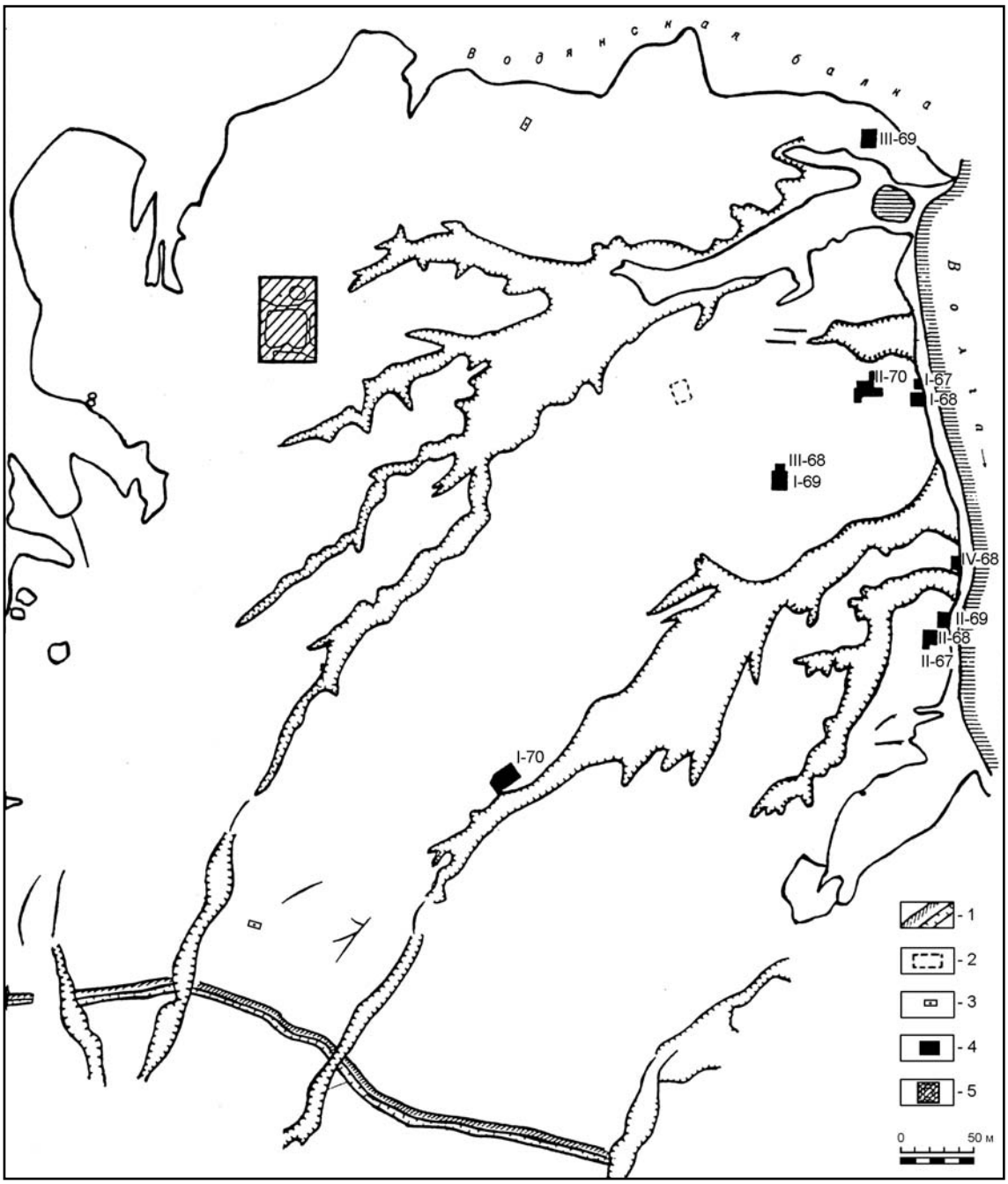


Рис. 9. План Водянского городища 1967 г. (по Егоров, Полубояринова 1974: 40, рис. 1). 1 — ров и вал; 2 — старые раскопы; 3 — охранные знаки; 4 — раскопы ПАЭ; 5 — комплекс мечети.

Fig. 9. Plan of the Vodyanskoe fortified settlement of 1967 (after Егоров, Полубояринова 1974: 40, рис. 1). 1 — moat and rampant; 2 — old excavation trenches; 3 — protective signs; 4 — excavations of Volga archaeological expedition; 5 — mosque complex.

лых кварталов русского и мусульманского населения города, остатки общественных сооружений, выявлен ранний русский поселок и исследованы десятки погребений христианского кладбища (Мыськов 1998: 131—132; 2001: 260—261; 2001а, 123—135; 2001б: 250—261).

Многолетнее систематическое изучение прибрежной зоны городища и анализ полученных материалов позволили установить, что первоначально в северо-восточной части памятника располагался русский поселок (раскопы I-93, I-97, I-98, I-00, I-02), основанный, судя по нумизматическим находкам, в 20-е годы XIV в. и просуществовавший не более 10—15 лет. Однако к середине 30-х гг. XIV в. этот участок нивелируется и застраивается характерными золотоордынскими сооружения-

ми. Русское же население, очевидно, переселяется на юго-восточную окраину возникшего города, где был основан русский квартал (раскопы I-94, I-95, II-00) (рис. 10). Феодальная смута 1360—70-х гг. привела к упадку большинства нижневолжских золотоордынских городов. Раскопки Водянского городища позволяют исследователям отнести к этому периоду из сотен сооружений лишь несколько бытовых комплексов. В 80-е гг. XIV в. отмечается новый подъем в жизни города: в северо-восточной части памятника в результате сплошной планировки поверхности выросли новые городские кварталы регулярной застройки. Площадь этого района не превышала 15 га. Он просуществовал около 15 лет и был разрушен Тимуром в 1395 г., что подтверждается находкой клада серебряных монет в тандыре одного из сожженных домов. После нашествия Тимура 1395 г. этот район города был частично восстановлен. Об этом свидетельствуют несколько случаев прямой стратиграфии и находки медных монет, чеканенных в Хаджи-Тархане в 799 г.х. (1396—97 гг.) с надчеканками в виде треугольника (Мыськов 2004: 296—298).

Большинство исследователей следующим образом определяют границы Водянского городища: с востока средневековый город был ограничен берегом Волги, с запада — глубоким и широким оврагом с очень крутыми, почти отвесными склонами, а с севера — берегом Водянской балки, которая в настоящее время затоплена водами водохранилища, южной границей памятника почти все современные исследователи считают линию оборонительных сооружений, состоящую из оплывшего земляного вала и неглубокого рва. Однако в работе Ф.В. Баллода есть информация о том, что на северном берегу Водянской балки, т.е. за пределами основной территории городища, имеются «слабые следы культурного слоя…», хотя никаких следов построек здесь не зафиксировано. Здесь же на берегу р. Волги Ф.В. Баллодом очерчена площадь, занятая «древним кладбищем» (рис. 8) (Баллод 1923: 41). Примерные границы этого «древнего кладбища» указаны на планах Н.С. Соколова (рис. 6) и С.А. Щеглова (рис. 7).

В 2002 г. сотрудниками ВААЭ была осмотрена площадка мыса, образованного берегом Волги и северным склоном Водянской балки. В обнажении волжского берега здесь выявлены остатки 5 полуразрушенных погребений, а в осыпи берегового обнажения найдены череп и отдельные длинные кости скелетов взрослого человека и ребенка. Череп

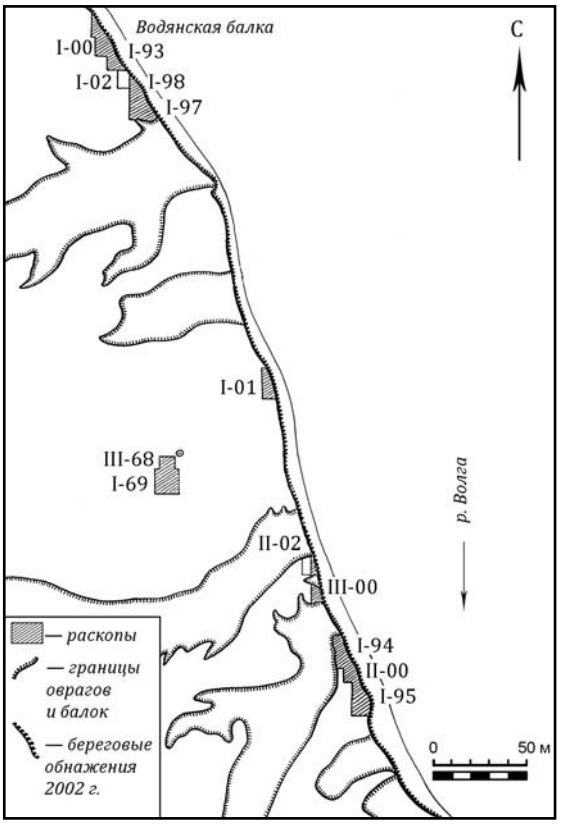


Рис. 10. План прибрежной части Водянского городища 2002 г. (по Мыськов 2002: 137, рис. 1).

Fig. 10. Plan of the riverside part of Vodyanskoe fortified settlement of 2002 (after Мыськов 2002: 137, рис. 1).

принадлежал мужчине 30—40 лет с хорошо выраженными признаками монголоидности[1]. По сообщениям жителей с. Песковатки, в этом месте после обвалов берега постоянно вскрываются погребения. Если учесть, что со времени осмотра городища исследователями конца XIX — начала XX вв. береговая кромка сместилась не менее чем на 40—50 м, то станет ясно, что кладбище на северном берегу Водянской балки занимало большую площадь.

По свидетельствам Н.С. Соколова, С.А. Щеглова и Ф.В. Баллода, через Водянскую балку проходила «большая дорога». Следовательно, еще на рубеже XIX—XX вв. она не была затоплена водой и не являлась серьезной преградой. В связи с этим можно утверждать, что и жители средневекового города могли без особых затруднений перебираться на ее северный берег. Здесь, очевидно, располагалось большое городское кладбище,

[1] Антропологические определения выполнены М.А. Балабановой.

а отдельные участки прибрежной зоны, возможно, были заселены.

С юга Водянское городище не имеет естественных границ. Все исследователи отмечали, что с напольной стороны оно ограничено системой оборонительных сооружений, хотя по вопросам характера и размеров этих сооружений в литературе существуют серьезные расхождения. Существование одного вала отмечают А.А. Лебедев (рис. 5) и сотрудники ПАЭ (рис. 9). Другие исследователи указывали на наличие двух валов (Зайковский 1908; Минх 1901: 769; Арзютов 1936: 108; Щеглов 1915: 145; Баллод 1923: 42), хотя мнения о размерах валов и расстоянии между ними существенно расходятся. По замерам С.А. Щеглова, расстояние между ними — около 500 м, высота внутреннего вала — 1,5—2 м, а внешний «едва заметен». В описании Ф.В. Баллода размеры внутреннего вала примерно соответствуют данным С.А. Щеглова, но по его данным расстояние между валами — около 1 км, причем внешний вал — это более высокое (до 3 м) и мощное сооружение. Разрешить это противоречие в настоящее время невозможно, т.к. никаких следов внешнего вала сотрудникам ВААЭ обнаружить не удалось. По-видимому, он был полностью уничтожен при посадке лесного массива, сооружении антиэрозийных валов и строительстве нового жилого микрорайона г. Дубовки.

Очевидно, именно поэтому в работах всех исследователей второй половины XX в. речь идет только об одном оборонительном вале, причем, в литературе последних десятилетий заметна постепенная трансформация идеи о его «недостроенности» от предположения (Егоров, Полубояринова 1974: 39) до утверждения (Егоров 1985: 110; Федоров-Давыдов 1994: 43). Современное состояние внутреннего оборонительного вала Водянского городища не дает никаких оснований для подобных заключений. Прежде всего, его концы упираются в глубокие овраги, ограничивающие городскую территорию с запада и юго-востока. Хотя в западной части вал сильно поврежден в результате хозяйственной деятельности и в нескольких местах прорезан отрогами балок, можно не сомневаться в том, что в XIV в. он представлял собой непрерывную линию. Об этом убедительно свидетельствует то, что неглубокий ров у южного ската внутреннего вала отчетливо прослеживается на всем его протяжении.

Внутренний вал насыпан из материковой супеси с большой примесью гравия, без находок. Он сильно оплыл, высота его в настоящее время не превышает 1,5 м, общая протяженность — 450 м. Максимальная глубина рва — до 1 м, он заполнен очень плотной темно-серой супесью с отдельными фрагментами керамики и единичными обломками костей животных. Современное состояние вала и рва свидетельствует о том, что первоначальная высота этой системы оборонительных сооружений (от дна рва до вершины вала) была не менее 3 м, и в случае военного нападения она вполне могла выполнять функции передовой линии обороны. В связи с этим довольно трудно согласиться с точкой зрения, согласно которой подобная внешняя фортификация играла роль не столько военной защиты, сколько административной границы города (Федоров-Давыдов 1994: 43). Это предположение кажется тем более маловероятным, если учесть, что Водянское городище было ограничено не одним, а двумя валами. Вряд ли было целесообразно затрачивать большие силы и значительные средства для создания столь монументальной административной границы городской территории.

Вопрос о времени возникновения средневекового города на месте Водянского городища пока еще не решен окончательно. По мнению некоторых исследователей, он существовал уже в XIII в., и именно его посещал Гильом Рубрук в 1253 г. (Баллод 1923: 43; Полубояринова 1972: 164—187; Егоров, Полубояринова 1974: 66—67; Мухамадиев 1974: 80; Федоров-Давыдов 1984: 92; Егоров 1985: 76). Другие считают, что город был основан не ранее начала XIV в. (Зайковский 1908: 42; Мыськов 2001б: 259). Последняя точка зрения в настоящее время представляется более обоснованной, т.к. среди многих тысяч серебряных и медных монет, собранных в разные годы на Водянском городище, только одна, предположительно, может быть отнесена к XIII столетию (Егоров, Федоров-Давыдов 1976: 166). Все остальные монеты — XIV в. (Клоков, Лебедев 2000: 56—173). Кроме того, можно считать установленным, что маршрут Гильома Рубрука и его спутников проходил гораздо севернее, через Воронежский край, и путешественники «переправлялись через Дон в среднем его течении, где имелось постоянное русское население» (Кожемякин 1966: 46—52).

Таким образом, на основании многочисленных нумизматических находок, можно с большой долей вероятности предположить, что золотоордынский город на месте Водянского городища возник не ранее начала XIV в., скорее всего, в первые годы правления хана Узбека. Убедительных данных,

подтверждающих основание города в XIII в., в нашем распоряжении нет. Археологические и нумизматические данные позволяют утверждать, что гибель города не была одномоментной, связанной с нашествием Тимура. Частично восстановленный, он продолжал существовать какое-то время и после 1395 г.

Анализ и сопоставление разновременных планов памятника и проведенные в 2002 г. дополнительные исследования позволяют уточнить границы городища. В частности, Водянская балка является весьма условной северной границей города, т. к. за ней располагалось большое средневековое кладбище, несомненно связанное с городом, а также отдельные участки слабонасыщенного культурного слоя. Кроме того, данные, представленные в работах исследователей XIX в., не оставляют сомнений в том, что во время функционирования средневекового города его южные пределы были ограничены двумя валами, которые имели не административный, а оборонительный характер. К тому же, постепенно утвердившееся среди специалистов мнение о недостроенности оборонительного сооружения не соответствует действительности. Что касается внешнего вала, упоминаемого в работах авторов XIX—XX вв., то он, видимо, полностью разрушен в результате хозяйственной деятельности жителей г. Дубовки, хотя сам факт его существования сомнений не вызывает.

Вскрытие больших площадей в ходе планомерных охранных раскопок, углубленное изучение археологических и нумизматических материалов позволяют скорректировать представления об основных этапах развития этого средневекового города. I-й — догородской этап (20-е — середина 30-х годов XIV в.) — характеризуется существованием на северо-восточной окраине городища небольшого поселка. Его население составляли русские, переселенные сюда, видимо, по распоряжению ханской администрации. II-й этап — основание и расцвет города (30-е — 50-е гг. XIV в.) — связан с началом и расширением масштабов строительства. Город занимает около 50 га и имеет плотную застройку с многочисленными жилыми, культовыми и общественными сооружениями. Русское же население переселено на юго-восточную окраину, где возник обособленный русский квартал. III-й этап — упадок города (60-е — 70-е гг. XIV в.) — в это время большинство общественных сооружений забрасывается и постепенно разрушается. IV-й этап — временный подъем (80-е — начало 90-х гг. XIV в.) — характеризуется активизацией строительства в северной части городища с возведением новых кварталов регулярной застройки. V-й этап — постепенное затухание жизни города после погрома войсками Тимура 1395 г. Нумизматические находки показывают, что самые поздние сооружения следует датировать рубежом XIV—XV вв.

Кроме того, материалы исследований Водянского городища позволяют предположить, что в прибрежной части города располагались ремесленные кварталы, где проживали средние слои городского населения, а также общественные сооружения. В северо-западной части, видимо, размещались усадьбы городской знати. Они располагались на некотором возвышении и доминировали над городом. Здесь же располагалась соборная мечеть.

Средневековый город на месте Водянского городища имел несколько некрополей, расположенных как в городской черте, так и в пригороде. Так, на южной окраине города существовал пригородный могильник, состоявший из группы мавзолеев, фундаменты и развалины стен которых при визуальном осмотре местности фиксируются и сейчас. На северном мысу Водянской балки явно функционировало большое городское кладбище. Часть русского кладбища была исследована в 1989 г. в центральной части прибрежной зоны городища. Несколько безинвентарных захоронений, расположенных правильными рядами у северного склона оборонительно вала, были выявлены экспедицией СУАК 1914 г. На основании исследований ПАЭ можно сделать вывод, что обширное кладбище и ряд мавзолеев располагались южнее городской мечети.

Терновское городище и селище

Терновское городище расположено в 17 км севернее г. Камышина Волгоградской области, на высоком берегу Волги (рис. 1). Этот небольшой по площади памятник в меньшей степени пострадал от хозяйственной деятельности человека, чем другие золотоордынские городища. Однако и здесь в конце XX в. при прокладке линии водовода была снивелирована северная часть валов и проложена грунтовая дорога к берегу Волги.

Впервые Терновское городище было осмотрено членом СУАК Б. В. Зайковским в 1909 г., который отметил, что городище занимает мыс, ограниченный двумя оврагами с севера и юга, восточная сторона примыкает к Волге, а западная — защищена двумя прекрасно сохранившимися валами. Площадь

городища усеяна неглубокими округлыми ямами, имеющими форму блюдца и, очевидно, представляющими следы жилищ. За несколько часов, проведенных на городище, Б.В. Зайковский обнаружил 3 каменных наконечника стрел, несколько бусин и «архаических» черепков, рыболовные грузила, «много татарских черепков» и золотоордынскую монету хана Менгу-Тимура, чеканенную в 1280 г. Впоследствии, по поручению Б.В. Зайковского, учительницей с. Терновки С.М. Никольской на городище была собрана интересная коллекция древностей, причем большая часть находок представлена предметами эпохи бронзы. Только небольшая часть находок относилась к эпохе средневековья (Баллод 1923: 51). В 1920 г. первые археологические раскопки на городище проводила экспедиция под руководством Ф.В. Баллода. Членами экспедиции было дано описание местности, где располагался памятник, и составлен его достаточно подробный топографический план (рис. 11). Для выяснения культурной принадлежности памятника и мощности культурного слоя в разных частях городища были заложены разведочные траншеи, в том числе и на западной окраине памятника, вразрез оборонительных сооружений, для уточнения их мощности и структуры. В целом, было заложено 24 траншеи, общей площадью около 60 м². Наиболее интересными находками золотоордынского времени являлись: полтора десятка фрагментов красноглиняных сосудов, 3 железных гвоздя «татарского типа» и фрагмент стенки чугунного котла. Причем, в юго-западной части памятника находки золотоордынской эпохи отсутствовали. В то же время, почти каждая разведочная траншея содержала предметы, относящиеся к эпохе средней бронзы (Баллод 1923: 48—58).

По данным Ф.В. Баллода, городище представляет собой прямоугольник со сторонами 110×97 м, слегка вытянутый по линии Запад — Восток. С востока его омывает Волга, с юга и севера расположены глубокие овраги, на западе оно ограничено двойным рядом валов и рвов, длина которых составляет 106,5 м, максимальный перепад высот от дна рва до вершины вала — около 11 м. На основании этих сведений можно уверенно говорить, что площадь городища составляла менее 1,1 га без учета площади, занятой системой оборонительных сооружений — валами и рвами (Баллод 1923: 52).

В 1967—1970 годах изучением Терновского городища занимался Г.Н. Шендаков (Шендаков 1967; 1968: 93—94). В ходе работ в зоне систематических обвалов берега был получен материал, относящийся к различным археологическим культурам и эпохам. Наиболее мощным и насыщенным артефактами оказался культурный слой эпохи средней бронзы, в то время как золотоордынский период представлен немногочисленными находками. Эти данные позволили Г.Н. Шендакову сделать вывод, что «Терновское городище следует считать памятником катакомбной культуры».

Исследователи 80—90-х гг. XX в. бесспорно относили Терновское городище к памятникам средневековой городской культуры. Так, В.Л. Егоров включил Терновское городище в перечень золотоордынских населенных пунктов бассейна Волги и отнес его к городам, названия которых неизвестны (рис. 1). Г.А. Федоров-Давыдов также считал Терновское городище небольшим золотоордынским городом.

В 2000 г. городище было осмотрено Л.В. Гуренко и А.В. Кияшко. На поверхности памятника в районе валов и рвов, а также в береговых обнажениях ими были обнаружены фрагменты керамики, относящиеся исключительно к эпохе средней бронзы. Материалов золотоордынского времени встречено не было. В результате исследователями был подтвержден вывод о том, что «Терновское городище относится к среднедонской катакомбной культуре» (Гуренко, Кияшко, Шендаков 2001: 399—402).

Таким образом, со времени открытия Терновского городища этот памятник интерпретируется то как золотоордынское городище, то как поселение эпохи бронзы. Причем в археологической литературе, посвященной золотоордынской тематике, Терновское городище неоднократно представлялось как памятник средневековой городской культуры. В настоящее время эта точка зрения вызывает ряд возражений.

По особенностям своего расположения на высоком берегу Волги, на участке, ограниченном глубокими оврагами и оборонительными сооружениями со стороны степи, Терновское городище действительно напоминает золотоордынские городища нижневолжского правобережья. Однако имеется и ряд существенных отличий. Во-первых, площадь Терновского городища составляет всего около 1 га, в то время как площадь других провинциальных золотоордынских городов Нижнего Поволжья, таких как Мечетное и Водянское — около 50 га. Во-вторых, на Терновском городище, так же, как и на большинстве других золотоордынских памятников, имеется система

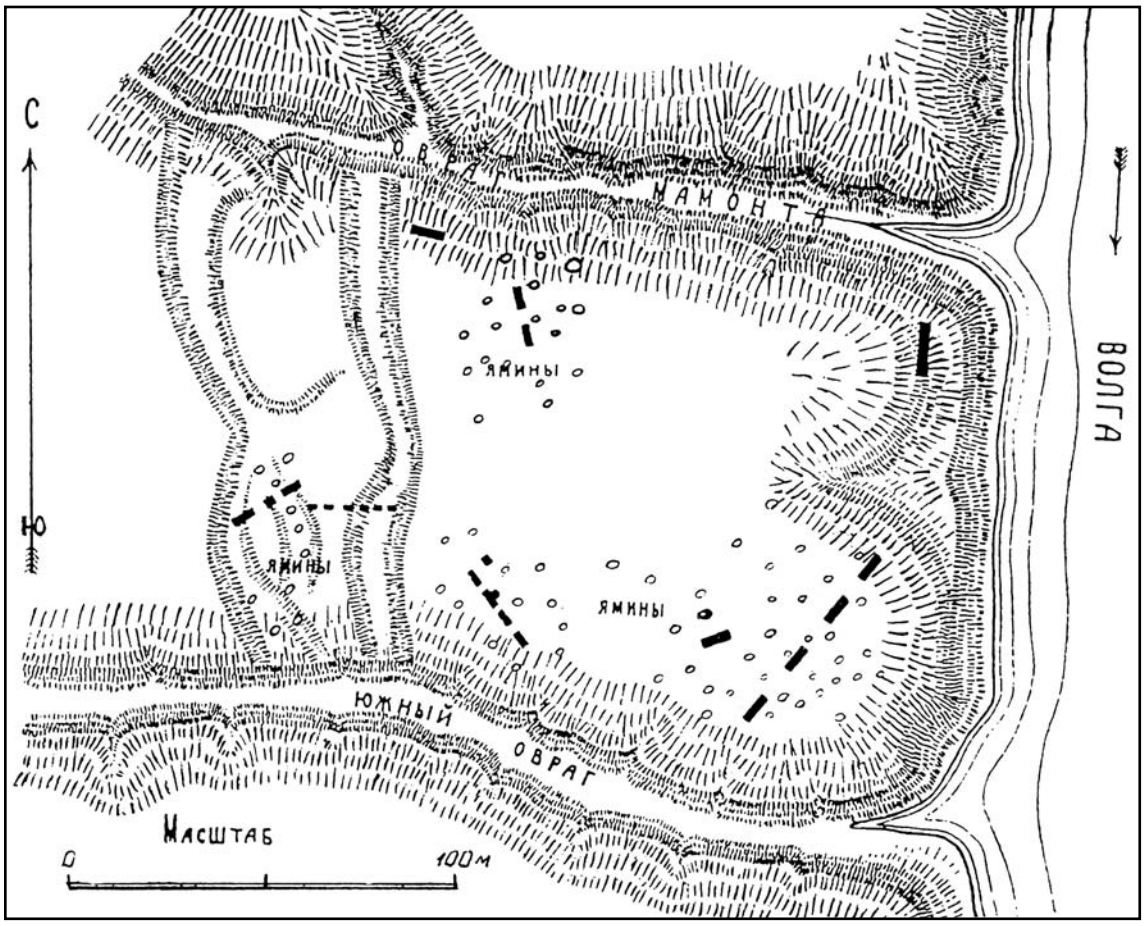


Рис. 11. План Терновского городища 1920 г. (по Баллод 1923: 44, рис. 17).

Fig. 11. Plan of the Ternovskoe fortified settlement of 1920 (after Баллод 1923: 44, рис. 17).

обороны в виде двойной линии валов и рвов. Однако общая высота оборонительных сооружений Терновского городища, по данным Ф.В. Баллода, составляет 11 м от дна рва до вершины вала, что совсем не характерно для золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Так, перепад высот оборонительных сооружений Увека составляет около 5 м, а Водянского и Царевского городищ не превышает 3 м (от дна рва до вершины вала). В-третьих, по наблюдениям Ф.В. Баллода, внутренний вал Терновского городища был насыпан из гравия и песка, а наружный — из песка и камня. Никаких находок в насыпях валов не обнаружено, культурный слой был выявлен только на их поверхностях (Баллод 1923: 56—57). Следовательно, строительство этих оборонительных сооружений относится к самому раннему периоду существования данного археологического памятника, в то время как на других нижневолжских золотоордынских городищах (Селитренном, Царевском, Водянском) возведение оборонительных валов и рвов относится к периоду Великой замятни, т.е. ко времени 60—70-х гг. XIV в. (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев 1970: 71; Егоров 1985: 10, 113; Федоров-Давыдов 1994: 42—43). В-четвертых, и это самое главное, обнаруженные на Терновском городище предметы золотоордынской эпохи буквально единичны. Подобная ситуация не характерна для средневековых городищ Нижней Волги, культурный слой которых густо насыщен артефактами, свидетельствующими об интенсивной хозяйственной и строительной деятельности их жителей.

Наиболее массовой категорией находок, относящихся к периоду позднего средневековья, является керамика. Археологические разведки и раскопки нижневолжских золотоордынских городищ, просуществовавших не одно десятилетие, обычно позволяют получить сотни фрагментов красноглиняной поливной и неполивной керамики с каждого квадратного метра. Другой особенностью, которая отмечается исследователями средневековых городов золотоордынского перио-

да, является насыщенность культурного слоя остатками строительных материалов. Всех этих массовых свидетельств активной городской жизнедеятельности средневековый культурный слой Терновского городища не содержит. Чрезвычайно беден он и нумизматическим материалом.

Таким образом, сопоставив топографические данные, особенности фортификационных сооружений, характер и массовые находки ряда золотоордынских городищ Нижнего Поволжья и Терновского городища, можно утверждать, что последнее не являлось средневековым городским центром. Очевидно, это было небольшое поселение, занимавшее только прибрежную часть памятника, площадью не более 2000 м². Скорее всего, на нем никогда не было капитальных жилых и общественных сооружений. Учитывая, что обследования памятника последних лет фактически не выявляют находок золотоордынского времени, даже такой обычно массовой категории, как керамика, можно предположить, что остатки средневекового слоя в настоящее время уничтожены обвалами берега Волги. Вряд ли можно отнести Терновское городище и к специализированным средневековым ремесленным поселениям, которые выделяет в своей классификации В.Л. Егоров (рис. 1), так как никаких свидетельств какой-либо ремесленной деятельности здесь не обнаружено. Можно считать установленным, что сооружение валов и рвов Терновского городища относится к эпохе среднего бронзового века и не имеет никакого отношения к немногочисленным находкам эпохи средневековья.

Сложным является вопрос о времени существования этого населенного пункта. Единственная нумизматическая находка, которую уверенно можно связать с данным памятником — это монета 1280 г., обнаруженная Б.В. Зайковским на поверхности городища. Другие монеты происходят из коллекции, переданной СУАК местной учительницей. К сожалению, ни одного пула или дирхема не было получено в результате археологических исследований.

Ф.В. Баллод приводит противоречивые сведения о начале монетного периода Терновского поселения. В одном случае он приводит данные Б.В. Зайковского, в другом — объединяя городище и селище у устья реки Терновки — обозначает монетный период с 1310 по 1406 гг. (Баллод 1923: 51, 97). Таким образом, можно предположить, что небольшой населенный пункт золотоордынского времени на территории Терновского городища возник не ранее конца XIII века и, судя по бедности культурного слоя, просуществовал совсем недолго. Вполне вероятно, что жители поселка вскоре переселились на южный мыс, у устья р. Терновки, и именно здесь выросло значительное по площади поселение золотоордынского времени, вошедшее в археологическую литературу под названием «Терновское селище». Тем более что расстояние между городищем и селищем составляет всего около 2,5 км.

Впервые селище в устье р. Терновки, на ее левом берегу, было обнаружено в ходе экспедиции 1920 г. под руководством Ф.В. Баллода, который отнес его к золотоордынской эпохе. Необходимо отметить, что в своей монографии Ф.В. Баллод упоминает о небольшом золотоордынском поселении и на правом берегу р. Терновки, но особое внимание им было уделено изучению левобережного селища. Так же, как и на городище, здесь была произведена археологическая разведка по выявлению характера и культурной принадлежности памятника, составлен топографический план и дано описание местности.

Терновское селище располагается на мысу, ограниченном с юго-запада рекой Терновкой, с юга — Волгой, а с северо-востока — глубоким оврагом, за которым расположен т.н. «бугор мертвецов» — могильник, очевидно связанный непосредственно с селищем. С севера, со стороны степи вход на памятник ограничен отрогами балок, но никаких следов оборонительных сооружений здесь не выявлено. Таким образом, площадь селища, ограниченная пунктиром на плане Ф.В. Баллода, почти в 10 раз превышает площадь городища и составляет 10,2 га (рис. 12).

Экспедицией Ф.В. Баллода на территории селища, в разных частях памятника было заложено 8 траншей (рис. 12). В результате удалось выяснить, что данный памятник, очевидно, однослойный, культурный слой на всей площади однородный, без следов каких-либо сооружений, мощностью до 0,7 м. Основными находками на селище были многочисленные фрагменты красноглиняной золотоордынской неполивной керамики. Ф.В. Баллод особо отметил среди фрагментов керамики десяток «черепков из грубой глины и довольно грубой отделки» и отнес этот материал к гунно-печенежскому времени. Кроме массового керамического материала, здесь было найдено 11 грузил для рыболовных сетей, 3 пряслица, бусина «татарского типа» и несколько монет хана Джанибека. Самая ранняя из них — медная монета с изображением двуглавого орла, ошибочно отнесенная Ф.В. Баллодом ко времени правления хана

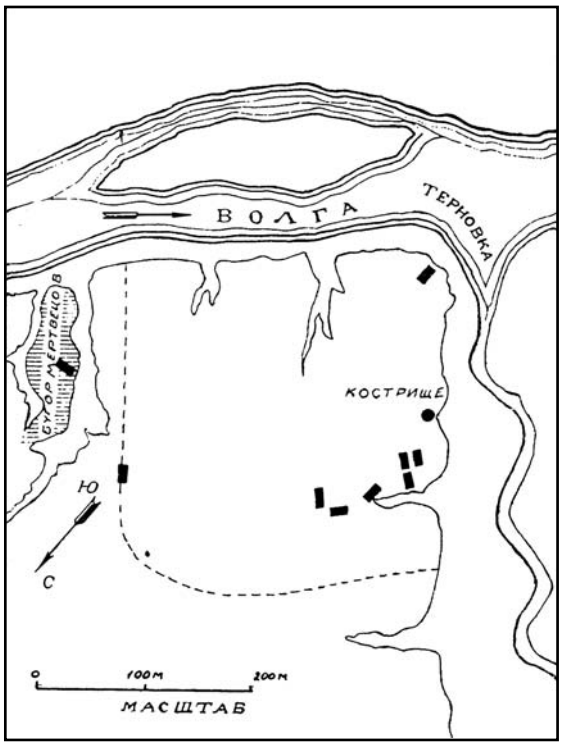


Рис. 12. План Терновского селища 1920 г. (по Баллод 1923: 49, рис. 18).

Fig. 12. Plan of the Ternovskoe fortified settlement of 1920 (after Баллод 1923: 49, рис. 18).

Рис. 13. Карта-схема расположения Терновского городища и селища 1966 г. (по Шендаков 1966: 3). 1 — курганы; 2 — курганный могильник; 3 — грунтовый могильник; 4 — древнее поселение; 5 — разрушенное древнее поселение.

Fig. 13. Schematic map of the location of Ternovskoe fortified and open settlement of 1966 (after Шендаков 1966: 3). 1 — barrows; 2 — barrow necropolis; 3 — ground necropolis; 4 — ancient settlement; 5 — destroyed ancient settlement.

Узбека, — чеканена в 40-е годы XIV века, а самая поздняя — серебряный дирхем 1354 года (Баллод 1923: 48—50).

В 1966 году на селище проводились разведочные работы Г. Н. Шендаковым. Им был составлен план расположения археологических памятников на правобережье Волги, в том числе Терновского городища и селища (рис. 13). Г. Н. Шендаков отмечал, что часть поселения распахана и на нем произведены лесопосадки. В результате на поверхности было обнаружено большое количество красноглиняной керамики и хозяйственных предметов золотоордынского времени (Шендаков 1966: 3). В 70—80-х годах Г. Н. Шендаковым неоднократно осуществлялся здесь сбор подъемного материала. Согласно его устному сообщению, основную часть находок на селище по-прежнему составляла золотоордынская красноглиняная керамика.

В 1997 г. Терновское селище было осмотрено Е. П. Мыськовым и автором работы. Материал, собранный на поверхности памятника и в береговых обвалах, оказался разнообразным, весьма многочисленным и относился к золотоордынскому времени. В составе подъемного материала выделялась большая серия специфической лепной керамики в виде баночных и слабопрофилированных сосудов без орнамента (Ильина, Мыськов 2000: 65—66). С этой керамической коллекцией ознакомился Ю. А. Зеленеев, по мнению которого, эта посуда по формам и технологии изготовления аналогична керамике мордовских бытовых памятников XIII—XIV вв. В то же время необходимо отметить, что фрагменты красноглиняных сосудов с Терновского селища составили не более 10% от общего количества собранного здесь керамического материала. Обращает на себя внимание и тот факт, что и раскопки, и разведки на территории селища разных лет не выявили здесь остатков сырцовых и жженых кирпичей, которые свидетельствовали бы о постройках, характерных для других золотоордынских городов и поселков.

В ходе обследования 1997 г. в береговых обнажениях, севернее «бугра мертвецов»,

был выявлен золотоордынский культурный слой протяженностью в несколько десятков метров. Следовательно, можно утверждать, что площадь Терновского селища была гораздо большей, чем предполагал Ф.В. Баллод.

Таким образом, в археологической литературе XX в. утвердилось представление о Терновском городище как памятнике городской культуры золотоордынского времени. Однако анализ данных, полученных в ходе разновременного изучения памятника, дает основание предположить, что городище, в своей основе, является памятником эпохи средней бронзы. Средневековый же слой представлен на его площади эпизодически, в основном в северо-восточной части городища, он маломощен и слабо насыщен артефактами. Учитывая, что в последние годы и в этой части городища находок золотоордынского времени не обнаружено, можно предположить, что остатки этого средневекового населенного пункта обрушились в Волгу. На этом основании данный археологический памятник следует исключить из числа средневековых городов золотоордынской эпохи Нижнего Поволжья.

Что касается Терновского селища, необходимо заметить, что об этом памятнике в современной археологической литературе никакой информации практически нет. Между тем, в плане археологического изучения специалистами в области золотоордынской проблематики, Терновское селище представляется весьма перспективным, так как оно занимает значительную площадь, имеет хорошо выраженный и насыщенный культурный слой золотоордынского времени. Опираясь на материалы, полученные в ходе изучения памятника, можно с большой долей вероятности предполагать, что основу населения Терновского селища в золотоордынское время составляла именно мордва.

Увекское городище

Увекское городище располагается на южной окраине г. Саратова, на правом высоком берегу Волги. В настоящее время городище почти полностью уничтожено в результате хозяйственной деятельности местного населения и абразии волжской береговой линии. Кроме того, на горе Увек, у подножия и на склонах которой располагался средневековый город, периодически происходят оползни.

Исследователи XIX в. отмечали сложный рельеф местности, где располагался золотоордынский город. По их сообщениям, гора Увек мысом поднимается над Волгой, имеет достаточно пологий северный склон, спускающийся к р. Увековке, крутой юго-восточный склон, прорезанный оврагами, и неровные восточные скаты, ведущие к берегу Волги. При этом восточный склон отстоит от берега реки приблизительно на 30 м. На гребне горы находится куполообразный холм, получивший у местных жителей название «Каланча», а «уступ в половине спуска» получил наименование «Шихан» или «Мамаев Шихан» или «Мамаев курган» (Саблуков 1882: 357; Голицын, Краснодубровский 1890: 96—98).

В 1769 г. на городище побывали участники научных экспедиций, академики И.И. Лепехин и И.П. Фальк. И.И. Лепехин писал, что Увекское городище «находится на самом Волжском берегу… С юго-западной стороны с высокой горы Шихан начинается земляной вал, который идет наискось до самой Волги к пополудню. Высота его, судя по отлогости, не более двух саженей. Других укреплений не видно» (Лепехин 1821: 400). И.П. Фальк оставил в своем путевом дневнике об Увекском городище следующую запись: «Ниже Саратова… видны еще следы бывшего города, состоящие во рве и вале, занимающих у речки и буерака место в 400 сажень» (Фальк 1824: 118).

Одним из первых, кто обратился к монетному материалу с Увекского городища, был академик-востоковед Х.М. Френ (Френ 1832: 45). Он предложил локализовать золотоордынский город Укек на месте Увекского городища близ г. Саратова и выдвинул предположение, что «самое раннее указание о существовании Укека должно относиться к середине XIII в. (около 1267 г.)», а гибель города связана с нашествием Тимура (Френ 1911: 3—16).

В 40-е гг. XIX в. памятник привлек внимание казанского ученого Г.С. Саблукова, который впервые заключает город в «границы в виде треугольника». Изучив нумизматическую коллекцию из 2000 золотоордынских монет, найденных на территории Увекского городища, он определил монетный период существования средневекового города с 1291 по 1375 гг.

Во второй половине XIX в. на Увеке проводятся археологические разведки и раскопки (Минх 1879, №220; Пономарев 1879: 322—327; 1891: 1). Согласно сведениям археолога из Казани П.А. Пономарева, остатки средневекового города располагались на нижней террасе горы Увек, которая до активного наступления Волги составляла площадку шириной до 500 м. С юга городище было огра-

ничено линией вала и рва, длиной до 230 м при глубине рва около 1,5 м. Анализируя письменные источники, П. А. Пономарев пришел к выводу, что Увек существовал приблизительно с 1264 г., когда его видели родственники Марко Поло, до 1395 г., когда город был разорен Тамерланом.

Большое внимание Увекскому городищу уделяла СУАК. Ее члены Л. Л. Голицын и С. С. Краснодубровский отмечали, что в северо-западной части памятника, в районе сада А. Я. Шабловского, располагалось древнее кладбище. К северо-востоку от него находилось «городское предместье, заселенное беднейшими жителями». С западной стороны «Мамаева кургана» от горы Каланчи к югу тянулась линия оборонительных сооружений, наибольшая высота которых в западной части от дна рва до вершины вала составляла более 5 м. Причем в систему линии обороны Л. Л. Голицын и С. С. Краснодубровский включали и сам курган, на котором они обнаружили остатки сооружений из золотоордынского кирпича, и два параллельных холма, прилегающих к «Мамаеву кургану» с запада. Между холмами исследователи отметили наличие культурного слоя. У западного подножия холмов располагался пригородный могильник (Голицын, Краснодубровский 1890: 94—98).

В 1915 г. член археологической секции СУАК А. А. Кротков завершил работу по составлению глазомерного плана Увекского городища, который, к сожалению, по каким-то причинам не был опубликован своевременно. Впоследствии план затерялся, но недавно был обнаружен Н. М. Маловым в архиве И. В. Синицына и опубликован (Малов 2003: 40).

На плане отражена сложная топографическая ситуация на месте расположения Увекского городища в начале XX в. (рис. 14). Согласно наблюдениям А. А. Кроткова, памятник располагался на мысу и тянулся довольно узкой полосой вдоль берега Волги, а также занимал нижние террасы склонов горы Увек с расположенной здесь господствующей высотой — горой «Каланча». Северная граница средневекового города на плане не обозначена. Южной границей, очевидно, являлся ряд возвышенностей — «бугров» и линия вала и рва. Восточная оконечность этой фортификационной линии, видимо, была уничтожена в результате строительства усадьбы и складов Нобеля. Основная часть золотоордынского города ограничена А. А. Кротковым линиями в виде равнобедренного треугольника, вершиной которого является гора «Каланча», а основанием — берег Волги. К началу XX в. прибрежный район серьезно пострадал в результате строительства здесь поселка Набережный Увек, распашки земель под поселковые бахчи и устройства карьера РУЖД. Тем не менее, на плане обозначены выявленные и раскопанные здесь в разные годы остатки городских сооружений (№ 24, 26, 29), хозяйственных построек (№ 25, 27), металлообрабатывающей мастерской (№ 23) и участок золотоордынского кладбища, частично уничтоженного постройками во владениях Нобеля. По мнению А. А. Кроткова, на территории, занятой бахчевыми культурами, располагалась центральная торговая площадь средневекового города (№ 28). За пределами оборонительного вала обозначены горны для обжига керамики и кирпича, а также пригородный могильник (№ 18—22). На северной окраине города отмечены места находок христианских древностей (№ 33). У береговой кромки А. А. Кротков обозначил обнаруженные исследователями остатки золотоордынского сооружения и места находки культовых сосудов (№ 31; 34). К сожалению, на плане А. А. Кроткова отсутствует масштаб, что, безусловно, ограничивает его информативные возможности. Тем не менее, если провести условную линию по границе выявленных золотоордынских сооружений (объекты № 22—29—29—32—34—22) — мы получим наиболее вероятную площадь, занимаемую Увекским городищем, которая действительно имеет вид треугольника.

Кроме того, А. А. Кротков сделал первую попытку выделить районы города. После длительных наблюдений он наметил 4 основных района: 1-й, судя по всему, северный район располагался за «линией Каланча — Вокзал», здесь «встречались русские древности и исключительно остатки деревянных построек»; 2-й — севернее «Мамаева бугра» — торговый; 3-й — в прибрежной зоне — промышленный и 4-й — южнее Каланчи — район золотоордынского кладбища (Рыков 1928: 80).

В 1919 г. археологическое изучение памятника продолжил Ф. В. Баллод. Раскоп 1919 г. был заложен на юго-западной окраине городища. Здесь были исследованы остатки большого мавзолея и два горна для обжига керамики и изразцов. В монографии «Приволжские Помпеи» представлен план городища, при составлении которого он опирался на результаты археологических исследований прежних лет, а также дано подробное описание хода и результатов работ экспедиции 1919 г. (Баллод 1923: 1—33, 69—82).

Согласно плану Ф.В. Баллода, Увекское городище располагалось на прибрежном мысу, огибающем северо-восточный и юго-восточный склоны горы Увек. На плане изображена территория от р. Увековки на севере до ст. Нефтяной на юге. На северном берегу р. Увековки и в районе с. Ивановский Увек Ф.В. Баллод отметил только отдельные очаги культурного слоя золотоордынского времени. У небольшого озера вблизи ст. Увек Ф.В. Баллод расположил средневековый русский поселок. Южнее, до городского вала, обозначена центральная часть городища, где сохранились остатки жилых и общественных сооружений. К югу от линии вала и рва отмечены следы водопровода, идущего от горы Каланчи к Волге. В юго-восточной части памятника обозначено несколько раскопанных мавзолеев и горнов. Восточная часть городища занята железнодорожным полотном РУЖД, пролегающим вдоль береговой линии. В прибрежной полосе Ф.В. Баллод указал наличие культурного слоя и следов сплошного пожара. На западной окраине городища, в районе усадьбы, он, вслед за Л.Л. Голицыным и С.С. Краснодубровским, показал расположение «I кладбища» (рис. 15).

Таким образом, план Ф.В. Баллода несколько дополняет представления о городище. Серьезным недостатком плана Ф.В. Баллода следует считать отсутствие на нем масштаба и некоторых условных обозначений. Так, не ясно, что обозначают округлые и прямоугольные знаки, нанесенные на план западнее ст. Нефтяной, а также разные по масштабу и форме символы, отмеченные в центральной части городища римскими цифрами (рис. 15).

На плане Ф.В. Баллода достаточно четко показано, что конфигурация средневекового города в значительной степени была обусловлена топографическими особенностями местности. Его северной границей, очевидно, являлись склоны горы Увек, тянущиеся с юго-запада на северо-восток. Севернее станции Увек, судя по более крупномасштабному плану А.А. Кроткова, от восточного отрога горы залегла балка, впадающая в Волгу. С юга городище ограничено рядом холмов и линией вала и рва. Восточной оконечностью города являлась Волга.

По сообщению Ф.В. Баллода, мощность культурного слоя на городище достигала в среднем одного метра. Кроме того, обобщив свои наблюдения о концентрации и характере находок, особенностях застройки, Ф.В. Баллод отметил, что прибрежная часть города была «густо населена небогатыми людьми», а «остатки каменных зданий и более богатые находки усиливаются в двух направлениях: к центру города, если за таковой принять «Мамаев курган», и к Волге, в районе вокзала». Он предполагал, что и северный район города, в районе слияния двух рек — Волги и Увековки, мог быть застроен каменными зданиями, где располагались либо общественные сооружения, либо дома горожан «средней руки».

В описании Увекского городища Ф.В. Баллод отмечал, что северная граница средневекового города проходила «вероятно, от впадения в Волгу Увековки». Далее город «тянулся по Волге на протяжении более 2-х верст, до места наших раскопок». Тем не менее, точно определить южную границу города Ф.В. Баллоду не удалось, так как, по его собственному признанию, следы культурного слоя были выявлены и южнее раскопов 1919 г., вплоть до ст. Нефтяной (Баллод 1923: 73). Таким образом, по данным самого Ф.В. Баллода, протяженность городища вдоль берега Волги была гораздо больше двух верст.

Опираясь на топографические, планиграфические наблюдения и материалы раскопок, Ф.В. Баллод отнес Увек к городам мусульманского типа с такими характерными для них элементами, как внутренний город, цитадель и рабад. Кроме того, исследователь считал возможным выделить в его северной части христианский квартал. Монетный период существования Увека он определил с 1273 по 1394 гг. (Баллод 1923: 96, 100—101).

Таким образом, на основании археологических исследований, проведенных экспедицией Ф.В. Баллода на Увекском городище, можно предполагать, что средневековый город, занимал площадь в виде равностороннего треугольника, ориентированного вершиной к западу, что совпадает и с описаниями Г.С. Саблукова, и с наблюдениями А.А. Кроткова. За пределами этой достаточно условной границы обнаружены лишь единичные находки и не выявлено следов городской застройки. Здесь исследованы только водовод из керамических труб, раскопанный экспедицией Кесслера и Грима в 1877 г. за городским валом, а также большие мавзолеи с прилегающими участками мусульманского кладбища и горнами для обжига кирпичей, изученных экспедициями П.Н. Шишкина и Ф.В. Баллода.

После длительного перерыва, в 70-х-90-х гг. XX в., на Увекском городище возобновились разведки. С 90-х гг. XX в. Увек за-

нял центральное место в научных изысканиях Л. Ф. Недашковского (Недашковский 2000; Nedashkovsky 2004).

Интерес представляет опубликованный в монографии Л. Ф. Недашковского план, который отражает, очевидно, современную топографию территории Увекского городища (рис. 16). На нем показан участок волжской береговой полосы от р. Увековки на севере до пос. Нефтяной на юге. Именно в этих пределах автор обозначает границы средневекового памятника. План показывает, что в настоящее время Увекское городище почти полностью уничтожено современными постройками поселков Нефтяной, Новый Увек и Увек Береговой. Однако не ясно, проводилась ли инструментальная съемка плана самим Л. Ф. Недашковским или это фрагмент современной топографической карты местности. Трудно понять, почему граница золотоордынского городища проведена на плане именно таким образом: ориентировался автор при ее установлении на более ранние планы и описания памятника, опирался ли на данные современной топографии, или это собственные выводы, основанные на личных впечатлениях и наблюдениях? К сожалению, на плане отсутствуют условные обозначения (кроме пунктирной линии, которая символизирует границы городища), поэтому невозможно догадаться, что означают точки, ограничивающие небольшие участки на территории памятника в районе ст. Увек и Нефтяная, а также пунктирные линии — западнее пос. Нефтяной, на берегу р. Увековки и севернее ее.

Таким образом, в результате многолетнего археологического изучения Увекского городища, связанных с ним письменных источников и нумизматических материалов, определился круг важных проблем и вариантов их разрешения. Так, для решения вопроса о времени существования Увека, как крупного центра городской культуры Золотой Орды, исследователи обращались и к данным письменных источников, которые дату гибели города однозначно связывали с нашествием Тимура и приурочивали к 1395 г. Однако археологические материалы ставят эту дату под сомнение. В частности, монеты, чеканенные позже 60—70-х гг. XIV в., являются на Увекском городище единичными находками, полученными, к тому же, не в ходе археологических раскопок, а в результате сборов и скупки монет у местного населения. Подобная ситуация делает вполне возможным попадание в нумизматическую коллекцию пулов и дирхемов конца XIV в. не с территории городища, а, например, с его округи.

В отношении времени возникновения Увека высказывались различные точки зрения. Исследователи конца XIX — начала XX вв., используя сообщения таких средневековых авторов, как Абульфеда, Ибн Баттута, Марко Поло, отмечали, что самое раннее указание о существовании Увека должно относиться к середине XIII в., а точнее, к началу 60-х гг. XIII в. (Пономарев 1879: 323; Френ 1911: 7; Боев 1915: 134). Вслед за Ф. В. Баллодом, с 20-х гг. XX в., в качестве раннего свидетельства возникновения Увека стало использоваться сочинение Гильома Рубрука, видевшего в 1253 г. некий безымянный поселок на правом берегу Волги (Баллод 1923: 70; Рашитов, Малов 1998: 49; Недашковский 2000: 12—13). Это сообщение Рубрука позволило ряду исследователей сделать «бесспорный» вывод о возникновении Увека в конце 40-х — начале 50-х гг. XIII в. или, в крайнем случае, «не позднее 50-х гг. XIII в.» (Недашковский 2000: 13; Мухамедьяров 2003: 9). Однако с таким категоричным утверждением никак нельзя согласиться.

По сообщению Марко Поло, его отец Николо и дядя Матео покинули ставку хана Берке и посетили город «Укаку» в то время, когда началась война между Берке и Алау — владетелем татар, которая и стала одной из основных причин далекого путешествия братьев Поло на Восток. Известно, что активные боевые действия между войсками Берке и Хулагу началась осенью 1262 г. (Мыськов 2003: 92). Следовательно, самое раннее письменное сообщение об Увеке, помещенное в книге Марко Поло, должно быть датировано или самым концом 1262 г., или, что более вероятно, 1263 г.

Что же касается сообщения Гильома Рубрука о неком безымянном поселке, расположенном на правом берегу Волги, и возможности его сопоставления именно с Увеком, то следует отметить, что подобное сопоставление очень неубедительно и ошибочно. Прежде всего, в настоящее время можно считать установленным, что маршрут Гильома Рубрука и его спутников пролегал намного севернее современного Саратова, проходил «через Воронежский край», и путешественники «переправлялись через Дон в среднем его течении, где имелось постоянное русское население» (Кожемякин 1966: 46—52). Кроме того, в книге Гильома Рубрука прямо указано, что этот поселок из «русских и сарацин» находился всего лишь «в 5 днях

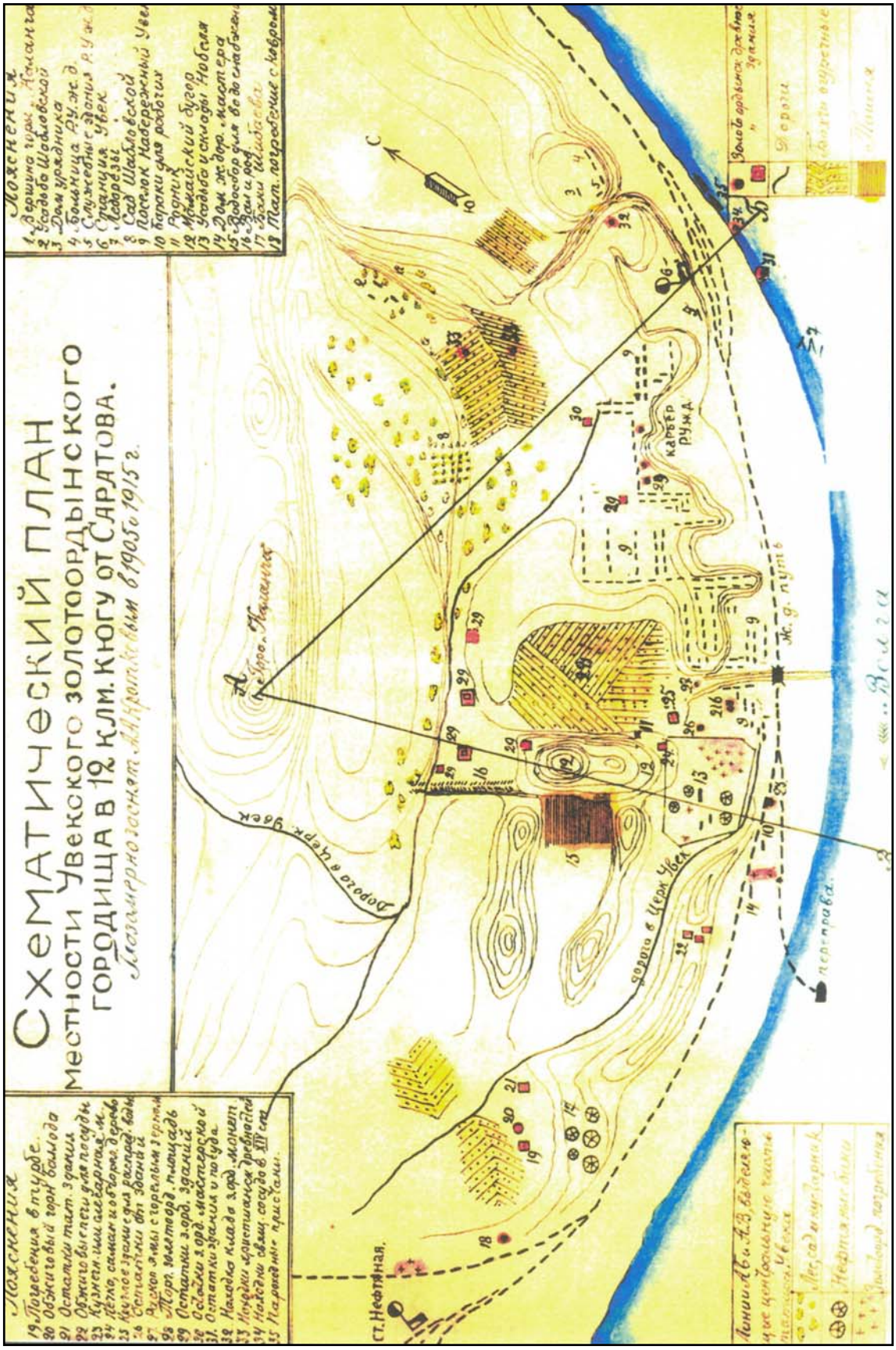


Рис. 14. План Увекского городища 1915 г. по А.А. Кроткову (Малов 2003: 40, рис. 1).

Fig. 14. Plan of the Uvekskoe fortified settlement of 1915, according to A.A. Krotkov (Малов 2003: 40, рис. 1).

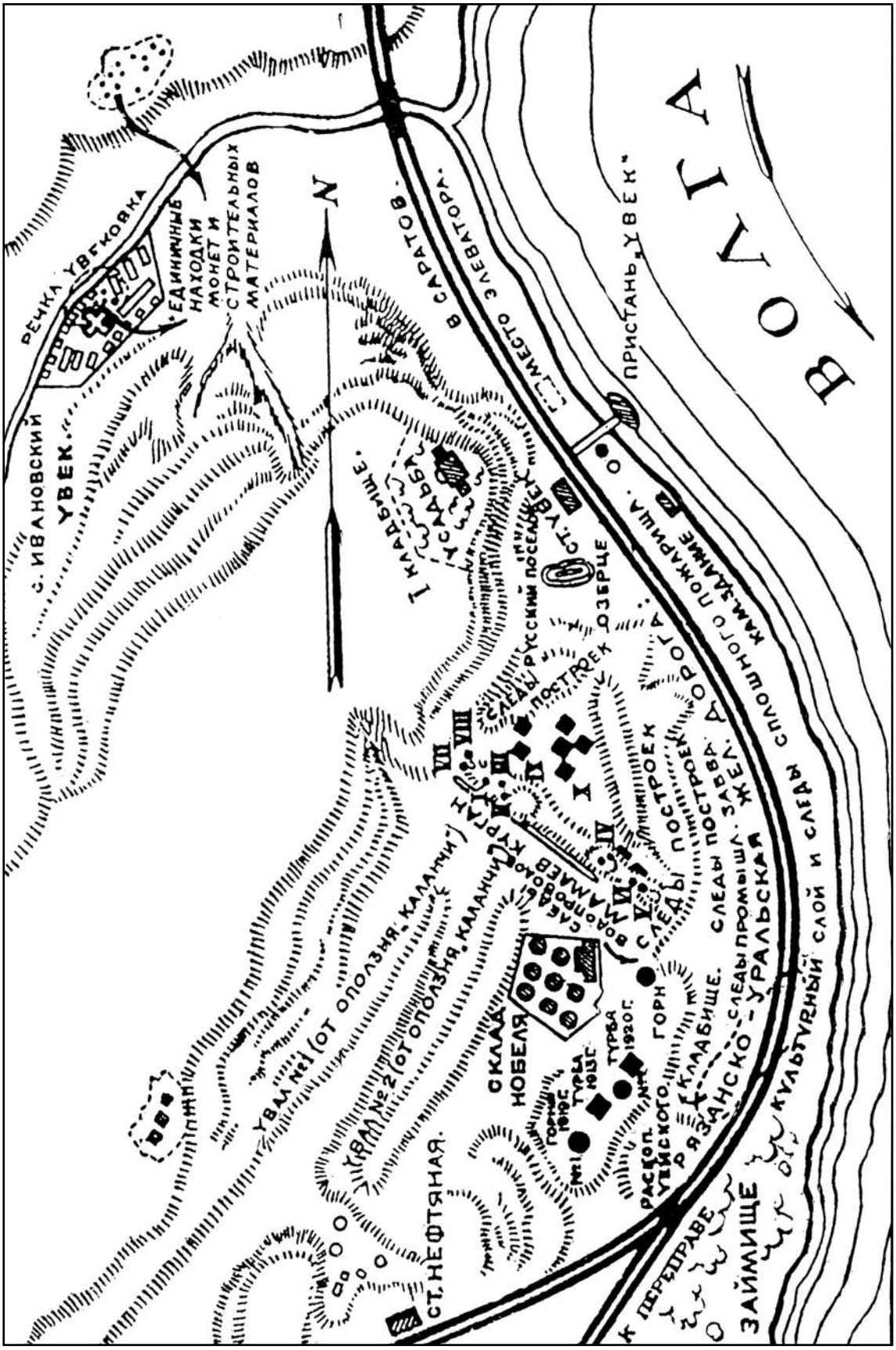


Рис. 15. План Увекского городища 1919 г. (по Баллод 1923: 72, рис. 24).

Fig. 15. Plan of the Uvekskoe fortified settlement of 1919 (after Баллод 1923: 72, рис. 24).

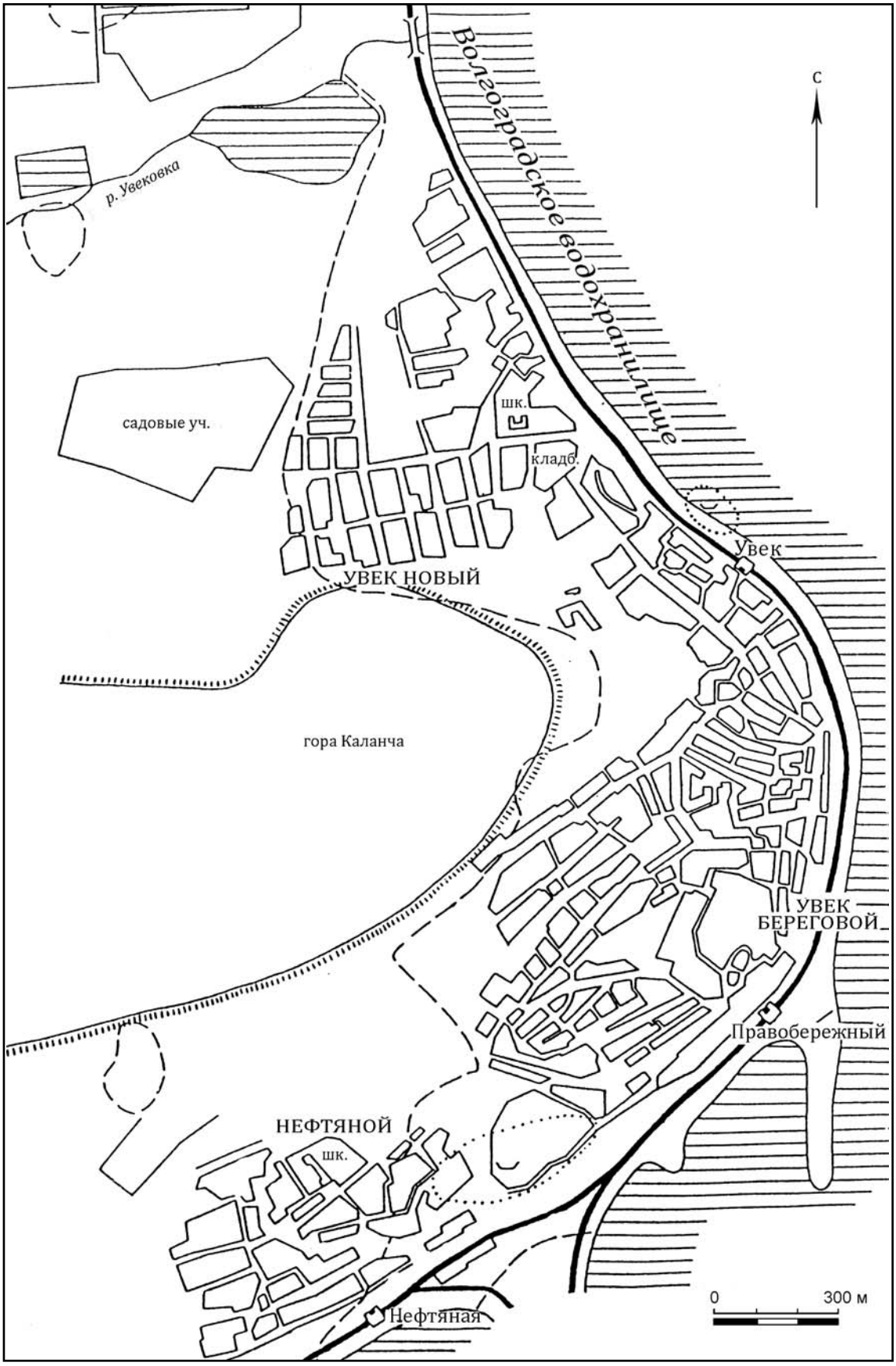


Рис. 16. План Увекского городища 2000 г. (по Недашковский 2000: 4, рис. 1).

Fig. 16. Plan of the Uvekskoe fortified settlement of 2000 (after Недашковский 2000: 4, рис. 1).

пути от городов Великой Болгарии», что никак не соответствует местонахождению Увекского городища (Путешествия 1957: 118).

Сложным является и вопрос о размерах золотоордынского Увека. В оценке его площади, особенно в последние годы, наметилась явная тенденция к необоснованному преувеличению. Хотя сообщения средневековых авторов не дают точных сведений о размерах города Увека, они достаточно показательны. В сочинении Абульфеды использовано определение «маленький», а в книге Ибн Баттуты Увек представлен как «город средней величины» (Тизенгаузен 1884: 302—303; Френ 1911: 8). Отметим, что никаких других средневековых письменных сообщений о величине Увека в нашем распоряжении нет.

И. П. Фальк определил размеры города, стоящего «во рве и вале», диаметром приблизительно в 800 м. П. А. Пономарев отмечал, что, по преданию, когда-то городище занимало площадь около 2 км², но к концу XIX в. от него осталась едва одна четверть. Ф. В. Баллод предположил, что город был вытянут вдоль Волги на расстояние более 2-х км от впадения в Волгу р. Увековки до места раскопок 1919 г. (Фальк 1824: 118; Пономарев 1891: 2; Баллод 1923: 73). Эта цифра, несмотря на отсутствие на плане Ф. В. Баллода масштаба, позволяет приблизительно вычислить площадь части городища, сохранившейся к началу 20-х гг. XX в. Если границами города считать фортификационную линию на юге, р. Увековку на севере и гору Каланчу на западе, то его площадь составит не более 65 га. Используя данные Ф. В. Баллода, необходимо учитывать, и на это уже указывали исследователи, что он, в целом, был склонен к преувеличениям. Не случайно его монография получила название «Приволжские Помпеи». В задачу автора входило показать масштабы и величие золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Именно поэтому в черту города попали и небольшие участки со «следами культурного слоя» в районе р. Увековки, и территория южнее городского вала вплоть до станции Нефтяной.

По-видимому, более реально ситуация отражена на плане А. А. Кроткова. Несмотря на многолетнее изучение памятника, он не решился точно определить его границы, выделив здесь только совершенно очевидную центральную часть средневекового города, где была выявлена несомненная городская застройка. Согласно плану А. А. Кроткова, городище по линии север-юг было несколько короче, чем предполагал Ф. В. Баллод, так как не включало в себя районы в устье р. Увековки (рис. 14).

Используя цифры, приведенные в монографии Ф. В. Баллода, появилась возможность, хоть и довольно приблизительно, установить масштаб плана А. А. Кроткова. Оба автора изобразили один и тот же участок местности, отметив на планах две реперные точки в виде станций Нефтяной и Увек. Сопоставление планов Увекского городища 1915 и 1919 гг. позволяет вычислить масштаб к плану А. А. Кроткова и установить приблизительную площадь, которую занимало городище в начале XX в.

При подсчете площади памятника по плану А. А. Кроткова, к территории средневекового города были отнесены все участки, где обозначены находки золотоордынского времени, в том числе объекты под № 32 («клад золотоордынских монет») и 33 («находки христианских древностей») на северной окраине городища и № 22 («обжиговые печи для посуды») — на южной. Таким образом, предполагаемая площадь представляла собой треугольник с вершиной на горе «Каланча», северной стороной, проходящей по руслу небольшой балки у станции Увек, восточной — по берегу Волги, включая объекты № 31 («остатки здания и посуды») и 34 («находки священных сосудов»), и южной, по линии «А–№ 22» до берега Волги. В результате было выяснено, что обозначенная площадь городища составляет около 55 га.

Поражают воображение читателя данные, приведенные в монографии Л. Ф. Недашковского: «Памятник занимает площадь более 205 га (причем он веками размывался Волгой); это позволяет оценивать численность населения города в 9—10 тыс. человек» (Недашковский 2000: 3). На плане Л. Ф. Недашковского граница Увекского городища, охватывает территорию от района южнее станции Нефтяной до р. Увековки на севере. Таким образом, предполагаемая площадь городища включает в себя и северные районы, которые, по мнению Ф. В. Баллода, содержали всего лишь «единичные находки монет и строительных материалов» (рис. 15), и юго-западный пригородный могильник, расположенный за пределами городской черты, и даже обширный участок южнее его. Как указывалось выше, никаких убедительных аргументов по обоснованию именно такой границы памятника в монографии Л. Ф. Недашковского не приведено, поэтому данные о площади городи-

ща представляются недостаточно обоснованными и несколько преувеличенными.

Вызывает сомнение и утверждение Л.Ф. Недашковского о численности населения средневекового Увека. По мнению признанного специалиста в области изучения средневекового города О.Г. Большакова, подсчет населения является сложной проблемой даже для тех памятников, которые хорошо изучены археологически, где выяснена уличная планировка и особенности застройки города. В этом случае, по мнению О.Г. Большакова, «единственно достоверным методом при отсутствии прямых документальных данных является подсчет по предполагаемой средней плотности населения на 1 га городской площади… в зависимости от характера застройки». При этом он предупреждал, что надо различать плотность населения в пределах жилого квартала и среднюю плотность населения по городу в целом. Но когда берется город в целом, «то процент жилой застройки сокращается за счет магистральных улиц, площадей, культовых зданий, базаров, бань, мастерских, кладбищ, водоемов» (Большаков 1984: 22, 103).

Археологически Увекское городище изучено очень слабо, здесь не велись крупномасштабные археологические работы, а в ходе эпизодических раскопок и разведок было выявлено всего около десятка объектов, которые только гипотетически можно считать остатками жилых или общественных сооружений. В нашем распоряжении нет никаких данных о плотности застройки, планировочной структуре города, характере уличной сети, количестве площадей, базаров, системе общественного водоснабжения и т.д. При такой базе данных в настоящее время вряд ли вообще можно вести какие-либо подсчеты численности населения этого золотоордынского города, а тем более представлять точные цифры.

Таким образом, анализ письменных, археологических, планиграфических, нумизматических материалов показал, что золотоордынский город Увек, отождествляемый с Увекским городищем, располагался на правом берегу Волги в Саратовской котловине, у подножия горы Увек. Город, очевидно, занимал площадь в виде треугольника с вершиной на горе Каланче. Южной границей являлась линия вала и рва, северной — первая терраса южного склона горы Увек, восточной — берег Волги. Вполне вероятно, что первоначально, как и другие нижневолжские города золотоордынского времени, Увек не имел оборонительных сооружений. Однако в годы «Великой замятни» на юго-западной окраине города была возведена линия укреплений высотой в западной части от дна рва до вершины вала более 5 м. При этом площадь города несколько сократилась, о чем свидетельствует наличие за пределами оборонительных сооружений культурного слоя и остатков линии водопровода.

Как отмечалось выше, в начале XX в. А.А. Кротковым и Ф.В. Баллодом были сделаны попытки выделить основные районы города. Однако, ввиду того, что на Увекском городище не производилось планомерных раскопок, материалы, полученные в результате эпизодических исследований, «наблюдений» и сборов не дают оснований для уверенного районирования средневекового города. Поэтому все выводы о расположении центрального района, христианского или русского поселка и кварталов ремесленников являются не более чем гипотетичными. Можно относительно уверенно говорить лишь о наличии в средневековом Увеке не менее чем двух кладбищ: на северо-западной и юго-восточной окраине города.

Сопоставив описания памятника и данные планов, составленных исследователями в начале XX в., можно утверждать, что площадь сохранившейся к этому времени части памятника составляла более 50 га. Учитывая то, что золотоордынский Увек был достаточно важным городским центром, и то, что, по утверждению большинства исследователей, городище подверглось серьезному разрушению в результате воздействия природных факторов и хозяйственной деятельности человека, вполне возможно допустить увеличение его площади на четверть или на треть.

Нумизматические и письменные данные позволяют предположить, что Увек был основан на рубеже 50-х — 60-х гг. XIII в., и просуществовал как важный городской центр до 60-х — 70-х гг. XIV в. Его важный экономический и административный статус подтверждается чеканкой монет в начале XIV в., в период правления хана Токты. Тем не менее, площадь Увека в годы расцвета, в целом, вполне сопоставима с размерами других провинциальных золотоордынских городов. Позднее, в годы смуты в Золотой Орде, он пришел в упадок и, очевидно, сократился до размеров небольшого городка. Существование Увека как крупного торгового, ремесленного и административного центра в годы правления хана Токтамыша не подтверждается нумизматическими материалами.

Литература

Арзютов Н.К. 1936. *О чем говорят курганы*. Саратов: Саратовское краевое издательство.

Баллод Ф.В. 1923. *Приволжские Помпеи*. Москва; Петроград: Мосполиграф.

Боев П. 1915. Историческая справка к раскопкам на Увеке в 1913 г. *Труды СУАК* 32, 134.

Большаков О.Г. 1984. *Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в.* Москва: Наука.

Голицын Л.Л., Краснодубровский С.С. 1890. *Укек. Доклады и исследования по археологии и истории Укека*. Саратов: Типография Губернского земства.

Гуренко Л.В., Кияшко А.В., Шендаков Г.Н. 2001. К вопросу о культурной принадлежности Терновского городища. В: Колев Ю.И. (ред.). *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация*. Материалы междунар. научной конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: «НТЦ», 395—405.

Егоров В.Л. 1980. Мавзолеи Водянского городища. *СА* (1), 74—89.

Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. 1974. Археологические исследования Водянского городища в 1967—1971 гг. В: Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Города Поволжья в средние века*. Москва: Наука.

Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. 1976. Исследование мечети на Водянском городище. В: Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Средневековые памятники Поволжья*. Москва: Наука, 39—79.

Зайковский Б.В. 1908. Городище Бэльджамен. *Труды СУАК* 24, 33—44.

Зайковский Б.В. 1915. Исторический очерк древнего городища на правом берегу Волги, в 17 верстах выше Царицына. *Труды СУАК* 32, 153—158.

Ильина О.А. 2005. Мечетное городище. *НАВ* 5, 103—113.

Ильина О.А., Мыськов Е.П. 2000. Мордовские памятники XIII—XIV века на территории Волгоградской области. В: Тюменцев И.О. (ред.). *Вопросы краеведения. Материалы краеведческих чтений, посвященных 75-летию областного общества краеведов* 6. Волгоград: ВолГУ, 65—66.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. 2000. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен. В: Петров П.Н. (ред.). *Древности Поволжья и других регионов* III. Москва; Нижний Новгород: Нумизматическая литература, 56—147.

Кожемякин А.В. 1966. Рубрук в Среднем Подонье. В: Загоровский В.П. (ред.). *Из истории Воронежского края*. Воронеж: Воронежский университет, 46—52.

Лепехин И.И. 1821. Записки путешествия академика Лепехина. В: *Полное собрание ученых путешествий по России*. Т. 3. Ч. II. Санкт-Петербург.

Малов Н.М. 2003. Археологические объекты и историческая топография золотоордынского города Укек. В: Рашитов Ф.А., Малов Н.М., Туктаров Р.С., Федотов В.И. (ред. коллегия). *Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий*. Материалы научно-практич. конф., 22 марта 2002 г., Саратов. Саратов: Издательство Саратовской губернской торгово-промышленной палаты, 27—42.

Минх А.Н. 1879. Набережный Увек (Из отчета Московскому археологическому обществу члена А.Н. Минх). *Саратовские губернские ведомости* 220, 3.

Минх А.Н. 1901. *Историко-географический словарь Саратовской губернии*. Саратов: Типография Губернского земства.

Мухамадиев А.Г. 1974. Раскопки двойного дома на Водянском городище. В: Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Города Поволжья в средние века*. Москва: Наука, 80—88.

Мухамедьяров Ф.Ш. 2003. Укек в системе городской цивилизации Золотой Орды. В: *Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий*. Материалы научно-практич. конф., 22 марта 2002 г., Саратов. Саратов: Издательство Саратовской губернской торгово-промышленной палаты, 6—14.

Мыськов Е.П. 1986. *Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции ВГПИ в 1986 г.* Фонды ВОКМ. № 79.

Мыськов Е.П. 1987. Работы Волго-Ахтубинского отряда. *АО 1986 года*, 189.

Мыськов Е.П. 1998. Общие итоги исследования Водянского городища в 1992, 1997 годах. В: Кияшко В.Я., Ларенок В.А., Потапов В.В. (ред. коллегия). *Проблемы археологии Юго-Восточной Европы*. Тезисы докладов VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону: Институт «Открытое общество», 131—132.

Мыськов Е.П. 2001. Раскопки общественного здания с эпиграфическими находками на Водянском городище. *НАВ* 4, 260—261.

Мыськов Е.П. 2001а. Русское кладбище Водянского городища. *НАВ* 4, 123—135.

Мыськов Е.П. 2001б. Русский поселок и русский квартал Водянского городища. В: Мамонтов В.И. (ред.). *Материалы по археологии Волго-Донских степей* 1. Волгоград: ВолГУ, 250—267.

Мыськов Е.П. 2002. Керамические комплексы русского поселка и русского квартала Водянского городища. *НАВ* 5, 126—147

Мыськов Е.П. 2003. *Политическая история Золотой Орды (1236—1313 гг.)*. Волгоград: ВолГУ.

Мыськов Е.П. 2004. Основные итоги исследований Водянского городища. В: Мыськов Е.П. (ред.). *Проблемы археологии Нижнего Поволжья*. Тезисы докладов. Волгоград: ВолГУ, 296—298.

Недашковский Л.Ф. 2000. *Золотоордынский город Укек и его округа*. Москва: Восточная литература РАН.

Паллас П.С. 1788. *Путешествие по разным провинциям Российского государства*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Полубояринова М.Д. 1972. Русские вещи на территории Золотой Орды. *СА* (3), 164—187.

Пономарев П.А. 1891. Древний Укек исчезает… *Казанский Биржевой Листок* 30, 1—8.

Пономарев П.А. 1879. На развалинах города Укека, близ Саратова. (Из путевых заметок). *Древняя и новая Россия* I (4). Санкт-Петербург, 321—335.

Путешествия 1957: *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. 1957. Москва: Государственное издательство географической литературы.

Рашитов Ф.А., Малов Н.М. 1998. Предшественник

Саратова. *Памятники Отечества* 39 (1—2). Саратов, 49—51.

Рыков П.С. 1928. *Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю*. Саратов: Губпросторг.

Саблуков Г.С. 1882. Остатки древности в с. Усть-Набережном Увеке, Саратовской губернии и уезда. Археологический очерк Г.С. Саблукова (составленный в 1846 году). *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете* 3, 298—322.

Соколов Н.С. 1888. Археологическая экскурсия. *Труды СУАК* 1 (3), 253—263.

Тизенгаузен В.Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т.I. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Фальк И.П. 1824. *Записки путешествия академика Фалька*. Полное собрание ученых путешествий по России 6. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Федоров-Давыдов Г.А. 1984. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья. *СА* (3), 83—95.

Федоров-Давыдов Г.А. 1994. *Золотоордынские города Поволжья*. Москва: МГУ.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. 1970. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг. В: Смирнов А.П. (ред.). *Поволжье в средние века*. Москва: Наука, 68—171.

Френ Х.М. 1911. *Монгольский город Укек на реке Волге*. Ставрополь: Типография Губернского правления.

Френ Х.М. 1832. *Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении.* Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Шендаков Г.Н. 1966. *Отчет об археологической разведке в Камышинском районе Волгоградской области в 1966 году*. Фонды ВОКМ. №107.

Шендаков Г.Н. 1967. *Отчет об археологической разведке в Камышинском районе Волгоградской области в 1967 году*. Фонды ВОКМ. №97.

Шендаков Г.Н. 1968. Разведки в Волгоградской области. *АО 1967 года*, 123—124.

Щеглов С.А. 1915. Раскопки на Водянском городище. *Труды СУАК* 32, 145—152.

Nedashkovsky L.F. 2004. *Ukek. The Golden Horde city and its periphery*. BAR International Series 1222. Oxford: Archaeopress.

References

Arzyutov, N. K. 1936. *O chem govoriat kurgany (What are Barrows Telling Us)*. Saratov: “Saratovskoe kraevoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Ballod, F. V. 1923. *Privolzhskie Pompei (Pompeii in the Volga Area)*. Moscow; Petrograd: “Mospoligraf” Publ. (in Russian).

Boev, P. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission)* 32, 134 (in Russian).

Bolshakov, O. G. 1984. *Srednevekovyi gorod Blizhnego Vostoka. VII — seredina XIII v. (Medieval Town of the Near East. VII—Middle XIII Century)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Golitsyn, L. L., Krasnodubrovskyi, S. S. 1890. *Ukek. Doklady i issledovaniia po arkheologii i istorii Ukeka (Ukek. Reports and Researches on the Archaeology and History of Ukek)*. Saratov: “Tipografiia Gubernskogo zemstva” Publ. (in Russian).

Gurenko, L. V., Kiyiashko, A. V., Shendakov, G. N. 2001. In *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul’tur, khronologiia i periodizatsiia (Bronze Age in Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodisation)*. Samara: “NTTS” Publ., 395—405 (in Russian).

Egorov, V. L. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 74—89 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Egorov, V. L., Poluboiarinova, M. D. 1974. In *Goroda Povolzh’ia v srednie veka (Towns from Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Egorov, V. L., Fedorov-Davydov, G. A. 1976. In *Srednevekovye pamiatniki Povolzh’ia (Medieval Sites from Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ., 39—79 (in Russian).

Zaikovskiy, B. V. 1908. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission)* 24, 33—44 (in Russian).

Zaikovskiy, B. V. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission)* 32, 153—158 (in Russian).

Ilyina, O.A. 2005. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga archaeological bulletin)* 5, 103—113 (in Russian).

Ilyina, O. A., Mys’kov, E. P. 2000. In *Voprosy kraevedeniia (Problems of Regional Studies)* 6. Volgograd: Volgograd State University, 65—66 (in Russian).

Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2000. In *Drevnosti Povolzh’ia i drugikh regionov (Antiquities of Volga and Other Regions)* III. Moscow; Nizhny Novgorod: “Numizmaticheskaia literatura” Publ., 56—147 (in Russian).

Kozhemyakin, A. V. 1966. In *Iz istorii Voronezhskogo kraia (From the History of Voronezh Land)*. Voronezh: Voronezh University, 46—52 (in Russian).

Lepekhin, I. I. 1821. In *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii (Complete Compilation of Scientific Travels through Russia)*. Vol. 3. Part II. Saint Petersburg (in Russian).

Malov, N. M. 2003. In *Zolotoordynskomu gorodu Ukeku sem’ s polovinoi stoletii (The Golden Horde Town of Ukek is Seven and a Half Centuries Old)*. Saratov: “Izdatel’stvo Saratovskoi gubernskoi torgovo-promyshlennoi palaty” Publ., 27—42 (in Russian).

Minkh, A. N. 1879. In *Saratovskie gubernskie vedomosti (Saratov Government News)* 220, 3 (in Russian).

Minkh, A. N. 1901. *Istoriko-geograficheskii slovar’ Saratovskoi gubernii (Historical and Geographical Dictionary of Saratov Government)*. Saratov: “Tipografiia Gubernskogo zemstva” Publ. (in Russian).

Mukhamadiev, A. G. 1974. In *Goroda Povolzh’ia v srednie veka (Towns from Volga Region in Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ., 80—88 (in Russian).

Mukhamed’iarov, F. Sh. 2003. In *Zolotoordynskomu gorodu Ukeku sem’s polovinoi stoletii (The Golden Horde Town of Ukek is Seven and a Half Centuries Old)*. Saratov: “Izdatel’stvo Saratovskoi gubernskoi torgovo-promyshlennoi palaty” Publ., 6—14 (in Russian).

Myskov, E. P. 1986. *Otchet o rabote Volgo-AkhtUbiNskogo otriada arkheologicheskoi ekspeditsii VGPI v 1986 g. (Report on the Work of the Volga-Akhtuba Crew of the Archaeological Expedition of the Volgograd State Pedagogical Institute in 1986)*. Funds of the Volgograd Regional Museum of Local Lore. № 79 (in Russian).

Myskov, E. P. 1987. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1986 goda (Archaeological Discoveries of 1986)*, 189 (in Russian).

Myskov, E. P. 1998. In *Problemy arkheologii Iugo-Vostochnoi Evropy (Problems of Archaeology of South-Eastern Europe)*. Rostov-on-Don: “Otkrytoe obshchestvo” Publ., 131—132 (in Russian).

Myskov, E. P. 2001. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 4, 260—261 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2001a. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 4, 123—135 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2001b. In *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei (Materials on the Archaeology of Volga — Don Steppes)* 1. Volgograd: Volgograd State University, 250—267 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2002. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5, 126—147 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2003. *Politicheskaia istoriia Zolotoi Ordy (1236—1313 gg.) (Political History of the Golden Horde (1236—1313))*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2004. In *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ia (Problems of Archaeology of Lower Volga Region)*. Volgograd: Volgograd State University, 296—298 (in Russian).

Nedashkovskiy, L. F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde town of Ukek and Its Surroundings)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Pallas, P. S. 1788. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva (Travel through Different Provinces of the Russian State)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences (in Russian).

Poluboyarinova, M. D. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 164—187 (in Russian).

Ponomarev, P. A. 1891. In *Kazanskii Birzhevoi Listok (Kazan Stock Bulletin)* 30, 1—8 (in Russian).

Ponomarev, P. A. 1879. In *Drevniaia i novaia Rossiia (Ancient and New Russia)* I (4). Saint Petersburg, 321—335 (in Russian).

Puteshestviia 1957: *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (Plano Carpini and Rubrouck travels in the Eastern states)*. 1957. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ. (in Russian).

Rashitov, F. A., Malov, N. M. 1998. In *Pamiatniki Otechestva (Monuments of Motherland)* 39 (1—2). Saratov, 49—51 (in Russian).

Rykov, P. S. 1928. *Kul'turno-istoricheskie (arkheologicheskie) ekskursii po Nizhne-Volzhskomu kraiu (Cultural-historical (Archaeological) Excursions in the Lower Volga Region)*. Saratov: "Gubprostorg" Publ. (in Russian).

Sablukov, G. S. 1882. In *Izvestiia Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society for Aarchaeology, History and Ethnography Affiliated to the University of Kazan)* 3, 298—322 (in Russian).

Sokolov, N. S. 1888. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission)* 1 (3), 253—263 (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Compilation of Materials Related to the History of the Golden Horde)*. Vol. I. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences (in Russian).

Falk, I. P. 1824. *Zapiski puteshestviia akademika Fal'ka (Notes regarding the journey of the academician Falk)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 83—95 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in Volga Region)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Mukhamadiev, A. G. 1970. In *Povolzh'e v srednie veka (The Volga Region in Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 68—171 (in Russian).

Fren, Kh. M. 1911. *Mongol'skii gorod Ukek na reke Volge (Mongol Town of Ukek on Volga River)*. Stavropol: "Tipografiia Gubernskogo pravleniia" Publ. (in Russian).

Fren, Kh. M. 1832. *Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordy s monetami raznykh inykh mukhammedanskikh dinastii v pribavlenii (Coins of the Jochid Ulus Khans or the Golden Horde with the addition of the coins of other Muhammadan dynasties)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences (in Russian).

Shendakov, G. N. 1966. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Kamyshinskom raione Volgogradskoi oblasti v 1966 godu (Report on the Archaeological Fieldwalking in the Kamyshin District of Volgograd Region in 1966)*. Funds of the Regional Museum of Local Lore. № 107 (in Russian).

Shendakov, G. N. 1967. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Kamyshinskom raione Volgogradskoi oblasti v 1967 godu (Report on the Archaeological Fieldwalking in the Kamyshin District of Volgograd Region in 1967)*. Funds of the Regional Museum of Local Lore. № 97 (in Russian).

Shendakov, G. N. 1968. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1967 goda (Archaeological Discoveries of 1967)*, 123—124 (in Russian).

Shcheglov, S. A. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission)* 32, 145—152 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2004. *Ukek. The Golden Horde city and its periphery*. BAR International Series 1222. Oxford: Archaeopress.

Д. А. Кубанкин

Dmitry Kubankin. Saratov Regional Museum of Local Lore[1].

Кубанкин Дмитрий Александрович. Саратовский областной музей краеведения.

E-mail: kubankin2008@yandex.ru

Address: [1] Lermontov St., 34, Saratov, 410000, Russian Federation

Историческая топография Увекского городища

Keywords: Lower Volga Region, Saratov, Uvek Hillfort, Golden Horde Town, historical topography, research history.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Саратов, Увекское городище, золотоордынский город, историческая топография, история исследования.

D. A. Kubankin

Historical Topography of Uvek Hillfort

The author publishes some new recently obtained and analyzed data related to historical topography of a Golden Horde city of Ukek. He specifically examines history of field research on the Uvek Hillfort, which dates back to 90^{s} of 19th c. His special focus in examining natural and geographic factors is on peculiar local topography affected by some landslides, as well as on a high hill with a flat top (the Uvek Mount), which gave the name to the city — Ukek, from a Mongolian word meaning 'plateau'. Changes in landscape caused by either natural or anthropogenic factors are also assessed. New data on fortifications and hydraulic structures of the hillfort, a rich estate, a hammam, kilns and a mausoleum are also published and discussed in the article.

Д. А. Кубанкин

Историческая топография Увекского городища

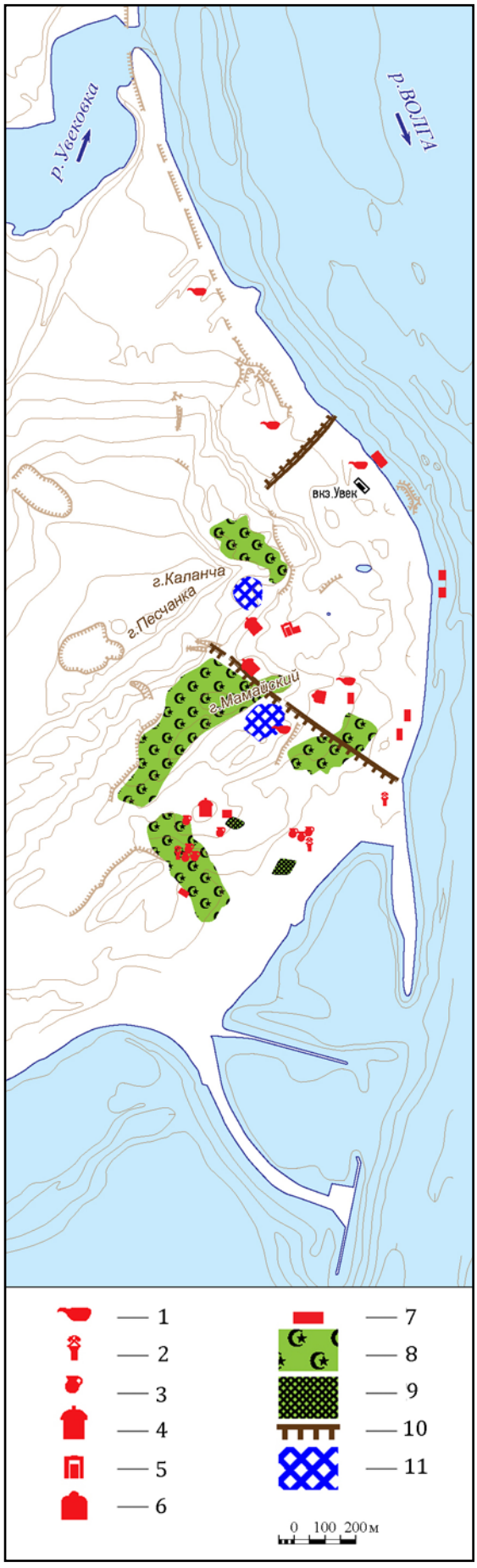
В исследовании представлены и проанализированы данные об исторической топографии золотоордынского города Укек. Отдельно рассматривается история полевых исследований Увекского городища, начало которых относится к 90-м гг. XIX в. При изучении природно-географического фактора особое внимание уделяется специфичному рельефу местности, образованному оползневыми процессами, и высокому холму с плоской вершиной (гора Увек), давшему название городу — Укек, что по-монгольски значит «плоскогорье». Прослеживаются изменения ландшафта в результате антропогенного и природного воздействия. Приводятся результаты исследований фортификационных и гидротехнических сооружений городища, богатой усадьбы, общественной бани, гончарных горнов, мавзолея.

Увекское городище располагается на южной окраине г. Саратова (пос. Увек) на правом берегу р. Волги (рис. 1). Сейчас территория городища практически полностью находится под застройкой частного сектора, железнодорожными коммуникациями и сооружениями нефтебазы, что осложняет изучение памятника. Поэтому историческая топография золотоордынского города Укека изучена слабо. На сегодняшний день можно лишь выделить отдельные археологические объекты.

Наиболее детальное описание исторической топографии Увека было предпринято в 1915 г. членом Саратовской учёной архивной комиссии (СУАК) А. А. Кротковым, однако его статья «Увек Саратовский по данным истории и археологии» была опубликована лишь в 2005 г. (Кубанкин 2005). Н. М. Малов в 2002 г. опубликовал статью

Russian Foundation for Humanities (RFH), grant no. 12-31-01246, "Interactions between urban, rural and nomadic groups in the Volga Region near Saratov during the Golden Horde Period" ■ Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), грант № 12-31-01246, «Взаимодействие городского, сельского и кочевого населения Саратовского Поволжья золотоордынской эпохи».

© Д. А. Кубанкин, 2015.



«Археологические объекты и историческая топография золотоордынского города Укек». В ней была представлена краткая история изучения Увекского городища и выделены некоторые археологические объекты (Малов 2003).

В предлагаемой статье дается обзор материалов, касающихся исторической топографии Увекского городища, и их атрибуция с учетом современных научных знаний.

История полевого изучения. Близость Увекского городища к Саратову способствовала его изучению. Название поселка Увек, как и название расположенной рядом речки Увековки (Увеши), позволили уверенно соотнести это место с золотоордынским городом Укеком, известным по письменным и нумизматическим источникам.

Первые археологические раскопки здесь были проведены после создания СУАК. Руководителями раскопок стали основатель и глава СУАК князь Л. Л. Голицын и правитель дел Комиссии С. С. Краснодубровский. Еще в 1890 г. ими была написана и опубликована первая монография, посвященная Увекскому городищу (Голицын, Краснодубровский 1890). СУАК удалось заручиться поддержкой саратовского губернатора А. И. Косича, а один из владельцев пос. Увек — А. Я. Шабловский — предоставил возможность проведения археологических работ на своих землях (Отчёт… 1893: 126). В 1891 г. ИАК выделила 250 рублей для проведения раскопок на Увекском городище (Письмо ИАК). Раскопы были заложены в разных частях городища. Было обнаружено и частично вскрыто не менее трех построек (Голицын 1891; Раскопки в Саратовской губернии 1893: 99—100). Азартные поиски интересных и ярких находок часто подталкивали участников работ к излишней спешке, а отсутствие полевого опыта отрицательно сказывалось на результатах. Не велось практически никакой документации.

Рис. 1. План Увекского городища (составлен Д.А. Кубанкиным). 1 — ювелирные мастерские; 2 — металлургические горны или кузницы; 3 — гончарные горны; 4 — мавзолеи; 5 — гражданская постройка; 6 — баня; 7 — неизвестные постройки; 8 — исламский некрополь; 9 — языческий некрополь; 10 — вал и ров; 11 — гидротехнические сооружения.

Fig. 1. Plan of Uvek Hillfort (by D.A. Kubankin). 1 — jewelers' workshops; 2 — metallurgical furnaces or blacksmith's shops; 3 — kilns; 4 — mausoleums; 5 — civil constructions; 6 — bath; 7 — unknown structures; 8 — Islamic necropolis; 9 — pagan necropolis; 10 — wall and moat; 11 — hydraulic constructions.

Окончательный отчет о работах 1891 г. не был составлен (Протокол 1894: 238; ГАСО). Князь Л. Л. Голицын отправил на имя председателя ИАК графа А. А. Бобринского письмо с предварительными результатами (Голицын 1891; рис. 8) и фотографии с видом одного из раскопанных зданий (Nedashkovsky 2004: 184—185, Fig. 2—4) (рис. 2). Материалы из раскопок остались неизученными. В 1895 г. С. С. Краснодубровский подарил находки французскому археологу барону И. А. де Баю. Отсутствие отчета о раскопках и отрицательные отзывы в прессе негативно сказались на вопросе о дальнейшем финансировании раскопок на Увекском городище со стороны ИАК.

Однако внимание к Увекскому городищу не ослабевало. 22 сентября 1895 г. Саратов с четырехдневным визитом посетил французский археолог И. А. де Бай [1]. Основная цель его приезда — изучение коллекций музея СУАК, художественного музея им. А. Н. Радищева и посещение Увекского городища. Специально к приезду именитого гостя были приурочены небольшие археологические раскопки на Увекском городище под руководством В. П. Юрьева, которые больше известны как «раскопки де Бая» (Раскопки 1895; ZZ 1895; Духовников 1896). Частично были вскрыты два здания в центральной части Увекского городища восточнее Мамайского бугра (рис. 3; рис. 9) и продолжены раскопки золотоордынской бани, начатые еще в 1891 г. (Раскопки 1895; Духовников 1895). Здание окончательно не было раскопано, отчет о раскопках не составлялся, и в целом работы В. П. Юрьева ИАК признала не вполне удачными (Архив А. А. Кроткова). В июне 1910 г. членами СУАК А. А. Кротковым и С. А. Щегловым на юго-восточной окраине городища, «на земле отчуждения Р. У. ж. д. против переправы…, в выемке железно-дорожного карьера», раскопан гончарный горн для обжига красноглиняной посуды.

В мае 1913 г. на средства по подписке членов СУАК и при значительной материальной поддержке ее попечителя, саратовского губернатора А. А. Ширинского-Шихматова, были произведены археологические раскопки мавзолея на южной окраине Увекского городища под руководством П. Н. Шишкина. Это был мавзолей с семью богатыми захоронениями в кирпичных склепах (рис. 4; 5; 11; ; цветная вклейка, илл. 6; 7). Материалы раскопок опубликовал один из участников работ — А. А. Кротков (1915).

В июне 1919 г. на Увекском городище проводится первая полевая археологическая практика студентов Саратовского университета под руководством профессора Ф. В. Баллода. Работы велись по окраинам городища: близ мавзолея, раскопанного в 1913 г., холма Уейского и Мамайского шихана. Возле мавзолея обнаружено два горна для обжига посуды и изразцов (рис. 7), частично вскрыта саманная постройка, украшенная ганчевым декором, с очагом и суфой (рис. 10). У стены здания с наружной стороны имелись два погребения в кирпичных склепах, головой ориентированные на север. На холме Уейского — детское погребение в склепе, ориентированное головой на северо-восток. Возле Мамайского бугра частично вскрыт саманный мавзолей (рис. 12). Материалы раскопок вошли в книгу Ф. В. Баллода «Приволжские Помпеи» (Баллод 1923).

В 1921 г. П. Н. Шишкин продолжил раскопки саманного мавзолея на западной окраине городища, на Мамайском бугре. Окончание работ было запланировано на 1924 г., но так и не состоялось. Неопубликованный отчет о раскопках хранится в архиве (Шишкин 1923).

В последующий период в силу разных причин Увекское городище не привлекало внимание археологов, и к концу XX в. практически вся его территория оказалась под застройкой жилого массива и промышленных сооружений. После длительного, более чем 70-летнего перерыва, в 1994 г. здесь вновь были проведены раскопки. На месте строительства будущего четырехэтажного жилого дома, в районе бывших складов Нобеля, при участи Саратовской дирекции охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры, СГУ и ООТ «Кипчак» вскрыта площадь около 250 кв. м. Однако работы проводились без открытого листа, отчет не был написан, большинство находок поступило в Энгельсский музей краеведения. На данном участке культурный слой достигал мощности 2 м. Обнаружены следы деревянной постройки, остатки тандыра, вымостка из кирпича и камня, 2 фрагмента бронзовых крестов-энколпионов и т. д. Раскопки освещались как местными, так и центральными СМИ (Тени веков… 1994; Глухова 1994). Материалы не опубликованы

[1] Член-корр. французского Министерства народного просвещения; член-резидент Общества национальных древностей Франции; почетный член Императорского исторического музея в Москве, Императорского московского археологического общества, Санкт-Петербургского археологического общества и т. д.

Рис. 2. Раскопки общественной бани золотоордынского времени, 1891 г. (Фотоархив ИИМК. Инв. №Q.400/1).

Fig. 2. Digs on the public bath of the Golden Horde time, 1891 (Photo Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Inv. Q.400/1).

Рис. 3. Раскопки 1895 г. (Личный архив Д.А. Кубанкина. Публикуется впервые).

Fig. 3. Digs of 1895 (D.A. Kubankin's personal archive. First publication).

Рис. 4. Детали серебряного поясного набора. Мавзолей 1, погребение 4 (фото К.Ю. Моржерина) (цветная вклейка, илл. 6).

Fig. 4. Details of a silver belt set. Mausoleum 1, grave 4 (photo by K.Yu. Morzherin) (color plate, ill. 6).

Рис. 5. Серебряная с позолотой чаша. Мавзолей 1, погребение 1 (СОМК: рис. А.А. Кроткова) (цветная вклейка, илл. 7).

Fig. 5. Gilded silver cup. Mausoleum 1, grave 1 (SRMLL: drawing by A.A. Krotkov) (color plate, ill. 7).

Рис. 6. Фрагмент архитектурного блока. Раскоп III, 2010 г. Раскопки автора (фото Ю.В. Набатова) (цветная вклейка, илл. 8).

Fig. 6. A fragment of an architectural block. Dig III, 2010. Excavated by the author (photo by Yu.V. Nabatov) (color plate, ill. 8).

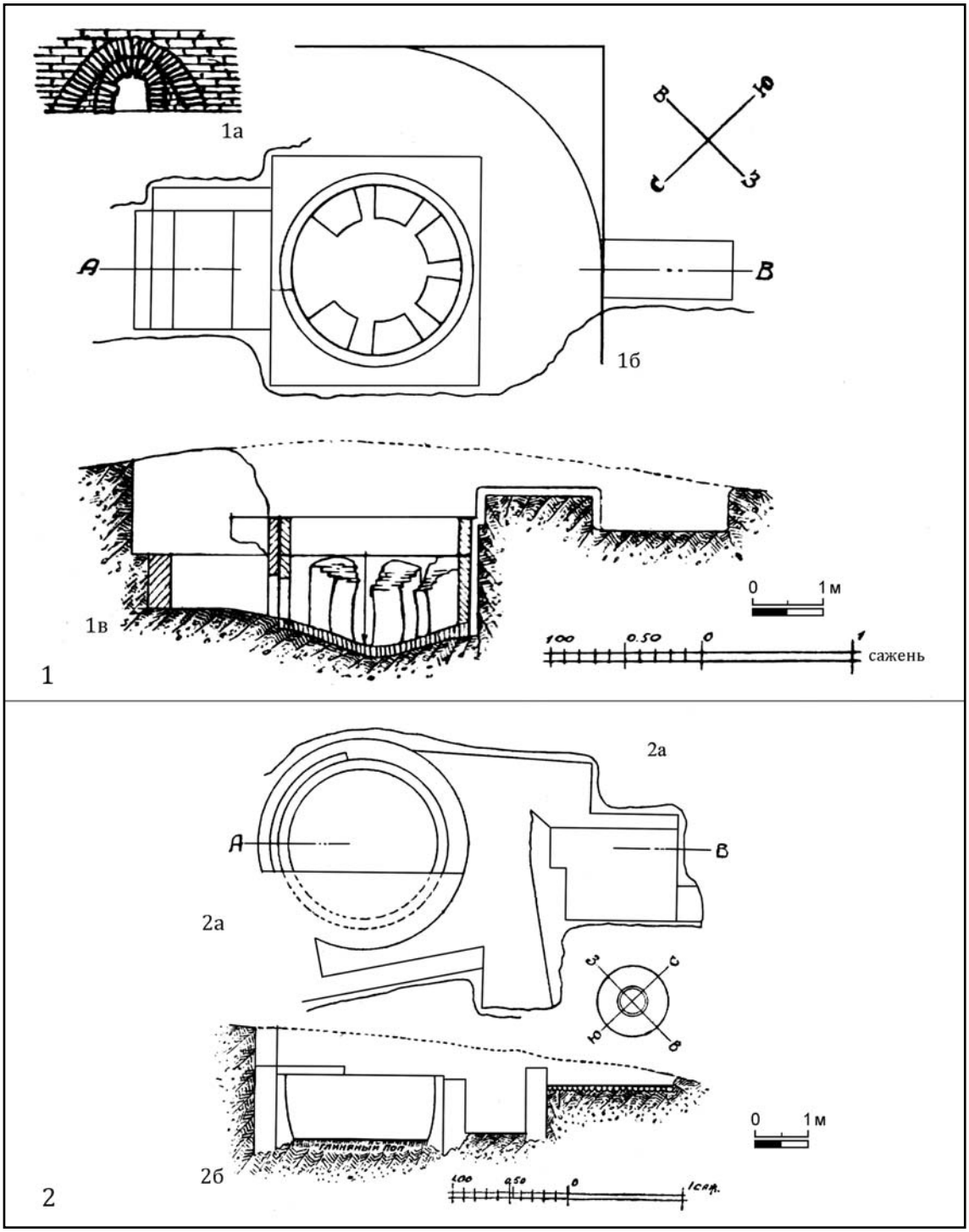


Рис. 7. Гончарные горны. Раскопки Ф.В. Баллода 1919 г. 1 — горн 1; 2 — горн 2 (по Баллод 1923: 78—79).

Fig. 7. Kilns. Excavated by F.V. Ballod in 1919. 1 — furnace 1; 2 — furnace 2 (after Баллод 1923: 78—79).

до сих пор. После завершения археологической экспедиции на месте раскопа обнаружена стопка из 12 медных монет 1330 г. с изображением льва и солнца [2]. В бровке раскопа дети нашли бронзовую лампаду, бронзовый светильник и 4 кашинные чаши [3].

[2] Сообщение краеведа А.В. Фадеева.

[3] Часть предметов поступила в ЭКМ. Инв. №: ЭКМ 10306, 12496—12497.

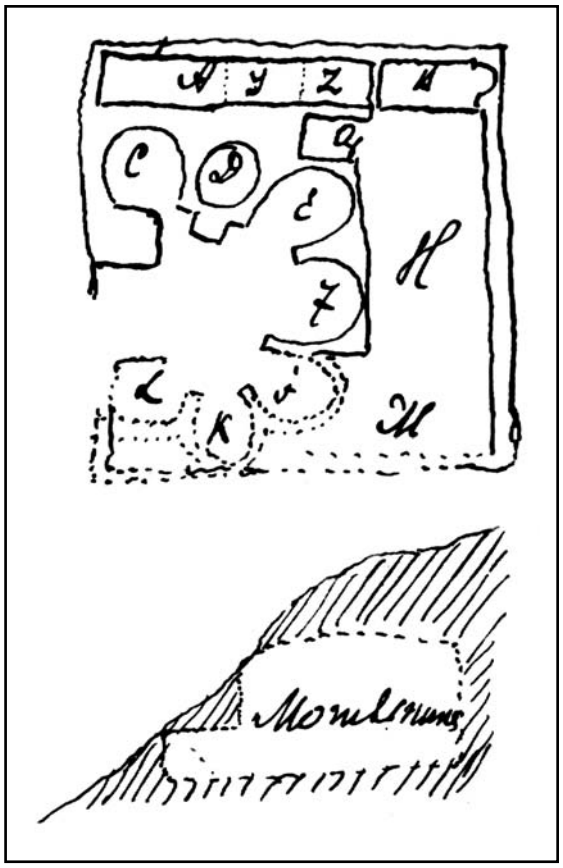


Рис. 8. Схематичный план участка бани, раскопанного в 1891 г. (Голицын 1891: Л. 9, рис. Л.Л. Голицына).

Fig. 8. A schematic plan of a portion of the bath unearthed in 1891 (after Голицын 1891: 9, drawing by L. Golitsyn).

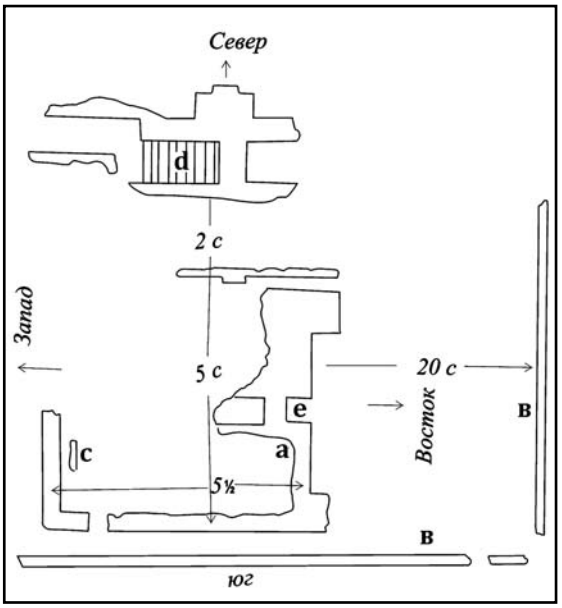


Рис. 9. Копия плана здания, частично раскопанного В.П. Юрьевым в 1895 г.: a — здания; b — стены золотоордынских построек; c — печка; d — лестница, ведущая в подвал; e — вход в здание (план А. Рыкачева).

Fig. 9. A copy of the plan of a structure, partly unearthed by V.P. Yuryev in 1895: a — structures; b — walls of Golden Horde structures; c — hearth; d — stairs leading to cellar; e — entrance to building (plan by A. Rykachev).

В 2004 г. Р.А. Сингатулин заложил разведочный раскоп (2×2 м) в центральной части городища, юго-восточнее Мамайского шихана, во дворе дома местного краеведа А.В. Фадеева. Здесь еще в середине 1980-х гг. были зафиксированы развалы двух хумов, а в конце 1990-х — стена из золотоордынского жженого кирпича. Шурфовкой была частично вскрыта кирпичная постройка золотоордынского времени со следами обгорелого деревянного перекрытия (Сингатулин 2005; 2007).

В 2005 г. археологической экспедицией Педагогического института СГУ под руководством Р.А. Сингатулина были заложены два шурфа (по 6 кв. м каждый) во дворе дома по 2-му Увекскому проезду. Во втором шурфе зафиксированы следы постройки из красноглиняного кирпича и камня, датируемой по монете Хызр-хана 1360—1361 гг. (Сингатулин 2008: 138—155)

В 2006 г. археологической экспедицией Педагогического института СГУ под руководством Р.А. Сингатулина проводились наблюдения за прокладкой траншей водовода на 15-м Увекском проезде, в центральной части городища, к северо-западу от Мамайского шихана. Здесь же были заложены два шурфа, каждый площадью 9 кв. м. Шурфами была частично затронута золотоордынская постройка из красноглиняного кирпича на каменном фундаменте. Датируется монетами 762—767 гг. х. (Сингатулин 2009: 112—128).

С 2005 археологической экспедицией Саратовского областного музея краеведения под руководством Д.А. Кубанкина проводятся ежегодные археологические раскопки на Увекском городище. С 2005 по 2007 г. — раскопки разрушаемого участка северо-западного некрополя (Кубанкин 2006; 2007; 2008). Материалы раскопок вместе с антропологическими исследованиями опубликованы (Евтеев, Кубанкин 2009). В 2008—2009 гг. проводились раскопки жилища мастера-ювелира и гидротехнического сооружения на северо-западной окраине возле некрополя (Кубанкин 2009; 2010; 2010а). В 2010—2011 гг. — раскопки в центральной части Увекского городища, где обнаружены две монументальные постройки и культур-

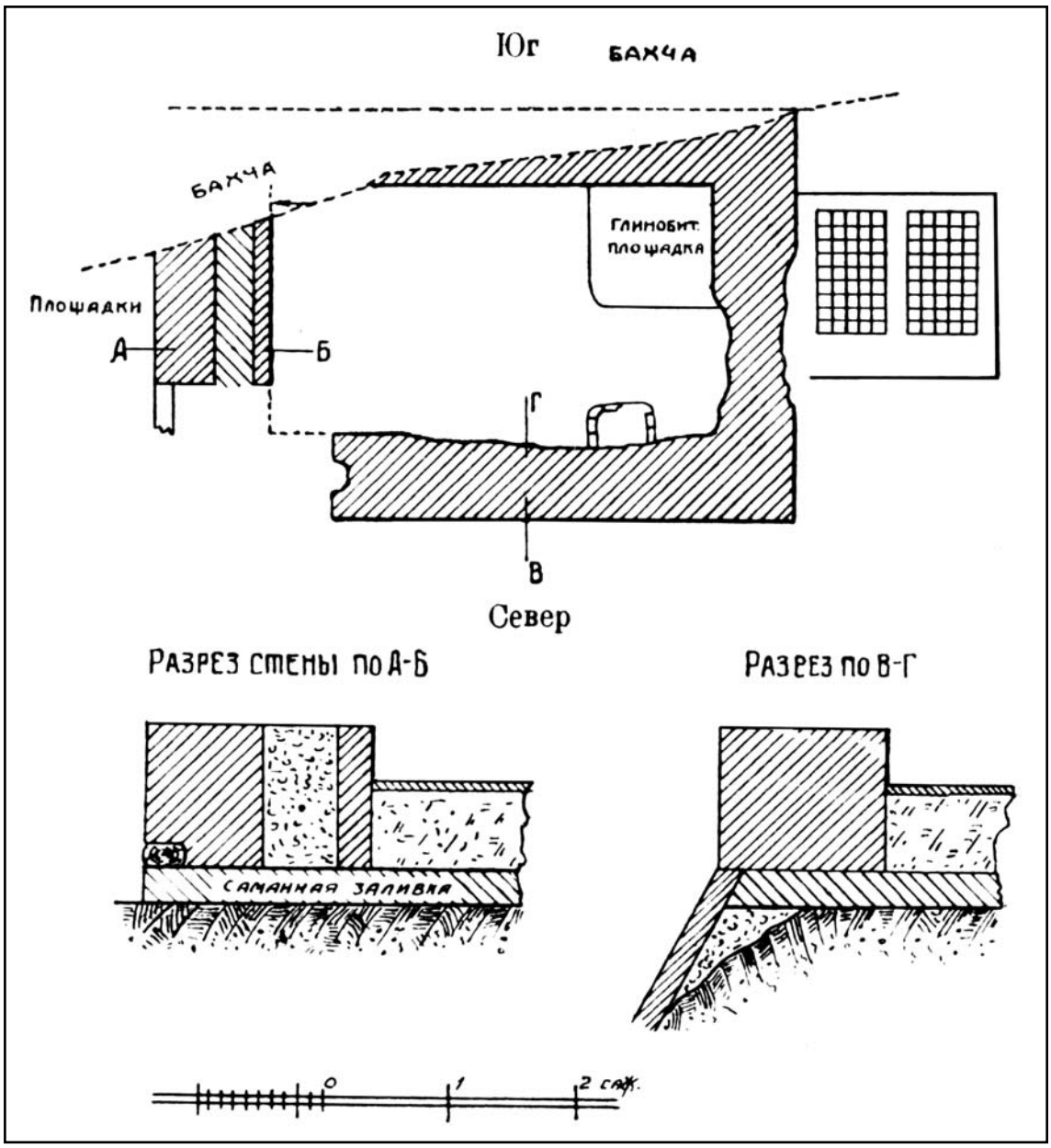


Рис. 10. План саманного здания. Раскопки Ф.В. Баллода 1919 г. (по Баллод 1923: 74).

Fig. 10. Plan of adobe building. Excavated by F.V. Ballod in 1919 (after Баллод 1923: 74).

ный слой последней трети XIII — середины XIV вв. Среди находок — фрагмент каменного архитектурного блока с рельефным изображением сцены терзания льва грифоном (рис. 6; цветная вклейка, илл. 8).

Подводя итог истории полевого исследования Увекского городища, необходимо отметить, что наиболее масштабные археологические исследования проводились в 1890—1920-е гг. Однако они были слабо документированы, и лишь раскопки Ф.В. Баллода 1919 г. сопровождались археологическим отчетом. Большинство археологических материалов с Увекского городища, используемых в современных исследованиях, происходит из сборов и закупок у местных жителей. Они также относятся к периоду 1890—1920-х гг. Например, сборы Ф.В. Духовникова на Увекском городище в конце XIX в. были столь многочисленны, что учитывались по весу — 21 пуд (Увекские древности 1894; Духовников 1895). Эти находки легли в основу археологических коллекций с Увекского городища в Эрмитаже и ГИМе. С конца XIX и до 1920-х гг. включительно от различных дарителей только в фонды СОМК поступило более 10 тыс. находок с Увекского городища (Кубанкин 2006а: 286).

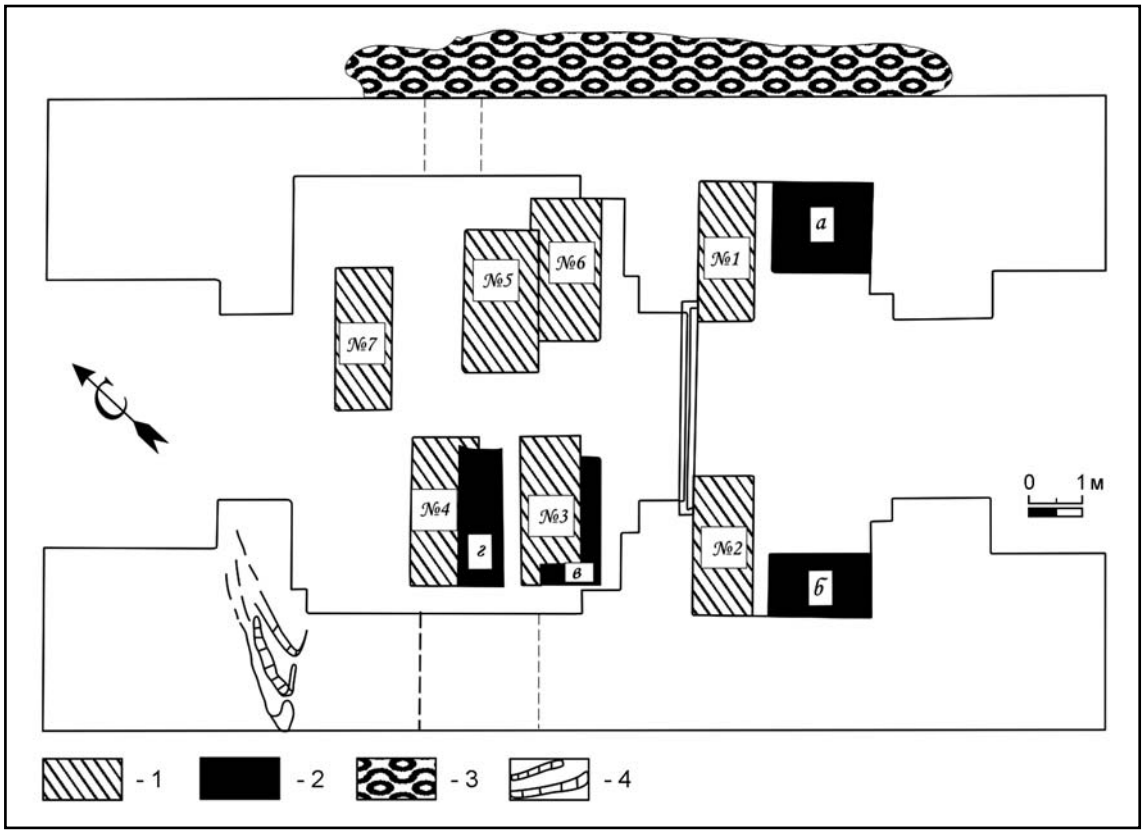


Рис. 11. План мавзолея 1. Раскопки П.Н. Шишкина, 1913 г. 1 — погребения; 2 — кирпичная вымостка; 3 — щебень на извести; 4 — фрагмент каменной лестницы (по Кротков 1915: 112).

Fig. 11. Plan of mausoleum 1. Excavated by P.N. Shishkin, 1913. 1 — graves; 2 — brick pavement; 3 — rubble on lime; 4 — fragment of stone stairs (after Кротков 1915: 112).

Эти находки, как правило, не имеют четкой датировки и привязки к месту, поэтому их потенциал для исторической топографии невелик.

На сегодняшний день археологические раскопки большими площадями на территории городища невозможны. Часто одна средневековая постройка располагается во дворах трех-четырех частных владений и выходит на смежные дороги**.** Пока возможны лишь небольшие раскопы, которые дают основную информацию о данном участке. Эти выводы должны проверяться на соседних раскопах. Такой вариант позволит выработать стратиграфическую шкалу городища, выявить новые археологические объекты и установить их датировку. Опыт раскопок 2010—2011 гг. дал положительные результаты. На общей площади 58 кв. м выявлен культурный слой мощностью 2—3,5 м, следы двух построек, три слоя золотоордынского времени и редчайшие находки изделий из органики хорошей сохранности.

Природно-географический фактор и изменение ландшафта. Увекское городище

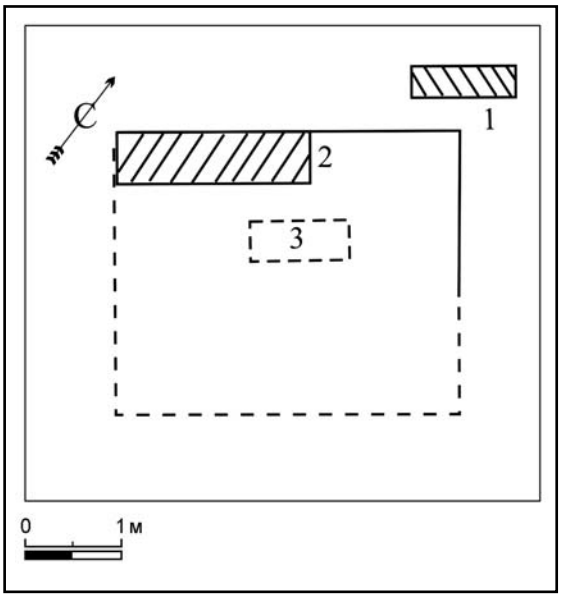


Рис. 12. План мавзолея 2. Раскопки П.Н. Шишкина, 1923 г. 1—3 — раскопанные погребения (по Шишкин 1923).

Fig. 12. Plan of mausoleum 2. Excavated by P.N. Shishkin, 1923. 1—3 — unearthed graves (after Шишкин 1923).

резко отличается в ландшафтном отношении от остальных золотоордынских городов по Волге. Возвышенный участок — гора Увек — оползневыми цирками спускается к Волге, образуя пересеченную местность. Вся площадь городища испещрена многочисленными холмами, возвышенностями и оврагами. Склон горы ступенями понижается в восточном направлении, образуя еще три террасы. Первая надпойменная терраса почти полностью затоплена. Лишь на южной окраине п. Увек в основании склона «сохранилась она в виде массивов развеваемых песков (дюн) на пойме» (Рогозин, Дунаева 1962: 13). На второй и третьей террасах расположилась основная часть городища. Вершина горы Увек (гора Песчанка) располагается в северо-западной части городища. Она возвышается над уровнем Волги на 120 м и покато спускается в северном направлении от городища. Полагаем, что именно эта гора дала название городищу. В монгольском языке «укек» или «*ӳхэг*» означает «удлиненный шкаф, ящик; массивная гора или крупная возвышенность с плоским верхом (в форме сундука)» (Молчанова 1979: 324). Итак, гора с горизонтально усеченной вершиной, которая на современных картах называется Увек, дала название средневековому городу Укек [4]. Горные места с подобными монгольскими названиями есть в Киргизии и на Алтае. Гора, под которой приютился золотоордынский город Укек, резко возвышается над окрестностью и видна с расстояния в 30—40 км. Этот ориентир виден как с суши, так и с воды.

Волга в районе Увекского городища также имеет свою специфику. Здесь заканчивается озеровидное расширение. Возле городища русло Волги сужается, отчего увеличивается скорость течения реки (Природа Саратовской области 1941: 80), а само течение упирается в берег возле поселка Увек. Здесь располагалась переправа через Волгу. Рыбные ресурсы реки активно использовались местным населением города, о чем свидетельствуют находки рыболовных грузил и крючков для различных видов сетей, а также многочисленные кости, жаберные щитки и чешуя рыб. Пойменные участки у правого берега Волги встречаются ниже Увека, в районе п. Нефтяной (Рогозин, Дунаева 1962: 5). Часть из них теперь затоплена водохранилищем. Они могли использоваться как для земледелия, так и для скотоводства.

Литература

Архив А. А. Кроткова: *Исторические выписки А. А. Кроткова*. Саратовский областной музей краеведения. Архив А. А. Кроткова. Оп. 1. Д. 69. Л. 15.

Баллод Ф. В. 1923. *Приволжские «Помпеи»*. Москва; Петроград: Мосполиграф.

ГАСО: *Материалы о проведении археологических раскопок в районе Набережного Увека*. Государственный архив Саратовской области. Ф. 407. Оп. 2. Д. 965. Л. 8—12, 15—17, 19—20, 23—26.

Глухова Н. 1994. Накопали на целый музей. *Саратов* (газета), № 127, 26 июля 1994.

Голицын Л. Л., Краснодубровский С. С. 1890. *Укек. Доклады и исследования по археологии и истории Укека*. Саратов: Типография Губернского земства.

Голицын Л. Л. 1891. *Доклад о раскопках на Увеке*. Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 8—11.

Духовников Ф. 1895. Раскопки и находки на Увеке. *Московские ведомости*, № 284.

Духовников Ф. 1896. Несколько слов о старинной татарской постройке на Набережном Увеке. *Саратовский листок*, 3 апреля 1896.

Евтеев А. А., Кубанкин Д. А. 2009. Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005—2007 гг. В: Юдин А. И. (отв. ред.). *Археологическое наследие Саратовского края* 9. Саратов, 129—151.

Кротков А. А. 1915. Раскопки на Увеке в 1913 году. *Труды СУАК* 32, 111—133.

Кубанкин Д. А. 2005. Неопубликованная рукопись А. А. Кроткова «Увек-Саратовский по данным истории и археологии». *Поволжский край* (12). Саратов.

Кубанкин Д. А. 2006. *Отчет об археологических работах на Увекском городище в 2005 году*. Саратов. Архив ИА РАН.

Кубанкин Д. А. 2006а. Изучение Увекского городища Саратовской ученой архивной комиссией. В: *Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития*. Труды СОМК 9. Саратов: Локатор, 286—292.

Кубанкин Д. А. 2007. *Отчет о раскопках северо-западного некрополя Увекского городища в 2006 году*. Саратов. Архив ИА РАН.

Кубанкин Д. А. 2008. *Отчет об археологических работах на Увекском городище Саратовской области, г. Саратова в 2007 году*. Саратов. Архив ИА РАН.

Кубанкин Д. А. 2009. *Отчет об археологических работах в г. Саратове в 2008 году.* Т. 1. *Археологические исследования на Увекском городище*. Саратов. Архив ИА РАН.

Кубанкин Д. А. 2010. *Отчет об археологических раскопках на Увекском городище в 2009 г.* Саратов.

Кубанкин Д. А. 2010а. Жилище мастера на северо-западной окраине Увекского городища. В: Васильев Д. В. (отв. ред.). *Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия*. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. Астрахань: Астраханский университет, 299—303.

[4] В отзыве на публикуемый сборник И. Л. Кызласовым было сделано уточнение касательно перевода на русский язык этого слова, за что выражаем признательность рецензенту. Данный отрывок отредактирован автором с учетом замечания И. Л. Кызласова.

Малов Н.М. 2003. Археологические объекты и историческая топография золотоордынского города Укек. В: Рашитов Ф.А. (ред.). *Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий*. Материалы научно-практич. конф. Саратов: Издательство Саратовской губернской торгово-промышленной палаты, 27—42.

Молчанова О.Т. 1979. *Топонимический словарь Горного Алтая*. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства.

Отчет... 1893: Отчет о деятельности СУАК за 1899—1890 гг. 1893. *Труды СУАК* IV (I).

Письмо ИАК: *Письмо ИАК к Л.Л. Голицыну.* Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 30. Л. 4—4 об.

План А. Рыкачева. Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 15.

Природа Саратовской области 1941: *Природа Саратовской области (Физико-географические очерки)*. 1941. Саратов: Саратовское областное государственное издательство.

Протокол 1894: Протокол общего собрания СУАК 9.02. 1893 г. *Труды СУАК* IV (III).

Раскопки в Саратовской губернии. 1893. *ОАК за 1891 г.*, 99—100.

Раскопки на Увеке. 1893. *Саратовский листок* № 193.

Раскопки 1895: Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 4, 6—14 об.

Рогозин И.С., Дунаева Г.В. 1962. *Оползни Саратовского Поволжья.* Москва: АН СССР.

Сингатулин Р.А. 2005. *Отчет об археологических разведках на территории Увекского городища в Заводском районе г. Саратова и прилегающей акватории Волгоградского водохранилища*. Архив ИА РАН. Р-1 26196. Саратов.

Сингатулин Р.А. 2007. Археологические исследования на Увекском городище. *Археологическое наследие Саратовского края* 7. Саратов: Научная книга, 76—90.

Сингатулин Р.А. 2008. Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. *Археологическое наследие Саратовского края* 8. Саратов: Научная книга, 139—155.

Сингатулин Р.А. 2009. Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2006 г. В: Юдин А.И. (отв. ред.). *Археологическое наследие Саратовского края* 9. Саратов: Издательский Дом «Полиграфия Поволжья», 112—128.

СОМК: *Карты, рисунки и снимки А.А. Кроткова*. Архив А.А. Кроткова. Саратовский областной музей краеведения. Оп. 1. Д. 152. Л. 8—9.

Тени веков… 1994: Тени веков на кончике лопаты. *Саратов* (газета), № 250, 10 октября 1994.

Увекские древности. 1894. *Саратовский листок* № 48, 4 марта 1894.

Хроника. 1895. *Саратовский листок* № 220, 12 октября 1895.

Шишкин П.Н. 1923. *Отчет о раскопках на городище «Укак» в 1923 году*. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 980.

Nedashkovskiĭ, L. F. 2004. *Ukek: The Golden Horde city and his periphery*. Oxford, England: Archaeopress.

ZZ. 1895. Французский ученый-археолог в Саратове. *Саратовский листок* № 207.

References

Istoricheskie vypiski A.A. Krotkova (A.A. Krotkov's Historical Excerpts). Saratov Regional Museum of Local Lore. Archive by A.A. Krotkov. Inventory 1. Dossier 69. Sheet 15 (in Russian).

Ballod, F.V. 1923. *Privolzhskie «Pompei» ('Pompeii' in the Volga Region)*. Moscow; Petrograd: "Mospoligraf" Publ. (in Russian).

*Materialy o provedenii arkheologicheskikh raskopok v raione Naberezhnogo Uveka (Materials on Archaeological Research in the Area of Uvek Enbankmen*t). Saratov Oblast State Archive. Fond 407. Inventory 2. Dossier 965. Sheet 8—12, 15—17, 19—20, 23—26 (in Russian).

Glukhova, N. 1994. In *Saratov ('Saratov' Newspaper)* No. 127, 26 July 1994 (in Russian).

Golitsyn, L.L., Krasnodubrovsky, S.S. 1890. *Ukek. Doklady i issledovaniia po arkheologii i istorii Ukeka (Ukek. Reports and Studies in Archaeology and History of Ukek)*. Saratov: Gubernskoe zemstvo Publ. (in Russian).

Golitsyn, L.L. 1891. *Doklad o raskopkakh na Uveke* (*Report on the Digs on Uvek*). Archive of Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fond 1/1891. Dossier 30. Sheet 8—11 (in Russian).

Dukhovnikov, F. 1895. In *Moskovskie vedomosti ('Moskovskie vedomosti' Newspaper)* No. 284 (in Russian).

Dukhovnikov, F. 1896. In *Saratovskii listok ('Saratovski Listok' Newspaper)*, 3. 04. 1896 (in Russian).

Evteev, A.A., Kubankin, D.A. 2009. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Province)* 9. Saratov, 129—151 (in Russian).

Krotkov, A.A. 1915. In *Trudy Satatovskoi uchenoi arkhivnoi komissiii (Proceedings of Saratov Academic Archival Commission)* 32, 111—133 (in Russian).

Kubankin, D.A. 2005. In *Povolzhskii krai (Volga Area)* 12. Saratov (in Russian).

Kubankin, D.A. 2006. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na Uvekskom gorodishche v 2005 godu (Report on Archaeological Works on the Uvek Hillfort in 2005)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kubankin, D.A. 2006a. In *Kraevedenie i arkhivnoe delo v provintsii: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiia (Local History and Archiving Business in the Province: a Historical Experience and Perspectives for Growth)*. Trudy Saratovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia (Proceedings of the Saratov Regional Museum of Local Lore) 9. Saratov: "Lokator" Publ., 286—292 (in Russian).

Kubankin, D.A. 2007. *Otchet o raskopkakh severo-zapadnogo nekropolia Uvekskogo gorodishcha v 2006 godu (Report on the Digs on the North-Western Necropolis of the Uvek Hillfort in 2006)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kubankin, D.A. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na Uvekskom gorodishche Saratovskoi oblasti, g. Saratova v 2007 godu (Report on Archaeological Works on the Uvek Hillfort in Saratov Oblast and the City of Saratov in 2007)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kubankin, D.A. 2009. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v g. Saratove v 2008 godu (Report on Archaeological Works in Saratov in 2008)*. Vol. 1. *Arkheologicheskie issledovaniia na Uvekskom gorodishche (Archaeological Research on the Uvek Hillfort)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Saratov. (in Russian).

Kubankin, D.A. 2010. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Uvekskom gorodishche v 2009 g. (Report on Archaeological Works on the Uvek Hillfort in 2009)*. Saratov (in Russian).

Kubankin, D.A. 2010a. In *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology in the Lower Reaches of the Volga: Issues, Searches, Discoveries)*. Astrakhan: Astrakhan University Publ., 299—303 (in Russian).

Malov, N.M. 2003. In *Zolotoordynskomu gorodu Ukeku sem' s polovinoi stoletii (The Golden Horde Town of Ukek is 750 Years Old)*. Saratov: "Izdatel'stvo Saratovskoi gubernskoi torgovo-promyshlennoi palaty" Publ., 27—42 (in Russian).

Molchanova, O.T. 1979. *Toponimicheskii slovar' Gornogo Altaia (Toponymic Dictionary of the Altai)*. Gorno-Altaisk: "Gor-

no-Altaiskoe otdelenie Altaiskogo knizhnogo izdatel'stva" Publ. (in Russian).

Otchet o deiatel'nosti SUAK za 1899—1890 gg. (SAAC Progress Report for 1899—1890). 1893. *Trudy Satatovskoi uchenoi arkhivnoi komissiii (Proceedings of Saratov Academic Archival Commission)* IV (I) (in Russian).

Pis'mo IAK k L.L. Golitsynu (Letter of the Imperial Archaeological Commission to L.L. Golitsyn). Archive of Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fond 1/1895. Dossier 30. Sheet 4—4 ob. (in Russian).

Plan A. Rakacheva (A. Rakachev's Plan). Archive of Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fond 1/1895, Dossier 122, Sheet 4, 6—14 ob., 15 (in Russian).

Priroda Saratovskoi oblasti (Fiziko-geograficheskie ocherki) (The Nature of Saratov Oblast (Physical-Geographical Essays)). 1941. Saratov: "Saratovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Protokol obshchego sobraniia SUAK 9.02. 1893 g. (Minutes of the SAAC General Meeting of 9.02.1893). In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissiii (Proceedings of Saratov Academic Archival Commission)* IV (III) (in Russian).

Raskopki v Saratovskoi gubernii (Digs in Saratov Guberniya). 1893. *Otchet arkheologicheskoi komissii za 1891 g. (Report of the Archaeological Commission from 1891)*, 99—100 (in Russian).

Raskopki na Uveke (Digs of Uvek). 1893. *Saratovskii listok ('Saratovski Listok' Newspaper)* No. 193 (in Russian).

Rogozin, I.S., Dunaeva, G.V. 1962. *Opolzni Saratovskogo Povolzh'ia (Landslides in the Volga Area near Saratov).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Singatulin, R.A. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Uvekskogo gorodishcha v Zavodskom raione g. Saratova i prilegaiushchei akvatorii Volgogradskogo vodokhranilishcha (Report on Archaeological Surveys on the Territory of Uvek Hillfort in Zavodskoy District of Saratov and Adjacent Basin of the Volgograd Dam Pond).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-126196. Saratov (in Russian).

Singatulin, R.A. 2007. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Province)* 7. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 76—90 (in Russian).

Singatulin, R.A. 2008. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Province)* 8. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 139—155 (in Russian).

Singatulin, R.A. 2009. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Province)* 9. Saratov: "Poligrafiia Povolzh'ia" Publ., 112—128 (in Russian).

Maps, drawings and photos by A.A. Krotkov. Archive by A.A. Krotkov. Saratov Regional Museum of Local Lore. Inventory 1. Dossier 152. Sheet 8—9 (in Russian).

Teni vekov na konchike lopaty (Shadows of Centuries on the Shovel's Tip). *Saratov ('Saratov' Newspaper)* No. 250, 10 October 1994 (in Russian).

Uvekskie drevnosti (Uvek Antiquities).. 1894. *Saratovskii listok ('Saratovski Listok' Newspaper)* No. 48, 4 March 1894 (in Russian).

Khronika (Chronicle). 1895. *Saratovskii listok ('Saratovski Listok' Newspaper)* No. 220, 12 October 1895 (in Russian).

Shishkin, P.N. 1923. *Otchet o raskopkakh na gorodishche «Ukak» v 1923 godu (Report on the Digs on 'Ukak' Hillfort in 1923).* Saratov Oblast State Archive. Fond 407. Inventory 2. Dossier 980 (in Russian).

Nedashkovsky, L.F.2004. *Ukek: the Golden Horde city and its periphery.* BAR international series, 1222. Oxford, England: Archaeopress.

ZZ. 1895. Frantsuzskii uchenyi-arkheolog v Saratove (French Research Archaeologist in Saratov). *Saratovskii listok ('Saratovski Listok' Newspaper)* No. 207 (in Russian).

К. А. Руденко

Konstantin Rudenko. Doctor of Historical Sciences. Kazan State University of Culture and Arts[1].

Руденко Константин Александрович. Доктор исторических наук. Казанский государственный университет культуры и искусств.

E-mail: murziha@mail.ru

Address: [1] Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation

Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды)

Keywords: Middle Volga Region, Volga Bulgaria, Golden Horde sites, historical geography.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Волжская Булгария, золотоордынские памятники, историческая география.

K. A. Rudenko

Sites of Golden Horde Time in the Middle Volga Region (Bulgar Ulus of the Golden Horde)

The author provides general characteristics for over a hundred of archaeological sites of the Golden Horde time on the territory of the Volga Bulgaria, such as forts, unfortified settlements and necropolises. He studies history of their research, area of distribution, topography of some sites, stratigraphy and chronology, archaeological material, and historical context of their emergence and development.

Archaeological research of 19th—20th cc. detected at least 330 settlements — both fortified and unfortified. Best studied are forts, i.e. remains of towns and fortresses. Yet, only a small part of archaeological forts can be identified as historical towns mentioned in written sources. Thus, the article first studies towns known from written sources (with Bilyar and Bulgar as the largest ones), then the forts that emerged in pre-Mongol period and continued to exist over the Golden Horde time, and then the forts emerged during the Golden Horde time and unfortified settlements, and last — necropolises of late nomads on the territory of Bulgar Ulus. Necropolises left by the settled population are considered in parallel with the respective settlements.

К. А. Руденко

Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды)

В статье приводится общая характеристика более ста археологических памятников эпохи Золотой Орды на территории Волжской Булгарии — городищ, селищ и могильников. Рассматриваются история их изучения, территория распространения, топография отдельных памятников, стратиграфия и хронология, археологический материал, исторический контекст возникновения и развития.

Археологическими исследованиями XIX—XX вв. выявлено не менее 330 поселений, укрепленных и неукрепленных. Наиболее хорошо изучены городища — остатки городов и крепостей. Однако только небольшую часть археологических городищ удается отождествить с историческими городами, упомянутыми в письменных источниках. В статье мы рассматриваем сначала города, известные по письменным источникам (крупнейшими из них были Биляр и Булгар), затем городища, возникшие в домонгольский период и продолжавшие существовать в золотоордынский, далее — городища, возникшие в эпоху Золотой Орды, и неукрепленные поселения (селища), в конце — могильники поздних кочевников на территории Булгарского улуса. Могильники оседлого населения рассматриваются параллельно с соответствующими поселениями.

Эпоха Золотой Орды явилась одной из ярких страниц истории культуры народов Среднего Поволжья. Несмотря на тяжесть монгольского разорения, значительная часть булгарских городов во второй половине XIII в. была восстановлена. В первую очередь это касалось крупных центров — Биляра и Болгара. Вместе с тем, исторически сложившаяся внутренняя структура булгарского государства претерпела существенные изменения. Булгария была включена в систему общеимперского районирования, где ведущую роль стал играть Болгар — столица и административный центр Булгарского улуса.

Во второй половине XIV в. в письменных источниках упоминаются и другие горо-

© К. А. Руденко, 2015.

да — Кирменчук, Казань, Кашан, Тубулгутау, но как центры отдельных княжеств в конце XIV в. выступали только два города — Болгар и Джукетау. Другие крупные булгарские города продолжили свое существование, но уже в рамках новых административных единиц, например, Биляр и Сувар.

История изучения

Памятники золотоордынского времени, и прежде всего Болгарское городище, привлекали к себе внимание ученых, начиная с XVIII в. Стационарные раскопки золотоордынских памятников, и прежде всего Болгара, начались в конце 1930-х гг. и продолжаются до сих пор. Значительный вклад в исследование Болгарского городища внесла Поволжская археологическая экспедиция под руководством А. П. Смирнова (с 1949 г.). В настоящее время на Болгарском городище работает археологическая экспедиция Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан.

Широкомасштабные раскопки другого крупного золотоордынского центра в Заказанье — Русско-Урматского селища и Камаевского городища — проводила экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР под руководством Н. Ф. Калинина в 1950-х гг. Исследователь считал, что они представляют остатки одного города — Старой Казани: городище было кремлем города, а селище — его посадом. Раскопки были продолжены Р. Г. Фахрутдиновым в 1970—80-х гг. и в 1990-х гг. археологами НЦАИ ИИ АН Республики Татарстан.

В Заказанье в 1950—90-х гг. экспедицией ИЯЛИ КФАН и НЦАИ ИИ АН Республики Татарстан исследовалось Чаллынское городище. С 1967 года ведутся стационарные исследования Биляра и его окрестностей.

Большая часть селищ эпохи Золотой Орды была выявлена в результате разведочных работ, проведенных в 1945—1956 и 1960—1970-х гг. археологами КФАН СССР (сейчас — ИА АН РТ) по составлению археологической карты Татарстана. Историческая география булгарских домонгольских и золотоордынских поселений была специально исследована и опубликована Р. Г. Фахрутдиновым в 1975 г. Эпиграфические памятники эпохи средневековья, в том числе и золотоордынского времени, были обследованы Али-Рахимом в 1920—30-х гг., Н. Ф. Калининым и Г. В. Юсуповым в 1950—60-х гг. и Д. Г. Мухаметшиным в 1990-х гг.

Сельские поселения золотоордынского времени изучались в 1970—80-х гг. Е. П. Казаковым, Г. И. Матвеевой, а в 1990-х гг. К. А. Руденко.

Территория

Границы Волжской Булгарии домонгольского времени по археологическим материалам в XI — начале XIII в. определяются следующим образом. Северная граница Волжской Булгарии проходила по р. Казанке, западная — по р. Свияге, частично заходя на ее левый берег, восточная — по р. Шешме, а южная достигала Жигулевских гор (рис. 1). Это была основная государственная территория Волжской Булгарии (Фахрутдинов 1975). Вне этой территории, в местах расселения поволжских и пермских финнов, зафиксированы поселения, где концентрируются предметы булгарского производства или их подражания и копии. Такие поселения (поселенческие колонии) XI—XII вв. зафиксированы в Прикамье[1] и Посурье[2]. После монгольского нашествия территория Волжской Булгарии входит в состав Золотой Орды (рис. 2).

Как отмечал Р. Г. Фахрутдинов, «основная, центральная территория бывшей домонгольской Булгарии в первой половине периода Золотой Орды продолжала еще заселяться, хотя большинство населения передвигалось к северу, занимая все больше прибрежные зоны Камы. Южная граница земель проходила где-то на уровне р. Майна — нижнее течение рек М. Черемшан и Сульча. Небольшие островки памятников имеются и в более южных районах» (рис. 3) (Фахрутдинов 1975: 54—55).

Археологические памятники

Малочисленность письменных источников по истории Булгарского улуса Золотой Орды восполняется данными археологии. Благодаря археологическим исследованиям выявлено не менее 330 поселений — археологических следов городов, сел и крепостей (Фахрутдинов 1975: 29, 36, табл. 1).

[1] В сущности, речь идет о торговых пунктах (городах или протогородах), построенных местным населением (Кыласово, Рождественское городища), где жили булгары. На это мнение ссылается и Ф. Ш. Хузин (Хузин 2006: 186—187). О территории Булгарии здесь речи нет.

[2] К типу «малых городов» Ф. Ш. Хузиным отнесено только Юловское городище, вероятно, по типу укреплений (Хузин 2001: 182).

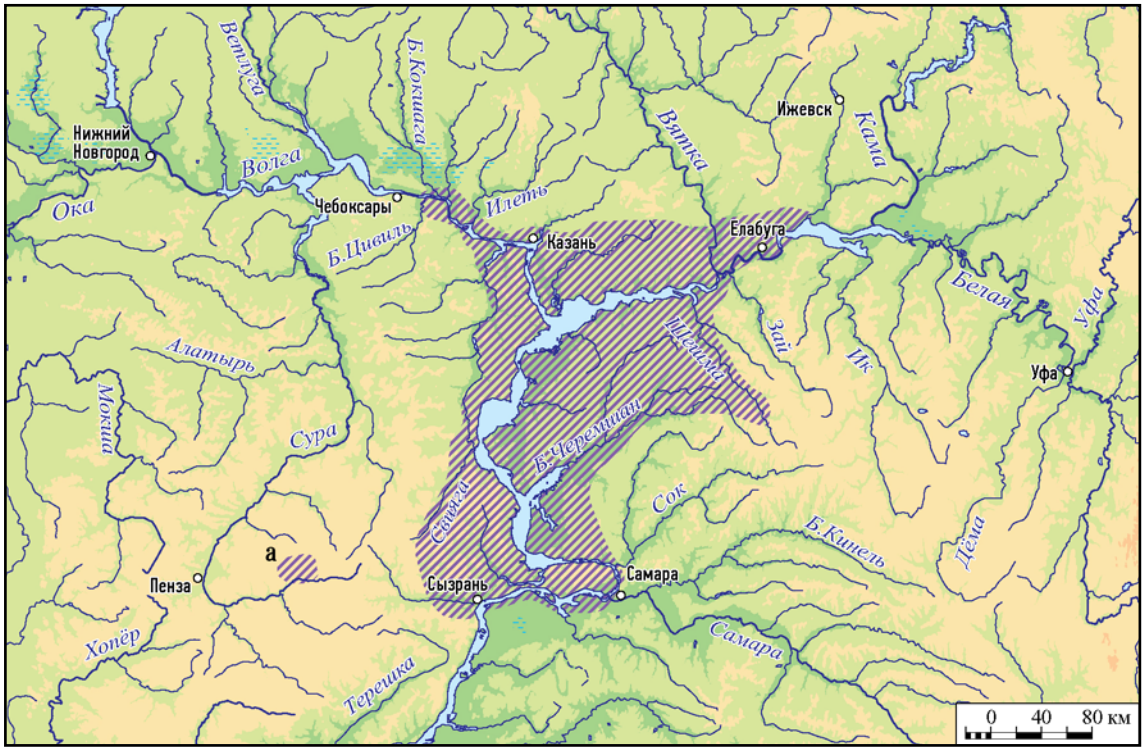


Рис. 1. Волжская Булгария в границах начала XIII в. на географической карте Поволжья (а — пензенская группа памятников).

Fig. 1. Volga Bulgaria within its borders in early 13th c. on the geographical map of the Volga Region (a — Penza group of sites).

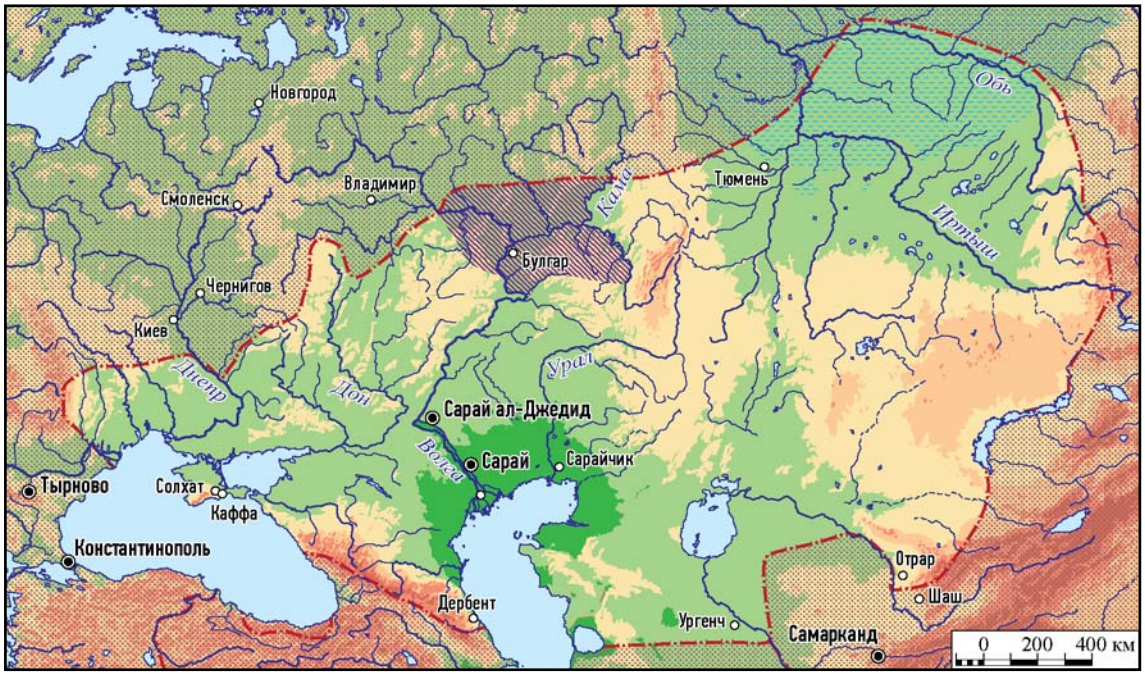


Рис. 2. Расположение булгарского улуса Золотой Орды (около 1310 г.) (по Греков, Якубовский 1950, карта-вклейка «Монгольские государства около 1310 г.», фрагмент).

Fig. 2. Location of Bulgar Ulus of the Golden Horde (about 1310) (after Греков, Якубовский 1950, inserted map "Mongol States in cca. 1310", fragment).

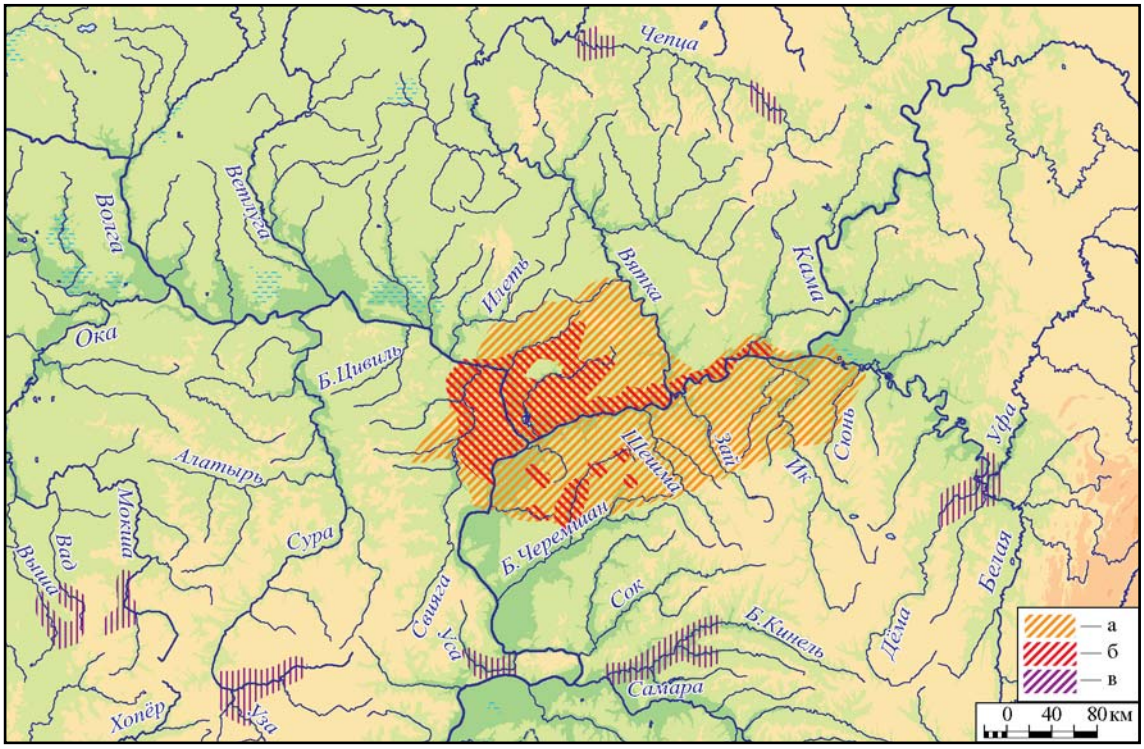


Рис. 3. Территория Волжско-Камской Булгарии в золотоордынский период: а — основные булгарские земли во второй половине XIII — первой половине XIV в.; б — основные булгарские земли во второй половине XIV — первой половине XV в.; в — районы распространения групп булгарских археологических памятников за пределами основной территории (по Фахрутдинов 1975: рис. 2).

Fig. 3. The territory of the Volga-Kama Bulgaria during the Golden Horde period: a — main Bulgar lands in the second half of 13th — first half of 14th c.; б — main Bulgar lands in the second half of 14th — first half of 15th c.; в — distribution of Bulgar archaeological sites groups beyond their main territory (after Фахрутдинов 1975: рис. 2).

Только небольшая часть археологических городищ сопоставима с историческими городами. Большая часть выявленных поселений пока имеет условные археологические наименования.

Наиболее хорошо исследованы на сегодняшний день городища — остатки городов и крепостей (рис. 4). Мы рассматриваем сначала археологические памятники, известные по письменным источникам, затем археологические городища, возникшие в домонгольский период и продолжившие существование в золотоордынский, в последнюю очередь — городища, возникшие в эпоху Золотой Орды, и неукрепленные поселения. Приведены также сведения о могильниках поздних кочевников на территории Булгарского улуса[3].

Города, известные по письменным источникам

1. Биляр — Великий город. Археологически идентифицируется с **Билярским городищем**, расположенным в с. Билярск Алексеевского района Татарстана и к юго-востоку от него на обоих берегах речки Билярки, притока Малого Черемшана (рис. 5: А). Площадь городища 5700 тыс. кв. м. Исследуется стационарным раскопками с 1967 г. К началу XXI в. на городище вскрыта площадь свыше 14 тыс. кв. м (Фахрутдинов 1975: 100—101, №271; АКТ 1990: 47—49, №410; Халиков 1985: 12).

Город возник из нескольких поселений[4], одно из которых известно как **Билярское II**

[3] Данный обзор охватывает наиболее значимые археологические памятники, а также те, которые получили атрибуцию в научной литературе. Подробные сведения о памятниках Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства можно найти в Своде Р. Г. Фахрутдинова (Фахрутдинов 1975) и в Археологической карте Татарстана, вышедшей в 5 выпусках (АКТ 1981; 1985; 1986; 1987; 1988; 1990). Сокращения в тексте и сносках: АКТ — Археологическая карта Татарской АССР.

[4] А. Х. Халиков и Ф. Ш. Хузин считают, что Биляр был построен по единому плану в полном объеме в 920-х гг. Но материалы исследований 1990-х гг. во внутреннем городе и на близлежащих сели-

селище, площадью около 360 тыс. кв.м, расположенное в 1 км к северу от с. Билярск на левом берегу р. Малый Черемшан (рис. 9) (Фахрутдинов 1975: 101, №274; АКТ 1990: 55, №433)[5]. В 2001 г. на Билярском II селище был найден клад куфических монет рубежа X—XI вв., состоящий из более чем 1800 монет, целых и фрагментов — дирхемов Мамунидов, Зийаридов, Буидов, Саманидов, Караханидов (Беговатов 2006: 93). На селище в раскопах найдены целый дирхем хорезмшаха Али б. Мамуна (997—1015 гг.), четверть дирхема Фахр ад-Даула (366—387 г. х.)[6], несколько фрагментов саманидских куфических дирхемов X в. и плохо сохранившиеся половинки двух медных фельсов, возможно, периода Караханидов[7]. Эти находки позволяют датировать культурный слой и закрытые комплексы исследованной части Билярского II селища второй половиной X — началом XI в.

Предполагается, что к XI в. город имел укрепления из земляных валов и рвов. В XI—XII вв. вокруг внешней линии укреплений Биляра возникла целая сеть селищ-сателлитов площадью в несколько гектаров. Всего площадь домонгольского городища вместе с посадами составляет 8000 тыс. кв.м (рис. 6) (Халиков 1985: 7).

К началу XIII в. город имел двухчленную структуру (внутренний (1160 тыс. кв.м)[8] и внешний город (3741 тыс. кв.м) (Культура Биляра 1985: 5—6), с укреплениями, состоявшими из нескольких рядов земляных валов разной высоты (от 2 до 3 м) и рвов (рис. 5: А). Система обороны Биляра включала дополнительные укрепления на северных водораздельных высотах. Это **Балынгузское городище** (рис. 7: 1), расположенное к западу от деревни Горка на горе «Балынгуз» в правобережье р. Малый Черемшан, площадью более 4000 тыс. кв.м (Фахрутдинов 1975: 109, №447; АКТ 1990: 77, №719) и примыкающее к нему **Горкинское I городище**, с выделенной цитаделью. Крайним восточным пунктом в системе внешний линии обороны города было **Горкинское II городище** (рис. 6)[9]. С запада Биляр защищали **Николаевбаранские I и II городища** (рис. 7: 2) (Дроздова 1997: 29—30).

Культурные отложения на городище сформировались в основном в период до монгольского завоевания и фиксируются в виде одного слоя, разделенного на горизонты, отражающие хронологические стадии его накопления (Хузин 2001: 96). Подавляющее большинство находок с городища относится к домонгольскому времени (рис. 10; 11).

Биляр был взят штурмом в 1236 г. После монгольского нашествия внешний пояс обороны был заброшен, территория не заселена[10]. Из этой оборонной структуры было восстановлено небольшое поселение в XIV в.

щах (С. И. Валиулина, Е. А. Беговатов; А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков) показали, что материалы рубежа X — начала XI в. во внутреннем городе малочисленны, и в большей мере встречаются за пределами укреплений городища.

[5] Исследовалось Е. А. Беговатовым в 1999—2001 гг. Вскрыта площадь более 600 кв. м. Полученные материалы, в том числе и нумизматические, позволяют предполагать возникновение этого поселения во второй половине X в. (Беговатов 2002: 168—171; Беговатов, Шакиров 2002: 56—58).

[6] Е. А. Беговатов считает, что эта монета отчеканена в 374—379 гг. х. (985—990 гг.).

[7] Е. А. Беговатов отмечал, что «монеты Мамунидов (хорезмшахи II династии) очень редки, поэтому клад куфических монет, найденный на селище, несомненно, связан с материалами селища. На раскопе обнаружены фрагменты импортной стеклянной посуды, большие фрагменты двух стеклянных арабских ламп с "лапками" для подвешивания, несколько каменных и стеклянных бус, найденных вместе, а также фрагменты поливной керамики, возможно, изготовленной в Рее. Хорошо датированной находкой является составной костяной футляр для гребня с циркульным орнаментом. Он аналогичен футляру, найденному в караван-сарае Белой Вежи, и аналогичен новгородским находкам X—XI вв. Похожий найден и на Измерском селище. Полученные материалы позволяют определить торгово-ремесленный статус данного селища, возникшего на рубеже X—XI вв. Отсутствие куфических дирхемов конца X в. (Зийаридов, Мамунидов, Караханидов) на Измерском селище и практическое отсутствие нумизматического материала на Билярском городище позволяют определить хронологическую позицию II Билярского селища между этими двумя археологическими памятниками» (Беговатов 2006: 93).

[8] Во внутреннем городе А. Х. Халиков выделял как самостоятельную градостроительную единицу — цитадель (Халиков 1976а: 38—39).

[9] Стационарно не исследовались.

[10] По мнению А. Х. Халикова, Балынгузское городище является остатками нового города, который жители Биляра пытались построить на новом месте взамен разрушенного старого. Сам Великий город — Биляр, по мнению исследователя, уже никогда не возродился. Попытка оказалась неудачной. Как писал А. Х. Халиков, монголы в 1240-х гг. пресекли эти попытки, и город навсегда угас. Однако отсутствие материалов не позволяет однозначно согласиться с этой версией. Созданная система внешнего пояса укреплений включает домонгольские памятники (например, Николаев-Баранское II, Горкинские городища), а особенности фортификации характерны для домонгольского времени.

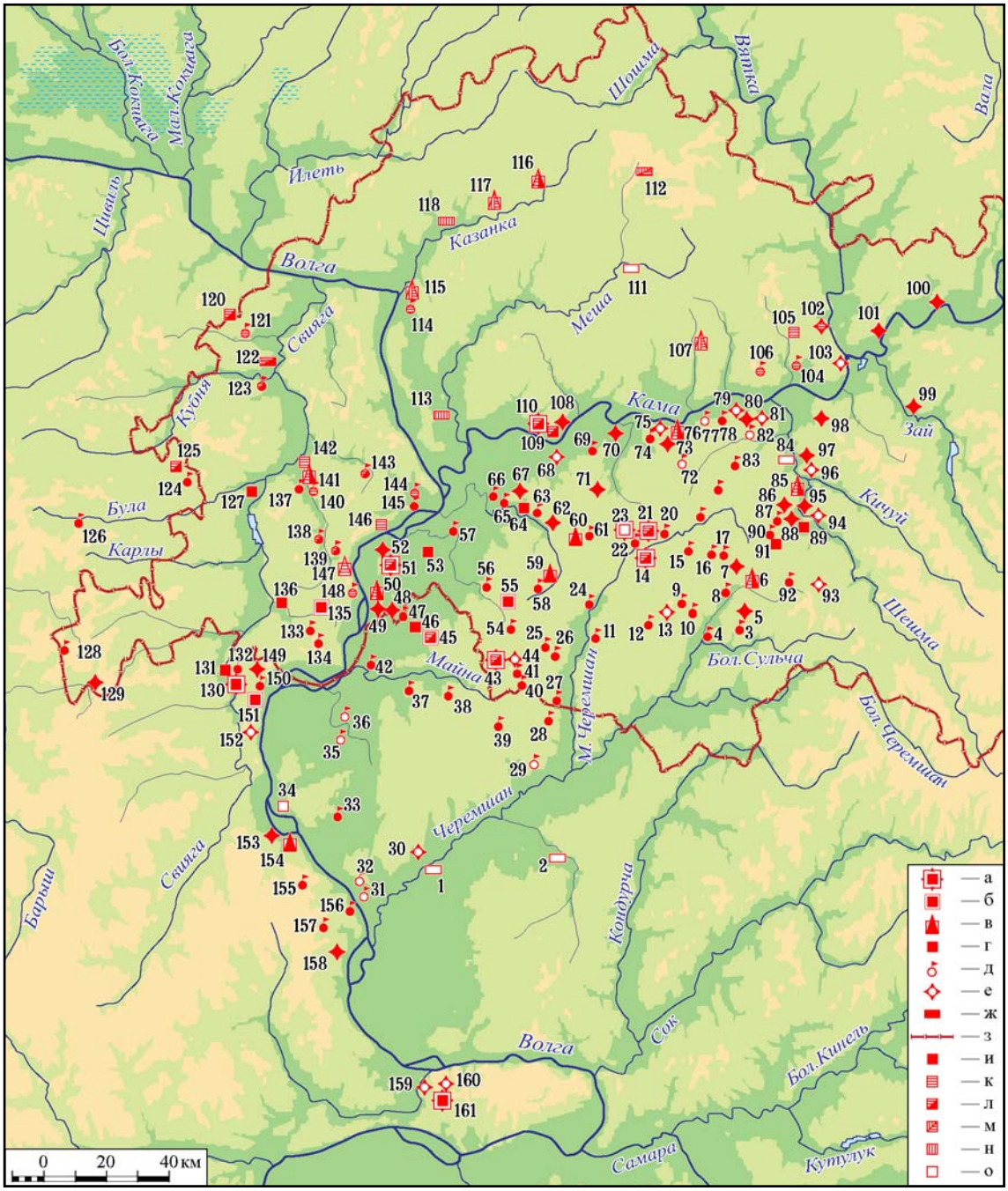


Рис. 4. Карта городищ периода Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства (по Фахрутдинов 1990: рис. 1): а — остатки больших городов; б — остатки средних городов; в — остатки детинцев (кремлей) городов; г — остатки малых городов; д — остатки феодальных замков; е — остатки военных крепостей; ж — городища, характер которых не определён; з — границы Республики Татарстан; и — городища домонгольского периода; к — городища золотоордынского периода; л — городища домонгольского и золотоордынского периодов; м — городища золотоордынского периода и Казанского ханства; н — городища периода Казанского ханства; о — городища общебулгарские (не датированные конкретным периодом).
1 — Коротково-Городищенское; 2 — Красноярское; 3 — Новомокшинское; 4 — Карасинское; 5 — Новоаксубаевское; 6 — Барско-Енарускинское; 7 — Иляшкинское; 8 — Аксубаевское; 9 — Щербеньское II; 10 — Щербеньское I; 11 — Чувбродское; 12 — Новоальметьевское; 13 — Новоамзинское; 14 — Билярское; 15 — Старотатадамское; 16 — Атлашкинское; 17 — Савгачевское; 18 — Изгарское; 19 — Крещелтанское; 20 — Горкинское; 21 — Балынгузское; 22 — Николаев-Баранское I; 23 — Николаев-Баранское II; 24 — Старокамкинское; 25 — Татбурнаевское; 26 — Нижнекачеевское; 27 — Чуваппаковское; 28 — Боровкинское; 29 — Подбелщинское; 30 — Никольское; 31 — Белоярское I; 32 — Белоярское II; 33 — Андреевское; 34 — Крестово-Городищенское; 35 — Ивановское; 36 — Юрманское; 37 — Краснореченское; 38 — Большекандапинское; 39 — Тинаркинское; 40 — Налеткинское; 41 — Старобаранское; 42 — Старомайнское (Грязнухинское); 43 — Суварское; 44 — Якимово-Стрелкинское; 45 — Кокрятьское; 46 — Шмелевское; 47 — Танкеевское I; 48 — Танкеевское II; 49 — Маклашеевское I; 50 —

Балымерское; 51 — Булгарское; 52 — Кирельское; 53 — Щербетьское; 54 — Таттюгульбаевское; 55 — Красноключинское; 56 — Гусихинское; 57 — Старокуйбышевское; 58 — Староматакское; 59 — Старонохратское; 60 — Ромоданское I; 61 — Ромоданское II; 62 — Караваевское; 63 — Восточно-Войкинское; 64 — Западно-Войкинское; 65 — Бураковское; 66 — Коминтерновское; 67 — Березовогривское; 68 — Балахчинское; 69 — Алексеевское; 70 — Остолоповское; 71 — Куркульское; 72 — Нарат-Елгинское; 73 — Белогорское; 74 — Утяковское; 75 — Кубасское (Берёзовское); 76 — Джукетаусское; 77 — Змеевское I; 78 — Змеевское II; 79 — Булдырское; 80 — Малополянское; 81 — Русскосарсазское; 82 — Малотолкишское; 83 — Староромашкинское; 84 — Городищенское; 85 — Тубулгатауское; 86 — Сосновское II; 87 — Елховское; 88 — Сосновское I; 89 — Новошешминское I; 90 — Екатеринино-Слободинское II; 91 — Екатеринино-Слободинское I; 92 — Черемухово-Слободинское; 93 — Ивашкинское; 94 — Новошешминское III; 95 — Новошешминское II; 96 — Утяшкинское; 97 — Елантовское; 98 — Ошинское; 99 — Краснокадкинское; 100 — Елабужское; 101 — Котловское I; 102 — Красногорское; 103 — Граханьское; 104 — Омарское; 105 — Кирменское; 106 — Дигитлинское; 107 — Чаллынское; 108 — «Ежевичная Стрелка»; 109 — Кашанское II; 110 — Кашанское I; 111 — Старозюринское; 112 — Утернясьское; 113 — Тангачинское; 114 — Кабанское; 115 — «Казанский кремль»; 116 — Арское; 117 — Камаевское; 118 — Бимерское; 119 — Свияжское; 120 — Альменевское; 121 — Тавлинское; 122 — Городищенское; 123 — Луковское; 124 — Староянашевское; 125 — Большетоябинское; 126 — Тигашевское; 127 — Деушевское; 128 — Чувбезднинское; 129 — Городищенское; 130 — Староалейкинское; 131 — Красносундюковское I; 132 — Красносундюковское II; 133 — Киртелинское; 134 — Кильдюшевское; 135 — Богдашкинское; 136 — Хулашское; 137 — Староеналейское; 138 — Льяшевское; 139 — Зеленовское; 140 — Танай-Тураевское; 141 — Чуру-Барашевское; 142 — Шонгутское; 143 — Большеклыринское; 144 — Уразлинское; 145 — Янтиковское; 146 — Сюкеевское; 147 — Тетюшское I; 148 — Колунецкое; 149 — Ундорское I; 150 — Ундорское II; 151 — Городищенское; 152 — Поливнооврежное; 153 — Криушское I; 154 — Криушское II; 155 — Сенгилейское; 156 — Буеракское; 157 — Елаурское; 158 — Бекташское; 159 — Жигулёвское; 160 — Александровское; 161 — Валынское.

Fig. 4. Map of fortified settlements dated by the Volga Bulgaria, Golden Horde and Khanate of Kazan (after Фахрутдинов 1990: рис. 1): а — remains of big towns; б — remains of middle-size towns; в — remains of town kremlins; г — remains of small towns; д — remain of feudal castles; е — remains of military fortresses; ж — fortified settlements of unknown purpose; з — borders of the Republic of Tatarstan; and — fortified settlements of pre-Mongol time; к — fortified settlements of the Golden Horde time; л — fortified settlements of pre-Mongol and Golden Horde time; м — fortified settlements of Golden Horde and Khanate of Kazan time; н — fortified settlements of Khanate of Kazan time; о — Bulgar fortified settlements (undated).
1 — Korotkovo-Gorodishche; 2 — Krasnyi Yar; 3 — Novoe Mokshino; 4 — Karasinskoe; 5 — Novoaksubaevskoe; 6 — Barskoe Enaruskino; 7 — Ilyashkinskoe; 8 — Aksubaevskoe; 9 — Shcherbenskoe II; 10 — Shcherbenskoe I; 11 — Chuvbrodskoe; 12 — Novoalmetyevskoe; 13 — Novoamzinskoe; 14 — Bilyar (Bilär); 15 — Starotatadamskoe; 16 — Atlashkinskoe; 17 — Savgachevskoe; 18 — Izgarskoe; 19 — Kreshcheltanskoe; 20 — Gorkinskoe; 21 — Balynguzskoe; 22 — Nikolaev-Baranskoe I; 23 — Nikolaev-Baranskoe II; 24 — Starokamkinskoe; 25 — Tatburnaevskoe; 26 — Nizhnekacheevskoe; 27 — Chuvappakovskoe; 28 — Borovkinskoe; 29 — Podbelshchinskoe; 30 — Nikolskoe; 31 — Beloyarskoe I; 32 — Beloyarskoe II; 33 — Andreevskoe; 34 — Krestovo-Gorodishche; 35 — Ivanovskoe; 36 — Yurmanskoe; 37 — Krasnorechenskoe; 38 — Bolshekandapinskoe; 39 — Tinarkinskoe; 40 — Naletkinskoe; 41 — Starobaranskoe; 42 — Staromaynskoe (Gryaznukhinskoe); 43 — Suar (Suwar); 44 — Yakimovo-Strelkinskoe; 45 — Kokryat; 46 — Shmelevskoe; 47 — Tankeevskoe I; 48 — Tankeevskoe II; 49 — Maklasheevskoe I; 50 — Balymery; 51 — Bulgarskoe; 52 — Kirelskoe; 53 — Shcherbetskoe; 54 — Tattyugulbaevskoe; 55 — Krasnoklyuchinskoe; 56 — Gusikhinskoe; 57 — Stary Kuybyshev; 58 — Staromatakskoe; 59 — Staronokhratskoe; 60 — Romodan I; 61 — Romodan II; 62 — Karavaevskoe; 63 — Vostochno-Voykinskoe; 64 — Zapadno-Voykinskoe; 65 — Burakovskoe; 66 — Komintern; 67 — Berezovogrivskoe; 68 — Balakhchinskoe; 69 — Alekseevskoe; 70 — Ostolopovskoe; 71 — Kurkulskoe; 72 — Narat-Elginskoe; 73 — Belogorskoe; 74 — Utyakovskoe; 75 — Kubasskoe (Beryozovskoe); 76 — Juketau (Cükätaw); 77 — Zmeevskoe I; 78 — Zmeevskoe II; 79 — Buldyrskoe; 80 — Malopolyanskoe; 81 — Russkosarsazskoe; 82 — Malotolkishskoe; 83 — Staroromashkinskoe; 84 — Gorodishche; 85 — Tubulgatauskoe; 86 — Sosnovskoe II; 87 — Elkhovskoe; 88 — Sosnovskoe I; 89 — Novosheshminskoe I; 90 — Ekaterinino-Slobodinskoe II; 91 — Ekaterinino-Slobodinskoe I; 92 — Cheremuhovo-Slobodinskoe; 93 — Ivashkinskoe; 94 — Novosheshminskoe III; 95 — Novosheshminskoe II; 96 — Utyashkinskoe; 97 — Elantovskoe; 98 — Oshinskoe; 99 — Krasnokadkinskoe; 100 — Yelabuga (Alabuğa); 101 — Kotlovskoe I; 102 — Krasnaia Gorka; 103 — Grakhanskoe; 104 — Omarka; 105 — Kirmeni; 106 — Digitli; 107 — Challynskoe; 108 — «Ezhevichnaya Strelka»; 109 — Qashan II; 110 — Qashan I; 111 — Starozyurinskoe; 112 — Uternyasskoe; 113 — Tangachinskoe; 114 — Kabanskoe; 115 — «Kazan Kremlin»; 116 — Arsk; 117 — Kamaevo; 118 — Bimerskoe; 119 — Sviyazhsk; 120 — Almenevo; 121 — Tavlino; 122 — Gorodishche; 123 — Lukovskoe; 124 — Staroyanashevskoe; 125 — Bol'shaia Toyaba; 126 — Tigashevskoe; 127 — Deushevskoe; 128 — Chuvbezdninskoe; 129 — Gorodishche; 130 — Staroalеykinskoe; 131 — Krasnosundyukovskoe I; 132 — Krasnosundyukovskoe II; 133 — Kirtelinskoe; 134 — Kildyushevskoe; 135 — Bogdashkinskoe; 136 — Khulash; 137 — Староеналейское; 138 — Льяшевское; 139 — Зеленовское; 140 — Tanay-Turaevskoe; 141 — Churu-Barysh; 142 — Shongutskoe; 143 — Bolsheklyarinskoe; 144 — Urazlinskoe; 145 — Yantikovskoe; 146 — Syukeevskoe; 147 — Tetyushi I; 148 — Kolunetskoe; 149 — Undorskoe I; 150 — Undorskoe II; 151 — Gorodishche; 152 — Polivnoovrazhnoe; 153 — Kriushskoe I; 154 — Kriushskoe II; 155 — Sengileiskoe; 156 — Buerakskoe; 157 — Elaurskoe; 158 — Bektashskoe; 159 — Zhiguli; 160 — Alexandrovskoe; 161 — Valynskoe.

с напольной стороны Горкинского II городища. На горе Балынгуз, на юго-западной окраине Балынгузского городища у родника в золотоордынский период функционировало кладбище с мавзолеями и надгробными памятниками, известное в литературе как **Балынгузское кладбище с надгробиями** (Фахрутдинов 1975: 109, №448; АКТ 1990: 78, №720)[11].

[11] Надгробия были известны еще в XIX в.; в настоящее время утрачены.

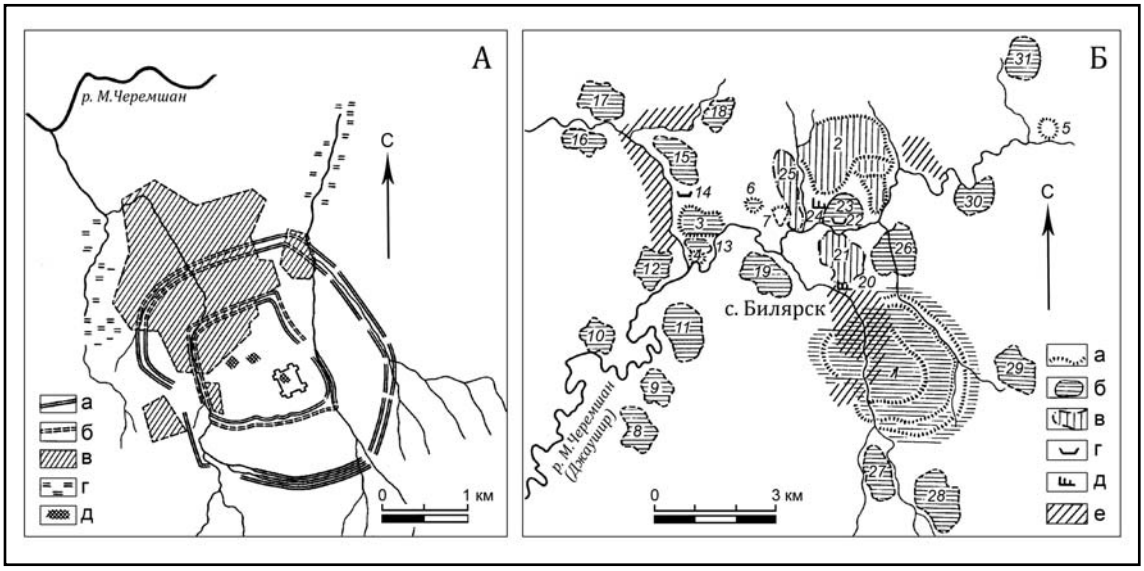


Рис. 5. Планы Билярского городища (А) и его окрестностей (Б) (по Халиков 1976: рис. 10; 22). Условные обозначения, А: а — сохранившиеся валы; б — прослеженные на аэрофотоснимках валы; в — современная застройка; г — заболоченные места; д — бывшие водоемы; Б: а — укрепления; б — поселение домонгольского времени; в — поселение золотоордынского времени; г — кладбище домонгольского времени; д — кладбище золотоордынского времени; е — современные населенные пункты. 1 — Билярское городище; 2 — I Горкинское (Балымер); 3 — I Николаев-Баранское; 4 — II Николаев-Баранское; 5 — II Горкинское; 6 — святилище «Святой ключ»; 7 — городище «Святой ключ»; 8 — VII Билярское; 9 — VI Билярское; 10 — Ерыклинское; 11 — V Билярское; 12 — II Николаев-Баранское; 13 — I Николаев-Баранское; 14 — Николаев-Баранский; 15 — I Арбузово-Баранское; 16 — III Николаев-Баранское; 17 — II Арбузово-Баранское; 18 — III Арбузово-Баранское; 19 — IV Билярское; 20 — кладбище III Билярского селища; 21 — III Билярское; 22 — могильник I Билярского селища; 23 — I Билярское; 24 — кладбище «Балынгуз»; 25 — I Торецкое; 26 — X Билярское; 27 — VIII Билярское; 28 — IX Билярское; 29 — XI Билярское; 30 — I Горкинское; 31 — I Татарско-Майнское.

Fig. 5. Plans of Bilyar fort (A) and its neighborhood (Б) (after Халиков 1976: рис. 10; 22). Legend, A: а — remaining walls; б — walls traced on aerial photographs; в — modern structures; г — water-logged areas; д — former water basins; Б: а — fortifications; б — pre-Mongol settlement; в — Golden Horde time settlement; г — pre-Mongol cemetery; д — Golden Horde time cemetery; е — modern localities. 1 — Bilyar fort; 2 — I Gorkinskoe (Balymer); 3 — I Nikolaev-Baranskoe; 4 — II Nikolaev-Baranskoe; 5 — II Gorkinskoe; 6 — "Svyatoy Klyuch" shrine; 7 — "Svyatoy Klyuch" fort; 8 — VII Bilyarskoe; 9 — VI Bilyarskoe; 10 — Eryklinskoe; 11 — V Bilyarskoe; 12 — II Nikolaev-Baranskoe; 13 — I Nikolaev-Baranskoe; 14 — Nikolaev-Baranskiy — I Arbuzovo-Baranskoe; 16 — III Nikolaev-Baranskoe; 17 — II Arbuzovo-Baranskoe; 18 — III Arbuzovo-Baranskoe; 19 — IV Bilyarskoe; 20 — cemetery at III Bilyarskoe settlement; 21 — III Bilyarskoe; 22 —graveyard at I Bilyarskoe settlement; 23 — I Bilyarskoe; 24 — Balynguz cemetery; 25 — I Toretskoe; 26 — X Bilyarskoe; 27 — VIII Bilyarskoe; 28 — IX Bilyarskoe; 29 — XI Bilyarskoe; 30 — I Gorkinskoe; 31 — I Tatarsko-Mainskoe.

Территория города в период Золотой Орды была заселена неравномерно; большая часть центра так и осталась в руинах, в очень небольшом объеме функционировали гончарные и металлургические районы (Кокорина 1983: 50—69)[12]. Можно предполагать, что были восстановлены соборная мечеть и ряд общественных зданий[13]. Биляр сохранил не только свое историческое место, но и функционировал как город и административная единица, под тем же названием (Мухаметшин 1997: 59—61)[14].

[12] Ф. Ш. Хузин считает, что выделение Н. А. Кокориной золотоордынского слоя на Билярском городище и связанных с ним объектов и находок ошибочно (Хузин 1995: 79—82).

[13] А. Х. Халиков и Ф. Ш. Хузин считают, что Биляр в золотоордынское время не существовал (Хузин 2001: 95, 96, 105—108).

[14] С. И. Валиулина утверждает, что преемственность в городской культуре домонгольского Биляра и Билярского III селища не прослеживается, отмечая близость материальной культуры этого поселения с Балынгузским II—IV и Торецким селищами (Валиулина, Кочкина, Беговатов, Сташенков 2003: 201). Это мнение представляется ошибочным. Биляр в эпоху Джучидов — золотоордынский город, со всеми присущими ему особенностями материальной культуры, включая и городские ремесла. Считать домонгольское Билярское III селище исключительно поселением сельского типа, с «общебулгарской домонгольской культурой», и на основе этого отрицать его преемственность с поселением ордынского времени преждевременно, хотя бы потому, что археологически изучено на этом селище всего 0,36% площади.

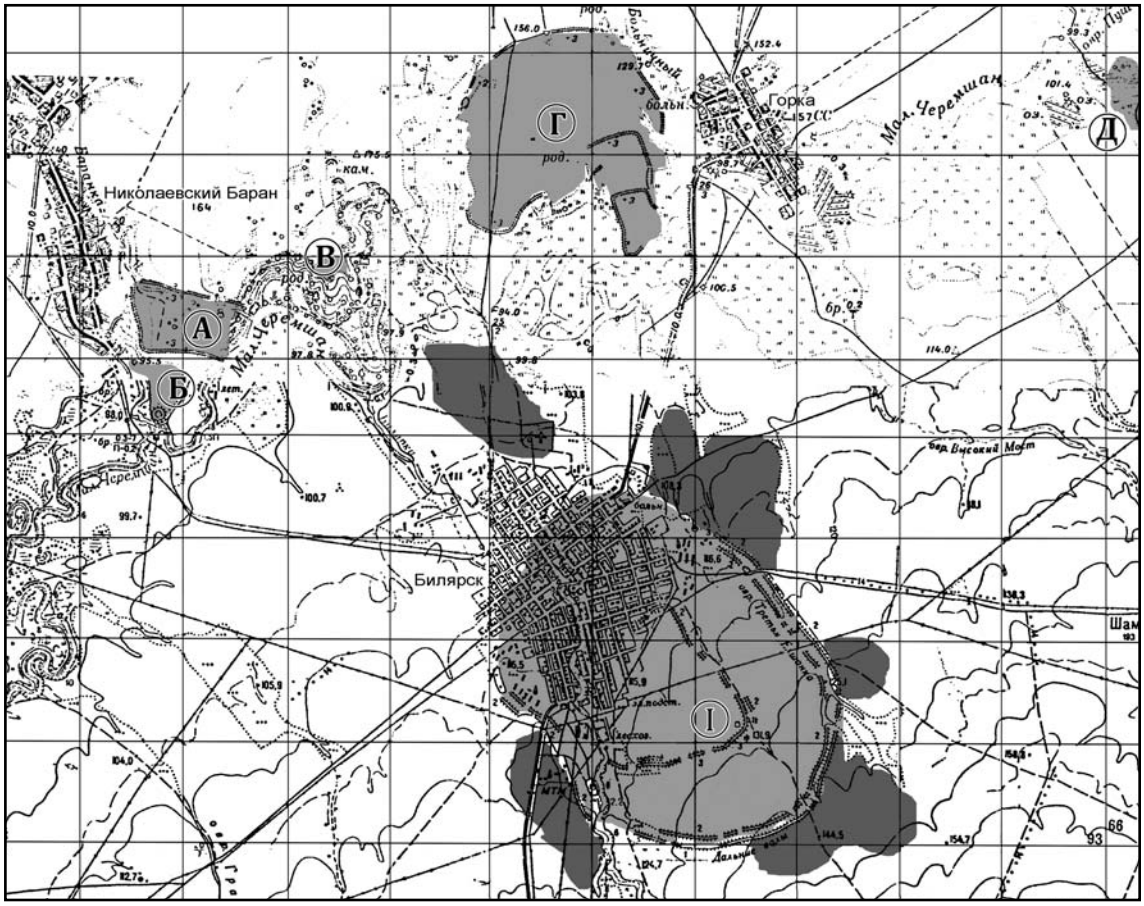


Рис. 6. Билярская мегаагломерация в XI—XII вв. I — Билярское городище (тёмным цветом обозначены прилегающие селища); А — Николаевбаранское I городище; Б — Николаевбаранское II городище и селище; В — Балынгузское городище; Г — Горкинское I городище; Д — Горкинское II городище (составлена К.А. Руденко).

Fig. 6. Bilyar megaaglomeration in 11th—12th cc. I — Bilyar fort (darker areas stand for adjacent unfortified settlements); А — Nikolaevbaranskoe I fort; Б — Nikolaevbaranskoe II fort and unfortified settlement; В — Balynguzskoe fort; Г — Gorkinskoe I fort; Д — Gorkinskoe II fort (compiled by K.A. Rudenko).

Значительная часть населения города размещается в северном пригороде, на месте **Билярского III селища**, расположенного в 1,3—1,4 км к северо-северо-западу от с. Билярск на левом берегу р. Малый Черемшан. Его площадь 110 тыс. кв.м (рис. 8) (Фахрутдинов 1975: 101, №273; АКТ 1990: 55, №433). В 1981—82 гг. раскопки на селище проводила Н.А. Кокорина; в 1994—1995 гг. — С.И. Валиулина, А.Ф. Кочкина, Д.А. Сашенков, Е.А. Беговатов.

Культурные отложения практически на всей площади поселения представлены слоями домонгольского и золотоордынского времени, мощностью до 50 см, за исключением северо-западной части селища, вытянутого вдоль берега Малого Черемшана на 200—400 м, где имеются отложения только ордынского периода — второй половины XIII — первой половины XIV в. (Валиулина, Кочкина, Беговатов, Сташенков 2003: 200—201). На селище вскрыта площадь 396 кв. м; изучены полуземлянка и несколько хозяйственных ям, часть которых (раскоп III) содержала выразительный керамический материал первой половины XIV в. Около раскопа III найдена монета чеканки Сарая, времени хана Узбека[15]. По предположению исследователей разреженное расположение объектов свидетельствует об усадебном характере застройки поселения.

Синхронно III Билярскому **Балынгузское IV селище**, площадью около 300 тыс. кв.м, расположенное напротив III Билярского селища (в 0,6 км), на правом берегу Малого Черемшана, в 1,8—1,9 км

[15] Указана площадь селища после работ по уточнению границ памятника (Валиулина, Кочкина, Беговатов, Сташенков 2003: 200). Ранее площадь селища определялась в 250 тыс. кв.м (Валиулина 1997: 23—24).

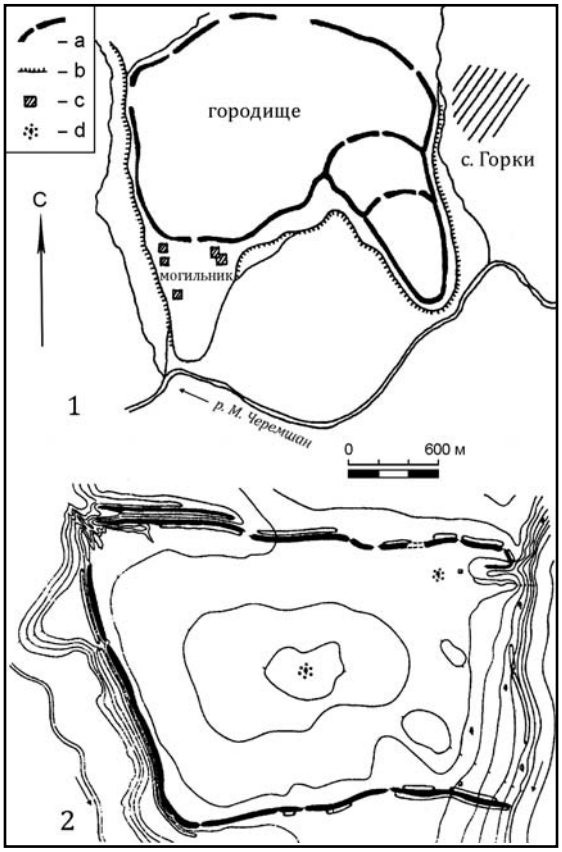


Рис. 7. Планы Балынгузского (1) и I Николаевбаранского (2) городищ (по Хузин 2001: рис. 5). Условные обозначения: a — валы городища; b — обрыв; c — руины зданий; d — кустарник и деревья.

Рис. 7. Fig. 7. Plans of Balynguzskoe (1) and I Nikolaevbaranskoe (2) forts (after Хузин 2001: рис. 5). Legend: a — walls; b — cliff; c — debris of buildings; d — shrubs and trees.

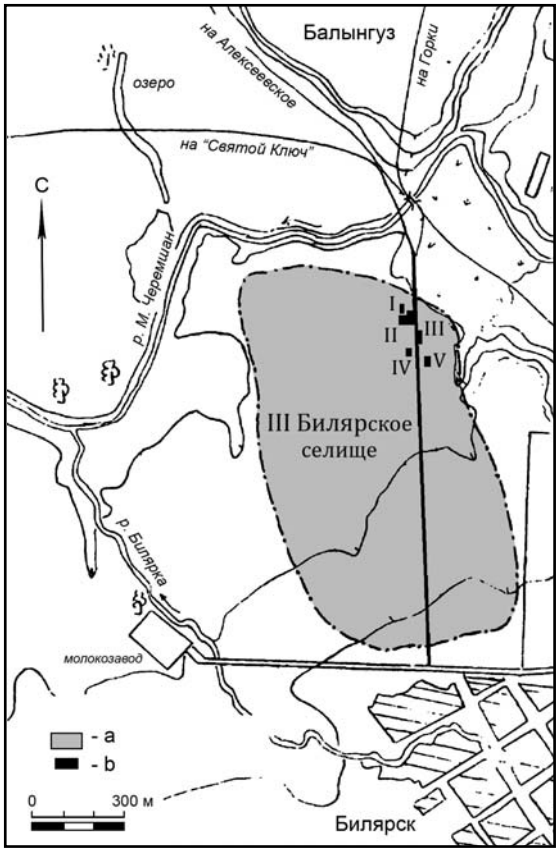


Рис. 8. Билярское III селище (Биляр золотоордынский) (по Валиулина 2000: рис. 1): a — территория селища; b — раскопы.

Fig. 8. Bilyar III unfortified settlement (the Golden Horde Bilyar) (after Валиулина 2000: рис. 1): a — territory of unfortified settlement; b — digs.

к северо-западу от с. Билярск[16]. Культурный слой достигает мощности 25—40 см (Валиулина, Кочкина, Беговатов, Сташенков 2003: 202). Раскопками на Балынгузском IV селище исследованы остатки жилой постройки, датированной второй половиной XIV в., с богатым набором изделий из железа, бронзы, стекла и камня. В подъемном материале с селища найдена монета Хизр-хана, чеканенная в Гюлистане в 1361/2 г. (Беговатов, Кочкина, Сташенков 1997: 15).

В золотоордынское время была освоена и территория в нижней, юго-западной части Балынгузского мыса, где обозначено **Балынгузское I селище**. Исследования в южной части этого поселения (вскрыто 168 кв. м площади) показали отсутствие культурного слоя (Валиулина, Кочкина, Беговатов, Сташенков 2003: 203). Таким образом, вместе эти селища характеризуют масштабы золотоордынского города Биляра.

Во время правления Менгу-Тимура (1265—1282) в 1270—80-х гг. золотоордынский Биляр чеканит серебряную монету с указанием места чеканки — Биляр[17] (рис. 12). В 1292/3 г. чеканка монеты прекращается (Сингатуллина 2003: 46—48).

В 1971 г. на III Билярском селище найден клад джучидских монет XIV в.; позже здесь были найдены еще две джучидские монеты.

Во второй половине XIV в. поселение расширилось далее, на правый берег Малого Черемшана, заняв небольшую ровную пло-

[16] На селище зафиксированы разновременные комплексы, относящиеся к срубной и именьковской культурам; верхний слой мощностью 25—40 см отложился в период Золотой Орды (Беговатов, Кочкина, Сташенков 1997: 14—16).

[17] А. Г. Мухамадиев ограничивает время чеканки анонимных монет Биляра 1280-ми гг. (Мухамадиев 1997: 56—59).

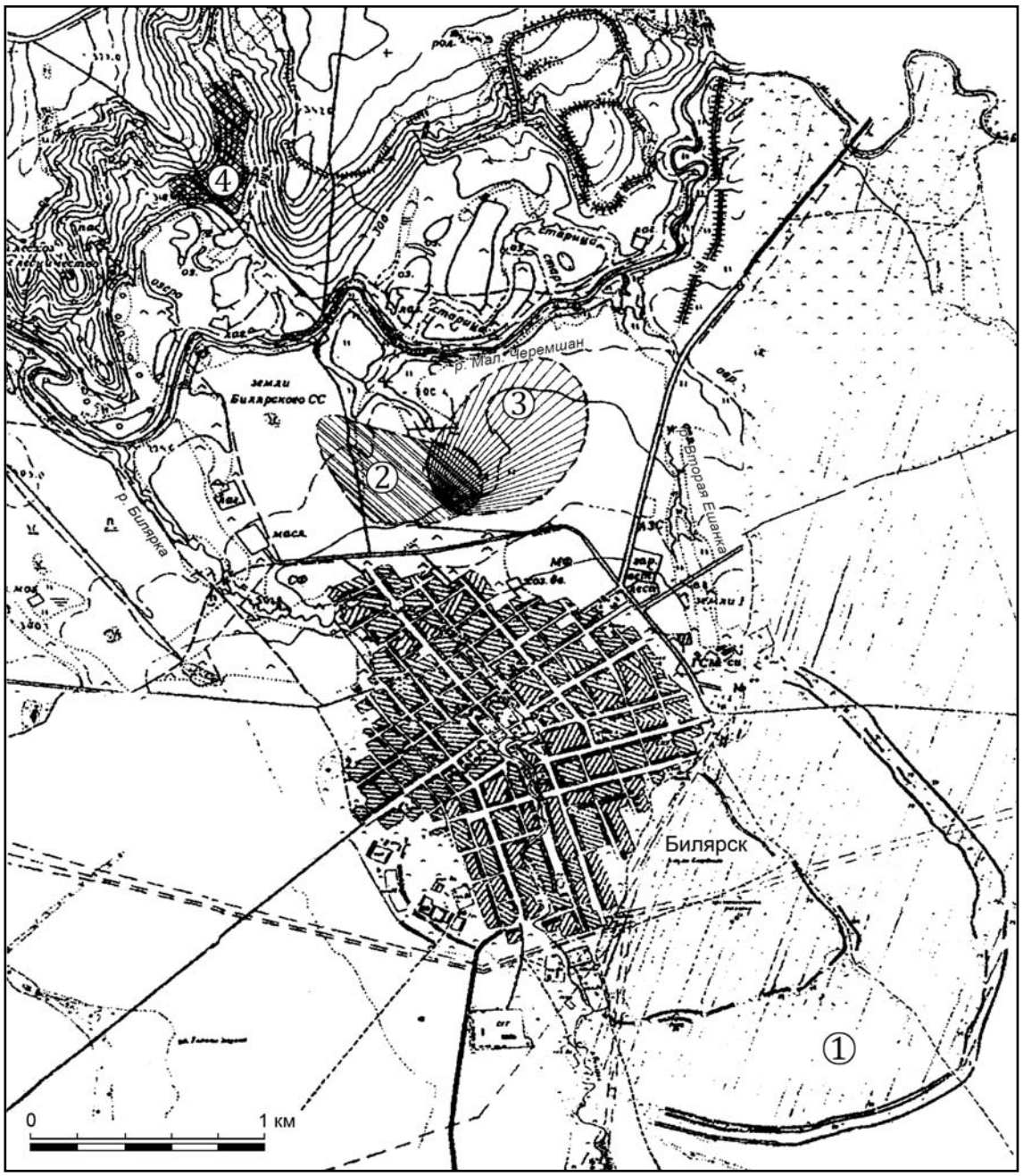


Рис. 9. Билярское городище и его окрестности в конце XIII — начале XV вв. 1 — Билярское городище; 2 — Билярское II селище; 3 — Билярское II селище; 4 — Балынгузское (Торецкое III) селище (по Валиулина 2004: рис. 1).

Fig. 9. Bilyar fort and its neighborhood in late 13th — early 15th cc. 1 — Bilyar fort; 2 — Bilyar II unfortified settlement; 3 — Bilyar II unfortified settlement; 4 — Balynguzskoe (Toretskoe III) unfortified settlement (after Валиулина 2004: рис. 1).

щадку на второй надпойменной террасе. Археологически это **Балынгузское (Торецкое) III селище**[18], площадью 250 тыс. кв. м. Памятник однослойный; мощность культурного слоя от 5 до 35 см (Валиулина 2004: 158). Это селище, судя по монетам и выявленному при раскопках материалу (рис. 13), просуществовало до первой четверти XV в.

Сельская округа практически отсутствует.

2. Болгар. В настоящее время — это **Болгарское городище,** расположенное у г. Болгар Спасского района Республики Татарстан и к северу от него на левом берегу

[18] С этими же координатами на местности в археологической литературе обозначено и Билярское VIII селище, площадью 36 125 кв.м, расположенное в 3 км к северо-северо-западу от села на правом берегу р. Малый Черемшан (Фахрутдинов 1975: 109, №449).

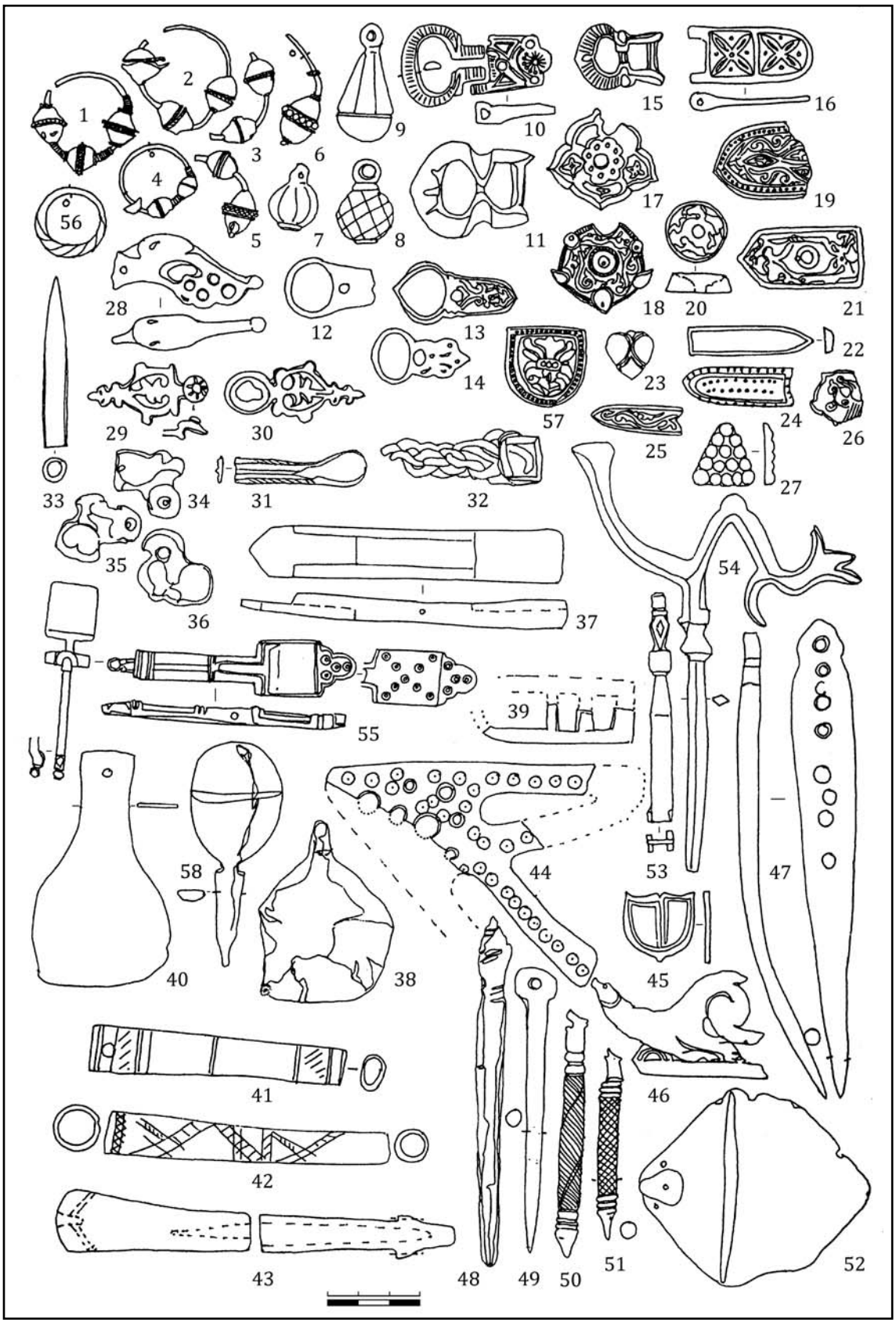


Рис. 10. Находки с Билярского городища и окрестностей. 1—32, 53—55 — бронза; остальное — кость и рог. (Коллекция А. Ф. Лихачева из собрания НМ РТ).

Fig. 10. Finds from Bilyar fort and its neighborhood. 1—32, 53—55 — bronze; the rest — bone and horn. (A. F. Likhachev's collection from collections of National Museum of the Republic of Tatarstan)..

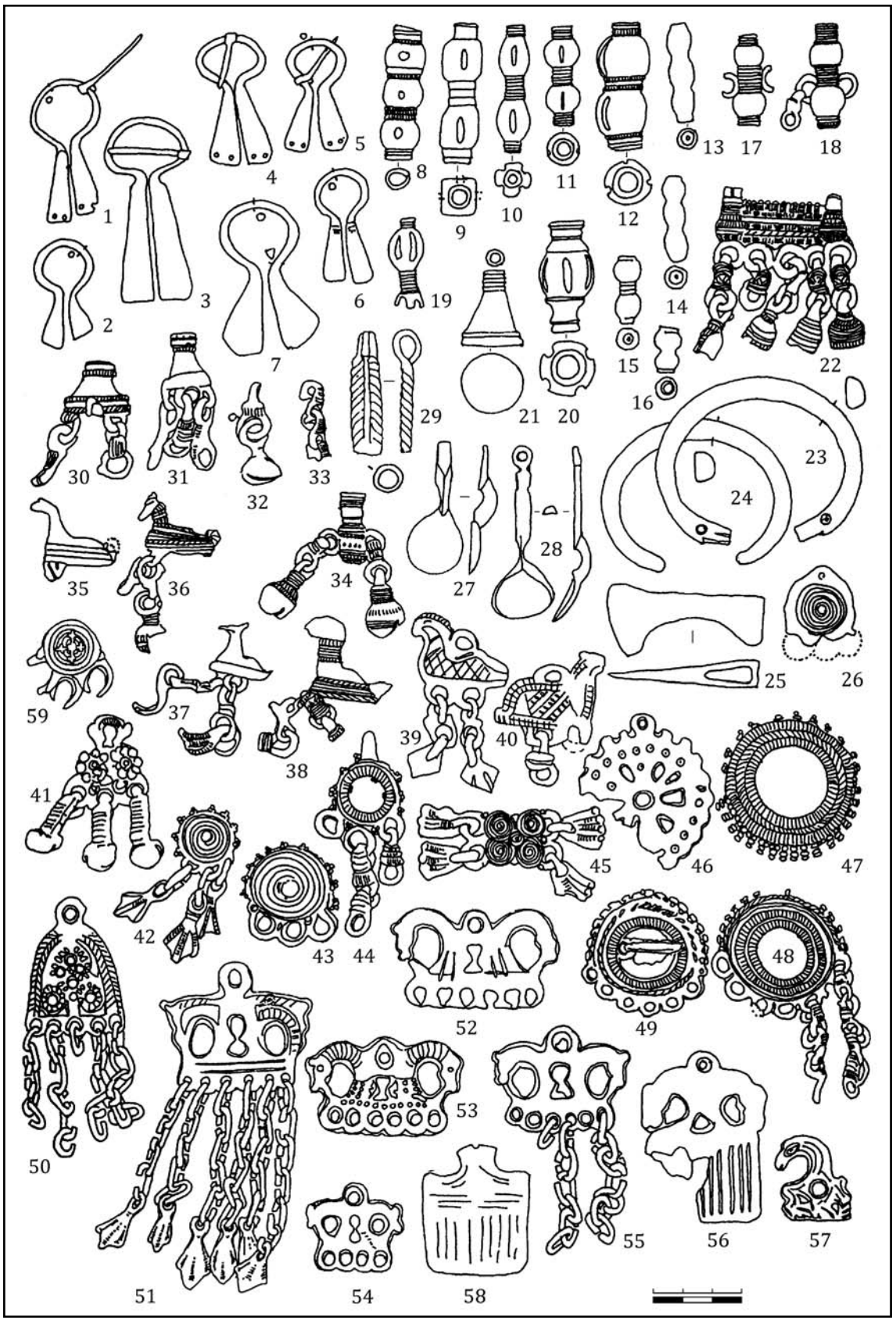


Рис. 11. Украшения из бронзы и железа (25) с Билярского городища и окрестностей. (Коллекция А.Ф. Лихачева из собрания НМ РТ).

Fig. 11. Decorations from bronze and iron (25) from Bilyar fort and its neighborhood. (A.F. Likhachev's collection from collections of National Museum of the Republic of Tatarstan).

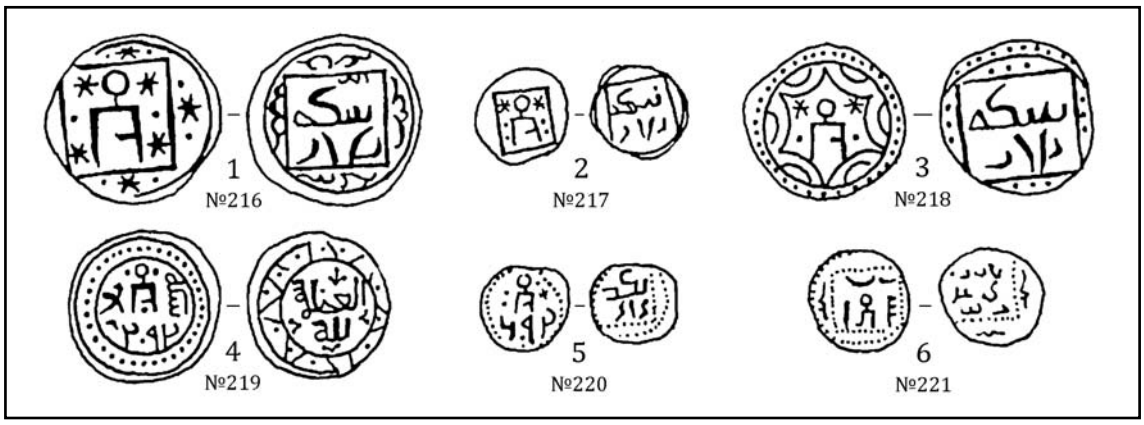


Рис. 12. Монеты XIII в. чекана Биляра (по Сингатуллина 2003: №216—221).

Fig. 12. Coins of 13th c. minted in Bilyar (after Сингатуллина 2003: №216—221).

Волги. Площадь 3 800 тыс. кв.м (Фахрутдинов 1975: 127, №740; АКТ 1986: 33—35, №172). Известно с XVII в. Стационарно исследуется с 1914 г. К началу XXI в. вскрыта площадь свыше 21 566 кв.м (Мухаметшин, Старостин, Хлебникова, Шарифуллин 1998: 4; Шарифуллин 2004: 201).

Стратиграфическая шкала городища, разработанная А. П. Смирновым, является эталонной для булгаро-татарских памятников X—XV вв. На городище выделены следующие слои:

— слой современного села XX—XXI в.;

— слой периода русской истории конца XVI—XIX вв.;

— слой времени Казанского ханства середины XV — первой половины XVI вв.;

— слой золотоордынского периода истории города второй половины XIII — начала XV в. Этот слой разделяется на слои: позднезолотоордынский середины XIV — начала XV в. и раннезолотоордынский середины XIII — начала XIV в.;

— слой — XI — начала XIII в.;

— слой рубежа IX—X — начала XI в.;

— слой доболгарских поселений середины — второй половины I тыс. н. э. (Хлебникова 1987: 45).

Самые значительные отложения — слоев золотоордынского времени, что свидетельствует об интенсивности жизни города в это время (Хлебникова 1987: 69).

Город возник в IX—X вв. (рис. 15) Первоначально неукрепленные поселения занимали мысовую часть коренного берега Волги и ровные площадки в овражной системе в районе Иерусалимского оврага. В X в. город укрепляется валом, а впоследствии — валом и рвом. Вероятно, имелась и деревянная стена. Эти укрепления были срыты при расширении города в XI в. Политический статус города подкреплялся чеканкой с 907 по 980-е гг. собственной серебряной монеты.

В начале XI в. Болгар расширил территорию за счет окружающих селищ (рис. 15). Была возведена новая линия обороны, сохранившаяся без значительных изменений до монгольского нашествия. В начале XIII в. (рис. 16) город имел укрепления из земляного вала, деревянной стены и рва. С напольной стороны располагались небольшие ремесленные посады. В 1236 г. большая часть население город покинула, но разрушения он не избежал.

В 1242—1250 гг. Болгар является ставкой Бату и, по сути, столицей Улуса Джучи. Во второй половине 1240-х гг. центр города был перепланирован; с 1270-х гг. начинается масштабное каменное строительство (соборная мечеть). С 1250-х гг. здесь чеканится медная и серебряная монета с указанием места чеканки — Болгар (рис. 25). Прекращение собственной монетной чеканки в Болгаре соотносится с денежной реформой Токты в 1310 г. (Мухаметшин 2004: 130). В 40—50-х гг. XIV в. в Болгаре чеканятся подражания монетам Сарая[19]. Возобновление собственной монетной чеканки Болгара относится к концу 1360-х гг. (Мухаметшин 2004: 130). Во второй половине 1360—70-х гг., по мнению Д. Г. Мухаметшина, в Болгаре осуществляется контрмаркирование сарайских монет, по весовой норме Азака (?)

[19] Не исключено что чеканка осуществлялась штемпелем, привезенным из Сарая, либо по специально изготовленному в Болгаре штемпелю (Мухаметшин 2006: 361).

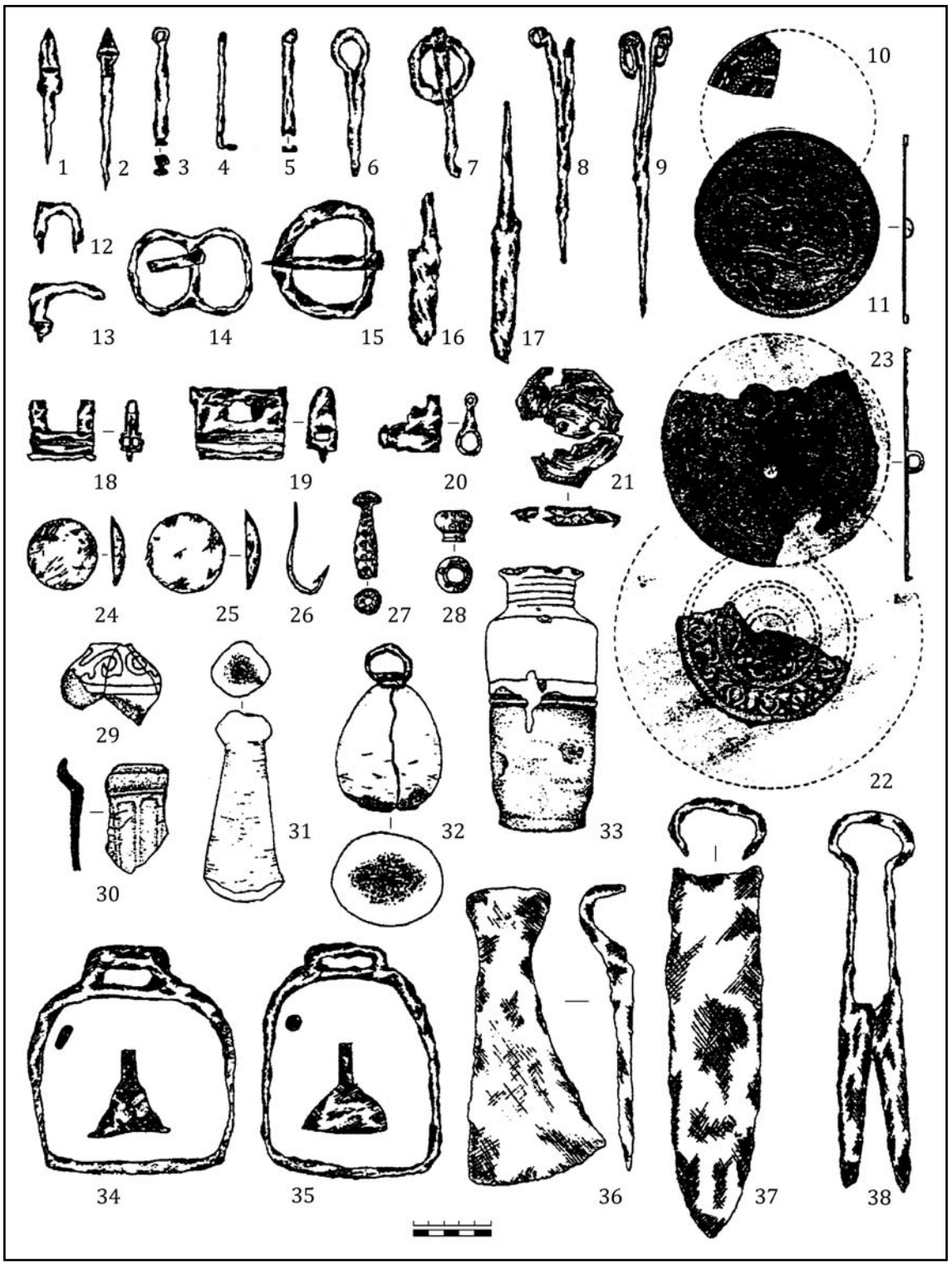


Рис. 13. Находки с Балынгузского (Торецкого) III селища (по Валиулина 2001: 79). 1—9, 12—20, 34—38 — железо; 10, 11, 21—26 — бронза; 29, 33 — глина; 30 — фарфор; 27, 28, 31; 32 — кость (рог), железо.

Fig. 13. Finds from Balynguzskoe (Toretskoe) III unfortified settlement (after Валиулина 2001: 79). 1—9, 12—20, 34—38 — iron; 10, 11, 21—26 — bronze; 29, 33 — clay; 30 — porcelain; 27, 28, 31; 32 — antler; iron.

с надчеканкой «лировидная тамга» и «хан» (Мухаметшин 2006: 361—362).

В конце XIII — начале XIV в. город расширяется к западу и югу (рис. 17). Активно осваивается подгорная часть у р. Меленки. В городе выделяется административный район и территория нескольких этнических диаспор: армянская (Смирнов 1958: 330—359),

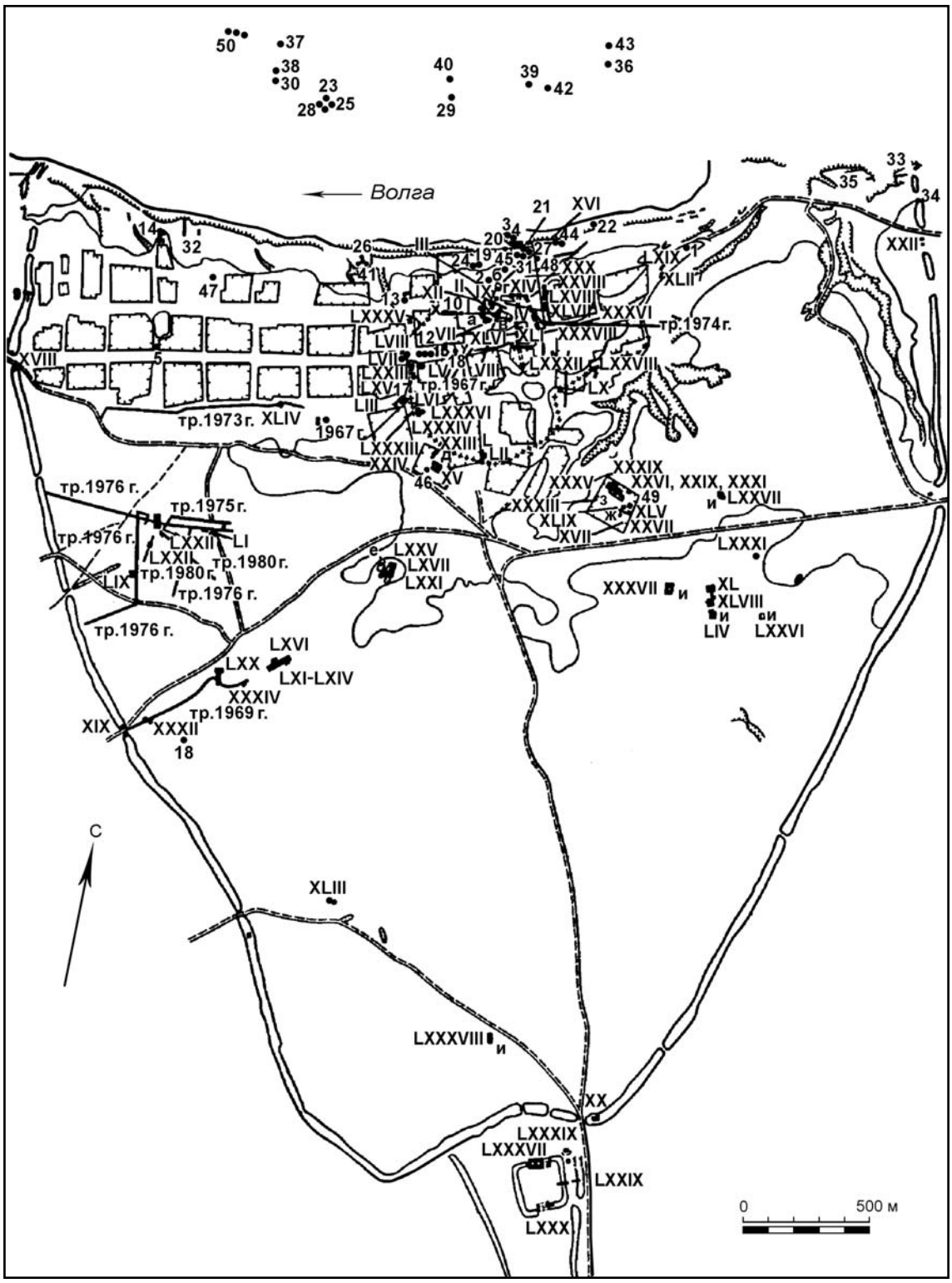


Рис. 14. План Болгарского городища (по Хлебникова 1987: рис. 1). Буквами обозначены раскопы 1938—1940 гг; арабскими цифрами — раскопы 1945—1955 гг. (до заполнения Куйбышевского водохранилища в 1955 г.); римскими цифрами — раскопы 1960-х — 1990-х гг.

Fig. 14. Plan of Bolgar fort (after Хлебникова 1987: рис. 1). Letters designate digs of 1938—1940; Arab figures — digs of 1945—1955 (before the Kuybyshev water reservoir was filled in 1955); Roman figures — digs of 1960s — 1990s.

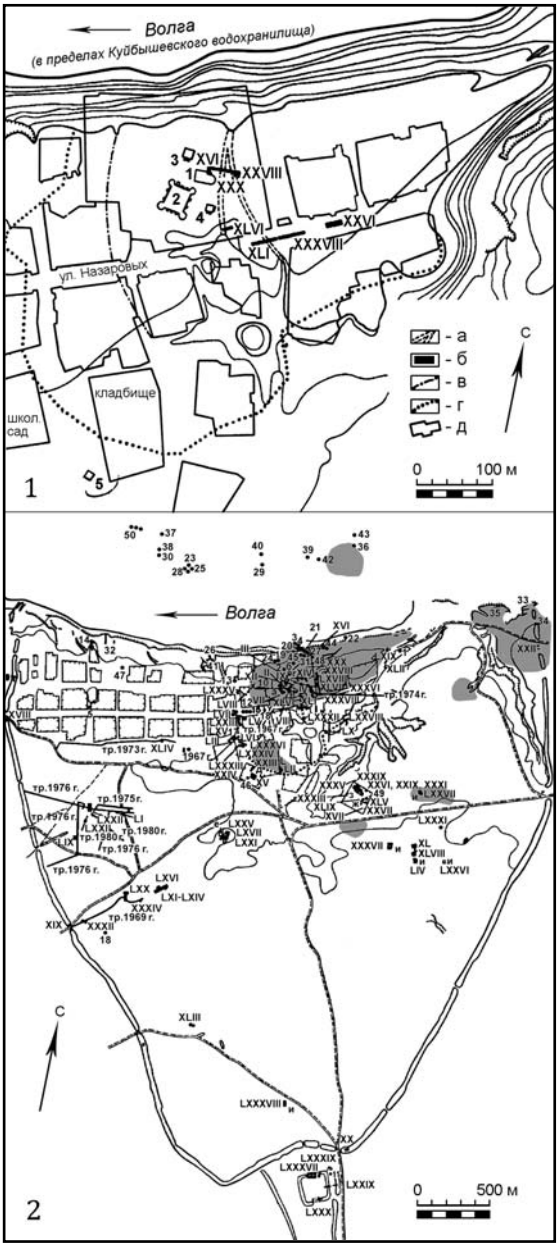


Рис. 15. План Болгара X—XII вв. (1 — по Хузин 2001: рис. 42; 2 — по Хлебникова 1987: рис. 3). Условные обозначения на плане (1): а — рвы X—XI вв. (западная часть «цитадели»); б — раскопы; в — возможная граница третьей линии укреплений; г — линия укреплений предмонгольского времени; д — усадьбы и постройки села; цифрами обозначены: 1 — церковь Успения; 2 — Соборная мечеть; 3 — дюрбе «Монастырский погреб»; 4 — дюрбе «церковь Св. Николая»; 5 — Черная палата. На плане (2) серыми заливками отмечены участки, заселенные в X—XI вв.

Fig. 15. Plan of Bolgar in 10th—12th cc. (1 — after Хузин 2001: рис. 42; 2 — after Хлебникова 1987: рис. 3). Legend: а — moats of 10th — 11th cc. (western part of the 'citadel'); б — digs; в — possible border of the third line of fortifications; г — pre-Mongol line of fortifications; д — estates and buildings of the village; 1 — Church of the Assumption; 2 — Jami; 3 — durbe 'Cellar of a monastery'; 4 — durbe 'St. Nicholas' Church'; 5 — the Black Chamber. On the plan below, grey filling shows the sites populated in 10th—11th cc.

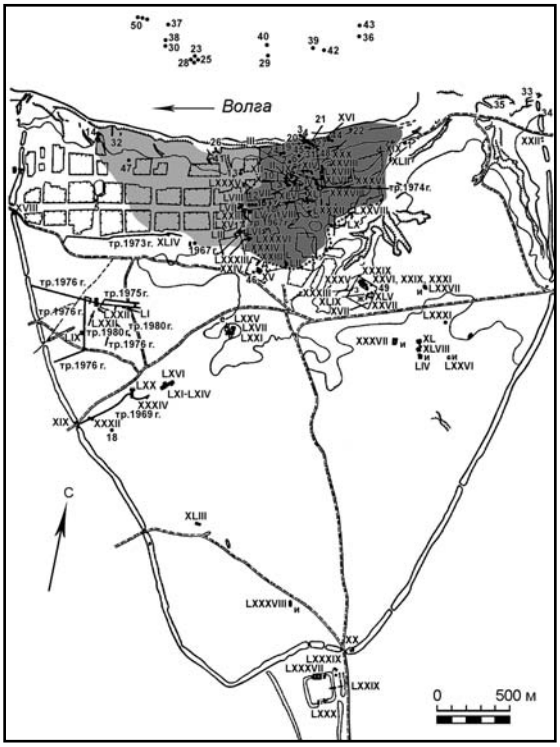


Рис. 16. Территория города Болгара в начале XIII в. (по Хлебникова 1987: рис. 3). Темным цветом показаны границы укрепленной части Булгара, светлым — территория посада.

Fig. 16. Territory of Bolgar town in early 13th c. (after Хлебникова 1987: рис. 3). The darker color designates borders of the fortified part of Bulgar, while the trading quarters are marked by the brighter color.

русская (Хлебникова 1956: 141—147), мордовская[20]. Сформировался центр города — центральная (рыночная) площадь, комплекс Соборной мечети (рис. 19) и прилегающего к нему кладбища.

С середины XIV в. активизируется каменное строительство общественных объектов (бани) (рис. 20: 4, 7; 21; 22), мест поклонений (мавзолеи) и паломничеств. Ведутся работы по благоустройству: появляется водопровод, канализация, колодцы (рис. 23). В центре города каменной плиткой были вымощены цен-

[20] Район компактного проживания мордвы не выявлен, вероятно, что мордва жила в городе дисперсно. Свидетельством присутствия этого этнического компонента в Болгаре является мордовский языческий могильник с элементами мусульманской обрядности, возникший во второй половине XIV в. при слиянии Большого и Малого Иерусалимского оврага, исследующийся И. Р. Газимзяновым (Газимзянов 1998: 30—31). Не исключено, что мордовский компонент присутствовал и в ряде других могильников Болгара со сложным погребальным обрядом, как, например, могильник на «Бабьем бугре» (Газимзянов 2002: 132—137).

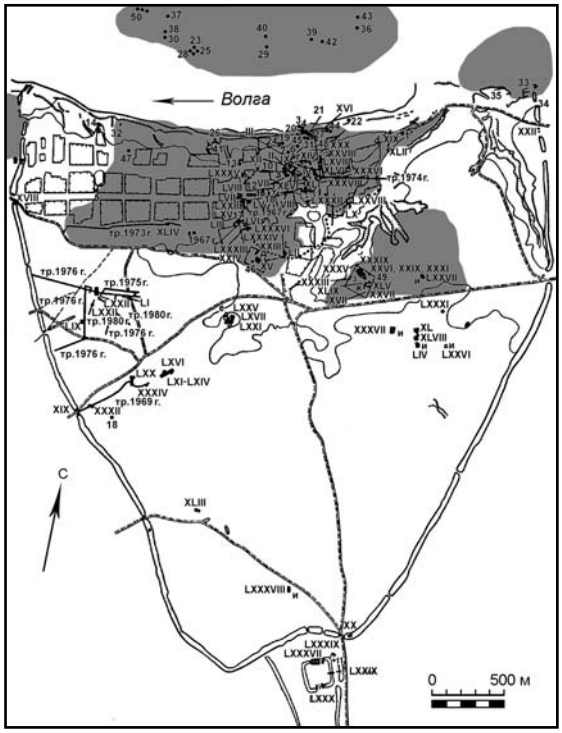


Рис. 17. Территория города Болгара во второй половине XIII — начале XIV в. (по Хлебникова 1987: рис. 1).

Fig. 17. Territory of Bolgar town in the second half of 13th — early 14th cc. (after Хлебникова 1987: рис. 1).

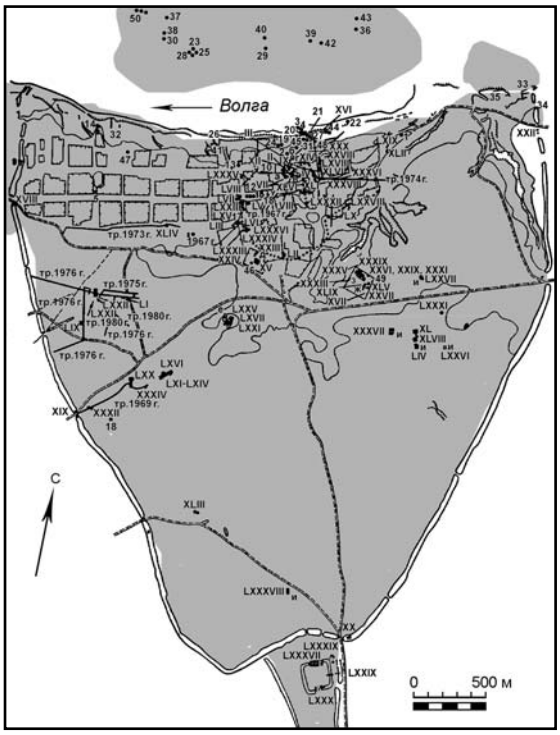


Рис. 18. Территория города Болгара в XIV — начале XV в. (по Хлебникова 1987: рис. 3).

Fig. 18. Territory of Bolgar town in 14th — early 15th cc. (after Хлебникова 1987: рис. 3).

тральная площадь и участки перед банями, устроены фонтаны[21]. В городе, в подгорной части и на склоне террасы были построены специальные гидротехнические сооружения (рис. 23: 12—14) (Хлебникова 1987: 66).

В городе функционируют гончарный (рис. 26: 6—16) и металлургический районы (Хлебникова 1987: 74; Кокорина 2005: 109—132; Аксенова, Полубояринова 2005: 133—156.). Город Болгар в XIV в. является центром региональной и международной торговли[22]. На городище найдены фрагменты и целые формы иранской бронзовой посуды с инкрустированными надписями и рисунками (рис. 27) (Баранов 2001: 75—103; Руденко 2001б: 104—108). Продукция гончарных мастерских Болгара достаточно разнообразна. Это круговая неполивная кухонная, столовая (рис. 28), специализированная посуда. Вероятно, изготавливалась глазурованная посуда и майоликовые плитки (Носкова 2001: 295—310). В Болгаре имелась стеклоделательная мастерская (Полубояринова 2006: 152—158). Широко представлены разнообразные бронзовые украшения и медная посуда. В значительном объеме производилась чугунная посуда, распространявшаяся по территории Булгарского улуса (рис. 29).

Активное каменное строительство в Болгаре прекращается в 1380-х гг. Вместе с тем искусство обработки камня практиковалось и сохранялось на протяжении не только первой — второй трети XIV в., но и в начале XV в. Известны выполненные каллиграфическим почерком рельефные надписи на надгробных памятниках, которые представляют особый стиль (Мухаметшин, Хакимзянов 1987: 143—157) (рис. 30), а также резные орнаменты на общественных и культовых зданиях (рис. 19: 6).

Болгар в начале 1370-х гг., как во второй половине XIII в., превращается в обособ-

[21] Значительные по масштабам общественные объекты требовали и определенной специализации населения. Косвенно это подтверждают данные по анализу остеологических останков из могильников Болгара (Боруцкая, Васильев 2004: 31—32.

[22] Болгар XIV в. отличался полиэтничным составом населения. В нем были даже представители кочевого, языческого тюркского населения, входившего в состав жителей города или его округи, и похороненных на городском кладбище (правда, мордовском) (Газимзянов 1999: 47—48). Такие захоронения были известны и ранее, что говорит о достаточно устойчивом присутствии этого этнического компонента в городе.

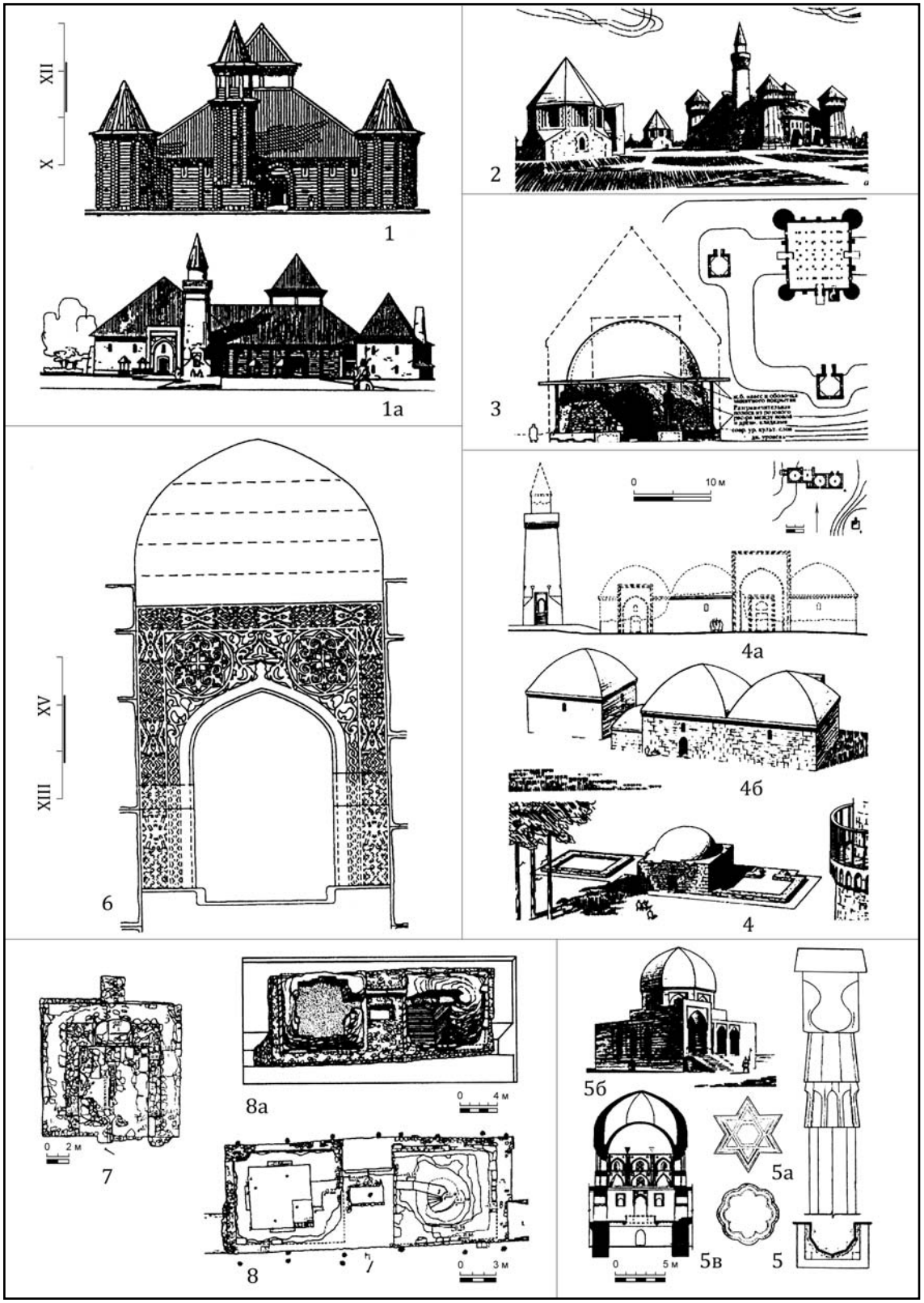


Рис. 19. Соборная мечеть в Биляре, X — начало XIII в. (1, 1а); архитектурные сооружения в Болгаре: соборная мечеть, XIII—XIV вв. (2); мавзолеи (3, 4); Черная палата (5); орнамент на Малом минарете (6); Малый городок (7, 8) (по Айдаров, Забирова 1979: рис. 17; 19; Айдаров 2001: рис. 36; 44; 55; 70; Беляев 2001: рис. 150; 151; 168. Составитель К.А. Руденко).

Fig. 19. Jami in Bilyar, 10th — early 13th cc. (1, 1a); architectural constructions in Bolgar: Jami, 13th—14th cc. (2), mausoleums (3, 4), the Black Chamber (5), ornament on the Little Minaret (6), Maly gorodok (the little town) (7, 8) (after Айдаров, Забирова 1979: рис. 17; 19; Айдаров 2001: рис. 36; 44; 55; 70; Беляев 2001: рис. 150; 151; 168. Compiled by K.A. Rudenko).

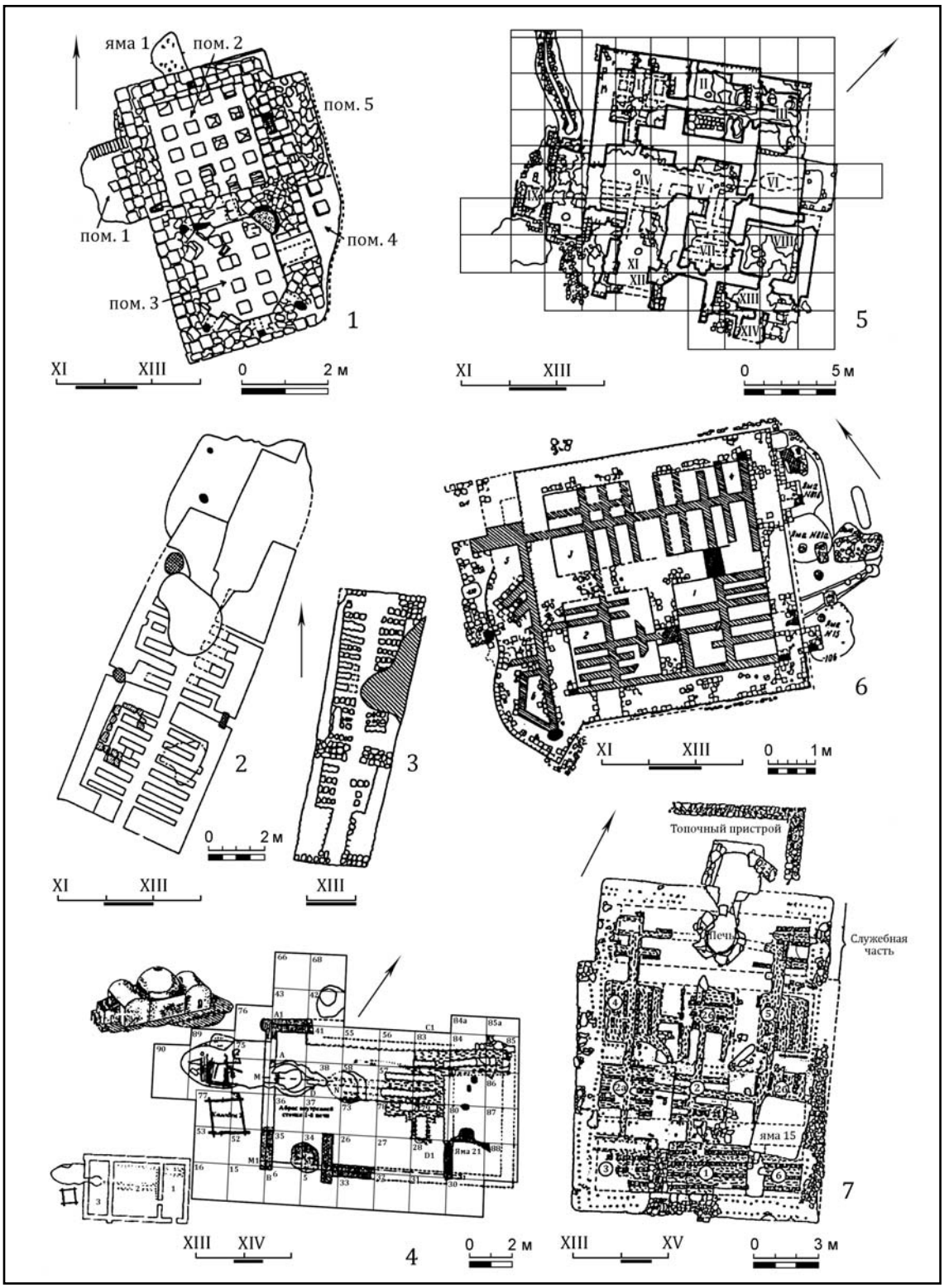


Рис. 20. Архитектурные каменные сооружения (бани) XI—XIV вв. на Красносюндюковском (1), Хулашском (2), Большетоябинском (3), Болгарском (4 — баня № 1, 7 — баня № 3) и Билярском (5 — раскопы XV, XVI, 6 — раскоп XVII) городищах (1 — по Семыкин 1993: рис. 1; 2 — по Каховский, Смирнов 1972: рис. 1; 3 — по Фёдоров-Давыдов 1960: рис. 3; 4, 7 — по Шарифуллин 2001: рис. 117; 119; 5 — по Айдаров 1976: рис. 55; Хузин 2001: рис. 121; 6 — по Хузин 2001: рис. 118. Составитель К. А. Руденко).

Fig. 20. Architectural stone buildings (baths) of 11th — 14th cc. in Krasnosyundyukovskoe (1), Khulash (2), Bolshaia Toiaba (3), Bolgarskoe (4 — bath no. 1, 7 — bath no. 3) and Bilyar (5 — digs XV, XVI, 6 — dig XVII) forts (1 — after Семыкин 1993: рис. 1; 2 — after Каховский, Смирнов 1972: рис. 1; 3 — after Фёдоров-Давыдов 1960: рис. 3; 4, 7 — after Шарифуллин 2001: рис. 117; 119; 5 — after Айдаров 1976: рис. 55; Хузин 2001: рис. 121; 6 — after Хузин 2001: рис. 118. Compiled by K. A. Rudenko).

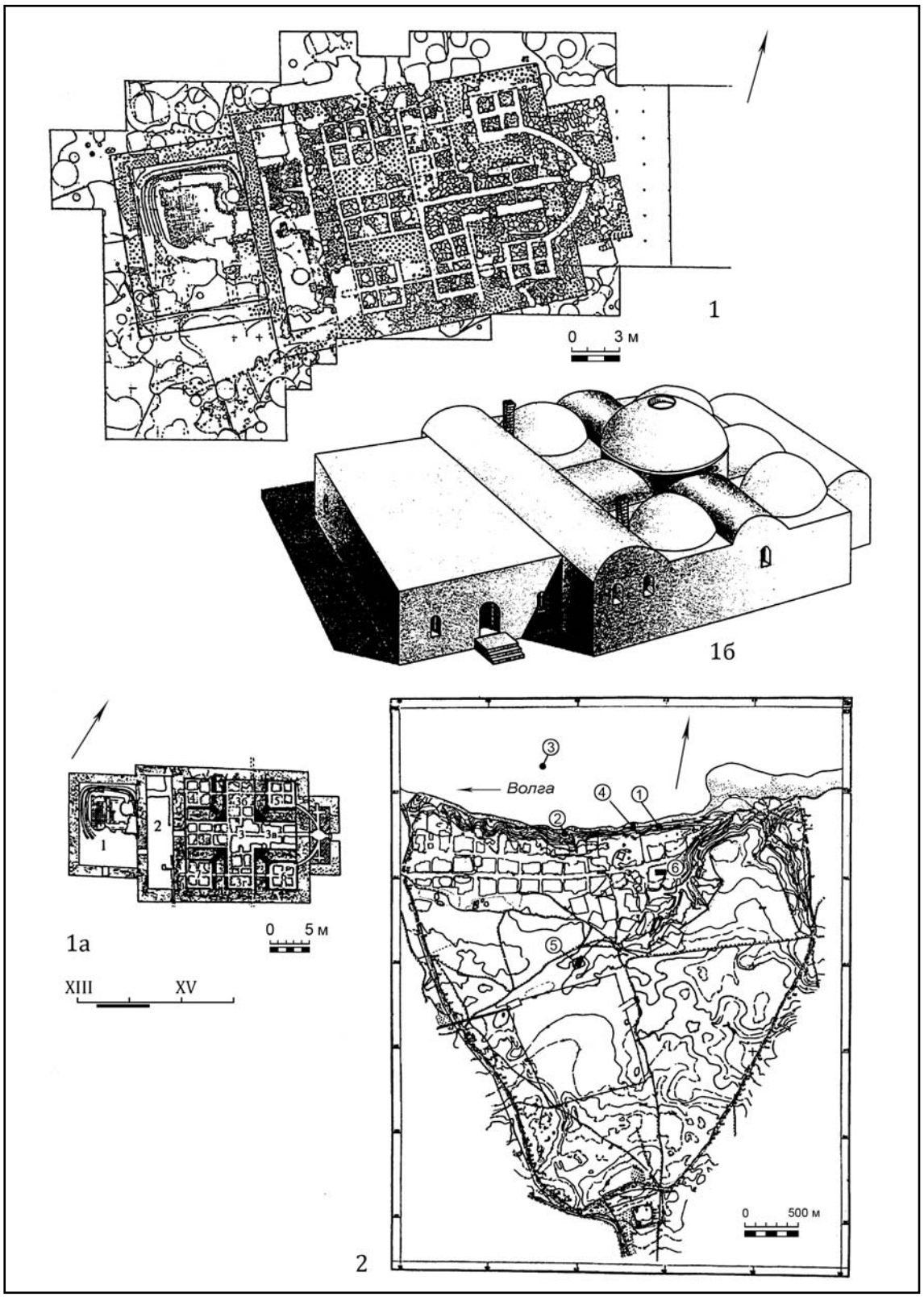


Рис. 21. Бани Болгарского городища: 1 — Восточная палата, план и реконструкция; 2 — план расположения бань на территории городища (1а, 1б, 2 — по Шарифуллин 2001: рис. 135; 142; 116). Цифрами на плане обозначены: 1 — баня № 1; 2 — баня № 2; 3 — баня № 3; 4 — Красная палата; 5 — Белая палата; 6 — Восточная палата. (Составитель К.А. Руденко).

Fig. 21. Baths in Bolgarskoe fort: 1 — Eastern Chamber; 2 — location of baths in the fort (1a, 1б, 2 — after Шарифуллин 2001: рис. 135; рис. 142; рис. 116). Figures on the map stand for: 1 — bath no. 1; 2 — bath no. 2; 3 — bath no. 3; 4 — the Red Chamber; 5 — the White Chamber; 6 — the Eastern Chamber. (Compiled by K.A. Rudenko).

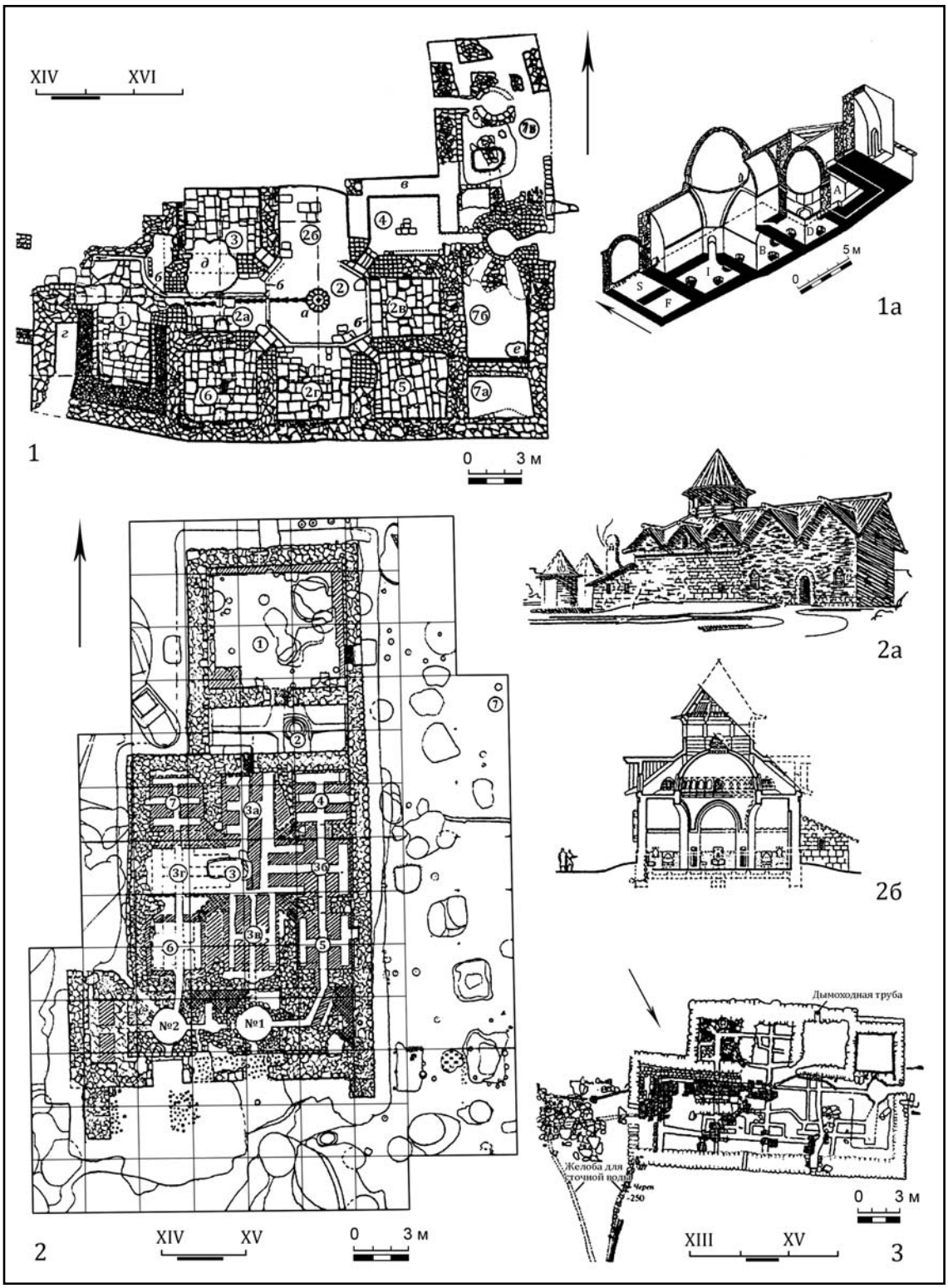


Рис. 22. Бани Болгарского городища: 1 — Красная палата, план; 1а — аксонометрическое сечение Красной палаты (авторы: А.П. Смирнов и Н.Ф. Калинин); 2 — Белая палата, план; 2а, 2б — реконструкция Белой палаты (по С.С. Айдарову) по иконографическим источникам; 3 — баня №2, план (1—3 — по Шарифуллин 2001: рис. 118; 120; 122; 126; 131. Составитель К.А. Руденко).

Fig. 22. Baths in Bolgarskoe fort: 1 — the Red Chamber; 1a — Axonometric section of the Red Chamber (authors: A.P. Smirnov and N.F. Kalinin); 2 — the White Chamber; 2a, 2б — reconstruction of the White Chamber by S.S. Aydarov after iconographic sources; 3 — bath no. 2 (1—3 — after Шарифуллин 2001: рис. 118; 120; 122; 126; 131. Compiled by K.A. Rudenko).

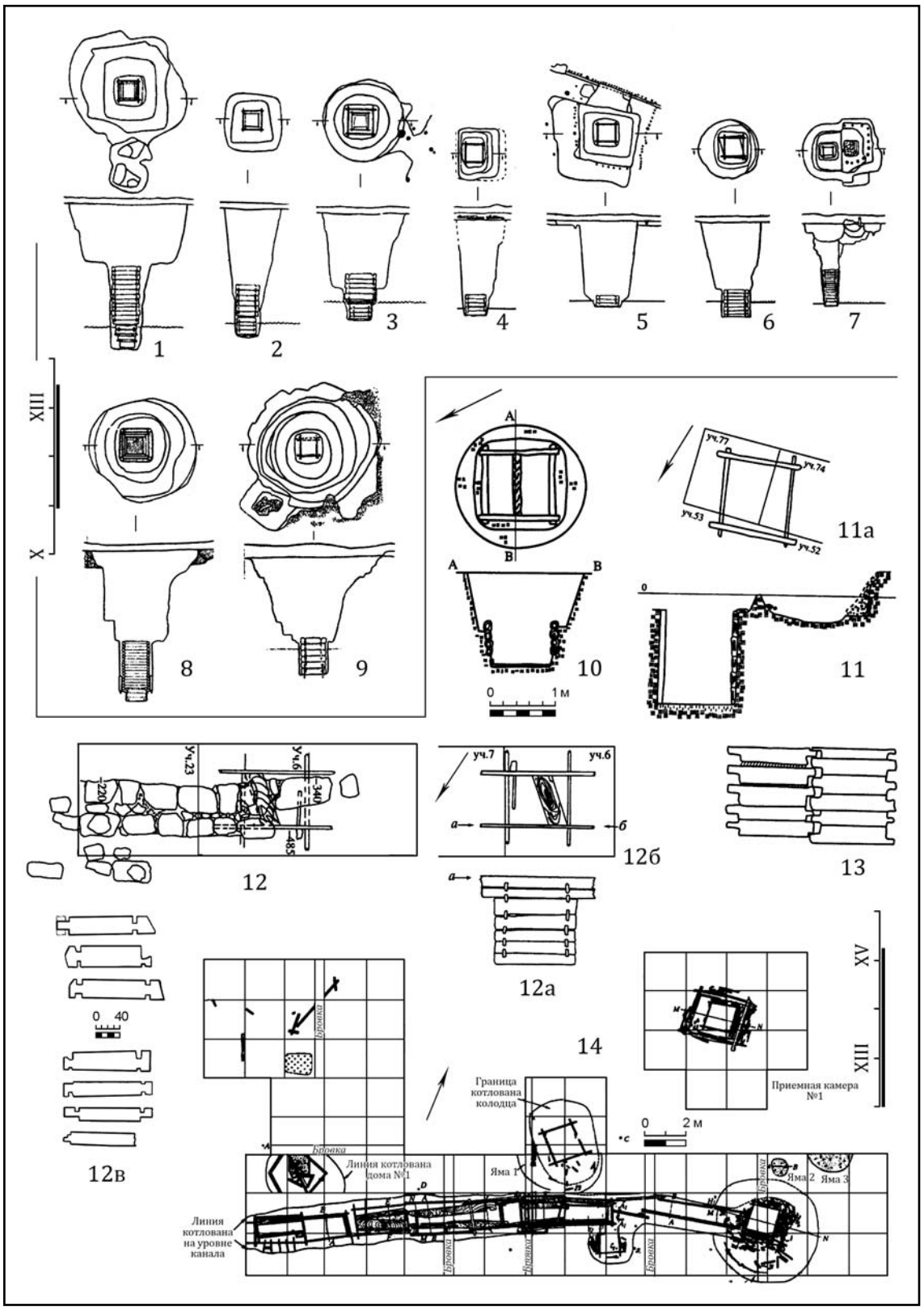


Рис. 23. Колодцы Билярского (1—9 — по Шарифуллин 1979: рис. 39; 42; 43) и Болгарского городища (10—11 — по Баранов 2001а: рис. 181; 182; 183); дренажная система на Болгарском городище (12—14 —по Баранов 2001а: 183). (Составитель К.А. Руденко).

Fig. 23. Wells in Bilyar (1—9 — after Шарифуллин: 1979, рис. 39; 42; 43) and Bolgarskoe forts (10—11 — after Баранов 2001а: рис. 181; 182; 183); drainage system in Bolgarskoe fort (12—14 — after Баранов 2001а: 183) (Compiled by K.A. Rudenko).

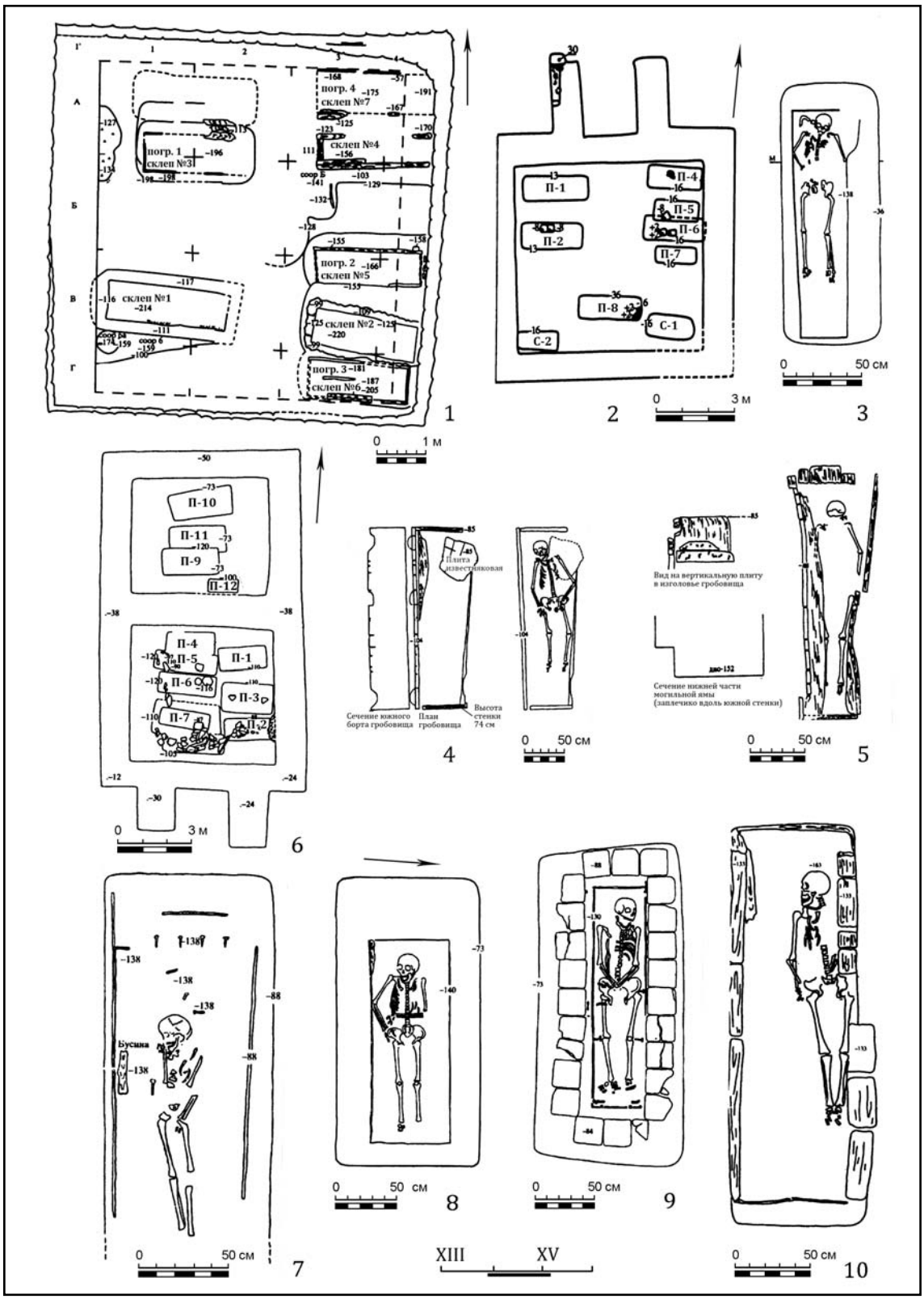


Рис. 24. Захоронения в мавзолеях на Болгарском городище: 1 — Восточный мавзолей (Церковь Св. Николая) (по Баранов, Кавеев 2001: рис. 97); 2 — мавзолей № 2 и погребения в нем: 3 — №8; 4 — №2; 5 — №6; 6 — мавзолей №5 и погребения в нем: 7 — №2; 8 — №9; 9 — №10; 10 — №5 (по Аксенова 2001: рис. 105—107, 110—114). (Составитель К.А. Руденко).

Fig. 24. Burials in mausoleums in Bolgarskoe fort: 1 — the Eastern Mausoleum (St. Nicholas' Church) (after Баранов, Кавеев 2001: рис. 97); 2 — mausoleum no. 2 and burials in it: 3 — no. 8; 4 — no. 2; 5 — no. 6; 6 — mausoleum no. 5 and burials in it: 7 — no. 2; 8 — no. 9; 9 — no. 10; 10 — no. 5 (after Аксенова 2001: рис. 105—107, 110—114). (Compiled by K.A. Rudenko).

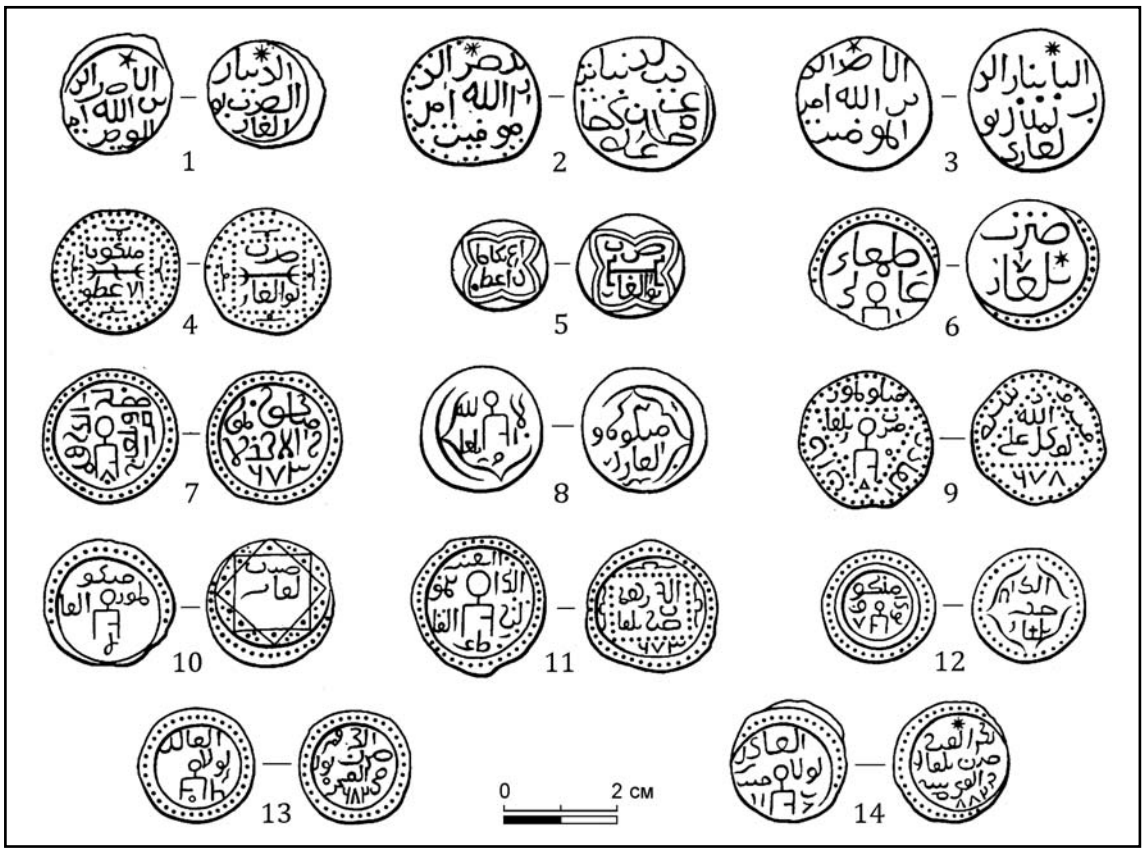


Рис. 25. Серебряные монеты Болгара XIII в. (по Федоров-Давыдов 1987: рис. 24; 32). 1—3 — из Болгарского клада 1887 г.; 4—13 — реконструкции штемпелей (по С.А. Яниной); 14 — из находок на Болгарском городище.

Fig. 25. Silver coins minted in Bolgar in 13th c. (after Федоров-Давыдов 1987: рис. 24; 32). 1—3 — from Bolgar hoard of 1887; 4—13 — reconstructed stamps (after S.A. Yanina); 14 — some finds from Bolgar fort.

ленную в плане торгово-денежных отношений территорию (Мухаметшин 2004: 130). В это время здесь начинается надчеканка ордынской монеты и ее обрезание по весовому стандарту крымских монет (Мухаметшин 2004: 130). Однако это явление резко прерывается в начале 1380-х гг. во время правления Тохтамыша, когда массовые эмиссии медных монет значительно превышают монеты других центров чеканки. Сами монеты чекана Болгара выпускались до 20-х гг. XV в. (Мухаметшин 2004: 131).

В ордынский период активно функционирует селище **«Ага-Базар»,** пристань-торжище города Болгара, расположенное в 7 км к северо-западу от Болгарского городища. Возникло оно в X в. и существовало до XV в. (Фахрутдинов 1975: 125, №737; АКТ 1986: 30, №156).

До 1360-х гг. город не имел оборонительных линий. В период 1360—70-х гг. (рис. 18) были возведены земляные валы с деревянными стенами с башнями. Перед валом был вырыт ров. Укреплениями была обнесена ремесленная часть города, городские кладбища, располагавшиеся на коренной террасе. В Иерусалимском овраге за городской стеной была устроена плотина для накопления в овраге дождевой и талой воды на случай осады (Хованская 1958: 316—329; Краснов 1987: 99—123). К концу XIV в. более 1/3 площади города за линией укреплений была не застроена или находилась в запустении, вследствие экономического кризиса и чумных эпидемий.

Город приходит в упадок к середине XV в.

Сельская округа. За пределами укреплений в золотоордынский период располагались небольшие поселения, как, например, **Болгарское I селище**, площадью около 2000 кв.м, возникшее в домонгольский период и существовавшее в эпоху Золотой Орды. Находится оно в 0,5 км к северу от Болгарского городища, на левом берегу Волги (Фахрутдинов 1975: 127, №747; АКТ 1986: 36, №181).

Ряд сельских поселений находились близ города в районе пойменных озер. К ним можно отнести **Степноозерное I селище** на берегу озера Степное на левом берегу Волги к се-

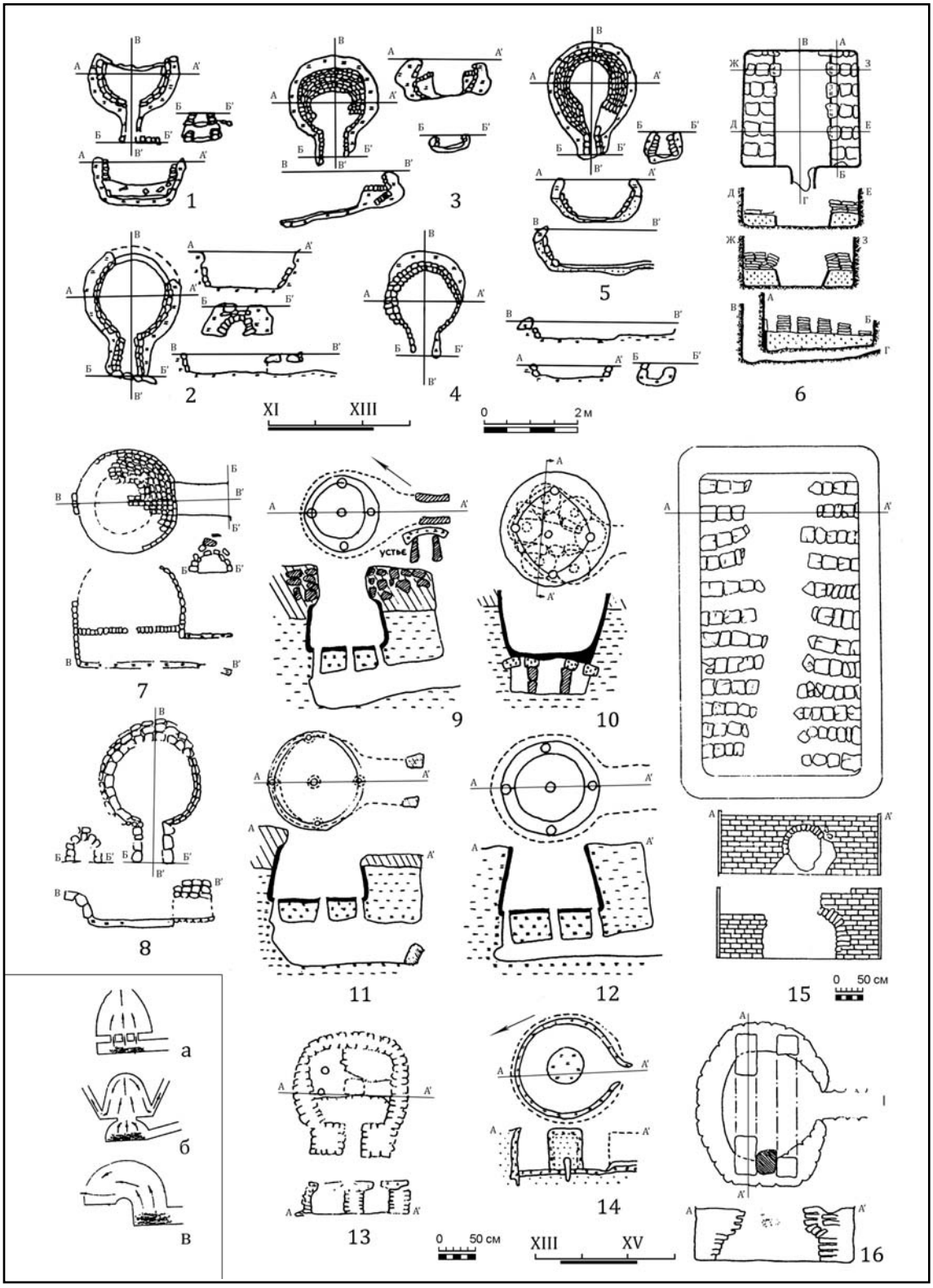


Рис. 26. Гончарные горны XI—XV вв. из Волжской Булгарии. 1—5 — Билярское городище; 7 — Русскоурматское селище; 8, 13 — Болгарское городище; 9—12 — Сухореченское селище: 14 —Большой Шихан; 6 — Муромский городок, городище; 15 — Мохши; 16 — Ага-Базар (Болгар); а — типы горнов с восходящим потоком газов; б — с нисходящим; в — с горизонтальным (по Васильева 1993: рис. 25—30).

Fig. 26. Potters' kilns of 11th—15th cc. from the Volga Bulgaria. 1—5 — Bilyar fort; 7 — Russkii Urmat unfortified settlement; 8, 13 — Bolgarskoe fort; 9—12 — Sukhorechenskoe unfortified settlement: 14 — Bolshoy Shikhan: 6 — Muromskiy gorodok, fort; 15 — Mokhshi; 16 — Aga-Bazaar (Bolgar); а — types of kilns with ascending gas current; б — with descending gas current; в — with horizontal gas current (after Васильева 1993: рис. 25—30).

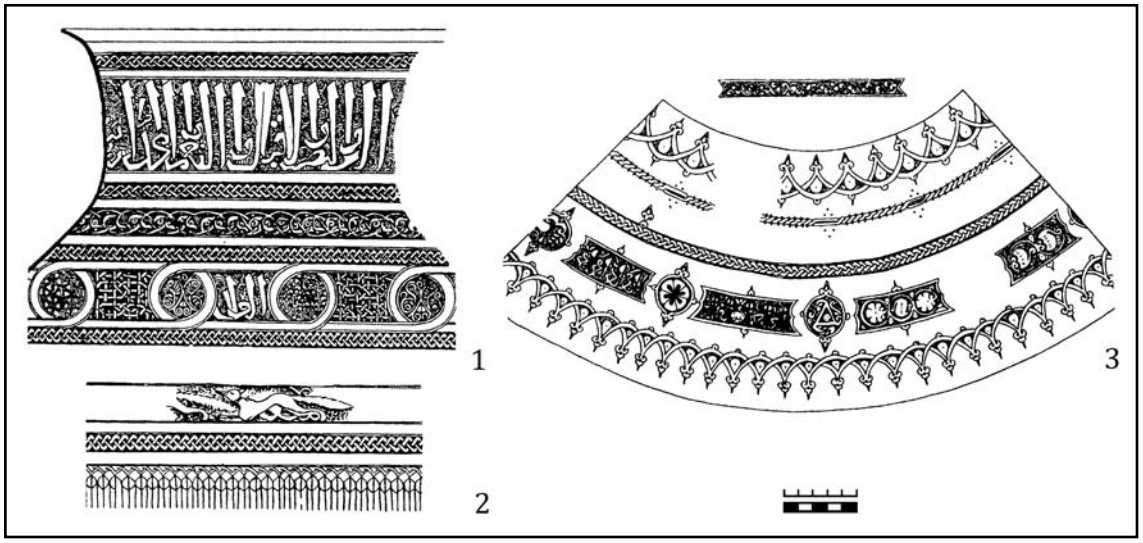


Рис. 27. Медная посуда с гравированным орнаментом конца XIV в. из Болгара (по Баранов 2001: рис. 2; 3).

Fig. 27. Copper vessels with engraved ornament of late 14th c. from Bolgar (after Баранов 2001: рис. 2, 3).

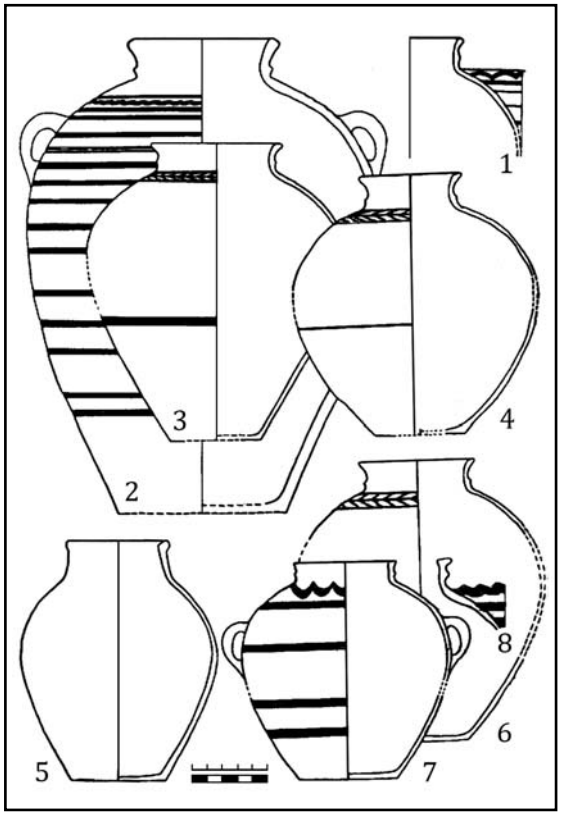


Рис. 28. Неполивная посуда Болгара XIII—XIV вв. Хумы (по Хлебникова 1988: рис. 57).

Fig. 28. Non-glazed vessels of Bolgar of 13th—14th cc. Khumy (after Хлебникова 1988: рис. 57).

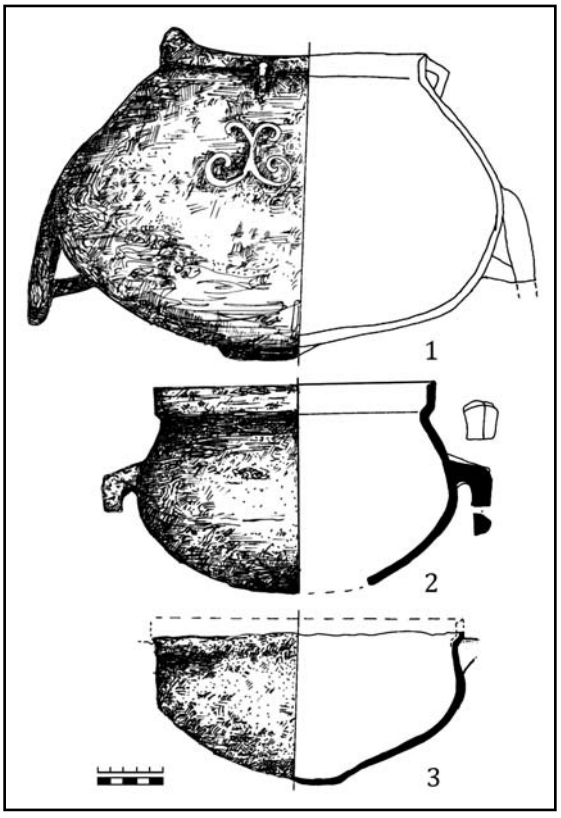


Рис. 29. Болгарское городище. Чугунные котлы (по Руденко 2006: рис. 4; 5).

Fig. 29. Bolgar fort. Cast iron cauldrons (after Руденко 2006: рис. 4; 5).

веру от села Булгары (Фахрутдинов 1975: 127, №743; АКТ 1986: 37, №189). В 0,5 км к западу от озера Степное отмечено **Степноозерное II селище** (Фахрутдинов 1975: 127, №744; АКТ 1986: 38, №190.). На восточном берегу озера находилось **Степноозерное III** (Фахрутдинов 1975: 127, №745; АКТ 1986: 38, №191) и чуть южнее **— Степноозерное IV селища**

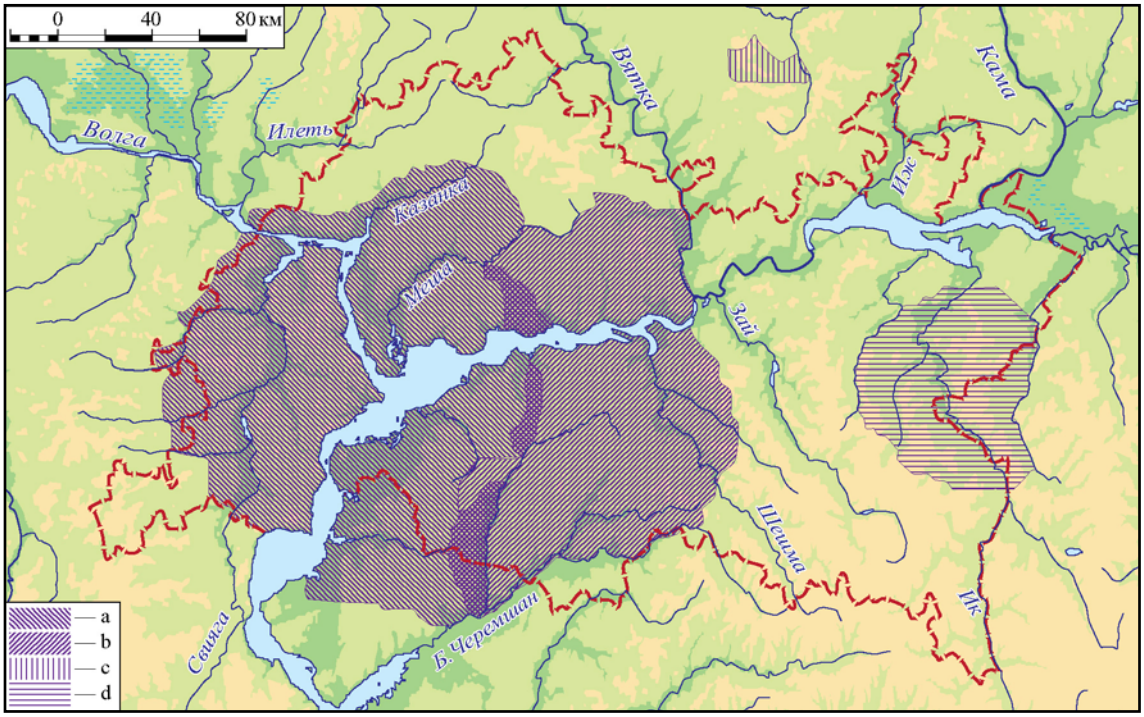


Рис. 30. Региональные варианты булгарских эпиграфических памятников XIII—XIV вв. (по Набиуллин 2006: рис. 2): a — болгарский; b — кирменьско-джукетауский; c — северный; d — восточный.

Fig. 30. Regional varieties of Bulgar epigraphic accounts of 13th—14th cc. (after Набиуллин 2006: рис. 2): a — Bulgarian; b — Kirmeni-Juketau; c — northern; d — eastern.

(Фахрутдинов 1975: 127, №746; АКТ 1986: 38, №192). Все эти селища возникли в домонгольское время и, вероятно, существовали весь золотоордынский период.

3. Джукетау (Жукотин). Археологические следы города представлены **Джукетауским городищем**[23], площадью 58 тыс. кв.м (Фахрутдинов 1975: 144-145, №1091; АКТ 1988: 60—61, №401), расположенным в 0,7 км к северу от с. Данауровка на левом берегу Камы, и **Данауровскими I—III селищами** — посадом города (около 100 га) (рис. 31). Город возник в X в. и существовал до XV в.

Раскопками на памятниках исследовано в 1970—1972 гг. 347 кв. м, в том числе на городище 171 кв.м (Хлебникова 1975: 235); в 1997—98 гг. на городище 247,6 кв.м, на I селище в 1997 г. 80 кв.м; на II селище в 1994—99 гг. — 507,6 кв.м; на III селище — 104 кв.м (рис. 32). Общая вскрытая площадь на городище и селищах к 2000 г. составила 1322,2 кв.м (Набиуллин 1999: 58—59).

На городище выделяется один слой X — начала XIII в. (Набиуллин 2001: 55). Мощность его составляет 40—60 см (Набиуллин 2001: 55).

Стратиграфическая шкала II селища, по Т. А. Хлебниковой, следующая (Хлебникова 1975: 234—251; Хузин 1994: 140—141):

— слой бурой супеси (10—15 см) — XVIII—XX вв.[24];

— слой светло-серой супеси (10—40 см) — вторая половина XIII — начало XV в.[25];

— слой рыхлой буровато-серой супеси (20—40 см) — вторая половина X — начало XIII в.[26]

Наиболее насыщены находками слои золотоордынского времени.

III селище является однослойным памятником. Культурный слой мощностью 35—40 см, отложился в золотоордынский период.

[23] Идентифицировано П. А. Пономаревым с городищем у г. Чистополя в 80-х гг. XIX в.

[24] Ф. Ш. Хузин считает, что это переработанный слой золотоордынского времени (Хузин, Набиуллин 1999: 94).

[25] Соответствует IV слою стратиграфической шкалы Болгарского городища (Хузин, Набиуллин 1999: 94).

[26] Т. А. Хлебникова выделяла два горизонта этого слоя, соотнеся их с V и VI слоями стратиграфической шкалы Болгарского городища. Ф. Ш. Хузин и Н. Г. Набиуллин этот слой не расчленяют (Хузин, Набиуллин 1999: 94).

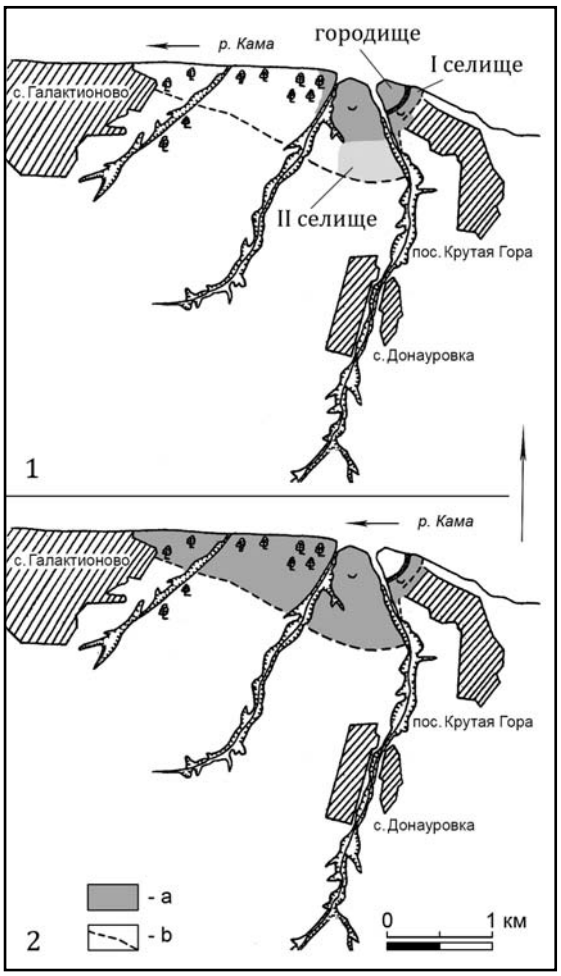


Рис. 31. План расположения археологических памятников у с. Данауровка (городище Джукетау) (по Хузин, Набиуллин 1999: рис. 1): 1 — в начале XIII в.; 2 — в XIV в.; a — территория города; b — границы археологического комплекса.

Fig. 31. Location of archaeological sites at village Danaurovka (Juketau fort) (after Хузин, Набиуллин 1999: рис. 1): 1 — in early 13th c.; 2 — in 14th c.; a — territory of the city; b — borders of the archaeological complex.

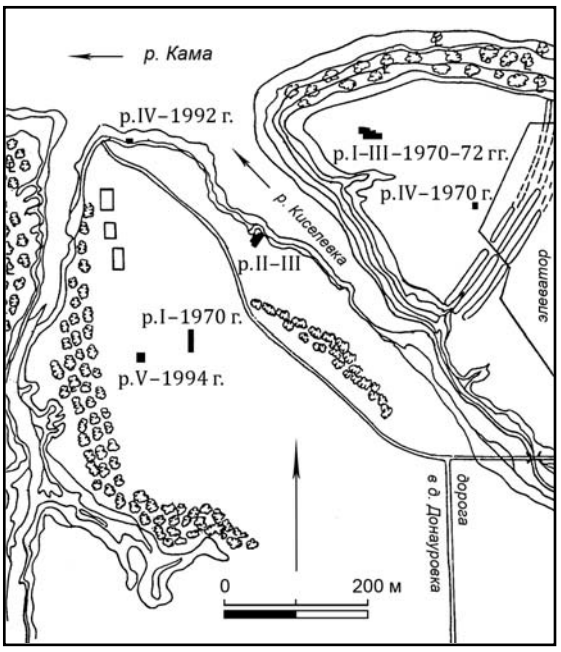


Рис. 32. Городище Джукетау и часть западного пригорода с обозначением раскопов 1970—1972 гг., 1994 г. (по Хузин, Набиуллин 1999: рис. 2).

Fig. 32. Juketau fort and part of the western suburbs with outline of the excavations carried out in 1970—1972, 1994 (after Хузин, Набиуллин 1999: рис. 2).

В домонгольское время город состоял из цитадели и посада (за валами городища и частично за оврагом) (рис. 31: 1) (Хлебникова 1975: 235). Укрепления городища состояли из трех валов высотой более 2,5 м и двух рвов глубиной около 2,5 м. Территория домонгольского города к началу XIII в. составляла 160—180 тыс. кв.м (Хлебникова 1975: 249).

В золотоордынское время функционирует неукрепленная часть поселения[27] (рис. 31: 2). Это бывший посад домонгольского города — **Данауровское I селище,** площадью 65 тыс. кв.м, расположенное к востоку от городища на правом берегу ручья Килевки (Фахрутдинов 1975: 145, №1092; АКТ 1988: 61, №402; Хузин, Набиуллин 1999: 90).

Ядром города во второй половине XIII — XIV вв. становится неукрепленное поселение к западу от городища. Археологические следы селища зафиксированы как **Данауровское II селище**, площадью 350 тыс. кв.м, расположенное в 0,5 км к северо-западу от дер. Данауровка на левом берегу Камы (Фахрутдинов 1975: 144, №1082; АКТ 1988: 59—60, №394). Во второй половине XIV в. поселение расширилось далее к западу **(Данауровское III (Галактионовское) селище)**[28]. Здесь изучены остатки гончарного и металлургического производств (Хузин, Набиуллин 1999: 90; Хузин 1994: 141). Селище датировано медными и серебряными монетами концом XIII — второй половиной XIV в. В XIII—XIV вв., как

[27] Городище в золотоордынское время, по мнению Н. Г. Набиуллина, не было заселено (Набиуллин 2003: 48).

[28] Ф. Ш. Хузин и Н. Г. Набиуллин рассматривают его как часть II селища (Хузин, Набиуллин 1999: 90). При разведках 1988 и 1989 гг. нами оно обозначено как Данауровское III (Галактионовское). Этого обозначения мы придерживается в данной статье.

Рис. 33. Городище Джукетау и I Донауровское селище. Находки из раскопов на городище (2, 3, 10, 12, 13, 15, 17, 22) и I селище (1, 4—9, 11, 14, 16, 18—21). 1—8 — II слой; 9—22 — III слой (по Хлебникова 1975: рис. 3; 4). 4, 6, 7, 8, 16, 17 — глина; 5 — бронза; остальное — железо.

Fig. 33. Juketau fort and I Donaurovskoe unfortified settlement. Finds from the digs on the fort (2, 3, 10, 12, 13, 15, 17, 22) and unfortified settlement I (1, 4—8, 9, 11, 14, 16, 18—21). 1—8 — II layer; 9—22 — III layer (after Хлебникова 1975: рис. 3; 4). 4, 6, 7, 8, 16, 17 — clay; 5 — bronze; the rest — iron.

и ранее, город не имел укреплений и каменных строений.

На территории I и II селищ зафиксированы мусульманские кладбища (Набиуллин 2003: 44—51), вероятно, на одном из них имелись каменные надгробия.

Джукетау считается центром производства надгробий особого стиля (рис. 30).

В культурном слое памятника встречен разнообразный материал (рис. 33—36). В 1924 г. около городища был найден клад золотых изделий и монет, датированный концом XIV в. (Смолин 2006: 19—42).

Сельская округа практически отсутствует[29].

4. Сувар. Археологические следы города известны как **Суварское городище**[30]. Оно

[29] Н. Г. Набиуллин включает в округу Джукетау 11 городищ и прилегающих селищ (Набиуллин 2006: 139). Однако в золотоордынское время их существования сомнительно. Культурная принадлежность некоторых городищ неопределенна (например, Кубасское городище).

[30] Городище определено как остатки города Сувара (Суара) Г. Ахмаровым в 1893 г.

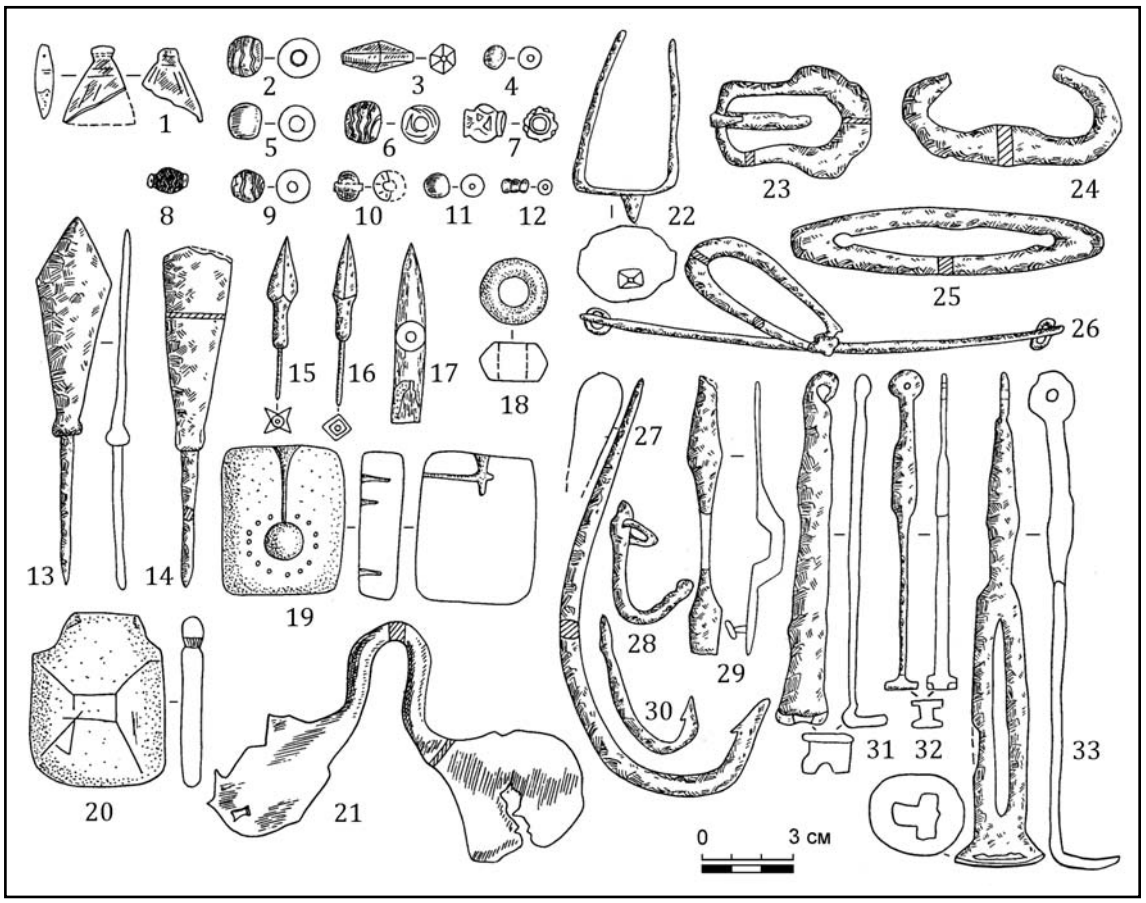


Рис. 34. Городище Джукетау. Находки из раскопа III. 1 — лазурит; 2, 5, 6, 8—12 — стекло; 3, 4 — сердолик; 7 — кашин; 13—16, 22—33 — железо; 17 — кость; 18 — шифер; 19, 20 — известняк; 21 — бронза (по Набиуллин, Хузин 1999: рис. 5; 6).

Fig. 34. Juketau fort. Finds from dig III. 1 — lasurite; 2, 5, 6, 8—12 — glass; 3, 4 — cornelian; 7 — Kashan; 13—16, 22—33 — iron; 17 — bone; 18 — slate; 19, 20 — limestone; 21 — bronze (after Набиуллин, Хузин 1999: рис. 5; 6).

расположено в деревне Татарский Городок Спасского района Татарстана и к югу от него на левом берегу р. Утки (рис. 37). Площадь городища и прилегающих селищ — около 1 млн. кв.м (рис. 38). По периметру городище укреплено несколькими рядами валов и рвов. Высота валов в среднем достигает 2—3 м при ширине в основании до 10 м. Рвы имели глубину до 5 м и ширину 10 м. В основе валов находились деревянные срубы шириной 3,5—4 м и длиной около 5 м (Смирнов 1951: 234—235).

Раскопками, проводившимися в XX в.[31], вскрыта площадь более 500 кв.м (Фахрутдинов 1975: 121, №660; АКТ 1986: 12—13, №17).

Стратиграфия памятника[32]:

— дерн (XX в.);

— серая аморфная супесь (XIX в. с переработанными отложениями XIII—XIV вв.);

— темно-серая супесь и рыхлая желто-серая супесь (вторая половина XIII — начало XIV в.)

— светло-серая супесь с углем (XII в.) — буроватый супесчано-суглинистый грунт (X—XI вв.)[33].

[31] Исследовалось раскопками в 1933—37 гг. А.П. Смирновым; в 1974, 1975 гг. Т.А. Хлебниковой; и в 1990-х гг. Р.Ф. Шарифулиным и Ф.Ш. Хузиным.

[32] Стратиграфические слои, выделенные Т.А. Хлебниковой (Хлебникова 1977: 134—136) и Ф.Ш. Хузиным (Хузин, Шарифуллин 1999: 91—92), имеют существенные разночтения.

[33] Стратиграфия по Ф.Ш. Хузину: 1 — слой пашни; II — слой светло-серой супеси (XIII в.); III — слой серой рыхлой супеси (вторая половина XI — начало XIII в.); IV — слой темно-серой гумусированной супеси (X — первая половина XI в.) (Хузин 2001: 151—153).

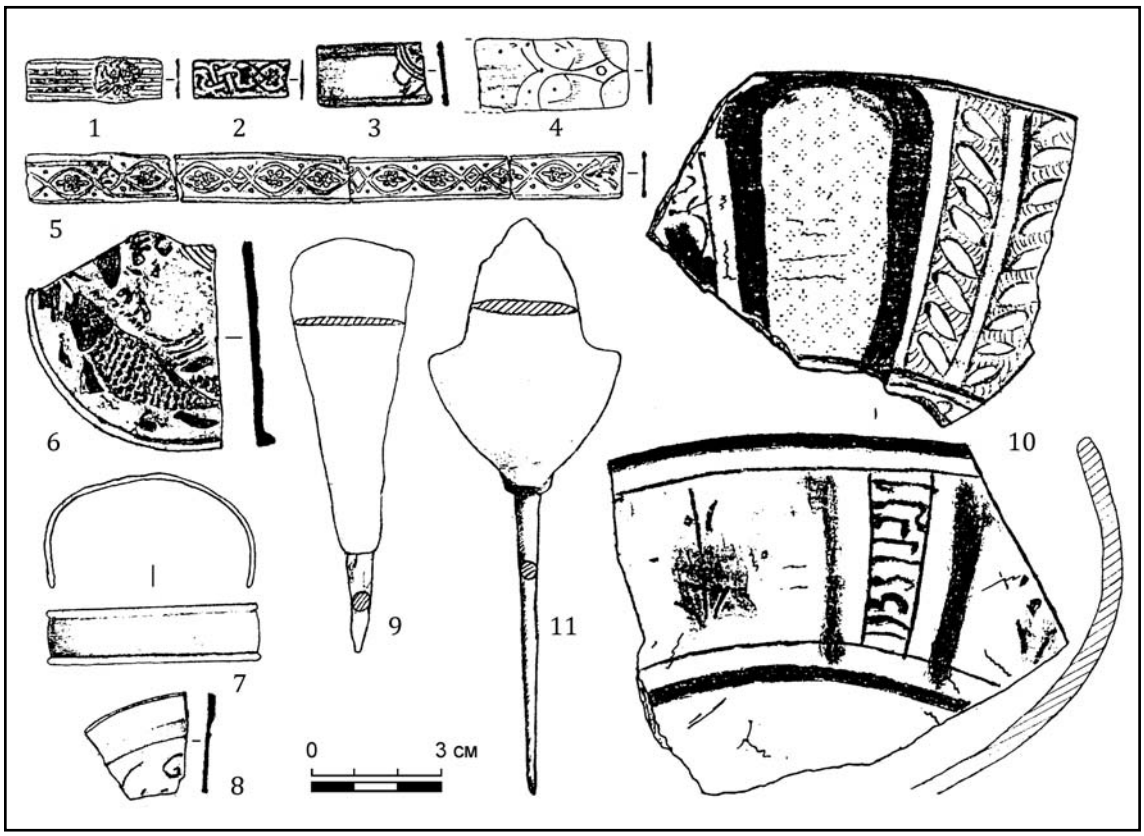


Рис. 35. Находки из II слоя Данауровского селища. 1—8 — медь и бронза; 9, 11 — железо; 10 — керамика (по Набиуллин 2000: рис. 3).

Fig. 35. Finds from II layer of the Danaurovskoe unfortified settlement. 1—8 — copper and bronze; 9, 11 — iron; 10 — ceramics (after Набиуллин 2000: рис. 3).

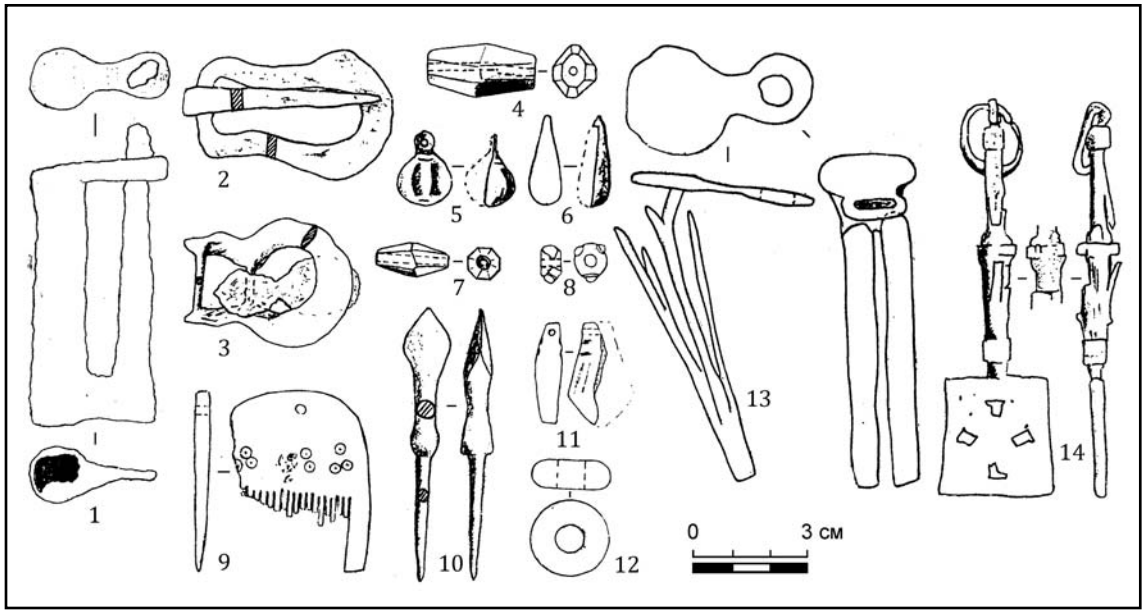


Рис. 36. Находки из III слоя Данауровского селища. 1, 2, 10, 13, 14 — железо; 3, 5, 6 — медь; 4 — горный хрусталь; 7 — сердолик; 8 — стекло; 9 — кость; 11 — лазурит; 12 — шифер (по Набиуллин 2000: рис. 4).

Fig. 36. Finds from III layer of the Danaurovskoe unfortified settlement. 1, 2, 10, 13, 14 — iron; 3, 5, 6 — copper; 4 — quartz crystal; 7 — carnelian; 8 — glass; 9 — bone; 11 — lasurite; 12 — slate (after Набиуллин 2000: рис. 4).

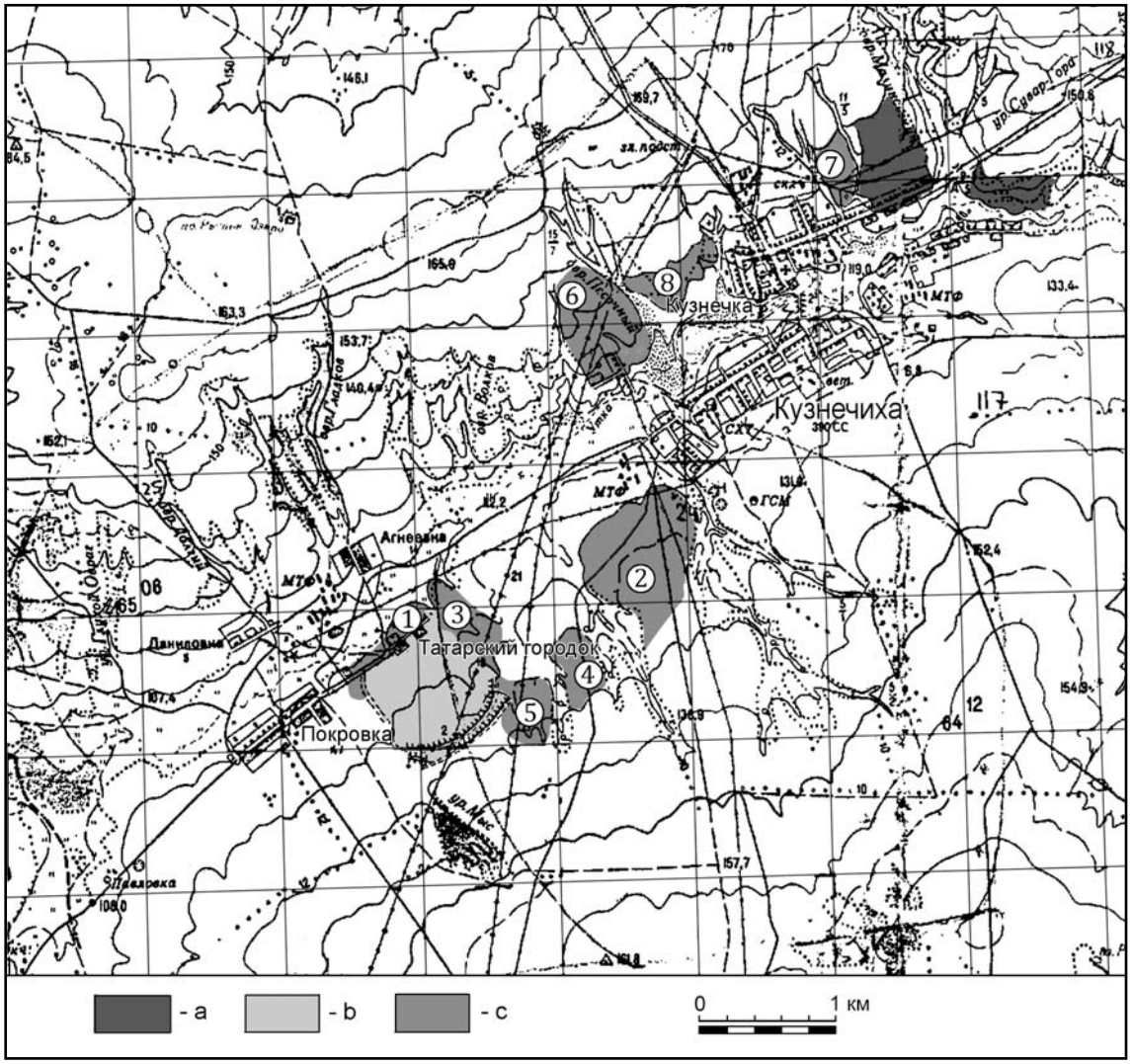


Рис. 37. Расположение городища Сувар и поселений его округи: a — территория III и IV Кузнечихинских селищ; b — территория городища Сувар; c — территория Покровского (1), Кузнечихинских I (6), II (2), IV (7), VI (8), Татгородских I (3), II (4), III (5) селищ. Сторона квадрата = 1 км. (Составлена К. А. Руденко).

Fig. 37. Location of Suar fort and settlements in its vicinity: a — territory of Kuznechikhinskoe unfortified settlement III and IV; b — territory of Suar fort; c — territory of Pokrovskoe (1), Kuznechikhinskoe I (6), II (2), IV (7), VI (8), Tatgorodskoe I (3), II (4), III (5) unfortified settlements. Side of square = 1 km. (Compiled by K.A. Rudenko).

Мощность культурного слоя вне сооружений составляет 120—140 см.

Как показали исследования, в домонгольское время в городе было развито кузнечное и ювелирное производство, имелись районы гончаров (Смирнов 1951: 256—264). К городищу примыкали селища-посады: **Татгородские I—III** (360 тыс., 60 тыс. и 150 тыс. кв.м соответственно), **Покровское** (около 111 тыс. кв.м), **Кузнечихинское II** (192 500 кв.м) селища (АКТ 1986: 11—13, №15, 18—21). Сельскую округу города составляли несколько селищ-спутников (**Кузнечихинские I, IV, VI селища**), площадью 40 тыс., 7 тыс., 15 тыс. кв.м (АКТ 1986: 14—15, №31, 32, 34).

После монгольского нашествия, по мнению А. П. Смирнова, город был частично восстановлен, были сохранены и защитные линии[34]. В это время жизнь поселения сосредоточилась на неукрепленных

[34] Утверждать, что город прекратил свое существование после монгольского нашествия (Хузин 2001: 154), преждевременно. В подъемном материале с городища, впрочем, как и из раскопов, происходят находки золотоордынского времени. В музее в с. Кузнечиха, где экспонируются находки с городища и его округи, имеются джучидские монеты, выразительный материал золотоордынского времени. Часть его происходит с селищ (Кузнечихинское III?), часть с городища.

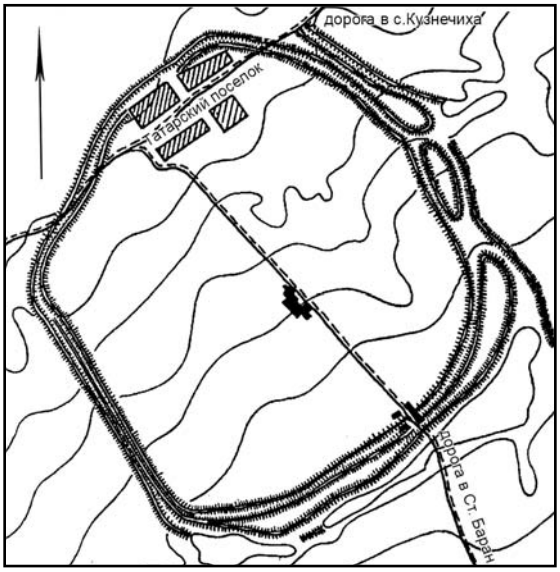


Рис. 38. План городища Сувар (по Хузин 2001: рис. 53).

Fig. 38. Plan of Suar fort (after Хузин 2001: рис. 53).

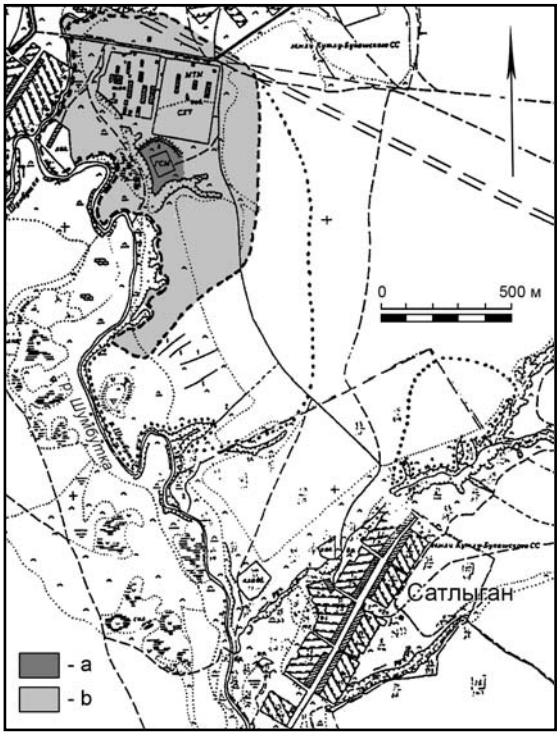


Рис. 39. Расположение Чаллынского городища и его округи: a — городище; b — округа городища. (Составлена К. А. Руденко).

Fig. 39. Location of Chally fort and its vicinity: a — fort; b — its vicinity. (Compiled by K. A. Rudenko).

селищах. Это **Кузнечихинское III селище**, площадью 112 500 кв.м, расположенное в 0,25 км к северо-востоку от с. Кузнечиха на правом берегу р. Утки (Фахрутдинов 1975: 121—122, №673; АКТ 1986: 14, №30) и **Кузнечихинское V селище,** площадью 12 350 кв. м., зафиксированное в северо-восточной части с. Кузнечиха на правом берегу р. Утки (рис. 37) (Фахрутдинов 1975: 122, №675; АКТ 1986: 14—15, №33). Они составляют сельскую округу золотоордынского города. Вероятно, на этих поселениях в 1863 г. был найден золотой динар, чеканенный в 1318 г. (АКТ 1986: 15, №36).

В золотоордынский период продолжают функционировать городские кладбища: **Суварское II**, к северу от городища на правом берегу р. Утки (Фахрутдинов 1975: 122, №680; АКТ 1986: 15, №39) и **Суварское I кладбище,** к югу от городища (Фахрутдинов 1975: 121, №659; АКТ 1986: 12, №16).

5. Чалы. Город идентифицируется с **Чаллынским городищем,** расположенным в 2 км к юго-востоку от с. Тябердино Челны Рыбно-Слободского района Татарстана на левом берегу речки Шумбут, правого притока Камы, на мысу, ограниченном оврагами (рис. 39; 40). Площадь городища 11 500 кв.м (Фахрутдинов 1975: 156, №1287; АКТ 1986: 138—139, №691). Раскопками, проводившимися в 1980-х гг., установлено наличие на городище материалов домонгольского, золотоордынского времени и эпохи Казанского ханства (рис. 41; 42) (Кокорина, Останина 2000: 76—174). Исследования 1994—1997 гг. на окружающих городище селищах (Хузин, Нигамаев 2000: 175—202) подтвердили эти выводы.

Стратиграфия. Культурные отложения мощностью 20—60 см составляют один слой (слой II), содержащий находки XI—XV вв. (Кокорина, Останина 2000: 77—78).

«Кремль» города (Чаллынское городище) был защищен тремя линиями укреплений, состоящими из трех валов и двух рвов между ними. Самый значительный, третий вал имел высоту 1,8 м и ширину в основании 11,5 м (Губайдуллин 2002: 75—77). Причем защитные сооружения были возведены практически со всех сторон городища по кольцевому принципу. Можно предполагать наличие деревянных стен. По мнению ряда исследователей, основная часть укреплений возведена в домонгольский период (Губайдуллин 2002: 77), часть — во второй половине XIV в. и в эпоху Казанского ханства (Кокорина, Кузьминых 2000: 72).

По мнению А. З. Нигамаева, наиболее активный период жизни города приходится на вторую половину домонгольского периода (XII — начало XIII в). «Золотоордынское время достаточно полно представлено в ма-

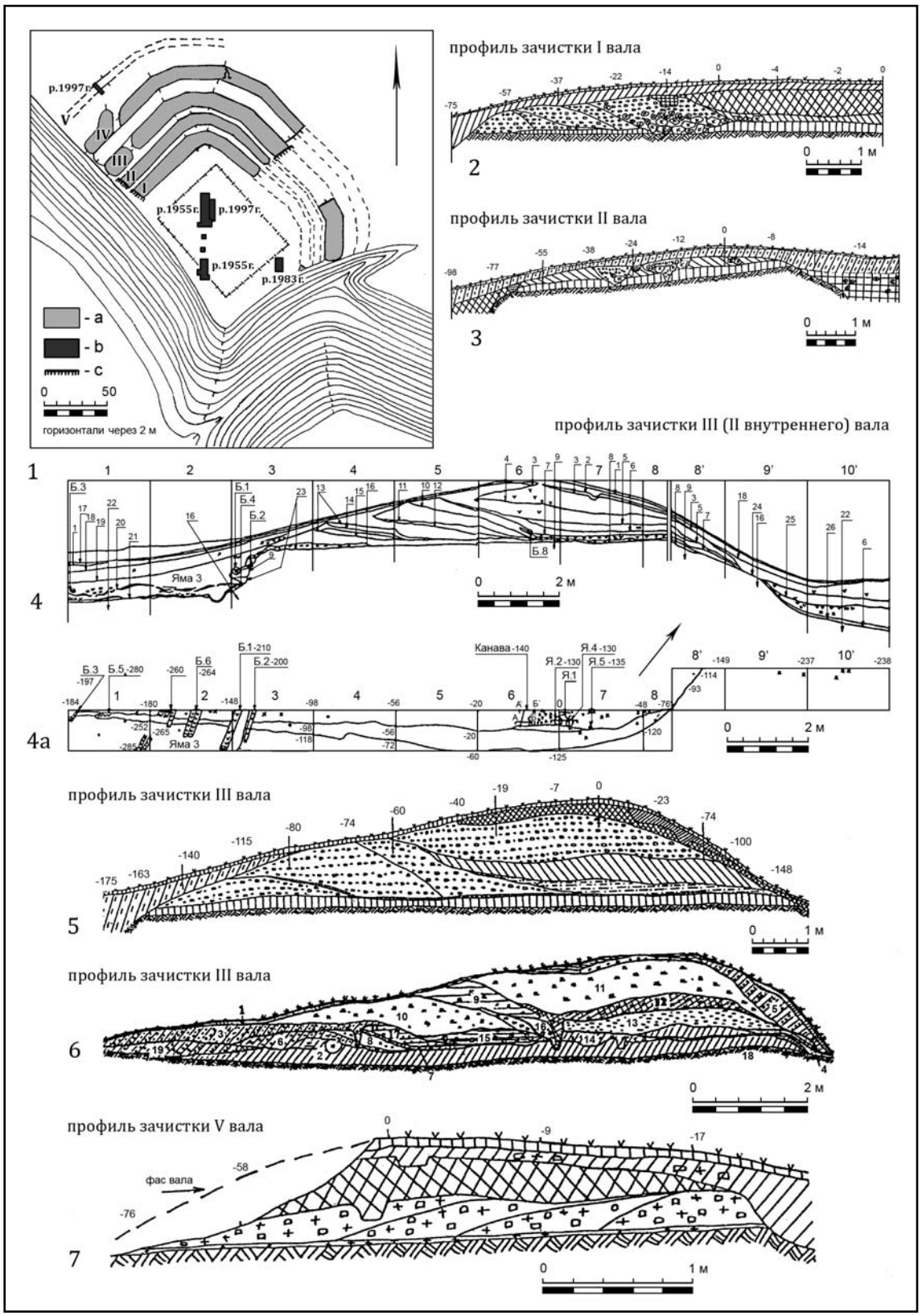


Рис. 40. План и укрепления Чаллынского городища (1 — по Калинин 2000: рис. 1; 2, 3, 5, 7 — по Губайдуллин 2002: рис. 109—111, 113; 4, 4а — по Кокорина, Кузьминых 2000: рис. 1; 6 — по Руденко 1999а: рис. 12а). Условные обозначения на плане: a — валы; b — раскопы; c — места зачисток валов.

Fig. 40. Plan and fortifications of Chally fort (1 — after Калинин 2000: рис. 1; 2, 3, 5, 7 — after Губайдуллин 2002: рис. 109—111, 113; 4, 4а — after Кокорина, Кузьминых 2000: рис. 1; 6 — after Руденко 1999а: рис. 12а).

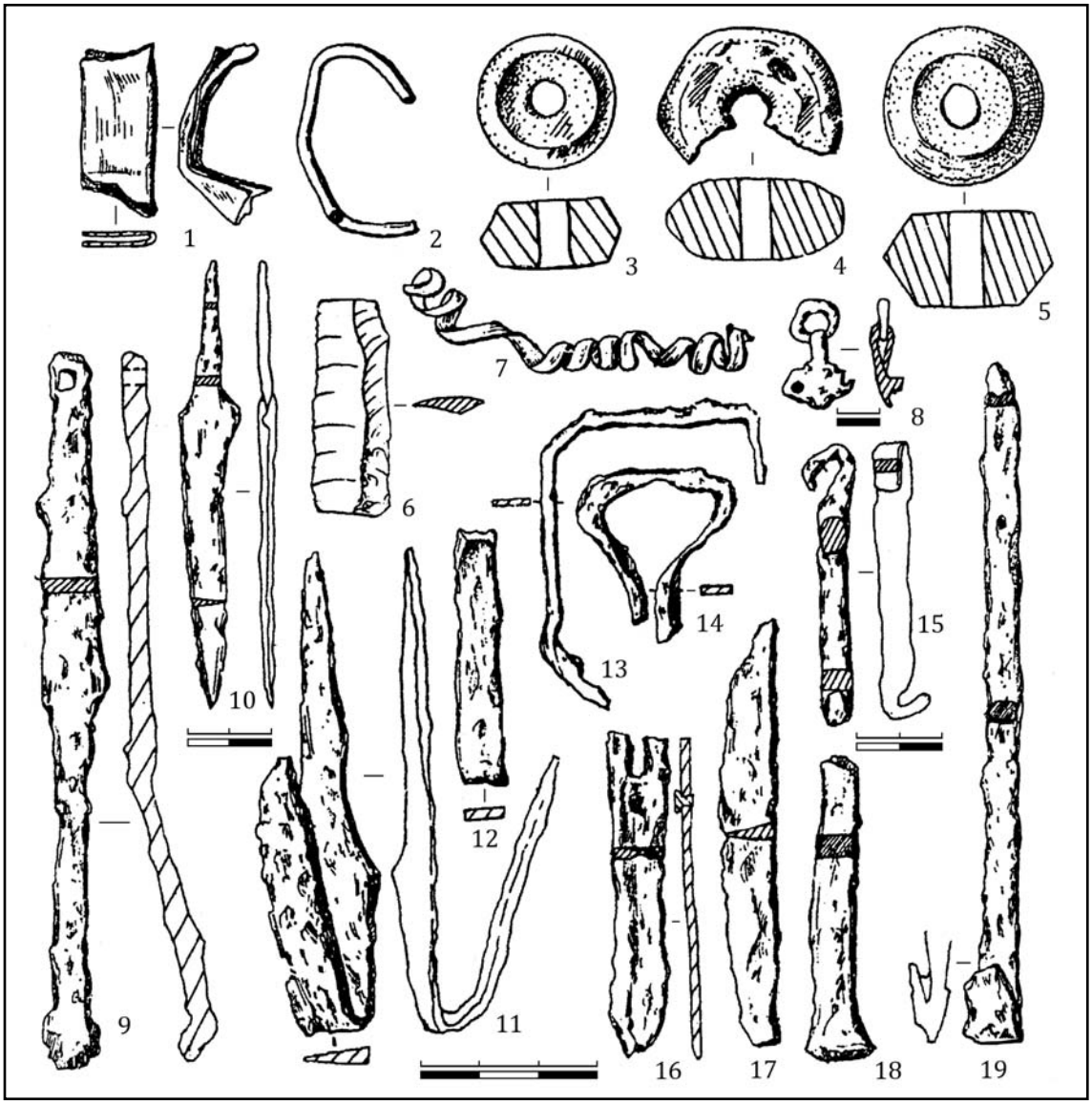


Рис. 41. Находки XI—XIV вв. с Чаллынского городища. 1, 2, 7 — цветной металл; 3—5 — глина; 6 — кремень; остальное — железо (по Кокорина, Останина 2000: рис. 10).

Fig. 41. Finds of 11th—14th cc. From Chally fort. 1, 2, 7 — nonferrous metal; 3—5 — clay; 6 — flint; the rest — iron (after Кокорина, Останина 2000: рис. 10).

териалах посада. Не исключено, что в период Казанского ханства основное население проживало в пригородном поселении, занятом ныне современным селом Тябердины Челны» (Нигамаев 2005: 77).

Вокруг городища (с севера и востока) зафиксировано селище — посад города, площадью 120 тыс. кв. м., обозначенное в археологической литературе как **Чаллынское II селище** (рис. 39) (Фахрутдинов 1975: 156, №1289). На территории селища зафиксировано три некрополя. Один из них (**Чаллынское кладбище**) находится в 0,2 км к северу от городища, на левом берегу речки Шумбут (Фахрутдинов 1975: 156, №1290), и отнесен к золотоордынскому времени. **I Чаллынский могильник**, датированный XIII — началом XV в., расположен в 0,3 км к востоку от городища (Газимзянов 2000: 216—237; Фахрутдинов 1975: 156, №1287; АКТ 1981: 138—139, №691). Он был исследован в 1994—1997 гг. (вскрыта площадь более 260 кв. м, исследовано 44 одиночных захоронений и одно парное).

Сельская округа. К юго-востоку от городища на левом берегу речки Шумбут зафиксировано селище-спутник — **Чаллынское I селище,** площадью 450 тыс. кв.м, возникшее в ордынский период (Фахрутдинов 1975: 156, № 1288).

6. Кашан. Археологические следы этого города соотносятся с двумя городищами (Калинин, Халиков 1954: 96) — **Кашанским II,** площадью 312 тыс. кв.м, расположенным в 1 км к западу от с. Сорочьи Горы, и с **Кашанским I,** площадью 1 080 тыс. кв. м — в 1 км к востоку от с. Шуран Лаишевского района Татарстана на правом берегу Камы (рис. 43) (Фахрутдинов 1975: 158, №1334; АКТ 1981: 119—120, №569; Руденко 1999а: 111—134; 2000а: 94—96; 2001: 33; 2001д: 74; 2003: 126, табл. 59; 2004а: 180—193; 2005: 191—194).

Городище **Кашан II** находится на коренном, правом, берегу реки Кама. Ограничено обрывом к реке высотой около 25 м и оврагом «Долгий» с востока и «Кашанским ущельем» с запада. С напольной стороны укреплено валом и рвом; вал высотой около 2,5—4 м, шириной в основании до 6—8 м, ров глубиной до 4 м. На западной и северо-западной стороне устроена двойная система укреплений, состоящая из вала и рва, на северной стороне — одинарная из одного вала. Часть укреплений в северной части сильно оплыла и, по всей видимости, не достроена еще в древности[35]. На городище нет культурного слоя[36].

Н. Ф. Калинин считал, что «на месте городища Кашан II следует предполагать сильную и большую крепость, контролировавшую движение судов по Каме, служившую охраной камской переправы и резиденцией кашанского князя. Кашан I был крупным ремесленно-торговым посадом и главнейшим экономическим центром этого княжества» (Калинин, Халиков 1954: 96).

Городище **Кашан I** укреплено валом и рвом, как со стороны Камы, так и с напольной стороны. В первом случае вал имеет высоту 2—4 м и ширину 10—12 м; с напольной стороны — высоту 3,5—4 м и ширину 12 м. Перед валом в этой части памятника имеется ров глубиной 3—3,7 м и шириной 12 м.

При сплошном обследовании городища в 1995—1996 гг. было установлено, что подъемный материал распространен на нем неравномерно (рис. 44), а проведенные в 1995—1997 гг. раскопки показали, что территория городища стала осваиваться в XI в. и обживалась на протяжении XII в. Свидетельств обитания на городище в золотоордынское время на исследованных участках не выявлено.

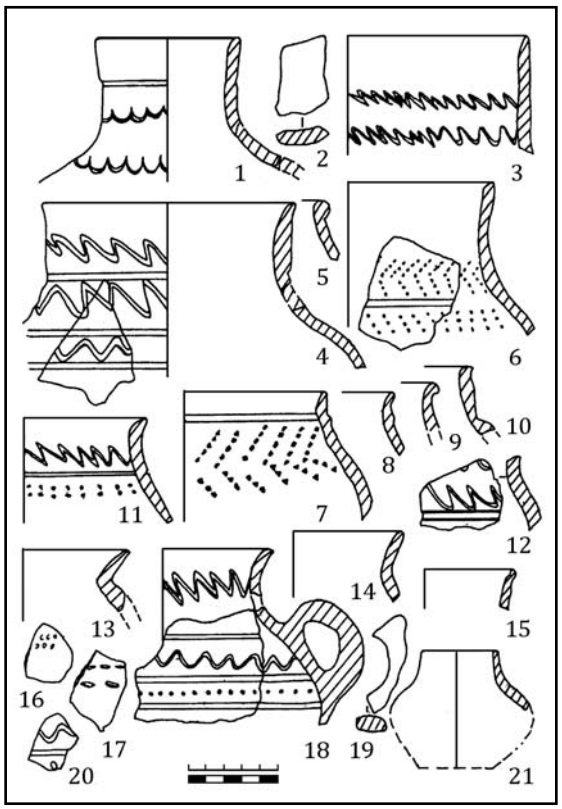


Рис. 42. Керамика XI—XIV вв. с Чаллынского городища (по Кокорина, Останина 2000: рис. 21).

Fig. 42. Ceramics of 11th—14th cc. from Chally fort (after Кокорина, Останина 2000: рис. 21).

Стратиграфия. Мощность культурного слоя составляет от 15 до 50[37] см. Выделяются 4 слоя:

— дерн и поддерновый слой — 5—16 см (XX в.);

— темно-серая супесь — 8—38 см (XII—XIII вв.);

— серая супесь — 6—12 см (XI — первая половина XII в.);

— плотная серо-черная супесь (погребенная почва) (встречаются отдельные фрагменты керамики VII –VI вв. до н. э. — ананьинская культура и VI—VII вв. н. э. — именьковская культура).

Всего к 2010 г. на городище изучено 425 кв. м (0,04% общей площади памятника). Раскопки, проводившиеся автором в 1995—1997 и 2004 г. (377 кв.м) показали, что основной материал на исследованной части городища, как и время возведения укреплений, относятся к домонгольскому времени (Руденко 2005: 194). Анализ распространения подъемного материала показывает, что

[35] Поэтому, собственно, одинарная линия обороны.

[36] Городище обследовано только разведками.

[37] Без учета погребенной почвы.

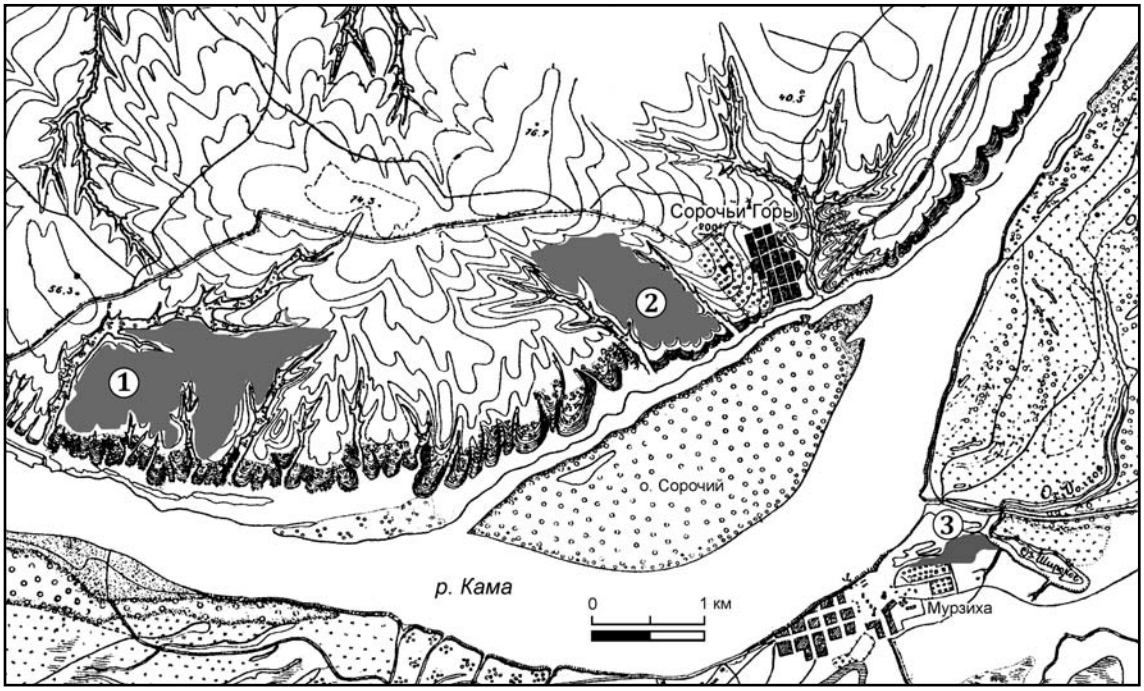


Рис. 43. Расположение городищ Кашан I (1), Кашан II (2) и Мурзихинского селища (3). Границы памятников нанесены по топографической основе 1941 г. (по К.А. Руденко).

Fig. 43. Location of Qashan I (1), Qashan II (2) forts and Murzikhinskoe unfortified settlement (3). Borderlines of sites are located based on a topographic map of 1941) (after К.А. Руденко).

местонахождения п.м.

№ п/п	площадь (м)	ориентировка
1	30×20	СЮ
2	10×20	ЗВ
3	5×1	СЮ
4	2×2	
5	1×1	
6	20×10	ЗВ
7	3×8	СЮ
8	5×5	СЮ
9	20×10	СЮ
10	25×25	
11	20×40	СЮ
12	20×30	СЮ
13	20×20	
14	20×10	СЮ
15	10×10	
16	1×1	
17	1×5	СЮ
18	10×15	ЗВ
19	20×15	ЗВ
20	10×5	ЗВ
21	5×5	ЗВ
22	30×10	СЮ
23	15×10	СЮ
24	10×15	СЮ
25	20×20	
26	20×70	ЗВ
27	500×100	СЮ
28	20×30	ЗВ

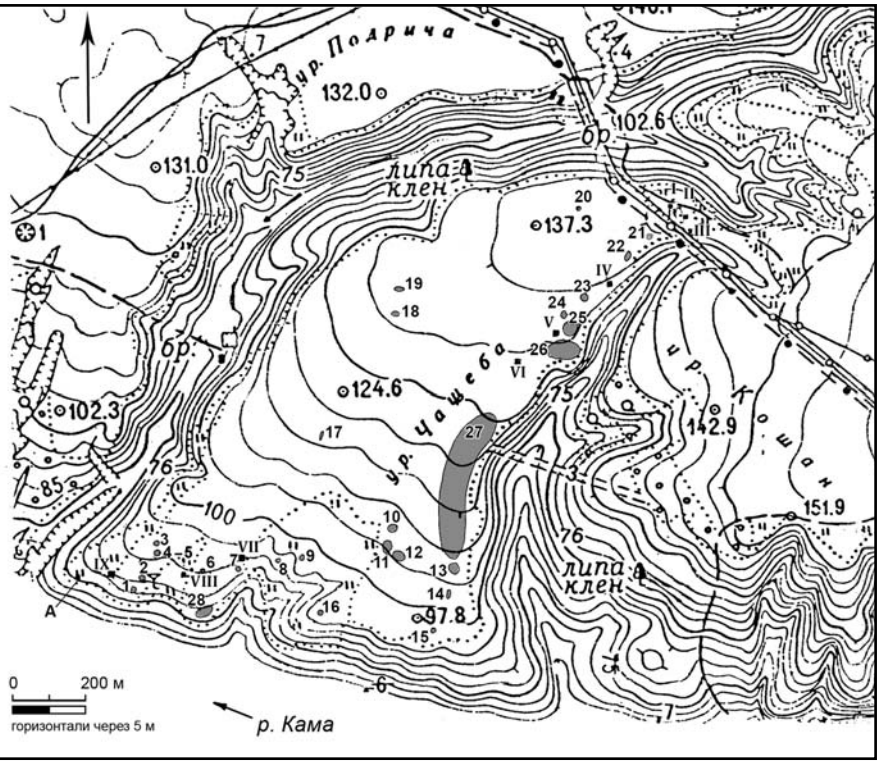


Рис. 44. План Кашанского I городища с нанесением размеров участков нахождения подъемного материала (по разведкам К.А. Руденко 1995—1996 гг.). А — раскоп I 1995 г.; римскими цифрами обозначены шурфы Н.Ф. Калинина 1948 г. (приблизительно).

Fig. 44. Plan of Qashan I fort; sizes are indicated for plots where stray finds were found. Excavations by K.A. Rudenko in 1995—1996. A — dig I 1995; Roman figures show test pits by N.F. Kalinin in 1948 (approximately).

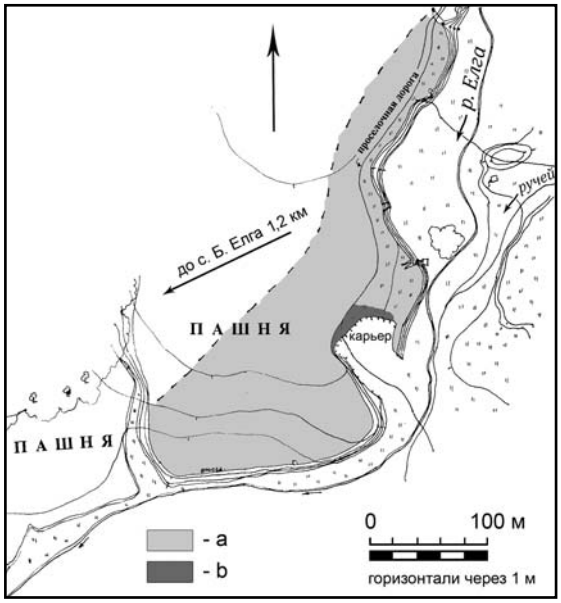


Рис. 45. Большеелгинское селище: a — территория селища; b — могильник. План (топосъемка К.А. Руденко, 1997 г.).

Fig. 45. Bolsheelginskoe unfortified settlement: a — territory of the settlement; b — necropolis. Plan (topographic survey by K.A. Rudenko, 1997).

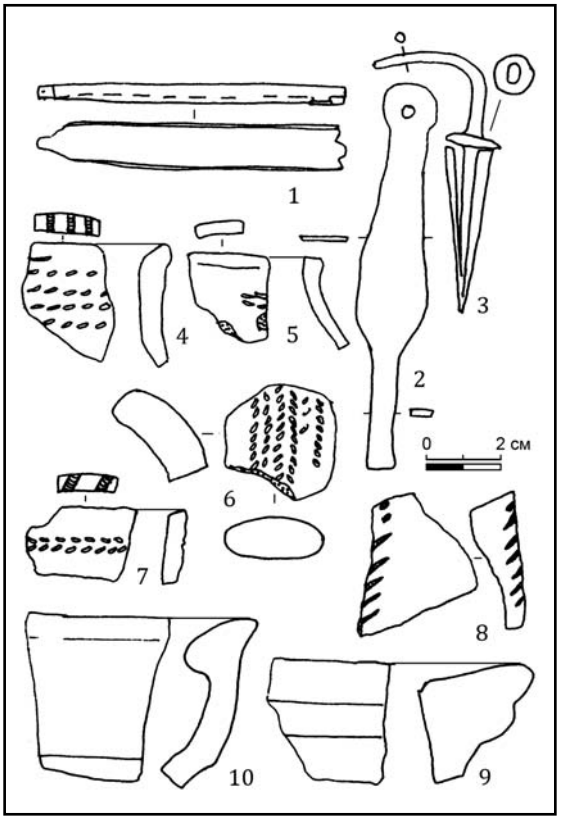


Рис. 46. Находки с Большеелгинского селища (разведки К.А. Руденко 1996 г.).

Fig. 46. Finds from Bolsheelginskoe unfortified settlement (field surveys by K.A. Rudenko, 1996).

центр площадки в древности, видимо, не был заселен. Вместе с тем, у оврагов, на краю городища, имелись отдельные населенные участки, функционировавшие в течение короткого промежутка времени. На памятнике не выявлены следы какой-либо значительной ремесленной деятельности.

Городище, расположенное на месте весенней переправы через Каму, вероятно, использовалось и в ордынское время как перевалочный пункт, о чем свидетельствуют находки золотоордынских монет XIV в., сделанные здесь в XIX в. Вещевые клады, найденные на городище, судя по описаниям, относятся к XI—XII вв.

Сельская округа. Селищ рядом с городищами не выявлено. С определенной долей условности к этому городищу можно отнести **Большеелгинское селище,** площадью 280 тыс.кв.м, расположенное в 0,5—0,6 км к западу-юго-западу от с. Большая Елга на правом берегу ручья Шуранки (рис. 45) (Фахрутдинов 1975: 158, №1340; АКТ 1981: 117—118, №560; Руденко 2003: 126, 127, табл. 61, 62). Селище, судя по подъемному материалу (рис. 46), возникло в домонгольский период (не позднее XI в.) и существовало до XV в. включительно. Практически на территории селища известно два могильника (Фахрутдинов 1975: 158, №1339; АКТ 1981: 118, №561). Один из них, **Большеелгинский могильник,** частично разрушен карьером[38]. Зафиксированы захоронения совершенные в деревянных гробах, скрепленных железными гвоздями. Возможная дата могильника — XII—XIII вв.

С Кашаном, вероятно, связаны **Стрюковские селища,** которые возникли в конце домонгольского периода, но основное время их существования приходится на XIV в. **Стрюковское I селище** площадью 80 тыс.кв.м, расположено в 0,8 км к северо-востоку от бывшей деревни Стрюково Лаишевского района Республики Татарстан, на левом берегу речки Брыски (Фахрутдинов 1975: 159, №1345; АКТ 1981: 115, №543; Руденко 2003: 126, табл. 57). **Стрюковское II селище** (рис. 47), площадью 112 тыс.кв.м, находится в 1 км к востоку-северо-востоку от бывшей деревни, на левом берегу речки Брыски (Фахрутдинов 1975: 159, №1346; АКТ 1981: 115, №544; Руденко 2003: 126, табл. 57). На селище найдены золотоордынские монеты.

[38] Обследование К.А. Руденко 1993 и 1997 гг.

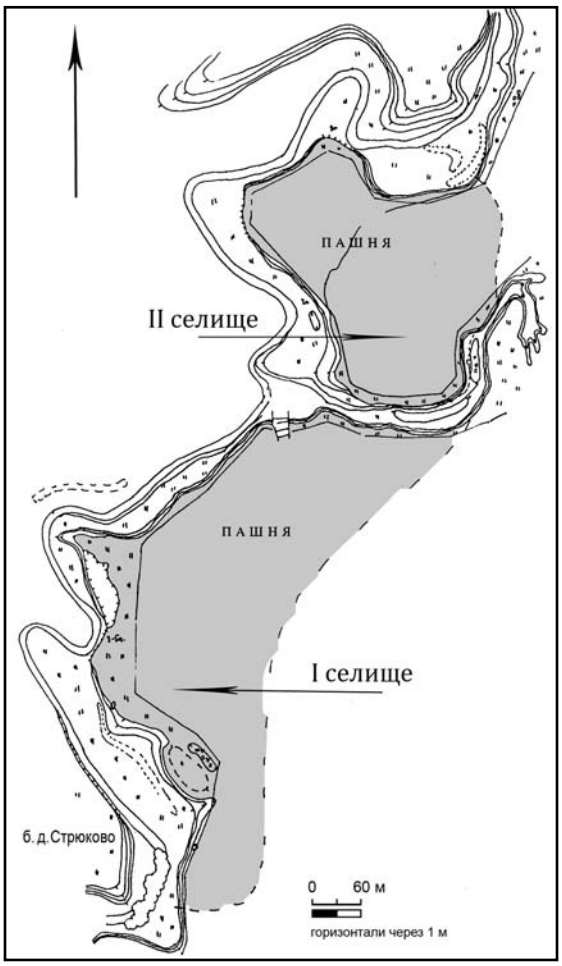


Рис. 47. Стрюковские селища. План (топосъемка К. А. Руденко 1998 г.).

Fig. 47. Stryukovo unfortified settlements. Plan (topographic survey by K. A. Rudenko of 1998).

7. **Казань**. Основана на рубеже X—XI вв. В XIII—XIV вв. — центр княжества, с 1438 г. — столица Казанского ханства. В 1552 г. завоевана войсками Ивана IV и присоединена к Русскому государству (Изучение 2001: 259). Археологические исследования велись с 1920-х гг. и продолжаются по сей день[39].

Основу современного города составил кремль, археологическим выражением которого является г**ородище «Казанский кремль**», площадью свыше 130 тыс. кв.м, расположенное в центральной части г. Казани, на территории ее кремля, на левом берегу р. Казанки, левого притока Волги (Фахрутдинов 1975: 162, №1416; Хузин 1999: 5—23; Ситдиков 2006: 6—7). Археологические исследования в кремле проводились в 1974—1978 гг. (А. Х. Халиков; А. Г. Мухамадиев, Л. С. Шавохин), была вскрыта площадь в 1600 кв. м; в 1988 — еще 172 кв. м. Особо широкие раскопки были проведены в 1994—2003 гг. (А. Х. Халиков, Ф. Ш. Хузин, А. Г. Ситдиков). Была исследована площадь в 10 тыс. кв.м (рис. 49) (Ситдиков 2006: 24, 27).

Стратиграфия культурного слоя городища, разработанная Н. Ф. Калининым и А. Х. Халиковым (Халиков 1976: 17—18) и уточненная Ф. Ш. Хузиным и А. Г. Ситдиковым, выглядит так:

— слой темно-серой супеси (XIX — XXI в.);

— слой серой или темно-серой плотной супеси с включением гумуса (вторая половина XVI — XVIII вв.);

— слой буровато-коричневой плотной супеси, с включениями угля и древесного тлена (вторая половина XV — первая половина XVI в.);

— слой бурой плотной супеси с включением подзола (вторая половина XIII — первая половина XV в.);

— слой плотной коричневато-серой супеси (X—XI — первая треть XIII в.) (Ситдиков 2006: 40—41).

Казань в XI — начале XIII в. занимала северную оконечность кремлевского холма (рис. 50). В золотоордынское время, как и в домонгольский период, Казань функционирует в северной части кремлевского холма, имея естественную южную границу в виде Тезицкого оврага (Ситдиков 2005: 157—162), около которого в XII в. насыпается вал шириной около 12 м и высотой 3 м (Халиков 1985: 100), на котором сооружается стена и проездные ворота (рис. 51). Основные защитные линии состояли из деревянного частокола из бревен диаметром 20—25 см с заостренными концами (Ситдиков 2006: 109). Предполагается, что южный участок стены и проездные ворота были каменные (Ситдиков 2006: 110). За пределами укрепленной части города находился посад, занимавший южную часть холма (рис. 51) (Ситдиков 2006: 105, 110—111). Площадь города в это время составляла около 25 тыс. кв.м (Халиков 1976; Шавохин 1976: 35)[40].

На протяжении всего золотоордынского периода в Казани сохранялись укрепления, возведенные в XII в., только в начале XV в.

[39] Историю изучения см.: Ситдиков 2006: 8—33.

[40] Первоначальная площадь города около 6 га (Ситдиков 2006: 108).

произошло обрушение стен с восточной и северной стороны (Ситдиков 2006: 111).

Центральная часть крепости была благоустроена. Проезд на главную улица кремля был вымощен известняковыми камнями, улицы, спускавшиеся к южным воротам, были частично замощены деревянной мостовой (Ситдиков 2006: 112). С восточной стороны кремля располагался ремесленный пригород. К западу от кремля, в пойменной части находились небольшие поселки, заселенные татарами, мордвой и русскими (АКТ 1981: 35, №68, 72). Не исключено, что в это время появляется армянский поселок в районе так называемого Кабанского городища (Высоцкий 1889: 3—5).

Казань к середине XV в. и особенно к началу XVI в. значительно расширяется в южном и восточном направлении (рис. 52), составив ядро города XVII—XVIII вв.

В культурном слое золотоордынского времени и в вышележащих слоях (в переотложенном состоянии) найдены предметы вооружения (рис. 53), быта (рис. 54), джучидские монеты, фрагменты глазурованной (рис. 55) и круговой (рис. 56) керамики (Коваль 2006: 23—48; Ситдиков 2006: 3, таблица).

По предположению А. Г. Мухамадиева, с конца XIV и до середины XV в. Казань чеканит монету с обозначением места чеканки — «Болгар» (Мухамадиев 1998: 37—40) или «Керман»[41]. При Тохтамыше, в конце XIV в., в Казани чеканятся монеты с обозначением места чеканки «Гюлистан ал-Джедид» от имени хана Бердибека (Мухамадиев 1983: 117—118)[42].

На территории современного города Казани имеется несколько мест, которые в исторической и археологической литературе, а также в фольклоре связываются с укрепленными поселениями золотоордынского времени (рис. 48). Это городище[43] **«Зилантова гора»** (рис. 57), расположенное в Кировском районе Казани, на мысу, образованном излучиной левого берега старого русла Казанки. Площадь площадки мыса

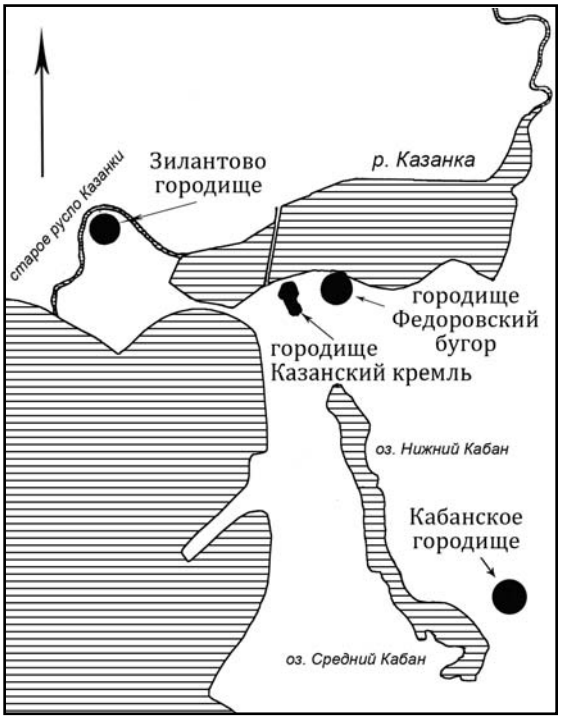


Рис. 48. Схема расположения средневековых городищ на территории Казани (по Шавохин, Халиков 1976: рис. 1).

Fig. 48. Scheme of medieval forts in Kazan (after Шавохин, Халиков 1976: рис. 1).

30 тыс. кв. м. По мнению Н. Ф. Калинина[44], опиравшегося на результаты шурфовки памятника в 1930—40-х гг., в конце XIV в. здесь существовало укрепленное поселение (Калинин 1955: 31). Полученный в ходе раскопок 1970-х гг. на незастроенных участках городища материал (рис. 58) датировал культурные отложения здесь не ранее XVI в. (Шавохин 1976: 24—26).

К золотоордынскому времени относили **Кабанское городище**[45] **(Архиерейская дача)**[46], площадью 7500 кв.м (Фахрутдинов 1975: 162, №1416)[47]. Расположено оно на высоком выступе западного берега озера Средний Кабан в Приволжском районе Казани (рис. 59). Площадка городища с севера и юга ограничена оврагами. Следы

[41] А. Г. Мухамадиев высказал мнение, что Казань начала чеканить монету с указанием места чеканки «Керман» (Керман-Казань) с 80-х гг. XIII в. (Мухамадиев 2005: 169—170).

[42] В недавней публикации А. Г. Мухамадиев утверждает, что Гюлистан ал-Джедид — это название казанского монетного двора (Мухамадиев 2005: 171—172).

[43] Следы укреплений археологически не выявлены.

[44] Исследования Н. Ф. Калинина 1951 г. (Ситдиков 1999: 57).

[45] Следы укреплений выявить не удалось.

[46] Н. Ф. Калинин предполагал существование Кабанского княжества в XIII в. (Калинин 1955: 26).

[47] Обследовано экспедицией КФАН СССР в 1947, 1951 гг., СНРПМ, в 1972 г. Раскопки проводились Н. Ф. Калининым в 1935 и 1951 г. (Ситдиков 1999: 51, 57). Исследования 1990-х гг. следов городища не выявили.

0 10 50 м

Рис. 49. Карта Казанского кремля с обозначением раскопов, шурфов, мест наблюдений и случайных находок (р. — раскоп; ш. — шурф; тр. — траншея): 1 — находки архитектурных деталей, 60-е гг. XIX в.; 2 — клад русских монет, 1861 г.; 3 — клад монет, 1878 г.; 4 — обломок надгробного камня, 1935 г.; 5 — шурфы за Благовещенским собором, 1928—1929 гг.; 6 — шурфы в саду Совмина, 1928 г.; 7 — шурфы у башни Сююмбеки, 1929 г.; 8 — ш. у бывшей Дворцовой церкви, 1929 г.; 9 — ш. у церкви Киприана и Устиньи, 1929 г.; 10 — р. 1935 и 1954 гг.; 11 — тр. 1947 г.; 12 — тр. 1948 г.; 13 — наблюдения у Спасской башни; 14 — тр. 1925 г.; 15 — тр. 1948 г.; 16 — р. №1 1953 г.; 17 — р. №2 1953 г.; 18 — р. №1 1954 г.; 19 — р. 1954, Тайницкая башня; 20 — ш. №1 1970 г.; 21 — ш. №2 1970 г.; 22 — р. №1 1971 г.; 23 — р. №2 1971 г.; 24 — р. №3 1971 г.; 25 — р. №4 1971 г.; 26 — р. №1 1972 г.; 27 — р. №2 1972 г.; 28 — р. №3 1972 г.; 29 — р. №1 1973 г.; 30 — р. №1 1974 г.; 31 — р. №2 1974 г.; 32 — ш. №1 1974 г.; 33 — ш. №2 1974 г.; 34 — ш. №3 1974 г.; 35 — ш. №4 1974 г.; 36 — р. №1 1975 г.; 37 — ш. №1 1975 г.; 38 — ш. №2 1975 г.; 39 — ш. №3 1975 г.; 40 — ш. №4 1975 г.; 41 — р. №1 1976 г.; 42 — р. №2 1976 г.; 43 — ш. №1 1976 г.; 44 — ш. №2 1976 г.; 45 — ш. №3 1976 г.; 46 — ш. №4 1976 г.; 47 — р. №1 1977 г.; 48 — р. №2 1977 г.; 49 — р. №3 1977 г.; 50 — р. №4 1977 г.; 51 — р. №5 1977 г.; 52 — ш. №1 1977 г.; 53 — ш. №2 1977 г.; 54 — р. №1 1978 г.; 55 — р. №2 1978 г.; 56 — р. №3 1978—1979 гг.; 57 — ш. №1 1978 г.; 58 — ш. №2 1978 г.; 59 — ш. №3 1978 г.; 60 — котлован под кафе 1976 г.; 61 — ш. №1, 2 1993 г.; 62 — р. №1 1994—1995 гг.; 63 — р. №2 1994—1997 гг.; 64 — р. №3 1995 г.; 65 — р. №4 1995—1996 гг.; 66 — р. №5 1995 г.; 67 — тр. 1996 г.; 68 — р. №6 1996 г.; 69 — р. №7 1996 г.; 70 — р. №8 1995 г.; 71 — р. №9 1997 г.; 72 — р. №10 1997—1998 гг.; 73 — р. №11 1999 г.; 74 — ш. 1995 г. в казармах Юнкерского училища; 75 — наблюдения котлована столовой; 76 — р. №12 1997 г.; 77 — р. №13 1997—1998 гг.; 79 — р. №15 1997—1998 гг.; 80 — р. №16 1998 г.; 81 — р. №17А 1998 г.; 82 — р. №17Б 1998 г.; 83 — р. №18 1998 г.; 84 — р. №19 1998 г.; 85 — р. №20 1998 г.; 86 — р. №21 1998 г.; 87 — р. №22 1998 г.; 88 — наблюдения за водопроводной траншеей; 89 — р. №24 1999 г.; 90 — р. №31 1999 г.; 91 — р. №30 1999 г.; 92 — р. №33 2000 г.; 93 — р. №34 2000 г.; 94 — р. №35 2000, 2003 гг.; 95 — р. №36 2000—2001 гг.; 96 — р. №40 2001 г.; 97 — р. №41 2001 г.; 98 — р. №42 2001 г.; 99 — р. №43 2001 г.; 100 — р. №43А-В 2001 г.; 101 — р. №45 2001 г.; 102 — р. №46 2001 г.; р. 103 — р. №47 2001 г.; 104 — р. №48 2001 г.; 105 — р. №49 2001 г.; 106 — р. №50 2001 г.; 107 — р. №51 2001—2002 гг.; 108 — р. №42 2002 г.; 109 — р. №53 2004 г.; 110 — р. №54 2004 г.; 111 — р. №55 2003 г.; 112 — р. №56 2003 г.; 113 — р. №57 2003 г.; 114 — р. №58 2003 г.; 115 — р. №59 2003 (по Ситдиков 2006: рис. 6).

Fig. 49. Map of Kazan Kremlin with indication of digs, trenches, observation points and stray finds: 1 — finds of architectural details, 60s of 19th c.; 2 — hoard of Russian coins, 1861; 3 — hoard of coins, 1878; 4 — fragment of a gravestone, 1935; 5 — test pits behind the Annunciation Cathedral, 1928—1929; 6 — test pits in the Garden of the Council of Ministers, 1928; 7 — test pits at the Syuyumbeki Tower, 1929; 8 — test pit at former Palace (Dvortsovaya) Church, 1929; 9 — test pit at church of Ciprian and Ustinya, 1929; 10 — dig of 1935 and 1954; 11 — trench of 1947; 12 — trench of 1948; 13 — observations at Spasskaya Tower; 14 — trench of 1925; 15 — trench of 1948; 16 — dig no. 1 of 1953; 17 — dig no. 2 of 1953; 18 — dig no. 1 of 1954; 19 — dig of 1954, Taynitskaya Tower; 20 — test pit no. 1 of 1970; 21 — test pit no. 2 of 1970; 22 — dig no. 1 of 1971; 23 — dig no. 2 of 1971; 24 — dig no. 3 of 1971; 25 — dig no. 4 of 1971; 26 — dig no. 1 of 1972; 27 — dig no. 2 of 1972; 28 — dig no. 3 of 1972; 29 — dig no. 1 of 1973; 30 — dig no. 1 of 1974; 31 — dig no. 2 of 1974; 32 — test pit no. 1 of 1974; 33 — trench no. 2 of 1974; 34 — trench no. 3 of 1974; 35 — test pit no. 4 of 1974; 36 — dig no. 1 of 1975; 37 — test pit no. 1 of 1975; 38 — test pit no. 2 of 1975; 39 — test pit no. 3 of 1975; 40 — test pit no. 4 of 1975; 41 — dig no. 1 of 1976; 42 — dig no. 2 of 1976; 43 — test pit no. 1 of 1976; 44 — test pit no. 2 of 1976; 45 — test pit no. 3 of 1976; 46 — test pit no. 4 of 1976; 47 — dig no. 1 of 1977; 48 — dig no. 2 of 1977; 49 — dig no. 3 of 1977; 50 — dig no. 4 of 1977; 51 — dig no. 5 of 1977; 52 — test pit no. 1 of 1977; 53 — test pit no. 2 of 1977; 54 — dig no. 1 of 1978; 55 — dig no. 2 of 1978; 56 — dig no. 3 of 1978—1979; 57 — test pit no. 1 of 1978; 58 — test pit no. 2 of 1978; 59 — test pit no. 3 of 1978; 60 — ditch for a café of 1976; 61 — test pit no. 1, 2 of 1993; 62 — dig no. 1 of 1994—1995; 63 — dig no. 2 of 1994—1997; 64 — dig no. 3 of 1995; 65 — dig no. 4 of 1995—1996; 66 — dig no. 5 of 1995; 67 — trench of 1996; 68 — dig no. 6 of 1996; 69 — dig no. 7 of 1996; 70 — dig no. 8 of 1995; 71 — dig no. 9 of 1997; 72 — dig no. 10 of 1997—1998; 73 — dig no. 11 of 1999; 74 — test pit of 1995 in the barracks of Junker School; 75 — observation in the ditch for a canteen; 76 — dig no. 12 of 1997; 77 — dig no. 13 of 1997—1998; 79 — dig no. 15 of 1997—1998; 80 — dig no. 16 of 1998; 81 — dig no. 17A of 1998; 82 — dig no. 17Б of 1998; 83 — dig no. 18 of 1998; 84 — dig no. 19 of 1998; 85 — dig no. 20 of 1998; 86 — dig no. 21 of 1998; 87 — dig no. 22 of 1998; 88 — observation on a water supply trench; 89 — dig no. 24 of 1999; 90 — dig no. 31 of 1999; 91 — dig no. 30 of 1999; 92 — dig no. 33 of 2000; 93 — dig no. 34 of 2000; 94 — dig no. 35 of 2000, 2003; 95 — dig no. 36 of 2000—2001; 96 — dig no. 40 of 2001; 97 — dig no. 41 of 2001; 98 — dig no. 42 of 2001; 99 — dig no. 43 of 2001; 100 — dig no. 43A-B of 2001; 101 — dig no. 45 of 2001; 102 — dig no. 46 of 2001; dig no. 103 — dig no. 47 of 2001; 104 — dig no. 48 of 2001; 105 — dig no. 49 of 2001; 106 — dig no. 50 of 2001; 107 — dig no. 51 of 2001—2002; 108 — dig no. 42 of 2002; 109 — dig no. 53 of 2004; 110 — dig no. 54 of 2004; 111 — dig no. 55 of 2003; 112 — dig no. 56 of 2003; 113 — dig no. 57 of 2003; 114 — dig no. 58 of 2003; 115 — dig no. 59 of 2003 (after Ситдиков 2006: рис. 6).

укреплений не сохранились. Н. Ф. Калинин отмечал признаки рва в юго-восточной части площадки (Калинин, Халиков 1954: 65). С этим городищем связывались находки нескольких надгробных памятников конца XIII—XIV вв., на одном из которых сохранилась дата — 1297 г. (рис. 60) (Калинин 1955: 26; Калинин, Халиков 1954: 65—66). Исследования 1970-х гг. материалов ранее XVII в. не выявили. Вместе с тем факт обнаружения надгробных плит в этом месте пока не нашел себе объяснения (Шавохин 1976: 26—30). В 1997 г. исследовавший городище А. А. Бурханов на площади 110 кв.м выявил в культурном слое находки, которые датировал второй половиной XIII — XVI вв. (Бурханов, Белов 1998: 45—46).

Следы золотоордынского поселения **«Старое городище»,** упомянутого в письменных источниках XVI в., по мнению ряда

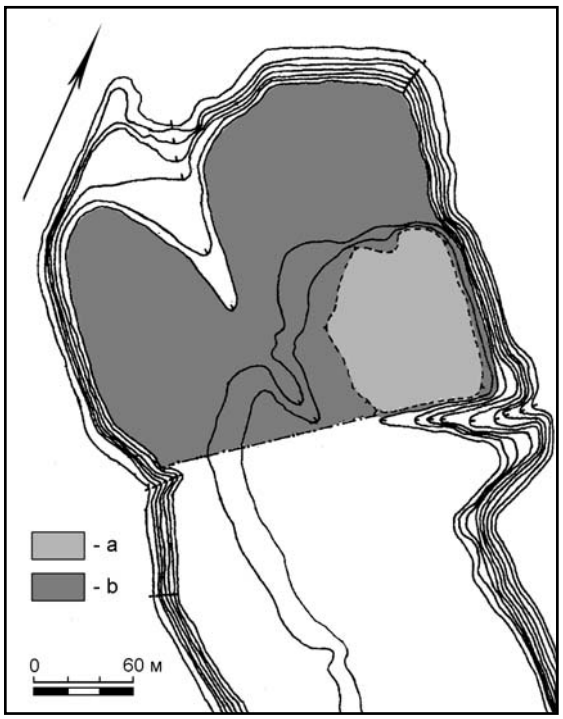


Рис. 50. План Казани XI—XIII вв. (городище Казанский кремль): a — территория в XI в.; b — территория в XII — начале XIII вв. (по Губайдуллин 2002: рис. 99).

Fig. 50. Plan of Kazan of 11th—13th cc. (Kazan Kremlin fort): a — territory in 11th c.; b — territory in 12th—13th cc. (after Губайдуллин 2002: рис. 99).

ученых, находились в районе Федоровского бугра на высоком мысу левого берега Казанки (рис. 61). Однако исследования 1972 г. материалов ранее XVII в. не дали (Шавохин 1976: 34).

Сельских поселений в округе средневековой Казани пока не выявлено.

8. Иски Казань (Болгар аль-Джадид — Новый Болгар). Археологические остатки города идентифицируются с **Камаевским городищем** (кремль и резиденция князя) и **Русско-Урматским селищем** (торгово-ремесленный посад)[48] (рис. 62).

Русско-Урматское (I) селище (рис. 63), площадью 1240 тыс. кв.м, расположено к северу от деревни Русский Урмат на правом, частично на левом берегу речки Урматки (Фахрутдинов 1975: 164, №1426). Известно с XVIII в., стационарно исследовалось с 1950-х гг. (Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов), и особенно активно в 1970—80-х гг. (Р. Г. Фахрутдинов) (Фахрутдинов 1984: 137). В 1976, 1977 гг. на селище было вскрыто 990 кв.м (Фахрутдинов 1984: 146). В 1990-х гг. на селище проводились работы археологами НЦАИ ИИ АНТ.

Стратиграфия. В северной части поселения, где культурный слой составляет 50—55 см (Калинин 1955: 27), выделены[49] следующие слои:

— темно-серая супесь (15—20 см) — XV вв.;

— коричневатый суглинок (30—45 см) — XIV в.;

— желто-серый суглинок и погребенная почва (до 10 см) XIII в. Слои датированы джучидскими монетами (Кокорина, Фахрутдинов 1999: 103).

Поселение возникло не позднее XI в. Значительного развития, судя по материалам раскопок, оно достигло в XII—XIII вв. На селище в 1983 г. исследован гончарный район (рис. 64); вскрыты производственные и жилые комплексы, получен выразительный керамический материал (рис. 65; 66). По находкам (рис. 67) селище датируется XI—XV вв.

На северной окраине селища на правом берегу речки Урматки зафиксировано **Русско-Урматское кладбище с надгробиями** золотоордынского времени (Фахрутдинов 1975: 164, №1427). В их числе и камень с датой 1281/82 гг. (Калинин, Халиков 1954: 99).

Камаевское (Иске-Казанское) городище[50], площадью 61,2 тыс. кв.м (Фахрутдинов 1975: 165, №1438), находится в 1,5 км к северо-западу от села Камаево Высокогорского района Республики Татарстан, на правом берегу р. Казанки. В 1972, 1979, 1981 гг. Р. Г. Фахрутдиновым на городище исследовано 2204 кв.м площади (рис. 68) (Фахрутдинов 1984: 137). Культурный слой имеет мощность 20—45 см (Калинин, Халиков 1954: 97; Фахрутдинов 1984: 137). Слои не выделяются.

Раскопками Р. Г. Фахрутдинова изучены жилые, хозяйственные и производственные комплексы, изучено место чеканки монет. Из раскопов происходит выразительная коллекция изделий из железа, цветного металла (рис. 69; 70) и керамики (рис. 71).

[48] Н. Ф. Калинин предполагал существование отдельного Иске-Казанского княжества (Калинин 1955: 29).

[49] Дерн (3—5 см) не учитывается.

[50] По мнению Н. Ф. Калинина, «Камаевское городище не может считаться остатками города Старой Казани. Самое большее, что можно сказать, это то, что здесь находилась малообитаемая сильная крепость — форпост города Казани, защищавший его с севера» (Калинин, Халиков 1954: 97).

Рис. 51. Рис. 51. План г. Казани и поселений на его территории в XIII—XV вв.: a — территория заселения XIII—XV вв.; b — линия крепостных стен XIII—XV вв. (по Ситдиков 2005: рис. 1).

Fig. 51. Plan of Kazan and settlements on its territory in 13th—15th cc.: a — territory of settlement in 13th—15th cc.; b — outline of fort's walls in 13th—15th cc. (after Ситдиков 2005: рис. 1).

На городище найдено 77 джучидских монет, из которых 75 серебряных и 2 медные. Основная их часть относится к XV в. и две к XIV в. В 18 случаях это чекан города Болгара, в одном — Нового Болгара, в четырех — Хаджи Тархана, 2 монеты чекана Нового Сарая и Орда-Базара. Встречены две монеты Василия II (Фахрутдинов 1984: 142—144).

Близ городища в 1856 г. найден **Иске-Казанский клад** монет XIV в. (Фахрутдинов 1975: 165, №1439). Не исключено, что место

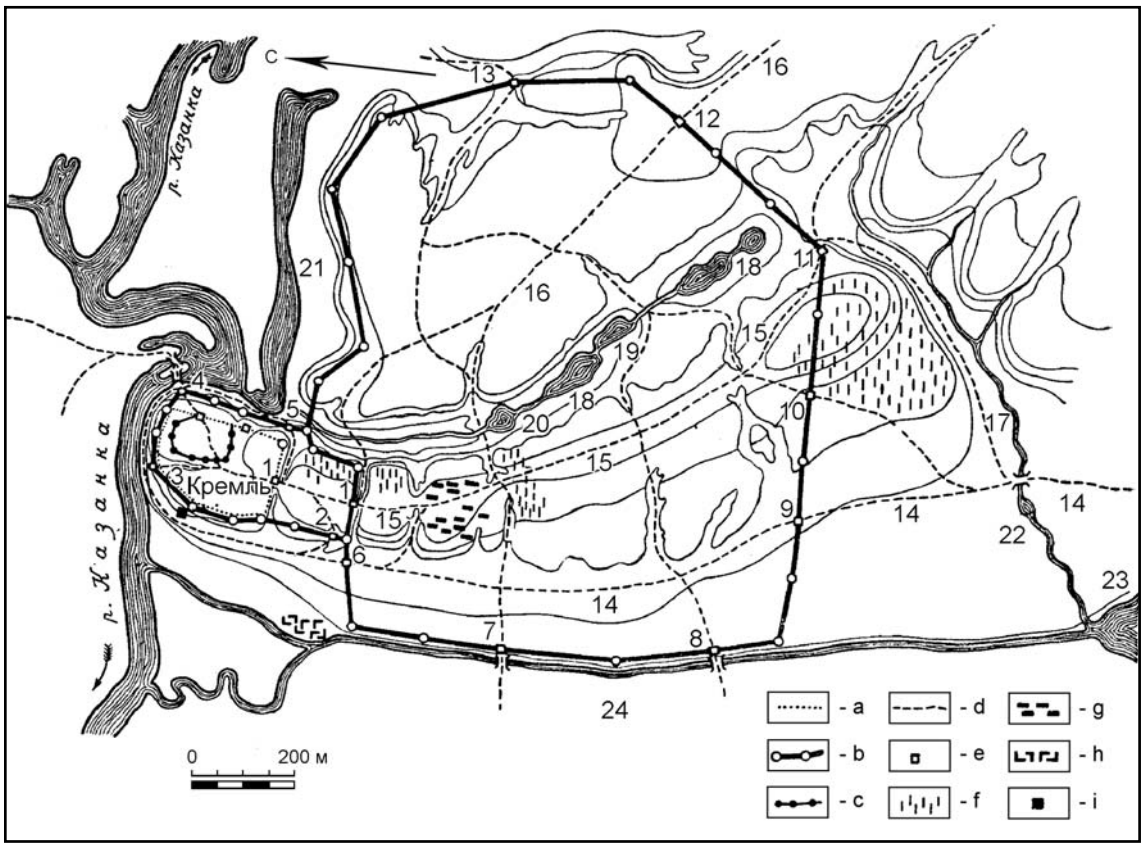


Рис. 52. План Казани XV — первой половины XVI в. (по Калинин 1955: рис. 3). Условные обозначения: a — стены Кремля в XV в.; b — стены и глухие башни Кремля и посада в XVI в.; c — ограда ханского дворца; d — главные улицы-дороги; e — проезжие башни-ворота; f — мусульманские кладбища; g — верхний базар; h — нижний базар; i — каменное здание Даировой бани. Ворота: 1 — Большие; 2 — Тюменские; 3 — Нур-Али; 4 — Алабуга; 5 — Збойливые; 6 — Аташковы; 7 — Кураишевы; 8 — Крымские; 9 — Нижне-Ногайские; 10 — Верхне-Ногайские; 11 — Ханские (царевы); 12 — Арские; 13 — Кабакские. Улицы-дороги: 14 — Ногайская; 15 — от Ханских ворот до Кремля; 16 — Арская; 17 — по оврагу. Озера: 18 — Белое; 19 — Гнилое; 20 — Банное; 21 — Поганое; 22 — Грузеево; 23 — Нижний Кабан; 24 — Кураишева слобода.

Fig. 52. Plan of Kazan in 16th — first half of 16th cc. (after Калинин 1955: рис. 3). Legend: a — Kremlin's walls in 15th c.; b — walls and dead towers of the Kremlin and trading quarter in 16th c.; c — fence of Khan's palace; d — main streets and roads; e — passable tower-gates; f — Muslim cemeteries; g — upper bazaar; h — lower bazaar; i — stone building of the Dair's bath. Gates: 1 — Grand; 2 — Tyumen; 3 — Nur-Ali; 4 — Alabuga; 5 — Zboylivye; 6 — Atashkovy; 7 — Kuraishevy; 8 — Krymskie; 9 — Nizhne-Nogayskie; 10 — Verkhne-Nogayskie; 11 — Khanskie (Tzarevy); 12 — Arsk; 13 — Kabakskie. Streets and roads: 14 — Nogayskaya; 15 — from the Khanskie Gate to the Kremlin; 16 — Arsk; 17 — along ravine. Lakes: 18 — Beloe; 19 — Gniloe; 20 — Bannoe; 21 — Poganoe; 22 — Gruzeevo; 23 — Nizhny Kaban; 24 — Kuraisheva sloboda.

находки связано с **Камаевским селищем,** площадью 1500 кв. м., находящемся к западу от Камаевского городища, за оврагом на правом берегу р. Казанки (Фахрутдинов 1975: 162, №1440).

К округе города можно отнести **Татайшинское** селище, площадью 30 тыс. кв. м, выявленное в 1,1—1,2 км к северо-западу от с. Татарская Айша Высокогорского района Республики Татарстан, на правом берегу р. Казанки (рис. 62) (Фахрутдинов 1975: 165, №1436; АКТ 1981: 57, №192), а также **Татарско-Урматское кладбище,** расположенное в 0,3 км к северу от дер. Татарский Урмат Высокогорского района Республики Татарстан на правом берегу речки Урматки (Фахрутдинов 1975: 164, №1425).

В 1830-х гг. в 3 км к юго-востоку от деревни Русский Урмат в урочище «Чекмасы» был найден **Чекмасинский клад** золотоордынских монет. В нем преобладали монеты Кульны (1360—1361) и Хызра (1361—1362) (Фахрутдинов 1975: 164, №1428; Калинин, Халиков 1954: 101).

9. Елабуга. Идентифицируется с **Елабужским («Чёртовым») городищем,** расположенным на юго-западной окраине г. Елабуги на правом берегу Камы (рис. 72). Площадь 34 300 кв. м (Фахрутдинов 1975:

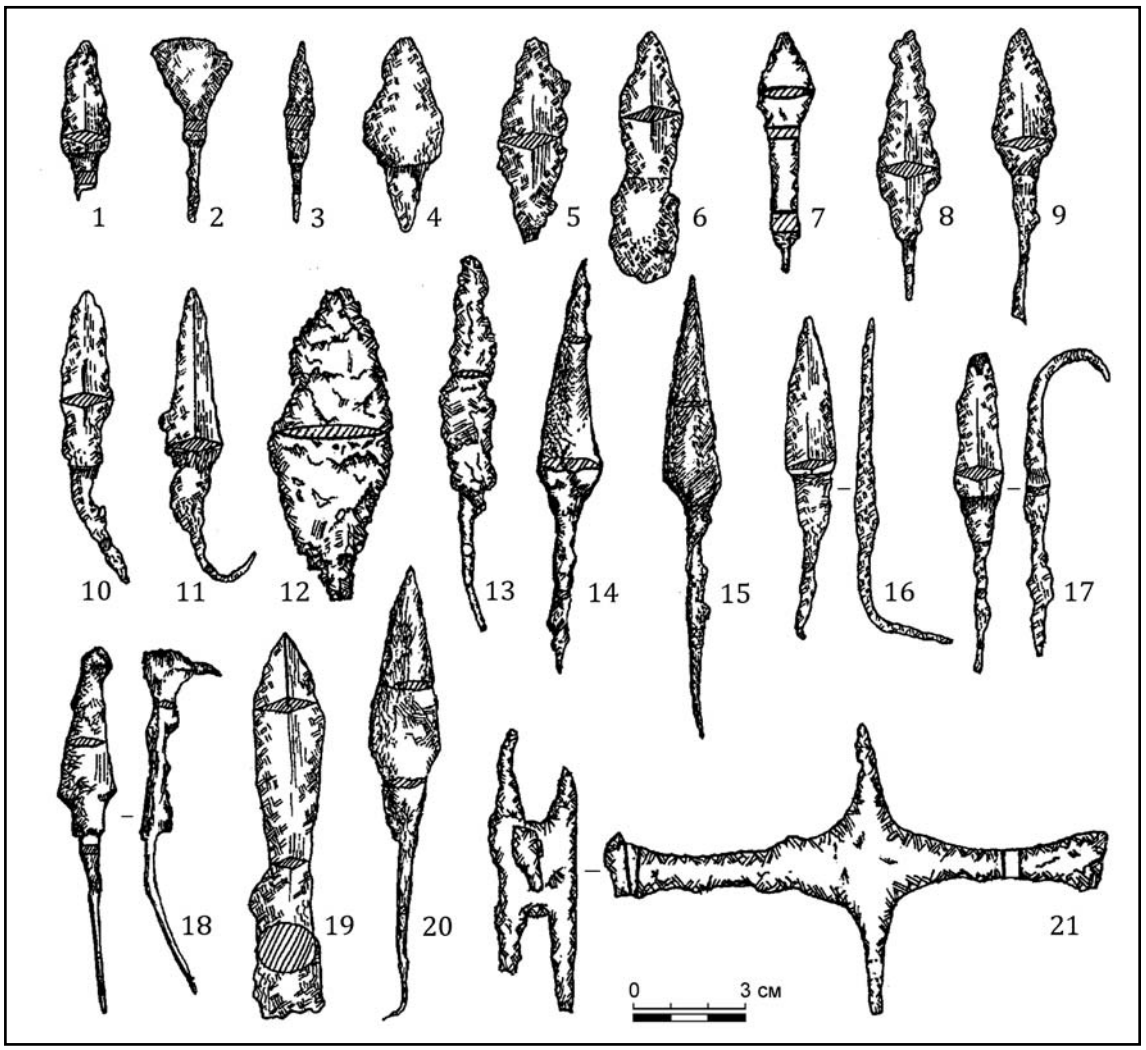


Рис. 53. Находки железных предметов вооружения в Казанском кремле (раскоп XX) (по Ситдиков 2006: рис. 116).

Fig. 53. Finds of iron items of armament in Kazan Kremlin (dig XX) (after Ситдиков 2006: рис. 116).

154, №1267; АКТ 1981: 153—154, №767)[51]. С напольной стороны городище имеет укрепления в виде вала шириной 13 и высотой 1,6 м; перед валом вырыт ров глубиной до 1,4 м и шириной до 4 м (Губайдуллин 2002: 69). На территории городища сохранилась башня, сложенная из белого камня.

Археологические исследования в Елабуге проводились в 1980—90-х гг. На городище и прилегающих селищах вскрыта площадь более чем в 1400 кв. м. На городище культурный слой распространен неравномерно и колеблется от 15 до 80 см (на склоне).

Стратиграфия:

— дерн — 10—30 см;

— гумусированная суглинистая серая супесь — 5—10 см (XVII—XVIII в.);

— углистая прослойка (1552 г.?);

— серая плотная супесь с щебнистыми включениями — 15—20 см (XII — середина XVI в.);

— серая суглинисто-супесчаная почва — 5—10 см (II в до н. э. — VII в. н.э.);

— темно-серая плотная супесь с глинистыми включениями — 10—15 см (VIII—V вв. до н. э.) (Нигамаев 2005: 19)[52].

Жилых и хозяйственных построек на городище не выявлено. За пределами укреплений культурный слой отсутствует. Отдельные участки отложений XI — XV вв. имеются

[51] По данным топосъемки, ширина городища 105 м, длина — 325—330 м (Нигамаев 2005: 20). Ранее площадь городища определялась в 30 тыс. кв.м (3 га).

[52] Стратиграфия описана по раскопкам А.Х. Халикова.

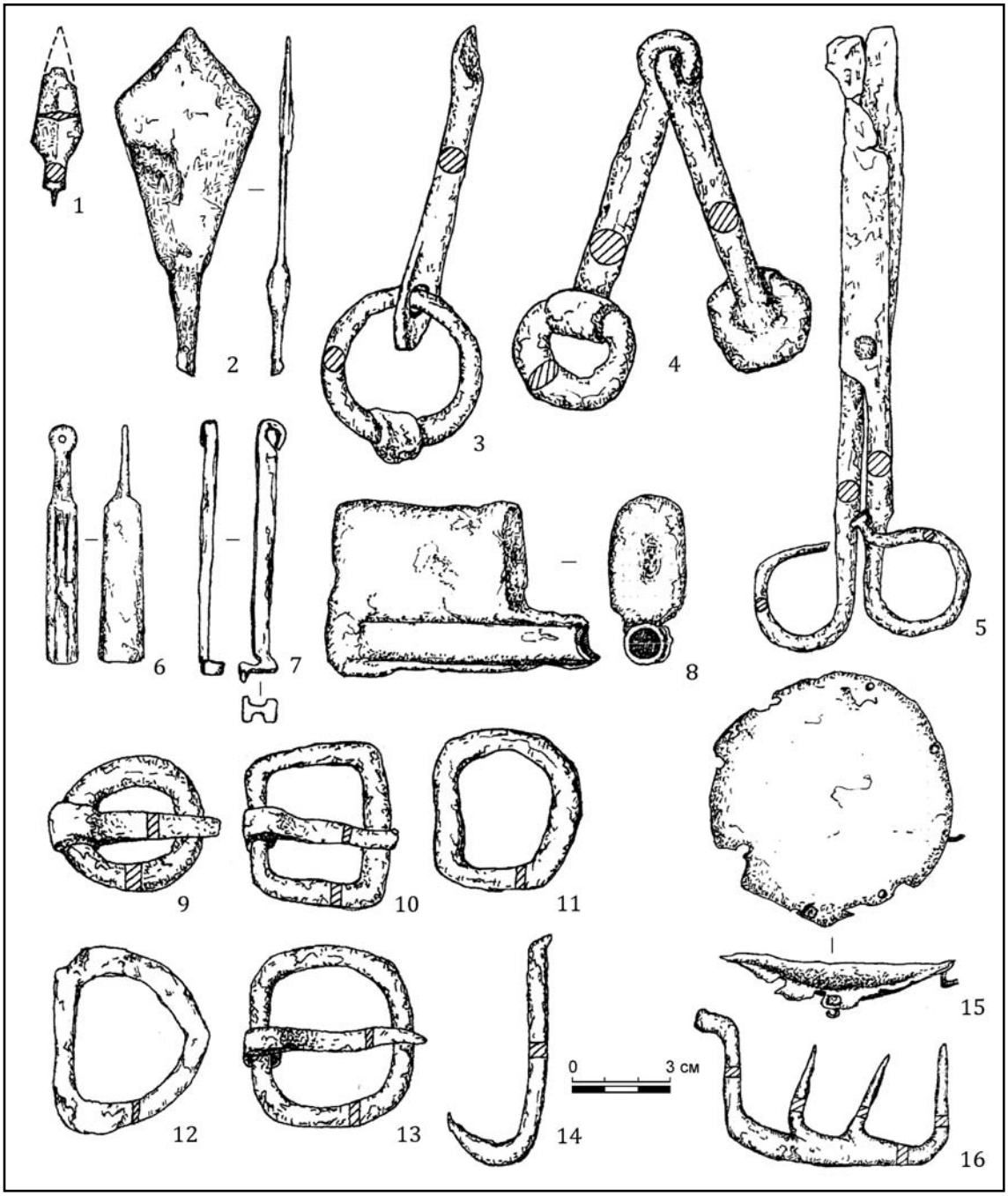


Рис. 54. Находки металлических изделий в Казанском кремле (раскоп XLIX) (по Ситдиков 2006: рис. 134).

Fig. 54. Finds of metal items in Kazan Kremlin (dig XLIX) (after Ситдиков 2006: рис. 134).

в пределах городской застройки. Сельской округи нет.

10. Керменчук. Археологические следы города[53] сопоставляются с **Кирменским городищем**[54], которое находится в 2,5 км к северо-западу от с. Русские Кирмени Мамадышского района Республики Татарстан, на левом берегу речки Кирменки, левого притока речки Омарки. Площадь 85 тыс. кв.м

[53] Обследовано Е. Т. Соловьевым в 1877 г., который, собственно, и сделал заключение по этому вопросу. Городище осмотрено экспедицией КФ АН СССР в 1955 г.

[54] По мнению Н. Ф. Калинина и А. З. Сингатуллиной, Керменчук (Керман) располагался на месте Альменевского городища (№15) (Нигамаев 2005: 40).

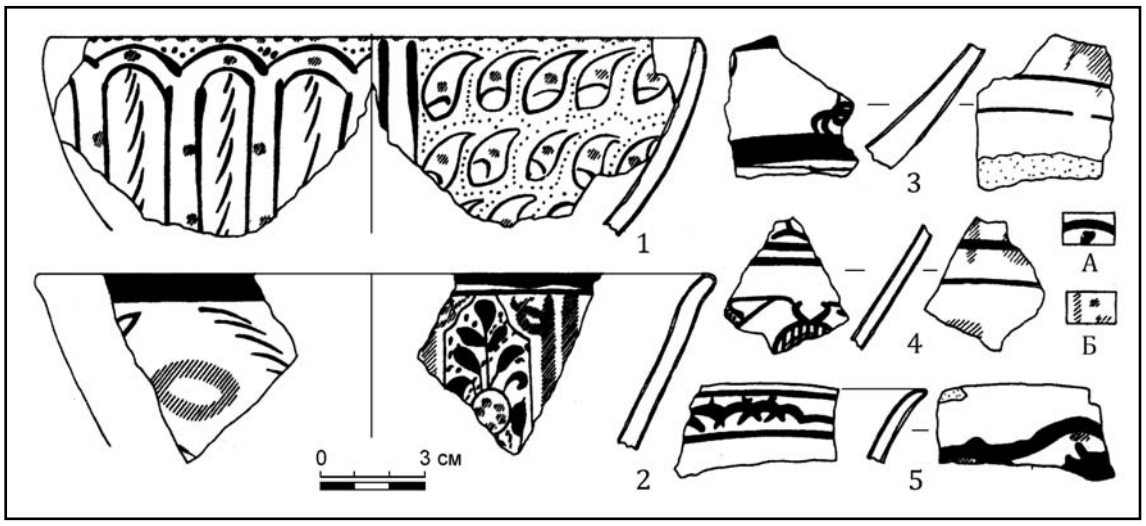


Рис. 55. Поливная керамика золотоордынского времени из Казанского кремля (Коваль 2006: рис. 2). Золотоордынско-поволжские (1, 2, 5) и иранско-среднеазиатские (3, 4) полуфаянсы с полихромной подглазурной росписью: А — черная и зеленая (1) краски; Б — синяя краска.

Fig. 55. Glazed pottery of the Golden Horde time from Kazan Kremlin (Коваль 2006: рис. 2) Golden Horde — Volga (1, 2, 5) and Iranian — Central Asian (3, 4) semifaiences with poliychromatic glazed over painting А — black and green (1) colors; Б — blue color.

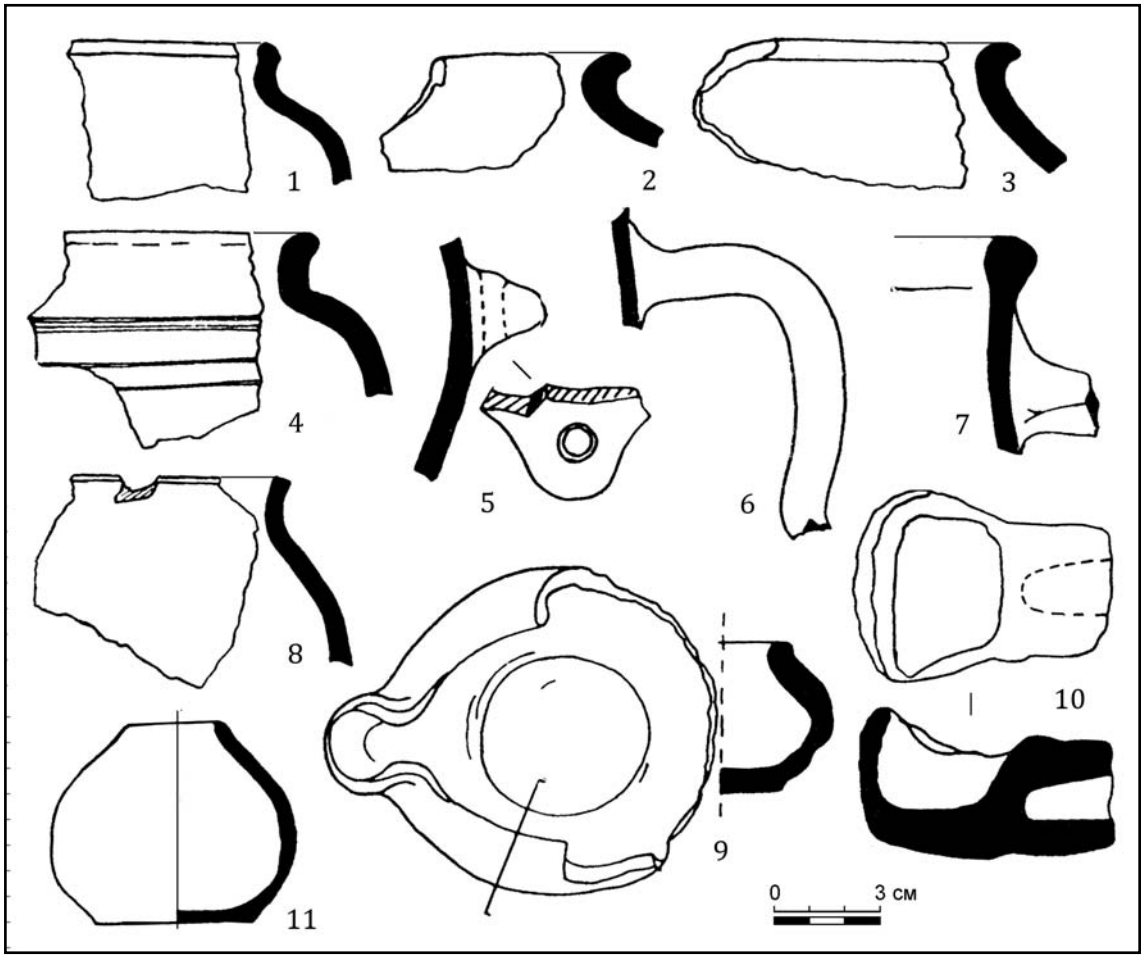


Рис. 56. Керамика из слоев эпохи Казанского ханства с территории Казанского кремля (по Шавохин 1976: рис. 12).

Fig. 56. Ceramics from layers of Khanate of Kazan time from the Kazan Kremlin (after Шавохин 1976: рис. 12).

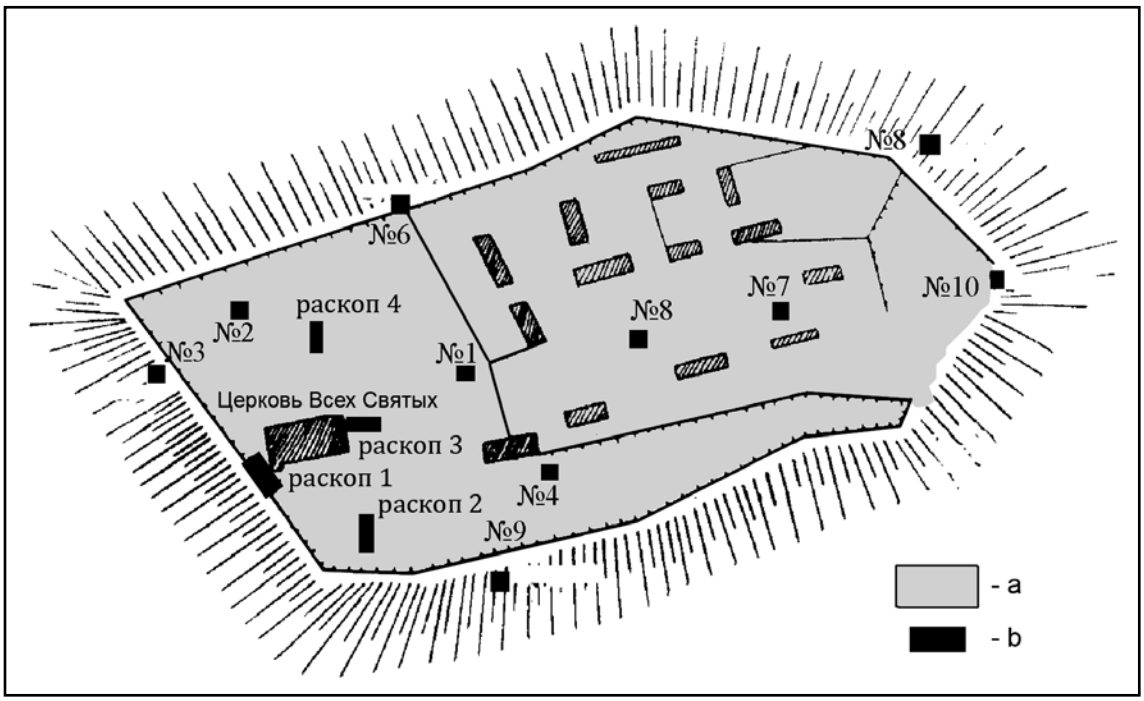


Рис. 57. Казань. Зилантова гора. Схема расположения шурфов и раскопов 1971—1972 гг.: a — территория городища; b — раскопы (1—4) и шурфы (№1—10) (по Шавохин 1976: рис. 2).

Fig. 57. Kazan. Zilantova Mount. Location of test pits and digs of 1971—1972: a — territory of fort; b — digs (1—4) and test pits (no.1—10) (after Шавохин 1976: рис. 2).

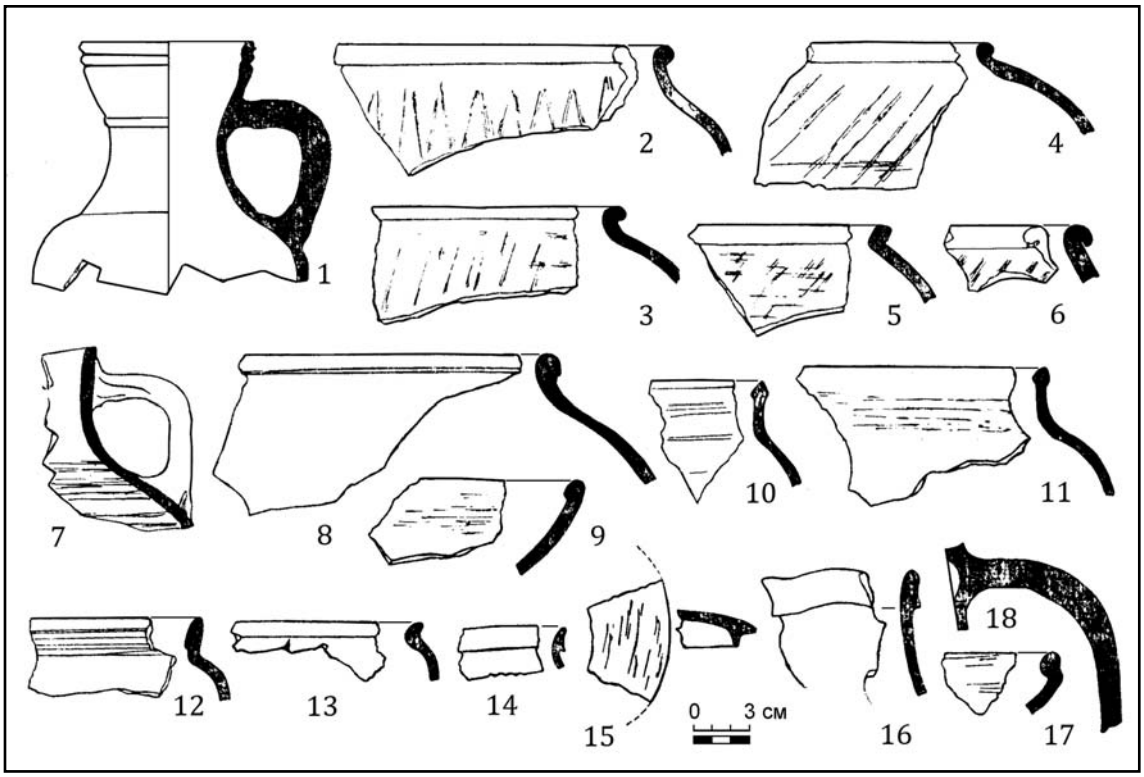


Рис. 58. Керамика с раскопов и шурфов Зилантовой горы. 1—6 — черная лощеная; 7—9 — серая лощеная; 10—12 — белая нелощеная; 13—17 — красная нелощеная; 18 — красная лощеная (по Шавохин 1976: рис. 4).

Fig. 58. Ceramics from digs and test pits on Zilantova Mount. 1—6 — black glossy; 7—9 — grey glossy; 10—12 — white unglazed; 13—17 — red unglazed; 18 — red glossy (after Шавохин 1976: рис. 4).

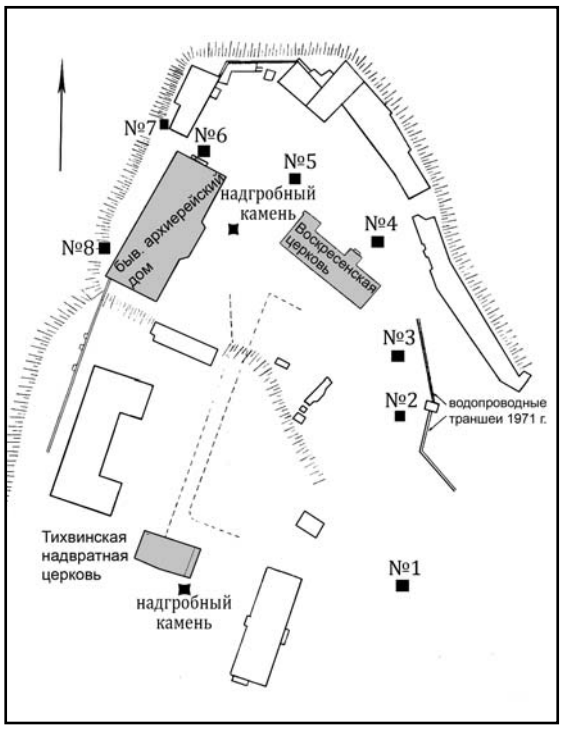


Рис. 59. Казань. Архиерейская дача. План расположения шурфов 1972 г. (по Шавохин 1976: рис. 5).

Fig. 59. Kazan. Episcopal villa. Location of test pits of 1972 (after Шавохин 1976: рис. 5).

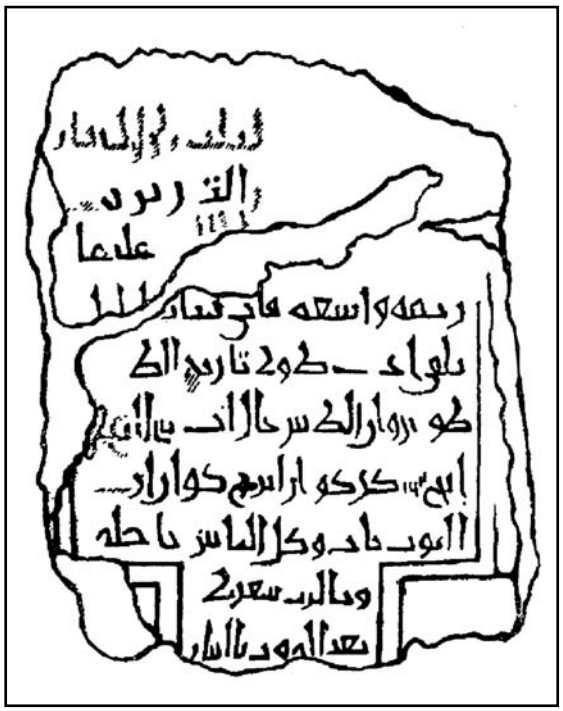


Рис. 60. Древнейшая надпись на территории Казани 1297 г. Текст на надгробном памятнике Алтын-Берте (по Калинин 1955: рис. 1).

Fig. 60. The earliest inscription on the territory of Kazan of 1297. Text on gravestone Altyn-Berte (after Калинин 1955: рис. 1).

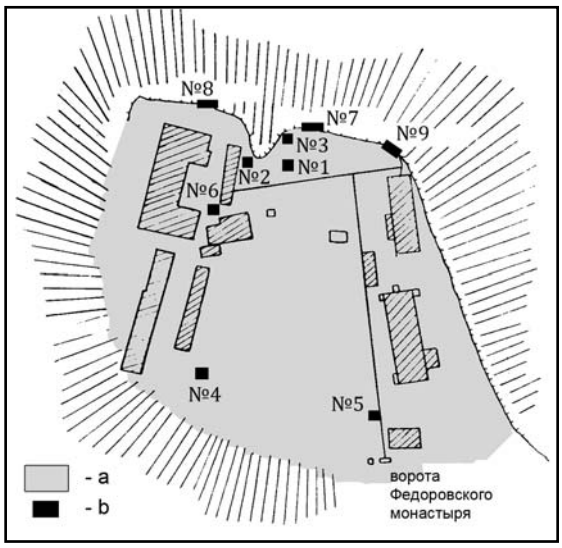


Рис. 61. Казань. Федоровский бугор. Схема расположения шурфов 1972 г.: a — территория городища; b — шурфы (по Шавохин 1976: рис. 8).

Fig. 61. Kazan. Fedorovsky hillock. Location of test pits of 1972: a — territory of fort; b — test pits (after Шавохин 1976: рис. 8).

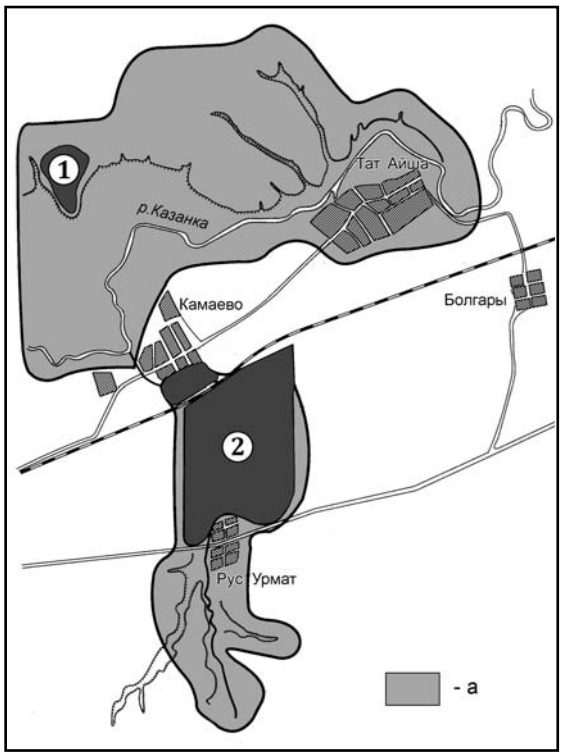


Рис. 62. Иске-Казанский археологический комплекс. 1 — Камаевское городище; 2 — Русско-Урматское селище; a — территория Иске-Казанского государственного историко-культурного музея-заповедника (по Изучение... 2001: 241).

Fig. 62. Archaeological complex Iske-Kazan. 1 — Kamaevo fort; 2 — Russkii Urmat unfortified settlement; a — Territory of Iske-Kazan public historical-cultural museum-reserve (after Изучение... 2001: 241).

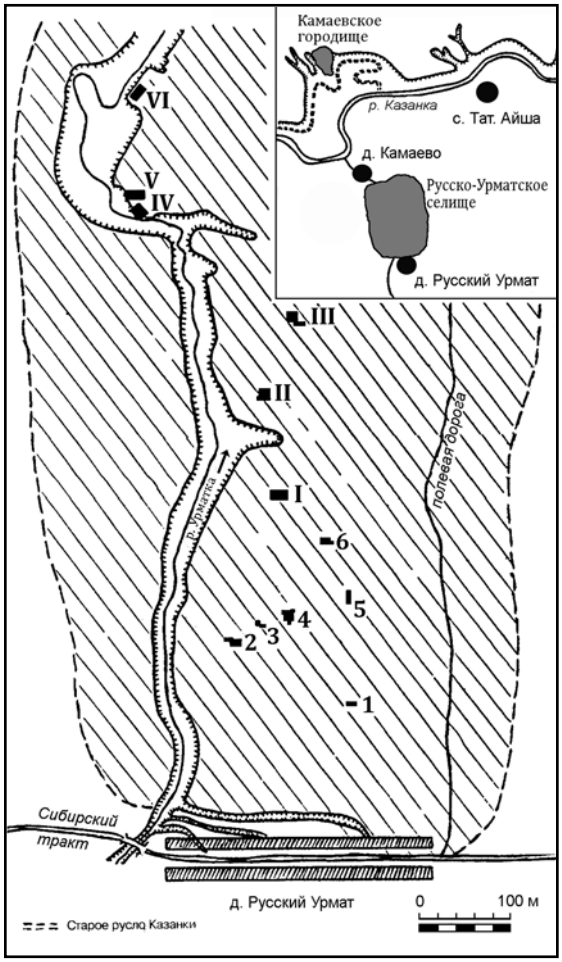


Рис. 63. Русско-Урматское селище. Схема расположения и план размещения раскопов: арабскими цифрами — раскопы Н. Ф. Калинина 1956—1957 гг.; римскими цифрами — раскопы 1972—1988 гг. под руководством Р. Г. Фахрутдинова. (по Кокорина, Фахрутдинов 1999: рис. 1).

Fig. 63. Russkii Urmat unfortified settlement. Scheme of settlement and location of digs: Arabic figures — digs by N. F. Kalinin in 1956—1957; Roman figures — digs of 1972—1988 led by R. G. Fakhrutdinov (after Кокорина, Фахрутдинов 1999: рис. 1).

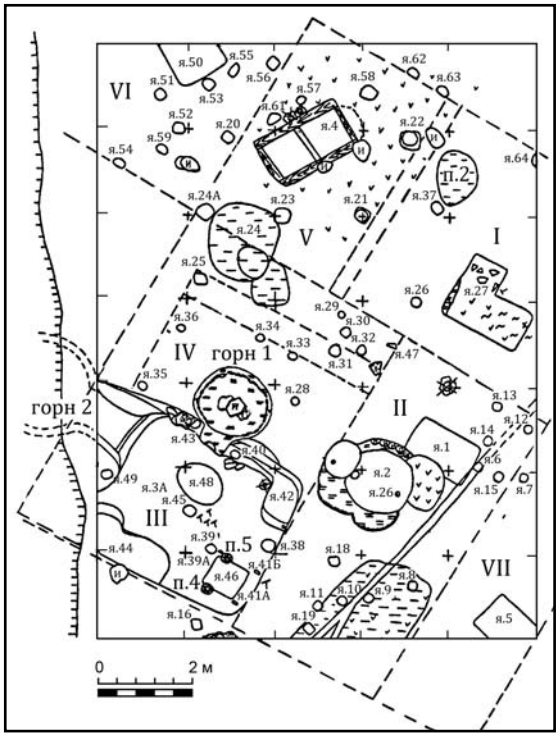


Рис. 64. Русско-Урматское селище. Реконструкция плана дома гончара (по Кокорина, Фахрутдинов 1999: рис. 11).

Fig. 64. Russkii Urmat unfortified settlement. Recounstructed plan of a potter's house (after Кокорина, Фахрутдинов 1999: рис. 11).

(Фахрутдинов 1975: 155, №1275; АКТ 1981: 143, №716)[55]. С напольной стороны был защищен рвом шириной 5 м и глубиной 2—2,5 м.

Исследовано в 1995—2000 А. З. Нигамаевым; вскрытая площадь составила 1 716 кв.м (Нигамаев 2005: 41). Культурный слой на городище, составляющий 25—45 см, переработан многолетней распашкой. Из раскопов происходит выразительный комплекс находок XI—XII вв. (рис. 75).

Площадь города, достигшего естественных границ развития в XII в.,[56] практически не изменилась в XIII—XIV вв., хотя интенсивность жизни его существенно снизилась. По мнению А. З. Нигамаева, укрепления городища сооружены во второй половине XI в. и к концу XII в. были заброшены. В XIV в. укреплений на поселении практически уже не было (Нигамаев 2005: 44). В это время население проживало на селищах в округе городища.

К числу золотоордынских сельских поселений (рис. 73), наследовавших городскую традицию, можно отнести **Кирменское селище,** площадью 7,5 тыс. кв.м, расположенное в 0,3 км к юго-юго-западу от городища, на левом берегу речки Кирменки[57] (рис. 76).

[55] Здесь указаны размеры площади городища по данным Н. Ф. Калинина — 100 800 кв. м.

[56] К домонгольскому времени относятся исследованные раскопками жилые и хозяйственные сооружения на городище.

[57] В 2,4 км к юго-юго-западу от с. Средние Кирмени, в 3 км к северо-западу от д. Русские Кирмени Мамадышского района Республики Татарстан, в 1,1 км к востоку-северо-востоку от Кирменского городища (Фахрутдинов 1975: 155, №1277; АКТ 1981: 144, №717). Осмотрено археологическим

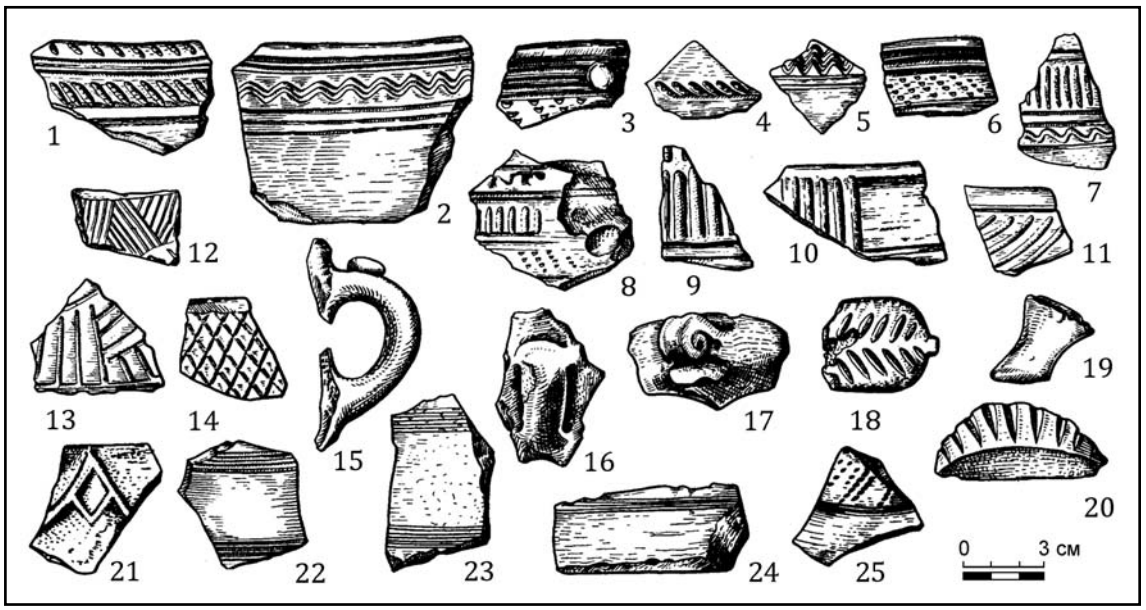


Рис. 65. Керамика Русско-Урматского селища (по Фахрутдинов 1984: рис. 29).

Fig. 65. Ceramics from Russkii Urmat unfortified settlement (after Фахрутдинов 1984: рис. 29).

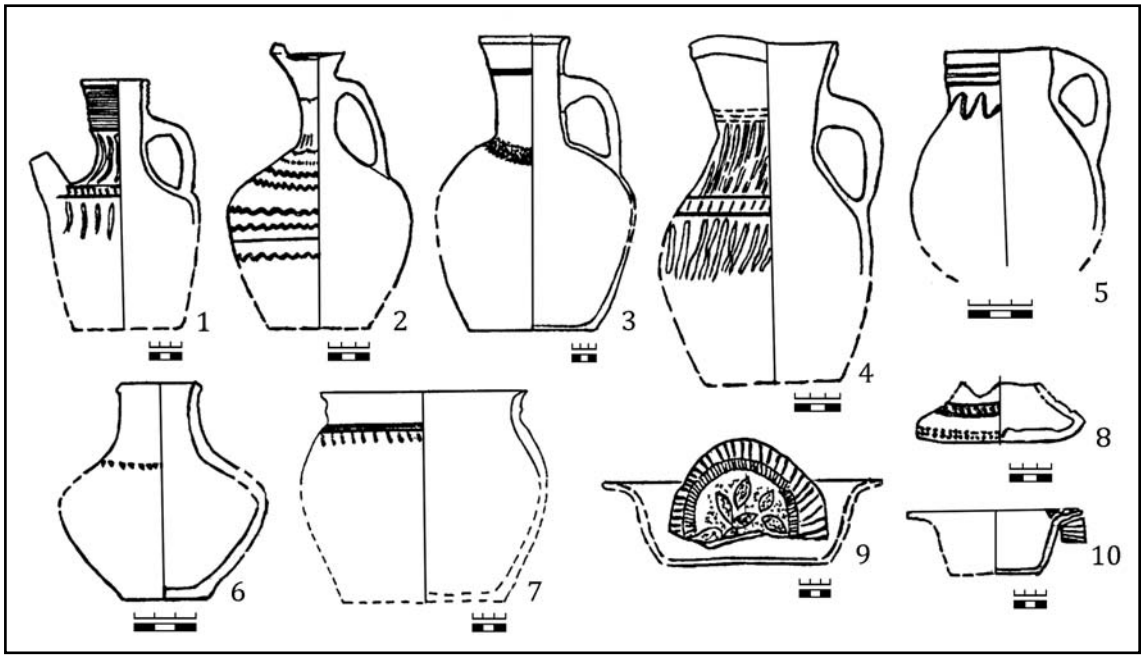


Рис. 66. Русско-Урматское селище. Раскоп VI. Посуда из мастерской (по Кокорина, Фахрутдинов 1999: рис. 15).

Fig. 66. Russkii Urmat unfortified settlement. Dig VI. Vessels from a workshop (after Кокорина, Фахрутдинов 1999: рис. 15).

Отметим, что к юго-востоку от него зафиксировано **Кирменское I кладбище с надгробиями** (Фахрутдинов 1975: 155, №1276; АКТ 1981: 144, №718). В 2 км к юго-востоку от городища находится **Кирменское II селище,** площадью 45,5 тыс.кв.м[58] (рис. 73). На нем зафиксированы следы гончарного производства (обжигательные печи). В 0,9 км к северо-

отрядом Удмуртского республиканского краеведческого музея под руководством Т.И. Останиной в 1992 г. (Останина 1993: 10—15). В настоящее время полностью разрушено (Нигамаев 2005: 56).

[58] Культурный слой селища распахан. Раскопками исследовано 280 кв.м площади (Нигамаев 2005: 53).

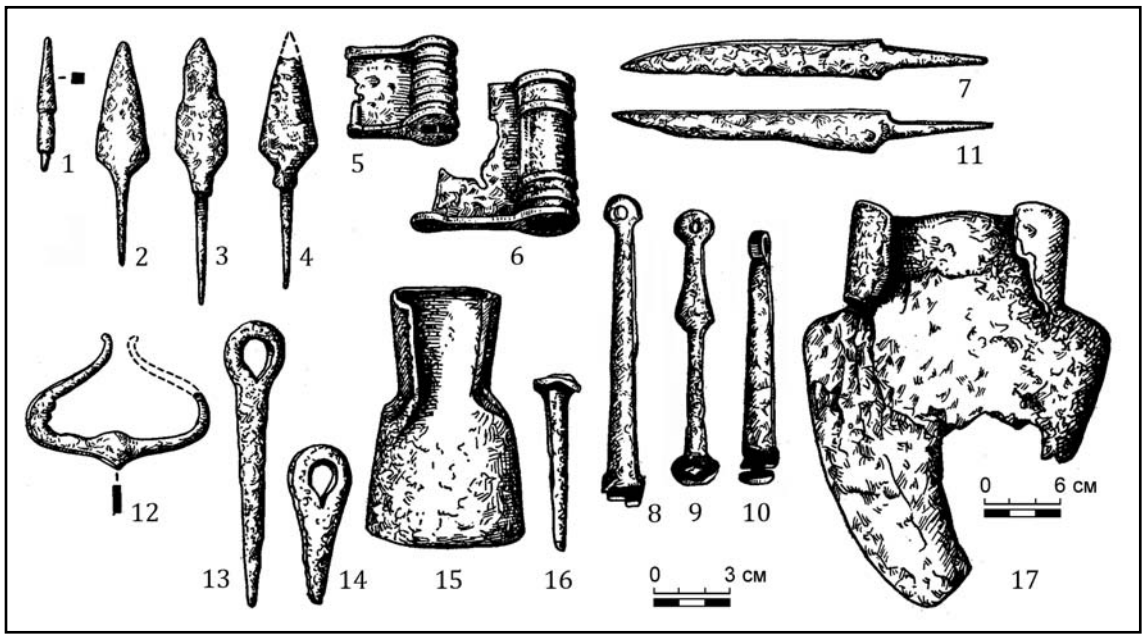


Рис. 67. Русско-Урматское селище. Изделия из железа (по Фахрутдинов 1984: рис. 28).

Fig. 67. Russkii Urmat unfortified settlement. Iron items (after Фахрутдинов 1984: рис. 28).

востоку от II селища выявлено **III Кирменское селище**, площадью 18 тыс. кв. м. Культурный слой его полностью переработан поселением XVIII—XIX вв.

В 0,8 км к югу от с. Средние Кирмени на правом берегу речки Кирменки находится **Кирменское II кладбище**. Площадь кладбища — 13750 кв.м (Фахрутдинов 1975: 155, №1278; АКТ 1981: 144, №719).

11. Тубулгатау. Сопоставляется с археологическим **Тубулгатаусским (Верхниекиткинским) городищем**[59], которое находится на юго-восточной окраине с. Верхнее Никиткино[60] (Тубулгатау) Новошешминского района Республики Татарстан, на левом берегу р. Шешмы. Площадь памятника 19,5 тыс. кв.м (рис. 77) (Фахрутдинов 1975: 134, №884; АКТ 1988: 74—75, №516). С напольной стороны городище защищено двумя рвами и тремя валами. Высота валов достигает 2 м, глубина рвов, в наиболее сохранившейся части — 1,5 м. Два вала и два рва прослеживаются частично и со стороны обрыва. Северная часть городища разрушается естественным образом[61].

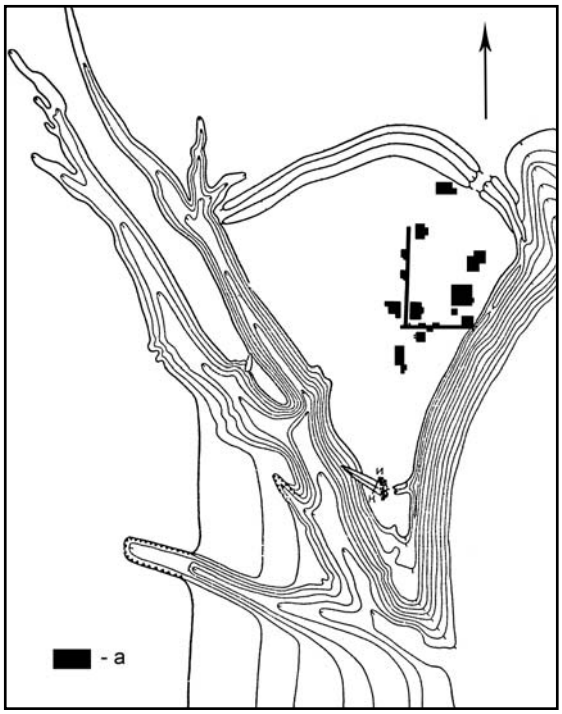


Рис. 68. План Камаевского городища с указанием раскопов (а) 1972, 1979, 1981 гг. (по Фахрутдинов 1984: рис. 20).

Fig. 68. Plan of Kamaevo fort with digs (a) of 1972, 1979, 1981 (after Фахрутдинов 1984: рис. 20).

Обследование 1990 г., проведенное К. А. Руденко, показало, что на основной площадке городища культурный слой незначите-

[59] По мнению Ф. Ш. Хузина, это не город, а только военная крепость (Хузин 2001: 27).

[60] Переименовано в с. Тубулгытау в 1994 г.

[61] В восточной части в 1989 г. у основания террасы был заложен карьер местного значения для добычи щебня под дорожное полотно.

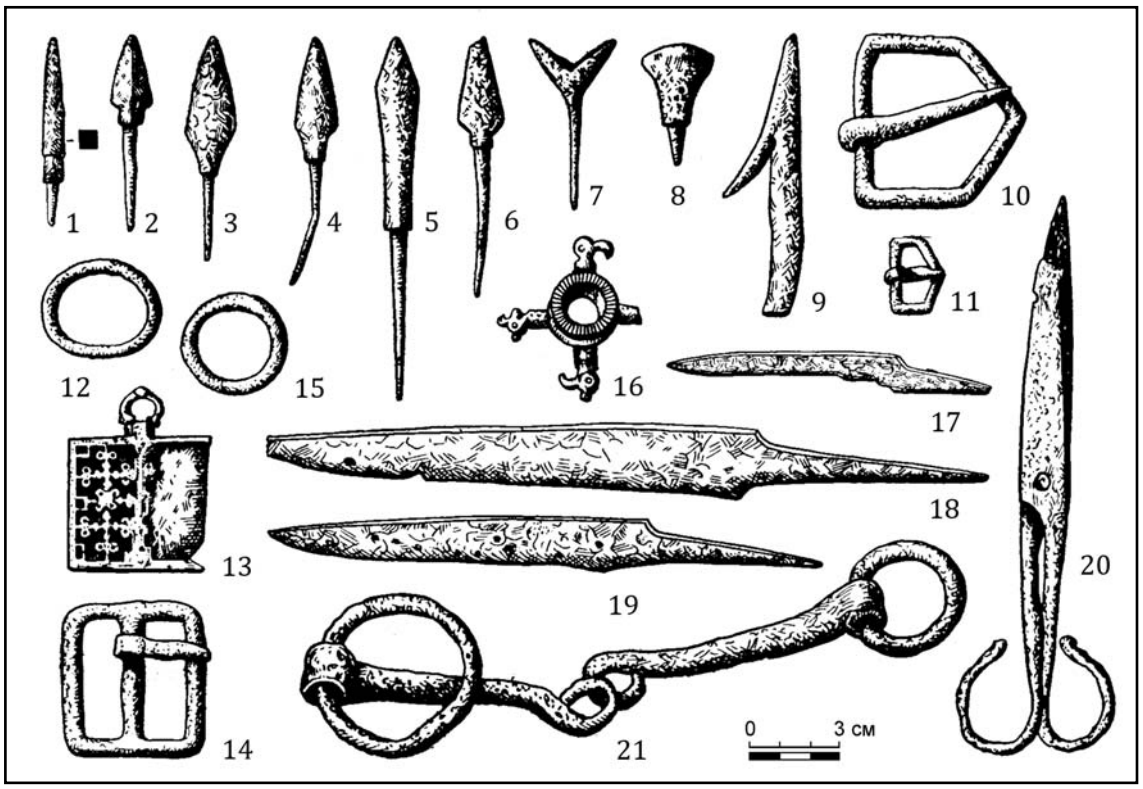


Рис. 69. Камаевское городище. Изделия из железа (по Фахрутдинов 1984: рис. 22).

Fig. 69. Kamaevo fort. Iron items (after Фахрутдинов 1984: рис. 22).

лен и не превышает 35—40 см. Более мощные отложения (до 70 см) имеются в юго-западной части памятника (Бурханов 2003: 246).

Небольшие раскопки укреплений в юго-западной части городища были проведены в начале 2000-х гг. Они установили наличие внутривальных деревянных конструкций и позволили уточнить дату постройки самих оборонительных линий (Бурханов 2003: 246).

Городище, возникло в домонгольский период и существовало до конца XIV в.

Рядом с городищем, у валов зафиксировано **Верхненикиткинское кладбище с надгробиями** (Фахрутдинов 1975: 134, №884; АКТ 1988: 75, №517)[62]. На одном из них сохранилась дата — 1349/50 г. В настоящее время надгробий нет.

Селищ у городища не выявлено.

По мнению А. П. Смирнова, Тубулгатау был опорным пунктом распространения мусульманства на восток, и прежде всего среди башкир (Смирнов 1957: 89). Появившиеся на башкирской территории каменные мавзолеи (мавзолей Хусейн-бека 1341 г. у д. Караякупово; «Дворец Турахана» XIV—XV вв. близ Уфы (Смирнов 1957: 89, 95)), по его мнению, подтверждают эту версию.

Города, не известные по письменным источникам

Большая часть городищ, остатков древних городов и крепостей, продолжила свое существование с домонгольского времени, и лишь незначительная часть возникла в золотоордынский период.

Городища, возникшие в домонгольское время

12. Кокрятьское городище, площадью 772,8 тыс. кв. м. находится на восточной окраине с. Кокрять Старомайнского района Ульяновской области, на правом берегу р. Утки (Фахрутдинов 1975: 122, №689). Городище имеет две площадки (рис. 78). Малая (западная) площадка, занимает 420 тыс. кв. м. и окружена двумя линиями вала и рва, общей шириной в 75 м. Высота сохранившихся валов 1,5 м, ширина в основании — 10—15 м;

[62] Местное название — «Изгелер» («Кладбище святых»).

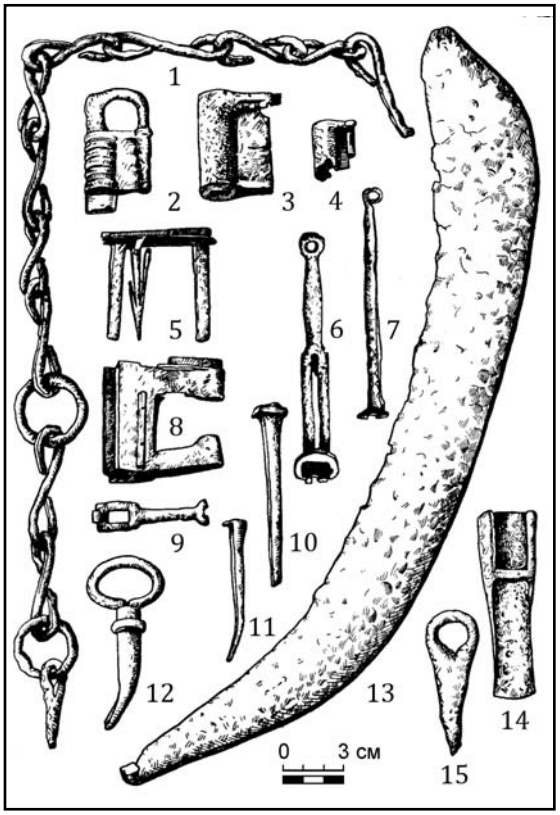


Рис. 70. Камаевское городище. Изделия из железа. Бытовые предметы (по Фахрутдинов 1984: рис. 23).

Fig. 70. Kamaevo fort. Iron items. Household items (after Фахрутдинов 1984: рис. 23).

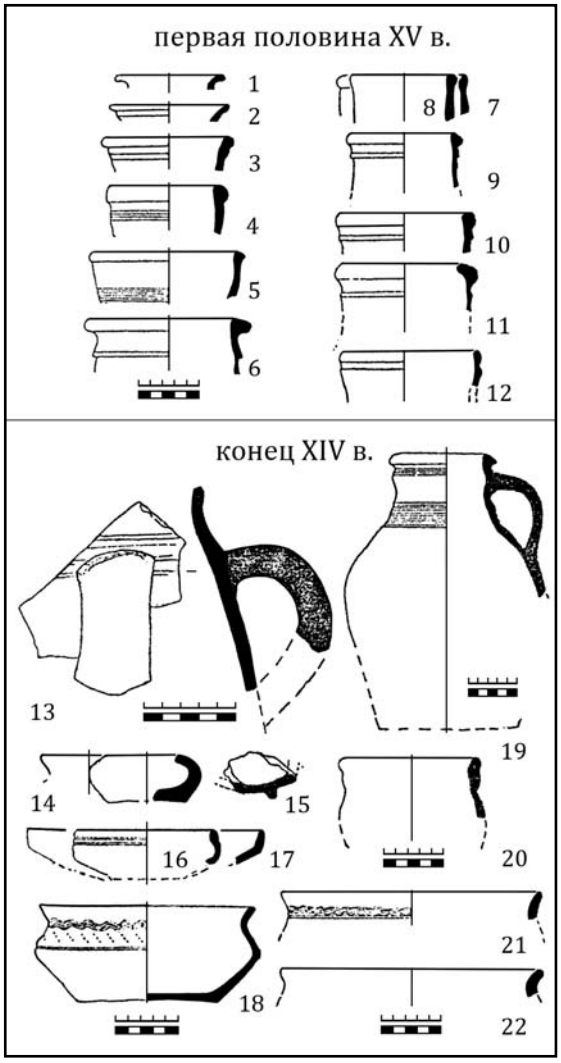


Рис. 71. Хронология керамических комплексов круговой керамики Камаевского городища: 1—12 — первая половина XV в.; 13—22 — конец XIV в. (по Кокорина 2004: табл. VI).

Fig. 71. Chronology of ceramic complexes of wheel pottery from Kamaevo fort: 1—12 — first half of 15th c.; 13—22 — end of 14th c. (after Кокорина 2004: табл. VI).

ров имеет глубину до 1 м, ширина около 10 м (Моця, Халиков 1997: 143—144). Большая (восточная) площадка занимает 525 тыс. кв. м. Ее защищала тройная линия укреплений из валов шириной до 10 м, высотой до 1,5 м и рвов глубиной до 2 м. Общая площадь городища составляет 945 тыс. кв.м (Моця, Халиков 1997: 146). Стационарно городище не исследовалось.

В 1990-х гг. проведена шурфовка памятника (64 кв.м). Выявленная мощность культурного слоя — 35—45 см. Судя по подъемному материалу и находкам из шурфов (рис. 79; 80), расцвет города приходится на домонгольский период. По мнению А. Х. Халикова город существовал в период Золотой Орды и, вероятно, Казанского ханства (Моця, Халиков 1997: 148).

В селе в 1898 г. найдены джучидские монеты (Фахрутдинов 1975: 122, №690).

13. Междуреченское городище, площадью 240 тыс. кв.м, расположено на широком мысу коренного берега Волги, образованном оврагами. С напольной стороны городище защищено валом высотой до 2 м и шириной до 10 м и рвом (глубина 1—2 м) (Зубов, Матвеев, Приказчиков 1995: 208—225; Хузин 2001: 36—37, №149).

Исследовалось в 1989—1990 г. Г. И. Матвеевой, С. Э. Зубовым и С. И. Перевозчиковым. Вскрыто 992 кв. м. Культурный слой имеет мощность 80—90 см.

Стратиграфия:

— дерн (5—10 см);

— слой — гумусированный суглинок (10—30 см);

— слой — зернистый, рыхлый гумусированный суглинок (20—25 см) (Зубов, Матвеев, Приказчиков 1995: 210—211).

Исследованы жилые, хозяйственные и производственные объекты XI—XIV вв.

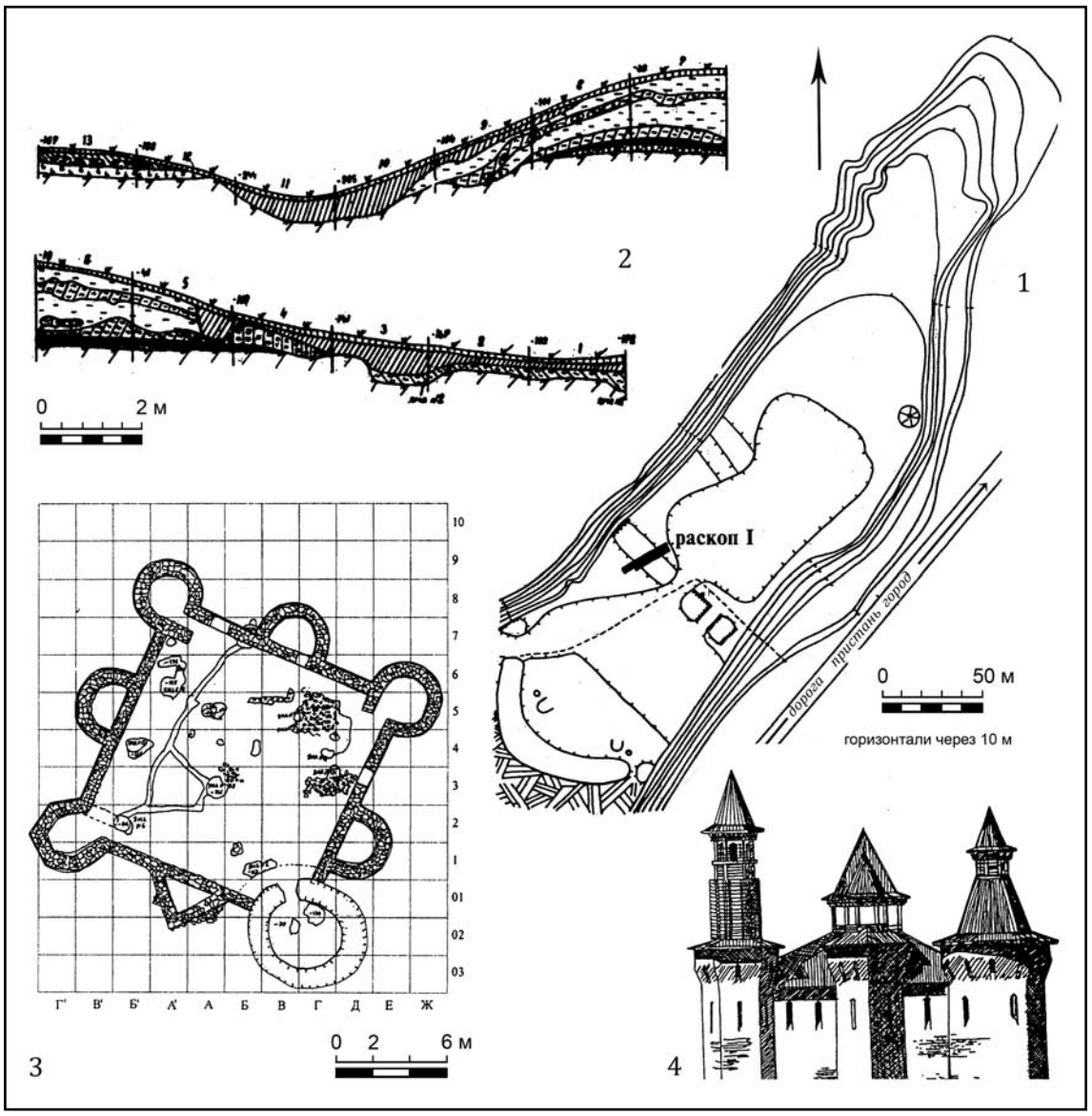


Рис. 72. Елабужское городище. 1, 2 — план городища и разрез укреплений (по Кавеев 1984: рис. 1; 2); 3 — план каменной постройки, исследованной в 1993 г. на раскопе II (по Нигамаев, Хузин 2000: рис. 13); 4 — вариант реконструкции каменной постройки (по Айдаров 2000: рис. 1).

Fig. 72. Yelabuga fort. 1, 2 — plan of the fort and section of fortifications (after Кавеев 1984: рис. 1; 2); 3 — plan of a stone structure studied in 1993 on dig II (after Нигамаев, Хузин 2000: рис. 13); 4 — an option for reconstruction of a stone structure (after Айдаров 2000: рис. 1).

14. Свияжское городище (Фахрутдинов 1975: 169, №1467; АКТ 1985: 14, №2). Располагалось на месте русской крепости (рис. 81). В подъемном материале найдены фрагменты керамики домонгольского и золотоордынского (?) времени, джучидские монеты. Отдельные находки монет и керамики, сопоставимой с золотоордынской, встречаются на островах в затопленной водами Куйбышевского водохранилища пойме р. Свияги.

15. Альменевское городище, площадью 340 тыс. кв. м. расположено напротив дер. Альменево Козловского района Чувашии, на левом берегу ручья Альменевки, левого притока речки Булы, левого притока р. Свияги (Фахрутдинов 1975: 167, №1474). Площадка городища (340 000 кв.м) по данным Н. Ф. Калинина, с трех сторон окружена рвом и следами земляных сооружений (башен?) (Калинин, Халиков 1954: 93—94). Обследование, проведенное в 2001 г., не подтвердило наличия в указанной местности городища; подъемный материал не выявлен (Краснов 2003: 282—283).

Рядом с городищем, на северо-восточной окраине деревни Альменево, на правом бе-

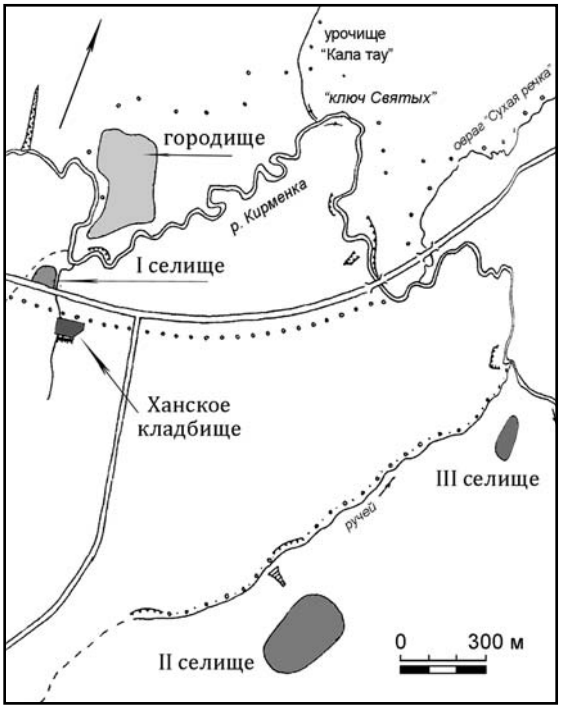


Рис. 73. Кирменский археологический комплекс (по Нигамаев 2005: рис. 76).

Fig. 73. Kirmeni archaeological complex (after Нигамаев 2005: рис. 76).

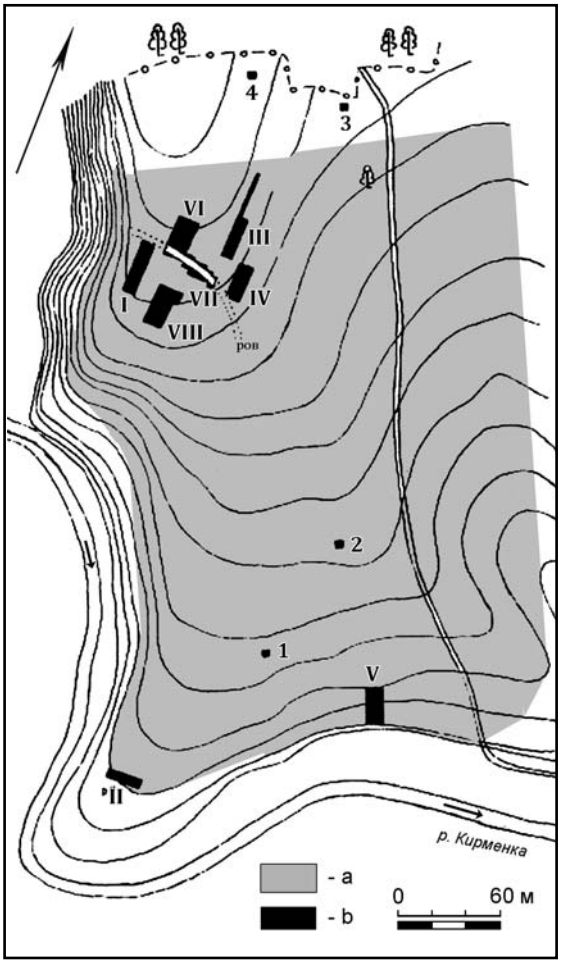


Рис. 74. Кирменское городище. План: a — территория городища в XI—XIV вв.; b — раскопы (I—VIII) и шурфы (1—4) (по Нигамаев 2005: рис. 78).

Fig. 74. Kirmeni fort. Plan: a — territory of the fort in 11th—14th cc.; b — digs (I—VIII) and test pits (1—4) (after Нигамаев 2005: рис. 78).

регу ручья Альменевки в 1938 г. найден **Альменевский клад монет и вещей**, состоящий из серебряных монет XIII в. и ювелирных изделий (Фахрутдинов 1975: 167, №1475). В окрестностях села обнаружены обломки сфероконусов (Фахрутдинов 1975: 167, №1476).

16. Городищенское городище расположено в 1 км к югу от деревни Городище на левом берегу р. Свияги[63]. Площадь около 10 тыс. кв. м. С напольной стороны защищен двойной линией валов и рвов. Культурный слой — до 50 см (Хузин 2001: 33, №116)[64].

К городищу относится **Городищенское селище,** площадью 500 тыс. кв.м, зафиксированное в 0,5 км к западу от Городищенского городища на левом берегу р. Свияги (Фахрутдинов 1975: 169, №1485; АКТ 1985: 18, №49).

17. Чуру-Барышевское городище площадью 37,7 тыс. кв.м, расположено на высоком мысу правого берега реки, образованном излучиной реки и глубоким оврагом с родниками (рис. 84). Небольшой ложбиной, глубиной до 5 м, городище разделено на две части**,** с напольной стороны перекрыто двойной линией укреплений в виде двух валов и двух рвов. Следы обваловки по периметру обоих мысов сохранились в виде небольших земляных насыпей в юго-восточной части (Калинин, Халиков 1954: 75).

За городищем с напольной стороны зафиксировано **Чуру-Барышевское селище**, площадью 800 тыс. кв.м (Калинин, Халиков 1954: 75). На селище исследованы следы железоделательного производства и изучены остатки металлургического горна (Калинин, Халиков 1954: 75—78). В 2002—2003 гг. А. А. Бурхановым был произведен разрез валов и заложены несколько раскопов на площадке городища. Находки датированы им XIII—XIV вв. (Бурханов 2006: 116).

[63] Обследовано Г. Н. Ахмаровым в 1909 г., экспедицией КФАН СССР в 1950 г. (Фахрутдинов 1975: 169, №1484; АКТ 1985: 18, №48).

[64] В настоящее время полностью застроено.

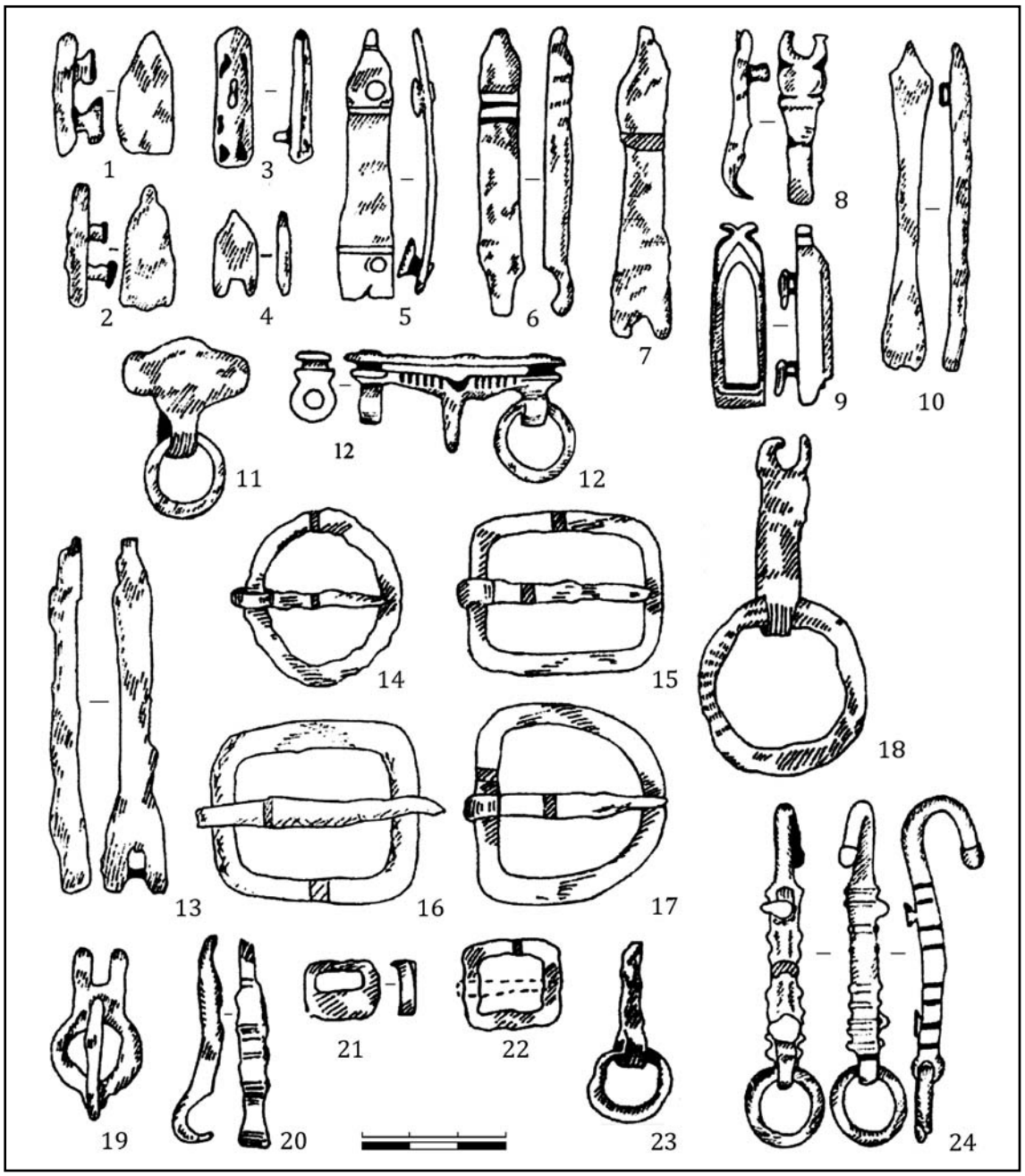


Рис. 75. Находки XI—XII вв. с Кирменского городища. 1, 2, 4—24 — железо; 3 — медь (по Нигамаев 2005: рис. 100).

Fig. 75. Finds of 11th—12th cc. from Kirmeni fort. 1, 2, 4—24 — iron; 3 — copper (after Нигамаев 2005: рис. 100).

Судя по опубликованным материалам, город переживал расцвет в домонгольское время.

18. Луковское (Япанчинское) городище, площадью 23 тыс. кв.м находится в 0,8—1 км к югу от деревни Луковское Зеленодольского района Республики Татарстан, на правом берегу речки Кубни (рис. 84) (Фахрутдинов 1975: 169, №1492; АКТ 1985: 22—23, №95). С напольной стороны городище защищено валами и рвами. Наибольшую высоту имеет внутренний вал — до 2,5 м (ширина основания — 10 м). Остальные валы высотой до 1,5 м. Рвы глубиной 1—2 м (Губайдуллин 2002: 60). Городище возникло в конце X — начале XI в. Считается, что оно продолжало существовать в XIII—XIV вв. К XIII в. относят обновление насыпи внутреннего вала (Губайдуллин 2002: 64).

К востоку и северо-востоку от городища расположено **Луковское селище,** являвшееся посадом города (Фахрутдинов 1975: 169,

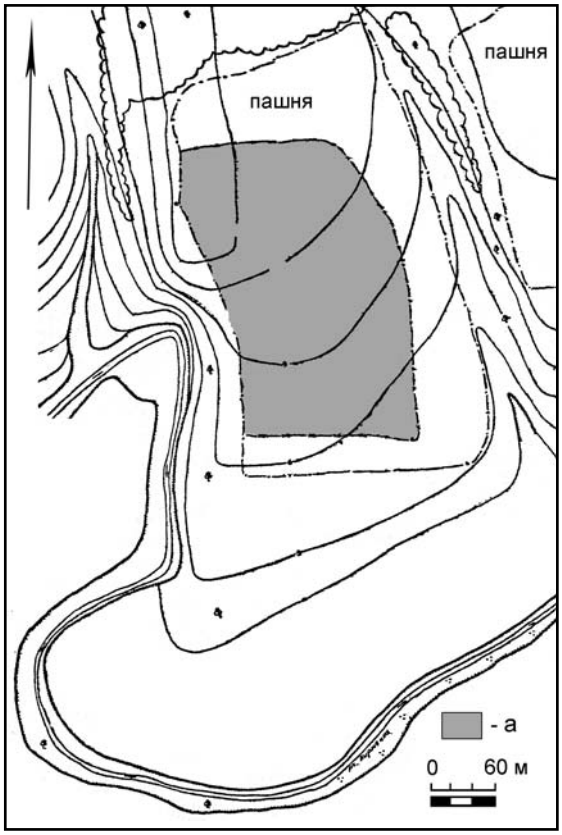


Рис. 76. Кирменское селище. План: а — территория селища (по Останина 1993: рис. 7).

Fig. 76. Kirmeni unfortified settlement. Plan: a — territory of unfortified settlement (after Останина 1993: рис. 7).

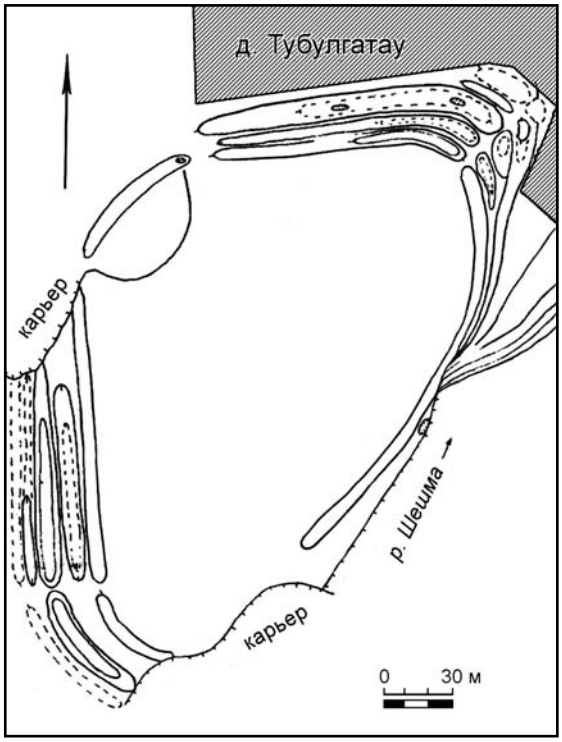


Рис. 77. План городища Тубулгатау (топосъемка 1990 г. К.А. Руденко).

Fig. 77. Plan of Tubulgatau unfortified settlement (topographic survey of 1990 by K.A. Rudenko).

№1493; АКТ 1985: 23, №96). Судя по тому, что культурный слой на городище накопился до строительства валов, неукрепленное поселение предшествовало городищу. Судьба города в золотоордынское время неясна.

19. Хулашское городище[65], площадью 112,9 тыс. кв.м расположено на правом берегу р. Кильны, левого притока Свияги, к западу от с. Кошки-Новотимбаево Тетюшского района Республики Татарстан. Городище имело кольцевую систему обороны, от которой сохранились часть валов с южной и восточной стороны. Они состояли из валов и рвов[66], ширина валов 8—12, высота 2 м; ширина рвов достигала 4 и глубину около 2,5 м (Каховский, Смирнов 1972: 14); между валами имелись проезды.

Городище исследовалось Н.Ф. Калининым в 1949 г. и А.П. Смирновым и В.Ф. Каховским в 1962—1965 гг. Вскрытая площадь составила свыше 4495 кв.м (Каховский, Смирнов 1972: 5,8). Культурный слой на городище имеет мощность около 100 см. Наиболее хорошо сохранились отложения культурных слоев в центральной части городища. Стратиграфия здесь следующая:

— слой темной гумусированной супеси, полностью переработанный распашкой (20—30 см), встречаются находки XI—XIII и XX вв.;

— слой желтой супеси со следами пожарища (15—30 см) XI—XII вв.;

— слой плотной гумусированной супеси (20—30 см) X—XI вв. (?);

— слой чернозема, отделенный от предыдущего слоя тонкой прослойкой растительного тлена (до 15 см) — погребенная почва.

В южной части городища стратиграфия несколько отличается:

— слой рыхлой серой супеси, разрушенный распашкой (25—30 см) — с находками XI—XIV и XX в.;

[65] Название городища от чувашского слова «хула» — город (Калинин, Халиков 1954: 86).

[66] Количество валов и рвов различно: от одного вала и рва в южной части до тройной системы в северо-западной части памятника. Точно восстановить систему укреплений невозможно — большая часть их повреждена или уничтожена постройками села, которое занимало до ¾ пространства городища. В настоящее время городище не застроено.

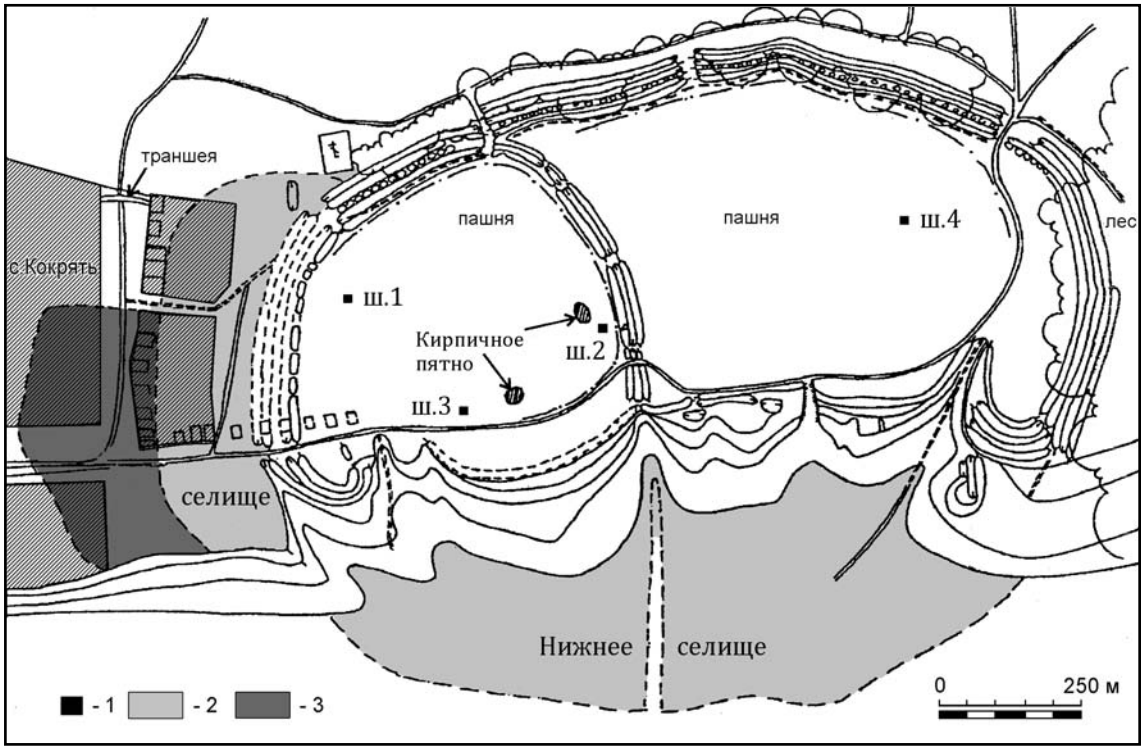


Рис. 78. План Кокрятьского городища. 1 — шурфы на городище; 2 —территория селищ; 3 — могильник XI—XIII вв. (по Моця, Халиков 1997: рис. 67).

Fig. 78. Plan of Kokryat fort. 1 — test pits on the fort; 2 — territory of unfortified settlements; 3 — necropolis of 11th—13th cc. (after Моця, Халиков 1997: рис. 67).

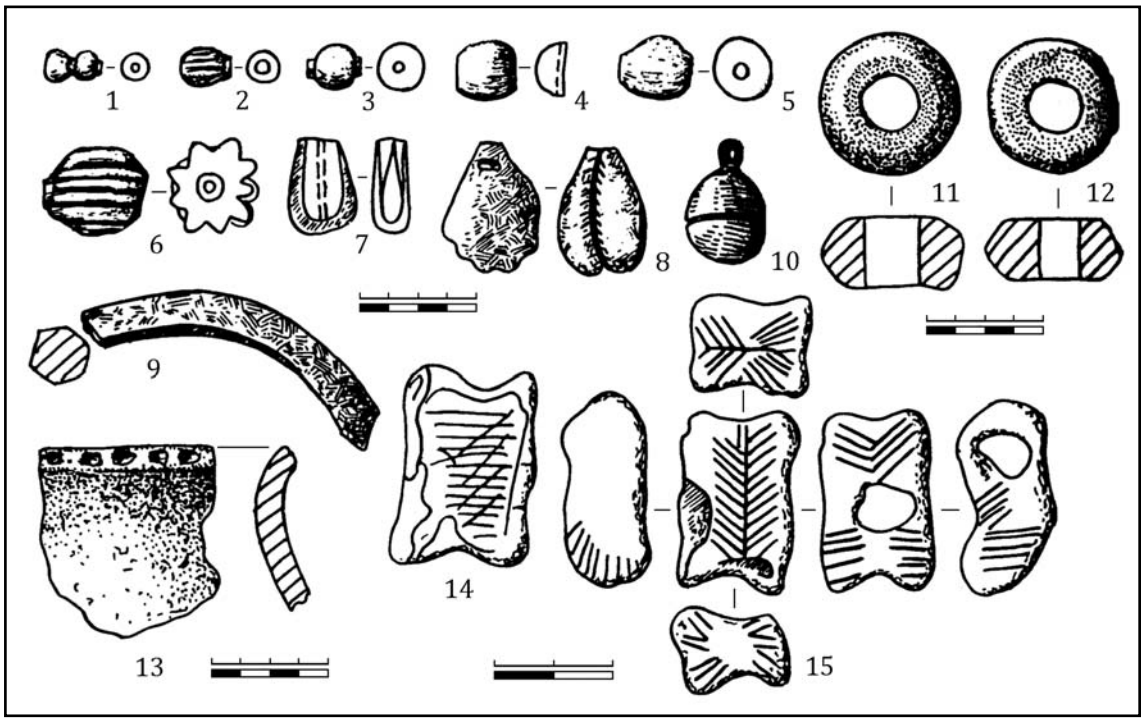


Рис. 79. Кокрятьское городище. Находки с Большого городища (по Моця, Халиков 1997: рис. 70). 1—7, 9 — стекло, горный хрусталь, сердолик; 8 — раковина; 10 — медь; 11, 12 — шифер; 13 — глина; 14, 15 — кость.

Fig. 79. Kokryat fort. Finds from Bolshoe fort (after Моця, Халиков 1997: рис. 70). 1—7, 9 — glass, quartz crystal, carnelian; 8 — shell; 10 — copper; 11, 12 — slate; 13 — clay; 14, 15 — bone.

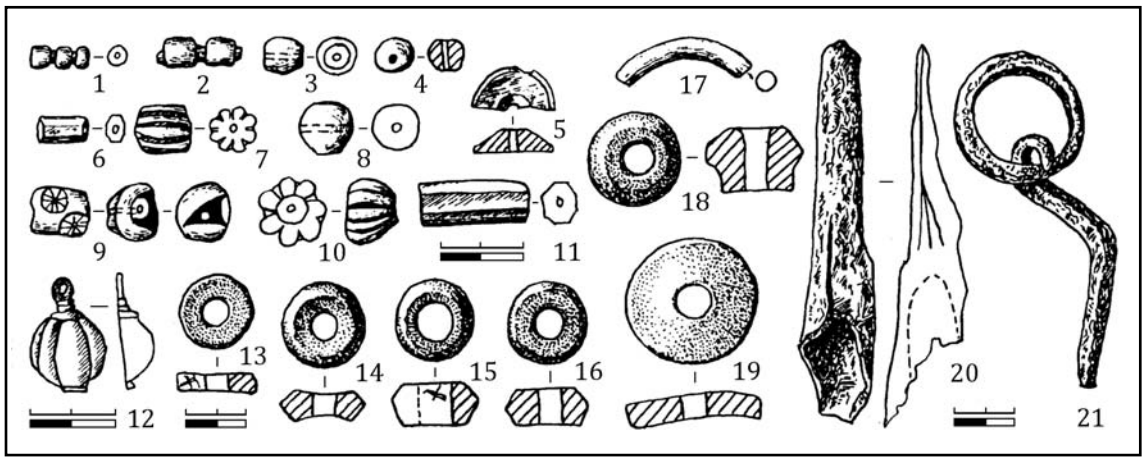


Рис. 80. Кокрятьское городище. Находки с Малого городища (по Моця, Халиков 1997: рис. 71). 1—4, 6, 7, 9, 11, 17 — стекло; 8, 10 — горный хрусталь; 5 — сердолик; 12 — медь, 13—16 — шифер; 17—19 — глина; 20, 21 — железо.

Fig. 80. Kokryat fort. Finds from Maloe fort (after Моця, Халиков 1997: рис. 71). 1—4, 6, 7, 9, 11, 17 — glass; 8, 10 — quartz crystal; 5 — carnelian; 12 — copper, 13—16 — slate; 17—19 — clay; 20, 21 — iron.

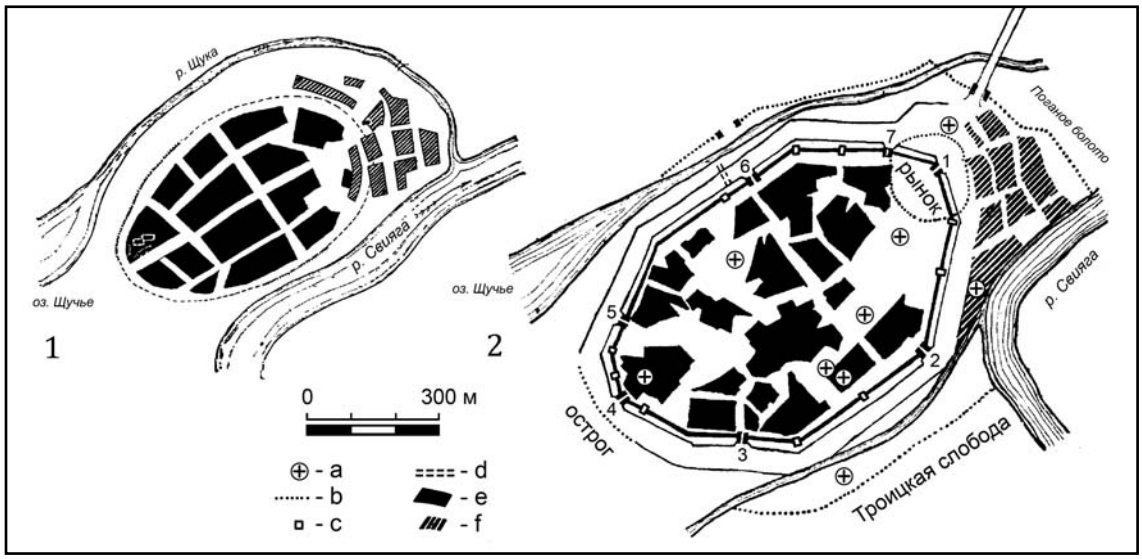


Рис. 81. Свияжск. 1 — ситуационный план; 2 — эскиз реконструкции Свияжской крепости во второй половине XVI века (по Остроумов, Чумаков 1971: 13; 17). Условные обозначения: a — церкви; b — острог; c — глухие башни; d — подземный ход; e — городская часть; f — посадская часть. Ворота: 1 — Рождественские; 2 — Никольские; 3 — Сергиевские; 4 — Николо-Можайские; 5 — Пятницкие; 6 — Жилецкие; 7 — Адашевы.

Fig. 81. Sviyazhsk. 1 — situational plan; 2 — sketch of reconstructed Sviyazhsk fortress in the second half of 16th c. (after Остроумов, Чумаков 1971: 13; 17). Legend: a — churches; b — prison; c — blind towers; d — underpass; e — town; f — trading quarters. Gate: 1 — Rozhdestvenskie; 2 — Nikolskie; 3 — Sergievskie; 4 — Nikolo-Mozhaiskie; 5 — Pyatnitskie; 6 — Zhiletskie; 7 — Adashevy.

— слой гумусированной супеси (35—50 см), в верхнем горизонте отмечены следы пожара;

— слой предматерикового суглинка с находками керамики эпохи бронзы (Каховский, Смирнов 1972: 8—9).

Интересно, что кирпичная баня, вынесенная за пределы валов на посадскую часть, возводилась практически на пустом месте, там, где культурный слой булгарского времени не отложился (Каховский, Смирнов 1972: 9—10).

В ходе раскопок открыто 183 сооружения, в том числе металлургические и гончарные горны, кузница, жилые и хозяйственные сооружения. Дома были нескольких типов — срубные и глинобитные (Каховский, Смирнов 1972: 18—22). Кроме того, обнару-

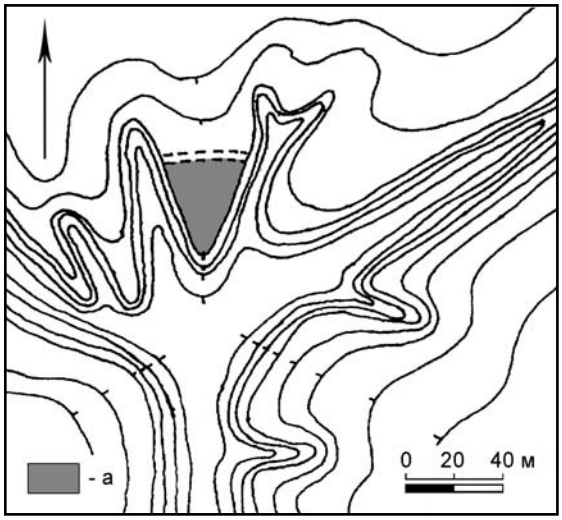


Рис. 82. Городище «Ежевичная стрелка». План: a — территория городища (по Губайдуллин 2002: рис. 5).

Fig. 82. "Ezhevichnaya Strelka" fort. Plan: a — fort's territory (after Губайдуллин 2002: рис. 5).

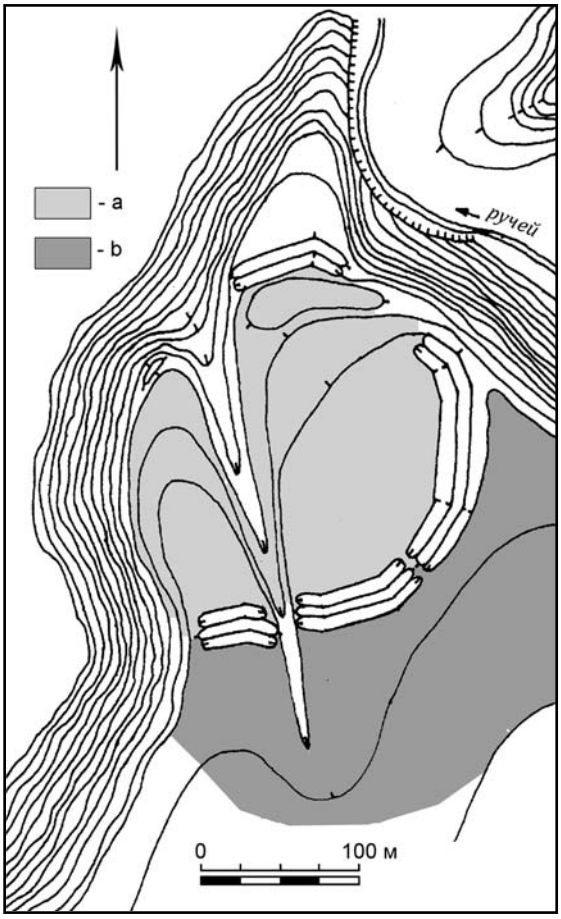


Рис. 83. Чуру-Барышевское городище. План: a — территория городища; b — территория селища (по Губайдуллин 2002: рис. 7).

Fig. 83. Churu-Barysh fort. Plan: a — fort's territory; b — settlement's territory (after Губайдуллин 2002: рис. 7).

жена кирпичная постройка с подпольной системой отопления (рис. 20: 2), функционировавшая в домонгольский период[67]. Это было общественное сооружение — баня. Этот тип сооружения сложился в домонгольское время и существовал в раннезолотоордынский период (Зиливинская 1989: 232).

Внутренняя планировка города не имела определенной системы. В юго-восточной части находился ремесленный район металлургов, кузнецов и гончаров, большая часть остальной территории была занята жилыми и хозяйственными постройками; в юго-западной части, по мнению исследователей, находилось место для исполнения религиозных обрядов (Каховский, Смирнов 1972: 10).

Н. Ф. Калинин датировал городище только домонгольским временем — X—XII вв. (Калинин, Халиков 1954: 89—90), этой же датировки придерживался и А. П. Смирнов, также утверждая, что верхней границей существования городища является XII в., а нижней — X в. (Каховский, Смирнов 1972: 10, 71—72). Вероятно, что в ордынское время город пребывал в запустении.

Хулашское городище окружено с севера, северо-востока и востока селищами-посадами протяженностью от 800 до 2000 м, мощность культурного слоя на них достигает 40—70 см на 15 км к северу и на 8 км к югу по берегам Свияги идут сельские поселения-спутники, площадью от 15 тыс. до 90 тыс. кв. м, составлявшие его сельскую округу (Калинин, Халиков 1954: 89, таблица).

Выделяется **Бурцевское селище**, площадью 90 тыс. кв. м., распложенное в 1,2 км к северо-востоку от с. Бурцево[68] и в 1,5 км к юго-западу от с. Чикильдым, на верхней террасе реки, на правом берегу оврага, местное название которого «Изгеляр джире» (Земля святых). Его связывают с городом, который погиб во время нашествия монголов. На са-

[67] А. П. Смирнов предполагал, что здание было построено в XII в. «незадолго до катастрофического разрушения города в конце XII в.» и принадлежало оно «богатому, торговому человеку» (Каховский, Смирнов 1972а: 33).

[68] Датировано домонгольским временем (Фахрутдинов 1975: 176, №1635; АКТ 1985: 49, №356).

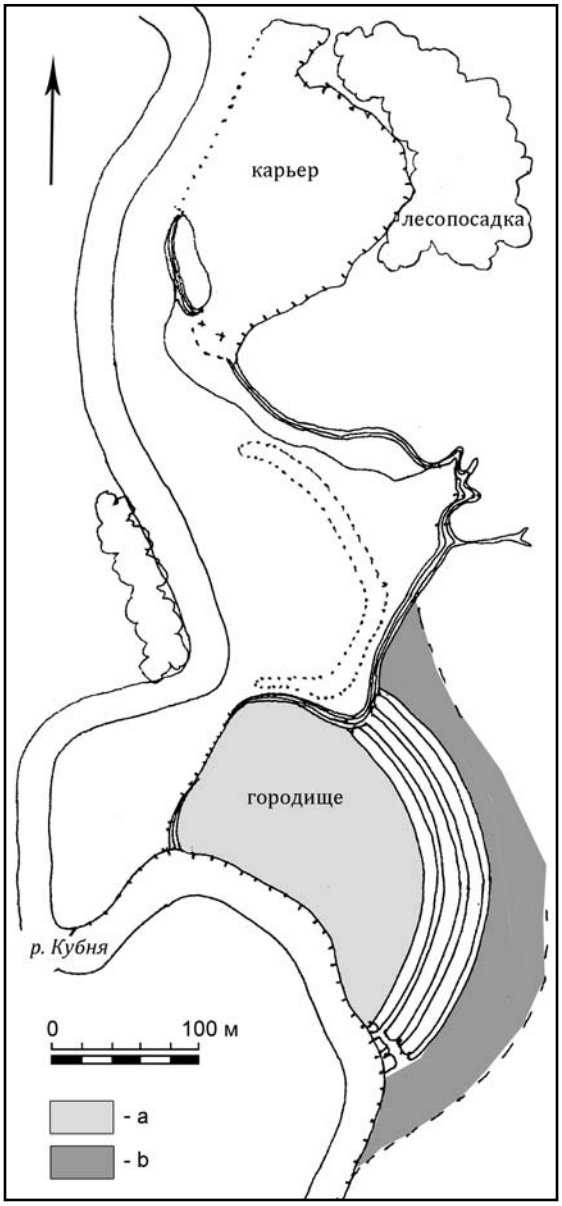


Рис. 84. План Луковского (Япанчино) городища: a — территория городища; b — территория селища (топосъемка 1997 г. К. А. Руденко).

Fig. 84. Plan of Lukovskoe (Yapanchino) fort: a — fort's territory; b — settlement's territory (topographic survey of 1997 by K. A. Rudenko).

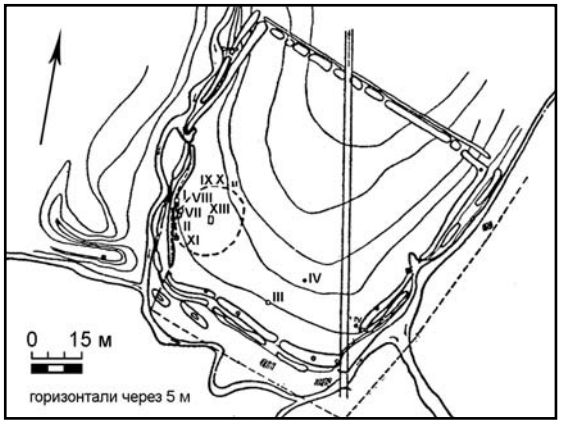


Рис. 85. Большетоябинское городище. План (по Федоров-Давыдов 1960: 72). Римские цифры — номера раскопов.

Fig. 85. Bolshaia Toiaba fort. Plan (after Федоров-Давыдов 1960: 72). Roman figures— numeration of the digs.

мом селище находили железные наконечники стрел (Калинин, Халиков 1954: 90).

Существование городища в золотоордынское время маловероятно.

18. Большетоябинское городище, площадью 275625 кв.м, находится на южной окраине с. Большая Тояба Батыревского района Чувашии, на левом берегу ручья Тоябинки (рис. 85) (Фахрутдинов 1975: 170, №1528). Городище укреплено двумя валами и рвами, сооруженными во второй половине XIII в. (Федоров-Давыдов 1960: 87). Им предшествовал ров шириной до 3 м и деревянная стена. Возведенные во второй половине XIII в. валы имели высоту до 3 м и рвы глубиной до 0,7 и шириной до 5 м (Каховский, Смирнов 1972а: 117).

Предшественником городища являлось неукрепленное булгарское селище, возникшее в XII в. и продолжившее свое существование в монгольское время. Во второй половине XIII в. поселение стало местом резиденции золотоордынского баскака и его дружины, а для их проживания здесь был возведен укрепленный замок (Каховский, Смирнов 1972а: 120). Уже в начале XIV в. с упразднением института баскачества замок приходит в упадок, жизнь на городище прекратилась (Федоров-Давыдов 1960: 87, 89; Каховский, Смирнов 1972а: 120).

Городище исследовалось в 1948 и 1957 гг. А. П. Смирновым и Г. А. Федоровым-Давыдовым. Вскрыто более 1000 кв.м (Федоров-Давыдов 1960: 82—83). Мощность культурного слоя составляет 50—60 см. Памятник однослойный.

На городище изучено кирпичное здание с системой подпольного отопления (рис. 20: 3), датированное золотоордынским временем, керамический горн (Федоров-Давыдов 1960: 87, 91—92, 95); получена коллекция изделий из глины, железа, бронзы. Здание является общественной баней (Зиливинская 1989: 231—232).

Напротив городища, через ручей, расположен **Большетоябинский могильник** (Фахрутдинов 1975: 170, №1529).

19. Городище «Ежевичная стрелка», расположено в 1,6 км к северу от с. Сорочьи

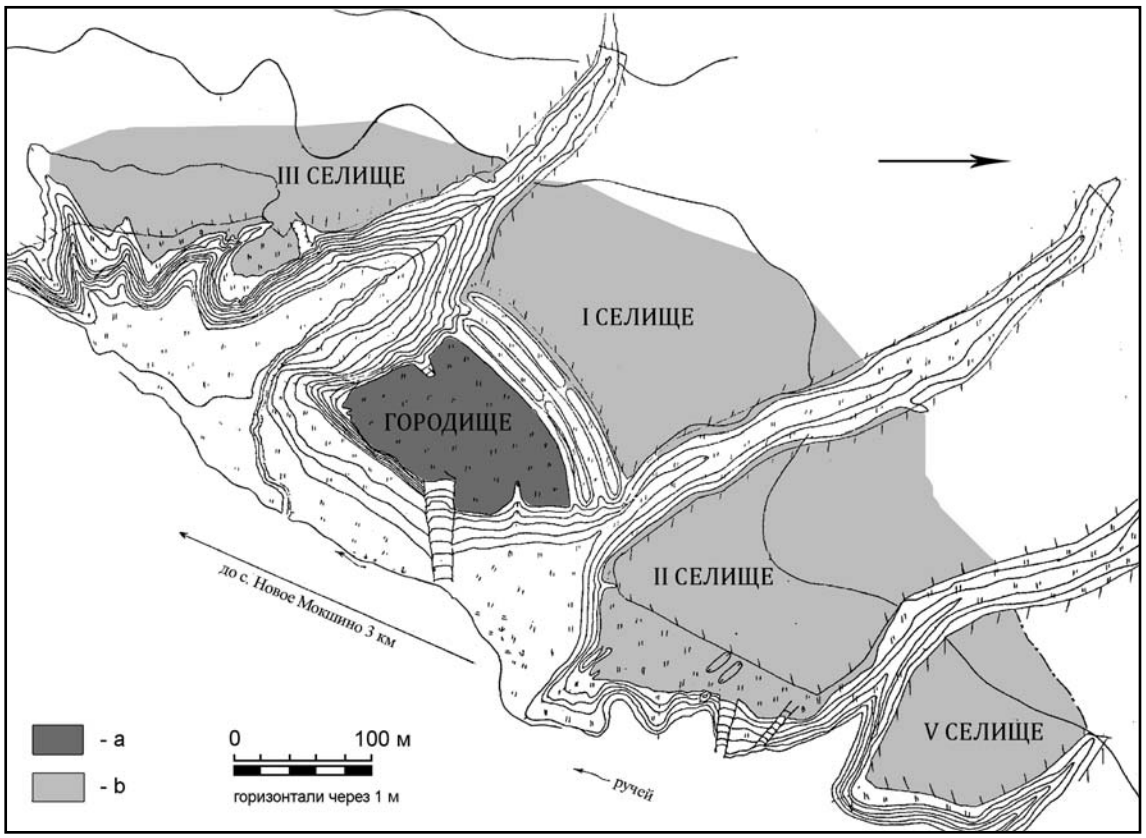


Рис. 86. План Новомокшинского городища: a — территория городища; b — территория селищ (топосъемка 1996 г. К.А. Руденко).

Fig. 86. Plan of Novoe Mokshino fort: a — fort's territory; b — settlements' territory (topographic survey of 1996 by K.A. Rudenko).

Горы Рыбно-Слободского района Республики Татарстан, на вершине «Машкова оврага» на правобережье Камы (рис. 82) (Фахрутдинов 1975: 158, №1332; АКТ 1981: 122, №576). Защищено небольшим валом и рвом. Исследования не проводились.

20. Барскоенарускинское городище, площадью 30,4 тыс. кв.м расположено в 0,6 км к западу-северо-западу от деревни Барское Енарускино на правом берегу р. Мал. Сульчи (Фахрутдинов 1975: 93, №118; АКТ 1990: 25, №157). Городище имело кольцевую систему обороны, состоящую из валов и рвов. К началу XX в. валы частично были распаханы.

Вокруг городища с напольной стороны отмечено **Барскоенарускинское селище,** площадью 635 тыс. кв.м (Фахрутдинов 1975: 93, №117; АКТ 1990: 24, №154). Во рву городища и частично на валу в настоящее время находятся надгробные памятники XIV в., которые вошли в литературу как **Барскоенарускинское кладбище с надгробиями** (Фахрутдинов 1975: 93, №119; АКТ 1990: 25, №158). На одном из надгробий сохранилась дата — 1317 г. (Хакимзянов 1978: 110—111, №5).

21. Новомокшинское городище, площадью 16,4 тыс. кв.м, находится в 3 км к северо-востоку от с. Новое Мокшино на правом берегу ручья Тимошкинский (рис. 86) (Фахрутдинов 1975: 92, №105; АКТ 1990: 21, №119). На городище найдена медная монета XIV в. Основной материал селищ-посадов относится к домонгольскому времени.

Тетюшское I городище, площадью 9,7 тыс. кв.м находится в северном конце ул. Урицкого к югу от «Вшивой горки» (**Тетюшское II городище**) — городища именьковской культуры. Городище не имело валов, но с южной стороны был вырыт ров. С запада и севера поселение было защищено Большим оврагом.

Стратиграфия:

— слой чернозема (15 см), русский XVII—XIX вв.;

— слой ореховатого чернозема (15 см) XIII—XIV вв., булгарско-ордынский; датирован медной монетой хана Узбека 1330—1340 гг.);

— слой чернозема (115 см) именьковский, здесь найдена бусина-лимонка X — начала XI в.[69]

Н. Ф. Калинин предполагал наличие селища-посада к югу от городища, но археологически это не прослежено (Калинин, Халиков 1954: 68).

Городища, возникшие в эпоху Золотой Орды[70]

22. Тавлинское городище, площадью 6800 кв.м[71], находится в 0,3 км к северо-востоку от с. Тавлино Зеленодольского района Республики Татарстан, на левом берегу ручья Кирмелки, левого притока речки Ари, левого притока р. Свияги (рис. 87) (Фахрутдинов 1975: 169, №1477; АКТ 1985: 16—17, №32). Площадка городища подтреугольная, разделена небольшим рвом с проездом на две части. Бóльшая, северная часть защищена с напольной стороны двумя валами и рвом между ними[72]. Южная часть небольшой ложбиной также разделена на две части. По мнению Н. Ф. Калинина, южные площадки являлись крепостью, а северная часть — укрепленным посадом (Калинин, Халиков 1954: 65).

Основные находки сосредоточены на большой площадке, причем большая часть их относится к именьковской культуре. На нижних площадках находок практически нет. Культурный слой, как установил Н. Ф. Калинин, в северной части имеет мощность до 100 см. Стратиграфически выделено несколько слоев:

— слой супеси орехового цвета (10—15 см), конец XIII—XIV вв.;

— слой серой супеси (50 см) именьковского времени;

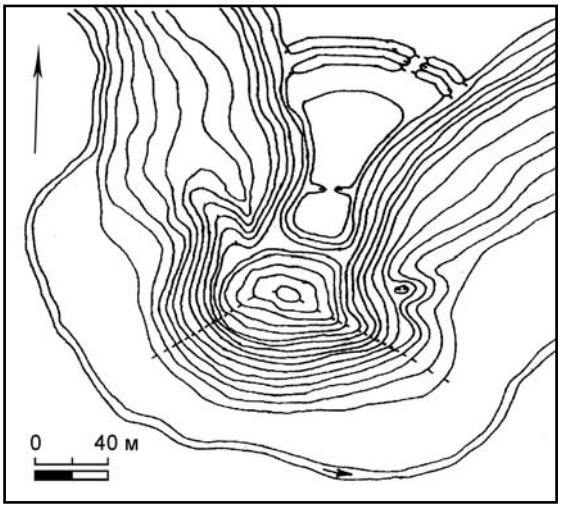


Рис. 87. План Тавлинского городища (по Губайдуллин 2002: рис. 69).

Fig. 87. Plan of Tavlino fort (after Губайдуллин 2002: рис. 69).

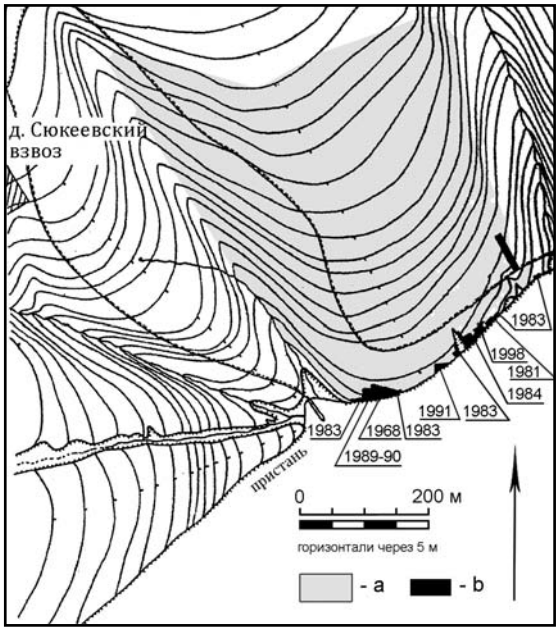


Рис. 88. План Сюкеевского городища: a — предполагаемая территория городища; b — раскопы (по Галимова, Губайдуллин 2003: рис. 1).

Fig. 88. Plan of Syukeyevo fort: a — supposed territory of the fort; b — digs (after Галимова, Губайдуллин 2003: рис. 1).

— слой гумусированного суглинка (40 см), также именьковского времени (Калинин, Халиков 1954: 65).

В 0,07—0,1 км к западу от Тавлинского городища на левом берегу ручья Кирмелки в 1909 г. Г. Н. Ахмаровым выявлено и описано **Тавлинское кладбище** (Фахрутдинов 1975: 169, №1478; АКТ 1985: 17, №33).

[69] На основании этого Н. Ф. Калинин датировал именьковское (буртасское, как он его называл) поселение X—XI вв. и предполагал, что до монгольского завоевания буртасы жили самостоятельно, но в XIII в. городище прекратило свое существование, а поселение стало булгарским городком (Калинин, Халиков 1954: 68).

[70] К золотоордынским памятникам было отнесено Утернясьское городище, расположенное у деревни Утернясь Сабинского района Республики Татарстан, на правом берегу р. Меши (Фахрутдинов 1975: 161, №1383; АКТ 1981: 107, №493). Обследование К. А. Руденко в 1996 г. показало, что на городище культурный слой отсутствует.

[71] По Н. Ф. Калинину, площадь городища — 4 200 кв.м (Калинин, Халиков 1954: 64).

[72] Валы исследовались в 2002 г. А. А. Бурхановым (Бурханов 2006: 116). Результаты не опубликованы.

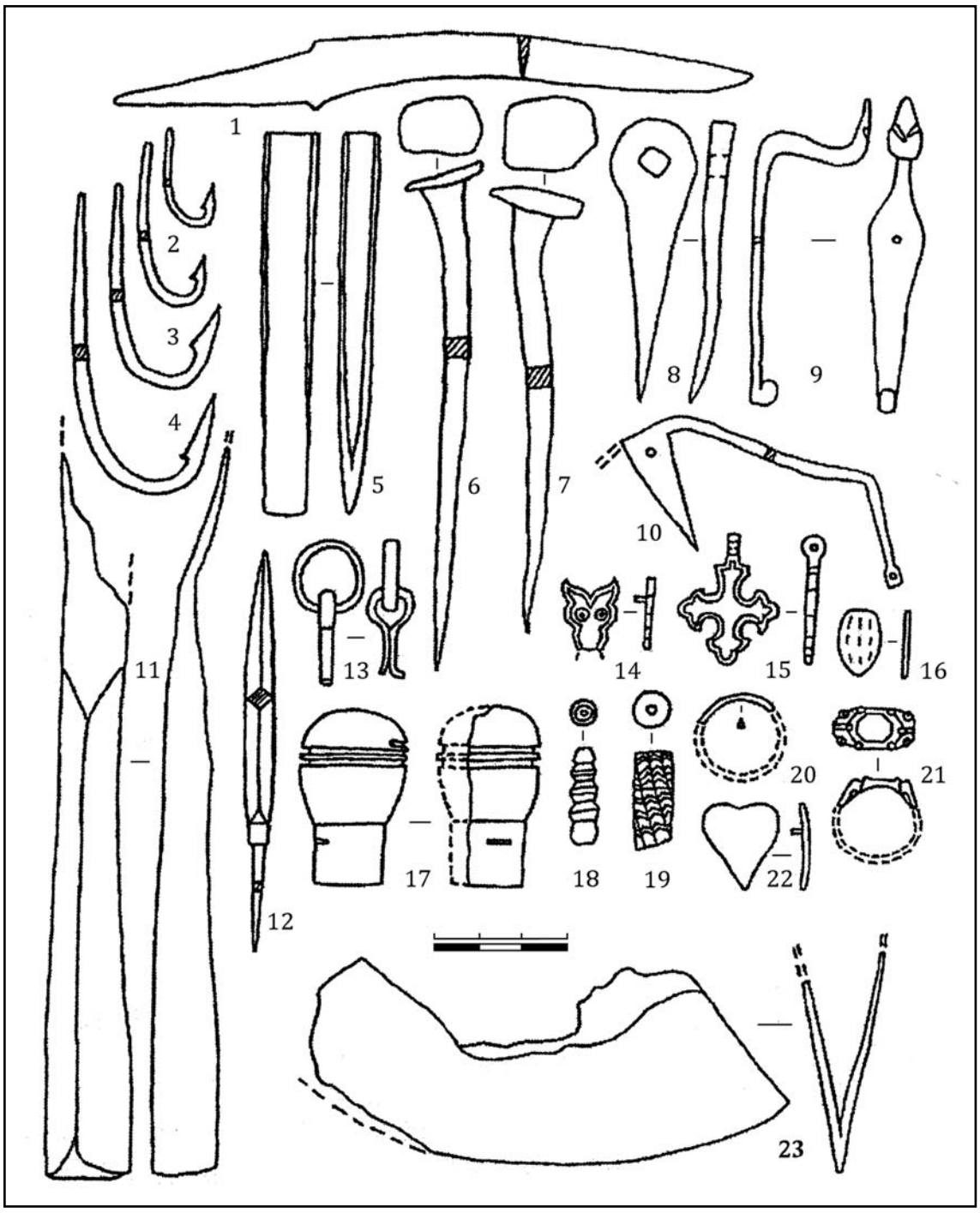


Рис. 89. Находки с Сюкеевского городища (по Галимова, Губайдуллин 2003: рис. 4): 10, 14, 15 — бронза; 17, 18 — кость; 19, 20 — стекло; 21 — серебро; остальное — железо.

Fig. 89. Individual finds from Syukeyevo fort (after Галимова, Губайдуллин 2003: рис. 4): 10, 14, 15 — bronze; 17, 18 — bone; 19, 20 — glass; 21 — silver; the rest — iron.

Селищ в ближайшей округе городища не выявлено.

23. Сюкеевское городище, площадью 125 тыс. кв.м (рис. 88) расположено на мысу правого берега Волги (Галимова, Губайдуллин 2003: 191—204). С напольной стороны было защищено двумя валами со рвом между ними[73]. Валы, сооруженные в середине — второй половине XIII в. имели ширину около 3 м (Губайдуллин 2002: 63). В 1963 г. на месте го-

[73] В настоящее время почти полностью распаханы (Губайдуллин 2002: 63).

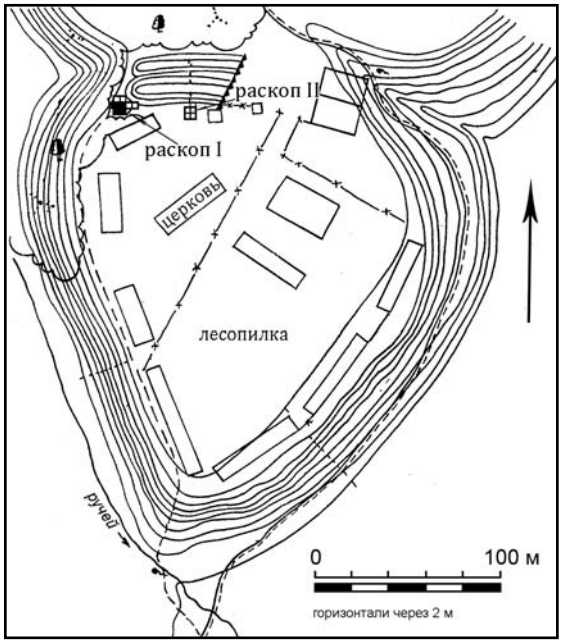


Рис. 90. План Арского городища (по Шутова 2010: рис. 1).

Fig. 90. Plan of Arsk fort (after Шутова 2010: рис. 1).

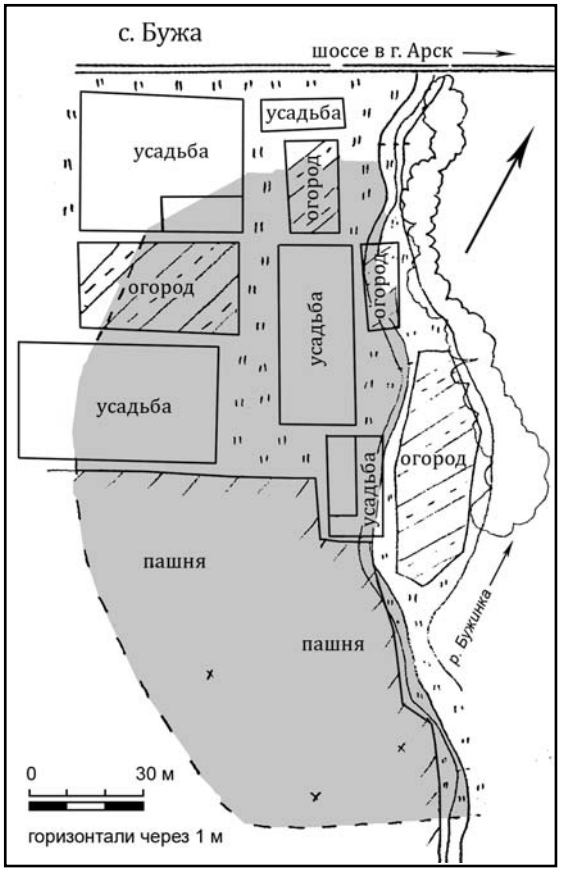


Рис. 91. Бужинское селище (топосъемка 1996 г. К.А. Руденко).

Fig. 91. Buzhinskoe unfortified settlement (topographic survey of 1996 by K.A. Rudenko).

родища была открыта стоянка каменного века, названная «Сюкеевский взвоз». В последующие годы М.Г. Косменко и М.Ш. Галимовой на городище изучалось в первую очередь отложения этого времени (Галимова 2001: 21). Вскрытая площадь составила 527,5 кв.м А.М. Губайдуллиным в районе валов был изучен участок площадью 58 кв.м (Галимова, Губайдуллин 2003: 192).

К средневековому времени относились котлованы двух построек и более 20 хозяйственных ям. Часть объектов датирована монетами XIV в. (Галимова, Губайдуллин 2003: 194). Всего с раскопов определено 11 монет, чеканенных в промежутке 80-х гг. XIII — 50-х гг. XIV в. Местом чеканки монет правления ханов Узбека и Джанибека был Сарай ал-Джадид (Галимова, Губайдуллин 2003: 197). Вещевой материал представлен изделиями из железа, цветных металлов, стекла и кости (рис. 89).

Селищ в округе городища не выявлено.

24. Арское городище, площадью 24 тыс. кв.м. находится в рабочем поселке Арск, районном центре Республики Татарстан, на подтреугольном мысу, образованном высокой террасой реки и глубоким оврагом с западной стороны, на правом берегу р. Казанки (рис. 90) (Фахрутдинов 1975: 164, №1434; АКТ 1981: 60, №207). Исследовалось в 1945, 1969 гг. Раскопки были проведены удмуртской археологической экспедицией в 1983 и 1984 гг. Шурфовка городища проводилась в 1996 г. А.А. Бурхановым. В 2006 г. исследования на городище проведены А.Г. Шакировым.

В округе городища находится **Бужинское селище**, площадью 14400 кв.м, расположенное на восточной окраине деревни Бужа (Никольская Бужа) на окраине Арска, на левом берегу речки Бужинки, левого притока р. Казанки (рис. 91) (Фахрутдинов 1975: 164, №1432; АКТ 1981: 59—60, №206). Подъемный материал встречается вдоль края террасы в направлении северо-восток — юго-запад. Северная часть селища застроена, остальная занята посевами и огородами.

25. Красногорское городище, площадью 23,4 тыс.кв.м находится в 3 км к юго-юго-западу от пос. Красная Горка Мамадышского района Республики Татарстан, на узкой стрелке, образованной двумя оврагами, в правобережьи р. Ошма, правого притока р. Вятки (Фахрутдинов 1975: 154, №1270; АКТ 1981: 146, №726). На мысовой части городища расположен шишкообразный вал, перед которым с напольной стороны вырыт ров с двумя про-

ездами. Площадка распахивалась и использовалась для хозяйственных нужд. В подъемном материале на распаханной части обнаружено несколько фрагментов круговой керамики[74].

Стационарных исследований не проводилось.

26. Омарское городище, площадью 9,2 тыс.кв.м расположено в 0,5 км к северо-западу от дер. Омарский Починок Мамадышского района Республики Татарстан, на левом берегу речки Омарки, правого притока Камы (рис. 92) (Фахрутдинов 1975: 155, №1273; АКТ 1981: 141, №705). С напольной стороны защищено двумя валами высотой 4 м и шириной в основании 8 м и рвами шириной 2,5—6 м при глубине 3,2—3,6 м[75]. Культурный слой в настоящее время полностью уничтожен распашкой.

К округе городища можно отнести **селище «Урочище Киреметь»,** расположенное в 2 км к северу от деревни Омарский Починок на левом берегу речки Омарки (Фахрутдинов 1975: 155, №1274; АКТ 1981: 141, №707). На месте этого поселения в XIX в. находили изделия из железа и джучидские монеты. Кроме того, в 2,2 км к юго-западу от с. Омары на правом берегу речки Омарки, на пологом мысу, образованном оврагом Песчаный (с запада) и камской поймой (с юга), в 1955 г. зафиксировано **местонахождение (селище) «Песчаное».** Здесь были найдены фрагменты круговой керамики золотоордынского (?) периода (Фахрутдинов 1975: 156, №1286; АКТ 1981: 140, №704).

27. Дигитлинское городище, площадью 15 тыс.кв.м находится в 3 км к югу от с. Дигитли на правом берегу ручья Дигитлинки, правого притока речки Омарки (Фахрутдинов 1975: 155, №1282; АКТ 1981: 142, №711) на мысу второй береговой террасы, высотой 4—5 м, рукава р. Дигитлинки, ограниченной двумя оврагами с родниками. По данным Н.Ф. Калинина, городище имело вал и ров в юго-западной части мыса, длиной 180 м, укрепления имеют разрыв в средней части.

Обследование места городища Т.И. Останиной в 1993 г. привело её к заключению, что городища никогда не существовало, а место является микротопонимом. Находок на этом

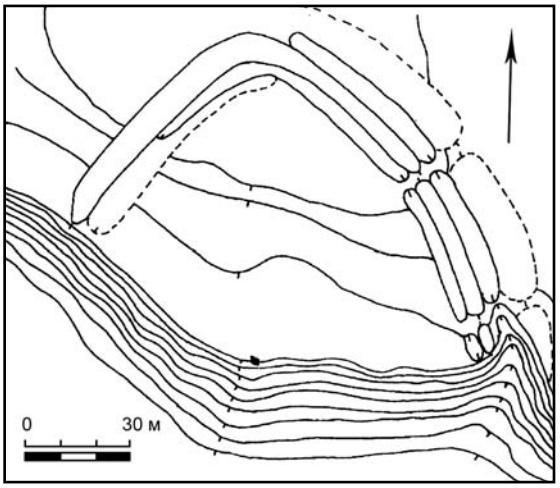


Рис. 92. Омарское городище. План (по Губайдуллин 2002: рис. 21).

Fig. 92. Omarka fort. Plan (after Губайдуллин 2002: рис. 21).

месте и на окружающей территории не выявлено (Останина 1993: 9).

К западу от села, за оврагом на месте старого кладбища в XIX в. зафиксированы надгробные камни с надписями и изображением розетки **(Дигитлинское кладбище с надгробиями** (Фахрутдинов 1975: 155, №1281; АКТ 1981: 143, №713)**)**. Типологически они отнесены к первой половине XIV в.

Неукрепленные поселения золотоордынского времени

28. Селище Чакма (**Лаишевское селище)** (Фахрутдинов 1975: 159, №1354; АКТ 1981: 111—112, №525; Руденко 1992: 81—84; 1999: 37—44; 2003: 73—102, табл. 3—10; 2000в: 31—32; 2004: 91—114) расположено на восточной окраине рабочего поселка Лаишев — райцентра Республики Татарстан, в урочище «Чакма» на надпойменной террасе правого берега р. Кама, на берегу водохранилища[76]. Площадка террасы разделена оврагом «Большая Чакма» на восточную (**Лаишевское II селище)**[77] (Фахрутдинов 1975: 159, №1353; АКТ 1981: 112, №526) и западную (**Лаишевское I селище**; площадь

[74] В археологической карте отмечено: «Культурная принадлежность болгарам более вероятна» (АКТ 1981: 146, №26).

[75] В настоящее время сохранилось лишь 118 м линии укреплений (1/2 часть от зафиксированной в 1955 г.) (Останина 1993: 20).

[76] Восточная часть распахивается, а западная — застроена дачами.

[77] Выделяется восточная часть поселения — Лаишевское IV селище, площадью 150 000 кв.м к востоку от Лаишевского II селища через залив на правом берегу Камы (Фахрутдинов 1975: 159, №1352). По материалам 1989—2003 гг. это территория одного поселения.

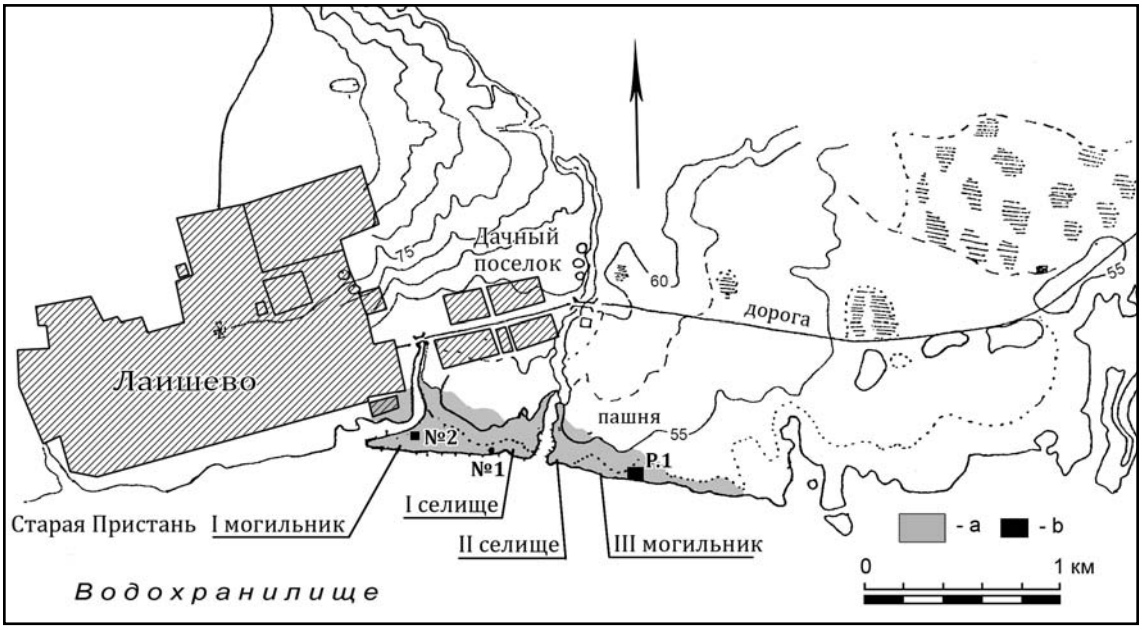


Рис. 93. Чакма (Лаишевские I и II селища, I и III могильники). Общий план: a — территория селища в XI—XIV вв.; b — участки, исследованные раскопками. (Составлен К.А. Руденко по данным обследования 1990—1994 гг.).

Fig. 93. Chakma (Laishevo I and II unfortified settlements, graveyards I and III). General plan: a — settlement's territory in the 11th—14th cc.; b — plots studied during the digs. (Made by K.A. Rudenko based on 1990—1994 survey).

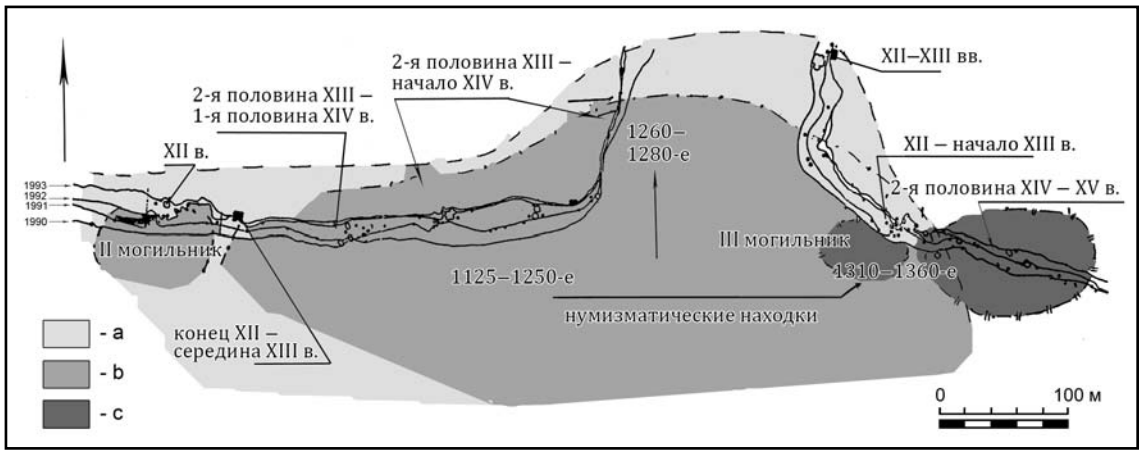


Рис. 94. Чакма. Динамика развития центральной части селища в XI—XV вв.: a — территория селища в XII — начале XIII вв.; b — во второй половине XIII — первой половине XIV вв.; c — во второй половине XIV — первой половине XV вв. Цифры «1990—1993» на карте слева — ежегодная фиксация состояния береговой линии в 1990—1993 гг. (Составлена К.А. Руденко по обследованиям 1990—1993 гг.).

Fig. 94. Chakma. Development of the central part of the unfortified settlement in 11th—15th cc.: a — territory of the unfortified settlement in 12th — early 13th cc.; b — in the second half of 13th — first half of 14th cc.; c — in the second half of 14th — first half of 15th cc. Figures "1990—1993" marked in the left part of the map stand for the annual situation of the coastline in 1990—1993. (Made by K.A. Rudenko based on 1990—1993 survey.)

93500 кв.м) части (рис. 93). К 2003 г. на поселении вскрыто свыше 150 кв.м площади, на размытой части, в шурфах и раскопах исследовано более 120 объектов производственного, хозяйственного и жилого назначения. Культурный слой мощностью от 35 до 46 см распахан до материка.

Наибольшего расцвета селище достигло в XI—XIII вв.; его площадь в это время составила около 650 тыс. кв.м (рис. 93; 94). В первой половине золотоордынского периода (до середины XIV в) плотно заселенной была центральная часть селища по берегам оврага Большая Чакма (рис. 94). В западной

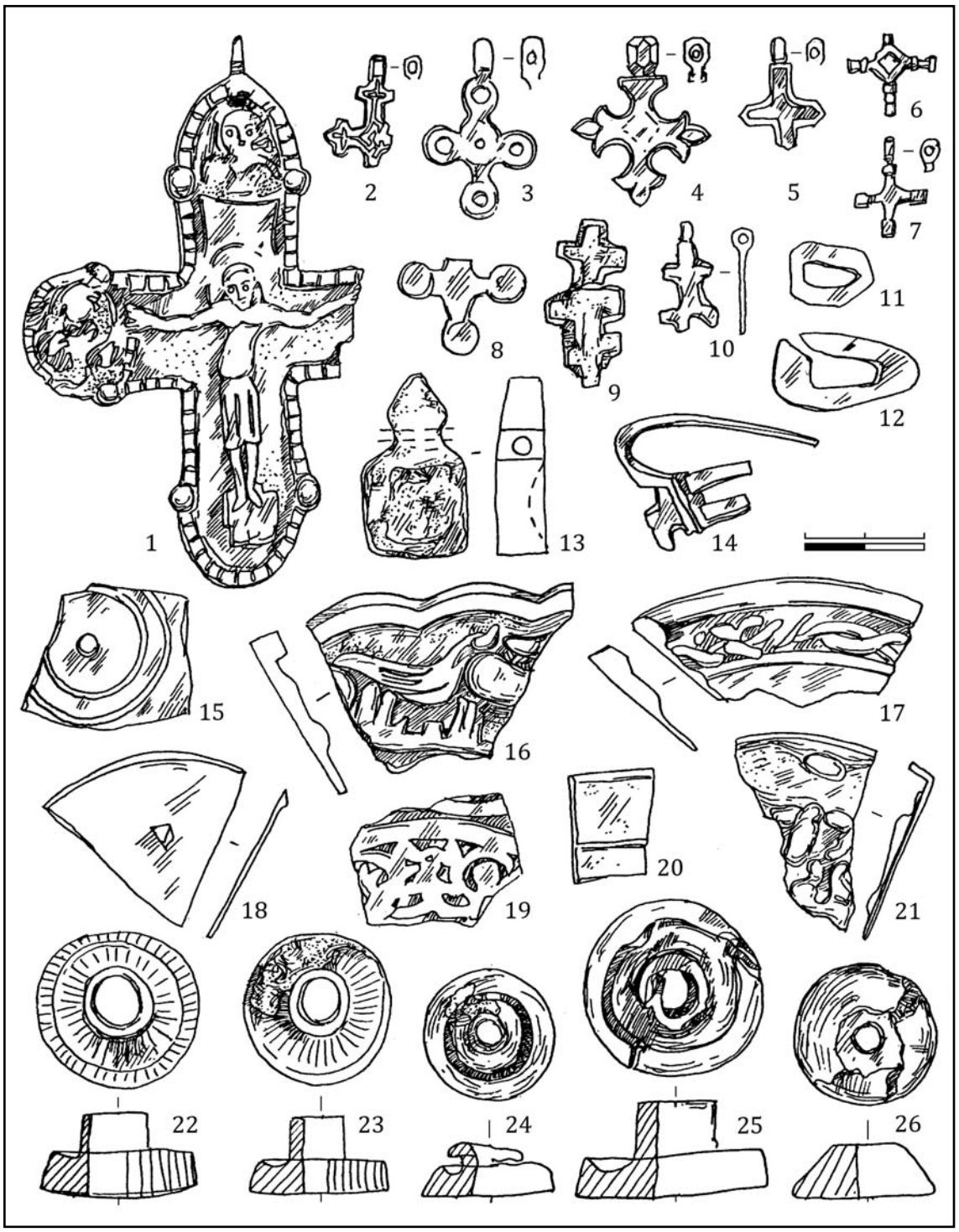


Рис. 95. Чакма. Изделия из цветного металла.

Fig. 95. Chakma. Items of nonferrous metal.

части поселения на пустоши возникает кладбище. Во второй половине XIV в. и до начала XV в. функционирует небольшое поселение в восточной части селища, рядом с которым зафиксировано кладбище (рис. 94).

Материал ордынского времени с селища представлен изделиями из меди, бронзы, железа и керамики (рис. 95; 96; 97), а также монетами XIII—XIV вв.

В северо-северо-западной части Лаишевского I селища выявлен **Лаишевский I могильник** (Фахрутдинов 1975: 159, №1355; АКТ 1981: 112, № 527; Руденко 2001в: 32). Раскопками К. А. Руденко в 1990—1991 гг. ис-

Рис. 96. Чакма. Украшения из цветного металла.

Fig. 96. Chakma. Decoration of nonferrous metal.

следовано более 20 захоронений, совершенных по мусульманскому обряду[78] (Казаков, Газимзянов, Руденко 1994: 120—125; Руденко 1999б). На восточной части поселения (II селище) зафиксирован **III Лаишевский могильник** с одиночными и коллективными захоронениями, сопровождавшимися вещами[79] (рис. 93).

29. Читинское селище площадью 2100 кв. м расположено в 0,75 км к юго-западу[80] от с. Чита Пестречинского района Республики Татарстан, на мысу левого берега оврага, впадающего в р. Меша, образованного его небольшим отрогом (по левому берегу), на водоразделе коренной террасы левого берега р. Меши (рис. 98). Стационарно не исследовалось.

[78] В настоящее время застроен дачами.

[79] Вероятно, следы чумной эпидемии второй половины XIV в.

[80] В литературе приведены неточные сведения: селище расположено в 1,5 км к востоку от с. Чита на левом берегу р. Меши и его размеры — 90 тыс. кв.м (Фахрутдинов 1975: 160, №363; АКТ,1981: 99, №433). Сведения даны по результатам обследования 1995 г. К. А. Руденко.

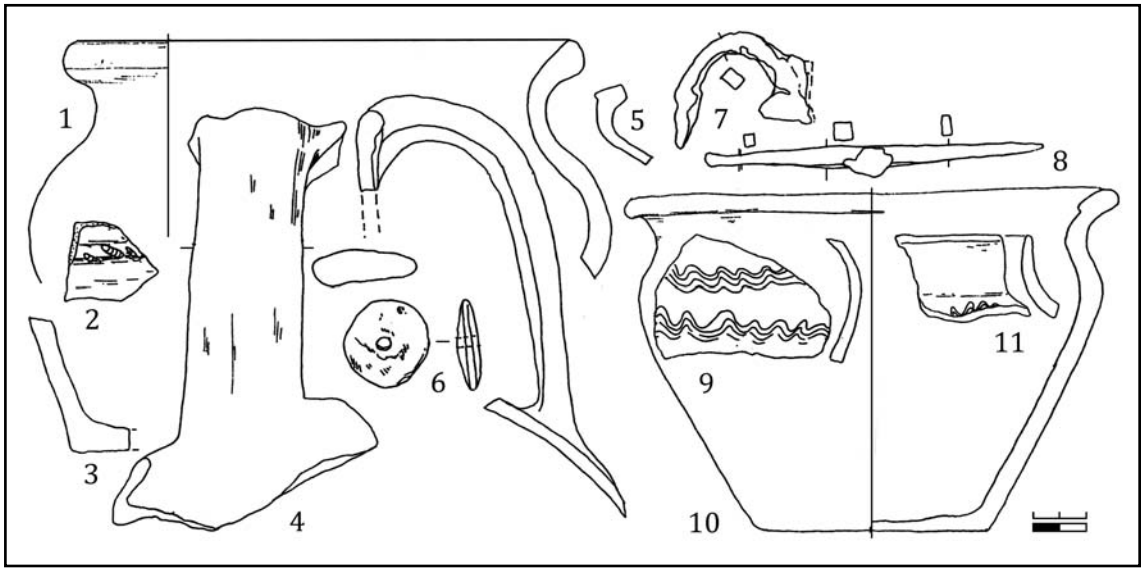


Рис. 97. Чакма. Комплексы находок из сооружений второй половины XIV—XV вв. 7, 8 — железо; остальное — глина. 1, 5, 9, 10 — керамика с примесью толченой раковины.

Fig. 97. Chakma. Complexes of finds from structures of the second half of 14th — 15th cc. 8, 9 — iron; the rest — clay. 1, 6, 10, 11 — ceramics with admixtures of ground shell.

30. Большенырсинское поселение и кладбища расположены в 0,2 км к юго-западу от села Большие Нырсы Тюлячинского района Республики Татарстан, в урочище «Святой ключ». Поселение включает в себя три селища (**Большенырсинские I—III**[81]) с расположенными на их территории двумя кладбищами, одним надгробием и одним (**Бигерским**) местонахождением.

Большенырсинское I селище, площадью 56 тыс. кв.м[82], занимает край надлуговой террасы на левом берегу речки Святой ключ, левого притока р. Нырса. Западную часть селища занимает **Большенырсинское I кладбище с надгробиями**[83] (Фахрутдинов 1975: 160, №1370; АКТ 1981: 103—104, №466). На его территории сохранились два надгробия с датами: 1399 и 1443 гг. Исходя из этого, данную часть поселения можно датировать XI—XIII вв., включая вторую половину XIII в. и первую половину XIV в.

Севернее I селища, находится **Большенырсинское II селище**, отделенное от первого небольшим овражком. Площадь его 80 тыс. кв. м.[84] В подъемном материале обнаружены предметы XI—XII вв. (Руденко 2003: 124—125, илл. 22, табл. 55—56), а также найдена серебряная монета XIV в.

Северная часть селища занята **Большенырсинским II кладбищем с надгробием.** В восточной части кладбища сохранилось надгробие с изображением шестиконечной звезды и датой — 1472 г.[85] С южной стороны кладбища, вне его (в 60 м), на территории селища, в отдельной ограде находилось надгробие с датой 1357 г., с изображением восьмилепестковой розетки[86] (Фахрутдинов 1975: 160, №1372; АКТ 1981: 103, №465).

Судя по имеющимся данным эта часть поселения (II селище) существовала в XI—XIII вв., возможно, в начале XIV в. В настоящее время культурный слой как I, так и II селищ полностью распахан. Через речку Святой ключ, напротив I и II селищ, протянулось обширное поселение (**Большенырсинское III селище),** которое, судя по подъемному материалу, синхронно всему

[81] С 1955 г. известны селища I и II, селище III открыто в 2001 г. К.А. Руденко (опубликовано: Руденко 2003: 124, табл. 55).

[82] В литературе указана площадь в 80 750 кв.м (Фахрутдинов 1975: 160, №1371; АКТ 1981: 103, №463).

[83] В настоящее время кладбище не используется.

[84] По разведкам Н.Ф. Калинина в 1955 г., площадь селища определена в 70 тыс. кв.м (Фахрутдинов 1975: 160, №1369; АКТ 1981: 103, №464).

[85] Западная часть кладбища действующая.

[86] При обследовании 1995 и 2001 гг. камня не оказалось, хотя место, где он стоял, огорожено, и внутри ограды растет дерево.

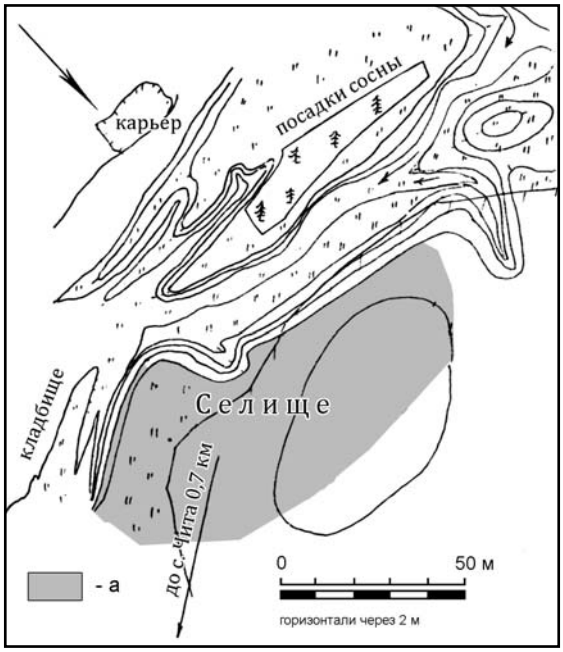


Рис. 98. Читинское селище. План: a — территория селища (топосъемка 1996 г. К.А. Руденко).

Fig. 98. Chita unfortified settlement. Plan: a — settlement's territory (topographic survey of 1996 by K.A. Rudenko).

комплексу селищ[87]. В северной части селища, вне зоны распространения подъемного материала, находится обвалованное недействующее кладбище (**Большенырсинское III кладбище**), вероятно, XVI—XVII вв.

Расцвет селища приходится на XI—XII вв. В это время это небольшой торгово-ремесленный центр (городок), прекративший свое существование к началу XIV в. Поселение ордынского времени располагалось севернее[88], через речку Нырсу. Напротив него в устье речки Святой ключ, к северу от Большенырсинского II кладбища зафиксировано местонахождение керамики — **Бигерское местонахождение**[89], отнесенной к золотоордынскому времени.

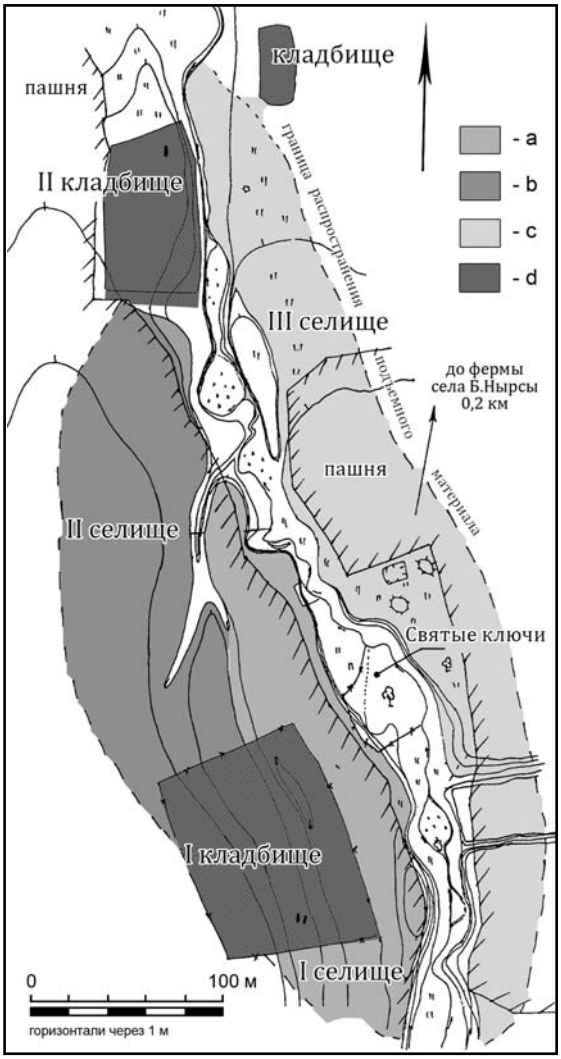


Рис. 99. План Большенырсинских селищ и кладбищ: a — I селище; b — II селище; c — III селище; d — кладбища XIV—XVI вв. (топосъемка 1996 и 2001 гг. К.А. Руденко).

Fig. 99. Plan of Bolshie Nyrsy unfortified settlement and cemeteries: a — I settlement; b — II settlement; c — III settlement; d — cemeteries of the 14th—16th cc. (topographic survey of 1996 and 2001 by K.A. Rudenko).

31. Тямтинское селище, площадью 3500 кв.м[90], расположено в 0,5 км к юго-востоку от северного края деревни Тямти

[87] Часть территории селища задернована, часть в недавнем прошлом была застроена.

[88] Место частично застроено и задерновано. Выявить его пока не удалось. Вероятность его локализации в этой части села можно предполагать также из преданий села Б. Нырсы, согласно которым жители современного села являются потомками людей, изгнавших живших в этом урочище обитателей и основавших новое поселение чуть в отдалении, а заброшенный пустырь стали использовать как кладбища. Спустя некоторое время пришельцы сменили место жительства на то, где сейчас находится село.

[89] Этнографической экспедицией 1948 г. у деревни Бигер (Старый Карабаян) была найдена керамика (АКТ 1981: 104, №470). Не исключено, что был собран материал с выделенного в 1955 г. Н.Ф. Калининым II Большенырсинского селища. Само название Бигер, точнее — Бишер (Карабаяны?),— старое название села Большие Нырсы (по сведениям жителей с. Б. Нырсы).

[90] В литературе площадь селища определена в 13 000 кв.м (Фахрутдинов 1975: 160, №1374; АКТ 1981: 104, №471). Данные приводятся по результатам обследования К.А. Руденко в 1996 и 2001 гг. (Руденко 2002б: 105—109).

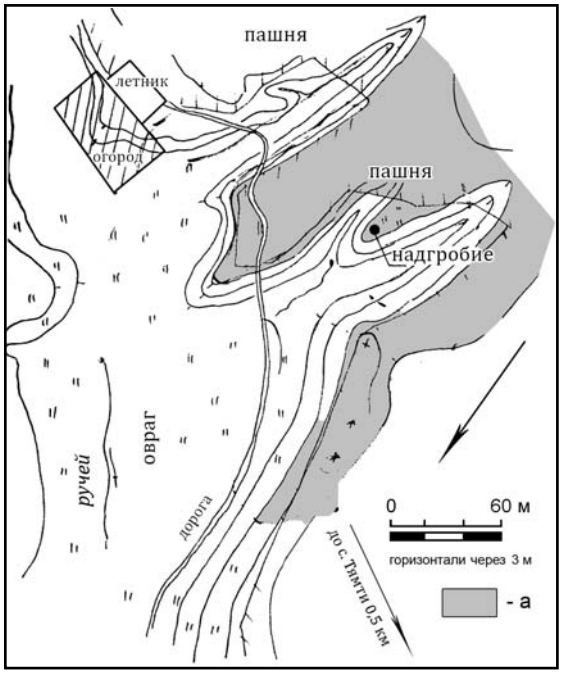


Рис. 100. План Тямтинского селища: a — площадь распространения подъемного материала (топосъемка 1996 г. К.А. Руденко).

Fig. 100. Plan of Tyamti unfortified settlement: a — area of distribution of finds (topographic survey of 1996 by K.A. Rudenko).

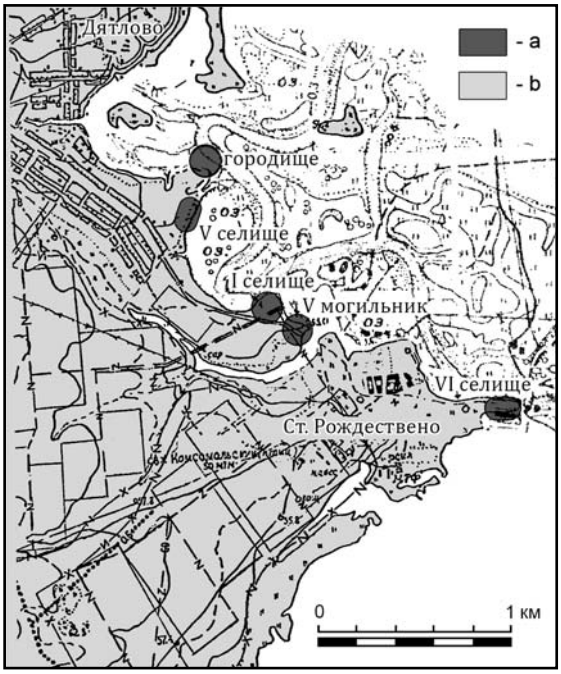


Рис. 101. План Рождественского комплекса (по топосъемке 1948 и 1963 гг.): a — археологические памятники; b — современная береговая линия.

Fig. 101. Plan of Rozhdestveno complex (after topographic survey of 1948 and 1963): a — archaeological sites; b — modern coastline.

Тюлячинского района Республики Татарстан, на мысу террасы левого берега речки Ныpса, образованном оврагом, впадающим в долину речки с левой стороны (рис. 100). Судя по подъемному материалу, селище возникло в XII в. и продолжило существование в золотоордынское время (до XVI в.?)[91].

32. Татходяшевское селище, площадью 8 тыс. кв.м располагалось к северо-западу от с. Татарское Ходяшево на левом берегу речки Нурмы, правого притока р. Меши (Фахрутдинов 1975: 161, №1389; АКТ 1981: 96, №415). Разрушено карьером и частично застроено фермами села.

33. Платоновское селище, площадью 8 тыс. кв.м располагалось в 0,4 км к югу от мельницы дер. Платоновка Арского района Республики Татарстан, на левом берегу речки Нурмы. Полностью распахано (Фахрутдинов 1975: 161, №1390; АКТ 1981: 97, №421).

34. Черемышевское селище, площадью 280 тыс. кв.м[92], расположено в 0,5 км к югу от с. Черемышево Пестречинского района Республики Татарстан, на левом берегу речки Ушны, правого притока речки Нурмы (Фахрутдинов 1975: 161, №1391; АКТ 1981: 96, №412). Находится на пологом склоне надлуговой террасы, левого берега р. Ишня, в 0,4 км к юго-западу от кладбища села. Часть поселения уничтожена при строительстве дороги Ленино-Кокушкино — Черемышево. Проведенные в конце 1990-х гг. раскопки М.Ш. Галимовой показали отсутствие культурного слоя, но были найдены предметы XI—XII вв., а также круговая керамика XII—XIV вв.

35. Большееланьское 1 селище расположено в 0,1 км к северо-востоку от с. Большая Елань Высокогорского района Республики Татарстан, на левом берегу речки Ушны (Фахрутдинов 1975: 161, №1392; АКТ 1981: 96, №41). Застроено.

36. Поселение «Укречь» — Рождественский комплекс (V селище, III, IV кладбища) (рис. 101) находится в 0,5 км к северу от с. Старое Рождествено, в 0,5 км к югу от с. Дятлово (Рождествено) Лаишевского района Республики Татарстан на правом берегу р. Меши (Фахрутдинов 1975: 162, №1395—1397; АКТ 1981: 92, №377—383; Руденко 2003: 123—124, 274, карта №2). Широкомасштабные охранные работы были

[91] На территории селища находится надгробный памятник первой половины XVI в.

[92] Обследование К.А. Руденко в 1995 г. зафиксировало материал на площади 1200 кв.м.

проведены В. Ф. Генингом в 1956—1958 гг.; вскрытая площадь составила 1881 кв.м (Генинг, Стоянов, Хлебникова, Вайнер, Казаков, Валеев 1962: 4).

Возникло булгарское селище в конце X — XI вв., на месте поселения именьковской культуры — городища, прилегающих селищ и могильника. В начале XIII в. самые крупные — **Рождественские V и VI селища** были опустошены, а спустя столетие место V селища стало использоваться как кладбище (**Рождественское кладбище IV**)[93]. В 1957—1958 гг. здесь исследовано свыше 40 мусульманских погребений в деревянных гробах, среди которых выделялось захоронение кочевника с монетой 1357 г. (Генинг, Стоянов, Хлебникова, Вайнер, Казаков, Валеев 1962: 83). Могильник функционировал в южной части поселения, территориально располагаясь на домонгольском селище, к тому времени, очевидно, прекратившем свое существование. Кладбище было обособлено от домонгольского могильника (Генинг, Стоянов, Хлебникова, Вайнер, Казаков, Валеев 1962: табл. XII).

Селение золотоордынского времени занимало узкую прибрежную полосу между городищем и V могильником[94], а также часть населения проживала какое-то время на домонгольском **Рождественское I селище**[95] и на месте бывшего с. Рождествено. Здесь вместе с находками XVIII—XX вв. встречаются материалы домонгольского и золотоордынского времени, в том числе и монеты. Опубликованы сведения о следующих нумизматических находках: дирхем Булата; дирхем XV в. (подражание?); обрезанный дирхем Узбека 737 г. х., чекан Сарая; пробитый дирхем Шадибека 1400—1407 гг.; дирхем Шадибека, Хаджи-Тархан; дирхем Джанибека, Гюлистан, 750 г. х., обрезан под норму XV в.; пулы: Сарай 726 г. х.; Болгар 734 г. х.; Хызр, Сарай ал-Джадид, 762 г. х.; Хызр, Сарай ал-Джадид с надписью «хан»; Хызр 762 г. х.; Хызр, Гюлистан, 762 г. х.; Сарай ал-Джадид 753 г. х. с надписью «законный»; Насир-лид-Дин Аллах, Болгар, сер XIII в. (?); Хызр, Гюлистан, 762 г. х.; Менгу (Мунке), Болгар, 1251—1259 гг., перечекан из монеты Насир-лид-Дина, Болгар (1240-е гг.?) (Шигапов 2006: 199).

Вероятно, что с золотоордынским поселением связан исследованный П. Н. Старостиным гончарный горн. К I селищу относятся мусульманские захоронения **Рождественского V могильника** (176 захоронений) (АКТ 1981: 91, №376).

В конце XIV — начале XV вв. на Укрече появляется группа мордовского населения[96], оставившего несколько захоронений в районе именьковского городища (**Рождественский могильник VI**)[97]. Монеты найденные здесь, чеканены на монетных дворах южного Поволжья и Крыма. Старшая монета — золотоордынский дирхем Давлет-Бирди, чекана Хаджи-Тархана (831 г. х.), младшая — акче Крымского ханства, чекан г. Аль-Крым, от имени хана Хаджи-Гирея (вероятно, 1462/3 г.). В коллекции имеется аспр, чеканенный генуэзцами в Кафе (1436—1442 гг.) (Лебедев, Мухаметшин 1994: 60—61). Кроме того, здесь найдена анонимная деньга, чеканенная в Суздале в 1427—1429 гг. (Шигапов 2006: 199).

Дальнюю округу Укреча во второй половине XIV — начале XV составили несколько поселений с булгаро-мордовским населением в районе сел Карташиха и Ташкермень. В том числе золотоордынское **Карташихинское II селище**, площадью свыше 6 тыс. кв.м, располагавшееся в центре бывшего села[98] (АКТ 1981: 73, №281). Здесь же исследованы языческие мордовские могильники — **Карташихинский II**, датированный XIV—XV вв., **Карташихинский I могильник**, с монетами в захоронениях XV — середины XVI в. Кроме того, здесь известно и мусульманское золотоордынское кладбище — **Карташихинский могильник III**, отнесенный к концу XIV — первой поло-

[93] Предположение о функционировании этого селища в первой половине XV в. (Шигапов 2006: 199) ошибочно. Нумизматические находки относятся к разрушенным погребальным комплексам.

[94] В настоящее время полностью смыто.

[95] Небольшое золотоордынское селище находилось к северу от современного с. Рождествено. Залесено.

[96] Вероятно, что эта группа проживала не обособленно, а в составе жителей булгаро-ордынских селищ, поскольку зафиксировать такое поселение пока не удалось.

[97] Не исключено, что захоронения совершались на площадке городища и в валу. В 1990-х гг. из разрушенных мордовских захоронений были собраны бронзовые украшения, характерные для мордвы XIV—XV вв. (Руденко 2001в: 198, рис. 39), а также обрезанные серебряные монеты начала XV в. Мордва с начала XIV в широко расселяется по Волге — от Самарской луки, Болгара, где известны мордовское кладбище и элитные мордовские захоронения с надгробиями, и до Казани, включая приустьевую часть Камы.

[98] В настоящее время размыто.

вине XV в. (АКТ 1981: 73—75, №280, 281, 287, 290).

Тюрко-мордовское население проживало на **Богишевском селище** XIV—XV вв., площадью 52,5 тыс. кв.м, располагавшееся на дюнном возвышении в пойме Волги, у старичного озера «Черное». Культурный слой достигал 30 см; раскопом 1952 г. (48 кв.м.) вскрыта часть жилой постройки[99] (АКТ 1981: 76—77, №293).

Золотоордынское поселение Укречь продолжило свое существование в ханско-казанский период, просуществовав до XVI в. Археологические следы его уничтожены водохранилищем.

37. Чемерцынское селище, площадью 2400 кв.м, расположено в 0,4 км к северо-востоку от деревни Чемерцы Высокогорского района Республики Татарстан, на правом берегу р. Казанки (Фахрутдинов 1975: 164—165, №1435; АКТ 1981: 57—58, №195). Застроено.

38. Среднесердинское селище, площадью 8625 кв.м[100] находится на краю коренной террасы левого берега р. Красна, правого притока р. Казанки, напротив западной части села Средняя Серда Атнинского района Республики Татарстан к северо-западу от кладбища, практически примыкая к нему. С юга и севера границами поселения являются небольшие ложбины, с запада — берег реки. В глубину террасы, на водораздел, немногочисленный подъемный материал распространен на 65—70 м. Часть селища, примыкающая к реке, разрушена карьером для добычи щебня (Руденко 1996, №11). Материал представлен незначительным количеством круговой булгарской керамики XII—XIV вв.

В 1969 г. Р.Г. Фахрутдиновым на селище зафиксирован культурный слой мощностью 20—30 см, в настоящее время практически полностью уничтоженный распашкой.

Селище прекратило свое существование в XV в., так как в первой половине XVI в. на его месте функционирует крупное кладбище, от которого сохранились надгробные плиты первой половины XVI в. с остатками надписей и рисунков. Часть надгробий начала и первой половины XVI в. с древнего некрополя в настоящее время находится на действующем кладбище села Средняя Серда, которое, очевидно, включило в себя часть территории древнего могильника. Поселение XVI в., скорее всего, находилось на месте современного села.

39. Нижнеякинское селище, площадью 30 тыс. кв.м находится к западу от села Нижние Яки Мамадышского района Республики Татарстан, на правом берегу речки Омарки (Фахрутдинов 1975: 155, №1279; АКТ 1981: 143, №714). В 1955 г. на селище собрана коллекция керамики, найдена медная золотоордынская монета. Распахано.

К западу от селища и в 0,7 км к западу от с. Нижние Яки находится **Нижнеякинское кладбище с надгробиями** (Фахрутдинов 1975: 155, №1280; АКТ 1981: 143, №715). Сохранились даты установки некоторых надгробных памятников: 1310, 1329, 1344, 1349, 1358 гг. (Хакимзянов 1978: 108—109, №413; 128—129, №14; 138—139, №19; 144—145, №22; 148—149, №24).

40. Букеневское селище, площадью 10 тыс. кв.м, расположено в 0,1 км к юго-востоку от дер. Букени Мамадышского района Республики Татарстан, на правом берегу речки Омарки, при впадении в нее речки Дигитлинки. Распахано (Фахрутдинов 1975: 155, №1283; АКТ 1981: 142, №710).

41. Уразбахтинское селище, площадью 50 тыс. кв.м, расположено в 0,1 км к юго-западу от с. Уразбахтино Мамадышскоего района Республики Татарстан, на правом берегу речки Омарки. В 1955 г. собран подъемный материал — круговая керамика (Фахрутдинов 1975: 156, №1284; АКТ 1981: 142, №708).

К востоку от селища (на южной окраине села) находится **Уразбахтинское кладбище с надгробиями** (Фахрутдинов 1975: 156, №1285; АКТ 1981: 142, №709). Сохранились два надгробия с плохо различимой надписью, в одном случае с тамгой, во втором — с несколькими арабскими буквами. Типологически относятся к XIV в.

42. Марасинское I селище, площадью 247,5 тыс. кв. м., расположено в 1 км к востоку от с. Мараса Нурлатского района Республики Татарстан, на правом берегу речки Марасы (Фахрутдинов 1975: 99, №248; АКТ 1990: 44, №374).

43. Полянское селище, площадью около 13,5 тыс. кв.м, расположено в 2 км к юго-юго-западу от с. Полянки Спасского района Республики Татарстан, на правом берегу р. Утки[101] (рис. 104). Размывается. В подъем-

[99] В настоящее время размыто.

[100] В литературе размеры селища — 50 тыс. кв.м (Фахрутдинов 1975: 165, №1441; АКТ 1981: 2, №171).

[101] Сейчас находится на берегу Куйбышевского водохранилища (Фахрутдинов 1975: 124, №723; АКТ 1986: 22, №91).

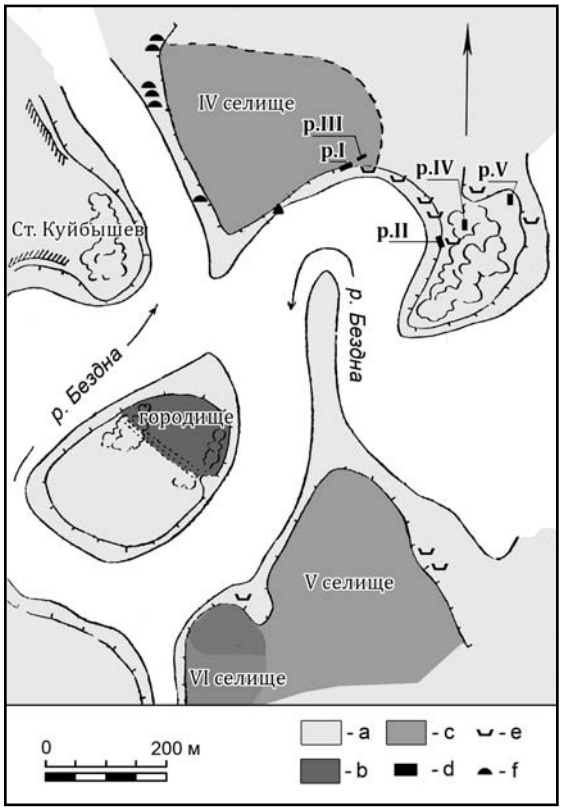


Рис. 102. План расположения памятников у Старого Куйбышева (по Казаков 1991: рис. 7): a — современная береговая линия; b — территория городища; c — территория селищ; d — раскопы; e — разрушаемые прибрежные части мусульманских могильников; f — скопления железных криц.

Fig. 102. Location of sites at Stary Kuybyshev (after Казаков 1991: рис. 7): a — modern coastline; b — territory of the fort; c — territory of the unfortified settlement; d — digs; e — degrading coastal parts of Muslim graveyards; f — concentrations of iron balls.

ном материале встречаются фрагменты керамики, изделия из железа и бронзы, медные и серебряные джучидские монеты. По подъемному материалу датируется XIV — первой половиной XV в.

44. Кураловское селище, площадью 100 тыс. кв. м, расположено в 0,1 км к юго-западу от с. Куралово на правом берегу р. Бездны (Фахрутдинов 1975: 131, №824; АКТ 1986: 55, №335). Подтоплено и размывается Куйбышевским водохранилищем.

45. Старокуйбышевское IV селище площадью 45 тыс. кв.м (рис. 102), расположено к северу от Старокуйбышевского городища на правом берегу р. Бездны (Фахрутдинов 1975: 131, №829; АКТ 1986: 58, №349; Казаков 1991: 22). Часть его занята мусульманским некрополем XIII—XIV вв. В 1972 г. Е. П. Казаковым и Е. А. Халиковой на могильнике раскопами I и III было вскрыто 144 кв.м (Халикова 1976: 47 и сл.; 1986: 118—121; Рудь 1983: 138—161).

Селище возникло, вероятно, в XI—XII вв. и являлось частью ремесленного посада Старокуйбышевского городища, специализировавшегося на производстве и продаже товарных железных криц (Казаков 1991: 43). Наряду с ним вокруг городища функционировало еще несколько селищ, возникших в конце X в. — жилых и торгово-ремесленных пригородов: **V Старокуйбышевское** (Казаков 1984: 39—64) и **VI Старокуйбышевское** селища.

Городок был разрушен монголами в 1236 г.[102] Раскопки, проведенные на городище (80 кв. м.), выявили следы сильного пожара (Губайдуллин 2003: 209).

После монгольского нашествия территория городища и наиболее крупных селищ была заселена слабо[103], хотя отдельные бытовые предметы ордынского времени встречаются и здесь. В большей степени население проживало на IV селище. В 1995 г. на нем было исследовано полуземляночное жилище, датированное началом золотоордынского периода (Кавеев 2003: 172—173). В подъемном материале, кроме различных изделий XII—XIV вв., найдены золотоордынские монеты (Казаков 1991: 30). В числе последних — медная монета Сельджукидов Рума (Кейкубад I, 616—634 гг. х., чекан Сиваса) (Беговатов, Пачкалов 2006: 203).

46. Малиновское III селище, площадью 60 тыс. кв. м, расположено в 2 км к юго-юго-западу от бывшей дер. Малиновка (Спасский район Республики Татарстан) на левом берегу Волги (Фахрутдинов 1975: 132, №833; АКТ 1986: 60, №366). Сейчас находится на острове в затопленной пойме Камы; размыто. На селище, кроме изделий из железа и цветных металлов, а также керамики из размытого культурного слоя, найдены джучидские монеты[104].

47. Семеновское III, V селища площадью 12 тыс. и 180 тыс. кв.м, расположены в 1 км к северу от городища «Девичий городок» на юго-западной окраине Семеновского острова (Спасский район Республики Татарстан) в левобережье Камы (рис. 103) (Фах-

[102] Рядом с городищем в 1869 г. был найден Спасский клад золотых и серебряных украшений (Руденко 2000а: 322—348).

[103] На V селище была устроена братская могила жертв нашествия 1236 г.: Измайлов, Газимзянов 1992: 89—105.

[104] 24 — серебряных, 23 — медных (Беговатов, Пачкалов 2006: 202).

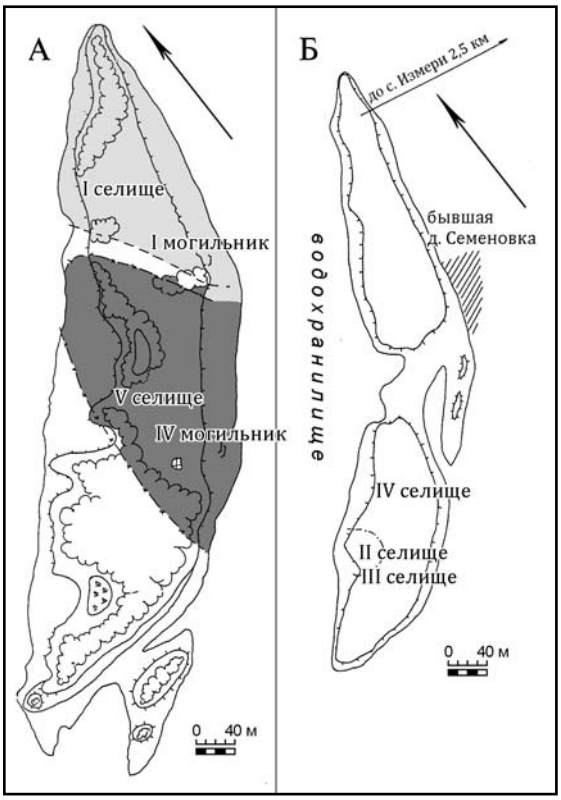


Рис. 103. Комплекс археологических памятников у бывшего села Семеновское (по Казаков 1991: рис. 6). А — план острова при отметке воды 48 м; Б — план острова при отметке воды 51 м.

Fig. 103. Complex of archaeological sites at the former Semenovskoe village (after Казаков 1991: рис. 6). А — plan of island when the watermark is at 48 m; Б — plan of island when the watermark is at 51 m.

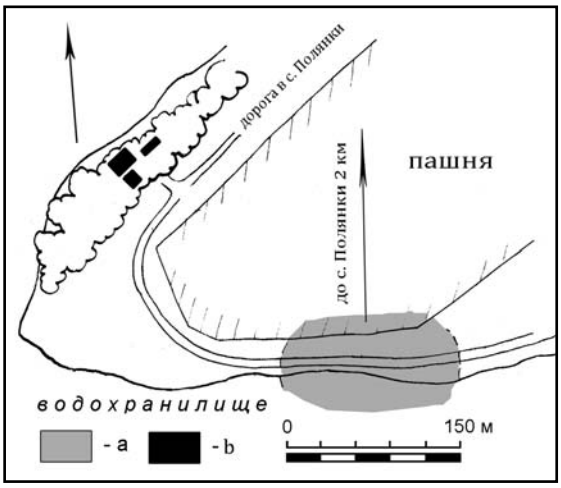


Рис. 104. План Полянского селища: a — площадь распространения подъемного материала (топосъемка 1990 г. К.А. Руденко); b — современные хозяйственные постройки.

Fig. 104. Plan of Polyanki unfortified settlement: a — spread of collected materials (topographic survey of 1990 by K.A. Rudenko); b — modern household structures.

рутдинов 1975: 132, №839; АКТ 1986: 64, №395; Казаков 1988: 75—81).

Сформировались на основе торгово-ремесленных поселений X — начала XI в. (**Семеновские I и II селища**) (Казаков 1991: 18—20, рис. 6; 1999: 101—103) и поселений сельского типа XII — начала XIII в. (**Семеновские III и IV селища**).

На V селище зафиксированы следы размытых жилых и хозяйственных сооружений, собран обширный подъемный материал, включающий, кроме фрагментов керамики, многочисленные изделия из железа, бронзы, а также стеклянные бусины, костяные и каменные предметы (Казаков 1988: 75—81). На селище найдены медные и серебряные монеты XIV в. — свыше 106 экз. (Беговатов, Пачкалов 2006: 202).

Селища III и V являются, скорее всего, одним поселением, развивавшимся в течение XIV в. Датируются на основе подъемного материала второй половиной XIII — началом XV в.

В 150 м к юго-западу от селища найден **Семеновский клад** железных бытовых изделий (Халиков 1982: 102—110), скрытый во второй половине XIV в.[105]

48. Ромоданское V селище, площадью 152 тыс. кв.м, расположено в 1,5 км к северо-северо-востоку от с. Ромодан Алексеевского района Республики Татарстан, на правом берегу речки Ромоданки, образованном краем речной террасы и оврагом с западной стороны (Фахрутдинов 1975: 135, №908; АКТ 1986: 79, №513). Селище возникло в XI—XII вв., как селище-спутник небольшого городка, включающего в домонгольское время два городища[106] (Руденко 2003: 26, табл. 88) и до десятка селищ. После монгольского нашествия городок приходит в упадок, население размещается по пригородным поселениям.

Стационарных исследований не проводилось.

[105] А.Х. Халиков считал, что клад зарыт в период монгольского нашествия. Однако поздние типы изделий, получивших распространение только в золотоордынский период, не позволяют согласиться с этой версией.

[106] Одно из городищ, расположенных на обособленном мысу (на рисунке под литерой «А»: Руденко 2003: табл. 88), является, скорее всего, кузнечным районом, обвалованным для противопожарной безопасности. Об этом свидетельствуют находки большого числа железных шлаков и относительно малое количество керамического материала на распаханной поверхности городища.

49. Кожаевское IV селище, площадью 9,6 тыс. кв. м[107], расположено в 0,6 км к западу от деревни Кожаевка Спасского района Республики Татарстан, на правом берегу р. Ахтай (Фахрутдинов 1975: 136, №925; АКТ 1986: 82, №536). Стационарными исследованиями в 1988—1998-х гг. вскрыто более 672 кв. м площади. Культурный слой достигает мощности 60 см. Стратиграфия:

— дерн (10—15 см);

— чернозем (10—15 см);

— слой серой золистой супеси с пестроцветными включениями (до 40 см)

— слой плотной серой супеси (погребенная почва — до 50 см) (Кавеев 1994: 95).

На селище исследовано 49 разновременных сооружений — хозяйственного и жилого назначения (Кавеев 1998: 41—42). Опубликованные постройки относятся к домонгольскому времени (Кавеев 1998: 173—178). По материалу поселение датируется XI—XV вв. (Кавеев 1994: 99)[108]. На селище найден клад золотых и серебряных украшений XI—XII вв. (Кавеев 1992).

Очевидно, что селище возникло в домонгольский период — не позднее XI в., и просуществовало без значительных территориальных изменений до XV в. Судя по опубликованному материалу из раскопов, находилось в зоне внутреннего экономического рынка города Болгара.

В 150 м к западу от селища выявлен мусульманский некрополь — **Кожаевский могильник**. Вскрытая площадь на могильнике превышает 400 кв. м, исследовано 170 захоронений XI—XIII вв. В погребальной практике отмечаются следы культа огня (Газимзянов 1991; 2000: 106—109).

50. Коминтерновское (Христофоровское) II селище, площадью около 24 тыс. кв. м, расположено в 0,2 км к западу от центральной усадьбы совхоза «Коминтерн» (Спасский район Республики Татарстан) (Фахрутдинов 1975: 136, №928; АКТ 1986: 83, №543). В настоящее время находится на одном из островов в затопленной пойме Актая, там, где до создания Куйбышевского водохранилища располагалась д. Христофоровка (Казаков 1993: 117).

Селище возникло в X веке, но просуществовало недолго, и в XI в. следов обитания здесь не отмечено. Новое поселение стало функционировать на этом месте во второй половине XIII в. Расцвета оно достигает в XIV в.

На селище зафиксированы размытые остатки жилых и хозяйственных построек. В подъемном материале встречаются многочисленные изделия из бронзы, железа, керамики, а также фрагменты чугунных котлов. Нумизматический материал представлен медными и серебряными монетами конца XIII — XIV вв. Среди них анонимная 1279/80 г., пул чекана Болгара 1333/4 г., но преобладают дирхемы периода ханов Узбека и Джанибека (Казаков 1993: 121).

Рядом с ним расположено **Коминтерновское I селище** (Фахрутдинов 1975: 137, №929), в настоящее время полностью размытое. К северу от II селища располагается **Коминтерновское III селище,** площадью около 3 тыс. кв. м — вероятно, это поздняя, развившаяся только в XIV в. часть этого поселения. Здесь зафиксированы следы производственных металлургических (?) комплексов. Вероятно, это ремесленная часть поселения. В подъемном материале на III селище зафиксированы размытые котлованы полуземляночных построек, найдены фрагменты чугунных котлов, керамики, изделия из железа и бронзы, монеты XIV в. (Казаков 1993: 121).

К западу от II селища, расположены мусульманские **Христофоровский I и II могильники**, вероятно, относящиеся к этому поселению (Казаков 1993: 117)[109]. Одно из мусульманских (?) захоронений зафиксировано на территории самого селища (Казаков 1993: 117).

Стационарно памятники не исследовались.

51. Нижнемарьянское II селище, расположено на месте бывшей дер. Нижний Марьян Алексеевского района Республики Татарстан на левом берегу Камы (Фахрутдинов 1975: 137, №933; АКТ 1988: 12, №14). Сейчас находится на острове в затопленной пойме. С селища происходят изделия из железа, глины, меди, в том числе и медная посуда. Размыто.

---

[107] М. М. Кавеев приводит следующие данные по площади памятника — 950—1200 кв. м (Кавеев 1994: 95), а в другой публикации — 1 800 кв. м (Кавеев 2003: 173).

[108] Тот же автор в последней публикации опровергает сам себя, утверждая, что селище существовало во второй половине XI — начале XII в. (Кавеев 2003: 175), что явно противоречит приведенным далее датам опубликованных построек.

[109] В нескольких захоронениях у умерших руки были сложены на груди.

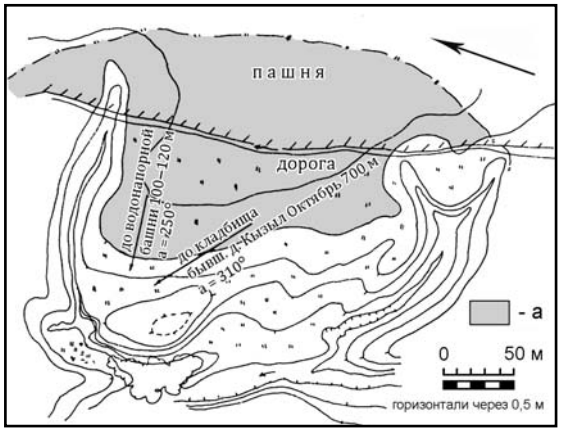


Рис. 105. Селище Кызыл Октябрь-II. План: a — территория селища (топосъемка 1996 г. К.А. Руденко).

Fig. 105. Kyzyl-Oktyabr-II unfortified settlement: a — territory of the unfortified settlement. Plan (topographic survey of 1996 by K.A. Rudenko).

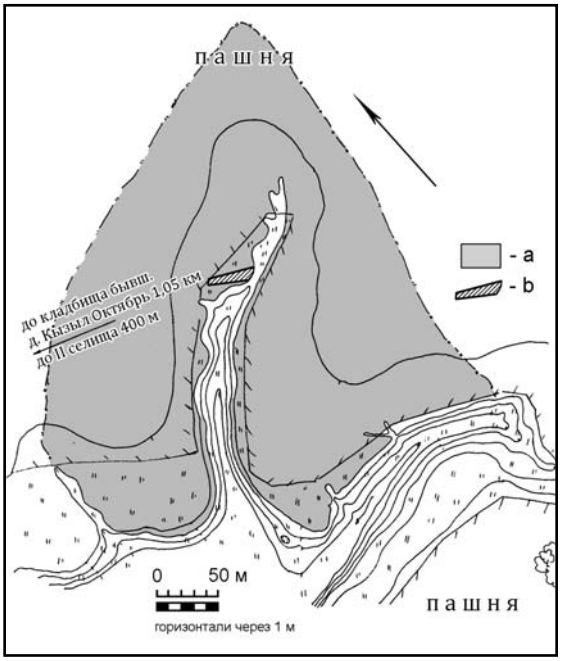


Рис. 106. Селище Кызыл Октябрь-I. План: a — территория селища; b — траншея (топосъемка 1996 г. К.А. Руденко).

Fig. 106. Kyzyl-Oktyabr-I unfortified settlement. Plan: a — territory of the unfortified settlement; b — trench (topographic survey of 1996 by K.A. Rudenko).

52. Первомайское I селище, площадью 6,8 тыс. кв.м (35—40×170 м.), расположено в 1,06 км к северо-западу от села Лебедино Алексеевского района Республики Татарстан и в 1,1 км к юго-востоку от бывшего поселка Первомайский[110]. Подъемный материал[111] встречается в переотложенном состоянии в песке на невысокой гривке между двумя ложбинками, вытянутой в направлении северо-запад — юго-восток. Размыто.

Поселение представляет тип пойменных золотоордынских селищ, характерных для прибрежной зоны среднего течения Волги и приустьевой части Камы.

53. Сухокурналинское селище, площадью 20 тыс. кв.м, расположено в 1,5 км к западу-юго-западу от с. Сухие Курнали Алексеевского района Республики Татарстан, на мысу, в овраге, в левобережье речки Курлянки (Фахрутдинов 1975: 139, №972; АКТ 1988: 38, №223). Подъемный материал представлен круговой керамикой золотоордынского облика.

К селищу относится **Сухокурналинское кладбище с надгробиями,** находящееся на восточной окраине с. Сухие Курнали (Фахрутдинов 1975: 139, №973; АКТ 1988: 38, №224). На кладбище сохранилось несколько надгробных памятников XIV в.

54. Кызыл-Октябрьское поселение расположено в 0,7 км к юго-востоку от бывшей деревни Кызыл-Октябрь Алексеевского района Республики Татарстан, на правом берегу речки Курлянки. Поселение разделено оврагом на две части, получившие в археологической литературе наименования Кызыл-Октябрьского I (Фахрутдинов 1975: 139, №975; АКТ 1988: 38, №226) и II селищ. **Кызыл-Октябрьское I** имеет площадь в 200 000 кв.м, **Кызыл-Октябрьское II,** отстоящее от первого на 0,4 км, — 14,4 тыс. кв.м (рис. 105; 106). На селище собран подъемный материал, представленный в основном керамикой, а также фрагментом чугунного котла, фрагментом поливной керамики. С селищ известна находка клада золотоордынских монет. Анализ подъемного материал позволя-

[110] В литературе селище указано на северной окраине бывшего поселка Первомайский, на площади в 9 000 кв.м. — 300×30 м (Фахрутдинов 1975: 137, №943; АКТ 1988: 18, №66).

[111] Основной материал представлен фрагментами круговых сосудов, из которых часть от горшков «славяноидного типа», с примесью крупной толченой раковины в тесте. Основные формы — горшки, корчаги. Интерес представляют сосуды, изготовленные с подправкой на круге, типа мисок или больших чаш с небольшим округлым венчиком, орнаментированных «личинковидным» штампом по плечику и оттисками палочки по срезу венчика. Основная примесь здесь — крупнозернистый песок, иногда с примесью мелкой раковины. Несколько отличается по форме сосуд, вылепленный из такого же теста. Котловидную форму имеет лепной сосуд с примесью мелкой толченой раковины, украшенный мелкими оттисками палочки в верхней части.

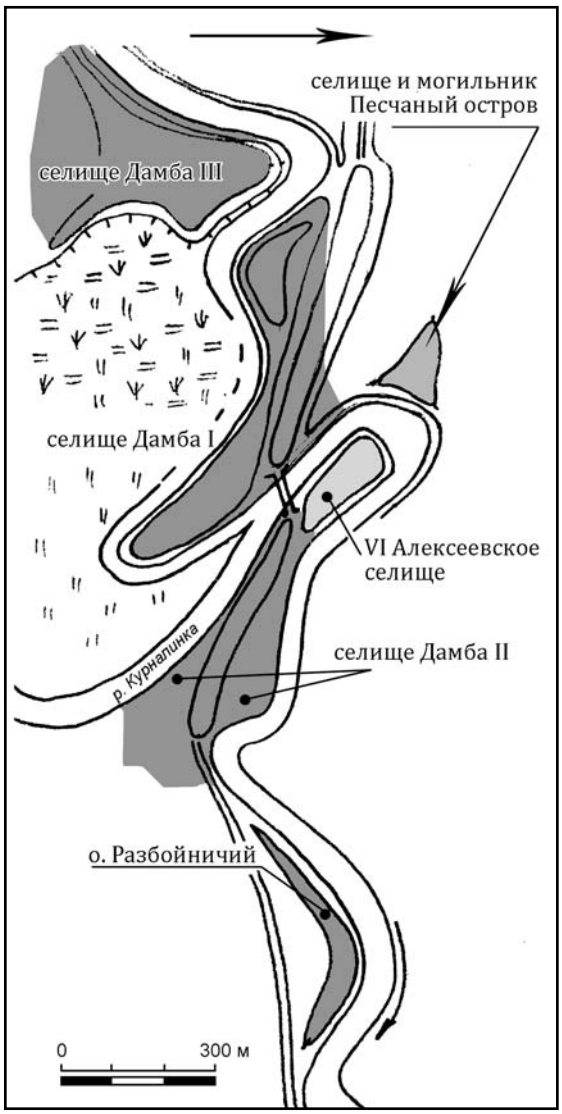


Рис. 107. Схема расположения селищ Курналинского микрорегиона (составлена К.А. Руденко по обследованиям 1990—1992 гг.).

Fig. 107. Location of unfortified settlements in the Kurnali microregion (compiled by K.A. Rudenko based on 1990—1992 survey).

ет предполагать возникновение поселения в XI—XII вв. и развитие в течение второй половины домонгольского периода и в золотоордынское время.

Стационарные исследовании не проводились.

55. Курналинский — Песчаноостровной комплекс археологических памятников расположен в 6 км к северо-западу от рабочего поселка Алексеевское — райцентра Республики Татарстан на левом берегу Камы по обе стороны насыпной дамбы дороги из Алексеевского в Мурзиху (рис. 107). Включает в себя **VI Алексеевское селище, селище и могильник Песчаный остров, селища Дамба I—III, Посадки I—II**. После создания Куйбышевского гидроузла все объекты оказались на островах (Руденко 2002в: 4—6). Комплекс исследовался в 1992—1994 гг. На VI Алексеевском селище было вскрыто 592 кв.м (Руденко 2000б: 10), на селище и могильнике Песчаный остров — 2115 кв.м (Руденко 2001г: 46—49); остальные памятники обследованы разведочно, на некоторых проведена шурфовка (Казаков, Руденко 2004: 104—115). Все объекты с 1956 и до 2003 г. были подтоплены водохранилищем и интенсивно размывались. В 2003—2005 гг. полностью засыпаны дамбой мостового перехода Мурзиха — Сорочьи горы.

Поселенческий комплекс сформировался во второй половине X в., когда возникло **Алексеевское VI селище,** площадью 30 тыс.кв.м[112]. Просуществовало оно до конца XII в. Не исключено, что на неисследованной части поселения имелись отложения первой половины XIII в., однако очевидно, что расцвет жизни поселения приходился на XI—XII вв., и к началу XIII в. ее интенсивность заметно падает (Руденко 2000б: 52).

В 1260-х гг. в 120 м к северо-западу от него, на песчаном останце речной террасы, через реку Курналинку возникает новое поселение — **селище Песчаный остров**, площадью 2700 кв.м. Расположено оно в 5 км к северо-западу от пос. Алексеевское и в 4 км к северо-востоку от с. Мокрые Курнали, на песчаном останце левого берега р. Курналинки, на месте стоянки эпохи бронзы. Открыто в 1992 г. Просуществовало оно до середины XIV в.

Мощность культурного слоя достигает 50 см. Стратиграфически выделяется один слой — темного гуммированного песка, подразделяющийся на два горизонта. Верхний горизонт датируется серединой — второй половиной XIV в.; нижний — второй половиной XIII — началом XIV вв.

На селище изучены три усадьбы, жилые и хозяйственные постройки, получен большой керамический материал (рис. 108), а также коллекция изделий из железа и цветных металлов (рис. 109).

Во второй половине XIV в. активно развивается южная часть поселения, которая, судя по монетам, стала застраиваться в кон-

[112] В литературе указана площадь 6 тыс.кв.м. Это относится к восточной, поздней части поселения (Фахрутдинов 1975: 139, №987; АКТ 1988: 42, №253). Этот факт привел А.В. Пачкалова к совершенно неверному заключению о существовании VI Алексеевского селища в ордынское время (Беговатов, Пачкалов 2006: 202).

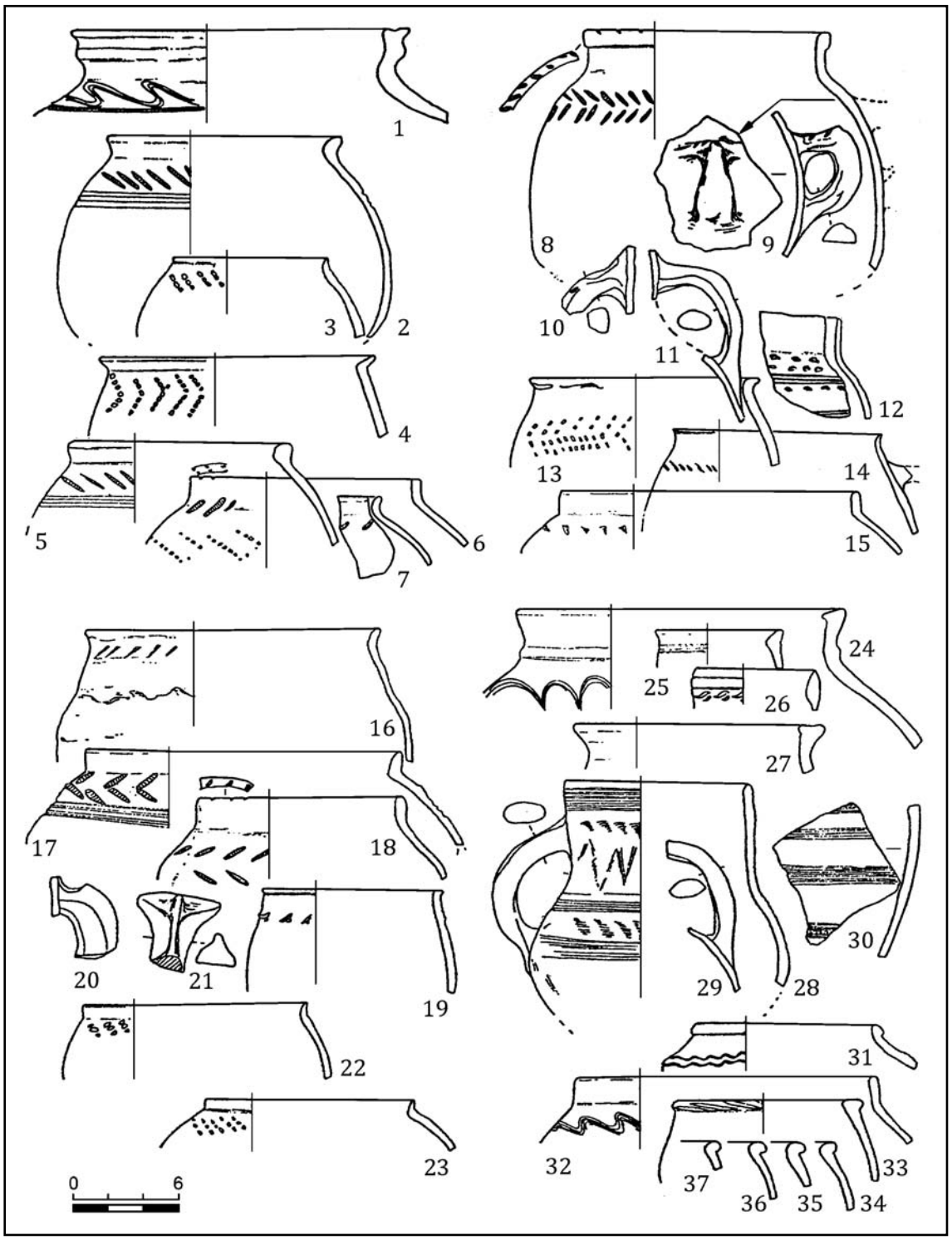


Рис. 108. Керамика селища Песчаный остров (по Руденко 1998: рис. 11; 12). 1—7 — яма 2 раскопа IV; 8 — сооружение 2 раскопа II; 9—15 — яма 2 раскопа IV; 16—37 — постройка 1 раскопа III.

Fig. 108. Ceramics from Peschany Ostrov unfortified settlement (after Rudenko 1998: рис. 11; 12). 1—7 — pit 2 in dig IV; 8 — structure 2 in dig II; 9—15 — pit 2 in dig IV; 16—37 — structure 1 in dig III.

це XIII в. — **селище Дамба I,** площадью 125 тыс. кв.м (рис. 107). Оно расположено в 3,7 км к северо-востоку от с. Мокрые Курнали к востоку (через протоку Старая Кама) от селища Дамба III к западу от VI Алексеевского селища и могильника Дамба II, на мысу надлуговой террасы при впадении протоки Старая Кама в р. Курналинку. Более половины территории памятника уничтожено при строительстве дамбы дороги Мурзиха-Алексеев-

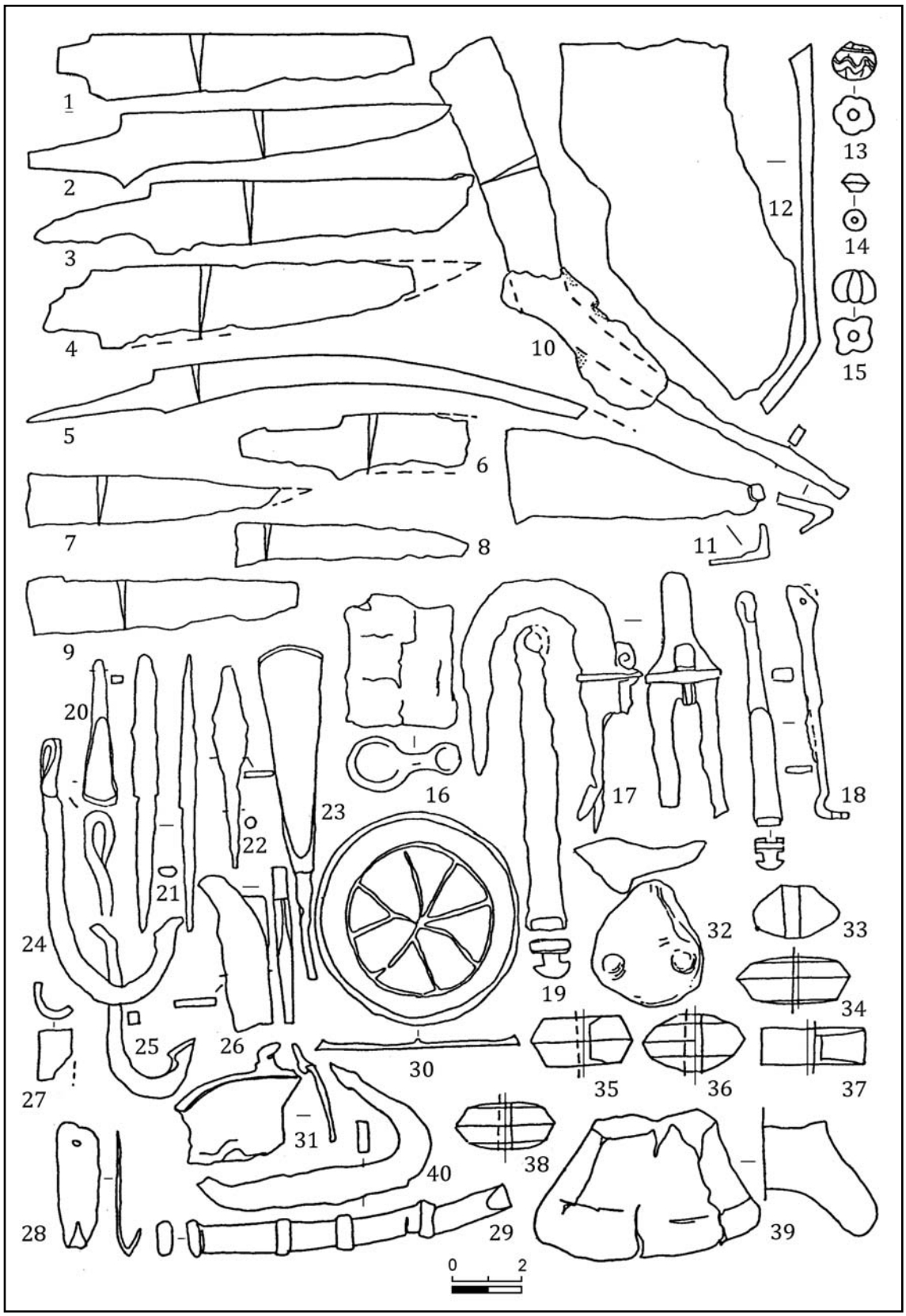


Рис. 109. Находки с селища Песчаный остров (по Руденко 1998: рис. 9). 12 — чугун; 13—15 — стекло; 27, 29 — кость; 28 — медь; 19, 31 — бронза; 32—36, 38 — глина; 37 — камень; 39 — дно поливного сосуда; остальное — железо.

Fig. 109. Finds from Peschany Ostrov unfortified settlement (after Руденко 1998: рис. 9). 12 — cast iron; 13—15 — glass; 27, 29 — bone; 28 — copper; 19, 31 — bronze; 32—36, 38 — clay; 37 — stone; 39 — bottom of a glazed vessel; the rest — iron.

ское. Основной подъемный материал собран на левом берегу р. Курналинки и правом берегу Старой Камы. Среди находок фрагменты керамики, изделия из железа, чугуна, стекла, глины. С селища известны находки медных и серебряных монет 90-х гг. XIII — 1360-х гг. XIV в. (Руденко 1994: 121—139). В восточной части селища на отмели найдены железные крицы с вырубами, кузнечный и бытовой инструментарий. Зафиксированы остатки наземного сооружения с печью, нижняя часть которой находилась в квадратном деревянном каркасе со стороной 110 см. Не исключено, что здесь находились производственные сооружения типа кузниц. Вероятно, селище являлось местом поселения ремесленников.

Напротив (к западу через протоку Старая Кама) селища Дамба I, к северо-востоку от VI Алексеевского селища, в 3,6 км к северо-востоку от села Мокрые Курнали на надлуговой террасе правого берега протоки Старая Кама расположено **селище Дамба III,** площадью около 12000 кв. м. На отмели, на расстоянии 150 м собраны фрагменты керамики.

К юго-востоку, через ложбинку, от VI Алексеевского селища в излучине правого берега р. Курналинки, левого притока Камы, на надлуговой террасе зафиксировано **селище Дамба II**, площадью его около 25 тыс. кв. м (рис. 107). Селище занимало, в основном, северное побережье террасы. Южнее этого поселения, на противоположной стороне останца, там, где территория селища заканчивалась, находился **могильник**.

На селище найдены фрагменты золотоордынской керамики, изделия из железа и чугуна. С селища известны находки серебряных и медных монет XIV в. Материалы домонгольского времени очень малочисленны и попали сюда, вероятно, в результате перемыва.

Продолжением селища Дамба II является **селище «Разбойничий остров»** на краю надлуговой террасы, частично разрушено старой насыпью дороги Мурзиха — Алексеевское[113]. Подъемный материал, собранный на площади 800 кв.м (40×20 м) представлен керамикой эпохи бронзы, фрагментами венчиков и стенок чугунных котлов, изделиями из железа и бронзы. Судя по находкам, селище возникло одновременно с VI Алеквсеевским селищем в конце X в., однако в XI в. оно приходит в запустение. В золотоордынское время, скорее всего, эта территория не была заселена, однако во второй половине XIV в. оно используется как пастбище и место летника.

Судя по всему, перечисленные археологические памятники — это следы одного крупного поселения, развивавшегося в XIII—XIV вв., являвшегося центром довольно обширной округи.

К округе рассмотренного выше комплекса относится **селище Посадки I,** площадью 800 кв. м, расположенное в 3,5 км к северо-востоку от с. Мокрые Курнали, на останце надпойменной террасы левого берега р. Курналинки. Культурный слой размыт. В подъемном материале найдены фрагменты круговой керамики, изделия из железа и бронзы. Напротив селища Посадки I, на останце надпойменной террасы левого берега р. Курналинки находится **селище Посадки II,** расположенное в 3,5 км к северо-востоку от с. Мокрые Курнали. Культурный слой размыт.

Вероятно, к системе поселений Курналинского-Песчаноостровного комплекса относится **Мокрокурналинское VI селище,** площадью 6 тыс. кв. м, расположенное в 2,4 км к северо-востоку от с. Мокрые Курнали на правом берегу речки Курлянки (Фахрутдинов 1975: 139, №984; АКТ 1988: 40, №241). Кроме этого, нужно упомянуть **Алексеевское XII селище,** площадью 16 тыс. кв. м, расположенное в 3 км к северо-западу от совхоза «Красный Восток» (сейчас часть рабочего поселка Алексеевское) на левом берегу Камы (Фахрутдинов 1975: 140, №995; АКТ 1988: 42, №257)[114]. На переправе через Каму располагалось **Мурзихинское II селище,** площадью свыше 5 тыс. кв.м, расположенное на юго-западном мысу мурзихинского острова, напротив левобережного причала паромной переправы Мурзиха — Сорочьи горы, на склоне надлуговой террасы у протоки, соединявшей русло старицы Старая Кама и современного русла этой реки. На отмели собран подъемный материал, состоящий из круговой керамики золотоордынского облика; отсюда известны также находки джучиждских монет[115].

К рассмотренному комплексу относится **Песчаноостровной могильник** (№79) и ряд

[113] Площадь селища установить невозможно из-за сильного разрушения этого участка острова.

[114] В настоящее время размыто.

[115] Датировка домонгольского Мурзихинского (I) селища также и ордынским временем неверна. Материалы раскопок и анализ подъемного материала свидетельствуют о том, что возникшее во второй половине X в. поселение пришло в упадок к концу XII столетия, а после монгольского нашествия жизнь на нем практически угасла (Руденко 2002в).

средневековых подкурганных захоронений в окрестностях с. Мокрые Курнали.

56. Алексеевское I селище, площадью 2 тыс. кв. м, расположено в 0,5 км к юго-западу от рабочего поселка Алексеевское на левом берегу Камы (Фахрутдинов 1975: 140, №996; АКТ 1988: 43, №260). Селище возникло во второй половине XIII в., рядом с пустошью — бывшим посадом Алексеевского городка. Городок был разгромлен и пришел в упадок в конце XII — начале XIII в. Скорее всего, население, оставшееся после запустения городка и пережившее монгольское нашествие, занимало небольшую часть домонгольского поселения и затем перешло на новое место, образовав Алексеевское I селище.

В настоящее время селище засыпано защитной дамбой.

57. Степношенталинское VI селище, площадью 14 тыс. кв.м, расположено между с. Степная Шентала и дер. Малый Красный Яр Алексеевского района Республики Татарстан, на обоих берегах р. Шенталки (Фахрутдинов 1975: 141, №1015; АКТ 1988: 49, №306).

58. Нижнетиганское селище, площадью 39,6 тыс. кв. м, расположено в 1 км к юго-западу от с. Нижние Тиганы Алексеевского района Республики Татарстан, на левом берегу речки Тиганки. Возникло в домонгольское время (Фахрутдинов 1975: 141, №1022; АКТ 1988: 49—50, №313). Стационарно не исследовалось.

59. Ошнякское I селище, площадью 50 тыс. кв. м, расположено на северной окраине с. Ошняк Алексеевского района Республики Татарстан, на правом берегу речки Тиганки (Фахрутдинов 1975: 142, №1029; АКТ 1988: 51, №323). На расположенном рядом кладбище сохранился надгробный памятник с датой 1339 г. (Хакимзянов 1978: 136—137, №18).

60. Большетиганское II селище, площадью 59,5 тыс. кв.м, расположено на южной окраине с. Большие Тиганы Алексеевского района Республики Татарстан, на правом берегу речки Тиганки (Фахрутдинов 1975: 142, №1031; АКТ 1988: 51, №325).

61. Большекрасноярское II селище, площадью 27 тыс. кв. м. Расположено в 0,8 км к юго-востоку от дер. Большой Красный Яр на правом берегу р. Шенталки (Фахрутдинов 1975: 142, №1042; АКТ 1988: 52—53, №337).

62. Степношенталинское V селище, площадью 250 тыс. кв.м, расположено в 0,3 км к юго-западу от с. Степная Шентала Алексеевского района Республики Татарстан, на обоих берегах р. Шенталки (Фахрутдинов 1975: 142, №1046; АКТ 1988: 53, №341).

63. Степношенталинское II селище, площадью 58,8 тыс. кв.м, расположено в 0,2 км к северо-востоку от с. Степная Шентала на правом берегу р. Шенталки (Фахрутдинов 1975: 142, №1047; АКТ 1988: 53, №342).

64. Сахаровское I селище, площадью 4,8 тыс. кв.м, расположено в 2,5—3 км к северу от с. Сахаровка Чистопольского района Республики Татарстан, на правом берегу р. Шенталки (Фахрутдинов 1975: 142, №1049; АКТ 1988: 53, №344).

65. Николаевское селище. Площадь 250 тыс. кв.м р. п. В 0,4 км к востоку от пос. Николаевка Чистопольского района Республики Татарстан, на левом берегу безымянного ручья, правого притока речки Большой Бахты. Возникло в домонгольский период (Фахрутдинов 1975: 143, №1069; АКТ 1988: 56, №369).

66. Орловское селище, площадью 2 тыс. кв.м, расположено в 3 км к югу от с. Орловка Нижнекамского района Республики Татарстан, на правом берегу речки Шукралинки, левого притока Камы (Фахрутдинов 1975: 134, №884; АКТ 1989: 32, №204).

67. Самоскаковское селище, площадью 2,2 тыс. кв.м, расположено в 0,4 км к юго-западу от дер. Самоскаково Нижнекамского района Республики Татарстан, на правом берегу речки Шильны, левого притока Камы (Фахрутдинов 1975: 134, №884; АКТ 1989: 32, №206).

68. Усаевское селище, площадью 42 тыс. кв.м, расположено в 0,5 км к северо-востоку от дер. Усаево Мензелинского района Республики Татарстан, на левом берегу р. Мензели, левого притока р. Ик, левого притока Камы (Фахрутдинов 1975: 134, №884; АКТ 1989: 40, №303).

69. Новохуторское селище, площадью 2 тыс. кв.м, находится на северо-восточной окраине пос. Новый Хутор Мензелинского района Республики Татарстан, на правом берегу р. Мензели (Фахрутдинов 1975: 134, №884; АКТ 1989: 41, №315).

70. Бикбуловское поселение, расположено в 1,6 км к югу от с. Бикбулово Мензелинского района Республики Татарстан, на левом берегу р. Ик. Выделены два селища — **Бикбуловское I селище** площадью 40 тыс. кв.м (Фахрутдинов 1975: 134, №884; АКТ 1989: 43, №337) и зафиксированное в 0,3—0,4 км к югу от I селища **Бикбулов-**

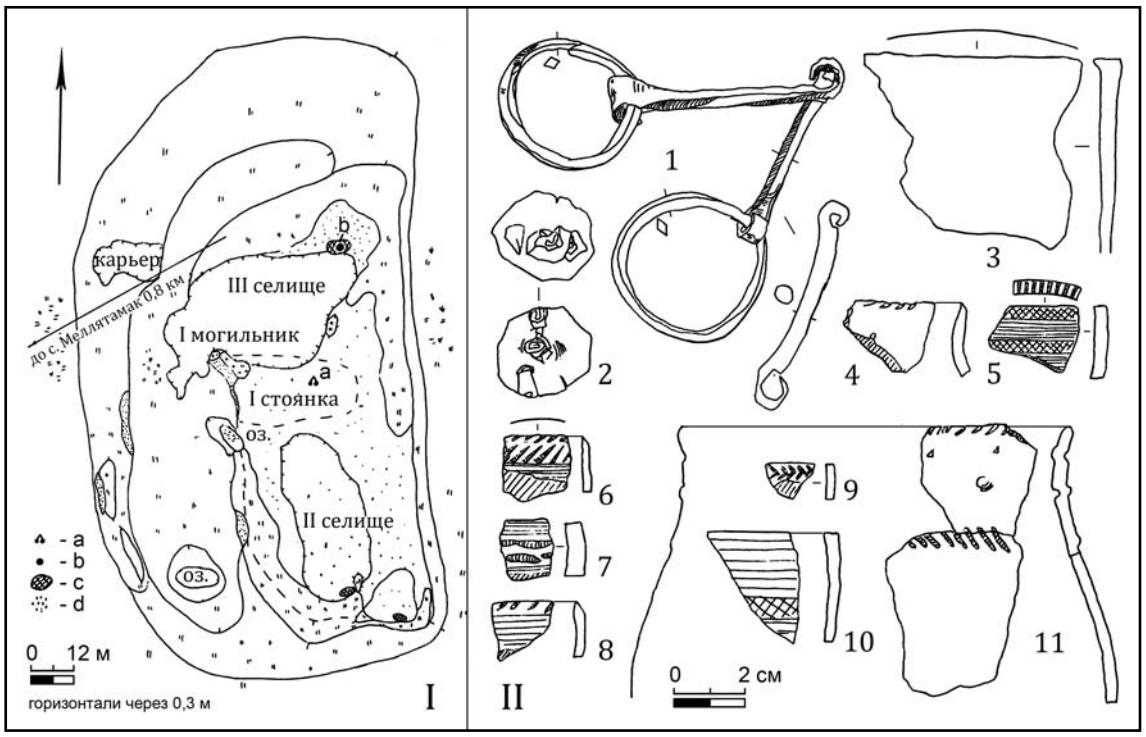


Рис. 110. Меллятамакский I комплекс памятников (II, III селища, I стоянка, II могильник). I — план; II — подъемный материал: 1—4 — Меллятамакское III селище; 5—11 — II селище. 1 — железо; 2 — медь; 3 — чугун; остальное — керамика. Условные обозначения на плане: a — железные удила; b — чугунный котел; c — скопления подъемного материала; d — раздув (топосъемка (I) и сборы (II) К.А. Руденко 1995 г.).

Fig. 110. Mellya-Tamak I complex of sites (II, III unfortified settlements, I station, II necropolis). I — plan; II — finds: 1—4 — Mellya-Tamak III unfortified settlement; 5—11 — II unfortified settlement. 1 — iron; 2 — copper; 3 — cast iron; the rest — ceramics. Legend: a — iron bit; b — cast iron cauldron; c — concentrations of finds; d — fan (topographic survey (I) and finds (II) by K.A. Rudenko, 1995).

ское II селище площадью 15 тыс. кв.м (Фахрутдинов 1975: 134, №884; АКТ 1989: 44, №338). Исследовано в 1971 г. небольшим раскопом площадью 16 кв. м. Датировано второй половиной XIII—XIV вв. (Казаков 1978: 36).

71. Тумутукское селище находится напротив с. Тумутук Азнакаевского района Республики Татарстан, на правом берегу р. Ик (Фахрутдинов 1975: 134, №884).

72. Меллятамакский I комплекс памятников (II, III селища, I стоянка, II могильник), площадью 16740 кв.м, расположен в 0,8 км к северо-востоку от села Мелля-Тамак на песчаной дюне в пойме реки Мелля, в ее правобережье. Дюна, видимо, является останцем террасы реки Мелля, русло которой располагалось южнее ее современного течения, о чем свидетельствует ряд старичных озер и заболоченных низин. Сама дюна в настоящее время имеет высоту до 1 м над уровнем поймы и вытянута в направлении север-юг. В западной части ее имеется небольшая ложбина глубиной до 0,5 м. Поверхность дюны в центре и частично с запада разрушена песчаным карьером (рис. 110) (Руденко 1995).

Памятник многослойный. **II Меллятамакское селище** (АКТ 1989: 46, №374—379), относится к кушнаренковской культуре и занимает, преимущественно, южную часть дюны. Здесь найдены фрагменты тонкостенной керамики с тонким резным орнаментом и оттисками мелкого гребенчатого штампа (рис. 110: 5—11). Скопление мелких кремневых сколов зафиксировано в центре дюны, что показывает на местоположение **I неолитической стояки** на этом комплексе. Чуть западнее стоянки встречено несколько обломков человеческих костей, происходящих из разрушенных погребений **II могильника**.

К золотоордынскому времени относится **III Меллятамакское селище** (Фахрутдинов 1975: 134, №884; АКТ 1989: 46, №368), занимающее почти всю площадь дюны. К этому памятнику относятся железные кольчатые удила (рис. 111: 1), фрагмент медного ушка от котла (рис. 111: 2) и часть венчика чугунного котла (рис. 111: 3), а также фрагмент лепной

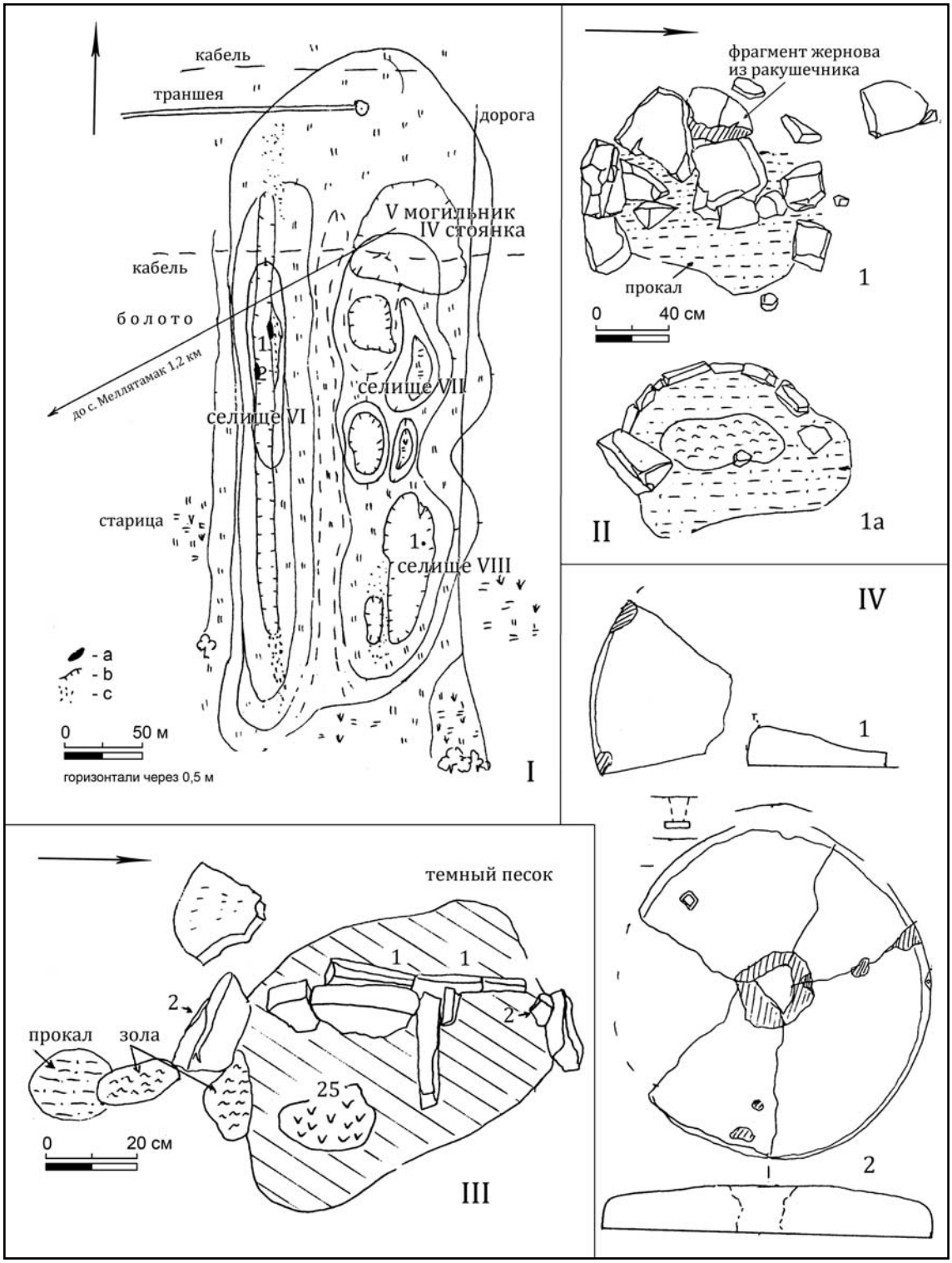


Рис. 111. Меллятамакский II комплекс памятников (V могильник, VI, VII, VIII селища; IV стоянка). I — план (a — очаг; b — карьер; c — раздув; 1 — находки бусины и бронзовой пуговицы-бубенчика); II — Меллятамакское VI селище, очаг 2; III — Меллятамакское VI селище, очаг 1 (1 — красный песчаник; 2 — белый песчаник; остальное — фрагменты жернова); IV — Меллятамакское VI селище, жернова (1 — очаг 2, песчаник; 2 — очаг 1, ракушечник). (Обследование К.А. Руденко 1995 г.).

Fig. 111. Mellya-Tamak II complex of sites (V necropolis, VI, VII, VIII unfortified settlements; IV station). I — plan (a — hearth; b — quarry; c — fan; 1 — finds of a bead and a bronze bell-button); II — Mellya-Tamak VI unfortified settlement, hearth 2; III — Mellya-Tamak VI unfortified settlement, hearth 1 (1 — red sandstone; 2 — white sandstone; the rest are fragments of a grdinstone); IV — Mellya-Tamak VI unfortified settlement, grindstones (1 — hearth 2, sandstone; 2 — hearth 1, shell rock). (Survey by K.A. Rudenko, 1995).

керамики[116] чияликского облика (рис. 111: 4). Материал относится к чияликской культуре[117] и датируется второй половиной XIII — началом XV в.

73. Меллятамакский II комплекс памятников (IV, V могильники, VI, VII, VIII селища; IV стоянка), площадью 60 тыс. кв.м, расположен в 1,2 км к северо-востоку от села Мелля-Тамак на останце песчаной дюны в пойме реки Ик, на ее левом берегу. Высота останца достигает 1,5 м, ширина — 150, длина — 400 м. По центру дюна разделена (рис. 111: I) пополам небольшой задернованной ложбиной, вытянутой с севера на юг. Ширина ее 15—25 м, глубина 0,25—0,5 м. С запада дюна ограничена заболоченной поймой и старицей реки Ик, которая вплотную подступает к останцу. С юга и востока границами ей служат также заболоченные низины, а с юго-юго-востока — старичный рукав реки Ик[118].

Памятник многослойный. Раскопками исследовался **V могильник** с захоронениями неолитического времени и пьяноборской культуры, занимающий, преимущественно, северо-восточную часть дюны. Остальные объекты исследовались рекогносцировочно. **IV стоянка,** расположенная в той же части останца, определяется по находкам многочисленных кремневых сколов, микропластин, кремневых наконечников стрел. Из пьяноборских погребений **V могильника** происходит бронзовая пластина и круглая сегментовидная бусина, скорее всего, бирюзового цвета, а также железный нож.

Пьяноборское[119] **VIII селище** и кушнаренковский[120] **IV могильник** находятся в юго-восточной части дюны (АКТ 1989: 47, №377).

Материал, который можно отнести к средневековому времени, соотнесен с **VII селищем,** которое занимало центральную часть дюны. Здесь найдены: бронзовая пуговица, круглая зонная темно-синего цвета, почти черная, стеклянная бусина, раздавленный медный бубенчик, железное кольцо диаметром 4 см и небольшое железное зубильце. С этого памятника происходит фрагмент лепной керамики с веревочной орнаментацией. Тут же найдена кушнаренковская керамика[121], кремневые сколы и орудия.

Е. П. Казаковым селище отнесено к кушнаренковской и булгарской культурам. Булгарский период по материалу определяется рамками X—XIII вв. (АКТ 1989: 47, №376).

Золотоордынский материал (чияликской культуры) происходит с **VI селища**, которое занимало всю поверхности дюны[122]. Здесь найден фрагмент поливной керамики белого кашинного теста с ультрамариновой глазурью.

В центральной части VI селища зафиксированы два сооружения. Первое, наземный очаг, диаметром 100 см (рис. 112: III) был сложен из плиток красного и белого песчаника и кусков расколотого жернова, вкопанного на 12—18 см. в грунт.

В 18 м южнее очага №1, обнаружен очаг №2 (рис. 112: II). Он выявлен на глубине 25—30 см от современной поверхности в виде скопления крупных известняковых камней, под которыми имелись следы прокала (рис. 112: II). Рядом, в 20 см к северу, находился фрагмент жернова из ракушечника. Очаг представлял собой яму диаметром около 130 см и глубиной около 30 см, с обкладкой из известняковых плит. В заполнении найдены фрагменты керамики чияликского облика.

74. Меллятамакское XII селище, расположено в 0,75 км к юго-востоку от северной окраины с. Меллятамак, на мысу, образованном рекой Мелля (левый берег) и рекой Ик — при впадении в нее р. Мелля, на надпойменной террасе. Поселение находится на холме высотой до 1,5 м. Мысовая часть нарушена перекопами и котлованом карьера. Остальная поверхность задернована. В осыпях карьера найдены мелкие фрагменты лепной посуды с примесью толченой раковины пьяноборского облика и стенки круговых сосудов с хорошо заметным песком в тесте XIV—XVI вв.

75. Крименкинское поселение площадью около 40 тыс. кв.м, расположено на северо-восточной окраине с. Крименки, Старо-Майненского района Ульяновской области, на высокой надпойменной террасе правого берега р. Урень, левого притока Волги.

---

[116] Е. П. Казаков отмечает на этом памятнике круговую керамику с органическими примесями (Казаков 1978: 39).

[117] О чияликской культуре см.: Казаков 2007: 59—64.

[118] В настоящее время дюна срыта при строительных работах.

[119] II в до н. э. — II в. н. э.

[120] О кушнаренковской культуре см.: Казаков 2007: 31—45.

[121] Фрагменты кушнаренковской посуды встречаются и в других частях дюны.

[122] Подъемный материал концентрируется в западной половине селища.

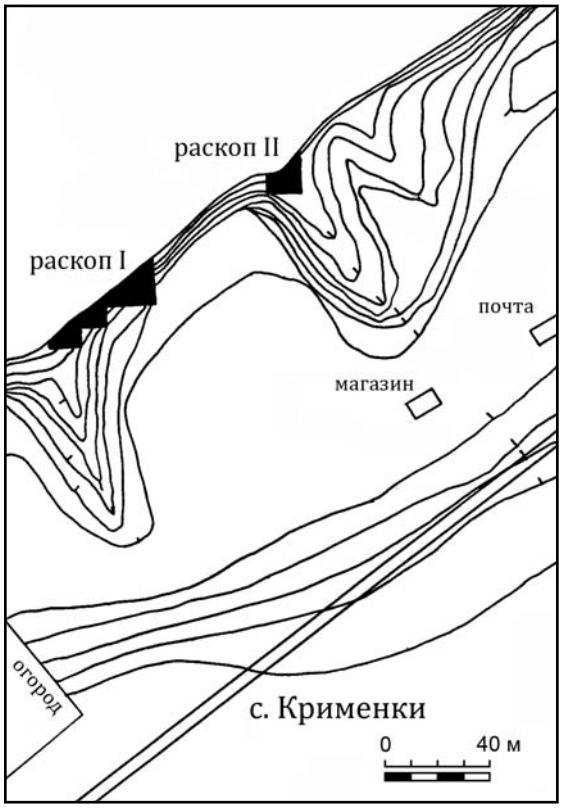


Рис. 112. Крименкинское поселение. План (по Васильева 1993: рис. 2).

Fig. 112. Krimenki settlement. Plan (after Васильева 1993: рис. 2).

Часть селища разрушена водохранилищем. И. Н. Васильевой в 1987 г. 2 раскопами исследовано 352 кв.м (рис. 112).

Стратиграфия (Васильева 1993: 232):

— дерн (5—10 см);

— слой песка и супеси (5—15 см) XX в.;

— слой 1) плотной серой супеси второй половины XX в и 2) рыжевато-коричневой, рыхлой супеси XVII—XVIII вв;

— слой мелкозернистой плотной супеси, темно-серого цвета, 2 пол. XIII—XIV вв.

— слой светло-серой и серой супеси, XI—XIII вв.

На раскопах изучено несколько построек ордынского времени. В культурном слое и объектах найдены монеты (2 медных и 1 серебряная из ямы №26 раскопа 1), чеканенные во время правления Узбека (1336/7 г., Сарай) и Джанибека (Сарай ал-Джадид) (Васильева 1993: 235). В подъемном материале найдена еще одна монета Джанибека (1346/7 г., Сарай ал-Джадид) (Васильева 1993: 237). Судя по находкам (рис. 113) и культурным напластованиям, поселение существовало как в домонгольский, так и в ордынский период.

76. Селище «Сухая речка», площадью 125 тыс. кв.м (Матвеева 1977: 98—121) расположено на южной окраине с. Сухая Речка Похвистневского района Самарской области, на первой террасе правого берега р. Большая Кинель. Селище оврагом разделено на восточную и западную часть.

Г. И. Матвеевой в 1971—1976 гг. исследовалась западная часть селища; вскрыто 1084 кв. м. Культурный слой имеет мощность 30—40 см. Памятник однослойный — находки содержатся в сером или темно-сером гумусированном суглинке, отложившемся непосредственно под дерном. Верхние отложения распаханы (Матвеева 1977: 108).

В раскопах исследованы гончарные горны, выявлены следы металлургического производства (Матвеева 1977: 115). Монеты не обнаружены. Датировано по вещевому комплексу (рис. 114) второй половиной XIII — XIV вв. (Матвеева 1977: 114).

77. Селище «Большой Шихан» расположено в 2 км к западу от пос. Буревестник и в 2,5—3 км к юго-западу от с. Андреевка Богатовского района Самарской области, на берегу старичного озера, на песчаном останце речной террасы. Предполагаемая площадь поселения около 200 тыс. кв.м. Исследовано в 1975 г. раскопом площадью 64 кв.м. В раскопе был обнаружен двухъярусный гончарный горн с прямым ходом пламени (Васильева 1977: 122—133). Датируется XIV в.

Кочевнические некрополи золотоордынского времени

Сельские и городские некрополи в данной главе не рассматриваются. О некрополях XII—XIV вв. см.: Руденко 2001в: 127—131.

78. Балымерский курганный могильник расположен в 200 м к северу от с. Балымеры Спасского района Республики Татарстан, на левом берегу Волги (рис. 118: 4) (Фахрутдинов 1975: 125, №734; АКТ 1986: 25, №108). Е. А. Халикова в 1961—1962 гг. исследовала три кургана[123] (рис. 116) с захоронениями, совершенными по кочевническому языческому обряду. Вещевой инвентарь из погребений[124] (рис. 117: 14—27) позволяет датировать его второй половиной XIV в. (Руденко 2003: 122).

[123] План могильника см.: Руденко 2003: 267. табл. 89.

[124] Описание железных наконечников стрел см.: Руденко 2003, кат. №21, 94, 217, 367, 636, 673, 734.

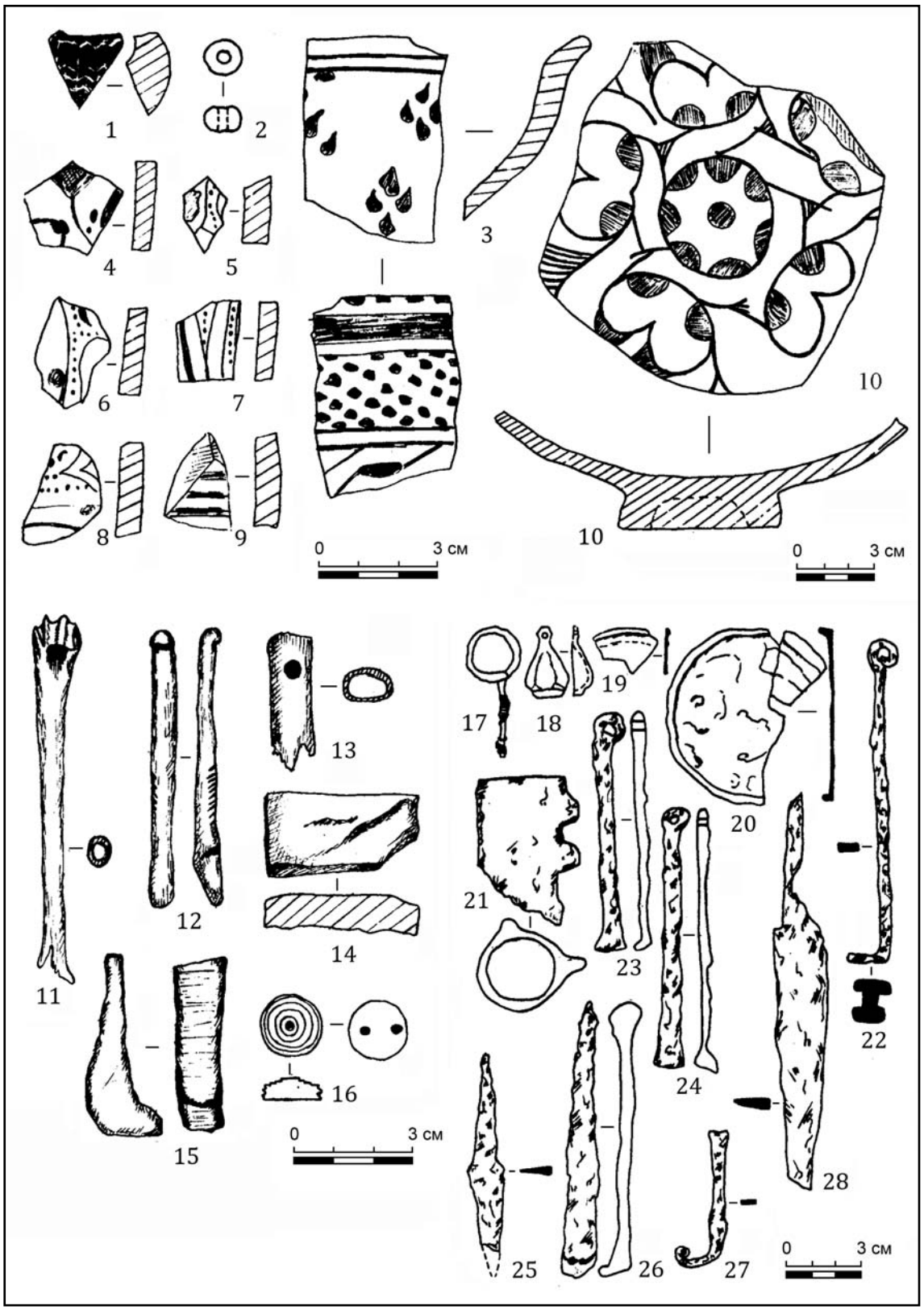


Рис. 113. Крименкинское поселение. Индивидуальные находки. 1—9 — поливная керамика; 10 — поливная чаша из ямы №26; 11—16 — предметы из кости; 17—28 — металлические изделия (17 — серебро; 18—20 — бронза; остальное — железо) (по Васильева 1993: рис. 4; 5; 6; 7).

Fig. 113. Krimenki settlement. Individual finds. 1—9 — glazed pottery; 10 — glazed bowl from pit no. 26; 11—16 — bone items; 17—28 — metal artefacts (17 — silver; 18—20 — bronze; the rest — iron) (after Васильева 1993: рис. 4; 5; 6; 7).

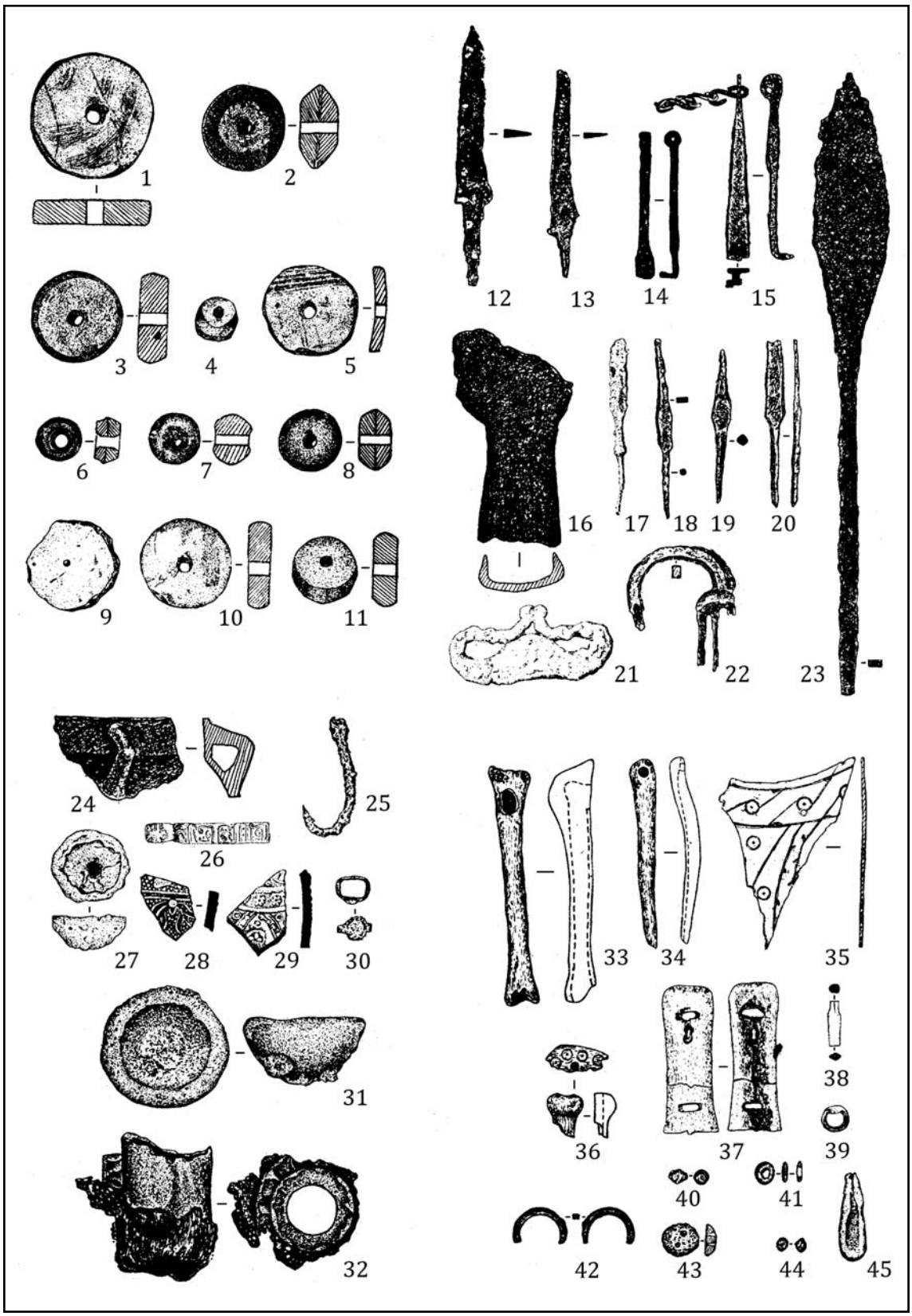


Рис. 114. Изделия из железа (12—23, 25, 30), глины (1—11, 27—29, 31, 32), чугуна (24); стекла (39, 40, 42—45), кости (33—38); меди (26, 30) Сухореченского селища (по Матвеева 1977: рис. 12; 13; 14; 15).

Fig. 114. Iron artefacts (12—23, 25, 30), clay (1—11, 27—29, 31, 32), cast iron (24); glass (39, 40, 42—45), bone (33—38); copper (26, 30) from Sukhorechesnkoe unfortified settlement (after Матвеева 1977: рис. 12; 13; 14; 15).

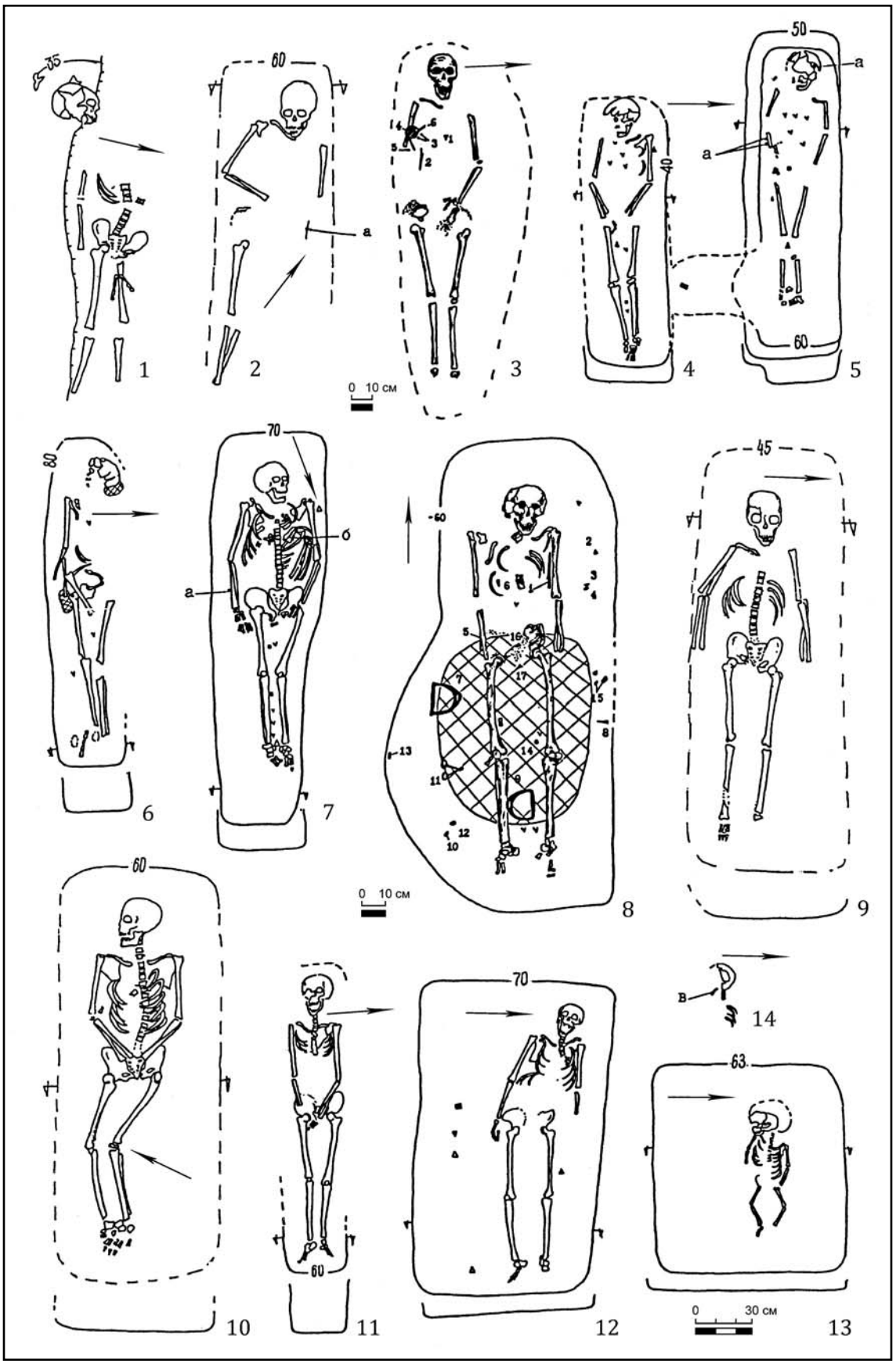


Рис. 115. Захоронения могильника Песчаный остров (по Руденко 1999в: рис. 2).

Fig. 115. Burials on Peschany Ostrov necropolis (after Руденко 1999в: рис. 2).

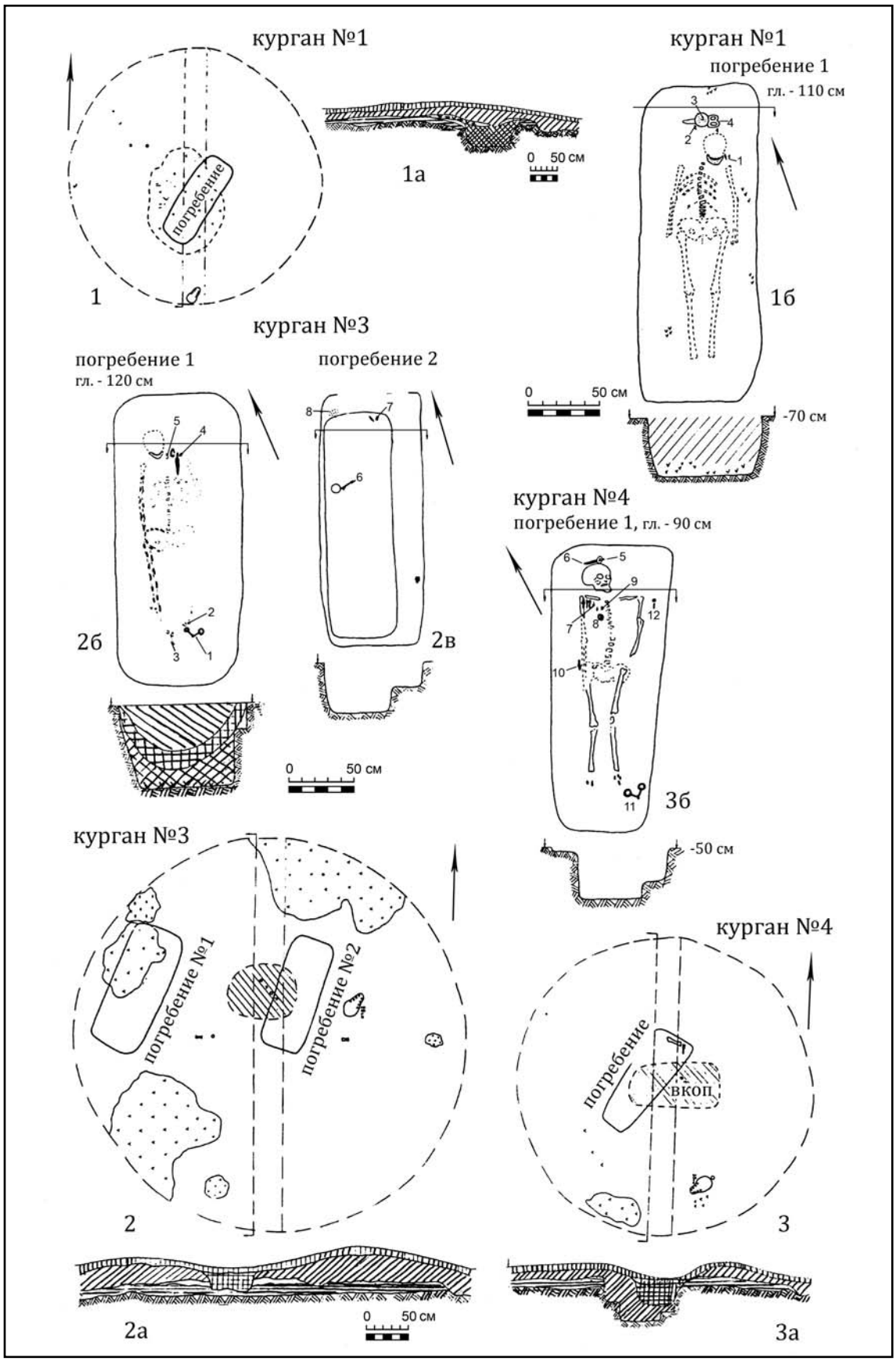


Рис. 116. Планы курганных захоронений Балымерского могильника (по Руденко 2013: рис. 145).

Fig. 116. Plans of barrow burials on Balymery necropolis (after Руденко 2013: рис. 145).

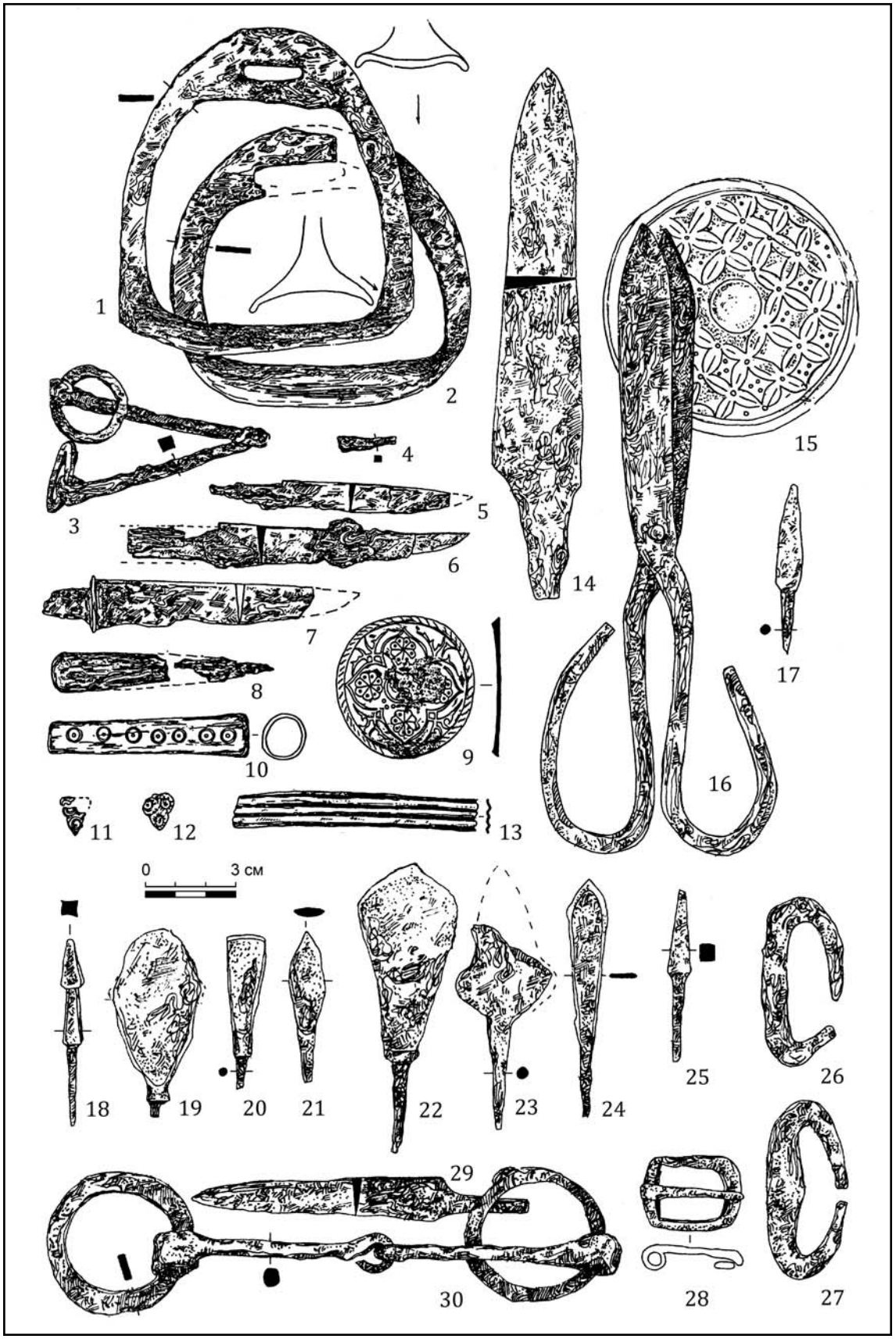


Рис. 117. Вещевой инвентарь из Песчаноостровного (1—13) и Балымерского (14—27) могильников (по Руденко 2013: рис. 146). 9, 15 — бронза; 11—13 — медь; 8 — дерево и железо; 10 — кость; остальное — железо.

Fig. 117. Goods from Peschany Ostrov (1—13) and Balymery (14—27) necropolises (after Руденко 2013: рис. 146). 9, 15 — bronze; 11—13 — copper; 8 — wood and iron; 10 — bone; the rest is iron.

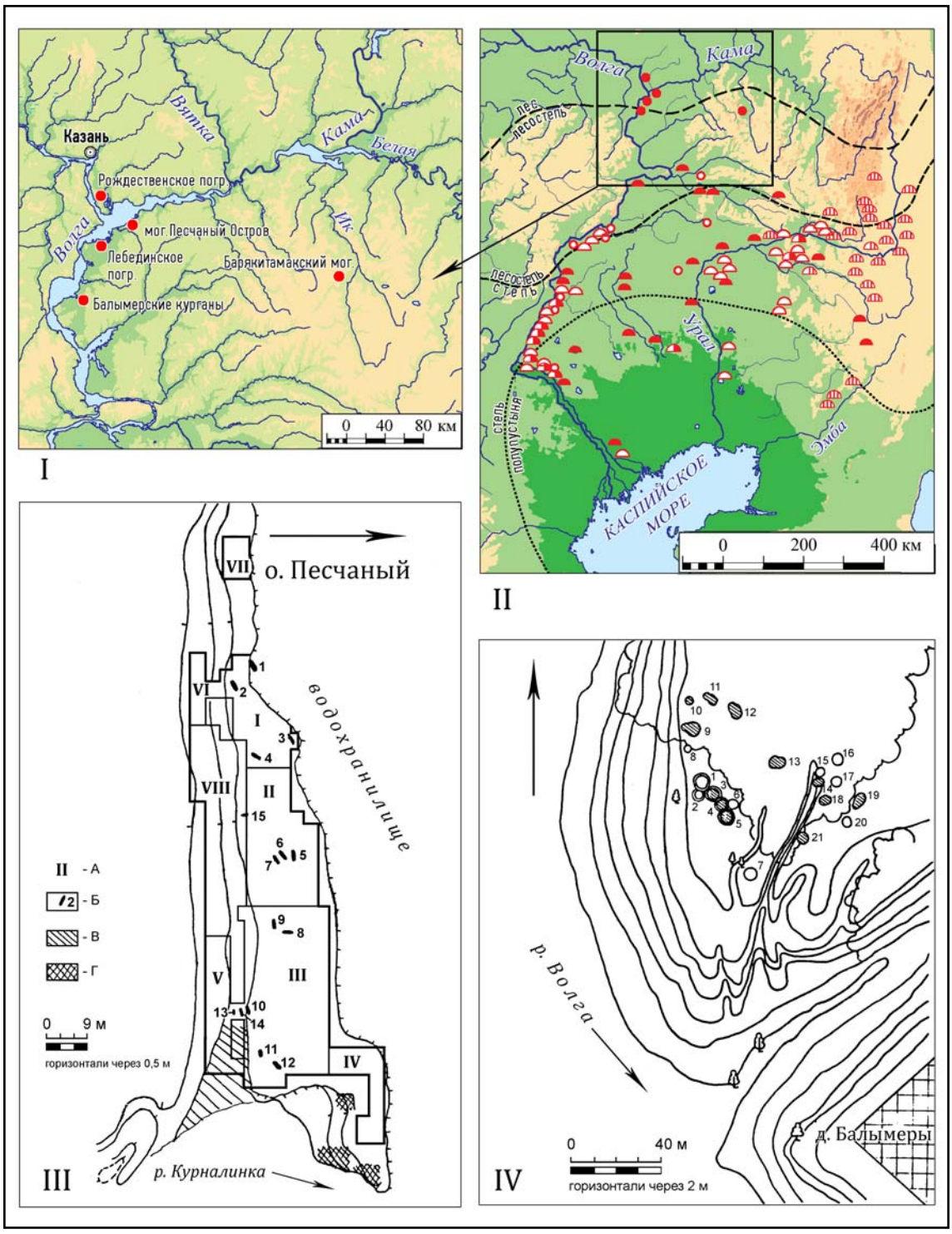


Рис. 118. I — расположение могильников типа Песчаный остров в Среднем Поволжье (по Руденко 1999: рис. 1А); II — могильники типа Песчаный остров на карте средневековых кочевнических памятников степного Заволжья и Южного Приуралья (по Иванов, Кригер 1987: рис. 1); III — план могильника Песчаный остров (по Руденко 1999: рис. 1В): А — номера раскопов; Б — погребения; В — разрушенная часть селища; Г — фундаменты построек XX в.; IV — план Балымерского могильника (по Халикова 1961: рис. 27).

Fig. 118. I — location of necropolises like Peschany Ostrov in the Middle Volga Region (after Руденко 1999: рис. 1A); II — necropolises like Peschany Ostrov on the map of medieval nomad sites in the steppe of Trans-Volga Region and Southern Cis-Ural Region (after Иванов, Кригер 1987: рис. 1); III — plan of Pechany Ostrov necropolis (after Руденко 1999: рис. 1B): A — numbers of digs; Б — burials; В — destroyed part of the settlement; Г — foundations of 20th c. structures; IV — plan of Balymery necropolis (after Халикова 1961: рис. 27).

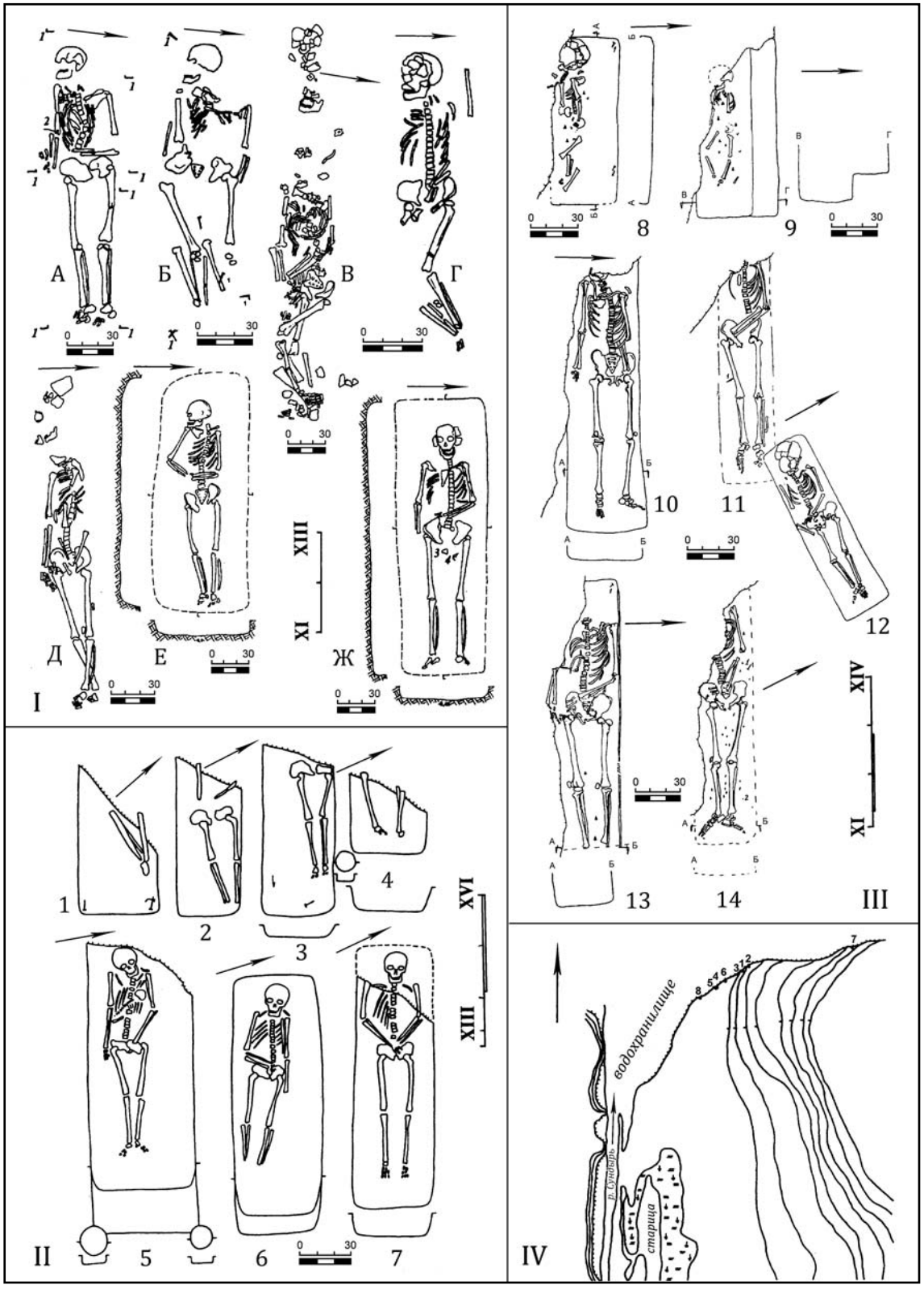


Рис. 119. Мусульманские могильники: I (А—Ж) — Рождественский могильник в Прикамье (по Крыласова, Белавин, Ленц 2002: рис. 2); II (1—7) — Юльяльский могильник в Марийском Поволжье (по Никитин 1992: рис. 2); III (8—14) — Балымерский II могильник в Казанском Поволжье (по Руденко 2001е: рис. 2); IV — план Юльяльского могильника (по Никитин 1992: рис. 1).

Fig. 119. Muslim necropolises: I (А—Ж) — Rozhdestvenski necropolis in Kama Region (after Крыласова, Белавин, Ленц 2002: рис. 2); II (1—7) — Yulyalski necropolis in Mari area of the Volga Region (after Никитин 1992: рис. 2); III (8—14) — Balymery II necropolis in the Volga Region near Kazan (after Руденко 2001е: рис. 2); IV — plan of Yulyalski necropolis (after Никитин 1992: рис. 1).

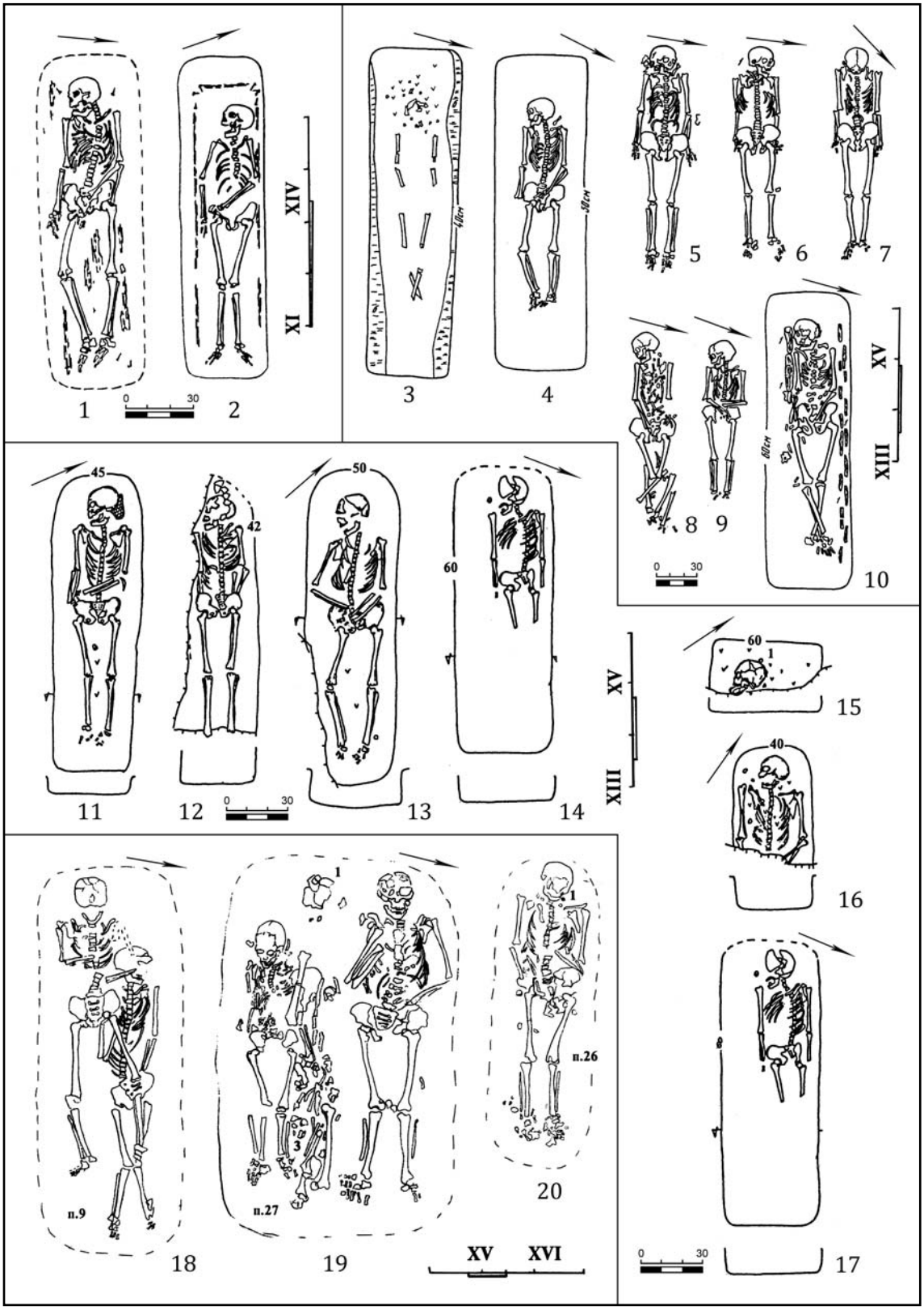


Рис. 120. Мусульманские могильники Булгарского улуса Золотой Орды: 1—2 — Старокуйбышевский могильник (по Халикова 1976: рис. 8); 3—10 — могильник Такталачук (по Казаков 1978: рис. 26); 11—17 — Лаишевский II могильник (по К. А. Руденко 1999б: рис. 4); 18—20 — Лаишевский III могильник (по Фаттахов 1978: рис. 36).

Fig. 120. Muslim necropolises in Bulgar Ulus of the Golden Horde: 1—2 — Stary Kuybyshev necropolis (after Халикова 1976: рис. 8); 3—10 — Taktalachuk necropolis (after Казаков 1978: рис. 26); 11—17 — Laishevo II necropolis (after К. А. Руденко 1999б: рис. 4); 18—20 — Laishevo III necropolis (after Фаттахов 1978: рис. 36).

79. Могильник Песчаный остров расположен в 5 км к северо-западу от пос. Алексеевское и в 4 км к северо-востоку от с. Мокрые Курнали, на песчаном останце левого берега р. Курналинки, левого притока Камы, на месте стоянки эпохи поздней бронзы и южной части золотоордынского селища[125].

Исследовано 15 захоронений по обряду ингумации (рис. 115). Судя по расположению могил (рис. 118: 3), можно предполагать наличие земляных насыпей (не сохранились вследствие распашки). Погребения ориентированы, в основном, в западном направлении, но встречается восточная, южная и северная ориентировки. В 34% захоронений встречен сопровождающий инвентарь (украшения одежды, туалетные принадлежности, бытовые предметы) (рис. 117: 1—13). В отдельных случаях отмечены культ огня, следы поминальных и сопроводительных жертв. По стратиграфии и инвентарю могильник датируется второй половиной XIV — началом XV века.

К эпохе Золотой Орды относятся также чияликские могильники в восточных районах Татарстана (Казаков 1978: 49—93). Они относятся к иному этнокультурному кругу памятников и территориально не входили в пределы домонгольской Волжской Булгарии.

Золотоордынские памятники Средней Волги

За пределами государственной территории домонгольских булгар во второй половине XIII—XIV вв. в ее ближайшем «пограничье» в мордовских, марийских и удмуртских землях возникают поселения, материальная культура которых имеет черты сходства с памятниками Булгарского улуса. Достаточно плотно в золотоордынскую эпоху заселяется Средняя Волга и ее притоки. Выделяется крупное **Важнангерское (Малосундырьское) городище** в Республике Марий Эл, с округой, являвшиеся экономическим и видимо, политическим, центром проживавшего здесь населения (Никитина 2002: 205—208). Сельские поселения ордынского времени в этом регионе (см., например: Никитина 2000: 51—59) дают выразительный комплекс находок, в том числе и нумизматических. Интересные материалы золотоордынского времени происходят с Самарской луки (Кочкина 2006: 145—146), частично входившей в пределы булгарских земель, а также с территории Чувашии.

Литература

Айдаров С.С. 1976. Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре. В: Седов В.В. (отв. ред.). *Исследования Великого города*. Москва: Наука, 101—112.

Айдаров С.С. 2000. Опыт реконструкции мечети-крепости «Алабуга-Елабуга». В: Хайрутдинов Р.Р., Хузин Ф.Ш. (ред.). *Древняя Алабуга*. Елабуга: Мастер-Лайн, 78—80.

Айдаров С.С. 2001. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара. В: Фёдоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство*. Москва: Наука, 5—149.

Айдаров С.С., Забирова Ф.М. 1979. О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Новое в археологии Поволжья (Археологическое изучение центра Билярского городища)*. Казань: ИЯЛИ им.Г. Ибрагимова КФАН СССР, 46—61.

Аксёнова Н.Д. 2001. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара. В: Фёдоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство*. Москва: Наука, 200—216.

Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д. 2005. Исследование ремесленного района в юго-западной части Болгарского городища. В: Руденко К.А. (ред.). *Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследование культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды)*. Казань: РИЦ «Школа», 133—156.

АКТ 1981: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Археологическая карта Татарской АССР*. 1981. *Предкамье*. Москва: Наука.

АКТ 1985: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Археологическая карта Татарской АССР*. 1985. *Предволжье*. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР.

АКТ 1986: Старостин П.Н. (отв. ред.). *Археологическая карта Татарской АССР*. 1986. *Западное Закамье*. Ч. I. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР.

АКТ 1988: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Археологическая карта Татарской АССР*. 1988. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР.

АКТ 1989: Казаков Е.П. (отв. ред.). *Археологическая карта Татарской АССР*. 1989. *Археологические памятники Восточного Закамья*. Казань: ИЯЛИ им.Г. Ибрагимова КФАН СССР.

АКТ 1990: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Археологическая карта Татарской АССР*. 1990. *Археологические памятники бассейна р. Черемшан*. Казань: ИЯЛИ им.Г. Ибрагимова КФАН СССР.

Баранов В.С. 2001. Клад медной посуды из Болгар. В: Фахрутдинов Р.Г. (гл. ред.). *Татарская археология* (1—2 (8—9)), 75—103.

Баранов В.С. 2001а. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение. В:

[125] Открыт в 1991 г. Исследовался в 1992—1994 гг. К.А. Руденко (Руденко 1994: 121—139; 1998: 60—71; 1999: 61—76; 2002: 308—320). Коллекция: хранится в Национальном музее Республики Татарстан, №23460; В-19003.

Фёдоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство*. Москва: Наука, 311—353.

Баранов В. С., Кавеев М. М. 2001. Археологическое исследование мавзолеев в центральной части Болгарского городища. В: Фёдоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство*. Москва: Наука, 176—199.

Беговатов Е. А. 2002. Ремесленный комплекс II Билярского селища и «усадьба ремесленников-металлургов» Билярского городища. В: Старостин П. Н. (отв. ред.). *Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья: материалы II Халиковских чтений*. Казань: Институт истории АН РТ, 168—171.

Беговатов Е. А. 2006. Волжская Булгария на рубеже X—XI вв. (по материалам II Билярского селища). В: Мурашева В.В. (отв. ред.). *Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне*. III Международная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова: тезисы докл. Москва: Нумизматическая литература, 93—93.

Беговатов Е. А., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. 1997. Балынгузское IV селище (к проблеме преемственности культур двух эпох). В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников.* Тезисы докл. Казань: Фест, 14—16.

Беговатов Е. А., Пачкалов А. В. 2006. Новые находки джучидских монет в Волжской Болгарии. В: Мурашева В.В. (отв. ред.). *Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне*. III Международная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова: тезисы докл. Москва: Нумизматическая литература, 8.

Беговатов Е. А., Шакиров З. Г. 2002. Исследования ремесленного комплекса Билярского II селища. В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Археологические открытия в Татарстане: 2001 год*. Казань: РИЦ «Школа», 26—29.

Беляев Л. А. 2001. Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века. В: Фёдоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство*. Москва: Наука, 261—294.

Боруцкая С. Б., Васильев С. В. 2004. Некоторые аспекты остеологии погребений Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар). В: Ситдиков А. Г. (ред.). *Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы III Халиковских чтений*. Казань; Болгар: Институт истории АН РТ, 31—32.

Бурханов А. А. 2003. Археологическое изучение памятников эпохи Улуса Джучи и Казанского ханства (краткие итоги исследований 1999—2000 гг. в Татарстане и Астраханской области). В: Бурханов А. А. (отв. ред.). *Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе.* Древности (36). Москва; Казань: Gumanitaria, 242—252.

Бурханов А. А. 2006. Изучение памятников эпохи Золотой Орды и Казанского ханства в Татарстане (некоторые итоги исследований 2001—2005 гг.). В: Мурашева В.В. (отв. ред.). *Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне*. III Международная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова: тезисы докл. Москва: Нумизматическая литература, 115—116.

Бурханов А. А., Белов А. В. 1998. Исследования мусульманского захоронения в склепе на Кабанском городище (предварительное сообщение по итогам раскопок 1997 г. на бывшей архиерейской даче в г. Казани). В: Старостин П. Н. (отв. ред.). *Болгар и проблемы исторического развития западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы: тезисы докл*. Болгар: Болгар. гос. ист.-архит. заповедник; Институт истории АН Татарстана, 45—48.

Валиулина С. И. 1997. Билярское III селище (к вопросу о Биляре золотоордынского периода). В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников*. Казань: Фест, 21—24.

Валиулина С. И. 2000. Исследования золотоордынского Биляра. В: Белоцерковская И. В. (отв.ред.). *Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*. Труды ГИМ. Москва: ГИМ, 273—285.

Валиулина С. И. 2001. Золотоордынские памятники округи Билярского городища. В: Гусева Т. В. (отв. ред.). *Поволжье в средние века*. Тезисы докладов. Нижний Новгород: НГПУ, 76—79.

Валиулина С. И. 2004. Балынгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период. В: Фахрутдинов Р. Г. (гл. ред.). *Татарская археология* (1—2 (12—13)). Казань.

Валиулина С. И., Кочкина А. Ф., Беговатов Е. А., Сташенков Д. А. 2003. Охранные работы в Биляре и его окрестностях. В: Бурханов А. А. (сост.). *Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе*. Древности (36). Москва; Казань: Gumanitaria, 199—203.

Васильева И. Н. 1977. Гончарный горн XIV века на дюне «Большой Шихан». В: Матвеева Г. И. (отв. ред.). *Средневолжская археологическая экспедиция*. Межвузовский сборник. Куйбышев: Куйбышевский университет, 122—133.

Васильева И. Н. 1993. Кременкинское поселение. В: Матвеева Г. И. (ред.).*Археологические исследования в Поволжье*. Самара: Самарский университет, 230—253.

Высоцкий Н. Ф. 1889. «Немецкая куртина» — древнеармянское кладбище в Казани. В: Траубенберг П. В. (ред.). *Известия общества археологии, истории и этнографии при казанском университете* VII. Казань: Типо-литография Императорского университета, 3-5.

Газимзянов И. Р. 1991. Об одном элементе погребального обряда некрополей Волжской Булгарии (по материалам Кожаевского могильника). В: Халиков А. Х. (ред.). *Проблемы археологии Среднего Поволжья*. Казань: Казанский гос. университет, 106—109.

Газимзянов И. Р. 1998. Исследования Усть-Иерусалимского могильника на территории Болгарского городища (предварительные итоги). В: Старостин П. Н. (отв. ред.). *Болгар и проблемы исторического развития западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы: тезисы докл.* Болгар: Болгар. гос. ист.-архит. заповедник; Институт истории АН Татарстана, 30—31.

Газимзянов И. Р. 1999. Кочевническое захоронение на территории Болгарского городища. В: Старо-

стин П.Н. (отв. ред.). *Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова: тезисы докл.* Болгар: БГИАМЗ, 47—48.

Газимзянов И.Р. 2000. Исследование Чаллынского I некрополя. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Древние Чаллы*. Казань: Мастер-Лайн, 216—237.

Газимзянов И.Р. 2002. Еще раз о могильнике «Бабий бугор». В: Казаков Е.П. (ред.). *Вопросы древней истории Волго-Камья*. Казань: Мастер-Лайн, 132—138.

Галимова М.Ш. 2001. *Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы*. Москва; Казань: Янус-К.

Галимова М.Ш., Губайдуллин А.М. 2003. Краткие итоги исследования Сюкеевского городища. В: Старостин П.Н. (отв. ред.). *Из археологии Поволжья и Приуралья*. Казань: РИЦ «Школа», 197—210.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. 1962. *Археологические памятники у с. Рождествено*. Казань: Казанский университет.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1950. *Золотая Орда и ее падение*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Губайдуллин А.М. 2000. Некоторые итоги исследований Чаллынского городища и его укреплений в 1995—1997 годах. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Древние Чаллы*. Казань: Мастер-Лайн, 203—215.

Губайдуллин А.М. 2002. *Фортификация городищ Волжской Булгарии*. Казань: Институт истории АН РТ.

Губайдуллин А.М. 2003. Исследования средневековых городищ. В: Бурханов А.А. (сост.). *Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе*. Древности (36). Москва; Казань: Gumanitaria, 207—208.

Дроздова Г.И. 1997. Исследование окрестностей Билярского городища (по материалам А.Х. Халикова). В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников*. Казань: Фест, 29—32.

Зиливинская Э.Д. 1989. Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии. В: *СА* (4), 223—234.

Зубов С.Э., Матвеева Г.И., Приказчиков С.И. 1995. Междуреченское городище. В: Кабытов П.С. (гл. ред.). *Краеведческие записки* (VII). Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 208—225.

Иванов В.А., Кригер В.А. 1987. Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала. В: Пшеничнюк А.Х., Иванов В.А. (ред.). *Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала*. Уфа: БФАН СССР, 105—116.

Измайлов И.Л., Газимзянов И.Р. 1992. Исследования полуземлянки и братских могил на Старокуйбышевском V селище. В: Старостин П.Н. (отв. ред.). *Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада*. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР, 89—105.

Изучение 2001: Нестеренко И.М. (отв. ред.). 2001. *Изучение, охрана, реставрация и использование недвижимых памятников истории и культуры в Республике Татарстан. Информационный сборник* (2—3). *Памятники истории и культуры; историко-культурные территории; исторические города*. Казань: Карпол.

Кавеев М.М. 1984. Исследование Елабужского городища. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Археологические памятники Нижнего Прикамья*. Казань: ИЯЛИ им.Г. Ибрагимова КФАН СССР, 18—27.

Кавеев М.М. 1992. Клад ювелирных изделий с Кожаевского IV селища. В: Старостин П.Н. (отв. ред.). *Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада*. Казань: ИЯЛИ им.Г Ибрагимова КФАН СССР, 105—109.

Кавеев М.М. 1994. Некоторые итоги исследования IV Кожаевского селища. В: Зеленеев Ю.А. (отв. ред.). *Историко-археологическое изучение Поволжья*. Межвузовский сборник. Йошкар-Ола: МарГУ, 94—99.

Кавеев М.М. 1998. О некоторых итогах работ археологической экспедиции Болгарского заповедника. Три булгарских жилища. В: Старостин П.Н. (отв. ред.). *Болгар и проблемы исторического развития западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы: тезисы докл*. Болгар: Болгар. гос. ист.-архит. заповедник; Институт истории АН Татарстана, 41—43.

Кавеев М.М. 2003. Некоторые итоги исследования булгарских селищ. В: Старостин П.Н. (отв. ред.). *Из археологии Поволжья и Приуралья*. Казань: РИЦ «Школа», 177—188.

Казаков Е.П. 1978. *Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии*. Москва: Наука.

Казаков Е.П. 1984. V Старокуйбышевское селище. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Археологические памятники Нижнего Прикамья*. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР, 39—64.

Казаков Е.П. 1988. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Волжская Булгария и монгольское нашествие*. Казань: ИЯЛИ им.Г. Ибрагимова КФАН СССР, 71-82.

Казаков Е.П. 1991. *Булгарское село X—XIII веков низовий Камы*. Казань: Татарское книжное издательство.

Казаков Е.П. 1993. Коминтерновское II селище. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения*. Казань: ИЯЛИ, 5—23.

Казаков Е.П. 1999. Волжская Болгария и Северо-восток Европы в IX—XI вв. В: Низов В.В. (отв.ред.). *Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова)*. Материалы междунар. конф. Киров: КОГУП, 101—103.

Казаков Е.П. 2007. *Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв.: проблемы взаимодействия*. Казань: Институт истории АН РТ.

Казаков Е.П., Руденко К.А., Газимзянов И.Р. 1994. Лаишевский могильник. В: Зеленеев Ю.А. (отв. ред.). *Историко-археологическое изучение Поволжья*. Йошкар-Ола: МарГУ, 120—125.

Казаков Е.П., Руденко К.А. 2004. Археологические памятники низовий Курналинки. В: Муханов Г.С. (ред.). *Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова, 2—25 марта 2004 г*. Казань: Школа, 104—115.

Калинин Н.Ф. 1955. *Казань. Исторический очерк*. Казань: Таткнигоиздат.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. 1954. *Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.* Казань: Таткнигоиздат.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. 1972. Хулаш. В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья*.

Чебоксары: НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 3—71.

Каховский В. Ф., Смирнов А. П. 1972а. Памятники средневековья Чувашского Поволжья. В: Смирнов А. П. (отв. ред.). *Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья*. Чебоксары: НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 115—166.

Коваль В. Ю. 2006. Восточная поливная керамика из раскопок Казани. В: Хузин Ф. Ш., Загидуллин И. К. (отв. ред.). *Казань в средние века и раннее новое время*. Казань: Институт истории АН РТ, 23—48.

Кокорина Н. А. 1983. Гончарные горны Билярского городища. В: Халиков А. Х., Старостин П. Н. (ред.). *Средневековые археологические памятники Татарии*. Казань: ИЯЛИ, 50—69.

Кокорина Н. А. 2004. Керамика Камаевского городища конца XIV — первой половины XVI вв. (по материалам раскопок 1972—1988 гг.). *Татарская археология* (1—2 (10—11)), 47—99.

Кокорина Н. А. 2005. Ювелирная мастерская из Болгара. В: Руденко К. А. (ред.). *Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследование культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды)*. Казань: РИЦ «Школа», 109—132.

Кокорина Н. А., Фахрутдинов Р. Г. 1999. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани. В: Фахрутдинов Р. Г. (гл. ред.). *Татарская археология* (1—2 (4—5)). Казань, 103—134.

Кокорина Н. А., Кузьминых С. В. 2000. Исследование оборонительных сооружений Чаллынского городища в 1983 г. В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Древние Чаллы*. Казань: Мастер-Лайн, 66—75.

Кокорина Н.А, Останина Т. И. 2000. Исследование Чаллынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.). В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Древние Чаллы*. Казань: Мастер-Лайн, 76—174.

Кочкина А. Ф. 2006. Самарская Лука в системе расселения золотоордынского периода в Среднем Поволжье. В: Мурашева В. В. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: тезисы докл*. Москва: Нумизматическая литература, 145—146.

Краснов С. А. 2003. Археологическая разведка 2001 года в Козловском районе Чувашской республики. В: Михайлов Е. П. (ред.-сост.). *Новые археологические исследования в Поволжье*. Чебоксары: Чувашский гос. институт гуманитарных наук, 281—290.

Краснов Ю. А. 1987. Оборонительные сооружения города Болгара. В: Фёдоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки истории и культуры*. Москва: Наука, 99—123.

Крыласова Н. Б., Белавин А. М., Ленц Г. А. 2002. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обве и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье. В: Усманов М. А. (отв. ред.). *Великий Волжский путь: история формирования и развития*. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Часть II. Казань: Институт истории АН РТ, 106—124.

Культура Биляра 1985: Халиков А. Х. (отв. ред.). 1985. *Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X—XIII вв.* Москва: Наука.

Лебедев В. П., Мухаметшин Д. Г. 1994. Монетный комплекс середины XV века с Именьковского городища. В: Мухаметшин Д. Г. (отв. ред.). *Город Болгар и его округа: тезисы докл*. Болгар: БГИАМЗ, 60—61.

Матвеева Г. И. 1977. Сухореченское селище. В: Матвеева Г. И. (отв. ред.). *Средневолжская археологическая экспедиция*. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 98—121.

Моця А. П., Халиков А. Х. 1997. *Булгар-Киев. Пути, связи, судьбы*. Киев: ИА НАНУ.

Мухамадиев А. Г. 1983. *Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв.* Москва: Наука.

Мухамадиев А. Г. 1997. Город Биляр по нумизматическим данным. В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников*. Казань: Фест, 56—59.

Мухамадиев А. Г. 1998. Казань — наследница древнего Болгара (по нумизматическим данным). В: Старостин П. Н. (отв. ред.). *Болгар и проблемы исторического развития западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы: тезисы докл*. Болгар: Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник; Институт истории АН Татарстана, 37—40.

Мухамадиев А. Г. 2005. *Древние монеты Казани*. Казань: Татарское книжное издательство.

Мухаметшин Д. Г. 1997. Топонимы Биляр и Сувар на материалах нумизматики и эпиграфики. В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников*. Казань: Фест, 59—61.

Мухаметшин Д. Г. 2004. Датировка археологического слоя по нумизматическим данным. В: Ситдиков А. Г. (отв. ред.). *Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы III Халиковских чтений*. Казань; Болгар: Институт истории АН РТ, 128—131.

Мухаметшин Д. Г. 2006. Нумизматические материалы второй половины XIV — начала XVI века. К вопросу о казанской чеканке. В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования Поволжья и Урала: материалы III Халиковских чтений*. Казань: Школа, 359—374.

Мухаметшин Д. Г., Старостин П. Н., Хлебникова Т. А., Шарифуллин Р. Ф. 1998. Итоги и задачи исследования Болгара. В: Старостин П. Н. (отв. ред.). *Болгар и проблемы исторического развития западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы: тезисы*. Болгар: Болгар. гос. ист.-архит. заповедник; Институт истории АН Татарстана, 4—11.

Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. 1987. Эпиграфические памятники Болгара. В: Фёдоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки истории и культуры*. Москва: Наука, 143—157.

Набиуллин Н. Г. 1999. Итоги новых археологических исследований города Джукетау. В: *Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья*. 100-летие А. П. Смирнова: тезисы докл. Болгар: БГИАМЗ, 58—59.

Набиуллин Н. Г. 2000. Город Джукетау по итогам новых исследований. В: Белоцерковская И. В. (отв. ред.). *Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции*: Труды ГИМ (122). Москва: ГИМ, 286—293.

Набиуллин Н. Г. 2001. Город Джукетау в XIII—XIV вв. (к проблеме перехода домонгольского города в золотоордынский). В: Фахрутдинов Р. Г.

(гл. ред.). *Татарская археология* (1—2 (8—9)). Казань, 47—63.

Набиуллин Н.Г. 2003. Могильники Джукетау. Ч. I. Крутогорский могильник. В: Муханов Г.С. (ред.). *Краеведческие чтения и среды* [Национальный музей Республики Татарстан] (3). Казань: Школа, 44—61.

Набиуллин Н.Г. 2006. Город Джукетау и его округа. В: Фахрутдинов Р.Г. (гл. ред.). *Татарская археология* (3—4 (18—19)). Казань, 138—155.

Нигамаев А.З. 2005. *Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры и населения*. Казань: Казанский гос. университет.

Нигамаев А.З., Хузин Ф.Ш. 2000. Древняя Алабуга и проблемы ее возникновения. В: Хайрутдинов Р.Р., Хузин Ф.Ш. (ред.). *Древняя Алабуга*. Елабуга: Мастер-Лайн, 7—55.

Никитин В.В. 1992. Юльяльский могильник XIV — начала XV веков. В: Архипов Г.А. (отв. ред.). *Средневековые древности Волго-Камья*. АЭМК 21. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 156—164.

Никитина Т.Б. 2000. Древнемарийское селище XIII—XIV вв. В: Большов С.В. (ред.). *Новые археологические открытия в Среднем Поволжье*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 51—59.

Никитина Т.Б. 2002. *Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам)*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.

Носкова Л.М. 2001. Строительная керамика из Болгара. В: Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство*. Москва: Наука, 295—310.

Останина Т.И. 1993. *Отчет о работе разведывательного отряда Удмуртского республиканского краеведческого музея в Мамадышском районе Татарии в августе 1992 года*. Архив ГУОИПИК МК Республики Татарстан.

Остроумов В.П., Чумаков В.В. 1971. *Свияжск. История планировки и застройки*. Казань: Казанский университет.

Полубояринова М.Д. 2006. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре. В: *РА* (4), 152—158.

Руденко К.А. 1992. К вопросу об этническом составе и связях населения Волжской Болгарии в золотоордынский период (по материалам Лаишевского селища). В: Винников А.З. (ред.). *Вопросы этнической истории Волго-Донья: материалы науч. конф*. Пенза: АО «Поволжье», 81—84.

Руденко К.А. 1994. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии. В: Архипов Г.А., Никитина Т.Б. (ред.). *Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Археология и этнография марийского края* (23). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 121—139.

Руденко К.А. 1995. Отчет об археологических работах в Татарстане в 1995 году. *АИА СССР РАН*. Казань.

Руденко К.А. 1996. *Отчет об археологических работах в Татарстане в 1996 г.* II (11). Казань.

Руденко К.А. 1998. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993—94 гг. В: Зеленеев Ю.А., Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Материалы и исследования по археологии Поволжья* (1). Йошкар-Ола: МарГУ, 60—71.

Руденко К.А. 1999а. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании булгарских городов и протогородов. В: Иванова М.Г. (отв. ред.). *Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья*. Материалы Междунар. полевого симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова и 25-летию исследования городища Иднакар. Ижевск; Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 111—134.

Руденко К.А. 1999б. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI—XIV вв. (на примере Лаишевского селища). В: Иванова М.Г. (отв. ред.). *Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья*. Материалы Междунар. полевого симпозиума. Ижевск; Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 73—102.

Руденко К.А. 1999в. Могильник на острове «Песчаный». В: Фахрутдинов Р.Г. (гл. ред.). *Средневековая археология Среднего Поволжья/Татарская археология* (1—2 (4—5)). Казань: ИИ АН РТ, 61—77.

Руденко К.А. 2000а. «Кашан» и «Городок» — археологическая загадка. В: Муханов Г.С. (ред.). *Ежегодник Государственного объединенного музея Республики Татарстан за 1998 год*. Казань: ГОМ РТ, 94—96.

Руденко К.А. 2000б. *VI Алексеевское селище*. Казань: Репер.

Руденко К.А. 2001а. Булгарские клады (к вопросу о булгарской металлообработке XI—XIV вв.). В: Завьялов В.И. (отв. ред.). *Древние ремесленники Приуралья*. Материалы Всероссийской научной конференции: (Ижевск, 21—23 ноября 2000 г.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 322—348.

Руденко К.А. 2001б. Бронзовые чаши с серебряной инкрустацией из собрания Национального музея Республики Татарстан (к вопросу о булгарской торевтике эпохи Золотой Орды). В: Фахрутдинов Р.Г. (гл. ред.). *Татарская археология* (1—2 (8—9)), 91—117.

Руденко К.А. 2001в. *Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI—XIV вв.* Казань: Школа.

Руденко К.А. 2001г. Селище и могильник «Песчаный остров» в Татарстане и их округа (к вопросу об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в золотоордынское время). В: Гусева Т.В. (отв. ред.). *Поволжье в средние века*. Всероссийская науч. конф., посвященная 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931—2000): тезисы докл. Нижний Новгород: НГПУ, 46—49.

Руденко К.А. 2001д. *Тюркский мир и Волго-Камье в XI—XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог*. Казань: Заман.

Руденко К.А. 2001е. Исследования археологических памятников у с. Балымери в 1996—1998 гг. В: Казаков Е.П. (отв. ред.). *Вопросы древней истории Волго-Камья*. Казань: Мастер-Лайн, 70—77.

Руденко К.А. 2002а. Золотоордынские кочевники в Среднем Поволжье (К постановке проблемы). В: Скрипкин А.С. (отв. ред.). *Нижневолжский археологический вестник* (5). Волгоград: ВолГУ, 308—320.

Руденко К.А. 2002б. Исследования археологических памятников в Тюлячинском, Лаишевском и Алексеевском районах Республики Татарстан. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Археологические исследования в Татарстане: 2001 год*. Казань: РИЦ

«Школа», 105—109.

Руденко К. А. 2002в. *Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ Республики Татарстан (1991—1999 гг.) Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ Республики Татарстан*. Казань: Школа.

Руденко К. А. 2003. *Железные наконечники стрел VIII—XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог*. Казань: Заман.

Руденко К. А. 2004а. Городище Кашан и его округа. К вопросу о типологии поселенческих комплексов. В: Иванова М. Г. (отв. ред.). *Удмуртской археологической экспедиции — 50 лет*. Материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 180—193.

Руденко К. А. 2004а. Проблемы изучения булгарского села в трудах Е. П. Казакова. В: Хайрутдинов Р. Р., Ситдиков А. Г. (ред.). *Казаков Евгений Петрович: сб. материалов к 70-летию со дня рождения*. Казань: Школа, 91—114.

Руденко К. А. 2005. Городище Кашан I: датировка и интерпретация. В: Муханов Г. С. (ред.). *Современный музей как важный ресурс развития города и региона*. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 1000-летию Казани и 110-летию Национального музея Республики Татарстан, 12—17 сентября 2005 г. Казань: Школа, 191—194.

Руденко К. А. 2006. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным). В: Фахрутдинов Р. Г. (гл. ред.). *Татарская археология* (1—2 (16—17)), 89—196.

Руденко К. А. 2013. *Этнокультурное взаимодействие народов Волго-Камья в конце X—XIV вв. по археологическим данным*. Saarbrücken: Palmarium Academic Pablishing.

Рудь Н. М. 1983. Антропологические материалы из I Старокуйбышевского могильника X—XII и XIII—XIV вв. (к проблеме происхождения волжских булгар). В: Халиков А. Х., Старостин П. Н. (ред.). *Средневековые археологические памятники Татарии*. Казань: ИЯЛИ им. Г Ибрагимова КФАН СССР, 138—161.

Семыкин Ю. А. 1993. Исследование бани на I Красносюндюковском городище. В: Матвеева Г. И. (отв. ред.). *Археологические исследования в Поволжье*. Самара: Самарский ун-т, 219—230.

Сингатуллина А. З. 2003. *Джучидские монеты поволжских городов XIII в.* Казань: Заман.

Ситдиков А. Г. 1999. Н. Ф. Калинин — исследователь средневековой Казани. В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Археологическое изучение булгарских городов*. Казань: Мастер-Лайн, 41—62.

Ситдиков А. Г. 2005. Наследница Болгара. В: Руденко К. А. (ред.). *Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследование культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды)*. Казань: РИЦ «Школа», 157—162.

Ситдиков А. Г. 2006. *Казанский Кремль: историко-археологическое исследование*. Казань: Фолиантъ.

Смирнов А. П. 1951. *Волжские булгары*. Москва: ГИМ.

Смирнов А. П. 1957. Железный век Башкирии. В: Смирнов А. П. (отв. ред.). *Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири*. МИА 58. Москва: АН СССР, 3—113.

Смирнов А. П. 1958. Армянская колония города Болгара. В: *Труды Куйбышевской археологической экспедиции* II. МИА 61. Москва: АН СССР, 330—359.

Смолин В. Ф. 2006. Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джукетау. В: *Татарская археология* (1—2 (16—17)). Казань, 19—42.

Фаттахов Р. М. 1978. *Отчет о раскопках III Лаишевского могильника в 1978 г.* Казань.

Фахрутдинов Р. Г. 1975. *Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория*. Казань: Татарское книжное издательство.

Фахрутдинов Р. Г. 1984. *Очерки по истории Волжской Булгарии*. Москва: Наука.

Федоров-Давыдов Г. А. 1960. Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 году. В: *Ученые записки Чув. НИИЯЛИЭ* 19. Чебоксары, 82—95.

Федоров-Давыдов Г. А. 1987. Денежное дело и денежное обращение Болгара. В: Фёдоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Город Болгар. Очерки истории и культуры*. Москва: Наука, 158—204.

Хакимзянов Ф. С. 1978. *Язык эпитафий волжских булгар*. Москва: Наука.

Халиков А. Х. 1976. О времени, месте возникновения и названии города Казани. В: Халиков А. Х. (отв. ред.). *Из истории культуры и быта татарского народа и его предков*. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 3—19.

Халиков А. Х. 1976а. История изучения Билярского городища и его историческая топография. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Исследования Великого города*. Москва: Наука, 5—56.

Халиков А. Х. 1982. Семеновский клад железных изделий. В: Халиков А. Х. (отв. ред.). *Из истории ранних булгар*. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 102—107.

Халиков А. Х. 1985а. Введение. В: Халиков А. Х. (отв. ред.). *Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X—XIII вв.* Москва: Наука, 3—14.

Халиков А. Х. 1985б. Укрепления древнейшей Казани. В: Халиков А. Х. (отв. ред.). *Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии*. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 90—111.

Халикова Е. А. 1961. *Отчет об археологических исследованиях, проведенных в 1961 г. в Куйбышевском районе ТАССР*. Казань.

Халикова Е. А. 1976. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII — начала XIII вв. В: Халиков А. Х. (отв. ред.). *Из истории культуры и быта татарского народа и его предков*. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 39—59.

Халикова Е. А. 1986. *Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII вв.* Казань: Казанский ун-т.

Хлебникова Т. А. 1956. Древнерусское поселение в Болгарах. В: *КСИИМК АН СССР* 62. Москва, 141—147.

Хлебникова Т. А. 1975. К истории г. Жукотина (Джуке-тау) домонгольской поры (по работам 1970—1972 гг.). В: *СА* (1), 234—251.

Хлебникова Т. А. 1977. Работы 1974 года на Суваре. В: Кондратьева А. И. (ред.). *Средневолжская археологическая экспедиция*. Куйбышев: Куйбышевский ун-т, 134—155.

Хлебникова Т. А. 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия и топография. В: Фёдоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.).

Город Болгар. Очерки истории и культуры. Москва: Наука, 32—88.

Хлебникова Т.А. 1988. Неполивная керамика Болгара. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности*. Москва: Наука, 7—102.

Хованская О.С. 1958. Оборонительная система города Болгара. В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Труды Куйбышевской археологической экспедиции* II. МИА 61. Москва: АН СССР, 316—329.

Хузин Ф.Ш. 1994. Новые исследования на Джукетау. В: Никитин В.В. (отв. ред.). *Археологические открытия Урала и Поволжья*. Йошкар-Ола: МарГУ, 139—142.

Хузин Ф.Ш. 1995. *Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра-Булгара*. Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова АН РТ.

Хузин Ф.Ш. 1999. Древняя Казань в X — начале XIII вв. (по материалам археологических исследований 1994—1998 гг.). В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Археологическое изучение булгарских городов*. Казань: Мастер-Лайн, 5—31.

Хузин Ф.Ш. 2001. *Булгарский город в X—XIII вв*. Казань: Мастер-Лайн.

Хузин Ф.Ш. 2006. *Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII — начало XIII в.)*. Казань: Фолиантъ.

Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г. 1999. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 гг.). В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Археологическое изучение булгарских городов*. Казань: Мастер-Лайн, 90—113.

Хузин Ф.Ш., Нигамаев А.З. 2000. Археологические исследования Чаллынского городища. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Древние Чаллы*. Казань: Мастер-Лайн, 175—202.

Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. 1999. Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования. В: Старостин П.Н. (отв. ред.). *Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья*. Казань: Мастер-Лайн, 85—100.

Шавохин Л.С. 1976. О местоположении первоначальной Казани. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Из истории культуры и быта татарского народа и его предков*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 20—38.

Шарифуллин Р.Ф. 1979. Колодцы центра Билярского городища. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Новое в археологии Поволжья (Археологическое изучение центра Билярского городища)*. Казань: ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова КФАН СССР, 102—113.

Шарифуллин Р.Ф. 2001. Бани Болгара и их изучение. В: Фёдоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство*. Москва: Наука, 217—260.

Шарифуллин Р.Ф. 2004. Работы Болгарской археологической экспедиции 1994—2003 гг. В: Ситдиков А.Г. (ред.). *Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы III Халиковских чтений*. Казань; Болгар: ИИ АН РТ, 201—203.

Шигапов М.Б. 2006. Комплекс материалов золотоордынского времени у села Рождествено в низовьях Камы (к этнокультурной истории татарского народа). В: Мурашева В.В. (отв. ред.). *Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне*. III Международная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова: тезисы докл. Москва: Нумизматическая литература, 198—199.

Шутова Н.И. 2010. Краткие сведения о рекогносцировочных исследованиях Арского городища (1983—1984 гг.). В: Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия*. Казань: ИИ АН РТ, 16—23.

References

Aydarov, S.S. 1976. In *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: “Nauka” Publ., 101—112 (in Russian).

Aydarov, S.S. 2000. In *Drevniaia Alabuga (Ancient Alabuga)*. Yelabuga: “Master-Lain” Publ., 78—80 (in Russian).

Aydarov, S.S. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental’noe stroitel’stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: “Nauka” Publ., 5—149 (in Russian).

Aydarov, S.S., Zabirova, F.M. 1979. In *Novoe v arkheologii Povolzh’ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 46—61 (in Russian).

Aksenova, N.D. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental’noe stroitel’stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: “Nauka” Publ., 200—216 (in Russian).

Aksenova, N.D., Poluboiarinova, M.D. 2005. In *Drevnosti Povolzh’ia: epokha srednevekov’ia (Issledovaniia kul’turnogo naslediia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of Volga Region: the Middle Ages (Researches of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and Golden Horde))*. Kazan: “RITs «Shkola»” Publ., 133—156 (in Russian).

Khalikov, A.Kh. (ed.). *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR (Archaeological Map of the Tatar Soviet Socialist Republic)*. 1981. *Predkam’e (Cis-Kama Region)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Khalikov, A.Kh. (ed.). *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR (Archaeological Map of the Tatar Soviet Socialist Republic)*. 1985. *Predvolzh’e (Cis-Volga Region)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Starostin, P.N. (ed.). *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR (Archaeological Map of the Tatar Soviet Socialist Republic)*. 1986. *Zapadnoe Zakam’e (Western Trans-Kama Region)*. P. I. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Khalikov, A.Kh. (ed.). *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR (Archaeological Map of the Tatar Soviet Socialist Republic)*. 1988. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Kazakov, E.P. (ed.). *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR (Archaeological Map of the Tatar Soviet Socialist Republic)*. 1989. *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam’ia (Archaeological Sites of the Eastern Trans-Kama)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Khalikov, A.Kh. (ed.). *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR (Archaeological Map of the Tatar Soviet Socialist Republic)*. 1990. *Arkheologicheskie pamiatniki basseina r. Cheremshan (Archaeological Sites in the Cheremshan River Basin)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Baranov, V.S. 2001. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1—2 (8—9)), 75—103 (in Russian).

Baranov, V.S. 2001a. In *Gorod Bolgar. Monumental’noe stroitel’stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumen-*

tal Building, Architecture, Improvement). Moscow: "Nauka" Publ., 311—353 (in Russian).

Baranov, V.S., Kaveev, M.M. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 176—199 (in Russian).

Begovatov, E.A. 2002. In *Problemy drevnei i srednevekovoi istorii Srednego Povolzh'ia: materialy II Khalikovskikh chtenii (Issues of the Ancient and Medieval History of the Middle Volga Region: Proceedings of the II Khalikov Readings)*. Kazan: Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 168—171 (in Russian).

Begovatov, E.A. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasian Zone)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 93—93 (in Russian).

Begovatov, E.A., Kochkina, A.F., Stashenkov, D.A. 1997. In *Biliar i Volzhskaia Bulgariia: izuchenie i okhrana arkheologicheskikh pamiatnikov (Bilyar and Volga Bulgaria: Study and Protection of Archaeological Sites)*. Kazan: "Fest" Publ., 14—16 (in Russian).

Begovatov, E.A., Pachkalov, A.V. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasian Zone)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 8 (in Russian).

Begovatov, E.A., Shakirov, Z.G. 2002. In *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane (Archaeological Discoveries in Tatarstan): 2001 god*. Kazan: "RITs «Shkola»" Publ., 26—29 (in Russian).

Belyaev, L.A. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 261—294 (in Russian).

Borutskaya, S.B., Vasil'ev, S.V. 2004. In *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Early Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan; Bolgar: Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 31—32 (in Russian).

Burkhanov, A.A. 2003. In *Arkheologicheskie issledovaniia i muzeino-kraevedcheskaia rabota v Volgo-Ural'skom regione (Archaeological Research and Museum and Regional Investigations of the Volga-Ural Region)*. Drevnosti (Antiquities) (36). Moscow; Kazan: "Gumanitaria" Publ., 242—252 (in Russian).

Burkhanov, A.A. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasian Zone)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 115—116 (in Russian).

Burkhanov, A.A., Belov, A.V. 1998. In. *Bolgar i problemy istoricheskogo razvitiia zapadnogo Zakam'ia. 60 let arkheologicheskogo izucheniia: itogi i perspektivy (Bolgar and the Problems of Historical Development of Western Trans-Kama Area. 60 Years of Archaeological Study: Results and Perspectives)*. Bolgar: Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area; Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 45—48 (in Russian).

Valiulina, S.I. 1997. In *Biliar i Volzhskaia Bulgariia: izuchenie i okhrana arkheologicheskikh pamiatnikov (Bilyar and Volga Bulgaria: Study and Protection of Archaeological Sites)*. Kazan: "Fest" Publ., 21—24 (in Russian).

Valiulina, S.I. 2000. In *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A.P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Proceedings of the State Historical Museum. Moscow: State Historical Museum, 273—285 (in Russian).

Valiulina, S.I. 2001. In *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 76—79.

Valiulina, S.I. 2004. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1—2 (12—13)). Kazan (in Russian).

Valiulina, S.I., Kochkina, A.F., Begovatov, E.A., Stashenkov, D.A. 2003. In *Arkheologicheskie issledovaniia i muzeino-kraevedcheskaia rabota v Volgo-Ural'skom regione (Archaeological Research and Museum and Regional Investigations of the Volga-Ural Region)*. Drevnosti (Antiquities) (36). Moscow; Kazan: "Gumanitaria" Publ., 199—203 (in Russian).

Vasil'eva, I.N. 1977. In *Srednevolzhskaia arkheologicheskaia ekspeditsiia (Middle Volga Archaeological Expedition)*. Kuybyshev: Kuybyshev University, 122—133 (in Russian).

Vasil'eva, I.N. 1993. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (Archaeological Research in the Volga Region)*. Samara: Samara University, 230—253 (in Russian).

Vysotsky, N.F. 1889. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* VII. Kazan: "Tipo-litografiia Imperatorskogo universiteta", 3—5 (in Russian).

Gazimzyanov, I.R. 1991. In *Problemy arkheologii Srednego Povolzh'ia (Problems of the Archaeology of Middle Volga Region)*. Kazan: Kazan State University, 106—109 (in Russian).

Gazimzyanov, I.R. 1998. In *Bolgar i problemy istoricheskogo razvitiia zapadnogo Zakam'ia. 60 let arkheologicheskogo izucheniia: itogi i perspektivy (Bolgar and the Problems of Historical Development of Western Trans-Kama Area. 60 Years of Archaeological Study: Results and Perspectives)*. Bolgar: Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area; Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 30—31 (in Russian).

Gazimzyanov, I.R. 1999. In *Bolgar i problemy izucheniia drevnostei Uralo-Povolzh'ia (Bolgar and Problems of Research of Antiquities of the Ural-Volga Region)*. Bolgar: Bolgar State Historical and Architectural Museum and Preservation Area, 47—48 (in Russian).

Gazimzyanov, I.R. 2000. In *Drevnie Chally (Ancient Chally)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 216—237 (in Russian).

Gazimzyanov, I.R. 2002. In *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of Volga-Kama Region)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 132—138 (in Russian).

Galimova, M. Sh. 2001. *Pamiatniki pozdnego paleolita i mezolita v ust'e reki Kamy (Late Paleolithic and Mesolithic Sites near the Mouth of Kama River)*. Moscow; Kazan: "Ianus-K" Publ. (in Russian).

Galimova, M. Sh., Gubaidullin, A.M. 2003. In *Iz arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (Archaeology of the Volga and Ural Region)*. Kazan: "RITs «Shkola»" Publ., 197—210 (in Russian).

Gening, V.F., Stoianov, V.E., Khlebnikova, T.A., Vainer, I.S., Kazakov, E.P., Valeev, R.K. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u s. Rozhdestveno (Archaeological Sites near the Rozhdestveno Village)*. Kazan: Kazan University (in Russian).

Grekov, B.D., Iakubovskii, A. Iu. 1950. *Zolotaia Orda i ee padenie (The Golden Horde and Its Fall)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Gubaidullin, A.M. 2000. In *Drevnie Chally (Ancient Chally)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 203—215 (in Russian).

Gubaidullin, A.M. 2002. *Fortifikatsiia gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of Forts in the Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute for History, Academy of Sciences of Tatarstan (in Russian).

Gubaidullin, A.M. 2003. In *Arkheologicheskie issledovaniia i muzeino-kraevedcheskaia rabota v Volgo-Ural'skom regione (Archaeological Research and Museum and Regional Investigations of the Volga-Ural Region)*. Drevnosti (Antiquities) (36). Moscow; Kazan: "Gumanitaria" Publ., 207—208 (in Russian).

Drozdova, G.I. 1997. In *Biliar i Volzhskaia Bulgariia: izuchenie i okhrana arkheologicheskikh pamiatnikov (Bilyar and Volga Bulgaria: Study and Protection of Archaeological Sites)*. Kazan: "Fest" Publ., 29—32 (in Russian).

Zilivinskaya, E.D. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 223—234 (in Russian).

Zubov, S.E., Matveeva, G.I., Prikazchikov, S.I. 1995. In *Kraevedcheskie zapiski (Regional Proceedings)* (VII). Samara: P.V. Alabin Samara Regional Museum of Local Lore, 208—225 (in Russian).

Ivanov, V.A., Kriger, V.A. 1987. In *Voprosy drevnei i srednevekovoi istorii Iuzhnogo Urala (Issues of Ancient and Medieval History of Southern Urals Region)*. Ufa: Bashkiria Branch

of the USSR Academy of Sciences, 105—116 (in Russian).

Izmailov, I.L., Gazimzyanov, I.R. 1992. In *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 89—105 (in Russian).

Nesterenko, I.M. (ed.) *Izuchenie, okhrana, restavratsiia i ispol'zovanie nedvizhimykh pamiatnikov istorii i kul'tury v Respublike Tatarstan. Informatsionnyi sbornik (Study, Protection, Restoration and Use of Immobile Artefacts of History and Culture in the Republic of Tatarstan. Informative Volume)* (2—3). *Pamiatniki istorii i kul'tury; istoriko-kul'turnye territorii; istoricheskie goroda (Objects of History and Culture; Historical-Cultural Territories; Historical Towns)*. Kazan: "Karpol" Publ., 2001 (in Russian).

Kaveev, M.M. 1984. In *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 18—27 (in Russian).

Kaveev, M.M. 1992. In *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 105—109 (in Russian).

Kaveev, M.M. 1994. In *Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Povolzh'ia (Historical and Archaeological Study of Volga Region)*. Mezhvuzovskii sbornik. Yoshkar-Ola: Mari State University, 94—99 (in Russian).

Kaveev, M.M. 1998. In *Bolgar i problemy istoricheskogo razvitiia zapadnogo Zakam'ia. 60 let arkheologicheskogo izucheniia: itogi i perspektivy (Bolgar and the Problems of Historical Development of Western Trans-Kama Area. 60 Years of Archaeological Study: Results and Perspectives)*. Bolgar: Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area; Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 41—43 (in Russian).

Kaveev, M.M. 2003. In *Iz arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (Archaeology of the Volga and Ural Region)*. Kazan: "RITs «Shkola»" Publ., 177—188 (in Russian).

Kazakov, E.P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazakov, E.P. 1984. In *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 39—64 (in Russian).

Kazakov, E.P. 1988. In *Volzhskaia Bulgariia i mongol'skoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol Invasion)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 71—82 (in Russian).

Kazakov, E.P. 1991. *Bulgarskoe selo X—XIII vekov nizovii Kamy (Bulgarian Village of the 10th—13th cc. in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kazakov, E.P. 1993. In *Arkheologiia Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, 5—23 (in Russian).

Kazakov, E.P. 1999. In *Evropeiskii Sever v kul'turno-istoricheskom protsesse (K 625-letiiu goroda Kirova) (North of Europe in Cultural-Historical Process (on the occasion of 625th Anniversary of Kirov))*. Kirov: KOGUP, 101—103 (in Russian).

Kazakov, E.P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (Volga Bulgarians, Ugrians and Finns in 9th — 14th cc.: Problems of Interaction)*. Kazan: Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kazakov, E.P., Rudenko, K.A., Gazimzyanov, I.R. 1994. In *Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Povolzh'ia (Historical and Archaeological Study of Volga Region)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 120—125 (in Russian).

Kazakov, E.P., Rudenko, K.A. 2004. In *Materialy kraevedcheskikh chtenii, posviashchennykh 135-letiiu Obshchestva estestvoispytatelei pri KGU, 110-letiiu so dnia rozhdeniia M.G. Khudiakova, 2—25 marta 2004 g. (Proceedings of Regional History Readings on the Occasion of 135th Anniversary of the Natural Society of the Kazan State University and 110th Anniversary since M.G. Khudyakov's Birth, 2—25 March 2004)* Kazan: "Shkola" Publ., 104—115 (in Russian).

Kalinin, N.F. 1955. *Kazan. Istoricheskii ocherk (Kazan. Historical Essay)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).

Kalinin, N.F., Khalikov, A.Kh. 1954. *Itogi arkheologicheskikh rabot za 1945—1952 gg. (Results of Archaeological Works in 1945—1952)* Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).

Kakhovsky, V.F., Smirnov, A.P. 1972. In *Gorodishche Khulash i pamiatniki srednevekov'ia Chuvashskogo Povolzh'ia (Khulash Fort and Medieval Sites of Chuvash Volga Region)*. Cheboksary: Research Institute at the Council of Ministers of Chuvash ASSR, 3—71 (in Russian).

Kakhovsky, V.F., Smirnov, A.P. 1972a. In *Gorodishche Khulash i pamiatniki srednevekov'ia Chuvashskogo Povolzh'ia (Khulash Fort and Medieval Sites of Chuvash Volga Region)*. Cheboksary: Research Institute at the Council of Ministers of Chuvash ASSR, 115—166 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2006. In *Kazan v srednie veka i rannee novoe vremia (Kazan in the Middle Ages and Early New Time)*. Kazan: Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 23—48 (in Russian).

Kokorina, N.A. 1983. In *Srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Tatarii (Medieval Archeological Sites of Tataria)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, 50—69 (in Russian).

Kokorina, N.A. 2004. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1—2 (10—11)), 47—99.

Kokorina, N.A. 2005. In *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovanie kul'turnogo naslediia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Volga Antiquities: Middle Ages (study of cultural heritage of the Volga Bulgaria and Golden Horde))*. Kazan: "RITs «Shkola»" Publ., 109—132 (in Russian).

Kokorina, N.A., Fakhrutdinov, R.G. 1999. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1—2 (4—5)). Kazan, 103—134 (in Russian).

Kokorina, N.A., Kuzminykh, S.V. 2000. In *Drevnie Chally (Ancient Chally)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 66—75 (in Russian).

Kokorina, N.A, Ostanina, T.I. 2000. In *Drevnie Chally (Ancient Chally)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 76—174 (in Russian).

Kochkina, A.F. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasian Zone)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 145—146 (in Russian).

Krasnov, S.A. 2003. In *Novye arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (New Archaeological Research in the Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 281—290 (in Russian).

Krasnov, Iu.A. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 99—123 (in Russian).

Krylasova, N.B., Belavin, A.M., Lents, G.A. 2002. In *Velikii Volzhskii put': istoriia formirovaniia i razvitiia (Great Volga Way: History of Development)*. Part II. Kazan: Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 106—124 (in Russian).

Khalikov, A.Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie Kh — XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th — 13th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lebedev, V.P., Mukhametshin, D.G. 1994. In *Gorod Bolgar i ego okruga (Town of Bolgar and Its Environs)*. Bolgar: Bolgar State Historical and Architectural Museum and Preservation Area, 60—61 (in Russian).

Matveeva, G.I. 1977. In *Srednevolzhskaia arkheologicheskaia ekspeditsiia (Middle Volga Archaeological Expedition)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 98—121 (in

Russian).
Motsia, A.P., Khalikov, A.Kh. 1997. *Bulgar-Kiev. Puti, sviazi, sud'by (Bulgar-Kiev. Ways, Connections, Destinies)*. Kiev: Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences (in Russian).
Mukhamadiev, A.G. 1983. *Bulgaro-tatarskaia monetnaia sistema XII—XV vv. (Bulgarian and Tatar Coinage in the 12th — 15th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Mukhamadiev, A.G. 1997. In *Biliar i Volzhskaia Bulgariia: izuchenie i okhrana arkheologicheskikh pamiatnikov (Bilyar and Volga Bulgaria: Study and Protection of Archaeological Sites)*. Kazan: "Fest" Publ., 56—59 (in Russian).
Mukhamadiev, A.G. 1998. In *Bolgar i problemy istoricheskogo razvitiia zapadnogo Zakam'ia. 60 let arkheologicheskogo izucheniia: itogi i perspektivy (Bolgar and the Problems of Historical Development of Western Trans-Kama Area. 60 Years of Archaeological Study: Results and Perspectives)*. Bolgar: Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area; Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 37—40 (in Russian).
Mukhamadiev, A.G. 2005. *Drevnie monety Kazani (Ancient Coins of Kazan)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
Mukhametshin, D.G. 1997. In *Biliar i Volzhskaia Bulgariia: izuchenie i okhrana arkheologicheskikh pamiatnikov (Bilyar and Volga Bulgaria: study and protection of archaeological sites)*. Kazan: "Fest" Publ., 59—61 (in Russian).
Mukhametshin, D.G. 2004. In *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of III Khalikov Readings)*. Kazan; Bolgar: Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 128—131 (in Russian).
Mukhametshin, D.G. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia Povolzh'ia i Urala: materialy III Khalikovskikh chtenii (Historical and Archaeological Studies in the Volga Region and Urals: Proceedings of III Khalikov Readings)*. Kazan: "Shkola" Publ., 359—374 (in Russian).
Mukhametshin, D.G., Starostin, P.N., Khlebnikova, T.A., Sharifullin, R.F. 1998. In *Bolgar i problemy istoricheskogo razvitiia zapadnogo Zakam'ia. 60 let arkheologicheskogo izucheniia: itogi i perspektivy (Bolgar and the Problems of Historical Development of Western Trans-Kama Area. 60 Years of Archaeological Study: Results and Perspectives)*. Bolgar: Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area; Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 4—11 (in Russian).
Mukhametshin, D.G., Khakimzianov, F.S. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 143—157 (in Russian).
Nabiullin, N.G. 1999. In *Bolgar i problemy izucheniia drevnostei Uralo-Povolzh'ia (Bolgar and Problems of Research of Antiquities of the Ural-Volga Region)*. Bolgar: Bolgar State Historical and Architectural Museum and Preservation Area, 58—59 (in Russian).
Nabiullin, N.G. 2000. In *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A.P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Proceedings of the State Historical Museum (122). Moscow: State Historical Museum, 286—293 (in Russian).
Nabiullin, N.G. 2001. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1—2 (8—9)). Kazan, 47—63 (in Russian).
Nabiullin, N.G. 2003. In *Kraevedcheskie chteniia i sredy (Readings and Clubs of Local History)* (3). Kazan: "Shkola" Publ., 44—61 (in Russian).
Nabiullin, N.G. 2006. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (3—4 (18—19)). Kazan, 138—155 (in Russian).
Nigamaev, A.Z. 2005. *Bolgarskie goroda Predkam'ia: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noi kul'tury i naseleniia (Bulgarian Towns of the Cis-Kama: Alabuga, Kirmen, Chally. Originality of Material Culture and Population)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
Nigamaev, A.Z., Khuzin, F. Sh. 2000. In *Drevniaia Alabuga (Ancient Alabuga)*. Yelabuga: "Master-Lain" Publ., 7—55 (in Russian).
Nikitin, V.V. 1992. In *Srednevekovye drevnosti Volgo-Kam'ia (Medieval Antiquities of the Volga-Kama Region)*: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 21. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute of Language, Literature and History, 156—164 (in Russian).
Nikitina, T.B. 2000. In *Novye arkheologicheskie otkrytiia v Srednem Povolzh'e (New Archaeological Discoveries in the Middle Volga Region)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute of Language, Literature and History, 51—59 (in Russian).
Nikitina, T.B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
Noskova, L.M. 2001. In *Gorod Bolgar: Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar: Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 295—310 (in Russian).
Ostanina, T.I. 1993. *Otchet o rabote razvedyvatel'nogo otriada Udmurtskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeia v Mamadyshskom raione Tatarstana v avguste 1992 g. (Progress Report of reconnaissance detachment of Udmurtian Republican Local History Museum in Mamadysh Raion of Tatarstan in August 1992)*. Arkhiv GUOIPIK MK Respubliki Tatarstan (in Russian).
Ostroumov, V.P., Chumakov, V.V. 1971. *Sviiazhsk. Istoriia planirovki i zastroiki (Sviyazhsk. History of Urban Design and Construction)*. Kazan: Kazan University.
Poluboyarinova, M.D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 152—158 (in Russian).
Rudenko, K.A. 1992. In *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia (Issues of the Ethnic History of Volga-Don Region)* Penza: "AO «Povolzh'e»" Publ., 81—84 (in Russian).
Rudenko, K.A. 1994. In *Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov. Arkheologiia i etnografiia mariiskogo kraia (Issues of the Medieval Archaeology of Finno-Ugrians. Archaeology and Ethnography of Mari Land)* (23). Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute of Language, Literature and History, 121—139 (in Russian).
Rudenko, K.A. 1995. In *Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*. Kazan (in Russian).
Rudenko, K.A. 1996. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Tatarstane v 1996 g. (Report on the Archaeological Investigations in Tatarstan in 1996)* II (11). Kazan (in Russian).
Rudenko, K.A. 1998. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Proceedings and Research in the Archaeology of Volga Region)* (1). Yoshkar-Ola: Mari State University, 60—71 (in Russian).
Rudenko, K.A. 1999. In *Novye issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (New Research on Medieval Archaeology of the Volga and Ural Regions)*. Izhevsk; Glazov: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurtian Institute of Language, Literature and History, 111—134 (in Russian).
Rudenko, K.A. 1999. In *Novye issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (New Research on Medieval Archaeology of the Volga and Ural Regions)*. Izhevsk; Glazov, 73—102 (in Russian).
Rudenko, K.A. 1999. In *Srednevekovaia arkheologiia Srednego Povolzh'ia (Medieval Archaeology of Middle Volga Region)/Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1—2 (4—5)). Kazan: II AN RT, 61—77 (in Russian).
Rudenko, K.A. 2000. In *Ezhegodnik Gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeia Respubliki Tatarstan za 1998 god (Yearbook of the State Museum of Tatarstan in 1998)*. Kazan: State United Museum of the Republic of Tatarstan, 94—96 (in Russian).
Rudenko, K.A. 2000. *VI Alekseevskoe selishche (VI Alekseevskoe Unfortified Settlement)*. Kazan: "Reper" Publ. (in Russian).
Rudenko, K.A. 2001. In *Drevnie remeslenniki Priural'ia (Ancient Craftsmen of the Cis-Ural Region)*. Izhevsk, 322—348 (in Russian).
Rudenko, K.A. 2001. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1—2 (8—9)), 91—117 (in Russian).

Rudenko, K.A. 2001. *Material'naia kul'tura bulgarskikh selishch nizovii Kamy XI—XIV vv. (Material Culture of Bulgar Unfortified Settlements in the Low Kama Region in 11th — 14th cc.)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Rudenko, K.A. 2001. In *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 46—49 (in Russian).

Rudenko, K.A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Kam'e v XI—XIV vv. Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh'e. Issledovanie i katalog (Turkic World and the Volga-Kama Region in 11th—14th cc. Artefacts of Askiz Area in the Middle Volga Region. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Rudenko, K.A. 2001. In *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 70—77 (in Russian).

Rudenko, K.A. 2002. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* (5). Volgograd: Volgograd University, 308—320 (in Russian).

Rudenko, K.A. 2002. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Tatarstane: 2001 god (Archaeological Investigations in Tatarstan in 2001)*. Kazan: "RITs «Shkola»" Publ., 105—109 (in Russian).

Rudenko, K.A. 2002. *Ostrov «Murzikha» i ego okrestnosti. Khronologicheskii atlas arkheologicheskikh kollektsii NM Respubliki Tatarstan (1991—1999 gg.) Opyt mikroregional'nogo issledovaniia. Katalog arkheologicheskikh kollektsii NM Respubliki Tatarstan (Murzikha Island and Its Environs. Chronological Atlas of Archaeological Collections of Tatarstan National Museum (1991—1999). An Experience of Microregional Research. Catalog of Archaeological Collections of Tatarstan National Museum)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Rudenko, K.A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII—XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th—15th cc. from Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Rudenko, K.A. 2004. In *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii — 50 let*. (*Fifty Years of Archaeological Expedition in Udmurtia*) Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 180—193 (in Russian).

Rudenko, K.A. 2004. In *Kazakov Evgenii Petrovich: sb. materialov k 70-letiiu so dnia rozhdeniia (Kazakov Evgenii Petrovich: Collected Papers on the Occasion of the 100th Anniversary)*. Kazan: "Shkola" Publ., 91—114 (in Russian).

Rudenko, K.A. 2005. In *Sovremennyi muzei kak vazhnyi resurs razvitiia goroda i regiona (Modern Museum as an Important Resource for Development of Cities and Regions)*. Kazan: "Shkola" Publ., 191—194 (in Russian).

Rudenko, K.A. 2006. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* № 1—2 (16—17), 89—196 (in Russian).

Rudenko, K.A. 2013. *Etnokul'turnoe vzaimodeistvie narodov Volgo-Kam'ia v kontse X—XIV vv. po arkheologicheskim dannym (Ethno-Cultural Interaction between Volga-Kama Peoples in late 10th — 14th cc., by archaeological data)*. Saarbrücken: Palmarium Academic Pablishing.

Rud, N.M. 1983. In *Srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Tatarii (Medieval Archaeological Sites of Tataria)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 138—161 (in Russian).

Semykin, Yu.A. 1993. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (Archaeological Research in the Volga Region)*. Samara: Samara University, 219—230 (in Russian).

Singatullina, A.Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Sitdikov, A.G. 1999. In *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 41—62 (in Russian).

Sitdikov, A.G. 2005. In *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovanie kul'turnogo naslediia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of the Volga Region: Middle Ages (study of cultural heritage of the Volga Bulgaria and Golden Horde))*. Kazan: "RITs «Shkola»" Publ., 157—162 (in Russian).

Sitdikov, A.G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: "Foliant"" Publ. (in Russian).

Smirnov, A.P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Smirnov, A.P. 1957. In *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ia i Zapadnoi Sibiri (Culture of the Ancient Tribes in Cis-Urals Region and Western Siberia)*. Materials and Researches in Archaeology (58). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 3—113 (in Russian).

Smirnov, A.P. 1958. In *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* II. Materials and Research in Archaeology (61). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 330—359 (in Russian).

Smolin, V.F. 2006. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1—2 (16—17)). Kazan, 19—42 (in Russian).

Fattakhov, R.M. 1978. *Otchet o raskopkakh III Laishevskogo mogil'nika v 1978 g. (Report on the Excavations of III Laishevo Necropolis in 1978)*. Kazan.

Fakhrutdinov, R.G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territoriia (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Fakhrutdinov, R.G. 1984. *Ocherki po istorii Volzhskoi Bulgarii (Essays on the History of Volga Bulgaria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1960. In *Uchenye zapiski Chuv. NIIIaLIE (Scientific Bulletin of the Chuvash Scientific and Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography)* 19. Cheboksary, 82—95 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G.A. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 158—204 (in Russian).

Khakimzyanov, F.S. 1978. *Iazyk epitafii volzhskikh bulgar (Language of the Volga Bulgars' Epitaphs)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A.Kh. 1976. In *Iz istorii kul'tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov (From the History of Culture and Everyday Life of Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 3—19 (in Russian).

Khalikov, A.Kh. 1976. In *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5—56.

Khalikov, A.Kh. 1982. In *Iz istorii rannikh bulgar (From the History of Early Bulgars)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 102—107 (in Russian).

Khalikov, A.Kh. 1985. In *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X — XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th — 13th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ., 3—14 (in Russian).

Khalikov, A.Kh. 1985. In *Voenno-oboronitel'noe delo domongol'skoi Bulgarii (Military and Defence Systems in pre-Mongol Bulgaria)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 90—111 (in Russian).

Khalikova, E.A. 1961. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh, provedennykh v 1961 g. v Kuybyshevskom raione TASSR (Report on Archaeological Studies Conducted in 1961 in Kuybyshev Raion of Tatar ASSR)*. Kazan (in Russian).

Khalikova, E.A. 1976. In *Iz istorii kul'tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov (From the History of Culture and Everyday Life of Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 39—59 (in Russian).

Khalikova, E.A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th — early 13th cc.)*. Kazan: Kazan University (in Russian).

Khlebnikova, T.A. 1956. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury AN SSSR (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture, Academy of Sciences of the USSR)* 62. Moscow, 141—147 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 234—251 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1977. In *Srednevolzhskaia arkheologicheskaia ekspeditsiia (Middle Volga Archaeological Expedition)*. Kuybyshev: Kuybyshev University, 134—155 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32—88 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7—102 (in Russian).

Khovanskaya, O. S. 1958. In *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition).* II. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 316—329 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 1994. In *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 139—142 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 1995. *Velikii gorod na Cheremshane. Stratigrafiia, khronologiia. Problemy Biliara-Bulgara (Great Town on Cheremshan River. Stratigraphy, Chronology. Problems of Bilyar and Bulgar)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, AN RT (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 1999. In *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 5—31 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X — XIII vv. (Bulgar City in 10th—13th cc.)*. Kazan: "Master-Lain" Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2006. *Rannie bulgary i Volzhskaia Bulgariia (VIII — nachalo XIII v.) (Early Bulgars and Volga Bulgaria (8th — Early 13th cc.))*. Kazan: "Foliant"" Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Nabiullin, N. G. 1999. In *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 90—113 (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Nigamaev, A. Z. 2000. In *Drevnie Chally (Ancient Chally)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 175—202 (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Sharifullin, R. F. 1999. In *Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Volgo-Kam'ia (Issues of the Ancient and Medieval Archaeology of Volga-Kama Region)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 85—100 (in Russian).

Shavokhin, L. S. 1976. In *Iz istorii kul'tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov (From the History of Culture and Everyday Life of Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 20—38 (in Russian).

Sharifullin, R. F. 1979. In *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 102—113 (in Russian).

Sharifullin, R. F. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 217—260 (in Russian).

Sharifullin, R. F. 2004. In *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages in the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan; Bolgar: Institute for Language, Literature and History, Tatarstan Academy of Sciences, 201—203 (in Russian).

Shigapov, M. B. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasian Zone)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 198—199 (in Russian).

Shutova, N. I. 2010. In *Arskaia zemlia: aktual'nye problemy izucheniia istoriko-kul'turnogo naslediia (Arsk Land: Actual Problems of Study of the Historical and Cultural Heritage)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Tatarstan Academy of Sciences, 16—23 (in Russian).

А. Г. Ситдиков

Ayrat Sitdikov. Candidate of Historical Sciences. Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, National Centre for Archaeological Research[1].

Ситдиков Айрат Габитович. Кандидат исторических наук. Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

E-mail: sitdikov_a@mail.ru

Address: [1] Kremlin, entrance 5, Kazan, 420014, Russian Federation

Казань в эпоху Золотой Орды

Keywords: Kazan, Bulgar Ulus, Golden Horde period, political centre, topography, material culture.

Ключевые слова: Казань, Болгарский улус, золотоордынский период, политический центр, топография, материальная культура.

A. G. Sitdikov

Kazan during Golden Horde Epoch

The article represents an analysis of the political and economic development of Kazan during the Golden Horde period (second half of 13th — first half of 15th century). The time of Kazan subjection to Golden Horde khans could not be definitely determined — according to different data, it can be connected with the campaign of Baty-Khan of 1236 or, more likely, with Mengu-Timur's raid on the Volga Bulgars of 1278. As part of the Golden Horde, there were in general favorable conditions for the development of the city. Kazan loses its role of a border town and by the end of the Golden Horde period turns into one of the large political and economic centres of the Central Volga area. The city had acquired its shape by the end of this period, and maintained it until the end of 18th c. In the 14th—15th centuries, Kazan plays an important role in the international trade. The material culture of the town reflects existence of various ethnocultural traditions. Starting from the second half of the 14th century, local knyazes unleashed the fight for political independence which led to the formation of the Kazan khanate.

А. Г. Ситдиков

Казань в эпоху Золотой Орды

В статье рассматривается политическое и экономическое развитие Казани в золотоордынский период (вторая половина XIII — первая половина XV вв.). Время подчинения Казани золотоордынским ханам точно не установлено — по разным данным, оно может быть связано с походом Батыя 1236 г. или, что более вероятно, с походом Менгу-Тимура на волжских болгар 1278 г. В составе Золотой Орды сложились в целом благоприятные условия для развития города. Казань утрачивает роль приграничной крепости и к концу золотоордынского периода превращается в один из крупных политических и экономических центров Среднего Поволжья. К концу этого периода складывается планировка города, просуществовавшая в основных чертах до конца XVIII в. Казань в XIV—XV вв. играет заметную роль в международной торговле. В материальной культуре города прослеживаются различные этнокультурные традиции. Со второй половины XIV в. местные князья начинают борьбу за политическую самостоятельность, которая привела к образованию Казанского ханства.

Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) — важный этап в становлении Казани и дальнейшей ее истории. После захвата и разорения большинства крупных городов Волжской Болгарии монголами и подчинения ее населения, Казань, скорее всего, осталась в стороне от этих событий. Археологических фактов, свидетельствующих о покорении города в 1236 г., не обнаружено. Правда, в письменных источниках более поздних авторов имеются свидетельства о подчинении Казани власти Чингизидов. Так, в сочинении Гаффари (вторая половина XVI в.) Казань упоминается среди городов, принадлежащих правителям Кок-Орды (Тизенгаузен 2003: 394). Однако достоверность данного

This work was funded by the subsidy of the Russian Government to support the Program of competitive growth of Kazan Federal University among world class academic centers and universities ■ Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

© А. Г. Ситдиков, 2015.

сообщения многими историками ставится под сомнение.

В работах А.Х. Халикова время завоевания Казани увязывается с походом Батыя 1236 г. Он, опираясь на летописное сообщение персидского историка Рашид ад-Дина, считал также, что город был разорен и при Менгукаане, который покорял территории за пределами земель кыпчак и асов (Рашид ад-Дин 1960: 129). Он отождествляет это событие с походом Менгу-Тимура на волжских болгар, который состоялся в 1278 г., о чем имеются прямые указания в сочинении Абуль-Гази и русских летописях (Древняя Казань 1996: 320). По предположению А.Х. Халикова, об этом же свидетельствуют раннезолотоордынские монеты из Альменевского клада, чеканенные в городе Кирмане от имени Менгу-Тимура (Древняя Казань 1996: 321). На включение Казани в сферу ордынского влияния указывает перечисление ее среди городов, якобы подаренных Менгу-Тимуром участнику похода на восставших болгар, князю Федорому Черемному в 1278 г. (ПСРЛ 1908: 309) Имеющиеся в коллекции находок из раскопов Кремля наконечники стрел, появившиеся в Восточной Европе в период монгольских завоеваний, а также следы пожарища в золотоордынских слоях исследователи также склонны были связывать с походом Менгу-Тимура на Волжскую Болгарию (Древняя Казань 1996: 324).

С объединением Волжской Болгарии и русских княжеств в единую административно-политическую систему Джучиева Улуса роль Казани как приграничной крепости была утрачена. Упала и фортификационная роль каменной крепости. Находясь в определенной зависимости от Золотой Орды, город, тем не менее, не потерял своего значения как административный центр округи и контролировал поселения в бассейне р. Казанки. Серьезным фактором в усилении этого региона стал приток населения из южных областей, продолжавшийся в течение всего периода. Новым этапом в истории края стало формирование феодальной знати из пришлого населения. Об этом свидетельствуют надгробные камни на территории Кабанского городища. В новых условиях происходит постепенный рост экономического значения Казани в регионе, усиление ее роли в политической жизни Болгарского улуса Золотой Орды.

К концу золотоордынского периода Казань из окраинного города превратилась в один из заметных экономических и политических центров Среднего Поволжья (Хузин, Ситдиков 2005: 87—94). Город динамично развивался и постепенно расширялся на юг по гребню Кремлевского холма. К середине XV в. неукрепленный посад города доходит до его южной оконечности (рис. 1). Сформировался и ремесленный посад в районе Богородицкого монастыря. Это место известно по Писцовым книгам как «Старое городище». Остатки предполагаемых его укреплений пока не обнаружены. Материалы золотоордынского времени спорадически обнаруживаются в процессе охранно-спасательных работ, которые проводятся в последние годы на улицах города, причем даже на левом берегу р. Булак.

Ремесленное производство в этот период проникает и в укрепленную часть города. Об этом свидетельствуют найденные в Тезицком рву остатки оплавившихся огнеупоров, связанных с высокотемпературным производством.

Укрепления Казанской крепости на Кремлевском холме сохранялись весь золотоордынский период в тех же размерах, что и в домонгольское время, но к первой половине XV в. они приходят в ветхость из-за того, что длительное время не проводятся ремонтно-восстановительные работы. Ров с южной стороны постепенно заполнялся грунтом, строительным и бытовым мусором.

Жилые и хозяйственные постройки на укрепленной территории, относящиеся ко второй половине XIII столетия, были расположены вдоль центральной улицы без определенной системы (рис. 1). В связи с притоком населения строительство в крепости начали вести более интенсивно. Это предопределило формирование в будущем регулярной застройки и создание новых улиц.

К концу этого периода в Казанской крепости возникает внутренняя планировка, просуществовавшая в основных чертах до конца XVII в. (Хузин, Ситдиков 2005: 87—94). С периодом Золотой Орды, помимо центрального каменного проезда, соотносятся еще две вымощенные деревом улицы. Одна из них, как и ранее, проходила от южных ворот к спуску в северо-восточной оконечности крепости. Другая улица шла перпендикулярно к центральной — от западной стены крепости к северо-западному краю современного здания Благовещенского собора. Все три улицы пересекались в районе южных ворот, образуя в этой части города небольшую площадь.

Общеисторические процессы этого периода на развитии города сказались в целом благоприятно. Небольшое болгарское поселение домонгольского времени постепенно разрастается, превратившись к концу XIV столетия в значительный политический и экономиче-

Рис. 1. Распространение культурных напластований Казани золотоордынского времени. 1 — границы распространения слоя Казани второй половины XIII — первой половины XV вв.; 2 — территория крепости; 3 — линии улиц; 4 — зелёные зоны.

Fig. 1. Distribution of Golden Horde cultural layers within the territory of Kazan. 1 — distribution limits of the cultural layer from the second half of 13th — first half of 15th century; 2 — territory of the fortress; 3 — street lines; 4 — greenfield areas.

ский центр Среднего Поволжья. Ослабление Болгара, особенно после событий 1361 г., приводит к усилению роли Казани в борьбе против Золотой Орды.

С этим процессом В. Л. Егоров увязывает события, описанные в русских летописях под 1370 и 1376 гг. В них говорится о борьбе местного болгарского князя Хасана с Золотой Ордой за самостоятельное управление Болгаром (Егоров 1975: 83—86; 1985: 102—105). В результате конфликта с Ордой он был вынужден оставить город Болгар. Вскоре после этого Хасан-бек появляется в районе Казани, где проводит активную политическую деятельность до своей смерти в конце XIV в. С его могилой исследователи не без основания связывают одно из надгробий на Кабанском городище с надписью:

«Он живой, который не умирает
(все живущее умрет).
Это место погребения великого
и знатного повелителя,

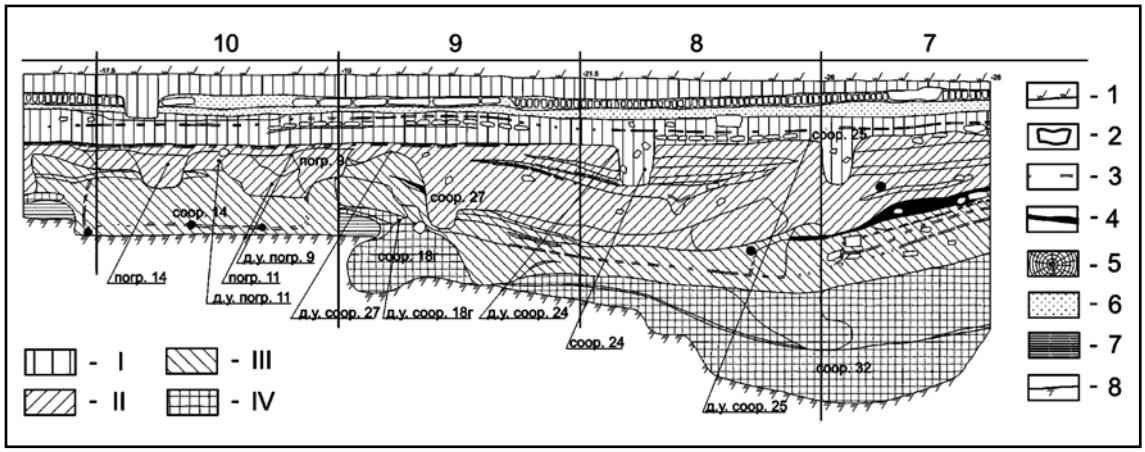


Рис. 2. Раскоп VI. Профиль западной стенки. Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — камень; 3 — древесный тлен; 4 — углистая прослойка; 5 — дерево; 6 — песок; 7 — серый подзол; 8 — материковый желтый суглинок. Слои: I — XVIII—XX вв.; II — вторая половина XVI — XVII вв.; III — слой ханской Казани второй половины XV — первой половины XVI вв.; IV — слой княжеской Казани второй половины XIII — первой половины XV вв.

Fig. 2. Trench VI. Profile of western excavation limit. Legend: 1 — top soil; 2 — stone; 3 — ligneous dust; 4 — charcoal layer; 5 — wood; 6 — sand; 7 — grey podzol; 8 — yellow clayish natural soil. Layers: I — 18th—20th centuries; II — second half of 16th — 17th centuries; III — khanate of Kazan layer from the second half of 15th — first half of 16th century; IV — layer of knyaz Kazan from the second half of 13th — first half of 15th cc.

помощника повелителей,
эмира чтимого… ….
победоносного… ….
почтенных и великих, знамени…
к победоносному… … … …
двух почестей… гордости рода…
и веры, тени господа миров
Хасан-бек сын Мир-Махмуда»
(Юсупов 1960: табл. 2).

Как отмечалось выше, В.Л. Егоров считал болгарского эмира Хасана даже основателем города Казани. Несмотря на гипотетичность построений В.Л. Егорова, следует подчеркнуть, что описываемые в летописи события отражали реальные стремления Болгарского улуса к независимости от Золотой Орды, гегемонии над городами Волго-Камья, а также усиление в этой борьбе региональных князей.

Именно в этот период Казань начинает играть все возрастающую роль среди других болгаро-татарских городов Средневолжского региона. Она становится новым центром на бывшей периферийной территории Волжской Болгарии. Об этом свидетельствует и чеканка монет на рубеже XIV—XV вв. от имени Гиазеддина с указанием места — «Болгар» или «Болгар аль-Джадид» (Новый Болгар) (Мухамадиев 1999: 253; 2005).

Казань в качестве достаточно крупного города и признанного политического центра в русских летописях начинает упоминаться только с конца XIV в. (ПСРЛ 1853: 130; 1859: 72; 1885: 169; 1914: 219; 1921: 167; 1963: 89). Правда, в поздних списках некоторых летописей она фигурирует еще в связи с событиями середины XII в. (ПСРЛ 1897: 210). В качестве наиболее ранней достоверной даты упоминания города в летописях под названием Казань некоторые авторы считают 1278 г., когда описывается ее передача ханом Золотой Орды Менгу-Тимуром в числе 36 городов во владение смоленскому князю Федору Ростиславичу в качестве приданого за свою дочь (ПСРЛ 1908: 309; Ключевский 1871: 171—173). Однако эти даты некоторые исследователи считает недостоверными (Фахрутдинов 1984: 104).

Усиление роли Казани в качестве торгового центра с международными связями нашло отражение в западноевропейских картах первой половины XIV — XV вв. На многих из них севернее слияния р. Волги и р. Камы на месте современной Казани указан город Castrum (Castrama, Castarina) — *крепость* (Древняя Казань: 324; Хафизов 2000). Развитие внутренней и международной торговли находит подтверждение в археологических материалах: привозной поливной посуде с полихромной росписью из ремесленных центров Нижнего Поволжья, Кавказа и Средней Азии, обломках селадоновых чаш из Китая, отдельных находках и кладах джучидских монет из так называемого «золотоордынского» слоя кремля.

С периодом Золотой Орды связано накопление IV слоя стратиграфической шка-

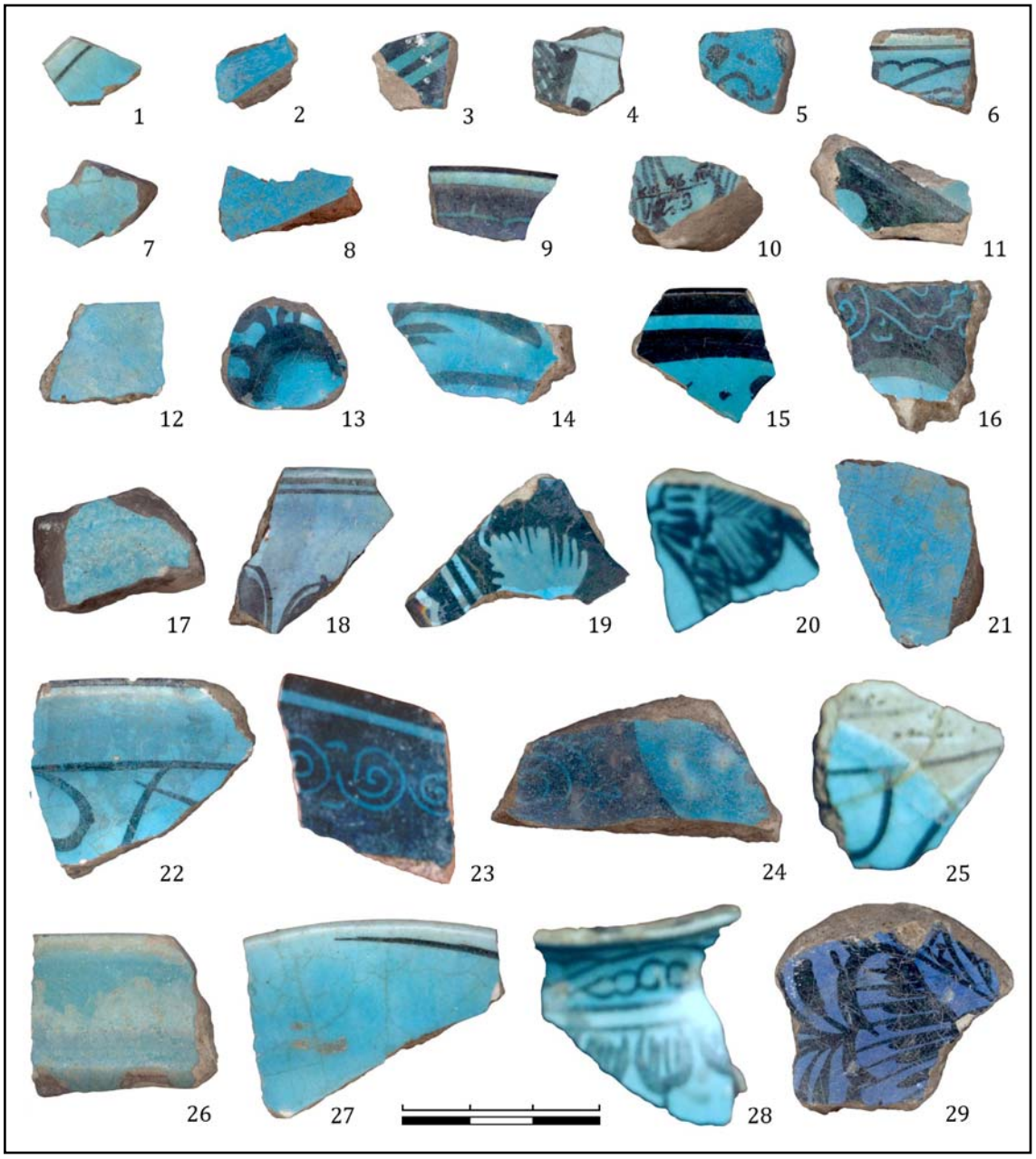


Рис. 3. Фрагменты поливной кашинной керамики из раскопок Казанского кремля (цветная вклейка, илл. 9).

Рис. 3. Fragments of Kashan glazed pottery from the excavations of Kazan Kremlin (color plate, ill. 9).

лы культурного слоя Казанского кремля. Он перекрывает домонгольские напластования XI—XIII вв. Как и древнейший слой, он также в значительной степени переработан более поздними сооружениями и сохранился фрагментарно, но достаточно четко выделялся на участках со спокойным залеганием культурных отложений (рис. 2). Грунт состоит, как правило, из бурой плотной супеси с включениями подзола и материкового суглинка, мощность колеблется в пределах 20—60 см.

Материалы, связанные с золотоордынским временем существования города, обнаружены в относительно небольшом количестве, как и домонгольские, причем часть из них оказалась в слое Казанского ханства и даже в более поздних отложениях. Основным критерием выделения IV слоя, помимо особенностей грунта, служат, тем не менее, характерные для этого периода находки, в том числе и хорошо датирующие.

Массовый материал из IV слоя отличается от находок из других слоев. Керамическая посуда представлена фрагментами гончарных сосудов. Этот комплекс находит ближайшие аналогии в материалах нижне- и сред-

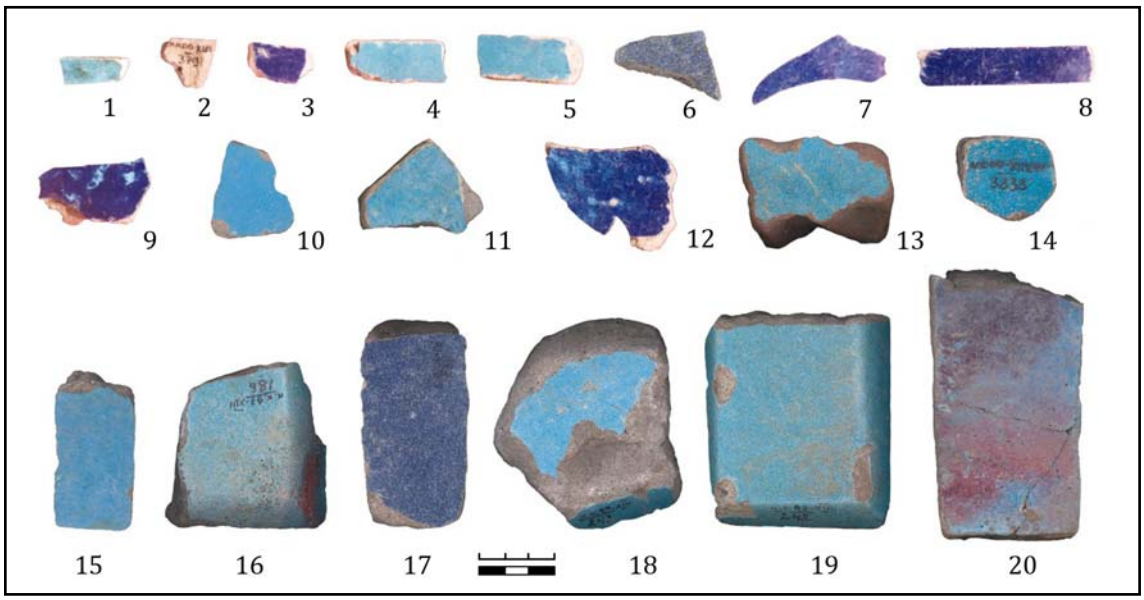


Рис. 4. Поливные изразцы из раскопок Казанского кремля (цветная вклейка, илл. 10).

Рис. 4. Glazed tiles from the excavations of Kazan Kremlin (color plate, ill. 10).

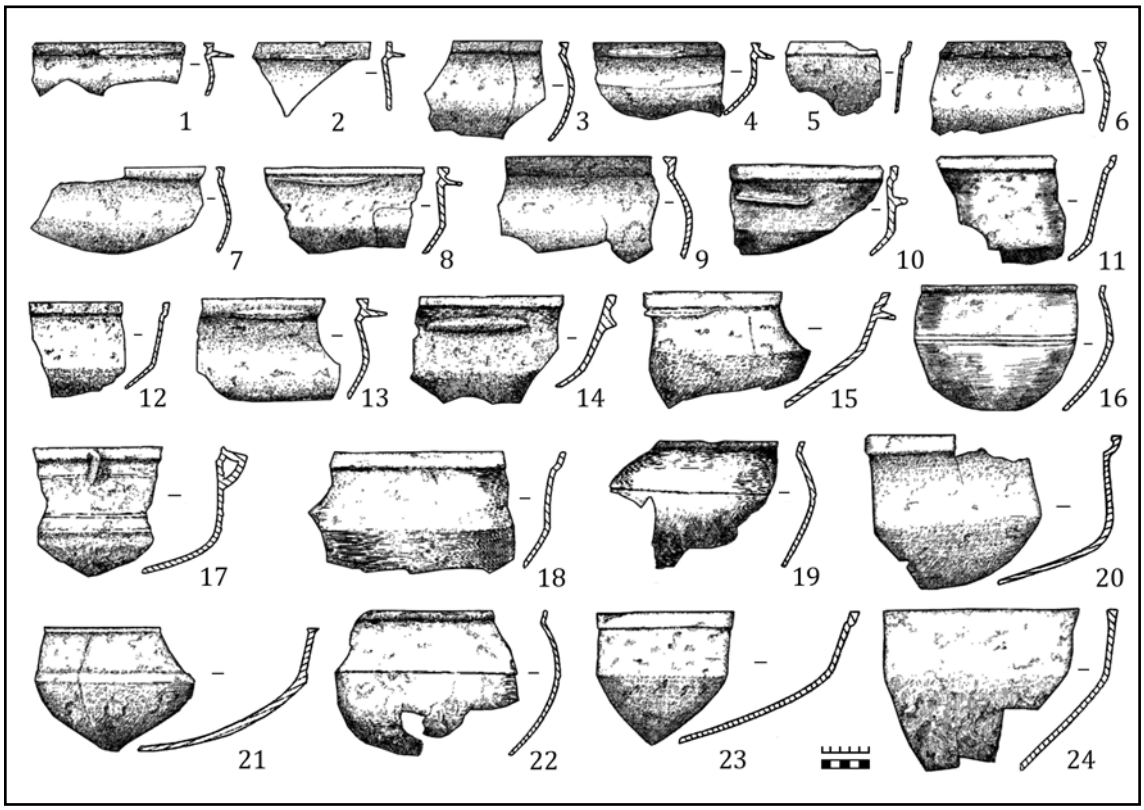


Рис. 5. Обломки чугунных котлов из раскопок Казанского кремля.

Fig. 5. Fragments of cast iron cauldrons from the excavations of Kazan Kremlin.

неволжских городов эпохи Золотой Орды. Характер массового материала из золотоордынского слоя отличается от находок предшествующего времени. Среди керамического материала отмечается сохранение болгарских традиций домонгольского времени (рис. 7; 8). Проживание в Казани выходцев из соседних русских княжеств документировано специфичной белоглиняной посудой, характерной для гончарства Северо-Восточной

Рис. 6. Изделия из цветного металла из раскопок Казанского кремля (цветная вклейка, илл. 11).

Рис. 6. Non-ferrous finds from the excavations of Kazan Kremlin (color plate, ill. 11).

Руси, отдельными находками нательных крестов и иконок (рис. 6: 1—3; 9; цветная вклейка, илл. 11). Керамический материал свидетельствует также о присутствии среди городских жителей представителей местного поволжско-финского населения (рис. 10).

Помимо фрагментов посуды укажем на несколько обломков труб с признаками муфт, которые связаны с функционированием водопроводных и отопительных систем. Характеризуя эти группы в целом, следует отметить, что они имеют корни в традиционном болгарском керамическом производстве, сформировавшемся еще в домонгольский период. Данный материал еще раз иллюстрирует культурную преемственность населения, проживавшего на Кремлевском холме.

Характерной особенностью слоя и связанных с ним объектов является наличие в них золотоордынской поливной керамики из кашинного теста с полихромной (синего, голубого, белого цветов) росписью (более 40 фрагментов) (рис. 3; цветная вклейка, илл. 9) и обломков селадоновых чаш светло-зеленого цвета (около 20 фрагментов) [1].

Среди предметов туалета имеются обломки бронзовых зеркал (рис. 6: 4). Все они сильно корродированы. Женские украшения из золотоордынского слоя представлены небольшим количеством находок. В их числе можно назвать, в частности, пластинчатый серебряный браслет со стилизованными под арабские надписи рисунками, геометрическим орнаментом по поверхности и S-образным узором на концах. Интересной находкой является медный мощевик с рельефным библейским сюжетом введения Христа во храм, датированный М. В. Седовой первой половиной XIV в. (рис. 6: 3).

Из напластований золотоордынского времени происходит большое число обломков чугунных котлов (рис. 5), которые появляют-

[1] Поливная керамика освещена в статье В. Ю. Коваля (Коваль 2006).

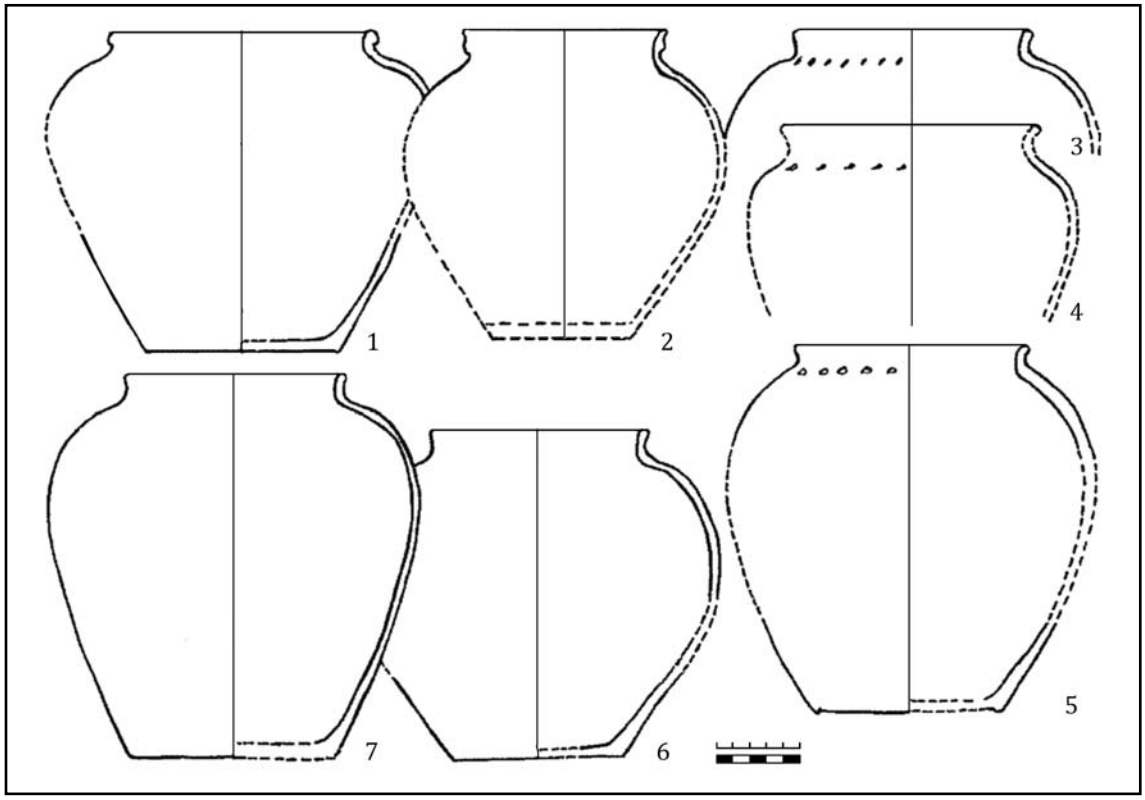


Рис. 7. Раскоп I. Керамика в «болгарских» традициях.

Fig. 7. Trench I. Pottery of "Bulgar" traditions.

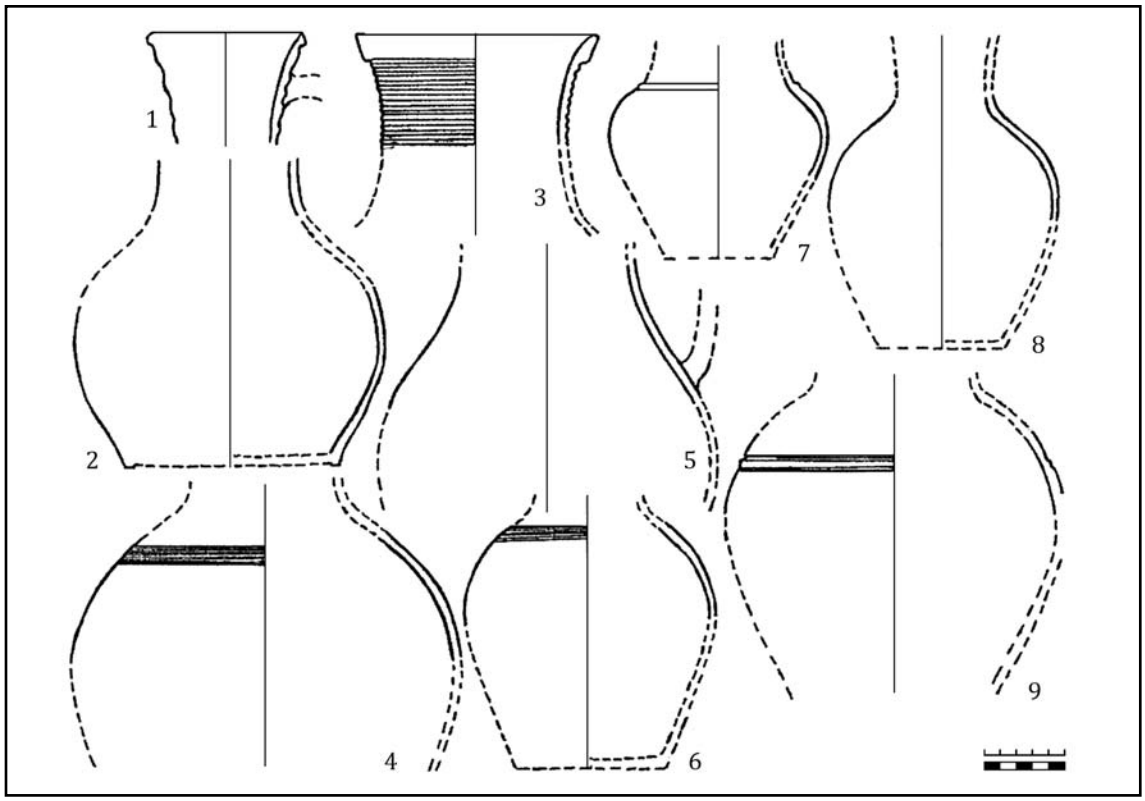


Рис. 8. Раскоп I. Керамика в «болгарских» традициях.

Fig. 8. Trench I. Pottery of "Bulgar" traditions.

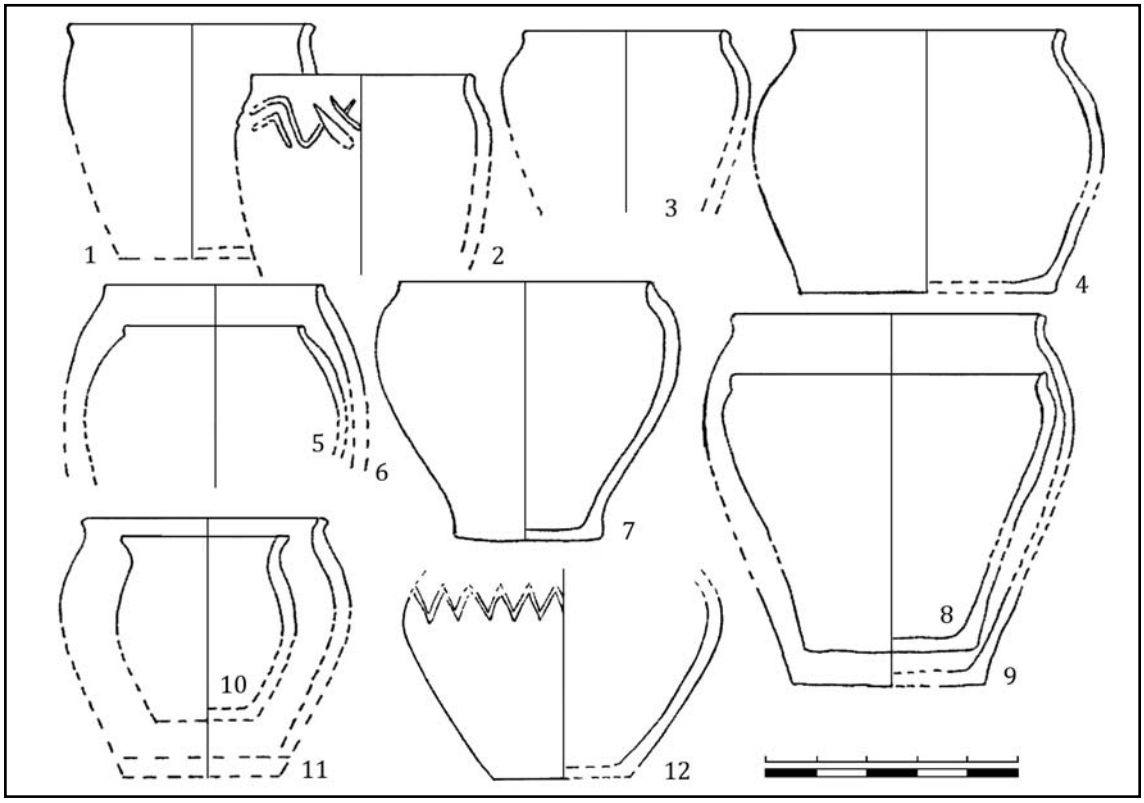


Рис. 9. Раскоп I. Поволжско-финская керамика.

Fig. 9. Trench I. Volga-Finnish pottery.

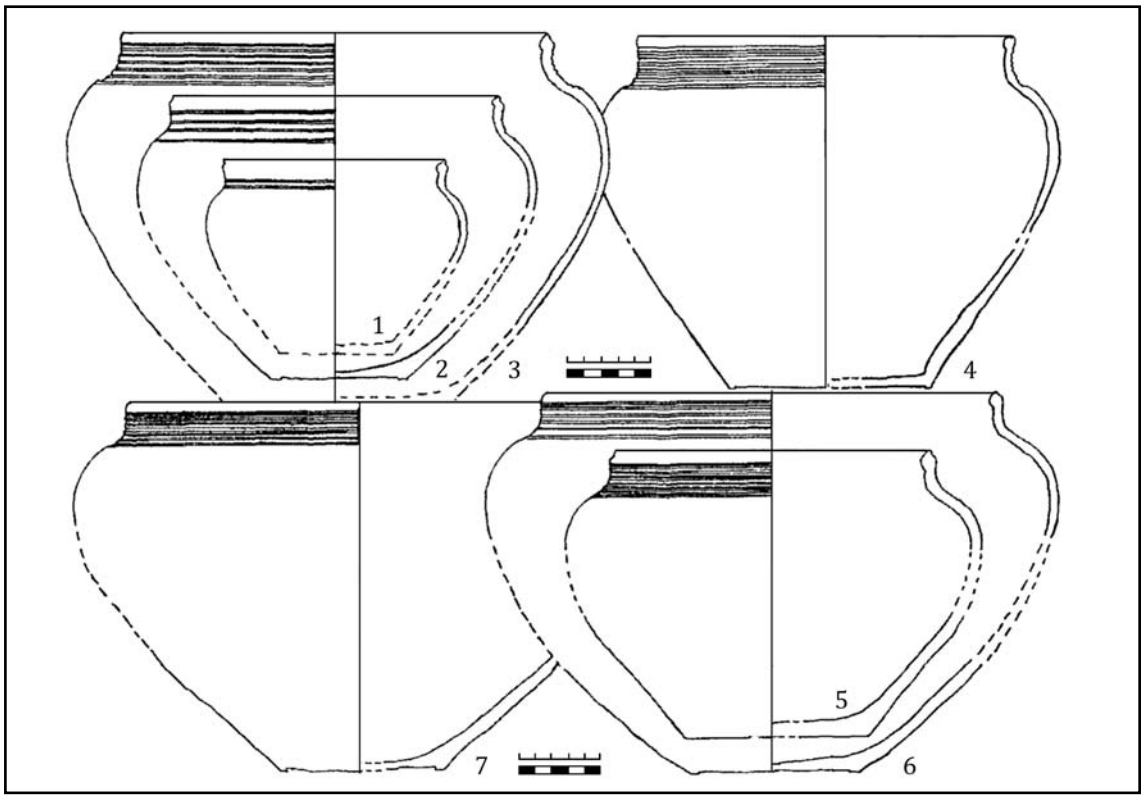


Рис. 10. Раскоп I. Русская белоглиняная керамика.

Fig. 10. Trench I. Russian white-clay pottery.

Таблица 1.

Описание монет

Описание монет	Место находки	Металл	Колл. номер
Золотая Орда, пул, анонимная, Болгар, 1280—1300 гг.	раскоп I, кв. И/1, зачистка стенки, сл. IV	медь	К.К.95-I/852
Золотая Орда, пул, анонимная, Болгар, 1280—1300 гг.	раскоп II, соор. 15, глубина 460 см, сл. III—IV	медь	К.К.95-II/141
Золотая Орда, дирхем, анонимная, Болгар, 80-е гг. XIII в.	раскоп II, соор. 1, глубина 420 см.	серебро	К.К.95-II/256
Золотая Орда, пул, Менгу-Каан, Болгар, 1250 г.	раскоп II, кв. К/19, шт. 23	медь	К.К.95-II/824
Золотая Орда, дирхем, Даулет-Берди, Хаджи-Тархан, 1420 г.	раскоп III, кв. И/7, гл. 155 см	серебро	К.К.95-III/1460
Золотая Орда, пул, Менгу-Каан, Болгар, 1250 г.	раскоп III, соор. 28, гл. 300 см.	медь	К.К.95-III/1693

ся, судя по материалам Болгарского городища, в XIV в. (Савченкова 1996: 58—59).

К концу XIV — началу XV в., как можно судить по имеющимся на сегодняшний день данным, относится возобновление, впервые после домонгольского времени, каменного строительства. В золотоордынском слое довольно часто встречаются фрагменты поливных облицовочных плиток голубого, бирюзового и ультрамаринового цвета (рис. 4; цветная вклейка, илл. 10). Они связаны с внешней полихромной облицовкой каменных зданий. Подобные сооружения известны во многих ордынских городах. Аналогичные им постройки, очевидно, возвышались и в Казани.

Изредка в раскопах встречаются джучидские монеты XIII—XIV вв. Они известны по монетным кладам, найденным в Кремле во второй половине XIX — начале XX вв. В ходе последних исследований было обнаружено 10 экземпляров джучидских монет (определение Д.Г. Мухамедшина). Наиболее ранние датируются первой половиной XIII в. и представлены пулами Менгу-Каана, чеканенного в г. Болгар в 1250 г. (табл. 1).

Костные остатки животных из напластований IV слоя повторяли по своему составу и процентному соотношению характеристику остеологического материала из отложений домонгольского времени (Петренко, Асылгараева 1998). В числе небольших отличий необходимо отметить наличие костей свиньи, верблюда, а также собаки и кошки. Наличие костей свиньи и верблюда является ярким свидетельством присутствия в городе населения, отличного от мусульманского, и усиления контактов с другими регионами, в частности, с южными районами, русскими княжествами.

Как показал спорово-пыльцевой анализ образцов из IV слоя, растительный покров на территории Кремлевского холма в золотоордынский период претерпевает определенные изменения: формируются сосново-широколиственные леса при влажном и прохладном климате (Шаландина, Ситдиков 2009). Сохраняются, конечно, и широколиственные леса. Подобная характеристика растительного покрова хронологически соответствует интервалу экстремума похолодания, отмеченного около 700 лет назад, т.е. в период между второй половиной XIII и первой половиной XIV вв., что дополнительно подтверждает датировку слоя.

Обобщая материалы IV слоя, надо отметить, что они очень близки к материалам многих золотоордынских поселений Среднего и Нижнего Поволжья. Хронологические рамки отложения IV слоя определяются эпохой Золотой Орды (вторая половина XIII — первая половина XV вв.). IV слой имеет свою специфику, обусловленную особенностями отложения грунта, размещением объектов и находками. Это позволяет, несмотря на большую разрушенность слоя, отделить его от отложений домонгольского и ханского времени. Важным моментом является преемственность IV слоя с более ранним поселением и отсутствие в нем следов перерыва в накоплении напластований, что уже отмечалось предшествующими исследователями.

Расположение Казани на одном из выгоднейших транзитных торговых путей на Волге, несомненно, заложило основы ее дальнейшего развития. Из небольшой пограничной болгарской крепости, преимущественно с военно-торговыми функциями, на периферии Волжской Болгарии, она в пе-

риод Золотой Орды превратилась в достаточно крупный региональный центр. К моменту появления на Средней Волге Олуг Мухаммада и его сыновей ей, возможно, подчинялись уже и другие болгарские княжества. Сложившиеся обстоятельства, несомненно, сделали неизбежным превращение города в столицу Казанского ханства.

Литература

Древняя Казань 1996: *Древняя Казань глазами современников и историков*. 1996. Казань: Фест.

Егоров В.Л. 1975. О времени возникновения Казани. *СА* (4), 80—87.

Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.

Ключевский В.О. 1871. *Древнерусские жития святых как исторический источник*. Москва: Типография Грачева и К°.

Коваль В.Ю. 2006. Восточная поливная керамика из раскопок Казани. В: Хузин Ф.Ш., Загидуллин И.К. (отв. ред.). *Казань в средние века и ранее новое время*. Материалы Всероссийской научной конференции. Казань: Институт истории АН РТ.

Мухамадиев А. 2005. *Древние монеты Казани*. Казань: Татарское книжное издательство.

Мухамадиев А. 1999. О времени возникновения города Казани. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков*. Материалы Международного симпозиума. Казань: АН РТ, ИИ, КазанГУ, ОВ РАН, 248—257.

Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш. 1998. Особенности остеологических комплексов из раскопок Казанского Кремля. В: *Проблемы хронологии волжских болгар*. Тезисы науч. конф. Казань: АН РТ, ИИ, 18—19.

ПСРЛ 1853: *Софийская летопись*. 1853. Полное собрание русских летописей 6. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца.

ПСРЛ 1859: *Продолжение летописи по Воскресенскому списку*. 1859. Полное собрание русских летописей 8. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца.

ПСРЛ 1885: *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. 1885. Полное собрание русских летописей 10. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел.

ПСРЛ 1897: *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*. 1897. Полное собрание русских летописей 11. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова.

ПСРЛ 1908: *Книга степенная царского родословия*. 1908. Первая половина. Ч. 1. Полное собрание русских летописей 21. Санкт-Петербург: Типография М.А. Александрова.

ПСРЛ 1914: *Львовская летопись*. 1914. Вторая половина. Ч. II. Полное собрание русских летописей 20. Санкт-Петербург: Типография М.А. Александрова.

ПСРЛ 1921: *Летопись по Типографскому списку*. 1921. Полное собрание русских летописей 24. Петроград.

ПСРЛ 1963: *Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись)*. 1963. Полное собрание русских летописей 28. Москва; Ленинград: АН СССР.

Рашид ад-Дин. 1960. *Сборник летописей*. Т. II. Москва; Ленинград: АН СССР.

Савченкова Л.Л. 1996. Черный металл Болгара. Типология. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 5—88.

Ситдиков А.Г. 2006. *Казанский Кремль: историко-археологическое исследование*. Казань: Фолиант.

Тизенгаузен В.Г. 2003. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды* I. *Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным*. Москва: Наука.

Фахрутдинов Р.Г. 1984. *Очерки по истории Волжской Булгарии*. Москва: Наука.

Хафизов Д. 2000. Казань на географических картах XIV — начала XVII в. Краткий обзор. В: Хузин Ф.Ш. (ред.). *Средневековая Казань: возникновение и развитие*. Материалы Международной научной конференции. Казань: Мастер-Лайн, 151—172.

Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. 2005. *Древняя Казань*. Казань: КГУ.

Шаландина В.Т., Ситдиков А.Г. 2009. Антропогенные изменения растительности района Казанского Кремля в XI—XIX вв. (по материалам раскопа VI). *Ученые записки Казанского государственного университета*. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. Казань: КГУ, 51—62.

Юсупов Г.В. 1960. *Введение в булгаро-татарскую эпиграфику*. Москва; Ленинград: АН СССР.

References

Drevniaia Kazan' glazami sovremennikov i istorikov (Ancient Kazan in the Eyes of Contemporaries and Historians). 1996. Kazan: "Fest" Publ. (in Russian).

Egorov, V. L. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 80—87 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Klyuchevsky, V. O. 1871. *Drevnerusskie zhitiia sviatykh kak istoricheskii istochnik (Old Russian Hagiographies as Historical Sources)*. Moscow: "Tipografiia Gracheva i K°" Publ. (in Russian).

Koval, V. Yu. 2006. In *Kazan' v srednie veka i ranee novoe vremia (Kazan in Middle Ages and Early Modern Age)*. Kazan: The Institute of History, the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Mukhamadiev, A. 2005. *Drevnie monety Kazani (Ancient Coins of Kazan)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Mukhamadiev, A. 1999. In *Mezhdunarodnye sviazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ia IX—XII vekov (International Relations, Trade Routes and Cities from Middle Volga Region in the 9th—12th Centuries)*. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, Institute of History, Kazan State University, Department for Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 248—257 (in Russian).

Petrenko, A. G., Asylgaraeva, G. Sh. 1998. In *Problemy khronologii volzhskikh bolgar (Problems of Volga Bulgars Chronology)*. Kazan: The Institute of History, the Tatarstan

Academy of Sciences, 18—19 (in Russian).

Sofiiskaia letopis' (Sofia Chronicle). 1853. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete compilation of Russian chronicles) 6. Saint Petersburg: "Tipografiia Eduarda Pratsa" Publ. (in Russian).

Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku (Continuation of the Resurrection Version Chronicle). 1859. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete compilation of Russian chronicles) 8. Saint Petersburg: "Tipografiia Eduarda Pratsa" Publ. (in Russian).

Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu (Compilation of Chronicles, Named Patriarch's or Nikon Chronicle). 1885. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete compilation of Russian chronicles) 10. Saint Petersburg: "Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del" Publ. (in Russian).

Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu (Compilation of Chronicles, Named Patriarch's or Nikon Chronicle). 1897. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete compilation of Russian chronicles) 11. Saint Petersburg: "Tipografiia I. N. Skorokhodova" Publ. (in Russian).

Kniga stepennaia tsarskogo rodosloviia (Book of Royal Degrees). 1908. Pervaia polovina (First half). Part 1. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete compilation of Russian chronicles) 21. Saint Petersburg: "Tipografiia M. A. Aleksandrova" Publ. (in Russian).

L'vovskaia letopis' (Lvov Chronicle). 1914. Vtoraia polovina (Second half). Part II. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete compilation of Russian chronicles) 20. Saint Petersburg: "Tipografiia M. A. Aleksandrova" Publ. (in Russian).

Letopis' po Tipografskomu spisku (Chronicle Following the Typograph Link). 1921. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete compilation of Russian chronicles) 24. Petrograd (in Russian).

Letopisnyi svod 1497 g. Letopisnyi svod 1518 g. (Uvarovskaia letopis') (Chronicle of 1497. Chronicle of 1518. (Uvarov Chronicle)). 1963. Complete compilation of Russian chronicles 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR (in Russian).

Rashid-al-Din, 1960. *Sbornik letopisei (Compilation of Chronicles)* II. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR (in Russian).

Savchenkova, L. L. 1996. In *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Language, Literature and History, 5—88 (in Russian).

Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical-archaeological Study)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 2003. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy* I. *Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii, sobrannye V. G. Tizengauzenom i obrabotannye A. A. Romaskevichem i S. L. Volinym (Compilation of Materials, Referring to the History of Golden Horde* I. *Extracts from Persian Writings Compiled by V.G. Tiesenhausen and Processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Fakhrutdinov, R. G. 1984. *Ocherki po istorii Volzhskoi Bulgarii (Essays on the History of Volga Bulgars)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khafizov, D. 2000. In *Srednevekovaia Kazan': vozniknovenie i razvitie (Medieval Kazan: Appearance and Development)*. Kazan: "Master-Lain" Publ., 151—172 (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2005. *Drevniaia Kazan' (Ancient Kazan)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Shalandina, V. T., Sitdikov, A. G. 2009. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientifical Reports of Kazan State University)*. Vol. 151. Book 2. Part 1. Kazan: Kazan State University, 51—62 (in Russian).

Yusupov, G. V. 1960. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuiu epigrafiku (Introduction to Bulgar-Tatar Epigraphy)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR (in Russian).

А. Ю. Зеленеев

Aleksej Zeleneev. Mari State University [1].

Зеленеев Алексей Юрьевич. Марийский государственный университет.

E-mail: y_zeleneev@mail.ru, zeleneev@marsu.ru

Address: [1] Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation

Расселение мордвы: её этническая и политическая история в XIII—XV вв.

Keywords: Middle Volga region, 13th—15th centuries, Mordvins, Erzya, Moksha, Mongol invasion, Golden Horde period, ethnic history, political history.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, XIII—XV вв., мордва, эрзя, мокша, монгольское завоевание, золотоордынский период, этническая история, политическая история.

A. Yu. Zeleneev

Distribution of Mordvins: their Ethnic and Political History in the 13th—15th Centuries

The article presents peculiarities of the ethnic and political development of Mordvins in the Golden Horde period. In the pre — Golden Horde time, the Mordvins divided into two smaller ethnic groups, Erzya and Moksha. After the Mongol invasion (1240), Moksha lands became part of the Golden Horde, and Erzya lands were divided by Russian knyazes from Vladimir and Murom. A part of Erzya lands were also located on the very border of the Golden Horde. Such division contributed to further separation of the two ethnic groups. Starting from 1430—1440s, after the fall of Jochi's Ulus and up to 1552, the lands of the Mordvins became subject of continuous struggle between Kazan khanate and Moscow principality. Thus, Mordvins still remained in the composition of two separate states. Nevertheless, it is possible that a certain part of the Mordvin population was independent at that time.

А. Ю. Зеленеев

Расселение мордвы: её этническая и политическая история в XIII—XV вв.

В статье рассматриваются особенности этнического и политического развития мордвы в золотоордынский период. В предмонгольское время у мордвы сложились два субэтноса — эрзя и мокша. В результате монгольского завоевания (1240 г.) земли мокши оказались в составе Золотой Орды, а земли эрзи — под властью русских князей (владимирских и муромских) или на золотоордынском пограничье. Это способствовало дальнейшему разделению двух субэтносов. С рубежа 30—40-х гг. XV в., после распада Улуса Джучи, и до 1552 г. за мордовские земли боролись Казанское ханство и Московское княжество, и мордва по-прежнему находилась в составе двух разных государств, хотя, возможно, какая-то часть мордовского населения в это время была независимой.

Перед монгольским нашествием, т. е. в начале XIII века, у мордвы завершилось формирование двух субэтносов — эрзи и мокши. Одновременно завершается и этнополитическое их объединение. Ядром эрзянского (Пургасовского) объединения стал бассейн средней Тёши. Ядро мокшанского (Пурешевского) объединения располагалось в бассейне средней Мокши и верхнего Вада (Шитов 2000: 55) (рис. 1). Фактически же район, заселённый субэтносами мордвы, был несколько большим. Так, мордовское население появляется на среднем Алатыре, где известно Крутогорское поселение «Гладкое», датируемое предзолотоордынским временем (Зеленеев 1994: 44—45), а не XIII—XV вв., как предполагал П. Д. Степанов (Степанов 1946: 67). Мордва довольно плотно продолжает заселять территории Верхнего Посурья. Правда, нужно отметить, что в предмонгольский период в мордовские земли идёт активное проникновение немордовских культурных и этнических элементов. Так, в южные земли, заселённые мордвой, проникает болгарское население. При этом в XI—XIII вв. оно привносит сюда элементы культуры, которые можно связать с городской культурой мусульманского Востока. Но коренной

© А. Ю. Зеленеев, 2015.

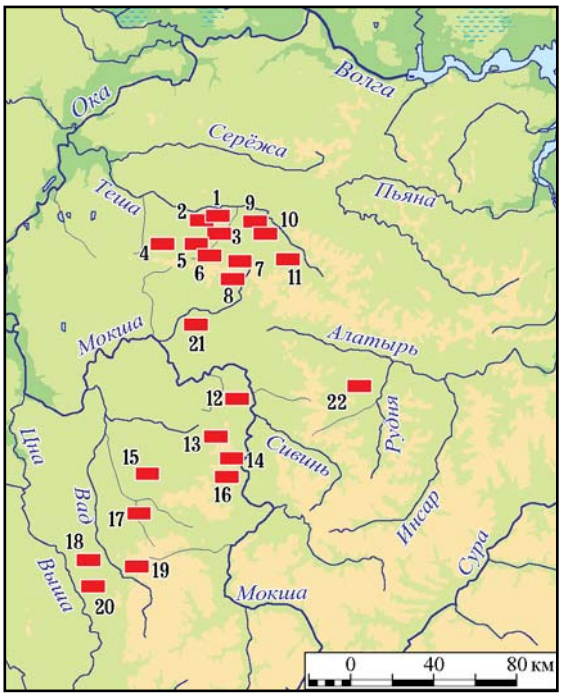


Рис. 1. Погребальные памятники мордвы в XI—XIII вв.: 1 — «Пятница» VII; 2 — Личадеево V; 3 — Стексовский; 4 — Младший Кужендеевский; 5 — Погибловский; 6 — Сыресевский; 7 — Выползово II; 8 — Выползово VI; 9 — Красное I; 10 — Заречное II; 11 — Коринский; 12 — Стародевиченский; 13 — Мордовско-Паркинский; 14 — Ефаевский; 15 — Куликовский; 16 — Черемисский; 17 — Кельгининский; 18 — Старобадиковский I; 19 — Татаро-Лакинский; 20 — Сядемский; 21 — Саровский; 22 — Дубровский (по Шитов 2000: рис. 3).

Fig. 1. Mordvin funerary sites in 11th—13th centuries: 1 — "Piatnitsa" VII; 2 — Lichadeevo V; 3 — Steksovskii; 4 — Mladshii Kuzhendeevskii; 5 — Pogiblovskii; 6 — Syresevskii; 7 — Vypolzovo II; 8 — Vypolzovo VI; 9 — Krasnoe I; 10 — Zarechnoe II; 11 — Korinskii; 12 — Starodevichenskii; 13 — Mordovsko-Parkinskii; 14 — Efaevskii; 15 — Kulikovskii; 16 — Cheremisskii; 17 — Kel'gininskii; 18 — Starobadikovskii I; 19 — Tataro-Lakinskii; 20 — Siademskii; 21 — Sarovskii; 22 — Dubrovskii (after Шитов 2000: рис. 3).

смены населения в Посурье в этот период не произошло, и мордва продолжала проживать на этих землях совместно с болгарами, возможно, даже имея политическую самостоятельность (земля Пуреша) (Загайнова, Зеленеев, Зеленцова 2006: 165—171).

Осенью 1236 года войска Бату-хана вторглись в Волжскую Болгарию и до осени 1237 года вели боевые действия в её пределах, в том числе и против финно-угорских народов, входивших в её состав. Венгерский монах Юлиан сообщил, что «кроме того, они (монголы — *А.З.*) напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство Морданов» (Аннинский 1940: 85). Из всех перечисленных территорий идентификация царства Морданов с мордвой не вызывает сомнений, при этом подчёркивается не племенной, а государственный статус мордовских земель. В 1239 году монголы совершили новый поход на мордву (Черепнин 1970: 184). Реконструировать пути вторжения монголов в мордовские земли, как это делают некоторые исследователи (Гришаков 2004: 56—57), мы не можем, так как для этого нет достаточного количества источников, да и походов в это время могло быть больше, чем те два, о которых известно достоверно (Зеленеев 2000: 20).

Мордовский народ не имел возможности покинуть обжитые места, спасаясь от разгрома и уничтожения, что связано и с устоявшимся к XIII веку хозяйственным укладом, и с отсутствием каких-то свободных земель по соседству. Поэтому к 1240 году мордва была покорена и даже участвовала в походе монголов на Европу (Документы 1940: 182).

Монгольский разгром мордовских земель так же, как и в других местностях, сыграл негативную роль и привёл к сокращению населения и упадку производительных сил общества. Археологически это подтверждается тем, что в ряде регионов, заселённых мордвой, в середине XIII века прекращают функционировать поселения (Мартьянов 1995: 51) и могильники. Так, например, на Кельгининском могильнике, расположенном в бассейне реки Мокши, после первой трети XIII века возобновляется захоронение покойных не ранее середины XIV века.

В отличие от русских княжеств, мордовские земли оказались не в вассальной зависимости от Золотой Орды, а непосредственно в составе этого государства. Граница между Улусом Джучи и русскими землями в районах расселения мордвы проходила в 1241—1380 гг. по нижнему течению рек Цна и Мокша. От устья Мокши граница шла по правому берегу Оки вниз по течению, до впадения в неё Тёши. Далее граница шла по рекам Тёше и Серёже, а затем по течению реки Пьяны до её впадения в реку Суру. Отсюда она вновь отклоняется к северу и идёт по Суре до впадения последней в Волгу (Егоров 1985: 44).

Конечно, намеченная граница весьма условна и, скорее всего, существовала определённая зона, в которой отсутствовала постоянная власть русских княжеств или Золотой Орды. Так, например, Елатьма, находящаяся на левом берегу реки Оки, ещё под 1381 годом упоминается как мордов-

ский городок, в русские земли не входящий (Археологическая карта 1993: 87). Тем не менее, предложенный вариант разграничения русских и ордынских земель в районе расселения мордвы подтверждается и данными археологии, и письменными источниками. Так, земли севернее Тёши, Серёжи и Пьяны в XII — первой половине XIII века были ареной упорной борьбы мордвы с русской княжеской экспансией, и уже к середине XIII века были частью покинуты мордвой, а частью мордовское население было подчинено здесь владимирским и муромским князьям. Мордовские земли, находящиеся южнее этой линии, вплоть до 1380 года и даже позднее находились в составе Золотой Орды, что подтверждается, например, сообщением о сражении 1377 года, когда суздальско-московское войско, действовавшее в Межпьянье, оказалось на территории, скорее всего, подчинённой Золотой Орде (Сафаргалиев 1960: 132).

Политическая ситуация, существовавшая в XIII—XV вв. в Восточной Европе, способствовала дальнейшему формированию в составе мордовского этноса двух субэтносов — эрзи и мокши. Северные мордовские земли, населённые эрзей, оказались частично на золотоордынском пограничье, где власть ханской администрации была слабее, а частью вообще остались в составе Северо-Восточной Руси, в которую они вошли ещё до середины 30-х годов XIII века. Мокшанские же земли оказались практически полностью непосредственно в составе Золотой Орды. Об этом говорит и привлечение именно мокшанских воинов во главе со своим князем к походу Батухана в Центральную Европу в 1240—1241 гг., что отражено в записках Рубрука (Документы 1940: 181).

Среди подвластного Золотой Орде мордовского населения численно преобладала мокша, поэтому в восточных источниках, авторы которых сведения получали в Золотой Орде, название мокша (мухша, мохша), скорее всего, распространялось на всю мордву. В русских летописях закрепляется домонгольская традиция объединённого названия народа — мордва. При этом легко заметить, что в большей степени русские источники этот этноним соотносят с эрзей.

Несмотря на военный разгром конца 30-х годов XIII века, по-видимому, уже к концу этого века происходит полное восстановление производительных сил и численности мордовского народа. Хотя некоторые территории, особенно в междуречье Тёши и Мокши, так и не восстановились до доордынского уровня, но на многих мордовских территориях население не было уничтожено и не переселилось в другие места. Так, Гильом де Рубрук, посетивший Золотую Орду в начале 50-х годов XIII века отмечает, что земли в междуречье Дона и Волги заняты команами, которых он называет капчат, а севернее их находится территория мордвы, которую он называет моксель и мердас (Рубрук 1997: 108—109). Т. е. даже после событий похода Бату мордва продолжала занимать те же земли, которые она занимала и до монгольского нашествия, и проживала там, где традиционно считалось невозможно жить народам ввиду опасности ордынских набегов.

В период же наибольшего могущества Золотой Орды (первая половина — середина XIV века) мордва переживает некий демографический взрыв, в результате которого она не только продолжает заселять территории, которые традиционно занимала и в дозолотоордынский период, но и осваивает новые для себя земли в Нижнем Поволжье (Шитов 2000: 58—59) (рис. 2).

Так, в XIV веке происходит переселение части мордвы на территорию бывшей Волжской Болгарии (Казаков 1995: 36), где в это время известны надгробия с тахаллусами — фамилиями, включающими этноним мухши (мокша) (Мухаметшин 1994: 106). Этот факт подтверждается и распространением керамики, которую Н. А. Кокорина выделяет как тип 22 и соотносит с волжскими финнами (Кокорина 1994: 197—198). Скорее всего, именно эти переселенцы и положили начало той части мордвы, которая впоследствии получила название каратаев (Зеленеев 1999: 24).

Мордовские могильники в XIV веке появляются в Самарском Поволжье: эрзянский могильник Барбашина Поляна; мокшанский Муранский; эрзянско-мокшанский 2 Усинский. В Саратовском Поволжье известен мокшанский Аткарский могильник (Газимзянов 1995: 21—22). Мордовские сюльгамы были найдены в ходе раскопок Селитренного городища (г. Сарай) (Зеленеев 1993). Причем, скорее всего, эти находки говорят о присутствии людей мордовской национальности среди жителей города.

Причиной значительного увеличения мордовской этнической территории была политическая стабильность, которую мы наблюдаем в Золотой Орде в первой половине XIV века. Безопасность жизни в государстве для его подданных независимо от этнической принадлежности и позволяла осущест-

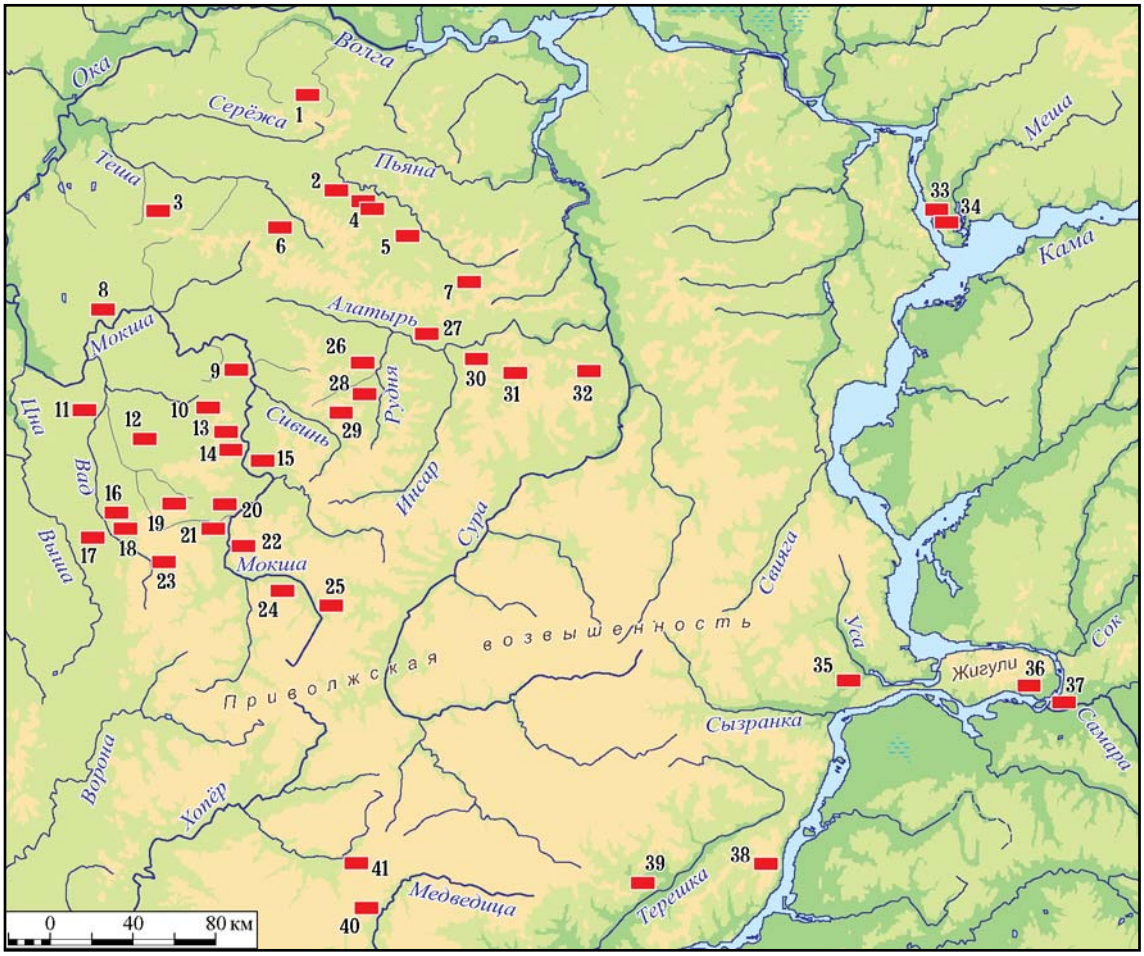


Рис. 2. Погребальные памятники мордвы в XIII—XIV вв.: 1 — Сарлейский; 2 — Ичаловский; 3 — Младший Кужендеевский; 4 — Борнуковские I, II; 5 — Гагинский; 6 — Коринский; 7 — Большеигнатьевский; 8 — Нароватовский; 9 — Стародевиченский; 10 — Мордовско-Паркинский; 11 — «Заря»; 12 — Куликовский; 13 — Ефаевский; 14 — Черемисский; 15 — Волгапинский; 16 — Калиновский; 17 — Старобадиковский I; 18 — Пичпандинский; 19 — Беднодемьяновский; 20 — Паньжинский; 21 — Старосотенский; 22 — «Казбек»; 23 — Кармалейский; 24 — Долгоруковский; 25 — Чернозерский; 26 — Дубровский; 27 — Кендянский; 28 — Василевский; 29 — Вертелимский; 30 — Папулевский; 31 — Киржеманский; 32 — Манадышский; 33 — Карташихинский I; 34 — Карташихинский I I; 35 — Муранский; 36 — Усинский II; 37 — Барбашинский; 38 — Черемшанский; 39 — Покровский; 40 — Аткарский; 41 — Комаровский (по Шитов 2000: рис. 4).

Fig. 2. Mordvin funerary sites in 13th—14th centuries: 1 — Sarleiskii; 2 — Ichalovskii; 3 — Mladshii Kuzhendeevskii; 4 — Bornukovskie I, II; 5 — Gaginskii; 6 — Korinskii; 7 — Bol'sheignat'evskii; 8 — Narovatovskii; 9 — Starodevichenskii; 10 — Mordovsko-Parkinskii; 11 — "Zaria"; 12 — Kulikovskii; 13 — Efaevskii; 14 — Cheremisskii; 15 — Volgapinskii; 16 — Kalinovskii; 17 — Starobadikovskii I; 18 — Pichpandinskii; 19 — Bednodem'ianovskii; 20 — Pan'zhinskii; 21 — Starosotenskii; 22 — "Kazbek"; 23 — Karmaleiskii; 24 — Dolgorukovskii; 25 — Chernozerskii; 26 — Dubrovskii; 27 — Kendianskii; 28 — Vasilevskii; 29 — Vertelimskii; 30 — Papulevskii; 31 — Kirzhemanskii; 32 — Manadyshskii; 33 — Kartashikhinskii I; 34 — Kartashikhinskii I I; 35 — Muranskii; 36 — Usinskii II; 37 — Barbashinskii; 38 — Cheremshanskii; 39 — Pokrovskii; 40 — Atkarskii; 41 — Komarovskii (after Шитов 2000: рис. 4).

влять освоение мордвой удобных для занятия пашенным земледелием степных и лесостепных районов Нижнего Поволжья.

Последний крупный поход после Бату-хана на мордву относится к 1288 г. (Документы 1940: 123). После этого мордва почти 100 лет не участвовала в больших войнах, что, несомненно, также способствовало экономическому и этническому развитию народа.

В то же время в собственно мордовские земли в золотоордынский период усиливается проникновение иноэтничного населения. В частности, отмечается переселение в этот регион тюрок, о чём говорит наличие в мордовских могильниках мужских захоронений с останками коня и полным набором вооружения и снаряжения всадника кочевнического облика. К таким памятникам относится могильник Красное 1, раскопанный В.Н. Мартьяновым в бассейне реки Теши в районе современного города Арзамаса (Зеленеев 2002: 210).

Скорее всего, в XIV веке, если не ранее, возобновляется расселение русских в мордовские земли. Несомненно, к русским поселениям относится Шаверское 3 поселение в Примокшанье и Порецкое поселение в Посурье. В то же время, на обоих этих поселениях найдена керамика, которую можно отождествлять с мордовской, а на Шаверском 3 поселении к тому же есть и мордовские сюльгамы. Данный факт говорит о возможном совместном проживании мордвы и русских в сельских населённых пунктах в XIV—XV вв.

В начале XV века мордва продолжала оставаться в составе Улуса Джучи. Это отмечается и в русской летописи под 1408 годом при описании специальной операции московского князя Василия Дмитриевича по поимке жены нижегородского князя Семёна: «И идоша на мордву, наехаша же в *Татарской земле* (выделено мной — *Ал. З.*), на месте, называемом Цибирца…» (Документы 1940: 129). Цибирца — это речка Чеберчинка или посёлок Чеберчино в современном Дубёнском районе Мордовии (Полубояринова 1978: 14).

В последующие 40 лет идёт постепенное вытеснение Орды из мордовских земель Московским княжеством и переход части бывшего Мордовского улуса под московскую юрисдикцию. В связи с этим изменяется и военно-политическая ориентация мордвы. Теперь она участвует в войнах не на стороне Орды и постордынских государств, а на стороне Москвы. Так, в 1444 году мордва в составе московских войск участвует в походе против войск царевича Мустафы под Рязань. В ответ на это в следующем 1445 г. «воеваша татарове мордву…» (Документы 1940: 129—130).

Распад Улуса Джучи привёл к фактической и формальной ликвидации так называемого Мордовского улуса. С рубежа 30-х — 40-х годов XV века в мордовских землях сталкиваются интересы двух государств, борющихся за золотоордынское наследство: Казанского ханства и Московского княжества. Мордва до 1552 года находилась в составе как одного, так и другого из этих государств. Возможно, что южная часть её входила до 1502 г. в состав Большой орды, а часть вообще была независимой.

Литература

Аннинский С. А. 1940. Известия венгерских миссионеров о татарах в XIII—XIV вв. *Исторический архив* 3. Москва; Ленинград, 71—112.

Археологическая карта 1993: *Археологическая карта России. Рязанская область* 2. Москва: ИА РАН.

Газимзянов И. Р. 1995. Антропологические материалы из средневолжских мордовских могильников эпохи средневековья. В: Архипов Г. А. (ред.). *Узловые проблемы финно-угроведения*. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; Научный центр финно-угроведения, 21—22.

Гришаков В. В. 2004. Мордва и Золотая Орда. В: Макаркин Н. П. (гл. ред.). *Мордва*. Саранск: Мордовское книжное издательство, 56—61.

Рубрук Г. 1997. Путешествие в восточные страны. В: Плано Карпини Дж., дель. *История монгалов*. 3-е изд.; Гильом де Рубрук. *Путешествие в восточные страны*. 3-е изд.; *Книга Марко Поло*. 4-е изд. Москва: Мысль.

Документы 1940: *Документы и материалы по истории Мордовской АССР*. 1940. Т. 1. Саранск: Мордовское книжное издательство.

Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды*. Москва: Наука.

Загайнова Л. П., Зеленеев Ю. А., Зеленцова О. В. 2006. Новые данные о проникновении культуры волжских болгар в мордовские земли (поселения X—XIV вв. в лесостепном Посурье по работам 2005 г.). В: Кызласов И. Л., Зеленеев Ю. А. (отв. ред.). *Средневековая археология Евразийских степей*. МИАП 3. Москва; Йошкар-Ола: МарГУ, 158—200.

Зеленеев Ю. А. 1993. *Отчёт о раскопках на 19 раскопе Селитренного городища (Сарай-Бату) в 1993 г.* Архив ИА РАН. Р-1. № 18385.

Зеленеев Ю. А. 1994. Разведка в Мордовии. В: Никитин В. В. (отв. ред.). *Археологические открытия Урала и Поволжья*. Йошкар-Ола: МарГУ; МНИИЯЛИ, 44—45.

Зеленеев Ю. А. 1999. Расселение финно-угров в Волго-Камье в XIII—XV вв. *Финно-угроведение* (2—3), 23—24.

Зеленеев Ю. А. 2000. Мордва в составе Улуса Джучи. *Восток* (6), 19—25.

Зеленеев Ю. А. 2002. Источники по этнической истории Улуса Джучи. В: Усманов М. А. (ред.). *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223—1556*. Казань: Институт истории АН РТ, 207—215.

Казаков Е. П. 1995. Взаимодействие волжских болгар с уграми и финнами. Культурно-хронологическая специфика этапов. В: Архипов Г. А. (ред.). *Узловые проблемы финно-угроведения*. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола: МНИИЯЛИ; Научный центр финно-угроведения, 35—37.

Кокорина Н. А. 1994. О финно-угорском компоненте в булгарской и булгаро-татарской культурах (по материалам керамики). В: Архипов Г. А., Никитина Т. Б. (науч. ред.). *Проблемы средневековой археологии волжских финнов*. АЭМК 23. Йошкар-Ола, 185—213.

Мартьянов В. Н. 1995. Вопросы древней этнической истории мордвы-эрзи. В: Архипов Г. А. (ред.). *Узловые проблемы финно-угроведения*. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола: МНИИЯЛИ; Научный центр финно-угроведения, 49—51.

Мухаметшин Д.Г. 1994. Социальная терминология булгарских эпитафий XIII—XIV вв. В: Зеленеев Ю.А. (отв. ред.). *Историко-археологическое изучение Поволжья*. Йошкар-Ола: МарГУ, 100—107.

Полубояринова М.Д. 1978. *Русские люди в Золотой Орде*. Москва: Наука.

Сафаргалиев М.Г. 1960. *Распад Золотой Орды*. Саранск: Мордовское книжное издательство.

Степанов П.Д. 1946. Археологические работы в Мордовской АССР в 1940—1941 гг. *Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР* 6. *История и археология*. Саранск, 64—94.

Черепнин Л.В. 1970. Монголо-татары на Руси (XIII в.). В: Тихвинский С.Л. (отв. ред.). *Татаро-монголы в Азии и Европе*. Москва: Наука, 186—206.

Шитов В.Н. 2000. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников). В: Мосин М.В. (гл. ред.). *Финно-угорский мир: история и современность*. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Саранск: Мордовский гос. университет, 52—60.

References

Anninskii, S. A. 1940. In *Istoricheskii arkhiv (Historical Archive)* 3. Moscow; Leningrad, 71—112 (in Russian).

Arkheologicheskaia karta Rossii. Riazanskaia oblast' (Archaeological map of Russia. Ryazan region). 1993. Part 2. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Gazimzianov, I. R. 1995. In *Uzlovye problemy finno-ugrovedeniia*. Materialy I Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov (*Key problems of Finno-Ugric studies*. Materials of Ist all-Russian Conference of Finno-Ugric researchers). Yoshkar-Ola: Mari scientific and research Institute of language, literature and history; Scientific center of Finno-Ugric studies, 21—22 (in Russian).

Grishakov, V. V. 2004. In *Mordva (Mordvins)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 56—61 (in Russian).

Rubrouck, G. 1997. In Plano Carpini, G. del. *Istoriia mongalov*; Guillaume de Rubrouck. *Puteshestvie v vostochnye strany*; *Kniga Marco Polo* (Plano Carpini, G. del. *Ystoria Mongalorum*; Guillaume de Rubrouck. *The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts*; *Book of Marco Polo*). Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).

Dokumenty 1940: *Dokumenty i materialy po istorii Mordovskoi ASSR (Documents and materials to the history of Mordovian ASSR)*. 1940. Vol. 1. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zagainova, L. P., Zeleneev, Yu. A., Zelentsova, O. V. 2006. In *Srednevekovaia arkheologiia Evraziiskikh stepei (Medieval archaeology of Eurasian steppes)*. Materials and Researces on the Archaeology of Volga Region 3. Moscow; Yoshkar-Ola: Mari State University, 158—200 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1993. *Otchet o raskopkakh na 19 raskope Selitrennogo gorodishcha (Sarai-Batu) v 1993 g. (Report on excavations of trench 19 on Selitren fortified settlement (Sarai Batu) in 1993)* Archive of Institute of History, Russian Academy of Sciences. P-1, no. 18385 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1994. In *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in Ural and Volga Region)*. Yoshkar-Ola: Mari State University; Mari scientific and research Institute of language, literature and history, 44—45 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1999. In *Finno-ugrovedenie* (*Finno-Ugric studies*) (2—3), 23—24 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 2000. In *Vostok (Orient)* (6), 19—25 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 2002. In *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ordy). Ot Kalki do Astrakhani 1223—1556 (Sources to the history of Djuci Ulus (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan 1223—1556)*. Kazan: Academy of Sciences of Republic of Tatarstan, Institute of History, 207—215 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1995. In *Uzlovye problemy finno-ugrovedeniia*. Materialy I Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov (*Key Problems of Finno-Ugric Studies. Materials of Ist all-Russian Conference of Finno-Ugric Researchers*). Yoshkar-Ola: Mari scientific and research Institute of language, literature and history; Scientific center of Finno-Ugric studies, 35—37 (in Russian).

Kokorina, N. A. 1994. In *Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov* (*Problems of Medieval archaeology of Volga Fins*). Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Marii El) 23. Yoshkar-Ola, 185—213 (in Russian).

Martyanov, V. N. 1995. In *Uzlovye problemy finno-ugrovedeniia*. Materialy I Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov (*Key Problems of Finno-Ugric Studies. Materials of Ist all-Russian Conference of Finno-Ugric Researchers*). Yoshkar-Ola: Mari scientific and research Institute of language, literature and history; Scientific center of Finno-Ugric studies, 49—51 (in Russian).

Mukhametshin, D. G. 1994. In *Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Povolzh'ia (Historical and archaeological study of Volga region)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 100—107 (in Russian).

Poluboyarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russians in the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Safargaliev, M. G. 1960. *Raspad Zolotoi Ordy (The Fall of Golden Horde)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Stepanov, P. D. 1946. In *Zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta pri Sovete ministrov Mordovskoi ASSR* 6. *Istoriia i arkheologiia (Reports of the Scientifical and research Institute affiliated to the council of ministers of Mordovian ASSR* 6. *History and Archaeology)*. Saransk, 64—94 (in Russian).

Cherepnin, L. V. 1970. In *Tataro-mongoly v Azii i Evrope (Tatars and Mongols in Asia and Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 186—206 (in Russian).

Shitov, V. N. 2000. In *Finno-ugorskii mir: istoriia i sovremennost'* (*Finno-Ugric world: history and contemporaneity*). Saransk: Mordovian State University, 52—60 (in Russian).

А. Н. Масловский

Andrei Maslovskiy. Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve [1].

Масловский Андрей Николаевич. Кандидат исторических наук. Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.

E-mail: maslovskiazak@mail.ru

Address: [1] Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation

Заметки по топографии золотоордынского города Азака

Keywords: Lower Don, Azov, Azak, Tana, Golden Horde town, topography, economic development.

Ключевые слова: Нижний Дон, Азов, Азак, Тана, золотоордынский город, топография, экономическое развитие.

A. N. Maslovskiy

Notes on the Topography of the Golden Horde Town of Azak

The article represents a study of the topography of the Golden Horde town of Azak, which has remained quite underresearched until present. In the 18th — first half of 20th centuries, the hillfort did not attract attention of the Russian historians and archaeologists. Nowadays the territory of the Medieval Azak is completely built-up and archaeological investigations of 20th—early 21th century have been conducted on separate sectors, mainly in the new construction zones. According to the results of research, one can determine the borders of the Medieval town at different stages of its existence. The author discusses different aspects of the economic development of Azak as well as peculiarities of urban development. He localizes various social, professional and ethnic population groups within the town's territory, together with common buildings, sources of water supply, town necropolises, fortifications and so on.

А. Н. Масловский

Заметки по топографии золотоордынского города Азака

Статья посвящена исследованию топографии золотоордынского города Азака, которая до сих пор оставалась слабо изученной. В XVIII — первой половине XX вв. городище не привлекло внимания русских историков и археологов. В настоящее время территория средневекового Азака полностью застроена, и археологические исследования XX — начала XXI вв. проводились на отдельных участках, преимущественно в зоне новостроек. По результатам исследований определяются границы средневекового города на разных этапах его существования. Рассматриваются различные аспекты экономического развития Азака, особенности городского благоустройства. Осуществляется локализация в пределах города различных социальных, профессиональных и этнических групп населения, общественных зданий, источников водоснабжения, городских могильников, оборонительных сооружений и др.

Нет необходимости доказывать, что определение площади города, его структуры, плотности застройки совершенно необходимо для решения многих вопросов, как археологических, так и общеисторических. Большинство других наиболее крупных городских центров Улуса Джучи давно стали предметом специальных исследований, им посвящены также разделы в обобщающих исследованиях и отдельные экскурсы в статьях с иной тематикой (Городцов 1911; Федоров-Давыдов 1964: 249—262; Бочаров 2001; 2006; Ильина 2003; 2005; 2006; Глухов 2006 и др.). Появляются и теоретические работы, цель которых — вывести общие закономерности развития структуры золотоордынских городов (Блохин 2001; Зеленеев 2005: 165—168 и др.).

Белым пятном на этом фоне является топография Азака, которой посвящено всего несколько кратких публикаций (Фомичев 1981; 1990; Волков 1990; 1992). До недавнего времени не было опубликовано даже самого схематичного плана городища. Причин слабой изученности этого памятника несколько. Во-первых, городище практически полностью застроено современным городом.

© А. Н. Масловский, 2015.

Любые особенности микрорельефа, которые бы могли помочь в исследовании его топографии, исчезли бесследно. Во-вторых, территория Азака, особенно приречная часть, сильно пострадала от широкомасштабных земляных работ в период русско-турецких войн XVII—XVIII вв. Некоторые наиболее интересные для изучения истории города участки были полностью уничтожены. В-третьих, к сожалению, в XVIII — первой половине XX вв., до того как оно было полностью застроено, городище не привлекло внимание русских историков и археологов, и ничего подобного планам и описаниям, пусть даже схематичным, сделанным на других золотоордынских городищах, к сожалению, не существует. Однако при реконструкции в 2005 г. улицы у здания музея, построенного в 1892 г., был обнаружен тротуар из золотоордынской плинфы, на него ушли тысячи кирпичей. Следовательно, в конце XIX в. еще фиксировались руины фундаментальных построек, от которых сейчас не осталось и следа. По всем этим причинам даже определение границ городища вызывает большие затруднения.

Казалось бы, могут помочь материалы письменных источников, прежде всего итальянских, которые сохранились в достаточно большом количестве. Конечно, в основном они касаются венецианской и генуэзской колоний. Сведений они содержат действительно довольно много. По ним известно, например, что на территории венецианского квартала было две улицы, идущие с севера на юг; что дом консула располагался на западной границе квартала; упоминаются кварталы рыбаков, греков, армян, евреев, алан, зихов, бани, церкви и др. (Карпов 2001: 24; Волков 1989; Фомичев 1994). Но, к сожалению, район, который по преимуществу отражен в итальянских документах, археологически практически не исследован, а если когда-нибудь здесь и будут проведены значительные по объему исследования, крайне маловероятно, что будут найдены какие то объекты, поддающиеся идентификации по данным письменных источников, которые могли бы послужить надежными ориентирами.

Картографические материалы относятся к периоду не ранее XVIII века. При этом все планы военных топографов фиксируют лишь саму крепость. Но даже привязка их к сохранившимся валам вызывает определенные затруднения[1]. Ещё более проблематично использовать их для уточнения рельефа городища.

Впервые более или менее планомерные работы по изучению Азака начал в предвоенные годы директор музея И. Д. Тиунов. По его приглашению в 1935, 1938 и 1940 гг. в различных районах города проводили исследования сотрудники Ростовского бюро охраны памятников революции, искусства и культуры С. А. Вязигин и Б. В. Лунин. По всей видимости, подробных планов незастроенной в то время южной (Привокзальной) части городища сделано не было, хотя в отчетах отмечается, что ещё фиксировались бугры на месте разрушенных домов. Наблюдения и сборы И. Д. Тиунова 1930—1950-х гг. легли в основу первого плана городища (Фомичев 1990: 35). К сожалению, в архиве музея, кроме самой карты, никаких материалов не сохранилось. В дальнейшем исследования проводились Л. М. Казаковой (1960—1964 гг.), Л. Л. Галкиным (1971 г.), Н. М. Булатовым (1973 г.), Н. М. Фомичевым (1972—1978 гг.), В. В. Чалым (1979—1984 гг.). Некоторые результаты этих исследований были обобщены в статье Н. М. Фомичева (Фомичев 1981). В ней он определил границы кварталов гончаров, косторезов, металлообрабатывающих ремесел.

С 1979 г. и по сегодняшний день, практически ежегодно, целым рядом исследователей проводятся широкомасштабные археологические раскопки в зоне новостроек на территории Азака. Частично результаты этих работ были подытожены Н. М. Фомичевым (Фомичев 1990). Им был предложен второй вариант границ городища (рис. 1). Но большая часть данных, в том числе по топографии города, ещё нуждается в обработке и осмыслении. Локализации местоположения венецианского замка посвящено две работы И. В. Волкова (Волков 1990; 1992). Топографии следов гончарного производства посвящена статья В. И. Перевозчикова, где также был предложен третий вариант границ городища (Перевозчиков 2001), который, однако, не был никак специально обоснован. Тезисное изложение некоторых наблюдений о структуре опубликовано автором данной статьи (Масловский 2006а). Этим, собственно, и ограничивается литература по топографии золотоордынского Азака. Между тем, масштабность проводимых раскопок и охват ими большинства районов городища позволяет решить многие вопросы, связанные с его топографией. Отчасти мы даже находимся в лучшем положении, чем исследователи других крупных золотоордынских центров, кото-

[1] См. например: Волков 1992.

Рис. 1. План Азака с границами городища на разных хронологических отрезках: a — граница города по И.Д. Тиунову; b — граница города по Н.Ф. Фомичёву; c — горизонталь 20 м над уровнем моря; d — местоположение домонгольского поселения; e — граница города к 1300 г.; f — раскопы с материалами XIII в.; g — граница города к 1395 г. Места раскопок: 1 — Суворова 23 (2002); 2 — Р. Люксембург 15 (1992, 1999, 2001); 3 — Энгельса 15 (1998); 4 — Лермонтова 6 (2006); 5 — Ленинградская 11 (2000), Московская 4 (2005); 6 — Московская 16 (2001); 7 — Чехова 3 (1997); 8 — Московская 7 (1995); 9 — Октябрьская 9 (2002); 10 — Октябрьская 11 (2003); 11 — Московская 38/40 (1999).

Fig. 1. Plan of Azak with the indication of its limits at different chronological stages: a — town border after I.D. Tiunov; b — town border after N.F. Fomichev; c — horizontal line of 20 meters above sea level; d — location of the pre-Mongol settlement; e — town border by cca 1300; f — trenches with materials from 13th century; g — town border by 1395. Places of excavations: 1 — Suvorov St., 23 (2002); 2 — R. Luxemburg St., 15 (1992, 1999, 2001); 3 — Engels St., 15 (1998); 4 — Lermontov St., 6 (2006); 5 — Leningradskaya St., 11 (2000), Moskovskaya St., 4 (2005); 6 — Moskovskaya St., 16 (2001); 7 — Chekhov St., 3 (1997); 8 — Moskovskaya St., 7 (1995); 9 — Oktiabrskaya St., 9 (2002); 10 — Oktiabrskaya St., 11 (2003); 11 — Moskovskaya St., 38/40 (1999).

рые либо почти полностью уничтожены, либо изучаются на территории отдельных небольших участков. Вместе с тем, анализ этого обширного массива информации далек от завершения, к тому же, результаты исследований самых последних лет постоянно вносят всё новые коррективы в наши представления, а на многие вопросы ещё нет ответов. Поэтому данная статья построена в форме ряда отдельных очерков.

1. Выбор места для строительства

Почему город возникает именно на этом месте, а не, скажем, в 15 км дальше на восток? Почему в качестве городского развивается именно это поселение, а не соседнее? Исследователи редко задают эти вопросы. Ответы на них считаются, видимо, либо слишком очевидными, либо недока-

зуемыми. Обоснования того, почему именно этот город стал, например, столицей государства, сводятся к самым общим соображениям. Почему именно в этом месте возникает город, и почему именно этот город становится крупным центром? Есть ли здесь закономерности или здесь мы имеем дело с факторами случайности? Ответы на эти вопросы, на мой взгляд, очень важны для понимания механизмов урбанизации. В случае с Азаком вопрос можно сформулировать следующим образом. Почему из ряда поселений, возникших в предмонгольский период и на раннем этапе существования Улуса Джучи в низовьях Дона и Приазовье (Волков 2003), крупным городским центром стал Азак, а остальные поселения остались для нас безымянными? Думается, для данной частной ситуации ответ можно найти, уяснив, какие именно функции должен был выполнять этот город.

Любой город — место концентрации и перераспределения прибавочного продукта. Однако, помимо обычных функций производственного, торгового, административного и др. центра, в данном случае от города требовалось стать портом, пригодным для приема морских судов, своеобразными морскими воротами Золотой Орды. При этом он должен был иметь удобные и желательно наиболее короткие пути сообщения с центральными регионами государства, а также находиться на естественном пересечении торговых путей. При том покровительстве торговле, которое оказывали золотоордынские ханы, эти условия были весомыми факторами при определении места возникновения города.

Кратчайший, наиболее удобный и безопасный маршрут из Нижнего Поволжья к морским торговым путям в Европу и на Ближний Восток лежал по Дону или через степи к Азовскому морю. Азовское же море дает мало возможностей для выбора. Практически по всему его периметру морские суда вынуждены были останавливаться на рейде далеко от берега, из-за крайней мелководности прибрежных участков (Скржинская 1971: 52). Именно поэтому в середине XIII в., по сообщению Г. де Рубрука, суда вынуждены были плыть только до Матреги, откуда к устью Дона посылались барки (Путешествия 1957: 88). Значительные неудобства это мелководье доставляло и позднее, в XIV в., при погрузке зерна на итальянские корабли. Для устройства портовых городов оставались лишь устья Дона и Кубани. В устье Кубани уже существовал порт Матреги, но путь сюда из Поволжья был менее удобен, чем к устью Дона, тем более что из Дона на Волгу корабли можно было перетащить. Собственно, мысль о том, что именно это место было наиболее благоприятно для возникновения крупного торгового центра, в силу того, что именно здесь море глубже всего врезается в степь, и расположено оно на реке, связанной с Волгой, уже высказывалась (Скржинская 1971: 33—34).

Но и сам Дон достаточно мелководен, особенно в летнее время, когда и осуществлялась морская навигация. Даже в низовьях, всего в трех днях пути выше Азова в XIV в. реку можно было пересечь вброд (Тизенгаузен 1884: 284). При этом переправа, судя по тому, что Ибн-Батутта приехал 6 мая в Бештау (Тизенгаузен 1884: 289) и нигде не задерживался, происходила в апреле, т.е. при высокой воде. С этой же проблемой столкнулись и русские моряки в конце XVII в. (Перепечаева 2003: 102—103), особенно при проводке судов, построенных на воронежских верфях, в море. Это оказалось возможным, даже в половодье, не каждый год. И в настоящее время морские суда, идущие по Дону, иногда садятся на мель у станицы Нижнегниловской (ныне западная окраина г. Ростова-на-Дону), где русло Дона разделяется на рукава. Следовательно, для устройства морского порта подходили лишь самые низовья реки, фактически, лишь дельта Дона. Северный рукав дельты — Мертвый Донец мелководен уже много столетий. Средний рукав — Каланча и правый берег южного русла мало подходят, поскольку их берега затапливаются не только в весеннее половодье, но и во время нагонных наводнений при сильном западном ветре. К тому же, расположение потенциального порта на островах дельты затрудняло бы доступ к нему со стороны степи. Именно поэтому, на мой взгляд, в золотоордынский период было заброшено наиболее крупное поселение домонгольского времени Казачий Ерик.

Остается только левый берег южного — основного русла Дона. Единственное место, где к реке вплотную подходит высокий коренной берег, не заливаемый в половодье — это отрезок протяженностью около 1 км у впадения в Дон речки Скопинки (ныне р. Азовка). На остальных участках вдоль русла реки простирается низкая пойма шириной несколько километров. Таким образом, при основании Азака выбор именно этого места был вполне закономерен, можно даже сказать, почти неизбежен.

2. Характер рельефа и ландшафта

Как уже отмечалось, за прошедшие 600 лет рельеф местности в результате деятельности человека значительно изменился, но краткую его характеристику в золотоордынское время дать всё же можно. Основная часть территории города представляла собой слабо наклонное достаточно ровное плато высотой 20—40 м над уровнем моря (рис. 1). На расстоянии 200—400 м от современного берега реки крутизна склона значительно возрастает. На некоторых участках и в настоящее время край коренного берега представляет собой глинистый вертикальный обрыв высотой 10—15 м. Край берегового обрыва, без сомнения, был сильно рассечен оврагами, но установить, какие именно из фиксирующихся в настоящее время существовали в XIV в., сложно. К тому же многие балки сейчас засыпаны. Достаточно уверенно можно говорить о том, что в это время существовали Кирсанова балка (восточнее современной улицы Коллонтаевской) и балка, по которой в настоящее время проложена улица Калинина (рис. 1). Они отмечены на всех планах крепости XVIII в. Именно они, на мой взгляд, помимо близости коренного берега к реке на этом участке, и лимитировали протяженность города вдоль реки Дон. Большое число небольших оврагов разрезало берег между современными переулками Речной и Островского в восточной части города и к западу от переулка Ломоносовского. Наиболее пологий спуск к реке находится сейчас в районе русской крепости. Но именно здесь рельеф местности изменен наиболее сильно, и как он выглядел в XIII—XIV вв., сказать сложно. Он изменялся горожанами и в период существования Азака. На ряде раскопов (улица Газеты «Известия», 84Б, 1984 г., раскопки И. В. Волкова; улица Ленинградская 42, 1985 г., раскопки П. А. Ларенка; улица Ленина 46, 2004 г., раскопки А. Н. Масловского) зафиксированы неглубокие балки, засыпанные в золотоордынское время, т. е. в начале XIV в. поверхность городища не была такой ровной. Об этом же, видимо, говорит и сообщение Иосафата Барбаро о старых валах и рвах, окружающих Тану (Барбаро 1971: 143). Очевидно, за валы и рвы итальянский купец принял балки естественного происхождения.

Непрост и вопрос о характере растительности на месте золотоордынского Азака и в его окрестностях. По сути, единственным письменным источником, который дает какую-то информацию по этому вопросу, является «Путешествие в Тану» И. Барбаро. Он упоминает рощу, в которой спрятались 100 черкесов, в трех милях от Таны (Барбаро 1971: 147). В настоящее время лесов естественного происхождения на левобережье Нижнего Дона нет (Зозулин 1992: 17, 18, 51). По мнению современных ботаников, облесенность Нижнего Подонья в историческое время уменьшилась незначительно (Зозулин 1992: 4), хотя речь идет все же о периоде с конца XVII в. При этом в дельтовой части Дона из-за нагонных явлений полностью отсутствуют пойменные леса, которые в Нижнем Подонье занимают наибольшие площади (Зозулин 1992: 51). Этому утверждению, однако, противоречат данные, полученные при раскопках Азака. Об использовании древесины в ремесле будет сказано ниже. Здесь же укажем на тот факт, что горожанами древесина использовалась не только в строительстве, но и при топке бытовых тандыров, в которых очень часто находят крупные угли. В качестве основного источника древесины использовался дуб, который и в настоящее время является наиболее распространенным видом в лесах Нижнего Подонья (Зозули 1992: 20, 52). На существование лесов и кустарников в окрестностях города указывает и наличие среди остеологических материалов из раскопок костей животных и птиц, которые в степи занимают участки с древесной растительностью — серая куропатка, орел-могильник, беркут, ястреб-перепелятник, канюк, балобан, медведь, косуля, благородный олень, лось (Байгушева 2006: 343—353). Интересно, что И. Барбаро упоминает именно куропаток как обитателей рвов вокруг Таны. Не обладая специальными знаниями в области ботаники, не берусь объяснить данное противоречие. Могу лишь предположить, что именно существование крупного города и привело к исчезновению лесов в окрестностях Азака к концу XIV в.

3. Водоснабжение

Одним из самых сложных является вопрос о водоснабжении. Как уже было сказано, практически весь город находился на плато на высоте от 20 и более метров над уровнем реки, к тому же значительная его часть находилась в удалении от реки на расстоянии до 2 км. Никаких постоянных водотоков в настоящее время здесь нет. Ничего похожего на систему хаузов — водоемов, как, скажем на Царевском городище (Федоров-Давыдов 1964: 251—253), в Азаке существовать не могло. В середине XX века на территории нагорной части Азова функционировал единственный коло-

дец, в котором водяное зеркало находилось на глубине 14,5 м. Ям такой глубины при раскопках не найдено. Максимальная глубина золотоордынских ям не превышает 7,0—7,5 м. Правда, некоторые из самых глубоких могут претендовать на роль колодцев. Их диаметр около 1 м и даже меньше. Рытье подобных ям в твердом суглинке затруднительно, но для колодца выбор такого малого диаметра оправдан, поскольку дает возможность несколько выше поднять уровень водяного зеркала. Второй особенностью подобных ям является зеленоватый цвет стенок, но не заполнения, что также можно объяснить использованием их в качестве колодцев. Но даже если допустить, что в XIV в. уровень грунтовых вод был почти на 10 м выше современного, потенциальных ям-колодцев весьма немного, и снабжать водой весь город они не могли.

Альтернативным источником водоснабжения могла быть Водяная падь, которая расположена вплотную к южной границе городища. В настоящее время это степное блюдце безводно, и родники, его питавшие, засыпаны. Но и сейчас грунтовые воды здесь залегают на глубине 1,0—1,5 м. Было высказано предположение, что родники и искусственные пруды, которые от них подпитывались, могли стать источником водоснабжения для части города (Перевозчиков, Масловский 2000: 330). В 2004 г. это было подтверждено находкой линии водопровода, идущего с юга в сторону реки (Масловский 2006б: 106). Но такие линии водопровода могли обеспечивать водой только частные усадьбы, расположенные в этом районе. Сама единичность находки такого объекта говорит о том, что никаких магистральных водопроводов в золотоордынском городе не было. Возможно, на территории городища или у его границ существовали и другие, меньшие по размерам степные блюдца с высоким уровнем стояния грунтовых вод.

4. Конфигурация города

Одной из самых интригующих загадок является конфигурация Азака. Городище расположено не вдоль реки, как современный город, а имеет форму трапеции и вытянуто в сторону степи по линии север-юг (рис. 1). Это стало основанием для предположений исследователей Азака относительно того, что город был вытянут вдоль караванного пути[2]. Однако, во-первых, подобные утверждения, высказанные также и для Селитренного городища (Пигарёв 2006: 173), нужно было бы обосновать примерами. Лично мне неясно, как трасса караванного пути обусловливала рост города именно в этом направлении, если, конечно, это не регламентировалось властью. Во-вторых, нам неизвестно, как именно шла дорога. Для начала было бы неплохо выяснить это. В-третьих, как уже было сказано, южная окраина городища упиралась в степное блюдце, а значит, в любом случае караванная дорога шла не по его продольной оси. Как мне кажется, решение всё же нужно искать в особенностях местности. О некоторых из них — крупных балках, степном блюдце, уже было сказано выше. Но нет уверенности, что в данном случае учтены все факторы.

5. Размеры

Выявление границ городища Азак, как, собственно, и любых других золотоордынских памятников довольно затруднительно из-за того, что сами их границы довольно расплывчаты. Как уже было сказано выше, предложено два варианта границ городища. Если считать площадью городища только район сплошного распространения культурного слоя, тогда И. Д. Тиунов достаточно точно оконтурил эту территорию, с весьма незначительными поправками. Согласно его данным, восточная граница проходит между улиц Коллонтаевской и Кошевого, южная — по переулку Парковому за железной дорогой, западная — восточнее нынешней улицы Васильева до перекрестка её с улицей Макаровского, оттуда до перекрестка улиц Свердлова и Ломоносовской, а затем до реки Дон между улицами Калинина и Ломоносовской (рис. 1).

Если же включать в пределы Азака и те участки, где культурный слой встречается отдельными очагами, то границы следует расширить, особенно в западном направлении, как это и сделал Н. М. Фомичёв. Им границы были определены следующим образом: от акватории реки Дон и реки Азовка, по улице 8-я линия, по переулку Степному и на перекрестке его с улицей Ленинградской, поворот на юг до улицы Железнодорожной; от неё поворот и по переулку Газетный, улице Южной, улице Промышленной, переулку Черноморскому до акватории речки Узяк (рис. 1) (Фомичев 1988: 231). Следует учитывать, что задачей Н. М. Фомичева было определить охранную зону археологического памятника, поэтому в границы городища Азак были включены обширные резервные территории, где теоретически могли быть обнаружены объек-

[2] В печати это предположение, насколько мне известно, никем не было озвучено.

ты XIV в. (Фомичев 1990). Как уже было сказано, в статье В.И. Перевозчикова без обоснований предложен третий вариант, который сконструирован из двух первых (восточная граница примерно по плану И.Д. Тиунова, западная примерно по плану Н.М. Фомичёва) (Перевозчиков 2001: 104).

На мой взгляд, разумнее при определении площади Азака исходить из плана И.Д. Тиунова. Им достаточно точно определена площадь сплошной городской застройки. Включать же в пределы города, при определении его площади, и небольшие пригородные поселения, и территории могильников вряд ли оправдано методически. На мой взгляд, к контурам Азака, очерченным И.Д. Тиуновым, следует добавить только неширокую полосу вдоль северо-западной границы в районе улиц Урицкого — Достоевского, но отнюдь не до переулка Черноморский. Однако, точно провести границу на данном участке я не берусь, поскольку сколько-нибудь систематических раскопок в данном районе не проводилось. Площадь Азака в этих пределах можно определить примерно в 450 га. Точность при этом составляет плюс-минус несколько десятков гектаров. Точнее, на мой взгляд, это сделать в настоящее время невозможно и нецелесообразно.

6. Изменение площади города во времени

Как ни удивительно, при той неопределенности границ города в целом, есть достаточно много данных, полученных в результате раскопок, относительно динамики изменения площади Азака во времени. Попыток проследить изменения размеров золотоордынских городищ во времени пока что немного (Рудаков 2002; Мыськов 2006), но при стремительном темпе их развития подобные исследования совершенно необходимы.

Ядром золотоордынского Азака, по всей видимости, стало поселение домонгольского времени, которое в результате многолетних исследований можно локализовать в верхней части берегового склона вдоль трассы современной улицы Лермонтова (рис. 1) и которое вряд ли превышало по площади 1—2 га (Масловский 2006в: 268). За первые тридцать лет своего развития, примерно к 1300 г. город достигает площади приблизительно в 15—20 га. В этих пределах концентрируются практически все материалы, датирующиеся XIII веком. Исключением являются два раскопа, расположенных на расстоянии в несколько сотен метров к востоку на улице Октябрьской, также на краю коренного берега (рис. 1). Здесь, очевидно, находился пригородный поселок этого периода, который в дальнейшем развития не получил. Судя по отдельным находкам, в это время существовали и другие отдельные усадьбы.

Своих максимальных размеров город достигает, насколько об этом можно судить в настоящее время, уже к концу первой четверти XIV в. То есть, за 25 лет его площадь увеличивается в 20—25 раз. После чумы 1346—1347 гг. территория города значительно сокращается. Однако очертить его границы в середине XIV в. затруднительно. Хотя появляются обширные заброшенные участки в его пределах, сами границы города существенно не изменяются.

Куда более существенное сокращение городской территории происходит в период междоусобицы 1359—1381 гг. При Тохтамыше его площадь врят ли превышала 100—120 га (рис. 1). Но и здесь отдельные участки были заброшены и использовались в качестве кладбищ. После погрома 1395 г. город Азак, согласно данным многолетних раскопок, исчезает. Известный главным образом по нумизматическим данным, Азак начала XV в. практически неуловим. Случайные находки и обнаружение отдельных маленьких заселенных участков ситуации не меняют (Масловский 2006б: 95). Единственно возможным допущением может быть предположение, что уцелевшие жители Азака заселили компактный участок под стенами итальянских крепостей, который ещё не попал в поле зрения исследователей. Комплексы XV в. здесь известны (Масловский 2000: 118). Но и в этом случае площадь поселения не превышает нескольких гектаров.

7. Плотность застройки

Естественно, что обрисованная территория городища была заселена неодинаково. Выделяется центральная зона, где плотность застройки и, соответственно, плотность населения была в 2—3 и более раза выше, чем на окраине. В центральных районах плотность населения достигала 250—300 чел./га. Эта центральная зона несколько превышает территорию Азака времен Тохтамыша и большей частью с ней совпадает. Высокая плотность населения здесь сохраняется и в поздний период.

8. Планировочная структура и городское благоустройство

Относительно золотоордынских городов установилось мнение, что у них отсутствует центр и преобладает усадебная планировка. На мой взгляд, здесь следует уточнить, что для золотоордынских городов следует учитывать очень большие региональные различия. Хотя Нижнее Поволжье и является центральной частью государства, понятие «золотоордынский город» не равно понятию «нижневолжский золотоордынский город». В отличие от Царевского городища, где магистральная улица не выделяется (Федоров-Давыдов 1964: 251), для Азака совершенно отчетливо выделяются городской центр и магистральные улицы, ориентированные меридионально (рис. 2). Центром города можно считать участок вдоль трассы современной улицы Толстого, от её перекрестка с улицей Измайлова до её перекрестка с улицей Лермонтова, шириной примерно 300—400 м. Главная магистраль Азака, шириной около 8 м, проходила примерно по его центральной оси с севера на юг (рис. 2: 4), что, на мой взгляд, во многом объясняется характером рельефа, а именно, уклоном местности в северном направлении, по которому происходил и происходит сейчас сток дождевых вод. Расстояние между меридиональными улицами составляло 20—30 м. Улицы, идущие в широтном направлении, прослеживаются хуже. Отметим, что ливнесточные траншеи фиксируются практически по всей площади городища, включая его самые удаленные окраины (рис. 2: 17) и улицы, идущие вдоль кладбищ (рис. 12: 12). Основные магистрали в центре города вымощены костями животных, фрагментами керамики и вообще всем, что попадало под руку горожанам. На пересечении улиц фиксируются небольшие площади, но пока площадей, которые могли бы считаться планировочными узлами города, не отмечено. Впрочем, здесь сказывается отрывочность данных раскопок, которая не может быть компенсирована их многочисленностью. С площадями и крупными улицами связана и такая деталь городского благоустройства, как общественные туалеты. От усадебных они отличаются в несколько раз большими размерами. Они встречены в нескольких районах города и расположены преимущественно попарно. Также в силу отрывочности наших данных невозможно определить размеры городских кварталов. Определенно можно говорить только о том, что кварталы состояли из нескольких небольших усадеб.

9. Фундаментальные постройки, социальная топография и структура города

В отличие от всех без исключения золотоордынских городов, где в первую очередь исследуются капитальные постройки, фундаментальные сооружения в Азаке практически совершенно не изучены. Единственным общественным зданием, исследованным на территории Азака, является церковь, располагавшаяся на территории итальянских кварталов и раскопанная В. Н. Ястребовым в 1890 г. (рис. 2: 18) (Ястребов 1893). Относительно этой церкви существуют две точки зрения. И. В. Волков определил её как Гостевую церковь (Волков 1990: 144). Н. М. Фомичев считает её церковью Св. Марка (Фомичев 1994: 10—11). Обзору упоминаний в письменных источниках культовых сооружений посвящена отдельная статья (Фомичев 1994: 10—11). К сожалению, ни одно из упоминаемых зданий не может быть локализовано. Это относится и к мечети, упоминаемой Барбаро на расстоянии выстрела из лука (Барбаро 1971: 141—142).

Естественно, без этой информации характеристика структуры Азака будет оставаться неполной. Здесь можно высказать лишь несколько предположений, основанных на анализе материалов раскопок. Так, возможно, что главная городская мечеть находилась неподалеку от перекрестка улиц Чехова и Толстого, скорее всего, к юго-западу от него (рис. 2: 19). При раскопках в 1988 г. И. В. Гудименко здесь, поблизости от наиболее крупного городского могильника и центральной городской магистрали, было найдено большое количество цветного оконного стекла, стеклянные подвесные лампы, большое количество целой парадной керамики. Ни на одном другом раскопе ни ламп, ни цветного оконного стекла найдено не было. Кроме того, в районе этого перекрестка найдены почти все обломки надгробных плит с арабскими надписями. Это позволяет предполагать, что главная мечеть города находилась поблизости от этого раскопа, возможно, под нынешним зданием отделения милиции, где в 1978 г. в котловане исследовался «фундамент культовой постройки» (Фомичев 1994: 15). К сожалению, установить, какая именно постройка здесь была исследована, невозможно, поскольку отчета по данному раскопу нет.

Буквально в сотне метров от мечети находилась одна из церквей. Об этом говорят найденные здесь в 2000—2001 г. кандея хоро-

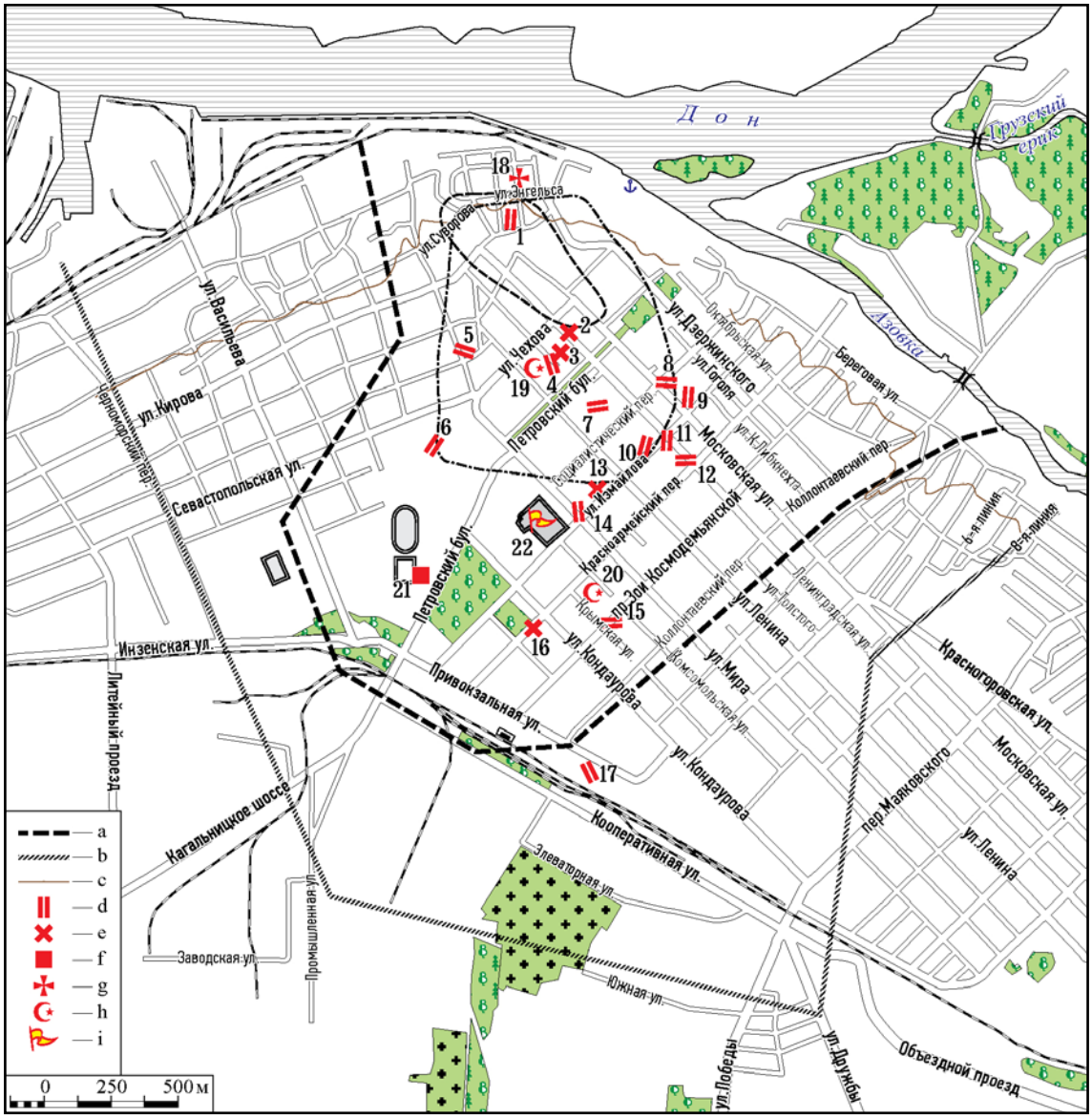


Рис. 2. План Азака. Улицы и капитальные здания: a — граница города по И.Д. Тиунову; b — граница города по Н.Ф. Фомичёву; c — горизонталь 20 м над уровнем моря; d — улицы; e — перекрёстки; f — баня; g — церковь; h — мечеть; i — дворец наместника. Места раскопок: 1 — Энгельса 15 (1998); 2 — Чехова 3 (1997); 3 — Ленинградская 42 (1985); 4 — Толстого 41 (2001—2003); 5 — Калинина 73 (2004); 6 — Макаровского 16 (2002); 7 — Петровский бульвар 7 (2005); 8 — К. Либкнехта 12 (2003); 9 — К. Либкнехта (1995); 10 — Ленинградская 72А (1998); 11 — Ленинградская 71 (1997); 12 — Ленинградская 73/75 (1992); 13 — Ленина 46 (2003); 14 — Мира 35А (2002); 15 — Крымская 7 (1993); 16 — Красноармейская 104А (2003); 17 — Привокзальная 16 (2005); 18 — Ярославская (1890); 19 — Чехова (1988); 20 — Комсомольская 8 (2005); 21 — Стадион (1982); 22 — Стадион КПО (1973).

Fig. 2. Plan of Azak. Streets and permanent buildings: a — town border after I.D. Tiunov; b — town border after N.F. Fomichev; c — horizontal line of 20 meters above sea level; d — streets; e — crossings; f — public bath; g — church; h — mosque; i — governor's palace. Places of excavations: 1 — Engels St., 15 (1998); 2 — Chekhov St., (1997); 3 — Leningradskaya St., 42 (1985); 4 — Tolstoy St., 41 (2001—2003); 5 — Kalinin St., 73 (2004); 6 — Makarovsky St., 16 (2002); 7 — Petrovsky Bd., 7 (2005); 8 — K. Liebknecht St., 12 (2003); 9 — K. Liebknecht St., (1995); 10 — Leningradskaya St., 72A (1998); 11 — Leningradskaya St., 71 (1997); 12 — Leningradskaya St., 73/75 (1992); 13 — Lenin St., 46 (2003); 14 — Mir St., 35A (2002); 15 — Krymskaya St., 7 (1993); 16 — Krasnoarmeiskaya St., 104A (2003); 17 — Privokzalnaya St., 16 (2005); 18 — Yaroslavskaya St., (1890); 19 — Chekhov St., (1988); 20 — Komsomolskaya St., 8 (2005); 21 — Stadium (1982); 22 — KPO Stadium (1973).

са (Белинский, Масловский 2001: 44, рис. 5: 2), фрагмент алтарного (?) каменного креста (Масловский 2002: 216—217, рис. 3: 5), а также обломки облицовочных мраморных плит и одноцветных кашинных изразцов. В 2005 г. была обнаружена квартальная ме-

четь у перекрестка улиц Красноармейской и Комсомольской (рис. 2: 20) (Масловский 2006г: 122—123, 125). Но, естественно, эти отрывочные данные не могут прояснить вопрос о размещении на территории города конфессиональных групп.

Также в отличие, например, от Царевского или Селитренного городищ, совершенно не изучен аристократический район Азака. Нет даже уверенности в том, где именно он находился и какую площадь занимал. Однако можно предполагать, где он располагался, поскольку была изучена усадебная баня на юго-западной окраине городища (рис. 2: 21) (Перевозчиков, Масловский 2000). Неподалеку от неё, как уже говорилось выше, был найден водопровод, который вел, очевидно, ко второй подобной бане. Ясно, что частные бани могли принадлежать лишь социальной верхушке города.

В 1973 г. при строительных работах с западной стороны от стадиона (рис. 2: 22) было случайно обнаружено большое скопление кашинных изразцов (Булатов 1974: 100). За весь последующий период систематических и масштабных раскопок не было найдено и половины от этого числа. Судя по единичности находок обломков изразцов и мозаик, привозной кашинный архитектурный декор был использован в Азаке для облицовки одного-двух зданий. Скорее всего, ими были пятничная мечеть и дворец наместника. Дальнейшие исследования Н. М. Булатова, И. В. Волкова и А. Л. Бойко также подтвердили своеобразие этого участка. Выше уже было сказано о том, где могла находиться пятничная мечеть. К тому же маловероятно, что дворец наместника мог находиться у центрального городского кладбища. Следовательно, можно локализовать его местонахождение в районе стадиона (рис. 2: 22). С учетом местоположения усадебной бани, это позволяет предполагать, что район, застроенный аристократическими усадьбами, занимает полосу в южной части городища (рис. 2: 21—22), которая в настоящее время занята парками.

В любом случае, аристократический район Азака возникает позже самого города, имеет небольшую площадь и встроен в уже существующую городскую структуру.

10. Городские могильники

Важным элементом городской структуры являлись могильники. Информация о них весьма обширна. Они встречены более чем на 30 раскопах, не считая наблюдений и доследований отдельных погребений. Вместе с тем, информация эта крайне отрывочная. Трудно сказать, сколько именно кладбищ было в городе. Являлись ли погребения на раскопах, расположенных неподалеку, частью одного большого могильника, или это отдельные небольшие некрополи? Ясно, что далеко не все городские кладбища нам в настоящее время известны. Но некоторые обобщения сделать всё же можно. Азак был окружен могильниками практически по всему периметру (рис. 3). Это уже было ранее отмечено Н. М. Фомичевым (Фомичев 1990: 39).

Наиболее раннее из известных в настоящее время кладбищ первоначально располагалось у перекрестка улиц Ленина и Чехова (рис. 3: 28, 31) (Бойко 1990). Оно находилось к югу от городской окраины кон. XIII в. В первой четверти XIV в., в период бурного роста города, его со всех сторон окружают городские кварталы. Но оно продолжает функционировать на протяжении всего периода существования золотоордынского города и, возможно, после его гибели. В последней трети XIV в. это кладбище расширяется во все стороны, занимая территорию заброшенных городских кварталов. В это время его размеры в поперечнике достигают 0,5 км. Только на этом могильнике отмечены каменные и кирпичные склепы (рис. 3) и каменные надгробия.

В первой четверти XIV в. возникает целый ряд новых небольших могильников. Некоторые из них исследованы относительно неплохо — улица Октябрьская, 9 (рис. 3: 4), улица Ленинградская, 73—75 (рис. 3: 6), улица Московская 95—97 (рис. 3: 7), улица Луначарского 67 (рис. 3: 17), улица Макаровского 7—16 (рис. 3: 19, 20). Они занимали площадь от нескольких сотен до нескольких тысяч квадратных метров и принадлежали отдельным группам городского населения. Каждый из них имеет свою специфику в погребальном обряде. Несколько менее ясно хронологическое положение могильников в южной части города (рис. 3: 9—16). Возможно, некоторые из них возникают в середине XIV в., после того как часть городской территории пустеет. Крупный некрополь существовал южнее современной железной дороги (рис. 3: 34), но поскольку раскопок здесь не проводилось, информация о нём минимальна.

11. Этнические группы на территории города

Очевиден полиэтничный характер практически всех золотоордынских городов, хо-

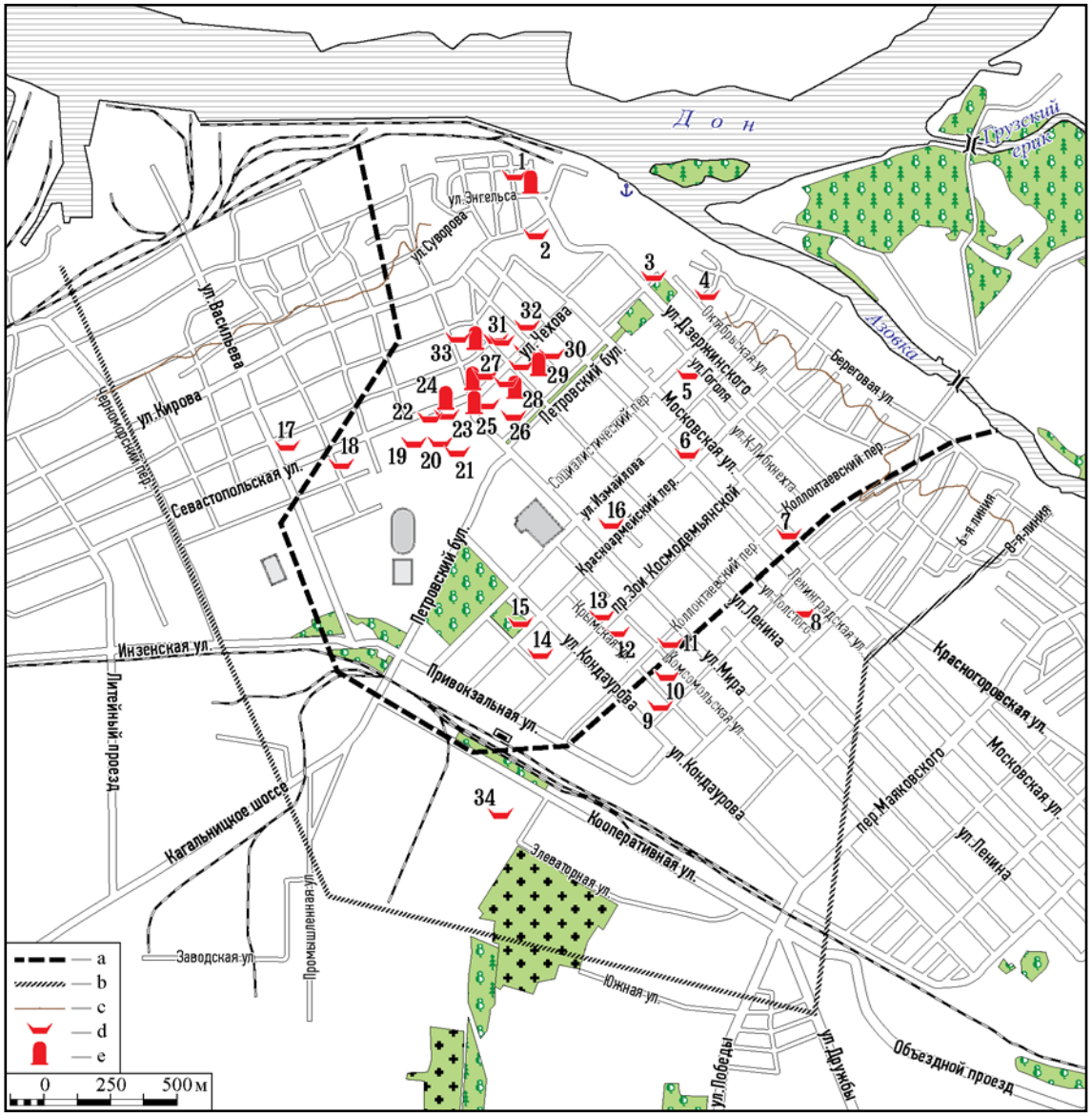


Рис. 3. План Азака. Могильники: a — граница города по И.Д. Тиунову; b — граница города по Н.Ф. Фомичёву; c — горизонталь 20 м над уровнем моря; d — грунтовые могильники; e — склепы. Места раскопок: 1 — Ярославская (1890); 2 — Лермонтова 6 (2006); 3 — Дзержинского (1979); 4 — Октябрьская 9 (2002); 5 — К. Либкнехта (1985); 6 — Ленинградская 73/75 (1992); 7 — Московская 95/97 (2001, 2006); 8 — Ленинградская (1992); 9 — Кошевого 9 (2002); 10 — Комсомольская 37 (2005); 11 — Коллонтаевский (1970); 12 — 3. Космодемьянской 77 (2002); 13 — 3. Космодемьянской (1991); 14 — Пирогова 11 (2006); 15 — Красноармейская 104А (2003); 16 — Измайлова (1991); 17 — Луначарского 67 (2003); 18 — Достоевского 69 (2001); 19 — Макаровского 16 (2002); 20 — Макаровского 7 (1998); 21 — Макаровского (1993); 22 — Севастопольская 15 (1999); 23 — Севастопольская 9 (2006); 24 — Севастопольская (1970); 25 — Чехова (1982); 26 — Петровский бульвар 24 (2004); 27 — Чехова (1975); 28 — Чехова (1988—1989); 29 — Чехова (1988); 30 — Толстого 41 (2003); 31 — Ленина 7 (2001); 32 — Чехова 8 (1991); 33 — Калинина 73 (2004); 34 — Элеватор (1970-е).

Fig. 3. Plan of Azak. Necropolises: a — town border after I.D. Tiunov; b — town border after N.F. Fomichev; c — horizontal line of 20 meters above sea level; d — ground necropolises; e — crypts. Places of excavations: 1 — Yaroslavskaya St., (1890); 2 — Lermontov St., 6 (2006); 3 — Dzerzhinsky St., (1979); 4 — Oktyabrskaya St., 9 (2002); 5 — K. Liebknecht St., (1985); 6 — Leningradskaya St., 73/75 (1992); 7 — Moskovskaya St., 95/97 (2001, 2006); 8 — Leningradskaya St., (1992); 9 — Koshevoy St., 9 (2002); 10 — Komsomolskaya St., 37 (2005); 11 — Kollontaevskii St. (1970); 12 — Z. Kosmodemianskaya St., 77 (2002); 13 — Z. Kosmodemianskaya St., (1991); 14 — Pirogov St., 11 (2006); 15 — Krasnoarmeiskaya St., 104A (2003); 16 — Izmailova St. (1991); 17 — Lunacharsky St., 67 (2003); 18 — Dostoevski St., 69 (2001); 19 — Makarovsky St., 16 (2002); 20 — Makarovsky St., 7 (1998); 21 — Makarovsky St., (1993); 22 — Sevastopol St., 15 (1999); 23 — Sevastopol St., 9 (2006); 24 — Sevastopol St., (1970); 25 — Chekhov St. (1982); 26 — Petrovsky Bd., 24 (2004); 27 — Chekhov St., (1975); 28 — Chekhov St., (1988—1989); 29 — Chekhov St., (1988); 30 — Tolstoy St., 41 (2003); 31 — Lenin St., 7 (2001); 32 — Chekhov St., 8 (1991); 33 — Kalinin St., 73 (2004); 34 — Elevator St. (1970s).

рошо известный и по письменным источникам, и по пестроте материальной культуры, прослеживаемой археологически, и по данным антропологии. Не менее очевидны трудности, встающие перед исследователем при попытке локализации мест проживания отдельных этносов на территории городищ. Единственным исключением могут быть города Крыма, для которых возможно использовать не только данные археологии. В целом же материальная культура горожан была в достаточной степени снивелирована и не дает возможности провести четкие границы между районами проживания различных этносов. Данные же неархеологических источников явно недостаточны.

Казалось бы, всё очевидно для итальянских кварталов Таны, о которых достаточно многочисленны данные письменных источников. Однако и для них существуют неясные моменты. Н.М. Фомичевым границы итальянской Таны определены по улице Пролетарский спуск — улица Лермонтова — улица Суворова (Фомичев 1990: 38). Это явно завышенные размеры. Они не находят подтверждения ни в письменных свидетельствах, ни в археологических материалах. И.В. Волковым на основании анализа планов крепости XVII—XVIII вв. предложены два варианта локализации итальянских кварталов (Волков 1990: рис. 7; 1992: 90—93, рис. 3; 4; 2006: 475, рис. 1), которые незначительно отличаются друг от друга (рис. 4). При этом он исходит из вполне логичного, хотя и не озвученного в статьях предположения, что восточная часть турецкой крепости — бывшая венецианская крепость Тана, была возведена венецианцами именно на том месте, которое им было отведено по договору с ханом Узбеком. Но что мешало венецианцам после тотального погрома 1395 г. сместить своё поселение, скажем, на 100 м в сторону? В письменных источниках говорится, что первоначально венецианский квартал находился рядом с генуэзским, а в 1341 г. венецианцы получили новый участок вдали от генуэзцев. Но ведь это перемещение могло происходить только в пределах участка протяженностью в несколько сот метров. Насколько далеко мог быть перенесен квартал венецианцев? На 100, на 150 м? В этих пределах и могут различаться все варианты локализации итальянских кварталов. Но помимо этих кварталов западноевропейцы ведь могли проживать и на территории других районов. Судя по находкам арбалетных наконечников стрел и шпор, которые встречены по всей центральной части городища, так оно и было.

Для остальных этнических общин ситуация куда более неопределенная. Упоминаемые письменными источниками кварталы армян, алан, греков невозможно локализовать по археологическим данным, поскольку, как уже было сказано, материальная культура горожан в достаточной степени однородна. Отличия имеются в имущественном достатке или профессиональном занятии, но они не могут выступать этноиндикаторами. В качестве примера можно взять русское население. До недавнего времени керамика русского производства фиксировалась в виде незначительной примеси по территории всего городища. В 2005—2006 гг. удалось установить, что русские в конце XIII в. заселили участок между улицами Лермонтова и Московской (рис. 4). Но уже в первой четверти XIV в. русская керамика здесь исчезает. Можно ли сделать вывод о перемещении русского населения? Для Водянского городища этот вывод был сделан (Мыськов 2001: 252—254). На мой взгляд, данных явно недостаточно. Более того, доводы Е.П. Мыськова вызывают большие сомнения. Он исходит из ряда допущений: 1) что русская керамика непременно местного производства; 2) что русским можно считать комплекс, где русской керамики более 50% (Мыськов 2001: 253); 3) кроме того, противопоставляется русское и мусульманское золотоордынское население. Но почему среди мусульман не могло быть русских? Кто такие этнически эти самые золотоордынские мусульмане? Сопоставление этнической и конфессиональной групп, на мой взгляд, некорректно. Поскольку местного производства русской керамики в Азаке не было, с куда большей вероятностью можно предположить, что через определенный промежуток времени русские переходили на использование другой посуды и, вероятно, заимствовали и другие бытовые черты своих соседей. Ведь именно это и происходило, скажем, при русской колонизации Сибири или Кавказа.

Находки двух армянских граффити, одному из которых посвящена специальная заметка (Волков 2004а), казалось бы, позволяет предполагать, что армянский квартал находился между перекрестками улиц Чехова — Московская и улиц Р. Люксембург — Энгельса (рис. 4). Это, кстати, подтверждается тем, что, согласно данным письменных источников, армянский квартал находился поблизости от квартала венецианцев. Однако и здесь есть сложности. Например, районы предполагаемого проживания армян и русских частично накладываются друг на друга. По письменным источникам известно, что

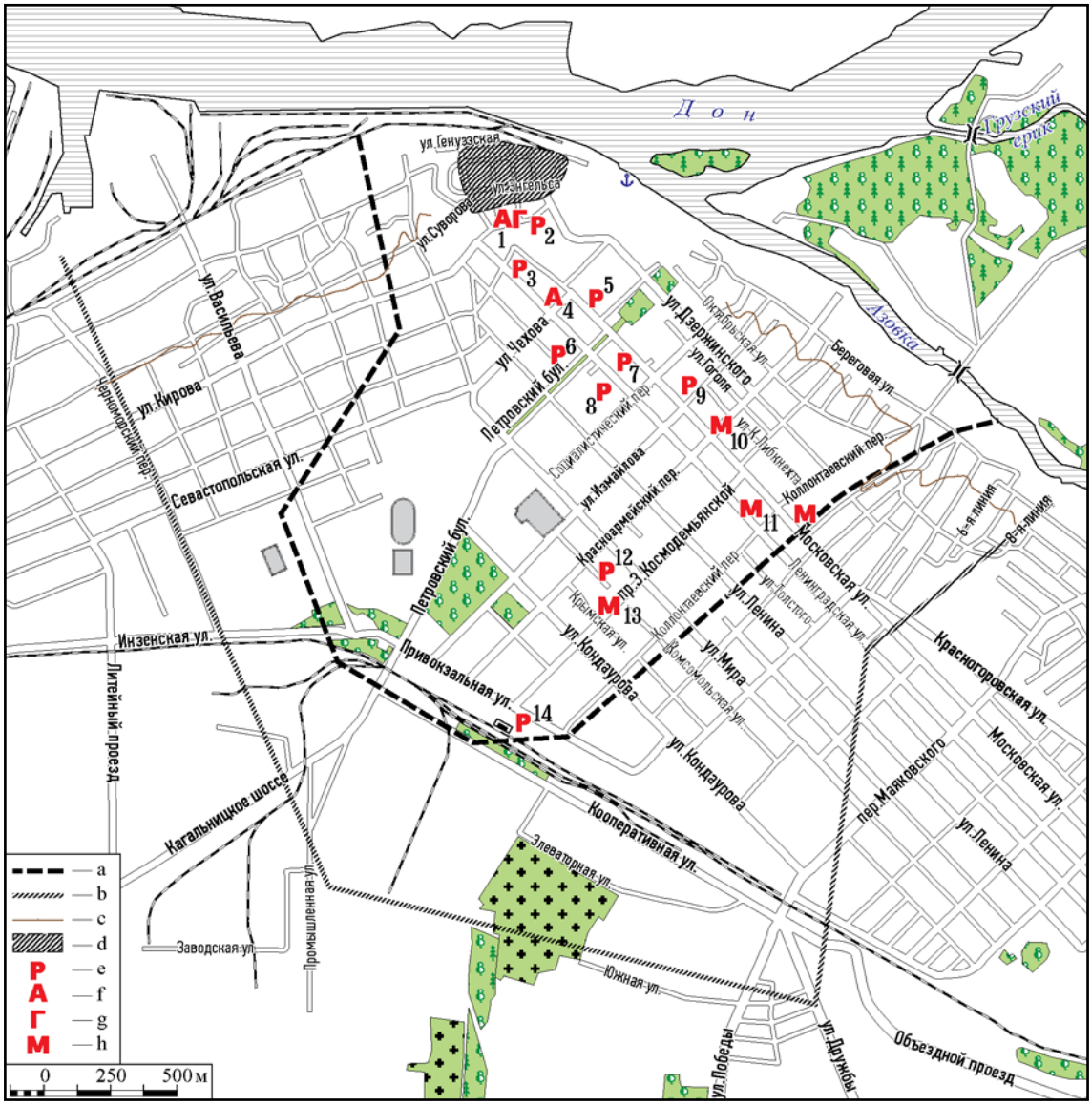


Рис. 4. План Азака. Этнические группы: a — граница города по И.Д. Тиунову; b — граница города по Н.Ф. Фомичёву; c — горизонталь 20 м над уровнем моря; d — итальянцы; e — русские; f — армяне; g — греки; h — монголы. Места раскопок: 1 — Р. Люксембург (1992, 2001); 2 — Лермонтова 6 (2006); 3 — Московская 4 (2005); 4 — Чехова (1978); 5 — Московкая 7 (1995); 6 — Толстого 41 (2000—2003); 7 — Московская 38/40 (1999); 8 — Ленинградская (1980-е); 9 — К. Либкнехта (1985); 10 — Красноармейская 56 (2002); 11 — Ленинградская 101 (2003), Московская 95 (2006); 12 — Комсомольская (1989); 13 — Крымская 7 (1992); 14 — Привокзальная 12 (1990).

Рис. 4. Plan of Azak. Ethnic groups: a — town border after I.D. Tiunov; b — town border after N.F. Fomichev; c — horizontal line of 20 meters above sea level; d — Italians; e — Russians; f — Armenians; g — Greeks; h — Mongols. Places of excavations: 1 — R. Luxemburg St. (1992, 2001); 2 — Lermontov St., 6 (2006); 3 — Moskovskaya St., 4 (2005); 4 — Chekhov St. (1978); 5 — Moskovskaya St., 7 (1995); 6 — Tolstoy St., 41 (2000—2003); 7 — Moskovskaya St., 38/40 (1999); 8 — Leningradskaya St., (1980s); 9 — K. Liebknecht St. (1985); 10 — Krasnoarmeiskaya St., 56 (2002); 11 — Leningradskaya St., 101 (2003), Moskovskaya St., 95 (2006); 12 — Komsomolskaya St. (1989); 13 — Krymskaya St., 7 (1992); 14 — Privokzalnaya St., 12 (1990).

еврейский квартал находился к западу от венецианского (Фомичев 1994: 8), и поскольку местоположение последнего установлено относительно точно, то можно было бы локализовать и Джудекку. Однако неясно, каковы могли быть размеры этого квартала и по каким критериям его можно отличить от итальянских. К тому же, данный участок недоступен для археологических исследований, и мы лишены возможности проверить указание письменных источников.

Локализовать места проживания монголов возможно по находкам медных онгонов. Из восьми известных на настоящее время находок пять происходят с восточной окраины городища (рис. 4). Сопоставление мест

их находок с другими материалами позволяет очертить район проживания в Азаке вчерашних степняков (Масловский 2006д). Однако и в данном случае речь идет, видимо, о чересполосном проживании разноэтничных кочевников, пришедших в город, и других групп населения. Относительно мест проживания других этнических групп данных ещё меньше.

12. Размещение ремесленных производств и торговцев

Пожалуй, наибольший объем информации накоплен относительно локализации различных ремесленных производств на территории городища. Правда, и здесь нельзя сказать, что анализ накопленных данных позволяет прийти к однозначным выводам. Нужно учитывать, что из-за стремительного изменения облика города непрерывно менялась и локализация производств. Лишь немногие ремесла фиксируются археологически. К тому же существуют и сложности теоретического характера. Размещение ремесленников по кварталам хотя и является характерной чертой топографии многих средневековых городов (Федоров-Давыдов 1964: 254), но вовсе не обязательно. Более того, для восточного города, если уж считать Азак городом восточного типа, правилом являлось смешанное расселение, когда рядом проживали представители разных профессий, а специализированные кварталы являлись исключением (Большаков 2001: 277). К сожалению, полностью учесть фактор изменений локализации ремесел в различные хронологические отрезки в настоящий момент нельзя, поскольку точное время бытования тех или иных ремесленных мастерских можно установить не всегда.

Торговля

Излишне доказывать важную роль торговли в экономике и самой судьбе Азака. Однако, где концентрировалась основная торговая активность на территории города? Помимо находок весов и гирь, несомненно, связанных с ней, в материалах Азака выделяется группа жилищ, которые, на мой взгляд, могут быть достаточно уверенно связаны с купеческими домами (рис. 5).

Эти постройки имели обширные подвалы, которых были лишены другие типы жилищ. Находки в двух из них однородных партий керамической тары и находка большого количества зерна в третьем позволяют считать их складскими помещениями, что обычно для любого средневекового купеческого дома. Во многих из этих подвалов найдены также гирьки и весы. Чаще обычного в них встречаются предметы, привезенные из удаленных регионов.

Картографирование мест находок этих жилищ, вместе с торговым инвентарём, выявляет для нас вполне отчетливую картину. Все они концентрируются в достаточно узкой полосе вдоль оси, пересекающей городище по диагонали, с северо-запада на юго-восток, в направлении от приречной части в сторону водораздела (рис. 5). Эту полосу мы с большой долей уверенности и может считать сосредоточением всех видов торговли. Не случайно, что на раскопе по улице Толстого, 41, где была прослежена магистральная улица, в разные годы было изучено 4 дома с большими подвалами (рис. 5: 5). На этом же раскопе фиксируется и максимальная концентрация находок медных монет, причем большая их часть происходит из уличной мостовой, т.е. на эту же улицу приходится и концентрация мелкой розничной торговли.

Таким образом, мы получаем возможность проследить направление главной городской магистрали почти на всем её протяжении.

Металлургия и металлообработка

Среди ремесел, пожалуй, наибольшее количество следов оставляет металлургия. Огромное число публикаций констатирует факт обработки металла на описываемом памятнике, при этом, как правило, без уточнения того, какой характер носило это производство. Наибольшее количество отходов, а следовательно, археологических находок, дает выплавка металла и чугунолитейное производство. На территории Азака четко выделяется район, в котором черная металлургия существовала весь период существования города. Это участок в районе раскопов по улице Ленинградская 42 (раскопки П.А. Ларенка) и Толстого 41 (раскопки И.В. Белинского, А.Н. Масловского) (рис. 6: 3, 4). Здесь были найдены сотни килограммов металлургического шлака, железоплавильные горны разной степени сохранности, куски земляных форм для литья чугуна, десятки кусков кричного железа и даже мастерская с частично сохранившимися земляными формами для литья чугуна. Нетрудно заметить, что данный район, возникший в начале XIV в., первоначально размещался на южной окраине города, но затем оказался в самом его центре. Тем не менее, производство перенесено не было, и продолжалось и в последней трети XIV века. Ещё два участка, на которых можно предполагать выплавку желе-

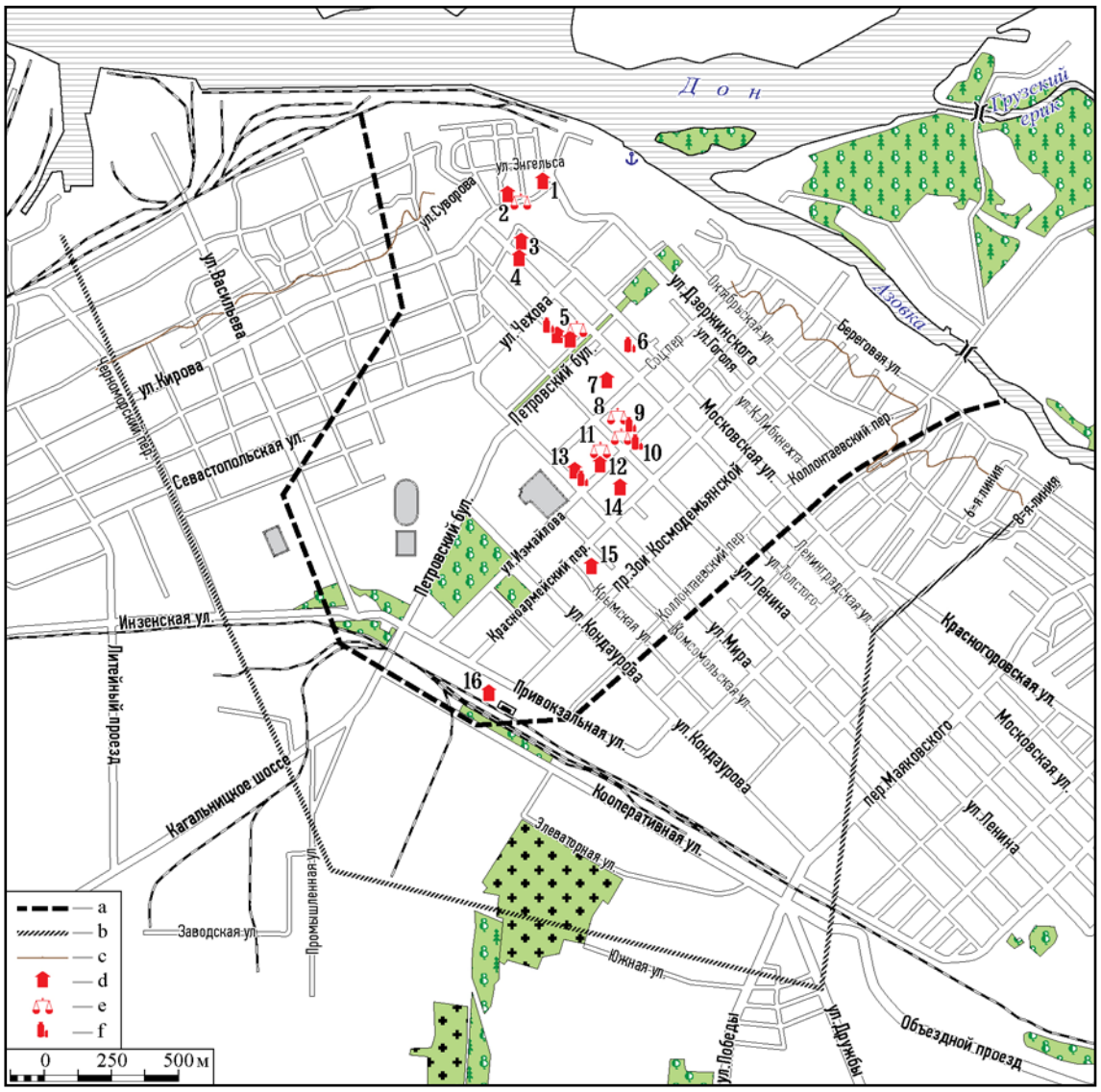


Рис. 5. План Азака. Торговля: a — граница города по И.Д. Тиунову; b — граница города по Н.Ф. Фомичёву; c — горизонталь 20 м над уровнем моря; d — купеческие дома; e — весы; f — гири. Места раскопок: 1 — Энгельса 15 (1998); 2 — Р. Люксембург 15 (1992); 3 — Московкая 4 (2005); 4 — Ленинградская11 (2000); 5 — Толстого 41 (2000—2003), Петровский бульвар 14 (2005); 6 — Московская 38/40 (2006); 7 — Ленинградская 66 (1991); 8 — Толстого 70 (2005); 9 — Толстого 74 (2003); 10 — Измайлова 38 (2000); 11 — Ленина 46 (2004); 12 — Социалистический 61А (2006); 13 — Мира 35А (2002); 14 — Измайлова 49А (2002); 15 — Комсомольская 8 (2005); 16 — Привокзальная 10А (1999).

Fig. 5. Plan of Azak. Trade: a — town border after I.D. Tiunov; b — town border after N.F. Fomichev; c — horizontal line of 20 meters above sea level; d — houses of merchants; e — scales; f — weights. Places of excavations: 1 — Engels St., 15 (1998); 2 — R. Luxemburg St., 15 (1992); 3 — Moskovskaya St., 4 (2005); 4 — Leningradskaya St., 11 (2000); 5 — Tolstoy St., 41 (2000—2003), Petrovsky Bd., 14 (2005); 6 — Moskovskaya St., 38/40 (2006); 7 — Leningradskaya St., 66 (1991); 8 — Tolstoy St., 70 (2005); 9 — Tolstoy St., 74 (2003); 10 — Izmailov St., 38 (2000); 11 — Lenin St., 46 (2004); 12 — Sotsialisticheskii St., 61A (2006); 13 — Mira St., 35A (2002); 14 — Izmailov St., 49A (2002); 15 — Komsomolskaya St., 8 (2005); 16 — Privokzalnaya St., 10A (1999).

за, располагались в районе раскопов по улице Красноармейской, 104А (рис. 6: 17) и в районе современного кинотеатра «Октябрь» (рис. 6: 5). Здесь найдено по несколько десятков килограммов металлургических шлаков и кусков железа. Но необходимо отметить, что более мелкие скопления шлаков и кусков металла есть и в других районах.

Более рассеянными представляются производства, связанные с обработкой цветного металла. Находки льячек, литейных форм, капель и обрезков металла встречены почти по всей центральной части городища (рис. 6). Всё же следует отметить район от перекрестка улиц Чехова — Московской до перекрестка улицы Толстого — Петровского бульвара

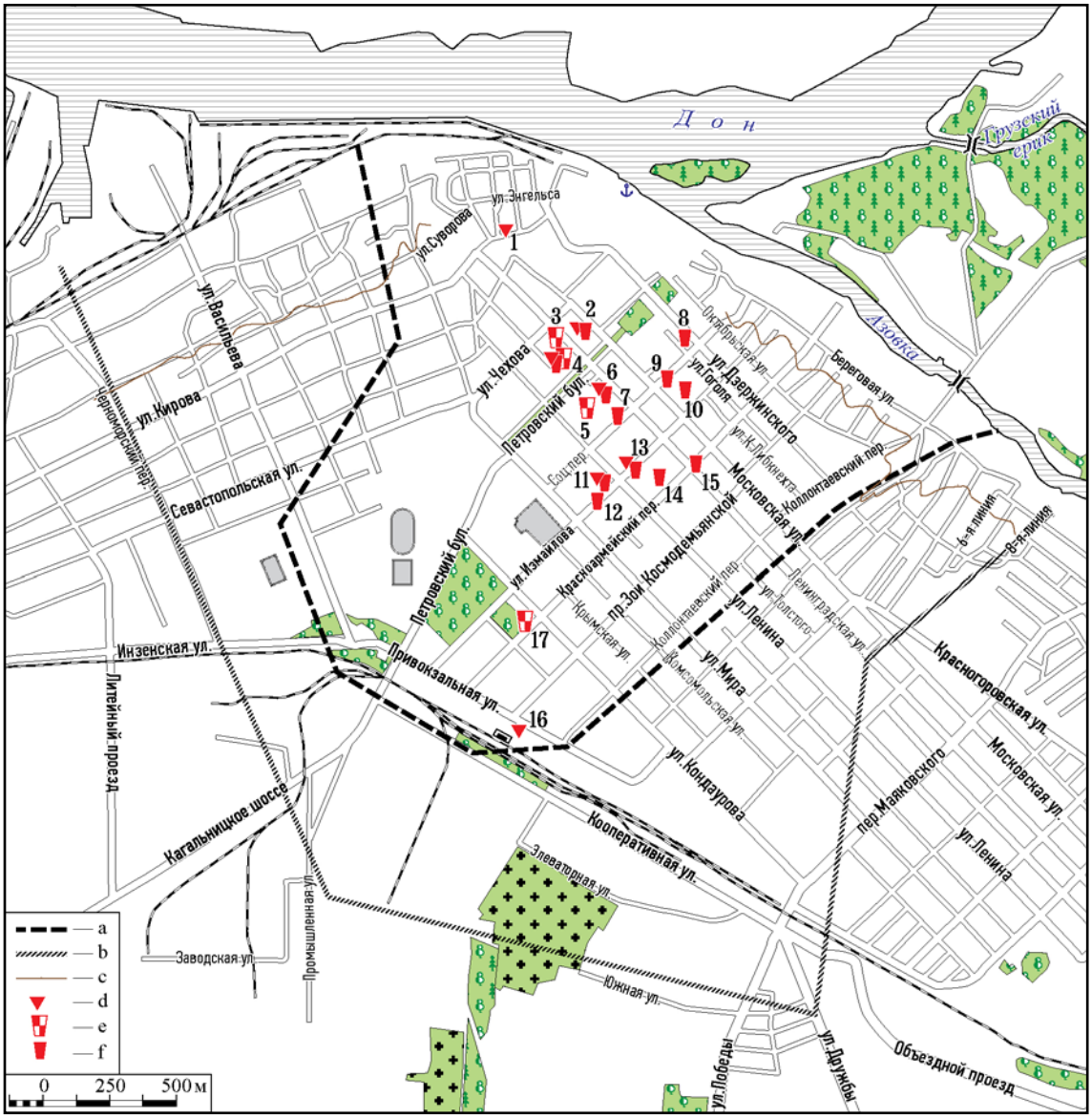


Рис. 6. План Азака. Обработка металлов: a — граница города по И.Д. Тиунову; b — граница города по Н.Ф. Фомичёву; c — горизонталь 20 м над уровнем моря; d — льячки; e — следы плавки железа; f — литейные формы. Места раскопок: 1 — Р. Люксембург 15 (1992); 2 — Чехова 3 (1990, 1997); 3 — Ленинградская 42 (1985); 4 — Толстого 41 (2000—2003); 5 — Петровский бульвар 7 (2005); 6 — Ленинградская (1981); 7 — Ленинградская (1983); 8 — Дзержинского 30 (2003); 9 — К. Либкнехта 12 (1995, 2003); 10 — К. Либкнехта (1985); 11 — Ленина 46 (1990, 2003, 2004); 12 — Социалистический 61А (2006); 13 — Измайлова 38 (2000); 14 — Толстого (1988); 15 — Ленинградская 73/75 (2003); 16 — Привокзальная 12 (1990); 17 — Красноармейский 104А (2003).

Fig. 6. Plan of Azak. Metalworking: a — town border after I.D. Tiunov; b — town border after N.F. Fomichev; c — horizontal line of 20 meters above sea level; d — metal casting pots; e — traces of iron melting; f — casting moulds. Places of excavations: 1 — R. Luxemburg St., 15 (1992); 2 — Chekhov St., 3 (1990, 1997); 3 — Leningradskaya St., 42 (1985); 4 — Tolstoy St., 41 (2000—2003); 5 — Petrovsky Bd., 7 (2005); 6 — Leningradskaya St. (1981); 7 — Leningradskaya St. (1983); 8 — Dzerzhinsky St., 30 (2003); 9 — K. Liebknecht St., 12 (1995, 2003); 10 — K. Liebknecht St., (1985); 11 — Lenin St., 46 (1990, 2003, 2004); 12 — Sotsialisticheskii St., 61A (2006); 13 — Izmailov St., 38 (2000); 14 — Tolstoy St., (1988); 15 — Leningradskaya St., 73/75 (2003); 16 — Privokzalnaya St., 12 (1990); 17 — Krasnoarmeiskii St., 104A (2003).

(рис. 6: 2—4). Здесь наблюдается наибольшая концентрация следов как литейного производства, так и изготовления посуды из листовой меди. При этом они практически везде соседствуют с остатками других производств.

Гончарство

В единственной специальной работе, посвященной топографии ремесленных производств Азака, В.И. Перевозчиков пришел к выводу, что выделить квартал гончаров невозможно, хотя и сделал ряд оговорок

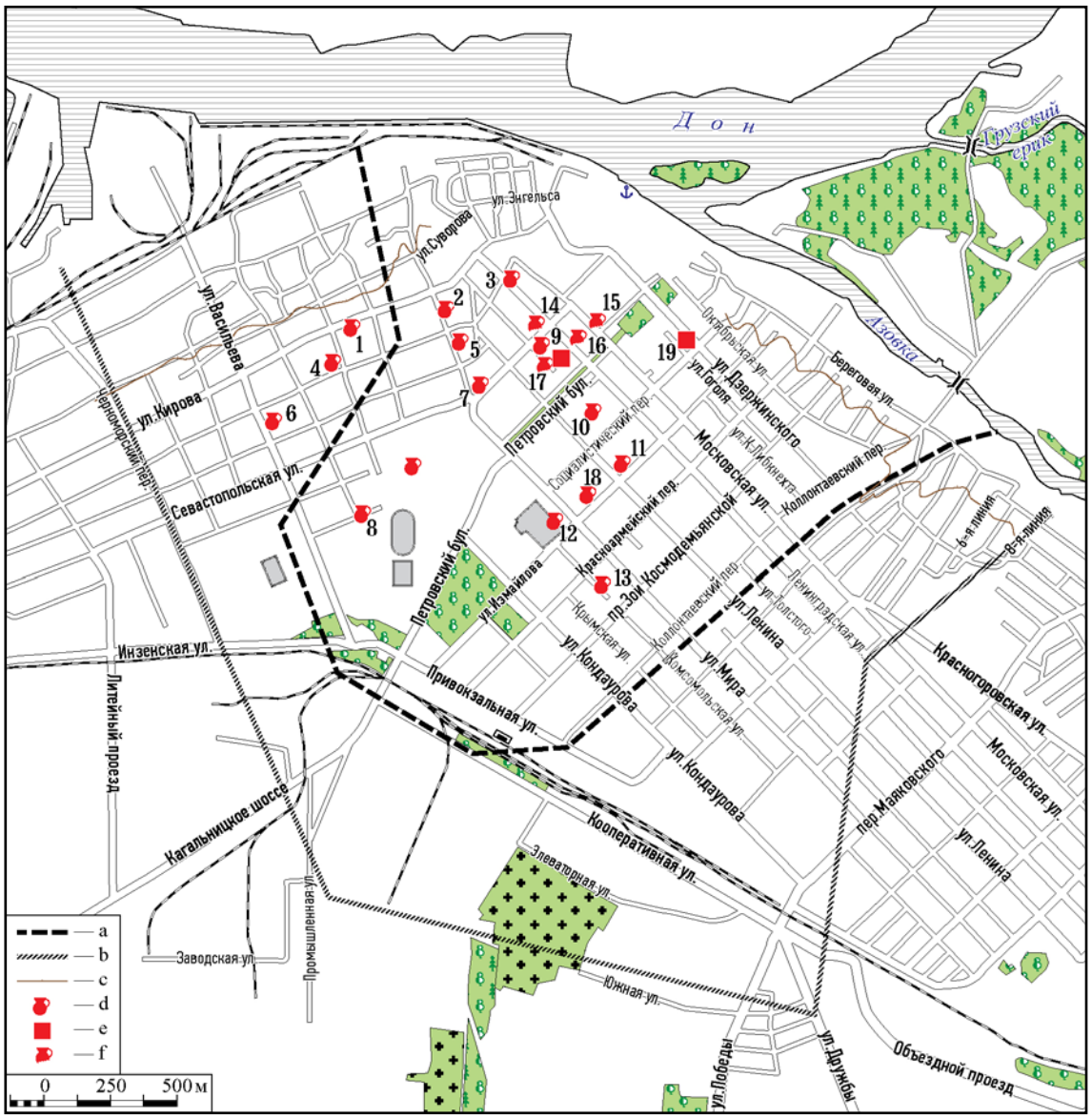


Рис. 7. План Азака. Гончары, углежоги: a — граница города по И.Д. Тиунову; b — граница города по Н.Ф. Фомичёву; c — горизонталь 20 м над уровнем моря; d — горны гончаров; e — горны углежогов; f — отходы гончарного производства. Места раскопок: 1 — Кирова (1978); 2 — Калинина 51 (1961); 3 — Ленинградская (1992); 4 — Урицкого 40 (2003); 5 — Калинина 73 (2004); 6 — Газеты «Известия» (1988); 7 — Чехова (1975); 8 — Макаровского (1983); 9 — Чехова (1976); 10 — Ленинградская (1982); 11 — Измайлова 38 (2000); 12 — Стадион (1973); 13 — Комсомольская (1989); 14 — Ленинградская 32 (2002); 15 — Московская 7 (1995); 16 — Чехова 3 (1990); 17 — Толстого 41 (2000—2003); 18 — Социалистический 61А (2006). 19 — Макаровского (1971).

Fig. 7. Plan of Azak. Potters, charcoal burners: a — town border after I.D. Tiunov; b — town border after N.F. Fomichev; c — horizontal line of 20 meters above sea level; d — pottery kilns; e — charcoal burning kilns; f — waste from pottery production. Places of excavations: 1 — Kirov St. (1978); 2 — Kalinin St., 51 (1961); 3 — Leningradskaya St. (1992); 4 — Uritsky St., 40 (2003); 5 — Kalinin St., 73 (2004); 6 — „Izvestia" Newspaper St. (1988); 7 — Chekhov St. (1975); 8 — Makarovsky St. (1983); 9 — Chekhov St. (1976); 10 — Leningradskaya St. (1982); 11 — Izmailov St., 38 (2000); 12 — Stadium (1973); 13 — Komsomolskaya St. (1989); 14 — Leningradskaya St., 32 (2002); 15 — Moskovskaya St., 7 (1995); 16 — Chekhov St., 3 (1990); 17 — Tolstoy St., 41 (2000—2003); 18 — Sotsialisticheskii St., 61A (2006). 19 — Makarovsky St. (1971).

и предположений, а также обратил внимание на значительную удаленность гончарных мастерских от реки (Перевозчиков 2001: 101, 106). В действительности район концентрации гончаров прослеживается отчетливо. Он простирается к западу от перекрестка улиц Чехова и Ленина, где обнаружено 10 из 15 известных на настоящее время мастерских (рис. 7). Кстати, вывод об этом был сделан уже на раннем этапе изучения Азака (Фомичев 1981: 6). Следует учесть, что эта часть городища, в отличие от центральных,

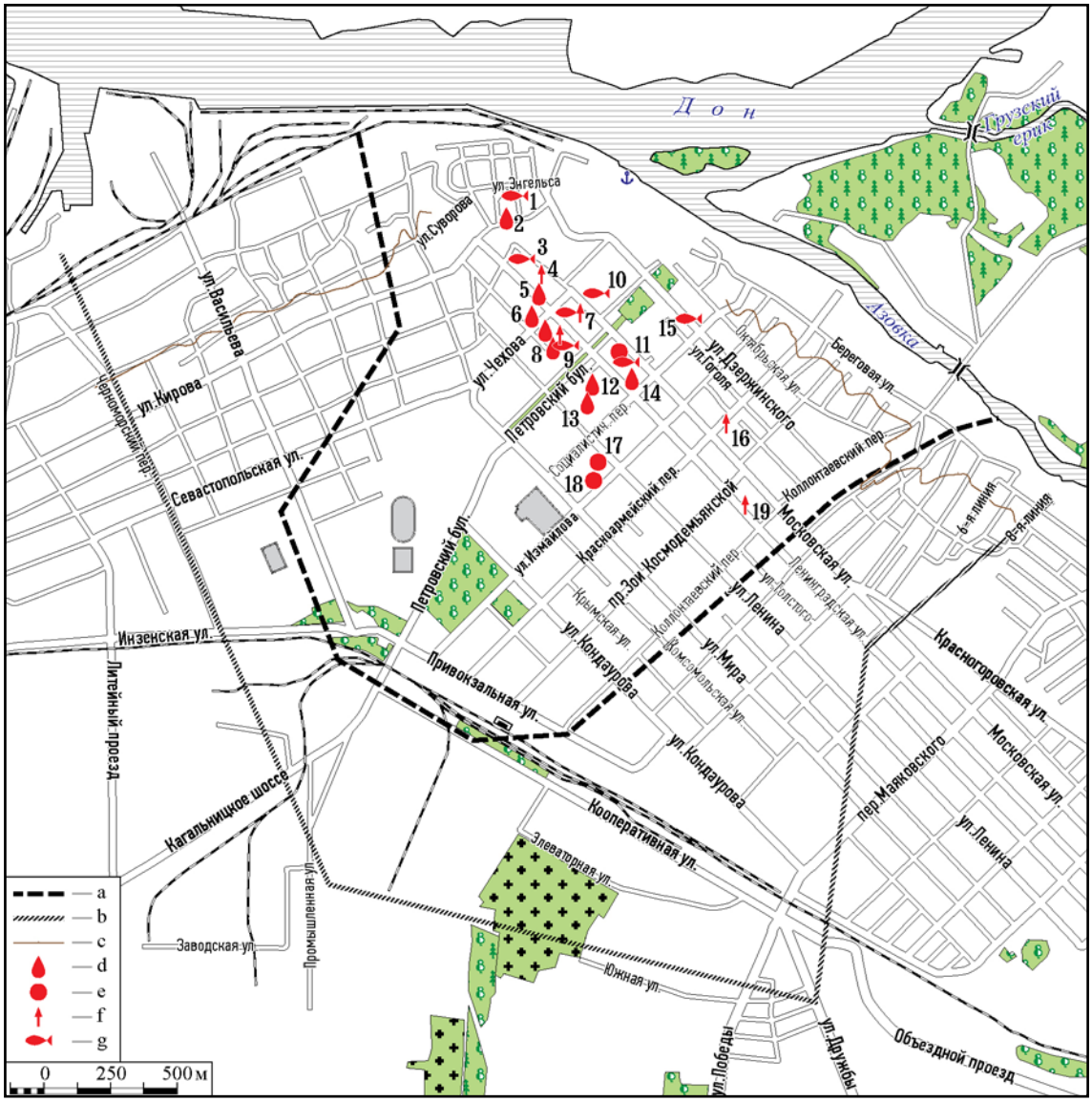


Рис. 8. План Азака. Алхимики, охотники, рыбаки: a — граница города по И.Д. Тиунову; b — граница города по Н.Ф. Фомичёву; c — горизонталь 20 м над уровнем моря; d — сфероконусы; e — керамические шары; f — костяные стрелы; g — рыбаки. Места раскопок: 1 — Энгельса 15 (1998); 2 — Лермонтова 6 (2006); 3 — Московская 4 (2005); 4 — Московская 16 (2001); 5 — Ленинградская 29 (1987); 6 — Чехова 8 (1991); 7 — Чехова 3 (1990, 1997); 8 — Чехова (1976); 9 — Толстого 41 (2000—2003); 10 — Московская 7 (1995); 11 — Московская 38—40 (1998, 1999); 12 — Кинотеатр «Октябрь» (1970-е); 13 — Ленина (1983); 14 — Ленинградская 55 (2006): 15 — Дзержинского 30 (2003); 16 — Красноармейская 56 (2002); 17 — Ленина 46 (2004); 18 — Социалистический 61А (2006); 19 — Ленинградская 101 (2003).

Fig. 8. Plan of Azak. Alchemists, hunters, fishermen: a — town border after I.D. Tiunov; b — town border after N.F. Fomichev; c — horizontal line of 20 meters above sea level; d — spherocones; e — ceramic balls; f — bone arrows; g — fishermen. Places of excavations: 1 — Engels St., 15 (1998); 2 — Lermontov St., 6 (2006); 3 — Moskovskaya St., 4 (2005); 4 — Moskovskaya St., 16 (2001); 5 — Leningradskaya St., 29 (1987); 6 — Chekhov St., 8 (1991); 7 — Chekhov St., 3 (1990, 1997); 8 — Chekhov St., (1976); 9 — Tolstoy St., 41 (2000—2003); 10 — Moskovskaya St., 7 (1995); 11 — Moskovskaya St., 38—40 (1998, 1999); 12 — „Oktyabr" cinema (1970s); 13 — Lenin St., (1983); 14 — Leningradskaya St., 55 (2006): 15 — Dzerzhinsky St., 30 (2003); 16 — Krasnoarmeiskaya St., 56 (2002); 17 — Lenin St., 46 (2004); 18 — Sotsialisticheskii St., 61A (2006); 19 — Leningradskaya St., 101 (2003).

южных и восточных районов Азака, изучена наиболее слабо и практически все мастерские найдены случайно, а не при производстве планомерных раскопок. От первоначального города он отделен наиболее крупным могильником, возникшим еще в конце XIII в. (Бойко 1990: 4). Но и позже Азак в этом направлении практически не рос. Район этот очень обширен по площади, но слабо заселен, и мастерские гончаров чередуются с могильниками и пустырями. Относительно остальных пяти мастерских, расположенных в централь-

ных и южных районах городища, обобщение сделать затруднительно хотя бы потому, что они относятся к различным хронологическим отрезкам. Если учитывать быстротечность изменений топографии города, разновременность мастерских исключает возможность построения обоснованных выводов о локализации здесь районов гончарного производства. Следует исключить при картографировании следов гончарного производства единичные находки гончарных браков или печного припаса, приведенные в работе В.И. Перевозчикова. Подобные находки могут быть встречены на весьма значительном расстоянии от производственных комплексов. Это собственно справедливо для следов любого ремесленного производства.

Углежоги

Достаточно неожиданными стали находки горнов для выжига древесного угля на территории Азака, включая его центральные районы (рис. 7: 17, 19). Долгое время они оставались не идентифицированными. Выделить их стало возможно только после находки на раскопе по улице Толстого 41 в 2000 г. горна, облицованного кирпичом и заполненного на две трети древесным углем. Поэтому информация об их топографии крайне фрагментарна. Возможно, к числу таких горнов относятся и некоторые из печей неизвестного назначения, о которых говорится в работе Н.М. Фомичева (Фомичев 1981: 7—8). Трудно переоценить значение самого факта наличия таких горнов на территории Азака. Без древесного угля невозможна выплавка железа и дальнейшая его обработка. Общеизвестно, что выжиг древесного угля происходил только рядом с лесными массивами, и в город поступал уже готовый продукт. Следовательно, леса можно было найти у самых окраин города, поскольку в противном случае выжиг производился бы вне пределов Азака.

Химия

Следы химического производства, в самом широком понимании этого термина, можно выявить, картографировав места находок сфероконусов, керамических шаров и некоторых других единичных находок химической посуды (Волков 2004б: 137). При этом мы не учитываем отдельные единичные находки. Подавляющее большинство находок сфероконусов происходит из очень небольшого района между зданием отдела милиции на улице Чехова (рис. 8: 8) и зданием кинотеатра «Октябрь» (рис. 8: 12, 13). Основная масса находок керамических шаров происходит из раскопа по улице Ленина 46 (рис. 8: 17), неподалеку от которого зафиксировано также их производство (рис. 8: 18). Таким образом, перед нами два изолированных района с различной специализацией. Из этих же участков происходят следы целого ряда других ремесел, включая черную и цветную металлургию и металлообработку.

Косторезы

Последним среди ремесел, оставляющих большое количество следов в земле, является косторезное производство. Краткая сводка находок косторезных мастерских уже опубликована (Масловский 2007), но она является далеко не полной. По количеству и частоте находок косторезное производство, бесспорно, занимает первое место среди ремесел золотоордынского Азака. Даже если отбросить раскопы, на которых найдено от одной-двух до нескольких десятков находок и оставить только те, где число находок превышает сотню, следы косторезного производства встречены практически во всех центральных и на некоторых окраинных районах Азака (рис. 9). Причем разделение их по хронологическим периодам картины не меняет. В большинстве случаев на этих же раскопах встречены следы и других ремесел. В некоторых случаях следы косторезного производства позволяют локализовать и другие производства. Например, на раскопе по улице Социалистической 61А (рис. 9: 16) обнаружены сотни лопаток крупного рогатого скота со следами вырезания из них узких длинных пластин. Наиболее вероятным назначением таких заготовок было их использование в качестве кантов седел. Собственно, других видов изделий из таких заготовок автору неизвестно. Следовательно, можно предположить, что в данном месте находилась мастерская шорника.

Кожевники

Кажется, что выявление следов обработки кожи на памятнике с сухим культурным слоем — занятие бесполезное. Тем не менее, некоторая информация на этот счет накоплена. Помимо указанных выше следов специфического косторезного производства, можно выделить три категории находок: 1) ножи с секировидным лезвием, расположенным перпендикулярно длинной рукояти, напоминающие более поздний токмачик; 2) гладилки из второй фаланги лошади; 3) хозяйственные ямы со следами вымачивания органики и обмазки стенок глиной, иногда обшивки деревом. Коричневый налет на стенках этих ям анализу не подвергался,

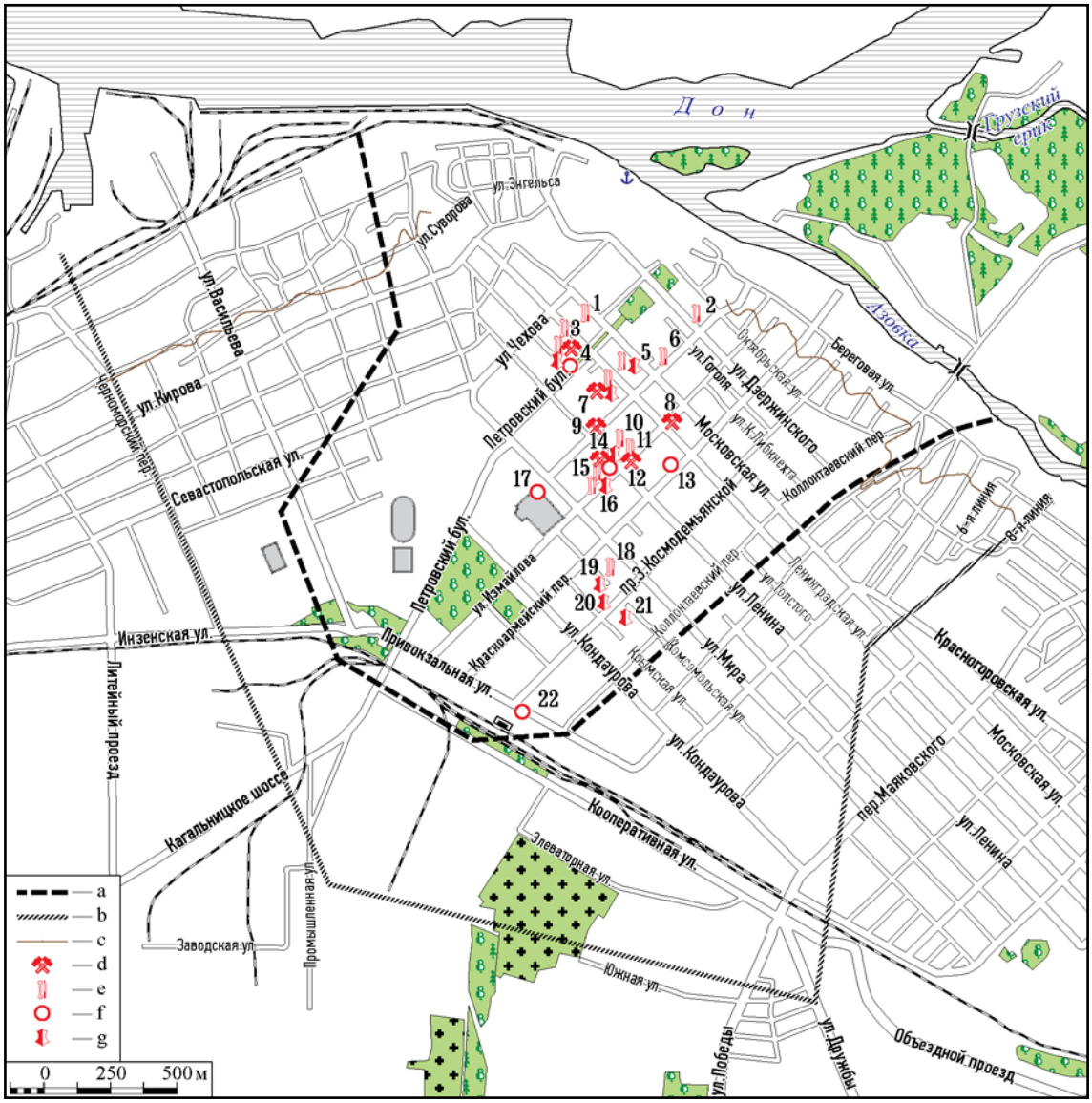


Рис. 9. План Азака. Плотники, косторезы, кожевники, пекари: a — граница города по И.Д. Тиунову; b — граница города по Н.Ф. Фомичёву; c — горизонталь 20 м над уровнем моря; d — плотники; e — косторезы; f — хлебопёки и мукомолы; g — обработка кожи. Места раскопок: 1 — Чехова 3 (1990); 2 — Дзержинского 30 (2003); 3 — Ленинградская 42 (1985); 4 — Толстого 41 (2000—2003); 5 — Московская 38/40 (1998, 1999); 6 — К. Либкнехта 12 (2003); 7 — Ленинградская (1981); 8 — Ленинградская 71 (1997); 9 — Социалистический (1979); 10 — Толстого 70 (2005); 11 — Толстого 74 (2003); 12 — Измайлова 38 (2000); 13 — Толстого (1988); 14 — Ленина 59 (1995); 15 — Ленина 46 (1990, 2003, 2004); 16 — Социалистический 61А (2006); 17 — Стадион (1973); 18 — Комсомольская (1989); 19 — Комсомольская 10 (2005); 20 — Крымская 7 (1992); 21 — 3. Космодемьянская 77 (2002); 22 — Привокзальная 12 (1990).

Fig. 9. Plan of Azak. Carpenters, bone carvers, tanners, bakers: a — town border after I.D. Tiunov; b — town border after N.F. Fomichev; c — horizontal line of 20 meters above sea level; d — carpenters; e — bone carvers; f — bakers and millers; g — leather processing. Places of excavations: 1 — Chekhov St., 3 (1990); 2 — Dzerzhinsky St., 30 (2003); 3 — Leningradskaya St., 42 (1985); 4 — Tolstoy St., 41 (2000—2003); 5 — Moskovskaya St., 38/40 (1998, 1999); 6 — K. Liebknecht St., 12 (2003); 7 — Leningradskaya St., (1981); 8 — Leningradskaya St., 71 (1997); 9 — Sotsialisticheskii St., (1979); 10 — Tolstoy St., 70 (2005); 11 — Tolstoy St., 74 (2003); 12 — Izmailov St., 38 (2000); 13 — Tolstoy St. (1988); 14 — Lenin St., 59 (1995); 15 — Lenin St., 46 (1990, 2003, 2004); 16 — Sotsialisticheskii St., 61A (2006); 17 — Stadium (1973); 18 — Komsomolskaya St. (1989); 19 — Komsomolskaya St., 10 (2005); 20 — Krymskaya St., 7 (1992); 21 — Z. Kosmodemianskaya St., 77 (2002); 22 — Privokzalnaya St., 12 (1990).

но, как мне представляется, наиболее вероятным является предположение об использовании этих ям в качестве чанов для вымачивания кожи. Кроме того, на одном из раскопов (рис. 9: 4) найдено достаточно большое количество кожевенного кроя. Полной картины по этим отрывочным данным мы, естественно, получить не можем. Особенно

если учесть, что хронологическую последовательность материалов установить значительно труднее, чем для других ремесел. Обращает на себя внимание тот факт, что чаны для вымачивания органики встречены на значительном удалении (около 900 м) от реки (рис. 9: 21). Это наводит на мысль об использовании неких альтернативных источников водоснабжения.

Плотники

Учитывая значительную ценность ремесленного инструмента и крайнюю редкость его находок на территории города, каждая находка деревообделочного инструмента со значительной долей вероятности указывает на работу в данном месте плотника. Ареал их распространения достаточно точно совпадает с районом, в котором концентрируются следы и других ремесленных производств (рис. 9).

Мукомолы и хлебопеки

Последним из ремесленных производств, которые можно выделить на территории Азака по материалам раскопок, является выпечка хлеба на продажу. Как известно, существование подобной ремесленной специализации является одним из специфических признаков городского быта. Ясно, что сама специфика такого производства предполагает рассредоточение его по всей площади города. О работе в данном месте хлебопека свидетельствуют находки специальных тандыров для выпечки хлеба, которые более чем в два раза превышают по диаметру и высоте обычные бытовые тандыры горожан. На раскопе по улице Толстого, 41 такой тандыр был установленен в отдельном помещении. На раскопе по улице Привокзальной 12 (1990 г., раскопки И. В. Гудименко) был найден огромный (более 2 м диаметром) жернов (рис. 9: 22). Это позволяет считать, что в этом районе на самой окраине Азака могли находиться ветряные мельницы. При этом достаточно частой находкой являются фрагменты ручных жерновов, что достаточно странно для такого крупного города.

Помимо ремесел, на территории города встречаются следы различных промыслов.

Охота

О распространении охоты, как особого промысла можно судить по находкам костяных стрел (рис. 8), использовавшихся для охоты на пушного зверя, а также по остеологическим материалам из раскопок. Причем при анализе остеологических материалов, помимо костей диких животных и птиц, большой интерес представляют находки ловчих птиц (Байгушева 2006: 344—345) и охотничьих норных собак. Данная работа далека от завершения, но уже сейчас можно констатировать, что свидетельства охотничьей деятельности горожан рассеяны практически по всей территории Азака.

Рыболовство

Достаточно очевидно, что промысловое рыболовство, дававшее один из основных экспортных продуктов Азака, могло оставить на его территории только весьма незначительные следы, в силу того, что рыбацкие тони, на которых происходила обработка улова, были рассеяны на значительной территории, о чём говорят и данные письменных источников. До сих пор на территории Азака не найдено ни одного каменного грузила. Тем не менее, есть свидетельства того, что рыбаки, осуществлявшие сетевой вылов рыбы, проживали и на территории города. Естественно, далеко не каждое скопление костей и чешуи рыб указывает на то, что владелец усадьбы был рыбаком. Уверенно можно говорить об этом тогда, когда вместе с костями рыб встречаются скопления раковин пресноводных моллюсков, которые горожанами в пищу не употреблялись, а могли попасть в пределы городских усадеб только вместе с неочищенными сетями. Поскольку такого рода информация стала фиксироваться только со сравнительно недавнего времени, то картина размещения рыбаков по территории Азака фрагментарна (рис. 8: 1, 3, 7, 9, 10, 11, 15). Можно отметить, что рыбаки могли проживать на достаточно большом удалении от реки — до 0,5 км (рис. 8: 9).

Интересно, что до сих пор не обнаружено никаких находок, которые бы указывали на занятие горожан земледелием.

13. Кочевники в городе

Выше уже говорилось о районах, где могло бы проживать население, пришедшее из степей. Собственно, мне уже приходилось делать доклад на эту тему (Масловский 2006д), поэтому можно ограничиться указанием на то, что большинство находок и объектов, которые с большей долей вероятности могут быть связаны с вчерашними кочевниками, происходят с восточных окраин Азака (рис. 10). Плотность заселения этих участков в несколько раз ниже, чем в центральных кварталах. При этом нельзя сказать, что выходцы из степи занимали эти районы сплошь.

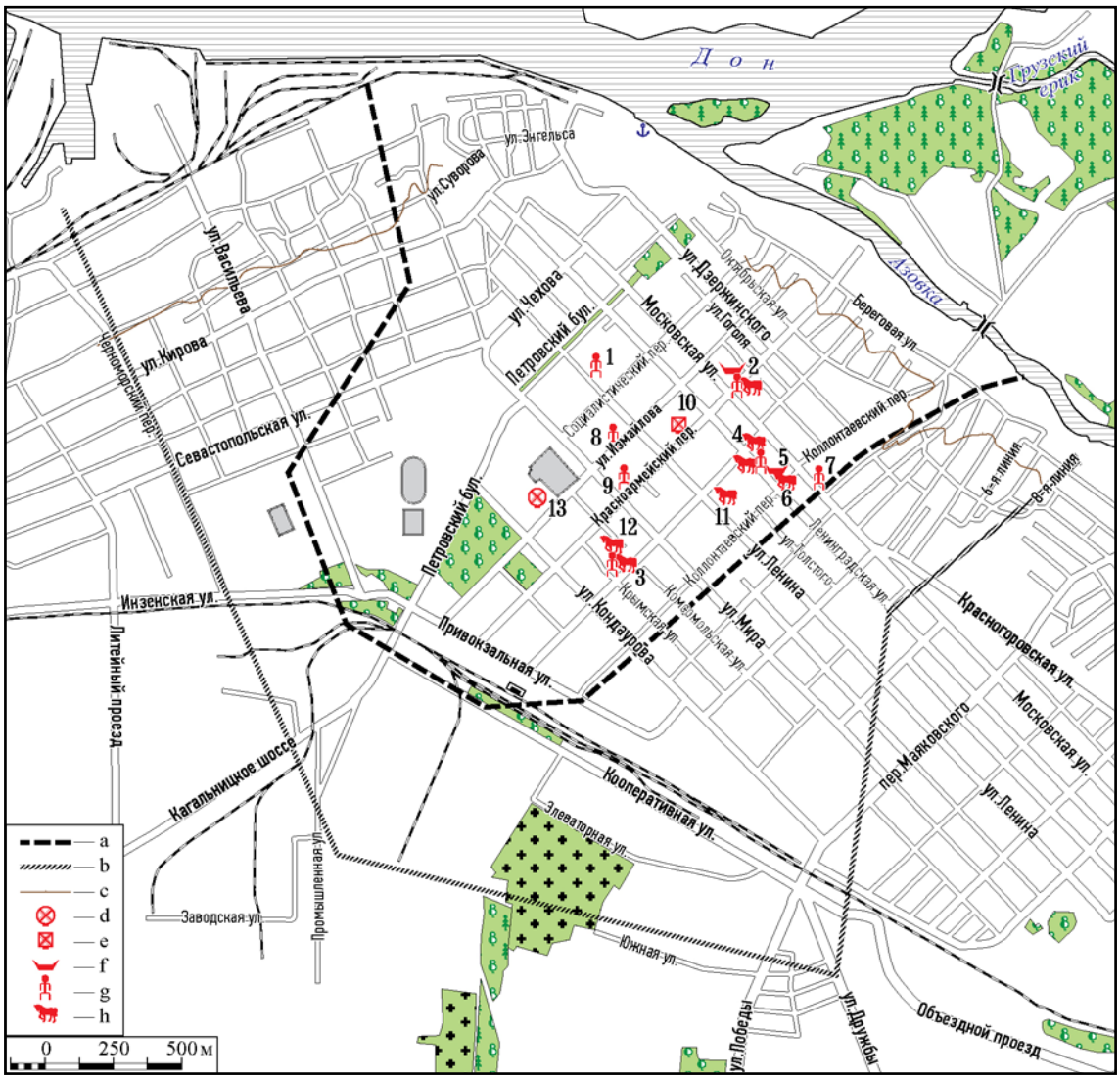


Рис. 10. План Азака. Кочевники: a — граница города по И. Д. Тиунову; b — граница города по Н. Ф. Фомичёву; c — горизонталь 20 м над уровнем моря; d — юрта; e — юртообразное жилище; f — грунтовые погребения кочевников; g — онгоны; h — кости коней. Места раскопок: 1 — Ленина (1983); 2 — Красноармейская 56 (2002, 2003); 3 — Крымская 7 (1992); 4 — 3. Космодемьянской 48А (2004); 5 — Ленинградская 101 (2003); 6 — Ленинградская 115 (2002); 7 — Московская 95 (2006); 8 — Социалистический 61А (2006); 9 — Измайлова (1991); 10 — Толстого (1988); 11 — Толстого 102А (2005); 12 — Комсомольская 14 (2005); 13 — Парк (1985).

Fig. 10. Plan of Azak. Nomads: a — town border after I. D. Tiunov; b — town border after N. F. Fomichev; c — horizontal line of 20 meters above sea level; d — yurt; e — yurt-like dwelling; f — ground burials of nomads; g — ongons; h — horse bones. Places of excavations: 1 — Lenin St. (1983); 2 — Krasnoarmeiskaya St., 56 (2002, 2003); 3 — Krymskaya St., 7 (1992); 4 — Z. Kosmodemianskaya St., 48A (2004); 5 — Leningradskaya St., 101 (2003); 6 — Leningradskaya St., 115 (2002); 7 — Moskovskaya St., 95 (2006); 8 — Sotsialisticheskii St., 61A (2006); 9 — Izmailov St. (1991); 10 — Tolstoy St. (1988); 11 — Tolstoy St., 102A (2005); 12 — Komsomolskaya St., 14 (2005); 13 — Park (1985).

14. Военное дело

В 2003 и 2006 г. было исследовано два небольших участка оборонительного рва третьей четверти XIV в. (рис. 11: 26, 27), который в данном районе проходил по направлению с северо-запада на юго-восток. Вал практически не сохранился, что естественно для полностью застроенного памятника. Естественно, по двум крошечным отрезкам трудно делать однозначный вывод, но некоторые обоснованные предположения сделать можно. Во-первых, ров, по-видимому, ограждал все районы города, в которых к 1360-м гг. сохранилась сплошная застройка, поскольку к востоку от этой линии находок второй половины XIV в. практически нет. Да и в первой половине XIV в. застройка на восточных окраинах была разреженной. Во-вторых, исходя из вышесказанного, можно предполагать, что

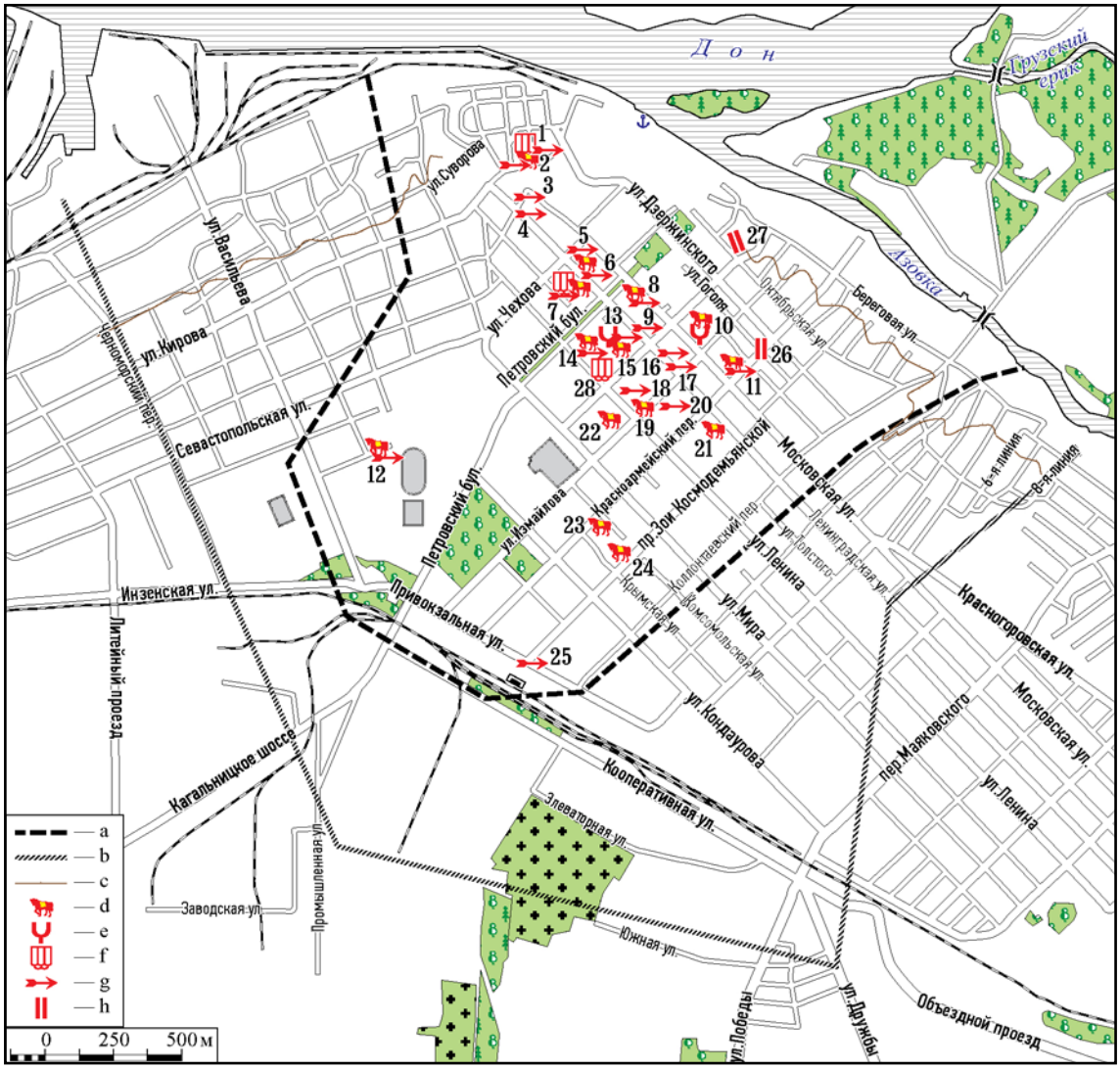


Рис. 11. План Азака. Военное дело: a — граница города по И.Д. Тиунову; b — граница города по Н.Ф. Фомичёву; c — горизонталь 20 м над уровнем моря; d — предметы сбруи; e — шпоры; f — панцирные пластины; g — стрелы; h — ров. Места раскопок: 1 — Энгельса 15 (1998); 2 — Р. Люксембург15 (1992); 3 — Московская 4 (2005); 4 — Ленинградская 9, 11 (2000, 2002); 5 — Чехова 3 (1997); 6 — Муз. школа (1993); 7 — Толстого 41 (2000—2003); 8 — Московская 38/40 (1999); 9 — Ленинградская 55 (2006); 10 — К. Либкнехта (1985); 11 — Красноармейская 56 (2002); 12 — Газеты «Известия» (1984); 13 — Петровский бульвар 7 (2005); 14 — Ленина (1983); 15 — Ленинградская (1984); 16 — Ленинградская 67 (2004); 17 — Ленинградская 71 (1997); 18 — Толстого 74 (2003); 19 — Измайлова 38 (2000); 20 — Толстого (1988); 21 — Толстого 99 (2005); 22 — Ленина 46 (2004); 23 — Красноармейский 91А (2004); 24 — 3. Космодемьянской (1991); 25 — Привокзальная 12 (1990); 26 — Гоголя 36 (2003); 27 — Октябрьская 11 (2006); 28 — пер. Социалистический (1979).

Fig. 11. Plan of Azak. Warfare: a — town border after I.D. Tiunov; b — town border after N.F. Fomichev; c — horizontal line of 20 meters above sea level; d — harness objects; e — spurs; f — armour plates; g — arrowheads; h — moat. Places of excavations: 1 — Engels St., 15 (1998); 2 — R. Luxemburg St., 15 (1992); 3 — Moskovskaya St., 4 (2005); 4 — Leningradskaya St., 9, 11 (2000, 2002); 5 — Chekhov St., 3 (1997); 6 — Musical School (1993); 7 — Tolstoy St., 41 (2000—2003); 8 — Moskovskaya St., 38/40 (1999); 9 — Leningradskaya St., 55 (2006); 10 — K. Liebknecht St. (1985); 11 — Krasnoarmeiskaya St., 56 (2002); 12 — „Izvestia" Newspaper St. (1984); 13 — Petrovsky Bd., 7 (2005); 14 — Lenin St. (1983); 15 — Leningradskaya St., (1984); 16 — Leningradskaya St., 67 (2004); 17 — Leningradskaya St., 71 (1997); 18 — Tolstoy St., 74 (2003); 19 — Izmailov St., 38 (2000); 20 — Tolstoy St., (1988); 21 — Tolstoy St., 99 (2005); 22 — Lenin St., 46 (2004); 23 — Krasnoarmeiskaya St., 91A (2004); 24 — Z. Kosmodemianskaya St., (1991); 25 — Privokzalnaya St., 12 (1990); 26 — Gogol St., 36 (2003); 27 — Oktyabrskaya St., 11 (2006); 28 — Sotsialisticheskii St. (1979).

площадь внутри оборонительных сооружений была намного больше 100 гектаров. Глубина рва составляла около 3,5 м, т.е. укрепления были достаточно мощными. Встает вопрос о том, кто, собственно, должен был оборонять этот протяженный крепостной периметр.

На мой взгляд, ответ на это дает рассмотрение другого сюжета. При картографировании наиболее массовых находок вооружения и снаряжения (стрелы, предметы конской упряжи, шпоры, панцирные пластины) (рис. 11) можно заметить, что предметы вооружения встречаются на большей части городской территории. При этом наряду со стрелами степных кочевнических типов на очень большой территории разбросаны находки арбалетных болтов, шпор, панцирных пластин. Разумеется, часть из них могла принадлежать проживавшим здесь итальянским купцам, но достаточно частые их находки в хозяйственных ямах на территории ремесленных усадеб позволяют предполагать наличие арбалетов у части горожан. Следует также сказать, что значительная часть типов наконечников стрел, найденных в Азаке, в степях не встречена; небольшой серией находок представлены булавы и кистени, не характерные для степняков, что опять-таки позволяет предполагать вооруженность, по крайней мере, части горожан. На мой взгляд, именно это обстоятельство позволяло при строительстве укреплений Азака увеличить их протяженность, и именно поэтому укреплениями была окружена вся площадь сплошной городской застройки.

Сложно подвести итог разрозненным наблюдениям. Необходимо проделать ещё очень большой объем аналитической работы. Вполне допускаю, что новые раскопки могут в чём-то значительно изменить наши представления о городе. Достаточно очевидно отличие Азака от других золотоордынских городищ. На мой взгляд, вообще сложно вывести черты, общие для золотоордынских центров всех регионов Улуса Джучи и, во всяком случае, сначала нужно как можно детальнее изучить топографию каждого города, прежде чем выводить закономерности.

Литература

Байгушева В.С. 2006. Орнитофауна и териофауна Приазовья по материалам археологических раскопок. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г.* 22. Азов: Азовский музей-заповедник, 341—356.

Барбаро И. 1971. Путешествие в Тану. В: Скржинская Е.Ч. (пер., вступ. ст., коммент.). *Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.* Москва; Ленинград: Наука, 1—276.

Белинский И.В., Масловский А.Н. 2001. Раскопки в г. Азове по улице Толстого в 2000 году. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999—2000 гг.* 17. Азов: Азовский музей-заповедник, 38—47.

Блохин В.Г. 2001. *Градостроительные традиции Золотой Орды (На материалах Нижнего Поволжья).* Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Волгоград.

Бойко А.Л. 1990. Спасательные раскопки в г. Азове в 1989 г. В: Гугуев В.К. (ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г.* 9. Азов: Азовский музей-заповедник, 3—5.

Большаков О.Г. 2001. *Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в.* Москва: Наука.

Бочаров С.Г. 2001. *Историческая топография Каффы (конец XIII — 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения.* Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Москва.

Бочаров С.Г. 2006. Каффа и Золотая Орда в первой половине XIV века. В: Рудаков В.Г. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евроазиатской зоне*. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931—2000). Москва: ГИМ, 112—114.

Булатов Н.М. 1974. Исследования золотоордынского города Азака. *АО 1973 г.*, 100—101.

Волков И.В. 1990. Гостевая церковь — мечеть Баезида Вели в Азове. В: Гугуев В.К. (ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г.* 9. Азов: Азовский музей-заповедник, 136—150.

Волков И.В. 1992. Азовская крепость глазами Эвлии Челеби и русских военных топографов XVII—XVIII вв. В: Максименко В.Е., Королев В.Н. (ред.). *Историческая география Дона и Северного Кавказа*. Ростов-на-Дону: Ростовский ун-т, 83—93.

Волков И.В. 2003. Поселения Приазовья в XII—XIII вв. В: Макаров Н.А. (отв. ред.). *Русь в XIII веке. Древности тёмного времени*. Москва: Наука, 108—130.

Волков И.В. 2004а. Надпись тушью на чаше из Азова. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г.* 19. Азов: Азовский музей-заповедник, 286—291.

Волков И.В. 2004б. Химическая посуда в золотоордынских городах. В: Валиулина С.И. (ред.). *125 лет обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона*. Казань: Казанский государственный университет, 137—160.

Волков И.В. 2006. Закрытый комплекс турецкого времени из Азова. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г.* 21. Азов: Азовский музей-заповедник, 473—496.

Глухов А.А. 2006. Новые данные по топографии Царевского городища. В: Рудаков В.Г. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евро-азиатской зоне*. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931—2000). Москва: ГИМ, 122—124.

Городцов В.А. 1911. Результаты археологического исследования на месте развалин города Маджар в 1907 г. *Труды XIV археологического съезда в*

г. Чернигове в 1909 г. III. Москва, 162—208.

Зеленеев Ю.А. 2005. Этнокультурные традиции золотоордынского города. В: Руденко К.А. (ред.). *Древности Поволжья: эпоха средневековья (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды).* Материалы II Всероссийской конференции «Поволжье в средние века», (Казань — Яльчик, 25—28 сентября 2003 г.). Казань: Школа, 163—174.

Зозулин Г.М. 1992. *Леса Нижнего Дона*. Ростов-на-Дону: РГУ.

Ильина О.А. 2003. История исследований Водянского городища. *НАВ* 6, 112—125.

Ильина О.А. 2005. Мечетное городище. *НАВ* 7, 103—113.

Ильина О.А. 2006. Из истории исследований Увекского городища. В: Рудаков В.Г. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евроазиатской зоне*. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931—2000). Москва: ГИМ, 137—139.

Карпов С.П. 2001. Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359—1360 гг.). В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века* V. Санкт-Петербург: Алетейя, 9—26.

Масловский А.Н. 2000. Работы I Азовского отряда в 1998 году. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г.* 16. Азов: Азовский музей-заповедник, 115—121.

Масловский А.Н. 2002. Раскопки в Азове. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г.* 18. Азов: Азовский музей-заповедник, 212—223.

Масловский А.Н. 2006а. Планировочная структура Азака: общее и особенности в развитии золотоордынских городов. В: *Современные проблемы археологии России* II. Новосибирск.

Масловский А.Н. 2006б. Археологические работы в Азове и Азовском районе в 2004 году. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г.* 21. Азов: Азовский музей-заповедник, 92—117.

Масловский А.Н. 2006в. О времени возникновения Азака. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г.* 22. Азов: Азовский музей-заповедник, 257—295.

Масловский А.Н. 2006г. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 году. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г.* 22. Азов: Азовский музей-заповедник, 102—126.

Масловский А.Н. 2006д. Кочевники в золотоордынском Азаке. В: Рудаков В.Г. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евроазиатской зоне*. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931—2000). Москва: ГИМ, 157.

Масловский А.Н. 2007. Косторезное производство Азака. Общая характеристика. В: *Средневековая археология евразийских степей.* Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. 1. Казань.

Мыськов Е.П. 2001. Русский поселок и русский квартал Водянского городища. В: Мамонтов В.И. (ред.). *Материалы по археологии Волго-Донских степей* 1. Волгоград: ВолГУ, 250—267.

Мыськов Е.П. 2006. Водянское городище в конце XIV в. В: Рудаков В.Г. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евроазиатской зоне*. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931—2000). Москва: ГИМ, 164—165.

Перевозчиков В.И. 2001. История археологического изучения гончарного ремесла Азака-Таны (предварительные данные по топографии и хронологии). *Донская археология* (1—2), 95—108.

Перевозчиков В.И., Масловский А.Н. 2000. И в Азаке бани строились. В: Кияшко В.Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г.* 16. Азов: Азовский музей-заповедник, 310—333.

Перепечаева Л.Б. 2003. Торговля через Азов в петровское время, конец XVII — начало XVIII вв. В: Горбенко А.А. (отв. ред.). *Азов — древнейший порт России*. Очерки истории Азова 7. Азов: Азовский краеведческий музей, 99—110.

Пигарёв Е.М. 2006. Некоторые итоги и перспективы исследования Селитренного городища. В: Рудаков В.Г. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евроазиатской зоне.* Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931—2000). Москва: ГИМ, 173—174.

Путешествия 1957: *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. 1957. Москва: Государственное издательство геграфической литературы.

Рудаков В.Г. 2002. К топографии города Сарая в конце XIV в. *Поволжье и сопредельные территории в средние века*. Труды ГИМ 135, 144—153.

Скржинская Е.Ч. 1971. Вводные очерки. В: Скржинская Е.Ч. (пер., вступ. ст., коммент.). *Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.* Москва; Ленинград: Наука.

Тизенгаузен В.Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 1. *Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Федоров-Давыдов Г.А. 1964. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. *СА* (1), 248—271.

Фомичев Н.М. 1981. Новые данные по исторической топографии золотоордынского г. Азака. В: *Материалы к семинару «Итоги исследований объединенной Азово-Донецкой археологической экспедиции Азовского краеведческого музея, Ростовского ордена трудового красного знамени государственного университета и Ростовского ордена "Знак почета" государственного педагогического института в 1976—1981 гг.»*. Азов: Азовский краеведческий музей, 6—8.

Фомичев Н.М. 1988. *Проект зон охраны памятников истории и культуры г. Азова. Материалы предварительного исследования*. Т. 1. Архив Азовского музея-заповедника. АМЗ КП-28612/1-2 ПИ1-12515-125167.

Фомичев Н.М. 1990. К вопросу о границах памятников археологии г. Азова. В: *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г.* 9. Азов: Азовский

музей-заповедник, 35—40.

Фомичев Н. М. 1994. Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака — Таны в XIV—XV вв. *Очерки истории Азова* 2. Азов: Азовский краеведческий музей, 5—18.

Ястребов В. Н. 1893. Раскопки в Области Войска Донского. *ОАК за 1890 год*. Санкт-Петербург, 40—49.

References

Baigusheva, V. S. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 2005)* 22. Azov: Azov museum-reserve, 341—356 (in Russian).

Barbaro, G. 1971. In *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh sviazei v XV v. (Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italian-Russian Connections in 15th Century)* Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 1—276 (in Russian).

Belinsky, I. V., Maslovskiy, A. N. 2001. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1999—2000 gg. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 1999—2000)* 17. Azov: Azov museum-reserve, 38—47 (in Russian).

Blokhin, V. G. 2001. *Gradostroitel'nye traditsii Zolotoi Ordy (Na materialakh Nizhnego Povolzh'ia) (Town-building Traditions of the Golden Horde (basing on the materials from Lower Volga region)).* Avtoref. diss. … kand. ist. nauk. Volgograd (in Russian).

Boyko, A. L. 1990. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 1989))* 9. Azov: Azov museum-reserve, 3—5 (in Russian).

Bolshakov, O. G. 2001. *Srednevekovyi gorod Blizhnego Vostoka. VII — seredina XIII v. (Medieval Town in the Near East. 7th — Middle of 13th Century)* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bocharov, S. G. 2001. *Istoricheskaia topografiia Kaffy (konets XIII — 1774 g.). Fortifikatsiia, kul'tovye pamiatniki, sistema vodosnabzheniia (Historical Topography of Kaffa (End of 13th Century — 1774). Fortifications, Cultic Sites, Water Supply System).* Avtoref. diss. … kand. ist. nauk. Moscow (in Russian).

Bocharov, S. G. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasiatic Zone)*. Moscow: State Historical Museum, 112—114 (in Russian).

Bulatov, N. M. 1974. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 g. (Archaeological Discoveries of 1973)*, 100—101 (in Russian).

Volkov, I. V. 1990. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 1989)* 9. Azov: Azov museum-reserve, 136—150 (in Russian).

Volkov, I. V. 1992. In *Istoricheskaia geografiia Dona i Severnogo Kavkaza (Historical Geography of Don and Northern Caucasus)*. Rostov-on-Don: Rostov University, 83—93 (in Russian).

Volkov, I. V. 2003. In *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni (Russia in 13th Century. Antiquities of Dark Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 108—130 (in Russian).

Volkov, I. V. 2004. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2002 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 2002)* 19. Azov: Azov museum-reserve, 286—291 (in Russian).

Volkov, I. V. 2004. In *125 let obshchestvu arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiia Volgo-Ural'skogo regiona (125 Years to the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated to the Kazan University. Problems of Historical and Cultural Development of the Volga-Ural Region)*. Kazan: Kazan State University, 137—160 (in Russian).

Volkov, I. V. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov museum-reserve, 473—496 (in Russian).

Glukhov, A. A. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evro-aziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasiatic Zone)*. Moscow: State Historical Museum, 122—124 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1911. In *Trudy XIV arkheologicheskogo s"ezda v g. Chernigove v 1909 g. (Proceedings of 14th Archaeological Convention in Chernigov in 1909)* III. Moscow, 162—208 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 2005. In *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (Issledovaniia kul'turnogo naslediia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of Volga Region: the Middle Ages (Researches of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 163—174 (in Russian).

Zozulin, G. M. 1992. *Lesa Nizhnego Dona (Forests of Lower Don)*. Rostov-on-Don: Rostov State University (in Russian).

Ilyina, O. A. 2003. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 6, 112—125 (in Russian).

Ilyina, O. A. 2005. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7, 103—113 (in Russian).

Ilyina, O. A. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasiatic Zone)*. Moscow: State Historical Museum, 137—139 (in Russian).

Karpov, S. P. 2001. In *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in Middle Ages)* V. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 9—26 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2000. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1998 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 1998)* 16. Azov: Azov museum-reserve, 115—121 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2002. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 2001)* 18. Azov: Azov museum-reserve, 212—223 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2006. In *Sovremennye problemy arkheologii Rossii (Actual Problems of Archaeology of Russia)* II. Novosibirsk (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov museum-reserve, 92—117 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 2005)* 22. Azov: Azov museum-reserve, 257—295 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 2005)* 22. Azov: Azov museum-reserve, 102—126 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasiatic Zone)*. Moscow: State Historical Museum, 157 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2007. In *Srednevekovaia arkheologiia evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. Kazan (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2001. In *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei (Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes)* 1. Volgograd: Volgograd State University, 250—

267 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasiatic Zone)*. Moscow: State Historical Museum, 164—165 (in Russian).

Perevozchikov, V. I. 2001. In *Donskaia arkheologiia (Don Archaeology)* (1—2), 95—108 (in Russian).

Perevozchikov, V. I., Maslovskiy, A. N. 2000. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1998 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 1998)* 16. Azov: Azov museum-reserve, 310—333 (in Russian).

Perepechaeva, L. B. 2003. In *Azov — drevneishii port Rossii (Azov — the Oldest Harbour of Russia)*. Ocherki istorii Azova (Essays on History of Azov) 7. Azov: Azov Museum of Local Lore, 99—110 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasiatic Zone)*. Moscow: State Historical Museum, 173—174 (in Russian).

Puteshestviia 1957: *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (Travels of Plano Carpini and Rubrouck into the Eastern Lands)*. 1957. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ. (in Russian).

Rudakov, V. G. 2002. In *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga Region and Neighbouring Territories in the Middle Ages)*. Proceedings of the State Historical Museum 135, 144—153 (in Russian).

Skrzhinskaya, E. Ch. 1971. In *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh sviazei v XV v. (Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italian-Russian Connections in 15th Century)* Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy*. Vol. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Compilation of Materials Related to the History of Golden Horde*. Vol. 1. *Abstracts from the Arabian Writings)*. Saint Petersburg: "Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 248—271 (in Russian).

Fomichev, N. M. 1981. In *Materialy k seminaru «Itogi issledovanii ob"edinennoi Azovo-Donetskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Azovskogo kraevedcheskogo muzeia, Rostovskogo ordena trudovogo krasnogo znameni gosudarstvennogo universiteta i Rostovskogo ordena "Znak pocheta" gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta v 1976—1981 gg.» (Materials to the Seminar "Results of the Investigations of Associated Azov — Donetsk Archaeological Expedition of the Azov Regional Museum, Rostov State University and State Pedagogical Institute in 1976—1981")*. Azov: Azov Museum of Local Lore, 6—8 (in Russian).

Fomichev, N. M. 1988. *Proekt zon okhrany pamiatnikov istorii i kul'tury g. Azova. Materialy predvaritel'nogo issledovaniia (Project of Protection Zones of Historical and Cultural Sites of the City of Azov. Materials of Preliminary Investigation)* 1. Archive of the Azov Museum of Local Lore. АМЗ КП-28612/1-2 ПИ1-12515-125167 (in Russian).

Fomichev, N. M. 1990. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don Region in 1989)* 9. Azov: Azov museum-reserve, 35—40 (in Russian).

Fomichev, N. M. 1994. In *Ocherki istorii Azova (Essays on History of Azov)* 2. Azov: Azov Museum of Local Lore, 5—18 (in Russian).

Yastrebov, V. N. 1893. In *Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1890 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1890)*. Saint Petersburg, 40—49 (in Russian).

Э. Е. Кравченко

Eduard Kravchenko. Donetsk Museum of Local History[1].

Кравченко Эдуард Евгеньевич. Донецкий краеведческий музей.

E-mail: sidae@mail.ru

Address: [1] Chelyuskintsev St., 189a, Donetsk, 83048, Ukraine

Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном

Keywords: Don River Region, Azov Region, steppe zone, Golden Horde time, settlements, camps, ground necropolises, barrow necropolises.

Ключевые слова: Подонье, Приазовье, степная зона, золотоордынское время, поселения, кочевья, грунтовые могильники, курганные захоронения.

E. E. Kravchenko

Sites of Golden Horde Time in Steppes between the Dnieper and the Don

The author studies sites of Golden Horde time found in the south-eastern part of Ukraine. The nature and climate of this region has three zones: Seversky Donets, Donetsky Kryazh and the Azov region. Different natural environment in these zones conditioned peculiar features of sites located here. In the steppes in Donetsky Kryazh, with their nomad population, the sites represent some barrow necropolises, seasonal camps and some individual finds. The Azov coast, along with sites left by the nomads, yields some stationary settlements, most of which emerged in the second half of 14th c. One of them had an adjacent ground necropolis (Lyapinskaya Balka). The steppe also yields burials of nomad elite, including Muslim ones (the stone from Guselshchikovo). The largest and most typical sites are located in the middle stream of the Seversky Donets (camps, small and large settlements, ground and barrow necropolises). A group of settlements with pseudo Early Russian ceramics had existed there from the previous time period. Next to some of these, some large Golden Horde centers emerge in 14th c. (at village Maiaki and town Raygorodok). It is noteworthy that both groups of settlements coexist in the middle stream of the Seversky Donets during the whole of the Golden Horde time.

The rise on the considered territory dates to the second half of 14th c. With the fall of Mamay and accession of Tokhtamysh to power, the region lost its importance. The ultimate desolation of these lands started after the western territories of the Golden Horde had been devastated by Tamerlane in 1395.

Э. Е. Кравченко

Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном

Работа посвящена памятникам золотоордынского времени юго-востока Украины. Этот степной регион в природно-климатическом отношении делится на три зоны: Северский Донец, Донецкий Кряж и Приазовье. Различия природных условий в этих зонах обусловили своеобразие расположенных здесь памятников. В степях Донецкого Кряжа, где проживало кочевое население, они представлены курганными захоронениями, сезонными стойбищами и отдельными находками. На Азовском побережье, наряду с памятниками, оставленными кочевым населением, известны стационарные поселения, большинство которых возникло во 2-й пол. XIV в. К одному из них прилегал грунтовый могильник (Ляпинская Балка). В степи выявлены и погребения кочевой элиты, в том числе мусульманской (плита из Гусельщиково). Наиболее крупные и яркие памятники расположены в среднем течении Северского Донца (кочевья, малые и крупные селища, грунтовые могильники, курганные погребения). Еще с предшествующего периода здесь существовала группа поселений с псевдо-древнерусской керамикой. В XIV в. рядом с некоторыми из них (у с. Маяки и пгт. Райгородок) возникают крупные золотоордынские центры. Показательно, что в среднем течении Северского Донца в течение всего золотоордынского периода обе группы поселений сосуществуют.

Наивысший расцвет жизни на рассматриваемой территории приходится на 2-ю пол. XIV в. С падением Мамая и приходом к власти Тохтамыша регион утратил свое значение. Окончательное запустение этих земель начинается после разгрома западных территорий Золотой Орды Тамерланом в 1395 году.

© Э. Е. Кравченко, 2015.

Степной регион, расположенный между реками Днепр и Дон, который включает в свой состав территорию нынешней Донецкой области, в природно-климатическом отношении делится на три зоны. Наиболее северная из них — бассейн Северского Донца, по своим условиям более напоминает лесостепь. Далее к югу следуют степные просторы Донецкого Кряжа и Северного Приазовья. Различные природные условия этих зон, близость их к различным культурным регионам, обусловили определенные отличия в материальной культуре населения этих земель.

Средневековые памятники археологии, расположенные на рассматриваемой нами территории, изучены неравномерно, как в хронологическом, так и в территориальном отношении. Очень мало данных о памятниках эпохи Великого переселения народов. Из объектов хазарского времени лучше исследованы поселения среднего течения Северского Донца, в то время как в степной части региона изучались единичные объекты. Памятники XI—XIII вв. представлены в основном курганными захоронениями. Возможно, в это время в среднем течении р. Северский Донец функционировала группа поселений (Кравченко 2000: 75—100; 2009: 242—262). Предлагаемая работа посвящена памятникам золотоордынского времени, расположенным на территории рассматриваемого региона.

Первые сведения о них появляются еще в начале XX века. В это время священник Райгородской церкви В. Ф. Спесивцев сообщил в Комиссию по подготовке XII археологического съезда о древностях, обнаруженных им у сл. Райгородок (Спесивцев 1905). Приблизительно в этот же период краевед из г. Славянска А. И. Абрамов обратил внимание на крупное городище, прилегающее к восточной окраине села Маяки. В 20-х гг. XX в. в среднем течении Северского Донца проводил разведки Н. В. Сибилев. Им были осмотрены уже известные пункты, а также выявлен ряд новых местонахождений золотоордынского времени (Сибилев 1928; 1930). Все накопленные к этому времени данные нашли отражение в трудах XII АС (Багалей 1905: 56—57; Городцов 1905а: 214—215; 1905б: 263) и, в общей форме, в тезисах А. С. Федоровского (Федоровский 1928: 288—289). На этом рубеже процесс исследований золотоордынских памятников в рассматриваемом нами регионе надолго остановился. Так, в книге Б. А. Шрамко «Древности Северского Донца» о находках материалов золотоордынского времени на этой территории даются лишь отрывочные сведения (Шрамко 1962: 358—360). Более того, рассматривая известный памятник, Донецкое городище, данный автор относит его к древнерусскому периоду (Шрамко 1962: 331—360), в то время как на его территории еще при первых исследованиях были известны и материалы золотоордынского времени, в частности, монеты (Городцов 1905в: 111). Результатом такого положения стало то, что в обобщающей работе, посвященной городам Золотой Орды, В. Л. Егоров, ссылаясь на публикации 1-й пол. XX в., с сожалением указывает, что информация в них носит «самый общий характер» (Егоров 1985: 87).

Тем не менее, процесс накопления сведений продолжался. В 1936 г. экспедиция под руководством Г. Г. Афендика впервые производит небольшие по объему исследования на территории археологического комплекса у с. Маяки. Несмотря на то, что документация и материал, полученный в результате раскопок, дошли до нас фрагментарно, ясно, что в процессе работ Г. Г. Афендиком были вскрыты участки слоя с материалами золотоордынского времени. В 1991 г., в раскопе 28 (по отчетной документации — 3-П) на прилегающем к городищу селище, была прослежена старая археологическая траншея (траншея 7 у Г. Г. Афендика), которая прорезала котлованы помещений золотоордынского времени (Кравченко 2000: рис. 2: 1).

Кроме этого, в довоенное время на территории региона был исследован ряд захоронений, относящихся к интересующему нас периоду. В числе их интересный комплекс, который был обнаружен на территории нынешнего г. Донецка, который представлял собой захоронение золотоордынского времени «в мазаре» (рис. 1: 10) (Кучугура 2006: 54). К сожалению, никаких дополнительных сведений о данном объекте в работе не приводится. В целом же, материалы исследований довоенного времени, в большинстве случаев, не были опубликованы, а документация частично или полностью утрачена.

Особенно много материала поступило в руки исследователей во 2-й пол. XX века. В этот период начинается активное изучение поселений. В 1982—1984 гг. у с. Ильичевка Краснолиманского р-на, при раскопках эталонного Зливкинского могильника, был обнаружен еще один некрополь и прилегающее к нему селище эпохи развитого средневековья (рис. 1: 3) (Швецов 1991: 117—121).

С 60-х гг. XX в. начались систематические исследования Царина городища (Маяки) (рис. 1: 1). Изучение этого памятника дало разнообразный, богатый материал, который, к сожалению, был опубликован не полностью (Михеев 1985; Кравченко, Швецов 1990: 22—24; 1992: 18—25; Ходжайов, Швецов 1992: 74—78; Кравченко, Цимиданов, Мирошниченко, Петренко 2005: 226—230). Разведками 80—90-х гг. XX в. в степной части региона было выявлено большое количество поселений, оставленных кочевым населением.

Таким образом, в настоящий момент в нашем распоряжении имеется довольно существенная подборка археологического материала, позволяющая получить некоторое представление о чертах истории и культуры региона в XIII—XIV вв. В значительной своей части эти находки нашли отражение в различных публикациях, выходящих небольшими тиражами и недоступных широкому кругу специалистов. Часть материалов увидела свет лишь в виде тезисных публикаций. Часть вообще не была опубликована. В данной работе автор делает попытку свести воедино все эти сведения [1].

Основная часть представленных в работе материалов была выявлена в пределах Донецкой области. В соседней Луганской области также обнаружено значительное количество памятников этого периода. Среди них присутствуют как захоронения, так и поселения, в том числе и крупные. Яркие курганные комплексы, были исследованы в Провальской степи близ с. Черемшино Свердловского района (Апареева, Красильников, Тельнова 2002: 210—224). Здесь же, на Луганщине, у села Нижнетеплое на Северском Донце М. Г. Ключневым производились раскопки поселения с «древнерусской» керамикой, которое имело слой золотоордынского времени (Ключнев 1998: 124—125). Особенно интересны материалы, полученные в последние годы. Среди них раскопки могильника золотоордынского времени у с. Передельское (Стадник, Кравцова 2005), а также местонахождения, которое было обнаружено близ г. Лисичанска. К сожалению, большинство этих материалов нашло отражение в кратких публикациях тезисного характера, либо в сообщениях средств массовой информации. Громкие заявления СМИ о нахождении неподалеку от нынешнего г. Лисичанска ставки ханов Золотой Орды периода Великой смуты, вероятно, не следует принимать во внимание. Тем не менее, даже беглое упоминание о характере и количестве обнаруженных находок однозначно свидетельствует, что здесь мы имеем дело с крупным поселением, скорее всего, центром, близким по своему характеру памятникам, расположенным выше по течению реки Северский Донец, у с. Маяки и Райгородок. В целом же, если судить по опубликованным данным, эти материалы близки донецким, что свидетельствует о том, что здесь мы имеем дело с памятниками, относящимися к одному историко-культурному региону.

Далеко не все имеющиеся в распоряжении материалы дают полноценную информацию. Так, ныне невозможно указать общее количество кочевий золотоордынского времени, расположенных в Приазовье и на Кряже. Это связано как со слабой исследованностью указанных памятников, так и со скудностью происходящего с них археологического материала, не позволяющего четко их датировать и, соответственно, составить карту кочевий, располагавшихся на территории степей в тот или иной хронологический период. Определенно можно лишь указать на тот факт, что на степных кочевьях обычно встречаются материалы хазарского и золотоордынского времени. Памятники, исследованные на этой территории путем стационарных археологических раскопок, пока подтверждают данное наблюдение.

Та же ситуация наблюдается и с погребениями рядовых кочевников, при датировке которых трудно, а иногда и невозможно, провести границу между захоронениями половецкого и золотоордынского времени. Из некоторых интересных комплексов сохранились лишь отдельные предметы. Причем, отсутствие документации позволяет говорить только о регионе, в котором данный комплекс был обнаружен. Часть предметов ныне находится в частных собраниях. Об этих вещах упоминается лишь тогда, когда известно точное место их находки. Основное же внимание будет обращено на объекты, имеющие четкую датировку. Среди них памятники оседлого и кочево-

[1] Пользуюсь случаем поблагодарить за предоставленный материал и всестороннюю помощь при написании данной работы: Д. А. Мамичева, А. И. Духина, ст. науч. сотр. Славянского краеведческого музея А. В. Шамрая, ст. препод. ДонНУ А. В. Колесника, преподавателя Краматорского экономико-гуманитарного института В. В. Давыденко, глав. хранителя фондов ДОКМ Т. П. Койнаш, глав. хранителя фондов Мариупольского краеведческого музея Л. С. Якущенко и ст. науч. сотр. этого же музея Л. И. Кучугуру.

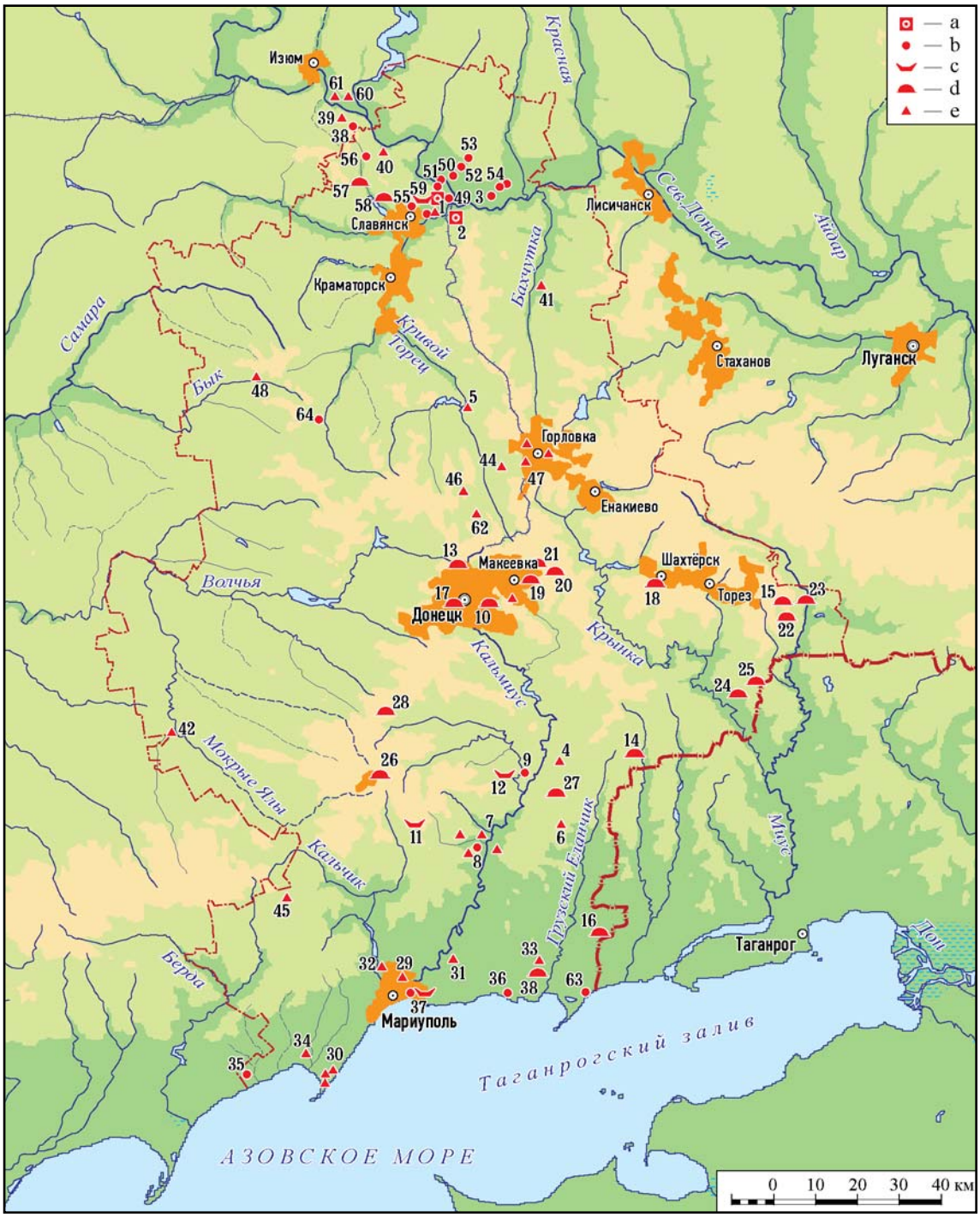


Рис. 1. Схема расположения памятников золотоордынского времени на территории Донецкой области: a — центры; b — поселения; c — грунтовые погребения; d — курганы; e — находки отдельных вещей. 1 — Маяки; 2 — Райгородок; 3 — хут. Зливки; 4 — Новозарьевка; 5 — Дружковка; 6 — Тельманово; 7 — Гранитное; 8 — Ур. Хан-Тарама; 9 — Раздольное; 10 — Донецк; 11 — Кировское; 12 — Ур. Арген-Тарама; 13 — Донецкая фильтровальная станция; 14 — Новоивановка; 15 — Никифорово; 16 — Самойлово; 17 — микрорайон Текстильщик; 18 — Шахтерск; 19 — Авиловка; 20 — Ольховатка; 21 — Булавинское; 22 — Зрубное; 23 — Чугунно-Крепинка; 24 — Житенко; 25 — Семеновское; 26 — Полковое; 27 — Мичурино; 28 — Волноваха; 29 — Мариуполь; 30 — Белосарайская коса; 31 — Талаковка; 32 — Старый Крым; 33 — Гусельщиково; 34 — Ялта; 35 — Урзуф; 36 — Безыменное; 37 — Ляпинская балка; 38 — Ур. Выла; 39 — Еремовка; 40 — Теплинское городище; 41 — Артемовск; 42 — Старомлиновка; 43 — Нижняя Крынка; 44 — Червонное; 45 — Новокрасновка; 46 — Степановка; 47 — Часов Яр; 48 — Устье Самары; 49 — Ур. Казачья Пристань; 50 — Ур. Правдевшино; 51 — Пришиб; 52 — Ур. Явир; 53 — Дробышево; 54 — Ямполь; 55 — Карповка-5; 56 — Краснополье; 57 — Новониколаевка; 58 — Степной; 59 — Сидорово; 60 — Царе-борисовское городище; 61 — Изюм (гора Кремянец); 62 — Новгородское; 63 — Обрыв; 64 — Разино; 65 — Попов Яр; 66 — Зеленый Кут; 67 — Татьяновка; 68 — Щурово.

Fig. 1. Location of sites of Golden Horde time in Donetsk Oblast: a — centers; b — settlements; c — ground necropolises; d — barrows; e — individual finds. 1 — Maiaki; 2 — Raigorodok; 3 — farm Zlivki; 4 — Novozaryevka; 5 — Druzhkovka; 6 — Telmanovo; 7 — Granitnoe; 8 — stow Khan-Tarama; 9 — Razdolnoe; 10 — Donetsk; 11 — Kirovskoe; 12 — stow Argen-Tarama; 13 — Donetsk filter plant; 14 — Novoivanovka; 15 — Nikiforovo; 16 — Samoilovo; 17 — neighbourhood Tekstilshchik; 18 — Shakhtersk; 19 — Avilovka; 20 — Olkhovatka; 21 — Bulavinskoe; 22 — Zrubnoe; 23 — Chugunno-Krepinka; 24 — Zhitenko; 25 — Semenovskoe; 26 — Polkovoe; 27 — Michurino; 28 — Volnovakha; 29 — Mariupol; 30 — Belosarayskaya kosa; 31 — Talakovka; 32 — Stary Krym; 33 — Guselshchikovo; 34 — Yalta; 35 — Urzuf; 36 — Bezymennoe; 37 — Liapinskaia balka; 38 — stow Vyla; 39 — Eremovka; 40 — Teplinskoe gorodishche; 41 — Artemovsk; 42 — Staromlinovka; 43 — Nizhniaia Krynka; 44 — Chervonnoe; 45 — Novokrasnovka; 46 — Stepanovka; 47 — Chasov Yar; 48 — Ustye Samary; 49 — stow Kazachya Pristan; 50 — stow Pravdevshino; 51 — Prishib; 52 — stow Iavir; 53 — Drobyshevo; 54 — Yampol; 55 — Karpovka-5; 56 — Krasnopolye; 57 — Novonikolaevka; 58 — Stepnoi; 59 — Sidorovo; 60 — Tsareborisovskoe gorodishche; 61 — Izyum (mount Kremyanets); 62 — Novgorodskoe; 63 — Obryv; 64 — Razino; 65 — Popov Yar; 66 — Zelenyi Kut; 67 — Tatyanovka; 68 — Shchurovo.

го населения, которые подвергались археологическим исследованиям, погребения кочевой элиты и отдельные находки, которые можно отнести к интересующему нас периоду.

Археологические памятники золотоордынского времени в Донецком регионе многочисленны и разнообразны. На **Донецком Кряже** и в прилегающих к нему степях они представлены курганными захоронениями, сезонными стойбищами, связанными с кочевым населением и отдельными находками предметов, относящихся к интересующему нас периоду. Значительное количество последних, представленных в основном наконечниками копий и стрел, было опубликовано в «Каталоге случайных находок из археологических собраний Донецкой области» (Каталог 1993: 56—57, №336, 339, 349, 355, 368, 371—372, 373, 374, 375, 378, 380) (рис. 1: 4—8, 41—48). Изредка встречаются монеты. Так, на участке, территориально близком указанному региону (у с. Богатырь Великоновоселковского р-на Донецкой обл.), на террасе левого берега р. Волчья, был найден анонимный анэпиграфный пул 60—80-х гг. XIV века. Обследование места находки, которое производилось автором в 2010 году, показало отсутствие на данном участке каких-либо признаков поселения или кочевья. Наиболее вероятно, что монета была утеряна или занесена с местонахождения на противоположном берегу реки, у с. Зеленый Кут (рис. 1: 66), где в 2013 г. местными жителями была выявлена большая группа (более 100) монет этого же времени. Все монеты собирались на правом высоком берегу р. Волчья, на большом по площади участке пологого склона с водораздела. Из них 83 монеты попали к автору, что дало возможность их обработать. В выборке было 6 дирхемов, один из которых является обрезанной и сильно истертой монетой Узбек-хана (рис. 11: 3) (Сагдеева 2005: №204). Еще один полностью истертый дирхем Узбек-хана (возможно, Сагдеева 2005: №187) нес на себе два надчекана 2-й пол XIV в. (рис. 11: 1). Два дирхема, выпущенные в Орде, несли на себе имя хана Абдаллаха (рис. 11: 2, 4) (Сагдеева 2005: №338—339). Одна из этих монет была обрезана по кругу. Кроме этого, в выборке содержалось два дирхема Мухаммед Булака. Обе монеты относились к одному типу (Сагдеева 2005: №352), чеканенному в Орде в 773 г. х. (рис. 11: 5, 6). При этом один из них (рис. 11: 6) представлял собой медную монету, обтянутую серебряной пластиной. Подавляющее большинство монет Зеленого Кута (63 экз.) являлись разновидностями анонимных анэпиграфных пулов (рис. 11: 7—11), типологически близких пулу, найденному на противоположном берегу реки у с. Богатырь. В числе прочих монет присутствуют два пула Абдаллаха с надписью «Новый чекан» и датой 770 г. х. (рис. 11: 12—13), пулы этого же правителя с изображением барса на фоне звездного неба (рис. 11: 15—17), сильно истертый и обрезанный под шестиугольник пул Абдаллаха, который использовался в качестве подвески (рис. 11: 14). Один пул относится к правлению Азиз-шейха (рис. 11: 18). Два сильно истертых пула были выпущены в период правления Тохтамыша (рис. 11: 19). Три анонимных анэпиграфных пула несут на себе изображение восьмеркообразной тамги, заключенной в шестиугольной звездообразной фигуре. Обратная сторона этих монет имеет изображение двух квадратов. В центральной части внутреннего квадрата находится рельефная точка (рис. 11: 20—22). Подобного типа изображение содержат на реверсе некоторые медные пулы времени правления Токтамыша (напр., Шельди 2002: №243 а). Два сильно истертых пула не определены.

К сожалению, указанное местонахождение археологически не обследовалось, что не позволяет говорить о характере расположенного здесь памятника. Значительное количество монет, разбросанных на большой

площади, говорит о том, что это не клад. Поселений золотоордынского времени в бассейне р. Волчья пока не выявлено. В свете этого обращает на себя внимание тот факт, что именно по этому участку степи ранее пролегала одна из крупнейших степных дорог — Муравский шлях. Возле него, где-то в пределах рассматриваемого нами района, находилась «мечеть татарская каменная», упоминаемая в «Книге Большому Чертежу»: «А ниже Волчьих Вод пала в Самарь река Бык… А меж Волчьих Вод и Быка мечеть татарская каменная, сажень ее с 20» (Книга 1950: 65). Вполне вероятно, находки монет могут быть связаны с каким-то пунктом, расположенным на данном крупном степном пути, который шел из Крыма в сторону русских земель. В пользу этого свидетельствует и факт находок в этом районе нескольких бешлыков, выпущенных правителями Крыма в XVIII веке.

Среди отдельных находок, не связанных с поселениями, выделяются два образца романского художественного литья. Обе находки являются деталями западноевропейских алтарных подсвечников, произведенных в мастерских Южной Саксонии во 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII века. Один из них — бронзовая человеческая фигура (рис. 2: 1), был обнаружен у с. Новозарьевка (Старобешевский р-н Донецкой обл.) (рис. 1: 4) (Даркевич 1985: 396, рис. 170: 4). Данный предмет вывернули плугом при вспашке участка, расположенного у подножия курганной насыпи. Каких-либо иных вещей с ним обнаружено не было. Имелись ли в данном районе современные ему средневековые поселения, данных нет.

Еще одна фигурка, изображающая льва, была найдена в 50-х гг. XX в. где-то в центральной части Донецкой области (рис. 2: 2; цветная вклейка, илл. 12). Точных данных об условиях ее находки нет. Предмет представляет собой деталь т. н. *Samsonlichter*'а и датируется тем же временем, что и фигура из Новозарьевки (Кравченко 2001а: 255—260).

Описанные выше вещи имеют на поверхности многочисленные повреждения, сильно потерты, что свидетельствует об очень долгом их использовании. Вне сомнений, в Степь они попали уже в золотоордынское время. Как указывалось выше, оба предмета являются деталями подсвечников, которые находились в алтарях католических храмов. Попасть в степной регион они могли вместе с европейскими послами, направлявшимися в ставку хана. Известно, что одной из задач последних была миссионерская деятельность. Впрочем, эти вещи могли быть привезены и в качестве военной добычи. Причем, как из Европы, так и с территории Крыма, разоренного в 1299 г. войсками Ногая (Тизенгаузен 1884: 111—112).

Интерес представляют еще несколько находок, происходящих с территории Донецкого Кряжа, большинство которых находилось в частных собраниях. Так, в 80-е гг. XX в. близ пос. Тельманово (рис. 1: 6) было найдено бронзовое навершие плети, выполненное в виде литой орлиной головы (рис. 2: 4). Данный предмет имеет аналоги в древностях золотоордынского времени (Кирпичников 1973: табл. XXIV: 8).

Нельзя не упомянуть и о двух бронзовых медальонах, один из которых хранился в музее Донецкого госуниверситета (ныне утрачен) (рис. 21: 20). Он был найден неподалеку от пос. Гранитное Тельмановского р-на (рис. 1: 7) (Привалова, Привалов 1988: 91, рис. 21: 7; Каталог 1993: 55, рис. 65: 6, 16). О месте находки второго в публикации не указано, но из текста заметки можно понять, что он тоже происходил с территории Донецкого Кряжа. Оба предмета имели близкие размеры (диаметр 3,5 см) и несли на себе изображение конного святого (наиболее вероятно, св. Георгия). Авторы публикации считали, что указанные медальоны были утеряны русскими воинами, принимавшими участие в степных походах XII—XIII вв., в том числе и в битве 1223 г. на р. Калка (Косиков, Шаповалов 1988: 44). Впрочем, близкие по виду медальоны имеют широкие хронологические рамки и территориальные границы бытования. Они присутствуют в раннесредневековых памятниках Причерноморья и Средиземноморья (Атанасов 2002: 47, обр. 4). Похожие предметы известны и на русских землях в эпоху развитого средневековья (Седова 1981: 62—65, рис. 20: 4, 11). Таким образом, отнесение этих находок к интересующему нас кругу древностей проблематично, хотя и вполне вероятно.

Большинство степных поселений Донецкого Кряжа представляет собой стойбища, оставленные кочевым населением. Их известно довольно много, тем не менее, изучены они очень слабо. Количество, характер материала и топографическое расположение свидетельствует, что среди этих поселений имеются памятники различного типа (Кравченко 2013: 280—285). Часть местонахождений могла представлять зимовники, которые использовались в течение продолжительного времени. Часть же являлась одноразовыми сезонными стойбищами. Слабая

Рис. 2. Случайные находки с территории Донецкой области. 1 — Новозарьевка; 2 — место неизвестно; 3 — Гранитное; 4 — Еремовка (цветная вклейка, илл. 12).

Fig. 2. Stray finds in Donetsk Oblast. 1 — Novozaryevka; 2 — place unknown; 3 — Granitnoe; 4 — Eremovka (color plate, ill. 12).

изученность этих памятников не позволяет ответить однозначно на вопрос о наличии на этой территории долговременных стационарных поселений золотоордынского времени. Установленным является лишь факт присутствия на некоторых из них (Хан Тарама) (рис. 1: 8) построек полуземляночного типа.

Из поселений, находящихся на Донецком Кряже, раскопкам подвергался лишь один памятник, расположенный у с. Раздольное Старобешевского района (рис. 1: 9). Происходящие с него средневековые материалы были опубликованы (Кравченко 2001б: 197—208). Памятник занимает площадку мыса высокой террасы правого берега р. Кальмиус, отрезанную со всех сторон. С северо-восточной стороны мыс был ограничен глубокой балкой, по дну которой протекает небольшая речушка — Капурка, впадающая в Кальмиус. С юго-западной стороны мыс также отрезан глубокой древней балкой, а с севера площадка поселения была отгорожена от плато скальной грядой (рис. 3: 1). Раскопками в центральной части мыса были зафиксированы остатки двух круглоплановых сооружений, которые хорошо фик-

сировались за счет того, что были обложены по периметру камнями.

Остатки сооружений представляли собой кольцевые бессистемные выкладки из камней диаметром 1,7—2,7 м. В центральной части одной из них зафиксированы остатки очага, который представлял собой открытое кострище. Второе сооружение имело с восточной стороны, напротив входа, прилегающую к кладке небольшую прямоугольную каменную выкладку (рис. 3: 1—2; 3: 2). Находки внутри сооружений представлены фрагментами красноглиняных кувшинообразных сосудов золотоордынского времени, колотыми костями животных, среди которых выделяются два лошадиных черепа, обнаруженные в сооружении 2. Трудно сказать, как выглядели указанные постройки. Имеющиеся в распоряжении их остатки позволяют предположить, что это были легкие наземные строения круглой формы (типа шалашей), покрытые шкурами или войлоком. Края этого покрытия и были придавлены к земле каменной выкладкой. Внешний их вид, скорее всего, был близок реконструкциям, представленным в работе С. А. Плетневой (Плетнева 2000: рис. 80—81). Похожие сооружения в виде кругов, выложенных обломками кирпича, были обнаружены на подворье одной из усадеб на Царевском городище (Федоров-Давыдов 1981: 233, рис. 100: 10—11).

Кроме описанных выше сооружений, на памятнике были обнаружены 2 кострища (рис. 3: 1—3, 4) и несколько скоплений материала (рис. 3: 1—5). Судя по одинаковому уровню залегания, они были одновременны описанным выше каменным сооружениям. Кострища располагались в 2 м друг от друга, имели небольшие размеры (0,4—0,8 × 0,3 м) и довольно мощный слой золы, достигающий 0,2 м. Вокруг них наблюдалось скопление материала, представленного колотыми костями животных и фрагментами красноглиняных сосудов. В целом, описанные сооружения располагались в центральной части мыса.

Основная часть находок на описанном выше памятнике представлена обломками неполивных красноглиняных кувшинов и амфор. Амфорной керамики довольно много. Абсолютное большинство обломков представляет собой фрагменты амфор с дуговидными ручками (рис. 4: 5; 5: 1—2). Часть их могла иметь плоское дно. Черепки отличаются друг от друга составом керамического теста и качеством обжига. Большинство их имеет плотный черепок красного или розового цвета. Для всех фрагментов характерна примесь измельченной слюды в тесте. Тем не менее, встречается и примесь мелкого шамота. На фрагментах амфор часты граффити, большинство которых сохранилось фрагментарно (рис. 4: 5; 6: 3—5). Из общей массы выделяется группа фрагментов от одной амфоры с черепком бежевого цвета и сильной примесью мелких частичек слюды в тесте. Судя по обломкам, сосуд имел овальный, расширяющийся кверху корпус и вогнутое внутрь дно. Верхняя часть украшена сглаженным полосчатым рифлением (рис. 5: 7). По своей форме, тесту и характеру оформления внешней поверхности, данная амфора похожа на амфоры, которые были подняты с судна, затонувшего у Судака в конце XIII в. (Зеленко 1999: 228, рис. 10).

Основная часть кувшинообразных сосудов представлена фрагментами (рис. 4: 1—2, 4; 5: 4, 6; 6: 1—2), а один экземпляр, обнаруженный в сооружении 1, реконструируется почти полностью (рис. 4: 1). Среди кувшинов присутствуют обломки сосудов, покрытых красным ангобом с орнаментом в виде лощеных вертикальных полос на корпусе. Прочие типы сосудов представлены единичными фрагментами. Так, среди керамики встречены обломки гончарного горшка, напоминающего древнерусские, и тонкостенных горшков с плоской ручкой (рис. 4: 3). Их черепок обычно коричневого цвета, имеет в тесте примесь большого количества мелкозернистого песка. Подобного типа сосуды широко представлены в керамике Крыма золотоордынского времени (Якобсон 1979: 117—118, рис. 72: А). Один мелкий фрагмент красноглиняного кувшина был покрыт поверх белого ангоба прозрачной зеленой поливой. Среди прочих находок — куски медных пластин (рис. 5: 8; 6: 10), бусина из горного хрусталя, пряслица, выточенные из стенок сосудов (рис. 6: 6), обломок шпоры (рис. 6: 8), железное шило (рис. 6: 9). На западной окраине памятника, на гранитной осыпи (рис. 3: 1—6), был подобран фрагмент чугунного котла (рис. 6: 7). В целом, указанное поселение, наиболее вероятно, представляло собой кочевье, которое функционировало в конце XIII или нач. XIV века.

Ныне известные погребальные памятники золотоордынского времени на территории Донецкого Кряжа представлены исключительно курганными захоронениями, что вполне отвечает характеру данной территории, которая являлась кочевой степью. Значительная часть этих погребений была выявлена в 70—80-е гг. XX в., когда активизация хозяйственной деятельности на территории региона стимулировала появление новостроечных экспедиций. В это время здесь

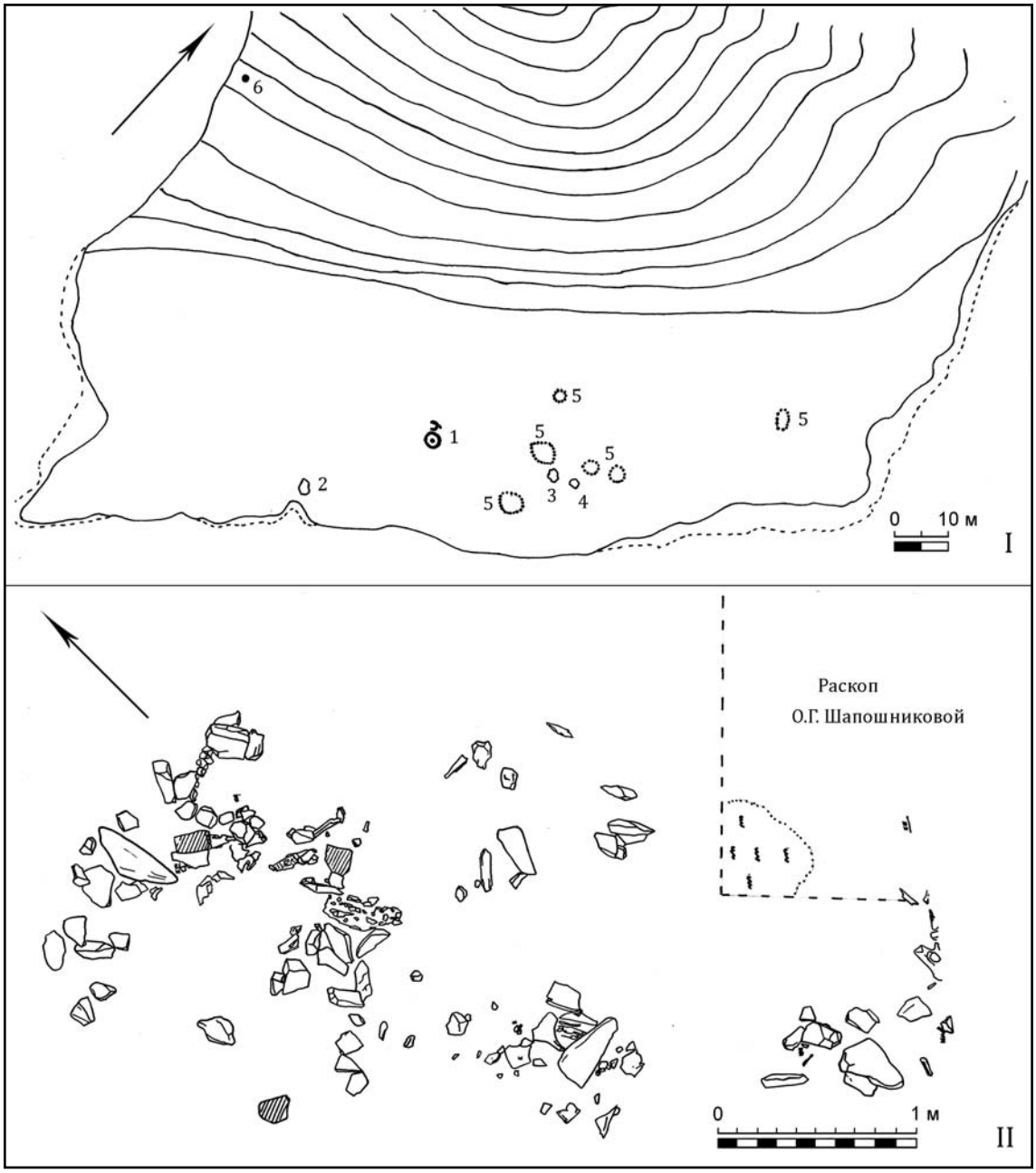


Рис. 3. Поселение Раздольное. I — общий план памятника; II — план сооружений; 1 — юртообразная постройка; 2 — золистое пятно; 3, 4 — очаги; 5 — скопления находок эпохи средневековья; 6 — место находки фрагмента чугунного котла (по Кравченко 2000б: рис. 1; 2).

Fig. 3. Razdolnoe settlement. I — general plan of the site; II — plan of constructions; 1 — yurta-shaped structure; 2 — alkali spot; 3, 4 — hearths; 5 — concentrations of finds from the Middle Ages; 6 — place where a fragment of cast iron cauldron was found (after Кравченко 2000б: рис. 1; 2).

был исследован ряд курганных захоронений, относящихся к интересующему нас периоду. Так, в 1975 г., при раскопках курганов, которые располагались на территории пос. Текстильщик (ныне район г. Донецка) (рис. 1: 17), было выявлено захоронение золотоордынского времени и половецкое святилище (Швецов 1979). Группа курганных захоронений золотоордынского времени была исследована в степной части региона В. Ф. Клименко и Новостроечной экспедицией ДонГУ. К ним относятся погребения у г. Шахтерск (рис. 1: 18) и сел Авиловка (к. 1) (рис. 1: 19), Ольховатка (к. г. 2, кург. 4) (рис. 1: 20), Булавинское (к.1) (рис. 1: 21), Зрубное Шахтерского р-на (рис. 1: 22) (Клименко, Усачук, Цымбал 1994: 4, 7, 9, 54—60, 89—95; рис. 21; 22; 33: 2; 34; Евглевский 1992), Чугуно-Крепинка (рис. 1:

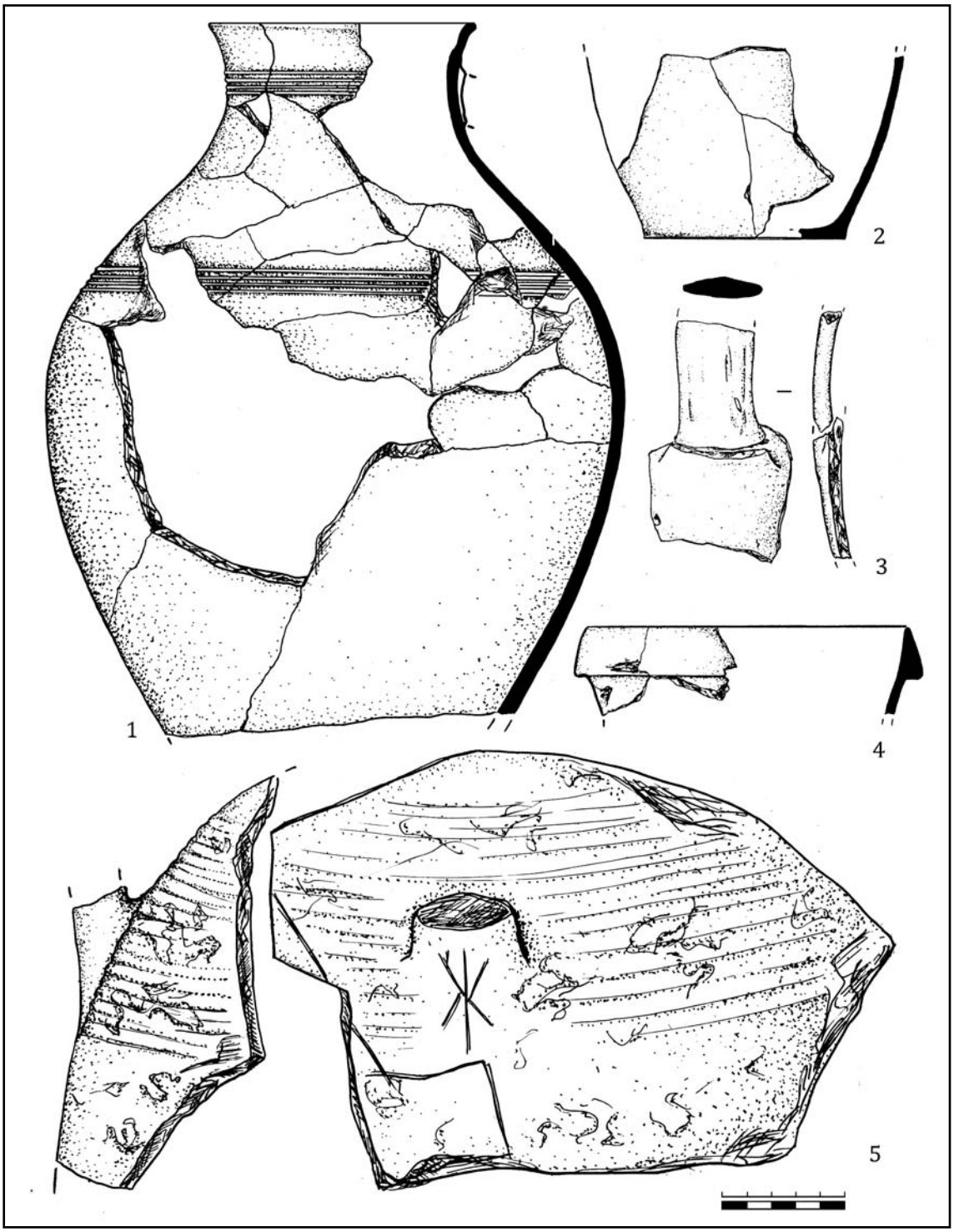


Рис. 4. Поселение Раздольное. Керамический комплекс.

Fig. 4. Razdolnoe settlement. Ceramic complex.

23), Житенко (рис. 1: 24) и Семеновское Амвросиевского р-на (рис. 1: 25), Полковое Волновахского р-на (рис. 1: 26), Мичурино Тельмановского р-на (рис. 1: 27) (Евглевский 1992), г. Волноваха (к. 6) (рис. 1: 28) (Клименко 1998: 64—67, рис. 21: 3—6). Часть их была впущена в насыпи курганов более раннего времени. Захоронения у сел Авиловка, Ольховатка, Булавинское, Чугуно-Крепинка, Зрубное и г. Волновахи были основными и единственными под невысокими курганными насыпями. Ряд погребений (Чугуно-Крепинка, Полковое, Ольховатка, Шахтерск) имел каменную наброску или заклады над

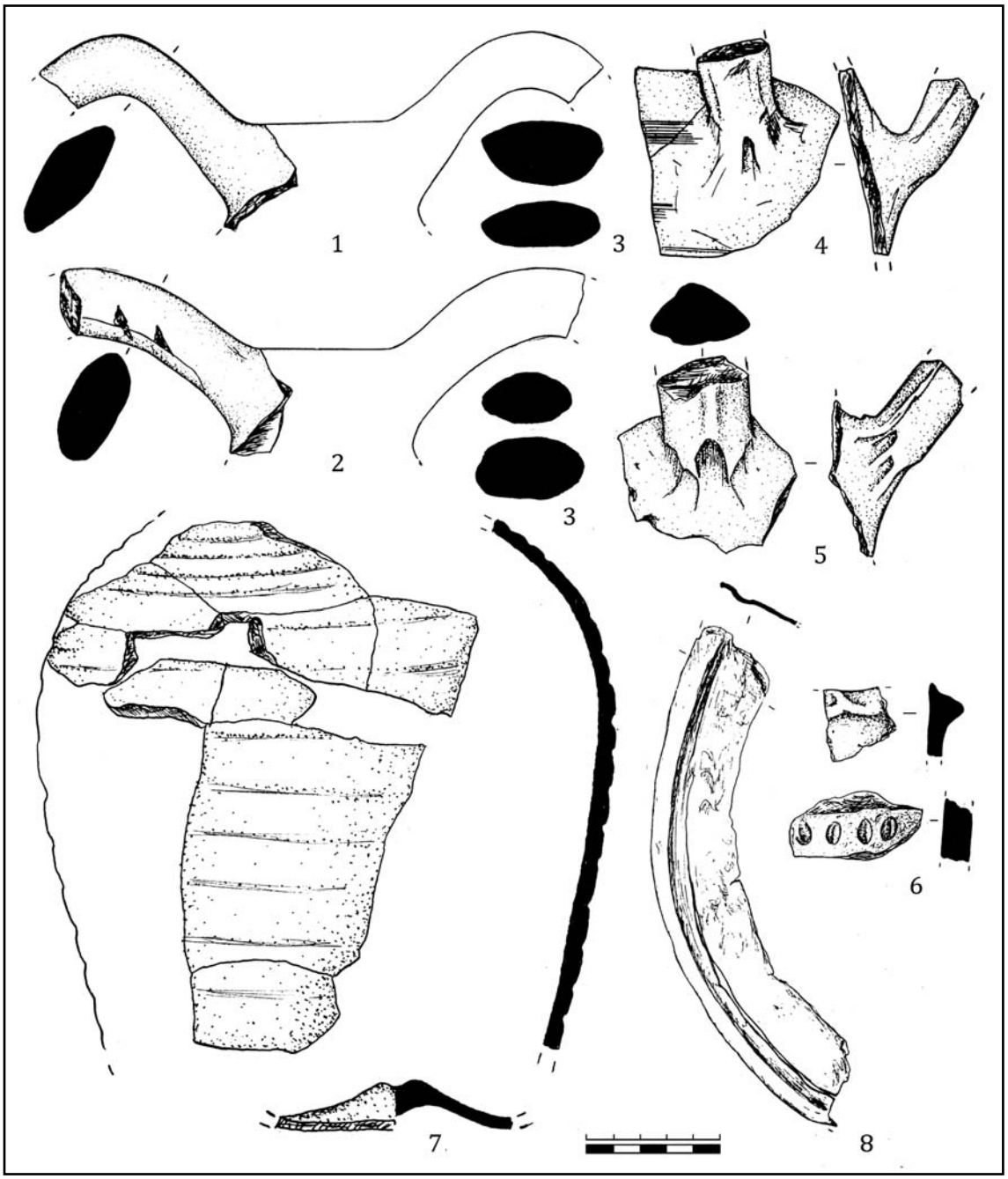


Рис. 5. Поселение Раздольное. Предметы из золотоордынского слоя памятника. 1—7 — керамика; 8 — медь.

Fig. 5. Razdolnoe settlement. Items from the Golden Horde layer of the site. 1—7 — ceramics; 8 — copper.

могильной ямой. Большинство этих захоронений представляло собой могилы рядовых кочевников с относительно небогатым инвентарем.

Интересны захоронения воинов, обнаруженные у сел Никифорово и Самойлово. Последний комплекс, по своему расположению, тяготеет к Приазовью.

Комплекс у с. Никифорово (Шахтерский р-н Донецкой обл.) (рис. 1: 15; 12) был датирован автором публикации домонгольским временем (Привалова 1998: 163). Тем не менее, общий характер его инвентаря, среди которого присутствует ажурная подвеска или пуговица (рис. 12: 3), близкая находкам на памятниках золотоордынского времени, позволяет отнести данное захоронение к более позднему периоду (погр. 80 Новохарьковского могильника (Винников, Цыбин 2002: 55, рис. 21: 4—6), погр. 625 могильника Мамай-Сурка (Ельников 2006: 250, 253, рис. 151: 7). Интерес представляет факт наличия в ком-

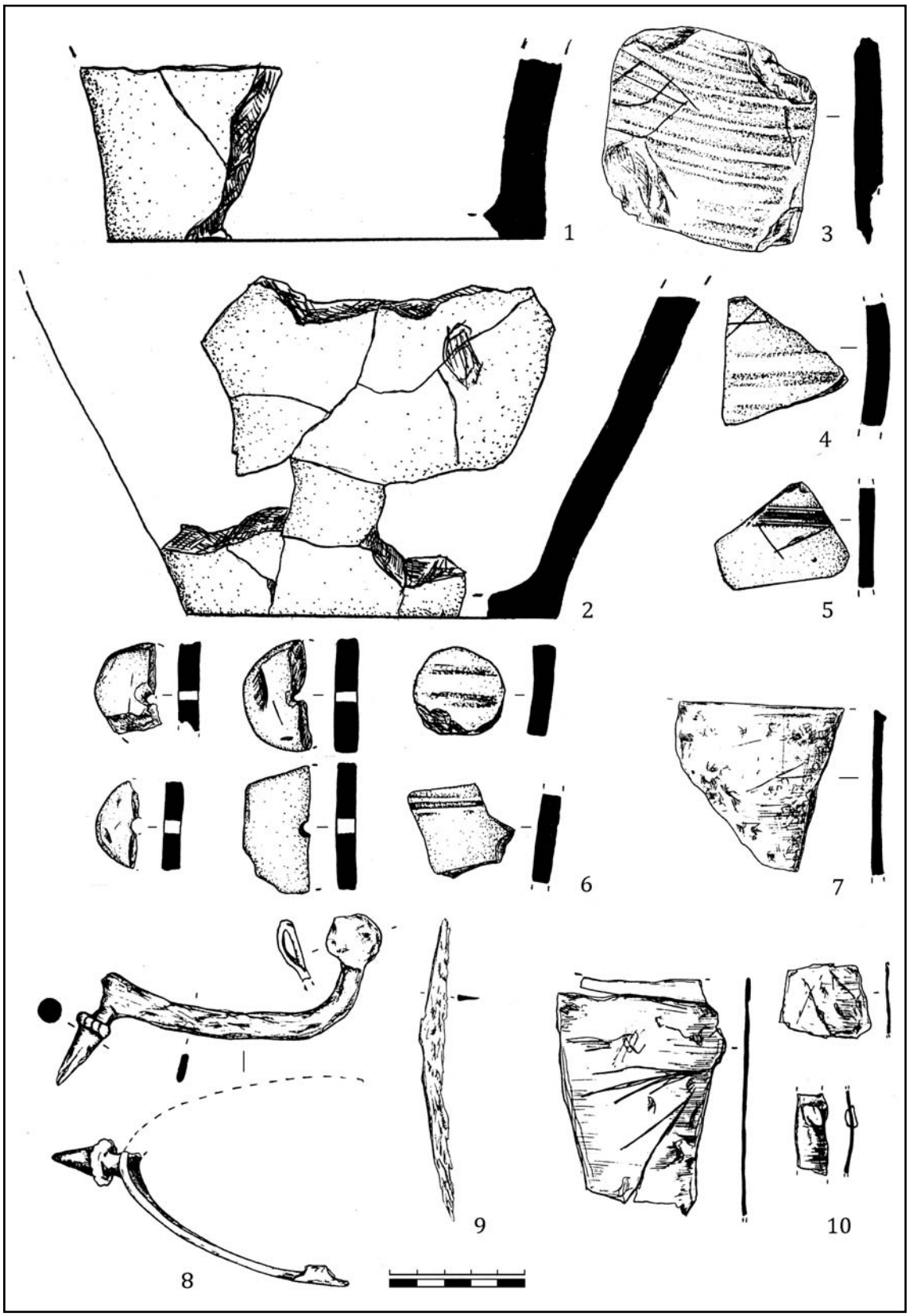


Рис. 6. Поселение Раздольное. Предметы из золотоордынского слоя памятника. 1—6 — керамика; 7 — чугун; 8—9 — железо; 10 — медь.

Fig. 6. Razdolnoe settlement. Items from the Golden Horde layer of the site. 1—6 — cerammics; 7 — cast iron; 8—9 — iron; 10 — copper.

плексе, наряду с котлом, керамического сосуда — горшка с плоской ручкой (рис. 12: 4), близкого крымским образцам (Якобсон 1979: 117, рис. 72: А). Данное погребение, похоже, было основным в кургане, высота которого составляла более 1 метра.

Погребение (к. 2, погр. 2) у с. Самойлово (Новоазовский р-н Донецкой обл.) (рис. 1: 16) было впущено в центральную часть уже существующей насыпи. С покойником были уложены детали повозки (рис. 13: 1). Погребенный сопровождался богатым и разнообразным инвентарем (рис. 13: 2). Комплекс вооружения составлял саблю, кольчугу, шлем, стрелы. В захоронении присутствовали остатки шелкового халата и золототканого пояска с псевдокуфической надписью (Швецов 2004: 244—246, 255, 258; рис. 5—9). Интересен факт наличия в комплексе керамического красноглиняного кувшина, украшенного по корпусу лощеными вертикальными линиями. Центральная часть корпуса сосуда имеет горизонтальный уплощенный валик. Подобные сосуды широко представлены на памятниках золотоордынского времени.

Элементы повозки содержали еще два погребения, выявленные в 2011 г. при раскопках курганной группы (5 насыпей) Попов Яр 2 в Добропольском р-не Донецкой области (рис. 1: 65). Оба захоронения были впущены в насыпи более ранних курганов, относящихся к эпохе бронзы (Полидович, Усачук, Кравченко, Подобед 2013: 54—58, 69—70, рис. 32—38, 60—64).

Так, погребение 3 кургана 5 (рис. 41: 2) было совершено в грунтовой яме подпрямоугольной формы с подбоем вдоль южной стенки. Подбой был перекрыт поперечными досками, на которые в западной части было уложено тележное деревянное колесо, сохранившееся фрагментарно. Останки погребенной (взрослой женщины) находились в решетчатом гробовище. Скелет был уложен вытянуто на спине, головой на запад. Череп лежал на правом боку и был развернут лицевой частью к югу. В районе костей шеи находилась железная гривна, положенная концами наружу (тип II по Г. А. Федорову-Давыдову) (Федоров-Давыдов 1966: 39). Возле верхней части левой бедренной кости найдено массивное кольцо из светлого металла (тип XII по Г. А. Федорову-Давыдову) (Федоров-Давыдов 1966: 39). Под черепом, в районе правого виска, находилась височная подвеска из светлого металла. Чуть выше кольца зафиксированы остатки украшения (ленты) ярко-красного цвета шириной 6 см. В районе шеи найдена бронзовая серьга в виде знака вопроса (Федоров-Давыдов 1966: 27, 39).

Погребение 3 кургана 3 (рис. 41: 3) было впущено в центральную часть кургана. С этим захоронением была связана каменная кольцевая выкладка вокруг насыпи и досыпка. Совершено в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии запад — восток с подбоем под южной стенкой. На ступеньке находились кости коня (череп, конечности и хвостовые позвонки) в направлении с запада на восток. Череп лежал на правой стороне мордой на запад. В зубах находились железные удила (тип Г II) (Федоров-Давыдов 1966: 18), возле основания гребня шеи — железное крепление для чумбурного повода. За черепом лежали кости конечностей коня от локтевого сустава до копыт, состав и расположение которых соответствует помещению в погребение чучела лошади. В районе спины животного были найдены 2 железных стремени (тип Г I) (Фёдоров-Давыдов 1966: рис. 1). Рядом с ними находились два фрагмента деревянных плашек, которые могли являться остатками седла. К югу от стремян были выявлены две подпружные пряжки. В восточной части ямы под костями коня зафиксированы остатки колеса, которое первоначально частично лежало слегка наклонно на ступеньке.

На дне камеры находилось гробовище решетчатого типа, перекрытое плашками, поверх которых шел слой бересты. Скелет взрослого человека был уложен в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп лежал на затылке, лицевой частью вверх. На поясе с правой стороны находилась железная сабля. На отведенной в сторону правой руке лежал колчан, от футляра которого сохранились остатки дерева и кожи, украшенный костяными накладными пластинами. В верхней трети колчана находилась костяная петля для подвешивания. Внутри колчана лежали 3 стрелы, расположенные остриями вверх, от которых сохранились железные наконечники (тип III, отдел В) (Федоров-Давыдов 1966: 27) и небольшие фрагменты древков. Возле тазовых костей, вдоль сабли от ребер к ногам погребенного, зафиксированы пластины, являвшиеся накладками лука. На костях (нижней челюсти и шейных позвонках) сохранились фрагменты одежды и украшений из тонкой фольги из желтого металла.

Несколько комплексов представляют собой могилы половецкой элиты золотоордынского времени. К числу их относятся по-

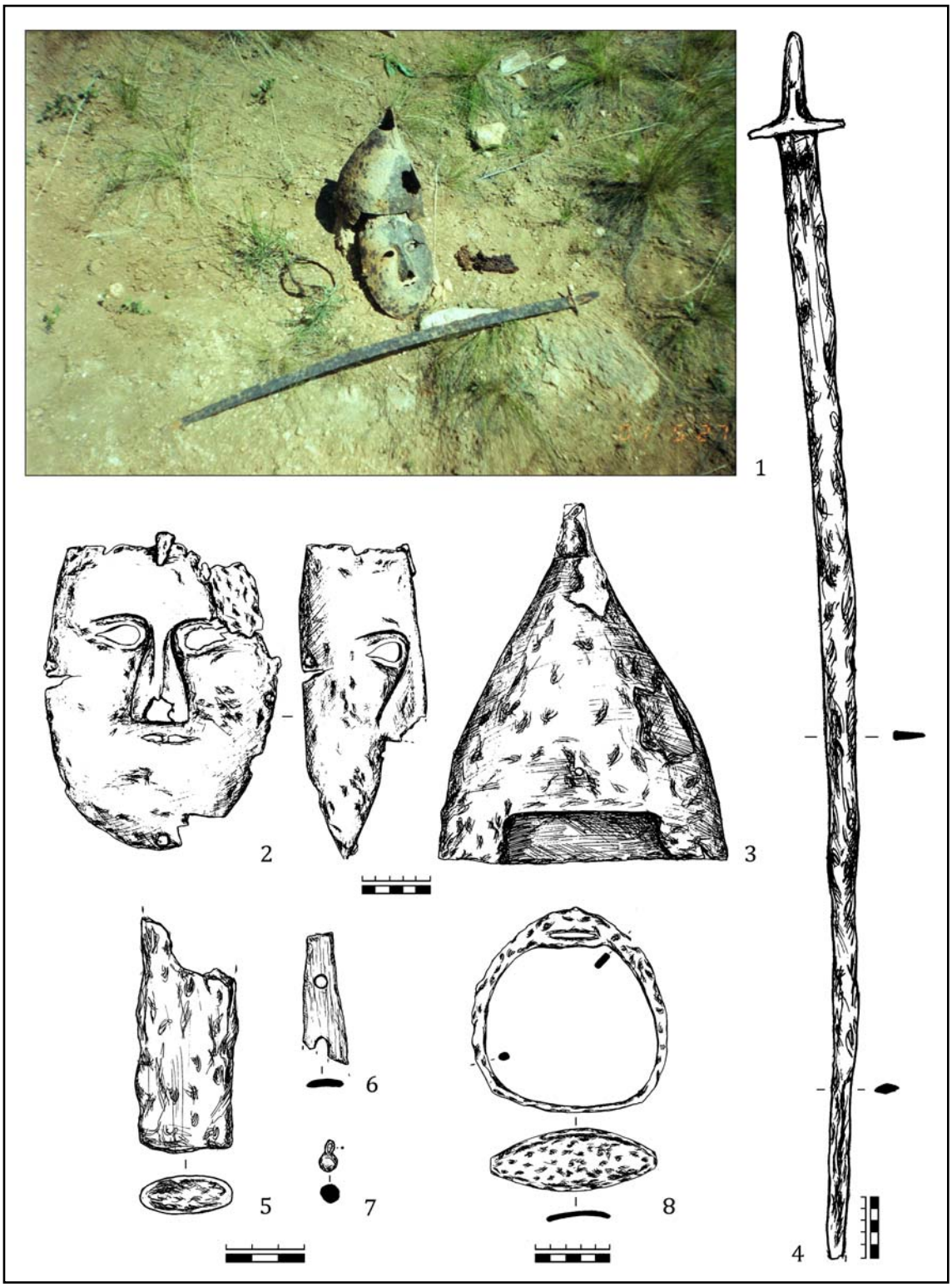


Рис. 7. Погребение у с. Кировское Волновахского р-на. 1 — место, где было обнаружено захоронение; 2—8 — вещи из комплекса.

Fig. 7. Burial at Kirovskoe village in Volnovakha Raion. 1 — place where the burial was found; 2—8 — items from the complex.

гребения из курганной группы «Рясные могилы», раскопанные Э. Ю. Петри в 1888 г. у с. Пески, близ нынешнего г. Донецка (к. 3, погр. 2 и к. 4, погр. 1) (Усачук, Полидович, Колесник 2004: 33—35). Еще один комплекс обнаружили при сооружении шламонакопителя Донецкой фильтровальной станции (рис. 1: 13). Захоронение почти полностью

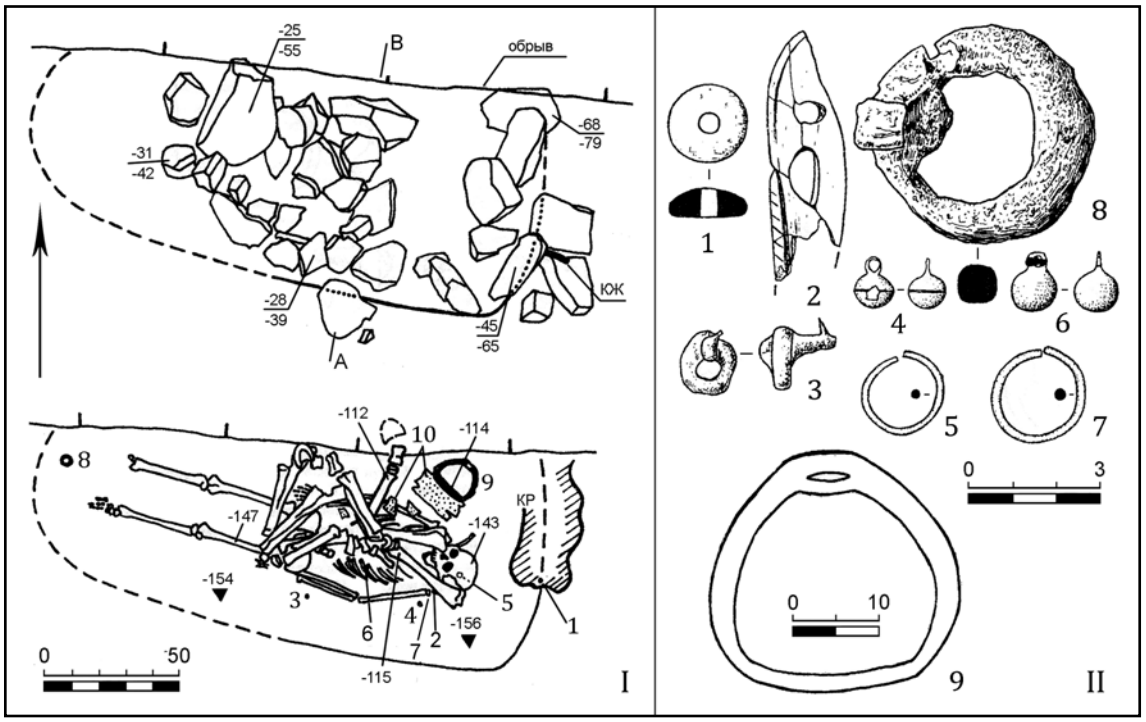


Рис. 8. Захоронение в балке Арген-Тарама. I — план погребения; II — вещи из археологического комплекса (по Потемкина, Усачук 2000). Цифрами на плане обозначены: 1 — костяная пуговица; 2 — костяная петля от налучья; 3 — железное колечко от крепления налучья; 4, 6 — бронзовые пуговички с петлей; 5, 7 — серебряные височные колечки (5 — под черепом); 8 — железное кольцо от удил; 9 — стремя; 10 — фрагмент бересты.

Fig. 8. Burial in Argen-Tarama gulch. I — plan of burial; II — items from the archaeological complex (after Потемкина, Усачук 2000). Legend: 1 — bone button; 2 — bone loop of the bow; 3 — irion ring of the bow's fixture; 4, 6 — bronze buttons with a loop; 5, 7 — silver temple rings (5 — under skull); 8 — iron ring of bit; 9 — stirrup; 10 — fragment of birchbark.

было уничтожено земляными работами, а место его расположения затоплено. Из инвентаря сохранились два колта (рис. 10: 7) и зеркало (рис. 9: 8; цветная вклейка, илл. 13), ныне находящиеся в фондах Донецкого областного краеведческого музея. Данные предметы находят параллели среди древностей золотоордынского времени (Федоров-Давыдов 1966: 39—40, рис. 6). Близкие аналоги колтам имеются на землях Руси (Корзухина 1954: 126—128), в Волжской (Смирнов 1951: 155—156) и Дунайской (Бобчева 1978) Болгариях. Зеркало относится к достаточно редко встречающемуся типу. Аналогичный предмет был обнаружен в Сарае ал-Джедид (Греков, Якубовский 1950: фототаблицы приложения).

Особый интерес представляет захоронение, раскопанное в 1962 г. в кургане у с. Новоивановка Амвросиевского р-на Донецкой области (рис. 1: 14) местным учителем. Полевая документация представлена только описанием расположения предметов в могиле, что вызвало известную путаницу при публикации указанного комплекса, датированного концом XII — началом XIII вв. (Швецов 1974: 97—98). Он представлял собой женское погребение в деревянном гробу. Восточная ориентировка, характерный головной убор, распрямленная гривна в руке и прочий инвентарь свидетельствуют об отношении его к кругу половецких захоронений. Судя по всем признакам, указанный комплекс не содержал лошади. Странное положение конского скелета, найденного выше погребенной (он лежал намного выше и поперек захоронения), по нашему мнению, свидетельствует об отношении коня к какому-то другому комплексу, который находился в этом же кургане. При первой публикации материалов были даны рисунки не всех входящих в погребение вещей. Во второй статье М.Л. Швецова, посвященной данному комплексу (Швецов 2013: 307—318), это упущение было исправлено. В обоих случаях автор датировал указанный комплекс домонгольским временем. Тем не менее, в комплексе содержится ряд предметов, в домонгольской датировке которых можно усомниться. Так, к послемонгольскому времени, скорее всего, относятся две золо-

Рис. 9. Находки с территории Донецкой области. 1, 3 — Царино городище; 2 — пос. Явир; 4—8 — могильник Лапинская Балка; 9 — погребение у Донецкой фильтровальной станции. 1, 2, 4, 5, 8, 9 — бронзовые зеркала; 3, 10 — медные браслеты; 6, 7 — бронзовые серьги (цветная вклейка, илл. 13).

Fig. 9. Finds from Donetsk Oblast. 1, 3 — Tzarino fort; 2 — Yavir village; 4—8 — Liapinskaia Balka necropolis; 9 — burial at Donetsk filter plant. 1, 2, 4, 5, 8, 9 — bronze mirrors; 3, 10 — copper bracelets; 6, 7 — bronze earrings (color plate, ill. 13).

Рис. 10. Вещи из погребений у с. Новоивановка Амвросиевского р-на (1—6) и Донецкой фильтровальной станции (7). 1 — золотая гривна и золотые пластинки (застежки?); 2, 3 — золотые перстни; 4 — ойнохоя; 5 — нож с костяной рукоятью; 6 — медный котел; 7 — золотой колт (цветная вклейка, илл. 14).

Fig. 10. Items from burials at village Novoivanovka of Amvrosievka Raion (1—6) and Donetsk filter plant (7). 1 — gold grivna and gold plates (clasps?); 2, 3 — gold rings; 4 — oenochoe; 5 — knife with a bone handle; 6 — copper cauldron; 7 — gold kolt (color plate, ill. 14).

тых тисненых пластинки (застежки плаща?) (на узкой их части, внутри имеются следы пайки, возможно, от крючков) (рис. 10: 1; цветная вклейка, илл. 14). Среди находок присутствовало зеркало типа Ж-2, ойнохоя (рис. 10: 4), котел, выдавленный из цельного медного листа (рис. 10: 6). Поздний облик имеют броши со вставками из темно-синего, почти черного непрозрачного стекла, орнаментированные сканными S-видными завитками, браслеты из стекла такого же цвета, нож с костяной резной рукоятью (рис. 10: 5). Скорее все-

Рис. 11. Находки с территории Донецкой области. 1—22 — Зеленый Кут; 23 — территория Северного Приазовья; 24 — Царино городище.

Fig. 11. Finds from Donetsk Oblast. 1—22 — Zeleny Kut; 23 — territory of Northern Azov Region; 24 — Tzarino fort.

го, к послемонгольскому периоду относится и перстень с надписью (рис. 10: 3). Кроме этого, в погребении присутствовали серебряные витые браслеты, близкие браслетам из Белой Вежи (Артамонова 1963: 70, рис. 56), витые кольца, бубенец и линза из горного хрусталя. В целом, представляется, что указанное захоронение можно датировать уже золотоордынским временем.

Из общей массы курганных захоронений кочевников выделяются два комплекса, у которых курганы отсутствовали. Один

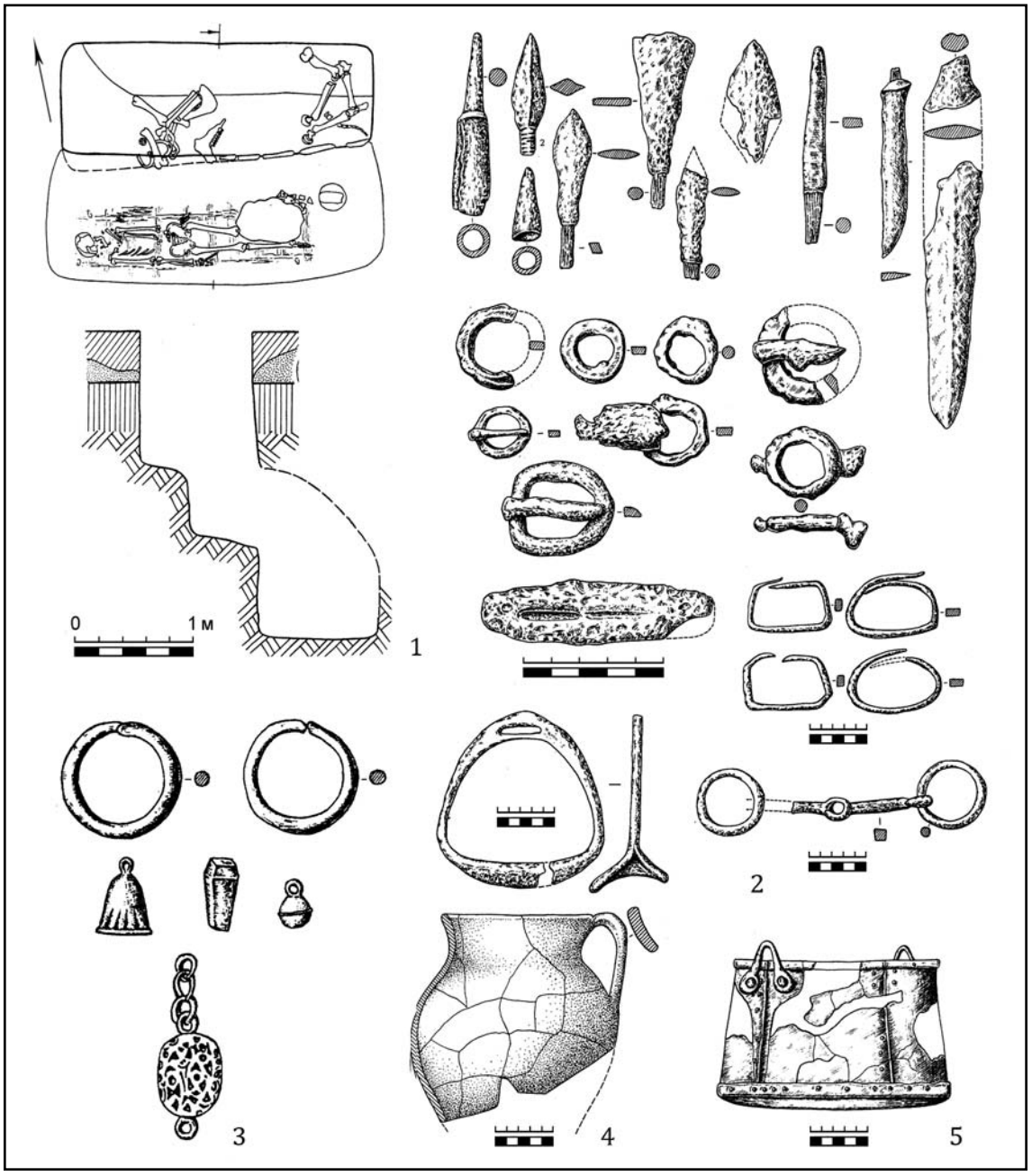


Рис. 12. Погребение у с. Никифорово (по Привалова 1998). 1 — план и профиль захоронения; 2—5 — вещи из погребения.

Fig. 12. Burial at Nikiforovo village (after Привалова 1998). 1 — plan and profile of burial; 2—5 — items from burial.

из них был обнаружен на склоне балки близ с. Кировское Волновахского р-на Донецкой области (рис. 1: 11) (Кравченко 2003б: 123—130). Балка является левым притоком р. Кальчик, которую местное население называет Калкой. Погребение было вымыто талыми водами на склоне балки чуть выше тальвега и раскопано местными школьниками (рис. 7: 1). Находки из него, которые ребята передали в школу с. Кировское, свидетельствуют, что это было захоронение конного воина. Вместе с костями были обнаружены фрагменты кольчуги, стремя (рис. 7: 8), медная литая пуговица (рис. 7: 7), фрагмент костяной колчанной петли (рис. 7: 6), сабля (рис. 7: 4—5) и шлем с портретной маской (рис. 7: 2—3), на котором, местами, сохранились следы серебрения. Вполне вероятно, что были собраны не все вещи, входившие в состав погребального инвентаря. В целом данный комплекс близок курганным погребениям Поросья (Ковали и др.). Нестандартное его топографическое расположение, наиболее вероятно, связано с тем, что данное захороне-

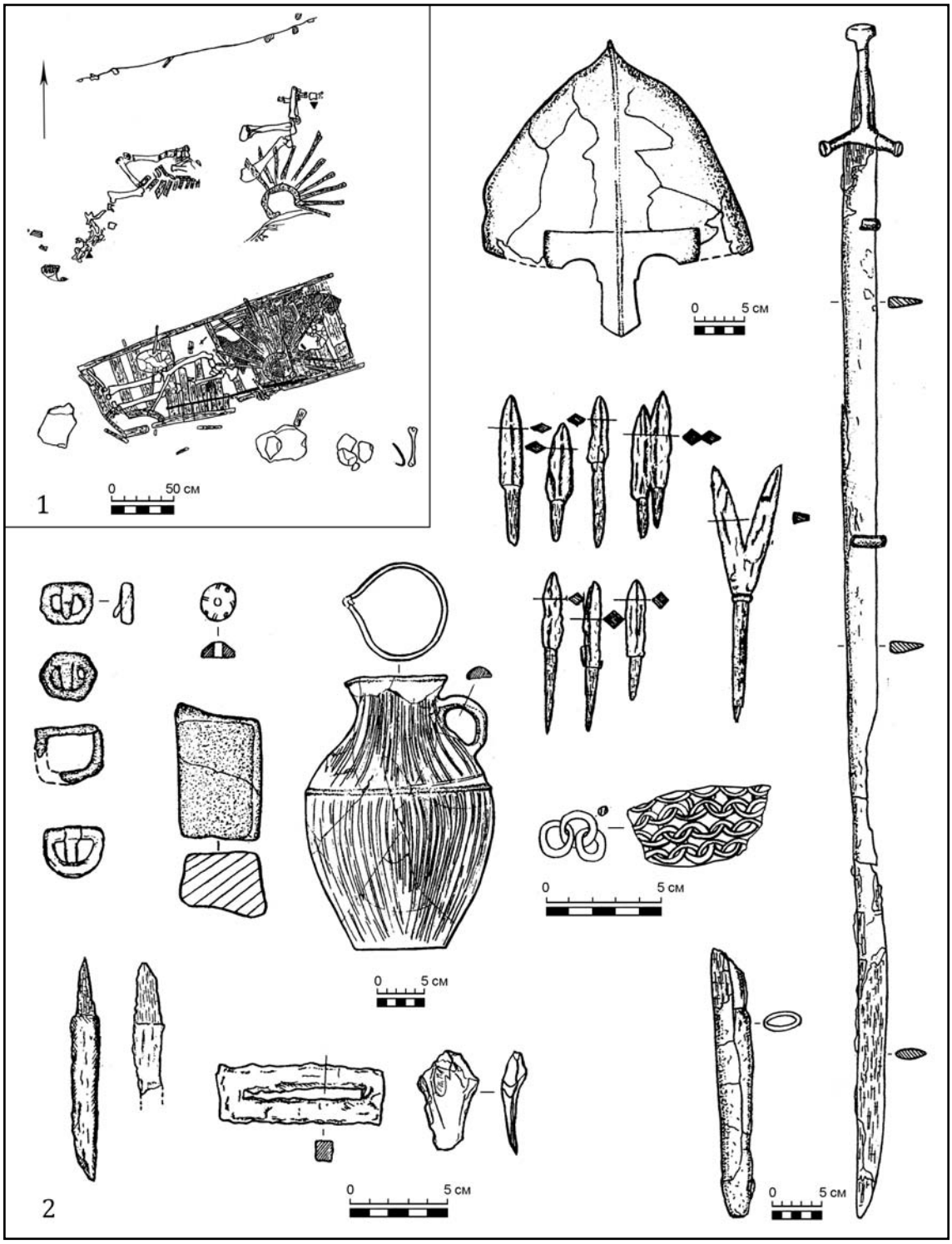


Рис. 13. Погребение у с. Самойлово (по Швецов 2004). 1 — план; 2 — инвентарь захоронения.

Fig. 13. Burial at Samoilovo village (after Швецов 2004). 1 — plan; 2 — grave goods.

ние было произведено в экстремальной обстановке, на чужой территории, возможно, после сражения.

Еще одно захоронение было обнаружено близ пос. Раздольное, в 1 км вниз по течению реки от описанного выше кочевья (рис. 1: 12). В месте находки высокая береговая терраса р. Кальмиус, площадка которой поднята на высоту 12 м выше уреза воды, прорезана ее правым притоком — балкой Арген-Тарама. Балка обводнена — по дну ее течет небольшая степная речушка. Курганной насыпи

не было, равно, как не было обнаружено рядом и других захоронений, которые могли бы свидетельствовать о наличии здесь грунтового могильника. Над погребением находилась каменная выкладка, перекрывающая яму (рис. 8: 1). Под камнями располагалось чучело коня, представленное костями четырех ног. По-видимому, присутствовал и череп, который не сохранился, т. к. северная часть захоронения была уничтожена оползнем. Скелет человека (мужчина, монголоид, 25—30 лет) (Кузьменко 2000: 123—124) лежал вытянуто на спине, головой на востокюго-восток. Небогатый инвентарь представлен деталями конской упряжи, двумя височными кольцами, пуговицами, и костяной петлей от налучья (рис. 8: 2). Авторы публикации относят данное погребение к золотоордынскому времени (Потемкина, Усачук 2000: 120—123). По мнению Е. В. Круглова, оно относится к более раннему периоду (Круглов 2006: 268).

На **Азовском побережье**, как и на Кряже, известно большое количество поселений. Абсолютное большинство их не исследовалось, и наши сведения о них ограничены описанием топографического расположения и подъемным материалом, часто немногочисленным и невыразительным. В связи с этим характер указанных памятников установить сложно. Часть этих местонахождений, вне сомнения, представляет собой сезонные стойбища, оставленные кочевниками, часть же является стационарными пунктами, на которых проживало оседлое население. Абсолютное большинство описанных поселений привязано к побережью Азовского моря, либо находится на небольшом расстоянии от него.

С Азовского побережья происходит большое количество материала, относящегося к рассматриваемому нами периоду. Так, в районе г. Мариуполь (рис. 1: 29) в XIX в. были найдены украшения, выполненные в технике филиграни, близкие нашивным пластинам из могилы 21 Алуштинского могильника в Крыму (Махнева 1968: 162).

Значительное количество материала, относящегося к интересующему нас периоду, относится к числу т. н. «отдельных» или «случайных» находок (рис. 1: 30—35, 45). Большинство их представлено предметами вооружения — наконечниками стрел (Каталог 1993: 56, 58; №343, 356, 357, 358), копий (рис. 40: 7) (Каталог 1993: 57, 58, 60; №387) и боевыми секирами (Каталог 1993: 5, 56; №332, 333, 334). Две из них (рис. 40: 1—2) были обнаружены на Белосарайской косе (рис. 1: 30), где довольно часто встречаются и наконечники стрел. Одна (рис. 40: 3) — в Новоазовском районе (рис. 1: 31). Вполне вероятно, что подобные находки, особенно их скопление на какой-то территории, маркируют места военных столкновений, которыми богата средневековая история рассматриваемого нами региона.

С кочевниками, проживавшими в золотоордынское время в Приазовье, кроме стойбищ, связан ряд курганных захоронений. К одному из таких захоронений относилась мраморная плита с арабской надписью, найденная в конце XIX в. на кургане у сл. Гусельщиково (рис. 1: 33). Она была перевезена в Новочеркасск, где и находится и ныне (Волков 2008: 478—496). Текст на плите свидетельствует, что она была установлена на могиле нойона Али-Бек Тимур-Булака сына Али Той-Тимура в 781 г. х. В окрестностях пос. Гусельщиково, по всей видимости, могут находиться и поселения интересующего нас периода. В пользу этого свидетельствует ряд находок, происходящих из этого района, которые в данный момент находятся в частных собраниях (рис. 14: 1—4).

Ряд интересных объектов в рассматриваемом регионе был обнаружен в 20—30-е гг. XX века. В мариупольском музее хранится плоскодонная амфора (рис. 15: 1; цветная вклейка, илл. 16), найденная в окрестностях города. В 1928 г. крестьянином с. Ялта (Донецкая обл.) «на песчаном спуске к морю» был подобран чугунный котел с тремя ножками (рис. 1: 34) (нынешнее его местонахождение неизвестно) (Пиневич 1928). П. М. Пиневич датировал этот предмет XVII—XVIII веками. Тем не менее, прилагаемый к отчету качественный рисунок находки (рис. 15: 2) позволяет отнести котел к золотоордынскому времени. Близкие по виду котлы происходят из городов на территории Монголии, в частности, из Кара-Корума (Киселев 1965). Ножка от подобного котла была обнаружена в среднем течении Северского Донца на Царином городище.

В 20-х гг. XX столетия Г. Г. Афендиком была обнаружена налобная пластина, представляющая собой деталь конского доспеха (ныне находится в экспозиции Мариупольского краеведческого музея) (рис. 11: 23). Каких-либо дополнительных данных об этой находке нет. Она вполне могла происходить из какого-то захоронения, т. к. в музейном перечне предметов рядом с нею указаны вещи из курганных захоронений, раскопанных в окрестностях нынешнего Мариуполя и не имеющих точных привязок к конкретным комплексам. О присутствии у монго-

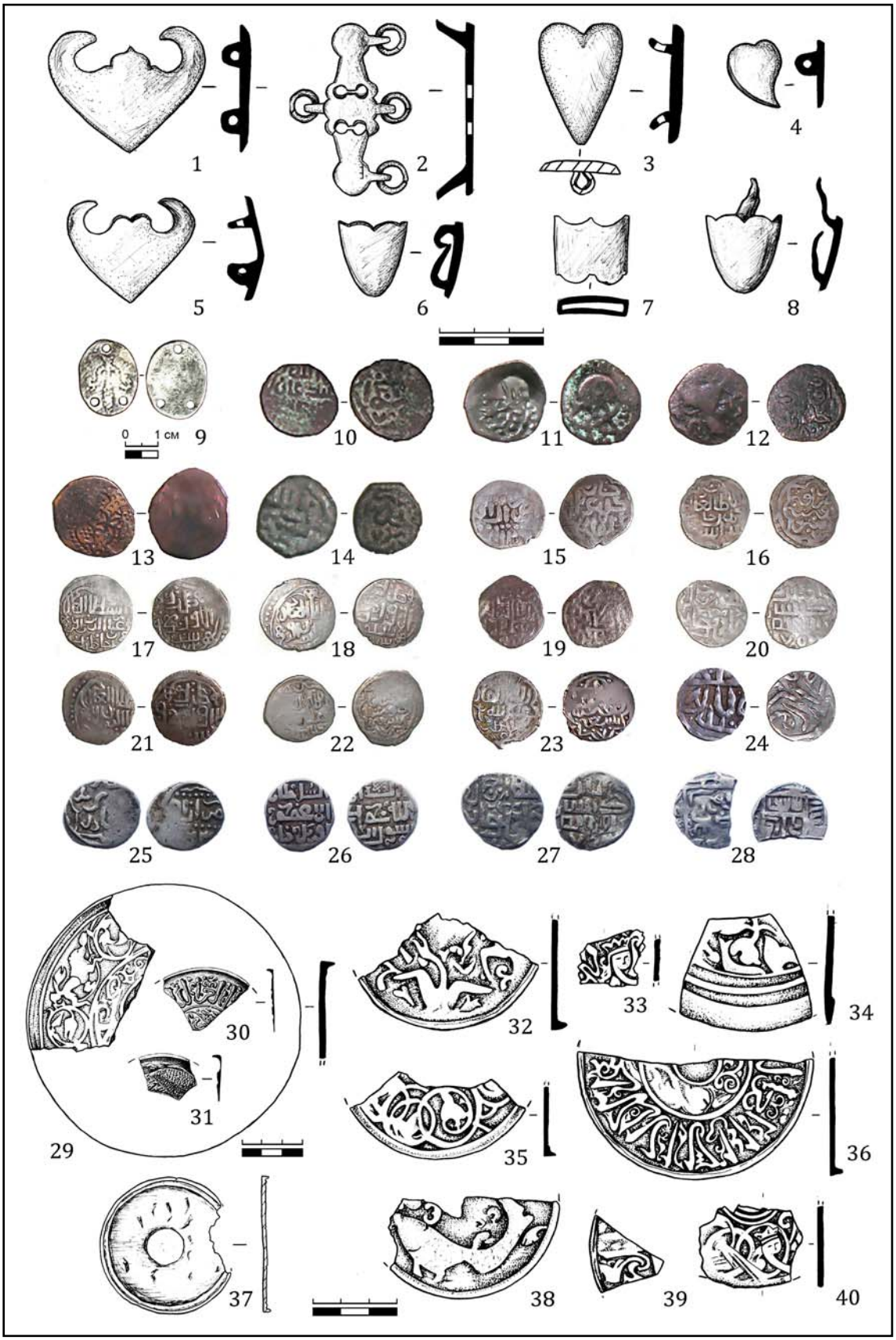


Рис. 14. Предметы золотоордынского времени с территории Донецкой области. 1—4 — Гусельщиково; 5—8, 33 — Явир; 9—32, 34—40 — Царино городище.

Fig. 14. Items of the Golden Horde time from Donetsk Oblast. 1—4 — Guselshchikovo; 5—8, 33 — Yavir; 9—32, 34—40 — Tzarino fort.

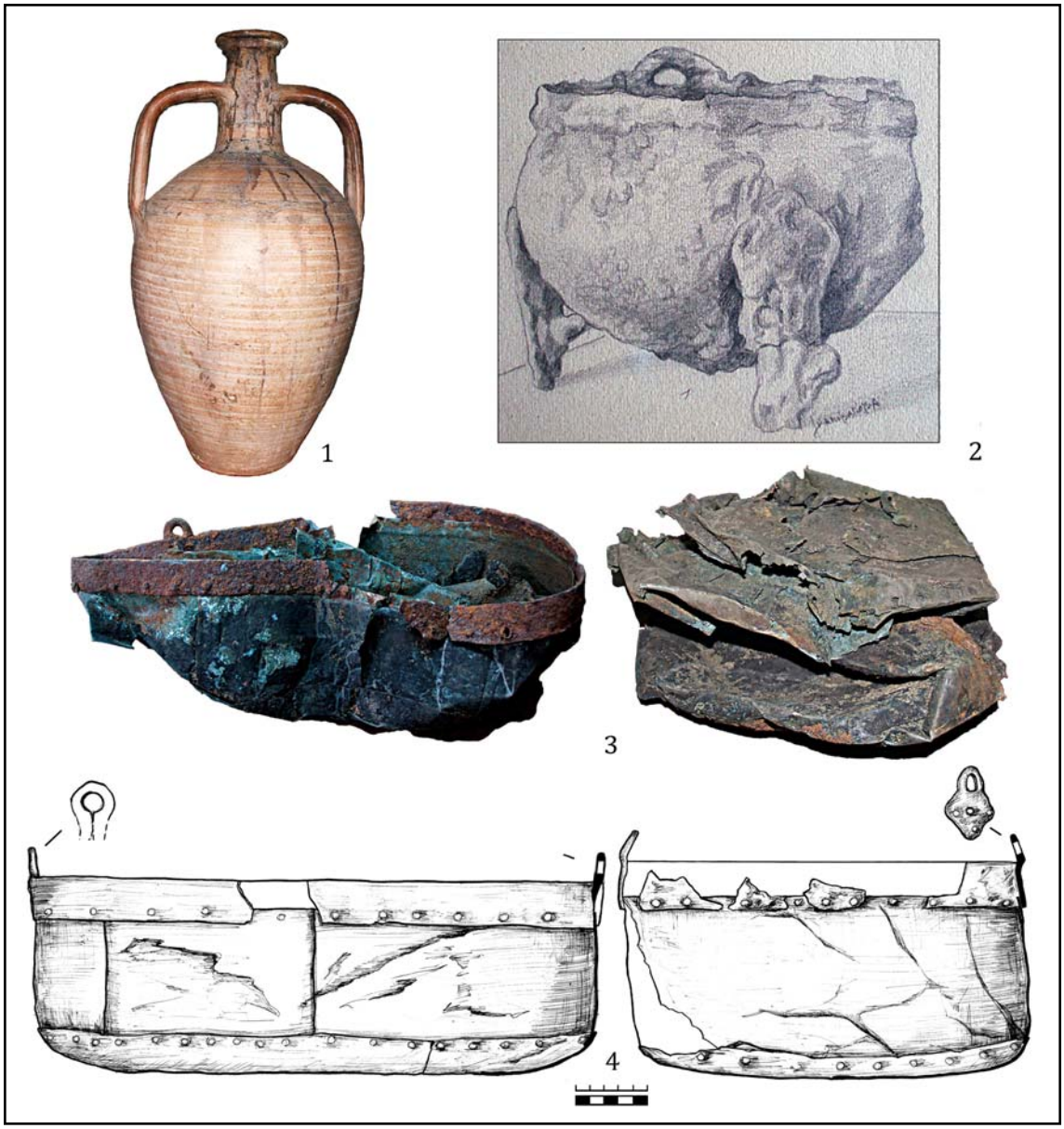


Рис. 15. Предметы с территории Донецкой области. 1 — Мариуполь; 2 — Ялта (по Пиневич 1928); 3, 4 — Ямполь (цветная вклейка, илл. 16).

Fig. 15. Items from Donetsk Oblast. 1 — Mariupol; 2 — Yalta (after Пиневич 1928); 3, 4 — Yampol (color plate, ill. 16).

лов конского доспеха сообщает еще Плано Карпини (Карпини 1957: § 11). Изображения доспехов (или просто масок) на лошадях довольно часто фигурирует на персидских миниатюрах XIV века (Щербаков, Дзысь 2001: 27). При всем этом, подобные предметы относятся к числу крайне редких находок. Налобная пластина от конского доспеха имеется в собрании ГИМ (Аствацатурян 2002: 79). Целая маска, датируемая XV столетием, хранится в музее Топ-Капы в Турции (Аствацатурян 2002: 79).

Выше указывалось, что абсолютное большинство поселений на территории Приазовья раскопкам не подвергалось. В рассматриваемом регионе археологически изучалось несколько памятников, на которых присутствовали средневековые напластования (Безыменное, Бердянское, Ляпинская Балка). Материалы раскопок большинства этих объектов не были опубликованы. Керамика золотоордынского времени, а также фрагменты чугунных котлов, зафиксированы на ряде поселений Азовского побережья. На одном из них, расположенном у пос. Обрыв Новоазовского р-на Донецкой области (рис. 1: 63), собрана небольшая коллекция монет, представленных в основном

анонимными эпиграфными пулами и дирхемами Абдаллаха и Мухаммед-Булака [2]. Здесь же были встречены мелкие обломки зеркал и керамика, свидетельствующие о наличии на данном месте поселения. Керамика золотоордынского времени, в том числе и фрагмент чаши с гравировкой по ангобу под прозрачной желтой поливой, были найдены на поселении возле пос. Урзуф Мангушского р-на Донецкой области (рис. 1: 35). Интересным представляется тот факт, что на этой группе поселений, вытянутых цепью вдоль побережья Азовского моря и расположенных в непосредственной близости как от Крыма, так и от золотоордынского Азака, поливная посуда встречается крайне редко. Все ее находки здесь пока представлены единичными фрагментами красноглиняных сосудов (Ляпинская Балка, Урзуф, Обрыв).

В целом, из древностей, оставленных оседлым населением, проживавшим в степях Северного Приазовья в золотоордынское время, были опубликованы только материалы раскопок поселения, расположенного в Ляпинской Балке на восточной окраине г. Мариуполь (рис. 1: 37) (Кравченко 2003) и находящегося неподалеку от него грунтового могильника (Евглевский, Кульбака 2003), скорее всего, оставленного жителями этого же поселения.

Селище находится на правом берегу Водяной (Ляпинской) балки, в 1,5 км к северу от места ее впадения в Азовское море. Оно занимает слабовыраженный пологий мысообразный выступ, ограниченный с севера и юга двумя древними ярами (Полидович, Цимиданов, Кузин 1992). Территория поселения подвергалась террасированию и в течение многих лет распахивалась, что негативно отразилось на состоянии средневековых культурных напластований. Несмотря на то, что на памятнике была вскрыта площадь более 600 кв. м, на ней из сооружений золотоордынского времени сохранились всего 2 хозяйственных ямы и кострище. Последнее может свидетельствовать в пользу того, что основная часть построек, существовавших на поселении, представляла собой наземные сооружения. Территория селища была огорожена небольшим рвом, глубина и ширина которого в нижней части не превышали 1 м. За этим ровиком находки золотоордынского времени прекращались.

Расчищенные на памятнике хозяйственные ямы золотоордынского времени имели относительно небольшие размеры и глубину, не превышающую 1,5 м. Немногочисленные находки в них были представлены керамикой и костями барана со следами рубки.

Интерес представляет кострище. Небольшие его размеры (0,5 × 0,7 м) и скопление материала в окружающих квадратах свидетельствуют в пользу того, что в этом месте располагалась уничтоженная распашкой наземная постройка.

Большинство находок, относящихся к интересующему нас периоду, представлено неполивной красноглиняной керамикой, среди которой основную часть составляют фрагменты кувшинообразных сосудов (рис. 16: 1—4, 6, 8—9; 17: 1—9, 11). Их поверхность в основном желтого или красного цвета. Небольшая группа представлена обломками белоглиняных кувшинов, орнаментированных комбинациями волнистых линий. Близкая им, также немногочисленная группа керамики имеется и на Царином городище в среднем течении Северского Донца.

Корпус кувшинообразных сосудов орнаментировали пролощеными вертикальными линиями, иногда в сочетании с однорядной или многорядной, прямой или волнистой линией на плечиках и в центральной части сосуда (рис. 17: 1—8), круглыми наколами у основания горлышка кувшина, оттисками гребенчатого штампа (рис. 17: 9). Край венчика обычно имел утолщение, иногда в виде манжета (рис. 16: 6). Часто встречался слив. На плечиках или в центральной части кувшинов иногда присутствует уплощенный подтреугольный валик. Один кувшин был декорирован на горлышке (рис. 16: 4), а другой — у дна (рис. 16: 9) широкими параллельными линиями. Полностью был реконструирован крупный краснолощеный кувшин, орнаментированный пролощенными линиями в сочетании с прочерченной волной в центральной части сосуда (рис. 16: 1). Таким образом, кувшинообразные сосуды Ляпинской Балки находят многочисленные параллели как на иных памятниках, расположенных в донецких степях, так и на территории Золотой Орды в целом.

На втором месте по численности представлены обломки амфор с дуговидными ручками (рис. 16: 10—11), составляющие визуально не менее 25% всего керамического комплекса. В целом, амфорная керамика памятника довольно однородна: это фрагменты сосудов с дуговидными ручками, которые отличаются друг от друга лишь цветом керамического теста, варьирующим от оранжевого до коричне-

[2] Любезная информация М. Онищенко. Находятся в частных собраниях.

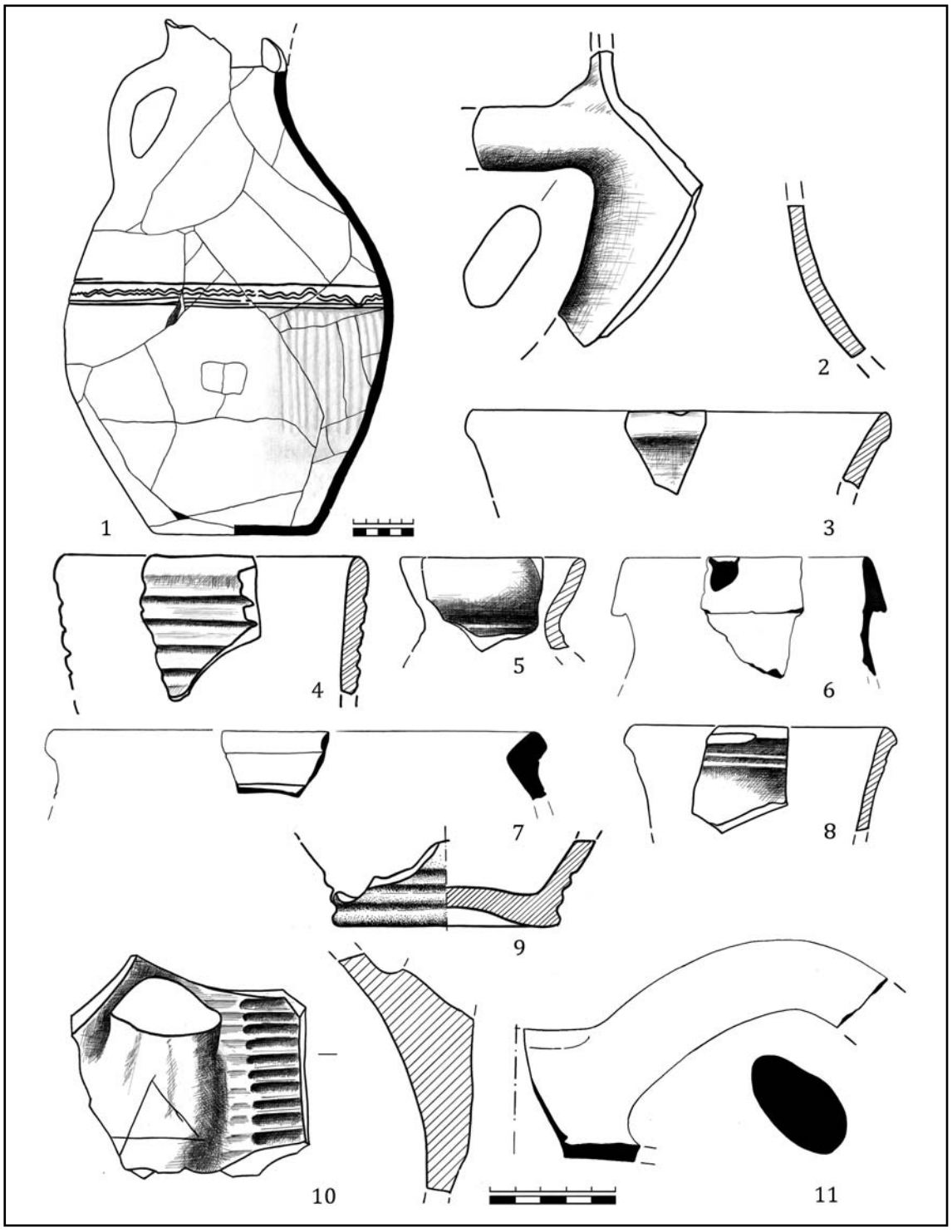


Рис. 16. Поселение Ляпинская Балка. Керамика.

Fig. 16. Liapinskaia Balka settlement. Ceramics.

вого. В черепке читаются примеси мелкозернистого песка и мелко истолченных частичек слюды. На двух фрагментах амфор имеются граффити, процарапанные после обжига (рис. 16: 10).

Остальные типы сосудов представлены единичными фрагментами. Среди них присутствует фрагмент горшка, по тесту и профилировке напоминающего древнерусские сосуды (рис. 16: 7), и венчик красноглиняной узкогорлой кубышки (рис. 16: 5).

Прочих находок немного. Это грузики и фишки, выточенные из стенок керамических сосудов (рис. 17: 12—15), лощило, вы-

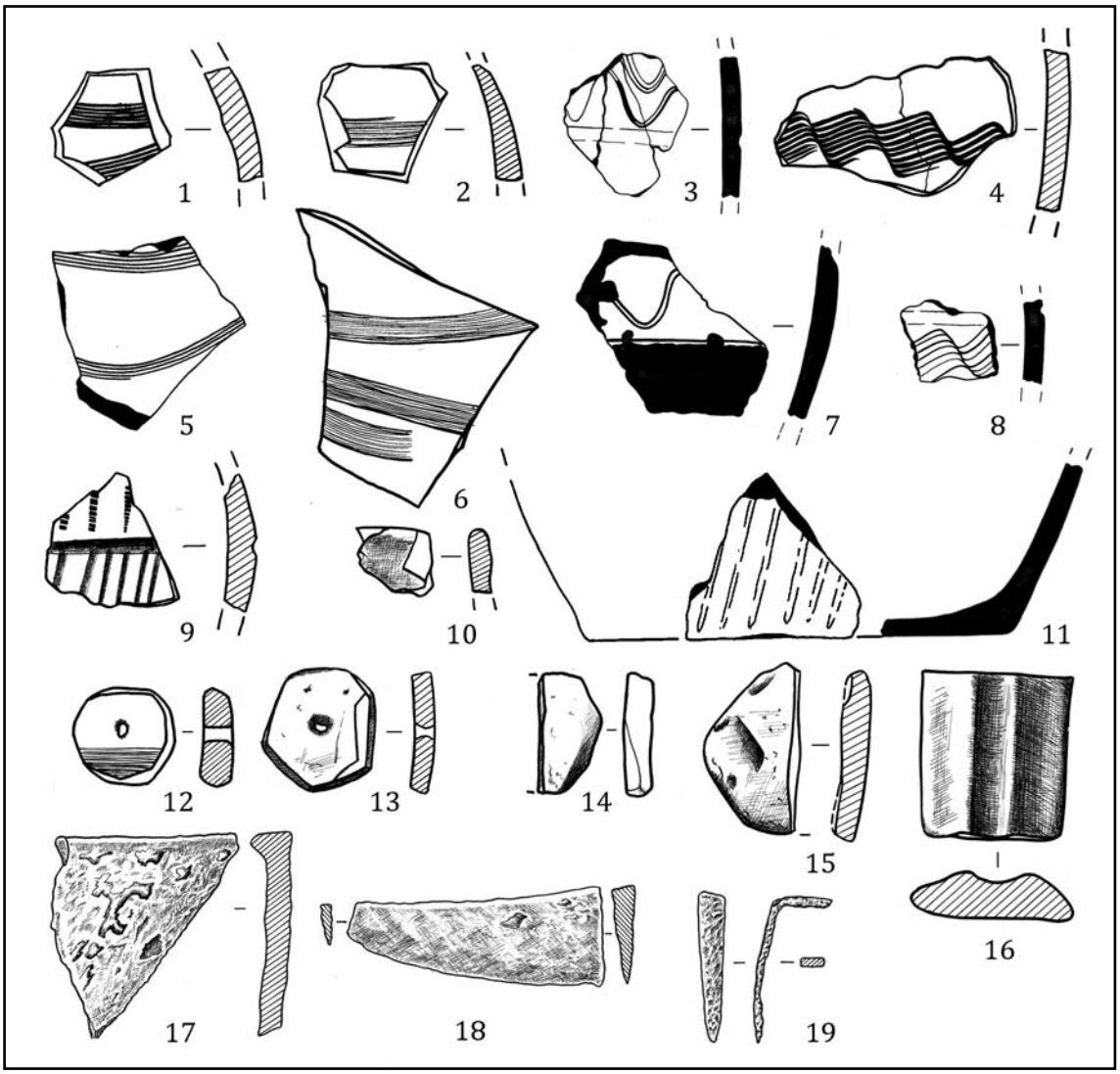


Рис. 17. Поселение Ляпинская Балка. Предметы из слоя. 1—16 — керамика; 17 — чугун; 18—19 — железо.

Fig. 17. Liapinskaia Balka settlement. Items from layer. 1—16 — ceramics; 17 — cast iron; 18—19 — iron.

точенное из ручки кувшина (рис. 17: 16), два астрагала с процарапанными на них знаками, фрагмент острия сабли (рис. 17: 18), обломок железной скобы (рис. 17: 19) и венчик чугунного котла (рис. 17: 17).

Как видим, комплекс поселения Ляпинская Балка выглядит довольно бедно и по виду своему отличается от поселений, расположенных на Северском Донце. Среди его материалов было обнаружено большое количество костей и не встречено ни единого предмета, имеющего отношение к земледелию. Все это, равно как и наличие на памятнике только наземных построек, сближает это поселение с сезонными кочевническими стойбищами. Тем не менее, от последних он отличается рядом черт: более богатым и разнообразным материалом, наличием рва, ограждающего обжитую территорию и присутствием неподалеку грунтового могильника.

О связи некрополя с поселением в Ляпинской Балке свидетельствуют их взаимное расположение, отсутствие рядом других памятников и близкий в хронологическом плане материал. Могильник грунтовый и, как будто, не имел курганных насыпей. Всего на нем было изучено 38 погребений, из которых 14 не имели инвентаря. Значительная часть погребенных (21) ориентирована в восточный сектор. Именно эта группа захоронений содержит большую часть инвентаря могильника. В западный сектор ориентировано 14 захоронений, 11 из которых представляют собой безынвентарные комплексы. Авторы публикации отнесли эти захоронения к категории погребений «с чертами мусульман-

ского обряда» (Евглевский, Кульбака 2003: 377), указывая, впрочем, что отсутствие инвентаря в погребениях с восточной ориентировкой также может быть связано с влиянием ислама (Евглевский, Кульбака 2003: 375). Логически это предположение обоснованно, если учесть тот факт, что в Золотой Орде именно ислам был господствующей религией. Однако представленные в статье чертежи погребений свидетельствуют, что «черты мусульманской обрядности», если таковые вообще присутствовали в захоронениях этого некрополя, имеются разве что в безынвентарных погребениях №15 и 20 и в захоронениях №4 и 37, содержащих инвентарь (Евглевский, Кульбака 2003: рис. 3: 4; 7: 5, 8; 8: 6). Именно в этих захоронениях мы наблюдаем ориентировку головы умершего в западный сектор и поворот черепа и костей ног или стоп вправо. Последнее свидетельствует о попытке развернуть погребенного (или его голову) на правый бок, с целью выполнения одного из важнейших требований мусульманского погребального обряда — обращения лица умершего к кыбле. Прочие же безынвентарные (и тем более инвентарные) захоронения данного могильника, как представляется, отнести к мусульманским проблематично.

Большинство захоронений некрополя Ляпинская Балка имеют относительно небогатый инвентарь. Он представлен деталями костюма, бытовыми предметами и украшениями (пряжками, пуговицами, кресалами, ножами, грузилами, ножницами, рыболовными крючками, бусами, зеркалами, серьгами) (рис. 9: 4—8). Детали конской сбруи встречены лишь в одном захоронении (№7), которое, впрочем, отличалось от прочих более разнообразным инвентарем. В нем содержались плошка, панцирные пластины, колчан, остатки лука, монеты. Собственно, кроме этого погребения, предметы вооружения (стрелы и навершия булав) представлены всего в трех комплексах (№2, 19 и 25). В двух погребениях (№2 и №7) были обнаружены монеты. Три из них представляют собой дирхемы Узбека с надчеканами 70—80-х гг. XIV в., один же — дирхем Абдаллаха, выпущенный в 767 г.х. в Орде. Таким образом, данный могильник можно отнести ко 2-й пол. XIV века. По мнению авторов публикации, он был оставлен недавно осевшими кочевниками, еще не полностью простившимися с кочевыми традициями (Еглевский, Кульбака, 2003: 400).

Наиболее крупные и яркие памятники, оставленные оседлым населением, расположены в **среднем течении Северского Донца** (рис. 1). Типологический состав находящихся здесь объектов разнообразен: кочевья, малые и крупные селища, грунтовые могильники, курганные погребения. Есть сведения о находках на этой территории и монетных кладов. Один из них был обнаружен у пгт. Райгородок Славянского р-на (рис. 1: 2). Второй нашли у с. Красный Оскол Изюмского р-на Харьковской области, в районе расположенного здесь Цареборисовского городища (рис. 1: 60). Оба клада разошлись по рукам. Опрос показал, что они содержали серебряную золотоордынскую монету, чеканенную в правление ханов Абдаллаха и Мухаммед-Булака. Собственно, о находках на территории Цареборисовского городища и в его окрестностях предметов, относящихся к периоду раннего и развитого средневековья, сообщалось еще Н.В. Сибилевым (Сибилев 1926: табл. VI). Само же городище представляет собой остатки города Царева-Борисова (XVI—XVIII вв.). Известна на нем и керамика золотоордынского времени, в числе которой присутствуют редко встречающиеся на территории региона фрагменты поливной посуды. Вполне возможно, что в золотоордынское время на площадке мыса у места впадения р. Оскол в р. Северский Донец находился небольшой населенный пункт, остатки которого были снесены во время мощных земляных работ, связанных с сооружением крепости.

Ряд находок трудно увязать с определенными археологическими памятниками. Среди них выделяется бронзовый водолей западноевропейской работы, обнаруженный в начале XX века в с. Еремовка Изюмского р-на Харьковской обл. (рис. 1: 39) (Даркевич 1987: 396, рис. 170: 1). Водолей был приобретен у местных жителей в начале 70-х гг. XX в. скупщиками древностей. При опросе они сообщили, что предмет был обнаружен при рытье колодца. В конце 90-х гг. XX в. мной была произведена неудачная попытка выяснить точное место находки. Никаких дополнительных сведений получить не удалось. Не ясно даже, в какой части населенного пункта был найден данный предмет. Собственно, неподалеку от нынешнего села Еремовка известно местонахождение с материалами золотоордынского времени, которое находится в ур. Выла у хут. Пасека (рис. 1: 38), прилегающего к Еремовке с восточной стороны. Находки на нем представлены небольшим количеством керамики, фрагментами чугунных котлов и наконечником копья (рис. 37: 4).

Обнаруженный в Еремовке водолей выполнен в виде конного рыцаря с девушкой,

изображающих героев средневековых рыцарских сказаний — Тристана и Изольду (рис. 2: 3; цветная вклейка, илл. 12). Время его изготовления укладывается в рамки 2-й половины XII — 1-й половины XIII века. Сильная потертость поверхности предмета, наличие на его боку протертого отверстия свидетельствует о том, что он долго находился в использовании. Нам представляется, что в землю водолей попал не ранее конца XIII — начала XIV вв.

В 1924 г. на г. Кремянец, возле г. Изюм Харьковской обл. (рис. 1: 61), местными школьниками была обнаружена плита с арабской надписью (рис. 24: 2), которую они передали в Изюмский музей. Рисунок этой плиты, утраченной во время Великой Отечественной войны, Н. В. Сибилев опубликовал в своих «Древностях Изюмщины» (Сибилев 1926: 10, табл. XV). В дневнике он описывал ее следующим образом: «Плита из светло-серого песчаника хорошо заглажена, края округлые. Размер приблизительно 35—40 × 14—15 см при толщине 4—5 см. На ней вырезана фигура человека, а ниже надпись на арабском языке. Надпись гласит: "Велел сделать это Ала ад-Дин сын Джамал ад-Дина сына Али Тарази в день шавалля из месяцев 734 г. х."» (Сибилев б. г.: 358, пункт №51). Плита, похоже, имела отношение к захоронению, причем из ее текста следует, что предки погребенного происходили из Тараза. В целом же, на горе Кремянец было обнаружено довольно много находок различных периодов, что не удивляет, если учесть, что рядом с ней находился брод на Изюмском шляхе, известный по письменным источникам более позднего времени (Книга 1950: 72).

Интересны находки возле еще одного брода, на р. Северский Донец близ современного с. Богородичное Донецкой области. Здесь в документах XVII в. упоминается перелаз на Новой Посольской дороге, который, по всей видимости, функционировал и в более раннее время. В его окрестностях встречаются находки различных эпох. Особенно многочисленны они в районе Теплинского городища (рис. 1: 40), расположенного в 1 км к северо-западу от брода. Собственно городище датируется рубежом нашей эры (Кравченко 2004). Тем не менее, в его окрестностях встречен довольно многочисленный материал средневекового времени, в том числе и интересующего нас периода. Так, в 70-х гг. XX в. на восточной окраине памятника при корчевке пней в лесу была обнаружена кольчуга, которая ныне находится в экспозиции Донецкого областного краеведческого музея (рис. 24: 3).

Собственно, отдельные находки предметов вооружения в бассейне Северского Донца и на прилегающей к нему степной территории довольно многочисленны. Среди них боевые секиры (рис. 40,4—5), наконечники копий (рис. 37: 4; 40: 6, 8) и стрел (Каталог 1993: №336, 338, 345, 348, 365, 368, 379). К их числу относится и крупный чугунный котел, ныне находящийся в собрании Славянского краеведческого музея. Предмет был найден при строительных работах на территории с. Щурово Краснолиманского р-на (рис. 1: 68). Связать его с конкретным поселением не представляется возможным, т. к. территория, где он был найден, была полностью изрыта в процессе дачного строительства [3].

Интерес представляет и медная чашечка (рис. 41: 1), найденная близ с. Татьяновка Славянского района (рис. 1: 67). Автором публикации данный сосуд был отнесен к раннесредневековому времени (Гриб 2008: 7—9). Тем не менее, форма и особенности декора (изображения на внешней стороне сосуда выполнены на сетчатом фоне) (Даркевич 1976: 115) свидетельствуют в пользу датировки указанного предмета эпохой развитого средневековья.

Монеты указанного периода были обнаружены на территории г. Славянска при чистке русла реки Казенный Торец (рис. 1: 65; 19: 39) [4].

В целом, на общем фоне, среднее течение Северского Донца выглядит относительно хорошо изученным районом. Реально же он исследован слабо. Несмотря на огромное количество разнообразных памятников интересующего нас периода, более или менее масштабные исследования производились здесь всего на нескольких поселениях (Казачья Пристань, Маяки, Зливки), из которых только Маяки дали массовый археологический материал. Курганные захоронения золотоордынского времени зафиксированы у сел Новониколаевка (рис. 1: 57) и Степной (рис. 1: 58) Славянского р-на. Оба этих погребения были впущены в насыпи более ранних курганов (Евглевский 1992: 108, 110, рис. 1: 1—8; 2: 9—12).

Временные стойбища обычно располагались на террасах вдоль берегов Северского Донца (Правдевшино, Пришиб, Явир, Дробышево «К») и его притоков, таких,

[3] Информация ст. науч. сотр. Славянского краеведческого музея А. В. Шамрая.

[4] Сообщение ст. науч. сотр. Славянского краеведческого музея А. В. Шамрая.

как р. Казенный Торец (Райгородок-МТФ), р. Черный Жеребец (Ямполь), Бессарабиха (Карповка), р. Голая Долина (Краснополье). Отличительной чертой таких памятников является отсутствие культурного слоя. Находки на них представлены немногочисленными фрагментами красноглиняной керамики и, иногда, чугунной посуды. Количество стойбищ трудно поддается определению, в связи с тем, что большинство известных местонахождений не подвергалось раскопкам. В связи с этим не ясно, какие из них являются кочевьями, а какие — стационарными поселениями с разрушенным культурным слоем. Так, не совсем понятно, например, к какой группе (кочевья или стационарные памятники) можно отнести такие местонахождения, как Явир (рис. 1: 52), Ямполь 1 и 2 (рис. 1: 54), Карповка-5 (рис. 1: 55). Так, на поселении Явир производились очень небольшие по объему исследования (была раскопана постройка конца XVII в.). На памятнике четко фиксируются напластования эпохи бронзы, хазарского времени, XVII—XVIII вв. (Кравченко, Мирошниченко, Полидович 2002). Находки золотоордынского времени представлены красноглиняной и «древнерусской» керамикой, фрагментом зеркала (рис. 14: 36), деталями поясных наборов (рис. 14: 5—8), медным пулом Абдаллах-хана (типа рис. 19: 37). На участке, где производились раскопки, культурного слоя золотоордынского времени, обнаружено не было, что, впрочем, не означает, что он отсутствует на остальной площади памятника.

Еще более интересным является вопрос о двух расположенных неподалеку поселениях, находящихся к северу от пгт. Ямполь Краснолиманского р-на Донецкой области (рис. 1: 54). Исследования указанных памятников не производились. Тем не менее, с них происходит интересный материал, который частью находится в частных собраниях, частью же был передан в Донецкий областной краеведческий музей. Среди находок три смятых клепанных котла, сделанных из медного листа. Верхний их край имеет железную оковку, прикрепленную к телу котла при помощи заклепок (рис. 15: 3—4). Все три предмета были найдены вместе. Самый крупный котел, сделанный из относительно толстого листа, был смят и практически сложен вдвое. Два меньших котла, изготовленные из очень тонких листов меди, были сложены вчетверо (рис. 15: 3). Состояние сосудов в момент находки, скорее всего, свидетельствует, что они были деформированы еще в древности и представляли собой медный лом. Вполне возможно, что котлы находились в мастерской медника. Два из них удалось реконструировать графически (рис. 15: 4). Это были невысокие цилиндрические сосуды, которые по своей форме близки котлу, происходящему из курганного погребения у с. Софиевка (Потемкина 2007: рис. 1: 3, 11).

Из прочих находок выделяется бронзовая нагрудная бляха (рис. 21: 1), орнаментированный колокольчик или крышечка (рис. 21: 2), наконечник пояса, украшенный эмалями (рис. 21: 3). Кроме этого, на поселении Ямполь 1 был обнаружен обломок сабли (рис. 18: 2). Как и в случаях с котлами, обстоятельства этой находки выяснить не удалось. Ясно, что она была подобрана с поверхности памятника при помощи металлоискателя. Наличие в обойме перекрестия остатков древесины свидетельствует, что в момент попадания в землю сабля была в ножнах. В статье С.И. Валиуллиной дается перечень пунктов, где были обнаружены сабли такого типа (Валиуллина 2004: 167, рис. 12: 1). Кроме Балынгузского (Торецкого) III селища в Поволжье, основная часть находок происходит из захоронений XIV — нач. XV вв. (Убинский, Ленинохабльский, Шеджийский могильники, кабардинские и западно-черкесские курганы, вайнахское погребение из села Верхний Алкун в Чечне). К перечисленным выше пунктам можно добавить находки таких же сабель в курганных погребениях могильника Шалушка в Кабардино-Балкарии (курган 6) (Нарожный 1987: 187, рис. 17: 6) и могильника Иноземцево-1 (кург. 13 и 14) (Березин, Березин, Нарожный 2007: 193—194, рис. 23—24). Сабля такого типа продавалась на аукционе *Hermann historica*, с указанием, что она происходит с территории Восточной Европы и абсолютно нереальной датировкой (НН 2007). Таким образом, основная часть рассматриваемых нами сабель происходит из Северо-Кавказского региона, за пределами которого находки данных предметов довольно немногочисленны.

На поселении Ямполь 2 были подобраны серебряный дирхем Джанибека, подвеска, изготовленная из полностью затертого римского сестерция, железное навершие (рис. 18: 3) и фрагмент зеркала с изображением гона зверей (рис. 14: 25; 9: 2). Зеркало имеет относительно большой диаметр (14 см). Близкие аналоги ему были обнаружены в Отраре (Акишев, Байпаков, Ерзакович 1987: 194—195, рис. 85: 3), на памятниках Татарстана (Руденко 2004: 122, рис. 4: 6—7; 17: 6) и в Чечено-Ингушетии (Виноградов 1987: 267—269,

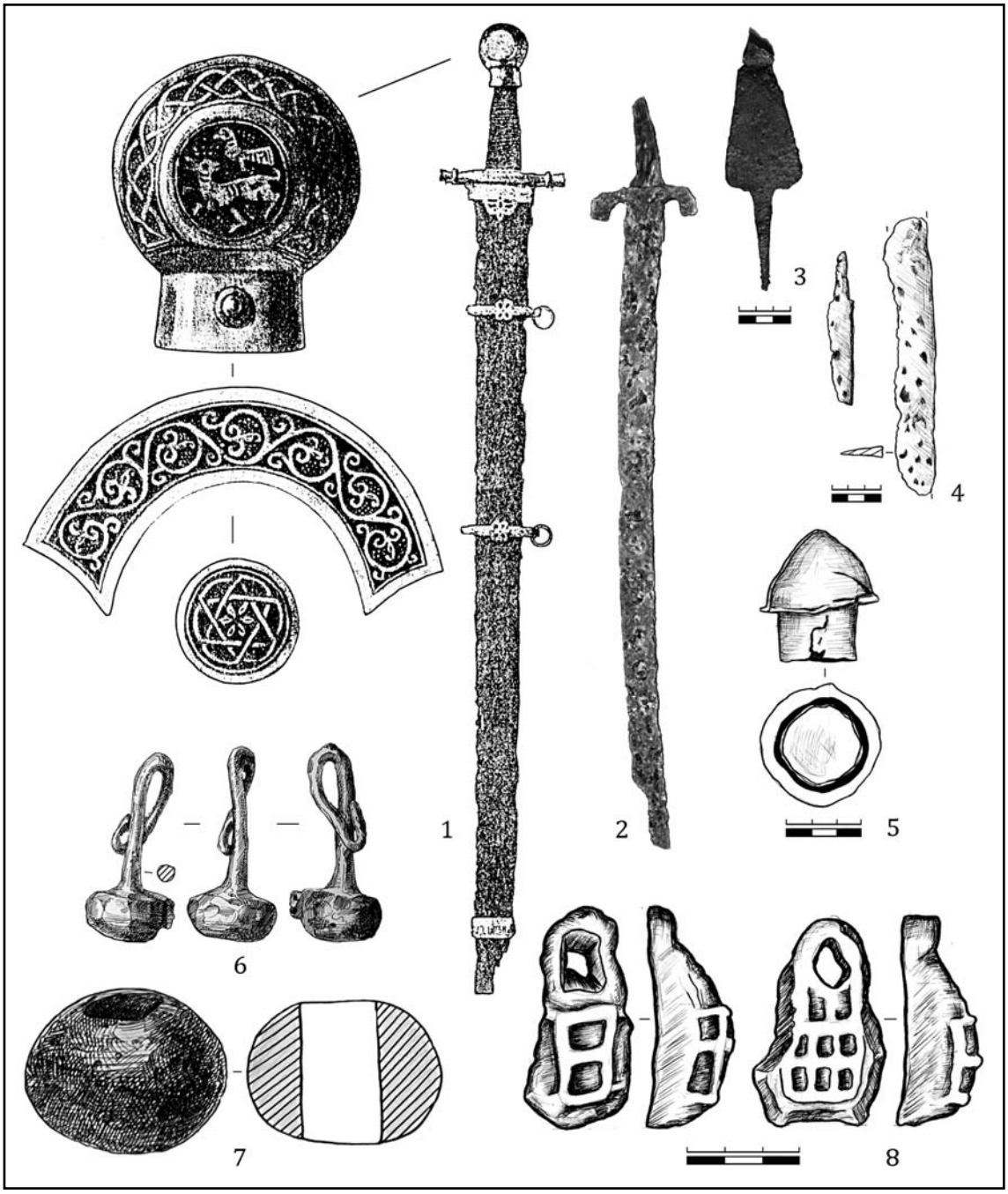


Рис. 18. Предметы золотоордынского времени с памятников среднего течения Северского Донца. 1 — Райгородок (Христивская круча); 2, 3 — Ямполь; 4—8 — Царино.

Fig. 18. Items of Golden Horde time from sites in the middle stream of the Seversky Donets. 1 — Raigorodok (Khristivskaia Krucha); 2, 3 — Yampol; 4—8 — Tzarino.

рис. 2). Половина такого зеркала была найдена Е. П. Трифильевым в 1901 г. в курганном погребении № 2 курганной группы 1 у Нижней Дуванки на р. Красной (Трифильев 1905: 132—133, рис. 9).

Лишь несколько памятников, на которых производились археологические раскопки со вскрытием крупных площадей, можно однозначно классифицировать как кочевья. К числу их относится сезонное стойбище, исследованное в урочище «Казачья Пристань» (рис. 1: 49). Памятник располагался на заливных лугах у места слияния двух крупных рек — Казенного Торца и Северского Донца. Здесь, неподалеку от древнего брода через р. Северский Донец, находится невысокая площадка, представляющая собой единственный участок на этой территории, который за-

Рис. 19. Монеты с Царина городища. 1—28 — медь; 29—40 — серебро.

Fig. 19. Coins from Tzarino fort. 1—28 — copper; 29—40 — silver.

тапливается только во время самых сильных разливов. Площадка у брода, расположенная посреди обширных заливных лугов, использовалась кочевым населением в течение длительного времени для весеннего выпаса скота и, видимо, являлась идеальным местом для такого вида поселений. На ней присутствуют культурные остатки эпохи бронзы, скифо-сарматского, хазарского, золотоордынского времени, которые перекрываются напластованиями городка, построенного здесь в 1684 г., с целью установить контроль над бродом, расположенным в 500 м к востоку от площадки. Культурные остатки золотоордынского времени представляли залегающие в одной плоскости на поверхности па-

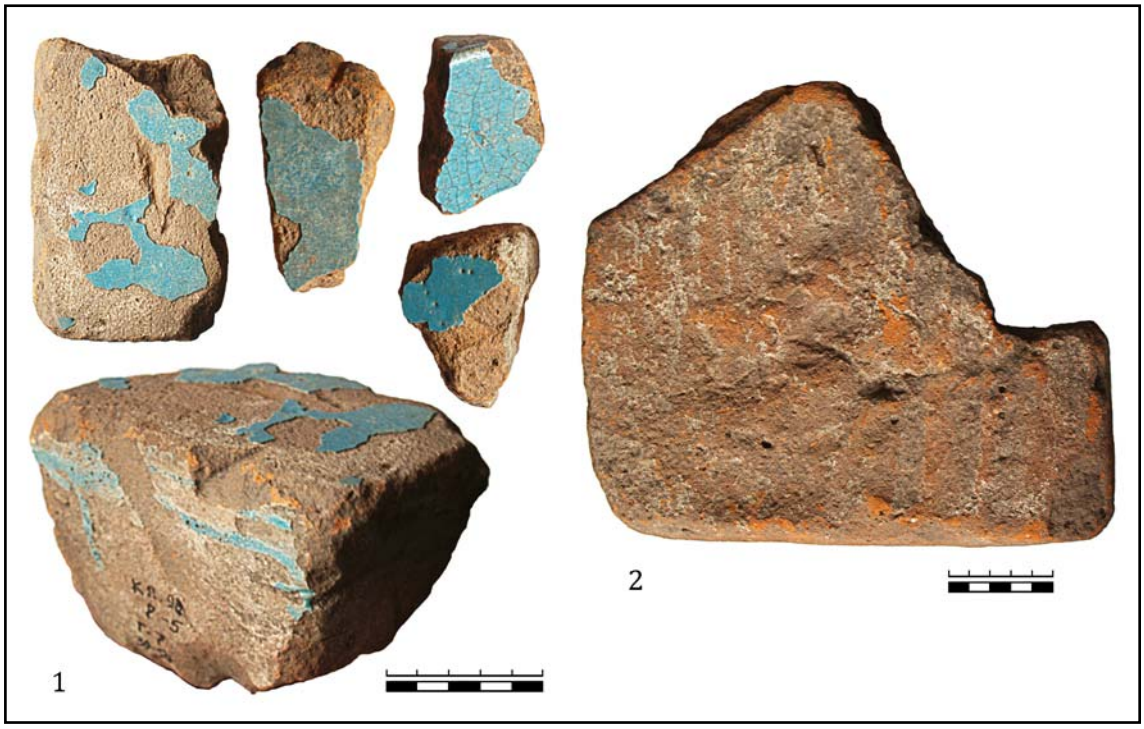


Рис. 20. Поселение Казачья Пристань. Изразцы (1) и кирпич (2), происходящие с Райгородского городка.

Fig. 20. Kazachya Pristan settlement. Tiles (1) and bricks (2) from Raigorodok town.

мятника кости животных и обломки сосудов. Основная часть обнаруженной здесь керамики представлена фрагментами красноглиняных кувшинов. Кроме них, встречены два мелких фрагмента сосудов, покрытых прозрачной зеленой поливой поверх белого ангоба, 4 черешковых наконечника стрел, залегающих в слое на одном уровне с керамикой и костями. Каких-либо сооружений или слоя золотоордынского времени при раскопках данного памятника обнаружено не было. Все монеты (6 экз.) были обнаружены в подъемном материале. Они представлены анонимными анэпиграфными пулами, выпущенными в 60—80-е гг. XIV века (типа рис. 19: 30, 32).

Такого же типа стойбище располагалось и на площадке Сидоровского городища (рис. 1: 59) салтово-маяцкой культуры, с вершины которой открывался прекрасный вид на обширные заливные луга. На площадке памятника хазарского времени было встречено небольшое количество фрагментов золотоордынской керамики, в том числе ручка керамического котла (Кравченко, Давыденко 2001: рис. 44: 4), близкого котлам (XIX группа керамики по Т. А. Хлебниковой), известным на территории Волжской Болгарии (Хлебникова 1988: 38—47; рис. 23; 24). Два фрагмента принадлежали кумганам, покрытым прозрачной зеленой поливой поверх белого ангоба. На площадке городища была вскрыта значительная площадь (более 2000 кв. м.), тем не менее, каких-либо закрытых комплексов XIII—XIV вв. здесь выявлено не было. В 1,5—2 км к северо-востоку от городища располагается поселение с материалами золотоордынского времени. На нем, кроме керамики, были найдены 2 монеты (дирхем и пул) Абдаллах-хана [5].

Среди памятников, оставленных оседлым населением в среднем течении Северского Донца, особый интерес представляет группа поселений с «древнерусской» керамикой, которые вытянуты цепью вдоль реки (рис. 1). Как правило, эти памятники занимают береговые террасы. На поселениях, расположенных в степной части, фрагменты «древнерусских» горшков единичны. Фактически за пределами полосы, прилегающей к руслу р. Северский Донец, пока выявлено только одно местонахождение с культурным слоем, в котором содержится «древнерусская» керамика. Это поселение Карповка 5 (рис. 1: 55), расположенное на высокой надпойменной террасе левого берега р. Бессарабиха, которая является левым

[5] Информация В. В. Давыденко. Монеты в частном собрании.

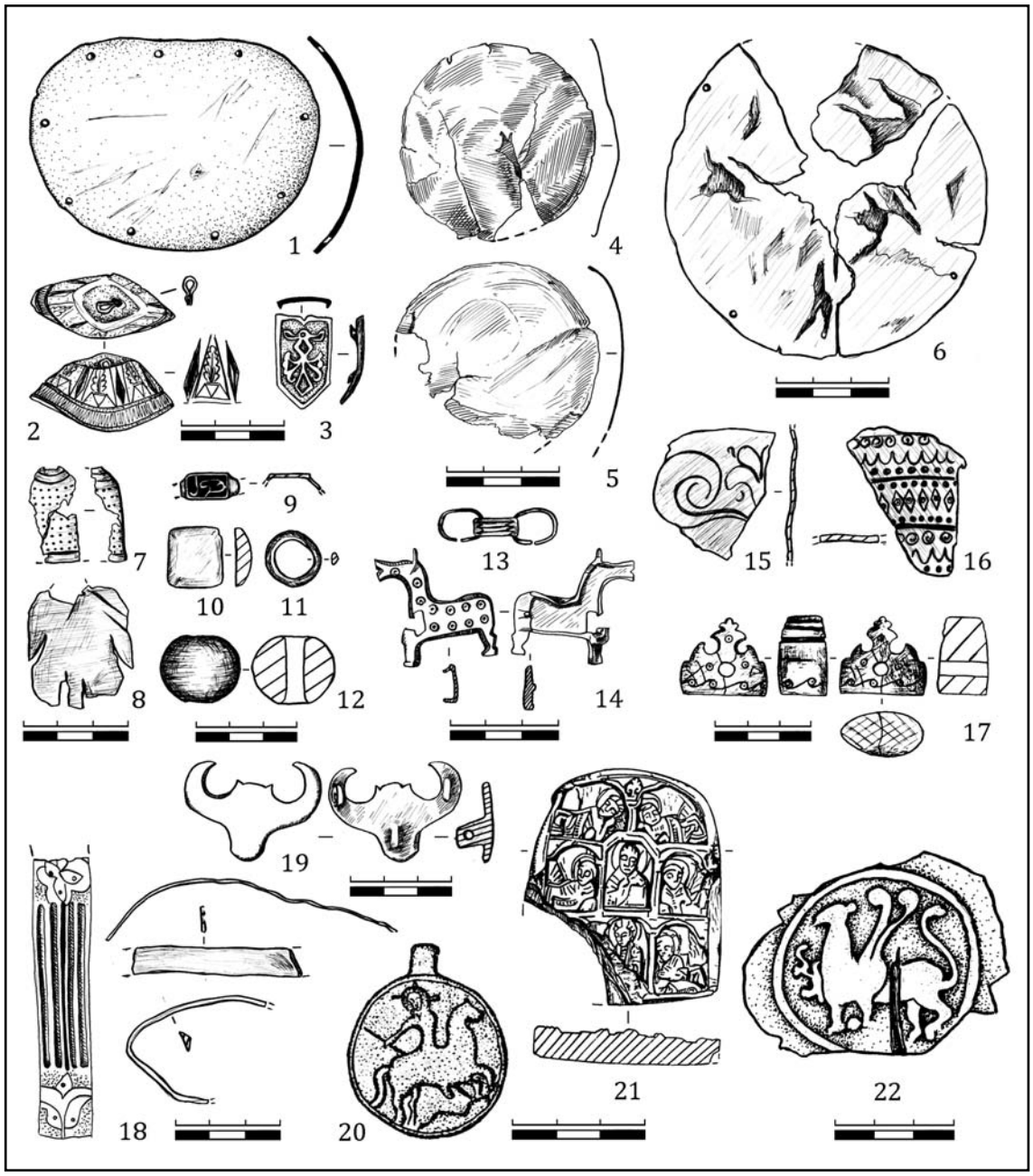


Рис. 21. Предметы с памятников золотоордынского времени. 1—3 — Ямполь; 4—19, 21, 22 — Царино; 20 — Гранитное (по Привалова, Привалов 1988). 1, 2, 4, 5, 7—9, 11, 13, 14, 18—20, 22 — медь; 3 — бронза, эмаль; 6 — свинец; 10 — горный хрусталь; 12 — янтарь; 15, 16 — бронза, золочение; 17 — рог; 21 — камень.

Fig. 21. Items from sites of Golden Horde time. 1—3 — Yampol; 4—19, 21, 22 — Tzarino; 20 — Granitnoe (after Привалова, Привалов 1988). 1, 2, 4, 5, 7—9, 11, 13, 14, 18—20, 22 — copper; 3 — bronze, enamel; 6 — lead; 10 — quartz crystal; 12 — amber; 15, 16 — bronze, gold plating; 17 — horn; 21 — stone.

притоком р. Казенный Торец. Собственно, и от Северского Донца данный памятник находится всего в 4—5 км. Раскопки поселений этого типа дали многочисленный материал, который, тем не менее, не позволяет ответить на многие вопросы. Одним из основных является вопрос о времени существования этих памятников. Наиболее вероятно, данные поселения функционировали с домонгольского времени. По крайней мере, несомненен факт их сосуществования с типичными золотоордынскими памятниками с красноглиняной керамикой. В пользу этого свидетельствует присутствие в их материалах фрагментов золотоордынской красноглиняной посуды, тары, чугуна, монет.

Материальная культура указанных поселений несет на себе отчетливое влияние тради-

ций Древней Руси. Особенно это чувствуется в керамическом комплексе, основная часть которого представлена горшками (рис. 25; 26: 1). Форма и размеры горшков сильно варьируют. Преобладают сосуды приземистых очертаний и, тем не менее, встречаются высокие горшки с корпусом яйцевидной формы. Ряд горшков несет на себе влияние степных традиций, в частности, керамики салтово-маяцкой культуры. Наблюдаются отличия и в керамическом тесте сосудов, и в технике их изготовления. Так, наряду с вытягиванием сосуда с целого куска глины применялся спиральный налеп, а также изготовление отдельных частей сосуда с последующим их соединением. В тесте горшков часто присутствует дресва, тем не менее, довольно часто встречается сильная примесь мелкозернистого песка. Наряду с очень грубо исполненными, почти лепными, сосудами встречается высококачественная гончарная посуда с тонкими стенками и хорошим обжигом. Цвет теста горшков варьирует от серого или розового до практически белого.

Кувшины встречаются намного реже. Фрагментов их сохранилось немного, и реконструировать по ним хотя бы один сосуд невозможно. Среди керамики рассматриваемых нами поселений встречаются и фрагменты краснолощеных гончарных кувшинов, близких находкам на других поселениях золотоордынского времени. Лепных сосудов немного. Это в основном светильники, солонки (рис. 35: 7).

Проживание населения вблизи крупных рек способствовало занятию его рыболовецким промыслом. В культурном слое поселений, заполнении хозяйственных ям и котлованов построек зафиксировано очень большое количество рыбьей чешуи и костей. По всей видимости, рыбная ловля играла очень большую роль в жизни обитателей этих населенных пунктов. В связи с этим довольно частой находкой на поселениях с «древнерусской» керамикой являются лепные яйцевидные грузы для сетей (рис. 35: 2) и рыболовные крючки (рис. 35: 3). В одном случае (пом. 2, раскопа 28 1991 г.) несколько крючков и точильный камушек были уложены под обмазку очага (Кравченко 2000: 80). На территории поселения с «древнерусской» керамикой (пом. 1 раскопа 28 1991 г.) была обнаружена блесна (рис. 35: 10), отлитая из сплава серого цвета, напоминающего по фактуре белую бронзу, которая использовалась для отливки зеркал. В 2005 г. в расположенном неподалеку раскопе 29 была обнаружена меловая формочка для отливки таких блесен.

Интерес представляет тот факт, что на рассматриваемых поселениях практически полностью отсутствует поливная золотоордынская посуда. Даже на поселении, которое прилегает к Царину городищу и, по сути, является его частью, находки поливной керамики представлены единичными фрагментами красноглиняных сосудов, покрытых поверх ангоба прозрачной зеленой поливой. Чаще встречается здесь поливная керамика иного происхождения. Это украшенные прочерченным орнаментом кувшинообразные сосуды, сделанные из теста светло-серого или бледно-розового цвета с большой примесью в тесте мелкозернистого песка (рис. 32: 16—19). О двух из них ясно, что они имели узкое горло. Обработка внутренней поверхности указанных сосудов не качественная. Наружная поверхность также имеет неровности. На покрытых поливой участках встречаются крупные частицы, выступающие из слоя глазури. По поверхности сосудов, покрытых поливой желтого цвета, разбрызганы без всякой системы темно-коричневые пятна. На зеленой поливе присутствует иризация. Полива нанесена без применения ангоба, прямо по черепку сосуда. Орнаментация представлена грубо прочерченными линиями, образующими в верхней части сосуда полосы, которые заполнялись наколами (рис. 32: 17—18). В одном случае у основания горлышка налеплен валик круглой в поперечном сечении формы (рис. 32: 18), напоминающий декор на стеклянных сосудах. Внутренняя часть горлышка, почти до плечиков, также покрывалась глазурью. В целом, по своим характерным особенностям эта керамика напоминает поливную посуду, производимую на южнорусских землях (Макарова 1972: 10). Впрочем, и там, как и на рассматриваемых нами памятниках, эта посуда относится к категории редких находок.

В целом, несмотря на влияние древнерусской керамической традиции, посуда рассматриваемых нами поселений имеет и существенные отличия от керамики Древней Руси. Так, среди сосудов довольно часто встречаются горшки, по пропорциям, орнаментации и тесту напоминающие салтовские. Значительная часть сосудов имеет укороченные шарообразные пропорции. Наряду с вытягиванием сосуда из целого куска глины, встречаются и другие способы формовки: спиральный налеп с дальнейшей подправкой на круге, изготовление отдельно верхней и нижней частей сосуда с последующим их соединением. Все это, вероятно, свидетельствует на присутствие в керами-

ческой традиции жителей рассматриваемых нами поселений, наряду с древнерусским, иных влияний.

В пользу того, что население этих памятников в этническом плане было довольно пестрым, говорит и облик раскопанных на них помещений. Постройки представлены полуземлянками, с печью у одной из стен или открытым очагом в центре. В одном случае отопительным сооружением являлся тандыр, который находился в постройке вместе с печью (Кравченко 2000: 84). Столбовых ям не обнаружено, что может являться показателем в пользу срубной или фахверковой конструкции стен. Зафиксировано использование при отделке помещений известковой обмазки или штукатурки.

В религиозном плане это население (или значительная его часть) было православно-христианским. Об этом свидетельствуют некоторые материалы, встреченные на этих памятниках. Так, на городище у с. Маяки был обнаружен медный золоченый медальон, на котором в технике перегородчатой эмали было выполнено изображение св. Николая (рис. 24: 1; цветная вклейка, илл. 15). По своему характеру данный предмет был близок перегородчатым эмалям южнорусской группы, отличаясь от последних небрежностью исполнения. Этот фактор, характерный декор, представленный S-видными завитками, обрамляющими изображение святого, сходство с эмалями золотоордынского времени (медальон с изображением св. Георгия из Новгорода и др.) (Макарова 1985), также свидетельствовал о более позднем — золотоордынском времени изготовления указанного предмета (Кравченко, Швецов 1995: 70—79). Собственно, новгородский медальон также был найден в слое, датирующемся 20-ми гг. XIV века (Седова 1981: 166—167, рис. 68; 80: 2). Для нас важным представляется тот факт, что данный медальон, вне сомнений, являлся деталью одежды священника высокого сана. То есть, на городище присутствовали представители высшего православного духовенства, что свидетельствует как о статусе указанного населенного пункта, так и о наличии на нем большой православно-христианской общины. Еще одна находка на этом памятнике представлена каменной иконкой с изображением св. Николая и Семи спящих отроков Эфесских (рис. 21: 21). По технике исполнения и стилистическим особенностям она находит параллели среди резных иконок XIII—XIV вв. новгородского производства (Шамрай 1985: 67—70). Нательный крест, близкий древнерусским каменным крестикам, был обнаружен М. Г. Ключневым при раскопках поселения Нижнетеплое на Луганщине (Ключнев 1998: 124—125). Говоря о вероисповедании жителей поселений с «древнерусской» керамикой, следует обратить внимание еще на одну деталь. Днища многих сосудов, происходящих с этих памятников, несут на себе клейма. Основная часть их находит параллели как в керамическом комплексе русских земель, так и в степной керамике более раннего времени. Тем не менее, среди клейм, происходящих с поселения Маяки, выделяется одна характерная группа. По своему виду эти клейма напоминают монограммы, выполненные буквами греческого алфавита (рис. 26: 2).

Возле одного из таких поселений (Зливки) был обнаружен относящийся к памятнику христианский могильник. Данный объект был отнесен М. Л. Швецовым к домонгольскому времени (XII—XIII вв.). При этом, указывалось о находках предметов более позднего периода, как на некрополе (поливная кашинная вставка), так и на прилегающем к кладбищу поселении (фрагменты чугунных котлов) (Швецов 1991: 111, 117—121), что свидетельствует о существовании данного населенного пункта и в золотоордынское время. По всей видимости, близкого типа могильник прилегает и к «древнерусскому» селищу у Царина городища. В 80-х годах XX в. через восточную окраину этого поселения (к северу от раскопов 28, 30 и к востоку от раскопа 29) была проложена траншея водовода, которая прорезала группу захоронений, произведенных в деревянных гробовищах. Неподалеку от этого места, в восточной части раскопа 28, в 1991 г. было обнаружено детское погребение, которое могло относиться к этому же некрополю. Раскопки указанного объекта не производились, и каких-либо дополнительных сведений о нем нет.

Среди прочих памятников в среднем течении Северского Донца выделяется два крупных центра, которые резко отличались от окрестных поселений, как размерами, так и материалом. Это группа объектов у пгт. Райгородок и археологический комплекс у с. Маяки. Последний более известен в литературе как Царино городище (рис. 1).

О памятниках у Райгородка (рис. 1: 2) имеется немного сведений. Археологические исследования объектов, обнаруженных здесь в начале XX в., не производились. В дальнейшем же окрестности этого населенного пункта стали зоной активной хозяйственной деятельности, в результате которой боль-

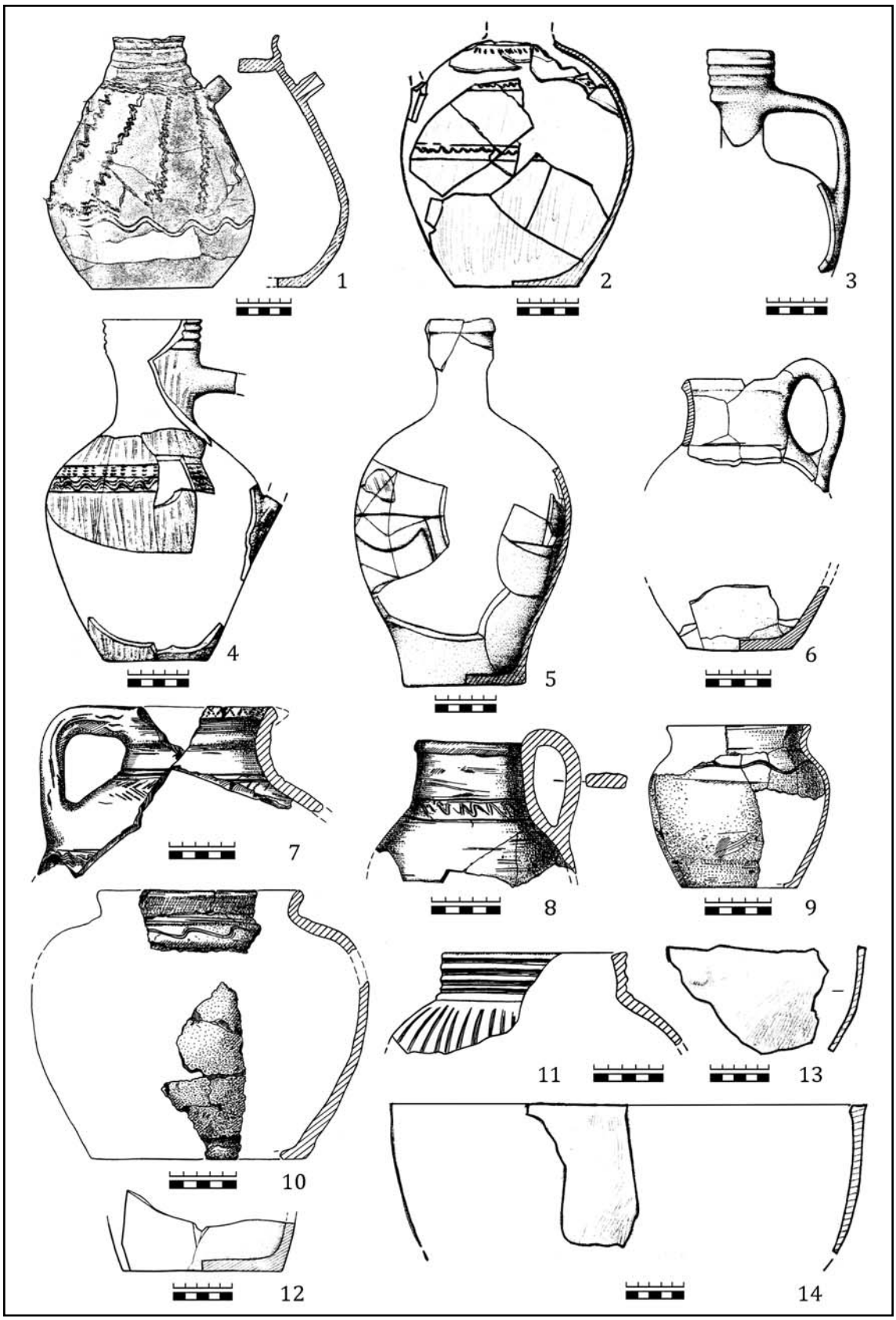


Рис. 22. Царино городище. Посуда. 1—12 — керамика; 13—14 — чугун (1—6, 11—14 — по Швецов, Кравченко 1989; 7—10 — по Кравченко 2000: рис. 5).

Fig. 22. Tzarino fort. Vessels. 1—12 — ceramics; 13, 14 — casting iron (1—6, 11—14 — after Швецов, Кравченко 1989; 7—10 — after Кравченко 2000: рис. 5).

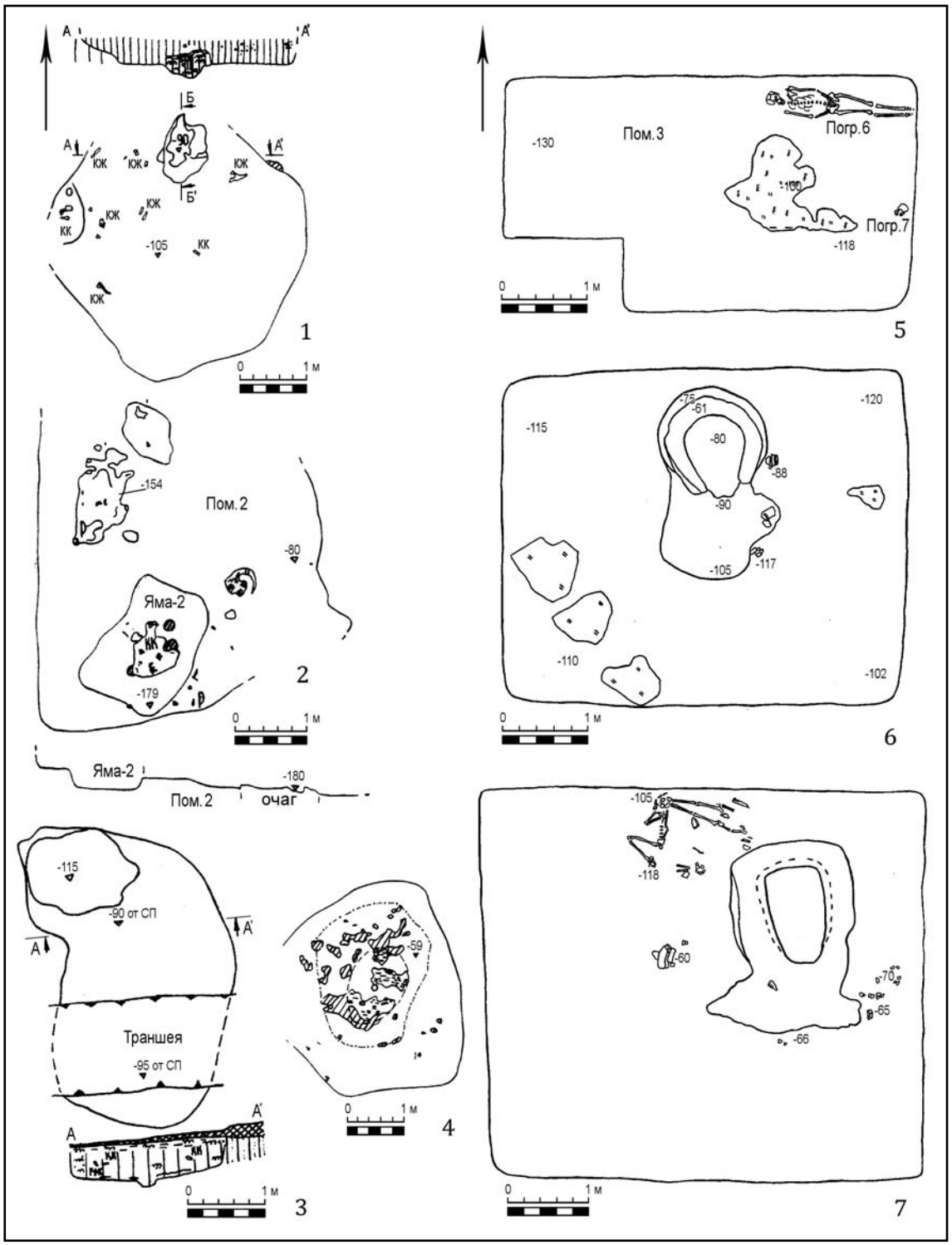


Рис. 23. Царино городище. Постройки поселения с «древнерусской» керамикой. 1 — пом. 3 (1991 г.); 2 — пом. 2 (1991 г.); 3 — пом. 5 (1991 г.); 4 — пом. 1 (1991 г.); 5 — пом. 3 (2005 г.); 6 — пом. 1 (2005 г.); 7 — пом. 2 (2005 г.).

Fig. 23. Tzarino fort. Buildings on the settlement with 'Early Russian' ceramics. 1 — structure 3 (1991); 2 — structure 2 (1991); 3 — structure 5 (1991); 4 — structure 1 (1991); 5 — structure 3 (2005); 6 — structure 1 (2005); 7 — structure 2 (2005).

шая часть расположенных здесь поселений была полностью или частично уничтожена. В результате этих работ местность вокруг Райгородка изменилась до неузнаваемости, а попытки локализовать старые топонимы, к которым привязывали археологические объекты авторы начала XX в. (Христивская круча, ветряная мельница Савченко и т. д.), путем опроса местного населения не увенчалась успехом. Меловым карьером, располо-

Рис. 24. Предметы с памятников среднего течения Северского Донца. 1 — Царино городище; 2 — гора Кремянец; 3 — Теплинское городище (1 — по Кравченко, Швецов 1995: рис. 1; 2 — по Сибилев 1926: 1, табл. XL: 3) (цветная вклейка, илл. 15).

Fig. 24. Items from sites in the middle stream of the Seversky Donets. 1 — Tzarino fort; 2 — Mount Kremyanets (after Сибилев 1926); 3 — Teplinskoe fort. (1 — after Кравченко, Швецов 1995: рис. 1; 2 — after Сибилев 1926: 1, табл. XL: 3) (color plate, ill. 15).

женным выше озера Маяцкое, был полностью уничтожен высокий мыс коренного правого берега Северского Донца, площадка которого возвышалась над уровнем поймы на высоту 80—100 м. Он занимал господствующее положение над обширными пойменными лугами, находящимися у места слияния Казенного Торца и Северского Донца. В данной местности это была единственная площадка, с топографией, характерной для средневековых городищ этого региона. В процессе работ здесь был разрушен инвентарный могильник салтово-маяцкой культуры и курганные захоронения эпохи бронзы. Последние, скорее всего, происходили из курганов, на которых в нач. XX в. вел исследования В. А. Городцов (Городцов 1905б: 260—263). Местные жители сообщали о многочисленных находках при

разработке Райгородского карьера. Среди обнаруженных здесь предметов упоминаются монеты, фрагменты керамической посуды, железные вещи и какие-то «круглые бляхи с рисунками» (зеркала?). Данные предметы были переданы находчиками в коллекцию директора Райгородского мелового карьера. После его смерти коллекция была распродана и нынешнее местонахождение происходящих из нее вещей неизвестно. Вполне вероятно, что поселение, расположенное на площадке мыса наряду со слоем салтово-маяцкой культуры, могло содержать и напластования золотоордынского времени. В свое время автор данной работы придерживался точки зрения, что именно на этой площадке располагалось Райгородское городище (Кравченко 2004: 247—248). Реально же памятник находился в урочище «Городок», в долине р. Казенный Торец, на южной окраине поселка.

В долине, в окрестностях нынешнего населенного пункта, также велись мощные земляные работы, полностью изменившие характер местности. В 50—70-е гг. XX в. здесь строились: плотина на р. Северский Донец, ветка канала Северский Донец — Донбасс, группа отстойников Славянской ТЭС. При этом было спрямлено русло реки Казенный Торец, по обе стороны которого соорудили крупные водохранилища. Существуют неясности и в описаниях исследователей, сообщавших о расположенных на этой территории памятниках. Так, в статье Д. И. Багалея даются лишь суммарные сведения, не позволяющие точно локализовать место обнаружения поселения с кирпичными сооружениями (Багалей 1905: 56—57). В статье священника Райгородской церкви — отца Спесивцева упоминаются как «жилища кочевников, расположенные к западу от Райгородка, так называемое Городище», так и «татарское селище вблизи Райгородка» (Спесивцев 1905: 153—156). Именно на нем упоминаются находки «кирпичей из построек». Тем не менее, на карте, которая прилагалась к статье значок, обозначающий «жилища татар и следы их каменных построек» стоит именно на «Городище», которое данный исследователь помещает к западу от Райгородка.

Более определенно звучит сообщение В. А. Городцова, который локализует татарские кирпичные постройки в местности, именуемой «Городок», в 2-х верстах к югу от Райгородка. Он указывает, что «следов укреплений здесь никаких нет. Во время обработки земли всюду выпахиваются древние кирпичи, какие-то кирпичные фундаменты (?) небольших зданий, изразцы и множество серебряных и медных монет татарских ханов… В южном конце поля «Городка» существует холм довольно значительных размеров. Лет пять тому назад Райгородские крестьяне-кладоискатели раскопали двумя параллельными траншеями средину холма, и нашли в нем сплошную массу цельного и битого кирпича, плитчатый пол какого-то здания, несколько десятков прекрасных изразцов голубого, синего и белого цвета, и, наконец, каменное крыльцо или паперть, ведущую в здание с южной стороны. Холм, заключающий остатки здания, окружается земляным валом, от которого сохранились ясные следы…» (Городцов 1905в: 263).

Таким образом, о размерах и характере этого населенного пункта, равно как и о его местонахождении, ныне можно лишь догадываться. Не ясно даже, являются ли «Городище» и «Городок» одним памятником, или это два разных объекта. Пока же разведки, ставившие целью выявить какие-либо остатки этого населенного пункта, не дали результатов.

Материалы, связанные с «Городком», расположенным в долине Казенного Торца, были обнаружены во время раскопок городка Казачья Пристань, который находился в пойме, в 3-х км к востоку от Райгородка. Население этого городка использовало расположенные неподалеку от него руины золотоордынского памятника в качестве каменоломни. В конструкции сооружений Казачьей Пристани встречались обломки стенок горнов (скорее всего, металлургических), имеющие сквозной прокал на глубину до 30—40 см, и довольно много обожженного кирпича (рис. 20: 2), целые экземпляры которого имели размеры 22/24 × 22/24 × 4,5/5 см (Кравченко, Цимиданов, Кузин 1998). Близкие размеры имеют кирпичи сооружений золотоордынского времени на территории Золотой Орды (Егоров, Федоров-Давыдов 1976: 81; Егоров, Полубояринова 1974: 46; Мухаммадиев 1974: 81). Часть обломков «поливных кирпичей» оказалась фрагментами изразцов, внешняя поверхность которых имела покрытие непрозрачной бирюзовой глазурью (рис. 20: 1). Близкие изразцы происходят с мавзолея у пос. Красный Воронежской области России (Цыбин 2007: 114), а также из Маджара, где, по мнению И. В. Волкова, они и производились (Волков 2007: 35—36, рис. 3: 6).

Особый интерес вызывает сообщение о находке в районе Райгородка меча с арабской надписью. Судя по описанию В. Спесивцева, предмет был вымыт весной 1898 г.

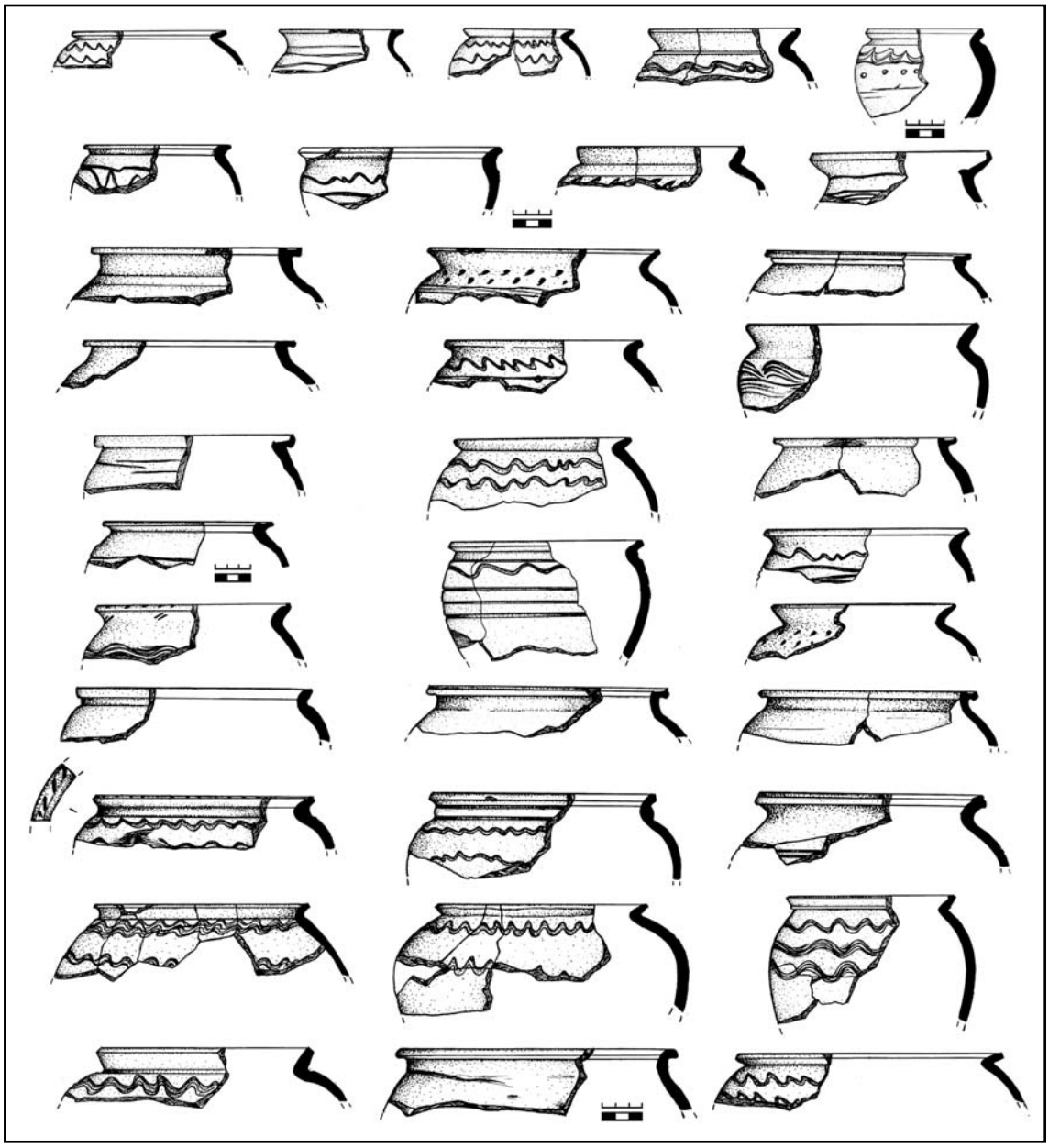


Рис. 25. Поселение с «древнерусской» керамикой на Царином городище. Керамика из построек XIV в.

Fig. 25. Settlement with "Early Russian" ceramics on Tzarino fort. Ceramics from buildings of 14th c.

в урочище Христивская (или Христова) круча (ОАК 1898: 84—87). Судя по наличию на предмете скоб, меч в момент попадания в землю находился в ножнах. Он имел серебряный эфес и обвитую серебряными нитями рукоять. Навершие было украшено черненым изображением соколиной охоты (рис. 18: 1). На скобах от ножен имеется надпись с именем эмира Гийас ад-Дина. По своей форме меч напоминает европейские образцы (VI тип), который А. Н. Кирпичников относит к XIII—XIV вв. (Кирпичников 1966: 55—56, табл. XXX: 3). Не противоречит этой датировке и характер декоративного оформления. Так, изображение соколиной охоты на зайца выполнено на сетчатом фоне, что, согласно В. П. Даркевичу, характерно для восточного металла XII—XIII вв., а особенно XIV в. (Даркевич 1976: 115). Близкие варианты плетенки изображенной на навершии, представлены на золотоордынских зеркалах XIV века.

Еще один предмет вооружения был обнаружен в окрестностях Райгородка в 1954 г. директором Донецкого музея В. М. Евсеевым. Он представляет собой характерный боевой топор и относится к интересующему нас периоду (Каталог 1993: 56, рис. 69: 3). К сожа-

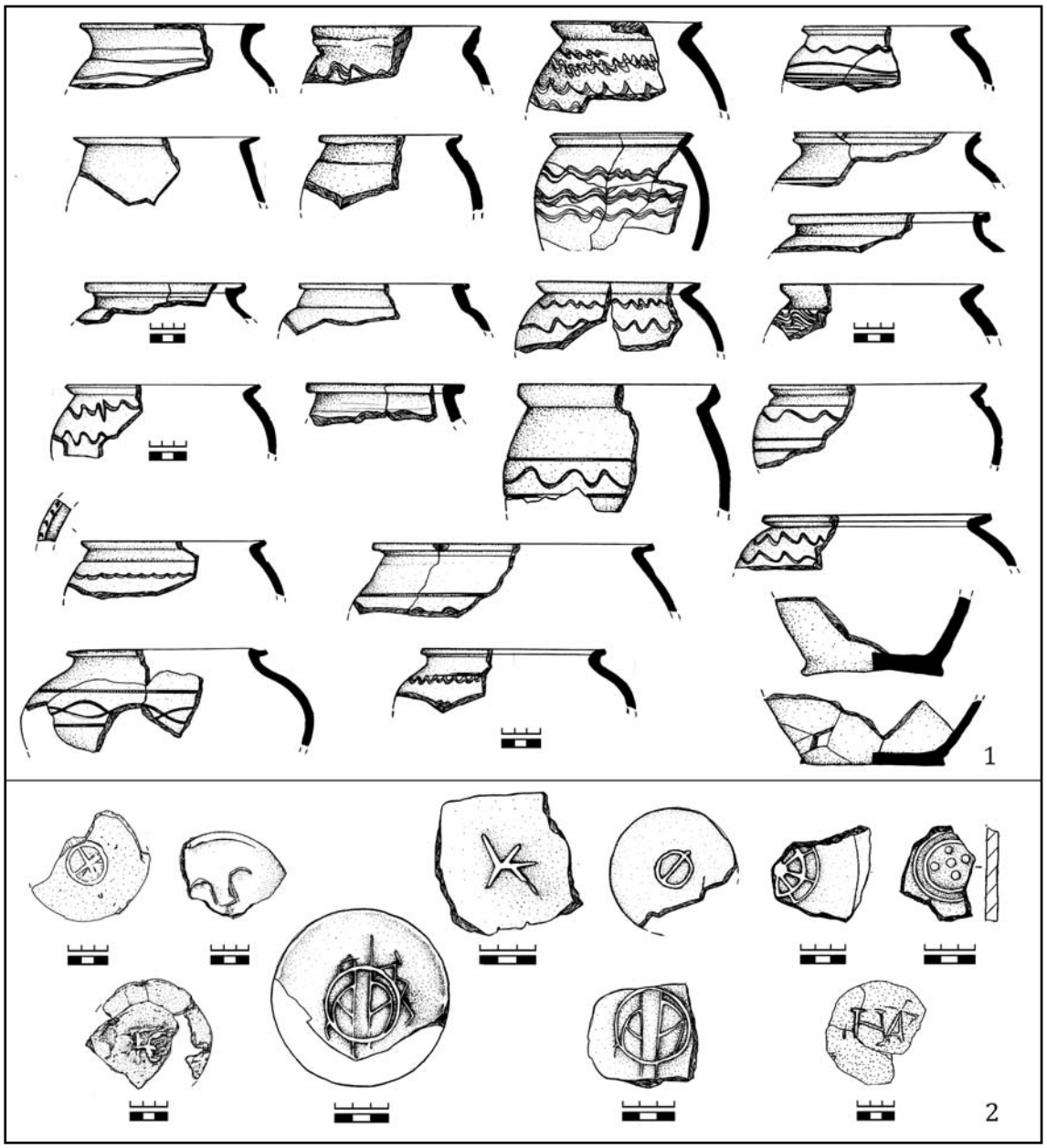


Рис. 26. Поселение с «древнерусской» керамикой на Царином городище. 1 — керамика; 2 — клейма на днищах сосудов.

Fig. 26. Settlement with 'Early Russian' ceramics on Tzarino fort. 1 — ceramics; 2 — stamps on bottoms of vessels.

лению, точное место данной находки не известно.

Таким образом, материалы, происходящие из окрестностей Райгородка, свидетельствуют, что этот памятник представлял собой остатки крупного центра, имеющего среди прочих большую общественную постройку (возможно, мечеть или мавзолей).

Значительно больше информации мы имеем о расположенном в 4 км выше по течению реки Северский Донец археологическом комплексе у с. Маяки (рис. 1: 1). Памятник занимает мыс высокого коренного правого берега Северского Донца, у места впадения в реку крупной, заросшей лесом, балки — Ложникова яра. С западной стороны территория археологического комплекса ограничена еще одной балкой, в которой расположено современное с. Маяки. В хазарское время была заселена только часть данной площади, огражденная валом, рвом и эскарпами со стороны реки Северский Донец. В XIII—XIV вв. площадь памятника увеличилась как минимум в 3 раза. Не ясно, имел ли он в это время какие-либо укрепления. В пользу того, что какие-то оборонительные сооружения на зо-

лотоордынском населенном пункте все же были, может свидетельствовать наличие на юго-западной окраине городища слабо выраженного углубления с валообразным возвышением. За ним находки подъемного материала резко исчезают.

В целом археологический комплекс у с. Маяки (Царино городище) выделяется из всех золотоордынских поселений интересующего нас региона как своими размерами (площадь около 70 га), так и многочисленным ярким материалом. Уже первые исследователи этого памятника — А. И. Абрамов, Н. В. Сибилев (Сібільов 1950) и В. К. Михеев (Михеев 1985: 18) сообщают о наличии на городище материалов золотоордынского времени. В частности, в отчете В. К. Михеева за 1970 г. упоминается о находке в подъемном материале на территории городища фрагментированной бронзовой бляхи или медальона с изображением грифона (рис. 21: 22) (Михеев 1970: 15, табл. XIX). Несмотря на то, что об этих находках было известно давно, в научной литературе памятник фигурировал как городище салтово-маяцкой культуры.

В 1976 и 1978 гг. при исследованиях могильников, расположенных на южной окраине городища, был обнаружен прилегающий к памятнику мусульманский некрополь. Авторы раскопок отнесли его к хазарскому времени (Копыл, Татаринов 1979: 267—273; 1990: 52—71). Исследования могильника были продолжены в 1988—1989 гг. Полученные в процессе их материалы позволили отнести мусульманский некрополь к золотоордынскому периоду существования памятника (Кравченко, Швецов 1990: 22—24). В пользу такого вывода свидетельствовал ряд наблюдений. Так, мусульманские могилы были впущены из верхнего слоя почвы, прорезав при этом напластования хазарского времени. Два мусульманских захоронения (погр. 46 и 48) прорезали ямы, относящиеся к салтово-маяцкой культуре (кремации?). В заполнении погр. 43 был зафиксирован обломок жженного золотоордынского кирпича. В целом погребения на некрополе были произведены в ямах различной конфигурации (с заплечиками вдоль длинных стенок, с подбоями и с прямыми стенками). Количественно преобладают ямы с заплечиками (у взрослых 52%). На втором месте находятся ямы с прямыми стенками (28%). Ям с подбоем немного (у взрослых 4%). Они более характерны они более для детских захоронений. В ямах этого типа погребены около 60% детских захоронений данного некрополя. В одном случае (погр. 41) в могиле было уложено друг над другом 2 скелета (один в камере, другой на уровне заплечиков). Инвентарь в мусульманских захоронениях отсутствовал полностью; лишь в одном погребении (погр. 39) лежали в районе пояса 3 железных пряжки. Значительный процент захоронений (более 20%) имеет отклонения от основного требования мусульманской погребальной обрядности — поворот лица покойника к югу. В них погребенные лежат лицом вверх (20%) или на север (2%). Подобные захоронения были квалифицированы авторами публикации, как языческие (со знаком вопроса) (Ходжайов, Швецов 1992: 77). Такое определение их представляется неправомерным. Расположение могил на мусульманском кладбище Маяк однозначно свидетельствует в пользу того, что здесь мы имеем дело с единым некрополем. Мусульманские каноны запрещали захоронения мусульман на немусульманском, равно как и немусульман на мусульманском кладбищах (Хисматуллин, Крюкова 1997: 78). Что же касается всевозможных отклонений от требований мусульманской погребальной обрядности, то они представляют характерное явление для некрополей Золотой Орды. Процент таких захоронений очень высок даже в городах Поволжья (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987: 152—153).

Меньше данных имеется о собственно жилой части золотоордынского городища. На его распаханной поверхности в течение длительного времени производился регулярный сбор подъемного материала. Среди находок — керамика, предметы из черных и цветных металлов, бусы, фрагменты зеркал, предметы христианского культа, монеты. К сожалению, далеко не всегда с полной уверенностью предметы можно определенно отнести к тому или иному этапу существования данного памятника, который функционировал как в VIII—X, так и в XIII—XIV веках, а если учитывать расположенное на берегу р. Северский Донец поселение (которое является частью этого комплекса), то в течении всей эпохи средневековья. Особенно это касается предметов, изготовленных из железа, в большом количестве представленных в подъемном материале на Царином городище. Так, не совсем понятно, все ли многочисленные тесла-мотыжки, обнаруженные на данном поселении, относятся к хазарскому времени. То же можно сказать и о некоторых типах наконечников стрел, дротиков, копий и т. д.

В целом, среди предметов из черного металла представлены как заготовки, так и гото-

вые предметы — бытовые вещи, орудия труда, оружие. Основная часть последних репрезентирована наконечниками копий, дротиков (рис. 36: 1—3, 5—6) и стрел (рис. 36: 7), обломками сабельных клинков. Среди находок присутствует булава (близкая обнаруженным в могильнике Ляпинская Балка) (рис. 18: 7) и кистень (рис. 18: 6). В подъемном материале на городище были встречены фрагменты клинков ножей крупного размера (рис. 36: 9), которые также могли использоваться в качестве боевых. Интересна находка в подъемном материале конского шипа (рис. 38: 5). Из предметов конского снаряжения на памятнике встречались всевозможные пряжки и кольца (рис. 38: 2), двусоставные удила и стремена, как правило, фрагментированные. Интересны фрагменты подков (рис. 38: 1), близких по типу находкам на других памятниках указанного периода.

Довольно многочисленны бытовые предметы и орудия труда. Среди них земледельческие орудия — чересла, лемеха от тяжелых плугов, серпы. Один серп (рис. 39: 8) был найден в заполнении хозяйственной ямы, расчищенной на пролегающей через территорию городища грунтовой дороге. К земледельческим орудиям относилась и часть крупных тесел-мотыжек.

Группа железных орудий, собранных на городище, служила для обработки дерева. Среди них сверла различных размеров (рис. 39: 7), струг (рис. 39: 9), обнаруженный в хозяйственной яме вместе с серпом, керамикой и пулом 2-й пол. XIV в., часть тесел. Особенно это касается тесел с желобчатыми лезвиями, которые, вне сомнений, служили для обработки древесины. Интерес представляет крупная пила (рис. 39: 10), поднятая с поверхности памятника в той его части, где присутствуют только материалы золотоордынского времени. Еще одна маленькая пилка была обнаружена в 1991 г. в пом. 4 раскопа 28 (Кравченко 2000: рис. 10: 11) вместе с фрагментами чугунных котлов, что свидетельствует об отношении этой постройки к золотоордынскому времени. Собственно, указанная пилка, скорее всего, использовалась для обработки кости. В пользу этого свидетельствуют ее малые размеры и мелкие зубья. Наиболее вероятно, рассматриваемый нами предмет был близок пилке из Старой Рязани, опубликованной Б. А. Колчиным (Колчин 1953: 118, рис. 85).

Ряд предметов имел отношение к кузнечному делу. Среди них представлены многочисленные заготовки, железные молоты (рис. 37: 2—4), пробойцы, зубила, наковальни (рис. 37: 5), обломок напильника (рис. 35: 8). Интерес представляет находка калибровальных досок, которые служили для протяжки проволоки (рис. 39: 6).

Значительное количество находок представлено предметами бытового назначения. Среди них многочисленные железные трубчатые замки (рис. 37: 1), ключи (рис. 35: 9; 39: 5), ножи (рис. 35: 5; 36: 8), калачевидные кресала (рис. 38: 4), фрагменты цепей (рис. 38: 3), скоб, бляшка (рис. 35: 1) и булавка с кольцевидным завершением (рис. 35: 4).

Интерес представляют предметы, имеющие отношение к торговле. Так, кроме монет, на городище встречены находки гирь. Часть их изготовлена из цветных металлов (рис. 39: 3), часть же из железа (рис. 39: 1—2) или чугуна (рис. 18: 8). Среди железных предметов обращает на себя внимание находка крупной гири с весов-безмена, близкой гирям, встреченным на других памятниках, в частности, в Новгороде (Колчин 1953: 164—165, рис. 137).

Многочисленные находки изделий из чугуна в основном представлены фрагментами чугунных котлов (рис. 22: 13—14; 35: 11—17). Они присутствуют практически во всех комплексах. Несмотря на то, что все находки представляют собой фрагменты, ясно, что типология чугунных котлов, представленных на памятнике, была довольно разнообразна. Среди них были как большие котлы, так и малые котелки, с прямыми стенками и профилированные, с ручками-петлями и ручками-уступами, круглодонные и плоскодонные (Кравченко, Швецов 1992: 18—25). Тем не менее, из чугуна изготавливались не только котлы. В подъемном материале на памятнике присутствуют чугунные гири (рис. 18: 8) и даже чугунная бита, отлитая в виде коровьего астрагала. Показательно, что многие предметы имеют необработанные швы, на некоторых встречаются не убранные литки. Среди находок на городище довольно часты всплески металла. Вышеперечисленное свидетельствует, что здесь в золотоордынское время функционировали чугунолитейные мастерские (Кравченко, Швецов 1992).

Предметов из цветных металлов также довольно много. Они представлены как бытовыми предметами, так и украшениями. Бытовых предметов меньше. Это наперсток (рис. 21: 7), литой бронзовый светильник (рис. 35: 6), замочек в виде лошадки (рис. 21: 24). Днище от бронзовой массивной литой граненой ступки относится к числу восточных импортов. Близкого типа ступки, которые В. П. Даркевич относит к числу малоазийских импортов, из-

вестны в материалах Херсонеса, в Сахновке и армянском замке Амберд (Даркевич 1976: 132, табл. 47). Имеются находки таких предметов и на Средней Волге (Руденко 1992: 79—80). Довольно многочисленны находки обломков зеркал, представленных обычными типами, встречающимися на памятниках золотоордынского времени (Федоров-Давыдов 1966: 79—84; Руденко 2004) (рис. 14: 29—32, 34—40). Некоторые экземпляры (рис. 9: 3) представляют отливку по оттиску с другого предмета и, скорее всего, являются продуктом местного производства. О наличии на памятнике мастерских по обработке меди свидетельствуют многочисленные находки в подъемном материале на поселении обрезков медных листов, медных шлаков, всплесков, слитков, заклепок. В целом, все эти вещи имеют многочисленные аналоги на памятниках золотоордынского времени других территорий.

Украшения многочисленны. Среди них — перстни (рис. 21: 9), обрывки цепочек (рис. 21: 13), нашивные медные (рис. 21: 4—5) и свинцовые (рис. 21: 6) бляхи, детали поясных наборов (рис. 21: 19; 39: 38), пуговицы (рис. 39: 37), целые и фрагментированные бубенцы (рис. 39: 36), навершие рукояти трости (рис. 18: 5), сделанное из медного листа. Среди находок присутствуют фрагментированные медные золоченые пластины, украшенные гравированным орнаментом (рис. 21: 15—16).

Небольшая группа находок представлена медными браслетами. Основная их часть имеет гладкую внешнюю поверхность. Некоторые браслеты несут на себе орнаментацию. Один из них украшен гравированным орнаментом, изображающим то ли трилистник, то ли стилизованную львиную морду (рис. 21: 18). Второй браслет (рис. 9: 3) декорирован эпиграфическим орнаментом[6]. Еще один имеет на поверхности рельефную надпись, разделенную «узлом счастья» (рис. 9: 10). Браслетам указанного типа посвящена статья И. В. Волкова (Волков 2002). Автор указывает, что этот тип браслетов представлен относительно небольшим количеством находок, география которых весьма широка: Анапа, Новохарьковский могильник, Волжская Болгария (Волков 2002: 106—108). Наша находка дополняет этот список.

Особенный интерес представляет находка на городище небольшой овальной серебряной пластины с тремя отверстиями (одно в верхней части, два — в нижней). Внутренняя вогнутая часть пластины лишена изображений. На внешней же выпуклой ее стороне изображена тамга, идентичная тамгообразным знакам анонимных анэпиграфных пулов 80-х гг. XIV в. (рис. 14: 9), доминирующих среди монетных находок на рассматриваемой нами территории. Прямых аналогов указанному предмету найти не удалось. Тем не менее, известны близкого вида пластины с изображением государственного герба в России петровского времени. Представляется, что указанная пластина могла использоваться при опечатывании грамот или иных документов.

Довольно многочисленны и предметы культа. Выше говорилось о медном позолоченном медальоне с перегородчатыми эмалями, который был найден на городище в 1983 г. (рис. 24: 1). В последние годы на памятнике была собрана достаточно выразительная коллекция христианских крестов, близких предметам, встречающимся на памятниках золотоордынского времени на Нижнем Дону и в Поволжье (Шамрай, Соловкин, Филиппов 2009: 56—60; 2010: 49—54). На площадке городища среди прочих вещей была подобрана небольшая фигурка, вырезанная из листа меди (рис. 21: 8). Подобные предметы встречаются на золотоордынских памятниках и свидетельствуют о присутствии на них язычников (Федоров-Давыдов 1981: 231, рис. 98: 6).

В подъемном материале на памятнике встречено довольно много бусин и всевозможных вставок. Для их изготовления использовались как минералы (янтарь, сердолик, горный хрусталь), так и прозрачное и непрозрачное стекло различных цветов. Форма бусин разнообразна: круглые, овальные, цилиндрические, биконические экземпляры (рис. 39: 11, 15, 18, 27—35). Некоторые бусины декорированы глазками (рис. 39: 29, 34, 35). Отдельные экземпляры имеют огранку, иногда довольно грубую (рис. 39: 18, 28, 32). Среди находок довольно много вставок круглой, овальной или прямоугольной формы (рис. 39: 12, 13—14, 16—17, 19—24, 26). Материалом для них служил горный хрусталь, а иногда просто белое или цветное (синее) стекло. При раскопках на территории прилегающего к городищу поселения с «древнерусской» керамикой в заполнении построек были встречены мелкие фрагменты стеклянных браслетов. Все они очень плохо сохранились и были изготовлены из стекла светло-зеленого, иногда с желтизной, цвета (Кравченко 2000: 80, рис. 7: 11).

[6] Определение И. В. Волкова.

Рис. 27. Царино городище. Фрагменты красноглиняных сосудов, покрытых зеленой поливой (цветная вклейка, илл. 17).

Fig. 27. Tzarino fort. Fragments of red clay vessels covered by green glaze (color plate, ill. 17).

С территории Царина городища происходит самая крупная в регионе коллекция поливной посуды, представленная в основном фрагментами красноглиняных сосудов крымского производства. Типология их разнообразна. Это обломки кумганов, чаш, мисок, аптекарских сосудов, туваков, чернильница (рис. 11: 24). Среди них абсолютно преобладают фрагменты сосудов, покрытых прозрачной зеленой поливой по-

Рис. 28. Царино городище. Фрагменты красноглиняных сосудов, покрытых зеленой поливой (цветная вклейка, илл. 17).

Fig. 28. Tzarino fort. Fragments of red clay vessels covered by green glaze (color plate, ill. 17).

верх белого ангоба (рис. 27; 28: 1; цветная вклейка, илл. 17). Обломки их представляют около 60% всей поливной керамики, обнаруженной на памятнике. Около 6% составляют фрагменты сосудов (в основном — мисок) украшенных гравировкой по ангобу под прозрачной зеленой поливой (рис. 28: 2). Сосудов, украшенных росписью белым под прозрачной зеленой поливой (рис. 28: 3) чуть меньше, около 4%. Совсем немного (около 1%) фрагментов монохромных чаш, покрытых непрозрачной зеленой глазурью.

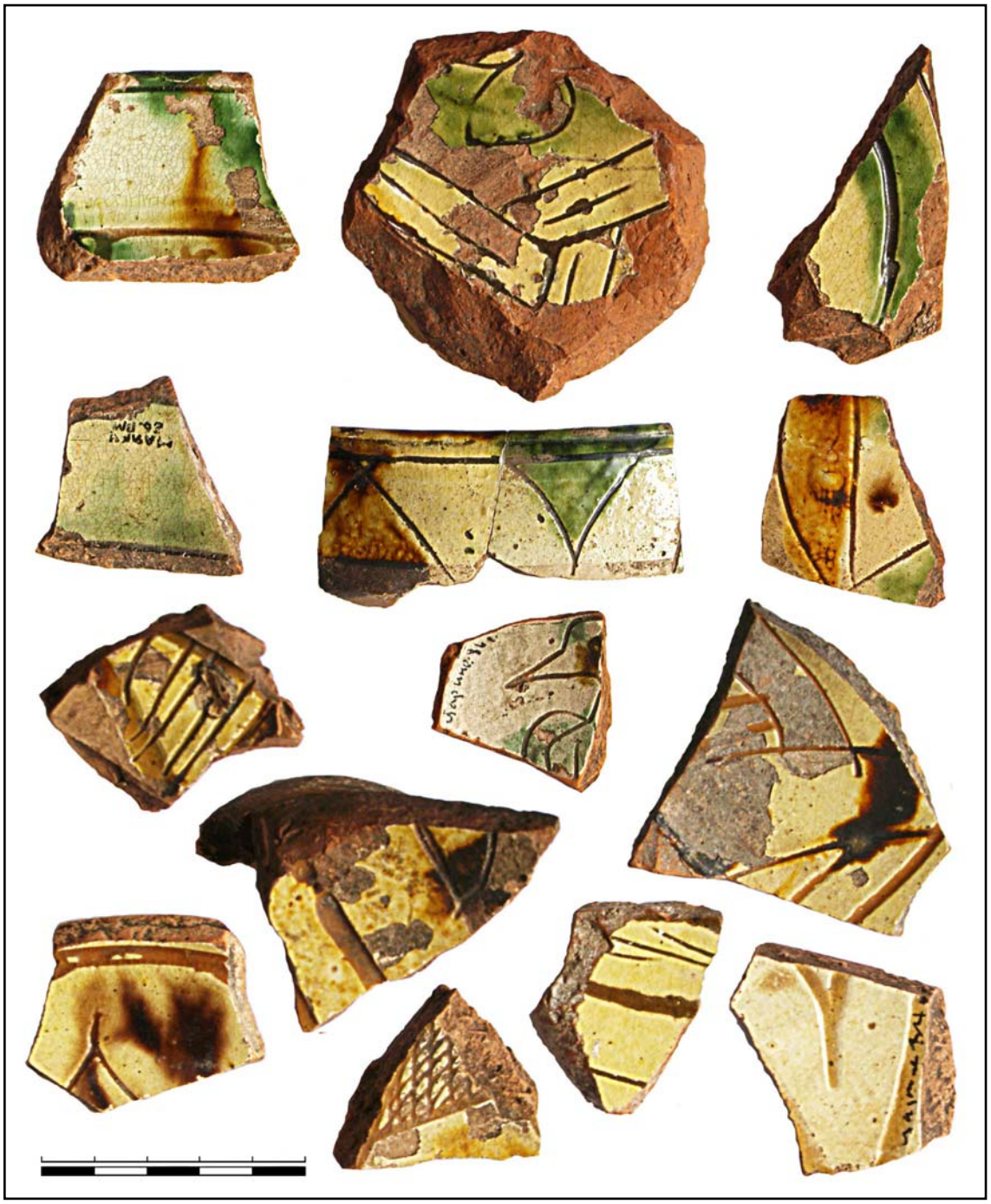


Рис. 29. Царино городище. Фрагменты чаш и мисок, покрытых прозрачной поливой желтого цвета (цветная вклейка, илл. 18).

Fig. 29. Tzarino fort. Fragments of cups and bowls covered by transparent yellow glaze (color plate, ill. 18).

На втором месте по численности идут фрагменты сосудов, украшенных желтой поливой. В собранной на памятнике коллекции их насчитывается более 21%. Среди них основная часть представлена фрагментами чаш, мисок и аптекарских сосудов, покрытых прозрачной желтой поливой прямо по черепку, с подглазурной росписью белым ангобом (рис. 31; цветная вклейка, илл. 19). Эти фрагменты составляют около 11% от общего количества находок. Около 4% керамики, покрытой прозрачной желтой поливой, представлены фрагментами чаш и мисок, украшенные гравировкой по ангобу (рис. 30; цветная вклейка, илл. 18). Меньше (около 1,5%) фрагментов сосудов, покрытых желтой поливой, имеющих подцветку светло-коричневыми пятнами (рис. 29; цвет-

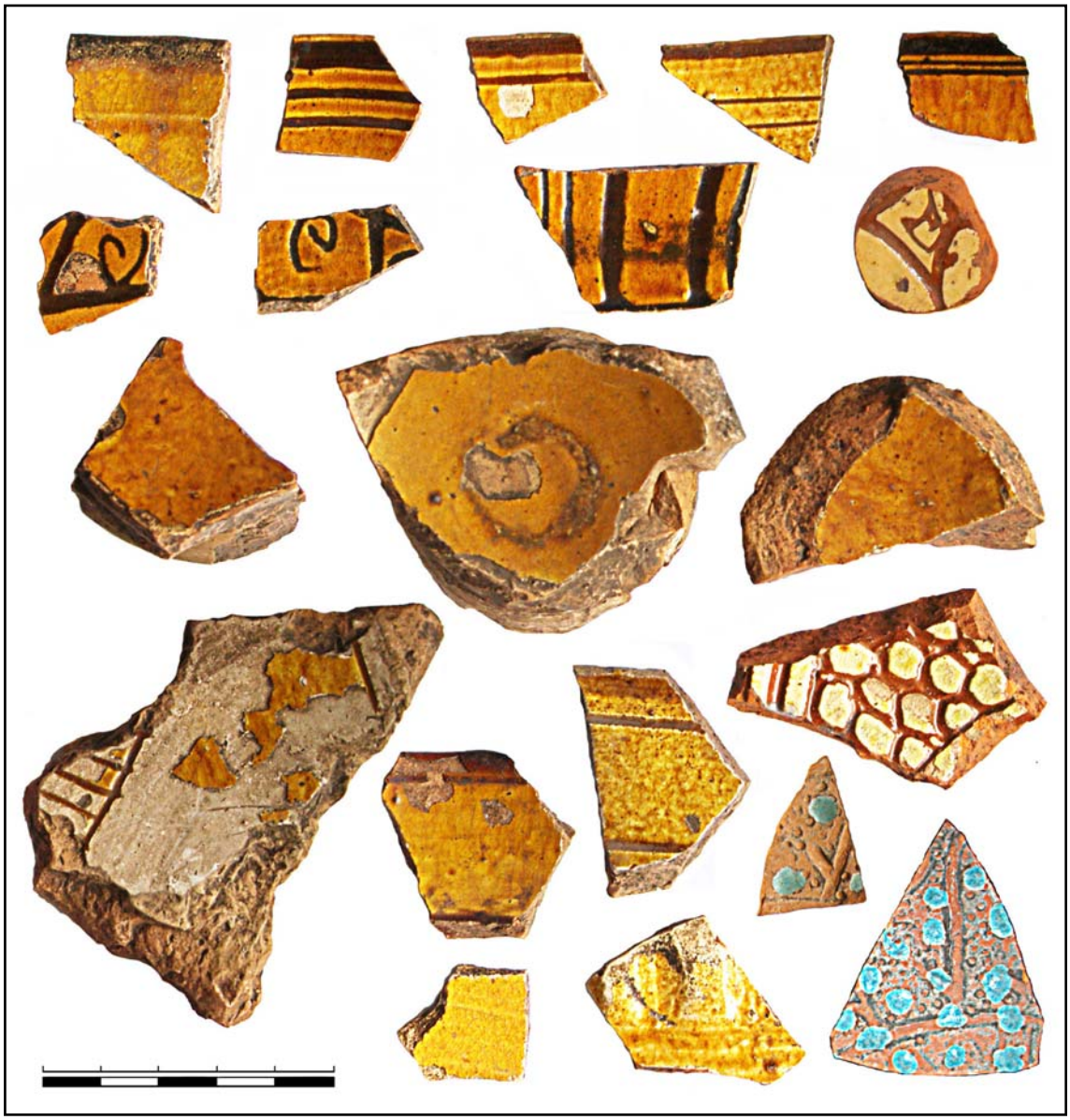


Рис. 30. Царино городище. Фрагменты красноглиняной посуды, покрытой поливой желтого цвета, и сосудов, покрытых пятнами непрозрачной глазури бирюзового цвета (цветная вклейка, илл. 18).

Fig. 30. Tzarino fort. Fragments of red clay vessels covered by yellow glaze, and of vessels covered by spots of non-transparent turquoise glaze (color plate, ill. 18).

ная вклейка, илл. 18). Столько же фрагментов сосудов с гравировкой по ангобу и бессистемной подцветкой темно-коричневыми пятнами. Около 3% составляют фрагменты посуды с подглазурной гравировкой по ангобу и подцветкой зелеными и коричневыми пятнами (рис. 29).

Совсем мало (около 0,2%) фрагментов сосудов, украшенных гравировкой по ангобу под прозрачной бесцветной глазурью.

Среди красноглиняной керамики встречено два фрагмента — возможно, принадлежавших одному штампованному сосуду, декорированному на внешней поверхности круглыми пятнами непрозрачной бирюзовой глазури (рис. 30). Подобного типа сосуды имеют аналоги в материалах Маджара (Волков 2007: 35).

Кашин встречается намного реже. В основном, это мелкие фрагменты сосудов, произведенных в Поволжье (рис. 32: 1—5, 8—15; цветная вклейка, илл. 20). Среди ее орнаментации встречается черная и голубая роспись под прозрачной бесцветной глазурью, непрозрачная полива бирюзового цвета, кобальтовая роспись под прозрачной поли-

Рис. 31. Царино городище. Фрагменты красноглиняных сосудов с росписью ангобом под прозрачной желтой глазурью (цветная вклейка, илл. 19).

Fig. 31. Tzarino fort. Fragments of red clay vessels with engobe painting under transparent yellow glaze (color plate, ill. 19).

вой темно-синего цвета. В качестве декора использовались горизонтальные каннелюры и слабо выраженные валики на шейках сосудов. Китайский фарфор представлен несколькими обломками, скорее всего, происходящими от одного сосуда (рис. 32: 6—7; цветная вклейка, илл. 20).

На памятнике собрана большая коллекция монет, количество которых, судя по всему, исчислялось тысячами. Большая часть их разошлась по рукам, вследствие чего установить точное количество находок ныне невозможно. Автору было доступно для обработки чуть более 500 монет, происходящих с Царина городища, которые ныне находятся как в частных собраниях, так и в фондах Славянского краеведческого музея. Среди них имеются единичные пулы рубежа XIII—XIV вв. (рис. 18: 40), монеты Токты, Узбек-хана. Последние также встречены в относительно небольшом количестве. В 2010 г. на городище был выявлен небольшой клад, состоящий из 13 истертых монет Узбека с надчеканом «хан».

Рис. 32. Царино городище. Поливная керамика. 1—5, 8—15 — кашинная керамика; 6, 7 — китайский фарфор; 16—19 — поливная керамика с поселения, прилегающего к городищу (цветная вклейка, илл. 19; 20).

Fig. 32. Tzarino fort. Glazed ceramics. 1—5, 8—15 — Kashan ceramics; 6, 7 — China ware; 16—19 — glazed ceramics from the settlement adjacent to the fort (color plate, ill. 19; 20).

Чаще встречаются монеты Джанибека. Абсолютное же большинство серебряных монет (более 83%) составляют дирхемы, чеканенные в период смуты 60—80-х гг. XIV века. Причем, около 55% из них были выпущены в правление хана Мухаммед-Булака. Этим же временем датируется абсолютное большинство медных монет (до 90%), среди которых доминируют анонимные анэпиграфные пулы и монеты с именем Абдаллаха. В этом плане достаточно показательной является выборка монет, по-

добранных сотрудниками Славянского краеведческого музея на городище в 2013 году. Всего за этот год ими было найдено на памятнике 134 монеты, из которых 4 — серебряных, а 130 — медных. Серебряные монеты представлены обрезанным дирхемом Узбека (Сагдеева 2005: № 203), фрагментом дирхема (рис. 14: 26), дирхемом Кильдибека Азакского чекана (рис. 14: 25) (Сагдеева 2005: № 308) и дирхемом Джанибека, чеканенным в Гюлистане в 753 г. х. (Сагдеева 2005: №212). Указанная монета несет на себе надчекан (рис. 14: 27). Среди пулов — 7 монет Абдаллаха с изображением барса на фоне звездного неба (типа рис. 19: 31), 29 анонимных анэпиграфных пулов (тип рис. 19: 30, 32), 58 пулов Абдаллаха (тип рис. 19: 37), 2 цветочных пула Джанибека, пул Хызра и 10 пулов Токтамыша. Часть их (21 монета) не были определены в связи плохой сохранностью.

Таким образом, подавляющее большинство нумизматической коллекции указанного памятника относится к периоду смуты 60—80-х гг. XIV в. в Золотой Орде, что свидетельствует в пользу того, что именно на это время приходится период расцвета жизни данного населенного пункта.

Наблюдения за обнажениями, расчистка отдельных комплексов, вымытых талыми водами на пересекающих памятник дорогах, позволили установить, что на городище имелись постройки из жженого кирпича. В нескольких местах в канавах прослеживались фундаменты, которые исследовать не было возможности в связи с тем, что выкладки уходили на пахотное поле. Целые экземпляры кирпича по размерам, характеру теста и технике изготовления не отличались от описанных выше кирпичей, обнаруженных на поселении Казачья Пристань. Большое количество фрагментов жженого кирпича содержали в своем заполнении и хозяйственные ямы, расчищенные на площадке городища. Собственно, обломки кирпичей составляли непременную часть их заполнения. Кроме битых кирпичей в расчищенных на городище ямах содержались фрагменты неполивных и поливных красноглиняных сосудов, обломки чугунных котлов, пулы 60—80 гг. XIV века. В одной из ям вместе с фрагментами красноглиняных золотоордынских кувшинов (рис. 22: 7—8) присутствовали горшки древнерусского типа, сделанные из белой глины с примесью мелкозернистого песка (рис. 22: 9—10). В другой хозяйственной яме (хоз. яма 4 раскопа 32) были выявлены костяной игольник, пул Абдаллаха, фрагменты поливной и красноглиняной керамики, куски жженого кирпича и гипсовой штукатурки (Кравченко, Петренко, Шамрай 2008: 9).

Данные разведок были существенно дополнены исследованиями 1989 года, которые производились на западной части памятника. На этом участке культурные напластования относятся только к золотоордынскому времени. Здесь, в небольшом раскопе (площадь — 200 кв. м), была расчищена группа стратифицированных сооружений (три помещения и 4 хоз. ямы), относящихся к золотоордынскому периоду существования населенного пункта. Помещения №1, №3 и хоз. яма 1 были прорезаны пом. №2. Хозяйственные ямы 2—4 были впущены с верхнего слоя, в котором встречены медные монеты 60—80-х гг. XIV в. Постройки представляли собой полуземляночные жилища, в конструкции стен которых использовались как саманные блоки, так и жженый кирпич. Много его обломков находилось в заполнении хоз. ям 1 и 4. В конструкции помещения 2 кирпича встречено относительно немного. Тем не менее, вполне вероятно, что часть кирпича могла быть извлечена из конструкции построек казаками Маяцкого городка, возникшего рядом с городищем в 1663 г. В качестве отопительных сооружений в постройках зафиксированы глинобитная печь и тандыр. Возле печи (пом. 1) были собраны обломки белоглиняного сосуда.

Основная часть находок из раскопа представлена керамикой (рис. 22: 1—6). Поливной посуды немного. Это фрагменты красноглиняных сосудов крымского производства, покрытые поверх ангоба прозрачной желтой или зеленой поливой. Среди находок выделяется резервуар белоглиняного кальяна, украшенного волнистым орнаментом (рис. 22: 1). Из прочих находок следует упомянуть бронзовый бубенец, железные ножи, ключ, фрагменты чугунных котлов (рис. 22: 13—14) (Швецов, Кравченко 1989).

В свое время, при публикации указанных материалов, автором было выдвинуто предположение, что описанные выше комплексы представляют собой несколько строительных периодов на этом участке памятника, хронологические рамки которых охватывали практически все золотоордынское время (Кравченко, Швецов 1990: 134—136). Дальнейшее изучение памятника показало, что данный вывод представляется неверным. Вне сомнений, стратиграфические наблюдения на данном участке дают не более 2-х горизонтов, к одному из которых относились помещения №1 и 3 (жилое и хозяйственное),

а ко второму — перекрывающее их остатки помещение №2, с которым связаны и хозяйственные ямы 2—4. Время функционирования этих сооружений определяется монетами, обнаруженными в культурном слое раскопа.

Обнаруженные на городище материалы свидетельствуют, что населенный пункт был уничтожен в самом конце XIV века. Последние дни его существования были связаны с сильным разгромом, после которого жизнь на памятнике прекратилась. Следы этого события фиксируются на всей территории населенного пункта. На площадке городища довольно часто находили скелеты людей. Они лежали прямо в верхнем слое памятника, причем и на той части памятника, где присутствовали культурные напластования только золотоордынского времени. По всей площади городища встречаются одиночные захоронения с небольшой глубиной залегания. Одно из таких погребений было обнаружено к западу от помещения №2 в раскопе 1989 года. Скелет погребенного лежал вытянуто на спине головой на запад со сведенными в коленных суставах ногами и сложенными на костях таза кистями рук. Глубина его залегания составляла всего 0,43 м. Учитывая тот факт, что мощность культурного слоя в этой части раскопа не превышал 0,4 м, можно предположить, что погребенный был наскоро похоронен в неглубокой яме, вырытой у жилища, и присыпан землей. Особенно четко следы этого разгрома читаются на поселении с «древнерусской» керамикой, которое прилегает к северной части памятника, составляя с ним одно целое. Здесь в раскопе 29 в 2005 г. была расчищена группа полуземлянок. Их взаимное расположение и находки, обнаруженные в этих постройках, свидетельствуют об одновременном функционировании этих сооружений. Все полуземлянки несли на себе следы сильного пожара. Котлованы их были перекрыты углисто-золистыми линзовидными прослойками, выше которых шли слои мелового грунта, смытого при эрозии яров, расположенных на склонах городища, не содержащие материала (рис. 33: 1). Все свидетельствовало в пользу того, что с данным пожаром было связано прекращение жизни на памятнике. Рядом с постройками располагалась группа захоронений, относящихся к этому же времени. Указанное кладбище, скорее всего, было местом захоронения людей, погибших во время разгрома памятника. В пользу этого свидетельствуют как небольшая глубина залегания, расположение могил рядом с жилищами, так и неестественные позы отдельных погребенных. Следы погрома наблюдались и в котлованах, расположенных рядом построек. Так, в помещении №3 были обнаружены останки двух людей. Скелет ребенка потревожили грызуны, и от него сохранился один череп. Скелет взрослого был уложен вдоль стены, на полу котлована, вытянуто на спине (рис. 34: 1). Судя по положению, человек был похоронен в постройке. На плечевой кости правой руки его сохранились нарубки, сделанные каким-то острым предметом (рис. 34: 2). У народов различных вероисповеданий существует своеобразный обряд погребения — оставление умершего в заброшенном жилище. Обычно он применяется тогда, когда покойника нет возможности нормально похоронить (Хисматуллин, Крюкова 1997: 77; Косарев 2003: 192). Подобного рода захоронения известны и на соседнем городище у с. Сидорово. Этот памятник прекратил свое существование после разгрома во 2-й пол. X века (Кравченко 2003).

В соседнем помещении №2 убитые вообще не были погребены. Два скелета лежали за печью в том положении, в котором их застигла смерть (рис. 33: 1—2).

Время, гибели населенного пункта определяется как материалом, обнаруженным в слое пожара и заполнении котлованов, так и материалами, происходящими с данного памятника. Так, металлические предметы и керамический комплекс описанных выше построек позволяют отнести их к XIII—XIV вв. (Беляева, Кубышев 1995: 46—48, рис. 36; 37). В помещении №2 было обнаружено роговое навершие ножа (рис. 21: 17), которое находит близкий аналог в материалах золотоордынского Болгара (Закирова 1988: 233, рис. 103: 10). В горелой прослойке, представляющей собой верхнюю часть культурного слоя раскопа, присутствовали находки фрагментов чугунных котлов (рис. 35: 14). Особенно показательна описанная выше коллекция монет, обнаруженных на данном памятнике. В ней наиболее поздней монетой является дирхем Токтамыша, датированный 1392 годом (рис. 19: 1). Вполне вероятно, что населенный пункт был уничтожен во время разгрома западных областей Золотой Орды Тимуром в 1395 г. Отсутствие на городище и в его окрестностях материалов более позднего времени свидетельствует, что этот разгром был для памятника роковым. Жизнь возобновилась здесь только в 1663 г., когда у подножия городища был построен Маяцкий городок.

Подводя итоги, следует сказать, что рассматриваемый нами регион в золотоордын-

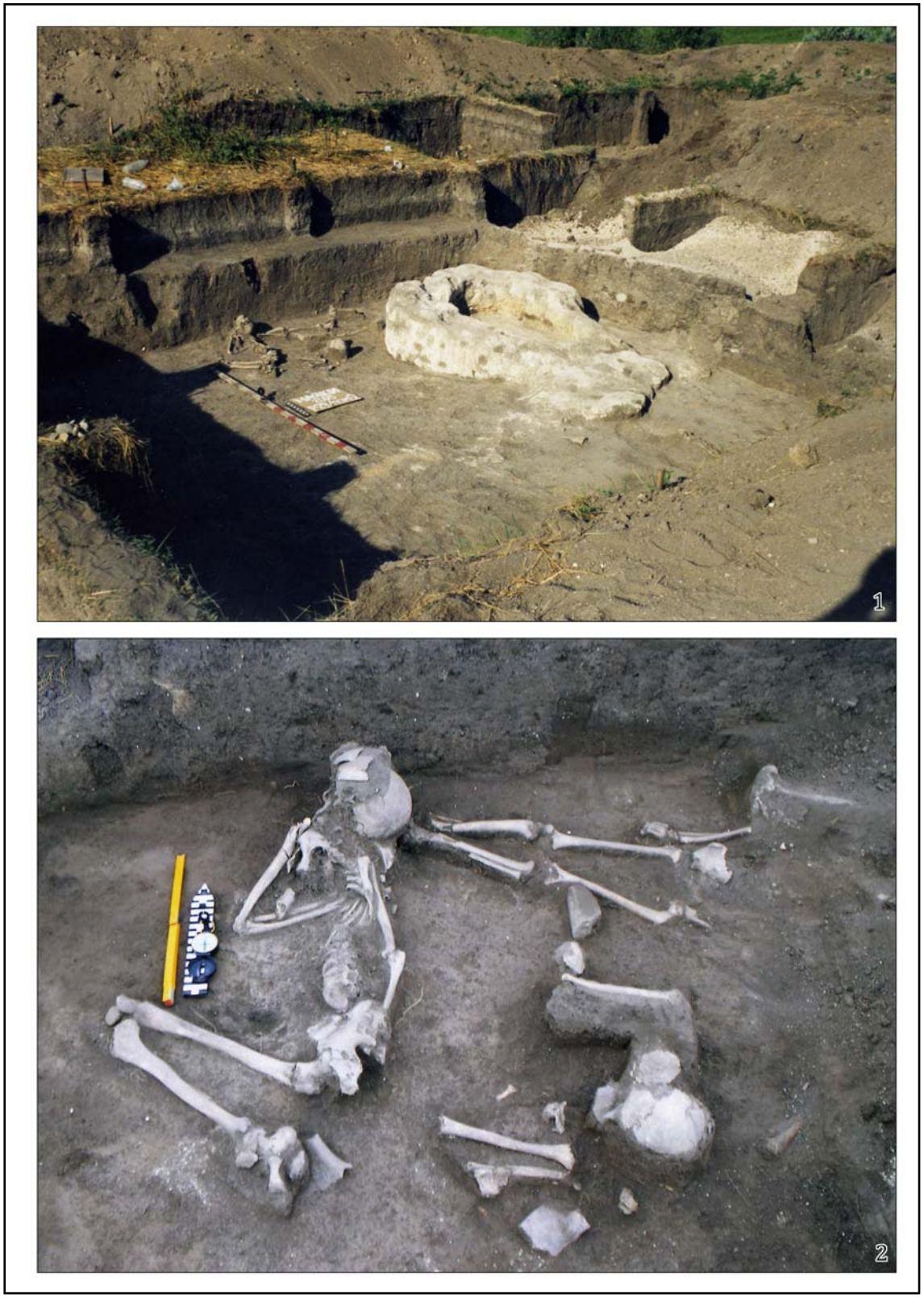


Рис. 33. Маяки 2005. Раскоп 29. Скелеты погибших жителей в котловане помещения 2.

Fig. 33. Maiaki 2005. Dig 29. Skeletons of casualties in the ditch of structure 2.

ское время выглядит достаточно обжитым. В степной его части имеются памятники, связанные как с кочевым, так и с оседлым населением, многочисленные курганные захоронения кочевников среди которых присутствуют и погребения кочевой элиты.

Рис. 34. Маяки 2005. Раскоп 29. 1 — скелеты погибших жителей в помещении 3; 2 — следы от рубящего оружия на костях скелета из помещения 3.

Fig. 34. Maiaki 2005. Dig 29. 1 — Skeletons of casualties in structure 3; 2 — traces of hacking weapon on bones of skeleton from structure 3.

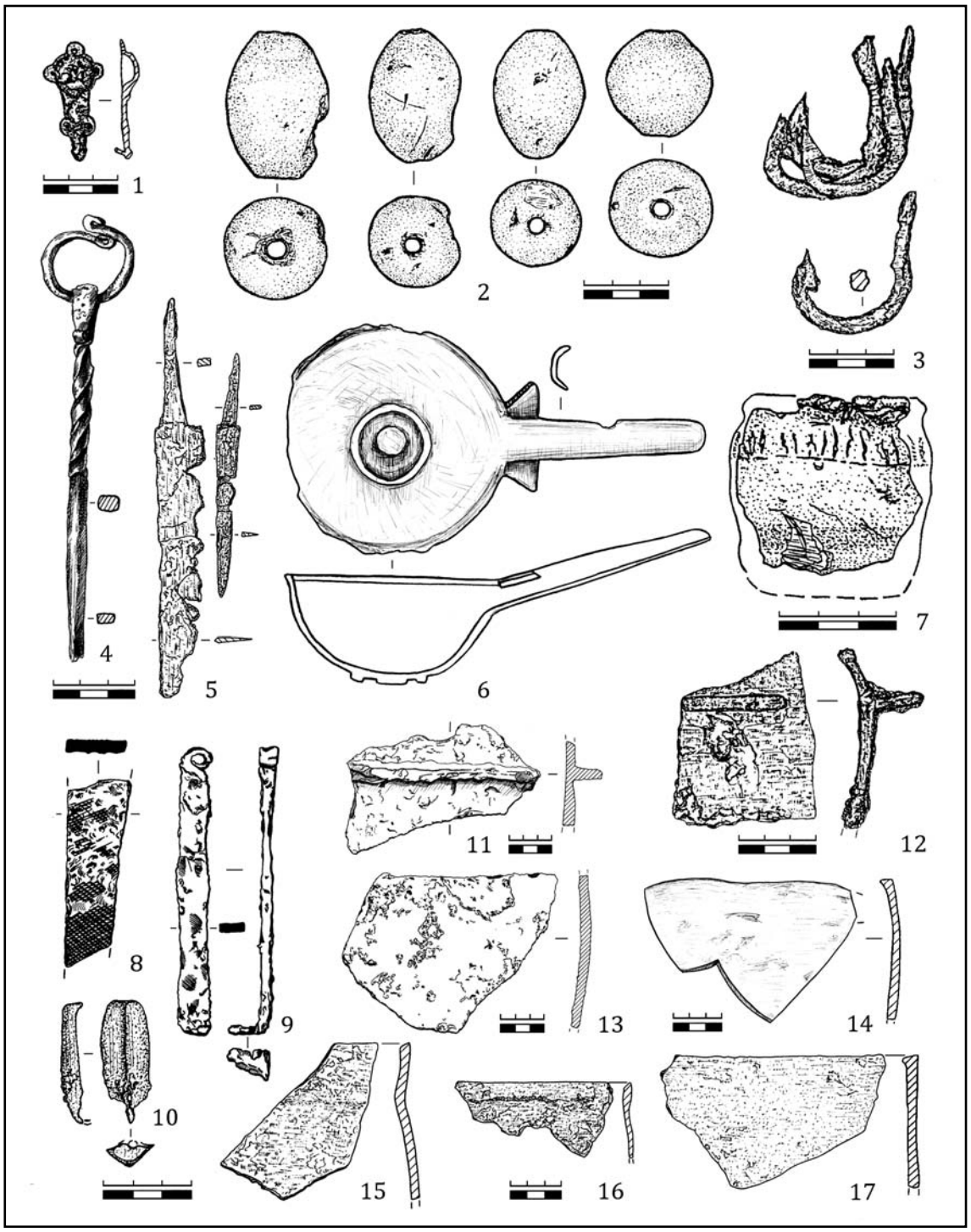


Рис. 35. Находки с Царина городища. 1 — пом. 3 (р. 28, 1991 г.); 2, 3, 7 — пом. 2 (р. 28, 1991 г.); 10 — пом. 1 (р. 28, 1991 г.); 12 — пом. 4 (р. 28, 1991 г.); 8, 9, 11, 13 — хоз. яма 2 (1998 г.); 14 — р. 29 (2005 г.); 4, 6, 15—17 — подъемный материал.

Fig. 35. Finds from Tzarino fort. 1 — structure 3 (dig 28, 1991); 2, 3, 7 — structure 2 (dig 28, 1991); 10 — structure 1 (dig 28, 1991); 12 — structure 4 (dig 28, 1991); 8, 9, 11, 13 — household pit 2 (1998); 14 — dig 29 (2005); 4, 6, 15—17 — stray finds.

О проникновении в ее мировоззрение ислама свидетельствует факт наличия здесь погребальных плит с арабскими надписями. О торговых связях или удачных военных экспедициях, в которых принимали участие выходцы с рассматриваемых нами территорий, свидетельствуют находки здесь предметов романского литья, которых на данном участке степи относительно много (не менее, чем на территории некоторых древнерусских княжеств).

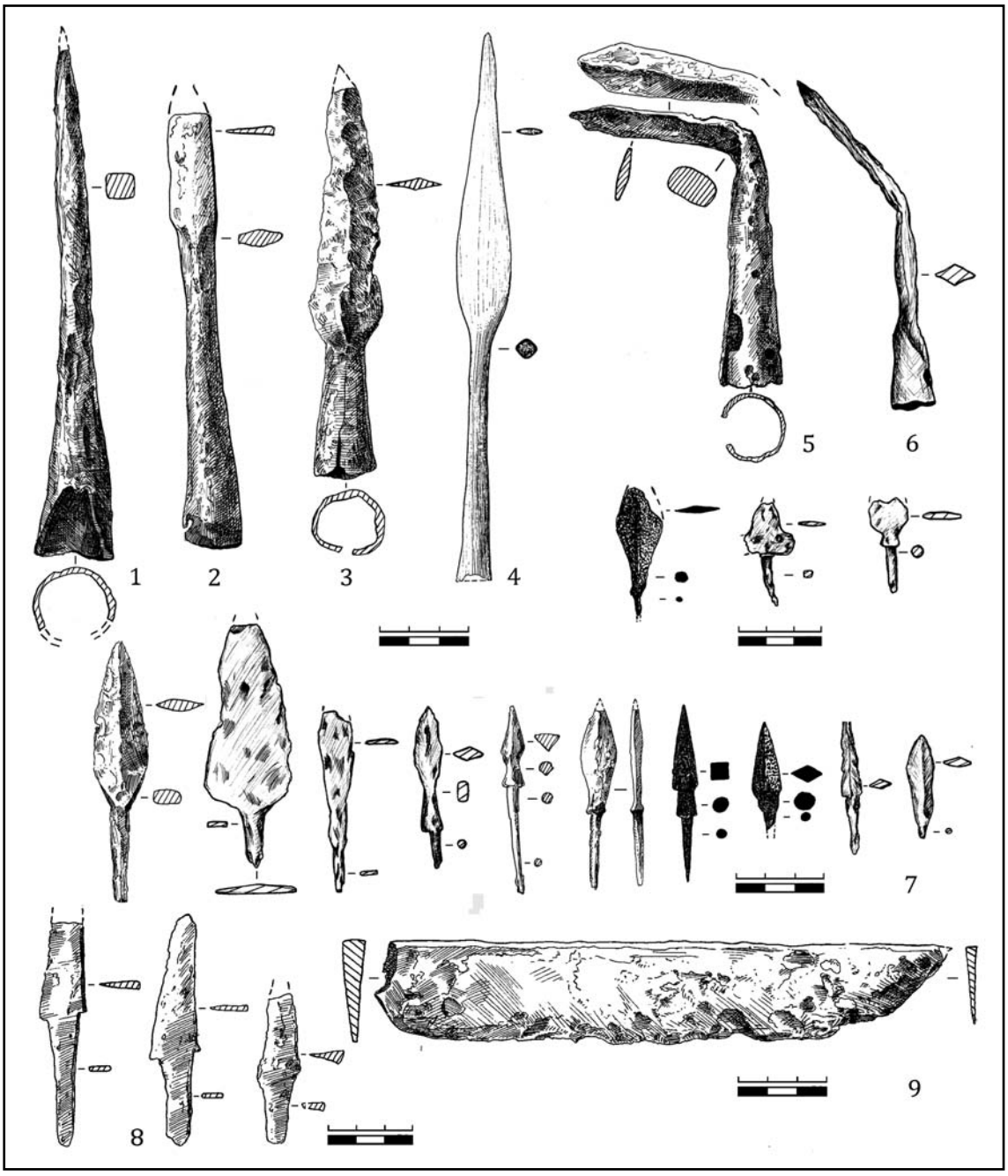


Рис. 36 Металлические изделия с Царина городища.

Fig. 36. Metal items from Tzarino fort.

Тем не менее, говорить об активизации оседлой жизни на рассматриваемой территории в течение всего XIII и 1-й пол. XIV в. мы, по-видимому, не можем. Скорее всего, основная ее часть (Приазовье и Кряж) в это время представляла собой кочевую степь. Лишь на Северском Донце, возможно, с домонгольского времени, функционировал ряд поселений, на которых проживало пестрое в этническом плане население. Собственно, именно на этой территории, которая по своим условиям более подходила для занятия земледелием и имела длительные традиции оседлой жизни, и появляются крупные ремесленные и административные центры. Один из них (Царино городище у с. Маяки) вырастает возле поселения с «древнерусской» керамикой, которое затем становится его частью. Соответственно, этот населенный пункт имеет классическую для городищ рассматриваемого нами региона топографию. Второй центр располагался в районе пос. Райгородок.

Рис. 37. Металлические предметы с Царина городища.

Fig. 37. Metal items from Tzarino fort.

Он появляется в низине, в долине реки, на не обжитом ранее месте, что повторяет ситуацию с возникновением многих центров золотоордынского времени на других территориях (Федоров-Давыдов 1981: 231—232). Еще, как минимум, один центр находился ниже по течению реки, в районе нынешнего г. Лисичанска.

Показательным является тот факт, что в среднем течении реки Северский Донец в золотоордынское время наблюдается сосуществование двух вариантов материальной культуры оседлого населения, один из которых представлен собственно золотоордынскими поселениями с красноглиняной керамикой, другой же — памятниками с «древнерусской» керамикой, которые продолжали местную традицию, существовавшую на этой территории с домонгольского времени. Похожая ситуация наблюдается и в некоторых других регионах, близких по своим природным условиям среднему

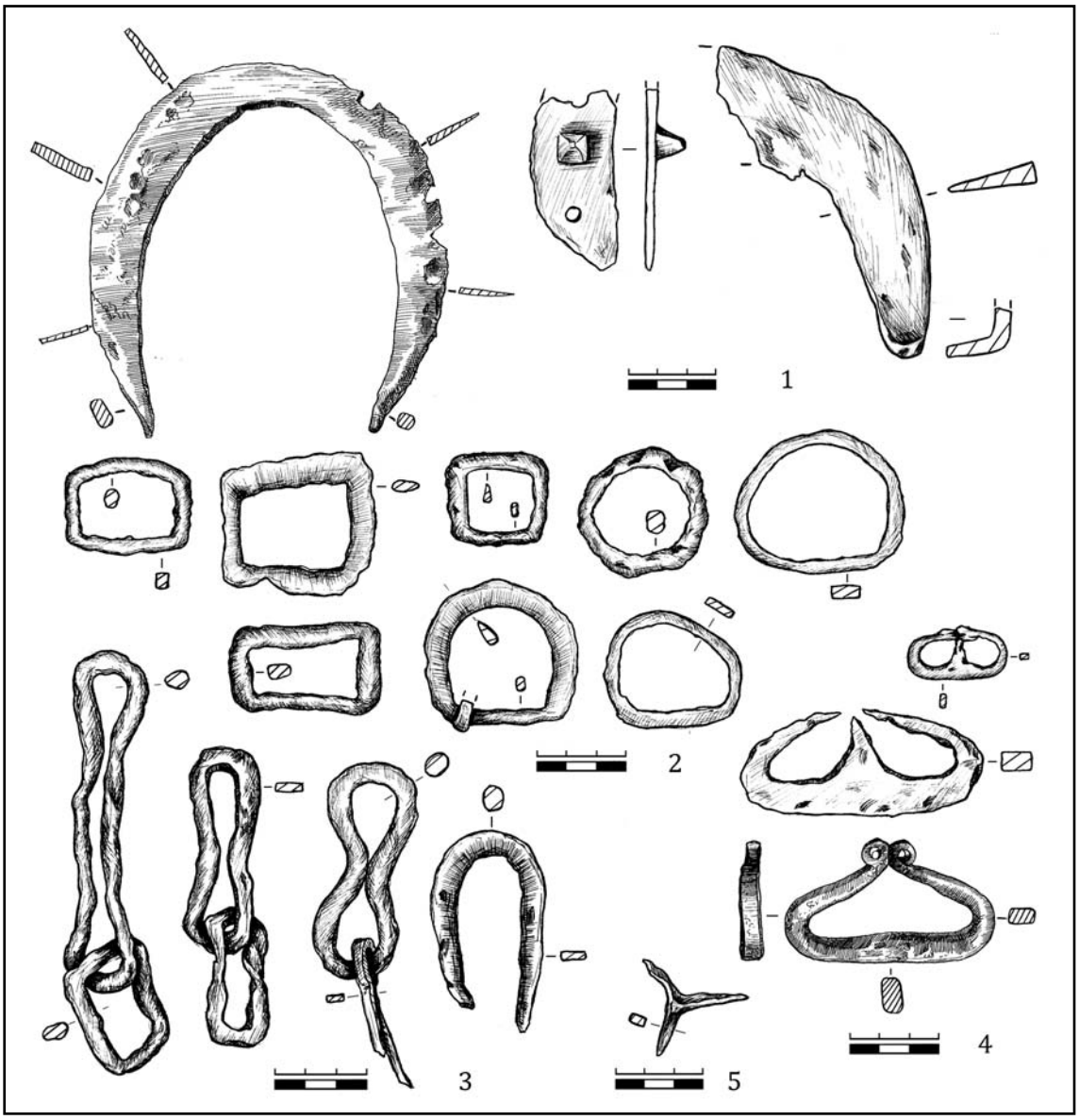


Рис. 38. Железные предметы с Царина городища.

Fig. 38. Iron items from Tzarino fort.

течению р. Северский Донец, которые исследователи иногда характеризуют термином — «предстепье» (Супруненко, Приймак, Мироненко 2004).

Изменения наступают во 2-й пол. XIV века. Крупная междоусобица, разорившая значительную часть государства, менее затронула его западные области, где уже в 60-х гг. власть перешла к Мамаю, который фактически единолично правил здесь в течении всего «смутного времени». Перемещение населения с разоренных областей, оседание разорившихся кочевников, равно, как и политика Мамая, направленная на захват власти над всем государством, могли стабилизировать расцвет оседлой жизни в ранее периферийном регионе. Именно в это время появляются в Приазовье поселения типа Ляпинской Балки, а на Северском Донце вырастают крупные центры у Маяков, Райгородка и Лисичанска. Тем не менее, связи были нарушены. Территория фактически представляла пограничье, военный лагерь, имеющий контакты разве что с Крымом и Азаком, расположенным в 4-х днях конного пути, да и то в тот период, когда власть над этим городом находилась в руках ставленников Мамая. Данное обстоятельство вряд ли способствовало распространению здесь предметов роскоши, в том числе и высокохудожественной поливной посуды. Как указывалось выше, основная часть находок поливной посуды в рассмат-

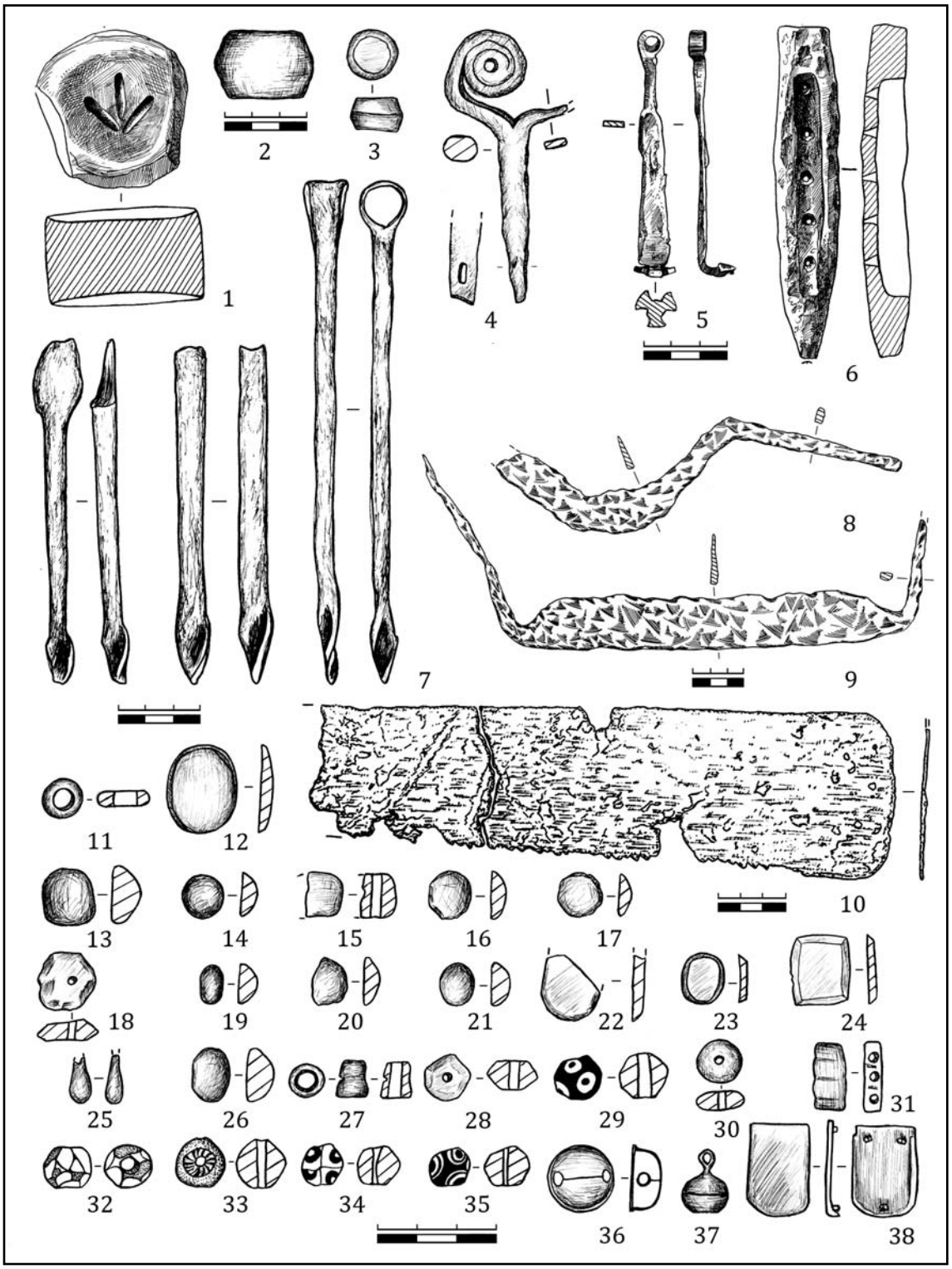


Рис. 39. Находки с Царина городища.

Fig. 39. Finds from Tzarino fort.

риваемом регионе представляет собой фрагменты сосудов, произведенных в мастерских Крыма. Все эти находки «привязаны» к крупным центрам, расположенным в среднем течении Северского Донца, при этом кашин, и тем более китайский фарфор, даже здесь встречается крайне редко. В степной же части региона находки поливной посуды вообще представлены единичными фрагментами красноглиняных сосудов, покрытых зеле-

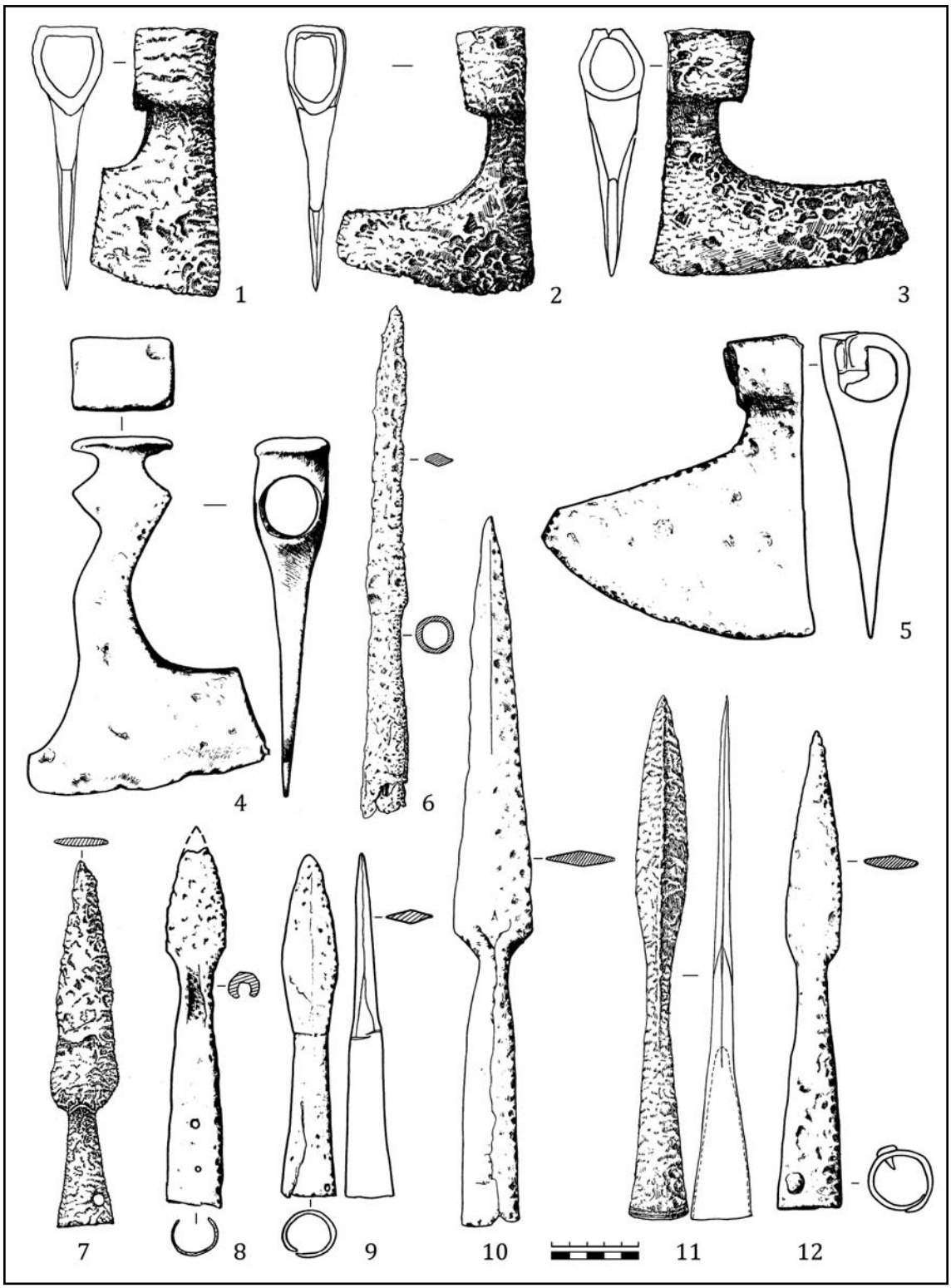


Рис. 40. Предметы вооружения, найденные на территории Донецкой области (по Каталог 1993: № 333, 334, 336, 338, 347, 348, 362, 379, 380, 383, 389). 1, 2 — Белосарайская коса; 3 — Талановка, Новоазовский р-н; 4 — Райгородок; 5 — г. Артемовск; 6 — Славянский р-н; 7 — Старый Крым; 8 — Покровское, Артемовский р-н; 9 — Донецкая обл.; 10 — Волноваха; 11 — Старомлиновка, Великоновоселковский р-н; 12 — устье р. Самары.

Fig. 40. Items of armament found in Donetsk Oblast (after Каталог 1993: № 333, 334, 336, 338, 347, 348, 362, 379, 380, 383, 389). 1, 2 — Belosaraiskaya kosa; 3 — Talanovka, Novoazovsk Raion; 4 — Raigorodok; 5 — Artemovsk town; 6 — Slavyansk Raion; 7 — Stary Krym; 8 — Pokrovskoe, Artemovsk Raion; 9 — Donetsk Oblast; 10 — Volnovakha; 11 — Staromalinovka, Velikaya Novoselka Raion; 12 — mouth of the Samara River.

Рис. 41. 1 — медная чаша из с. Татьяновка (по Гриб 2008); 2, 3 — захоронения золоордынского времени из курганов группы Попов Яр 2: 2 — курган 5, погр. 3; 3 — курган 3, погр. 3.

Fig. 41. 1 — copper cup from Tatianovka village (after Гриб 2008); 2, 3 — burials of the Golden Horde time from barrows of Popov Yar group 2: 2 — barrow 5, burial 3; 3 — barrow 3, burial 3.

ной или желтой глазурью. Достаточно редки и находки фрагментов импортной амфорной тары. Стационарные поселения в степной части вообще возникают довольно поздно. В свое время Г. А. Федоров-Давыдов обратил внимание, что на всех расположенных здесь более или менее крупных памятниках присутствует чугун и монеты 2-й пол. XIV в.

(Федоров-Давыдов 1960: 109). Приведенные в данной статье новые материалы только подтверждают этот вывод.

С падением Мамая и приходом к власти Тохтамыша регион потерял свое значение. Трудно сказать, как это отразилось на жизни его населения, особенно оседлого. Обращает внимание лишь тот факт, что серебряная монета периода правления Токтамыша на памятниках рассматриваемого нами региона встречается намного реже, чем серебро предшествующих ему правителей. Возможно, уже в это время здесь начинается постепенный упадок оседлой жизни. Разгром поселений, произведенный Тамерланом в 1395 г., и следующий за ним развал Золотой Орды вообще положил ей конец, превратив эти земли сначала в арену междоусобной борьбы, а затем, на несколько столетий, и вовсе в безлюдную степную территорию. Таковой они и оставались, вплоть до рубежа XVI—XVII вв., когда Русское государство начало заселение степей, прилегающих к своим южным границам.

Литература

Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. 1987. *Отрар в XIII—XV вв.* Алма-Ата: Наука.

Апареева Е. К., Красильников К. И., Тельнова Л. И. 2002. Из истории степного Подонцовья в ранний период «Дикого Поля». *Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка* 46 (2). Луганськ, 210—224.

Артамонова О. А. 1963. Могильник Саркела-Белой Вежи. *Труды Волго-Донской экспедиции* III. МИА 109, 9—215.

Аствацатурян Э. Г. 2002. *Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея.* Санкт-Петербург: Атлант.

Атанасов Г. 2002. Воинските иконографии, въоръжението и снаряжението на Свети Георги през ранното средновековие (V—X в.). В: *Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV—XV в.* AMV-I. Варна, 37—58.

Багалей Д. И. 1905. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии. *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва, 1—94.

Березин С. Я., Березин Я. Б., Нарожный Е. И. 2007. Позднесредневековые курганы могильника «Иноземцево-1» (публикация и историческая интерпретация материалов). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 8. Армавир: ЦАИ АГПУ, 177—244.

Бєляєва С. О., Кубишев А. І. 1995. *Поселення Дніпровського Лівобережжя X—XVст.* Київ: Наукова думка.

Бобчева Л. 1978. Некропол от XIII—XIV век в Калиакра. *Известия на народния музей Варна* XIV (XXIX). Варна, 152—180.

Валиуллина С. 2004. Балынгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период. *Татарская археология* 12—13 (1—2). Казань, 157—191.

Винников А. З., Цыбин М. В. 2002. Материалы Новохарьковского могильника. В: Пряхин А. Д. (ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды.* Воронеж: Воронежский государственный университет, 14—105.

Виноградов В. Б. 1987. Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии. *СА* (1), 267—269.

Волков И. В. 2002. Золотоордынские браслеты с надписями. В: Пряхин А. Д. (ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды.* Воронеж: Воронежский государственный университет, 106—110.

Волков И. В. 2007. Поливная керамика Маджара. *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.* Тез. докл. II межд. науч. конф. (19—23 ноября 2007 г., Ялта). Ялта, 33—42.

Волков И. В. 2008. Надгробие золотоордынского времени из Новочеркасского музея. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г.* 23. Азов, 478—496.

Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. 1987. *Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы.* Москва: Наука.

Городцов В. А. 1905а. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археологического съезда. *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва, 110—130.

Городцов В. А. 1905б. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 г. *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва, 174—225.

Городцов В. А. 1905в. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда, Харьковской губернии. *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва, 226—340.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. 1950. *Золотая Орда и ее падение.* Москва; Ленинград; АН СССР.

Гриб В. К. 2008. Образец торевтики раннесредневекового времени из с. Татьяновка в Подонцовье. *Святогірський альманах 2008.* Донецк, 7—11.

Даркевич В. П. 1976. *Художественный металл Востока VIII—XIII вв.* Москва: Наука.

Даркевич В. П. 1985. Международные связи. В: Рыбаков Б. А. (гл. ред.), Колчин Б. А. (отв. ред.). *Древняя Русь. Город, замок, село.* Археология СССР 15. Москва: Наука, 387—411.

Евглевский А. В. 1992. Погребения золотоордынского времени из раскопок Новостроечной экспедиции Донецкого университета. *ДАС* 1. Донецк, 107—116.

Евглевский А. В., Кульбака В. К. 2003. Грунтовой могильник золотоордынского времени Ляпинская Балка из Северо-Восточного Приазовья. В: *Степи Европы в эпоху средневековья* 3. Донецк, 363—406.

Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.

Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. 1974. Археологические исследования Водянского городища в 1967—1971 гг. В: Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Города Поволжья в средние века.* Москва: Наука, 39—79.

Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А. 1976. Исследования мечети на Водянском городище. В: Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Средне-*

вековые памятники Поволжья. Москва: Наука, 108—166.

Ельников М.В. 2006. *Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам экспедиций 1993—1994 гг.)* 2. Запорожье: ЗНУ.

Закирова И.А. 1988. Косторезное дело Болгара. В: Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности.* Москва: Наука, 220—243.

Зеленко С.М. 1999. Итоги исследований подводной археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997—1999 гг. *Vita antiqua* 2. Киев, 223—234.

Каталог 1993: *Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области.* 1993. Археологический альманах 1. Донецк.

Кирпичников А.Н. 1966. *Древнерусское оружие* 1. Москва: Наука.

Кирпичников А.Н. 1973. *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Ленинград: Наука.

Киселев С.В. 1965. *Древнемонгольские города.* Москва: Наука.

Клименко В.Ф. 1998. *Курганы юга Донетчины.* Енакиево: б.и.

Клименко В.Ф., Усачук А.Н., Цымбал В.И. 1994. *Курганные древности Центрального Донбасса.* Донецк: РИП Лебедь.

Ключнев М.Я. 1998. Поселение периода развитого средневековья у с. Нижнетеплое Луганской области. В: *Проблемы археологии Юго-Восточной Европы.* Тез. докл. VII Донской археологической конф. Ростов-на-Дону, 124—125.

Книга 1950: *Книга Большому чертежу.* 1950. Москва; Ленинград: АН СССР.

Колчин Б.А. 1953. *Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.* МИА 32. Москва: АН СССР.

Копыл А.Г., Татаринов С.И. 1979. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце. *СА* (1), 267—273.

Копыл А.Г., Татаринов С.И. 1990. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья. В: Халиков А.Х. (гл. ред.). *Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе.* Казань: ИЯЛИ, 52—71.

Корзухина Г.Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Косарев М.Ф. 2003. *Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам.* Москва: Ладога-100.

Косиков В., Шаповалов Т. 1988. Давньоруські медальйони. В: *Пам'ятки України* (1). Київ, 44.

Кравченко Э.Е. 2000. Памятники оседлого населения XI—XIV вв. в среднем течении Северского Донца. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 1. Донецк, 75—100.

Кравченко Э.Е. 2001а. Бронзовый лев из фондов Донецкого музея. *Археологический альманах* 10. Донецк, 255—260.

Кравченко Э.Е. 2001б. Средневековый комплекс поселения Раздольное на р. Кальмиус в Донбассе. *Археологический альманах* 10. Донецк, 197—208.

Кравченко Э.Е. 2003а. *Отчет о работах археологической экспедиции Донецкого Национального университета на Сидоровском археологическом комплексе в полевой сезон 2003 г.* НА ИА НАНУ. №2003/10.

Кравченко Э.Е. 2003б. Погребение знатного воина XIII в. на реке Калке. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 3. Донецк: ДонГУ, 123—129.

Кравченко Э.Е. 2003в. Средневековый комплекс поселения Ляпинская Балка в Северо-Восточном Приазовье. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 3. Донецк: ДонГУ, 345—362.

Кравченко Э.Е. 2004. Городища среднего течения Северского Донца. *Хазарский альманах* 3. Киев; Харьков, 242—276.

Кравченко Э.Е. 2009. Исследования поселения с «древнерусской» керамикой в среднем течении Северского Донца. В: *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве.* Материалы IV Международной конф. памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. Донские древности 10. Азов: АКМ, 242—262.

Кравченко Э.Е. 2013. Поселения хазарского времени (Северо-Восточное Приазовье, Донецкий Кряж, степное Подонцовье). *Археологический альманах* 30. Донецк, 278—302.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. 1990а. О хронологии III этапа функционирования Царина городища. В: *Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца.* Тез. докл. в областной научно-практической конф. Луганск, 134—136.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. 1990б. О могильниках золотоордынской эпохи Подонцовья. В: *Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей).* Тез. докл. юбилейной конф. Ч. 3. Херсон, 22—24.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. 1992. О находках фрагментов чугунных котлов на территориях к западу от Дона. В: *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, 102—113.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. 1995. Новые данные о христианском населении края в XIII—XIV вв. В: *Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры (к 15-летию основания заповедника).* Славяногорск: СГИАЗ, 70—79.

Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Кузин В.И. 1998. *Отчет об археологических исследованиях в Славянском районе в 1998 г.* НА ИА НАНУ. №1998/101.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. 2001. Сидоровское городище. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 2. Донецк: ДонГУ, 233—302.

Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Полидович Ю.Б. 2002. Поселение Явор в среднем течении Северского Донца. *ДАС* 10. Донецк: ДонГУ, 87—107.

Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н. 2005. Исследования на археологическом комплексе Маяки в среднем течении Северского Донца. *АДУ у 2004—2005 рр.* Київ, 226—230.

Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Шамрай А.В. 2008. *Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 году.* НА ИА НАНУ №2008/204.

Круглов Е.В. 2006. Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени. *Нижневолжский археологический вестник* 8. Волгоград, 257—301.

Кузьменко Е.Д. 2000. Антропологическое определе-

ние позднекочевнического погребения у балки Арген-Тарама. В: *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк, 123—124.

Кучугура Л. И. 2006. Древняя и средневековая история Приазовья. В: *Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века*. Мариуполь: Рената, 32—55.

Макарова Т. И. 1972. *Поливная керамика в Древней Руси*. Москва: Наука.

Макарова Т. И. 1985. Две находки предметов с перегородчатой эмалью из Новгорода и Смоленска. *СА* (3), 241—246.

Махнева О. А. 1968. О плитовых могильниках средневекового Крыма. В: Домбровский О. И. (отв. ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 155—168.

Михеев В. К. 1970—1971. *Отчет об исследованиях археологических памятников в бассейне Северского Донца в 1970 г.* НА ИА НАНУ. №1970/71.

Михеев В. К. 1985. *Подонье в составе Хазарского каганата*. Харьков: ХГУ.

Мухаммадиев А. Г. 1974. Раскопки двойного дома на Водянском городище. В: Федоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Города Поволжья в средние века*. Москва: Наука, 80—88.

Нарожный Е. И. 1987. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1977 гг. В: *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии* 3. Нальчик.

ОАК за 1898 г. 1901. Санкт-Петербург.

Пиневич П. М. 1928. *Археологические обследования на Мариупольщине и археологические раскопки. Отчет П. М. Пиневича, 1928 г.* Архив МКМ. №6935. Мариуполь.

Плано Карпини. 1957. История монгалов. В: *Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. Москва: Государственное издательство географической литературы, 23—86.

Плетнева С. А. 2000. *Очерки хазарской археологии*. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим.

Полидович Ю. Б., Цимиданов В. В., Кузин В. И. 1992. *Отчет об археологических разведках новостроечной экспедиции ООПА ДОКМ в 1992 г.* НА ИА НАНУ. №1992/84.

Полидович Ю. Б., Усачук А. Н., Кравченко Э. Е., Подобед В. А. 2013. Исследования курганов группы Попов Яр 2 в Донецкой области. *Археологический альманах* 30. Донецк, 36—135.

Потемкина Т. М. 2007. О металлических сосудовидных изделиях из кочевнических погребений золотоордынского времени Восточной Европы. В: Нарожный Е. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 8. Армавир, 119—146.

Потемкина Т. М., Усачук А. Н. 2000. Ярусное золотоордынское погребение с конем из Северо-Восточного Приазовья. В: *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк, 120—123.

Привалова О. Я. 1998. Богатые кочевнические погребения из Донбасса. *Археологический альманах* 7. Донецк, 157—167.

Привалова О. Я., Привалов А. И. 1988. *Список памятников археологии Украины. Донецкая область*. Киев: Укровузполиграф.

Руденко К. А. 1992. Булгарская бронзовая посуда и торговые пути средневековья. В: *Путь из Булгара в Киев*. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова.

Руденко К. А. 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан. *Татарская археология* 12—13 (1—2). Казань, 111—156.

Сагдеева Р. З. 2005. *Серебряные монеты ханов Золотой Орды*. Москва.

Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.

Сибилев Н. В. 1926. *Древности Изюмщины* 2. *Археологические разведки в бассейне Донца в 1920—1926 гг.* Изюм: Окружной краеведческий музей.

Сибилев Н. В. 1928. *Старовинності Ізюмщини* 3. Изюм: Окружной краеведческий музей.

Сибилев Н. В. 1930. *Старовинності Ізюмщини* 4. Изюм: Окружной краеведческий музей.

Сибилев Н. В. б. г. *Описание Донецких стоянок*. Рукоп. фонд Н. В. Сибилева в архиве ИА НАНУ. Папка 2. №164.

Сібільов М. В. 1950. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського. *Археологія* IV. Киев, 99—114.

Скарби 2003: *Скарби землі Донецької*. 2003. Донецьк.

Смирнов А. П. 1951. *Волжские булгары*. Труды ГИМ XIX. Москва.

Спесивцев В. Ф. 1905. Находки в Райгородке. *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва, 153—157.

Стадник О. В., Кравцова Н. А. 2005. Грунтовый могильник периода Золотой Орды у с. Передельское на Луганщине. *Матеріали та дослідження Східної України*. Луганськ: СНУ ім. В. Даля, 300.

Супруненко О. Б., Приймак В. В., Мироненко К. М. 2004. *Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя*. Київ; Полтава: Археологія.

Тизенгаузен В. В. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 1. *Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Трифильев Е. П. 1905. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии летом 1901 г. *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва, 131—140.

Усачук А. Н., Полидович Ю. Б., Колесник А. В. 2004. Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность. *Археологический альманах* 14. *Курганы Донбасса*. Донецк, 13—55.

Федоров-Давыдов Г. А. 1960. Клады джучидских монет. *НЭ* 1, 94—192.

Федоров-Давыдов Г. А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: МГУ.

Федоров-Давыдов Г. А. 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда. В: Плетнева С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 229—236.

Федоровський О. 1928. Решткы культури татар Золотої Орди на Україні. *Східний Світ* 2, 288—289.

Хисматуллин А. А., Крюкова В. И. 1997. *Смерть и погребальный обряд в исламе и зороастризме*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Хлебникова Т. А. 1988. Неполивная керамика Болгара. В: Федоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности*. Москва: Наука, 7—102.

Ходжайов Т. К., Швецов М. Л. 1992. Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII—XIV вв. В: *Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье*. Междунар.

научный семинар ЮНЕСКО. Тез. докл. Донецк, 74—78.

Цыбин М.В. 2007. Архитектурный декор золотоордынского мавзолея у пос. Красный Воронежской области. В: *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.* II межд. науч. конф. (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.). Ялта, 114—115.

Шамрай А.В. 1995. Каменная иконка с Царина городища. В: *Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры (к 15-летию основания заповедника)*. Славяногорск: СГИАЗ, 67—70.

Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. 2009. Средневековые христианские древности в среднем течении Северского Донца. *Святогірський альманах. 2009*. Донецьк, 56—60.

Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. 2010. Христианское население среднего течения Северского Донца в X—XIII вв. *Святогірський альманах. 2010*. Донецьк, 49—55.

Швецов М.Л. 2013. Погребение знатной половчанки. *Археологический альманах* 30. Донецк, 307—318.

Швецов М.Л. 1974. Богате кочівницьке поховання з Донбасу. *Археологія* 13, 93—98.

Швецов М.Л. 1979. Половецкие святилища. *СА* (1), 202—207.

Швецов М.Л. 2004. Курганы у с. Самойлово (бассейн Грузского Еланчика, Северо-Восточное Приазовье). *Археологический альманах* 14. *Курганы Донбасса*. Донецк, 233—259.

Швецов М.Л. 1991. Могильник «Зливки». В: Рашев Р. (отв. ред.). *Проблеми на прабългарската история и култура* 2. София: Аргес, 109—123.

Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. 1989. *Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с. Маяки и пос. Донецкого Славянского района Донецкой области в 1989 г.* НА ИА НАНУ. №1989/249.

Шельди Н.М. 2002. *Булгаро-татарские монеты XIII—XV веков*. Казань: Титул.

Шрамко Б.А. 1962. *Древности Северского Донца*. Харьков: ХГУ.

Щербаков А., Дзысь И. 2001. *Куликовская битва*. Москва: Экспринт.

Якобсон А.Л. 1979. *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики*. Ленинград: Наука.

HH 2007: *Hermann historica* (electronic resource). URL: http://www.hermann-historica.de/auktion50/on_kat_A_gb.htm. Lot Nr.2007 (accessed 10.10.2007).

References

Akishev, K.A., Baipakov, K.M., Erzakovich, L.B. 1987. *Otrar v XIII—XV vv. (Otrar in 13th—15th cc.).* Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Apareeva, E.K., Krasil’nikov, K.I., Tel’nova, L.I. 2002. In *Visnik Luhanskogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka (Bulletin of Lugansk State Pedagogical University named after Taras Shevchenko)* 46 (2). Lugansk, 210—224 (in Russian).

Artamonova, O.A. 1963. In *Trudy Volgo-Donskoi ekspeditsii (Proceedings of Volga-Don Expedition) III.* Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Researches in Archaeology) 109, 9—215 (in Russian).

Astvartsaturian, E.G. 2002. *Turetskoe oruzhie v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Turkish Armament in the Collection of State Historical Museum).* Saint Petersburg: “Atlant” Publ. (in Russian).

Atanasov, G. 2002. In *Orăzhie i snaryazhenie prez kăsnata antichnost i srednovekovieto IV—XV v. (Weapons and Munitions in Late Antiquity and Middle Ages in 4th—15th cc.).* Acta Musei Varnensis I. Varna, 37—58 (in Bulgarian).

Bagalei, D.I. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 12th Archaeological Convention)* 1. Moscow, 1—94 (in Russian).

Berezin, S. Ya., Berezin, Ya.B., Narozhnyi, E.I. 2007. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 8. Armavir, 177—244 (in Russian).

Belyaeva, S.O., Kubyshev, A.I. 1995. *Poselennya Dniprovs’koho Livoberezhzhya X—XVst. (Settlements of the Left Bank of the Dnieper in 10th—15th cc.).* Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Ukrainian).

Bobcheva, L. 1978. In *Izvestiya na narodniya muzej Varna (Reports of Varna National Museum)* XIV (XXIX). Varna, 152—180 (in Bulgarian).

Valiullina, S. 2004. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 12—13 (1—2). Kazan, 157—191 (in Russian).

Vinnikov, A.Z., Tsybin, M.V. 2002. In *Novokhar’kovskii mogil’nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovsky Necropolis of the Golden Horde Time).* Voronezh: Voronezh State University, 14—105 (in Russian).

Vinogradov, V.B. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 267—269 (in Russian).

Volkov, I.V. 2002. In *Novokhar’kovskii mogil’nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovsky Necropolis of the Golden Horde Time).* Voronezh: Voronezh State University, 106—110 (in Russian).

Volkov, I.V. 2007. In *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor’ia i Sredizemnomor’ia v X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Eastern Europe, Northern Black Sea and Mediterranean Sea in 10th — 18th cc.).* Yalta, 33—42 (in Russian).

Volkov, I.V. 2008. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2006)* 23. Azov, 478—496 (in Russian).

Gerasimova, M.M., Rud’, N.M., Iablonskii, L.T. 1987. *Antropologiia antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy (Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gorodtsov, V.A. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 12th Archaeological Convention).* 1. Moscow, 110—130 (in Russian).

Gorodtsov, V.A. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 12th Archaeological Convention)* 1. Moscow, 174—225 (in Russian).

Gorodtsov, V.A. 1905 v. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 12th Archaeological Convention)* 1. Moscow, 226—340 (in Russian).

Grekov, B.D., Iakubovskii, A. Iu. 1950. *Zolotaia Orda i ee padenie (Golden Horde and Its Fall).* Moscow; Leningrad; Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Grib, V.K. 2008. In *Svyatohirs’kyj al’manakh (Svyatogorsk Almanac) 2008.* Donetsk, 7—11 (in Russian).

Darkevich, V.P. 1976. *Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII—XIII vv. (Artistic Metalwork in the Orient in 8th — 13th cc.).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Darkevich, V.P. 1985. In *Drevniaia Rus’. Gorod, zamok, selo (Ancient Russia. Town, Castle, Village).* Archaeology of USSR 15. Moscow: “Nauka” Publ., 387—411 (in Russian).

Evglevskii, A.V. 1992. In *Donetskii arkheologicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collected works)* 1, Donetsk, 107—116 (in Russian).

Evglevskii, A.V., Kul’baka, V.K. 2003. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov’ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk, 363—406 (in Russian).

Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden*

Horde in the 13th—14th Centuries). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Egorov, V.L., Poluboyarinova, M.D. 1974. In *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from Volga Region in the Middle Ages).* Moscow: "Nauka" Publ., 39—79 (in Russian).

Egorov, V.L., Fedorov-Davydov, G.A. 1976. In *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from Volga Region).* Moscow: "Nauka" Publ., 108—166 (in Russian).

El'nikov, M.V. 2006. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam ekspeditsii 1993—1994 gg.) (Medieval Necropolis of Mamai-Surka (Basing on Materials from the Research of 1993—1994))* 2. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).

Zakirova, I.A. 1988. In *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts).* Moscow: "Nauka" Publ., 220—243 (in Russian).

Zelenko, S.M. 1999. In *Vita antiqua* 2. Kiev, 223—234 (in Russian).

Katalog sluchainykh nakhodok iz arkheologicheskikh sobranii Donetskoi oblasti (Catalog of Stray Finds from Archaeological Collections in the Donetsk Region). Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac) 1. Donetsk (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 1.. *Mechi i sabli IX—XIII vv. (Swords and Sabers of 9th —13th cc.).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A.N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi v IX—XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th—13th cc..).* Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E-1—36. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kiselev, S.V. 1965. *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Klimenko, V.F. 1998. *Kurgany iuga Donetchiny (Barrows of the Southern Part of the Donetsk Region).* Yenakiievo (in Russian).

Klimenko, V.F., Usachuk A.N., Tsymbal V.I. 1994. *Kurgannye drevnosti Tsentral'nogo Donbassa (Barrow Antiquities of the Central Donbas).* Donetsk: "RIP Lebed'" Publ. (in Russian).

Klyuchnev, M. Ya. 1998. In *Problemy arkheologii Iugo-Vostochnoi Evropy (Problems of Archaeology of South-Eastern Europe).* Rostov-on-Don, 124—125 (in Russian).

Kniga Bol'shomu chertezhu (Book of Great Sketch). 1950. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kolchin, B.A. 1953. *Chernaia metallurgiia i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period)).* Materials and Researches in Archaeology 32. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kopyl, A.G., Tatarinov, S.I. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 267—273 (in Russian).

Kopyl, A.G., Tatarinov, S.I. 1990. In *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoi Evrope (Early Bulgarians and Finno-Ugrians in Eastern Europe).* Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 52—71 (in Russian).

Korzukhina, G.F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv. (Russian Hoards of 9th —13th cc.).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kosarev, M.F. 2003. *Osnovy iazycheskogo miroponimaniia: po sibirskim arkheologo-etnograficheskim materialam (Foundations of the Nomad Perceptions of the World: by Siberian Archaeological and Ethnographic Materials).* Moscow: "Ladoga-100" Publ. (in Russian).

Kosykov, V., Shapovalov, T. 1988. In *Pam'yatky Ukraïny (Monuments of Ukraine)* (1). Kiev, 44 (in Ukrainian).

Kravchenko, E.E. 2000. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk, 75—100 (in Russian).

Kravchenko, E.E. 2001. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 10. Donetsk, 255—260 (in Russian).

Kravchenko, E.E. 2001. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 10. Donetsk, 197—208 (in Russian).

Kravchenko, E.E. 2003. *Otchet o rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii Donetskogo Natsional'nogo universiteta na Sidorovskom arkheologicheskom komplekse v polevoi sezon 2003 g. (Progress Report of the Archaeological Expedition of Donetsk National University on the Sidorovsky Archaeological Complex in 2003 Field Season).* Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, № 2003/10 (in Russian).

Kravchenko, E.E. 2003. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk: Donetsk State University, 123—129 (in Russian).

Kravchenko, E.E. 2003. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk: Donetsk State University, 345—362 (in Russian).

Kravchenko, E.E. 2004. In *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 3. Kiev; Kharkov, 242—276 (in Russian).

Kravchenko, E.E. 2009. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)* Antiquities of Don 10. Azov: Azov Museum of Local Lore, 242—262 (in Russian).

Kravchenko, E.E. 2013. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 30. Donetsk, 278—302 (in Russian).

Kravchenko, E.E., Davydenko, V.V. 2001. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. Donetsk: Donetsk State University, 233—302 (in Russian).

Kravchenko, E.E., Miroshnichenko, V.V., Polidovich, Yu.B. 2002. In *Donetskii arkheologicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collected Works)* 10. Donetsk: Donetsk State University, 87—107 (in Russian).

Kravchenko, E.E., Petrenko, A.N., Shamrai, A.V. 2008. *Otchet ob issledovaniiakh na arkheologicheskom komplekse Maiaki v 2008 godu (Report on the Archaeological Investigations on the Mayaki Archaeological Complex in 2008).* Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine 2008/204 (in Russian).

Kravchenko, E.E., Tsimidanov, V.V., Kuzin V.I. 1998. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh v Slavianskom raione v 1998 g. (Report on Archaeological Investigations in the Slavyansk District in 1998).* Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1998/101 (in Russian).

Kravchenko, E.E., Tsimidanov, V.V., Miroshnichenko, V.V., Petrenko, A.N. 2005. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni (Archaeological Investigations in Ukraine) 2004—2005.* Kiev, 226—230 (in Russian).

Kravchenko, E.E., Shvetsov, M.L. 1990 a. In *Problemy issledovaniia pamiatnikov arkheologii Severskogo Dontsa (Problems of the Investigation of Archaeological Sites of Severskii Donets Region).* Lugansk: " Luganskaia Pravda" Publ., 134—136 (in Russian).

Kravchenko, E.E., Shvetsov, M.L. 1990b. In *Problemy arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (k 100-letiiu osnovaniia Khersonskogo muzeia drevnostei) (Problems of Archaeology of Northern Black Sea Region (on the occasion of 100th Anniversary since foundation of Kherson Museum of Antiquities))* 3. Kherson, 22—24 (in Russian).

Kravchenko, E.E., Shvetsov, M.L. 1992. In *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Problems of the Archaeology of the Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 102—113 (in Russian).

Kravchenko, E.E., Shvetsov, M.L. 1995. In *Materialy issledovanii, restavratsii i ispol'zovaniia pamiatnikov istorii i kul'tury (k 15-letiiu osnovaniia zapovednika) (Materials of Research, Restoration and Use of Historical and Cultural Sites (on the occasion of 15th Anniversary since foundation of the Reservation Park))*. Slavyanogorsk, 70—79 (in Russian).

Kruglov, E.V. 2006. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 8. Volgograd, 257—301 (in Russian).

Kuz'menko, E.D. 2000. In *Arkheologiia i drevniaia arkhitektura Levoberezhnoi Ukrainy i smezhnykh territorii (Archaeology and Ancient Architecture of the Left Bank Ukraine and Adjacent Territories).* Donetsk, 123—124 (in Russian).

Kuchugura, L.I. 2006. In *Mariupol' i ego okrestnosti: vzgliad iz XXI veka (Mariupol and Its Surroundings: a View from 21th Century)*. Mariupol: "Renata" Publ., 32—55 (in Rus-

sian).
Makarova, T.I. 1972. *Polivnaia keramika v Drevnei Rusi (Glazed Pottery in Early Rus')*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Makarova, T.I. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 241—246 (in Russian).
Makhneva, O.A. 1968. In *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma (Archaeological Investigations of Medieval Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 155—168 (in Russian).
Mikheev, V.K. 1970—1971. *Otchet ob issledovaniiakh arkheologicheskikh pamiatnikov v basseine Severskogo Dontsa v 1970 g. (Report on the Investigations of the Archaeological Sites in the Severskii Donets Basin in 1970)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine 1970/71 (in Russian).
Mikheev, V.K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (Don Basin As Part of Khazarian Khaganate)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).
Mukhammadiev, A.G. 1974. In *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 80—88 (in Russian).
Narozhnyi, E.I. 1987. In *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii (Salvage Archaeological Investigations in Kabardino-Balkaria)* 3. Nalchik (in Russian).
Otchet arkheologicheskoi komissii za 1898 g. (Report of the Archaeological Commission from 1898) 1901. Saint Petersburg (in Russian).
Pinevich, P.M. 1928. *Arkheologicheskie obsledovaniia na Mariupol'shchine i arkheologicheskie raskopki. Otchet P.M. Pinevicha, 1928 g. (Archaeological Surveys in Mariupol Region and Archaeological Excavations. Reported by P.M. Pinevich, 1928)*. Archive of Mariupol Museum of Local Lore, no.6935. Mariupol (in Russian).
Plano Carpini. 1957. In *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ., 23—86 (in Russian).
Pletneva, S.A. 2000. *Ocherki khazarskoi arkheologii (Essays on the Khazarian Archaeology)*. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ. (in Russian).
Polidovich, Yu.B., Tsimidanov, V.V., Kuzin, V.I. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh novostroechnoi ekspeditsii OOPA DOKM v 1992 g. (Report on Archaeological Fieldwalking of the Rescue Expedition of OOPA of the Donetsk Museum of Local Lore in 1992)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine 1992/84 (in Russian).
Polidovich, Iu.B., Usachuk, A.N., Kravchenko, E.E., Podobed, V.A. 2013. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 30. Donetsk, 36—135 (in Russian).
Potemkina, T.M. 2007. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Researches on the Archaeology of North Caucasus)*. 8. Armavir, 119—146 (in Russian).
Potemkina, T.M., Usachuk, A.N. 2000. In *Arkheologiia i drevniaia arkhitektura Levoberezhnoi Ukrainy i smezhnykh territorii (Archaeology and Ancient Architecture of the Left Bank Ukraine and Adjacent Territories)*. Donetsk, 120—123 (in Russian).
Privalova, O. Ya. 1998. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 7. Donetsk, 157—167 (in Russian).
Privalova, O. Ya., Privalov, A.I. 1988. *Spisok pamiatnikov arkheologii Ukrainy. Donetskaia oblast' (List of Archaeological Sites of Ukraine. Donetsk Oblast)*. Kiev: "Ukrovuzpoligraf" Publ. (in Russian).
Rudenko, K.A. 2004. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 12—13 (1—2). Kazan, 111—156 (in Russian).
Rudenko, K.A. 1992. In *Put' iz Bulgara v Kiev (The Path from Bulgar to Kiev)*. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature, History (in Russian).
Sagdeeva, R.Z. 2005. *Serebrianye monety khanov Zolotoi Ordy (Silver Coins of the Khans of the Golden Horde)*. Moscow (in Russian).
Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th —15th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
Sibilev, N.V. 1926. *Drevnosti Iziumshchiny* 2. *Arkheologicheskie razvedki v basseine Dontsa v 1920—1926 gg. (Antiquities of Iziumshchina* 2. *Archaeological Surveys in the Donets Basin in 1920—1926)*. Izium (in Russian).
Sibilev, N.V. 1928. *Starovynnosti Izyumshchyny (Antiquities of Iziumshchina)* 3. Izium (in Ukrainian).
Sibilev, N.V. 1930. *Starovynnosti Izyumshchyny (Antiquities of Iziumshchina)* 4. Izium (in Ukrainian).
Sibilev, N.V. b.g. *Opisanie Donetskikh stoianok (Description of Donetsk Stations)*. N.V. Sibilev's Manuscripts Fund in the Scientific Archive of the Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences. Folder 2. Nr. 164 (in Russian).
Sibilev, M.V. 1950. In *Arkheolohiya (Archaeology)* IV. Kiev, 99—114 (in Ukrainian).
Skarby zemli Donetskoï (Hoards of Donetsk Land). Donetsk (in Ukrainian).
Smirnov, A.P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgarians)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow (in Russian).
Spesivtsev, V.F. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 12th Archaeological Convention)* 1. Moscow, 153—157 (in Russian).
Stadnik, O.V., Kravtsova, N.A. 2005. In *Materiali ta doslidzhennia Skhidnoï Ukraïni (Materials and Research in the Archaeology of Eastern Ukraine)*. Lugansk, 300 (in Russian).
Suprunenko, O.B., Pryjmak, V.V., Myronenko, K.M. 2004. *Starozhytnosti zolotoordyns'koho chasu Dniprovs'koho lisostepovoho Livoberezhzhya (Antiquities of Golden Horde Period in the Forest-Steppe Zone of the Left Bank of the Dnieper)*. Kiev; Poltava: "Arkheolohiya" Publ. (in Ukrainian).
Tiesenhausen, V.V. 1884. *Sbornik materialov otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy* 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Compilation of Materials Related to the History of Golden Horde.* 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: "Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk" Publ. (in Russian).
Trifil'ev, E.P. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 12th Archaeological Convention)* 1. Moscow, 131—140 (in Russian).
Usachuk, A.N., Polidovich, Iu.B., Kolesnik, A.V. 2004. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 14. *Kurgany Donbassa (Barrows of Donbas)*. Donetsk, 13—55 (in Russian).
Fedorov-Davydov, G.A. 1960. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* 1, 94—192 (in Russian).
Fedorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
Fedorov-Davydov, G.A. 1981. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Arkheologiia SSSR (Archaeology of USSR) 18. Moscow: "Nauka" Publ., 229—236 (in Russian).
Fedorovs'kyj, O. 1928. In *Skhidnyj Svit (Eastern World)* (2), 288—289 (in Ukrainian).
Khismatullin, A.A., Kriukova, V.I. 1997. *Smert' i pogrebal'nyi obriad v islame i zoroastrizme (Death and Funeral Rite in Islam and Zoroastrianism)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
Khlebnikova, T.A. 1988. In *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti ((Town of Bolgar. Essays on Handicrafts))*. Moscow: "Nauka" Publ., 7—102 (in Russian).
Khodzhaiov, T.K., Shvetsov, M.L. 1992. In *Stepi Vostochnoi Evropy vo vzaimosviazi Vostoka i Zapada v srednevekov'e (Steppes of Eastern Europe in Interconnection of East and West in the Middle Ages)*. Donetsk, 74—78 (in Russian).
Tsybin, M.V. 2007. In *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Eastern Europe, Northern Black Sea and Mediterranean Sea in 10th — 18th cc.)*. Yalta, 114—115 (in Russian).

Shamrai, A.V. 1995. In *Materialy issledovanii, restavratsii i ispol'zovaniia pamiatnikov istorii i kul'tury (k 15-letiiu osnovaniia zapovednika) (Materials of Research, Restoration and Use of Historical and Cultural Sites (on the occasion of 15th Anniversary since foundation of the Reservation Park))*. Slavyanogorsk, 67—70 (in Russian).

Shamrai, A.V., Solovkin, A.A., Filippov, A.P. 2009. In *Sviatogirs'kii al'manakh (Svyatogorsk Almanac).* Donetsk, 56—60 (in Russian).

Shamrai, A.V., Solovkin, A.A., Filippov, A.P. 2010. In *Sviatogirs'kii al'manakh (Svyatogorsk Almanac).* Donetsk, 49—55 (in Russian).

Shvetsov, M.L. 2013. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 30. Donetsk, 307—318 (in Russian).

Shvetsov, M.L. 1974. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 13, 93—98 (in Ukrainian).

Shvetsov, M.L. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 202—207 (in Russian).

Shvetsov, M.L. 2004. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 14. *Kurgany Donbassa (Barrows of Donbas).* Donetsk, 233—259.

Shvetsov, M.L. 1991. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)* 2. Sofia: "Arges" Publ., 109—123 (in Bulgarian).

Shvetsov, M.L., Kravchenko, E.E. 1989. *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniiakh na pamiatnike u s. Maiaki i pos. Donetskogo Slavianskogo raiona Donetskoi oblasti v 1989 g. (Report on Rescue Archaeological Research on the Site at Mayaki and Donetsky Village in Slavyansk Raion of Donetsk Oblast in 1989).* Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no.1989/249 (in Russian).

Sheldi, N.M. 2002. *Bulgaro-tatarskie monety XIII—XV vekov (Bulgarian-Tatar Coins in 13th—15th Centuries).* Kazan: "Titul" Publ. (in Russian).

Shramko, B.A. 1962. *Drevnosti Severskogo Dontsa (Antiquities of the Seversky Donets).* Kharkov: Kharkov State University (in Russian).

Shcherbakov, A., Dzys', I. 2001. *Kulikovskaia bitva (Battle of Kulikovo).* Moscow: "Eksprint" Publ. (in Russian).

Jakobson, A.L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nermann historica (electronic resource). URL: http://www.hermann-historica.de/auktion50/on_kat_A_gb.htm. Lot Nr.2007 (accessed 10.10.2007)

М. В. Ельников

Mikhail Elnikov. Candidate of Historical Sciences. Zaporizhzhya National University[1].

Ельников Михаил Васильевич. Кандидат исторических наук. Запорожский национальный университет.

E-mail: elnikov@meta.ua

Address: [1] Zhukovsky St., 66, Zaporizhzhya, 69063, Ukraine

Памятники золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье

Keywords: Lower Dnieper region, Golden Horde period, nomadic population, sedentary population, urban centres, Mamai Horde.

Ключевые слова: Нижнее Поднепровье, золотоордынский период, кочевое население, оседлое население, городские центры, Мамаева орда.

M. V. Elnikov

Monuments of the Golden Horde Period in the Lower Dnieper Region

The scope of this article is to give a short characteristic to the sites of sedentary (Slavic, Alan, Bulgar) and nomad (Turk) population from the Lower Dnieper region, poorly presented in the literature. The sites include hillforts, settlements, ground and barrow necropolises, coin hoards and various individual finds. All these materials are presented according to a certain structure: cartography, dating, history of research, short description of main complexes and categories of finds. This analysis will allow the specialists to produce in the future a much more comprehensive picture of ethnocultural processes and dimensions of urban construction in the Lower Dnieper region, as well as to ascertain the reasons behind the selection of this territory as administrative and political centre of Mamai Horde.

М. В. Ельников

Памятники золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье

Целью статьи является краткая характеристика памятников оседлого (славянского, аланского и болгарского) и кочевого (тюркского) населения Нижнеднепровского региона, материалы которых слабо освещены в литературе. В их числе — городища, селища, грунтовые и курганные могильники и отдельные погребения, клады монет и различные отдельные находки. Они картографированы, приводятся их датировки, история исследований, краткое описание основных комплексов и категорий находок. Это позволит в дальнейшем создать более целостную картину этнокультурных процессов и масштабов градостроительства, которые происходили на Нижнем Днепре, а также выяснить причины выбора этой территории в качестве административно-политического центра Мамаевой орды.

Нижнеднепровский регион, расположенный на пересечении водных и сухопутных магистралей, в IX — первой четверти XIII в. занимал важное место в транзитной торговле Киевской Руси и городов Крымского полуострова. Оседлое население, представленное в низовьях Днепра славянскими мигрантами из Среднего Поднепровья и потомками салтово-маяцкой культуры — аланами и болгарами, находилось в относительно мирных отношениях с тюркоязычными кочевниками.

Отсутствие надежно датирующих памятников, несмотря на значительную источниковедческую базу (Ельников 2001б: 142—187; Єльников 2004: 40—55), предопределило вывод о крайне негативной роли «монгольского фактора» для исторических судеб оседлого населения (Сміленко 1975: 186—192). Возникновение на Нижнем Днепре Кучугурского городища и «нумизматической провинции» в Северном Приазовье (Федоров-Давыдов 1973: 134; 1994: 12) в 70—80-х гг. XIV в. традиционно связывается с перемещением сюда административно-политического центра Мамаевой орды (Григорьев 1983: 33—35). По мнению исследо-

© М. В. Ельников, 2015.

вателей, геополитический фактор (близость русско-литовской границы и охрана подступов к Крыму), в условиях насильственного прекращения оседлой жизни, был решающим в выборе этого региона темником Мамаем (Григорьев 1990: 152—158; Варваровский 1999: 278).

Существование ряда других протогородских и городских центров, упоминавшихся в топографических описаниях конца XVI — первой половины XIX в. (Єльников 2004: 41), рассматривается довольно осторожно (Егоров 1985: 86—87; Федоров-Давыдов 1994: 40—41; 1997: 88). Последнее связано как с крайне слабым введением в научный оборот результатов работ на этих памятниках, так и, на наш взгляд, с различными подходами к понятию «городище» относительно поселений эпох Киевской Руси и Золотой Орды (Єльников 2006: 45—51).

Каталог кочевнических древностей золотоордынского периода Нижнего Поднепровья, составленный Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов 1966: 259—260), констатировал *status quo* середины 1960-х гг.: «Заселение самарского течения Днепра, возможно, шло с юга, из районов р. Молочной, обезлюдевших в IV период, и из степей никопольского течения Днепра. …Но в целом в IV периоде вряд ли были какие-либо крупные переселения кочевых племен в этот район нижнего течения Днепра» (Федоров-Давыдов 1966: 153). Открытие в 1981 г. уникального половецкого комплекса «Чингульского хана» (Отрощенко, Рассамакін 1986: 14—36; Отрощенко, Рассамакин 1988: 39—40; Отрощенко, Вовк 2000: 81—89) позволило снять остроту этой проблемы. Это также относится к поселениям оседлого населения, пережившего монгольское нашествие и продолжавшего существовать и в золотоордынский период (Козловский 1980: 159; Козловський 1992а: 104—126). Во второй половине XIII — XIV вв. появились новые памятники, как констатирует А.А. Козловский, однако изучены они недостаточно (Козловський 2002: 127—133).

Целью статьи является краткая характеристика памятников оседлого и кочевого населения нижнеднепровского региона в золотоордынский период, материалы которых слабо освещены в литературе. Это позволит в дальнейшем представить более целостную картину происходящих этнокультурных процессов и масштабов градостроительства на Нижнем Днепре, определить причины выбора этой территории в качестве административно-политического центра Мамаевой орды.

Малая Хортица (рис. 1: 1) — *селище X(?)—XII—XIV вв.* Остров Малая Хортица (другие названия — о. Байда или Канцеровский) расположен в старом русле Днепра, в 210 м на запад от о. Хортица, в границах современного г. Запорожье. В начале 1970-х гг. А.В. Бодянским на северной оконечности острова обнаружены следы земляночных жилищ с гончарной керамикой XII—XIV вв. и признаками косторезного производства из рогов оленей (Бодянский 1972: 25). Совместной экспедицией национального заповедника о. Хортица и ИА НАН Украины в 1990—1991 гг. на территории памятника (раскоп №1) были выявлены слои поселения X—XIII вв. и позднего средневековья (Ильинский 1990; Ильинский, Козловский, Пустовалов 1991). Установлено, что в период русско-турецкой войны в 1736 г. культурный слой этого участка был значительно нарушен. В остатках сгоревших укреплений типа «городни» обнаружены железные ромбовидные, бронебойного типа и «позднекочевнические» черешковые наконечники стрел, широко распространенные в XIII—XV вв. (Ильинский, Пустовалов 1992: 20; Іллінський 1992: 9).

«Протолчий брод» (рис. 1: 2) — *селище X—XIV вв.* Расположено в южной части о. Хортица, над оз. Осокоровым, в границах г. Запорожья. Открыто А.В. Бодянским в 1972 г. (Бодянський 1977: 7). Исследования проводились в 1976—1980 гг. экспедицией Национального заповедника о. Хортица, вскрытая площадь составила 3286 м^2. Авторы раскопок выделили в культурном слое памятника два стратиграфических горизонта — ранний (X—XI вв.) и поздний (XII—XIII вв.) (Сокульский, Шевченко, Бодянский, Рогожкина 1977: 373—374). Однако, обнаруженные в северо-западной и северо-восточной частях селища постройки дали совершенно иной материал. Строения площадью от 96 до 180 м^2, полуземляночного типа, прямоугольные в плане, с прямыми стенками, углубленными на 0,9—1,3 м от уровня современной поверхности, с ямками от опорных столбов и следами глиняной обмазки. Постройки размещались вдоль оз. Осокорового пятью рядами, в заполнении встречено значительное количество больших литейных тиглей, фрагменты чугунных казанов, замки, ножи, наконечники стрел, подпружные пряжки, фрагменты посуды (преимущественно тарной), поливной керамики, крест-энколпион, стеклянные бусы, серьга в виде знака вопроса, глиняная расписная писанка (Сокульский, Шевченко 1978: 102; Шевченко 1990: 202—203). Интерес

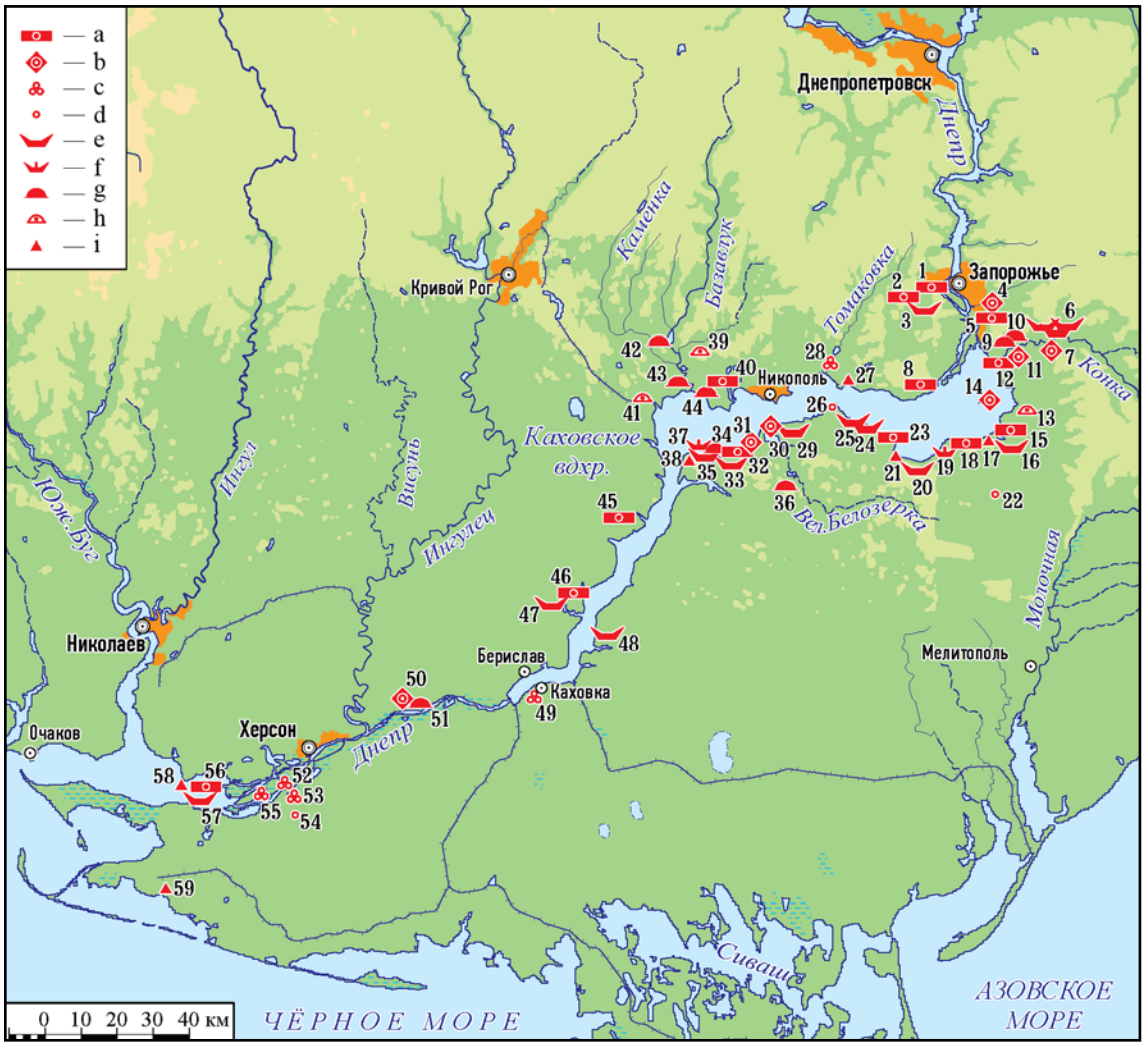


Рис. 1. Памятники Нижнего Поднепровья периода Золотой Орды: a — поселения; b — городища; c — клады или группы; d — отдельные монеты; e — грунтовые могильники; f — отдельные грунтовые погребения; g — курганные могильники; h — отдельные курганные погребения; i — отдельные находки. 1 — Малая Хортица; 2, 3 — «Протолчий брод»; 4 — Виноградный; 5 — Нижняя Хортица; 6 — «Конские Воды»; 7 — Мечеть-Могила; 8 — Портмашево; 9 — Новогригоровка; 10 — Григоровка; 11 — Веселое; 12 — Приморское I; 13 — Каменское; 14 — Большие Кучугуры; 15, 16 — Верхняя Криница; 17 — Лысая Гора; 18 — Грузинка; 19 — Маячка; 20 — Балки; 21 — «Узвоз»; 22 — Пришиб; 23, 24 — Благовещенка; 25, 26 — Ивановка; 27 — Грушевка I; 28 — Красногригорьевка; 29 — Каменка-Днепровская; 30 — Каменское городище; 31 — Знаменское городище; 32, 33 — Мамай-Сурка; 34, 35 — Мамай-Гора; 36, 37 — Великая Знаменка; 38 — Михайловка; 39 — Шолохово; 40 — Алексеевка; 41 — Марьянское; 42 — Каменка; 43 — Грушевка; 44 — Кут; 45 — Гавриловка; 46, 47 — Республиканец («Стрелка»); 48 — Каиры; 49 — Каховка; 50, 51 — Тягинское городище и могильник; 52 — Голая пристань; 53 — Великая Кардашинка; 54 — Малые Копани; 55 — Новая Збруевка; 56—58 — Великий Потемкинский остров; 59 — Приморское II.

Fig. 1. Sites of Lower Dnieper region from Golden Horde period: a — settlements; b — hillforts; c — hoards or groups; d — separate coins; e — ground necropolises; f — separate ground burials; g — barrow necropolises; h — separate burials; i — separate finds. 1 — Malaia Khortitsa; 2, 3 — “Protolchii brod”; 4 — Vinogradnyi; 5 — Nizhnyaya Khortitsa; 6 — “Konskie Vody”; 7 — Mechet’-Mogila; 8 — Portmashevo; 9 — Novogrigorovka; 10 — Grigorovka; 11 — Veseloe; 12 — Primorskoe I; 13 — Kamenskoe; 14 — Bol’shie Kuchugury; 15, 16 — Verkhnyaya Krinitsa; 17 — Lysaya Gora; 18 — Gruzinka; 19 — Mayachka; 20 — Balki; 21 — “Uzvoz”; 22 — Prishib; 23, 24 — Blagoveshchenka; 25, 26 — Ivanovka; 27 — Grushevka I; 28 — Krasnogrygor’evka; 29 — Kamenka-Dneprovskaia; 30 — Kamenskoe hillfort; 31 — Znamenskoe hillfort; 32, 33 — Mamai-Surka; 34, 35 — Mamai-Gora; 36, 37 — Velikaia Znamenka; 38 — Mikhailovka; 39 — Sholokhovo; 40 — Alekseevka; 41 — Maryanskoe; 42 — Kamenka; 43 — Grushevka; 44 — Kut; 45 — Gavrilovka; 46, 47 — Respublikanets (“Strelka”); 48 — Kairy; 49 — Kakhovka; 50, 51 — Tiaginskoe hillfort and necropolis; 52 — Golaia pristan’; 53 — Velikaia Kardashinka; 54 — Malye Kopani; 55 — Novaia Zbruevka; 56—58 — Velikii Potemkinskii ostrov; 59 — Primorskoe II.

представляет асимметричный железный лемех, тип которого встречается на древнерусских поселениях, в Старом Орхее во второй половине XIII — XIV вв. Обнаружены джучидские дирхемы Джанибека, чекан Сарая 1344—1349 гг. и Кильдибека, чекан Азака 1361—1362 гг. (Ильичева 1988: 51; Козловський, Ільїнський 1991: 46; Козловський 1992а: 31, табл. 14; Сокульський, Шевченко 1995: 6).

— *грунтовый могильник XII—XIV вв. (?)* (рис. 1: 3). Располагался на территории селища. Исследовано 4 погребения[1]. Одно погребение обнаружено в центре постройки (1976 г.), на глубине 1,5 м. Погребенный лежал в яме с подбоем вытянуто на спине, головой на запад. Правая рука вытянута вдоль туловища, лежала на ручке красноглиняной византийской амфоры, левая — согнута в локте. В заполнении могильной ямы обнаружены угольки, куски сильно обожженной печины, фрагменты славянской и византийской керамики. В 3-х захоронениях погребенные лежали головой на С и ЮЗ, лицевой частью на Мекку. В одном парном погребении (жилище 1, 1977 г.) среди находок выявлены бусы, шарнирные ножницы и орнаментированное зеркало в футляре (Козачек 1988: 50—51; Казачек 1990: 17).

Виноградный (рис. 1: 4) — *городище XIV—XV вв.* Расположено на южной оконечности о. Хортица, около оз. Подкручного, вблизи селища «Протолчий брод» (территория г. Запорожья). Выявлено в ходе разведок 1990 г. В.Е. Ильинским на месте снесенного поселка Виноградный. Городище площадью 6 га занимает возвышающийся на 12 м над уровнем р. Днепр плоский холм, доминирующий над южной оконечностью острова и плавнями. Холм имеет прямоугольную форму, вытянут с юга на север на 160 м при длине южного склона 100 м. В юго-восточном секторе холма заложены две траншеи, третьей траншеей перерезан южный склон. Обнаружены остатки земляного вала, укрепленного плетеными из лозы «кошами», заполненными землей и песком, и рва; 9 построек, стенки одной обложены сырцовым кирпичом «золотоордынского типа» (рис. 2). Среди находок в третьей траншее выявлена трапезундская амфора 1340-х гг. (по клейму), что, по мнению авторов раскопок, «может датировать начальный этап бытования укреплений на поселении». Наиболее массовым представлен керамический материал, близкий золотоордынским слоям Тмурокани, Азова, Крыма, Поволжья, Южного Поднепровья. По указанию исследователей, обнаружен редкий тип поливной керамики, который известен в Крыму в трех пунктах: Симеиз, Гурзуф и Мангуп. Выявлено одно захоронение, где погребенный находился в сидячем положении в яме с подбоем (Ильинский 1991: 16—17; Козловський, Ільїнський 1991: 46—47; Ильинский, Козловский 1993: 250—263; Козловський 1998: 301).

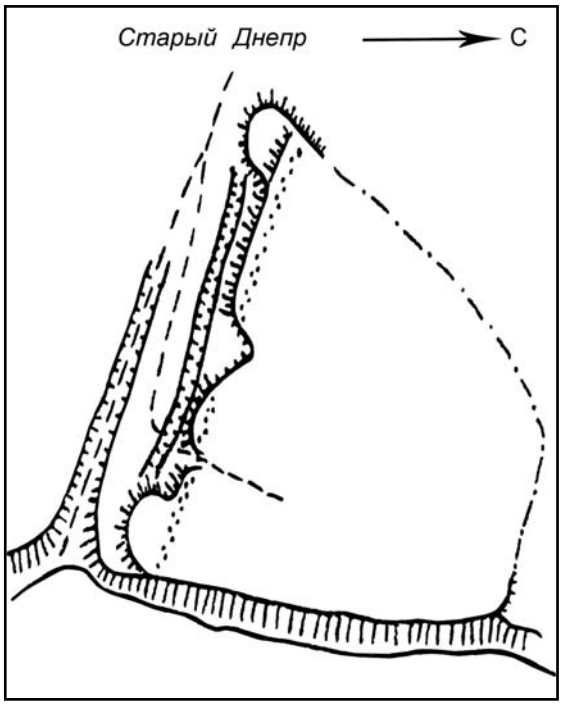


Рис. 2. Валы городища Виноградный (по Козловський, Ільїнський 1991: 47, рис. 3: 2).

Fig. 2. Ramparts of Vinogradnyi fortified settlement (after Козловський, Ільїнський 1991: 47, рис. 3: 2).

Нижняя Хортица (рис. 1: 5) — *селище XII—XIV вв.* Расположено на невысоком мысу правого берега Днепра, напротив южной оконечности о. Хортица, на территории с. Нижняя Хортица Запорожского района Запорожской области. Селище выявлено в 1992 г. при прокладке трубопровода. В ходе спасательных работ ЗКМ под руководством И.Р. Тихомоловой исследовано 34 жилых и хозяйственных комплекса. Хозяйственные ямы имели подовальную в плане форму, керамический материал из них представлен древнерусской гончарной, золотоордынской тарной и лепной керамикой. В остеологическом материале преобладали кости крупного рогатого скота, помимо этого — кости овец, коз, лошадей, свиней, птицы и рыбы (Тихомолова 1993: 11).

[1] Материалы не опубликованы.

«Конские Воды» (рис. 1: 6) — *могильник XIV в.* Расположен у с. Кирово Ореховского района Запорожской области, у слияния рек Конка (Конские Воды) и Жеребец (на картах XVIII—XIX вв. — Мечетная). Первое упоминание о памятнике встречается в «Книге Большому Чертежу»: «А по правой стороне Конских Вод, от Днепра 60 верст, 7 кешеней[2] татарских мечетей» (Книга Большому Чертежу 1950: 110). Московские послы В. Тяпкин и Н. Зотов видели (14 октября 1680 г.) в этих местах «капищные и домовые старинные жилища крымских татар, которые от древних лет рушились до основания; токмо знатна одна каменная башня. И о тех жилищах Крымские гонцы сказывали, что де в тех местах были юрты истари крымского хана Мамая; а запустели и разорились и перенеслись за Перекопь, когда победил ево Мамая со всеми его Бусурманскими силами на Куликовском поле на реках на Дону и на Непрядве блаженные и вечнодостойные памяти Великий князь Дмитрий Иванович Московский» (Мурзакевич 1850: 572). На картах 1751 г. де Боксета (Боксет 1751) и 1769 г. Е. Ф. Шмита (Шмит 1769) у берегов Жеребца обозначено несколько мечетей (рис. 3; 4). В неопубликованной работе запорожского краеведа В. Г. Фоменко содержится информация о наличии у Мечетной 38 мавзолеев, которые отмечены на карте второй четверти XVIII в. (Фоменко 1974: 2—8). В 1950 г. у Кирово случайно выявлены квадратные обожженные кирпичи, размерами 22,5 × 22,5 × 5 см, покрытые с одной стороны поливой зеленовато-бирюзового цвета. В 2007 г. автором локализован один мавзолей на западной окраине населенного пункта. Планомерных исследований памятника не проводилось.

Мечеть-Могила (рис. 1: 7) — *городище (?) XIV в.* Расположено напротив «Конских Вод», в 0,6 км на ЮЗ от с. Юрковка Ореховского района Запорожской области, на естественном песчанистом возвышении левого берега р. Конки (в 1,5 км на СВ от реки), носящем название Мечеть-Могила (по легенде, здесь находилась татарская крепость, возле которой вырос аул с мечетью). С юга городище отграничено балкой «Московской». После присоединения в 1774 г. этой территории к Российской империи здесь, на месте татарского аула или каких-то «турецких» сооружений (?), возникло поселение под названием Аул (с 1862/5 (?) по 1921 гг. — с. Белицкое). По сообщениям, в середине XIX в. через село проходил Старый чумацкий шлях (Історія міст... 1970: 526, 556—557). По сообщениям местных жителей, до конца 1940-х — начала 50-х гг. стены зданий возвышались на высоту до 1 м, однако, посадкой лесонасаждений они были уничтожены.

Сотрудниками ЗКМ — И. Р. Тихомоловой и З. Х. Попандопуло, в 1993 г. здесь открыты остатки кирпичного строения на каменном фундаменте. Стены здания облицованы кашинными майоликовыми изразцами (Попандопуло, Тихомолова 1993: 38—40). В 2005 г. вблизи Мечеть-Могилы случайно был обнаружен фрагмент пилона здания из известняка, орнаментация которого близка капители мечети Узбека 1314 г.[3] В ходе осмотра памятника в 2007 г. выявлено два всхолмления, одно из которых, высотой до 0,7 см, представляло собой прямоугольник 24 × 21 м, вытянутый по оси С-Ю (частично исследовалось в 1993 г.). На поверхности фиксировалось большое скопление битого обожженного кирпича, известнякового раствора, фрагментов баз пилонов (?) из песчаника. В центре всхолмления, в грабительском шурфе, отмечено большое содержание майоликовых кашиных изразцов белого, желтого и синего цветов. Второе всхолмление, высотой до 0,4 м, округло-квадратной формы, размерами 21 × 21 м, находилось к югу. На его поверхности встречались фрагменты подработанных известняковых плит. Вероятно, здесь же находилось еще одно строение, о чем можно судить по скоплению битых плит из известняка и гранита (?).

Портмашево (рис. 1: 8) — *селище XII—XIV вв.* Памятник расположен в 2—2,5 км к ЮЮЗ от с. Беленькое Запорожского района Запорожской области, на правом берегу Каховского водохранилища, в районе урочища Портмашево. Селище выявлено и частично обследовано в 1957 г. А. В. Бодянским. Памятник многослойный — скифского, черняховского времени и XII—XIV вв. (Шапошникова, Бодянський, Щепинський 1957: 14). По сообщениям исследователя, за период 1957—1959 гг. основная часть селища была размыта и оказалась под водой (Бодянський 1977: 7). Частично памятник исследовался сотрудниками ЗОКМ в 1983 г. (Попандопуло 1983: 4). В ходе работ 1990—1993 гг. под руководством Ю. И. Благовещенского здесь выявле-

[2] Кешени, по-видимому, от балкарск. — «кешене» или кабардин. — «кэшанэ», что означает мавзолей, надгробное сооружение.

[3] Находка не опубликована.

Рис. 3. Фрагмент карты: «Генеральная карта… 1751 г.», составленной Г. де Боксетом (РГВИА. Ф. ВУА, № 26042).

Fig. 3. Fragment of „General map… of 1751", compiled by G. de Bokset (Russian State Archive of Military History, Archive of Military History Fund, no. 26042).

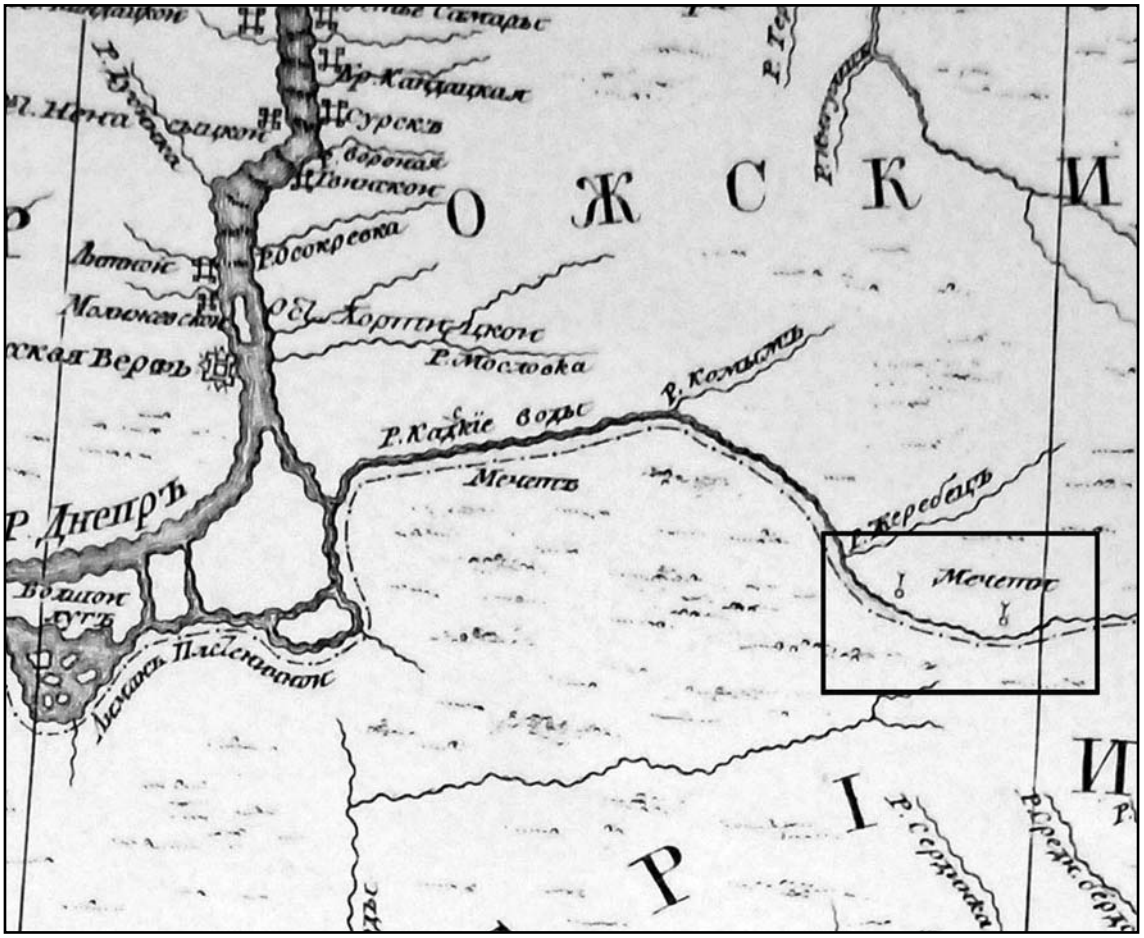


Рис. 4. Фрагмент «Пограничной карты... 1769 г.», составленной Е.Ф. Шмитом (РГВИА. Ф. ВУА, №24089).

Fig. 4. Fragment of „Boundary map of... 1769", compiled by E.F. Schmidt (Russian State Archive of Military History. Archive of Military History Fund, no. 24089).

ны остатки трех полуземлянок и двух хозяйственных ям с керамикой золотоордынского времени. Жилища представлены полуземлянками неправильной в плане четырехугольной формы; конструкция стен глинобитная, печи встроены в короткую северную стену, у северо-восточного угла, и имели подовальную конструкцию. Хозяйственные ямы имели округлую в плане и грушевидную в профиле форму, диаметром 1,4—1,65 м, глубиной 1,2—2,25 м от современной поверхности (Попандопуло, Тихомолова 1990: 5; Благовещенский 1992; 1993; Благовещенський 1993: 11—12). Среди керамического материала — посуда среднеднепровского типа XII—XIV вв. (по А.А. Козловскому — типы VI, VII а-б, VIII а-б, IX) (Козловський 1992а: 79—86, 117). Часть кухонных горшков (тип VI) покрыта глазурью зеленого, желтого, коричневого цветов плохого качества (Козловський 1992а: 96, рис. 56: 8, 9).

Новогригоровка (рис. 1: 9) — *курганный могильник первой половины XIV в.* Располагался у с. Григоровка Запорожского района Запорожской области, на правом берегу р. Конка (прежнее название — с. Новогригоровка Александровского уезда Екатеринославской губернии). Исследовался Д.Я. Самоквасовым в 1883 г. На восток от «Бесчастной могилы» исследовано пять курганов золотоордынского периода с одиночными основными погребениями (курганы №12—16) (рис. 5). На подошве всех курганов отмечены выкладки из сырцового кирпича, камыша со следами огня, могильные ямы ограждены вокруг камнем-известняком. Захоронения ограблены, костяки лежали в ямах с подбоями (подбои перекрыты 4—5 плитами известняка или досками и брусками) головой на север, среди остатков инвентаря — предметы вооружения и снаряжения коня, украшения и остатки одежды (Самоквасов 1886: 198—200, 206—207; 1908: 238; Федоров-Давыдов 1966: 160).

Григоровка (рис. 1: 10) — *курганный могильник XIV в.* Д.И. Яворницкий в 1903—

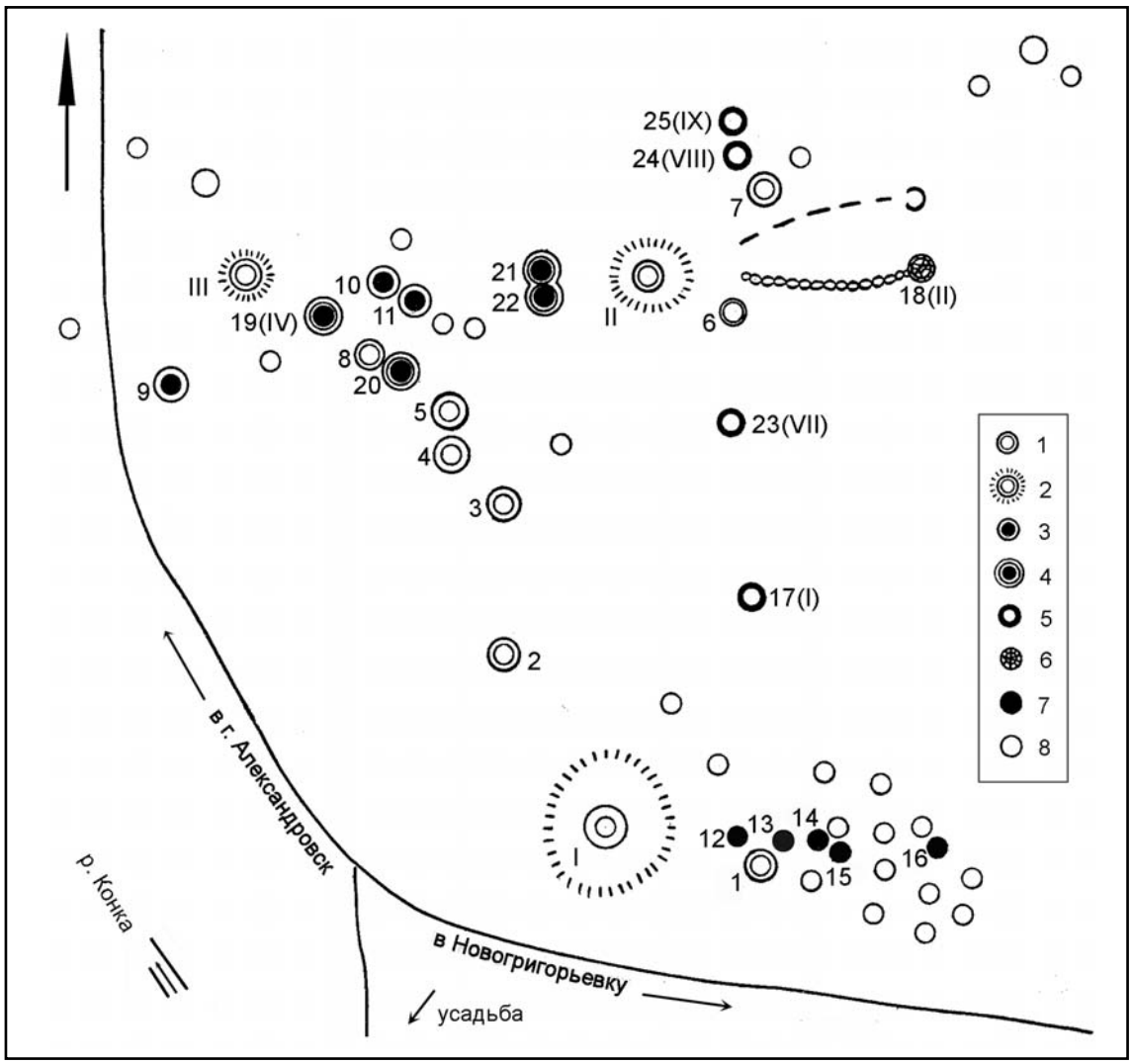


Рис. 5. Новогригоровское курганное поле по Д.Я. Самоквасову (по Семенов 1988: 98, рис. 1). 1, 2 — насыпи с погребениями эпохи бронзы; 3 — насыпи с погребениями скифского времени; 4 — скифские курганы, ошибочно отнесенные Д.Я. Самоквасовым к числу «особого вида могил»; 5 — насыпи с гуннскими захоронениями; 6 — ритуальная площадка на конце «уса»; 7 — курганы поздних кочевников; 8 — нераскопанные насыпи.

Fig. 5. Novogrigorovsk barrow field according to D.Ya. Samokvasov (after Семенов 1988: 98, рис. 1). 1, 2 — barrows with Bronze Age burials; 3 — barrows with Scythian burials; 4 — Scythian barrows, erroneously related by D.Ya. Samokvasov to "graves of special type"; 5 — barrows with Hun burials; 6 — ritual ground at the end of the "moustache"; 7 — barrows of Late Nomads; 8 — not excavated barrows.

1904/5 гг. у с. Григоровка проводил раскопки группы курганов — «рясных могил» (вероятно, часть из них до этого исследовал Д.Я. Самоквасов). В шести насыпях (курганы №1—6) исследовано по одному основному захоронению золотоордынского периода. В четырех случаях над деревянными настилами-перекрытиями зафиксированы «чучела» лошадей — череп и кости ног, ориентированные мордами на Ю и ЮЗ. В кургане 1 «чучело» лошади находилось рядом с погребенным. В челюстях находились удила, под черепами — стремена. В кургане 6 костей лошади не выявлено. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на Ю и ЮЗ. Среди находок — предметы вооружения, детали конской упряжи, украшения и бытовые изделия, головной убор типа «бокка» (курган 4) (Эварницкий 1907: 146—147; Каталог 1905: 55—57; 1910: 94—95; Малиновская 1974: 137—138, 159—160, табл. XIII, №41). Погребения Григорьевского могильника Д.И. Яворницким определены как «тюркско-татарские» и датированы XIII—XIV вв. (Эварницкий 1907: 115—117).

Веселое (рис. 1: 11) — *городище (?) XIV в.* Городище располагалось на правом берегу р. Конка, у с. Веселянка Запорожского райо-

на Запорожской области (в прошлом — с. Веселое Мелитопольского уезда Таврической губернии). Вероятно, топографическое указание на этот памятник встречается на картах 1751 и 1769 гг. (рис. 3; 4). Исследовался в 1903—1905 гг. Д.И. Яворницким и определен как «тюркско-татарское городище» XIII—XIV вв. Описание городища отсутствует, поступившие в Екатеринославский музей им. А.Н. Поля (сейчас — Днепропетровский музей им. Д.И. Яворницкого) находки состояли из фрагментов гончарной поливной и неполивной керамики, обработанных плит и квадратного кирпича, предметов конской сбруи. Среди монет — дирхемы Мухаммед-Булака, чекан Орды 771—786 (?) гг.х., пул Кильдибек-хана, чекан Азака 763 г.х., два дирхема конца XIV — начала XV в., 4 неопределенных пула XIV в. (Каталог 1905: 58—59; 1910: 97—99).

Приморское I (рис. 1: 12) — *селище XIV (?) в.* Расположено на южной окраине с. Приморское Васильевского района Запорожской области, на левом берегу Каховского водохранилища. До создания искусственного «моря» это был мыс при входе р. Конки в плавни Великого Луга. В 2007 г. на пологом склоне безымянной балки местным краеведом С.В. Дзюбой обнаружены фрагменты обожженного кирпича, керамических водопроводных труб и остатки поливного шлака. Планомерные исследования памятника не проводились.

Каменское (рис. 1: 13) — *курганное погребение второй половины XIII — XIV вв.* Выявлено на левом берегу Каховского водохранилища у с. Каменское Васильевского района Запорожской области. Исследования сотрудника ЗКМ И.Р. Тихомоловой. Золотоордынское погребение впущено в насыпь кургана 2 (п. 5) позднеямного времени. Курган входил в состав могильника, расположенного на плато левого берега р. Янчекрак. Среди находок — наконечники стрел, поясная пряжка (Тихомолова 1992: 80).

Большие Кучугуры (рис. 1: 14) — *городище XIV—XV (?) вв. (город Орду (?) времен темника Мамая).* Располагалось в плавневой части Великого Луга, у левого берега Днепра, в урочище Большие Кучугуры. Памятник находится в Васильевском районе Запорожской области (в 30 км к югу от областного центра). До создания Каховского водохранилища урочище представляло собой обширную местность, которая возвышалась над заболоченным участком. С восточной и южной сторон эту местность ограничивала р. Конка; с западной — р. Кушугум и Лопушка. С северной стороны простиралась низменность, пересеченная болотами и озерами. Западная часть Больших Кучугур состояла из песчаных дюн.

Первое упоминание о городище встречается у австрийского дипломата конца XVI в. Эриха Лясоты: «…прошли перед Конкой, которая здесь впервые соединяется с Днепром и вместе с ним образует остров, на котором находится древнее городище «Kurzemal» (Лясота 1984: 109). «Книга Большому Чертежу» упоминает о «городке Мамаев Сарай» на Днепре: «А ниже Московки реки пала в Днепр река Чекра; да ниже Московки 30 верст, с Крымской стороны 30 верст, на Днепре городок Мамаев Сарай» (Книга Большому Чертежу 1950: 111). А.Ф. Кащенко в начале XX в. указывал на возможность существования в плавнях Великого Луга двух городищ — Большого и Малого (Кащенко 1917: 416; 1991: 409—411). Я.П. Новицкий, побывавший на «Большом городище» в 1901 г., располагавшемся в 7 верстах от с. Беленькое, отмечал, что до наводнения на Днепре 1845 г. оно было длинным и широким. Размеры городища в длину 340 шагов, в ширину 120, в окружности 760 шагов. Здесь встречались в большом количестве человеческие кости, фрагменты керамических труб и посуды, серебряные монеты, обожженный кирпич (Новицкий 1992: 105—106, 108).

Городище локализовано в ходе археологических разведок, произведенных в зоне затопления плавневой части Великого Луга Каховской ГЭС. В 1950—1951 гг. на памятнике производили разведки А.В. Бодянский и В.Ф. Пешанов (Довженок 1953: 1, сноска 1). Среди подъемного материала, поступившего в фонды ИА АН УССР, следует отметить золотоордынские монеты в количестве 44 экземпляров. В инвентарной книге фондов содержатся также материалы разведок на Больших Кучугурах Д.Т. Березовца, которым собрано 38 джучидских монет. В течение двух осенних месяцев 1953 г. на памятнике были произведены раскопки Горностаевской экспедицией ИА АН УССР под руководством В.И. Довженка (Довженок 1953; 1961: 175—193). В ходе работ были исследованы мечеть с остатками минарета, хозяйственно-жилые комплексы с печами, канами и суфами, баня-хаммам (Зиливинская 1988: 53—54), остатки большого многокомнатного дома.

После сооружения Каховского водохранилища, в 1955—1957 гг. культурный слой городища начал интенсивно разрушаться. На памятнике неоднократно находили различные изделия, отчего он стал местом паломниче-

ства «любителей древностей». Лишь незначительная часть из них поступила в фонды Национального музея о. Хортица и ЗОКМ. В начале 1960-х гг. запорожским нумизматом В.М. Шовкуном на памятнике было собрано 3712 монет, поступивших в ЗОКМ. 95% из них относятся к Золотой Орде (от хана Узбека до Мухаммед-Булака). Наиболее представительны монеты «великой замятни» — Абдуллаха (6 типов, большинство чекана Орды и Сарая ал-Джедид) и Мухаммед-Булака (9 типов, большинство — чекан Орды и Нового Маджара). Встречены также захоронения (количество не указано), среди которых большинство детских. Погребенные лежали вытянуто на спине, ориентированы в различных направлениях (?), руки вдоль туловища. Около некоторых погребенных найдены медные монеты, основная масса — безынвентарные. Черепа со следами насильственной смерти (Шовкун 1972: 31—34).

После создания водохранилища городище оказалось на островах, в 12 км на ССЗ от г. Васильевка. По картам Васильевского лесничества Запорожского лесхоззага на 1969 г. в урочище Большие Кучугуры насчитывалось 12 островов общей площадью 66 га. Постановлением Совета Министров СССР от 28.10.1974 г. урочище объявлено орнитологическим заказником республиканского значения, что частично затруднило грабительские раскопки. В 1977 г., в преддверии 600-летия Куликовской битвы, на памятнике были возобновлены исследования ЗОКМ (1977—1981 гг.).

К началу работ экспедиции ЗОКМ на городище насчитывалось 20 островов (их количество колеблется от уровня воды в Каховском водохранилище), условно разделенных на три группы архипелагов: самый северный — о. Утиный, по центру — о. Рыбачий и самый южный — о. Кваки. Первая группа имела песчаные возвышенности до 3 м, средняя — до 4 м, южная — 7—8 м. На восточной части о. Утиный под наносами песка толщиной до 1,5 м обнаружен развал стены, уходившей перпендикулярно в берег. На северной оконечности острова выявлены остатки трех захоронений. Культурный слой насыщен золотоордынской керамикой, костями животных, обожженным кирпичом. Среди подъемного материала — железные чересло и рыболовный крючок (Попандопуло, Тихомолова 1978: 1; 1979: 5—7, 13). На мысу о. Кваки, на глубине 0,5 м под водой, на площади около 100 м^2 обнаружен кирпичный пол и 8 баз колонн. На этом участке подъемный материал состоял из 3-х медных пулов времен Тохтамыша, бронзового пластинчатого браслета с куфической надписью, фрагментов бронзового зеркала, керамических водопроводных труб-кубуров, посуды — поливной, фарфоровой (селадон) и фаянсовой (Шаповалов 1977: 2—4; Шаповалов, Борисов 1978: 398—399).

Основная часть работ музея была сосредоточена на о. Рыбачий (самый северный в группе — Рыбачий I), где было исследовано 54 м^2. Открыты остатки помещений с печами-тандырами и суфой. Детали планировки, состав материалов и отсутствие культурного слоя за пределами вскрытого участка позволили сопоставить эти жилые многокамерные здания с богатой усадьбой феодала, исследованных В.И. Довженком. Общий облик сооружений и обнаруженные в них предметы типичны для золотоордынских поселений Поволжья, Приазовья и Крыма. Находки медных пулов времен Тохтамыша (определения Г.А. Федорова-Давыдова) и ключа от цилиндрического замка русского типа дали возможность исследователям предварительно датировать их концом XIV — началом XV в. Керамический комплекс представлен фрагментами селадоновых чаш, красноглиняной и желтоглиняной гончарной неполивной керамики, поливной керамикой с зеленой глазурью, фрагментами сфероконуса и альбарелло. Среди металлических изделий — коромыслообразные железные весы с бронзовыми чашечками, железные гвозди, фигурные пластины, скоба, пряжка, кресало. Изделия из кости представлены геометрическими пластинами в виде ромбов и треугольников (Тихомолова, Плешивенко 1980: 6—8; Тихомолова 1981; Попандопуло, Тихомолова 1983: 308—309).

Название города и время его существования остается дискуссионным (Егоров 1985: 84—85; Добролюбский 1988: 51—53), что связано с незначительной степенью введенных в научный оборот материалов (Тихомолова 1991: 18—19; Попандопуло, Тихомолова 1998: 185; Тихомолова 2002: 239—251; Попандопуло 2002: 226—238; Єльников 2002: 256, рис. 2: 6; Тихомолова, Попандопуло 2005: 190—194).

Верхняя Криница (рис. 1: 15) — *селище второй половины XIV в.* Расположено на левом берегу Каховского водохранилища (ранее — первая надпойменная терраса р. Конки), у балки Криничной, на южной окраине с. Верхняя Криница Васильевского района Запорожской области. Обнаружено в 1993 г. И.Р. Тихомоловой вблизи могильника. Поселение занимает округлый выступ между безымянной балкой и глубокой бал-

кой Криничной. Оно вытянуто вдоль берега с СЗ на ЮВ на 0,8 км, поднимаясь по пологому склону вверх на 0,5—1 км. Практически вся площадь селища занята жилыми и хозяйственными постройками, огородами современного села. У кромки воды проходит линия железнодорожного полотна, культурный слой на прилегающей к ней полосе шириной 30—60 м снят при сооружении насыпи. Среди подъемного материала — амфорная, гончарная и лепная керамика, характерная для крымского и поволжского регионов XIII—XIV вв. На отдельных участках прослежены скопления золы, углей, обломки известняка и обожженной глины (Тихомолова 1997: 5—7). На территории поселения обнаружен клад джучидских монет[4].

— *грунтовый мусульманский могильник второй половины XIV в.* (рис. 1: 16). Расположен выше по склону от селища, на территории населенного пункта, вследствие этого работы носили спасательный характер. Исследовался сотрудниками ЗОКМ И. Р. Тихомоловой и З. Х. Попандопуло в 1979 г., в период строительства водопровода. Было зафиксировано 10 разрушенных погребений и исследовано два захоронения в склепах из обожженного кирпича. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад. Лицевая часть повернута к югу, в сторону Мекки. Все захоронения безынвентарные (Попандопуло 1979; Тихомолова 1997: 5—9). Во время прокладки траншеи газопровода в 2006 г. на могильнике исследовано три полуразрушенных и отмечено 24 разрушенных погребения. Погребенные находились в грунтовых ямах, вытянуто на спине, головой на З и СЗ, над могилами прослежены кирпичные выкладки — мастабы (с незначительным содержанием мелкого камня-известняка). Лицевая часть повернута к югу и востоку. В одном захоронении отмечен фрагмент ткани[5]. Обнаружена часть мусульманского каменного надгробия.

Лысая Гора (рис. 1: 17) — *случайная находка неполивного афтоба* на мысе «Ласточка», в урочище Лысая Гора Васильевского района Запорожской области 1984 г. Афтоб маджарского производства второй половины XIV в. (Ельников 2005б).

Грузинка (рис. 1: 18) — *селище IX(?)—XIV вв.* Расположено на левом берегу Каховского водохранилища, у восточной окраины с. Скельки Васильевского района Запорожской области, в урочище Грузинка (Басанька). Обнаружено А. В. Бодянским в 1961 г. и определено как алано-славянское IX—XII вв. (Бодянський 1961: 34). А. А. Козловский датирует этот памятник (Скельки-2) XII—XIV вв. (Козловський 1992а: 117). К золотоордынскому периоду относятся «обломки амфор из желто-красной глины, покрытых зеленой глазурью с линейным и волнистым орнаментом, серьга в виде знака вопроса с граненым кубиком на конце» (Бодянский 1972: 27).

Маячка (рис. 1: 19) — *грунтовое погребение кочевника второй половины XIII —XIV вв.* Выявлено на левом берегу Каховского водохранилища у с. Маячка Васильевского района Запорожской области, на правом склоне балки Глубокий Яр в 1999 г. О. В. Тубольцевым. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на З; среди находок — серьги в виде знака вопроса, орнаментированное зеркало, астрагал (Тубольцев 1999: 11—12).

Балки (рис. 1: 20) — *грунтовый могильник XIV—XV вв.* Располагался на левом берегу Каховского водохранилища (до его создания — в географическом треугольнике, образованном реками Днепр, Конка и Великая Белозерка), у с. Балки Васильевского района Запорожской области. Средневековые впускные погребения (23) сконцентрированы в южной части курганной насыпи эпохи бронзы, часть комплексов за пределами насыпи. Преобладала западная ориентация (18), отмечены случаи ориентации на СЗ (4) и ЮЮЗ (1). Лицевой частью погребенные повернуты на юг, в сторону Мекки. Инвентарь отсутствовал. Авторы раскопок отмечают, что эти захоронения «намечают северную границу распространения своеобразной группы памятников», которые трактуются в литературе как ногайские, татарские, или как те, которые принадлежат оседлому населению, не связанному с христианством (Ляшко, Отрощенко 1988: 42—63).

«Узвоз» (рис. 1: 21) — *случайные находки XIV—XV вв. (3 топора-секиры, наконечник стрелы и наконечник копья)* в урочище «Узвоз» (левый берег Каховского водохранилища), у с. Балки Васильевского района Запорожской области (Савовский 1973: 11, схема 1).

Пришиб (рис. 1: 22) — *случайная находка джучидского пула 1363 г.* у пгт. Пришиб Михайловского района Запорожской области[6].

[4] В частной коллекции (более 100 дирхемов, находившихся в гончарном кувшине).

[5] Материал готовится к публикации.

[6] Фонды ЗОКМ (монета не опубликована).

Благовещенка (рис. 1: 23) — *селище XII—XIV вв.* В 1956 г. А.В. Бодянским на левом берегу Каховского водохранилища, на восточной окраине Каменского пода (Каменских или Водянских кучугур), у восточной окраины с. Благовещенка Каменско-Днепровского района Запорожской области обнаружено разрушающееся обширное селище. В 1957 г. ИА АН УССР были проведены небольшие исследования памятника, который был датирован XII—XIV вв. (Шапошникова, Бодянский, Щепинський 1957: 47). На протяжении 3 км вдоль берега открыто 20 землянок с насыщенным культурным слоем, где была найдена «восточная монета» XIII—XIV вв. Керамика представлена типами VII г, VIII а-б, IX, которые датируются как XIII—XIV вв., так и в довольно широком хронологическом диапазоне (Козловський 1992а: 83—87). Редко встречаются фрагменты амфор, корчаг и привозных сосудов Киевской Руси. Из числа других находок известны бронзовый плетеный браслет, щиток от бронзового перстня с овальной вставкой из фиолетового стекла XIII—XIV вв. и перламутровый остроконечный крестик.

На территории селища найдены «редкие обломки желто-красной и светло-серой восточной посуды типа кувшиновидных горшков», украшенных линейно-волнистым орнаментом (Архивные материалы... 1957—1958: 16; Бодянский 1972: 26—27). В течение 1960-х гг. памятник продолжал интенсивно разрушаться (Бодянський 1967—1969: 2—3), лишь в 1979 г. исследования селища были продолжены Славянской Днепровской экспедицией ИА АН УССР (Смиленко 1980: 339). В 1990—1991 гг. археологическим отрядом под руководством И.Р. Тихомоловой здесь произведены спасательные работы, выходы культурного слоя отмечены на протяжении 1,5 км береговой линии. Зафиксированы остатки девяти различных сооружений, исследовано пять хозяйственных ям. Материалы из них представлены керамикой, невыразительными обломками железных предметов, тремя джучидскими пулами (Попандопуло, Тихомолова, Олейник 1992: 39—40; Благовещенский, Плешивенко, Попандопуло, Тихомолова 1991: 8).

— *грунтовый могильник XII—XIV вв.* (рис. 1: 24). Выявлен разведками 1956 г. А.В. Бодянским в 120—200 м от синхронного селища. С этого же периода некрополь начал разрушаться (Бодянский 1972: 26—27). В 1979 г. сотрудником Славянской Днепровской экспедиции ИА АН УССР А.А. Козловским на площади 500 м^2 исследовано 41 погребение (Козловский 1982: 5; Козловський 1982: 60). Могильник занимал обрывистую береговую полосу Каховского водохранилища длиной до 80 м и шириной до 70 м и не имел внешних признаков могил (Козловський 1992а: 22—25). В 19 погребениях (46%) зафиксирован инвентарь, представленный личными украшениями и элементами одежды. По А.А. Козловскому, лишь 13 из инвентарных погребальных комплексов возможно датировать и разделить их на две хронологические группы — XII—XIII вв. (п. 5, 8, 15, 16) и XIII—XIV вв. (п. 10, 13, 14, 24, 29, 30, 35, 36) (Козловський 1992а: 25, 119—120).

Ивановка (рис. 1: 25) — *грунтовый могильник XI—XIV (?) вв.* Выявлен в 1962 г. А.В. Бодянским на левом берегу Каховского водохранилища, к востоку от окраины с. Ивановка Каменско-Днепровского района Запорожской области (Бодянский 1972: 26). Погребенные лежали головой на З, отмечены в ряде случаев деревянные гробовища. Некрополь планомерно не исследовался.

— *случайная находка джучидского дирхема Мухаммед-Булака, чекан Орды 773 г.х.* (рис. 1: 26). Монета выявлена на приусадебном участке того же населенного пункта в 2005 г. (Ельников 2005а: 18, рис. 35: 13; 46: 1—2).

Грушевка I (рис. 1: 27) — *случайная находка пайцзы с повелением хана Абдуллаха*. Обнаружена в 1845 г. во время половодья на Днепре (правый берег) у с. Грушевка (Голая Грушевка) Екатеринославской губернии. Сейчас населенный пункт затоплен, в 1950—60-х гг. население было отселено в ближайшее с. Ильинку Томаковского района Днепропетровской области. В середине XIX в. существовал еще один населенный пункт с таким названием, также затопленный (у соврем. с. Ленинское Апостоловского района Днепропетровской области). Серебряная пайцза размерами 28×9 см, весом 359,3 г, имела на обеих сторонах чеканную монгольскую надпись, выполненную уйгурским письмом: «Силой Вечного неба, милостью величия и могущества, кто указу Абдуллы не покорится, тот будет виновен, умрет» (рис. 6: 1). Выше надписи изображены китайские маски «тао-те» (Савельев 1857: 206; Банзаров 1955: 127; Греков, Якубовский 1950, рис. 22; Крамаровский 2001: 252—253, ч. 75, кат. 77).

Красногригорьевка (рис. 1: 28) — *клад джучидских монет (34 пула) XIV в.* Случайно обнаружен в 1889 г. у с. Красногригорь-

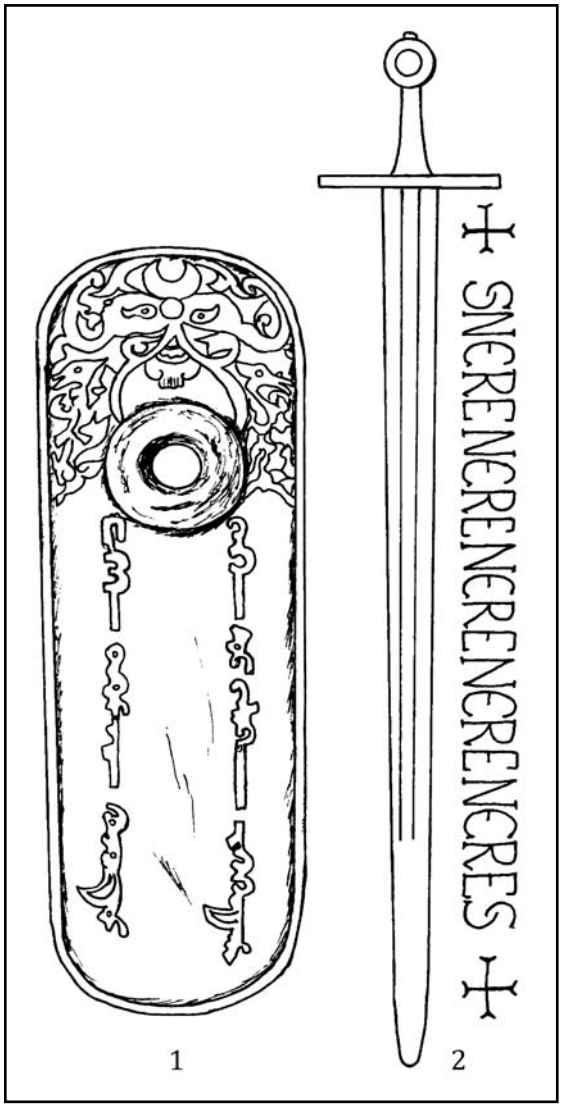


Рис. 6. 1 — пайцза хана Абдуллаха из Грушевки I (Греков, Якубовский 1950: 486, рис. 22); 2 — западноевропейский меч из «Пудовой канавы» (по Кирпичников 1976: 94, табл. X: 1, 2).

Fig. 6. 1 — paiza of khan Abdullakh from Grushevka I (after Греков, Якубовский 1950: 486, рис. 22); 2 — West-European sword from "Pudova Kanava" (after Кирпичников 1976: 94, табл. X: 1, 2).

евка Екатеринославской губернии (теперь с. Червоногригоровка Никопольского района Днепропетровской области, правый берег Каховского водохранилища). Состав клада не известен (Данилевич 1905: 307; Федоров-Давыдов 1960: 188, №337).

Каменка-Днепровская (рис. 1: 29) — *грунтовый могильник XII—XIV вв.* Располагался у г. Каменка-Днепровская Запорожской области, за концом вала Каменского городища скифского периода, над левым обрывистым берегом р. Конки (рис. 7: 1.1). Памятник выявлен в 1949 г. Степной скифской экспедицией ИИМК и предварительно датирован XII—XIV вв. (Граков 1951: 132; 1954: 56). Исследования некрополя провел Э. А. Сымонович в 1952—1953 гг. (Сымонович 1956: 99—106), на площади 600 м^2 выявлено 83 средневековых погребений. Как считал исследователь, могильные сооружения имели на поверхности какие-то надгробия, на что указывают выкладки из камня длиной до 1 м над отдельными захоронениями (п. 11, 13, 17, 44) (Сымонович 1956: 99—106). 65 погребений безынвентарные (78%), в других инвентарь представлен личными украшениями, предметами хозяйственно-бытового назначения и вооружения (Плетнева 1958: 173, рис. 17: 3; Федоров-Давыдов 1966: 31, рис. 4: 1; Малиновская 1974: 137—138, 160; Козловський 1992а: 26—27). Э. А. Сымонович датировал могильник X—XII вв. (Сымонович 1956: 106; 1960: 108); по А. А. Козловскому, некрополь возник в послемонгольский период (Козловський 2002: 132).

Каменское городище (рис. 1: 30) — *городище (?) XIV в.* Расположено в границах г. Каменка-Днепровская Запорожской области, на левом берегу Каховского водохранилища, на дюнном мысу (Каменские Кучугуры), ограниченном до создания искусственного «моря» реками Каменской Конкой (рукав Конки), Днепром, Знаменской Конкой (рукав Конки) и Белозерским лиманом (рис. 7: 1). В 1899—1900 гг. директором Мелитопольского музея Д. Я. Сердюковым были проведены раскопки на дюнной части Каменского городища скифского времени (в районе современной пристани), где находили джучидские и генуэзские монеты (рис. 7: 2). На месте хутора Ляшенка (раскоп I) и около него выявлены «строения из квадратного кирпича и обгорелого дерева». Вблизи этого участка, на раскопах IV—VI Д. Я. Сердюков обнаружил остатки жилых построек, погибших от пожара и состоявших из кусков обожженного квадратного кирпича, известкового цемента (известнякового раствора?), обгорелых бревен и углей. К юго-востоку от хутора Ляшенка и в 150 саженях от Днепра исследователь зафиксировал ряд жилищ, построенных из обожженного кирпича, камня и дерева (Сердюков 1900: 28—37; 1902: 33—36). В 1929 г. на территории пристани были проведены незначительные раскопки сотрудником Никопольского музея Ф. Н. Кирановым. Он выявил постройки из квадратного кирпича-сырца золотоордынского типа, нашел несколько генуэзских, джучидских и польских монет (Граков 1954: 42). К сожалению, находки, дневники раскопок и чертежи после смерти Ф. Н. Киранова

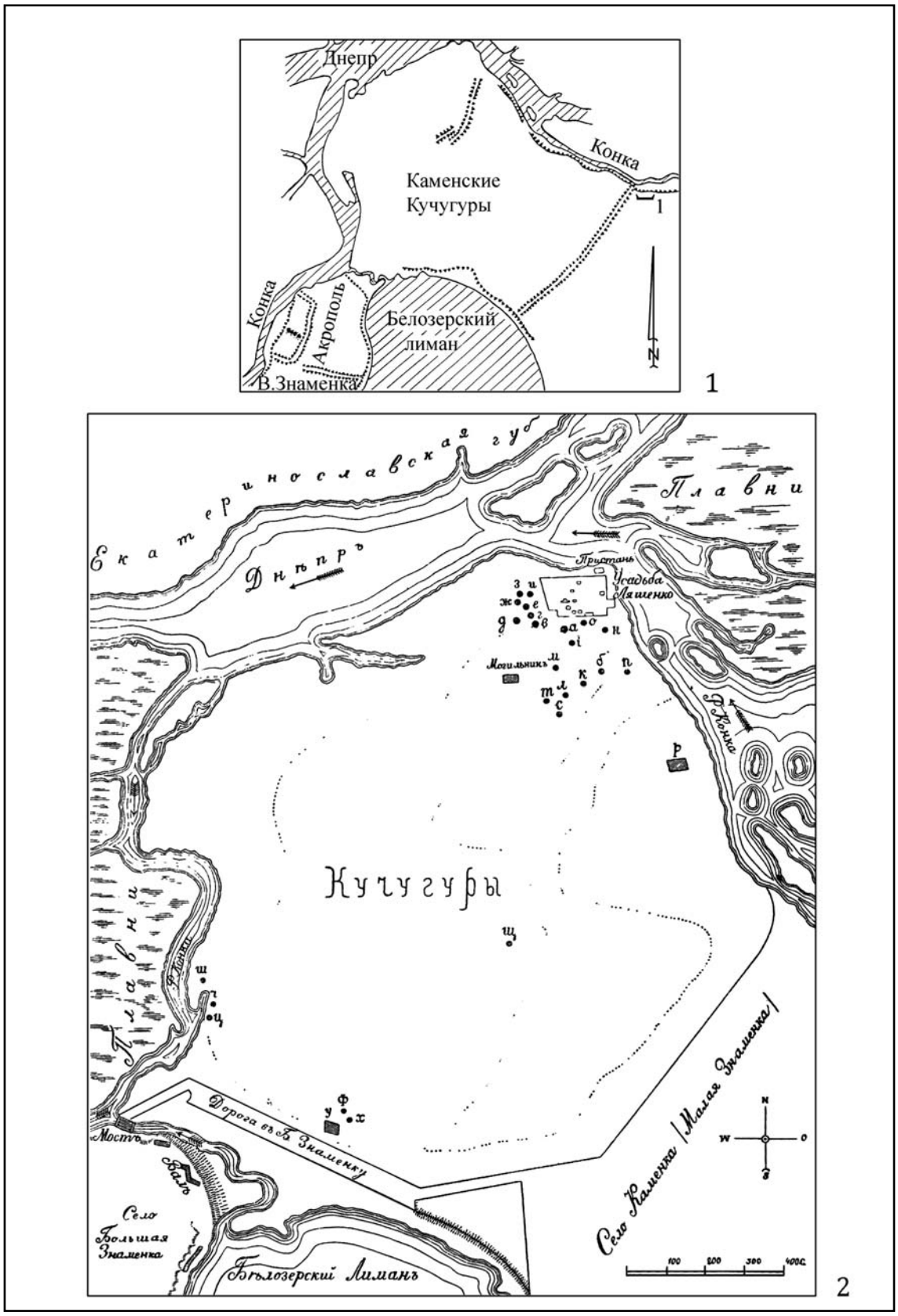


Рис. 7. Каменское городище: 1 — планы раскопов 1939—1950 гг. (по Граков 1954: 39, рис. 6); 2 — планы раскопок 1899—1900 гг. (по Сердюков 1902: 31, рис. 84).

Fig. 7. Kamenskoe hillfort: 1 — plans of excavation trenches from 1939—1950 (after Граков 1954: 39, рис. 6); 2 — plans of excavation trenches from 1899—1900 (after Сердюков 1902: 31, рис. 84).

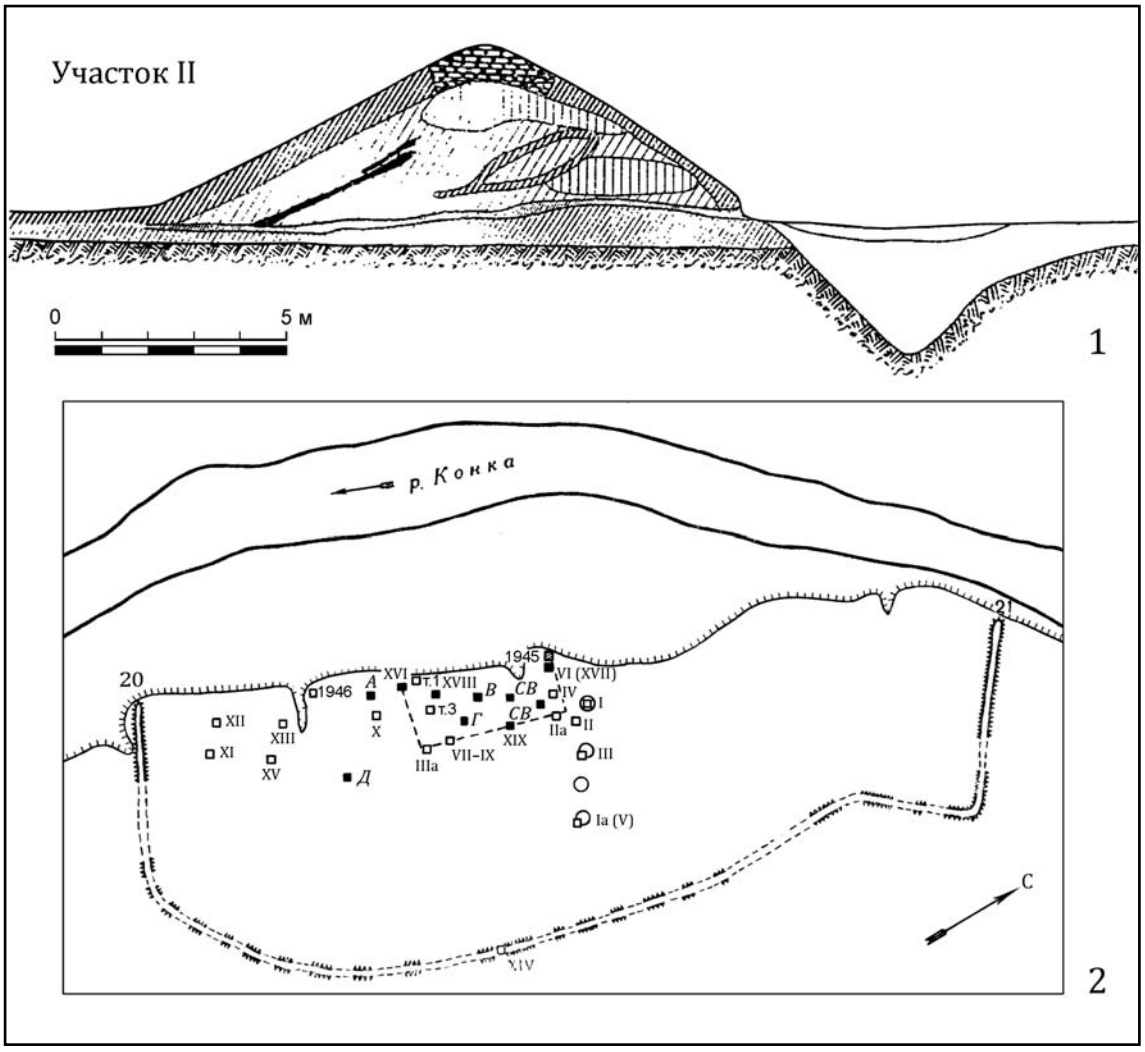


Рис. 8. Знаменское городище: 1 — разрез внутреннего вала (по Граков 1954: 48, рис. 9а); 2 — план раскопов 1945—1954 гг. (по Погребова 1958: 110, рис. 2).

Fig. 8. Znamenskoe hillfort: 1 — section through the inner rampart (after Граков 1954: 48, рис. 9а); 2 — plans of excavation trenches from 1945—1954 (after Погребова 1958: 110, рис. 2).

не сохранились. В 2002 г. около современной пристани г. Каменка-Днепровская случайно найдены металлургические горны для производства чугуна. Радиоуглеродный анализ дал довольно раннюю дату — начало IX в. Однако, как считают исследователи, указывая на появление чугуна на этой территории традиционно не ранее XIV в., этих данных недостаточно для получения однозначных выводов (Гаврилюк, Маничев, Недопако и др. 2003: 80—85). Валы же скифского времени, по нашему мнению, могли использоваться и в золотоордынский период. Случаи вторичного использования укреплений более раннего времени хорошо известны на древнерусских памятниках Среднего Поднепровья XII—XIII вв. (Єльников 2006: 49).

Знаменское городище (рис. 1: 31) — *городище XIV в.* Расположено на территории с. Великая Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области, в 5 км на юго-запад от г. Каменка-Днепровская, между левым берегом Каховского водохранилища и Белозерским лиманом. По последним исследованиям, акрополь и его валы относятся к позднескифскому времени и датируются в целом II в. до н. э. — II в. н. э. (Гаврилюк 1999: 318—319). О памятнике, носящем местное название «Мамай-Сурка», известно еще с конца XVI в. В 1594 г. Эрих Ляссота сообщал о наличии здесь древнего городища: «В тот же день (2 июля) мы проехали мимо Мамай-Сурки, древнего городища (т. е. валов, окружающих древнее укрепление), лежащее на татарской стороне» (Лясота 1984: 108).

По легенде, здесь был город, которым правила франкская[7] царица Сурка-Белозерка. Мамай, добивавшийся ее руки, не найдя понимания, разрушил город (Скальковский 1886, 3: 66; Соколов 1892: 240—241). Н. Вертильяк считал валы акрополя и всего Знаменского «городка» татарскими (Вертильяк 1858: 143). В записках Таврической епархии 1887 г. содержатся сведения о том, что у Великой Знаменки находится «небольшая гора Мамай-Сурка или Мамаева, где по преданию был городок, построенный Мамаем» (Гермоген 1887: 461). О наличии здесь руин золотоордынского периода отмечал в начале XX в. В.Г. Ляскоронский (Ляскоронский 1907: 87).

В 40—50-х гг. XX в., во время работ Скифской степной экспедиции ИИМК АН СССР под руководством Б.Н. Гракова, на территории городища были обнаружены строения золотоордынского времени. В 1940 г. Г.Д. Смирнову было поручено исследование укреплений городища, которые состояли из внешнего (протяженностью 1480 м) и внутреннего (протяженностью 1046 м) земляных валов (местные жители называли их «турецкими»). Верхняя часть внутреннего вала была укреплена сырцовым кирпичом в пять рядов (рис. 8: 1), толщина стены 0,7 м. Размер кирпича 0,4×0,23×0,06 м (большинство) и 0,45×0,25×0,06 м (меньшинство). По описаниям, кирпич-сырец очень прочен; промежутки между кирпичами и слоями залиты глиной того же серого цвета и состава, что и материал кирпичей. Между земляной насыпью и кладкой шел слой лесса толщиной до 0,75 м. Как указывал Б.Н. Граков, «сырцовый камень необычен в Северопричерноморской Скифии, где основою степной фортификации был земляной вал. Сырец мог быть заимствован из Ольвии для этой цели и начал постепенно входить в употребление в коренной кочевой Скифии. Находки в валу городища немногочисленны и довольно безличны. В них нет ничего, точно определяющего дату постройки». Постройка этих валов, как указывал исследователь, несколько позже возникновения поселения, но не может быть позднее первой половины IV в. до н.э. (Граков 1954: 48—51).

Ров внутреннего вала был выложен тесаным камнем, употребленным местными жителями на строительство церкви. Такой же камень добывался и из четырех курганообразных возвышений на акрополе (Граков 1954: 63—64), исследования которых были произведены в 1952 г. Н.Н. Погребовой (Погребова 1952). Открыты остатки четырех кирпичных зданий периода Золотой Орды — раскопы I, II, III, Ia (V) (рис. 8: 2), фундаменты которых находились непосредственно на каменной кладке скифского периода. Это предопределило степень изученности строений, которые «задерживали исследование слоев скифского времени». При раскопках самой крупной насыпи (раскоп I) отмечены остатки деревянной конструкции, датированной 1743—1748 гг. по серебряной монете крымского хана Селим-Гирея II. Срубы XVIII в. были поставлены на развалины большого кирпичного здания (20×10 м) золотоордынской эпохи (рис. 9), на уровне кладки фундамента которого найден бронзовый пул хана Абдуллаха. Соглашаясь с мнением Б.Н. Гракова, Н.Н. Погребова указывала, что строительные остатки периода Золотой Орды на Знаменском городище относятся к сторожевому пункту, устроенному монголами для охраны переправы (Погребова 1962: 15—16, 21).

Мамай-Сурка (рис. 1: 32) — *селище середины — конца XIII в.* Расположено на мысу, который образован левым берегом Каховского водохранилища и р. Мамай-Сурка, у с. Великая Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области. Выявлено в ходе разведок А.В. Бодянского в 1951 г. (Бодянский 1972: 26). С 1989 г. исследуется ЗНУ. Перекрыто грунтовым могильником, сохранилось частично, представлено хозяйственными ямами с тарной и столовой посудой (Ельников 2001а: 156—164; 2004а: 78). Среди тарной преобладали круглодонные амфоры трапезундского типа. Судя по клеймам, часть из них поступала из Алустона и Азака. Значительная доля столовой керамики представлена мисками. Декор поливных чаш, где внутреннюю часть составляли переплетающиеся полосы, образующие четыре луковицы, характерен для Крыма и Закавказья. Аналогичные мотивы известны в Старом Орхее и на Царевском городище.

Среди неполивной керамики значительный интерес представляют фрагменты сосудов со штампованным орнаментом, получившим распространение в золотоордынский период в городах Поволжья, Старом Орхее, Костештах. В целом, привозная посуда восточного типа преобладала над керамикой среднеднепровского типа, доля которой на селище незначительна. Находки в заполнении ям металлургического и поливного шлака, предметов рыболовства и рыбьей чешуи свидетельствуют о производственной дея-

[7] Варианты — мангупская, генуэзская.

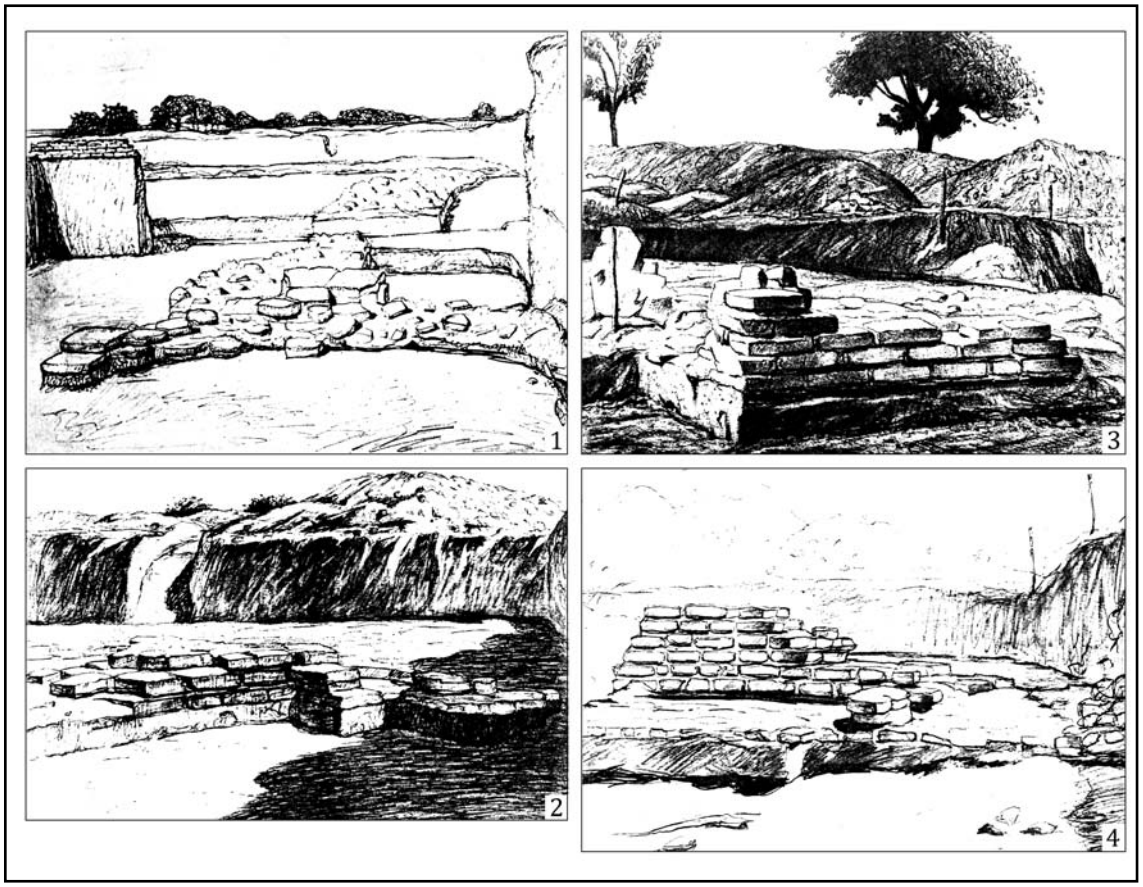


Рис. 9. Знаменское городище. Виды кирпичной кладки на раскопе I (Погребова 1952: 32, рис. 6; 7).

Fig. 9. Znamenskoe hillfort. Brick settings from trench I (after Погребова 1952: 32, рис. 6; 7).

тельности и промыслах населения, оставившего селище. О связях с Западной Европой свидетельствует находка бронзовой фигурки святого от «торгового креста» лиможской работы третьей четверти XIII в. (Єльніков 2005: 74—77).

— *грунтовый могильник конца XIII — начала XV вв.* (рис. 1: 33). Расположен на территории селища; разрушающийся водами искусственного «моря» некрополь выявлен А. В. Бодянским в 1956 р. (Бодянский 1972: 26; 1977: 10; Сміленко 1975: 161). Исследовался в 1989—2006 гг. экспедицией ЗНУ, на площади 7166 м^2 выявлено 1162 погребения золотоордынского периода. Население, оставившее могильник, неоднородно; 67% захоронений инвентарные, в составе инвентаря личные украшения, предметы хозяйственно-бытового назначения, культовые вещи, предметы вооружения (Ельников 1997: 17—22; 1999: 49—50; 2000: 42—53; 2006; Литвинова 1997: 31—36; 2000: 369—379). Среди монет — пул и дирхемы ханов Узбека, Джанибека, Абдуллаха, Бирдибека, чеканов Крыма, Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедида, Гюлистана, Шехр ал-Джедида (Ельников, Локарев 1997: 63—70).

Мамай-Гора (рис. 1: 34) — *курганный могильник середины — второй половины XIV в.* Располагался на левом берегу Каховского водохранилища, на территории археологического комплекса Мамай-Гора (Мамаева Могила на топографических картах), у с. Великая Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области. За период 1988—1995 гг. экспедицией ЗНУ в 17 курганах, большинство из которых снивелировано распашкой, выявлено 23 погребения золотоордынского периода (Андрух, Тощев 1999: 168; 2001: 226; 2004: 115). Основные погребения отмечены в 5 насыпях, к трем из которых относятся рвы. Курганы содержали по одному центральному погребению. Остальные захоронения впущены в курганные насыпи скифского времени, лишь одно — в курган эпохи бронзы. Среди них преобладают одиночные погребения, в двух случаях — по два, еще в двух — по три погребения в одном кургане. Большинство погребенных лежало головой на запад, в 7 случаях лицевой частью обраще-

ны на юг, в сторону Мекки. Инвентарь незначителен, представлен серьгами в виде знака вопроса, костяными и бронзовыми пуговицами, бляшками и браслетами, зеркалом, шарнирными ножницами, ножами, кресалом, поясными пряжками, наконечниками стрел, гвоздями и скобами от гробовищ.

— грунтовый кочевнический могильник первой половины XIV в. (рис. 1: 35). Расположен на территории археологического комплекса Мамай-Гора. Выявлен в 2000 г. экспедицией ЗНУ, на 2007 г. на площади 400 м^2 исследовано 19 кочевнических захоронений и культовая яма золотоордынского периода. Среди инвентаря мужских погребений — предметы вооружения, детали конского снаряжения, серебряная чаша, поясные пряжки, кресала, шило, серьги, бусы, остатки головных уборов. Инвентарь женских захоронений представлен личными украшениями, предметами хозяйственно-бытового назначения, остатками головных уборов «бокка». В составе детских погребений бусы. В культовой яме среди костей овцы обнаружены наконечники стрел и стремена (Андрух, Ельников, Тощев 2001: 68—69; Ельников 2004б: 86—110).

Великая Знаменка (рис. 1: 36) — *курганный могильник XIV в.* Располагался на плато левого берега р. Великая Белозерка, у с. Великая Знаменка Каменско-Днепровского райна Запорожской области. В кургане №15 эпохи бронзы выявлено пять впускных захоронений золотоордынского периода. Исследования экспедиции ЗНУ 1991 г. Инвентарь представлен личными украшениями, предметами быта, вооружения и конским снаряжением (Андрух, Тощев, Шахров 1995: 89—90).

— грунтовое кочевническое погребение XIII—XIV вв. (рис. 1: 37). Выявлено на левом берегу Каховского водохранилища, в 2 км на СЗ от с. Великая Знаменка Запорожской области; в 700—800 м к западу от археологического комплекса Мамай-Гора (исследования ЗНУ 2003 г.). Погребение разрушено береговым оползнем, среди находок — бронзовая орнаментированная пуговица (подвеска?) и золотая фольга от одежды (Андрух, Тощев 2003: 11—12).

Михайловка (рис. 1: 38) — *случайные находки золотоордынского периода* (прясслице, бусина, «восточная монета» XIV в.) у с. Михайловка Верхнерогачинского района Херсонской области, на мысе «Балочки». Разведки А.В. Бодянского 1957 г. (Архивные материалы... 1957—1958: 18).

Шолохово (рис. 1: 39) — *курганное погребение конца XIII—XIV вв.* Выявлено на правом берегу Каховского водохранилища, у с. Шолохово Никопольского района Днепропетровской области. Исследования ДНУ 1976 г. Курган 6, где выявлено основное золотоордынское захоронение, входил в состав курганной группы «Острая могила», состоявшей из 50 насыпей, которые тянулись с севера на юг по гребню водораздельного плато речек Базавлук и Каменка. Погребение ограблено, среди находок — костяные орнаментированные накладки колчана, наконечники стрел, кресало, кинжал (Безверхий 1991: 119—120).

Алексеевка (рис. 1: 40) — *селище XII—XIV вв.* Расположено на правом берегу Каховского водохранилища, у с. Алексеевка Никопольского района Днепропетровской области, вблизи устья р. Чертомлык. Памятник исследовался разведками А.В. Бодянского в середине 1970-х гг. В разрушенных жилищах обнаружена керамика среднеднепровского типа XII—XIII вв., амфорная и красноглиняная поливная керамика, коса-горбуша, трубчатый замок, ножи, боевой топор XII—XIV вв., джучидский пул (Козловський 1982: 120; 1992а: 117).

Марьянское (рис. 1: 41) — *курганное погребение второй половины XIII—XIV вв.* Выявлено на правом берегу Каховского водохранилища у с. Марьянское Апостоловского района Днепропетровской области. Исследования ДНУ 1976 г. В кургане 4 выявлено одно основное захоронение, ограбленное в древности. Среди находок — остатки берестяного колчана с железной заклепкой, железные гвозди, фрагменты серебряной распрямленной гривны и железного ножа (Безверхий 1991: 121—122; Шалобудов 1984: 168—169).

Каменка (рис. 1: 42) — *курганный могильник второй половины XIII—XIV вв.* Расположен у с. Каменка Апостоловского района Днепропетровской области, у одноименной реки. Исследования ДНУ 1986 г. В курганной группе V раскопан курган 1, где выявлено два основных одновременных кочевнических захоронения золотоордынского периода. Инвентарь отсутствует (Безверхий 1991: 127—128, рис. 3: 5—6).

Грушевка II (рис. 1: 43) — *курганный могильник второй половины XIII — XIV вв.* Располагался на юго-восточной окраине с. Грушевка Апостоловского района Днепропетровской области, на плато коренного правого берега р. Днепр (уничтожено водами Каховского водохранилища). Исследовался Д.Т. Березовцем в 1953 г. В двух из 14 курганных насыпей выявлено два одиночных золотоордынских погребения: основное (к. 7) и впускное (к. 8, п. 3). Среди на-

ходок — берестяные колчаны, наконечники стрел, ножи, серьги, остатки обуви, стремена (Березовець 1961: 59—60, рис. 6.1: 8—9; 6.2—7; Федоров-Давыдов 1966: 259).

Кут (рис. 1: 44) — *курганный могильник второй половины XIII — XIV вв.* Находился на мысу, образованном речками Базавлук и Пидпильна, который вдавался в Базавлуцкие плавни (сейчас — правый берег Каховского водохранилища); у с. Кут Апостоловского района Днепропетровской области. Исследовался в 1951—1952 гг. Д. Т. Березовцем. На возвышенной части мыса находился курганный могильник, который состоял из 31 кургана (Березовець 1960: 39). В двух курганах эпохи бронзы (к. 10, п. 2; к. 26, п. 2) исследовано по одному впускному кочевническому погребению золотоордынского периода. Среди находок — остатки парчовых тканей, ножницы, орнаментированное зеркало, серьги, стеклянные подвески, прясличе, нож, наколенник (?), остатки обуви, стремена, железный казан (Березовець 1960: 60, 77, рис. 18: 1—2; 26: 2—4; Федоров-Давыдов 1966: 259).

Гавриловка (рис. 1: 45) — *селище второй половины XIII — XIV вв.* Расположено на левом берегу Каховского водохранилища, у с. Гавриловка Нововоронцовского района Херсонской области. Исследовалось во время раскопок могильника черняховского времени у овчарни совхоза Приднепровское в 1954 г. Э. А. Сымоновичем. Селище представлено одной полуземлянкой столбовой конструкции с остатками открытого кострища в центре. В заполнении помещения выявлено значительное количество костей животных (около 400), среди которых преобладали кости лошади, обломок бронзовой пластины с двумя заклепками, железный ромбовидный наконечник стрелы и железный нож. Датировку полуземлянки периодом Золотой Орды подтверждают находки в культурном слое памятника: костяная заготовка копья или дротика и костяной черешковый ромбический наконечник стрелы. По заключению Е. А. Сымоновича, жилище оставлено скотоводами, в рационе которых значительное место занимала конина. Полуземлянка, вероятно, служила временным убежищем в период выпаса скота в плавнях (Сымонович 1960: 110—111).

Республиканец («Стрелка») (рис. 1: 46) — *селище XII—XIV вв.* Располагалось у с. Республиканец Бериславского района Херсонской области, на мысу «Стрелка», образованном рекой Каменка и правым берегом Каховского водохранилища. В ходе исследований 1989—1990 гг. В. Е. Ильинским и А. А. Козловским открыты полуразрушенные объекты второй половины XIII—XIV вв., перекрытые культурным слоем Каменской Сечи (Козловський, Ільїнський 1990: 198—200; 1991: 48—51; Козловський 1992б: 18).

— *грунтовый могильник второй половины XIII—XIV вв.* (рис. 1: 47). Находился здесь же. Исследовался в 1913 г. директором Херсонского музея В. И. Гошкевичем. Информация о количестве захоронений отсутствует, в 7 погребениях зафиксированы следы гробовищ, среди инвентаря — наконечник копья, нож, зеркало (Гошкевич 1915: 7).

Каиры (рис. 1: 48) — *грунтовый могильник третьей четверти XIII — начала XIV вв.* Концентрировался в юго-восточной части с. Каиры Горностаевского района Херсонской области (сейчас — левый берег Каховского водохранилища). Открыт Д. Я. Телегиным в 1953 г., в следующем году исследования памятника проведены Е. В. Махно (Махно 1955: 46—48; 1961: 131—155). Могильник занимал западную часть стрелки между двумя балками, над небольшим ручьем Быстряком, который впадал в р. Конка. На площади 832 м^2 исследовано 89 погребений, из которых 68 находилось под каменными закладами. Около 10 захоронений разрушено современным строительством, общая численность погребений, как считала исследовательница памятника, могла быть более 100. Под 7 закладами погребенных не выявлено, вероятно, это кенотафы. Отмечены случаи обезвреживания покойника. Незначительный инвентарь выявлен в 10 случаях (11%), представлен личными украшениями, предметами хозяйственно-бытового назначения. Датировка могильника спорна (Махно 1961: 146; Сміленко 1975: 188—189; Козловський 1992а: 120—121; Бубенок 1998: 569; 2004: 180—184), на золотоордынский период указывает датировка ажурных височных колец, аналогии которым известны в это время на территории Карпато-Балканского региона (Рябцева 2003—2004: 466, рис. 11: 5).

Каховка (рис. 1: 49) — *32 серебряные золотоордынские монеты* (коллекция В. Б. Пивоварова). Обнаружены у г. Каховка Херсонской области (Ратнер 1984: 55).

Тягинское городище (рис. 1: 50) — *городище XIV—XV вв.* Расположено у правого берега Каховского водохранилища, на безымянном острове, в 1,8 км на юго-запад от с. Тягинка Бериславского района Херсонской области. Остров некогда находился против мыса Тягинка, при впадении р. Тягинка в Днепр. В 1914 г. В. И. Гошкевичем было

частично исследовано городище, которое он отождествил с известной по письменным данным Михалона Литвина «Витовтовой мытницей» и датировал XIV—XVI ст. Он считал, что «мытница» существовала в начале XV в. у старой Таванской переправы через Днепр.

По описанию В.И. Гошкевича, остров имел округлую форму, длиной 320 и шириной 160—180 сажень; в период спада воды он становился полуостровом. По всей площади встречался строительный камень и обломки кирпича. В западной части острова находилось два курганообразных возвышения, которые не были исследованы (рис. 10: 1). Раскопки В.И. Гошкевича были сосредоточены в южной части, отделенной возвышениями, напоминавшими валы. Одно из них треугольной формы, с перемычкой в виде буквы «А», второе имело вид трапеции (рис. 10: 2). При раскопках первого были открыты остатки крепостного вала и квадратного здания, которое располагалось в остром углу «треугольника». Высота сохранившихся стен 3 м, каждая из стен имела длину 9 м при толщине 0,08 м. Стены сложены из блоков известняка на известняковом растворе. Здание находилось на очень твердом материке из плотной глины (досыпка?), фундамент углублен до 0,2 м. Около здания обнаружены прямоугольные и квадратные блоки, украшенные барельефами (Гошкевич 1916: 5, рис. 3). Стены (В и С), расходящиеся от здания, не имели связи с последним, но были построены тем же способом. Между ними был перестенок, под которым выявлен подземный ход, ведущий на внешний вал. В конце стены В частично сохранилась отдельная прямоугольная постройка, внутри которой находилась печь, сложенная из кирпича-сырца размерами 24 × 12 × 6 см.

Среди материалов — каменные пушечные ядра, железные наконечники стрел, сильно изогнутый серп, коса, фрагмент ножниц, ножи с прямой спинкой, подработанные кости животных («коньки»), витое длинное горло от флакона тонкого стекла. Среди керамики большая часть представлена фрагментами красноглиняной тарной посуды; меньше поливной — миски и чашки с зеленой и желтой глазурью. Незначительными раскопками на участке «Н» обнаружена кладка стены из правильно обтесанных камней, однако в дальнейшем они были прекращены из-за отсутствия средств.

Исследования на городище были возобновлены в 1992—1993 гг. Тягинской экспедицией Херсонского музея. Поливная керамика городища, как считает Е.Д. Черная, характерна для памятников левобережья Нижнего Днепра, входившего в состав Крымского ханства; городище было построено в начале XV в. при князе Витовте на границе между Великим княжеством Литовским и татарскими владениями (Черная 1998: 186).

В.Л. Егоров высказал предположение, что переправа через Днепр обеспечивалась двумя населенными пунктами. Один из них — Тягинское городище, древнейшие слои которого исследователь датирует XIV в., более поздние относит к XV в. Ко второму пункту он относит городище Тавань на левом берегу Днепра (Егоров 1985: 85—86), что было поддержано Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов 1994: 40—41). Однако, сколько-нибудь надежных свидетельств о существовании Таванского городища у нас нет. Под «Таванью» в XV—XIX вв. понимался архипелаг островов от с. Змиевка Бериславского района до г. Голая Пристань Херсонской области. Более всего выделяли среди островов Таванскую плавню (Каир-Космак или Космаха, частично уничтоженную Каховской ГЭС), где в XVII — начале XVIII вв. была главная крымско-татарская переправа у крепостей Кизи-Керменя и Муберек-Керменя. Кроме этой, в XV—XVI вв. существовали Дремайловская (у левобережной крепости Ислам-Кермень), Бериславская, Казакокаменская, Бургунская и Тягинская (Эски-Тавань) переправы, под которыми в литературе именовали Таванский перевоз (Князьков 1997: 7—17).

— *курганный могильник XV (?) в.* (рис. 1: 51). На правом берегу Днепра, в 1,2 км к СВ от места раскопок городища в 1914 г. В.И. Гошкевич исследовал 12 насыпей, где выявлено 15 погребений, датированных XV в. В погребальных конструкциях отмечены подбои и уступы с применением камня и дерева. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад, с разворотом на правый бок (Гошкевич 1916: 10—11).

Голая Пристань (рис. 1: 52) — *находки золотоордынских монет* у г. Голая Пристань Херсонской области в начале XX в. (Гошкевич 1912: 36).

Великая Кардашинка (рис. 1: 53) — *7 серебряных генуэзских монет и золотоордынские монеты* у с. Великая Кардашинка Голопристанского района Херсонской области, на территории «Алешковских Песков» (Фабрициус 1951: 336—337).

Малые Копани (рис. 1: 54) — *золотоордынская медная монета*, обнаруженная

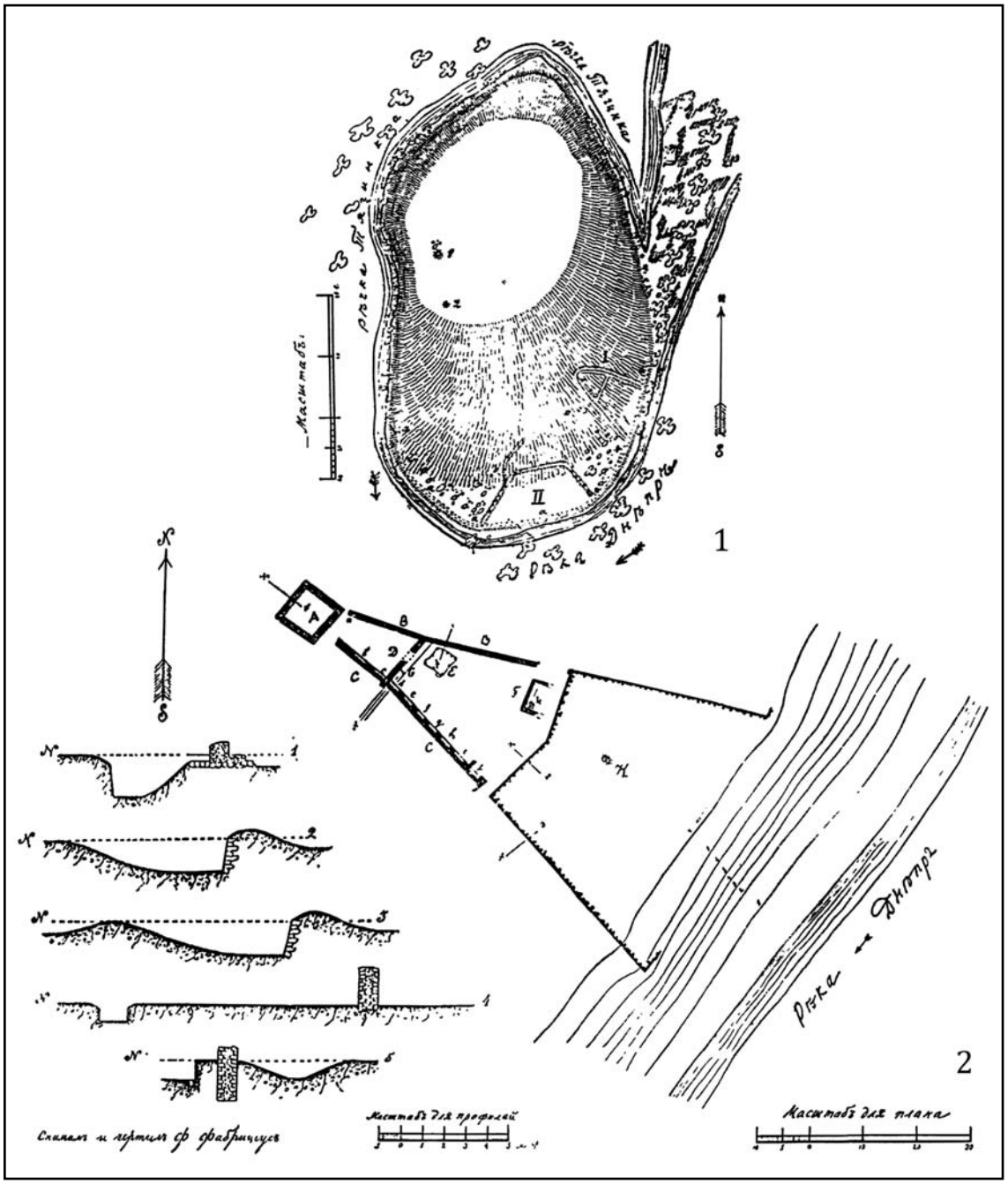


Рис. 10. Тягинское городище: 1 — план-схема расположения памятника (Гошкевич 1916: 3, рис. 1); 2 — план раскопа 1914 г. «треугольника А» (Гошкевич 1916: 4, рис. 2).

Fig. 10. Tiaginskoe hillfort: 1 — schematical plan of the location of site (after Гошкевич 1916: 3, рис. 1); 2 — plan of 1914 excavation of "triangle A" (after Гошкевич 1916: 4, рис. 2).

у с. Малые Копани Голопристанского района Херсонской области (Кропоткин 1962: 37).

Новая Збруевка (рис. 1: 55) — *8 медных золотоордынских монет*, обнаруженных у с. Новая Збруевка Голопристанского района Херсонской области (Федоров-Давыдов 1963: 209).

Великий Потемкинский остров (рис. 1: 56) — *поселение IX—XIV вв.* Расположено ниже г. Херсона, на Великом Потемкинском острове, в устье Днепра (летописное «Олешье»?). Исследования на памятнике производил в начале XX в. В.И. Гошкевич. Обнаружена амфорная и гончарная керамика среднеднепровского типа и стеклянные браслеты XII—XIV вв., поливная керамика и фрагменты чугунных котлов XIII—XIV вв. (Козловский 1992а: 118, 122). Работы были

продолжены А.О. Сокульским в 1972 г. Исследователь отметил разрушение города монголами и в дальнейшем существование здесь небольшого поселения (Сокульский 1980: 64—73).

— *грунтовый могильник середины XIII в. (?)* (рис. 1: 57). На территории поселения «Олешье» в 1972 г. А.В. Бодянским исследовано до 200 погребений, где костяки лежали в беспорядке, на части черепов отмечены следы от рубящего оружия и ударов клевцом (Бодянський 1972: 3—7; Козловський 1992а: 122).

— *случайная находка меча XIII—XV вв.* (рис. 1: 58). Во время землечерпальных работ вблизи острова, со дна «Пудовой канавы» поднят меч западноевропейской работы, с инкрустированной серебром двухсторонней латинской надписью «Спаситель. Во имя искупителя… Спаситель» (рис. 6: 2). По форме близок изделиям второй четверти XIV — XV вв. (Кирпичников 1976: 24, табл. X: 1—2). По надписи отнесен ко второй четверти XIII в. (Кирпичников, Медведев 1985: 304—305, табл. 122: 9). По Д.О. Дроботлав, этот меч попал в низовье Днепра в период похода Батыя (группа III, подгруппа «А»). Вместе с тем, как указывал автор, клейма, начинающиеся с литер «NR (NER)=NERE», имеют близкие аналогии с мечами VIII группы, где подгруппа «А» датируется второй половиной XIII — первой четвертью XIV в. (Дроботлав 1984: 42, 82—83).

Приморское II (рис. 1: 59) — *свинцовая чаша XIV—XV вв.*, обнаруженная В.И. Гошкевичем у с. Приморское Скадовского района Херсонской области (Гошкевич 1912: 27—28).

Учитывая, что представленная краткая характеристика памятников выступает как археологический источник, в этот свод не вошли многие пункты, известные по описаниям и топографическим картам конца XVI — начала XX вв. Нет сомнения, что число золотоордынских поселений было значительно больше, но о них отсутствуют какие-либо археологические сведения. С этой точки зрения перспективным является участок к востоку от Днепра, в междуречье Волчьей и Конки, где топографические карты и «Книга Большому Чертежу» фиксируют мечети (Книга Большому Чертежу 1950: 65). Последнее согласуется с реконструируемым В.Л. Егоровым торговым путем из Азака в западном направлении, который шел приазовскими степями через нижнеднепровские перевозы (Егоров 1985, карта 2). На этом направлении известен «Екатеринославский клад» (Ельников 2002: 66—69), до сегодняшнего дня сохранились топонимы Мечетное, Солено-Мечетное, Ново-Мечетное, Мечетная, Гапоно-Мечетное.

Литература

Андрух С.И. 2001. *Могильник Мамай-Гора*. Книга II. Запорожье: ЗНУ.

Андрух С.И., Тощев Г.Н., Шахров Г.И. 1995. *Великознаменские курганы (№14—15)*. Запорожье: ЗГУ.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. 1999. *Могильник Мамай-Гора*. Кн. I. Запорожье: ИА НАНУ; ЗГУ.

Андрух С.И., Ельников М.В., Тощев Г.Н. 2001. Раскопки на могильнике Мамай-Гора. *АВУ 1999—2000 рр.*, 68—69.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. 2003. *Отчет об охранных раскопках на могильнике Мамай-Гора у с.В. Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области в 2003 г.* НА ИА НАНУ, 2003/38.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. 2004. *Могильник Мамай-Гора*. Книга III. Запорожье: ЗНУ.

Архивные материалы... 1957—1959: *Архивные материалы, собранные А.В. Бодянским во время разведок на берегах Каховского водохранилища в 1957 г. и в Надпорожье в 1958 г.* НА ИА НАНУ. Папка 11.

Банзаров Д. 1955. *Собрание сочинений*. Санжеев Г.Д. (ред.). Москва: АН СССР.

Безверхий А.П. 1991. Средневековые кочевнические памятники Правобережья Днепра (по материалам экспедиций ДГУ). В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, 119—130.

Березовець Д.Т. 1960. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. *АП УРСР* IX, 39—87.

Березовець Д.Т. 1961. Курганний могильник в с. Грушівка. *АП УРСР* X, 56—63.

Благовещенский Ю.И. 1992. *Отчет об охранных археологических раскопках поселения древнерусского XII—XIV вв. и черняховского III—IV вв. времени ур. Портмашево Запорожского района в 1992 году*. НА ИА НАНУ. 1992/163.

Благовещенский Ю.И. 1993. *Отчет об охранных раскопках поселения черняховской культуры III—IV вв. и древнерусского XII—XIV вв. времени в урочище Портмашево Запорожского района Запорожской области в 1993 г.* Архив ЗКМ. Д. 2956.

Благовещенский Ю.И., Плешивенко А.Г., Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. 1991. Работы областного краеведческого музея в 1990 г. В: Тощев Г.Н. (отв. ред.). *Вестник краеведа* 2. Запорожье, 6—8.

Благовещенський Ю.І. 1993. Розкопки в Підпорожжі. В: *Археологічні дослідження в Україні 1991 року*. Луцьк.

Бодянський О.В. 1961. *Звіт за археологічні розвідкові досліди за 1961 рік на берегах Каховського моря і Надпоріжжя*. НА ИА НАНУ. 1961/59.

Бодянський О.В. 1967—1969. *Звіт за досліди Благовіщенського III могильника на Нижньому Дніпрі в 1967—1968 роках*. НА ИА НАНУ. 1967—69/7.

Бодянський О.В. 1972. *Звіт про розкопки на Потьомкінському о-ві та біля Кам'янської Січі в Херсонській обл.* НА ИА НАНУ. 1972/55.

Бодянский А.В. 1972. Новые археологические памятники эпохи Киевской Руси в Надпорожье и Нижнем Днепре. В: *Археологические поиски*. Бюллетень I. Запорожье, 24—28.

Бодянський А.О. 1977. *Археологічні пам'ятки Запорізької та Дніпропетровської областей, які зруйновані, або руйнуються водами озера ім. В.І. Леніна та Каховського водосховища*. НА ИА НАНУ. 1977/89.

Боксет Д. де 1751: *Генеральная карта от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова с показанием новой Сербии со слобоцким казачьим поселением и с Украинской линиею, такожъ Турецкой областью и Польскаго владения с Российскою Империею границ (сия карта скопирована с таковой же составленной 1751 году инженер полковником Дебоксетом подписанной Генерал лейтенантом Хорватом).* РГВИА. Ф. ВУА. №26042.

Бубенок О.Б. 1998. Относительно происхождения могильника XIII в. у с. Каиры Херсонской области. *МАИЭТ* VI, 651—662.

Бубенок О.Б. 2004. *Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.)*. Киев: Истина.

Варваровский Ю.Е. 1999. «Мамаева Орда» (по данным письменных источников и нумизматики). *Stratum plus* (6), 276—287.

Вертильяк Н. 1858. Описание Белозерского городка. В: *ЗООИД* IV, 143—145.

Гаврилюк Н.А. 1999. *История экономики Степной Скифии VI—III вв. до н.э.* Киев: ИА НАНУ.

Гаврилюк Н.А., Маничев В.И., Недопако Д.П. 2003. Участок черной металлургии на Каменском городище. *АВУ 2001—2002 рр.*, 80—85.

Гермоген, еп. 1887. *Таврическая епархия*. Псков: Типография Губернского правления.

Гошкевич В.И. (сост.). 1912. *Летопись музея за 1909, 1910 и 1911 годы*. Вып. 2. Херсон: Типография С.Д. Ходушиной.

Гошкевич В.И. (сост.). 1915. *Летопись музея за 1913 г.* Вып. 5. Херсон: Изд-во городского управления.

Гошкевич В.И. 1916. Херсонский городской музей. В: Гошкевич В.И. (сост.). *Летопись музея за 1914 год*. Вып. 6. Херсон: Издательство городского управления.

Граков Б.Н. 1951. О работе Степной скифской экспедиции. *КСИИМК* XXXVII, 131—136.

Граков Б.Н. 1954. *Каменское городище на Днепре*. *МИА* 36. Москва: АН СССР.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1950. *Золотая Орда и ее падение*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Григорьев А.П. 1983. Золотоордынские ханы 60—70-х гг. XIV вв.: хронология правлений. *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки* VII. Ленинград, 9—54.

Григорьев А.П. 1990. Золотоордынский город Орда. *Ученые записки ЛГУ. Востоковедение* 16. Ленинград, 152—158.

Данилевич В.Е. 1905. Монетные клады Екатеринославской губернии. В: Курилов В.В. (ред.). *Сборник статей Екатеринославского научного общества по изучению края, изданных к XIII Археологическому съезду в г. Екатеринославе*. Екатеринослав, 302—313.

Добролюбский А.О. 1988. О наименовании Кучугурского городища в 60-х годах XIV века. В: Ивонин Ю.Е. (отв. ред.). *Международные связи в средневековой Европе*. Тезисы науч. докл. Запорожье: ЗГУ, 51—53.

Довженок В.И. 1953. *Отчет Горностаевской археологической экспедиции 1953 г. о раскопках татарского города на урочище Большие Кучугуры в Днепровских плавнях Запорожской области*. НА ИА НАНУ. 1953/2. №2217.

Довженок В.Й. 1961. Татарське місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя. *АП УРСР* X, 175—193.

Дроботлав Д.А. 1984. *Загадки латинских клейм на мечах IX—XIV веков: (Классификация, датировка и чтение надписей)*. Москва: МГУ.

Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.

Ельников М.В. 1997. Грунтовый могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье. В: Бех В.П. (ред.). *Запорозьке козацтво в пам'ятках історії та культури.* Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. Запоріжжя: Тандем-У, 17—22.

Ельников М.В. 1999. О предметах с христианской символикой в погребениях могильника Мамай-Сурка. *АЛЛУ* (2), 49—50.

Ельников М.В. 2000. Средневековый могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье. *АЛЛУ* (1—2), 42—53.

Ельников М.В. 2001а. *Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989—1992 гг.)* I. Запорожье: ЗГУ.

Ельников М.В. 2001б. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы. *ТА* 8—9 (1—2), 142—188.

Ельников М.В. 2002. К вопросу о локализации «Екатеринославского клада» периода Золотой Орды. *Музейний вісник* 2. Запоріжжя: ЗОКМ, 66—69.

Єльников М.В. 2002. Браслети «булгарського типу» з поховань могильника Мамай-Сурка. *ССПК* X, 252—258.

Ельников М.В. 2004а. Экономические и культурные связи населения Нижнего Поднепровья и Крыма в золотоордынский период. В: Куковальская Н.М. (отв. ред.). *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре.* Материалы II Судакской международной конференции. Ч. II. Киев; Судак: Академпериодика, 77—83.

Ельников М. 2004б. Грунтовый кочевнический могильник Мамай-Гора XIV в. из Нижнего Поднепровья. *ТА* 12—13 (1—2), 86—111.

Єльников М.В. 2004. До проблеми вивчення пам'яток золотоординського періоду у Нижньому Подніпров'ї. *Музейний вісник* 4. Запоріжжя: ЗОКМ, 40—55.

Ельников М.В. 2005а. *Отчет об охранных исследованиях грунтового могильника Мамай-Сурка у с. Великая Знаменка Запорожской области в 2005 г.* НА ИА НАНУ, 2005/9.

Ельников М.В. 2005б. Случайная находка афтоба в урочище Лысая Гора. *Музейний вісник* 5. Запоріжжя: ЗОКМ, 49—52.

Єльніков М.В. 2005. Бронзова фігурка від процесійного хреста лімозької роботи із Нижнього Подніпров'я. *Археологія* (4), 74—77.

Ельников М.В. 2006. *Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993—1994 гг.)* II. Запорожье: ЗНУ.

Єльников М.В. 2006. До питання про кількість золотоординських городищ на Нижньому Дніпрі. В:

Бокій Н.М. (відп. ред.). *Північне Причорномор'я і Крим в добу середньовіччя (XIV—XVI ст.)*. Матеріали міжнар. наук. конф. Кіровоград: КДПУ, 45—51.

Ельников М.В., Локарев С.К. 1997. Золотоордынские монеты из могильника Мамай-Сурка. *Нова парадигма* 5. Запоріжжя, 63—70.

Зиливинская Э.Д. 1988. Золотоордынская баня на Кучугурском городище. В: Ивонин Ю.Е. (отв. ред.). *Международные связи в Средневековой Европе*. Тезисы науч. докл. Запорожье: ЗГУ, 53—54.

Ильинский В.Е. 1990. *Отчет об археологических разведках на территории бывших Запорожских Сечей в 1990 г.* НА ИА НАНУ. 1990/133.

Ильинский В.Е. 1991. Городище на о. Хортица. В: Тощев Г.Н. (отв. ред.). *Вестник краеведа* 2. Тезисы науч. док. и сооб. Запорожье: ЗОКМ, 15—18.

Іллінський В.Є. 1992. Попередні підсумки проведених досліджень на острові Байда за період 1990—1991 рр. В: Заремба С.З. (гол. ред.). *Нові археологічні дослідження пам'яток українського козацтва*. Зб. наук. праць. Київ: Бібліотека «Часи Козацькі», 6—15.

Ильинский В.Е., Козловский А.А., Пустовалов С.Ж. 1991. *Отчет о работах на о. Большая и Малая Хортица в 1991 г.* НА ИА НАНУ. 1991/84.

Ильинский В.Е., Пустовалов С.Ж. 1992. В: Тощев Г.Н. (отв. ред.). Работы на о. Байда. *Археологический вестник* (3). Запорожье, 19—20.

Ильинский В.Е., Козловский А.А. 1993. Золотоордынское поселение на о. Хортица. *ДСПК* IV, 250—263.

Ильичева И.К. 1988. Гончарные клейма с древнерусского поселения XI—XIV вв. на о. Хортица. В: Ивонин Ю.Е. (отв. ред.). *Международные связи в средневековой Европе*. Тезисы науч. докл. Запорожье: ЗГУ, 51.

Історія міст... 1970: *Історія міст і сіл Української РСР. Запорізька область*. 1970. Київ: АН УРСР.

Казачок Н.Л. 1988. О погребениях на территории Хортицкого поселения XI—XIV вв. В: Ивонин Ю.Е. (отв. ред.). *Международные связи в средневековой Европе*. Тезисы науч. докл. Запорожье: ЗГУ.

Казачок Н.Л. 1990. Некоторые аспекты формирования комплексов археологических памятников на о. Хортица. В: Тощев Г.Н. (отв. ред.). *Вестник краеведа* 1. Запорожье, 16—17.

Каталог 1905: *Каталог Екатеринославского областного музея им. А.Н. Поля. Археология и этнография*. 1905. В: Яворницкий Д.И. (сост.). Екатеринослав: Типография губернского правления.

Каталог 1910: *Каталог Екатеринославского областного музея им. А.Н. Поля. Археология и этнография*. 1910. В: Яворницкий Д.И. (сост.). Екатеринослав: Типография губернского правления.

Кащенко А. 1917. *Великий Луг Запорожський*. Катеринослав: Друкарня І. Вісман і І. Мордхілевич.

Кащенко А. 1991. *Оповідання про славне військо Запорозьке низове*. Дніпропетровськ: Січ.

Кирпичников А.Н. 1976. *Военное дело на Руси в XIII—XV вв.* Ленинград: Наука.

Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. 1985. Вооружение. В: Рыбаков Б.А. (гл. ред.). *Древняя Русь. Город, замок, село*. Археология СССР 15. Москва: Наука, 298—363.

Книга Большому Чертежу. 1950. Сербина К.Н. (ред.). Москва; Ленинград: АН СССР.

Князьков Ю.П. 1997. О местонахождении «Тавани» и Таванской переправы в XV—XVII вв. В: *Придніпровський науковий вісник* 13 (2). Дніпропетровськ, 7—17.

Козловский А.А. 1980. Древнерусские памятники Нижнего Поднепровья в XIII—XIV вв. В: Генинг В.Ф. (отв. ред.). *Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.* XVIII конференция ИА АН УССР: тезисы докл. Днепропетровск: ДГУ, 159.

Козловский А.А. 1982. *Оседлое население Южного Поднепровья в IX—XIV вв.* Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Киев.

Козловський А.О. 1982. Господарська діяльність осілого населення X—XIII ст. у Південному Подніпров'ї. *Археологія* 37, 59—72.

Козловський А.О. 1992а. *Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX—XIV ст.* Київ: Наукова думка.

Козловський А.О. 1992б. Особливості будівництва житлових споруд на Кам'янській Січі. В: Заремба С.З. (гол. ред.). *Нові археологічні дослідження пам'яток українського козацтва*. Зб. наук. праць. Київ: Бібліотека «Часи Козацькі», 15—25.

Козловський А.О. 1998. Населення Південного Подніпров'я і формування запорозького козацтва. В: Моця О.П. (відп. ред.). *Історія Русі-України (Історико-археологічний збірник)*. Київ: ІА НАНУ, 298—305.

Козловський А.О. 2002. Населення Південного Подніпров'я в другій половині XIII — середині XV ст. *Ruthenika* 1. Київ, 128—134.

Козловський А.О., Ільїнський В.Є. 1990. Про дослідження на Кам'янській Січі. В: Апанович О.М., Бойко В.П., Дашевська І.М. (ред.). *Проблеми історії Запорозького козацтва в сучасній історичній науці та музейній практиці*. Матеріали першої респуб. наук.-практ. конф. 18—20 січня 1990 р., Запоріжжя. Дніпропетровськ: Знання, 198—200.

Козловский А.О., Ільїнський В.Є. 1991. Козацькі старожитності Пониззя Дніпра. *Археологія* (4), 42— 57.

Крамаровский М.Г. 2001. *Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды*. Санкт-Петербург: Славия.

Кропоткин В.В. 1962. *Клады византийских монет на территории СССР*. САИ Е4—4. Москва: АН СССР.

Литвинова Л.В. 1997. Палеоантропологический материал из средневекового могильника Мамай-Сурка. В: Бех В.П. (ред.). *Запорозьке козацтво в пам'ятках історії та культури*. Запоріжжя: Тандем-У, 31—36.

Литвинова Л.В. 2000. Население Нижнего Поднепровья в XIII—XIV вв. (по материалам могильника Мамай-Сурка). В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 1. Донецк: ДонНУ, 369—380.

Ляскоронский В. 1907. *Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход Витовта на татар 1399 г.* Санкт-Петербург: Сенатская типография.

Лясота Е. 1984. Щоденник Еріха Лясота із Стеблева. *Жовтень* (10), 97—110.

Ляшко С.Н., Отрощенко В.В. 1988. Балковский курган. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.). *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*. Киев: Наукова думка, 40—64.

Малиновская Н.В. 1974. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей. В: Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Города Поволжья*

в средние века. Москва: Наука, 132—175.
Махно Е.В. 1955. Раскопки могильника в с. Каирах в 1954 г. *КСИА АН УССР* 5, 16—48.
Махно Є.В. 1961. Розкопки могильника і поселення поблизу с. Каїри. *АП УРСР* X, 131—154.
Мурзакевич Н. 1850. Список со статейного списка великого государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василия Михайловича, сына Тяпкина, дьяка Н. Золотова. *ЗООИД* 2, 568—658.
Новицкий Я.П. 1992. Народная память о Запорожье. Предания и рассказы, собранные в Екатеринославщине 1875—1905 гг. В: Натапов Э.С. (сост.). *Очерки истории Запорожья*. Запорожье: Видавець, 89—122.
Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я. 1986. Половецький комплекс Чингульського кургану. *Археологія* 53, 14—36.
Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я. 1988. Взаимоотношения Руси с половцами в период формирования Золотой Орды (40-е — 60-е гг. XIII века). В: Ивонин Ю.Е (отв. ред.). *Международные связи в средневековой Европе*. Тезисы докл. научно-практич. семинара. Запорожье: ЗГУ, 39—40.
Отрощенко В.В., Вовк Т.А. 2000. Золотоординський період в історії половців. В: Приходнюк О.М. (наук. ред.). *Етноси України. Тюркський Світ*. Київ: Центр вільної преси, 81—89.
Плетнева С.А. 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* I. *МИА* 62, 151—226.
Погребова Н.Н. 1952. *Отчет о раскопках Знаменского (акрополь Каменского) городища в 1952 году. НА ИА НАНУ*. 1952/43б.
Погребова Н.Н. 1958. Позднескифские городища на нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское). *МИА* 64. 103—247.
Погребова Н.Н. 1962. Средневековые памятники на скифских городищах Нижнего Днепра. *КСИА* 89, 15—21.
Попандопуло З.Х. 1979. *Отчет о раскопках склепов в с. Верхняя Криница в 1979 г.* Архив ЗКМ. Д. 2353 (1—3).
Попандопуло З.Х. 1983. *Отчет о разведках по берегам Каховского водохранилища в пределах Запорожской области в 1983 г.* Архив ЗКМ. Д. 2605 (2).
Попандопуло З.Х. 2002. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры. *ССПК* X, 226—238.
Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. 1978. *Отчет об охранных раскопках на городище Большие Кучугуры Васильевского района Запорожской области. 1978 г.* Архив ЗКМ. Д. 1671.
Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. 1979. *Отчет об охранных раскопках городища Большие Кучугуры Васильевского района Запорожской области. 1979 год.* Архив ЗКМ. Д. 1867.
Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. 1983. Исследования Запорожского краеведческого музея. *АО 1981 г.*, 308—309.
Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. 1990. Исследования Запорожского краеведческого музея. В: Тощев Г.Н. (отв. ред.). *Вестник краеведа* 1. Запорожье, 5—6.
Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р., Олейник А.Л. 1992. Исследования Запорожского краеведческого музея. В: Тощев Г.Н. (отв. ред.). *Археологический вестник* 3. Запорожье, 38—40.
Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. 1993. *Отчет об охранных исследованиях в Запорожском, Васильевском и Ореховском районах Запорожской области в 1993 г.* Архив ЗКМ. Д. 2960.
Попандопуло З.Х., Тихомолова И.Р. 1998. Альбарелло из раскопок городища Большие Кучугуры. В: Солодовникова С.Н., Кузнецова В.В. (ред.). *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики*. Тезисы докл. науч. конф. Симферополь: КАЛАМО, 185.
Ратнер І.Д. 1984. *Довідник з археології України. Херсонська область*. Київ: Наукова думка.
Рябцева С.С. 2003—2004. Украшения головных уборов XIII—XVI вв. в Карпато-Дунайском регионе. *Stratum plus* (6), 453—472.
Савельев П.С. 1857. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. *ТВОРАО* III, 202—528.
Савовский И.П. 1973. *Материалы разведок в районе с. Балки Запорожской области (Златополь-Благовещенка)*. НА ИА НАНУ. 1973/7.
Самоквасов Д.Я. 1886. Могильные древности Александровского уезда Екатеринославской губернии. *Труды VI Археологического съезда*. Одесса, 189—207.
Самоквасов Д.Я. 1908. *Могилы Русской земли*. Москва: Синодальная Типография.
Сердюков Д.Я. 1900. Раскопки в Каменке. *ОАК за 1899 г.*, 36—37.
Сердюков Д.Я. 1902. Раскопки в Каменке. В: *ОАК за 1900 г.*, 31—33.
Скальковский А.А. 1886. *История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского*. Ч. 3. Одесса: Типография А. Шульце.
Смиленко А.Т. 1980. Раскопки на Нижнем Днепре. *АО 1979 года*, 338—339.
Сміленко А.Т. 1975. *Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.)*. Київ: Наукова думка.
Соколов В. 1892. Белозерское городище на Днепре. *Киевская старина* (8), 225—345.
Сокульский А.Л. 1980. К локализации летописного Олешья. *СА* (1), 64—73.
Сокульский А.Л., Шевченко Т.К., Бодянский А.В., Рогожкина Л.В. 1977. Раскопки славянского поселения на о-ве Хортица. *АО 1976 г.*, 373—374.
Сокульский А.Л., Шевченко Т.К. 1978. Исследования Хортицкой экспедиции в 1976—1977 гг. *АИУ в 1976—1977 гг.* Ужгород, 102.
Сокульський А., Шевченко Т. 1995. До історії питання про походження запорозького козацтва. *Запорозька старовина* 1. Запоріжжя, 5—11
Сымонович Э.А. 1956. Погребения XI—XII вв. Каменского могильника. *КСИИМК* 65, 99—106.
Сымонович Э.А. 1960. Памятники позднекочевнического времени в Поднепровье. *КСИА* 81, 108—111.
Тихомолова И.Р. 1981. *Отчет о раскопках городища Большие Кучугуры в Васильевском районе Запорожской области в 1981 году*. Архив ЗКМ. Д. 2234.
Тихомолова И.Р. 1991. Китайские селадоны городища Большие Кучугуры. В: Ивонин Ю.Е (отв. ред.). *Международные связи в средневековой Европе*. Тезисы докл. Запорожье: ЗГУ, 18—19.
Тихомолова И.Р. 1992. Курганный могильник у с. Каменское. *ДСПК* III, 70—82.
Тихомолова И.Р. 1993. *Отчет об охранных исследованиях в Запорожском районе Запорожской области в 1993 г.* Архив ЗКМ. Д. 2960.
Тихомолова И.Р. 1997. Поселение и могильник XIV в.

у с. Верхняя Криница. *ДСПК* VI, 5—9.

Тихомолова И. Р. 2002. Фарфор и фаянс в керамическом комплексе городища Большие Кучугуры. *ССПК* X, 239—251.

Тихомолова И. Р., Плешивенко А. Г. 1980. *Отчет о раскопках городища Большие Кучугуры в Васильевском районе в 1980 году*. Архив ЗКМ. Д. 2229.

Тихомолова И. Р., Попандопуло З. Х. 2005. Альбарелло городища Большие Кучугуры. В: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* I. Киев: Стилос, 190—194.

Тубольцев О. В. 1999. *Отчет о разведках в Васильевском районе Запорожской области в 1999 году*. Архив ЗКМ. Д. 2645.

Фабрициус И. В. 1951. *Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР* 2. Киев: АН УССР.

Федоров-Давыдов Г. А. 1960. Клады джучидских монет. *НЭ* 1, 94—192.

Федоров-Давыдов Г. А. 1963. Находки джучидских монет. *НЭ* 4, 165—221.

Федоров-Давыдов Г. А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: МГУ.

Федоров-Давыдов Г. А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. Москва: МГУ.

Федоров-Давыдов Г. А. 1994. *Золотоордынские города Поволжья*. Москва: МГУ.

Федоров-Давыдов Г. А. 1997. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге. *ТА* (1), 88—100.

Фоменко В. Г. 1974. *Кишени, ошибочно названные мечетями*. Архив ЗКМ. Д. 2457.

Черная Е. Д. 1998. Коллекция поливной керамики Херсонского краеведческого музея. В: Солодовникова С. Н., Кузнецова В. В. (ред.). *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики*. Тезисы докл. науч. конф. Симферополь: КАЛАМО, 186—189.

Шалобудов В. Н. 1984. Кочевнические курганы Правобережья Днепра. В: Ковалева И. Ф. (отв. ред.). *Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э.* Днепропетровск: ДГУ, 166—173.

Шаповалов Г. И. 1977. *Отчет об археологической разведке городища Большие Кучугуры, произведенной Запорожским краеведческим музеем в 1977 году*. Архив ЗКМ. Д. 1520.

Шаповалов Г. И., Борисов В. Е. 1978. Работы на средневековом городище Большие Кучугуры. *АО 1977*, 398—399.

Шапошникова О. Г., Бодянский О. В., Щепинський А. О. 1957. *Звіт про роботу дніпровського загону Дніпровської експедиції за 1957 рік*. НА ИА НАНУ. 1957/10б.

Шевченко Т. К. 1990. До історії питання про виникнення Запорозької Січі (дослідження поселення X—XIV ст. на о. Хортиці). В: Апанович О. М., Бойко В. П., Дашевська І. М. (ред.). *Проблеми історії Запорозького козацтва в сучасній історичній науці та музейній практиці*. Матеріали першої респуб. наук.-практ. конф., 18—20 січня 1990 р., Запоріжжя. Дніпропетровськ: Знання, 202—203.

Шмит 1769: *Пограничная карта Российской и Турецкой империй и Польши сочиненная по новейшим известиям при Академии наук адъюнктом Е. Ф. Шмитом 1769 г.* РГВИА. Ф. ВУА. № 24089.

Шовкун В. М. 1972. Монеты открывают название. *Археологические поиски*. Бюллетень I. Запорожье, 31—34.

Эварницкий Д. И. 1907. Дневники раскопок. *Труды XIII Археологического съезда* I. Москва, 108—157.

References

Andrukh, S. I. 2001. *Mogil'nik Mamai-Gora (Necropolis of Mamai-Gora)*. Book II. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N., Shakhrov, G. I. 1995. *Velikoznamenskie kurgany (Velykaya Znamenka barrows) (№ 14—15)*. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya State University (in Russian).

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 1999. *Mogil'nik Mamai-Gora (Necropolis of Mamai-Gora)*. Book I. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).

Andrukh, S. I., Elnikov, M. V., Toshchev, G. N. 2001. In *Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni 1999—2000 rr. (Archaeological Discoveries in Ukraine in 1999—-2000)*, 68—69 (in Russian).

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 2003. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh na mogil'nike Mamai-Gora u s. V. Znamenka Kamensko-Dneprovskogo raiona Zaporozhskoi oblasti v 2003 g.* (*Report on rescue excavations at the necropolis of Mamai-Gora near the village of V. Znamenka of Kamensko-Dneprovski district of Zaporozhie region in 2003).* Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine 2003/38 (in Russian).

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 2004. *Mogil'nik Mamai-Gora (Necropolis of Mamai-Gora)*. Book III. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).

Arkhivnye materialy, sobrannye A. V. Bodianskim vo vremia razvedok na beregakh Kakhovskogo vodokhranilishcha v 1957 g. i v Nadporozh'e v 1958 g (*Archive materials collected by A. V. Bodianski during fieldwalking on the shores of Kahovka water reservoir in 1957 and Nadporozhie in 1958).* Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. Dossier 11 (in Russian).

Banzarov, D. 1955. *Sobranie sochinenii* (*Works*). Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Bezverkhii, A. P. 1991. In *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Problems of the Archaeology of Dnepr Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 119—130 (in Russian).

Berezovets', D. T. 1960. *In Arkheologicheskie pamiatniki URSR* (*Archaeological Sites of Ukrainian SSR*) IX, 39—87 (in Ukrainian).

Berezovets', D. T. 1961. In *Arkheologicheskie pamiatniki URSR* (*Archaeological Sites of Ukrainian SSR*) X, 56—63 (in Ukrainian).

Blagoveshchensky, Yu. I. 1992. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh poseleniia cherniakhovskoi kul'tury III—IV vv. i drevnerusskogo XII—XIV vv. vremeni v urochishche Portmashevo Zaporozhskogo raiona Zaporozhskoi oblasti v 1993 g*. (*Report on rescue archaeological excavations of Old Russian settlement from 12th—14th centuries and Chernyakhov settlement from 3rd—4th centuries near the location Portmashevo of Zaporizhia region in 1992*). Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. 1992/163 (in Russian).

Blagoveshchensky, Yu. I. 1993. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh poseleniia cherniakhovskoi kul'tury III—IV vv. i drevnerusskogo XII—XIV vv. vremeni v urochishche Portmashevo Zaporozhskogo raiona Zaporozhskoi oblasti v 1993 g.* (*Report on rescue archaeological excavations of Cerneahov settlement from 3rd—4th centuries and Old Russian settlement from 12th—14th centuries near the location Portmashevo of Zaporizhia region in 1993).* Archive of the Zaporizhzhya Museum of Local Lore. Dossier 2956 (in Russian).

Blagoveshchensky, Yu. I., Pleshivenko, A. G., Popandopulo, Z. Kh.,

Tikhomolova, I. R. 1991. In *Vestnik kraeveda* (*Bulletin of Regional Studies*) 2. Zaporizhzhia, 6—8 (in Russian).

Blahoveshchens'kyj, Yu. I. 1993. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraïni 1991 roku (Archaeological Investigations in Ukraine in 1991)*. Lutsk (in Ukrainian).

Bodyans'kyj, O. V. 1961. *Zvit za arkheolohichni rozvidkovi doslidy za 1961 rik na berehakh Kakhovs'koho morya i Nadporizhzhya* (*Report on archaeological fieldwalking in 1961 on the shores of Kahovsk sea and Nadporizhia*). Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. 1961/59 (in Ukrainian).

Bodyans'kyj, O. V. 1967—1969. *Zvit za doslidy Blahovishchens'koho III mohyl'nyka na Nyzhn'omu Dnipri v 1967—1968 rokakh* (*Report on the investigations of Blagoveshensk 3rd necropolis on Lower Dnieper in 1967—1968*). Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. 1967—1969/7 (in Ukrainian).

Bodyans'kyj, O. V. 1972. *Zvit pro rozkopky na Pot'omkins'komu o-vi ta bilya Kam'yans'koï Sichi v Khersons'kij obl. (Report on excavations on Potiomkin island and near Kamianska Sich in Kherson region).* Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. 1972/55 (in Ukrainian).

Bodyanskii, A. V. 1972. In *Arkheologicheskie poiski (Archaeological Pursuits)* I. Zaporizhzhia, 24—28 (in Russian).

Bodyans'kyj, A. O. 1977. *Arkheolohichni pam'yatky Zaporiz'koï ta Dnipropetrovs'koï oblastej, yaki zrujnovani, abo rujnuyut'sya vodamy ozera im. V. I. Lenina ta Kakhovs'koho vodoskhovyshcha (Archaeological sites of Zaporizhia and Dnepropetrovsk regions destroyed or in the process of destruction by the waters of the "V. I. Lenin" lake and Kahovsk water reservoir).* Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. 1977/89 (in Ukrainian).

General'naia karta ot Kieva po reke Dnepru do Ochakova i po stepi do Azova s pokazaniem novoi Serbii so slobotskim kazach'im poseleniem i s Ukrainskoi linieiu, takozh Turetskoi oblast'iu i Pol'skago vladeniia s Rossiiskoiu Imperieiu granits (siia karta skopirovana s takovoi zhe sostavlennoi 1751 godu inzhener polkovnikom Deboksetom podpisannoi General leitenantom Khorvatom) (General map from Kiev along the Dnieper river to Ochakov and through steppe to Azov with the indication of new Serbia with Cossack settlement and Ukrainian line, as well as the Turkish region and borders between Polish domain and Russian Empire (this map has been copied from a similar one made in 1751 by the engineer De Bokset and signed by general-lieutenant Horvath)). Russian state military-historical archive, military record holding, no. 26042 (in Russian).

Bubenok, O. B. 1998. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tavria)* VI, 651—662 (in Russian).

Bubenok, O. B. 2004. *Alany-asy v Zolotoi Orde (XIII—XV vv.) (Alans-Ases in Golden Horde (13th—15th centuries)).* Kiev: "Istina" Publ. (in Russian).

Varvarovsky, Yu. E. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Arhaeology and Cultural Anthropology)* (6), 276—287 (in Russian).

Vertil'yak, N. 1858. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (*Writings of the Odessa Society for History and Antiquities*) IV, 143—145 (in Russian).

Gavriliuk, N. A. 1999. *Istoriia ekonomiki Stepnoi Skifii VI—III vv. do n. e (History of economy of Steppe Scythia in 6th—3th centuries BC).* Kiev: Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences (in Russian).

Gavriliuk, N. A., Manichev, V. I., Nedopako, D. P. 2003. In *Arkheologichni vidkrittia v Ukraïni (Archaeological Discoveries in Ukraine) 2001—2002 rr.*, 80—85 (in Russian).

Germogen, ep. 1887. *Tavricheskaia eparkhiia (Tauric Eparchy).* Pskov: "Tipografiia Gubernskogo pravleniia" Publ. (in Russian).

Goshkevich, V. I. (sost.). 1912. *Letopis' muzeia za 1909, 1910 i 1911 gody*. (*Museum chronicle for 1909, 1910 and 1911*) Issue 2. Kherson: "Tipografiia S. D. Khodushinoi" Publ. (in Russian).

Goshkevich, V. I. (sost.). 1915. *Letopis' muzeia za 1913 gody*. (*Museum chronicle for 1913*) Issue 5. Kherson: "Izdatel'stvo gorodskogo upravleniia" Publ. (in Russian).

Goshkevich, V. I. 1916. In Goshkevich, V. I. (sost.). *Letopis' muzeia za 1914 god (Museum chronicle for 1914)*. Issue 6. Kherson: "Izdatel'stvo gorodskogo upravleniia" Publ. (in Russian).

Grakov, B. N. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (*Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture*) XXXVII, 131—136 (in Russian).

Grakov, B. N. 1954. *In Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (*Materials and Researches on the Archaeology of USSR*) 36. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Grekov, B. D., Yakubovsky, A. Yu. 1950. *Zolotaia Orda i ee padenie* (*Golden Horde and its fall*). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Grigor'ev, A. P. 1983. In *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki (Historiography and historical sources for Asia and Africa countries)* VII. Leningrad, 9—54 (in Russian).

Grigor'ev, A. P. 1990. In *Uchenye zapiski LGU. Vostokovedenie* (*Scientific Bulletin of the Leningrad State University. Oriental Studies*) 16. Leningrad, 152—158 (in Russian).

Danilevich, V. E. 1905. In *Sbornik statei Yekaterinoslavskogo nauchnogo obshchestva po izucheniiu kraia, izdannykh k XIII Arkheologicheskomu s"ezdu v g. Yekaterinoslave (Proceedings of Yekaterinoslav Local Lore Research Society, edited for the 13th Archaeological convention in Yekaterinoslav)*. Yekaterinoslav, 302—313 (in Russian).

Dobrolyubsky, A. O. 1988. In *Mezhdunarodnye sviazi v srednevekovoi Evrope (International Relations in Medieval Europe)* Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University, 51—53 (in Russian).

Dovzhenok, V. I. 1953. *Otchet Gornostaevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1953 g. o raskopkakh tatarskogo goroda na urochishche Bol'shie Kuchugury v Dneprovskikh plavniakh Zaporozhskoi oblasti (Report of Gornostaevka archaeological expedition of 1953 on the excavations of a Tatar town in the location of Bolshie Kuchugury in Dnieper flooded areas in Zaporizhia region)*. Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. 1953/2, no. 2217 (in Russian).

Dovzhenok, V. J. 1961. In *Arkheologicheskie pamiatniki URSR* (*Archaeological Sites of Ukrainian SSR*) X, 175—193 (in Ukrainian).

Droboglav, D. A. 1984. *Zagadki latinskikh kleim na mechakh IX—XIV vekov: (Klassifikatsiia, datirovka i chtenie nadpisei (Mysteries of Latin markings on 9th—14th century swords: (Classification, dating and reading of inscriptions)).* Moscow: Moscow State University (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv.* (*Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Elnikov, M. V. 1997. In *Zaporoz'ke kozatstvo v pam'iatkakh istoriï ta kul'turi (Zaporizhia Cossacks in historical and cultural monuments)*. Zaporizhzhya: "Tandem-Y" Publ., 17—22 (in Russian).

Elnikov, M. V. 1999. In *Arkheologichnii litopis Livoberezhnoï Ukraïni (Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine*) (2), 49—50 (in Russian).

Elnikov, M. V. 2000. In *Arkheologichnii litopis Livoberezhnoï Ukraïni (Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine*) (1—2), 42—53 (in Russian).

Elnikov, M. V. 2001a. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovanii 1989—1992 gg.) (Medieval Necropolis of Mamai-Surka (Basing on Materials from the Researches of 1989—1992)).* Vol. I. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya State University (in Russian).

Elnikov, M. V. 2001b. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 8—9 (1—2), 142—188 (in Russian).

Elnikov, M. V. 2002. In *Muzeinii visnik* (*Museum Bulletin*) 2. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya Regional Museum of Lo-

cal Lore, 66—69 (in Russian).
Elnikov, M. V. 2002. In *Starozhytnosti stepovoho Prychernomoriya i Krymu* (*Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* X, 252—258 (in Ukrainian).
Elnikov, M. V. 2004a. In *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture (Black Sea region, Crimea and Russia in history and culture)* II. Kiev; Sudak: "Akademperiodika" Publ., 77—83 (in Russian).
Elnikov, M. 2004b. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 12—13 (1—2), 86—111 (in Russian).
Elnikov, M. V. 2004. In *Muzejnyj visnyk* (*Museum Bulletin*) 4. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya Regional Museum of Local Lore, 40—55 (in Ukrainian).
Elnikov, M. V. 2005a. *Otchet ob okhrannykh issledovaniiakh gruntovogo mogil'nika Mamai-Surka u s. Velikaia Znamenka Zaporozhskoi oblasti v 2005 g. (Report on rescue excavations of Mamai-Surka ground necropolis near the village of Velikaia Znamenka of Zaporizhia region in 2005).* Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. 2005/9 (in Russian).
Elnikov, M. V. 2005b. In *Muzeinii visnik* (*Museum Bulletin*) 5. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya Regional Museum of Local Lore, 49—52 (in Russian).
Elnikov, M. V. 2005. In *Arkheolohiya (Arkheology)* (4), 74—77 (in Ukrainian).
Elnikov, M. V. 2006. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovanii 1993—1994 gg.) (Medieval necropolis of Mamai-Surka (basing on materials from the researches of 1993—1994)).* Vol. II. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).
Elnikov, M. V. 2006. In *Pivnichne Prychornomor'ya i Krym v dobu seredn'ovichchya (XIV—XVI st.) (Northern Black Sea region and Crimea in Middle Ages (14 th—16 th centuries)).* Kirovograd: Kirovograd State Pedagogical University, 45—51 (in Ukrainian).
Elnikov, M. V., Lokarev, S. K. 1997. In *Nova paradigma (New Paradigm)* 5. Zaporizhzhya, 63—70 (in Russian).
Zilivinskaya, E. D. 1988. In *Mezhdunarodnye sviazi v srednevekovoi Evrope (International Relations in Medieval Europe).* Zaporizhzhya: Zaporizhzhya State University, 53—54 (in Russian).
Ilyinsky, V. E. 1990. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii byvshikh Zaporozhskikh Sechei v 1990 g. (Report on the archaeological fieldwalking on the territory of former Zaporizhia Sech in 1990).* Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. 1990/133 (in Russian).
Ilyinsky, V. E. 1991. In *Vestnik kraeveda (Bulletin of Regional Studies)* 2. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya Regional Museum of Local Lore, 15—18 (in Russian).
Ilyinsky, V. E.1992. In *Novi arkheolohichni doslidzhennya pam'yatok ukraïns'koho kozatstva (New archaeological investigations of sites of Ukrainian Cossacks).* Kiev: "Biblioteka 'Chasy Kozats'ki'" Publ., 6—15 (in Ukrainian).
Ilyinsky, V. E., Kozlovsky, A. A., Pustovalov, S. Zh. 1991. *Otchet o rabotakh na o. Bol'shaia i Malaia Khortitsa v 1991 g. (Report on works on islands of Bolshaia and Malaia Hortitsa in 1991)* Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. 1991/84 (in Russian).
Ilyinsky, V. E., Pustovalov, S. Zh. 1992. In *Arkheologicheskii vestnik* (*Archaeological Bulletin*) (3). Zaporizhzhya, 19—20 (in Russian).
Ilyinsky, V. E., Kozlovsky, A. A. 1993. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma* (*Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* IV, 250—263 (in Russian).
Ilyicheva, I. K. 1988. In *Mezhdunarodnye sviazi v srednevekovoi Evrope (International Relations in Medieval Europe).* Zaporizhzhya: Zaporizhzhya State University, 51 (in Russian).
Istoriia mist i sil Ukraïns'koï RSR. Zaporiz'ka oblast' (History of cities and villages of Ukrainian SSR. Zaporizhia Region). 1970. Kiev: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Ukrainian).
Kazachok, N. L. 1988. In *Mezhdunarodnye sviazi v srednevekovoi Evrope (International Relations in Medieval Europe).* Zaporizhzhya: Zaporizhzhya State University (in Russian).
Kazachok, N. L. 1990. In *Vestnik kraeveda* (*Bulletin of Regional Studies*) 1. Zaporizhzhya, 16—17 (in Russian).
Katalog Yekaterinoslavskogo oblastnogo muzeia imeni A. N. Polia. Arkheologiia i etnografiia (Catalogue of "A. N. Pol" Yekaterinoslav regional museum. Archaeology and ethnography). 1905. Yekaterinoslav: "Tipografiia gubernskogo pravleniia" Publ. (in Russian).
Katalog Ekaterinoslavskogo oblastnogo muzeia imeni A. N. Polia. Arkheologiia i etnografiia (*Catalogue of "A. N. Pol" Ekaterinoslav regional museum. Archaeology and ethnography*). 1910. Yekaterinoslav: "Tipografiia gubernskogo pravleniia" Publ. (in Russian).
Kashchenko, A. 1917. *Velykyj Luh Zaporozhs'kyj (Zaporizhia Veliki Lug).* Yekaterinoslav: "Drukarnya I. Visman i I. Mordkhilevych" Publ. (in Ukrainian).
Kashchenko, A. 1991. *Opovidannya pro slavne vijs'ko Zaporoz'ke nyzove (The story of glorious Zaporozhia army).* Dnepropetrovsk: "Sich" Publ. (in Ukrainian).
Kirpichnikov, A. N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII—XV vv. (Russian warfare in 13 th—15 th centuries)* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
Kirpichnikov, A. N., Medvedev, A. F. 1985. In *Arkheologia SSSR (Archaeology of USSR*) 15. Moscow: "Nauka" Publ., 298—363 (in Russian).
Kniga Bol'shomu Chertezhu (Book of Great Sketch). 1950. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
Kniaz'kov, Iu. P. 1997. In *Pridniprovs'kii naukovii visnik (Dnieper Scientific Bulletin)* 13 (2). Dnepropetrovsk, 7—17 (in Russian).
Kozlovsky, A. A. 1980. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1978—1979 gg. (Archaeological Investigations in Ukraine in 1978—1979).* Dnepropetrovsk: DGU, 159 (in Russian).
Kozlovsky, A. A. 1982. *Osedloe naselenie Iuzhnogo Podneprov'ia v IX—XIV vv*. (*Sedentary population of Southern Dnieper region in 9 th—14 th centuries).* Kiev (in Russian).
Kozlovsky, A. A. 1982. In *Arkheolohiya (Arkheology)* 37, 59—72 (in Ukrainian).
Kozlovsky, A. A. 1992a. *Istoryko-kul'turnyj rozvytok Pivdennoho Podniprov'ya v IX—XIV st.* (*Historical and cultural development of Southern Dnieper region in 9 th—14 th centuries*). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
Kozlovsky, A. A. 1992b. In *Novi arkheolohichni doslidzhennya pam'yatok ukraïns'koho kozatstva (New archaeological investigations of sites of Ukrainian Cossacks).* Kiev: "Biblioteka 'Chasy Kozats'ki' " Publ., 15—25 (in Ukrainian).
Kozlovsky, A. A. 1998. In *Istoriya Rusi-Ukraïny (Istoryko-arkheolohichnyj zbirnyk) (History of Russia and Ukraine (Historical and archaeological compilation)).* Kiev: Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences, 298—305 (in Ukrainian).
Kozlovsky, A. A. 2002. In *Ruthenika* 1. Kiev, 128—134 (in Ukrainian).
Kozlovsky, A. A., Ilyinsky, V. E. 1990. In *Problemy istorii Zaporoz'koho kozatstva v suchasnij istorychnij nautsi ta muzejnij praktytsi (Problems of history of Zaporizhia Cossacks in modern historical science and museum practice).* Zaporizhzhya; Dnepropetrovsk: "Znannea" Publ., 198—200 (in Ukrainian).
Kozlovsky, A. A., Ilyinsky, V. E. 1991. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 42—57 (in Ukrainian).
Kramarovsky, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy (Gold of Chingizides: cultural heritage of the Golden Horde).* Saint Petersburg: "Slavia" Publ. (in Russian).
Kropotkin, V. V. 1962. *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* E4—4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
Litvinova, L. V. 1997. In *Zaporoz'ke kozatstvo v pam'iatkakh istorii ta kul'turi (Zaporizhia Cossacks in historical and cultural monuments).* Zaporizhzhya: "Tandem-Y" Publ., 31—36 (in Russian).
Litvinova, L. V. 2000. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 369—380 (in Russian).

Liaskoronski, V. 1907. *Russkie pokhody v stepi v udel'no-vechevoe vremia i pokhod Vitovta na tatar 1399 g (Russian raids into the steppe in veche times and Vitovt's raid over Tatars in 1399).* Saint Petersburg: "Senatskaia tipografiia" Publ. (in Russian).

Lyasota, E. 1984. In *Zhovten'* (*October*) (10), 97—110 (in Ukrainian).

Liashko, S. N., Otroshchenko, V. V. 1988. In *Novye pamiatniki iamnoi kul'tury stepnoi zony Ukrainy (New sites of Yamnaya culture from the steppe zone of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 40—64 (in Russian).

Malinovskaya, N. V. 1974. In *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of Volga region in Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 132—175 (in Russian).

Makhno, E. V. 1955. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainskoi SSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukrainian SSR)* 5, 16—48 (in Russian).

Makhno, E. V. 1961. In *Arkheologicheskie pamiatniki URSR* (*Archaeological Sites of Ukrainian SSR*) X, 131—154 (in Ukrainian).

Murzakevich, N. 1850. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (*Writings of the Odessa Society for History and Antiquities*) 2, 568—658 (in Russian).

Novitsky, Ya. P. 1992. In *Ocherki istorii Zaporozh'ia (Essays on History of Zaporizhia)*. Zaporizhzhya: "Vidavets'" Publ., 89—122 (in Russian).

Otroshchenko, V. V., Rassamakin, Yu. Ya. 1986. In *Arkheolohiya (Arkheology)* 53, 14—36 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V. V., Rassamakin, Iu. Ia. 1988. In *Mezhdunarodnye sviazi v srednevekovoi Evrope (International Relations in Medieval Europe)*. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya State University, 39—40 (in Russian).

Otroshchenko, V. V., Vovk, T. A. 2000. In *Etnosy Ukraïny. Tyurks'kyj Svit (Ethnoses of Ukraine. Turkic World).* Kiev: "Tsentr vil'noï presy" Publ., 81—89 (in Ukrainian).

Pletneva, S. A. 1958. In *Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition)* I. Materials and Researches on the Archaeology of USSR 62, 151—226 (in Russian).

Pogrebova, N. N. 1952. *Otchet o raskopkakh Znamenskogo (akropol' Kamenskogo) gorodishcha v 1952 godu. (Report on the excavations of Znamensk (acropolis of Kamensk) hillfort in 1952).* Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. 1952/43b (in Russian).

Pogrebova, N. N. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Researches in Archaeology of USSR)* 64, 103—247 (in Russian).

Pogrebova, N. N. 1962. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences)* 89, 15—21 (in Russian).

Popandopulo, Z. Kh. 1979. *Otchet o raskopkakh sklepov v s. Verkhniaia Krinitsa v 1979 g (Report on excavations of burial vaults near the village of Verhniaia Krinitsa in 1979).* Archive of Zaporizhzhya Museum of Local Lore. Dossier 2353 (1—3) (in Russian).

Popandopulo, Z. Kh. 1983. *Otchet o razvedkakh po beregam Kakhovskogo vodokhranilishcha v predelakh Zaporozhskoi oblasti v 1983 g. (Report on the archaeological fieldwalking on the shores of Kahovsk water reservoir within the limits of Zaporizhia region in 1983).* Archive of the Zaporizhzhya Museum of Local Lore. Dossier 2605 (2) (in Russian).

Popandopulo, Z. Kh. 2002. In *Starozhytnosti stepovoho Prychernomoriya i Krymu* (*Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* X, 226—238 (in Russian).

Popandopulo, Z. Kh., Tikhomolova, I. R. 1978. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh na gorodishche Bol'shie Kuchugury Vasil'evskogo raiona Zaporozhskoi oblasti. 1978 g. (Report on the rescue excavations on the hillfort of Bolshie Kuchugury of Vasilievka district of Zaporizhia region. 1978)* Archive of the Zaporizhzhya Museum of Local Lore. Dossier 1671 (in Russian).

Popandopulo, Z. Kh., Tikhomolova, I. R. 1979. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh gorodishcha Bol'shie Kuchugury Vasil'evskogo raiona Zaporozhskoi oblasti. 1979 god.* (*Report on the rescue excavations on the hillfort of Bolshie Kuchugury of Vasilievka district of Zaporizhia region. 1979*). Archive of the Zaporizhzhya Museum of Local Lore. Dossier 1867 (in Russian).

Popandopulo, Z. Kh., Tikhomolova, I. R. 1983. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1981 g. (Archaeological Discoveries 1981)*, 308—309 (in Russian).

Popandopulo, Z. Kh., Tikhomolova, I. R. 1990. In *Vestnik kraeveda* (*Bulletin of Regional Studies*) 1. Zaporizhzhya, 5—6 (in Russian).

Popandopulo, Z. Kh., Tikhomolova, I. R., Oleinik, A. L. 1992. In *Arkheologicheskii vestnik* (*Archaeological Bulletin*) 3. Zaporizhzhya, 38—40 (in Russian).

Popandopulo, Z. Kh., Tikhomolova, I. R. 1993. *Otchet ob okhrannykh issledovaniiakh v Zaporozhskom, Vasil'evskom i Orekhovskom raionakh Zaporozhskoi oblasti v 1993 g. (Repot on rescue investigations in Zaporizhia, Vasilievsk and Orehovsk districts of Zaporizhia region in 1993)* Archive of the Zaporizhzhya Museum of Local Lore. Dossier 2960 (in Russian).

Popandopulo, Z. Kh., Tikhomolova, I. R. 1998. In *Istoriko-kul'turnye sviazi Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia X—XVIII vv. po materialam polivnoi keramiki (Historical and cultural relations of Black Sea region and Mediterranean in 10th—18th centuries according to glazed ware).* Simferopol: "KALAMO" Publ., 185 (in Russian).

Ratner, I. D. 1984. *Dovidnyk z arkheolohiï Ukraïny. Khersons'ka oblast' (Handbook on archaeology of Ukraine. Kherson region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Ryabtseva, S. S. 2003—2004. In *Stratum plus Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (6), 453—472 (in Russian).

Savelyev, P. S. 1857. In *Trudy vostochnogo otdeleniia Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Works of Oriental department of Russian archaeological society)* III, 202—528 (in Russian).

Savovsky, I. P. 1973. *Materialy razvedok v raione s. Balki Zaporozhskoi oblasti (Zlatopol'-Blagoveshchenka) (Materials from fieldwalking in the vicinity of the village of Balka of Zaporizhia region (Zlatopol-Blagoveshenk)*). Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine. 1973/7 (in Russian).

Samokvasov, D. Ya. 1886. In *Trudy VI Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4-th Archaeological Convention)*. Odessa, 189—207 (in Russian).

Samokvasov, D. Ya. 1908. *Mogily Russkoi zemli (Graves of Russian land)*. Moscow: "Sinodal'naia Tipografiia" Publ. (in Russian).

Serdiukov, D. Ya. 1900. In *Otchet arkheologicheskoi komissii za 1899 g. (Report of the Archaeological Commission from 1899)*, 36—37 (in Russian).

Serdiukov, D. Ya. 1902. In *Otchet arkheologicheskoi komissii za 1900 g. (Report of the Archaeological Commission from 1900)*, 31—33 (in Russian).

Skalkovsky, A. A. 1886. *Istoriia Novoi Sechi ili poslednego Kosha Zaporozhskogo (Nistory of New Sech or Last Zaporizhia Kosh)* Part 3. Odessa: "Tipografiia A. Shul'tse" Publ. (in Russian).

Smilenko, A. T. 1980. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1979 goda (Archaeological Discoveries 1979)*, 338—339 (in Russian).

Smilenko, A. T. 1975. *Slov'yany ta ïkh susidy v Stepovomu Podniprov'ï (II—XIII st.)* (*The Slavs and Their Neighbours in the Dnieper Steppes (2nd—13th Centuries)*). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Sokolov, V. 1892. In *Kievskaia starina (Kiev Antiquities)* (8), 225—345 (in Russian).

Sokulsky, A. L. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 64—73 (in Russian).

Sokulsky, A. L., Shevchenko, T. K., Bodianskii, A. V., Rogozhkina, L. V. 1977. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1976 g. (Archaeological Discoveries 1976)*, 373—374 (in Russian).

Sokulsky, A. L., Shevchenko, T. K. 1978. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1976—1977 gg.* (*(Archaeological Investigations in Ukraine in 1976—1977*). Uzhhorod, 102 (in Russian).

Sokulsky, A. L., A., Shevchenko, T. 1995. In *Zaporoz'ka starovyna* (*Zaporizhia Antiquities*) 1. Zaporizhzhya, 5—11 (in Ukrainian).

Symonovich, E. A. 1956. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii*

material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture) 65, 99—106 (in Russian).

Symonovich, E. A. 1960. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences)* 81, 108—111 (in Russian).

Tikhomolova, I. R. 1981. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Bol'shie Kuchugury v Vasil'evskom raione Zaporozhskoi oblasti v 1981 godu*. (*Report on the rescue excavations on the hillfort of Bolshie Kuchugury of Vasilievka district of Zaporizhia region. 1981*). Archive of the Zaporizhzhya Museum of Local Lore. Dossier 2234 (in Russian).

Tikhomolova, I. R. 1991. In *Mezhdunarodnye sviazi v srednevekovoi Evrope (International Relations in Medieval Europe).* Zaporizhzhya: Zaporizhzhya State University, 18—19 (in Russian).

Tikhomolova, I. R. 1992. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* III, 70—82 (in Russian).

Tikhomolova, I. R. 1993. *Otchet ob okhrannykh issledovaniiakh v Zaporozhskom raione Zaporozhskoi oblasti v 1993 g (Report on rescue investigations in Zaporizhia district of Zaporizhia region in 1993).* Archive of the Zaporizhzhya Museum of Local Lore. Dossier 2960 (in Russian).

Tikhomolova, I. R. 1997. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea*) VI, 5—9 (in Russian).

Tikhomolova, I. R. 2002. In *Starozhytnosti stepovoho Prychernomoriya i Krymu (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea*) X, 239—251 (in Russian).

Tikhomolova, I. R., Pleshivenko, A. G. 1980. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Bol'shie Kuchugury v Vasil'evskom raione v 1980 godu*. (*Report on the rescue excavations on the hillfort of Bolshie Kuchugury of Vasilievka district of Zaporizhia region. 1980*) Archive of the Zaporizhzhya Museum of Local Lore. Dossier 2229 (in Russian).

Tikhomolova, I. R., Popandopulo, Z. Kh. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)* I. Kiev: "Stilos" Publ., 190—194 (in Russian).

Tubol'tsev, O. V. 1999. *Otchet o razvedkakh v Vasil'evskom raione Zaporozhskoi oblasti v 1999 godu* (*Report on fieldwalking in Vasilievka district of Zaporizhia region in 1999*). Archive of the Zaporizhzhya Museum of Local Lore. Dossier 2645 (in Russian).

Fabritsius, I. V. 1951. *Arkheologicheskaia karta Prichernomor'ia Ukrainskoi SSR* (*Archaeological map of Black Sea region of Ukrainian SSR*) 2. Kiev: Academy of Sciences of Ukrainian SSR (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In *Numizmatika i epigrafika (Numismatics and Epigraphics)* 1, 94—192 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1963. In *Numizmatika i epigrafika (Numismatics and Epigraphics)* 4, 165—221 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (The Golden Horde Society)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1997. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1), 88—100 (in Russian).

Fomenko, V. G. 1974. *Kisheni, oshibochno nazvannye mechetiami (Kisheni, oshibochno nazvannye mechetiami)* (*Kishens, erroneously named as mosques*) Archive of the Zaporizhzhya Museum of Local Lore. Dossier 2457 (in Russian).

Chernaya, E. D. 1998. In *Istoriko-kul'turnye sviazi Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia X—XVIII vv. po materialam polivnoi keramiki (Historical and cultural relations of Black Sea region and Mediterranean in 10th—18th centuries according to glazed ware).* Simferopol: "Kalamo" Publ., 186—189 (in Russian).

Shalobudov, V. N. 1984. In *Problemy arkheologii Podneprov'ia III—I tys. do n. e. (Problems of archaeology of Dnieper region in the 3rd—1st millennia BC).* Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 166—173 (in Russian).

Shapovalov, G. I. 1977. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke gorodishcha Bol'shie Kuchugury, proizvedennoi Zaporozhskim kraevedcheskim muzeem v 1977 godu (Report on the archaeological fieldwalking on the hillfort of Bolshie Kuchugury, carried by Zaporizhia regional museum in 1977)*. Archive of the Zaporizhzhya Museum of Local Lore. Dossier 1520 (in Russian).

Shapovalov, G. I., Borisov, V. E. 1978. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1977 (Archaeological Discoveries 1977)*, 398—399 (in Russian).

Shaposhnykova, O. H., Bodyanskyj, O. V., Shchepyns'kyj, A. O. 1957. *Zvit pro robotu dniprovs'koho zahonu Dniprovs'koï ekspedytsiï za 1957 rik.* (*Report on the work of Dnieper crew of Dnieper expedition in 1957*). Scientific Archive of Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine 1957/10b (in Ukrainian).

Shevchenko, T. K. 1990. In *Problemy istoriï Zaporoz'koho kozatstva v suchasnij istorychnij nautsi ta muzejnij praktyts (Problems of history of Zaporizhia Cossacks in modern historical science and museum practice).* Zaporizhzhya; Dnepropetrovsk: "Znannya" Publ., 202—203 (in Ukrainian).

Pogranichnaia karta Rossiiskoi i Turetskoi imperii i Pol'shi sochinennaia po noveishim izvestiiam pri Akademii nauk ad"iunktom E. F. Shmitom 1769 g. (Boundary map of Russian and Turkish empires and Poland compiled according to the latest news by the adjunct E. F. Schmidt in 1769). Russian State Archive of Military History, Archive of Military History Fund, no. 24089 (in Russian).

Shovkun, V. M. 1972. In *Arkheologicheskie poiski (Archaeological Pursuits)* I. Zaporizhzhya, 31—34 (in Russian).

Evarnitsky, D. I. 1907. In *Trudy XIII Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 13-th Archaeological Convention)*. Vol. I. Moscow, 108—157 (in Russian).

В. П. Кирилко

Vladimir Kirilko. Candidate of Historical Sciences. Crimea Branch of the Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine [1].

Кирилко Владимир Петрович. Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: kir.vlad33@gmail.com

Address: [1] Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 295007, Crimea

Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму

Keywords: Stary Krym, Mosque of Uzbek, Medieval architecture, Seljuk style, Ottoman style.

Ключевые слова: Старый Крым, мечеть Узбека, средневековая архитектура, сельджукский стиль, османский стиль.

V. P. Kirilko

Periodisation of Construction of the So Called Uzbek Mosque from Stary Krym

This article represents the first full publication of the materials from restoration works (1984—1985) at one of the famous cult Muslim buildings of Medieval Crimea. An inscription above its door way states that the construction was made by Abdul-Asis, son of Ibrahim al-Arbeli, during the reign of khan Uzbek in 714 anno Hegirae (= 1314 AD). The field survey of the monument allowed the author to specify its chronology and architectonics, as well as to get an idea about some of its completely or partly lost architectural and construction details. Three building periods were distinguished: second half of 15th century, 1512—1513 and late 19th — early 20th century. The research has shown, that the mosque, despite of some Ottoman elements, was still influenced by Seljuk building traditions, involving reuse of some architectural and construction details from some earlier Golden Horde buildings, including the previous mosque of Uzbek from 1314, whose location is still unknown. The architectonics of the building clearly illustrates the beginning of a new stage in Muslim cult construction of Medieval Crimea and makes the so called Uzbek mosque a unique building of the transitional period between two architectural styles.

В. П. Кирилко

Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму

Впервые вводятся в научный оборот в полном объёме материалы реставрационных исследований (1984—1985 гг.) одной из наиболее известных культовых мусульманских построек средневекового Крыма, на портале которой написано, что она возведена Абдуль-Азизом сыном Ибрагима аль-Арбели во время правления хана Узбека в 714 г. х. (= 1314 г. от Р. Х.). Натурное изучение памятника позволило уточнить хронологию и архитектонику здания, а также получить определенное представление о некоторых частично или полностью утраченных его архитектурно-конструктивных деталях. Выделено три строительных периода, датированных, соответственно, второй половиной XV в., 1512—1513 гг. и концом XIX — началом XX вв. Исследованиями установлено, что эта мечеть, несмотря на отдельные характерные черты, присущие османскому искусству, в целом еще находится под влиянием сельджукских строительных традиций, в частности, обусловленных вторичным использованием архитектурно-конструктивных элементов, которые в свое время принадлежали более ранним золотоордынским постройкам, в том числе и до сих пор не локализованной окончательно первоначальной, собственно, мечети Узбека 1314 г. Архитектоника памятника наглядно свидетельствует о начале нового этапа в мусульманском культовом строительстве средневекового Крыма и дает основание считать т. н. мечеть Узбека уникальным сооружением переходного периода от одного архитектурного стиля к другому.

Наиболее ранние сведения о мечети Узбека и медресе, двух разновременных зданиях с общей стеной (рис. 1), принадлежат Эвлие Челеби, посетившему древнюю крепость Эски Кырым (совр. г. Старый Крым, бывш. Солхат, Крым) в 1666—1667 гг. Представляя достопримечательности и строительные надписи городских сооружений, турецкий путешественник, в частности, отметил:

«Лучший из них — тарих над дверью Улу-джами, написанный четким почерком: “Слава Богу, и да благословит Бог Мухаммеда, и творение, и Халифов! Построил это здание благословенной мечети в дни правления великого хана Мухаммеда Узбек Герай-

© В. П. Кирилко, 2015.

хана". Над минбаром этой мечети читается другой тарих: "Приказал построить этот минбар благородный потомок султанов Менгли Герай-хан, сын Хаджи Герай-хана, да сделает вечным Бог его правление, год 918". Внутри этой благородной мечети установлены 4 высоких колонны, у нее разукрашенный потолок, она крыта черепицей, и у нее есть кыбловая дверь. От кыбловой двери до михраба в длину — 200 аяков, а в ширину — 150 аяков. Минбар ее старой формы и украшен так, что это явное волшебство.

Далее, перед михрабом этой мечети, над дверью медресе Инджи-бей-хатун написан следующий тарих: "Приказала построить это благословенное медресе во время султана справедливого Мухаммед Герай-хана, да продлится его счастливое правление, о Благий Повелитель мира здешнего и Податель благополучия, Инджи-бей-хатун, дочь бея Кыл-Буруна, эмира эмиров, покойного, да освятит Бог его могилу, в году 733". Эти огромные двери разукрашены и отделаны» (Книга путешествия 1999: 83)[1].

Наиболее ранние, из числа известных, изображения крымских мечети Узбека и медресе относятся лишь к концу XVIII в. Оба строения нанесены на план города, составленный И. Лютовым около 1783 г. Судя по экспликации, к чертежу в своё время на отдельном листе прилагались также план, фасады и профиль данной мечети, отмеченной картографом как «самой первой построенной». Их нынешнее местонахождение пока установить не удалось[2].

Тем же временем датируются и два акварельных рисунка М.М. Иванова, запечатлевшего с натуры портал и двор медресе, на заднем плане которых видны руины минарета мечети (рис. 2; 3)[3].

Общий вид мечети с северо-западной стороны представлен М.Б. Вебелем на литографии конца 1840-х гг. Само же строение соотнесено с именем султана Бибарса (Мальгина 2006: 48, 217).

Начало изучению мечети было положено Н. Мурзакевичем в 1852 г. изданием надписи на портале в переводе Ф. Негри, сообщившей: «Да будет благодарение Всевышнему за руководство на путь истинный, и милость Божия на Мухаммеде и его преемниках. Строитель сей мечети в благополучное владычествование великого хана Мухаммеда (да будет владычество его вечно!) смиренный раб нуждающийся в милосердии Божием, Абдуль-Гази-Юсуф сын Ибрагима Езбали. 714 гиджры (от Р.Х. 1314 г.)» (Мурзакевич 1852: 529).

В 1886 г. по поручению Русского археологического общества г. Старый Крым посещает В.Д. Смирнов, составивший подробное описание его памятников (Смирнов 1886). Им были опубликованы фотографии надписи на портале мечети и сделан новый перевод, поскольку прежний грешил неточностя-

[1] В примечании отмечено: Аяк (тюрк. «ступня») — мера длины, равная приблизительно 30 см. Даты: 918 г.х. = 1512/13 г., 733 г.х. = 1332/33 г. Согласно расчётам И.В. Волкова, величина аяка составляла 37,9 см (Волков 1990: 145).

[2] «План Старого Крыма». Снимал и чертил дивизионный Картермистер Иван Лютов (ЦГВИА. Фонд ВУА. Д. 22608). План опубликован: (Крамаровский 1989: 144, рис. 1).

[3] В настоящее время рисунки М.М. Иванова хранятся в Отделе графики Русского Музея (г. Санкт-Петербург, Россия): Шк.А/А69-III. №30072, 30073. В научный оборот они впервые были введены Ю. Кулаковским (Кулаковский 1914: 80—81). Их подробный искусствоведческий анализ содержится в статьях А.С. Башкирова (Башкиров 1926: 122; 1927: 127—130). Впоследствии акварели из дорожного альбома художника в качестве иллюстративного материала неоднократно использовались рядом других ученых (Якобсон 1964: табл. XXVI: I; Домбровский, Сидоренко 1978: 33; Айбабина 2001: рис. 68).

В то же время исследователям, по всей видимости, осталась неизвестной, а может быть, и не была удостоена должного внимания, большая студийная работа М.М. Иванова (№Р-5876), созданная им позднее (в 1797 г.) под впечатлением увиденного. В целом повторяя первоначальный рисунок, который был выполнен с натуры, художник в новом живописном произведении расширяет площадь перед медресе, усложняет композицию строениями на переднем и заднем планах, вводит группы и отдельные фигуры людей. Особый интерес в картине представляет трактовка заполнения боковой грани пилона портала, совершенно отличная от пленэрного изображения — появляется симметричность в узле пересечения вертикальных тяг. Чем это вызвано, непонятно. В равной степени её можно интерпретировать и как художественный вымысел, и как попытку исправить ошибку (?), предположительно, допущенную при рисовании здания с натуры. Вопрос сложный и однозначно он может быть решён только в случае обнаружения оригинальных камней портала, в частности, фрагментов заполнения боковых поверхностей пилонов или неизвестных пока иконографических материалов. *A propos*, в своё время В.А. Сидоренко, привлекая в качестве иллюстрации упомянутую акварель М.М. Иванова из путевого альбома, в собственноручно выполненной её графической версии подобным образом, не колеблясь, также устранил недочёт (?) художника (см.: Домбровский, Сидоренко 1978: 33).

Своего рода копией рисунка М.М. Иванова с видом двора медресе является акварель Жана Балтазара де ла Траверса (конец XVIII в.), повторившая его до мельчайших подробностей. Репродукцию см.: (Никонов 1987: рис. 14).

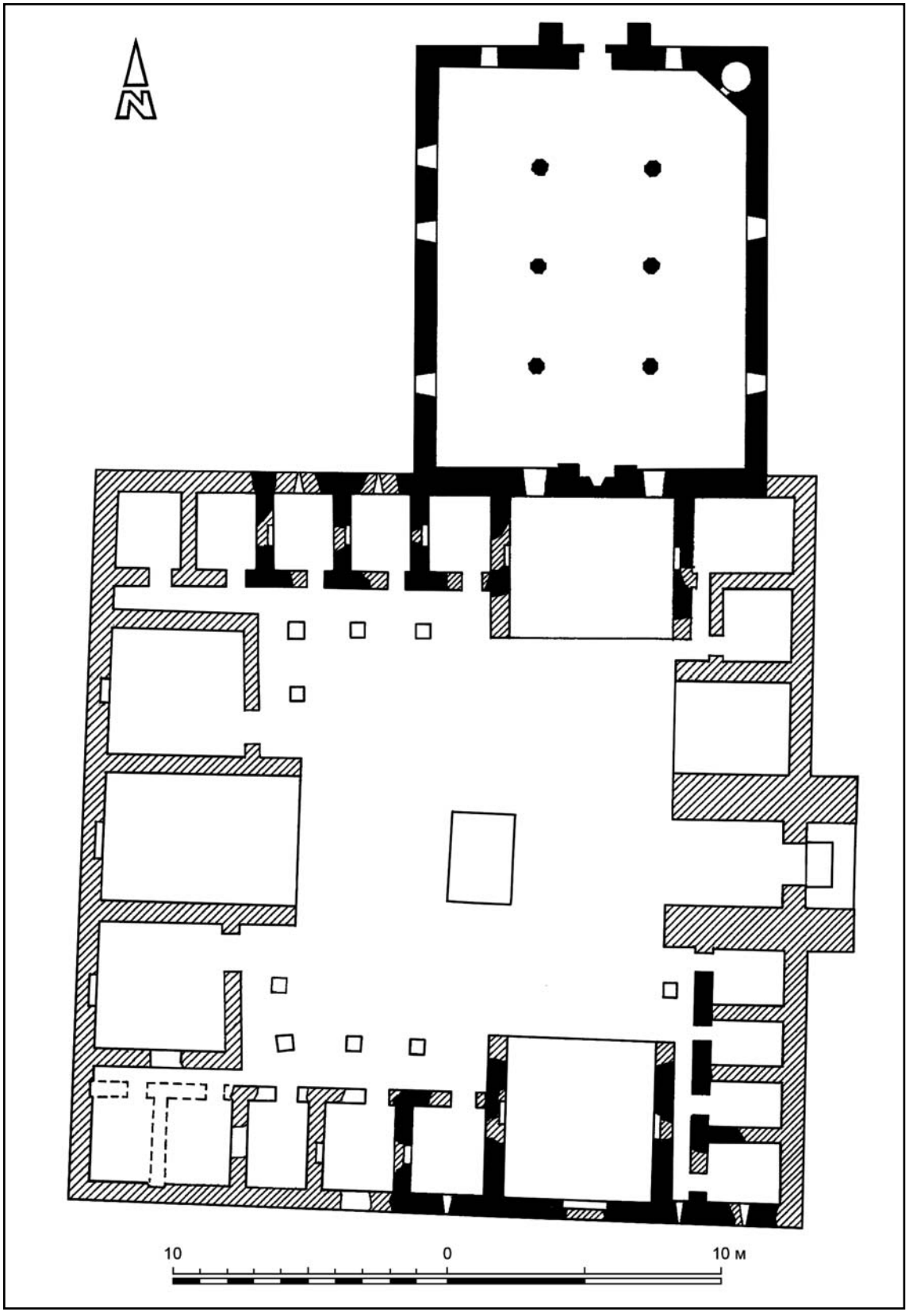


Рис. 1. План медресе и мечети. Сплошной заливкой обозначены стены строений, сохранившиеся на всю высоту, штриховкой — нижние части кладок. (Чертёж автора).

Fig. 1. Plan of the madrasah and the mosque. Filled are the walls preserved at their entire height, hatched are the lower parts of the stone settings. (Drawing by the author).

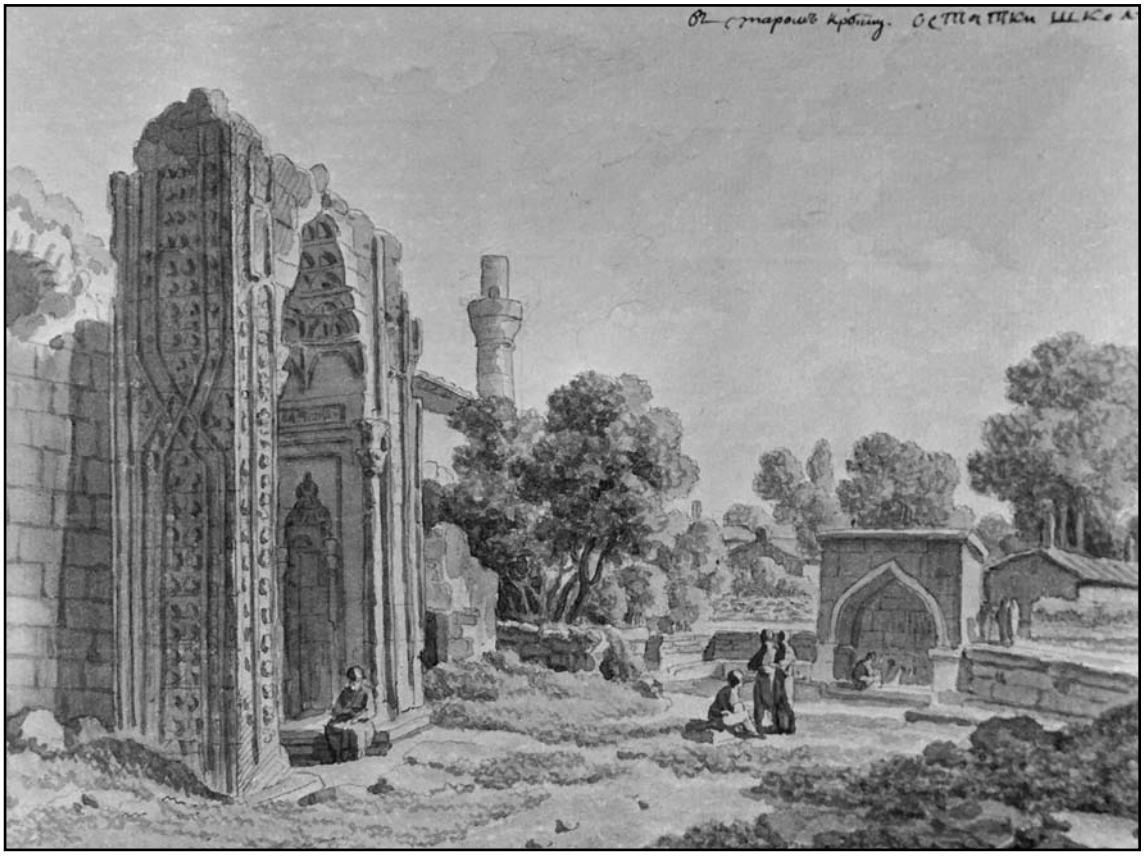


Рис. 2. Портал медресе. Вид с юго-востока. Рисунок М.М. Иванова. 1783 г. (РМ. №Р-30072).

Fig. 2. Madrasah door way. View from the south-east. Drawing by M.M. Ivanov, 1783 (The Russian Museum, no P-30072).

ми. По мнению ученого, её надлежит читать следующим образом: «Слава Богу за Его благодеяния, и да благословит Бог Мухаммеда и преемников его! Повелено было воздвигнуть эту благословенную мечеть в дни царствования великого хана, Мухаммед-Узбек-хана — да продлит Бог владычество его! — рабу ничтожному, нуждаемуся, уповающему на милосердие Господа своего и на всепрощение Его, Абду-ль-Азиз-бен-Ибрагиму Альарбели, в год 714 лунный» (Смирнов 1887: 281). Упоминание в посвящении имени конкретного правителя, пропущенное предыдущим переводчиком, обусловило закрепление за данной постройкой названия «мечеть Узбека», а сама она была отождествлена с первой мечетью этого хана, известной по сообщениям арабских историков (Смирнов 2005: 107)[4].

В 20-х годах прошлого века содержание надписи на портале было подвергнуто новой интерпретации. О. Акчокраклы высказал мысль о возможности двоякого перевода, предложив его в следующем виде: «Хвала аллаху за его благости и да благословит аллах Мухаммеда и наместников его. Приказал (повелено?) построить (восстановить?) эту величественную мечеть в дни владычества величайшего хана Мухаммеда Узбека — да продлит бог царство его — раб (рабу?) бессильный (-ому) нуждающийся (щемуся)

[4] На самом деле появление данной мечети следует считать заслугой, видимо, не столько золотоордынского хана Узбека (1313—1342), но, прежде всего, главного инициатора его взошествия на престол и наиболее преданного из эмиров — Кутлук-Тимура, бывшего тогда наместником «в землях Румских» (свидетельство Ибн Халдуна, как-то обойдённое вниманием исследователей, см.: Золотая Орда 2003: 178), откуда тот вполне мог направить для участия в работах опытного архитектора, а само строительство обеспечить необходимыми мастерами и материалами. В своё время М.Г. Сафаргалиев, ссылаясь на неверно интерпретированный им письменный источник (сведения Ибн ал-Фората о деятельности Эльмелик-Эльмансура), в качестве подтверждения слабого развития местного ремесла отметил как исторический факт то, что «при постройке Узбеком мечети в городе Солхате в 1313 г. строительный материал, а также и мастера были привезены сюда из Египта» (Сафаргалиев 1996: 357), чем, по сути, не сильно погрешил против истины.

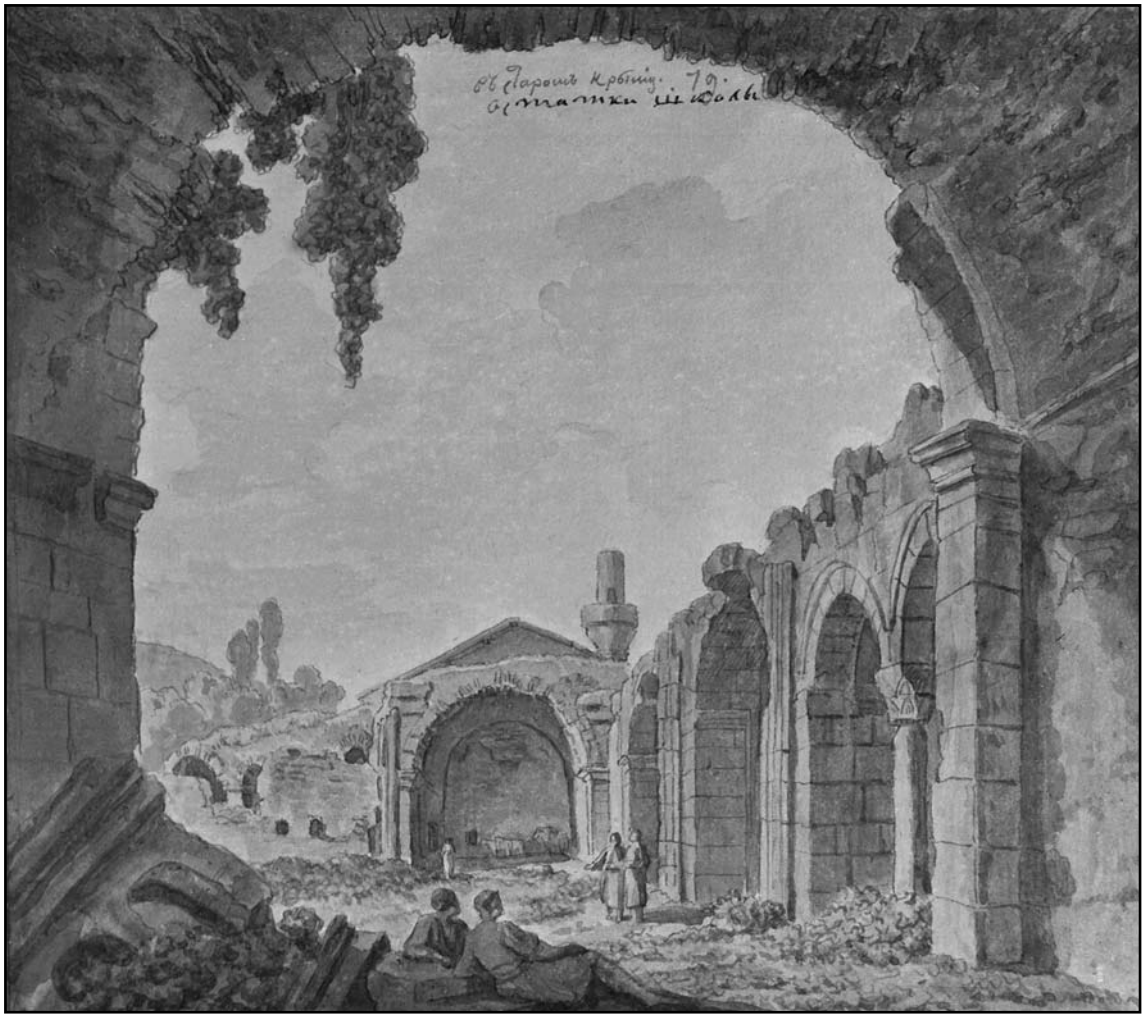


Рис. 3. Внутренний дворик медресе. Вид с юга. Рисунок М.М. Иванова. 1783 г. (РМ. №Р-30073).

Fig. 3. Madrasah interior court. View from the south. Drawing by M.M. Ivanov, 1783 (The Russian Museum, no. P-30073).

и уповающий (щему) на милость и прощение бога, Абдуль-Азиз(-у), сын(-у) Ибраима эль-Арбели, в год 714 лунный (1314)». Причём, отдавая предпочтение основному варианту, в отличие от остальных исследователей, он приходит к несколько неожиданному выводу о том, что инициатором строительства является сам Абдуль Азиз Арбельский, «на средства которого и была воздвигнута мечеть» (Акчокраклы 1927: 16).

Мнение О. Акчокраклы вызвало серьёзные возражения В.М. Зуммера (Зуммер 1926: 250), а также Я. Кемаля, который, в свою очередь, взяв за основу перевод В.Д. Смирнова (считая его «правильным и более или менее научно-точным»), дал уточнённую версию чтения надписи, последнюю из числа известных в настоящий момент: «Слава Богу за его благодеяния и да благословит Бог Мухаммеда и преемников его. Повелено было воздвигнуть эту благословенную мечеть в дни царствования великого хана Мухаммеда Узбек хана, да увековечит Бог владычество его, рабу ничтожному, нуждающемуся, уповающему на милосердие Господа своего и на всепрощение Его Абдул-Азиз Ибн-Ибрагиму Эль-Эрбели в год 714 лунный» (Кемаль 1927: 203).

Значительный вклад в изучение памятника внесла работавшая в 1925—1926 гг. археологическая экспедиция Крымсовнаркома, Крымцика и Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР под руководством И.Н. Бороздина. Наряду с раскопками нескольких средневековых сооружений города, особое внимание было уделено изучению архитектуры мечети, которое сопровождалось фотофиксацией, обмерами, зарисовками, эстампированием надписей и деталей строения. Местонахождение основной массы данных материалов в настоящий момент неизвестно. Образовавшаяся лакуна незначительно

Рис. 4. Сооружения северной части медресе, южная стена и минарет мечети. Вид с юго-запада. Фото из архива А.Л. Бертье-Делагарда. Конец XIX в. (по Сидоренко 1978: рис. 36).

Fig. 4. Constructions in the northern part of the madrasah, southern wall and the mosque's minaret. View from South-West. Photo from the archive of A.L. Bertier de la Garde. Late 19th century (after Сидоренко 1978: рис. 36).

компенсируется лишь отдельными археографическими находками и публикациями участников экспедиции (рис. 4—6; 10; 11; 16) (Бороздин 1926; 1927).

Детальный анализ портала и михраба мечети содержится в исследованиях А.С. Башкирова. Оба сооружения им отнесены к числу произведений сельджукского декоративного искусства (Башкиров 1926: 112—114).

П.И. Голландский, который на основании данных экспедиции занимался разработкой проблем солхатской архитектуры, представил свои наблюдения и выводы на Керченской археологической конференции 1926 г. (Бороздин 1926: 23; Голландский 1926: 3—4). При этом его совместное с А.С. Башкировым выступление вызвало оживленную дискуссию по вопросу, связанному с особенностями архитектурного стиля медресе и мечети Узбека. В интерпретации В.М. Зуммера, её суть состояла в следующем: «Черты сельджукизма — узкая ступенчатая корона портала и михраба мечети, валики и выкружки профилевки медресе, бесспорны, но относительно размеров сельджукского влияния между содокладчиками (проф. А.С. Башкиров и П.И. Голландский) возникло значительное расхождение. Если для А.С. Башкирова мечеть — крымско-татарский памятник, лишь с чертами сельджукизма, П.И. Голландский, склонный отождествить ее с мечетью Бейбарса, видит в ней памятник чисто сельджукский, построенный для сельджуков византийцем или учеником византийцев» (Зуммер 1926: 250).

В развёрнутом виде ключевые аргументы в пользу подтверждения своей точки зрения П.И. Голландский представил в неопубликованной статье, в основу которой положен его доклад на конференции. В частности, общение с непосредственными свидетелями последнего ремонта мечети позволило учёному сделать вывод о позднем характере постройки и датировать её концом XIX в. При этом он предположил, что само здание перестроено из развалин находившейся здесь ранее сель-

Рис. 5. Медресе и мечеть. Общий вид с юго-востока. Фото из архива А.Л. Бертье-Делагарда. Конец XIX в. (по Сидоренко 1978: рис. 3а).

Fig. 5 The madrasah and the mosque. General view from South-East. Photo from the archive of A.L. Bertier de la Garde. Late 19th century (after Сидоренко 1978: рис. 3а).

Рис. 6. Сооружения северной части медресе и «мечеть Узбека». Общий вид с юго-востока. Автор неизвестен. 1925 г. (по Сидоренко 1978: рис. 6).

Fig. 6. Constructions in the northern part of the madrasah and the "mosque of Uzbek". General view from South-East. Unknown author. 1925 (after Сидоренко 1978: рис. 6).

Рис. 7. Мечеть. На заднем плане — южный айван медресе. Общий вид с северо-востока. Фото И.Ф. Барщевского. 1888—1889 (?) гг. (ГНИМА. №МПА-1620).

Fig. 7. The mosque. In the background — the southern iwan of the madrasah. General view from North-East. Photo by I.F. Barshchevsky. 1888—1889 (?) (Shchusev State Museum of Architecture, no. МПА-1620).

джукской мечети, от которой остались части портала и минарета, с использованием архитектурных деталей из других близлежащих строений (Голландский 1925: 4).

П.И. Голландский допускал также возможность «переноса всей передней стенки из другого места», на основании чего Б.Н. Засыпкин предположил, что мечеть в своё время могла быть купольной. По мнению последнего, михраб построен значительно позднее портала, поскольку «наблюдается большая разница, как в технике выполнения, так и в транскрипции сельджукских арабесков» (Засыпкин 1927: 131—132).

Предпринятое экспедицией исследование памятника не было завершено, и это, в определённой мере, способствовало появлению в дальнейшем нескольких ошибочных заключений. А.Л. Якобсон считал здания мечети и медресе одним архитектурным сооружением, датируя его, согласно надписи на портале, 1314 г. (Якобсон 1964: 107). О.И. Домбровский и В.А. Сидоренко с этой датой связывают только строительство мечети. Медресе, по их мнению, является поздней пристройкой к мечети, повлиявшей на её архитектурный облик. Само же здание мечети они без достаточной аргументации, исходя только из наличия аркад, реконструируют в виде базилики с верхним светом над центральным нефом (Домбровский, Сидоренко 1978: 28—30, 44—47).

Практически одновременно с изданной в соавторстве с О.И. Домбровским брошюрой о памятниках Старого Крыма, в июне 1978 г. В.А. Сидоренко самостоятельно по заказу специализированной реставрационной мастерской (КСНРПМ) была подготовлена с подобными содержанием и выводами рукописная «Историческая справка», имевшая своей первостепенной целью обеспечение проекта научными обоснованиями. Важной составной частью работы является подборка иконографического материала — архивных фотографий и чертежей из фондов КФ ИА НАНУ и КРКМ, в большинстве своем неизвестных широкому кругу исследователей (Сидоренко 1978).

В 1978 г. силами экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством М.Г. Крамаровского археологические работы на комплексе были возобновлены, что вскоре позволило получить ответ на многие вопросы. Материалы раскопок до сих пор пол-

Рис. 8. Восточная стена мечети. Состояние после расчистки верхних отложений культурного слоя. Общий вид с северо-востока. Фото автора. 1987 г.

Fig. 8. Eastern wall of the mosque after cleaning the upper cultural layer. General view from the north-east. Photo by the author. 1987.

ноценно не введены в научный оборот. В тезисной форме опубликованы лишь отдельные выводы и наблюдения, которые, тем не менее, несмотря на лаконичность предоставленной информации, являются весьма важными для правильного понимания памятника (Крамаровский 1980: 290—291; 1981: 265; 1990: 124—127).

Прежде всего, М. Г. Крамаровскому удалось однозначно определить временные соотношения обоих зданий. Раскопками выявлены два этапа в строительстве комплекса, из которых первый связан с возведением в 30-е годы XIV в. медресе, а второй, датируемый концом XV в. (первоначальные варианты — не ранее середины XIV в., не ранее второй половины XV в.), был соотнесён с переносом мечети Узбека на новое место (Крамаровский 1980: 290; 1989: 148; 1990: 124—125).

Ценные результаты дало исследование нижних кладок и фундаментов боковых стен мечети на стыке с медресе. В частности, вскрытие западной стены мечети на протяжении 8 м позволило М. Г. Крамаровскому выделить также два периода её строительства. По его мнению, первый из них может быть отнесён к золотоордынской эпохе, но едва ли ранее середины XIV в. Второй период представлен ремонтной кладкой, очевидно, начала XVI в., когда в 1512—1513 гг. мечеть была превращена в соборную. При этом на полуразрушенную стену из камня на глиняном растворе были уложены массивные, хорошо обработанные блоки, послужившие основанием новой кладки на известковом растворе. Позже наземная часть сооружения претерпела ещё ряд ремонтов, последние из которых относятся к середине XX в. (Крамаровский 1980: 290).

Раскопками внутри здания зафиксировано отсутствие перевязок в кладках боковых стен мечети с северной стеной медресе — как на уровне фундаментов, так и на уровне ранних кладок (Крамаровский 1980: 290).

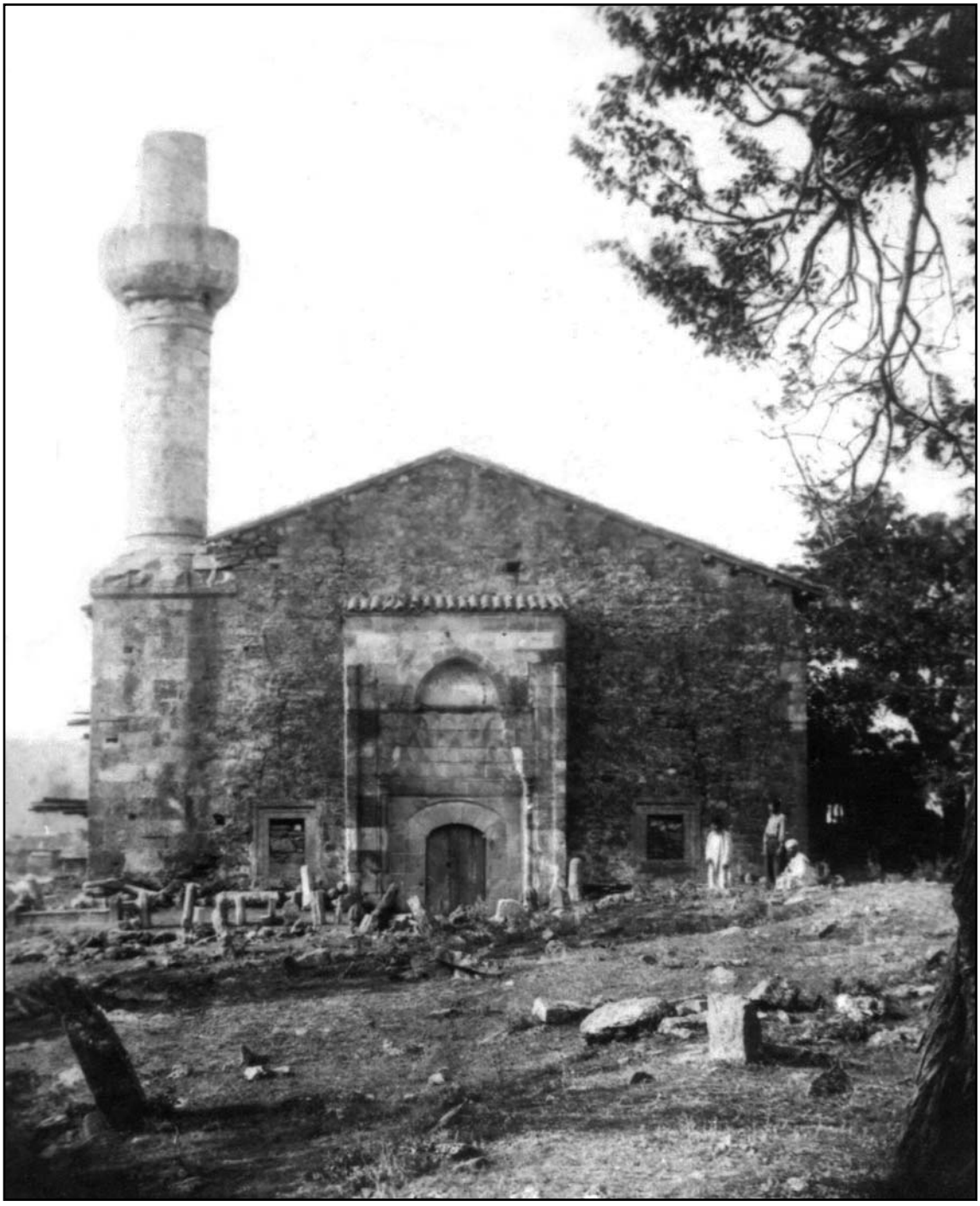


Рис. 9. Северный фасад мечети. Общий вид с севера. Фото из архива А.Л. Бертье-Делагарда. Конец XIX в. (по Сидоренко 1978: рис. 3).

Fig. 9. Northern facade of the mosque. General view from the north. Photo from the archive of A.L. Bertier de la Garde. Late 19th century (after Сидоренко 1978: рис. 3).

Археологическими исследованиями также установлено, что в нижней части кладки пилона портала и северной стены мечети между собой не перевязаны, а сам он стоит на переотложенном слое и фундамента не имеет. Данное наблюдение дало исследователю основание констатировать вторичное использование этого сооружения и утверждать, что его дата и посвятительная надпись не имеют прямого отношения к настоящему зданию (Крамаровский 1980: 290).

По мнению М.Г. Крамаровского, михраб мечети и портал принадлежат к анатолийскому типу, а также находят аналогии в резном

Рис. 10. Портал мечети. Общий вид с севера. 1925 г. (Фототека БГИКЗ. №Ф-77).

Fig. 10. Mosque door way. General view from the north. 1925 (photo collection of Bakhchisaray State Historical and Cultural Reserve. no. Ф-77).

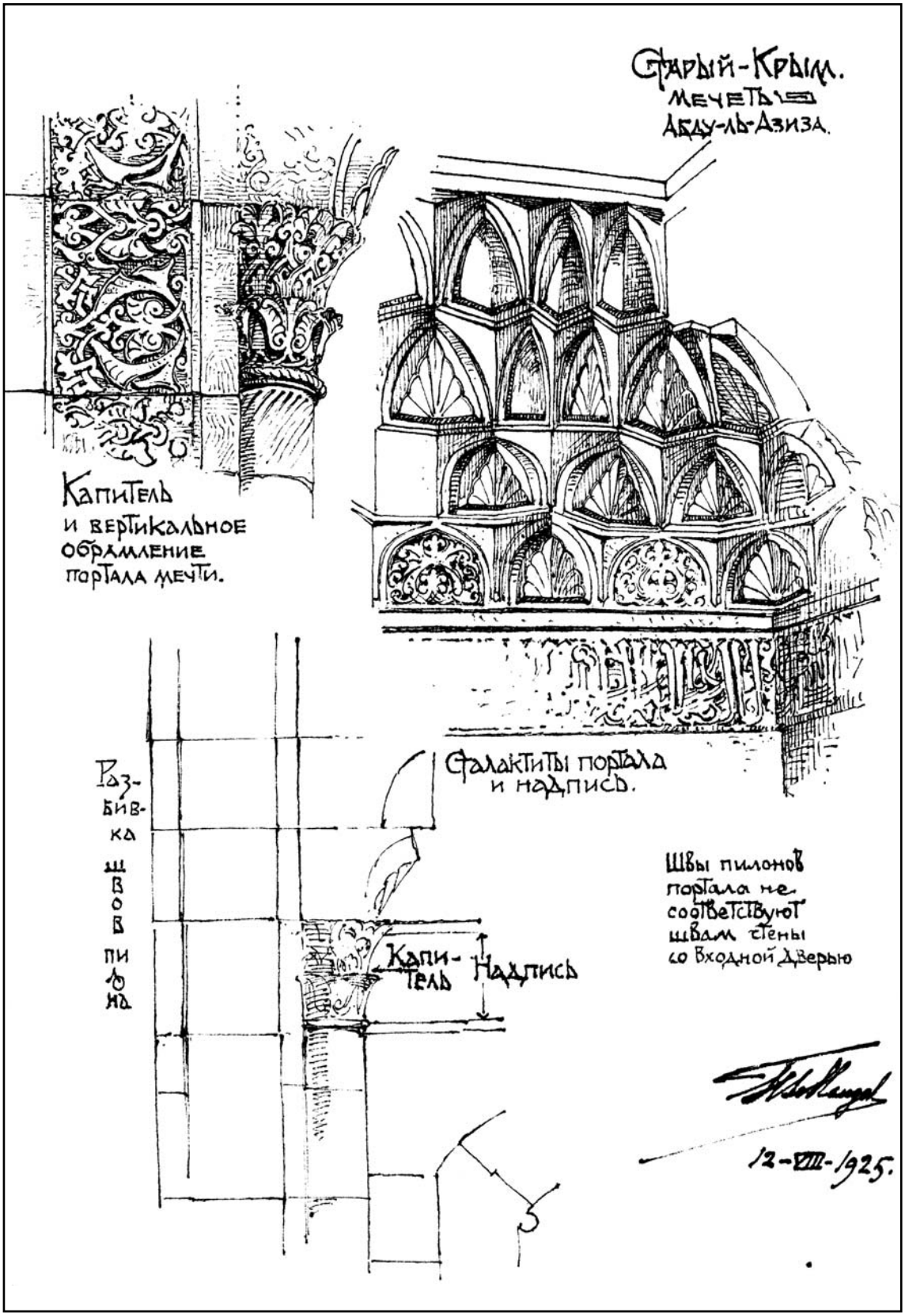


Рис. 11. Виды архитектурных и декоративных деталей портала мечети. Рисунок П.И. Голландского. 1925 г. (КФ ИА НАНУ, б.н., Симферополь).

Fig. 11. Architectural and decorative details of the door way of the mosque. Drawing by P.I. Gollandsky. 1925 (Crimea Branch of the Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine, Simferopol).

камне памятников архитектуры северной части Центральной Анатолии (Крамаровский 1990: 125).

Раскопки внутри мечети позволили М. Г. Крамаровскому получить представление о первоначальном устройстве и уровне деревянного пола, двух сливных приспособлениях для омовения, профилировке баз колоннады. Исследователь делает вывод о том, что аркада здания, по-видимому, вторичного использования. Более того, отмечая совпадение в размерах, он соотносит её с расположенной неподалеку (на ул. Красноармейской) другой, также базиличной, мечетью, что, по его мнению, в свою очередь «позволяет предположить в ней первоначальную “Мечеть Узбека”» (Крамаровский 1987: 132).

Введение М. Г. Крамаровским в научный оборот кратких сведений об основных хронологических и конструктивных характеристиках мечети, полученных им при археологическом изучении памятника, в целом, благотворно сказалось на уточнении датировок и строительной периодизации отдельных элементов здания в работах других исследователей, хотя и не смогло уберечь их авторов от ошибочных выводов. Как ни парадоксально, но представление о самом строении и его архитектонике, которое в настоящее время, после прекращения раскопок, сложилось в научной и специальной литературе, обычно не выходит за рамки априорных констатаций.

И. И. Артеменко, которому, видимо, публикации М. Г. Крамаровского остались неизвестными, продолжает считать данную мечеть самой ранней в Крыму, хотя и отмечает, что та неоднократно перестраивалась. От первоначального здания 1314 г., по его мнению, сохранились часть северной стены с порталом и, вероятно, колонны с арками в интерьере. Медресе им датировано XIV в. и определено как пристройка к мечети (Артеменко 1985: 332—333).

Результаты раскопок М. Г. Крамаровского не получили должного отражения и в новейшем коллективном научном труде по средневековой археологии Украины. О. И. Домбровский, подготовивший краткий обзор культовых сооружений Солхата, ограничился лишь беглым упоминанием того, что к медресе примыкает «сохранившаяся мечеть, строительство которой приписывается хану Узбеку» (Домбровский 1986: 524).

В другом специальном исследовании, посвящённом рассмотрению исключительно памятников крымско-татарской архитектуры, материалы раскопок также не привлекаются. Его автор, Е. В. Крикун, по сути, повторяя свои же выводы двадцатилетней давности, указывает, что «так называемая мечеть Узбека была сооружена в 1314 г., а спустя 18 лет, в 1332—1333 гг., к ней пристроено большое, красивое, величественное здание медресе». Описывая здание, он отмечает наличие следов ремонта в верхней части портала и использование разного раствора в кладке торцовых и боковых стен (Крикун 1977: 19; 1998: 12—13).

Впрочем, в других изданиях по истории архитектуры Крыма мечети Узбека повезло ещё меньше. Её либо не упоминают вообще, либо, представляя объект, ограничиваются общими фразами [5].

В контексте исследования архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма оригинальный вариант реконструкции мечети Узбека предложил В. А. Сидоренко. Он пришел к выводу о том, что «уверенно датируемые надписью пиштак и михраб не соответствуют современной планировке постройки и ее перекрытию, появившимся в результате каких-то восстановлений и перестроек». На этом основании, со ссылкой на Эвлия Челеби в интерпретации А. П. Григорьева, якобы сообщавшего, что в середине XVII в. мечеть Узбека уже не имела купола, В. А. Сидоренко предполагает следующее: «Возможно, ко времени преобразования ее в соборную и относится сохранившаяся планировка с двускатным перекрытием, заменившим обрушившийся купол» (Сидоренко 1988: 118, рис. 1: 2). Свои размышления исследователь дополняет реконструкцией плана здания с купольным завершением, которое выглядит совершенно нелепым, поскольку стены мечети были слишком тонкими, чтобы выдержать подобную нагрузку, а её аркады представляют собой цельное сооружение.

Новые материалы по строительной истории мечети, несколько дополнившие результаты археологических раскопок, появились в 1984—1985 гг. во время ремонтно-реставрационных работ на памятнике. Сопровождавшие их натурные исследования позволили уточнить хронологию и архитектонику здания, а также получить определённое представление о некоторых частично или полностью утраченных архитектурно-конструктивных деталях сооружения.

[5] На архитектурной карте Украины XV — первой половины XVI вв. Крымский полуостров вообще представляет собой сплошное белое пятно (Логвин 1968: 340; см. также: Асеев, Лебедев 1961: 23; Килессо 1983: 13; Сапунова 1999: 116—118; Сющук 2002: 9—10).

Выделено три строительных периода, датированные, соответственно, второй половиной XV в., 1512—1513 гг. и концом XIX — началом XX вв. (Кирилко 1991: 32—34). Изучением памятника установлено, что мечеть, несмотря на отдельные характерные черты османского искусства, в целом, ещё находится под влиянием сельджукских строительных традиций, что отчасти вызвано вторичным использованием архитектурно-конструктивных элементов из более ранних золотоордынских построек, в том числе и собственно мечети Узбека 1314 г. Работы по возведению данного объекта, предпринятые в конце XV — начале XVI вв., свидетельствуют о новом этапе в строительстве Крыма, а сам он представляет интерес как сооружение средневековой мусульманской культовой архитектуры переходного периода (Кирилко 2001: 1089).

Э.Д. Зиливинская, ссылаясь на археологические отчёты М.Г. Крамаровского, сообщает о пристройке мечети к медресе в XVI в. Она считает, что, несмотря на позднее происхождение, «мечеть Узбека» по праву может относиться к сельджукской строительной традиции, ибо не только использовала характерные для этого стиля портал и михраб, но также имела близкую с соседней «мечетью Бейбарса» XIV в. планировку. Разница в профилировке баз южных и остальных опор аркады внутри «мечети Узбека», по её мнению, является наглядным примером того, что мусульманскому культовому зодчеству свойственно более пышное оформление колонн перед михрабом (Зиливинская 1998: 24, 28, 31).

А.И. Айбабин во всеобъемлющем исследовании о городах и степи Крыма в XIII—XIV вв., представляя мечеть, указывает, что её «деревянное двускатное перекрытие опирается на две пары восьмигранных колон, соединенных стрельчатыми арками и порталом, украшенным резным растительным декором» (Айбабин 2003: 287, табл. 16: 2). При этом данное описание он иллюстрирует планом здания с купольным завершением, частично позаимствованным у В.А. Сидоренко. Не менее оригинальным является ещё одно утверждение А.И. Айбабина, согласно которому в результате раскопок М.Г. Крамаровский якобы выяснил, что портал с надписью 1314 г. вначале украшал мечеть базиличного типа, расположенную на улице Красноармейской — хотя тот в публикации, отмеченной в ссылке, ни словом об этом даже не обмолвился. Более того, подобная версия маловероятна, так как порталы обоих строений отличались между собой не только размерами, но и архитектоникой — в частности, пиштак второй упомянутой мечети был с окном над входом. По мнению же самого М.Г. Крамаровского (введённому в научный оборот), возможность отождествления данных руин с первоначальной мечетью Узбека, несмотря на всю привлекательность, не бесспорна, поскольку те по нумизматическому материалу датируются началом времени Тохтамыша (1376—1395) (Крамаровский 2005: 116).

При участии А.И. Айбабина в качестве рецензента, практически одновременно с его собственной публикацией, в другом не менее солидном научном издании появилась ещё одна, столь же мудрёная, характеристика памятника: «Из трех частично сохранившихся мечетей первого татарского г. Солхата самая интересная была построена в 1314 г. при хане Узбеке. В плане она представляет базилику с тремя парами восьмигранных углов, соединенных стрельчатыми арками и двускатным перекрытием. Крышу покрывала желобчатая черепица. С северо-восточной стены к мечети примыкал минарет, а с южной — квадратное в плане медресе, отделенное от мира глухими стенами» (Рославцева 2003: 231—242).

Своеобразным итогом многолетних раскопок памятника стала недавняя, приуроченная к 1000-летию Казани, публикация М.Г. Крамаровским целой серии археологических находок, а также отдельных материалов и результатов исследования (Крамаровский 2005: 113—116), которые, к сожалению, грешат существенными неточностями. Больше всего досталось медресе, впрочем, этой участи не избежала информация и по мечети. В частности, по свидетельству М.Г. Крамаровского, портал здания завершался «подтреугольной нишей, заполненной сталактитами (мукарнас) из ганчевых элементов», что не соответствует истине, поскольку все детали сооружения каменные. Сама же графическая реконструкция пиштака местами нелогична — неоправданно укрупняется членение верхней части свода, а это приводит к восьмиярусной структуре ячеистого полукупола, который, вероятнее всего, был девятирядным, и предлагается черепичная кровля, в чём нет особой необходимости. Спорным является также утверждение исследователя, из которого следует, что портал обрамлён «парой полуколонн» с «базами в форме ламп». На самом деле, упомянутые опоры трёхчетвертные и имеют основания в виде усечённого конуса, украшенного растительным де-

кором. Неверно, по сути, и его предложение считать перемычку дверного проема «полуаркой (? — *В.К.*) входа», ибо та представляет собой полноценную сегментивную (сегментную, лучковую) арку (Башкиров 1926: 112). Исследователем допущена ошибка также при изображении конхи малой ниши михраба, где вместо трёх показано четыре ряда сталактитов. Со ссылкой на обмеры и графический анализ обе сполии — портал и михраб им определены как подлинные элементы первоначальной конструкции мечети 1314 г., в качестве «возможного строителя (архитектора?)» которой почему-то объявлен Ибраим ал-Ирбили, хотя таковым был Абдул-Азиз, сын последнего. Отмечая наличие позолоты на капителях и следов синего тона в лиственных композициях михраба, М.Г. Крамаровский предполагает вероятность появления его раскраски уже в XIV в. С мечетью 1314 г., по мнению исследователя, соотносимы и «узоры, выполненные черным (первоначально, возможно, синим) цветом», которые сохранились на капителях аркады. Подобно О.И. Домбровскому и В.А. Сидоренко, М.Г. Крамаровский считает, что в первоначальном варианте аркада центрального нефа мечети «должна была поддерживать систему деревянных (?) стропил высокого фонаря, перекрытого двускатной крышей», впоследствии упразднённого на новом месте (Крамаровский 1980: 114—116).

Качество информации о мечети Узбека, которая содержится в основной массе представленных публикаций (особенно показательны обобщающие работы Е.В. Крикуна, А.И. Айбабина, Л.И. Рославцевой, да и, собственно, самого М.Г. Крамаровского), оставляет желать лучшего и однозначно свидетельствует о тупиковости ситуации, возникшей при изучении этого неординарного памятника средневековой Таврики. Главная причина кризиса состоит в том, что до сих пор полноценно не введены в научный оборот материалы полевых исследований — как археологических, так и натурных изысканий, которые выполнялись разными специалистами и являются взаимодополняемыми. Как следствие, даже спустя почти четверть века после прекращения раскопок представление о строительной истории и архитектонике мечети по-прежнему остается поверхностным и основывается исключительно на общепринятых посылках, причём нередко ошибочных либо устаревших. В качестве научного источника настоящей публикации привлечены данные натурного изучения здания, полученные во время проведения на памятнике ремонтно-реставрационных работ[6].

Крымские медресе и т.н. мечеть Узбека — один из наиболее репрезентативных архитектурных ансамблей города, состоит из двух разновременных строений с общей стеной (рис. 1).

Медресе представляет собой почти квадратное в плане здание с внутренним двором. Фасадами оно чётко ориентировано по сторонам света. Размеры строения (уменьшаются к западу и северу): ширина — 28,70—29,50 м, длина — 27,95—29,25 м, высота — 6,5—8,50 м. Толщина стен — 0,80—0,82 м. Площадь двора — 14,40 × 15,93 = 229,4 кв.м. Вход — один, вёл с востока. Снаружи он оформлен монументальным порталом сельджукского типа, с внутренней стороны к нему примыкала расчленённая нишами глубокая экседра (рис. 2, 3). Медресе имело три больших айвана. Один из них расположен на оси входа в западной части строения, два других — у северной и южной стен, в восточной половине здания. Между ними, вдоль коридоров, размещены худжры и, возможно, административная зона — две комнаты с прихожей и малый айван. Двор был обрамлен арочной колоннадой, соединявшей края экседр. Основные опоры аркады восьмигранные со сталактитовыми базами и капителями, её углы поддерживались квадратными в сечении столпами. К западному айвану с боков примыкали большие помещения для проведения занятий в ненастную погоду. Одно из них, северное, позднее было приспособлено под дюрбе основательницы медресе (Бороздин 1926: 28—29). В декоровке мавзолея использовались майоликовые изразцы, украшенные арабесками в виде звёзд и плетёнок с растительными побегами. Все помещения, галереи и экседры завершались сводами и были покрыты хоросаном. Внешние формы здания монументальные со ступенчатым силуэтом стен. Главный и дворовые фасады были украшены профилированными наличниками и карнизами. Всё богатство декоративного убранства строения было со-

[6] Сердечно благодарю директора Крымской КАРМ Института «Укрпроектреставрация» Ш.У. Халилова, главного инженера проектов Л.И. Лактионову и заведующую архивом мастерской Н.М. Чикалкину за любезно предоставленные для публикации материалы натурных исследований памятника, а также, пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность коллегам, оказавшим мне неоценимую помощь при проведении обмеров и изучении мечети — С.А. Копелевой, П.В. Кудрявскому, Т.Е. Нестеренко, А.Н. Потику и И.Г. Теплицкому.

средоточено в оформлении портала, в настоящее время почти полностью утраченного. Остальные фасадные поверхности стен были ровными и лишь несколько оживлялись водосточными желобами, а также ритмично расположенными узкими окнами худжр и коридоров.

Дату возведения медресе, по свидетельству Эвлии Челеби, в своё время указывал несохранившийся тарих над входом в здание — 733 г.х. (= 1332/33 гг.) (Книга путешествия 1999: 83). Ей не противоречат стратиграфия и монетные находки, полученные при археологическом изучении объекта (Крамаровский 1991: 126). Судя по материалам раскопок, в начале XV в., возможно, не позднее его первой четверти, медресе погибает (Северова 1990: 45; Крамаровский 1991: 126—127). Вероятно, повреждение строения произошло вследствие ялтинского землетрясения 1423 г. (Кирилко 2005: 51—59). После гибели медресе мусульманская община продолжает поддерживать и охранять дюрбе его основательницы (сооружено в 1371 г.), превращённое в коллективную усыпальницу почитаемых женщин, предположительно, из рода Инджи-бей Хатун (Крамаровский 1991: 127). Дальнейшее развитие и формирование ансамбля связано непосредственно с появлением мечети в конце XV в. Судя по материалам реставрационных исследований, оно происходило поэтапно. Выделяются три строительных периода мечети (рис. 14).

Первый строительный период

Мечеть пристроена к медресе с севера, расположена на оси его боковых айванов. В плане она прямоугольная, ориентирована продольно. Её размеры: ширина — 13,37—13,64 м (уменьшается к югу), длина — 17,90 м. Толщина стен — 0,82 м. Северо-восточный угол мечети занят массивным основанием минарета. Вход один, с севера. Михраб расположен напротив двери. Окна сохранились частично, только с северной и южной сторон здания. Боковые фасады почти полностью утрачены, остальные существенно изменены последующими ремонтами.

При возведении мечети на участке, где сооружения между собой соединялись, почти полной разборке подверглась северная стена медресе, взамен которой появляется новая кладка — собственно южная стена мечети. Она на 0,15 м толще первоначальной конструкции и составляет в сечении около 1 м. Данное увеличение было вызвано необходимостью введения в кладку стены резного каменного михраба, вторично используемого изделия с заданными габаритами (рис. 12; 14; 16; 17). Его размеры: высота — 4,88 м, ширина — 2,58 м, глубина ниши — 0,98 м. За плоскость стены он выступал на 0,20—0,25 м.

По обе стороны от михраба, симметрично окнам северного фасада, фланкирующим вход в мечеть, также устраиваются световые проемы (рис. 14; 18). При этом они оказались напротив торцов восточной и западной стен северного айвана медресе, что, в свою очередь, обусловило частичную разборку последних. Данное, преднамеренное, повреждение конструктивно важных стен медресе, равно как выход окон мечети в жилые и общего пользования помещения школы, могут свидетельствовать о запустении и руинированном состоянии здания учебного заведения в этот период.

Впоследствии, с упразднением, окна южного фасада были разрушены, и в настоящее время их остатки фиксируются с трудом. Зондирование штукатурного слоя стены позволило выяснить величину проёма со стороны внутреннего пространства здания только для одного, восточного, окна (рис. 18; 19). Его размеры: высота — 1,31 м, ширина — 0,84 м. Расстояние от окна до михраба и юго-восточного угла помещения составляет, соответственно, 1,46 и 2,28 м. Высота подоконника — около 1,10 м. С внутренней стороны проём был перекрыт деревянным накатом из дубовых балок (рис. 20; 21). Сохранился также один лежень конструкции, которым завершался восточный откос сооружения. Его сечение — 0,12×0,12 м. Крайняя перемычка расположена заподлицо с поверхностью стены и, выступая далеко за пределы проёма, возможно, представляет собой часть деревянного пояса кладки. Длина бруса — не менее 4,25 м, его толщина — 0,13 м. Внутри проёма низ перекрытия вдоль кромки выровнен доской толщиной 3,5 см, к которой, в свою очередь, прикреплена дощатая подшивка. Щит выполнен из трёх досок толщиной 3,0 см. Их ширина: крайних — по 34,0 см, средней — 15,0 см. Откосы проёма были оштукатурены белым известковым раствором с мелким галечным песком (фракция — до 0,5 мм), который нанесен по выравнивающей глиняной обмазке с добавлением кизяка и рубленой соломы. Толщина слоя — 0,3—0,6 см. На поверхности штукатурки имеется стойкий налёт копоти темно-серого цвета.

Второе окно южной стены мечети с внутренней стороны почти полностью утрачено

Рис. 12. Михраб мечети. Общий вид с севера. Фото И.Ф. Барщевского, 1888—1889 (?) гг. (ГНИМА. №МРА-1623).

Fig. 12. The mihrab of the mosque. General view from the north. Photo by I.F. Barshchevsky, 1888—1889 (?) (Shchusev State Museum of Architecture, no. MPA-1623).

(рис. 14; 18; 23). Зондированием обнаружен лишь западный откос его проёма, да и то сохранившийся частично. Он находится на расстоянии 2,15 м от юго-западного угла помещения.

Снаружи проёмы обоих окон обрамлены блоками известняка разной величины с тщательно обработанной зубаткой поверхностью. Облицовка из плоскости стены не выступала и декора не имела.

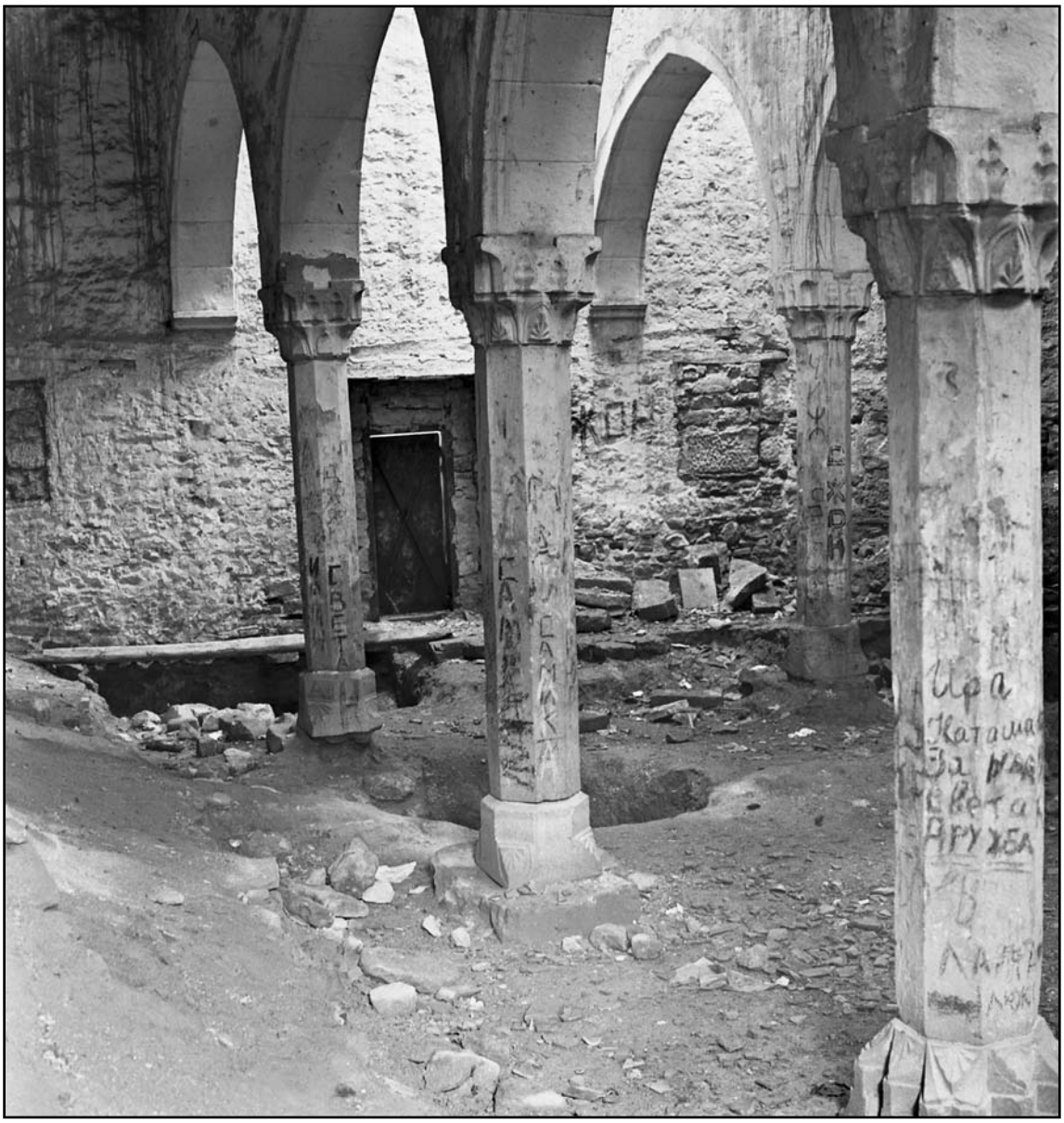


Рис. 13. Аркада мечети. Вид с юго-запада. Фото И.Г. Теплицкого. 1979 г. Из личного архива автора.

Fig. 13. The arc of the mosque. View from the south-west. Photo by I.G. Teplitsky. 1979. From the author's personal archive.

Внешние размеры проёмов определению не поддаются. Исключением является лишь высота западного окна, составлявшая 0,98 м (рис. 23).

Значительно лучше сохранились окна северного фасада (рис. 9, 14). Они прямоугольные с трапециевидными в плане проёмами и четвертями. Их внешние размеры: восточного — 0,89 × 0,66 м, западного — 0,97 (за счет подтёски нижней четверти) × 0,70 м. Снаружи оконные проемы украшены профилированными наличниками из нуммулитового известняка. Тип и форма подобных изделий являются характерными для архитектурного убранства средневекового Крыма и достаточно хорошо представлены в синхронных армянских постройках региона (Домбровский, Сидоренко 1978: 107, 112). В данном случае оба наличника явно вторичного использования, на что указывает несовпадение профилей отдельных деталей на стыках. Этим же, по всей видимости, вызвана и разница во внешних размерах окон. Габариты восточного и западного проемов со стороны помещения составляют, соответственно, 1,08 × 0,93 и 1,08 × 0,91 м. Высота подоконника — около 1,40 м. Внутренняя часть обоих сооружений перекрывалась деревянным накатом из дубовых балок, подшитых снизу досками.

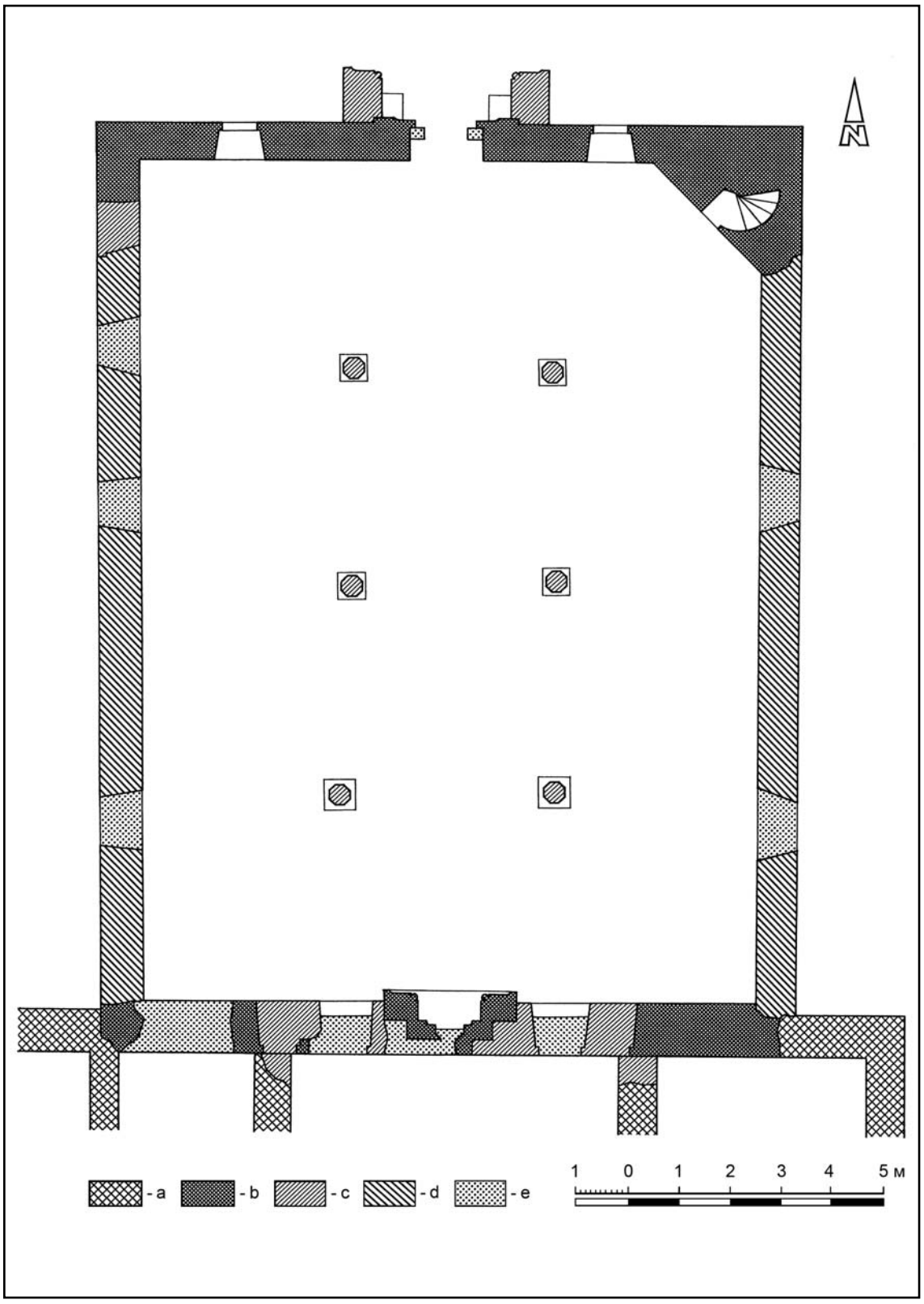


Рис. 14. План мечети. Картограмма строительных периодов. Условные обозначения кладок: a — медресе; b — первого строительного периода; c — второго строительного периода; d — третьего строительного периода; e — современных ремонтных дополнений. Чертёж автора.

Fig. 14. Plan of the mosque. Cartogram of building periods. Legend for the stone settings of: a — madrasah; b — first building period; c — second building period; d — third building period; e — modern reparations. Drawing by the author.

Рис. 15. Примыкание мечети к медресе. Вид с северо-востока. Фото автора. 1985 г.

Fig. 15. The mosque adjoining the madrasah. View from the north-east. Photo by the author. 1985.

Рис. 16. Тыльная сторона михраба. Вид с юга. Автор неизвестен. 1925 г. (Фототека БГИКЗ. №Ф-97).

Fig. 16. Rear side of the mihrab. View from the south. Author unknown. 1925 (Photo archive of Bakhchisaray State Historical and Cultural Reserve, no. Ф-97).

Оба окна в своё время были забраны металлическими решётками (не сохранились) из расположенных в одной плоскости круглых штырей: трёх — вертикальных, четырёх — горизонтальных. Шаг прутьев — 16,0—18,0 см, их диаметр — 1,8 см. Расстояние от решётки до внешнего ребра наличника — 8,0 см. Четверти восточного окна имеют гнёзда также и от первоначальной решётки.

Вход расположен посередине северной стены, на одной оси с михрабом (рис. 14). Проём в плане прямоугольный. Со стороны помещения он, подобно окнам, также перекрыт накатом из дубовых балок и подшит снизу досками (рис. 13). Его внутренние размеры: высота — 2,45 м, ширина — 1,36 м.

Бесспорных данных о внешнем оформлении первоначального входа пока нет. В этой связи небезынтересным представляется наблюдение П. И. Голландского, сохранившееся в виде примечания на одном из его чертежей с изображением деталей портала: «Швы пилонов портала не соответствуют швам стены со входной дверью» (рис. 11). Учитывая то, что нижняя часть портала (до уровня надписи) примыкает к наличнику входа без перевязки, они вполне могли принадлежать двум разным сооружениям и появиться здесь в разное время. Внешние размеры проёма: высота — около 2,35 м, ширина — 1,18 м, толщина четверти — 0,20 м.

Значительные утраты западной и восточной стен мечети (частично сохранился лишь нижний ряд кладки — рис. 8) не позволяют судить о первоначальном виде её боковых фасадов, в частности, о наличии и характере проёмов, их декоративном убранстве.

Северо-восточный угол здания занимает массивное подножие минарета. Снаружи оно выполнено из тщательно обработанных блоков известняка, тыльная сторона кладки бутовая с внешними деревянными поясами. Несколько бессистемное расположение на его лицевой поверхности ряда профилированных камней и подтёска отдельных деталей ствола минарета свидетельствуют о вторичном использовании основных архитектурно-конструктивных элементов данного сооружения. По мнению М. Г. Крамаровского, речь идет об остатках «многократно возобновляемого минарета» (Крамаровский 2005: 114).

На высоте около 6,80 м от уровня современной дневной поверхности основание за-

Рис. 17. Фрагмент южной стены мечети. Рамкой выделено поле фотографии 1925 г. (см. рис. 16). Фото И.Г. Теплицкого. 1985 г. Из личного архива автора.

Fig. 17. Fragment of southern wall of the mosque. The frame outlines the field of 1925 photograph (see Fig. 16). Photo by I.G. Teplitsky. 1985. From the author's personal archive.

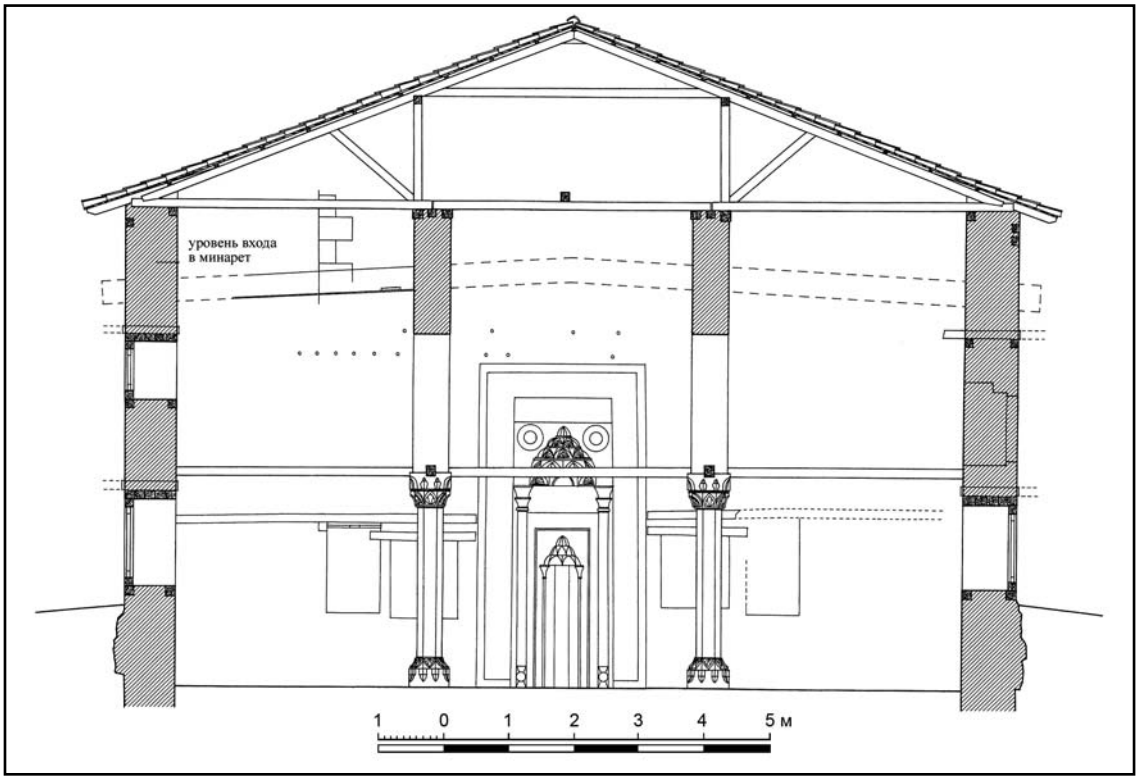


Рис. 18. Поперечный разрез мечети. Вид с севера. Чертёж автора.

Fig. 18. Cross-section of the mosque. View from the north. Drawing by the author.

Рис. 19. Восточный неф мечети. Вид с севера. Фото автора. 1985 г.

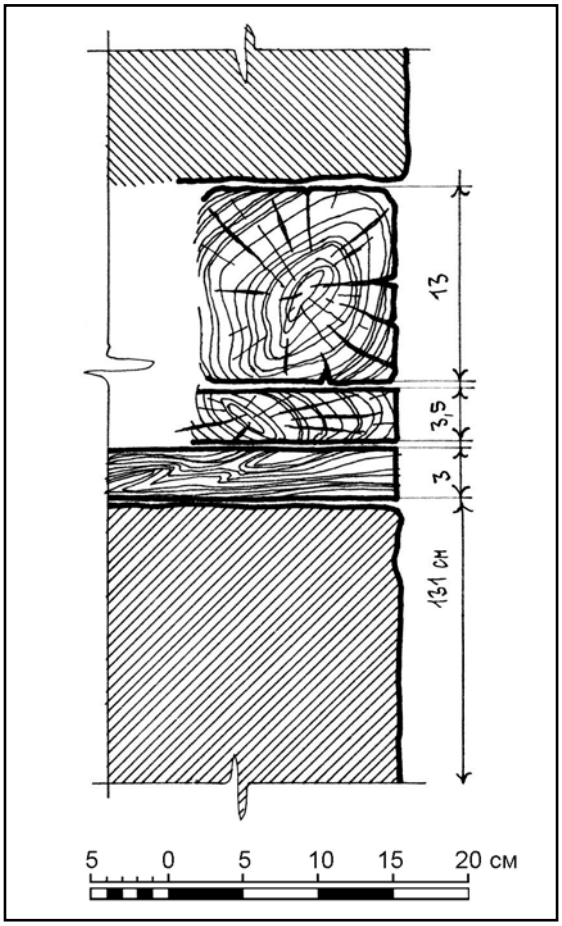
Fig. 19. Eastern nave of the mosque. View from the north. Photo by the author. 1985.

вершалось немного выступавшим за плоскость стены пирамидальным объёмом, срезанную вершину которого венчал круглый в сечении минарет.

Утраченный к настоящему времени в верхней части минарет мечети поддается достоверной реконструкции. О том, как он выглядел, почти исчерпывающее представление позволяют получить акварели М. М. Иванова (рис. 2; 3), гравюра М. Б. Вебеля и многочисленные фотографии конца XIX в. (рис. 4—7; 9), а также остатки его ствола, сохранившиеся *in situ* (рис. 24—26), и отдельные детали шерфе, найденные при разборке ремонтной

Рис. 20. Восточные окна южной стены мечети. Вид с севера. Фото автора. 1985 г.

Fig. 20. Eastern windows of the southern wall of the mosque. View from the north. Photo by the author. 1985.



кладки западной стены мечети в ходе реставрационных работ на памятнике (рис. 28).

Ствол минарета цилиндрический с винтовой лестницей внутри (рис. 29). Его размеры: высота — 5,06 м, диаметр — 1,56 м, толщина стенки — 0,13 м. Низ и верх ствола опоясаны полукруглыми в сечении (радиус — 5,0 см) декоративными валиками. Они расположены на расстоянии, соответственно, 0,20 и 0,16 м от края. Конструкция ствола выполнена из тщательно обработанных блоков известняка, уложенных рядами высотой 0,20—0,40 м. Между собой отдельные камни в горизонтальной плоскости соединены железными скрепами с заливкой гнёзд свинцом.

Площадка, башенка и парапет шерфе в плане круглые, расположены на высоте 14,25 м от уровня земли. Карниз, поддерживавший балкончик, массивный с криволинейным профилем и гладкой лицевой поверх-

Рис. 21. Восточное первоначальное окно южной стены мечети. Разрез северной части перекрытия проема. Чертёж автора.

Fig. 21. Eastern original window of the southern wall of the mosque. Section through the northern part of the aperture ceiling. Drawing by the author.

Рис. 22. Западные окна южной стены мечети. Вид с севера. Фото автора. 1985 г.

Fig. 22. Western windows of the southern wall of the mosque. View from the north. Photo by the author. 1985.

ностью. В сечении он имеет вид каблучка (уклон — 60º) с плоским ободком в верхней части (не столько декоративного, но, прежде всего, конструктивного элемента — в частности, предохранявшего край деталей от скалывания). Его высота — 0,98 м. Диаметр сооружения — 2,75 м. Низ шерфе плоско срезан, консольно выступал над стволом на 0,05 м. Общий вынос конструкции составляет 0,60 м.

Верхние плиты карниза, образующие поверхность площадки, с внутренней стороны сооружения на 3,4 см нависают над нижними камнями. Тем самым они немного сужают просвет ствола, но позволяют увеличить проход вокруг башенки, которая таким образом смещается ближе к центру. Этому же частично способствовал и лёгкий наклон стенок последней вовнутрь. Общее утончение башенки в верхней части составляет около 0,10 м, а её внешний диаметр плавно уменьшается с 1,43 до 1,33 м. Ширина прохода — 0,56 м. Парапет расположен заподлицо с ободком карниза. Высота ограждения — 0,88 м, его толщина — около 0,10 м. Выход из башенки прямоугольный с дуговидным завершением, ориентирован на юг[7]. Размеры проёма: высота — 1,33 м, ширина — 0,44 м, стрела подъёма арки — около 0,12 м.

Вход в минарет устроен со стороны внутреннего пространства мечети (с юго-запада), в скошенной части основания на высоте 6,45 м от уровня пола (рис. 14; 24; 27). Проём прямоугольный с дуговидным завершением. Его размеры: высота — 1,37 м, шири-

[7] Бесспорной удачей специалистов КСНРПМ, осуществивших в 1989—1990 гг. реставрацию минарета, можно считать предусмотренный проектом анастилоз отдельных оригинальных деталей карниза (рис. 28), тактично включенных в новую кладку шерфе. При этом, к сожалению, не обошлось без досадных просчётов. При возведении минарета строители не смогли точно соотнести шаг ступеней лестницы с основными уровнями сооружения. Как следствие, выход из башенки на площадку балкончика был выполнен с нарушением тщательно разработанного проекта, а именно, получил неправильную ориентацию — на восток. Реставраторы самовольно также пробили окна в стволе минарета, наличие которых не подтверждается иконографическими материалами.

Рис. 23. Западное первоначальное окно южной стены мечети. Вид с юга. Фото автора. 1985 г.

Fig. 23. Western original window of the southern wall of the mosque. View from the south. Photo by the author. 1985.

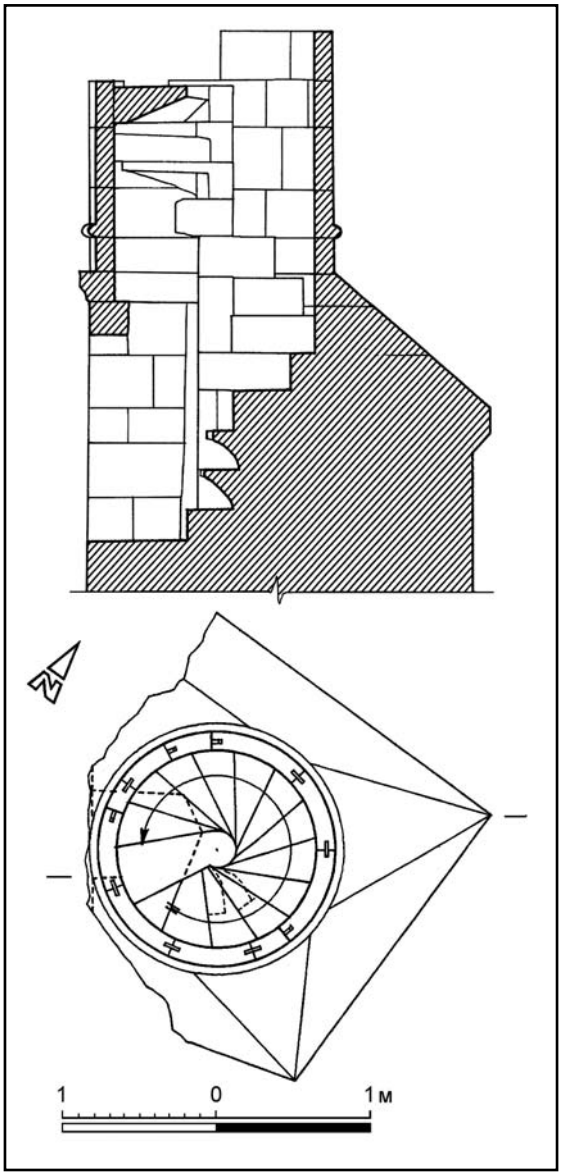


Рис. 24. Разрез и план остатков минарета. Чертёж автора.

Fig. 24. Section and plan of the remains of the minaret. Drawing by the author.

на — 0,57 м, стрела подъёма арочного выреза в архитравном камне — 0,13 м. Консольный вынос одной из плит над проёмом, венчавшей пирамидальное завершение основания (рис. 27) позволяет предполагать, что первоначально (до переноса на новое место) пространство перед входом в минарет перекрывалось сводом.

На отметке входа в стволе минарета начинается каменная винтовая лестница (движение организовано против часовой стрелки, а следовательно, первый шаг мог быть сделан только правой ногой — важное сакральное действие для мусульманина). Подъём до уровня площадки шерфе обеспечивали 30 ступеней, из которых 12 нижних сохранились *in situ* (рис. 24; 26). Ширина марша — 0,53 м. Высота ступеней: нижней — 0,22 м, остальных — колеблется в пределах от 0,24 до 0,27 м. Величина проступи — 0,27—0,30 м. Центральная опора лестницы в сечении круглая. Диаметр стойки — 0,24 м. Все детали вытесаны из нуммулитового известняка.

Первые семь ступеней марша и несущий стержень сооружения перевязаны с кладкой основания минарета. Данное конструктивное решение обеспечивало нижней части лестницы жёсткость и устойчивость. Вторая и третья ступени спереди, в подступёнке, имеют специальные выемки под левую ногу. Глубина ниш — 0,12 м, их ширина — 0,35 м. Все остальные (начиная с восьмой), рядовые, ступени лестницы стандартной формы — в виде трапециевидной в плане призмы с цилиндрическим выступом и скруглением, соответственно, на узком и широком торцах. Тыльная сторона каждой детали в нижней части скошена вовнутрь, что позволяло существенно облегчить вес изделия и увеличивало высо-

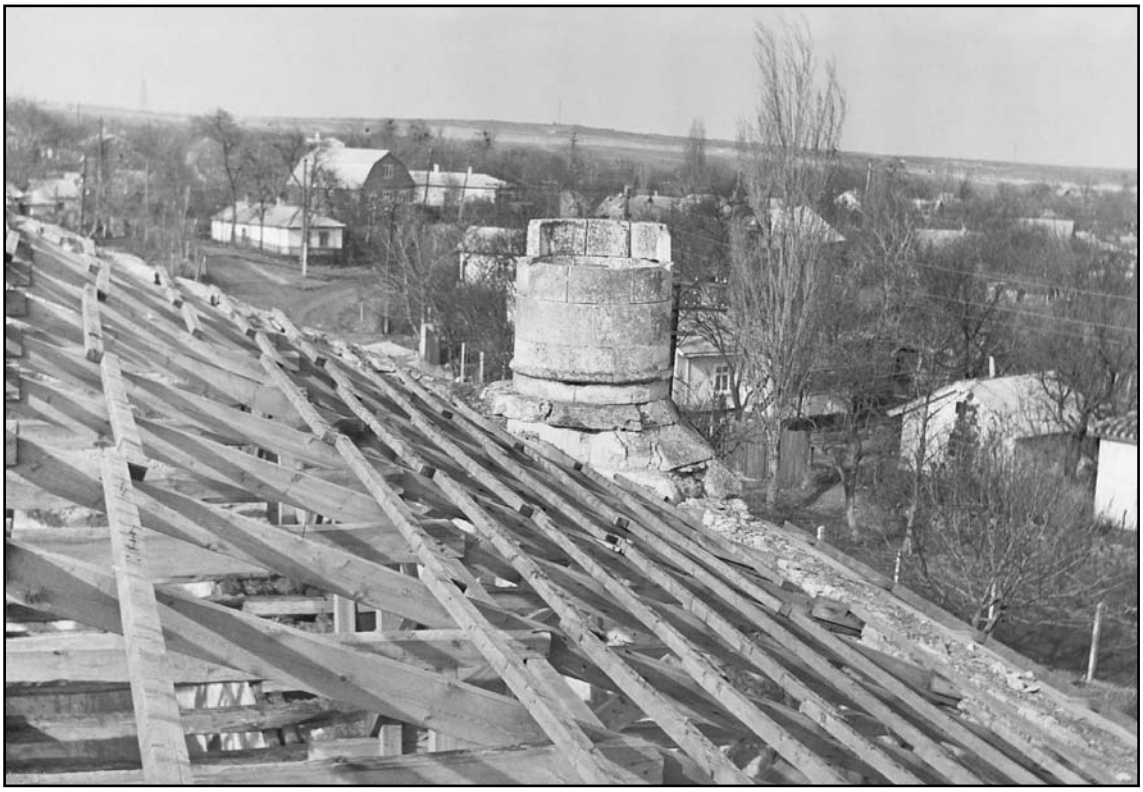


Рис. 25. Остатки минарета. Общий вид с юга. Фото автора. 1985 г.

Fig. 25. Remains of the minaret. General view from the south. Photo by the author. 1985.

ту пространства между маршами. Крепление отдельных элементов лестницы: их широкие торцы слегка заглублены в стенку ствола, лицевая сторона поддерживалась нижней ступенью, цилиндрический выступ на конце формировал центральную опору.

Как раньше выглядели полностью утраченные завершение башенки, кровля и алем, сейчас не известно. Общая реконструируемая высота минарета составляла около 23 м.

Был ли минарет таким изначально, в настоящий момент однозначно судить сложно. Дело в том, что у его подножия в верхней части отложений культурного слоя (скопление строительного мусора) при археологических раскопках и реставрационных работах в 80-х годах прошлого века (рис. 8) были найдены многочисленные детали от другого шерфе — остатки сталактитового карниза и резного парапета. Все находки поступили на временное хранение в фонды СКАЭГЭ и до сих пор не введены в научный оборот. Стилевые характеристики обнаруженных фрагментов минарета и портала между собой соотносимы, следовательно, ранее оба они вполне могли принадлежать, собственно, первоначальной мечети Узбека 1314 г. Остается невыясненным, были ли использованы эти остатки минарета на новом месте при возведении данного здания или так и остались лежать у его стен нереализованным строительным припасом.

Для реконструкции завершения самой мечети определяющее значение имеют следы перекрытия, которое частично отпечаталось на поверхности кладочного раствора южной стены здания со стороны помещения (рис. 18). На высоте 6,00 м от уровня пола (в 0,20 м к востоку от появившейся позднее аркады) сохранилась выемка от торца доски толщиной 2,0 см и шириной 31,0 см. По отношению к горизонтали она расположена под углом 6º, скат наружу. Такой же уклон имели и остальные утраченные элементы конструкции перекрытия. В частности, потолок находился в одной плоскости с низом доски. Его контур в виде обрыва штукатурки четко прослеживается на протяжении почти 2,70 м (в пределах зондажа). Расстояние от потолка до верха кладки первоначальной стены (впоследствии надстроенной) мечети составляет 0,35 м. Между собой они параллельны. Данных о каких-либо опорах внутри строения нет.

Принимая во внимание исключительно малый уклон конструкций перекрытия (со-

Рис. 26. Остатки минарета. Вид с запада. Фото автора. 1984 г.

Fig. 26. Remains of the minaret. View from the west. Photo by the author. 1984.

вершенно неприемлемый для использования обычной черепицы) и некоторую их громоздкость, достаточно большой представляется вероятность того, что кровля здания могла быть двускатной земляной. Слегка понижаясь по направлению к боковым стенам, она примыкала к минарету практически на уровне входа и, следовательно, позволяла обеспечить относительно нормальный доступ к нему с крыши.

Земляная кровля мечети реальных аналогий в монументальном зодчестве средневековой Таврики пока не имеет[8]. В Крыму подобные крыши известны исключительно на гражданских постройках (Куфтин 1925: 33—51, табл. VII—IX, XVI, XVII; Сумароков 1800: 87; Паллас 1999: 77, 148; Книга путешествия 1999: 12; Кирилко 2005: 63—64)[9]. За пределами полуострова, на территории Малой Азии, плоские кровли по балкам с грунтовым покрытием употреблялись часто в сельджукский период. Причём, применялись они не только в жилом, но также и в культовом строительстве при перекрытии больших залов мечетей (Бородина 1969: 432)[10].

Кладка стен выполнена из бутового камня разной величины. Используется характерный раствор зеленовато-серого цвета (на отдельных участках — охристо-бежевый с зеленоватым оттенком). Вяжущее известковое. В качестве заполнителя применен суглинок в количестве 50%. Визуально отмечено наличие мелкого галечного песка и керамической крошки, отдельных комков извести величиной до 0,4 см. Кладочный раствор очень рыхлый, непрочный, легко растирается руками (Стриленко, Нестеренко 1985: 17, №4440, 4441; Кирилко 1985: 25). Конструкция стен с внутренней стороны местами была усилена деревянными поясами, расположенными заподлицо с поверхностью кладки. Михраб сложен на извести.

Кладка фасадных участков подножия минарета велась на растворе, который относится к типу известково-песчаных. Визуально он светло-кремовый с мелкими включениями зёрен заполнителя преимущественно белого и жёлтого цветов. Раствор прочный и плотный. Песчаный заполнитель состоит из смеси окатанных обломков ракушек, мелкой гальки, редких зёрен цемянки и древесного угля. Ракушечная фракция — преобладают фрагменты 0,1—0,3 мм, 0,6—1,0 мм, до 3,0 мм. Галька, в основном, карбонатного состава размером от 0,8 до 10 мм в диаметре. Зёрна цемянки представлены крошкой и пылью темно-красного цвета, размером преобладающей фракции 0,5—2,0 мм. Количество заполнителя 60—70%. Раствор дает яркую реакцию на растительный белок. Очевидно,

[8] Возможно, подобное завершение имела орская мечеть Сахиб Герай-хана (1532—1551), которую Э. Челеби представил следующим образом: «Сама же мечеть — это низкое, старой формы, крытое дерном место поклонения». Ещё о двух монументальных постройках с грунтовым покрытием упоминает турецкий путешественник при описании крепости Тамань, также относившейся к Кефинскому эйялету: «Там есть соборная мечеть Касым-паши, прекрасная, полная света молельня, построенная в старой форме, крытая чистой, как амбра, землей», а в «пригороде расположена мечеть Хаджи-ага, крытая дерном, с отличным минаретом» (Книга путешествия 1999: 12, 106, 107).

[9] Судя по тому, что один из армянских топонимов Солхата XIV в. переводится как «Верхний участок с землекрытыми жилищами» (см.: Саргсян, Петросян 2008: 32), надо полагать, грунтовые кровли построек определяли облик города задолго до появления здесь т. н. мечети Узбека.

[10] При этом там лучшими специалистами по земляным работам обычно считались греческие мастера (Гордлевский 1941: 103), следовательно, речь должна идти о местных строительных традициях, основным носителем которых в Солхате вполне могло выступать армянское население города.

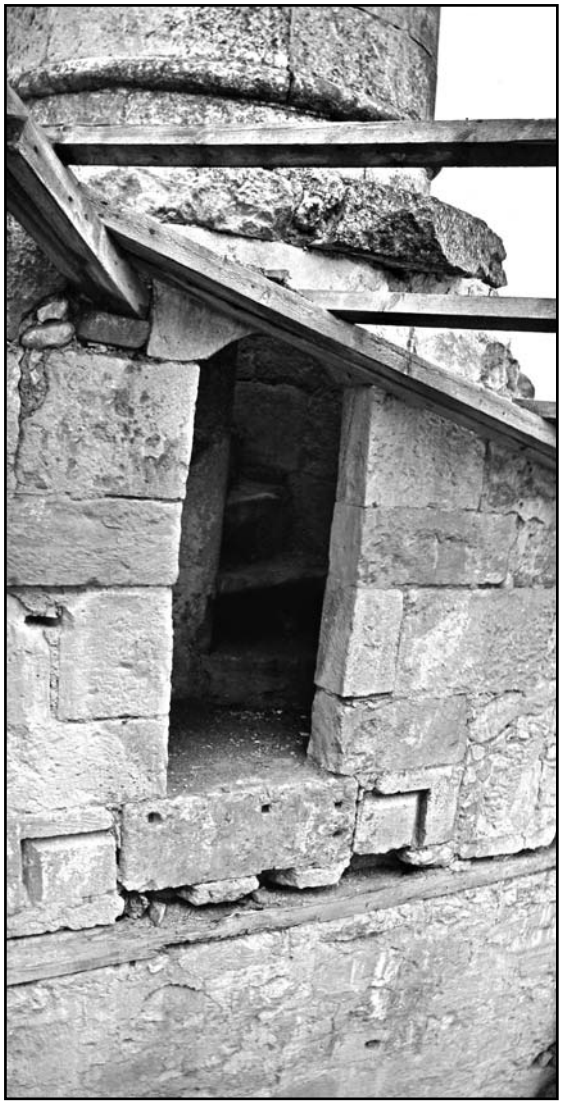


Рис. 27. Вход в минарет. Вид с запада. Фото автора. 1985 г.

Fig. 27. Entrance to the minaret. View from the west. Photo by the author. 1985.

Рис. 28. Остатки шерфе минарета. Вид сбоку. Фото автора. 1985 г.

Fig. 28. Remains of the minaret's balcony (serfe). Side view. Photo by the author. 1985.

известь затворялась отваром зерен злаковых. Высокая прочность раствора объясняется тщательностью его приготовления, удачным подбором компонентов заполнителя и их соотношения. Небольшая добавка цемянки придает ему гидравлические свойства. Подобные характеристики имел также кладочный раствор, который использовался при возведении северной стены на участке к западу от входа (Стриленко, Нестеренко 1985: 17—18, №4442, 4437). Кладочный раствор аналогичного состава выявлен и при изучении бастиона г. Феодосии (образец №4436).

Качественное отличие состава кладочных растворов, используемых для возведения, собственно, здания мечети и её минарета с передней стеной, могло быть обусловлено как конструктивной целесообразностью, так и привлечением для их выполнения разных бригад — обычно практикуемым явлением в мусульманском культовом зодчестве (Засыпкин 1927: 155).

На восточном и северном фасадах имеются гнёзда сечением 0,13×0,13 и 0,16×0,16 м от балок, во время строительства поддерживавших подмости лесов.

В кладку южной стены со стороны внутреннего пространства мечети при возведении были заложены узкогорлые голосники из хорошо обожжённой глины. Они размещены компактно двумя рядами на высоте 4,97 и 5,30 м от уровня пола с шагом около 0,30 м и находились рядом с михрабом (рис. 18; 30). Размеры сосудов: высота — 18,5 см, диаметр тулова — 11,3 см, толщина стенок — 0,3—0,5 см. Венчики голосников позднее, во время ремонта здания, были повреждены и утрачены в результате закупоривания отверстий деревянными пробками.

Внутренняя поверхность стен мечети была оштукатурена известковым раствором белого цвета с легким кремовым оттенком, хорошо сохранившиеся остатки которого выявлены

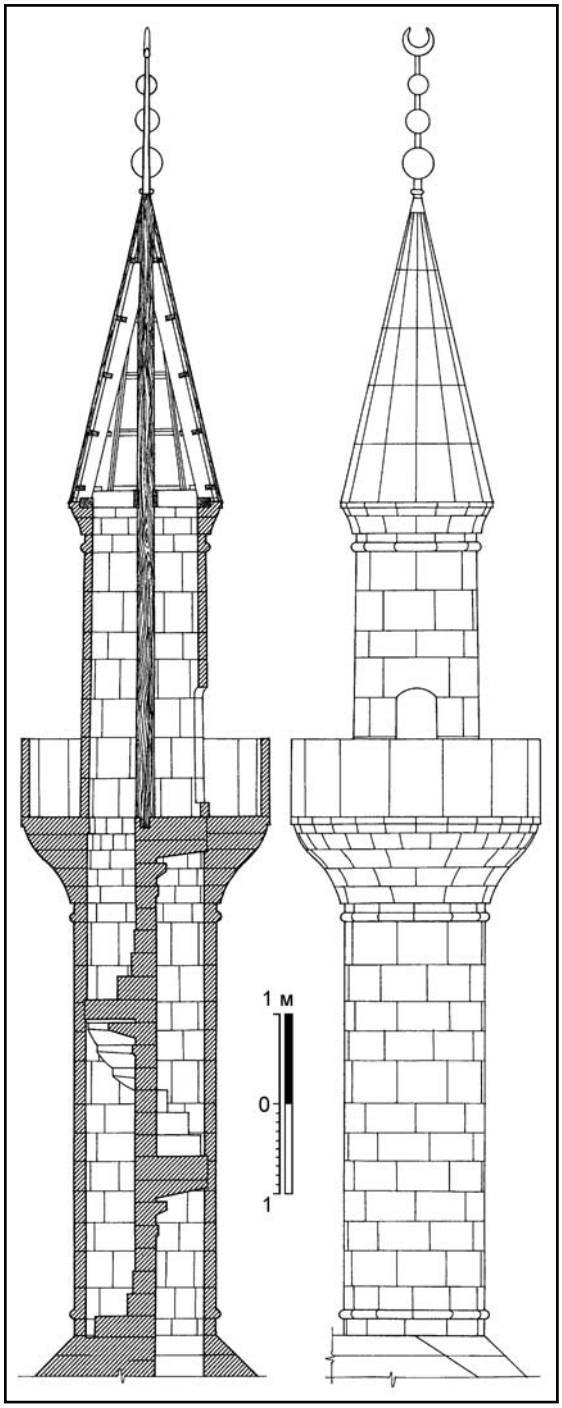


Рис. 29. Реконструкция минарета: 1 — разрез по оси С-Ю, 2 — южный фасад. Чертёж автора.

Fig. 29. Reconstruction of the minaret: 1 — section through the North-South axis, 2 — southern facade. Drawing by the author.

in situ на стыке двух разновременных кладок (рис. 31). Толщина слоя до 10 мм. В качестве заполнителя использован мелкий галечный песок (размер преобладающей фракции 0,2—0,5 мм) с отдельными крупными зёрнами (до 4,0 мм). Его количество визуально составляет около 10%. Поверхность штукатур-

Рис. 30. Голосник в кладке южной стены мечети. Вид с севера. Фото автора. 1985 г.

Fig. 30. Resonator in the stone setting of the southern wall of the mosque. View from the north. Photo by the author. 1985.

Рис. 31. Примыкание восточной аркады к южной стене мечети. Зондаж. Вид с востока. Фото автора. 1985 г.

Fig. 31. Eastern arc adjoining the southern wall of the mosque. Sondage. View from the east. Photo by the author. 1985.

ки гладкая, имеет налёт копоти темно-серого цвета, аналогичный тому, что был отмечен на откосе восточного окна южной стены.

На данном этапе исследования хронологические рамки первого строительного периода мечети точно определить не представляется возможным. Причины разрушения здания, видимо, следует искать в ослабленных культурным слоем основаниях фундаментов, низком качестве кладочного раствора и тяжёлой земляной кровле, вызвавших повреждение боковых стен строения.

Второй строительный период

После ремонта внешние очертания плана мечети остались прежними, внутри строение существенно изменилось (рис. 14).

Все стены здания подверглись капитальной реконструкции: боковые — были основательно обновлены, передняя и задняя — надстроены, получив завершение в виде щипцов. Высота фасадов увеличилась, соответственно, до 6,80 (достигла уровня карниза основания минарета) и 9,90 (до конька) м. Толщина кладок особо не изменилась.

Внутри мечети появились две одинаковые каменные аркады с четырьмя стрельчатыми пролётами, разделившие помещение на три продольных нефа (рис. 13; 14). В качестве промежуточных опор использованы восьмигранные в сечении колонны (по три в каждой) с кубовидными капителями и базами, украшенными сталактитами (рис. 32; 33). Пяты крайних арок на стыке со стеной поддерживались кронштейнами (рис. 12; 13). Базы колонн между собой отличались формой. Первые две, расположенные перед михрабом, подобны капителям медресе. Остальные четыре — обычного вида, однообразные: три из них — одинаковые, одна (средняя в восточной аркаде) имела более массивные пропорции. Все капители однотипные. Из них две, крайняя пара у входа, отличаются от остальных деталями — отсутствием декора на дугах угловых срезов нижнего яруса сталактитов. Поверхность капителей и верх колонн дополнительно были украшены растительным орнаментом, нанесённым на поверхность камня чёрным пигментом (рис. 34). Остатки подобной росписи отмечены местами также и на михрабе, что позволяет предполагать одновременность их появления (рис. 35)[11].

В верхней части капителей со всех четырёх сторон имеются пазы прямоугольной формы под деревянные связи, соединявшие в своё время опоры аркад между собой и со стенами (рис. 18). Их размеры: высота — 5,5 см, ширина — 14,0 см, глубина — 13,0 см. Подобные гнёзда дополнительно выполнены также в пяточных камнях арок (рис. 12). В качестве связей использовались дубовые брусья, остатки одного из которых, сечением 0,16×0,15 м, сохранились *in situ*. Кроме конструктивного назначения, прежде всего, придания устойчивости опорам аркады, в процессе строительства они обеспечивали фиксацию колонн в рабочем положении, а также служили для размещения подмостей.

Ширина нефов: восточного — 3,58 м, центрального — 3,51—3,56 м, западного — 3,53—3,58 м. Арки стрельчатые, двуцентровые (рис. 40). Их размеры: пролёт — 3,47—3,75 м, стрела подъёма — 2,04—2,17 м, ширина — 0,58 м, толщина — 0,20 м. Габариты: баз — 0,43×0,62×0,62 и 0,43 (0,46)×0,53×0,53 м, колонн — 2,28×0,42 м, капителей — 0,53×0,63×0,63 м. Общая высота проёмов — 5,24—5,37 м.

Верхняя часть аркады сложена из бутового камня на известковом растворе. По отношению к боковым плоскостям арок она выступает на 1,5—1,7 см. Кладка велась с затиркой швов и выравниванием поверхности кладочным раствором, первоначально оштукатурена не была. Используемый при возведении аркады раствор по составу известково-песчаный, отмечен только на син-

[11] Фотография и сведения о результатах предварительного обследования михраба, выполненного в 1989—1990 гг. специалистами Киевского межобластного хозрасчётного специального научно-реставрационного производственного участка по реставрации произведений живописи объединения «Укрреставратор» и научно-реставрационного технологического отдела института «Укрпроектреставрация», любезно предоставлены одним из непосредственных участников работ художником-реставратором В. Лобановым. Пробные расчистки существующей в настоящее время полихромной росписи сооружения позволили зафиксировать в основном 2 периода покрасок, промежуточные слои улавливались плохо. Были выявлены также остатки позолоты колонн и надписи, обрамляющей нишу. Красочные слои выполнены в разной технике, наносились без укрепления нижележащего слоя. Исследованием установлено, что первоначальные раскраски были клеевыми, эмульсионными, сменившие их — масляными.

Более детальная информация о результатах изучения цветовой гаммы и технологических особенностях декоративного покрытия михраба содержится в прилагаемой к статье таблице «Микрохимическое исследование образцов (раскраски михраба), отобранных в памятнике архитектуры – мечети Узбека в Ст. Крыму», авторами которой являются главный специалист НРТО института «Укрпроектреставрация» Н. Борисова и инженер-химик В. Терпило (Архив КФ ИА НАНУ. ЛФИ. Инв. №173).

Рис. 32. Внутреннее пространство мечети. Люди в интерьере. Вид сверху, с юго-востока. Фото автора. 1985 г.

Fig. 32. Inner space of the mosque. People in the interior. View from above, from the south-east. Photo by the author. 1985.

хронных ей сооружениях мечети (Кирилко 1985). Он имеет характерный цвет — кремовый с коричнево-фиолетовым или желтоватым оттенками. Заполнителем является мелкий галечный песок с отдельными крупными зёрнами: представлен кварцем, полевыми шпатами, известняком (микрокристаллический кальцит), слюдой, изредка зёрнами цемянки размером преобладающей фракции 0,1—0,4 мм. Визуально на свежем изломе видны также белые комочки извести и рыхлые буроватые включения округлой формы — алеврита. Количество заполнителя 60%. Вяжущее — известь. Судя по яркой реакции с жидкостью Люголя, она была затворена растительным отваром. Раствор плотный и прочный (Стриленко, Нестеренко 1985: 18, №4444).

Со стороны бокового нефа в одной из спандрелей западной аркады, над средней опорой, при зондировании конструкции под штукатурным слоем обнаружены два голосника (рис. 36). Края сосудов скруглены, отогнуты наружу. Диаметр венчика — 5,5 см, толщина стенок — 0,5 см. Резонаторы выполнены из хорошо отмученной глины без явных примесей. Обжиг нормальный, черепок на изломе красного цвета. Голосники расположены горизонтально на высоте около 4,80 м от уровня пола за-

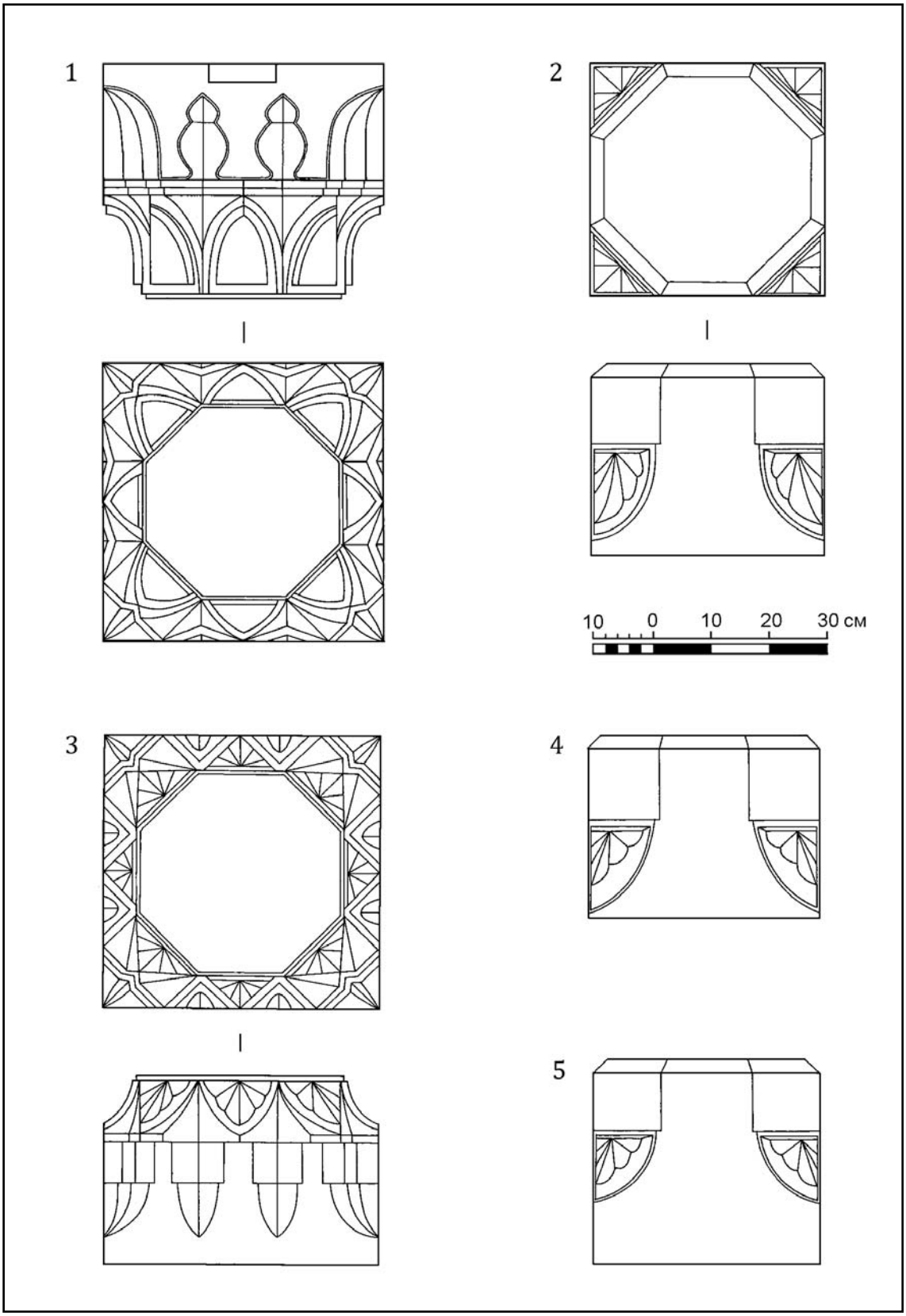


Рис. 33. Капитель и базы колонн мечети: 1, 2 — северных; 3 — южных; 4 — средней западной; 5 — средней восточной. Обмер В. Кузьменко. 1979 г. Из личного архива автора.

Fig. 33. Capital and bases of the mosque's pillars: 1, 2 — northern; 3 — southern; 4 — middle western; 5 — middle eastern. Survey by V. Kuzmenko. 1979. From the author's personal archive.

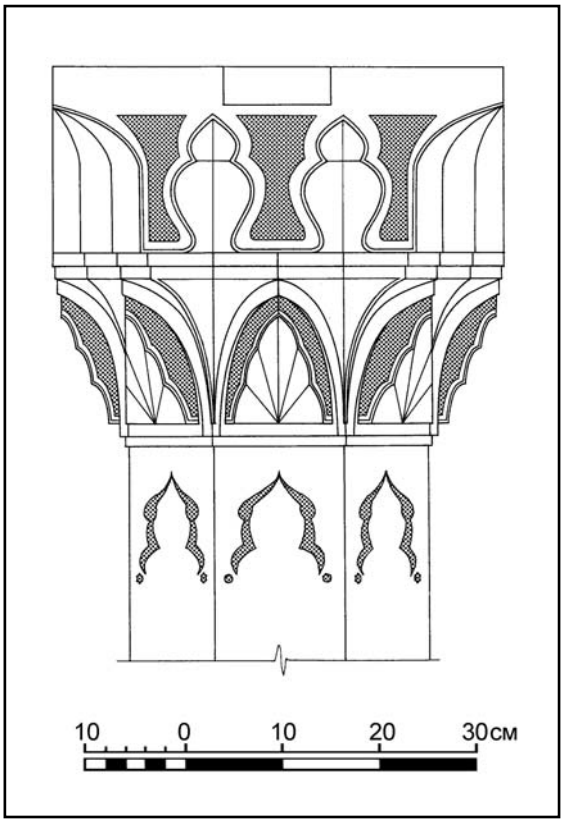


Рис. 34. Роспись капителей и верхней части колонн мечети. Чертеж автора.

Fig. 34. Painting of heads and upper parts of the mosque's columns. Drawing by the author.

подлицо с поверхностью кладки, расстояние между ними 0,67 м. Позднее, во время ремонта, оба они были закупорены (один — комком известкового раствора, второй — обрезком ветки диаметром 3,0 см) и скрыты под слоем штукатурки.

В шелыгах некоторых арок сохранились железные кольца для подвешивания светильников. Одна из таких ламп сирийского производства — стеклянная, украшенная цветными эмалями с преобладанием синего цвета — обнаружена при раскопках внутри строения (Крамаровский 2005: 113).

О вторичности аркад по отношению к остальным сооружениям мечети наглядно свидетельствует то, как одна из них, восточная, примыкает к южной стене здания — без перевязки кладок, непосредственно впритык к штукатурке с закопченной поверхностью (рис. 31). Шов между ними имеется также и выше, но уже на соединении с синхронной ей надстройкой стены (рис. 37). Причем, поскольку последняя оказалась тоньше расположенной ниже конструкции, ту внутри каждого из нефов пришлось дополнитель-

Рис. 35. Остатки росписи на боковой (восточной) поверхности ниши михраба. Вид с северо-запада. Фото И.Г. Теплицкого. 1989 г. Из личного архива автора.

Fig. 35. Remains of painting on the side (western) surface of the mihrab's niche. View from the north-west. Photo by I.G. Teplitsky. 1989. From the author's personal archive.

Рис. 36. Голосники в кладке западной аркады мечети. Зондаж. Вид с запада. Фото автора. 1985 г.

Fig. 36. Resonators in the stone setting of the Western arc of the mosque. Sondage. View from the west. Photo by the author. 1985.

но наращивать до уровня перекрытия кладкой из мелких камней. Примечательно, что с восточной стороны на поверхности аркады, в 0,15 м от стыка, предварительно красной краской была нанесена вертикальная линия, обозначившая границы необходимого утолщения южной стены.

Одновременно с реконструкцией мечети происходит также и капитальный ремонт медресе. В частности, полностью восстанавливаются разрушенные в первом строительном периоде тыльные торцы боковых стен его северного айвана (рис. 14). Как следствие, первоначальные окна южного фасада мечети упраздняются и закладываются. Взамен, рядом с ними (ближе к михрабу, непосредственно под кронштейнами арок) появляются новые окна, которые теперь обращены уже вовнутрь айвана. Они прямоугольной формы, перекрывались деревянным накатом. Внутренние размеры проёмов: восточного — 1,15×1,05 м, западного — 1,10×1,05 м. Высота подоконника — соответственно, 1,10 и 1,20 м. Характерной особенностью ремонтной кладки является активное использование плинфы (рис. 17; 22).

Определённое представление о боковых фасадах мечети этого времени позволяет получить крайнее окно западной стены, остатки которого сохранились *in situ* (рис. 14; 39—43). Оно находится на высоте 3,40 м от уровня пола, на одной оси с северным пролётом аркады. Расстояние от окна до угла здания: снаружи — 2,60 м, с внутренней стороны — 1,60 м.

Относительно хорошая сохранность сооружения, а также находки отдельных фрагментов от наличников других подобных окон (рис. 44), которые позднее, при очередном ремонте мечети, использовались в качестве обычного кладочного материала, позволяют выполнить реконструкцию его первоначального вида.

Окно прямоугольное. Проём в плане трапециевидный с четвертями. Его внешние размеры: высота — 0,98 м, просвет — 0,68 м. Сечение четвертей — 0,06×0,18 м. Разворот откоса составляет 111°. Внутренние габариты сооружения: высота — 1,25 м, ширина — 1,04 м. Обрамление проёма и откос выполнены из тщательно обработанных, хорошо пригнанных блоков известняка. Пустоты между

Рис. 37. Примыкание восточной аркады к южной стене мечети на уровне перекрытия. Вид с северо-запада. Фото автора. 1985 г.

Fig. 37. Eastern arc adjoining the southern wall of the mosque at the ceiling's level. View from the north-west. Photo by the author. 1985.

Рис. 38. Примыкание восточной аркады к северной стене мечети на уровне перекрытия. Вид с юго-запада. Фото автора. 1985 г.

Fig. 38. Eastern arc adjoining the northern wall of the mosque at the ceiling's level. View from the south-west. Photo by the author. 1985.

Рис. 39. Северное окно западного фасада мечети второго строительного периода. Вид с запада. Фото автора. 1985 г.

Fig. 39. Northern window of the mosque's western facade. Second construction period. View from the west. Photo by the author. 1985.

ними плотно заполнены мелким бутом, поверхность выровнена и заглажена тонкоструктурным известковым раствором.

Перекрытие окна комбинированное с уступчатым профилем сечения. Снаружи проём завершался известняковым архитравом наличника. Ширина детали — 0,38 м, её толщина — 0,21 м. Остальная, внутренняя, часть проёма глубиной 0,44 м перекрывалась тремя деревянными перемычками. Они расположены на одном уровне с верхней плоскостью архитрава, вследствие чего внутри амбразуры образовался уступ высотой 0,15 м[12]. В качестве перемычек использовались прямоугольные в сечении брусья, ширина нижней грани которых составляет (по направлению к внешнему краю) 14,0 см, 10,0 см и 13,0 см. Расстояние между ними равно, соответственно, 2,0 и 1,5 см.

На фасадной поверхности обрамления проёма вдоль кромки видны следы небрежно стесанного декора наличника, утраченного, предположительно, с упразднением и закладкой окна. Подобным образом, очевидно, тогда же полностью была удалена и четверть подоконника (рис. 43). Возможно, именно это состояние мечети запечатлел с натуры М.Б. Вебель, изобразив западную стену строения абсолютно гладкой — без каких-либо признаков данного проема.

В своё время окно было забрано металлической решёткой из круглых стержней (5 — горизонтальных, 3 — вертикальных), расположенных в одной плоскости в виде прямоугольной сетки. Для её установки в четвертях проёма предусмотрены специальные гнёзда соответствующей формы. Их размеры: диаметр — 1,8 см, глубина — 3,5 см. Они выполнялись по предварительно нанесённой острым предметом на поверхность камня разметке (рис. 42). Глубина графьи — до 0,1 см. Вертикальной чертой от-

[12] Данная, технологическая по сути, особенность конструкции перекрытия проёма, в нарушение проекта реставрации и вопреки хорошо сохранившимся остаткам сооружения, была проигнорирована специалистами КСНРПМ, в результате чего окно после восстановления приобрело нехарактерное для него завершение и искаженные формы.

Рис. 40. Северное окно западного фасада мечети второго строительного периода. Вид с востока. Фото автора. 1985 г.

Fig. 40. Northern window of the mosque's western facade. Second construction period. View from the east. Photo by the author. 1985.

мечено положение конструкции по отношению к наличнику, горизонтальной — её середина. Судя по ним, решётка была немного (на 2,0 см) смещена ближе к внешнему краю четверти (расстояние до противоположного конца — 10,0 см), хотя, возможно, эта разница образовалась за счёт предполагаемой утраты некоторой части декоративного обрамления наличника. Всего на боковой четверти имеется 8 одинаковых гнёзд, образующих две самостоятельные группы отверстий. Одна из них состоит из пяти выемок, расположенных с шагом 15,5—17,0 см, вторая объединяет три углубления с интервалом 21,5—27,0 см. Данное обстоятельство свидетельствует об имевшем место ремонте решётки либо о вторичном использовании наличника. Нижняя четверть, судя по отдельно найденному фрагменту обрамления подобного проема, имела всего три гнезда: шаг отверстий — 18,0 см (рис. 44).

Для крепления оконной рамы в подоконнике предусмотрены специальные гнёзда — круглой и прямоугольной формы (рис. 43). Они расположены вплотную к четверти, в 4,5 см от угла. Расстояние между ними — 67,0 см. Размеры выемок: диаметр (ширина) — 2,5—3,0 см, длина — 3,5—5,0 см, глубина — до 2,0 см. Круглые гнёзда могли использоваться как подпятники.

Достоверных данных о точном количестве окон западного фасада нет. Учитывая относительно большую протяжённость внутреннего пространства здания, едва ли оно ограничивалось всего одним боковым проёмом. Поскольку позднее, во время очередного обновления данной стены, в качестве обычного кладочного материала были использованы многочисленные фрагменты аналогичных наличников, речь может идти не менее чем о трёх подобных окнах.

Для реконструкции боковых фасадов определяющее значение имеет то, что расположение единственного уцелевшего оконного проёма продольных стен строения на оси северного пролета аркады вряд ли было случайным, но обуславливалось функциональной целесообразностью и, возможно, архитектур-

Рис. 41. Северное окно западного фасада мечети второго строительного периода. Вид с юга. Фото автора. 1985 г.

Fig. 41. Northern window of the mosque's western facade. Second construction period. View from the north. Photo by the author. 1985.

ной модой (рис. 46). Во-первых, оно обеспечивало наиболее полноценное освещение соответствующей части внутреннего пространства мечети. Более того, высоко поднятый над полом проём позволял насытить верхним светом самые отдалённые места на противоположной стороне помещения. Во-вторых, окно находится практически на одном уровне с деревянными связями, соединявшими опоры аркад с кладкой стен, а следовательно, иное его размещение просто невозможно. В-третьих, на архитектонике фасада не могли не сказаться стилевые особенности османского зодчества с характерными для эпохи симметричностью объёмов и регулярным расположением проёмов.

Мечеть вполне могла иметь окна напротив каждого из пролётов аркады: соответственно, четыре в западной стене и три с восточной стороны строения. Такое размещение проёмов представляется наиболее вероятным, как самое оптимальное и рациональное. В частности, подобное архитектурное решение было применено позднее в карасубазарской мечети Шор-Джами (Засыпкин 1927: 147—148, чертеж 11).

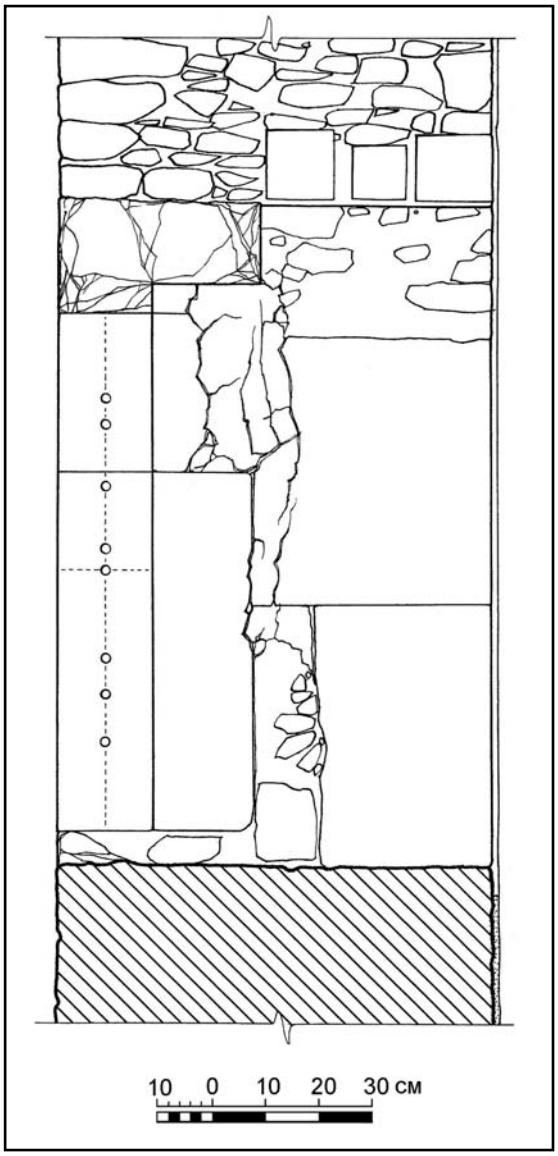


Рис. 42. Северное окно западного фасада мечети второго строительного периода. Разрез по оси З-В. Чертёж автора.

Fig. 42. Northern window of the mosque's western facade. Second construction period. Section on the West-East axis. Drawing by the author.

Северный фасад здания также претерпел определённые изменения, самым значительным из которых стала пристройка к существующему входу монументального, богато декорированного резьбой портала (рис. 9—11; 14). Высота сооружения — 6,50 м, его ширина — 4,05 м. За плоскость стены он выступает на 1,03—1,06 м. Толщина пилонов — 0,77 м. Портал был снят с разрушенной собственно мечети Узбека, причём отдельные элементы сталактитового завершения к тому времени, по всей видимости, уже были утрачены безвозвратно. Как следствие, мастеру, восстанавливавшему его

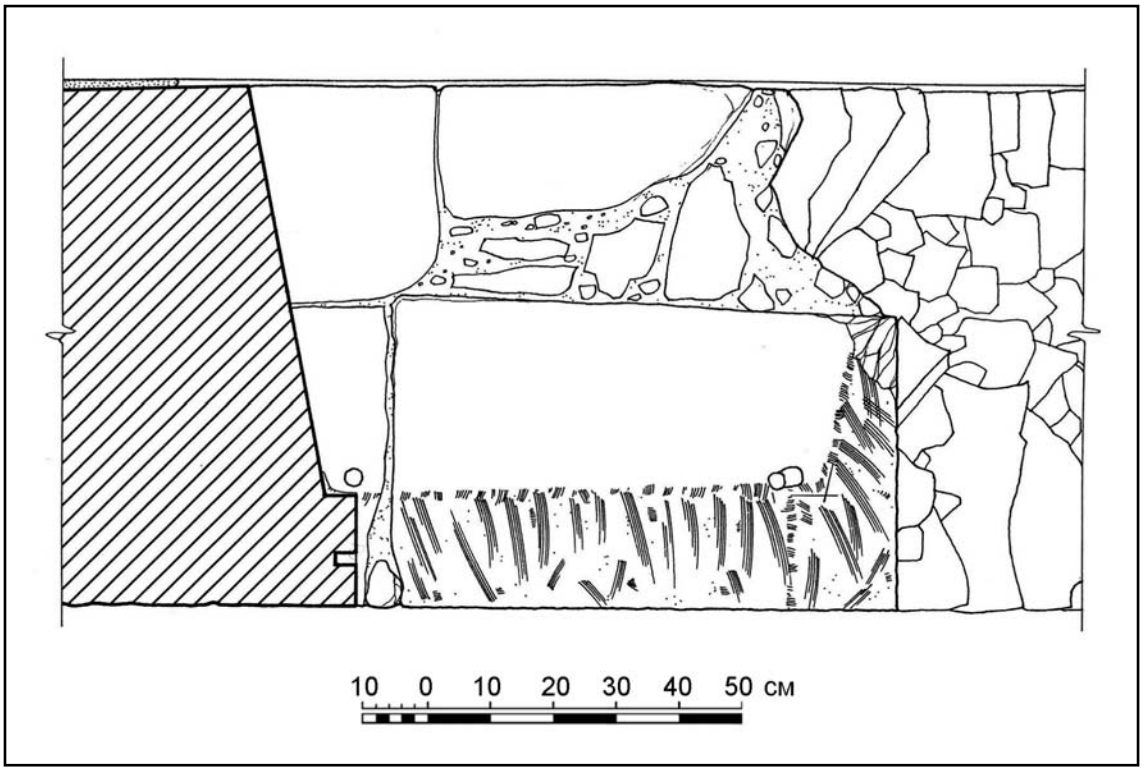


Рис. 43. Северное окно западного фасада мечети второго строительного периода. План. Чертёж автора.

Fig. 43. Northern window of the mosque's western facade. Second construction period. Plan. Drawing by the author.

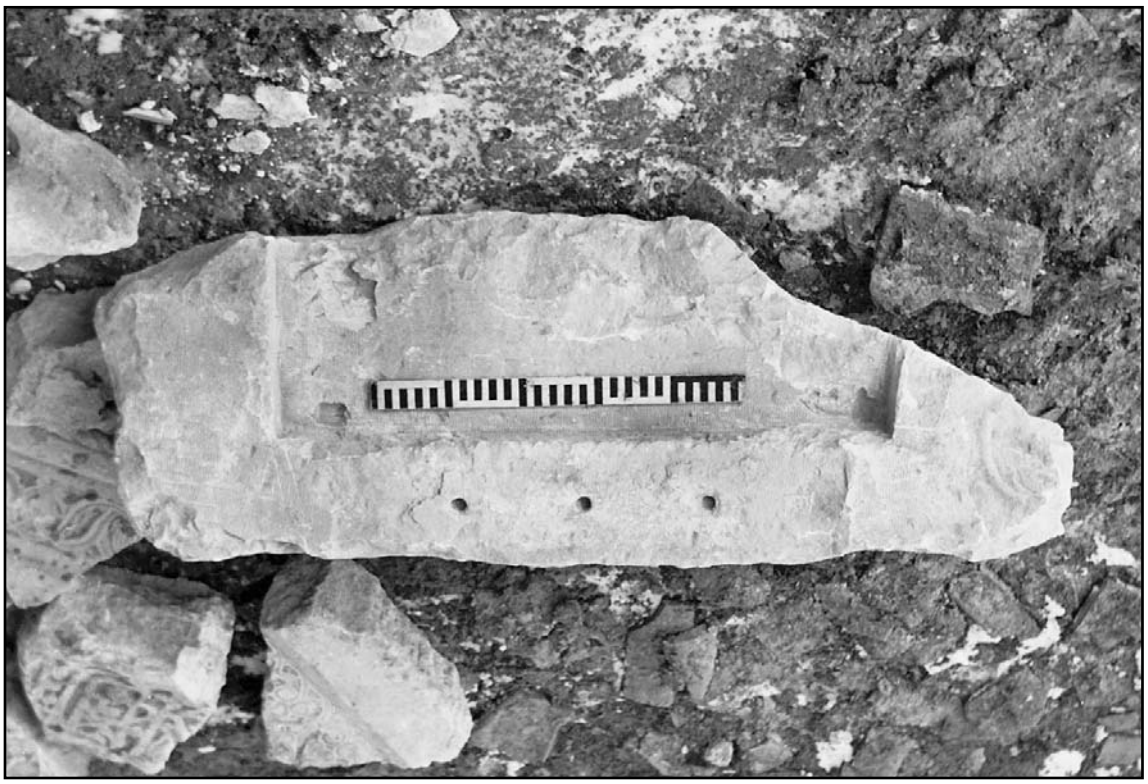


Рис. 44. Нижняя плита облицовки оконного проема. Вид сверху. Фото автора. 1985 г.

Fig. 44. Lower slab of the stone lining of the window's aperture. View from above. Photo by the author. 1985.

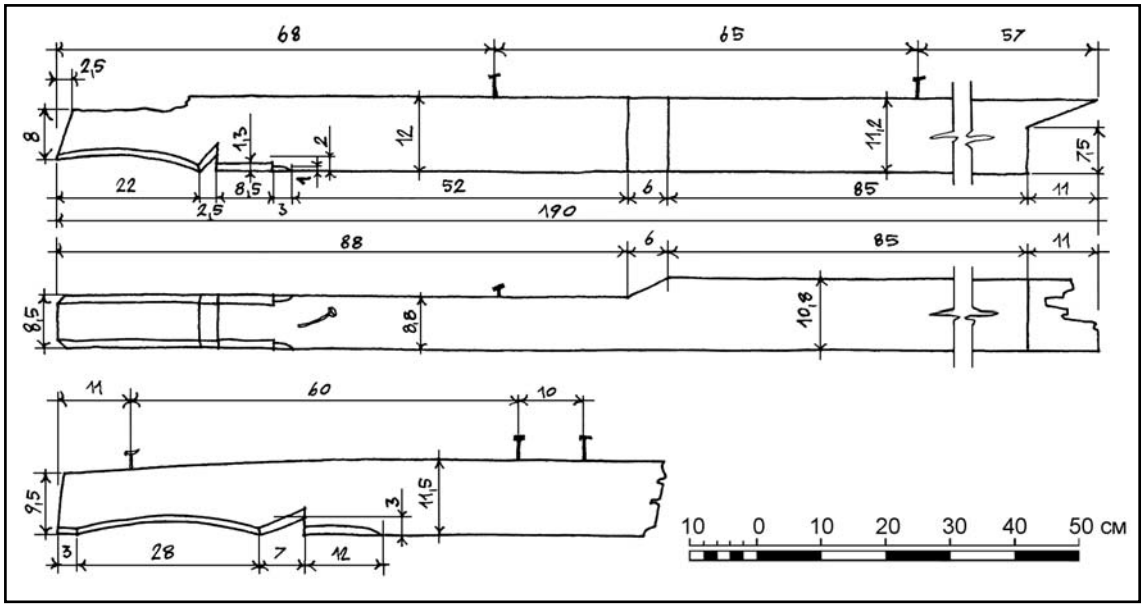


Рис. 45. Кобылки. Обмер А.Н. Потика. 1985 г. (по Кирилко 1985: 34).

Fig. 45 Kobylki. Survey by A.N. Potika. 1985 (after Кирилко 1985: 34).

на новом месте, пришлось проявить немалую смекалку и тактичность, чтобы выполнить эту работу. Недостающая верхняя часть конхи им весьма удачно восполнена арочной нишей. В данном случае налицо один из прекрасных и удачных образцов архитектурной консервации начала XVI в., выполненной на высоком профессиональном уровне, который соотносим с нынешними требованиями методики реставрации.

Кладочный раствор портала визуально почти белого цвета без видимых включений. В изломе однородная равномернозернистая масса с мельчайшими, до 1,5 мм в диаметре, комочками известкового теста. Раствор очень плотный, прочный. Основная масса раствора (85%) известковая. Заполнитель, составляющий 15%, представлен алевритовым материалом, равномерно рассеянным в массе вяжущего. Аллотигенные (обломочные) минералы представлены кварцем, полевыми шпатами, слюдами, карбонатом. Глинисто-карбонатное вяжущее цементирует их в рыхлые округлые комочки размером 0,025—0,1 мм. Изредка в растворе встречаются включения древесного угля (Стриленко, Нестеренко 1985: 18—19, №4438).

Сохранившиеся в нижней части стены северного и южного фасадов были надстроены и получили форму щипцов, закрывающих стропильную конструкцию двускатной крыши. Перекрытие здания, впоследствии, при ремонте в третьем строительном периоде и реставрации 1967 г., было сильно изменено и в настоящее время реконструкции поддается лишь частично. Шаг стропил в среднем составлял 0,75—1,00 м. Кровля выполнена из обычной желобчатой черепицы по дощатому настилу толщиной 3,5—4,0 см. Уклон ската — 25°. Свес кровли на восточном и западном фасадах составлял 0,88 м, на южном и северном — около 0,30 м. Кобылки, которые могли принадлежать данной крыше, найдены при разборке поздних ремонтных кладок здания, где они использовались вторично в качестве сантрачных конструкций стен (рис. 45). Их форма характерна для позднесредневекового строительства Крыма, имеет параллели в архитектуре Большой ханской мечети Бахчисарайского дворца. Сохранившиеся элементы перекрытия свидетельствуют о применении дубового бруса сечением 0,15×0,15 (0,17) м.

Отмеченный исследованиями капитальный одновременный ремонт обоих зданий ансамбля, а особенно его высокое качество, свидетельствуют о новом этапе не только в архитектуре, но и в истории средневекового Крыма. Сообщение Эвлии Челеби о помещенном над входом в Улу-джами тарихе с именем хана Узбека, соборном статусе мечети и её обновлении в 1512/1513 гг. Менгли-Гиреем позволяет отождествить упомянутые сведения с данными работами. Второй строительный период был наиболее продолжительным и завершился в XVIII в. — сначала здание было покинуто, а позднее вновь

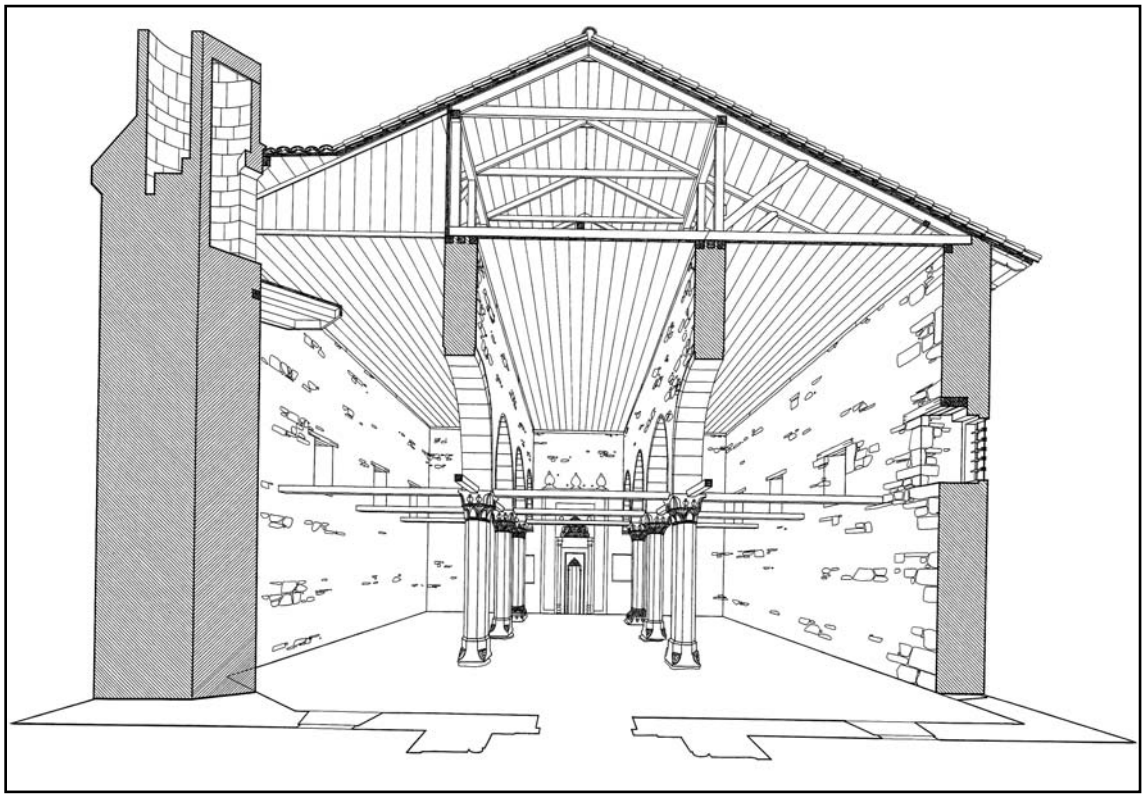


Рис. 46. Реконструкция внутреннего пространства мечети второго строительного периода. Чертёж автора.

Fig. 46. Reconstruction of the inner space of the mosque. Second construction period. Drawing by the author.

произошло обрушение его боковых стен. На акварелях М. М. Иванова, выполненных в 1783 г., минарет мечети изображен уже без кровли. На литографии М. Б. Вебеля, датируемой концом 1840-х гг., видно, что окна заложены, западная стена и крыша ещё целы, но само строение доступно всем любопытным.

Восстановление здания приходится на начало османского периода мусульманской архитектуры Крыма. Несмотря на отдельные характерные черты сельджукского стиля, которые обусловлены, в частности, объёмно-плановой структурой первоначального строения, а также использованием архитектурных сполий (михраб, портал, опоры аркады) из более ранних золотоордынских построек города, мечеть в целом и некоторых деталях (арка портала, минарет) уже демонстрирует влияние новых архитектурных тенденций, хотя и представленных в несколько адаптированном виде (рис. 46).

Ближайшими аналогиями данному строению, практически полностью изменившему после ремонта свой первоначальный вид, являются две мечети — солхатская и киркерская.

Первая постройка безымянная, условно соотносится с деятельностью египетского султана Бейбарса. Она расположена почти рядом — на расстоянии всего 80—100 м к северо-востоку от медресе. По данным стратиграфии дата мечети определена концом XIII — началом XIV вв. (Крамаровский 1980: 265—266), но по нумизматическому материалу мечеть датируется началом правления Тохтамыша (1376—1395) и отнесена к 1382—1385 гг. (Крамаровский 2005: 116). Размеры здания — 17,20 × 13,00 м. Его несколько трапециевидная с уступом форма плана обусловлена сложившейся к тому времени застройкой участка. М. Г. Крамаровским в ходе археологического исследования здания были выявлены отпечатки баз опор на поверхности фундаментов, что позволило ему определить шаг колоннады — 4,10 м и ширину крайних пролётов (?) аркады: северных — 4,20 м, южных — 3,70 м (Крамаровский 1987: 132)[13]. Для сравнения:

[13] Не совсем понятно, что имеет в виду исследователь, используя термин «ширина аркады» — пролёт арки или расстояние от стены до колонны (оси опоры). Ещё большую путаницу создала Э. Д. Зиливинская, которая, привлекая в своей работе данные полных научных отчётов М. Г. Крамаровского о раскопках объекта, те же размеры в характеристике мечети интерпретирует совершенно иначе: «Она представляла собой

те же размеры подобной аркады, появившейся после ремонта, в «мечети Узбека» равны, соответственно, 3,93—4,28 м, 3,72 м, 3,74 м, а значит, речь может идти о вторичном использовании лишь отдельных архитектурных деталей, происходивших из соседней руины — преимущественно, штучных изделий: баз, колонн и капителей. Кстати, кронштейны крайних арок обоих зданий, один из которых в т. н. мечети Бейбарса представлен *in situ*, между собой различаются профилировкой. Вероятнее всего, строений-доноров было несколько.

Второе, киркерское, сооружение также базиличного типа находится на Чуфут-Кале, сохранилось в сильно повреждённом виде. По свидетельству Эвлии Челеби, постройка представляла собой «соборную мечеть старинной архитектуры», которая, судя по тариху над входом, была построена в 859 г. х. (= 1454/55 гг.) Гази эль-Хаджи Герай-ханом (Книга путешествия 1999: 37)[14]. От «мечети Узбека» она отличалась расположением минарета (в северо-западном углу), устройством входа (сбоку), количеством опор (две пары) и меньшими размерами (внешние — 13,80 × 10,65 м, внутренние — 12,00 × 8,85 м, толщина стен — 0,65 м). По мнению О. Акчокраклы, мечеть не один раз перестраивалась и, судя по вторично использованному в кладке фрагменту надписи с датой 746 г. х. (= 1346 г.), могла быть возведена во время правления золотоордынского хана Джанибека I (1341—1357) (Акчокраклы 1928: 168). На северной стене здания сохранились кронштейны и пяточные камни арок с гнёздами для деревянных связей. А. Л. Бертье-Делагард сообщает также о двух рядах колонн внутри строения, имевших сталактитовые капители (Бертье-Делагард 1920: 112). О. Акчокраклы высказал предположение, согласно которому данное строение, возможно, было перекрыто куполом (Акчокраклы 1928: 168). У. А. Боданинский и Б. Н. Засыпкин предполагают, что в качестве опор вторично использовались впоследствии утраченные византийские мраморные колонны с перелицованными импостными капителями, а само строение могло завершаться куполом (Боданинский, Засыпкин 1929: 172—176). А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев считают, что мечеть представляла собой «величественное купольное здание», хотя упоминаемое ими при этом деление колоннадами внутреннего пространства на три пролёта, бесспорно, противоречит подобному конструктивному решению (Герцен, Могаричев 1993: 72—73). На мой взгляд, найденный при раскопках замковый камень от сферического перекрытия ещё не дает основания для вывода о завершении строения куполом, поскольку он, как и многие другие архитектурные детали здания, вероятнее всего, был применён вторично исключительно в качестве обычного кладочного материала. Данная постройка типологически и стилистически является самой близкой и относительно синхронной аналогией «мечети Узбека», наиболее показательны подобие их архитектоники и активное использование сполий.

Третий строительный период

На рубеже XIX—XX вв. здание мечети вновь отстраивается[15]. Сначала была восста-

трехнефную базилику длиной 7,7 м и шириной 3,7 м в михрабной части и 4,2 м у портальной стены» (Зиливинская 1998: 28).

[14] Обломок камня с фрагментом, вероятнее всего, именно этой надписи был найден близ мечети в 1928 г. Первыми исследователями он предположительно соотнесен с медресе, о котором упоминает историк крымских ханов Халим-Гирей в своём труде «Гюльбани ханан» (Акчокраклы 1928: 166). По мнению А. Г. Герцена и Ю. М. Могаричева, данная находка свидетельствует о том, что реконструкция мечети была осуществлена Хаджи-Гиреем, придавшим ей «соответствующее столичному городу великолепие» (Герцен, Могаричев 1993: 72). Более того, по утверждению одного из них, мечеть в это время «расширяется» (?) (Могаричев 2005: 255).

[15] О плохом состоянии мечети и каком-то её ремонте двухлетней давности сообщает В. Д. Смирнов, посетивший Крым летом 1886 г. (см.: Смирнов 1887: 280). На фотографии (рис. 7), выполненной И. Ф. Барщевским в 1888—1889 (?) гг., восточная стена мечети запечатлена с пальцами подмостей, а минарет строения — с шерфе (Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева, Москва. Фототека. №МРА-1620). Аналогично здание выглядит ещё на нескольких фотоснимках того же времени (рис. 4, 5, 9), сохранившихся в архиве А. Л. Бертье-Делагарда (Сидоренко 1978: рис. 3, 3а, 3б). В начале 1902 г. Таврическая Ученая Архивная комиссия сообщает: «На известной мечети Узбека, построенной в 1314 г., сделана деревянная крыша, что предохранит это здание на некоторое время от гибели» (Протоколы 1902: 47). Осенью 1903 г. она отмечает, что в распоряжение Таврического губернатора, по сношению с Министерством финансов, отпущена сумма в размере 780 руб. 65 коп, предназначавшаяся на расходы по поддержанию двух древних строений Старого Крыма — греческой церкви св. Иоанна Богослова (предположительно, храма на территории бывшего табачного склада по ул. П. Осипенко, 2) и мечети Узбека (Протоколы 1903: 55—56). На фотографиях 1925 г. (рис. 6) взамен утраченного каменного шерфе минарета уже появился деревянный балкончик (Бороздин 1926: рис. 9).

новлена восточная стена, со временем, после утраты шерфе минарета, фрагменты которого затем оказались в кладке — западная (рис. 14). Помимо боковых фасадов, ремонт затронул также крышу.

Перепад уровня дневной поверхности внутри и снаружи здания, местами достигавший 1,50 м, сказался на конструктивном решении новых кладок, нижняя часть которых, по сути, представляла собой своего рода облицовку борта строительного котлована (рис. 8; 18).

Боковые стены сложены из необработанного постелистого камня с вторичным использованием в качестве рядового кладочного материала многочисленных фрагментов портала медресе, минарета из этой же мечети (рис. 28), различных архитектурных деталей и надгробий.

Наиболее известной сполией, которая была получена во время ремонтно-реставрационных работ при разборке поздних наслоений памятника, безусловно, является замковый камень с резной двустрочной надписью «Ахуд ибн Осман аль-Ирбили» (чтение А. А. Иванова) на лицевой стороне. Он был найден в кладке западной стены мечети, соотносимой с третьим строительным периодом здания. Настоящее уточнение необходимо, поскольку в публикациях последнего времени место обнаружения данной архитектурной детали обычно указывается произвольно, но непременно в одном контексте с расположенным по соседству мавзолеем: «**у развалин** мавзолея XV в.» (Крамаровский 1989: 150), «мавзолей… датирован концом XV — нач. XVI вв. и, судя по надписи на замковом камне, найденном, к сожалению, **вне слоя**, возможно, построен Махмудом ибн Османом аль-Ирбили» (Крамаровский 1991: 125), она представлена в совокупности с другими артефактами из раскопок дюрбе в 1985 г. — «Обращает на себя внимание находка замкового камня из арочной конструкции (вероятно, принадлежащей портальной части мавзолея)» (Крамаровский 1995: 30)[16], «имя строителя сохранилось на замковом камне, найденном **в слое разрушения** мавзолея XV в.» (Крамаровский 1997: 104), «замковый камень с именем Махмуда ибн Османа аль-Ирбили найден нами при исследовании мавзолея **в слое разрушения XV в.**» (Крамаровский 2005: 115, 207, кат. 211)[17].

Кладка стен велась на растворе зеленовато-серого цвета с известковым вяжущим. В качестве заполнителя применен суглинок в количестве 80%. Раствор рыхлый, легко растирается пальцами (Стриленко, Нестеренко 1985: 17, №4443).

Новая кладка усилена многоярусным деревянным каркасом в виде отдельных горизонтальных решёток. Продольные элементы конструкции располагались заподлицо с поверхностью стен. Между собой они были соединены поперечными связями, которые, в свою очередь, выступали наружу и во время строительства поддерживали подмости (рис. 5, 7). Шаг перемычек — около 1,50 м. Каждая из кладок имела по четыре яруса таких решёток. Расстояние между ними колеблется от 0,80 до 1,75 м. В качестве сантрачных балок вторично использованы отдельные детали конструкции крыши предшествующего строительного периода (рис. 45).

С востока мечеть теперь освещалась уже пятью окнами. Они размещены между деревянными поясами кладки на двух уровнях — в 1,25 м (два) и 3,80 м (три) от пола. Мощное скопление грунта с противоположной стороны здания позволило выполнить всего один ряд окон на высоте 1,50 м, снаружи находившихся почти у самой земли. Западная стена первоначально имела два окна, которые располагались симметрично проёмам нижнего яруса восточного фасада. Позднее рядом с ними, в северной части строения, появилось еще одно световое отверстие.

Окна боковых фасадов однотипные, прямоугольной формы. В плане они трапециевидные без четвертей, перекрывались сплошным накатом из брусьев. Внешние размеры окон: нижнего яруса — 0,80—0,90×1,20—1,30 м, верхнего — 0,82—0,87×0,86—0,94 м. С вну-

[16] Подобное предположение о происхождении детали имеется ещё в одной публикации того же автора, сам мавзолей при этом датируется монетами Баязида I и Тохтамыша временем начала XV в. (Крамаровский 1994: 164—165). Неоднократно предпринимаемые М. Г. Крамаровским попытки объединить данную находку с мавзолеем, несмотря на заманчивость идеи, не бесспорны, поскольку, по его же собственному мнению, дюрбе упрощенно повторяет структуру среднеазиатских позднесредневековых усыпальниц, тогда как форма замкового камня с профилировкой боковых поверхностей является характерной для малоазийской архитектурной традиции.

[17] Сама же деталь при этом датирована XIV в. Исказив сведения о месте обнаружения артефакта, М. Г. Крамаровский, по сути, устранил предпосылки для какой-либо иной интерпретации находки, кроме одной-единственной — своей собственной, причём отнюдь не бесспорной. Судя по форме и каталожным размерам замкового камня, реконструируемый пролёт арки составлял всего 46,0—48,0 см. Следовательно, данное изделие могло принадлежать либо световому проёму (например, окну в портале), либо входу в минарет.

тренней стороны проемы увеличиваются, соответственно, до 1,05—1,30×1,20—1,30 м и 1,21×1,86—0,94 м. Существующая разница в их размерах вызвана кривизной сантрачных балок. Снаружи, заподлицо с поверхностью стены, отверстия проёмов закрыты деревянными решётками из вертикальных квадратных стержней толщиной 4,50 см в обвязке из бруса сечением 0,12×0,13 м. Материал — дуб.

После возведения стен и обрезки пальцев строительных площадок фасадная поверхность кладки была затёрта известково-песчаным раствором с повышенным содержанием ракушечного песка (рис. 6; 10). Внутри здания выполнена обмазка стен глиной с добавлением рубленой соломы и побелка.

Подводя итоги рассмотрению строительной истории т.н. мечети Узбека, необходимо отметить, что научные материалы, полученные в ходе ремонтно-реставрационных работ, — лишь малая толика той информации, которую способен дать этот неординарный памятник, к сожалению, в очередной раз оставшийся недоисследованным. Отчасти поэтому данная периодизация объекта, представляя собой не что иное, как попытку приблизиться к пониманию его архитектоники, содержит многочисленные лакуны и охватывает только основные изменения в структуре здания.

Вопрос локализации строения-донора, портал которого дал имя новому сооружению, пока остается открытым. Все остальные сполии могли быть получены при разборке как этого же, так и любого другого здания Солхата. Руин, где обычно добывались архитектурные детали для вторичного использования, в прежней столице, славившейся своим великолепием и богатством, надо полагать, было предостаточно. По крайней мере, спустя полтора века Эвлия Челеби, пусть и с некоторым преувеличением, сообщает: «Теперь в этом городе развалин стоят многие сотни разрушенных мечетей», отмечая при этом, что только пять культовых построек (две — соборные, остальные — квартальные) он застал действующими (Книга путешествия 1999: 82, 84). На плане 1783 г. И. Лютовым обозначено шесть мечетей, в настоящее время известны остатки всего трёх сооружений (Крамаровский 1989: 148). Ни одно из них, в том числе и базиликальное строение по ул. Красноармейской, пока не может быть убедительно отождествлено с первоначальной мечетью Узбека.

Приложение 1.
Микрохимическое исследование образцов (раскраски михраба), отобранных в памятнике архитектуры — мечети Узбека в Старом Крыму

№ п/п	Лаб. №	Место отбора образца	Характеристика образца	Результаты анализа
1	525ж (1)	Малая колонна, левая капитель	Слой настенной живописи	Масляный слой охры желтой, пропитанный поливинилацетатной эмульсией. Поверх — остатки потали и окислы меди.
2	525ж (2)	Надпись	—	Клеевой слой, содержащий смесь гипса с мелом. Поверх — слой сурика свинцового на эмульсионном связующем. Затем — местами эмульсионный слой киновари, разбеленной свинцовыми белилами, и слой позолоты. Поверх — почерневший клеевой слой, содержащий смесь сурика свинцового и киновари. Затем — слой позолоты, слой животного клея и слой свинцовых белил на клеевом связующем. Затем — остатки масляного красочного слоя с красным органическим пигментом.
3	525ж (3)	Сталактиты большой ниши. 4-й ряд	—	Известково-гипсовый слой неравномерной толщины 0,5—1,0 см с животным клеем. Поверх — слой животного клея с добавлением частиц охры желтой. Затем — эмульсионный красочный слой, содержащий свинцовые белила с добавлением синего пигмента. Поверх — масляный красочный слой, содержащий цинковые белила, свинцовый сурик и охру красную. Затем — слой растительного клея, закопченный на поверхности.

№ п/п	Лаб. №	Место отбора образца	Характеристика образца	Результаты анализа
4	525ж (4)	Сталактиты большой ниши. 2-й ряд	—	Слой клее-мелового грунта. Поверх — слой, содержащий тонкомолотый сланец и ляпис-лазурь на клеевом связующем. Затем — эмульсионный слой, содержащий охру желтую с добавлением синего пигмента. Поверх — масляный красочный слой, содержащий свинцовые белила с добавлением синего пигмента (медный). Затем — масляный слой, содержащий цинковые белила, свинцовый сурик и охру красную. Слой смоляного лака.
5	525ж (5)	Фон	—	Следы клее-мелового грунта и фиолетового красочного слоя. Поверх — клеевой красочный слой, содержащий разбеленную ярь-медянку. Затем — клеевой красочный слой, содержащий смесь кристаллов азурита и ярь-медянки. Поверх — клеевой красочный слой, содержащий тонкомолотый слюдистый сланец и ляпис-лазурь. Затем — затирка из глины. Поверх — эмульсионный слой, содержащий смесь гипса и свинцовых белил. Затем — тонкий эмульсионный слой, содержащий цинковые белила.
6	525ж (6)	Орнамент	—	Клее-меловой грунт (местами в 2 слоя). Поверх — тонкий слой охры на эмульсионном связующем. Затем — слой, содержащий смесь гипса со свинцовыми белилами на эмульсионном связующем. Поверх — зеленый масляный красочный слой, содержащий берлинскую лазурь, свинцовую желтую и цинковые белила.
7	525ж (7)	Колонны	—	Клее-меловой грунт, неравномерный по толщине. Поверх — слой ярь-медянки, разбеленной свинцовыми белилами, на клеевом связующем. Затем, местами, слой киновари на клеевом связующем. Поверх — слой грунта, содержащего смесь сурика свинцового, свинцовых белил и частиц азурита, на эмульсионном связующем. Поверх — слой позолоты. Затем — масляный красочный слой, содержащий смесь берлинской лазури, свинцовой желтой и цинковых белил.
8	551ж (11)	Буквы надписи на рамке михраба	—	По камню — масляный слой сурика свинцового. Поверх — масляный слой, содержащий сурик свинцовый, свинцовые белила и частицы ярь-медянки. Затем — слой позолоты. Местами позолоты на свинцовом сурике два слоя. Затем — масляный слой свинцовых белил и остатки бронзового порошка. Поверх — слой масляного лака, окрашенного органическим пигментом в красный цвет.
9	551ж (12)	Рамка внешнего обрамления михраба	—	Следы грунта (или камня). Поверх — следы слоя, содержащего киноварь. Поверх — остатки 2 слоёв грунта (клеевого и эмульсионного) и следы красочного слоя, содержащего органический пигмент красного цвета (почерневший местами). Затем — слой ляпис-лазури на клеевом связующем. Поверх — масляный слой, содержащий сурик свинцовый, свинцовые белила и вкрапления ярь-медянки. Затем — слой позолоты. Поверх — эмульсионный грунт с мелом. Затем — мастичный красочный слой, содержащий смесь свинцовых и цинковых белил с добавлением ультрамарина.
10	551ж (13)	Фон надписи над нишей михраба	—	Остатки слоев эмульсионного грунта, 3 масляных красочных слоя. Пигменты: сурик свинцовый, киноварь, органический красный пигмент. Затем — глиняная затирка, местами тонкий слой охры желтой на масляном связующем. Поверх — толстый эмульсионный слой, содержащий смесь свинцовых и цинковых белил.

№ п/п	Лаб. №	Место отбора образца	Характеристика образца	Результаты анализа
11	551ж (14)	Орнамент над нишей михраба	—	Слой свинцовых белил на клеевом связующем. Затем — местами глиняная затирка. Поверх — тонкий слой охры на масляном связующем. Затем — эмульсионный слой, содержащий смесь свинцовых и цинковых белил. Поверх — тонкий масляный слой, содержащий свинцовые белила и частицы синего (местами зеленого пигмента). Затем — местами тонкий масляный слой киновари.
12	551ж (15)	Фон орнамента над нишей михраба	—	Идентична 551ж (13)
13	551ж (16)	Орнамент в круге	—	По камню — остатки охры желтой. Затем — слой смеси свинцовых и цинковых белил на эмульсионном связующем. Поверх — 3 тонких масляных слоя. Пигменты: сурик свинцовый, охра красная, сурик свинцовый.
14	551ж (17)	Сталактит большой ниши	—	Следы киновари. Затем — слой клее-мелового грунта и остатки ляпис-лазури. Поверх — тонкая глиняная затирка. Затем масляный красочный слой, содержащий органический красный пигмент. Поверх — масляный красочный слой, содержащий смесь цинковых и свинцовых белил с ультрамарином.
15	551ж (18)	Сталактит большой ниши	—	Слой клее-мелового грунта. Поверх — слой ляпис-лазури на клеевом связующем. Затем — масляный красочный слой, содержащий смесь свинцовых и цинковых белил с добавлением ультрамарина. Поверх — местами — красно-охристый масляный слой.
16	551ж (19)	Буква надписи в нише	—	На загрязненной поверхности камня — следы красного красочного слоя, с киноварью, остатки слоя с ярь-медянкой, с ляпис-лазурью, слой сурика свинцового на масляном связующем и позолота. Поверх — слой охры красной на масляном связующем и слой позолоты. Затем — масляный красочный слой, содержащий смесь свинцовых и цинковых белил с добавлением синего пигмента.
17	551ж (20)	Фон надписи в нише	—	Идентична 551ж (19).
18	551ж (21)	Большая капитель справа	—	По камню — слой сурика свинцового на масляном связующем и слой позолоты. Затем — слой азурита разбеленного свинцовыми белилами на клеевом связующем. Поверх — слой масляного лака, окрашенного красным органическим пигментом и слой позолоты. Затем — эмульсионный толстый слой, содержащий сурик свинцовый, свинцовые белила и частицы ярь-медянки. Поверх — позолота (местами).
19	551ж (22)	Полоска между большой колонной и надписью	—	Остатки слоев с киноварью, ярь-медянкой, свинцовыми белилами. Поверх — слой эмульсионно-мелового грунта. Затем — голубой, масляный красочный слой, содержащий смесь свинцовых и цинковых белил с добавлением ультрамарина.
20	551ж (23)	Полоска вокруг малой ниши	—	На загрязненной поверхности камня — следы желтого пигмента и остатки масляного голубого красочного слоя, содержащего смесь свинцовых и цинковых белил, и масляный слой без пигмента.
21	551ж (24)	Откос полоски вокруг малой ниши	—	По корродированной поверхности камня — остатки масляного голубого красочного слоя, содержащего смесь свинцовых и цинковых белил с добавлением ультрамарина. Затем — остатки красно-охристого масляного слоя.

№ п/п	Лаб. №	Место отбора образца	Характеристика образца	Результаты анализа
22	551ж (25)	Сталактиты малой михрабной ниши	—	По камню — остатки красочного слоя с киноварью, клее-мелового грунта, желто-охристого красочного слоя. Затем — 2 голубых масляных красочных слоя, содержащих смесь свинцовых и цинковых белил с добавлением ультрамарина (засульфатизирован на поверхности).
23	551ж (26)	Сталактиты малой михрабной ниши	—	Местами по камню — красно-охристый слой на масляном связующем. Местами — остатки красочных слоев с киноварью, ярь-медянкой, суриком свинцовым и позолотой.
24	551ж (27)	Сталакти-ты малой михрабной ниши	—	Идентична 551ж (24).
25	551ж (28)	Колонки малой михрабной ниши	—	Поверхность камня засиликатизирована.

28 сентября 1989 г.— 14 сентября 1990 г.
Главный специалист НРТО института «Укрпроектреставрация» — Н. Борисова.
Инженер-химик — В. Терпило.

Литература

Айбабин А. И. 2003. Города и степи Крыма в XIII—XIV вв. по археологическим свидетельствам. *МАИЭТ* X, 277—306.

Айбабина Е. А. 2001. *Декоративная каменная резьба Каффы XIV—XVIII вв.* Симферополь: Сонат.

Акчокраклы О. 1927. Старокрымские и отузские надписи XIII—XV вв. *ИТОИАЭ* 1. Симферополь, 5—18.

Акчокраклы О. 1928. Новое из истории Чуфут-Кале. *ИТОАИЭ* 2, 158—172.

Артеменко А. А. 1985. Крымская область. В: Игнаткин И. А. (отв. ред.). *Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР.* Т. 2. Киев: Будівельник, 261—333.

Асеев Ю. С., Лебедев Г. А. 1961. *Архитектура Крыма*. Киев: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре УССР.

Башкиров А. С. 1926. Сельджукизм в древнем татарском искусстве. *Крым* (2). Москва, 108—125.

Башкиров А. С. 1927. Художественные памятники Солхата. *Крым* (1). Москва, 122—144.

Бертье-Делагард А. Л. 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Таврида. *ИТУАК* 57, 1—135.

Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. 1929. Чуфут-Кале (По материалам раскопок 1928—29 гг.). *ИТОИАЭ* 3, 170—178.

Бородина И. Ф. 1969. Архитектура Турции XII—XIX вв. В: Яралов Ю. С. (отв. ред.). *Всеобщая история архитектуры.* Т. 8. Москва: Издательство литературы по строительству, 427—476.

Бороздин И. Н. 1926. *Солхат (Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР в 1925 г.)*. Отдельный оттиск. Москва: Издание Научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР.

Бороздин И. Н. 1927. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму (Работы археологической экспедиции 1926 года). *Новый Восток* 16—17. Москва, 256—274.

Волков И. В. 1990. Гостевая церковь — мечеть Баезида Вели в Азове. В: Максименко В. Е. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону* 9. Азов: Азовский краеведческий музей, 136—150.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 1993. *Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале*. Симферополь: Таврия.

Голландский П. И. 1926. Медресе и мечеть Абду-ль-Азиса в Солхате. В: *Бюллетень №2 Конференции археологов в Керчи, 6 сент. 1926 г. Секция Тюрско-татарской археологии.* Керчь, 3—4.

Голландский П. И. 1925. *Солхатские медресе и мечеть Абду-ль-Азиза и особенности их архитектурных форм и техники*. НА КФ ИА НАНУ.

Гордлевский В. 1941. *Государство Сельджукидов Малой Азии*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Домбровский О. И. 1986. Средневековый Крым X—XV вв. В: Баран В. Д. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР.* Т. 3. Киев: Наукова думка, 518—535.

Домбровский О. И., Сидоренко В. А. 1978. *Солхат и Сурб-Хач*. Симферополь: Таврия.

Засыпкин Б. Н. 1927. Памятники архитектуры крымских татар. *Крым* (2). Москва; Ленинград: Госиздат, 113—168.

Зиливинская Э. Д. 1998. Мечети Золотой Орды (общие принципы планировки). В: Зеленеев Ю. А. (ред.). *Материалы и исследования по археологии Поволжья* 1. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 16—37.

Золотая Орда 2003: *Золотая Орда в источниках*. 2003. Т. I. *Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В. Г. Тизенгаузена.* Москва: Наука.

Зуммер В. М. 1926. Тюрко-татарская секция кон-

ференции археологов в Керчи. *ИАзГУ* 6—7, 247—262.
Кемаль Я. 1927. Надписи на портале «Мечети Узбека» в гор. Старый Крым. *ИТОИАЭ* 1, 202—205.
Килессо С. К. 1983. *Архитектура Крыма*. Киев: Будівельник.
Кирилко В. П. 1985. Отчёт о натурном исследовании памятника архитектуры XVI в. т. н. мечети Узбека в г. Старый Крым. В: Кирилко В. П. (авт. проекта). *Памятник архитектуры XIV—XVI веков «Медресе-мечеть Узбека в г. Старый Крым». Проект ремонтно-реставрационных работ*. Т. II. Кн. 6. Ч. 1. Архив Крымской КАРМ «Укрпроектреставрация». Симферополь. №2/4.
Кирилко В. П. 1991. К вопросу о времени строительства так называемой мечети Узбека в г. Старом Крыму. В: Миронец Л. Н. (ред.). *Проблемы истории Крыма* 2. Тезисы докладов науч. конф., 23—28 сентября. Симферополь: Редотдел Крымского управления по печати, 32—34.
Кирилко В. П. 2001. Архітектура, мозаїки та монументальний живопис. В: Толочко П. П. (ред.). *Історія української культури*. Т. 1. *Історія культури давнього населення України*. Київ: Наукова думка, 1078—1099.
Кирилко В. П. 2005. *Крепостной ансамбль Фуны (1423—1475 гг.)*. Киев: Стилос.
Книга путешествия 1999: *Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666—1667 гг.)*. 1999. Бахревский Е. В. (пер. и комм.). Симферополь: ДАР.
Крамаровский М. Г. 1980. Работы на городище Солхат. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Археологические открытия 1979 года*. Москва: Наука, 290—291.
Крамаровский М. Г. 1981. Работы на городище Солхата. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *АО 1980 года*, 265.
Крамаровский М. Г. 1987. Исследование трех архитектурных объектов на территории средневекового Солхата. В: *Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС*. Всесоюзная научная конференция, Суздаль, 1987: тезисы докл. Москва: Наука, 131—132.
Крамаровский М. Г. 1989. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв. В: Смирнова Г. И. (науч. ред.). *Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. Ленинград: ГЭ, 141—157.
Крамаровский М. Г. 1990. Солхат и Амасья в XIV в. К итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым). В: *Проблемы истории архитектуры*. Всесоюзная научная конференция. Суздаль. 1991 г.: тезисы докл. Москва, 124—127.
Крамаровский М. Г. 1994. Исследование средневекового Солхата. *АИК 1993 г.*, 163—166.
Крамаровский М. Г. 1995. Мавзолеи и зияреты средневекового Солхата. В: *Византия и Крым. Проблемы городской культуры*. VIII научные Сюзюмовские чтения, 25 августа — 3 сентября 1995 г., Севастополь: тезисы докл. Екатеринбург: УрГу, 28—30.
Крамаровский М. Г. 1997. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы). *Татарская археология* (1). Казань, 101—104.
Крамаровский М. Г. 2005. Золотая Орда как цивилизация. В: Пиотровский М. Б. (общ. ред.). *Золотая Орда. История и культура*. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Славия, 13—172.
Крикун Е. В. 1977. *Архитектурные памятники Крыма*. Симферополь: Таврия.
Крикун Е. В. 1998. *Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII—XX вв.)*. Симферополь: Крымучпедгиз.
Кулаковский Ю. 1914. *Прошлое Тавриды*. Киев: Типолитография «С. В. Кульженко».
Куфтин Б. А. 1925. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова (Материалы и вопросы). *Мемуары Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии* I. Москва, 33—51.
Логвин Г. Н. 1968. Архитектура XIV — первой половины XVI в. В: Максимов П. Н. (отв. ред.). *Всеобщая история архитектуры*. Т. 6. Москва: Издательство литературы по строительству, 339—361.
Мальгина М. Р. 2006. *Виды Крыма первой половины XIX века: Каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея*. Симферополь: Сонат.
Могаричев Ю. М. 2005. Крымская Алания и Чуфут-Кале. *ХСб* XIV, 249—256.
Мурзакевич Н. 1852. Эски-Крымская арабская надпись. *ЗООИД* 2, 529—531.
Никонов А. 1987. В поисках неизвестного землетрясения. *Знание — сила* (10). Москва, 32—39.
Паллас П. С. 1999. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах*. Москва: Наука.
Протоколы 1902: Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной комиссии. Заседание 25 февраля 1902 года. 1902. *ИТУАК* 34, 44—56.
Протоколы 1903: Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии: 5-го сентября 1903 года. *ИТУАК* 35, 55—60.
Рославцева Л. И. 2003. Крымские татары: Культовая и гражданская архитектура. В: Козлов С. Я., Чижова Л. В. (отв. ред.). *Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки*. Москва: Наука, 231—241.
Сапунова М. Ю. 1999. Тектоника в мусульманском зодчестве Крыма. В: Раллев А. Б. (отв. ред.). *Региональные проблемы архитектуры и градостроительства* 1. Одесса: ОГАСА, 116—118.
Саргсян Т., Петросян М. 2008. *Крым: Монастырь Сурб Хач*. Симферополь: Предприятие Феникс.
Сафаргалиев М. Г. 1996. Распад Золотой Орды. В: Муслимов И. Б. (сост.). *На стыке континентов и цивилизаций (Из опыта образования и распада империй X—XVI вв.)*. Москва: Инсан, 277—526.
Северова М. Б. 1990. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам Старокрымской археологической экспедиции). *СГЭ* LIV, 43—46.
Сидоренко В. А. 1978. *Мечеть Узбека и медресе в г. Старый Крым. Историческая справка*. Архив Крымской КАРМ Института «Укрпроектреставрация». Симферополь. №309.
Сидоренко В. А. 1988. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма. В: Бибиков С. Н. (отв. ред.). *ААИК*. Киев: Наукова думка, 115—128.
Смирнов В. Д. 1886. *Описание архитектурных памятников татарского происхождения в Старом Крыму*. АВ СПбФ ИВ. Ф. 50: Смирнов Василий Дмитриевич. 1846—1922. Оп. 1. Д. 22.
Смирнов В. Д. 1887. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. *ЗВОИРАО* 1, 273—302.
Смирнов В. Д. 2005. *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты* I. Москва: Рубежи XXI.

Стриленко Ю. Н., Нестеренко Т. Е. 1985. Заключение по результатам технологического обследования памятника архитектуры XIV в. Мечети Узбека и Медресе в Старом Крыму. В: Кирилко В. П. (авт. проекта). *Памятник архитектуры XIV—XVI веков «Медресе-мечеть Узбека в г. Старый Крым». Проект ремонтно-реставрационных работ.* Т. II. Кн. 6. Ч. 1. Архив Крымской КАРМ «Укрпроектреставрация». Симферополь. №2/4, 15—21.

Сумароков П. 1800. *Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, с историческим и топографическим описанием всех тех мест*. Москва: Университетская типография.

Сющук Ю. Г. 2002. *Історико-теоретичні аспекти типології громадських будівель мусульманської архітектури Криму XIII—XVIII ст*. Автореф. … канд. архітектури. Київ.

Якобсон А. Л. 1964. *Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры*. Москва; Ленинград: Наука.

References

Aibabin, A. I. 2003. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* X, 277—306 (in Russian).

Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy XIV—XVIII vv. (Ornamental Stone Carving of Kaffa in the 14th—18th Centuries)* Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).

Akchokrakly, O. 1927. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 1. Simferopol, 5—18 (in Russian).

Akchokrakly, O. 1928. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 2, 158—172 (in Russian).

Artemenko, A. A. 1985. *Pamiatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoi SSR (Monuments of Town-construction and Architecture from Ukrainian SSR)* 2. Kiev: "Budivel'nyk" Publ., 261—333 (in Russian).

Aseev, Yu. S., Lebedev, G. A. 1961. *Arkhitektura Kryma (Architecture of Crimea)*. Kiev: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture USSR" Publ. (in Russian).

Bashkirov, A. S. 1926. In *Krym (Crimea)* (2). Moscow, 108—125 (in Russian).

Bashkirov, A. S. 1927. In *Krym (Crimea)* (1). Moscow, 122—144 (in Russian).

Bertier de la Garde, A. L. 1920. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 57, 1—135 (in Russian).

Bodaninsky, U. A., Zasypkin, B. N. 1929. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 3, 170—178 (in Russian).

Borodina, I. F. 1969. In *Vseobshchaia istoriia arkhitektury (General History of Architecture)* Vol. 8. Moscow: "Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu" Publ., 427—476 (in Russian).

Borozdin, I. N. 1926. *Solkhat (Predvaritel'nyi otchet o rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii Krymsovnarkoma, Krymtsika i Nauchnoi Assotsiatsii Vostokovedeniia Soiuza SSR v 1925 g.) (Solkhat (Preliminary Report on the Works of the Archaeological Expedition of Krymsovnarkom, Krymtsik and Scientific Association of Oriental Studies in 1925))*. Moscow: USSR Central Executive Committee, Scientific Association for the Oriental Studies (in Russian).

Borozdin, I. N. 1927. In *Novyi Vostok (New Orient)* 16—17. Moscow, 256—274 (in Russian).

Volkov, I. V. 1990. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Regions)* 9. Azov: Azov Museum of Local Lore, 136—150 (in Russian).

Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 1993. *Krepost' dragotsennostei. Kyrk-or. Chufut-kale (Treasure Fortress. Kyrk-Or. Chufut-Kale)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).

Gollandsky, P. I. 1926. In *Biulleten' №2 Konferentsii arkheologov v Kerchi, 6 sent. 1926 g. Sektsiia Tiursko-tatarskoi arkheologii (Bulletin no. 2 of the Conference of Archaeologists in Kerch, Septermber 6, 1926. Section of Turk and Tatar Archaeology)*. Kerch, 3—4 (in Russian).

Gollandsky, P. I. 1925. *Solkhatskie medrese i mechet' Abdu-l'-Aziza i osobennosti ikh arkhitekturnykh form i tekhniki (Solkhat Madrasahs and Abdu-l-Asis Mosque: Peculiarities of Architectural Forms and Technique)*. Scientific Archive of Crimea Branch of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Gordlevsky, V. 1941. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov Maloi Azii (Seljuk State in Asia Minor)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR (in Russian).

Dombrovsky, O. I. 1986. In *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 3. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 518—535 (in Russian).

Dombrovsky, O. I., Sidorenko, V. A. 1978. *Solkhat i Surb-Khach (Solkhat and Surb-Khach)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).

Zasypkin, B. N. 1927. In *Krym (Crimea)* (2). Moscow; Leningrad: "Gosizdat" Publ., 113—168 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 1998. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Researches on the Archaeology of the Volga Region)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University, 16—37 (in Russian).

Zolotaia Orda v istochnikakh (Golden Horde in sources). 2003. Vol. I. *Arabskie i persidskie sochineniia. Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy, v perevodakh V. G. Tizengauzena (Arab and Persian Writings. Compilation of Materials, Referring to the History of Golden Horde Translated by V. G. Tiesenhausen)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zummer, V. M. 1926. In *Izvestiia Azerbaidzhanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Lenina (Reports of the "V. Lenin" Azerbaijan State University)* 6—7, 247—262 (in Russian).

Kemal, Ya. 1927. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 1, 202—205 (in Russian).

Kilesso, S. K. 1983. *Arkhitektura Kryma (Architecture of Crimea)*. Kiev: "Budivel'nyk" Publ. (in Russian).

Kirilko, V. P. 1985. In *Pamiatnik arkhitektury XIV—XVI vekov «Medrese-mechet' Uzbeka v g. Staryi Krym». Proekt remontno-restavratsionnykh rabot (Architecture Monument of 14th—16th Centuries "Madrasah-mosque of Uzbek in the City of Stary Krym". Project of Reparation and Restoration Works)*. Vol. II. Book 6. Part 1. Arkhiv Krymskoi kompleksnoi arkhitekturno-restavratsionnoi masterskoi «Ukrproektrestavratsiia» (Archive of Crimean complex architectural and restoration workshop "Ukrproektrestavratsia"). Simferopol. №2/4 (in Russian).

Kirilko, V. P. 1991. In *Problemy istorii Kryma (Problems of History of Crimea)* 2. Simferopol: "Redotdel Krymskogo upravleniia po pechati" Publ., 32—34 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2001. In *Istoriya ukraïns'koï kul'tury (History of Ukrainian Culture)* 1. *Istoriya kul'tury davn'oho naselennya Ukraïny (History of Culture of Ancient Population of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 1078—1099 (in Ukrainian).

Kirilko, V. P. 2005. *Krepostnoi ansambl' Funy (1423—1475 gg.) (Fortress Ensemble of Funa (1423—1475))*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).

Kniga puteshestviia. Turetskii avtor Evliia Chelebi o Kryme (1666—1667 gg.) (The Book of Travels. Turkish Writer Evliya Çelebi on Crimea (1666—1667)). 1999. Simferopol: "DAR" Publ. (in Russian).

Kramarovsky, M. G. 1980. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1979 goda (Archaeological Discoveries in 1979)*. Moscow: "Nauka" Publ., 290—291 (in Russian).

Kramarovsky, M. G. 1981. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1980 goda (Archaeological Discoveries in 1980)*, 265 (in Russian).

Kramarovsky, M. G. 1987. In *Zadachi sovetskoi arkheologii v svete reshenii XXVII s"ezda KPSS (Objectives of Soviet Archaeology in the Light of Decisions of 27th Congress of the Communist Party of the Soviet Union)*. Moscow: "Nauka" Publ., 131—132 (in Russian).

Kramarovsky, M. G. 1989. In *Itogi arkheologicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Results of Archaeological Expeditions of State Hermitage Museum)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 141—157 (in Russian).

Kramarovsky, M. G. 1990. In *Problemy istorii arkhitektury (Problems of History of Architecture)*. Moscow, 124—127 (in Russian).

Kramarovsky, M. G. 1994. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Archaeological Investigations in Crimea) 1993 g*., 163—166 (in Russian).

Kramarovsky, M. G. 1995. In *Vizantiia i Krym. Problemy gorodskoi kul'tury (Byzantine Empire and Crimea. Problems of Urban Culture)*. Yekaterinburg: Ural State University, 28—30 (in Russian).

Kramarovsky, M. G. 1997. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1). Kazan, 101—104 (in Russian).

Kramarovsky, M. G. 2005. In *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura*. Katalog vystavki (*Golden Horde. History and Culture*. Exhibition Catalogue). Saint Petersburg: "Slaviia" Publ., 13—172 (in Russian).

Krikun, E. V. 1977. *Arkhitekturnye pamiatniki Kryma (Architectural Monuments of Crimea)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).

Krikun, E. V. 1998. *Pamiatniki krymskotatarskoi arkhitektury (XIII—XX vv.) (Monuments of Crimean Tatar Architecture (13th—20th Centuries))*. Simferopol: "Krymuchpedgiz" Publ. (in Russian).

Kulakovsky, Yu. 1914. *Proshloe Tavridy (The Past of Taurida)*. Kiev: "S. V. Kulzhenko" Publ. (in Russian).

Kuftin, B. A. 1925. In *Memuary Etnograficheskogo otdela Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii (Memoires of the Ethnographical Department of Society of Amateurs of Natural Sciences, Anthropology and Ethnography)* I. Moscow, 33—51 (in Russian).

Logvin, G. N. 1968. In *Vseobshchaia istoriia arkhitektury (General History of Architecture)*. Vol. 6. Moscow: "Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu" Publ., 339—361 (in Russian).

Mal'gina, M. R. 2006. *Vidy Kryma pervoi poloviny XIX veka: Katalog litografii iz sobraniia Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeia (Images of Crimea of the First Half of 19th Century: Catalogue of Lithographs from the Collection of Crimean Republican Regional Museum)*. Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).

Mogarichev, Yu. M. 2005. In *Khersonesskii sbornik (Chersonessos Compilation)* XIV, 249—256 (in Russian).

Murzakevich, N. 1852. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 2, 529—531 (in Russian).

Nikonov, A. 1987. In *Znanie — sila (Knowledge is Power)* (10). Moscow, 32—39 (in Russian).

Pallas, P. S. 1999. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793—1794 godakh (Observations Made during the Travel through the Southern Viceregencies of Russian State in 1793—1794)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Protokoly zasedanii Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi komissii. Zasedanie 25 fevralia 1902 goda (Proceedings of the sessions of Taurida Academic Archival Commission. Session of February 25, 1902). 1902. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 34, 44—56 (in Russian).

Protokoly zasedanii Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii: 5-go sentiabria 1903 goda (Proceedings of the Sessions of Taurida Academic Archival Commission: September 5, 1903). In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 35, 55—60 (in Russian).

Roslavtseva, L. I. 2003. In *Tiurkskie narody Kryma: Karaimy. Krymskie tatary. Krymchaki (Turkic Peoples of Crimea: Karaites. Crimean Tatars. Krymchaks)*. Moscow: "Nauka" Publ., 231—241 (in Russian).

Sapunova, M. Yu. 1999. In *Regional'nye problemy arkhitektury i gradostroitel'stva (Regional Problems of Architecture and Urban Construction)* 1. Odessa: Odessa State Academy of Civil Engineering and Architecture, 116—118 (in Russian).

Sargsyan, T., Petrosyan, M. 2008. *Krym: Monastyr' Surb Khach (Crimea: Surb Hach Monastery)*. Simferopol: "Predpriiatie Feniks" Publ. (in Russian).

Safargaliev, M. G. 1996. In *Na styke kontinentov i tsivilizatsii (Iz opyta obrazovaniia i raspada imperii X—XVI vv.) (On the Joint of Continents and Civilizations (from experience of formation and fall of empires in 10th—16th cc.))*. Moscow: "Insan" Publ., 277—526 (in Russian).

Severova, M. B. 1990. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* LIV, 43—46 (in Russian).

Sidorenko, V. A. 1978. *Mechet' Uzbeka i medrese v g. Staryi Krym. Istoricheskaia spravka (Uzbek and Mosque and Madrasah in the city of Stary Krym. Historical Note)*. Arkhiv Krymskoi kompleksnoi arkhitekturno-restavratsionnoi masterskoi "Ukrproektrestavratsiia" (Archive of Crimean complex architectural and restoration workshop "Ukrproektrestavratsia"). Simferopol. No. 309 (in Russian).

Sidorenko, V. A. 1988. In *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Architectural and Archaeological Investigations in Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 115—128 (in Russian).

Smirnov, V. D. 1886. *Opisanie arkhitekturnykh pamiatnikov tatarskogo proiskhozhdeniia v Starom Krymu (A Description of Architectural Landmarks of Tartar Origin in the Stary Krym)*. Archive of Orient researchers of the Saint Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Fond 50: Smirnov Vasilii Dmitrievich. 1846—1922. Inv. 1. dossier 22 (in Russian).

Smirnov, V. D. 1887. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society)* 1, 273—302 (in Russian).

Smirnov, V. D. 2005. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty (Crimean Khanate under the Rule of Ottoman Porte)* I. Moscow: "Rubezhi XXI" Publ. (in Russian).

Strilenko, Yu. N., Nesterenko, T. E. 1985. In *Pamiatnik arkhitektury XIV—XVI vekov «Medrese-mechet' Uzbeka v g. Staryi Krym». Proekt remontno-restavratsionnykh rabot (Architecture Monument of 14th—16th Centuries "Madrasah-mosque of Uzbek in the City of Stary Krym". Project of Reparation and Restoration works)*. Vol. II. Book 6. Part 1. Arkhiv Krymskoi kompleksnoi arkhitekturno-restavratsionnoi masterskoi "Ukrproektrestavratsiia" (Archive of Crimean complex architectural and restoration workshop "Ukrproektrestavratsia"). Simferopol. №2/4, 15—21 (in Russian).

Sumarokov, P. 1800. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu, s istoricheskim i topograficheskim opisaniem vsekh tekh mest (Travel through Entire Crimea and Bessarabia in the Year of 1799, With the Historical and Topographical Description of All Those Places)*. Moscow: "Universitetskaia tipografiia" Publ. (in Russian).

Syushchuk, Yu. H. 2002. *Istoryko-teoretychni aspekty typolohiï hromads'kykh budivel' musul'mans'koï arkhitektury Krymu XIII—XVIII st. (Historical and Theoretical Aspects of the Typology of Community Buildings of the Muslim Architecture of Crimea from 13th—18th Centuries)*. Kiev (in Ukrainian).

Jakobson, A. L. 1964. *Srednevekovyi Krym. Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury (Medieval Crimea. Essays on History and History of Material Culture)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Г. С. Богуславский

Gregory Boguslavskiy. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine[1].

Богуславский Григорий Степанович. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: Lluidgat@mail.ru

Address: [1] Pushkinskaya St., 37, Odessa, 65101, Ukraine

Эпоха Улуса Джучи в Северо-Западном Причерноморье и город Акджа Керман

Keywords: North-Western Pontic Area, Jochi's Ulus, Dniester region, Danube region, Bilhorod-Dnistrovskyi, Golden Horde period, urbanization, urban centers.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, Улус Джучи, Поднестровье, Подунавье, Белгород-Днестровский, золотоордынский период, урбанизация, городские центры.

G. S. Boguslavskiy

Jochi's Ulus Time in the North-Western Pontic Area and the City of Akja Kerman

The author examines political, economic and ethno-cultural developments in North-Western Pontic Area after the Mongol conquest and establishment of the Golden Horde (Jochi's Ulus). He specially focuses on issues of urbanization of these territories in the Golden Horde Period, and first of all on the city of Akja Kerman (modern Bilhorod-Dnistrovskyi). It is commonly accepted now that development of urban centers in the North-Western Pontic Area under the Golden Horde started during Nogay's Ulus (1270—1302). It was the time when such forts as Jangi-Shekhr (Old Orhei) and Costesti appeared in the territory between the Prut and the Dniester Rivers, and Chilia and Isaccea in the Danube Region; the first account of Bilhorod dates to the same period (1290). The author reviews documents containing data on political status and economic development of this city, its ethnic and confessional groups under the Golden Horde's rule, and its accession by Moldavia in late 14th c.

Г. С. Богуславский

Эпоха Улуса Джучи в Северо-Западном Причерноморье и город Акджа Керман

В статье рассматриваются политические, экономические и этнокультурные изменения, происходившие в Северо-Западном Причерноморье после монгольского завоевания и образования Золотой Орды (Улуса Джучи). Особое внимание уделяется вопросам урбанизации этих территорий в золотоордынский период, и прежде всего городу Акджа Керман (совр. Белгород-Днестровский). В настоящее время считается, что развитие городских центров Северо-Западного Причерноморья в золотоордынское время начинается в период существования улуса Ногая (1270—1302 гг.). В это время в Пруто-Днестровском междуречье возникают городища Янги-Шехр (Старый Орхей) и Костешть, в Подунавье наблюдается подъем Килии и Исакчи; к нему же относится и первое упоминание Белгорода (1290 г.). Анализируются документы, содержащие данные о политическом статусе и экономическом развитии этого города, этноконфессиональном составе его населения в период золотоордынского господства, и об его переходе под власть Молдавского государства в конце XIV в.

Новый период в истории Северо-Западного Причерноморья, как и всей Великой Евразийской Степи, начался в первой половине XIII в. — на авансцену истории вышло государство Чингиз-хана и его потомков — Великий Монгольский Улус. Империя Чингизидов стала самой территориально и организационно масштабной державой в истории Великой Степи. Она сложилась как этнически объединенное государство монголоязычных кочевников на рубеже XII—XIII вв. Политическое оформление общемонгольской державы имело свое немедленное продолжение в ее активной внешней политике. Как любое крупное государственное образование кочевников, оно было порождено войной и могло существовать только в условиях постоянно продолжающейся войны (Федоров-Давыдов

© Г. С. Богуславский, 2015.

1966: 21)[1]. В его рамках впервые была объединена действительно вся Степь; к тому же был завоеван ряд сопредельных стран, традиционно бывших объектами набегов кочевников, местом их расселения среди оседлых народов, но почти никогда — объектом завоевания степными державами. Под властью отдельных ветвей Чингизидов оказались Китай, Иран и Средняя Азия, частично и Ближний Восток; вассалами самого западного из монгольских улусов, Улуса Джучи (или, по отечественной терминологии, Золотой Орды), стали соседствующие со Степью славянские страны — Русь и Болгария.

После возвращения в 1242 году из второго «великого западного похода» Бату-хан, сын Джучи, установил свою ставку в низовьях Волги и начал политическое оформление своего улуса. Крайние западные области восточноевропейской Степи пока оставались, по-видимому, во владениях прежних хозяев: в 40—50-хх гг. XIII в. на границе Галицкого княжества кочевала половецкая орда хана Тигака, союзника Данила Галицкого (Пашуто 1950: 152—153). Владения кыпчаков Тигака были напрямую подчинены Улусу Джучи либо Куремсе в 1252 г., либо около 1258/1260 гг. Бурундой (Пашуто 1968: 284). Данило вынужден был подчиниться хану, срыв стены своих крепостей; имя хана Тигака исчезает из источников вовсе (Павлов 1995: 122). Отныне весь степной регион современной Украины стал интегрированной частью Улуса Джучи.

До 1270-х гг. золотоордынские ханы практически не обращали внимания на юго-западную границу. Лишь около 1270 г. на западе Золотой Орды образуется новый центр власти, главой которого становится беглярибег Ногай, сын Буфала, бастарда Джучи. Ставкой беглярибега была Сакча (Сакджа, Исакча) на Дунае. Видимо, под его эгидой начинается развитие урбанистических структур в регионе, включая Белгород — Акджа Керман на Днестре (Павлов 1992: 61; Руссев 1999: 90). Несомненно, что организация нового центра власти на крайнем западе Золотой Орды должна была сопровождаться притоком нового населения — людей, на которых эта власть могла опереться. Также неизбежны были и перегруппировки уже обитавшего здесь населения в интересах новых властных структур. Право определять места и маршруты кочевания своих родичей и, тем более, подчиненных племен — таков кочевнический эквивалент феодального права собственности сюзерена (Кляшторный, Савинов 2005: 30—31).

Археологические материалы по истории *кочевников* монгольской эпохи в Северо-Западном Причерноморье представлены единственной категорией памятников — подкурганными погребениями, в большинстве своем одиночными, как основными, так и впускными; также известно два курганных могильника (Добролюбский 1986: 69). Территория распространения этих памятников охватывает степную часть Дунайско-Бугского междуречья, на левом берегу Днестра они концентрируются в районе Тираспольских переправ, в Буджаке тяготеют к поречью Дуная (в том числе к району переправы у Картала — Исакчи) и приморью. Оба известных могильника — Нерушай и Дракуля — расположены в приморской зоне Пруто-Днестровского междуречья (Добролюбский 1986: 26). Топография памятников неизменна: погребения повсеместно тяготеют к пресноводным артериям региона, рекам и озерам, находясь на традиционных маршрутах перекочевок и набегов (Добролюбский 1986: 73—74).

Погребальные памятники кочевого населения Золотой Орды в целом сохраняли тот же этнический характер, что сложился до завоевания. Обряды и наборы вещей, характерные для кыпчакских кочевников XII — начала XIII вв., существуют и в монгольское время: «ряд локальных признаков в половецкой степи, сложившихся до монгольского завоевания, сохраняется и развивается в XIII—XIV вв.» (Федоров-Давыдов 1981: 231). В целом, эпоха Улуса Джучи была выделена Г. А. Федоровым-Давыдовым в качестве особого, IV периода в его общей классификации кочевнических памятников домонгольской и монгольской эпохи (Федоров-Давыдов 1966: 150—162). Пришельцев с востока, собственно монголов и восточных тюрок, было немного. С пришлыми из Сибири людьми и традициями можно связать лишь отдельные элементы погребального обряда; эти черты обычно сочетаются с традиционными формами кыпчакских погребений (Федоров-Давыдов 1981: 231).

В домонгольскую эпоху, по данным погребальных памятников, в Северо-Западном Причерноморье безусловно преобладали кочевники-тюрки огузской группы — пече-

[1] Как подчеркивают исследователи, «…завоевательный импульс (кочевой империи — *Г. Б.*)… направлен на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом… конечный итог предполагает данническую зависимость или какие-либо иные формы политической зависимости» (Кляшторный, Савинов 2005: 9—10).

неги и гузы-торки, лишь с некоторой примесью кыпчаков-половцев. Хорошо заметно смешение этнизирующих признаков в единый многовариантный «огузский погребальный обряд», маркирующий реальное этническое смешение орд (Добролюбский 1986: 57—58). Основную тюркскую этническую группировку региона предмонгольского времени можно назвать «смешанно-огузской» (Добролюбский 1986: 65). Показательно, что обязательный кыпчакский обряд установления каменной статуи на вершине кургана для Северо-Западного Причерноморья не характерен — западная граница распространения «половецких баб» проходит по междуречью Днепра и Ингульца (Плетнева 1981: 257).

В общем, все вышеперечисленные тенденции сохраняются и в эпоху Улуса Джучи. Распределение погребальных памятников середины XIII — XIV вв. показало сохранение традиционных, некогда специфически этнических типов обряда, как печенежского, так и кыпчакского (Добролюбский 1986: 69, 73). Подавляющее большинство остальных типов погребений представлено немногочисленными, нередко единичными комплексами, и в основном они представляют собой дальнейшие модификации и вариации того «смешанного огузского» погребального обряда, сложение которого началось еще в XI в. (Добролюбский 1986: 69, 71).

Вместе с тем, количество вариантов обряда и, соответственно, этническая пестрота кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в эпоху Улуса Джучи заметно нарастает — тенденция, также характерная для всей восточноевропейской Степи в целом (Федоров-Давыдов 1966: 151). В Причерноморье появляется смешанный обряд, характерный для региона Поросья — тот вариант смешанных обычаев и этноса, который сложился среди русских «своих поганых» в т. н. «Черном Клобуке» на юге Киевской земли (Добролюбский 1986: 72). Действительно, после монгольского завоевания бассейн Роси теряет свое полуоседлое тюркское население, а характерный для него погребальный обряд фиксируется не только в Северо-Западном Причерноморье, но и — маркированный заметно бóльшим количеством комплексов — на Нижней Волге (Федоров-Давыдов 1981: 231).

Меридиональная ориентация погребенного (особенно северная) связывается исследователями с ордынским влиянием. Специфический для золотоордынского времени в Поволжье (видимо, выработанный во второй половине XIII в. в этом регионе) погребальный обряд — единственный, прослеженный на обоих курганных могильниках золотоордынской эпохи в Северо-Западном Причерноморье (в Нерушае и в Дракуле). Таким образом, в отличие от кочевников-«автохтонов» Северо-Западного Причерноморья, собственно золотоордынские смешанные тюрко-монгольские группы селились в Придунавье относительно компактно и не смешиваясь с местным населением (Добролюбский 1986: 73). Связано данное обстоятельство, по-видимому, с тем, что они составляли основную военную силу бегов Улуса Джучи, действовавших на западной границе державы, и должны были быть при необходимости легко поднимаемы в седло — следовательно, не быть рассеянными по степи и селиться неподалеку от ставки. Оба могильника расположены в приморской зоне Дунайско-Днестровского междуречья, в южной ее части, ближе к Дунаю (и более крупный могильник Дракуля, — южнее и ближе к Дунаю, чем Нерушай) (Добролюбский 1986: 26), а ставка беглярибега Ногая — ближайший центр ордынской власти в регионе в 1270—1300 гг. — располагалась на южной стороне крупнейшей нижнедунайской переправы, в Исакче (Павлов 1992: 61).

Таким образом, «картина этнического состава *кочевого* населения в золотоордынское время в степях Северо-Западного Причерноморья представляется довольно пестрой» (Добролюбский 1986: 73). Это было неизбежным следствием сложения и существования крупного степного государства, каковым являлась Монгольская империя в целом, и Улус Джучи в частности. Особенно важно в данном случае господство степной империи над зависимым данью оседлым населением окраинных и сопредельных областей. Перераспределение населения Степи с целью создания крупных ударных сил на стратегически важных направлениях является типичным для того типа государства, каковым является «степная империя» (Кляшторный, Савинов 2005: 10). В конкретном случае Северо-Западного Причерноморья речь идет, вероятно, об известной из письменных источников балканской политике беглярибега Ногая. После разгрома восстания Ивайла (1280 г.) Болгария становится полностью зависимой от него, смены в Тырнове Тертеров на Смилецов и наоборот служат тому прекрасной иллюстрацией (Павлов 1992: 60—62).

В целом историки выделяют в хронологических рамках золотоордынской эпохи для Северо-Западного Причерноморья четыре периода: до Ногая (40—60-е гг. XIII в.), период

улуса Ногая (1270—1302 гг.), период от падения Ногая до образования городских центров в центральной части Пруто-Днестровского междуречья — Янги Шехра (Старого Орхея) и Костешть (1300—1340-е гг.) и позднеордынский (до 1390-х гг., когда на восток до Днепра распространяется сюзеренитет соседних государств — Великого княжества Литовского между Днестром и Днепром и Молдовы к западу от Днестра) (Смирнов 1999: 8—11). В археологическом материале *кочевнических* погребений эти периоды, выделенные на основании данных письменных источников, попросту неуловимы (Добролюбский 1986: 77). Как мы отмечали выше, для первого периода, насколько нам известно из нарративных источников, прямой и непосредственной власти Улуса Джучи в Северо-Западном Причерноморье (а соответственно, и золотоордынского населения) еще не было (Пашуто 1950: 57—62; Павлов 1995: 122). «Периодом Ногая» предположительно могут датироваться упомянутые выше золотоордынские могильники — по своей географической локализации и по отсутствию в них монетных находок, характерных для более поздних комплексов (Добролюбский 1986: 76).

Со времен Ногаева улуса ведет свой отсчет эпоха урбанизации Северо-Западного Причерноморья — время развития городских центров западной окраины Золотой Орды. Собственно, два города из числа расположенных в регионе мы уже упоминали в нашем изложении — это Килия и Исакча. К этой же эпохе относится и старейшее упоминание Белгорода — Акджа Кермана (в генуэзском документе, датированном 1290 г.): генуэзский купец Джакомо ди Фианале отправляется в *Мальвокастро* (Malvocastro) закупать товары для перевозки в Константинополь (Полевой 1988: 9). Отныне именно *города* западной границы Улуса Джучи становятся не только экономическими (что вполне естественно), но и политическими центрами региона. Именно они определяют «лицо» государства — его политический и экономический имидж. Происходит данный процесс почти синхронно с аналогичным процессом на Нижней Волге, в сердце Улуса (Федоров-Давыдов 1981: 232—236).

Для начала третьего периода (двух первых десятилетий XIV в.) некоторые авторы постулируют вытеснение золотоордынцев на восток за Днестр болгарским царем Тодором Светославом (Добролюбский 1986: 76; Смирнов 1999: 10). Это мнение ошибочно. Тохта-хану удалось выйти из-под контроля Ногая, в Улусе Джучи вспыхнула очередная династическая война; в ней бегляри-бег и погиб (1300 г.). Его старший сын Чака (Джека) попробовал закрепиться в Тырново, но был свергнут собственным протеже и шурином Тодором Светославом (1300—1321 гг.) из дома Тертер. Тодор выдал голову Чаки Тохта-хану, в Сакче утвердился Тукулбуга, сын Тохты; через два года так же погиб брат Чаки Туран (Павлов 1995: 126—127; Руссев 1999: 91—92).

Еще в 1330-х гг. отлично информированные египетские авторы Абу-л-Фида и ал-Умари связывают город Акджа Керман в равной степени как со «страной Берке или Узбека» (т. е. Улусом Джучи), так и с Болгарией. Оба автора ссылаются на рассказы своих знакомых, египетских купцов, бывавших в Причерноморье. Город называется ими «небольшим», его население характеризуется как смешанное («мусульмане и неверные»), а политическая принадлежность определяется *одновременно* как город «в стране булгар» и пограничный иклим (округ) «страны кыпчаков» (еще одно метафорическое обозначение Улуса Джучи) (Коновалова 1991: 37, 69). Эти данные подтверждаются и европейскими источниками. На нескольких европейских портуланах XIV в. (Анхело Далорто, 1325 г., братья Пиццигани, 1367 и 1373 гг. и др.) надпись *Bulgaria* тянется на восток до Днестра, хотя над городом *Maurocastro* обычно ставится флаг с джучидской тамгой (Коновалова 1983: 35—50). Один францисканский документ упоминает, что «в Мауро Кастро (Mauro Castro) фра Ангелус де Сполето… замучен *вулгарами*…» (дата мученичества, очевидно, — 1307 г.). При этом общее название документа о мученичестве: «О братьях миноритах, замученных в *Тартарии*» (Руссев 1999: 62). Наконец, существует постановление Оффиции Газарии от 22 марта 1316 г., известное как «Запрет хождения в Загору». Оно является отголоском конфликта, который имел место за год до того в «*Мавокастро*» (Mavocastro) между генуэзцами и людьми «императора Загоры, Божьей милостью владыки Булгарии Федиксклавуса» (Fedixclavus); имеется в виду, несомненно, царь Тодор Светослав. Постановление Оффиции под угрозой большого штрафа запрещает подданным Республики Сан-Джорджо торговые операции в землях, подвластных «Федиксклавусу», а от последнего требует возмещения убытков, понесенных какими-то генуэзцами от «императорских» людей «*в Мавокастро и других местах*» (Руссев 1999: 63).

Итак, документы фиксируют в Акджа Кермане (и, следует полагать, на всей тер-

Рис. 1. Аэрофотосъемка Белгород-Днестровской крепости и окрестной территории. Фото Д. Следюка. 1 — вид с юга (http://www.panoramio.com/photo/69893615); 2 — вид с севера (http://www.panoramio.com/photo/69893621).

Fig. 1. Airview of Bilhorod-Dnistrovskyi Fortress and its adjacent territory. Photo by D. Slediuk. 1 — view from the south (http://www.panoramio.com/photo/69893615); 2 — view from the north (http://www.panoramio.com/photo/69893621).

Рис. 2. Остатки жилых домов золотоордынского Белгорода. «Северо-Западный квартал» (1350—1360-е гг.). Фото автора.

Fig. 2. Debris of Golden Horde dwellings in Bilhorod. "North-Western district" (1350—1360). Photo by the author.

ритории между низовьями Днестра и Дуная) в 1307—1315/1316 гг. администрацию, подчиненную болгарскому царю. Как же это сочетается с наличием ханской ставки Тукулбуги в Исакче? Полагаем, такая ситуация обусловлена тем, что *вся* Болгария считалась подчиненной Улусу Джучи. Высший суверенитет над землями оставался за ханом (Руссев 1999: 92—101). Признание Болгарией вассальной зависимости от Улуса прямо утверждает Абу-л-Фида со ссылкой на болгарских же послов, пребывавших в Каире с дипломатической миссией зимой 1330/1331 г. (Коновалова, Руссев 1988: 37). Возвращение Акджа Кер-

мана (и, как обычно полагают, всей территории между низовьями Днестра и Дуная) под прямое управление Улуса исследователи предположительно датируют временем после смерти Тодора (т.е. после 1321 г.) (Руссев 1999: 92—93). Не исключено, однако, что такое положение сохранялось и несколько позже, ведь данные Абу-л-Фиды и ал-Умари относятся уже к 1330-м гг. Возможно, что концом болгарской власти над Акджа Керманом стала смена в Тырнове Тертеров на Шишманов после 1330 г. — последние вроде бы не признавали себя вассалами Улуса Джучи (ИБ 1982: 132).

К третьему периоду относится и основная масса золотоордынских погребений, датированных монетными находками, которые все укладываются в хронологические рамки 10—40-хх гг. XIV в. Характерна их концентрация на левобережье Днестра в районе переправ у Тирасполя (Добролюбский 1986: 76). По-видимому, справедливо мнение, что «при хане Узбеке междуречье Днестра и Кучургана превращается в плацдарм для последующего наступления на западных границах Золотой Орды» (Смирнов 1999: 10) и, соответственно, зоной концентрации кочевников как при жизни, так и после смерти. Действительно, в 1320—1330-хх гг. набеги отрядов Улуса Джучи беспокоят территорию Трансильвании и Валахии (Полевой 1979: 80).

В целом, необходимо повторить, что уже с самого начала третьего периода (рубежа XIII—XIV вв.) главную роль в жизни золотоордынского населения Северо-Западного Причерноморья играют городские центры региона, в первую очередь Белгород — Акджа Керман (Руссев 1999: 22). Вряд ли приходится сомневаться, что еще при Узбек-хане Акджа Керман вернулся под прямое управление Улуса Джучи. Более того, можно весьма обоснованно предположить, что именно его политика привела к появлению в Белгороде восточного этнического компонента, существование которого ясно прослеживается в традициях домостроения, а отчасти и в характере внешних связей Акджа Кермана на протяжении оставшегося времени золотоордынского господства (Кравченко 1986: 24—35; Самойлова, Кожокару, Богуславский 2002: 180—184; Богуславский 2002; 2005). Населению нижневолжских городов под властью Узбек-хана стало легче, чем когда бы то ни было, реализовать свои экономические возможности (Греков, Якубовский 1950: 76). Значительная часть этого населения была занята в сфере торговли, а удобное географическое местоположение Акджа Кермана для

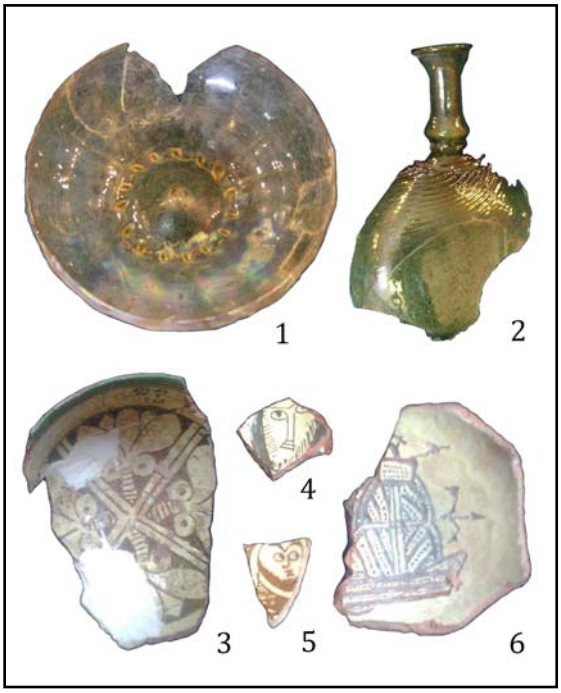


Рис. 3. Фрагменты импортной среднеазиатской (?) стеклянной посуды и импортной византийской керамики из раскопок средневекового Белгорода. Фото автора; цветная вклейка, илл. 21.

Fig. 3. Fragments of imported Central Asian (?) glass ware and imported Byzantine pottery unearthed in the medieval Bilhorod. Photo by the author; color plate, ill. 21.

внешнеторговых операций уже выявилось: именно здесь, наряду с Крымом, концентрировалась основная экономическая активность «морских извозчиков Средиземноморья» данной эпохи — генуэзцев. Наконец, Узбек-хан мог прямым приказом перебросить некоторую часть подданных из центра державы на западную границу для укрепления своего господства в регионе.

В 1341 г. на трон в Новом Сарае взошел сын Узбек-хана Джанибек, существенно отошедший от политики отца. Мусульманские по вероисповеданию зажиточные слои торговых городов поречья Нижней Волги, опора политики Узбека, были сторонниками централизованной державы, где они занимали бы чиновные посты в управлении страной. Джанибек же опирался на степных беков, которые не были сторонниками сильной ханской власти и поддерживали ее только в противовес усилению политической роли городской верхушки (Федоров-Давыдов 1973: 44—45). Времена Джанибека характеризовались сильным давлением на торгово-ремесленные слои; была заметно централизована монетная чеканка, права на которую ряд городов лишился. Даже

монетные дворы обоих Сараев переживают резкий спад производства (Руссев 1999: 47). Нумизматические материалы свидетельствуют, что резкий поворот политики нового хана Сарая в отношении городов не прошел бесследно и на дальнем западе Улуса. По данным Н. Д. Руссева, товарно-денежные отношения в Белгороде и других городах региона в середине XIV в. переживают очевидный упадок, что, безусловно, связывается с политическими событиями. Новый всплеск денежного обращения и рост количества нотариальных актов, в которых упоминается Маврокастро, датируется уже второй половиной правления Джанибека (Руссев 1999: 159—160) — т. е. временем после событий Великой чумы.

Страшнейшая пандемия в истории Старого Света прокатилась в 1330—1353 гг. по всему континенту от Желтого моря до Атлантики. По территории Улуса Джучи мор прошел дважды; именно отсюда генуэзцы завезли чуму в Италию; особенно пострадали поречье Нижней Волги и соседние регионы. Распространена версия, что именно поражение чумой центральных районов страны и вызвало «урбанистический взрыв» на ее западных границах вследствие массового переселения бежавшего от эпидемии населения (Руссев 1999: 54—58; Смирнов 1999: 10). Речь идет в первую очередь о появлении Янги Шехра (Старого Орхея) и Костешть. Однако выразительная общая однородность материальной культуры этих городов с материальной культурой современного им Белгорода позволяет предположить, что какую-то часть беглецов-переселенцев принял и Акджа Керман (Руссев 1999: 58). Преувеличивать «ордынизацию» города не стоит, но присутствие восточных элементов в материальной культуре Акджа Кермана хорошо зафиксировано на археологическом материале; 1350—1360-ми гг. датируется последний (третий) строительный горизонт золотоордынского слоя на городище (Кравченко 1986: 20—24; Богуславский 2005: 96—102). Нам «гипотеза Великой чумы» представляется не абсолютно доказанной, но вероятной.

«Золотой век» времен Узбека — Джанибека закончился в 1357 г., когда Бердибек собственноручно задушил больного отца на обратной дороге из похода на Арран. В Орде началась т. н. Великая замятня. Единство Улуса удалось восстановить лишь Тохтамыш-хану (Греков, Якубовский 1950: 80—84), но до самых западных областей бывших ордынских владений его власть уже не дотягивалась, ограничиваясь, по-видимому, Днепром. В годы Великой замятни к западу от Волго-Донского междуречья хозяйничал зять покойного Бердибека беглярибег Мамай. Ставка его располагалась в низовьях Днепра на городище Большие Кучугуры (город Орду? — Єльников 2008: 129). Креатурой Мамая был хан Абдаллах, который много лет претендовал на трон Сарая, преимущественно безуспешно (Федоров-Давыдов 1973: 97).

Сперва, впрочем, необходимо остановиться на вопросе о татарских князьях, разбитых великим князем литовским Альгирдасом (Ольгердом) на Синих Водах в 1362 г. Распространено мнение, что владения этих бегов — Димитрия, Кутлубуги и Хаджибега — располагались в Степи между Южным Бугом и Дунаем. Сколь долго они правили — вопрос, не имеющий данных для ответа; какому из этих князей принадлежал сюзеренитет над Янги Шехром и Акджа Керманом, исследователи решают по-разному (Бырня 1997: 109—110; Руссев 1997: 148). Неизвестно, тождествен ли упомянутый в привилее венгерского короля Людовика Анжуйского (1368 г.) «татарский князь Деметрий», правивший где-то у Дуная, бегу с Синих Вод (Полевой 1988: 12). Существует и версия, что коренные владения бегов находились в Крыму (Герцен, Могаричев 1993: 62—63). Как бы ни решался этот вопрос, достаточно вероятен вывод, что «три бега» не были сторонниками Мамая. Поэтому он и не оказал им помощи в борьбе с Альгирдасом, возможно, даже воевал против них в союзе с Литвой (Єльников 2008: 150). И, вероятно, именно после их поражения крайний запад владений Улуса Джучи перешел под руку беглярибега и его хана. Видимо, неслучайна хронологическая последовательность: победа литовцев на Синих Водах — начало монетного чекана Абдаллаха в Янги Шехре.

Как подтверждение тезиса о возрастающей значимости городов «дальнего Запада» отметим: для четвертого периода золотоордынской эпохи в Северо-Западном Причерноморье нет достоверно датированных кочевнических комплексов (Добролюбский 1986: 70) на фоне богатого археологического материала, происходящего из городских центров региона. Не подлежит сомнению тот факт, что правительство Мамая — Абдаллаха повлияло на ускоренное развитие городов на западном пограничье Улуса Джучи. С 1363 по 1365 г., по данным монетного чекана (ДСО 1981: 84—85), ставка самого Абдаллах-хана находилась в городе Янги Шехр в устье реки Реут неподалеку от впадения ее в Днестр. В Янги Шехре вре-

мен пребывания города ханской ставкой был оборудован монетный двор, который насыщал своей продукцией рынки не только самого «Новгорода», но и соседних городов в междуречье — Костешть и Акджа Кермана. Причем, по крайней мере, в последнем расходилась янгишехрская мелкая разменная медь. Вообще, на 1360-е гг. приходится высокий подъем урбанистической и хозяйственной активности в регионе, который переживает кратковременный расцвет (ДСО 1981: 89—90). И это в условиях заметного обрыва связей с центральными нижневолжскими областями Улуса Джучи.

Акджа Керман, в отличие от Янги Шехра и Костешть, не был сугубо золотоордынским городом. Он возник раньше последних, и был, опять же в отличие от них, пестрым по этническому составу центром; ордынцы, возможно, и не составляли в нем большинства населения. Его экономическая ориентация была обращена не на восток, а на юг, к кораблям генуэзских купцов. Тем не менее, в это десятилетие он во многом разделил судьбу своих северных соседей (Руссев 1999: 160). По крайней мере, общие черты тождества материальной культуры всех городских центров Поднестровья несомненны, хотя не менее заметны и различия. Медные монеты местного чекана Янги Шехра (тип Шехр ал-Джедид) наполняли акджакерманский рынок; они составляют в сумме около трети всего джучидского нумизматического материала на Белгород-Тирском городище (из единичных находок, без учета кладов) (Булатович 1986: 117—120; Руссев 1999: 192, табл. 14).

Таким образом, можно постулировать тесную связь ханской ставки на Нижнем Реуте с портом в устье Днестра. Тому есть и еще одно подтверждение. Акджа Керман, по данным генуэзских документов, еще в начале XIV в. приобретает характер транзитного торгового порта со специализацией на торговле зерном («вывоз зерна… доминирует в экономике города» (Полевой 1979: 70)). Но хлеб, шедший из Белгорода, не мог поступать из ближайшей округи, ибо сельских поселений XIV в. вокруг него не найдено. Зато у Янги Шехра и Костешть такая сельская округа была, и экспортное зерно в 1360-х гг. вполне могло поступать именно оттуда (Полевой 1988: 13).

О последних годах золотоордынского господства в регионе нам практически ничего не известно. После откочевки Абдаллах-хана из Поднестровья монетный двор Янги Шехра продолжал выпуск анонимных эмиссий еще три года (ДСО 1981: 81); в Акджа Кермане последняя по времени чеканки джучидская монета датирована 1369/1370 гг. и принадлежит следующему хану — креатуре Мамая, Мухаммед-Булаку (Булатович 1986: 119). Гипотезу об отвоевании Белгорода молдавским князем у литовцев в ходе военного конфликта 1377 г. (Шлапак 2001: 26) следует признать слабо аргументированной.

Притом следует заметить, что падение золотоордынской власти на землях Поднестровья, возможно, было близко к обвальному. По крайней мере, к такому выводу приводит резкое прекращение жизни на Янги Шехре в начале 1370-х гг.; лишь через полвека на его месте возникает молдавский Орхей (ДСО 1981: 90). Аналогичная судьба постигает и городище Костешть, которому вообще не пришлось возродиться. При этом не стоит забывать, что Мамай оставался у власти до 1381 г. и был достаточно силен, чтобы вести борьбу за Сарай. Складывается впечатление, что ордынское население просто централизованно снялось с места и откочевало на восток — туда, где беглярибегу нужны были военные силы для новых войн. «Дальний запад» его не интересовал, что вполне реально в свете известной политики Мамая (Греков, Якубовский 1950: 84).

Старейшее, хотя и косвенное свидетельство о постзолотоордынском Белгороде содержит присяга молдавского господаря Романа I Мушата (ок. 1391—1394 гг.) польскому королю Владиславу I Ягайле (1386—1434 гг.), датированная 1392 годом. В ней господарь называет себя «дедичем всей земли волошской от полонины аже до брегу моря»; известна титулатура Романа «воевода обладая Землею Молдавскою от планины до брегу моря» (Параска 1987: 15—16). Ясно, что можно считаться «дедичем» только унаследованного владения; соответственно, переход приморской части Пруто-Днестровского междуречья, центрованной Белгородом, должен датироваться временем правления отца и предшественника Романа — фактического создателя Молдавского княжества, господаря Петру I Мушата (ок. 1375—1391 гг.). В свете изложенного выше возможно предположить, что Акджа Керман оставался под властью Улуса Джучи до самого падения Мамая, и лишь после этого молдавский господарь сумел «перехватить» город из рук нового хана — Тохтамыша. При Петру I началась молдавская монетная чеканка; начало ее исследователи датируют 1380 г., связывая эту инициативу господаря с датой получения складского права купечеством Львова от польского короля (Богуславский, Дергаче-

ва 2011: 79). Но Львов — это северный конец транзитного маршрута через Молдову, т. н. Молдавского шляха, южным концом которого был Белгород. Само получение складского права львовским купечеством было, безусловно, связано со становлением этой торговой артерии (Мохов 1974: 298—307). Поэтому дата начала монетной чеканки Молдовы предполагает дату перехода Акджа Кермана под ее власть около этой же даты, может быть годом-двумя ранее.

Однако это только возможность; в свете отсутствия данных нарративных источников финал золотоордынского господства в Северо-Западном Причерноморье остается не имеющим точной датировки.

Литература

Богуславский Г. С. 2002. Поливная керамика из раскопок Белгород-Тирской экспедиции (1996—1998 гг.). In: Roman P., Kryžickij S. (eds.). *Tyras — Cetatea Alba — Belhorod-Dnistrovs'kyi* I. *Săpăturile 1996—1999*. Bucureşti: Redacţia publicaţilor pentru străinătate, 265—284.

Богуславский Г. С. 2005. Северо-Западный квартал (новые данные о городской застройке золотоордынского Акчакермана по материалам раскопок 1999—2004 годов). *Культура народов Причерноморья* 63. Симферополь, 92—102.

Богуславский Г. С., Дергачева Л. В. 2011. Молдавские монеты из раскопок 2005—2007 гг. в Гражданском дворе Белгород-Днестровской крепости и некоторые проблемы постройки стен Гражданского двора. В: Бруяко И. В. (отв. ред). *Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея* I. Одесса: ОАМ НАНУ, 73—91.

Булатович С. А. 1986. Джучидские монеты из Белгорода-Днестровского. В: Кравченко А. А. *Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII—XIV в.)*. Киев: Наукова думка, 117—120.

Бырня П. П. 1997. Из истории молдавского Белгорода — Четатя Албэ. В: Крыжицкий С. Д. (отв. ред.). *Аккерманские древности* 1. Белгород-Днестровский: Маяк, 107—126.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. 1993. *Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале*. Симферополь: Таврия.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. 1950. *Золотая Орда и ее падение*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Добролюбский А. О. 1986. *Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья*. Киев: Наукова думка.

ДСО 1981: Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А. 1981. *Древности Старого Орхея (золотоордынский период)*. Кишинев: Штиинца.

Єльников М. В. 2008. *Золотоординські часи на українських землях*. Серія «Невідома Україна». Київ: Наш час.

ИБ 1982: *История на България*. Т. 3. *Втората българска държава*. София: БАН.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. 2005. *Степные империи древней Евразии*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Коновалова И. Г. 1983. Итальянские навигационные пособия XIII—XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья. В: Буганов В. И. (отв. ред.). *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*. Москва: Институт истории СССР АН СССР, 35—50.

Коновалова И. Г. 1991. Арабские источники XII—XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель. В: Новосельцев А. П. (отв. ред.). *Древнейшие государства на территории СССР*. 1990. Москва: Наука, 5—115.

Коновалова И. Г., Руссев Н. Д. 1988. О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. В: Советов П. В. (отв. ред.). *Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма*. Кишинев: Штиинца, 33—45.

Кравченко А. А. 1986. *Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII—XIV в.)*. Киев: Наукова думка.

Мохов Н. А. 1974. Молдавский торговый путь в XIV—XV вв. В: Рыбаков Б. А. (ред.). *Польша и Русь*. Москва: Наука, 298—307.

Павлов П. 1992. Бележки към въпроса за българското етническо и политическо присутствие в междуречие на Дунав и Днестър през XII—XIV вв. В: *Българите по Северното Причерноморие* I. Велико Тырново: Ун-т «Св. св. Кирил и Методий», 57—69.

Павлов П. 1995. Татарите на Ногай, България и Византия (около 1270—1302 гг.). В: *Българите по Северното Причерноморие* IV. Велико Тырново: Ун-т «Св. св. Кирил и Методий», 121—130.

Параска П. Ф. 1987. Формирование основных направлений внешней политики Молдавского княжества в последней трети XIV в. В: Акимова Т. И. (ред.). *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX вв.)*. Кишинев: Штиинца, 9—31.

Пашуто В. Т. 1950. *Очерки истории Галицко-Волынской Руси*. Москва: АН СССР.

Пашуто В. Т. 1968. *Внешняя политика Древней Руси*. Москва: Наука.

Плетнева С. А. 1981. Салтово-маяцкая культура. В: Плетнева С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 62—75.

Полевой Л. Л. 1979. *Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв.* Кишинев: Штиинца.

Полевой Л. Л. 1988. Международная черноморская торговля и социально-экономическое развитие Днестровско-Карпатских земель во второй половине XIII—XIV вв. (по материалам истории товарно-денежного обращения). В: Советов П. В. (отв. ред.). *Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма*. Кишинев: Штиинца, 7—22.

Руссев Н. Д. 1997. Житие Иоанна Нового: легенда и историческая действительность. В: Крыжицкий С. Д. (отв. ред.). *Аккерманские древности* 1. Белгород-Днестровский: Маяк, 127—162.

Руссев Н. Д. 1999. *На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII—XIV вв.* Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Самойлова Т. Л., Кожокару В., Богуславский Г. С. 2002. Античная Тира — средневековый Белгород (отчет о раскопках за 1996—1999 гг.). В: Roman P.,

Kryžickij S. (eds.). *Tyras — Cetatea Albă — Belhorod-Dnistros'kyj* I. Bucureşti: Redacţia publicaţilor pentru străinătate, 51—158.

Смирнов І. А. 1999. *Кочове населення на Південному Заході України (кінець IX — перша половина XVII ст.).* Автореф. дис. … канд. іст. наук. Одеса.

Федоров-Давыдов Г. А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники*. Москва: МГУ.

Федоров-Давыдов Г. А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. Москва: МГУ.

Федоров-Давыдов Г. А. 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда. В: Плетнева С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья.* Археология СССР 18. Москва: Наука, 229—236.

Шлапак М. 2001. *Белгород-Днестровская крепость. Исследование средневекового оборонного зодчества*. Кишинев: ARC.

References

Boguslavskiy, G. S. 2002. In Roman P., Kryžickij S. (eds.). *Tyras — Cetatea Alba — Belhorod-Dnistrovs'kyi* I. *Săpăturile 1996—1999.* Bucureşti: Redacţia publicaţilor pentru străinătate, 265—284 (in Russian).

Boguslavskiy, G. S. 2005. In *Kul'tura narodov Prichernomor'ia (Culture of North Pontic Peoples)* 63. Simferopol, 92—102 (in Russian).

Boguslavskiy, G. S., Dergacheva, L. V. 2011. In *Zapiski otdela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arkheologicheskogo muzeia (Proceedings of the Department of Numismatics and Toreutics of Odessa Archaeological Museum)* I. Odessa: Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine, 73—91 (in Russian).

Bulatovich, S. A. 1986. In Kravchenko A. A. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII—XIV v.) (Medieval Belgorod on Dniester (late 13th — 14th cc.).* Kiev: Naukova dumka, 117—120 (in Russian).

Bârnea, P. P. 1997. In *Akkermanskie drevnosti (Akkerman Antiquities)* 1. Belhorod-Dnistrovs'kyi: "Maiak" Publ., 107—126 (in Russian).

Gertsen, A. G., Mogarichev, Yu. M. 1993. *Krepost' dragotsennostei. Kyrk-or. Chufut-kale (The Fortress of the Valuables. Kyrk-or. Chufut-Kale)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).

Grekov, B. D., Iakubovskii, A. Yu. 1950. *Zolotaia Orda i ee padenie (Golden Horde and Its Fall)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Dobrolyubsky, A. O. 1986. *Kochevniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v epokhu srednevekov'ia (North-Western Pontic Nomads in the Middle Ages)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Abyzova, E. N., Bârnea, P. P., Nudelman, A. A. 1981. *Drevnosti Starogo Orkheia (zolotoordynskii period) (Antiquities of Old Orhei (Golden Horde Period))*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Elnikov, M. V. 2008. *Zolotoordyns'ki chasy na ukraïns'kykh zemlyakh (Golden Horde Time in the Territory of Ukraine).* Series "Nevidoma Ukraïna" (Unknown Ukraine). Kiev: "Nash chas" Publ. (in Ukrainian).

Istoriya na Bălgariya (History of Bulgaria) 3. *Vtorata Bălgarska dărzhava (Second Bulgarian State).* Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Bulgarian).

Klyashtornyi, S. G., Savinov, D. G. 2005. *Stepnye imperii drevnei Evrazii (Steppe Empires of the Old Eurasia)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Konovalova, I. G. 1983. In *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii SSSR dooktiabr'skogo perioda (Studies of Sources on Pre-October Revolution USSR History)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of History of the USSR, 35—50 (in Russian).

Konovalova, I. G. 1991. In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR (The Most Ancient States in the USSR Territory)*. 1990. Moscow: "Nauka" Publ., 5—115 (in Russian).

Konovalova, I. G., Russev, N. D. 1988. In *Sotsial'no-ekonomicheskaia i politicheskaia istoriia Moldavii perioda feodalizma (Social-Economic and Political History of Moldavia in Feudal Time)*. Kishinev: Shtiintsa, 33—45 (in Russian).

Kravchenko, A. A. 1986. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII—XIV v.) (Medieval Belgorod on Dniester (late 13th — 14th cc.))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Mokhov, N. A. 1974. In *Pol'sha i Rus' (Poland and Rus')*. Moscow: "Nauka" Publ., 298—307 (in Russian).

Pavlov, P. 1992. In *Bălgarite po Severnoto Prichernomorie (Bulgarians of Northern Pontic Area)* I. Veliko Târnovo: St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo, 57—69 (in Bulgarian).

Pavlov, P. 1995. In *Bălgarite po Severnoto Prichernomorie (Bulgarians of Northern Pontic Area)* IV. Veliko Târnovo: St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo, 121—130 (in Bulgarian).

Paraska, P. F. 1987. In *Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii Moldavskogo kniazhestva (posledniaia tret' XIV — nachalo XIX vv.) (Essays from the External Political History of the Moldavian State (Last Third of 14th — Beginning of 19th cc.))*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ., 9—31 (in Russian).

Pashuto, V. T. 1950. *Ocherki istorii Galitsko-Volynskoi Rusi (Sketches of History of Galician-Volhynian Rus')*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Pashuto, V. T. 1968. *Vneshniaia politika Drevnei Rusi (Foreign Politics of the Ancient Rus')*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pletneva, S. A. 1981. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages).* Arkheologiia SSSR (Archaeology of USSR) 18. Moscow: "Nauka" Publ., 62—75 (in Russian).

Polevoy, L. L. 1979. *Ocherki istoricheskoi geografii Moldavii XIII—XV vv. (Essays on Political Geography of Moldavia in 13th—15th Centuries).* Kishinev: "Ştiinţa" Publ. (in Russian).

Polevoy, L. L. 1988. In *Sotsial'no-ekonomicheskaia i politicheskaia istoriia Moldavii perioda feodalizma (Social-Economic and Political History of Moldavia in Feudal Time)*. Kishinev: "Ştiinţa" Publ., 7—22 (in Russian).

Russev, N. D. 1997. In *Akkermanskie drevnosti (Akkerman Antiquities)* 1. Belhorod-Dnistrovs'kyi: "Maiak" Publ., 127—162 (in Russian).

Russev, N. D. 1999. *Na grani mirov i epokh. Goroda nizov'ev Dunaia i Dnestra v kontse XIII—XIV vv. (On the Edge of Civilizations and Epochs. Cities in the Lower Reaches of the Danube and the Dniester in Late 13th—14th cc.).* Kishinev: Hugh Anthropological School University (in Russian).

Samoilova, T. L., Cojocaru, V., Boguslavskiy, G. S. 2002. In *Tyras — Cetatea Albă — Belhorod-Dnistros'kyj* I. Bucureşti: Redacţia publicaţilor pentru străinătate, 51—158 (in Russian).

Smirnov, I. A. 1999. *Kochove naselennya na Pivdennomu Zakhodi Ukraïny (kinets' IX — persha polovyna XVII st.) (Nomadic Populations in South-Western Ukraine (late 9th — first half of 17th cc.)).* PhD Thesis. Odessa (in Ukrainian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (The Golden Horde Society)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1981. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages).* Arkheologiia SSSR (Archaeology of USSR) 18. Moscow: "Nauka" Publ., 229—236 (in Russian).

Şlapac, M. 2001. *Belgorod-Dnestrovskaia krepost'. Issledovanie srednevekovogo oboronnogo zodchestva (Belgorod-Dnestrovsk Fortress. Study on the Medieval Defensive Construction Works)*. Chişinău: "ARC" Publ. (in Russian).

Византия после Византии

Byzantium post Byzantium

И. В. Волков

Igor Volkov. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Dmitry Likhachev[1].

Волков Игорь Викторович. Кандидат исторических наук. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

E-mail: plany_2010@mail.ru

Address: [1] Kosmonavtov St., 2, Moscow, 129301, Russian Federation

Два надгробных камня из Музея-заповедника «Херсонес Таврический»

Keywords: Crimea, Tauric Chersonesos, Golden Horde period, gravestones, Arabic inscriptions, epitaph, epigraphy.

Ключевые слова: Крым, Херсонес Таврический, золотоордынский период, каменные надгробия, арабские надписи, эпитафия, эпиграфика.

I. V. Volkov

Two Gravestones from the National Museum Reserve of Tauric Chersonesos

The author publishes two gravestones of the Golden Horde and Ottoman period from the Museum Reserve of Tauric Chersonesos. Their origin is unknown. The inscription on the first gravestone is made in the Tartar language and contains the date of 818 AH (1415/1416). This epigraphic artefact is another example of gradual transition from the Arabic to the Tartar language in epitaphs in 15th c. The second inscription in the Ottoman Turkish language contains the name of the dead and the date of 1180 AH (1766/1767).

И. В. Волков

Два надгробных камня из Музея-заповедника «Херсонес Таврический»

В статье публикуются два каменных надгробия, золотоордынского и османского времени, из фондов Музея-заповедника «Херсонес Таврический». Происхождение их не установлено. Надпись на первом надгробии сделана на татарском языке и содержит дату 818 г.х. (1415/1416 г.). Этот эпиграфический памятник представляет собой еще один пример постепенного перехода в XV в. с арабского языка на татарский в эпитафиях. Вторая надпись на османско-турецком языке содержит имя покойного и дату 1180 г.х. (1766/1767 г.).

В фондах музея-заповедника «Херсонес Таврический» хранятся два надгробия, связь которых с самим памятником не подтверждена[1].

1. Первый камень относится к XV в. Происхождение его не установлено, но некое поселение на месте городища в это время все же существовало, поэтому потенциально он может быть происходящим из Сару-Кермана. На камне сохранился номер, написанный краской, — №235. Однако последняя цифра может оказаться также девяткой. Кроме того, на нем есть надпись простым карандашом, также нечеткая — 193 или 196. Найти соответствующие этим номерам подходящие описания в учетной документации не удалось.

Камень представляет собой стелу высотой по центральной осевой линии — 69 см, шириной 31,5 см, толщиной 8,3 см. Материал — известняк-ракушечник. На поверхности, осо-

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность Людмиле Николаевне Головченко за помощь и содействие при работе с коллекциями.

The Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 00-05-64452 ■ Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 00-05-64452.

© И. В. Волков, 2015.

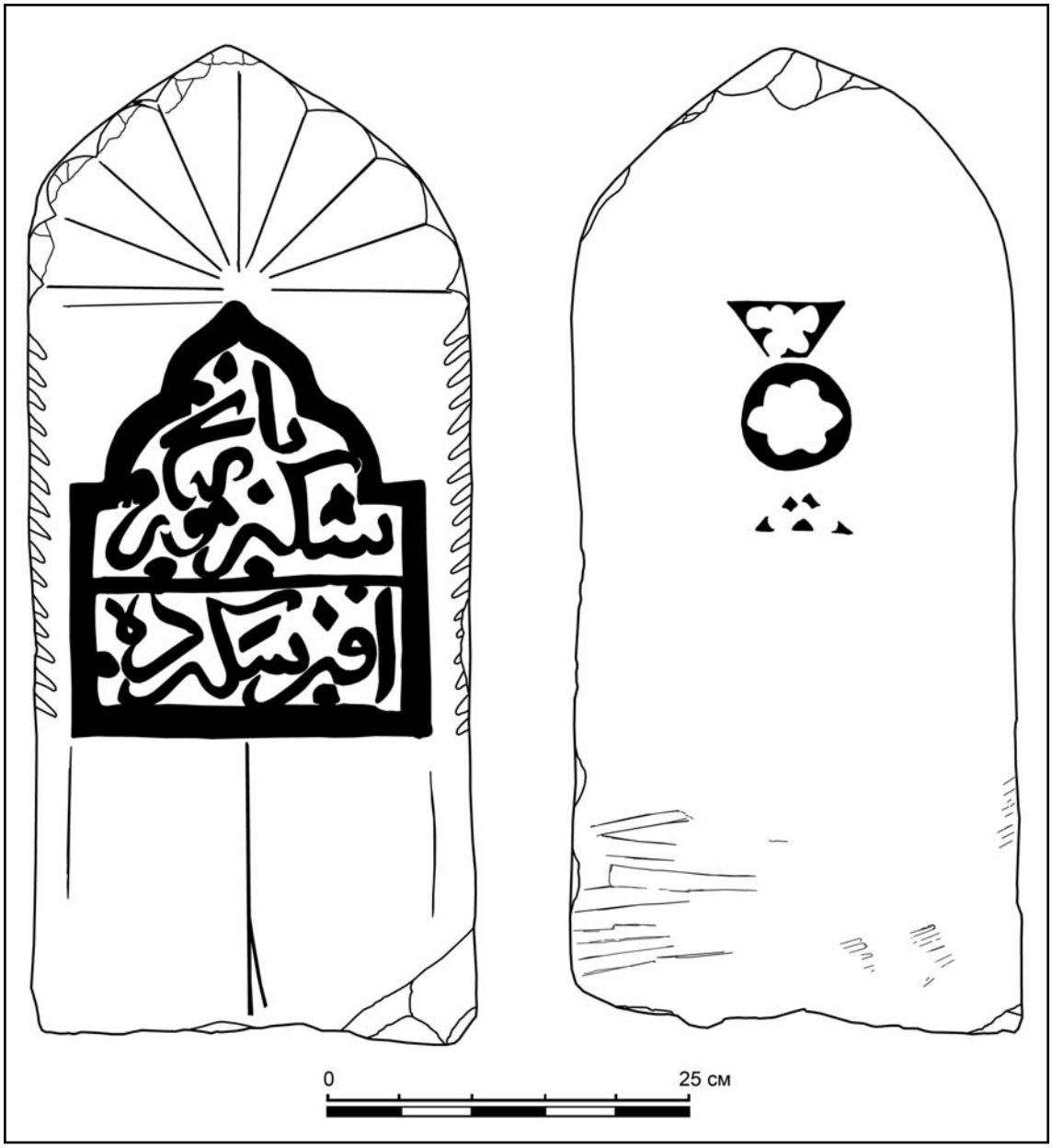


Рис. 1. Надгробие №1, прорисовка по протирке.

Fig. 1. Gravestone no. 1, rubbing and estampage.

бенно на оборотной стороне в нижней части, есть следы грубой подтески уже выпиленной заготовки. Здесь же схематично изображена лампа «в михрабе». К выбору такого изображения подталкивала сама форма надгробной стелы, напоминающая михрабную нишу. Изображения ламп обычны на надгробиях с территории Золотой Орды и за ее пределами (Айбабина 2001: 135, рис. 53, табл. LI; Волков 1989: 7—11).

Верхняя часть лицевой стороны оформлена в виде очень примитивной раковины. По боковым ребрам здесь сделаны наклонные вырезы. На лицевой поверхности сохранились разметочные линии-прорези, которые отмечали основную продольную ось и боковые края ниши с надписью.

В центре лицевой части расположена неглубокая ниша, внутри которой путем углубления фона вырезана надпись в 3 строки. Фон выбран так, что по периметру ниши находится рамка, а между 2-й и 3-й строками оставлена разделительная линия. Надпись сделана на татарском языке почерком насх. Здесь присутствует обычная для Золотой Орды, в том числе для нумизматики, особенно крымской, вольность: буква ن в слове اون (десять) написана слитно с предыдущей.

Дата —	تاريخ
в восемьсот	سكز يوز
восемнадцатый [год].	اون سكز ده

818 г.х. соответствует 13.03.1415—29.02.1416 г.н.э. Это время предшествует окончательному распаду Золотой Орды.

Это надгробие — еще один пример постепенного перехода в XV в. с арабского языка на татарский в эпитафиях. Не известно ни одного примера использования тюркского языка для обозначения дат в крымской эпиграфике до XIV в., за одним весьма сомнительным исключением (Акчокраклы 1927: 10, №47). Однако уже с начала следующего столетия они появляются (Акчокраклы 1927: 9, 13, №20, 139, 141; Акчокраклы 1929: 5, 7, №189, 235, 315). В османское время в эпиграфике вновь господствуют арабские числительные. На публикуемом камне использована обычная форма указательного предлога (ده) в конце предложения. Применялась и другая орфография: (دا) (Акчокраклы 1927: 9, 13, №20, 141; Акчокраклы 1929: 5, №189), (ايدى) (Акчокраклы 1929: 13, №139).

2. Второй камень относится к османскому времени и представляет собой обломок стелы квадратного сечения, у которого отбиты верхняя и нижняя вкапываемая часть. Сохранившаяся высота — 65 см, сечение — 14×14 см. Об источнике поступления может свидетельствовать только просматриваемый на камне №3363.

На лицевой стороне помещена османско-турецкая эпитафия в 7 строк, причем только слово в пятой строке имеет турецкую форму, остальное читается по-арабски. Надпись выполнена путем углубления фона, с разделителями между строками и окантовкой от боковых ребер. Верхняя строка имеет форму арки, а все нижние — прямоугольные. Сохранность камня очень плохая, особенно у 3 и 4 строк: сколами покрыты не только ребра, но и сама лицевая сторона, что, видимо, является следствием его вторичного использования в более поздней постройке.

Умершая	مرحومة
и прощенная	ومغفورة
Нафиса дочь	نافسه بنت
муллы (?) Насруллы.	... ملا نصر الله
Душеньке ее	روخيچون
ал-Фатыху	الفاتخة
Год 1180.	سنة ١١٨٠

Рис. 2. Надгробие №2, прорисовка по протирке.

Fig. 2. Gravestone no. 2, rubbing and estampage.

1180 г. х. соответствует 9.06.1766—29.05.1767 г. н. э. К сожалению, цифра числительного первого порядка также видна нечетко. С меньшей вероятностью это может быть 1185 г. х. (16.04.1771—3.04.1772). Но за пределы десятилетия дата не выходит.

Представленное на рисунке четкое контурно-штриховое изображение не должно вводить читателя в заблуждение. Это лишь реконструкция наиболее вероятного написания, которое надежно только в тех случаях, когда угадываются стандартные формулировки. Здесь же наиболее сомнительными оказываются индивидуальные признаки, обычно не требующие собственно перевода: имя погребенного и его пол. Нет полной уверенности, что в первых двух строках на конце имеется окончание женского рода (ة или ۃ). Но это наиболее вероятно. В конце первой строки (в слове مرحوم) буквы «و» и «م» начертаны с общей петлей (что обычно для османской эпиграфики), далее линия продолжается и, скорее всего, образует зубец. Это больше соответствует женскому роду (окончанию ۃ). В конце второй строки также изображен кружок, который может быть декоративным, но скорее — это буква «ة» с опущенными или не сохранившимися точками, что опять же соответствует женскому роду. Последующие две строки соответствуют именам двух лиц (покойного и его родителя), между которыми должно стоять слово «сын» (ابن, بن) или «дочь» (بنت). Имеющиеся остатки позволяют реконструировать только слово «дочь».

У личных имен возможны индивидуальные особенности орфографии, а если они редки, то реконструкция неперспективна. Более или менее надежно читается имя Насрулла (Гафуров 1987: 175). Первая часть упоминания отца покойной надежной реконструкции не подлежит. Скорее всего, это слово «мулла», искаженное арабское «мавла», то есть «ученый, служитель веры». Оно может быть и нарицательным, и собственным именем (Гафуров 1987: 168) Если допускать, что последняя буква не сохранилась, это может быть Булат (بولات), Тула (تولای), Булак (بولاغ или بولاق), Зулал (زلال) или иное имя.

Стандартная орфография имени Нафиса иная, чем в рассматриваемой эпитафии (نفیسه), и оно преимущественно персидское (Гафуров 1987: 175). Более надежного чтения не нашлось.

Столь краткие памятники эпиграфики не дают сразу существенного выхода исторической информации. Но без их публикации возможность обобщения материала только отдаляется.

Литература

Айбабина Е. А. 2001. *Декоративная каменная резьба Кафы XIV—XVIII вв.* Симферополь: Сонат.

Акчокраклы О. 1927. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII—XV вв. *ИТОИАЭ* I (58), 5—18.

Акчокраклы О. 1929. Старо-Крымские надписи (по раскопкам 1928 г.). *ИТОИАЭ* III (60), 152—160.

Волков И. В. 1989. Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Азове. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 году*. Тезисы доклада к семинару. Азов: АКМ, 7—11.

Гафуров А. 1987. *Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь*. Москва: Наука.

References

Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy XIV—XVIII vv.* (*Decorative Stone Carving in Caffa in 14th—18th cc.*). Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).

Akchokrakly, O. 1927. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 58 (I). Simferopol, 5—18 (in Russian).

Akchokrakly, O. 1929. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 60 (II). Simferopol, 152—160 (in Russian).

Volkov, I. V. 1989. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1988 godu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region in 1988).* Azov: Azov Museum of Local Lore, 7—11 (in Russian).

Gafurov, A. 1987. *Imia i istoriia: Ob imenakh arabov, persov, tadzhikov i tiurkov (Name and History: on the Names of the Arabs, Persians, Tajiks and Turkic Peoples).* Dictionary. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

И. В. Волков

Igor Volkov. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Dmitry Likhachev[1].

Волков Игорь Викторович. Кандидат исторических наук. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

E-mail: plany_2010@mail.ru

Address: [1] Kosmonavtov St., 2, Moscow, 129301, Russian Federation

Турецкая карта Черного и Азовского морей из собрания Государственного исторического музея

Keywords: Pontic Area, Turkish map, portolano, navigation, historical geography.

Ключевые слова: Причерноморье, турецкая карта, портолан, навигация, историческая география.

I. V. Volkov

Turkish Map of the Black and Azov Seas from the State Historical Museum

The author publishes a Turkish navigation map held by the State Historical Museum (Moscow). It is executed in the manner traditional for the European cartography, yet with Turkish inscriptions using Arabic alphabet. The map shows the Black Sea with its northern, eastern and southern shores (the western part is cut off), as well as the whole of the Azov Sea. The article minutely studies stylistic features of the map. There is a table with the list of geographic names found on the map (toponyms and hydronyms): the original Turkish spelling and transcription and their respective identifiable modern names.

И. В. Волков

Турецкая карта Черного и Азовского морей из собрания Государственного исторического музея

Статья посвящена публикации турецкой навигационной карты из собрания Государственного исторического музея. Она выполнена в основном в традициях европейской картографии, но с надписями арабской графикой на турецком языке. На карте показаны Черное море с его северным, восточным и южным побережьем (западный край карты срезан), а также, полностью, Азовское море. В статье подробно рассматриваются стилистические особенности карты. В виде таблицы приводится список отмеченных на карте географических названий (топонимов и гидронимов): их оригинальное турецкое написание, транскрипция и соответствующие современные названия, там, где их удается идентифицировать.

В Государственном историческом музее хранится турецкая карта (рис. 1), выполненная в европейской традиции изготовления морских карт[1]. Условная дата — 70-е гг. XVIII в. Откуда она взялась — не вполне понятно, хотя изображенная ситуация почти соответствует этой дате. Приблизительно вдвое уменьшенной и без комментариев карта издана И. К. Фоменко (Фоменко 2007: 87). Ее краткая характеристика и изображение распространены на диске (Гордеев, Булатов 2007: 212, №214).

На бумаге буквенная филигрань D & C BLAW, точной аналогии которой обнаружить не удалось. Это вариант распространенного водяного знака D & C BLAUW, а бумага — голландская. Более длинная буквенная часть филиграни встречается на документах, начиная с 1770—1780-х гг. до 1803 г. (Клепиков 1959: 79, №974—978). Примечательно, что для османских документов в Болгарии голландская бумага использовалась крайне редко, все немногие случаи относятся к первой половине XIX в., а именно такая филигрань просто не встречена (Николаев 1954: 517, 518, 589, №964, 965, 1114). Датированные документы европейских архивов только расширяют дату работы бумажной фабрики

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность А. К. Зайцеву, В. Э. Булатову, И. К. Фоменко за помощь и содействие при работе с этой картой.

© И. В. Волков, 2015.

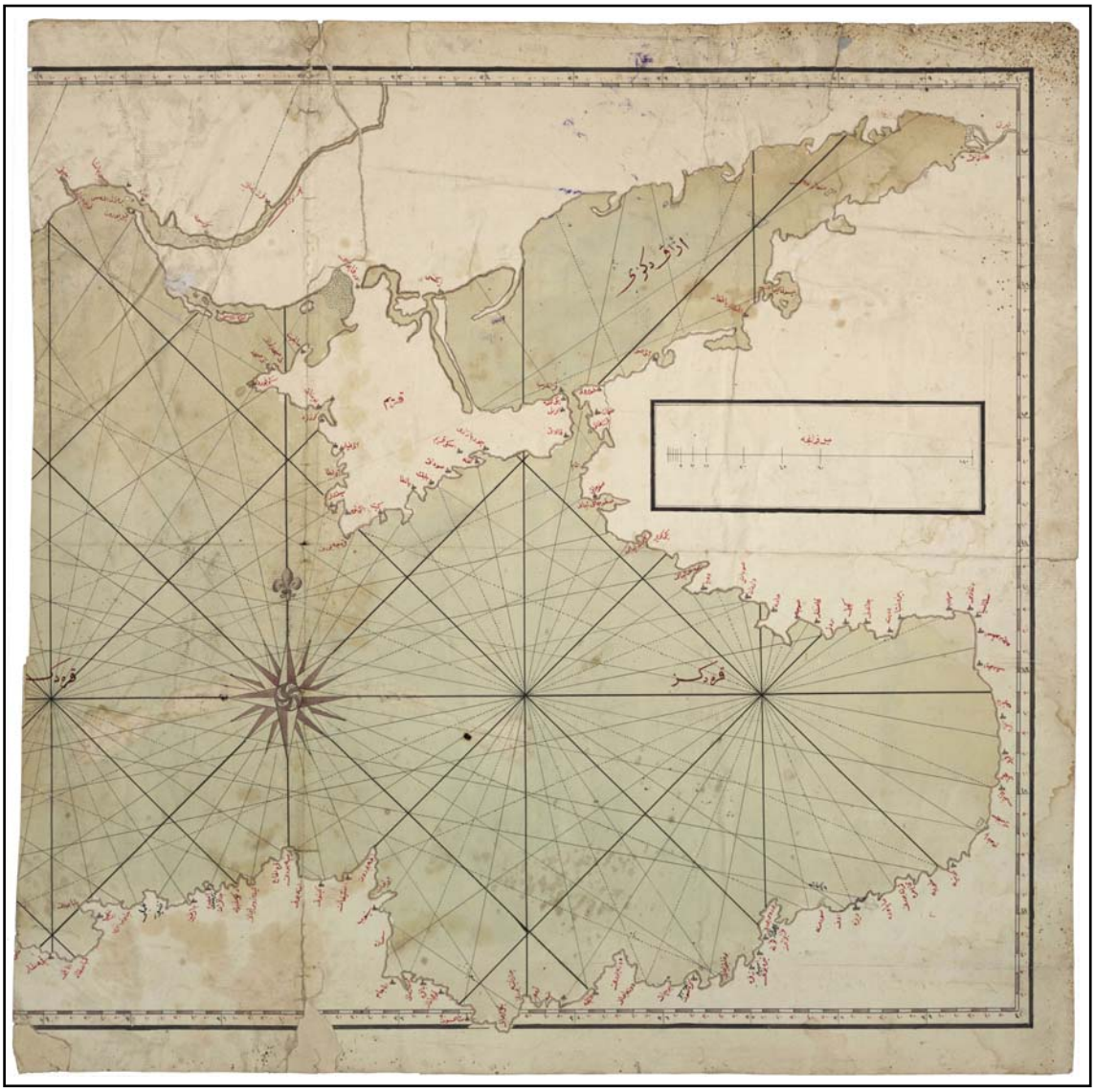


Рис. 1. Анонимная турецкая карта Черного и Азовского морей, 1870—1880-е гг. Государственный исторический музей, Инв. 89960, ГО-6263 (цветная вклейка, илл. 22).

Fig. 1. Anonymous Turkish map of the Black and Azov Seas, 1870—1880. State Historical Museum, inv. 89960, ГО-6263 (color plate, ill. 22).

до интервала 1733—1827 гг. (Churchill 1935: 13, 36—37, tab. LIV; CXXXIX; CLXXXII, №82, 168, 207).

Размер изображения по внешнему краю рамки: высота — 50,3 см; ширина — 53,4 см (по верхнему краю — 52,7 см); по внутреннему краю координатной рамы соответственно: 48,3×52,6×51,8; весь лист соответственно: 55×55,4×55. Западная часть карты отрезана по изображению под небольшим наклоном к краю листа. В Северном Причерноморье последние обозначенные (подписанные) объекты относятся к району Хаджибея (современной Одессы).

Использование цветных чернил несколько отличается от классического «нормального портолана». Все названия у побережья (и названия морей) даны красным цветом. Исключение составляют несколько названий и исправления на южном берегу Черного моря, написанные черным. На морских европейских рукописных картах красный цвет использовался только для обозначения наиболее важных объектов (вне зависимости от их размеров), а для всего остального — черный. Черные подписи и подправки красных надписей черными чернилами сделаны другой рукой, во всяком случае, они более поздние, чем красные.

Румбовые линии в отличие от европейских портоланов даны исключительно черным цветом, но разными линиями. Румбы

С-Ю, З-В, СВ-ЮЗ, СЗ-ЮВ проведены сплошной жирной линией, промежуточные между ними — тонкими точечными, промежуточные между последними — тоже сплошными, но волосными линиями. Только две точечные румбовые линии выходят за границы морских берегов. Полностью видимая линия пересекает безымянный остров к западу от о. Тендера, Днепр и подпись «Кызыл-Ирмак» (قزل ارماق), достигая рамы приблизительно на 32° ВД. Вторая линия должна была бы пересекать морской берег где-то западнее Аккермана, она доходит до рамы на 29°20′ ВД.

В центральной части Черного моря помещена компасная роза с 16 лучами. Здесь традиционное помещение на верхнем плане четырехлучевой розы для главных направлений, за ней — следующей четырехлучевой для промежуточных, за ней — лучи следующих восьми промежуточных направлений. В центре компасной розы расположен круг с пятью «вихреобразно» расположенными лепестками, внутри каждого из которых миниатюрные слова, удовлетворительно прочесть которые не удалось. Возможно, во всех пяти случаях — попытка изобразить одно и то же слово (الله или ربی, «илла» или «рабби», то есть «боже» или «господи»), но более вероятно, что это примитивный орнамент. На румбе севера над компасной розой находится лилия, обычно используемая для обозначения севера.

Береговая линия проведена черными чернилами и обведена (кистью — ?) коричневой краской. Обводка не всегда соответствует контуру, но явно копировальщик стремился проводить кистью по суше и не залезать в море. Заливка моря акварелью имеет слабый зеленоватый оттенок. Цвет чернил может отличаться от исходного, но киноварь все же осталась красной.

На карте есть трещины-порывы. В некоторых местах — «кляксы» фиолетовых чернил, но это не капли с пера, а следы контакта с непросохшей надписью. Скорее всего, с текстом, поскольку прослеживаются линии-направления сдвига или строк.

В середине правой части листа (приблизительно на месте Большого Кавказского хребта) в рамке помещен масштаб — линейка на 120 миль. Цифрами обозначены 5, 10, 15, 30, 45, 60 и 120. Надпись над масштабом — «Миля франкская» (میل فرانجه). Это свидетельствует о происхождении прототипа карты. Длина отрезка в 120 миль составляет 16 см, следовательно, в 1 см — 7,5 «франкской мили». При сравнении реальных расстояний между пунктами с числом миль масштаба оказывается, что в среднем миля составляет около 2 км и больше. При сравнении с оригиналом (о чем речь пойдет позже) оказывается, что это итальянская миля, равная одной шестидесятой градуса меридиана, т. е. 1′ (около 1852 м). Реально в Италии также использовались венецианская (1,739 км) и неаполитанская (2,226 км) мили. Эти трем вариантам соответствуют масштабы 1 : 1 389 000; 1 : 1 304 250; 1 : 1 669 500. Скорее, использовалась неаполитанская миля.

На карте имеется координатная рама с ценой деления в 10′. Цифровые значения градусов даны черным цветом, минут — красным. Отрезки шкалы закрашены через один, каждый закрашенный начинается с ровного градуса. Общее покрытие рамы по широте — с 40°10′ до 47°30′ СШ. По долготе покрытие несколько отличается, в частности, из-за того, что надрез в западной части не строго вертикальный. По северному краю — с 29° (приблизительно 28°52′) ВД, до 40° ВД. По южному краю — с 28°40′ (приблизительно 28°39′) ВД, до 40° ВД. Все возможные искажения копирования не позволяют считать, что градуировка по северной и южной сторонам листа отличались.

Длина градуса на верхнем и нижнем краях рамы — приблизительно одинаковая, около 4,6 см. Один градус долготы соответствует приблизительно 35 милям. Правая часть рамы — с изменяющейся длиной градуса: она увеличивается снизу вверх. Один градус широты соответствует приблизительно 50 милям. Неполный отрезок 41° соответствует длине в 6,18 см, 42° — 6,25 см, 43° — 6,37 см, 44° — 6,55 см, 45° — 6,73 см, 46° — 6,8 см, 47° — 6,98 см, неполный 48° — около 7,04 см. Из этого автоматически следует, что карта должна соответствовать равноугольной проекции Меркатора.

Обозначения городов-крепостей в целом стандартны, но они подрисованы не перед каждым населенным пунктом. Вполне понятно, что такой символ просто не нужен, если это мыс (бурун) или бухта — лиман (лимани), это же касается обозначения впадающих в море рек. Но символ может отсутствовать и в тех случаях, когда населенный пункт явно был. Например, Кызылташ, Анапа. Исключение составляет Таганрог, который вообще изображен и подписан более блеклыми чернилами (скорее, коричневого цвета).

Основания для датировки дает само изображение. Наиболее динамично обстановка изменялась в связи с противоборством России и Турции.

На положенном месте обозначен Херсон, заложенный по указу Екатерины II 19 октября

Хасан-паша
Аджылы
Озу
Березан атасы
Киль-бурун
Куджэйгыр лиманы
Кызыл Ырмак
Керсон
нахр Ози
Ор капусы
Зангэсы
АЗАК ДЕ[Н]
(АЗОВСКОЕ
Тэнтэрэ атасы
Манджит
Ак Масджид лиманы
Ак Масджид
Иски Фуруз
Буйнак
Крым
Гузлух
Актияр
Олта
Силтады
Балыклавэ
Карэджэ бурун
Кит
Ялта
Бельбек
Судак
Иски Крым
Чур Пазары
Кефе
Каляты
Карш
Е[н]гикале
Казандиб
Тумрук
Таман
Кызылташ
Анапа
Суфуджак
Суфуджак лиманы
Геленджик лиманы
Курнлы л
КАРЭ ДЕ[Н]ГИЗ
(ЧЁРНОЕ МОРЕ)
Кармпе бурны
Андже бурун
Истифан
Кинулы
Ак-лиман
Синуб
Кирзе
Кызыл-Ирмак
Аймэ булы
Амастре
Бартин
Даг Манлык
Чакран
Даккыль Шибле
Гидедус лиманы
Караагач
Баба бурны
Арклы
Акчешар
Алаблы
Кабаскал
Чавуш ангарты
Калмалы
Фалиуз
Аладжам
Бафрэ
Кумчагаз
Самсун
Йакл-Ирмак
Чаршинбэ бурун
Тюрбэ-тарфэ
Дуне бурни
Дуне лимани
Фатче
Анйах

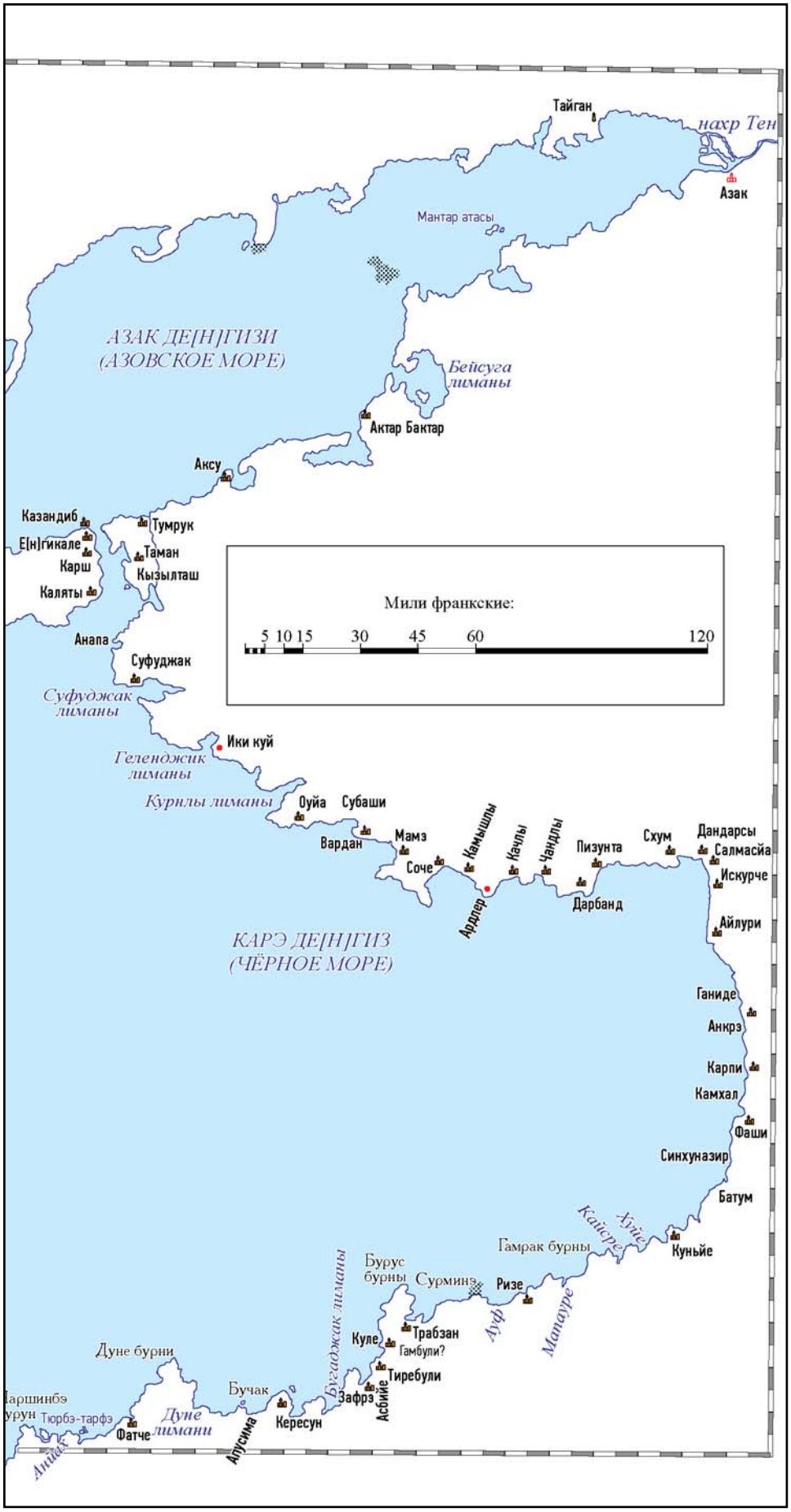


Рис. 2. Анонимная турецкая карта Черного и Азовского морей, 1870—1880-е гг. Государственный исторический музей. Инв. 89960, ГО-6263.

Fig. 2. Anonymous Turkish map of the Black and Azov Seas, 1870—1880. State Historical Museum. Inv. 89960, GO-6263.

1778 г., что свидетельствует о более позднем составлении карты. Реальные основания для его нанесения на иностранные карты могли появиться не ранее 1779 г. (Скальковский 1836: 4—9). Таганрог явно дорисован после составления карты другими чернилами, с особенным упрощенным символом крепости. Восстановление Таганрога относится ко времени русско-турецкой войны 1768—1774 гг., но основные строительные работы велись уже после заключения Кючук-Кайнарджийского мира (Мурзакевич 1893: 295—305). Два пункта не имеют символов крепостей, это Кызылташ и Анапа. Крепость Кызылташ еще в XVII веке была действующим укреплением (Эвлия Челеби 1979: 49—50), но в XVIII в. после прекращения рейдов донских казаков на Черноморское побережье, она потеряла военное значение и пришла в упадок, ее развалины были неприметельны (Паллас 1877: 233). Следовательно, составление основы карты, вероятно, относится к более позднему времени, хотя лиман называется Кызылташским до настоящего времени. Не удивительно, что развалины итальянского укрепления в Анапе не удостоились обозначения крепости, а возведение здесь новых фортификационных сооружений началось в 1197 г. х. (07.12.1782—25.11.1783), и город вырос очень быстро (Веселовский 1995: 13—15). Следовательно, составление карты предшествовало этой дате. Но доля сомнений все же остается, поскольку первый поход на Анапу был предпринят только в 1788 г., и только после этого она стала известна как крепость (Веселовский 1995: 23—24). Под прежним названием фигурирует на карте Ахтияр (Севастополь). Русское освоение Севастопольской бухты началось после присоединения Крыма в 1783 г., но даже на русских картах название Ахтияр сохранялось в 1780-х гг. (Zaytsev 2000: 120—121). Поэтому упоминание Ахтияра не дает верхней даты составления карты. Даже Азов, к 1770-м гг. уже присоединенный к России, здесь по-прежнему назван Азаком.

В отличие от средневековых портоланов, где «надпись» всегда идет от берега вглубь суши, а искомый пункт находится приблизительно на месте пересечения строки надписи и береговой линии, здесь больше чувствуется необходимость ориентировки листа на север. Все знаки крепостей просто обращены на север. На северной стороне листа надписи идут к берегу. На южной и восточной — от берега.

Наиболее близкой по покрытию и изображению и идентичной по масштабу является французская карта Черного моря 1772 г. (Государственный исторический музей, ГО-9190; рис. 3). Надпись в картуше: «Carte réduite de la Mer Noire, dressée pour le service de vaisseaux du roy, par ordre de M. De Boynes, Secretaire d'État, ayant le Departement de la Marine. Par le S. Bellin Ingenieur de la Marine. 1772». Хотя печатные карты обычно многократно тиражировались, в том числе с исправлениями, целесообразно охарактеризовать ее особо, поскольку прототипом для турецкой карты был или такой же отпечаток, или очень близкий. Южная граница покрытия у них совпадает, с востока и севера на турецком экземпляре «обрезаны» полосы с дробными частями градусов, на этих полосах содержится только орографическая информация (на карте Ж.-Н. Беллена: 40º10′ — 47º55′ СШ; 23º30′ — 40º30′ ВД). Отсчет долготы на обеих картах — от меридиана Парижа. Изображение берегов, мелей и островов практически идентично таковому на турецкой карте, с большим числом деталей. Орографической информации на французской карте значительно больше, что отчасти объясняется несколько большим покрытием.

Существенно, что французская карта составлялась с учетом турецких, греческих, русских и польских названий. Возможно, допускалось использование ее союзными турками. Компасная роза снабжена именно турецкими названиями основных румбов (в латинской графике): yldiz — север; kible — юг; baty — запад; gundogousi — восток; porias ou borias — северо-восток; kechikhlémé — юго-восток; lodos — юго-запад; karayel — северо-запад. В отличие от более «архаичного» изображения на турецкой карте румбовые линии здесь проведены только от компасной розы, но весь лист покрывает градусная сетка.

При введении в научный оборот карты, желательно, чтобы были транслитерированы и переведены все надписи. Но это только минимальная необходимость, которая диктуется привычками работы историка, обычно имеющего дело с текстом, особенно на примитивных средневековых «схемах». Карта обладает бóльшим количеством информации, чем просто текст. Здесь существенно, что на самом деле соответствовало обозначенным объектам, насколько существенны отклонения от действительности в области взаиморасположения объектов (текстовых и не текстовых), что и как изображено из объектов не текстовых.

Строго говоря, минимальной задачей должен быть перенос объектов средневековой

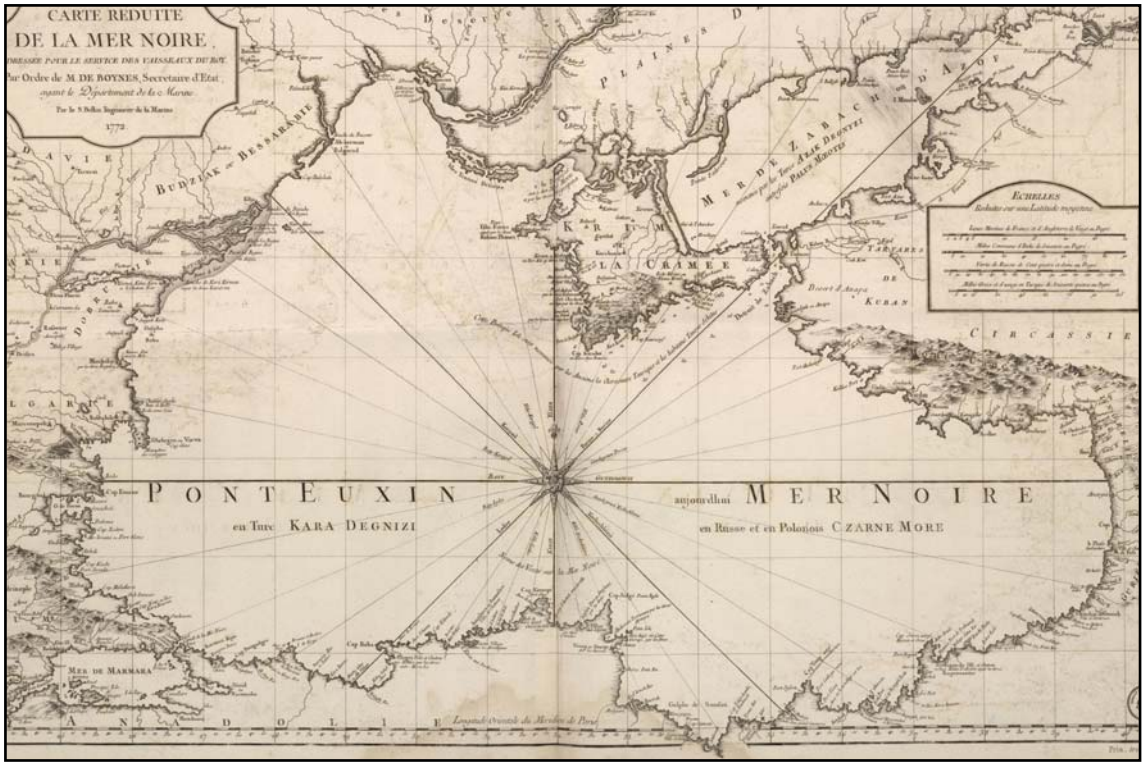


Рис. 3. Фрагмент карты Черного моря Ж.-Н. Беллена, Париж, 1772 г. Государственный исторический музей. Инв. 82844/5, ГО-9190 (цветная вклейка, илл. 23).

Fig. 3. Fragment of the Black Sea map by Jaques Nicolas Bellin, Paris, 1772. State Historical Museum. Inv. 82844/5, ГО-9190 (color plate, ill. 23).

карты на современную, масштаба, по крайней мере, 1 : 200 000. Сделать это для рассматриваемой карты мне затруднительно, более надежны комментарии для тех мест, которые приходилось пройти пешком. Это в первую очередь касается Приазовья. В остальных местах комментарии приходится делать преимущественно по литературе, что неизменно чревато значительными погрешностями.

Для простоты в колонках дается: 1) турецкое начертание, 2) транскрипция (насколько ее можно сделать при отсутствии огласовок), 3) современные или устоявшиеся старые названия пунктов, иногда буквальный перевод, 4) символы на турецкой карте, имеющие отношение к названию. Примечанием к турецкому тексту дается та надпись, которая находилась на исходной французской карте (в большинстве случаев прототип есть), перевод, если имеются слова, не являющиеся собственным именем. После этого в примечании даются комментарии в тех случаях, когда остались только археологические памятники или дополнительная информация.

Названия морей даны укрупненным красным шрифтом. Название Черного моря помещено дважды, в восточной и западной его частях.

Сравнение французского прототипа с турецкой картой дает дополнительную информацию для датировки и определения назначения последней. Уже отмечено, что номенклатура карты Ж.-Н. Беллена значительно подробнее, что отчасти обусловлено более крупным масштабом, а отчасти — более ранним временем составления. Например, здесь обозначена крепость Лютик на Северском Донце, которая прекратила существование задолго до 1772 г.: она была разрушена по Белградскому миру 1739 г. и больше не восстанавливалась (Чеснок 1988: 72—73). Отказ от изображения таких пунктов, как и удаленных от морского побережья, скорее следует рассматривать как разумное редактирование. Однако побережье Азовского моря, особенно северное, несмотря на достаточное количество свободного места оставлено довольно пустым. Это отражает ситуацию после войны 1768—1774 гг., когда влияние Турции в этом бассейне было предельно ослаблено.

Несколько более поздним выглядит отсутствие турецких укреплений западнее устья Днепра вплоть до Днестра (за исключением Хасан-паши, условный знак и подпись которого отделены значительным промежутком).

Именно этот участок был самым спорным местом войны 1787—1791 гг. Изображение создает первое впечатление того, что оно соответствует времени после Ясского мира 1791 г.: уже нет Хаджибея (взят в сентябре 1789 г.), но еще нет Одессы (основана в августе 1794 г. на том же месте). Увы, отсутствие нанесенных пунктов не может быть свидетельством того, что они не существовали в действительности. (Хотя на французском прототипе Хаджибей обозначен).

Рассмотрим возможные пункты. Топонимов даже в незаселенном месте бывает много. Для XVII в. на этом участке серия таковых дана Эвлией Челеби (Эвлия Челеби 1961: 107—109, 140—145). Большая их часть никогда не была удостоена обозначения на картах. Совершенно пустынным выглядел этот участок в начале XVIII в. (Лагус 1853: 321—324). Реально обозначавшихся крепостей меньше: Хаджибей, Ени-Дунья, Возия, Олу-куле (башня Олу). Гидронимы, к сожалению, оснований для датировки не дают.

Не удивительно, что здесь нет Ени-Дуньи, которая в действительности соответствует Хаджибею. Здесь мы сталкиваемся с отдельным вопросом исторической географии региона, на котором стоит остановиться подробнее.

«Открытие» этого укрепления (Ени-Дуньи) на правом берегу Тилигульского лимана (Добролюбский, Губарь, Красножон 2002: 144—146) не выдерживает критики. Два названия одного и того же пункта — явление нормальное. Представляемая здесь турецкая карта дает даже третье название для Инкермана, Каламиты — Олта. Помимо того, что иногда на разных языках местных жителей использовались разные названия для одного и того же населенного пункта, бытовали еще и символические наименования. Например, крепость Лютик на Мертвом Донце у Эвлии Челеби называется Сед-Ислам (Щит Ислама) (Эвлия Челеби 1979: 208—209). С легкостью этот автор использует название Сед-Ислам и для Каланчей, также расположенных под Азовом на Дону, хотя для них у турок были и собственные имена: Шахи и Султанийе (Эвлия Челеби 1979: 128, 209—212, 234, 241).

Еще более показательно использование двух названий Темрюка, который был построен на месте Копы. Из-за неправильного понимания картографами словесной информации путешественников замок Адас («Остров») и собственно Темрюк обозначались на картах как отдельные населенные пункты, хотя они соотносятся приблизительно так же, как Кремль и Москва (Волков 2007: 137). Следовательно, определять местоположение населенных пунктов по картам (в том числе и Ени-Дуньи) следует очень осторожно, учитывая словесную информацию, которая могла быть использована для изображения картографами.

Соответствие названий Хаджибей и Ени-Дунья одному населенному пункту было показано еще А. Скальковским (1865: 295), а затем поддержано Ф.К. Бруном (1879: 186—187). Основанием послужило прямое указание на то, что Ени-Дунья и Хаджибей — это одно и то же, и что расстояние от Очакова до Ени-Дуньи — 50 верст. Оно содержится в отписке войскового толмача К. Иванова, который 30 июля 1764 г. сообщил, что в 50 верстах от Очакова при море, по направлению к Белгороду, делалась крепость, наименованная Ени-Дунья, т.е. Новый Свет. Прежде там было селение именуемое Куджабей. «Оная же крепость зачалась делаться сего году з весны, а делают ту крепость волохи, на которую возят камень из степи, с речек и балок окольничных» (Скальковский 1865: 295).

«Червоточина» заключалась в том, что на карте Риччи Дзаннони 1772 г. Ени-Дунья (Janiduni) обозначена на правом берегу у устья речки, которая намного выше по течению переходит в лиман подписанный как Тилигульский: Olou-Teli-Gheuli (اولو تلی کولی). Хаджибея на этой карте вообще нет. Однако в нижнем течении, рядом с Ени-Дуньей, река подписана иначе: Асйак (Asyak Souü, اسیاق سوي). В одной из ранних работ Ф.К. Бруна это стало основанием для восприятия одного пункта как двух (Брун 1856: 428). По мере появления источников он от этого мнения отказался. Затем мнение было реанимировано уже при новом режиме (Добролюбский, Губарь, Красножон 2002: 144—145; нечитаемая новая публикация карты — см. Фоменко 2008: 674—675, табл. 39: 10). А.О. Добролюбский посчитал, что найденные им остатки укрепления XVIII в. на правом устьевом мысу Тилигульского лимана и есть Ени-Дунья. Прямого словесного указания на единство пункта карта не опровергает. Картографическое представление данных часто также зависело от словесной информации.

Единственное направление аргументации сводилось к определению расстояния от Очакова: «Надо полагать, что упомянутые выше возражения Ф. Бруна были вызваны его измерениями расстояний на запад от Очакова по морскому побережью. В таком случае Ени-Дунья действительно долж-

Таблица 1.

Список надписей на турецкой карте Черного и Азовского морей

Турецкое начертание	Приблизительная транскрипция	Современные названия	Комментарий к изображению	Примечание
Названия морей				
ازاق دكزى	Азак де[н]гизи	Азовское море	Азовское море	Mer de Zabach ou d'Azof *nommée par les Turks* Azak Dengizi *autrefois* Palus Mæotis (Море Забакское или Азовское, у турок — Азак-Денгизи [море Азака], прежде — Болото Меотское).
قره دكز	Карэ де[н]гиз	Черное море	Черное море	Pont Euxin *aujourdhui* Mer Noire en Turk Kara Dengizi et en Russe et en Polonois Czarne More (Понт Эвксинский, теперь Черное море, на турецком — Кара денгизи, а на русском и польском — Чарне море).
Участок Северного Причерноморья от западного края листа до Перекопа				
اجيلى	Аджылы	Аджалыкский лиман?	Без обозначения крепости в глубине лимана, скорее, на левом берегу	Kodgea porto bon (Коджеа, хороший порт). В устье залива — знак стоянки «якорь». В настоящее время Аджалыкских лиманов два, Большой — западнее. Ф. К. Брун связывал название Adzigoli (буквально — «Горькое озеро») с одним из них (Брун 1879: 183).
قوجەيك ليمانى	Куджэик лиманы	Куяльницкий лиман — Одесская бухта?		На французском оригинале названия «лимана» нет, также без названия обозначен Тилигульский лиман без соединения с морем, что соответствовало действительности того времени. Предположительно должно относиться к Куяльницкому или Хаджибейскому лиманам, или Водяной балке в Одессе, выходящей в Одесский залив.
حسن پاشا	Хасан-паша		Без обозначения крепости	На французском оригинале нет. На близких по времени русских картах в непосредственной близости от Очакова под эти названием обозначалась крепость «цытыдель Асан баша» (ГИМ, ГО 1882/80; ГО 51/37). В действительности под названием Хасан-паша скрываются два объекта: часть Очаковской крепости, примыкавшая к Орта-кала и отдельное укрепление на берегу Днепра. Существовало и более пространное название последней «небольшая паланка Капудана Хасан паши», на расстоянии одного выстрела из Кылбуруна (Весела 1969: 115). Отдельная крепостца традиционно связывается с деревней Рабаковка (бывшая Адзиатки) (Брун 1879: 187). Несколько противоречит этому свидетельство о расположении крепости на западной стороне Березанского лимана (Брун 1879: 187).
	Без подписи	с. Рыбаковка	Севернее Березани и западнее Очакова — знак крепости без названия.	Вероятно, турецкий копировальщик не связал предыдущее название со знаком крепости. Положение названия соответствует Тилигульскому лиману, условного знака — Березанскому.
بره زن اطەسى	Березан атасы	Остров Березань	Со стороны Днепра от острова — знак «якорь» для места стоянки, или же это мелкий островок.	*I. Perezan* (О. Перезан). Восточнее острова также «якорь».

Таблица 1 (продолжение).

Турецкое начертание	Приблизительная транскрипция	Современные названия	Комментарий к изображению	Примечание
قيل بورون	Киль-бурун	Кинбурн	Крепость	*Kilbourun par les Grecs Cavo Qazor. Chateau* (Кильбурун, по-гречески — Мыс Квазор. Замок).
اوزو	Озу	Очаков	Крепость	Orzakou *ou* Ozon. Озю (Ози) — нормативное название Очакова у турок (Мебде-и канун... 1987: 138, 247).
كرسون	Керсон	Херсон	Крепость, знак особенный, в 2 цвета	На французском оригинале нет (ср.: Тимофеенко 1984: 134—135).
قزل ارماق	Кызыл Ырмак	г. Берислав	Крепость	Kisi-Kerman. Буквально с турецкого — Девичья крепость. Крепость сооружена на месте литовской таможни в XVI в., в 1695 г. при Петре I взята, окончательно присоединена к России в 1774 г. В 1784 г. переименован в Берислав (ср: Лагус 1853: 315; Скальковский 1846: карта; Тимофеенко 1984: 133—134).
نهر اوتى	НахрОзи	Река Днепр	Вдоль левого берега	Dnieper Riviere *ou* le Boristene (Река Днепр или Борисфен).
تنتر اطەسى	Тэнтэрэ атасы	Остров Тендера	Острова Тендеровской косы преувеличены, название на самом восточном.	Isles Tentere Desertes (Острова Тендера).
اور قاپوسى	Ор капусы	Перекоп	Крепость.	Perecop *ou* Orkapi (Перекоп или Оркапы). Даны русское и турецкое названия. Буквальный перевод турецкого — Ров-Ворота.
Полуостров Крым с запада на восток. В центре — название «Крым» (قريم)				
مانجيت	Манджит	Стерегущее — Аврора	Крепость	*Manked village. Port* (Деревня Манкед. Порт).
اق مسجد ليمانى	Ак-Масджид лиманы	Залив Белой мечети, Каркинитский залив		На французском оригинале нет. Есть только общее название Каркинитского залива: *u, lu Dengizé chest à dire Mer Morte et par les Grecs Negropina ...* (то есть Мертвое море, а по-гречески Некропила).
اق مسجد	Ак-Масджид	Белая Мечеть — современное с. Черноморское	Крепость	Ak Mesgid. Перед крепостью знак стоянки «якорь».
اسكى فوروز	Иски Фуруз	Старый Маяк. Мыс Тарханкут, с. Маяк.	Крепость	*Ruines d'un Phare* (Развалины маяка). В море дополнительная пояснительная надпись: *Vieux* Eski-Foros appelé par les Grecs Kokino Phanari (Старый Эски-Форос, называемый по-гречески Кокино Фанари).
بويناق	Буйнак		Крепость	*Boinak.* Название «Бойнак» носили 2 селения: Атар-Байнак (Отар-Майнакк) — с. Уютное, и Ялы-Майнак — с. Заозерное. Вероятнее, обозначено второе.
	Без подписи		Крепость в глубине залива	На французском оригинале также крепость без подписи.

Таблица 1 (продолжение).

Турецкое начертание	Приблизительная транскрипция	Современные названия	Комментарий к изображению	Примечание
كوزلوه	Гузлу[х]	Евпатория = Гёзлев = Козлов	Крепость	*Kerson ou Koslevé en Turk aj Gluoz leve*. (Керзон или Козлев, по-турецки — Ай-Глуз-леве).
	Без подписи		Крепость без подписи	На французском оригинале в этом месте аналогично расположены две крепости, а подписи позволяют определить, что одна из них — Ахрияр (именно эта, на морском берегу), а расположенная в глубине залива — Каламита (Инкерман). Турецкий копировальщик добавил путаницы.
آقطيار	Актияр	Севастополь = Ахтияр	Крепость	*Mauvaise Rade. Akyar village* (Плохой рейд. Деревня Акяр). В небольшом заливе знак стоянки «якорь».
آولطا	Олта	Каламита	Бухта	*Port Aulota par les Grecs Kalamata* (Порт Олта, по-гречески Каламата). План укреплений (Мыц 1991: 27, 136—137).
سيلذدى	Силанды	Мыс Фиолент?	Крепость	*Silendi*.
بالقلوه	Балыклавэ	Балаклава	Крепость	Fort delr ou Baluklaua (Укрепленный пролив или Балуклава). В море: Port de Balyklagi (Порт Балыклажи). В бухте — знак стоянки «якорь». План крепости и характеристика сооружений: (Адаксина, Кирилко, Мыц 2003: 102). Детализация — в отчетах последующих лет.
قره‌جه بورو ن	Карэдже бурун	Мыс Айя	Мыс	Cap Karadzé *en Turk Aya Bourni* (Мыс Карадже, по-турецки — Айя-Бурны).
كيت	Кит	Мыс Сарыч?	Крепость	*Kyt*. (Обозначен мелкий поселок). Несколько восточнее, в бухте — знак стоянки «якорь» и подпись: *Port Kourzouf*.
يالطا	Ялта	Ялта	Крепость	*Roche Yalita* (Мыс (утёс) Ялита). В бухте — знак стоянки «якорь».
بلبك	Бельбек	Бельбек	Крепость	*Belbeg*.
صوداق	Судак	Судак	Крепость	*Sudak*.
اسكى قريم	Иски Крым	Старый Крым	Крепость	*Eski Kirim ou Vieux Krim* (Эски-Крым или Старый Крым).
كفه	Кефе	Феодосия	Крепость	*Port de Caffa. Ville et Fort* de Caffa *aut. Theodosia* (Порт Каффы, Город и форт Каффа инач. Феодосия). В бухте — знак стоянки «якорь». О сооружениях: (Бочаров 1998: 82—116; 2001: 154—156).
چور پازرى	Чур Пазары	Приморский?	Крепость	*Village de Techorbazari* (Деревня Такорбазары). Строго напротив знака стоянки от Каффы.
قالاتى	Каляты	Челядиново?	Крепость	*Calati*.
كرش	Карш	Керчь	Крепость	*Kerché. Ville et Chaū* (Керчь. Город и замок). В бухте — знак стоянки «якорь». О топографии города (Бочаров 2003: 35—43, 215).

Таблица 1 (продолжение).

Турецкое начертание	Приблизительная транскрипция	Современные названия	Комментарий к изображению	Примечание
يکی قلعه	Е[н]гикале	Еникале, севернее в пределах Керчи	Крепость. «Новая Крепость».	*Jeni-Kalé*. С турецкого буквально — Новая крепость.
قزاندیب	Казандиб	Казантип	Крепость	*Casandip*. В отличие от турецкой карты — на мысу, а не в море.
Азовское море по часовой стрелке от Перекопа до Кызылташа				
ژنکسی	Жангэсы	Геническ	Крепость	Geniczi. Начальная буква ژ турецкой карты использовалась только в заимствованных словах.
طیغان	Тайган	Таганрог	Знак отличается от символов других крепостей, надпись другими чернилами.	*Taganrok*.
نهر تن	Нахр Тен	Река Дон	Дельта изображена близко к реальности.	Le Don *ou* Tanais R. (Река Дон или Танаис).
ازاق	Азак	Азов	Крепость	Azof. Привязка стен турецкой крепости к современной местности см.: (Волков 1992: 83—94; Волков 2006: 473—475). О крепости рассматриваемого времени см.: (Перепечаева 2001: 238—348).
منطار اطه‌سی	Мантар Атасы	Остров Мантар, совр. о-ва Долгие	Соответствует Закарии, островам, обозначавшимся напротив устья Чубурки	I. Mandar (Остров Мантар). На французской карте у островов подпись иная: Sacareja-peski. Isles formées en 1712. (Сакарейя-пески. Острова, образовавшиеся в 1712 г.). Они помещены между Ейской косой и Мокрой Чубуркой, в районе с. Шабельского.
بیسوغا لیمانی	Бейсуга лиманы	Бейсугский лиман	Без обозначения крепости.	В лимане надпись: *Port Beissuga* (Порт Бейсуга).
اقطار باقطار	Актар Бактар	Приморско-Ахтарск	Крепость.	Actar bactar. В лимане надпись: *Port Actar* (Порт Актар).
آق‌صو	Аксу	Ачуево	Крепость	*Azchuez*.
طومروق	Тумрук	Темрюк	Крепость. Соответствует поселению Темрюк-1.	*Temruk*. О местоположении единственного Темрюка того времени см.: (Воронов, Паромов 1987: 87—99).
طمان	Таман	Тамань	Крепость	Taman.
قزلطاش	Кызылташ	Крепость, лиман Кызыл-таш	Без обозначения крепости. Поселение Веселовка-2	На французском оригинале надписи нет. Исчезнувшая к моменту составления карты крепость соответствует поселению Веселовка-2 (Паромов 1992: 501—503, № 152).
			Тонкой протокой показано соединение Черного и Азовского морей через Кизилташский, Ахтанизовский лиманы	

Таблица 1 (продолжение).

Турецкое начертание	Приблизительная транскрипция	Современные названия	Комментарий к изображению	Примечание
Восточное побережье Черного моря от Анапы до Гонио				
اناپا	Анапа	Анапа	Без обозначения крепости.	На французском оригинале отдельного пункта нет.
سفوجاق	Суфуджак	Суджук-кале в Новороссийске	Крепость.	*Soundgik ou Anapa* (Сунджик или Анапа). Орфография на плите из Суджук-Кале, хранящейся в Новороссийском музее, иная, чем на турецкой карте: صوعوجق قلعه .
سفوجاق ليمانى	Суфуджак лиманы	Новороссийская бухта		На французском оригинале названия лимана нет.
كلنجك ليمانى	Геленджик лиманы	Геленджикская бухта		*Port Ghelindgik* (Порт Гелинджик).
يكى كوى	Икикуй	Джубга?	Без обозначения крепости, но близко к побережью напротив надписи поставлена красная точка	*Jeki Village*. (Деревня Джеки).
قورنلى ليمانى	Курнлы лиманы	Туапсе (бухта), мыс Кадош		*Koddos Port* (Порт Коддос). В бухте — знак стоянки «якорь».
وويا	Вуйа	Буу (?) (река, село)	Крепость. Но слишком далеко от Вардане.	*Voulan*.
صوباشى	Субаши	(?)	Без обозначения крепости	*Soubashi*.
واردان	Вардан	Вардане	Крепость	Vardan.
مامه	Мамэ	Мамайка?	Крепость	Mamai. Обозначен именно населенный пункт, а не река. Возможно, положение соответствует р. Мамайка.
صوچه	Соче	Сочи	Крепость	*Soutchial*.
قامشلى	Камышлы	Мацеста?	Крепость	*Kamisalar*.
اردلر	Ардлер	Адлер. (Возможно, р. Мзымта или мыс).	Без обозначения крепости	Ardler.
كچلى	Качлы	Гячрыпш?	Крепость	*Ketchili*. Поселок на левом берегу реки.
چاندلى	Чандылы	Цандрипш?	Крепость	*Chiandili*.
دربند	Дарбанд	Гагра, Демерджип?	Крепость	Derbent.

Таблица 1 (продолжение).

Турецкое начертание	Приблизительная транскрипция	Современные названия	Комментарий к изображению	Примечание
پیزونتا	Пизунта	Пицунда	Крепость	*Pizunta*.
سهوم	Сухум	Сухум	Крепость	Sehoum.
داندارسی	Дандарсы	Дранда, с. Тхубун?	Крепость	Dondars. Возможно, выход Кяласурской (Великой Абхазской) стены у р. Кяласур (с. Тхубун). Морским ориентиром также могла быть разрушенная церковь (ср.: Кварчия 1985: 58—59).
سالماسیا	Салмасйа	Тамыш (р. Дгамш)?	Крепость	*Soumascia*.
اسقورچه	Искурче	Очамчира (?)	Крепость	*Iscouriah* (Искуриа). В море: *Cap Ouscocha ou trés celebere* (Мыс Ускоча или очень знаменитый). Южнее река: *R. Marmar*.
ایلوری	Айлури	с. Илор	Крепость	Ilori (ср.: Кварчия 1985: 61—64).
غانیده	Ганиде	р. Гагида	Крепость	*Gianis R.* (Р. Гианис).
انقره	Анкрэ	Анаклиа (?) (лев. Устьевой мыс р. Ингури).	Крепость	*Anargia*.
قرپی	Карпи	Устье р. Хоби — совр. с. Кулеви	Крепость	Copi. *Copi R.* (Копи. Р. Копи).
کمخل	Камхал	Кулеви?	Без обозначения крепости	
فاشی	Фаши	Устье р. Риони, Поти, средневековый Фасо.	Крепость	Le Phase. *Embouchure Rivere. Ville et Chateau du* Fasz. (Фасе. Устье реки. Город и замок Фасс).
سنحنزیر	Синхуназир	р. Супса	Без обозначения крепости	*Sekutil R.* (Р. Секутил).
باطوم	Батум	Батуми	Без обозначения крепости. Напротив подписи — в море знак, скорее всего, соответствующий мели	*Batum R.* (Р. Батум). Напротив — мель «Banc de Sable» (Песчаная банка) и знак стоянки «якорь» между банкой и берегом.
کونیه	Куньйе	Гонио	Крепость.	Ghunhie ou Gonieh. *Ville et fortresse* (Гунье или Гоник. Город и крепость) (подробнее: Bryer 1961: 100, 120).

Таблица 1 (продолжение).

Турецкое начертание	Приблизительная транскрипция	Современные названия	Комментарий к изображению	Примечание
Южный берег Черного моря с запада на восток до Гонио				
فر..	Кар[а]... (?)	Карасу	Без обозначения крепости?	*Kara Ravine* (Черный Овраг).
اقچه شار	Акчешар	Акчакоджа (Акчакесе, Акча-хисар)	Крепость	*Actche tchar ou Ak Village* (Акчешар или Белая деревня).
الابلی	Алаблы	р. Алаплы	Маленькая бухта. Без обозначения крепости	*Halaplu Rev*. (Р. Алаплу).
قباصقال	Кабаскал	Бухта к югу от Эргели	Маленькая бухта. Без обозначения крепости	*Kaba Sakal Ance*.
بابا بورنی	Баба бурны	м. Баба	Мыс	Cap Baba (мыс Баба).
ارکلی	Арклы	Эрегли (Ираклия)	Крепость.	Elegri *Ville et Chateau auj. Raklia par les Grecs autr. Heraclée* (Элегри. Город и замок, прежде Раклия, по-гречески иначе Гераклея).
چاوش انحرتی	Чавуш Ангарты	Бухта напротив г. Нейрен	Маленькая бухта. Без обозначения крепости	*Ance Tchaouz* (Бухта Чауш).
کلملی	Килимлы	м. Килимли	**Черным.** Маленькая бухта. Без обозначения крепости	*Cap Kilimili* (Мыс Килимли).
فلیوز	Фалиуз	Бухта к востоку от Хисарёню	**Черным.** Маленькая бухта. Без обозначения крепости	*Rio Falios* (Река Фалиос).
بارطین	Бартын	Бартын (+ р. Бартын)	Крепость в бухте	*Bartin Village dans les Montagnes* (Бартын. Деревня на горах). R. Bartin aut Parthenius (Река Бартын или Парфений). Река западнее.
آمصتره	Амастре	Амасра (Амастрида)	Крепость	Amasdrea *ou* Samastro *Ville et Chateau*. (Амасдреа или Самастро. Город и замок).
دک منلك	Дагманлык	Бухта между Амасрой и Чакразшейхлер. Гора Манлык.	**Черным.** Маленькая бухта. Без обозначения крепости	На французском оригинале нет. В промежутке между Амасрой и Чакразшейхлером изображена бухта с «якорем».
چاقران	Чакран	Чакразшейхлер (?)	Маленькая бухта. Без обозначения крепости.	*Tchakras*. Соответствует мысу.

Таблица 1 (продолжение).

Турецкое начертание	Приблизительная транскрипция	Современные названия	Комментарий к изображению	Примечание
دلكلى شيله	Далыкылы Шиле	Куруджашиле (?)	Маленькая бухта. Без обозначения крепости. Дополнительный штрих черными чернилами, возможно, исправление на دلكلى вместо دلكى.	*Delikli cheli*. Мыс или бухта.
كيدەدوس ليمانى	Гидедус лиманы	Бухта Джиде (одноим. город). Калафат?	Бухта	*Port Ghidros* (Порт Гидрос). Без населенного пункта и «якоря».
قره اغاج	Караагач	В районе Денизконак	Маленькая бухта. Без обозначения крепости	*Rade de Cara agatch* (Рейд Кара-агач). Без населенного пункта и «якоря».
كرمپه بورنى	Кармпе бурны	Мыс Керемпе	Мыс	Cap Kerenpé *fort eleve*.(Мыс Керенпе, очень высокий).
اينه بولى	Инэ булы	Инеболу	Маленькая бухта. Без обозначения крепости	*Chat. d'Ineboli ruine* (Руины замка Инеболи). В море: *Bourg d'Ineboli considerable* (Городок Инеболи значительный).
كينولى	Кинулы	Тюркели?	Крепость	*ici étoit Cimolis*.
استيفان	Истифан	Аянджык	Крепость	*Village Istifam. Istifam* (Деревня Истифам. Истифам). В море: *Port ou Stefani par les Grecs* (Порт Истифан или Стефани по-гречески).
انجه بورون	Индже бурун	м. Индже(бурун)	Мыс	Cap Jndge *Pointe Basse* (Мыс Индже. Низкая стрелка).
آق ليمان	Ак-лиман	Бухта к западу от Синопа	Над ق нет точек. Бухта	*Ak-Liman Port nommé par les Grecs* Armiro (Ак-Лиман, порт, называемый греками Армиро). Бухта с якорем.
سينوب	Синуб	Синоп	Крепость	Sinap ou Sinope *par les Anciens* (Синап или Синоп у древних). Бухта с якорем.
كرزه	Кирзе	р. Герзе (одноим. город к ЮВ от устья)	Маленькая бухта. Без обозначения крепости	*Cherze Petite Riv.* (Маленькая река Керзе).
الاجام	Аладжам	Алачам	Крепость	*Aladjam*.
قزل ارماق	Кызыл-Ирмак	Кызылырмак	Вытянутая устьевая область реки, переходящая в бухту	*Kizil Irmak Riv.* (Река Кизил-Ирмак).
بافره	Бафрэ	Бафра (20 км от берега + одноименный мыс)	Крепость	*Basirch*.

Таблица 1 (продолжение).

Турецкое начертание	Приблизительная транскрипция	Современные названия	Комментарий к изображению	Примечание
قومچاغاز	Кумчагаз	К северу от населенного пункта Тафлан	Крепость	*Kumgiagaz*.
سامسون	Самсун	Самсун (Амис)	Крепость	*Samson Ville et Chau. Cap Samson*. (Самсон, город и замок. Мыс Самсон). Бухта с «якорем». В море: Golphe de Samson (Залив Самсона).
يكل ارماق	Йакил-Ирмак	р. Ешильырмак (вероятно, почти одно место со следующим мысом)	Бухта	*Jekilermak*. В устьевом лимане реки.
چارشنبه بورنی	Чаршинбэ бурун	Чаршамба (мыс — Джива)	Мыс	*Cap Tcharchermbé ou Teachinah* (Мыс Чаршермбе или Тэшина).
ترمه	Термэ	Терме	Устьевой остров без обозначения крепости	*Terme Riv*. (Р. Терме).
انيه	Унйе	Унье	Маленькая бухта. Без обозначения крепости	*Ounije ou* Ounie (Унье или Уние).
			Небрежная копия знака острова в море.	Islot
فاتچه	Фатче	Фатса	Крепость	Fatsa. *Echell d'un gran Commerce* (Фатса. Место оживлённой торговли). Восточнее: *Riv. Phadizza* (Река Фадицца). (Бухта с «якорем»).
وونه بورنی	Воне бурни	мыс Ясун	Мыс. (Первая буква подправлена черным).	Cap Vona *autem Josonium Promontorium* (Мыс Вона, или Ясонов отрог).
وونه ليمانی	Воне лимани	Бухта между городами Першембе и Орду	Маленькая бухта. Без обозначения крепости. (Первая буква подправлена черным).	*Port Vona* (Порт Вона). Бухта с якорем. Подробнее о якорной стоянке Вона (Bryer 1961: 100, 104).
بوچاق	Бучак	Буланджак (?), р. Буланджак-су (?)	Мыс и островок напротив него	*Boudjeak*. Надпись вдоль небольшой реки.
اپوه سيما	Апусима	Айвасил (мыс и деревня)	Черная надпись, в конце непонятна, возможно другое написание того же Керасунта или название мыса к западу от него.	Нет на французском оригинале. Позиция только для одной надписи: Ville et Chateau (город и замок). Возможно, эта надпись относится к следующему Керасунту. Подробнее (Bryer 1961: 100, 106).

Таблица 1 (окончание).

Турецкое начертание	Приблизительная транскрипция	Современные названия	Комментарий к изображению	Примечание
كره سون	Кересун	Гиресун (Керасунт)	Крепость	Chirecin *autem Kerasondas et Keresoun* (Киресин, иначе Керасондас и Кересун). В море: *I. Ghirecin. Petit Port* (Гиресин, маленький порт). Бухта с якорем.
بوغاجق ليمانى	Бугаджак Лиманы	Буланджак и р. Буланджак-су.	Бухта. Без обозначения крепости	*Port Bogagik fort bon* (Порт Богаджик, очень хороший). В море: *Cap Bogagik Tachi* (Мыс Богаджик Таши). Бухта с якорем. Однако это устье относится к западу от Айвасиль.
زفره	Зафрэ	Мыс Зефире	Крепость	*Zefré Port* (Порт Зефре). (Подробнее: Bryer 1961: 100, 108). В настоящее время остатков крепости нет. Возможно, отмечены остатки средневековой крепости Кенчрина.
اسبيه	Асбийе	Эсбие	**Черным**	На французском оригинале нет. Единственная промежуточная надпись: *Tour* (башня).
تيره بولى	Тиребули	Тиреболу (Триполи)	Крепость	*Tirboli.*
قوله	Куле	Мыс Гереле	Крепость	Tour (буквально: башня). Созвучное название Atche Koulé располагается восточнее, уже за мысом Фенер (Бурус) (подробнее: Bryer 1961: 100, 109). Возможно, за башню приняты находящиеся на мысу развалины трапезундского замка.
بوروس بورنى	Бурус Бурны	Мыс Фенер	Мыс	*Cap Joroz autem Hieron et Oros.* (Мыс Йороз, иначе Гиерон и Орос).
حام بولى	Гамбули	Виополи (?)	**Черным** неразборчивая надпись, скорее, 2 слова в 2 строки	На французском оригинале нет. Единственная подходящая надпись: Platana Port de Trebizonde (подробнее: Bryer 1961: 100, 109, 111). Однако Платане соответствует турецкое название Акраабад. Другие сопутствующие турецкие топонимы: Фол (Вакфе-Кебир), Калита-Кале, Скефе. Развалины трапезундского замка Калита-Кале действительно являются хорошим ориентиром.
طرابزان	Трабзан	Трабзон (Трапезунд)	Крепость	Trebizonde *Ville et Chateau en Turk Kalai Trabizon et per les Grecs* Trapezontas (Требизонд. Город и замок, по-турецки Калаи-Трабизон, а у греков — Трапезонтас). В море: *Platana Port de Trebizonde* (Платана, порт Требизонда).
سورمنه	Сурминэ	Сюрмене (на р. Карадере)	Мыс. Без обозначения крепости. Напротив — мель	На французском оригинале другое название, точно соответствующее той же песчаной мели: *Bouchi Tachi.* Вероятно, это обозначение устья реки Карадере.
اوف	Оф	Оф	Маленькая бухта. Без обозначения крепости	*Esbet Rade* (Рейд Эсбет). Бухта с «якорем», без обозначения крепости.
ريزه	Ризе	Ризе	Крепость	*Rize. Ville et fort* (Ризе. Город и форт).
ماپاوره	Мапауре	р. Мепаври	Маленькая бухта. Без обозначения крепости	*Sovouk Sou Petit Riv.* (Суук-су, маленькая река).
كمرك بورنى	Гамрак Бурны	Мыс Пазар (?)	Мыс	*Cap Kemer* (Мыс Кемер). Восточнее — бухта с «якорем»; западнее — подпись без условного знака: *Petit Port et Village* (Маленький порт и деревня).
قايصره	Кайсре (Кайсе)	Киссе	Маленькая бухта. Без обозначения крепости	Близкого соответствия на французском оригиналу нет. По положению подходит: *Iskani rouna.* Рядом с этим местом обозначено устье реки: *Riv. Fourtouna* (река Фуртуна).
خويه (خوپه)	Хойе (Хопе)	Хопа	Маленькая бухта. Без обозначения крепости	Близкого соответствия на французском оригиналу нет. По положению подходит: *Makret ou Makria fort bon Port* (Макрет или Макрия, очень хороший порт). Менее вероятно соотнесение с пунктом Abourt, где обозначена бухта с «якорем».

на оказаться на месте Хаджибея. Если же учесть, что при сухопутном передвижении из Очакова на запад было необходимо обходить с севера Березанский и Тилигульский лиманы, то путь неминуемо увеличится вдвое. Похоже, что именно это обстоятельство и имел в виду толмач Иванов, указывая расстояние от Очакова до Ени-Дуньи в 50 верст» (Добролюбский, Губарь, Красножон 2002: 146). Начнем с того, что возражения Ф.К. Бруна в действительности были вызваны прямым указанием на строительство Ени-Дуньи в Хаджибее.

Метрические штудии А.О. Добролюбского по поводу расстояния от Очакова необыкновенно слабы. Вводит в заблуждения ключевая фраза: «…при сухопутном движении из Очакова на запад было необходимо обходить с севера Березанский и Тилигульский лиманы… путь неминуемо увеличивается вдвое» (Добролюбский, Губарь, Красножон 2002: 146). Никакой такой «необходимости» обхода не было. Переправы через гирла лиманов (у Тилигульского даже такового не было) труда не составляли. Дорога по берегу была самой короткой и предпочтительной. Именно ею обычно и пользовались (Лагус 1853: 321—324; Брун 1879: 187). Если бы у К. Иванова и возникло несвойственное войсковому толмачу по национальному признаку стремление мерить все через Бердичев, то 50 верст от Очакова до Ени-Дуньи все равно не получается. Если обходить лиманы, то надо обойти еще Куяльницкий и Хаджибейский, и расстояние увеличится не вдвое, а более чем втрое. При таком залихватском маршруте подходить к устью Тилигульского лимана, где А.О. Добролюбский обнаружил мифическую «Ени-Дунью», просто не требуется. Но главное, что источник не предполагает сухопутного маршрута от Очакова до Ени-Дуньи: и Хаджибей, и устье Тилигульского лимана не лежали на пути К. Иванова.

Сведения он получил при возвращении. Первоначальной целью были Кушаны, но вместо крымского хана он встретил сераскира султана Адил-Гирея (сына хана Селим-Гирея). «С Куяльника ж Иванов возвратясь с ответными от султана письмами проехал до Очакова промеж кочевьями всеми аулами» (Скальковский 1865: 294—295). Следовательно, движение шло в обратном направлении, с запада на восток; путь вдоль морского берега и вовсе не оговорен. Скорее всего, сбор разведывательной информации проходил именно «по кочевьям и аулам». Информаторами расстояние могло быть определено и напрямую по морю. Таким образом, открытое А.О. Добролюбским и коллегами поселение Ени-Дуньей не является. Возможно, это Возия.

Рассмотрим чуть подробнее карту Риччи Дзаннони (рис. 4). Это лист 24 Атласа земель польских, изданного в 1772 г. в Лондоне на деньги И.А. Яблоновского (Фоменко 2008: 674, табл. 39: 10). Последний некоторое время был воеводой в Польше, а в 1768 г. эмигрировал в Германию. Надо полагать, что именно заказчик предоставил картографу несколько устаревшую информацию.

Положение пунктов может определяться по масштабу, который расположен на 22 листе Атласа. Есть здесь и масштабная линейка для московских верст (104½ в градусе). Получается, что расстояние от Очакова до Хасан-Паши соответствует 14 верстам (точно совпадает с расстоянием до современного с. Рыбаковка), а расстояние до Ени-Дуньи напрямую по морю — 46 верст (по берегу — около 50 или чуть больше), что близко соответствует Хаджибею и совсем не подходит для Тильгульского лимана.

Само название Ени-Дуньи помещено по самому краю изображения, вплотную к координатной раме, как будто картограф пытался впихнуть его на лист. Поэтому положение относительно других объектов можно определять только с одной стороны. Но важнее то, что на участке видны признаки монтажа изображения из разномасштабных чертежей. Укрепления Очакова преувеличены по крайней мере на порядок. Укрепление Хасан-паша (Haſsan Paſcha Kalaſsi; حسن پاشا قله سی) действительно находится при устье речки, которая по этой причине должна соответствовать Березанскому лиману (правда, крепость обозначена не на правом берегу, как следовало бы, а на левом). Подтверждает это и то, что напротив располагается преувеличенный в размерах остров Березань (Berezan Ataſi, برزان اطه سی). Однако ее течение и обстановка западнее изображены совершенно нереально. От реки отделяются 4 рукава, текущие на запад, затем объединяющиеся в один и впадающие в большой лиман, имеющий морское устье. Противоположной стороной этот безымянный лиман сливается с той рекой, на которой стоит Ени-Дунья. Читателю должно быть понятно, что реально такого лимана вытянутого вдоль моря, а не к берегу, не существует. Положим, Ени-Дунья расположена на Тилигульском лимане. Точно известно, что укрепление Хасан-Паша находилось на Березанском лимане. Тогда получается, что между этими двумя лиманами расположено устье еще одного. Увы, та-

Рис. 4. Фрагмент карты границ Польши из Атласа Иосифа Яблоновского, картограф — Риччи Дзаннони, Лондон, 1772, Лист 24, южная часть. Государственный исторический музей. Инв. 52724, ГО-170.

Fig. 4. Fragment of the map marking borders of Poland, from Atlas by Józef Jabłonowski, by cartographer Ricci Zannoni, London, 1772, sheet 24, southern part. State Historical Museum. Inv. 52724, ГО-170.

кового не существует. Вывод: Тилигулу соответствует как раз то устье, которое не имеет названия на карте и расположено между Ени-Дуньей и Хасан-Пашой. А путаница названий образовалась из-за монтажа разномасштабных чертежей.

Если рассмотреть иные источники, то оснований для связи двух названий с одним населенным пунктом появится больше. Всегда следует учитывать, что картографическая информация несколько запаздывает относительно реальных изменений. Существуют карты, для которых использован общий с Риччи Дзаннони источник для иллюстрации региона: здесь также изображен вытянутый вдоль моря несуществующий лиман, но покрытие больше, что позволяет определить положение Ени-Дуньи относительно пунктов с обеих сторон.

Например, на карте Д. Ф. Стоцмана, составленной до 1788 г. (Фоменко 2008: 502, табл. 18: 7)[2] (рис. 5), также изображен вытянутый вдоль моря несуществующий лиман, впадающий в море восточнее Ени Дуньи (Janiduni), но он еще и подписан как Березанский (Berezan S.). Но это не значит, что крепость расположена так далеко на востоке. Приблизительно к этому же устью подходят еще две безымянных реки, а между ними — два лимана. Восточный из них в нижней части обозначен как Тилигульский (Olou Teli Ghenli), а в верхней части — это два сливающихся Куяльника (Kugalnik и Mit Kugalnik). Западный лиман — опять Куяльницкий Большой (Gr. Kugalnik). Следовательно, западный скорее соответствует Хаджибейскому. Ени-Дунья обозначена еще западнее, на правом берегу безымянной речки, также соответствующей устью Хаджибейского лимана или Водяной балке, то есть на месте Хаджибея, а последний среди названий отсутствует. На участке западнее, до Днестровского лимана, обозначены еще две речки, приблизительно соответствующие Сухому лиману и Барабою.

Аналогично изображение на «Карте Малой Тартарии с Крымом» Антонио Дзатта 1798 г. (Фоменко 2008: 304—305, табл. 25/4) (рис. 6). Из-за более мелкого масштаба здесь обозначено меньше гидронимов, но восточ-

[2] Для исключения сложностей толкования изображения здесь обозначен Куяльницкий лиман, к юго-западу от которого и расположена Ени-Дунья.

Рис. 5. Фрагмент карты Северного Причерноморья, составленной Д.Ф. Стоцманом, гравер Д. Бергер, Берлин, XVIII в. Государственный исторический музей. Инв. 55709, ГО-6201 (цветная вклейка, илл. 24).

Fig. 5. Fragment of the Northern Pontic map by D.F. Stozmann, engraved by D. Berger, Berlin, 18th c. State Historical Museum. Inv. 55709, ГО-6201 (color plate, ill. 24).

ный из двух лиманов-ориентиров, под которыми обозначена Ени Дунья (Janiduni), опять же назван Куяльницким (Kugalnik). Таким образом, «историографическим мусором» (Добролюбский, Губарь, Красножон 2002: 146) является как раз интерпретация укрепления при Тилигульском лимане как Ени-Дуньи.

Рассмотреть варианты возможных прототипов изображения на картах затруднительно, но можно ограничиться одним примером. На Генеральной карте Украины из атласа Иоганна ван Кейлена рубежа XVII—XVIII вв. (рис. 7) между устьями Днепра и Днестра также обозначены два лимана, сопоставимые с двумя лиманами представленных выше более поздних карт. Фантастического изображения Березанского лимана здесь нет. Восточный лиман подписан как озеро Тилигул (Teligol Ieziero). Западный — как просто озеро (Ieziero), в которое впадают два Куяльника (Kuiali Sucha и Kuialik R.). Приблизительно в том же месте относительно них, где на более поздних картах обозначалась Ени-Дунья, изображен Хаджибей (Koizubi H. у D.), что естественно, поскольку крепость с новым названием еще не построили. Все это только подтверждает единство Ени-Дуньи и Хаджибея.

Определение положения крепости Возия — значительно более сложный. Ф.К. Брун в молодости вообще допускал, что это «ничего не значащее слово» (Брун 1879: 187). Тем не менее, на картах это название встречается, что нельзя сбрасывать со счетов. Обозначалась она параллельно с Ени-Дуньей.

На карте Риччи Дзаннони Возия — Воджия (Vozia, ووجيا [Воджия]) обозначена на правом берегу лимана, наиболее соответствующего Тилигульскому. На левом берегу его устья обозначена башня Олу-куле (olu-kullé, اولوقلّه). Примечательно, что в названии укрепления содержится общий корень с названием лимана: Олу-Тели-Гули (Olou-Teli-Gheuli, اولو تلی کولی). Наиболее вероятная привязка пунктов — оба устьевых мыса Тилигульского лимана: Воджия — на правом, Олу-куле — на левом.

На упомянутых картах Д.Ф. Стоцманна и А. Дзатта Возия расположена на противоположной от Енидуни (Janiduni) стороне залива, но залив этот выглядит как вытянутый лиман. Хаджибейский и Куяльницкий лиманы обозначены отдельно, без выхода к морю, что вполне соответствует реальной совре-

Рис. 6. Фрагмент карты Малой Татарии с Крымом, Антонио Дзатта, Венеция, 1798. Государственный исторический музей. Инв. 55709, ГО-5977.

Fig. 6. Fragment of Tartaria Minor map with the Crimea, Antonio Zatta, Venice, 1798. State Historical Museum. Inv. 55709, ГО-5977.

менной обстановке. Вероятно, здесь использован тот же источник, на котором в результате монтажа разномасштабных карт Тилигульский лиман изменил направление и существенно сместился на запад вплоть до Одессы. На первой из них обозначена также и крепость Олу-куле, что только подтверждает предложенную локализацию.

Вернемся в турецкой рукописной карте и рассмотрим признаки для ее датировки и отличия от французского прототипа.

При копировании надписи красной краской иногда даны с искажениями, портящими в целом правильные названия в латинской графике, свидетельствующими о том, что картограф не был сведущ в географии Северного Причерноморья и Приазовья. Ачуев передан как Аксу; Кыз-Кермен как Кызыл-Ирмак, Геническ как Жангсы. В одном случае копировальщик поставил знак крепости в соответствии с исходным изображением, но существенно сместил подпись к нему: آولطا (Каламита-Инкерман-Олта). На южном берегу столь существенных погрешностей нет.

Вместе с тем на турецкой карте есть добавления новой информации. Во-первых, это 4 из 6 черных подписей на южном берегу, которые не имеют аналогий на французской карте: دک منلك (Дагманлык), اپو ه سيما (Апусима), اسبيه (Асбийе), حام بولى (Гамбули). Две остальные, كلملى (Килимли) и فليوز (Фалиуз), на французской карте имеются. Сюда же можно отнести и три исправления: дополнительный черный ل в слове د لكلى вместо красного د لكى с пропуском буквы; и дважды изменение начального د на و в названиях وونه ليمانى и وونه بورنى. Все это свидетельствует о знакомстве пользователя карты именно с Южным Причерноморьем.

Часть новых и измененных названий красными чернилами уже прокомментирована, рассмотрим их в целом.

1. Не совсем понятно искажение вполне узнаваемого на французской карте Хаджибея (Kodgea porto bon) на Куджэик лиманы (قوجه يك ليمانى). Напрашивающееся объяснение — орфографические искажения в вариантах Хаджибек (حاجىبيك, حاجىيك) или Хаджибей (حاجى بيى). Дополнительно на левом берегу этого же лимана добавлена подпись Аджылы (اجيلى) без обозначения крепости, которую можно связывать с со-

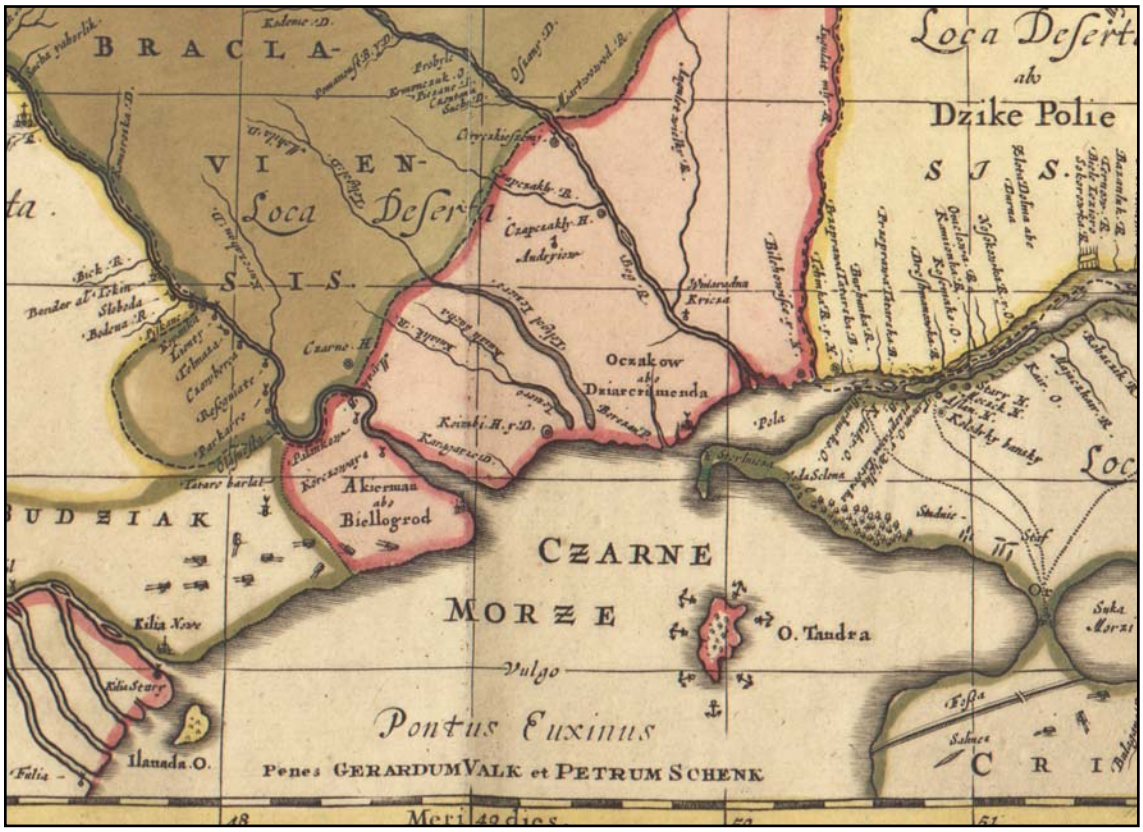


Рис. 7. Фрагмент Генеральной карты Украины, воеводства (палатинаты) Подольское, Киевское, Брацлавское. Атлас Иоганна ван Кейлена, картографы Г. Фальк и П. Шенк, рубеж XVII—XVIII вв. Государственный исторический музей. Инв. 54000, ГО-2400/18.

Fig. 7. Fragment of the General map of Ukraine, Podol, Kiev, Braclaw voivodships (palatinates), Atlas by Johan van Keulen, cartographers G. Falk and P. Shenk, end of the 17th — early 18th cc. State Historical Museum. Inv. 54000, ГО-2400/18.

временными Большим Аджалыкским или Аджалыкским лиманами, расположенными существенно восточнее.

2. Появилась крепостца حسن پاشا (Хасан-паша) западнее Очакова, причем подпись и условный знак отдалены друг от друга. Подпись, скорее, соответствует устью Тилигульского лимана. Вероятно, во время копирования крепость потеряла значение.

3. Появился Херсон, основанный в 1778 г.

4. Название залива на северо-западном берегу Крыма Ак-Масджид лиманы (اق مسجد لیمانی). Это может быть простой попыткой передать своими силами не вполне понятное название Каркинитского залива на французской карте.

5. Добавлено название Кызылташ, относящееся к лиману, населенному пункту или расположенному рядом островку.

7. Анапа правильно (в отличие от французской карты) обозначена отдельно от Суджук-кале.

8. Добавлено название лимана Суджук (Новороссийской, Цемесской бухты).

9. Добавлено название Сюрмене (سورمنه).

10. На более подходящее Кайсре (قایصره) заменено французское название Iskani rouna (турецкое название маленького порта — Киссе, на портоланах — Quissa) (Bryer 1961: 100, 122).

11. Не имеет близкого соответствия Хопе (خوپه).

Из всего этого можно сделать вывод, что копирование и редактирование турецкой карты состоялось в широком интервале между войнами 1768—1774 и 1787—1791 гг. Косвенные признаки свидетельствуют о том, что, скорее, это произошло ближе к концу широкого интервала (после присоединения Крыма и основания Херсона и Севастополя). Затем, видимо, карта использовалась владельцем, интересы которого были связаны преимущественно с Южным Причерноморьем. Он и оставил поправки, сделанные черными чернилами. Возможно ее составление и несколько позже, но по крайней мере на десятилетие существующую датировку следует омолодить.

Литература

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2003. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 году*. Санкт-Петербург; Симферополь: Государственный Эрмитаж.

Бочаров С.Г. 1998. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII — вторая половина XV вв.). *Причерноморье в средние века* (3). Москва; Санкт-Петербург, 82—116.

Бочаров С.Г. 2001. Оборонительные сооружения османской Каффы 1475—1774 года. В: *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Материалы IX международной научной конференции 25—30 мая 1998 г. Ростов-на-Дону: Ростовский педагогический университет, 154—156.

Бочаров С.Г. 2003. Топография города Керчи XVI—XVIII вв. *Древнее Причерноморье*. V-е чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского 12—14 марта 2001 года. Одесса: ОНУ, 35—43, 215.

Брун Ф.К. 1856. Заметки, относящиеся к древней топографии Новороссийского края и Бессарабии. *Новороссийский календарь на 1857 год, издаваемый от Ришельевскаго лицея*. Одесса: Ришельевский лицей, 414—438.

Брун Ф.К. 1879. Судьбы местности, занимаемой Одессою. *Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России* I. Одесса: Имп. Новороссийский ун-т, 160—188.

Весела З. 1969. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. В: Тверитинова А.С. (ред.). *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы* II. Москва: Наука, 124—125.

Веселовский Н.И. 1995. *Военно-исторический очерк города Анапы.* Санкт-Петербург: Макет. (Перепечатка из Записок Разряда военной археологии и археографии Русского археологического общества).

Волков И.В. 1992. Азовская крепость глазами Эвлии Челеби и русских военных топографов XVII—XVIII вв. В: *Историческая география Дона и Северного Кавказа*. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 83—94.

Волков И.В. 2006. Закрытый комплекс турецкого времени из Азова. В: *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г.* 21. Азов, 473—475.

Волков И.В. 2007. О дате основания города Темрюка. *Археологический журнал* 1. Армавир: Центр археологических исследований АГПУ, 136—139.

Воронов А.А., Паромов Я.М. 1987. Локализация средневекового города Темрюка. *СА* (4), 87—99.

Гордеев А.Ю., Булатов В.Э. 2007. *Картография Черного и Азовского морей: Ретроспектива* №214. Москва: ДиректМедиа Паблишинг (CD-диск).

Добролюбский А., Губарь О., Красножон А. 2002. *Борисфен — Хаджибей — Одесса: историко-археологические очерки*. Кишинев: Business-Elita.

Кварчия В.Е. 1985. *Ойконимы Абхазии в письменных источниках*. Сухуми: Алашара.

Клепиков С.А. 1959. *Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века.* Москва: Всесоюзная книжная палата.

Лагус Ф. 1853. Карл XII в Южной России. *ЗООИД* 3. Одесса, 306—337.

Мебде-и канун… 1987: *Мебде-и канун-ийеничери оджагы тарихи* (*История происхождения законов янычарского корпуса*). 1987. Изд., пер., ком. И.Е. Петросян. Москва: Наука.

Мурзакевич И. 1893. Описание городов и уездов Азовской губернии. *ЗООИД* 3. Одесса, 289—305.

Мыц В.Л. 1991. *Укрепления Таврики X—XV вв.* Киев: Наукова думка.

Николаев В. 1954. *Водяные знаки Оттоманской империи* 1. София: БАН.

[Паллас П.С.] 1877. Разные замечания, касательные до острова Тамана. *ЗООИД* 10, 230—234.

Паромов Я.М. 1992. *Археологическая карта Таманского полуострова*. Москва. Депонирована в ИНИОН РАН. Шифр деп. №47103.

Перепечаева Л.Б. 2001. Азов — пограничная крепость России к. XVII — н. XIX вв. *Очерки истории Азова* 6. Азов, 238—348.

Скальковский А. 1836. Херсон с 1774 до 1794 года. *Журнал министерства народного просвещения. 1836. Май*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 4—9.

Скальковский А. 1846. *История Новой Сечи или последнего коша Запорожского* (изд. 1-е). Одесса.

Скальковский А. 1865. *История Новой Сечи или последнего коша запорожского*. Ч.II.(2-е изд.). Одесса.

Тимофеенко В.И. 1984. *Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII в.* Киев: Наукова думка.

Фоменко И.К. 2007. *Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII—XVII вв.* Москва: Индрик.

Фоменко И.К. 2008. *Скифия — Тартария — Московия — Россия — взгляд из Европы: Россия на старинных картах*. Москва.

Чеснок В.Ф. 1988. Крепость Лютик (XVII—XVIII вв.). *Известия Ростовского областного музея краеведения* 3. Ростов-на-Дону, 66—73.

Эвлия Челеби. 1961. *Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века)* 1. *Земли Молдавии и Украины*. Москва: Наука.

Эвлия Челеби. 1979. *Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.)* 2. *Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья*. Москва: Наука.

Bryer A.A.M. 1961. The littoral of the Empire of Trebizond in two fourteenth century portolano maps. In: *'Αρχειον Πόντου* 24. 'Αθηναι, 97—129.

Churchill W.A. 1935. *Watermarks in paper in Holland, England, France, etc., in XVII—XVIII centuries and their interconnection*. Amsterdam: M. Hertzberger & Co.

Zaytsev A.K. 2000. The three earliest charts of Akhtiar (Sevastopol') harbor. In: *Imago Mundi: The International journal for the history of cartography* 52. London, 112—123.

References

Adaksina, S. B., Kirilko, V. P., Myts, V. L. 2003. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2002 godu (Report on Archaeological Studies on the Medieval Fortress of Cembalo (Town of Balaklava) in 2002).* Saint Petersburg; Simferopol: The State Hermitage Museum (in Russian).

Bocharov, S. G. 1998. In *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* (3). Moscow; Saint Petersburg, 82—116 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2001. In *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i srednie veka (International Relations in the Black Sea Basin in the Antiquity and in the Middle Ages)*. Rostov-on-Don: Rostov Pedagogical University, 154—156 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2003. In *Drevnee Prichernomor'e* (*Ancient Pontic Region*). Odessa: I. I. Mechnikov Odessa National University, 35—43, 215 (in Russian).

Brun, F. K. 1856. In *Novorossiiskii kalendar' na 1857 god, izdavaemyi ot Rishel'evskago litseia (Novorossiya's Calendar of 1857, Published by the Richelieu's Lyceum)*. Odessa: Richelieu's Lyceum, 414—438 (in Russian).

Brun, F. K. 1879. In *Chernomor'e: Sbornik issledovanii po istoricheskoi geografii Iuzhnoi Rossii (Black Sea Area: A Book of Studies on Historical Geography of the Southern Russia)* Vol. I. Odessa: Imperial Novorossiya University, 160—188 (in Russian).

Vesela, Z. 1969. In *Vostochnye istochniki po istorii narodov Iugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy (Oriental Sources for History of South-Eastern and Central Europe)* II. Moscow: "Nauka" Publ., 124—125 (in Russian).

Veselovsky, N. I. 1995. *Voenno-istoricheskii ocherk goroda Anapy (A Military and Historical Overview of the Town of Anapa).* Saint Petersburg: "Maket" Publ. (in Russian).

Volkov, I. V. 1992. In *Istoricheskaia geografiia Dona i Severnogo Kavkaza (Historical Geography of Don and Northern Caucasus)*. Rostov-on-Don: Rostov State University, 83—94 (in Russian).

Volkov, I. V. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 godu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov, 473—475 (in Russian).

Volkov, I. V. 2007. In *Arkheologicheskii zhurnal* (*Archaeological Journal*) 1. Armavir, 136—139 (in Russian).

Voronov, A. A., Paromov, Yu. M. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 87—99.

Gordeev, A. Yu., Bulatov, V. E. 2007. *Kartografiia Chernogo i Azovskogo morei: Retrospektiva (Cartography of the Black and Azov Seas: Retrospection)* 214. Moscow: "DirectMedia Publishing" Publ. (CD) (in Russian).

Dobrolyubsky, A., Gubar' O., Krasnozhon, A. 2002. *Borisfen — Khadzhibei — Odessa: istoriko-arkheologicheskie ocherki (Borysthenos — Haçibey — Odessa: Historical and Archaeological Essays*). Kishinev: "Business-Elita" Publ. (in Russian).

Kvarchiya, V. E. 1985. *Oikonimy Abkhazii v pis'mennykh istochnikakh (Oikonyms of Abkhazia in Written Sources)*. Sukhumi: "Alashara" Publ. (in Russian).

Klepikov, S. A. 1959. *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII—XX veka (Filigrees and Stamps on Paper of Russian and Foreign Production of 17th — 20th cc.).* Moscow: All-Union Book Chamber (in Russian).

Lagus, F. 1853. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 3. Odessa, 306—337 (in Russian).

Mebde-i kanun-yeniçeri ocağı tarihi = Istoriia proiskhozhdeniia zakonov ianycharskogo korpusa (History of Origins of the Janissary Corps's Laws). 1987. Moscow: Nauka (in Russian).

Murzakevich, I. 1893. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 3. Odessa, 289—305 (in Russian).

Myts, V. L. 1991. *Ukrepleniia Tavriki X—XV vv.* (*Fortifications of Taurica in the 10th—15th Centuries*). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Nikolaev, V. 1954. *Vodianye znaki Ottomanskoi imperii (Watermarks of the Ottoman Empire)* 1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Russian).

[Pallas, P. S.] 1877. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)*10, 230—234 (in Russian).

Paromov, Ya. M. 1992. *Arkheologicheskaia karta Tamanskogo poluostrova (Archaeological Map of the Taman Peninsula)*. Deposited with the Russian Academy's Institute of Scientific Information on Social Sciences, no. 47103. Moscow. (in Russian).

Perepechaeva, L. B. 2001. In *Ocherki istorii Azova (Essays on History of Azov*) 6. Azov, 238—348 (in Russian).

Skalkovsky, A. 1836. In *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia. 1836. Mai* (*Journal of the Ministry of Popular Education. 1836. May*). Saint Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences, 4—9 (in Russian).

Skalkovsky, A. 1846. *Istoriia Novoi Sechi ili poslednego kosha Zaporozhskogo (History of the New Sich, or the Last Zaporozhian Kosh)*. Odessa (in Russian).

Skalkovsky, A. 1865. *Istoriia Novoi Sechi ili poslednego kosha zaporozhskogo* (*History of the New Sich, or the Last Zaporozhian Kosh*) II. Odessa (in Russian).

Timofeenko, V. I. 1984. *Goroda Severnogo Prichernomor'ia vo vtoroi polovine XVIII v.* (*Towns in the North Black Sea Area in the Second Half of 18th c.*). Kiev: "Naukova dumka" Publ.

Fomenko, I. K. 2007. *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII—XVII vv.* (*How the World Looked on the Ancient Portolanos. Pontic Area. Late 13th — 17th cc.*). Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Fomenko, I. K. 2008. *Skifiia — Tartariia — Moskoviia — Rossiia — vzgliad iz Evropy: Rossiia na starinnykh kartakh (Scythia — Tartaria — Moscovia — Russia — a View from Europe: Russia on the Ancient Maps)*. Moscow (in Russian).

Chesnok, V. F. 1988. In *Izvestiia Rostovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia* (*Bulletin of Rostov Oblast Museum of Local Lore*) 3. Rostov-on-Don, 66—73 (in Russian).

Evliya Çelebi. 1961. *Kniga puteshestviia. (Izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka)* 1. *Zemli Moldavii i Ukrainy* (*The Book of Travels. (Extracts from the Tractate of a Turkish Traveller of the 17th Century)* 1. *Lands of Moldavia and Ukraine*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Evliya Çelebi. 1979. *Kniga puteshestviia (izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII v.)* 2. *Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ia i Podon'ia* (*The Book of Travels. (Extracts from the Tractate of a Turkish Traveller of the XVII Century)* 2. *Lands of the Northern Caucasus, the Volga Area and the Don Area*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bryer, A. A. M. 1961. The littoral of the Empire of Trebizond in two fourteenth century portolano maps. In: *'Αρχειον Πόντου* 24. 'Αθηναι, 97—129.

Churchill, W. A. 1935. *Watermarks in paper in Holland, England, France, etc., in XVII—XVIII centuries and their interconnection*. Amsterdam: M. Hertzberger & Co.

Zaytsev, A. K. 2000. The three earliest charts of Akhtiar (Sevastopol') harbor. In: *Imago Mundi: The International journal for the history of cartography* 52. London, 112—123.

Публикация источников

Sources

И. В. Волков

Igor Volkov. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Dmitry Likhachev [1].

Волков Игорь Викторович. Кандидат исторических наук. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

E-mail: plany_2010@mail.ru

Address: [1] Kosmonavtov St., 2, Moscow, 129301, Russian Federation

Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473—1478 гг. (текст, перевод, комментарий)

Keywords: Venice, Persia, 15th c., Giosafat Barbaro, international relations, embassy, historical geography.

Ключевые слова: Венеция, Персия, XV в., Иосафат Барбаро, международные отношения, посольство, историческая география.

I. V. Volkov

Giosafat Barbaro's Travel to Persia in 1473—1478 (text, translation, comments)

This is the first complete publication of the Russian translation, with comments, of the Journey to Persia by the 15th century Venetian public figure, diplomat and traveler Giosafat Barbaro. He headed Venetian embassy to the Persian shah Uzun-Hassan. The discussed travel account was written in late 1480s — early 1490s as a narration of this embassy, during which Barbaro had to make a long and eventful way through different cities and localities of the Mediterranean, Ottoman Empire and Persia. Besides, he provides some details on the countries he had never visited — India and China. Journey to Persia is a valuable source on history of international relations, historical geography, ethnography, economy and culture of medieval Persia and other Oriental countries. The article contains parallel Italian original and Russian translation texts.

И. В. Волков

Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473—1478 гг. (текст, перевод, комментарий)

Впервые публикуется полный русский перевод сочинения венецианского государственного деятеля, дипломата и путешественника XV в. Иосафата Барбаро «Путешествие в Персию», с комментариями. В 1473—1478 гг. Иосафат Барбаро возглавлял венецианское посольство к персидскому шаху Узун-Хасану. Данный труд был написан в конце 1480-х — начале 1490-х гг. как воспоминание об этой посольской миссии, во время которой Барбаро проделал долгий, насыщенный событиями путь по разным городам и местностям Средиземноморья, Османской империи и самой Персии. Кроме того, он приводит некоторые сведения о странах, в которых сам не бывал — Индии, Китае. «Путешествие в Персию» является ценным источником по истории международных отношений, исторической географии, этнографии, экономике и культуре средневековой Персии и других стран Востока. Оригинальный итальянский текст источника и русский перевод приводятся параллельно.

Венецианский нобиль Иосафат Барбаро (1413—1494) прожил долгую и бурную жизнь, в которой всего добивался за счет собственных трудов и дарований, а не благодаря происхождению. В молодости он 16 лет (1436—1452 гг.) провел в Тане (Азове), где был купцом и рыбопромышленником. Здесь он выучил татарский язык и завязал тесные связи с представителями знати Большой Орды. В определенном смысле это определило его симпатии к татарам, которые сохранялись всю жизнь. При описании того, как ордынцы начисто разграбили его рыбные ловли, совершенно не обнаруживается ненависти или озлобления. Более того, когда уже в Венеции он случайно увидел двух захваченных в рабство татар, то добился их освобождения, наказания хозяина, связанного с пиратами, а затем содержал их у себя и отправил за свой счет с ближайшим караваном галей обратно в Тану.

После возвращения на родину незадолго по падения Константинополя Барбаро некоторое время оставался приватным лицом.

© И. В. Волков, 2015.

В 1460-х гг. он был назначен проведитором, то есть главным инспектором, в Албанию, где фактически командовал всеми вооруженными силами Республики, а в случае начала боевых действий ему подчинялась вся венецианская администрация в регионе (Скржинская 1971: 73—74). Здесь ему приходилось заниматься ремонтом и усилением крепостей, вести обширную дипломатическую деятельность. Вскоре его многосторонний опыт был востребован для другой миссии — его отправили послом к владыке Персии Узун Хасану с целью склонить оного к нападению на Османов. Результат посольства оказался отрицательным, но виной тому — не «квалификация» дипломата, а реальная расстановка сил. Доказательством этому служит то обстоятельство, что Узун Хасан долгое время не хотел отпускать от себя образованного венецианца, чьи советы и суждения были явно интересны шаху. Отчасти это объясняется знанием татарского языка, что расширяло возможности частного общения. Вообще говоря, имел место беспрецедентный случай, нарушающий нормы дипломатического этикета: посол общался без переводчика, поскольку толмач посольства уже перед Тебризом был избит туркменами настолько сильно, что вскоре скончался. И в дальнейшем не раз знание татарского языка спасало венецианца от неминуемой беды.

Вернувшись в Венецию, Барбаро стал провизором области Полезине, а затем членом «Совета Мудрых». В конце 1480-х гг. он приступил к созданию своего сочинения — «Путешествия в Тану и в Персию». В 1494 г. Барбаро скончался и был погребен в церкви Св. Франциска делля Винна (Lokhartt 1973: 23). Наиболее подробно биографию этого автора рассмотрел Н. ди Ленна (Lenna 1914). Более поздние обзоры основывались на этой работе и обогащались полезными дополнениями и исправлениями.

Итальянские издания состоялись уже после смерти И. Барбаро. Первое — в 1543 г. (Barbaro 1543), затем в 1545 г. (Barbaro 1545). Всеобщую широкую известность произведение получило после его перепечатки в сборнике Дж. Б. Рамузио (Barbaro 1559), который затем неоднократно переиздавался большими тиражами. Критическое издание текста (Barbaro 1973) позволяет учитывать наиболее важные версии сочинения, поэтому перевод дается по нему.

При переводе я старался как можно меньше удаляться от источника, сохраняя авторскую пунктуацию (не соответствующую современной русской), а приближение к современному русскому языку останавливал ровно на том месте, с которого текст становился понятен.

Фактически «Путешествия» И. Барбаро — это два самостоятельных произведения, но тесно связанных между собой.

Второй части произведения Иосафата Барбаро — «Путешествию в Персию» — не повезло в России. Это сочинение до сих пор не было переведено на русский язык полностью (по крайней мере, мне не приходилось видеть опубликованный перевод). Между тем автор для меня лично отличался необыкновенной притягательностью, с того самого момента, когда еще в школьные годы случилось впервые кратко познакомиться с его текстом. Он оказался заметно большим азовчанином, чем я, хотя, попав в этот город по распределению, я рассчитывал на более долгое там пребывание. Он также оказался более ранним и более заслуженным «археологом» на юге России, поскольку раскопки, в которых он участвовал и которые кратко описал, проходили приблизительно на полтысячелетия раньше всех остальных. Главные же симпатии были связаны с тем, что это был добрый служака и верный гражданин своей страны, благосклонно и терпеливо переносивший любые трудности, и тем не менее, всегда внимательно относившийся к окружающим, независимо от их происхождения, веры и взглядов. Личная выгода как мотив поступков в его деятельности совершенно не прослеживается.

Первый широко распространенный перевод части сочинения Барбаро, касавшийся только путешествия в Тану, был издан В.Н. Семеновым еще в 1836 г. (Барбаро 1836)[1]. Им пользовались до появления работы Е.Ч. Скржинской. Примечательно, что даже после ее публикации были случаи использования перевода 1836 г. (Адыги 1974: 42; Виноградов, Нарожный, Нарожная 2001: 124, 131).

Е.Ч. Скржинская приложила все усилия, чтобы дополнить и исправить прежнее издание. Возможно, ее критика предшественника была излишне строгой, поскольку при интерпретации источника познания В.Н. Семенова в области исторической географии оказались более глубокими. Например, каким образом Е.Ч. Скржинская во второй половине XX в. смогла спутать северокавказскую Тюмень

[1] Другой анонимный перевод этой части сочинения, опубликованный в журнале «Сын Отечества», 1831, №48—49, привлекал внимание редко (ср.: Полиевктов 1935: 79—81).

с Таманью, для меня вообще остается загадкой. В «Путешествии в Персию» Барбаро характеризует положение этого пункта: «на равнине Каспийских гор», по контексту — к северу от Дербента и до входа на территорию Большой Орды. Тамань сюда совершенно не вписывается (см. подробнее: Лавров 1974). Но все это не умаляет заслуг прежних историков и переводчиков, чьи труды пошли на благо отечественной науке.

Странным образом, должно быть, по причине небольшого количества сведений о России и обширности текста, касающегося ближневосточных стран, «Путешествие в Персию» осталось без перевода в издании В. Н. Семенова. Еще более странно, что этого перевода не сделала Е. Ч. Скржинская, хотя она вольно пересказала или хотя бы упомянула бóльшую часть сюжетов, связанных с отечественной территорией. Но пересказ не может заменить сам оригинальный текст, особенно в отрыве от остальной части произведения, а полноценное знакомство с источником возможно только целиком, а не по фрагментам.

Кроме того, и в такой ограниченной форме изложения были сделаны некоторые погрешности, вводящие читателя в заблуждение. Например, фраза: «Рассказ Барбаро о торговле лошадьми, касающийся главным образом Персии, введен только в “Путешествие в Тану”» (Скржинская 1971: 8), — подразумевает, что сведений об этом в непереведенном тексте нет. В действительности они есть, с указанием цен, и дают представление о том, почему эта торговля была взаимовыгодной (Il Nuovo Ramusio 1973: 135).

Так или иначе, «персидская» часть источника использовалась историками давно. Фрагменты, касающиеся событий на Северном Кавказе, переведенные по изданию Дж. Б. Рамузио Л. Семеновой, попали в статью А. Е. Криштопы (Криштопа 1970: 116—117). Это замечательный пример анекдотичного варианта перевода, когда слово venti (двадцать) было воспринято как идентично пишущееся «ветры», а остальные погрешности и объяснить-то с помощью формальной логики трудно (см. подробнее: Волков 2003: 126—127; 2006: 289—290). Затем северокавказский фрагмент был переведен по тому же изданию еще раз (Волков 2003: 226—227). Уже после выполнения перевода с критического издания 1973 г. фрагменты «Путешествия в Персию» привлекались для решения частных вопросов, что не меняло ситуацию принципиально (Волков 2005: 47—48; 2012: 80—85).

В России были доступны экземпляры издания английского перевода XVI в., сделанного У. Томасом (Barbaro 1873: 37—101), но их количество, а главное — качество (в московских библиотеках общедоступен только один микрофильм, не везде хорошо читаемый), не могли существенно повлиять на общее знакомство ученого сообщества с источником. Это издание с подачи англичан получило даже высокую оценку Е. Ч. Скржинской: «Редакция решила издать труды Барбаро не в современном (XIX в.) переводе, а в своеобразном старинном переводе (the quaint old translation) английского писателя Уильяма Томаса, умершего в 1553 г. Издатели высоко ценили его хороший английский язык XVI в. Томас долго жил в Италии и там, вероятно, сделал переводы как “Путешествия в Тану”, так и “Путешествия в Персию”. Свою работу он посвятил английскому королю Эдуарду VI. Перевод Томаса заслуживает похвалы; он лучше русского перевода, сделанного в 30-х годах XIX в. В. Н. Семеновым» (Скржинская 1971: 24).

Высокая оценка — результат столь распространенного в интеллигентской среде рабского подобострастия перед Западом. Трудно понять, почему работа выигрывает, если она посвящена какому-то королю. (Приятно все же, что цензор В. Н. Семенов не прогнулся настолько перед начальством). Да и сам Иосафат Барбаро выгодно отличался тем, что не упомянул по имени того венецианского дожа, который настаивал на записи увиденного (см. подробнее: Скржинская 1971: 16—17). Совсем неуловимы достоинства «хорошего английского языка XVI в.», который и современным англичанам не облегчает однозначного понимания текста, а для отечественного читателя они и вовсе сомнительны.

Можно привести серию «достойных похвалы» примеров, где перевод У. Томаса сделан с точностью до наоборот [2], но это бессмысленно, поскольку неизвестен использованный им исходный оригинал итальянского текста. Ясно только, что это не самое распространенное и тщательно отредактированное издание Дж. Б. Рамузио: нет деления на главы с искусственно введенными названиями, даты составления сочинения и т. п., что добавил Дж. Б. Рамузио. Если использованная рукопись существенно отличалась от известных в настоящее время вариан-

[2] При описании Тарсуса сказано, что он находится в Великой Армении (Greater Armenia) (Barbaro 1873: 46), а в источнике значится, что это Малая Армения (Armenia Minore) (Il Nuovo Ramusio 1973: 113).

тов текста, то претензии к переводчику беспредметны. Совершенно оправданным выглядит пропуск фразы о царстве пресвитера Иоанна в Индии, явно добавленной редакторами (Barbaro 1873: 80). Но при этом весьма показательны комментарии самого переводчика, сделанные на полях. Например, при описании палатки из бокасина (ткани) сказано: «Bucasin is a verie fine lynen cloth made of cotton» («Букасин — это очень хорошая льняная ткань, сделанная из хлопка») (Barbaro 1873: 57). Это всё равно, что «каменный топор из железа» в анекдотичных ответах студентов на экзаменах по археологии.

При описании вышедшего из сдаваемого замка Сиджи владетеля сказано: «wth his wife, children and goods» (с женой, детьми и имуществом) (Barbaro 1873: 40). В действительности дети ни в одном из изданий и рукописей не упомянуты. В контексте последующих событий они также не фигурируют, хотя убийство этого «синьора» и последующая женитьба на его вдове одного из братьев, скорее, свидетельствуют об их отсутствии. Это мелочь, но для исследователей в области генеалогии она может оказаться существенной.

Иногда ошибки касаются сведений в области географии. Например, при характеристике окрестностей Курко в источнике сказано: «Questo Curcho è sul mar; ha per mezo verso ponente un scoglio…» («Этот Курко стоит у моря, с юго-запада от него расположена скала…»). А в переводе У. Томаса значится, что скала находилась к западу: «This Curco standeth on the sea, and hath forneagainst westwarde a rocke…» (Barbaro 1873: 44).

Иногда встречаются существенные погрешности в передаче чисел. При описании раздачи подарков народу Барбаро пишет: «На следующий день я встретил его сидящим вместе с более чем 15000 людей, главные из которых все были с тентами над головой…» (Nel seguente zorno lo ritrovai sentato insieme con persone più de.15000., i principali di quali tutti havevano tende sopra il capo…) (Il Nuovo Ramusio 1973: 128). По У. Томасу, оказывается, 15 тысяч сократились всего до 15 персон, в окружении которых находился синьор: «The next daie I founde him sett amongest XV p[er] sons…» (Barbaro 1873: 61).

Естественно, отечественному читателю были доступны издания итальянского текста, которые в целом рассмотрела Е.Ч. Скржинская (Скржинская 1971: 21—22). Уже после выхода ее монографии появилось критическое издание сочинения И. Барбаро, снабженное обширными комментариями и справочными материалами (Il Nuovo Ramusio 1973: 67—171). Оно и легло в основу предлагаемого здесь перевода. Разночтения в соответствии с изданием 1973 г. даются по четырем вариантам произведения:

1. Старейшая рукопись начала XVI в., хранящаяся в библиотеке Св. Марка в Венеции (Venezia, Biblioteca Nazionale di S. Marco, Codice Italiano Classe VI, № 210, collocazione 5913). Обозначается буквой «M». (Именно с нее делала перевод Е.Ч. Скржинская).

2. Рукопись, созданная в интервале 1537—1553 гг., хранящаяся в Музее Коррер в Венеции (Venezia, Civico Museo Correr, Codice Miscelaneo, № 397 (1328), сс. 214—294^{v}). Обозначается буквой «C».

3. Первое печатное венецианское издание 1543 г. в типографии Альда Мануция (Barbaro 1543). (Оно было переиздано в 1545 г.). Обозначается буквой «A».

4. Первое издание во втором томе редакции Дж. Б. Рамузио 1559 г. (Barbaro 1559). Обозначается буквой «R».

Основа текста — это старейшая рукопись (M). По умолчанию в разночтениях даются варианты из рукописи музея Коррер, наиболее отличная от основной («C» ставится только в сложных случаях). Варианты печатных изданий (A и R) немногочисленны и касаются преимущественно собственных имен.

При подготовке я стремился быть ближе к тексту Барбаро, представленному в критическом издании[3]. В ущерб «хорошему русскому языку» XX или XXI в. я старался соблюсти даже порядок слов венецианца и его пунктуацию. Естественно, если это делало язык перевода совсем уж не русским, приходилось допускать нарушения. Скобки, столь активно используемые Барбаро, в абсолютном большинстве случаев оставлены на месте, хотя их должны были бы заменять запятые или союзы. Разделение на абзацы по смыслу у Барбаро слишком далеко от того, что принято в русском языке: предложения, касающиеся одного и того же, могут быть разделены, но чаще в абзац допускается введение фраз, совершенно не связанных между собой. За редкими исключениями, предпочтение отдавалось редакции источника. В некоторых случаях (до трех десятков раз) особо громоздкие сложносочиненные предложения были разделены. Основной целью предполагалось то, чтобы потенциальные читатели, даже при некоторой корявости дословно-

[3] Выражаю искреннюю благодарность О.Ф. Кудрявцеву за ценные консультации и замечания к переводу.

го перевода, могли понять исходное значение именно в том смысле, который был заложен автором в XV в.

Слова в квадратных скобках — исключительно добавления, облегчающие понимание текста, в источнике их нет. Собственные имена транскрибируются, как в современном итальянском (насколько это возможно), поскольку передача звуков (особенно иноязычных) не была устойчивой. Это не существенно нарушает общую картину, поскольку даже орфография того времени не была устойчивой. В нотариальных актах, например, имя одного и того же человека в его присутствии на одном листе могло быть написано несколькими разными способами. Также в квадратных скобках даются после транскрибированного варианта географические названия и собственные имена, если они надежно определяются.

Комментарий к любому источнику, особенно к такому объемному, никогда не может быть полным. В первую очередь требовалось объяснить значение собственных имен, ограничиваясь минимумом информации. Изложение всего, что известно о каждом упомянутом топониме или персоне, безотносительно к источнику, — это целая бесконечность. Во-вторых, хотелось по возможности оговорить альтернативные варианты перевода, чтобы избежать опасности, что читатели будут воспринимать его как истину в последней инстанции. В-третьих, объяснить значение слов, если они использованы для предметов, которые в настоящее время вышли из обихода или значения их не слишком определенны. Даже этот минимум задач выполнить довольно сложно.

О самом авторе и его произведении сведения доступны по объемным и добротным вводным очеркам Е. Ч. Скржинской. Добавить к этому можно немногое.

I. Именно в «Путешествии в Персию» проявляется особенная гражданская позиция автора. При описании далекого Китая, известного ему только по рассказам, Барбаро высказывает взгляды на законность и справедливость, совершенно не характерные для средневековья, и особенно для представителей знати. Защита государством интересов бедного простолюдина представляется ему высшей степенью свободы и справедливости. Иллюстрирующие это примеры связаны с быстрым разбирательством без адвокатов и немедленным исполнением казни. В этом взгляды венецианца намного совершеннее современной доктрины «правового общества», в действительности являющейся лишь маскировкой преступности, когда процессуальная сторона позволяет оправдать любое беззаконие.

II. Существенны возрастные особенности: события «персидской» части биографии и запись их состоялись уже в то время, когда Барбаро был «старым». Была уже не та цепкая память молодого купца, не обремененного тяжестью ответственности за судьбу отечества. Погрешностей в географических описаниях, передаче названий и направлений во второй части значительно больше (в первой их практически нет).

III. Области приоритетных интересов традиционны для средневекового автора, например, упоминание несметных сокровищ, «валяющихся» в «мечети» в Султании. Но и здесь чувствуется индивидуальность автора. Традиционно описываются страны и дороги, источники существования и товары. Особенный интерес (кроме драгоценных камней) вызывали у Барбаро растения, явно он мог бы стать ботаником. Подтверждает это его письмо епископу Падуи с описанием борщевика (травы бальтракан), который использовали татары (Il Nuovo Ramusio 1973: 172—173; Волков 2010: 473—478). Особое внимание уделялось тканям, самому востребованному товару средневековья. Традиционно в поле зрения попадают вещи необычные и чудесные, но Барбаро ко всему подходит критически и пытается найти рациональное объяснение чудес. Например, необыкновенные свойства воды, спасающей от саранчи, он связывает с птицами, уничтожающими насекомых. Равным образом он находит логическое объяснение неправдоподобным сведениям об обилии христиан в Индии и Китае, поступавшим, казалось бы, от очевидцев.

IV. Смешанный жанр сочинения, где география и история объединены и обогащены дополнительными сведениями о культуре и древностях виденных стран, сопровождается попыткой объединить информацию по блокам. Помехой этому было необыкновенное «разнообразие событий, мест и времен», отмеченное автором в заключительной части. Фразы «возвращаясь в Тавриз» или «возвращаясь в Шираз» вовсе не свидетельствуют о фактическом возвращении. Всякий раз это просто указание на точку отсчета, от которой пойдет изложение новой порции информации. Ежедневных записей за время длительного пребывания в Персии, видимо, просто не было, поэтому приходилось опираться только на память. В результате Барбаро изложил свои наблюдения «в такой последовательности, в какой мог». Стиль

изложения обоих путешествий получился единым.

V. Вместо полагающегося книге «содержания» рассмотрим композицию «Путешествия в Персию» по блокам.

1. Путь на Кипр и война в Карамане. (Маршрут до Кипра опущен, но он восстанавливается по письмам Барбаро Сенату. 21.02.1473 — Старый Задар; 01.03 — Лезина (Хвар); 08.03 — Корфу; 13.03 — Метони (Пелопоннес); 21.03 — Родос; 26.03 — Пафос; 01.04 — Фамагуста) (Cornet 1852: 2—5, 9, 12).

2. Маршрут из Карамана в Тебриз, который можно представить одной линией: Силифке — Корикос — Мерсин — Тарсус — Адана — переправа через Евфрат — Урфа — Мардин — Хасанкейф — Сиирт — Хизан — Вастан — Хой — Тебриз.

3. Описание двора Узун Хасана, его сокровищ и праздников в Тебризе.

4. Описание орды (лагеря) Узун Хасана и похода в Шираз. Сюда вклинивается описание Султании и Кульпайагана.

5. Описание дальнейшей кочевки орды со вставками вначале о прокладке водопроводов и обработке древесины. Маршрут также близок к линии, но с нарушением последовательности пунктов. Шираз — Исфахан — Кашан — Кум — Йезд. Здесь же упоминаются отдаленные пункты, куда поступает продукция Йезда.

6. Путь из Восточной Персии (из Шираза) в Китай: Шираз — Герат — Самарканд — «Чин, Мачин и Китай». Барбаро был непосредственно знаком только с начальным отрезком. Здесь помещена обширная вставка о татарском после, приехавшем из Китая в Тану.

7. Описание территории по дороге из Персии в Индию, вокруг Персидского залива. Единая линия описания здесь не выстраивается. Форг (Куэрк) — Ормуз; Багдад, Сирия и Аравия, Каликут (Кожикоде).

8. Обратный путь в Тавриз по территории Персии. Здесь линия заметно более четкая. Лар — Шираз — Кимара (и Тимар) — Тахт-и Мадер-и Сулейман — Дехбид — Абаркух — Дах-и Сар — Тафт — Йезд — Майбуд — Акде — Наин — Наистанак — Ардистан — Кашан — Кум — Савве — Абхар — Султания — Тебриз. Это самая достоверная дорога из Индии.

9. Без выделения абзацем приложено описание маршрута от Тебриза к южному берегу Каспийского моря. Видимо, этого важного маршрута сам Барбаро не проделывал — слишком велико число ошибок, нарушений реальной последовательности пунктов.

10. Маршрут Трапезунд — Тебриз. Нет уверенности, что Барбаро сам проделал этот путь. Начинается фрагмент рассказом о трапезундских императорах. Промежуточные пункты выстраиваются в последовательность, но получается не самая короткая дорога: Трапезунд — Байбурт — Эрзинджан — переправа через Евфрат — Карпурт — Мазгирт (?) — Палу — Муш — Ахлат — Адильджеваз (?) — Эрджиш — Рази — Хой — Тесудж — Шабистар — Тебриз.

11. Путь из Тебриза в Ширван и Дербент, вплоть до северокавказской Тюмени. Сюда добавлен рассказ Винченцо о походе сектантов шейха Хейдара на Северный Кавказ. Последовательность определяемых пунктов короткая: Шемаха — Баку — Дербент — Тюмень. Названия племен и областей Северного Кавказа известны Барбаро отчасти с чужих слов, отчасти — в связи с путешествием в Тану.

12. Описание похода Узун Хасана в Грузию и обратного движения орды. Здесь сделано дополнение об армянах-католиках. Маршрут является не прямолинейным, а «круговым»: Тбилиси — Гори — Кутаиси — Скендер — Лориберд — Арарат — Киагри — Аленджия.

13. Обратный маршрут из Тебриза в Венецию. Предваряет его сообщение о смерти Узун Хасана и неудачном намерении возвращаться через Большую Орду. Описание этого пути позволяет сделать его надежную реконструкцию: Тебриз — Эрзинджан — Чемишгезек — Арапкир — Малатья — Алеппо — Триполи — Бейрут — Кипр — Венеция.

14. Примеры-иллюстрации о суевериях и притеснениях христиан в Персии.

Комментарии в виде примечаний, естественно, очень кратки. Для подробного объяснения всех взаимосвязей событий и вещей не хватит жизни. Предлагаемый «синхронный» перевод дает почву для анализа источника узкими специалистами, которые наверняка найдут погрешности. Во всяком случае, этот текст избавит от необоснованных гипотез, почву для которых создавало его отсутствие.

Quivi comencia la seconda parte che apartiene al viazo che io Iosaphat Barbaro feci in Persia come ambassator[1].

Essendo la nostra illustrissima signoria in guerra con l'Othoman del .1471., io (come homo uso a stentar[2] e pratico tra[3] gente barbara[4] e vuluntaroso[5] de tutto il bene de[6] essa illustrissima signoria) fui[7] mandato insieme[8] con uno ambassador de[9] Assambei, signor de la[10] Persia, el qual[11] era venuto a Venetia a confortar l'illustrissima[12] signoria che volesse prosequir la guerra contra il ditto Othomano[13], conciosia che anchor[14] lui con le sue forze li veniva incontra. Partissimo adonche da[15] Venetia con doi galee[16] sottil et dietro[17] de nui vennero doi galee grosse carge de[18] artegliarie, gente da fatti e[19] presenti, che mandava ditta illustrissima signoria al ditto Assambei, con commission che io mi apresentasse[20] al paese del Caraman[21] et a quelle marine e[22] (venendo over mandando lì Assambei) li donasse tutte ditte cose. Le[23] artegliarie furono bombarde, spingarde, schiopeti[24], polvere da trarli[25], carri e[26] ferramenti de diverse sorte, per valuta de ducati .4000. Le gente da fatti furono balestrieri e[27] schiopetieri[28] .200. sotto .4. contestabeli[29], con il[30] suo governador che era Thomaso[31] da Imola, el qual haveva[32] diece provisionadi sufficienti ad ogni governo. Li presenti forono[33] lavori et vasi d'argento per il valor de ducati .3000.; panni d'oro e di seda per il valor de ducati .2500.; panni de lana in scarlato[34] et altri color[35] fini per el[36] valor de ducati .3000.

Zonti che fussemo a l'insula de Cypro intrassemo in Famagosta et insieme se appresentassemo a quel re, uno ambassador[37] del papa, uno del re[38] Ferdinando et nui[39] doi, cioè[40] l'ambassador[41] de Assambei et io. Dove (informandone se per el[42] paese del Carmaman securamente se posseva passar[43] in Persia) trovassemo tutte le terre da marina et fra terra esser[44] occupate da l'Othoman. Per la qual cosa el ne fu necessario dimorar[45] un certo tempo in Famagosta, in el[46] qual tempo (desiderando io de prosequir el camin mio) più volte insieme con l'ambassador[47] del Caraman, el qual haveva ritrovato[48] in Cypro, me ne andai con una galea[49] sottil alle rivere del Caraman, lassando tuttavia gli altri ambassadori[50] in terra. Una di queste volte capitai a un porto dove è certo[51] castello chiamato Sygi[52], et ivi fussimo[53] a parlamento con un signor di quel logo[54],

Здесь начинается вторая часть, которая относится к путешествию, которое я, Иосафат Барбаро, совершил в Персию как посол

Когда наша блистательнейшая синьория находилась в состоянии войны с Османом, в 1471 г.[1], я (как человек, привычный к бедствиям, и опытный среди варварских народов, и страстно желающий всего лучшего этой блистательной синьории) был отправлен вместе с одним послом[2] Хасанбея[3], владыки Персии, который до этого пришел в Венецию, чтобы убедиться, что она намерена продолжать войну против упомянутого Османа, поскольку он также со своими силами двинулся против него. Итак, мы отправились из Венеции с двумя легкими галеями[4], а позади нас пошли две тяжелые галеи[5] с грузом артиллерии, вооруженными людьми и дарами, которые упомянутая синьория отправила упомянутому Хасанбею, с поручением[6], когда я окажусь в стране Караман[7] и у тех морских берегов (придя или отправившись к Хасанбею), я должен буду передать ему все упомянутые вещи. Артиллерия состояла из бомбард, спингард, скопет[8], пороха и повозок для их перевозки, железных инструментов разных сортов[9], из денег — 4000 дукатов. Вооруженные люди состояли из баллистариев и скопетариев, под командованием 4 констеблей, со своим командиром, которым был Томазо да Имола[10], у которого были десять наемников[11], достаточных для всякого правления. Подарки состояли из серебряных изделий и сосудов на сумму 3000 дукатов, шелковой парчи с золотом на сумму 2500 дукатов, наконец, шерстяных тканей красного и других цветов — на сумму 3000 дукатов.

Затем, оказавшись на острове Кипр[12], мы вошли в Фамагусту[13] и вместе предстали перед его королем: один — посол папы[14], один — короля Фердинанда[15], и мы двое, то есть посол Хасанбея и я. Там (полагая, что через страну Караман мы могли безопасно пройти в Персию) мы узнали, что все земли на морском берегу и в глубине суши[16] заняты Османом. По этой причине было необходимо задержаться на некоторое время[17] в Фамагусте, и в это время (решая, как продолжить мой путь), неоднократно с послом из Карамана, которого я встретил на Кипре, я ходил на одной легкой галее к побережью Карамана, оставляя, однако, остальных послов в городе[18]. Во время одного из этих плаваний я оказался в одном порту, где находится некий замок, называемый Сиджи[19] [Ташуджу]. Там мы вступили в переговоры с господином[20] этого места, ко-

el qual (benchè li fusser[55] sta' tolte tutte le sue forteze[56]) nientedimeno haveva[57] pur qualche centenaro de cavalli[58] e gente che andava per il paese quasi vagabondi, i quali el sequitavano. Uno fratello mazor di questo signor[59] se ne[60] era andato ad Assambei per haver soccorso da lui contra l'Othoman. Parlando noi[61] con questo[62] che havevamo[63] trovato lì del pensier nostro, tra l'altre[64] cose ne disse che con gran allegrezza el ne havea aspettati, e[65] mostrone lettere[66] de Assanbei nelle[67] qual se conteniva che dovesse star de bon[68] animo, imperochè veniria[69] l'armata di signor Venitiani con la[70] qual sperava che se recupereria[71] el stato et specialmente i loghi[72] da marina. Io havendo inteso che l'armata nostra se doveva appresentar[73] a quelle parte, ordinai che le galee che eran rimase[74] a Famagosta dovessen vegnir a Sygi[75]. In questo mezzo intisi[76] che'l capitanio nostro general messer Pietro[77] Mocenigo insieme[78] con li provedadori[79] messer Vettor[80] Soranzo e[81] messer Stephano Malipiero con[82] altre galee[83] et capitanei[84] erano arivati[85] nel porto del Curco[86], dove è un bel[87] castello chiamato Churco[88], et incontinente li mandai Augustino Contarini[89] sopracomito a dir che se'l se dovea tuor impresa[90] alcuna, a mi pareva che esso dovesse vegnir a Sygi[91], dove me[92] ritrovava io, perchè più[93] facilmente el se conseguiria[94] vittoria. Nondimeno, parendo a lui altro, commandasse[95] che obediria[96]. Sygi[97] era lontano dal Curcho[98] non più che .XX. miglia[99]. Pertanto havendo inteso il capitanio generai quello che io[100] li mandava a dir, quantunque zà havesse principiato[101] a bombardar el Curcho, se levò con l'armada e venese a Sygi[102]. In questa armada erano galee[103] cinquantasei et do galee sotil et do grosse[104], le qual io haveva, che fanno .60., tutte de la nostra illustrissima[105] signoria; galee[106] .16. del re Ferdinando, galee .5. del re de Cypro[107], galee do[108] del gran maestro[109] de Rhodi, galee[110] .16. del summo pontefice, le qual[111] però eran[112] remaste a Modon, che sono in tutto galee[113] .99.[114] In le galee nostre erano cavalli .440. con i soi stracioti, cioè[115] .8. per galea, eccetto cha in .5. galee[116], che non haveano cavalli. Gionti[117] nel porto, mettessemo i cavali[118] in terra et bona parte delle gente, i quali comminciorono[119] a prepararsi.

El dì seguente[120] el capitanio mandò per me[121] et dissemi che el gie pareva che quel castello fosse molto forte et per respetto del sitto[122] quasi inespugnabile[123], conciosia che è in[124] la summità d'un monte. E dimandomi[125] quel ch'io diceva. Risposili esser[126] vero che l'era[127] fortissi mo, ma etiamdio questo non falso[128] che dentro non se li retrovava al più

торый (хотя он потерял все свои крепости) сохранил около сотни лошадей и людей, которые разбрелись по стране почти как бродяги, и которые верны ему. Старший брат[21] этого господина отправился к Хасанбею за помощью ему против Османа. Говоря с нами о том, что мы увидели, по нашему мнению, среди прочих вещей он сказал, что с большой радостью ждал нас, и показал нам письма Хасанбея, в которых ему желалось доброго здоровья, поскольку придет флот Венецианской синьории, с которой он надеется вернуть себе положение, и особенно города на морском побережье. Я, поняв, что наш флот должен появиться в этих местах, предписал, что галеи, которые остались в Фамагусте, должны идти в Сиджи. В это время я узнал, что наш генеральный капитан мессер Пьетро Мочениго[22] вместе с проведиторами мессером Ветторо Соранцо и мессером Стефано Малипьеро[23], с другими галеями и капитанами прибыли в порт Курко[24] [Корикос], где находится красивый замок, называемый Курко, и тотчас я отправил к нему супракомита Августино Контарини[25], чтобы сказать, что если он должен предпринять какие-либо быстрые действия, мне кажется, что он должен прийти в Сиджи, где я находился, поскольку здесь он легче добьется победы. Однако, если ему представляется иначе, пусть прикажет, что исполнять. Сиджи расположен от Курко не более чем в XX милях. Когда генеральный капитан узнал [то], что я передал ему сказать, хотя он уже начал бомбардировку Курко, снялся [вместе] с армадой и пришел в Сиджи. В этой армаде[26] было пятьдесят шесть галей, и две галеи легкие, и две тяжелые, которые были в моем распоряжении, что составляло 60, все — нашей блистательнейшей синьории. 16 галей — короля Фердинанда, 5 галей — короля Кипра[27], две галеи — великого магистра Родоса, 16 галей — великого понтифика, которые, однако, остались в Модоне[28], что составляло всего 99 галей. На наших галеях находилось 440 лошадей с их стратиотами[29], то есть по 8 на галею, за исключением 5 галей, на которых не было лошадей. Добравшись в порт, мы оставили на земле лошадей и добрую часть людей, которые начали готовиться.

На следующий [день] капитан послал за мной, и сказал, что ему [уже] кажется, что рвы этого замка очень сильны, и по причине расположения — [замок] почти неприступен, ибо находится на вершине горы. И он спросил меня, что я скажу [на этот счет]. Я ответил ему, что он действительно сильнейший, но также правда и то, что внутри найдется не более двадцати пяти вооруженных

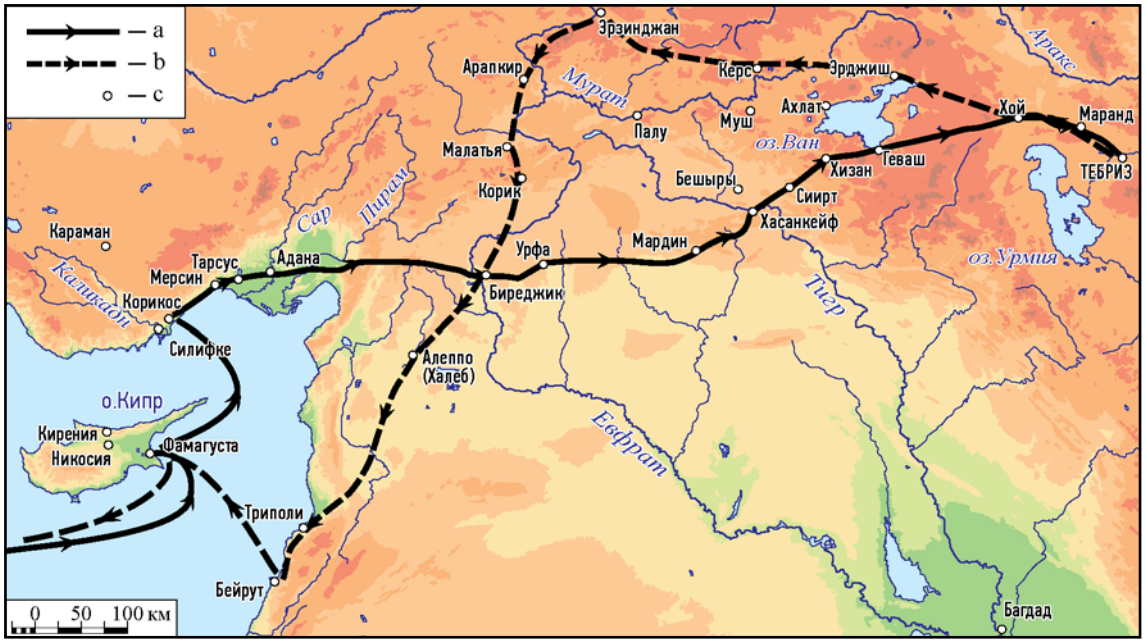


Рис. 1. Маршрут Иосафата Барбаро через Переднюю Азию до Тебриза (1473 г.) и обратно (1478 г.): a — путь из Венеции в Тебриз (1473 г.); b — обратный путь (1478 г.); c — населенные пункты, упоминаемые в тексте.

Fig. 1. Giosafat Barbaro's route through Central Asia to Tabriz (1473) and back (1478): a — journey from Venice to Tabriz (1473); b — return (1478); c — localities mentioned in the text.

homini venticinque[129] da fatti, i quali haveano[130] a guardar et deffender d'ogni intorno el spacio de uno[131] miglio. Dove me reputava certo che[132], perseguendo[133] l'impresa, presto el l'haveria[134]. Stete[135] molto suspeso[136] el ditto messer Piero Mocenico et non[137] mi fece risposta alcuna. Ma do[138] hore da poi me mandò el suo armiraglio a dir che l'haveva[139] deliberato de tuor l'impresa. Feceme stare de una[140] bona voglia et subitamente me ne andai et deti[141] di questo notitia a Themiaga[142] capitano[143] del Caramano, el qual similmente se allegrò[144] tutto e volse[145] ch'io andasse[146] a referir questo istesso[147] al suo signor, e cusì[148] feci. E (ritornato da ditto Themynga[149]) me ne venni al capitanio nostro e cominciassimo[150] a dar opera ai preparamenti de la[151] oppugnatione. La matina seguente cerca[152] hore .4.[153] de zorno Themynga[154] me disse che glie era[155] venuto uno dal castello a offerirli de darli[156] el castello, se nui volevamo salvarli le persone et le robbe[157]. Feceni moto[158] al capitano[159] nostro, el qual me ordinò che dovesse permetter[160] a quel tale per mezo[161] de Themynga[162] che lui con[163] le sue[164] persone e[165] robbe sarian[166] salvi e[167] (non volendo star[168] in quel logo[169]) sarian[170] condutti a salvamento dove a lor[171] piacesse. Havendo refferito[172] questo a Theminga, lui volse ch'io andasse a parlar con il signor di[173] quel castello[174], et pertanto andai alla porta, apresso la qual[175] era una fenestra quadra. Et con[176] el signor (el qual[177]

людей, которые должны охранять и защищать все вокруг на пространстве одной мили. Поэтому я уверен, что, добиваясь цели, мы быстро завладеем им. Упомянутый мессер Пьеро Мочениго глубоко вздохнул и не дал мне какого-либо ответа. Но двумя часами позже он прислал ко мне своего адмирала, чтобы сказать, что он решил совершить дело. Я воодушевился и тотчас пошел оттуда сообщить это известие Темиаге[30], капитану Карамана, который подобным образом обрадовался всему и захотел, чтобы я пошел бы сообщить это же самое его господину, я так и сделал. И (вернувшись от упомянутого Теминги) я пошел оттуда к нашему капитану, и мы начали работу и приготовления к приступу. На следующее утро, около 4 часов дня, Теминга сказал мне, что к нему пришел один человек из замка, чтобы предложить передать замок, если мы захотим сохранить им людей и имущество. Я передал слова нашему капитану, который приказал мне, что мы должны обещать таковое через посредство Теминги: что они со своими людьми и имуществом останутся невредимыми, и ([поскольку он] не хотел оставлять [их] в этом месте) будут доставлены в безопасности, куда захотят. Когда я передал это Теминге, он захотел, чтобы я пошел поговорить с господином этого замка, и поэтому я пошел к воротам, рядом с которыми было квадратное окно. И с синьором[31] (который подошел туда) говорил, и (в немногих словах) он сказал мне, что

era venuto lì) parlai e[178] (da po'[179] molte parole) esso me disse che servandoli[180] el capitano nostro la promessa de farlo securo con[181] le persone e robbe[182], era contento de darli el castello. E[183] fattoli ditta promessa, aperse le porte e lassò entrar[184] mi, l'armiraglio e[185] tre compagni de galea[186] insieme con il[187] nostro interprete. Dimandai dove volea essere[188]. Me respose che desiderava[189] andar in Suria e (per[190] andar più securo) de esser[191] condutto con una de le[192] nostre galee[193] lui con la moglie e robba[194] e cusì li promissi[195]; et egli incontinente seguitò[196] de insachar le sue robbe de le qual[197] per avanti gran parte haveva insachato. Ussito[198] esso con le sue robbe fuora de la[199] porta e dietro[200] lui gli[201] altri i qual erano nel castello con tutto el suo, i qual[202] potevano esser[203] da .150. in tutti, e[204] descendendo zoso del monte, se riscontrò con il[205] capitanio nostro ei qual veniva con una bona zurma de galìeoti[206] in suso per recever[207] el castello. Ai[208] qual galleoti non valse ni comandamenti ni manace dil[209] capitanio, che (vedendo queste robbe) non se mettessino a far preda sì de robbe como[210] de persone. Puolsi considerar l'affanno che have' il capitano e[211] provedadori e tutti quelli che havevano[212] inteletto, specialmente essendoli sta'[213] fatta per lor nome così gagliarda promessa. Tolto adonche il[214] castello, ritornai a galea, e[215] la sera sul tardi il capitano[216] mandò per mi e[217] con grande amaritudine se condolse del caso intervenuto, e volse[218] ch'io andasse[219] a trovar nel campo il capitano[220] del Caraman et in excusation sua dicesse quello a mi pareva conveniente de la desobbedientia e pazia[221] de' ditti galleoti e[222] de quello che esso havea[223] in animo de far[224] in favor de quelli che[225] erano sta' robbati[226] e contra de quelli che havevano robbado. Tornato adoncha[227] in la marina, ritrovai che l'interprete mio havea un armo[228] cargo de robba[229], al qual io feci tuor le robbe incontinente e dar de[230] molte[231] botte. Da poi me n'andai da Themynga[232] capitanio del Caraman, et excusato ch'io havì[233] la cosa con[234] el nostro[235] che mi era sta'[236] dato, concludendo li promissi[237] ch'el dì seguente da matina al tutto si faria[238] provisione. Esso mi accettò con bona ciera, dicendo che li dispiaceva che'l signor de Sygi insieme[239] con tutti li sui[240] (i quali erano rebelli dil[241] suo signor) non fusser[242] sta' morti. Io (veduto che de quello era seguito[243] non se prendeva[244] molta molestia) incominciai ad adaptar[245] la cosa, dicendo che quello li era sta' promesso bisognava che fusse atteso, e che quello[246] era seguito[247], era seguito[248] per la furia bestiai de' galleoti[249] con grandissimo dispiacere dil capitano[250] e provedadori e[251] tutti li sopra-

он примет предложение нашего капитана предоставить ему безопасность с людьми и имуществом, он доволен и передаст ему замок. И когда была достигнута эта договоренность, ворота открылись, и позволили войти мне, адмиралу, трем командам галей вместе с нашим переводчиком. Я спросил его, где он хочет быть. Он ответил мне, что решил отправиться в Сирию и (чтобы добраться более безопасно) чтобы его отвезли на одной из наших галей с женой и имуществом, как я ему обещал; и он продолжил тут же затаривать в мешки свое имущество, из которого заранее большая часть была упакована. Он вышел со своим добром за ворота, а за ним остальные, которые были в замке, со всем своим, их было от 150 всего. А когда они спускались вниз с горы, они встретились с нашим капитаном, который шел с хорошей командой гребцов[32] вверх, чтобы попасть в замок. Эти гребцы не посчитались ни с командами, ни с угрозами капитана, они (видя это добро), не удержались от того, чтобы превратить в добычу, как имущество, так и людей. Происшедшее стали обдумывать капитан, и проведиторы, и все, кто имел разум, особенно те, в связи с чьим именем было заключено настолько надежное соглашение. Лишь обогнув замок, я вернулся на галею, а поздно вечером капитан послал за мной, и с великой горечью соболезновал о происшедшем инциденте. Он захотел, чтобы я пошел и нашел в лагере капитана Карамана, и для извинения его [капитана] сказал бы, что мне представляется подобающим относительно непослушания и безумства упомянутых гребцов, и [спросил,] что он [капитан Карамана] полагает сделать для помощи тем, кого ограбили, и против тех, кто ограбил. Вернувшись затем на берег моря, я обнаружил, что у моего переводчика — лодка, нагруженная добычей, я немедленно отобрал имущество и наградил его множеством ударов. Затем я пошел к Теминге, капитану Карамана, и оправдался тем, что обсудил дело, которое мне поручено, с нашими, и, заключая, пообещал, что утром следующего дня все будет найдено. Он встретил меня с довольным лицом, говоря, что ему неприятно, что синьор Сиджи вместе со всеми его [людьми] (которые восстали против его господина) не оказались мертвыми. Я (видя, что происшедшее не причинило ему большого беспокойства) начал улаживание дела, говоря, что то, что было обещано, должно выполняться, а что произошло затем — произошло из-за зверского бешенства гребцов, к величайшему неудовольствию [нашего] капитана, проведиторов и всех супракомитов. Когда я вернулся к нашему капитану,

comiti. Ritornato che fui dal capitano[252] nostro, fu commesso[253] per lui a messer Vettor[254] Soranzo insieme[255] con alcuni sopracomiti el cargo de la[256] recuperation de[257] anime e robbe (contra la fede che nui li havevamo[258] data) tolte. Et da matina per tempo fur[259] fatte cride con asperrime[260] pene che tutti dovessero[261] apresentar e[262] metter in terra le anime et robbe tolte et oltra di questo[263] furon ricercade con[264] grandissima diligentia tutte le galee; le anime furon ritrovade[265] tutte et de le[266] robbe una bona parte, de le[267] qual, de quelle che eran[268] minute, fu fatto un grandissimo monte e di quello cavate da parte tutte le robbe che erano[269] del signor, sì quelle[270] che se ritrovâno[271] in sacchi como[272] quelle che se ritrovavano[273] fuor di[274] sacchi, e da poi tutte insieme[275] furon portate in la galea de messer Vittor Soranzo provedador, conciosia che in essa era[276] intrato quel signor insieme[277] con la sua donna, a la[278] qual fideva apresentato tutto quello che se ritrovava[279]; le robbe che[280] erano del populo[281] tutte insieme fur consignate[282] al capitano[283] loro, el qual[284] fece far[285] la crida che ogniun[286] venisse a tuor le sue e cusì venero[287].

Existimavasse[288] che questo signor[289] havesse grande[290] thesoro lassatoli dal padre et (per quello se puotè veder[291]) era (fra pietre pretiose[292], perle, oro, argento e panni) desene de migliara[293] de ducati. Et in segno de[294] ciò, uno sopracomito candiotto (el qual haveva hauti do[295] sacchi de ditte robe, e uno[296] ne havea restituito e con[297] l'altro se ne[298] era andato a Rhodi[299]) morendo in quel logo[300] ordinò che (per[301] quello esso havea hauto de[302] conto del[303] ditto signor) li fusse restituiti[304] ducati 800.

Fatto questo[305], dui fratelli del ditto signor el vennero[306] a trovar in galea e[307] con sue rason, promissione, suasione[308], tanto fece che contentò de[309] desmontar[310] in terra con tutto el suo e (puoco[311] da po'[312] la partita de le[313] galee) lo feceno morir e[314] (comò che se[315] questo fusse sta' pocho[316] male) uno de[317] essi tolse per moglie la donna, che[318] era sua cognata[319].

L'armada retornò al Curcho supranominato e[320] (desmontata che fu la gente in terra) furon messe le bombarde a soi logi[321] per opugnar[322] etiamdio questo castello, nel qual erano[323] per guardia gente del l'Othoman. Era zonto in quel[324] istesso tempo a quel logo el signor Caraman con le sue gente et (tolta la prima centa de muri) se detteno a patti[325], salve le persone e[326] robbe, e[327] cusì havessemo el castello e[328] sì lo restituissemo al Caraman. Drieto a questo io me ne[329] andai

он приказал мессеру Ветторо Соранцо вместе с некоторыми супракомитами судов вернуть похищенных людей и имущество (в нарушение заключенного нами договора) полностью. А рано утром был оглашен указ: что под страхом суровейшего наказания все должны представить и положить на суше захваченных людей и имущество; а затем обыскать с величайшей тщательностью все галеи. Были найдены все люди и добрая часть имущества, из которого то, что было мелким, составило огромнейшую гору, из которой выкапывали по частям все вещи, которые принадлежали синьору, как то, что было найдено в мешках, так и то, что было найдено вне мешков. А затем все вместе было доставлено на галею мессера Витторо Соранцо, проведитора, поелику на нее сел этот синьор вместе с женой, и на ней он надеялся доставить все, что возвращено. Имущество, которое принадлежало народу, все вместе, было передано их капитану, который отдал приказ, что каждый должен прийти и выбрать свое. Так и сделали.

Оказалось, что этот синьор [османский владетель Сиджи] обладал большими сокровищами, оставленными ему его отцом и (насколько это можно было видеть), оно стоило (из драгоценных камней, жемчуга, золота, серебра и тканей) безумных тысяч дукатов. И показателем этого было то, что[33] один супракомит-кандиот[34] (который захватил два тюка упомянутого имущества, один вернул, а с другим добрался до Родоса), умирая в этом месте, распорядился (поскольку он взял [вьюк] из имущества упомянутого синьора), чтобы тому [т. е. синьору] были возвращены 800 дукатов.

После того, как это было сделано, два брата упомянутого синьора поднялись к нему на галею со своими соображениями, обещаниями и уговорами, и получилось так, что удержали его от того, чтобы спуститься на землю со всем своим [людьми] и (как только галея отчалила) его убили и (это было бы еще полбеды), один из них взял в жены ту женщину, которая была женой его брата.

Флот вернулся к вышеупомянутому Курко, и (высадив людей, какие были, на сушу) [мы] расположили бомбарды на своих местах, чтобы затем обстреливать этот замок, в котором для защиты были люди Османа. Присоединился в это самое время в этом месте синьор Карамана [прежний владетель] со своими людьми. И (как только был взят первый участок стены) нам предложили договор: сохранить им жизнь и имущество, и тогда мы завладели бы замком. Так мы восстановили Караман. После этого я отправил-

a Silephica[330], terra famosa, con alcuni del Caraman, la qual per il[331] simile era occupata dal l'Othoman, e dissi[332] a quelli che[333] erano drento[334] che volessero[335] render la terra e[336] che sariano salve le[337] lor robbe e persone; altramente che (se se lassavano dar la bataglia[338]) forsi el voriano far, che'l non[339] se accettaria[340], ma che tutti anderiano per el fil de la spada[341]. Fume resposto[342] che io andasse[343] alla bonhora e[344] che da matina essi manderiano[345] a dir al Caraman quella era la[346] intention sua. El dì seguente[347] li mandorono a dir che[348] erano contenti de darli la terra e[349] che andasseno[350] presto, imperochè gliela[351] consegnariano, e[352] cusì fecero.

Il capitano[353] nostro da poi con tutta l'armata se ne[354] tornò in Cypro e[355] messese[356] a star apresso Famagosta per provedere al governo de[357] quella insula. Imperochè el[358] re Zacho era mancato de[359] questa vita nel[360] tempo che nui eravamo[361] ne le[362] terre del Caraman. Fatte le debite provision[363], da poi alcuni zorni se levò et andossene[364] verso l'Arcipelago; io remasi nel porto de Famagosta con tre galee sutil e do[365] grosse, insieme[366] con li contestabili e[367] fanti che me[368] erano sta' dati da la illustrissima signoria, dove steti[369] per certo tempo. Zonse[370] in questo mezo do galee[371] del re Ferdinando, sopra le qual[372] era l'archiveschovo de Nichossia[373] de nation cathelano e[374] con lui un[375] messo del ditto re[376], i quali dovean contrazer[377] matrimonio de una[378] fiola del re Zacho naturale[379], e (stagando in ditte pratiche) una notte sottosopra incominciò[380] sonar campane ad arme et el[381] vescovo se redusse con quelli el sequitavano alla piaza[382] et havè la terra, e pocho[383] drieto havè Cerines e[384] quasi tutta la[385] insula a sua obedientia. Il capitano[386] nostro general (havendo inteso che do galee[387], le qual[388] vegnivan da Napoli con il[389] ditto vescovo, andavan vero[390] levante) suspetò[391] che dovessero andar in Cypro e[392] mandò messer Vettor[393] Soranzo provedador con .10. galee sotil, el qual[394] (zonto a Famagosta) retrovò[395] una de quelle galee[396] nel porto e[397] (da poi molti parlamenti fatti insieme[398]) fu fatta con el vescovo e[399] sui seguaci[400] certa composition che restituisseno la terra e[401] tutto quello haveano[402] tolto e[403] che se ne andasseno alla bonhora, e[404] così fu fatto. E[405] lo ambassador[406] del re Ferdinando se ne ritornò[407] a Napoli; quello del summo[408] pontifice remase a Famagosta. Io con l'ambassador de[409] Assambei, el qual desiderava andar al mio camino, insieme con el mio cancelliero montai su[410] una galea[411] sottil et tutte do[412] le galee[413] grosse (le[414] qual havevano le

ся оттуда в Силефику[35] [Силифке, Селевкия], знаменитый город, с некоторыми [людьми] из Карамана, которая подобными образом была занята Османом. Я сказал тем, кто находился внутри, что если они захотят вернуть город, то им будут сохранены имущество и жизни, что в противном случае (тогда им останется дать сражение), они могут сделать это [т. е. сражаться], если не согласятся, но все пойдут на острие сабли[36]. Мне ответили, чтобы я пришел рано, и что утром они сообщат в Караман о своих намерениях. Затем они отправили сказать, что они согласны сдать им [т. е. карамanцам] город, и что они уйдут быстро после того, как сдадут его. Так и сделали.

Затем наш капитан со всем флотом вернулся оттуда на Кипр и остановился поблизости от Фамагусты, чтобы проконтролировать управление этим островом. Поскольку король Джако оставил эту жизнь в то время, когда мы находились в землях Карамана[37]. Сделав необходимые приготовления, через несколько дней он отчалил и отправился в сторону Архипелага[38]; я остался в порту Фамагусты с тремя легкими галеями и двумя тяжелыми[39], вместе с констеблями и пехотинцами, которые были предоставлены мне блистательнейшей синьорией, где мы оставались некоторое время. В этот месяц прибыли две галеи короля Фердинанда[40], на которых находился архиепископ Никосии[41] и посланник упомянутого короля, которые должны были заключить брак внебрачной[42] дочери короля Джако. И (когда [они] выполняли это дело) однажды ночью начали беспорядочно звонить колокола на лодках, и епископ с теми, кто следовал за ним, вошел на площадь и захватил город, а немного позже захватил Черинес[43] [Кирению], почти весь остров подчинил себе. Наш генеральный капитан (узнав, что две галеи, которые вышли из Неаполя с упомянутым епископом, направились в сторону востока) заподозрил, что они должны были пойти на Кипр и отправил мессера Ветторо Соранцо, проведитора, с 10 легкими галеями, который (прибыв в Фамагусту) нашел одну из тех галей в порту, и (после долгих совместных переговоров) с епископом и его последователями было заключено определенное соглашение, что они возвратят город и все, что захватили, и что он уйдет оттуда по-хорошему. Так и сделали. Посол короля Фердинанда вернулся оттуда в Неаполь, а подчиненный[44] великого понтифика остался в Фамагусте. Я с послом Хасанбея, который хотел пойти со мной, вместе с моим секретарем сели на легкую галею, а обе тяжелые галеи (на которых была артиллерия и вышеупомянутые подарки)

artegliarie e[415] presenti[416] sopranominati) per comandamento[417] de la illustrissima signoria ordinai che andasse in Candia; de[418] le qual parte remaseno lì e[419] parte furono rimandate[420] a Venetia; e[421] li fanti feci restar[422] a custodia de l'insula[423] de Cypro. E ritornaimene al Curcho[424], del qual (perché non ho posto el sito) al presente ne parlarò.

Questo Curcho è sul[425] mar; ha per mezo[426] verso ponente un scoglio che volta un terzo de miglio[427], in su el qual per avanti[428] soleva esser un[429] castello, monstra d'esser fatto[430] forte, bello[431] e ben lavorato, ma di[432] presente in gran parte è[433] ruinato; ha su le[434] porte maestre[435] certe inscription[436] de lettere le qual[437] mostravano d'esser[438] belle e simel a le armenie[439], pur in altra forma de quella che[440] usano li Armeni de presenti conciosia che li[441], Armeni ch'io havea con mi non le sapevan lezer[442]. El castel rotto è lontano dal Curcho a la via de la boccha del porto[443] un trar de balestro, ma el Curcho è parte edificato in[444] su un saxo e parte scorre su la spiaza[445] verso el mar. El saxo in su[446] el qual è da la parte de levante è tagliato in un fosso alto eguale. El sabion[447] verso la spiaza[448] ha un[449] muro scarpado[450] grossissimo, da non poter esser offeso da bombarde. In el castello n'è un altro con[451] le sue mura[452] grossissime e[453] torre fortissime, tutto el qual cengie do[454] terzi d'un[455] miglio. Ha etiamdio lui sopra le porte, le qual[456] son due, certe inscription di[457] lettere armenie[458]. Ogni stantia[459] di questo castello ha la sua cisterna de aqua dolce e[460] ne i logi[461] publici .4.[462] cisterne, tanto grande, tutte de aqua dolce perfettissima, che serviriano ad[463] ogni grande[464] città. Ne l'ussir de la[465] porta che è verso levante, per una strada lontana un trar d'arco dal castello, se trovano arche de[466] marmori d'un pezzo, bona parte de le qual sono[467] rotte, da un capo como[468] da l'altro de la[469] strada, et durano per insina[470] a una certa giesia, mezo[471] miglio distante, la qual mostra esser[472] sta' assai grande e ben lavorata de colonne de marmoro[473] grosse et altri excellenti lavori. I logi circonstanti[474] al castello sonno montosi et[475] sassosi, simili a quelli de l'Histria[476], habitadi per quel tempo da zente[477] del signor Caraman. Nasce lí frumenti assai e[478] gottoni; animali e specialmente boi e[479] cavalli assai, frutti perfettissimi, de più sorte, assai. L'aiere per quel ch'io[480] vidi è molto[481] temperato. De presente non so como se stia[482] imperochè sono[483] sta' destrutti per l'Othoman. A costa de la[484] marina son doi[485] castelli: Sygi[486], ditto di[487] sopra, edificato su[488] un monte, et uno[489] altro, fortissimi. El primo de quelli[490] è lon-

по распоряжению блистательнейшей синьории я отправил в Кандию[45], из которых часть была оставлена там, а часть — отправлена обратно в Венецию. Пехотинцам было приказано остаться для охраны острова Кипра[46]. Я возвратился в Курко, о котором (поскольку я не уделил ему места прежде) я расскажу теперь.

Этот Курко стоит у моря, с юго-запада от него расположена скала около трети мили в окружности, на которой, как обычно, впереди, стоит крепкий и красивый замок, хорошо построенный, но в настоящее время значительная его часть разрушена[47]. Над воротами с северо-восточной стороны есть некоторая надпись красивыми буквами, похожими на армянские, но другой формы, чем используют армяне в настоящее время, поелику армяне, которые были со мной, не могли их прочесть. Этот разрушенный замок расположен на расстоянии полета стрелы из арбалета от Курко, по дороге ко входу в порт, а Курко частью построен на скале, а частью — тянется по равнине в сторону моря. Скала, на которой он находится, с восточной стороны отделена рвом, также глубоким. Песчаный участок со стороны поля защищен огромной стеной, укрепленной тесаным камнем, ее нельзя разрушить бомбардами. Внутри замка находится еще один, со своими высочайшими стенами и крепчайшими башнями, в окружности вдоль стен он составляет две трети мили. Над его воротами, которых двое, также какие-то надписи армянскими буквами. Каждый житель этого замка имеет собственную цистерну с пресной водой, а в общественных местах — 4 цистерны, настолько огромные, наполненные чистейшей пресной водой, что могли бы обеспечить любой большой город. При выходе из ворот, которые расположены с востока, на дороге, расположенной на расстоянии выстрела из лука от замка, находятся монолитные мраморные арки, по большей части разрушенные, с одного до другого края дороги. На расстоянии полумили оттуда сохранилась некая церковь, которая была весьма большой, красиво отделанной большими мраморными колоннами и другими замечательными изделиями. Деревни вокруг замка — в холмистой и каменистой местности, как в Истрии[48], в то время они были населены людьми синьора Карамана. [Здесь] родится много хлеба, хлопка, животных, особенно быков и лошадей, много превосходных фруктов множества сортов. Воздух, как я увидел, очень горячий. В наше время это не так, поскольку они разрушены Османом. У берега моря находятся два сильнейших замка, Сиджи, о котором говорилось выше, постро-

tano dal mar un trar d'arco; l'altro è lontano da questo[491] miglia .6. et è posto apresso il mare[492], assai forte. Partendo dal Curcho e[493] andando verso maestro[494] .10. miglia lontano se trova Seleucha[495], la qual[496] è in cima d'un monte per sotto el qual[497] passa uno fiume[498] che mette[499] in mar apresso el[500] Curcho, simel[501] de grandeza[502] alla Brenta; apresso questo[503] monte è uno theatro nel modo de[504] quel de Verona, molto grande, circondato[505] de colonne d'uno pezo[506] con li sui gradi intorno[507]. Ascendendo il[508] monte per andar in la terra, a man mancha se vedeno[509] assaissime arche, parte d'un pezo[510], come è ditto de sopra, separate[511] dal monte, e parte cavade nel proprio monte. Ascendendo più suso se trovan le porte de la[512] prima centa de la[513] terra che sono[514] quasi alla summità del monte, le quale hanno un turrion per lato e sono de[515] ferro senza legname alcuno, alte circa .15.[516] piedi, large la mità, lavorate politissimamente, non meno che si[517] fussero d'argento, et sonno grossissime et forte[518]. El muro è grossissimo, pieno di drento, con[519] la sua guarda davanti[520], el qual de fuora è cargo e[521] coperto de[522] terreno durissimo, tanto rato[523] che per esso non se puol ascender[524] alle mura. El qual terreno li va d'ognio intorno, et è tanto[525] largo da le[526] mura che da basso lui circonda .3.[527] miglia et in cima el muro non circunda più de[528] uno, et[529] è fatto a similitudine d'un pan de zucaro. Dentro da 'sta centa[530] è el[531] castello de Selleucha[532] con i suo'[533] muri e[534] torrepiene, tra el[535] qual e le mura de la[536] prima centa è[537] tanto terreno vacuo che a un bisogno faria da .300. stara[538] de frumento[539]. Dista[540] la centa dal castello passa .30. e piui[541]. Dentro mo'[542] dal castello è una cava quadra fatta nel saxo[543], profunda passa .5.[544], longa .25. e più, larga[545] cerca .7. In questa[546] erano legne assai da munition et[547] una cisterna grandissima in la qual non è mai per manchare[548] aqua. E questa terra è in[549] l'Armenia Minore[550], la qual se extende per misura al[551] Monte Thauro[552], chiamato nel lor lenguazo Corchestan[553].

Steti[554] certo tempo in questo logo e[555] poi me aiciai[556] al camino de Persia, caminando (quantunque el ge sia altra via) per la marina; et in una zornata[557] non grande ussiti[558] fuora de le terre[559] del Caraman. El primo logo ch'io ritrovai[560] è Tharsus[561], bona città, el signor de la[562] qual è Dulgadar, che fu fratello de Sessuar. El paese è sottoposto al soldan, quantunque sia pur ne l'Armenia Minore. La terra volta .3. miglia; ha[563] una fiumara davanti, sopra la quale è uno[564] ponte de pietra in volti, per el[565] qual se[566] ense de la[567] terra; e[568]

енный на горе, и еще один. Первый из них находится на расстоянии выстрела из лука от моря, второй — на расстоянии 6 миль от первого, расположен рядом с морем, достаточно укреплен. Если выйти из Курко и идти на северо-запад, то через 10 миль встретится Селеука[49] [Силифке, Селевкия], которая находится на вершине горы, под которой течет река, впадающая в море рядом с Курко, по величине подобная Бренте[50]. Рядом с этой горой находится театр, такой же, как в Вероне, окруженный монолитными колоннами, со ступенями вокруг. Если подниматься на гору, чтобы войти в город, с левой стороны видны многочисленнейшие арки, как было сказано выше. Отдельно от горы есть пещерная часть, в подходящей горе. Поднявшись чуть выше, оказываются у ворот первой части города, которые находятся почти на вершине горы, с башенкой сбоку, они сделаны из железа без какого-либо дерева, их высота — около 15 футов[51], а ширина — вполовину, они отполированы, как будто из серебра, огромнейшие и крепкие. Стена очень велика, полная внутри[52], со сторожевым пунктом впереди, снаружи и внутри обложена настолько твердым сырцовым кирпичом, что на нее невозможно взобраться. И этот сырцовый кирпич идет там везде вокруг, и настолько широко от стены, что снизу он окружает 3 мили, а по верхушке стена окружает не более одной. Это подобно сахарной голове. Внутри этого пояса находится замок Селлеуки со своими стенами и множеством башен, за которыми находятся стены первого пояса. Свободного пространства столько, что требуется засевать более 300 мер пшеницы, на расстоянии от пояса замка — от 30 пассов[53] и более. Внутри замка есть прямоугольная яма, выдолбленная в скале, ее глубина — 5 пассов, длина — 25 и более, ширина — около 7. В ней достаточное количество дерева для припасов и громаднейшая цистерна, в которой никогда не кончается вода. Этот город расположен в Малой Армении[54], которая простирается до пределов горы Тауро [Тавр], называемой на их языке Коркестан[55] [Курдинстан].

Мы побыли некоторое время в этом месте, и затем я продолжил путь в Персию[56], двигаясь (хотя была другая дорога) по берегу моря, через один день, не более, мы вышли за пределы Карамана. Первый город, в котором я оказался — Тарсус[57], хороший город, владетель которого — Дульгадар[58], а его брат — Сессуар. Эта страна подчинена султану[59], хотя она [находится] в Малой Армении. Окружность города — 3 мили, перед ним находится река, над которой мост с арками, по которому выходят из города, река течет почти вокруг него. В го-

questa fiumara[569] li va quasi atorno. In essa è uno castello scarpado da doi ladi[570] de una scarpa alta passa .15.[571], la qual[572] è de pietre tutte lavorate a scarpello. Davanti è un logo piano[573], quadro, eminente, al qual se va per el[574] castello con una scala[575], el qual[576] è tanto longo e largo che tegniria[577] homini .100. suso. La terra è posta su un montesell[578]o non molto[579] alto.

Una zornata lontano[580] se trova Adena, terra molto grossa, davanti de la[581] qual è una fiumara grossissima, la qual se passa per un ponte de pietra in volto longo passi .40., in su[582] el qual ponte (essendo nui acompagnati con certi suffi, zoè al nostro modo peregrini, et essendo tutti nui vestiti alla lor guisa) questi suffi incomincioron[583] a balar[584] in spirito, cantando uno de loro de le[585] cose celestiale e de la[586] beatitudine di Machometto[587], principiando lietamente[588] et asiatamente et sempre andando strenzando più la misura. E[589] quelli che ballavano, ballando[590] secondo la voce, in mo'[591] che fra spatio d'un quarto d'hora spessegavano tanto i passi e[592] salti che parte de loro cascavano col[593] corpo insuso e[594] stramortivano lì. Era concorsa a tal spettaculo assai gente, e li[595] compagni tolevano[596] quelli che[597] erano cascati e[598] portavanli ai lozamenti; e[599] quasi in ogni logo[600] dove se habitava et alcune fiate etiamdio per el[601] camino facevano cotal demostration[602], così come se fusser sforciati[603] a farle[604].

La terra de Adena, e similmente la regione, fa de molti gottoni e gottonina; è (anchora essa)[605] del soldano. Posta[606] per el simile in la[607] Armenia Minore[608].

Lasso de dir[609] le ville e[610] castelli rotti che se ritrovano per insina[611] suso lo[612] Euphrate[613] per non haver cosa molto memorabile. Zonti[614] a l'Euphrate[615] ritrovassimo[616] un navillio del soldan el qual[617] portava da .16. cavalli in suso, navillio molto stranio con il qual passassimo[618] el fiume. Apresso questo fiume sono[619] certe grotte nel saxo[620] dove (per mali tempi)[621] se reduceno[622] chi de li[623] passa. Da[624] l'altro lato sono[625] alcune ville de Armenii[626] dove alozassemo[627] una notte; passato il[628] fiume capitassemo a una terra nominata Orphe[629] la qual[630] è del signor Assambei; governavassi[631] per Valibech, fradello[632] del ditto signor. Fu già gran terra, hora è quasi tutta ruinata[633] dal soldano, nel tempo che'l signor Assambei andò alla obsedion[634] del Byr[635]; ha un[636] castello in[637] sul monte assai forte. In questo logo[638] el signor se ne[639] avete ch'io era e mostrò di vedermi volentieri[640]. Et io ad[641] esso detti[642] mie lettere[643] le qual haveno bon recapito. Non voglio dir altro di questa terra per esser sta' destrutta[644], donde etiamdio el signor

роде есть замок, укрепленный с обеих сторон стеной высотой в 15 пассов, вся она каменная, обработанная теслом. Впереди находится ровное прямоугольное возвышенное место, с которого в замок идет лестница, настолько длинная и широкая, что на ней помещаются 100 человек. Город расположен на холме, не очень высоком.

На расстоянии одного дня [пути] находится Адена[60] [Адана], очень большой город, перед которым находится величайшая река[61], через которую идет каменный мост с арками длиной 40 пассов. На этом мосту (когда мы находились вместе с некими суфиями[62], то есть по-нашему пилигримами, и все мы были одеты на их манер) эти суфии начали танцевать с воодушевлением. Один из них распевал о делах небесных и о блаженстве Махомета, начав вяло и мягко, все время усиливал темп. А те, которые танцевали, танцевали в соответствии с голосом. В течение четверти часа они, как судорожные, настолько часто повторяли па и прыжки, что часть из них — падали там без чувств. Множество людей собралось посмотреть этот спектакль, и присутствовавшие брали упавших и относили по домам. И почти в каждом обитаемом месте, где кто-либо есть, а также на дороге, они устраивают такое же представление, так как мастаки делать это.

Город Адена, как и его округа, производит множество хлопка-сырца и тонких хлопчатобумажных тканей. Он также подчинен султану и находится в Малой Армении.

Я не буду говорить о разрушенных деревнях и замках, которые встречаются вплоть до Евфрата[63], поскольку в них нет ничего запоминающегося. Добравшись до Евфрата, мы встретили некое судно султана, которое везло 16 лошадей вверх [по течению], судно очень необычное, на котором мы переправились через реку. Рядом с этой рекой находятся какие-то пещеры в скале, где (в опасные времена) прячутся те, кто в пути. С другой стороны — несколько армянских деревень, где мы провели одну ночь. Пройдя эту реку, мы попали в город, называемый Орфе[64] [Урфа], который принадлежит синьору Хасанбею, им управляет Валибек[65], брат упомянутого синьора. Прежде это был большой город, сейчас он почти полностью разрушен султаном, в то время, когда синьор Хасанбей пошел на осаду [города] Бир[66] [Биреджик]. Здесь есть замок на вершине горы, достаточно сильный. В этом городе владетель узнал, кто я, и посмотрел на меня благосклонно. Я предоставил ему данные мне письма, хорошо доставленные. Не хочу говорить больше об этом городе, поскольку он разрушен, поэтому даже

habita con timore. Zonzessemo poi alle radice d'un[645] monte, el quale[646] è sopra uno[647] altro monte et ha una città chiamata Merdin, a la[648] qual non se può andar se[649] non per una scala[650] fatta a mano; i gradi de la[651] qual sono[652] de pietra[653] viva de[654] passa .4.[655] l'uno con le sue bande, et dura[656] per miglio uno. Dal capo di questa scala[657] è una porta e[658] poi la strada che va in la terra. El monte d'ognio intorno cola aqua dulcissima et per[659] tutta la terra sono[660] fontane assai. In la terra è un[661] altro monte el qual[662] quasi tutto intorno è una rocha[663] alta da passa[664] .50. in suso. In l'ascender del qual[665] el se ritrova[666] una scala simile alla prima[667]. Non è in questa terra altre mura cha[668] quelle de le[669] case; essa è longa un terzo d'un miglio[670], ha da fogi[671] .300. drento et in essi populo assai; fa lavori di setta[672] e di gottoni assaissimi et è[673] similmente del signor Assambei. Sogliono dir[674] Turchi e Mori che è tanto alta[675] che quelli i quali[676] habitano in essa non vedeno mai oselli volar sopra de sì[677]. In questo logo alozai[678] in uno hospital[679], el qual fu fatto per Ziangirbei[680] fratello del signor Assambei, dove tutti che vanno hano[681] da manzar e (se non sono[682] persone che parano da qualche conto[683]) li vien messi sotto a i[684] piedi tapedi da meglio[685] de ducati .100. l'uno. Voglio dir qui una cosa assai rara et ne le[686] parte nostre rarissima, la qual me intarvene[687]: stavame[688] un zorno solo sentado[689] ne l'hospitale[690] et ecco che'l viene[691] da mi uno[692] carandolo, cioè un[693] homo nudo, toso, con una pelle de capriol[694] davanti, bruno, de anni circa .30., e[695] sentome arente e tolsesse de tasca uno suo libreto[696] et incominciò[697] a lezer[698] devotamente con boni gesti, come se (a nostro modo) dicesse l'offitio[699]; non molto da poi me se[700] fece anchor[701] più da presso et dimandò chi io era et[702] respondendoli io ch'io era[703] forestiero, me[704] disse: «Anchor[705] mi son forestiero[706] de 'sto mondo et così siamo tutti nui. E[707] perhò ho lassato et fatto pensiero de sequirmene in cotal[708] modo per insino alla mia fine», con tante altre bone et elegante parole, che al ben viver, al viver modestamente con mia gran maraveglia confortavami e despreciar el mondo[709], dicendo : «Tu vedi come io me ne[710] vado nudo per lo mondo; hone visto parte d'esso e[711] niente ho ritrovato che mi piacia[712], per la qual cosa ho deliberato d'arbandonarlo[713] al tutto». Partendomi da Merdino cavalcassimo[714] zornate sie[715] per insino ad[716] una terra del signor Assambei, la qual se chiama Assancheph[717], a la[718] qual prima che se azonzi[719] el se vede ne la[720] costa d'un monte picolo[721] a man destra habitation[722] d'homini infinite cavate nel proprio monte, et[723] a mano senestra se ritrova[724]

владетель живет [здесь] в страхе[67]. Затем мы оказались у основания горы, которая находится над другой горой. Там находится город, называемый Мердин[68] [Мардин], в который нельзя попасть иначе, чем по рукотворной лестнице, ступеньки которой из яркого камня, каждый по 4 пасса по стороне, а длина — до одной мили. Вокруг горы везде течет сладчайшая вода, а во всем городе — множество фонтанов. В городе есть еще одна гора, которая почти везде вокруг представляет собой высокую скалу, 50 пассов в высоту. При подъеме на нее находится лестница, подобная первой. В этом городе нет иных стен, кроме как стены домов, длина его — треть мили, внутри него до 300 домов с многочисленным населением. [Здесь] производят множество изделий из шелка и хлопка. Он также принадлежит синьору Хасанбею. Турки и мавры[69] говорят, что он расположен настолько высоко, что те, кто живет в нем, никогда не видят птиц, летающих над ними. В этом городе я остановился в странноприимном доме, устроенном Джанджирбеем[70], братом синьора Хасанбея, где всех, кто приходит, кормят, и (если это не персоны, лишенные какой-либо знатности) им стелют под ноги ковры [ценой] более 100 дукатов за штуку. Хочу рассказать об одной вещи, очень редкой, а в наших краях — редчайшей, которая со мной случилась: однажды я остался один в гостинице, и вот пришел ко мне аскет[71], то есть человек обнаженный, стриженный, со шкурой косули впереди, смуглый, лет около 30. Он достал из-за пазухи[72] книжечку и начал читать вдохновенно, с соответствующими телодвижениями, как (на наш манер) говорит священник. Немного позже он еще больше приблизился и спросил, кто я такой. Я ответил, что я чужестранец, он сказал мне: «Я тоже гость в этом мире, как и все мы. Однако я остался и принял решение следовать по этому миру вплоть до моего конца», с такими добрыми и изящными словами, призывами к доброй жизни, к жизни скромной, к моему великому удивлению, утешал меня; [просил] презирать мирское, говоря: «Ты видел, как я шел обнаженный по миру; я видел его страны, и нигде мне не встретилось то, что было бы мне приятно, по этой причине я решил отказаться от всего». Выехав из Мердина, мы скакали шесть дней, пока не достигли города синьора Хасанбея, который называется Ассанкеф[73] [Хасанкейф], у которого, прежде чем достигнуть его, видны в обрыве одной маленькой горы, с правой стороны, бесчисленные жилища людей, выдолбленные в самой горе, а с левой стороны находится гора, на которой построен упомянутый город. У ее основания

el monte sopra el qual[725] è 'dificata[726] ditta terra, alla cui radice ce sono[727] anche grotte, intra le quale habitano[728] gente assai, le qual[729] grotte per tutta una faciata del[730] ditto monte sono innumerabile[731], tutte assai alte da terra, con le sue strade, le quale portano a ditte habitatione[732]; de le qual habitatione alcune sono[733] alte più di passi[734] .30., in modo che quando vanno con le persone et animali per ditte strade par che zapano[735] in aere tanta è la sua alteza[736]. Continuando il[737] camino et voltandosi[738] a man mancha[739] se va in la terra, in la qual se ritrovano merchadanti de[740] gottoni et altri mistieri. È[741] terra de passo assai frequentato[742]; volta un miglio et mezo[743] con il[744] suo borgo, in el[745] qual se ritrovano molte belle habitation[746] et alcune moschee. De qui el se passa una fiumara[747] bella e profunda, larga[748] (per infina in[749] quel logo) da[750] passi .30., per un ponte de legnami grossi li[751] quali per forza de peso stano[752] sopra le teste che tochano[753] in terra. Imperochè per la profondità del fiume non se può sustentarse[754] in aqua. Passato questo monte, se ne andiamo[755] per campagne e logi montosi[756] non tropo[757] né alti né asperi, lontano[758] da i quali do[759] zornate (andando verso quasi a levante[760]) el se ritrova una terra ditta Sairt la quale è fatta in triangolo et da una de le[761] parte ha un[762] castello assai forte con molti turrioni[763], parte de le[764] mura de la[765] qual son ruinade; dimostra esser[766] stata terra bellissima; volta .3.[767] miglia, è[768] benissimo habitata[769], ornata de case, de moschee e de[770] fontane assai, bellissime. In la qual volendo intrare, passassimo do[771] fiumi per do[772] ponti de pietra[773] de uno volto l'uno, sotto li quali passeria[774] un gran burchio de li[775] nostri con tutto il[776] suo arboro[777], et ambidui sono[778] fiumi grossissimi e veloci[779]; uno se chiama Bethelis[780], l'altro Issan. E[781] per infina[782] a questo logo[783] se extende l'Armenia Minore[784]; non se ritrovan[785] gran monti nè gran boschi, nè anchor[786] case diverse da le[787] consuete. Sonnovi[788] per la regione[789] ville assai, viveno[790] de agricoltura, como[791] se fa de qui; hanno frumenti e[792] frutti e[793] gottoni assai; boi, cavalli et altri animali assai; hanno oltra di questo capre le qual[794] ogni anno pelano e di[795] quella lana fanno li ciambellotti[796], le qual[797] essi governano e[798] tengono lavade e[799] nette.

Hora cominciaremo[800] entrar nel monte Thauro[801], el qual principia verso el Mar Mazor ne le[802] parte de Trabesonda[803] et vassene[804] per levante et syrocho[805] verso el Sino Persicho[806]. Allo entrare de[807] questo monte sono[808] montti altissimi et asperi habitati[809] da certi populi i quali se chiamano Corbi, che[810] hanno uno idioma separato da li circomvicini

также находятся гроты, в которых живет множество людей, и эти пещеры на фасаде упомянутой горы — бесчисленны, все они выше поверхности земли, с лестницами, которые ведут в упомянутые жилища. Некоторые из этих жилищ в высоту — более 30 пассов, так что когда идут по упомянутым улицам люди и животные, идут как по отрытому месту, такова их высота. Продолжая путь, и поворачивая налево, приходят в город, где находятся продавцы хлопка и других товаров, проходимое место[74] весьма людное, в окружности вместе с пригородом — полторы мили. В нем многочисленные красивые дома и некоторые мечети. Там течет красивая и глубокая река[75] шириной (вплоть до этого города) — более 30 пассов. [Переправляются] через мост из огромных деревьев, которые опираются всем весом на быки, установленные на земле. Поскольку из-за глубины реки невозможно это сделать в воде. Пройдя эту гору, идем по равнинам и гористым местам, не слишком высоким и крутым. На расстоянии двух дней от них (идя почти в сторону востока) находится город, называемый Саирт[76] [Сиирт], который имеет форму треугольника, а в одной из его частей находится достаточно сильный замок со многими башенками, часть его стен разрушена. Он представляется красивейшим городом, в окружности — 3 мили и прекрасно населен, украшен домами, мечетями и многочисленными красивейшими фонтанами. Желая пройти в него, переходим две реки через два каменных моста, по одной арке в каждом, под которыми могла бы пройти наша большая барка со всей своей мачтой. Обе реки — величайшие и быстрые; одна называется Бетелис[77] [Битлис], другая — Иссан[78] [Изидхане-су]. До конца этого места простирается Малая Армения. [Здесь] не встречаются ни высокие горы, ни большие леса, ни даже дома, отличные от обычных. В области множество деревень, живущих сельским хозяйством, которое дает зерно, фрукты, хлопок в большом количестве; быков, лошадей и множество других животных. Сверх того у них есть козы, которых держат расчесанными и чистыми, их они стригут каждый год и из этой шерсти делают камлоты[79].

Здесь начинаем восходить на гору Тавр, которая начинается со стороны Великого [Черного] моря, в краях Трапезунда, и идет на восток-юго-восток до Персидского залива[80]. При входе на этот хребет располагаются высочайшие и крутые горы, населенные некими народами, которые называются курды[81], язык которых отличается от окружающих. Они — [люди] жесточайшие, не столько вороватые,

e sono crudelissimi, non tanto[811] ladri quanto assassini. Hanno castelli assaissimi edificati[812] in su derupi[813] e brichi a fin de star sui i passi[814] e derubare li viandanti; molti de li[815] quali perhò sono sta' ruinati da li signori per i danni[816] ch'hanno fatto alle caravane[817] le quale passano de lì[818]. Hone[819] fatta de la[820] condition loro qualche experientia, imperhochè essendo con certi compagni a dì .4. di aprile[821] .1474. levato de una terra nominata Chexan[822], la qual è d'uno[823] signor sottoposto al signor Assambei, cerca meza[824] zornata lontano[825] da la[826] terra, havendo in[827] compagnia del signor[828] Assambei, sopra de[829] una altta[830] montagna fussemo assaltati da questi Corbi et ditto ambassator et el mio cancelliero insieme con do altri morti, io et altri ferriti[831]. Tolsene le some e tutto[832] quello trovorono. Io (essendo pur[833] a cavallo) tolsi[834] del camino e fuziti[835] solo, da poi quelli et ferriti me[836] vennero a trovar et insieme[837] se[838] accompagnassemo con uno calipho, zoè[839] capo de peregrini et caminassemo al meglio che potessimo. El terzo giorno da[840] poi zonzessemo a Vastan, città ruinata et[841] mal habitata de cerca[842] .300. fogi; do[843] zornate lontano retrovassemo[844] una terra nominata Choy[845], la qual anchora[846] essa era[847] ruinata, faceva da fogi[848] .400. ; viveno de artificii[849] et de lavorare[850] la terra. Essendo cerca alla fin del monte Thauro, deliberai de separarmi da questo calipho[851]; tolsi uno di sui[852] compagni per mia guida et in tre zornate fui apresso di Thauris[853], città famosissima. Essendo su[854] la campagna ritrovassimo[855] certi turcomani[856] i quali erano accompagnati[857] con alcuni Cordi che vegnivano[858] verso de nui, li quali dimandono[859] dove nui andavamo[860]. Io li resposi[861] che andava a ritrovar il[862] signor Assambei, con lettere[863] che se driciavano[864] a lui. Rechieseme[865] uno de loro che glieli mostrassemo[866], et dicendoli[867] io mansuetamente che non era honesto che ge le[868] desse in man[869] a lui, alzò un pugno et detemi[870] una masselata[871] tanto grande che .4.[872] mesi da poi me durò quel dolore; battetero etiamdio asperamente l'interprete mio e lassone[873] molto mal contenti, come se puol pensare.

Zonti che fussemo a Thauris[874], capitassemo in un caversera, cioè[875] secondo nui fontego, dove io feci assapere[876] al signor Assambei (el qual se ritrovava lì) che io era[877] zonto e[878] che desiderava d'andar[879] alla sua presentia, et incontinenti[880] la matina sequente mandando per mi, me[881] apresentai a lui, cusì[882] mal in ordine che me rendo certo che quello haveva[883] in dosso tutto[884] non valeva do[885] ducati. Veteme volentieri e de primo me[886] dis-

сколько склонные к разбою. У них многочисленнейшие замки, построенные на отвесных скалах и в лесистых местах, чтобы останавливать на перевалах и грабить путников. Многие из них по этой причине разрушены синьорами, из-за вреда, который они причиняют караванам, проходящим через них. Я имел возможность столкнуться с их нравами[82]. 4 апреля 1474 года мы выехали из города, называемого Кеджан[83] [Хизан], владетель которого подчинен синьору Хасанбею. На расстоянии около полудня пути от города, находясь в земле синьора Хасанбея, когда мы находились на вершине одной высокой горы, на нас напали эти курды, и упомянутый посол, и мой секретарь, и двое других были убиты, я и другие — ранены. Они захватили вьюки и все, что нашли. Я (будучи верхом) съехал с дороги и скрылся в одиночку, затем остальные и раненые нашли меня. И вместе мы объединились с неким «халифом», то есть предводителем пилигримов[84], чтобы пройти бы больше, чем могли. Затем, на третий день мы пришли в Вастан[85], город в упадке и плохо населен, около 300 семей[86]. На расстоянии двух дней от него находится город, называемый Хой[87], который также разрушен, здесь от 400 семей, они живут ремеслом и обработкой земли. Находясь у основания горы Тавр, я решил отделиться от этого «халифа». Я взял одного из его спутников в качестве проводника, и через три дня оказался рядом с Тавризом[88], городом знаменитейшим. Находясь в сельской местности, мы встретились с некими туркоманами, с которыми были некие курды, которые пошли в нашу сторону. Они спросили, куда мы идем. Я им ответил, что иду на встречу с синьором Хасанбеем, с письмами, которые направлены ему. Один из них потребовал, чтобы я показал их ему, я мягко ответил ему, что он не настолько знатен, чтобы я дал их ему в руки. Он поднял кулак[89] и ударил меня в челюсть так сильно, что затем 4 месяца у меня продолжалась эта боль. Он также сурово избил моего переводчика, и оставил нас там совершенно удручёнными, как можно себе представить.

Прибыв в Тавриз, мы оказались в караван-сарае[90], то есть по-нашему фондако, откуда я известил синьора Хасанбея (который вернулся туда), что я уже прибыл, и что решил прийти для представления ему. В скором времени, на следующее утро, он прислал за мной. Я предстал перед ним в настолько жалком виде, что мне кажется наверняка, что вся моя одежда[91] не стоила двух дукатов. Он посмотрел на меня с удовольствием, и сначала поприветствовал, сказал, что хорошо, что он узнал о смерти своего посла и остальных 2,

se che fusse el ben[887] venuto et che ben lui haveva intesa[888] la morte del suo ambassador e degli altri .2. e de[889] l'assassinamento a nui fatto, proveder promettendo[890] a tutto in cotal modo che non havessemo alcun[891] danno. Poi li apresentai la lettera[892] de credenza la qual sempre tegniva in petto. Fecemela lezer[893] a mi, conciosia che altri non se ritrovavan[894] apresso de lui che la sapesse lezer, et interpretare[895] da uno interprete. Inteso che[896] hebbe quello la diceva, respose che[897] io dovesse andar con li soi[898] (a nostro modo) con li sui conseieri e[899] che dicesse tutto quello che ne era sta' robato, e[900] che'l mettesse in notta[901], et altro, se io haveva[902] da dir, e[903] poi che me ne[904] andasse alla habitation mia, dove, quando li pareria tempo, manderia per mi. El logo dove retrovai[905] questo signor[906] stava in questo modo: primo haveva[907] una porta e drento di essa un[908] spatio quadro de quatro over .5. passa dove sentavano[909] li soi[910] primi da .8. in .X.[911]; eravi[912] poi un'altra[913] porta, apresso[914] di questa, su la qual stava uno homo per guardia di essa porta con una bacheta[915] in mano; intrato che fui in questa porta, trovai un zardino[916] quasi tutto prado de[917] trifoglio, amurato di terreno. Da la[918] banda drita[919] dil quale è un salizato, poi[920] circa passa .30.[921] è una loza[922] a nostro modo in volto, alta da quel salizato .4.[923] over .6.[924] scalini; in mezo[925] di questa loza[926] è una fontana simile a un canaleto[927], sempre piena. Et ne l'intrar di[928] ditta loza[929] a man sinistra stava il[930] signor, sentato su un[931] cussino de brochato[932] d'oro con un[933] altro simile drieto a le spale[934]. A ladi[935] del qual[936] era un[937] brochier alla morescha[938] con la sua simitara, e[939] tutta la loza era coperta de[940] tapedi. Atorno sentavano de li sui[941] primi. La loza[942] era tutta lavorata de[943] musaico, non minuto come usamo nui, ma grosso e belissimo, de diversi colori. Nel primo zorno che mi ritrovai a esser[944] lì, erano alcuni cantatori[945] e sonatori con arpe grande un passo, le quale essi tegnivano[946] reverse, zoè capo a piedi; lauti[947], ribebe, cymbali[948], pive e tanti con voce consonante. El dì sequente me[949] mandò a vestir do[950] veste de seda, le qual[951] furono un subbo fodrate de barco[952] et una zuppa, un fazuol[953] de seda da cenzer[954], una peza[955] de bombaso[956] sottil da metter[957] in capo e ducati .20.[958] e mandome a dir[959] che andasse al maidan, zoè a la piaza, a veder el tanfaruzo, zoè[960] la festa. Andai lì a cavallo e trovai su[961] quella piaza cerca[962] homini .3000. a cavallo et a piedi più de do tanto. Li fioli[963] del signor stavano ad[964] alcune fenestre. Quivi furno[965] portati alcuni lovi salvatici ligati per un pede drieto[966] con corde, li[967] quali

и о разбойном нападении на нас, чтобы принять необходимые меры во всем таким образом, чтобы мы не понесли какого-либо ущерба. Затем я представил ему верительные грамоты, которые всегда хранил на груди. Он предложил мне прочесть их, поскольку рядом с ним не нашлось другого, кто мог бы читать, и перевести через переводчика. Поняв то, о чем там говорилось, он сказал, что мне следовало бы встретиться с его [людьми] (по нашему обычаю), с его секретарями, и рассказать обо всем, что было похищено, и что перечислено в списке, и остальное, что я должен был сказать, а затем, что я должен вернуться в свое жилище, куда, когда придет положенное время, он пошлет за мной. Место, где располагается этот синьор, устроено таким образом: впереди находятся ворота, а внутри — пространство от четырех до 5 пассов, где находятся его приближенные, от 8 до X. Дальше находится другая дверь, у которой стоит человек для охраны этой двери с палкой в руке. Войдя в эти ворота, я оказался в саду, почти всем — луге из клевера, обнесенном стеной из сырцового кирпича, с правой стороны — мостовая, затем через приблизительно 30 пассов — лоджия[92] с куполом по нашему образцу, высота которой — на 4 или 6 ступеней, в середине этой лоджии находится фонтан, подобный желобку, всегда наполненный. При входе в эту лоджию, с левой стороны находится синьор, сидящий на подушке из золотой парчи, с другой подобной за спиной. Сбоку от него — маленький круглый морискский щит и кривая восточная сабля[93], а вся лоджия покрыта коврами. Вокруг него стоят его приближенные. Вся лоджия украшена мозаиками, не мелкими, какие используем мы, но большими и красивейшими, разных цветов[94]. В первый день, когда я оказался там, были некоторые музыканты и певцы с арфами величиной в один пасс, которые они держали наоборот, то есть вверх ногами, лютнями, ребеками, волынками[95], и все они согласно играли. На следующий день он прислал мне для экипировки две шелковых одежды, которыми были кафтан, подбитый парчой[96], и кафтан; фарделл[97] шелка для пояса, кусок тонкого хлопка для головного убора и 20 дукатов. Он послал сказать мне, чтобы я пришел на майдан, то есть на площадь, чтобы посмотреть танфаруджо[98], то есть празднество. Я появился там верхом, и обнаружил на этой площади около 3000 человек конных, а пеших — более чем вдвое больше. Дети синьора находились перед некими окнами. Туда привели нескольких лесных волков, связанных за задние ноги веревками, которых одного за другим отпускали, и по-

ad[968] uno ad[969] uno fidevano lassati andar per insicia a mezo la piaza[970], poi uno apto a ciò se[971] faceva avante[972] alzando le man per darli et il lovo a[973] l'incontro li andava a la[974] via de la[975] gola: ma (per esser[976] lui apto[977] et per[978] saperse[979] schivare) non lo branchava[980] si non in li brazi[981], dove non li poteva far male, per non poder trapassar[982] con li denti quelle zuppe de[983] che era vestito; li cavali[984] per paura fugivano fra gli[985] altri e[986] molti d'essi cascavano sotto sopra, parte in quella aqua e parte in terra; la qual aqua passa[987] per la città; e[988] (quando havevano stracho[989] un lovo) ne facevano vegnir[990] un altro. E[991] questa festa facevano ogni venere.

Finita la festa io fui conduto[992] dal signor[993] nel logo[994] ditto di[995] sopra et fui fatto sentare[996] in logo[997] honorato. E[998] sentati tutti quelli che potevano sentar[999] in questa loza e[1000] li altri secondo le[1001] lor condicion[1002] in su tapedi a la morescha, furon messi mantilli a torno su li tapedi et avanti[1003] de ciascaduno[1004] fu posto un bacil[1005] d'argento nel qual[1006] era una ingistara de vino[1007] et uno ramin d'aqua et una taza[1008], tutte d'arzento. Vennero in questo mezo[1009] alcuni con certi animali che[1010] erano sta' mandadi[1011] da un[1012] signor de India. E primo[1013] de i quali fu una leonza in cadena[1014] menata da uno che havea pratica de simil cose, la qual[1015] in suo lenguazo[1016] chiamano babincth[1017]; è simile[1018] a una leonessa, ma ha el pello[1019] vermiglio, vergato tutto de verge nere[1020] per traverso; ha la faza[1021] rossa con tache[1022] bianche e nere[1023], el ventre bianco, la coda simile[1024] a quella d'un leone; mostra d'esser[1025] bestia molto ferroce[1026]. Poi fu ducto un leon[1027] et messo con la leonza un pocho[1028] da largo et sbito[1029] la leonza se messe guata[1030] per voler saltar, come fanno le gatte, adosso al leon, se non che colui il qual[1031] l'havea a[1032] mano la tirò da lontano. Drieto questo furon menati doi alephanti, li[1033] quali quando furono per mezo il[1034] signor (a certa parola li disse colui che li menava) guardono[1035] ditto signor bassando[1036] la testa con una certa gravità, como[1037] se li[1038] volesseno far[1039] riverentia. El mazor de questi fu menato da poi a un arboro che[1040] era nel zardino, grosso quanto è un[1041] homo a traverso, et[1042] (dicendo colui che l'haveva[1043] in cathena certe parole) misse[1044] la testa al ditto arboro[1045] et detteli alcune scorlate[1046], poi se voltò a l'altra mano e fece el simile in modo che lo cavò. Fu[1047] menata da poi una zyrapha[1048], la qual[1049] essi chiamano zirnafa[1050], animal alto in gambe quanto un[1051] gran cavallo e più, el quale ha le gambe de drieto mezo piè più curte[1052] di quello che sono[1053] quelle davanti;

зволяли дойти вплоть до середины площади. Затем произошло следующее: вперед вышел [человек], поднимая руки, чтобы ударить, а волк в свою очередь бросался ему на горло, но (поскольку это было представление, и поскольку тот умел уворачиваться) не мог ухватить его ни за руку, ни за рукав, где он не мог причинить ему вреда, поскольку не мог прокусить зубами кафтан, в который тот был одет. Лошади в страхе разбежались в разные стороны, и многие из них падали в беспорядке частью в тот арык[99], который течет по городу, частью — на землю. И (когда переутомлялся один волк) туда выводили другого. Это празднество совершают каждую пятницу.

Когда праздник закончился, меня отвели к синьору в вышеупомянутое место, и посадили на почетном месте. И посадили всех, кто мог сидеть в этой лоджии, и других, в соответствии с их положением, на арабские ковры, на ковры были положены скатерти, и перед каждым поставлен серебряный поднос, на котором находился графин с вином, кувшин с водой и чаша, все серебряное. В центр вошли несколько [человек] с некими животными, которые были посланы синьором Индии[100]. Первой из них была тигрица, которую вел на цепи один из них, опытный в этом деле, которую на их языке называют бабинкт[101], она похожа на львицу, но у нее ярко-красная шерсть, вся исполосованная поперечными черными полосками, ее морда красная, с белыми и черными пятнами, брюхо белое, хвост подобный львиному. Она представляется животным очень хищным. Потом вывели льва и поводыря[102] с львицей, несколько меньшей по ширине, и внезапно львица подозрительно посмотрела и захотела прыгнуть, поскольку это была кошка [самка], влюбленная во льва; если бы не тот, который держал ее руками, не оттащил ее в сторону. Внутрь ввели двух слонов, которые, когда были перед синьором, (по некоторым словам, которые говорил им тот, кто вел) посмотрели на упомянутого синьора, склонив голову, с некоторой значительностью, как будто хотели сделать ему реверанс. Затем наиболее крупного из них отвели к дереву, которое было в саду, большому настолько, как человек поперек, и (после того как тот, кто держал цепь, сказал некоторые слова) [слон] прислонил голову к упомянутому дереву и несколько раз встряхнул его, затем повернулся с другой стороны и сделал то же самое таким образом, что выдернул его. Затем привели жирафу, которую они называют джирнафа, животное с длинными ногами, как у большой лошади и более, у которой задние ноги вдвое короче, чем передние. У нее раз-

ha l'ongia[1054] fessa come ha el bove[1055], el pilo[1056] quasi pavonazo[1057], per tutta la pelle[1058] sonno quadri negri grandi e picoli[1059] secondo il logo[1060]; el ventre è biancho[1061] con un pello[1062] assai longeto[1063]; la coda ha pochi pili, come la coda de l'asino ; ha corne picole[1064] simile a quelle d'un[1065] capriolo; ha el collo un[1066] passo e più longo; ha la lengua longa una brazo, pavonaza e tonda, como[1067] l'anguilla. Tira con la lengua[1068] herba e[1069] rami d'arboro, che han[1070] a manzar, con tanta presteza[1071] che a mala pena se vede. La testa è simile[1072] a quella del cervo ma più polita ; con la qual, stagando in terra, zonze alto .15. piedi; ha el petto più largo che un[1073] cavallo, ma la groppa stretta, come de uno asino. Monstra d'esser animal bellissimo, non però da portar pesi. Drieto a questo furon[1074] portati in .3. cabie[1075] tre para de columbi[1076] bianchi e negri, simili a li[1077] nostri excetto che[1078] havevano il[1079] collo pocho[1080] longo a similitudine de[1081] l'ocha, de li[1082] qual credo che in quel loco[1083] sia grande penuria, perché altramente[1084] non l'haverian[1085] portati. Drieto a questo furon[1086] portati tre papaga'[1087] dal becho[1088] grande de[1089] diversi colori e[1090] dui gatti de[1091] quelli che[1092] fanno il zubeto[1093]. Me levai da[1094] poi et[1095] andai in una camera dove[1096] me fu[1097] dato da manzar. Manzato ch'io havì, colui che[1098] era sopra li ambassadori me[1099] dette licentia e disseme che[1100] andasse alla bonhora[1101]. Pocho da poi che[1102] era zonto a casa fo[1103] mandato per mi, e ritornato che fui[1104] dal signor fui[1105] dimandato perché me[1106] era partito. Respose che meimandar[1107] m'havea data licentia et el[1108] signor indegnato[1109] contra di costui lo fece chiamar et in sua presentia destender e[1110] batter; .8.[1111] zorni da poi per mia intercessione[1112] fu tolto in gratia. El giorno drieto che costui fu batuto[1113] el signor me fece chiamar[1114] da matina; andai et trovailo[1115] nel logo[1116] sopraditto e fui posto a seder[1117] dove era sta' posto prima. In questo zorno, per esser zorno de[1118] festa e per la venuta di ambassadori[1119] de India, furon fatti molti honorevol triumphi[1120]; et prima i sui[1121] cortesani furon vestiti de panni d'oro e[1122] seda e[1123] zambelotti de diversi colori. Erano ne la loza[1124] sentati cerca .40. di più[1125] honorevoli. In li[1126] andedi cerca[1127] .100., fuora de li[1128] andedi cerca[1129] .200., tra le do[1130] porte cerca[1131] .50., in la piaza[1132] atorno atorno circa[1133] .20000.[1134], tutti sentati con expetation[1135] de manzar[1136]. In mezo[1137] di quali erano cavalli circa .4000. Stagando in questo modo vennero li do ambassadori[1138] de India i quali furon[1139] posti a sentare per mezo il signor[1140]. Et incontinente se incominciò a por-

двоенные копыта, как у быка, ее шерсть почти темно-лиловая, и на всей шкуре — квадратные черные пятна, крупные и мелкие в зависимости от места, брюхо — белое, с шерстью достаточно длинноватой. На хвосте небольшая кисточка, как у осла. У нее маленькие рожки, как у косули, шея — длиной в один пасс[103] и более. Язык у нее — длиной в брачо[104], темно-лиловый и круглый, как угорь. Она уплетает языком траву и ветви деревьев, которыми питается, с такой быстротой, что это трудно увидеть. Ее голова подобна таковой у оленя, но более совершенная, с которой, стоя на земле, она достигает 15 футов высоты. Ее грудь более широкая, чем у лошади, а круп — узкий, как у осла. Это животное выглядит прекраснейшим, однако не для перевозки грузов. Вслед за этим принесли в 3 клетках три пары голубей белых и черных, подобных нашим, за исключением того, что шея у них несколько длинная, наподобие гусиной. Я думаю, что в том месте великий недостаток в них, поскольку иначе их не привезли бы. Затем принесли трех попугаев с большими клювами, разных цветов, и двух циветт[105], таких, из которых получают цибетин[106]. Затем я поднялся и пошел в комнату, где мне дали еду. Когда я съел то, что было, тот, кто был над послами, предложил мне освободиться и уйти похорошему. Вскоре после того, как я пришел домой, за мной послали, я вернулся, поскольку это сделал [позвал] синьор. Он спросил меня, почему я ушел. Я ответил, что меня спровадили, мне дали увольнение, и синьор, возмущенный против того, кто это сделал, призвал его и в своем присутствии повалил и поколотил; через 8 дней по моему ходатайству он был прощен. На следующий день после того как его поколотили, синьор позвал меня утром, я пришел и нашел его в вышеупомянутом месте, он сидел там же, где и прежде. В этот день, поскольку это был день празднества, и из-за прихода послов из Индии, были устроены многие великие торжества. Во-первых, его придворные были облачены в одежды из золота, шелка и камлоты разных цветов. В лоджии сели около 40 наиболее знатных. Во входах — около 100, снаружи от входов — около 200, между двумя воротами — около 50, на площади повсюду вокруг — около 20 000, все предчувствовали ожидаемый пир. Среди них было около 4000 лошадей. Придерживаясь такого порядка, вошли два посла Индии, которые были посажены перед синьором. Затем начался внос подарков, которые проносили перед синьором и теми, кто составлял его окружение. Сначала это были вышеупомянутые животные, затем около 100 человек, один за другим, каждый

tar[1141] li presenti, i quali passavano per avanti el signor e[1142] quelli che[1143] erano in sua compagnia. Li[1144] quali furono prima gli[1145] animali anteditti, da poi cerca[1146] homini .100. un[1147] drieto a l'altro, i quali havevano[1148] sopra le braze[1149] cinque tolpani per uno, cioè .5.[1150] pezze de telle bombasine suttilissime de le qual[1151] se fanno quelle sesse[1152] da metter[1153] in capo. Valeno .5.[1154] in .6. ducati l'una. Da poi vennero .6. homini che haveano[1155] .6. pese[1156] de seda per uno in brazo[1157]. Poi vennero .9.[1158], cadauno de quali haveano in man[1159] una taza[1160] d'argento ne le qual[1161] era pietre pretiose, come dinoterò[1162] di sotto. Drieto a questi vennero[1163] alcuni con catini e piadene[1164] de porcellana[1165], poi alcuni con legni[1166] de aloe e sandali grandi e grossi. Poi vennero circa .25. colli de spetie portati con stange[1167] e corde, a ogniuno di quali erano .4. homini. Passati[1168] questi el[1169] fu portato ad[1170] ogniuno da manzar. Drieto al[1171] manzar il signor dimandò a questi ambassatori se'l iera[1172] altro signor cha'l[1173] suo che fusse mossulman[1174], che vol dir machometan[1175]. Resposeno che ne eran do[1176] altri e[1177] tutto el resto eran[1178] christiani. El dì sequente el signor mandò per mi e disseme che[1179] voleva darmi un pocho de tanfaruzo e mostrarmi[1180] le zoie che li eran sta' mandate da questo signor de[1181] India. E prima me[1182] fece dar in man un[1183] dedal da[1184] arco d'oro che havea in mezo un[1185] rubino de carati do e[1186] intorno alcuni diamanti; do[1187] annelli d'oro con do[1188] rubini de charati[1189] quatro; de fili[1190] de perle .60. de carati .5.[1191] l'una; perle .24.[1192] ligate in peroli de charati[1193] .7. l'una, bianche ma non ben tonde; un[1194] diamante in ponta de charati[1195] .20., non troppo netto ma de bona aqua; do teste de ocelli morti in camain, li[1196] quali mostravano d'esser[1197] molto diversi da li[1198] ocelli de le region[1199] nostre. Monstrate che'l me[1200] hebbe queste zoglie esso me dimandò quel che me ne[1201] pareva de[1202] questo presente, subzonzendo[1203]: «El me l'ha[1204] mandato un signor de là[1205] del mar», cioè de là dal Colpho[1206] de Persia. Li resposi che'l presente era bellissimo e[1207] di grandissimo pretio, ma non però tanto grande che lui non meritasse molto mazore[1208]. Drieto a questo esso me disse: «Io[1209] te voglio monstrar anchor[1210] le mie», e comandò che'l fusse tolta una tachia de[1211] seda da puto e[1212] che me fusse data in mano. Io subito tolsi el fazoleto en man[1213] per brancharla[1214] mediante el fazoleto e[1215] non tocharla[1216] con le man[1217]. Al qual atto esso[1218] me resguardò e revoltato[1219] ai soi surridendo[1220] disse: «Guarda Italiani», come[1221] se laudasse la maniera e[1222] modo mio nel tuor di[1223] quella

из которых держал на руках по пять тюрбанов[107], то есть 5 кусков ткани бокасина[108], тончайшей, из которой делаются рулоны для ношения на голове. Они стоили от 5 до 6 дукатов за штуку. Затем прошли 6 человек, у которых в руках у каждого были по 6 нош шелка. Затем прошли 9, каждый из которых держал в руках серебряный поднос с драгоценными камнями, которые опишу ниже. Сразу за ними прошли некоторые [люди] с большими тарелками и суповыми мисками из фарфора, затем некоторые с [кусками] дерева алоэ и сандала, большими и тяжелыми. Затем пронесли[109] около 25 мешков специй, которые переносили с помощью жердей и веревок, при каждом было 4 человека. Когда они прошли, все отправились на пир. После пира синьор спросил этих послов — есть ли там, кроме их государя, другой синьор, который был бы мусульманином, то есть магометанином. Они ответили, что там есть двое других, но оба остаются христианами. Затем синьор обратился ко мне и сказал мне, что хочет дать мне немножко танфаруджо [празднества] и показать мне драгоценности, которые присланы от этого синьора Индии. Сначала он дал мне в руки золотое кольцо для стрельбы из лука[110], у которого в середине был рубин в два карата, а вокруг — несколько алмазов; два золотых кольца с двумя рубинами по четыре карата; 60 низок жемчужин, по 5 каратов каждая; 24 жемчужины, соединенные в бусы, по 7 каратов каждая, белые, но не совсем круглые; один алмаз заостренно ограненный[111], не слишком чистый, но хорошей воды; две геммы с головами мертвых птичек, которые выглядят весьма отлично от птичек наших краев. Когда мне были показаны эти драгоценности, он спросил меня, как мне представляются подарки, приговаривая: «Мне их прислал государь из-за моря», то есть из-за Персидского залива[112]. Я ответил ему, что подарок был прекраснейший и величайшей ценности, однако же, он заслуживал бы намного большего. После этого он сказал мне: «Я хочу показать тебе еще мои [драгоценности]», и повелел мальчику достать некий футляр [для драгоценностей] из шелка и передать мне в руки. Я тут же достал платок, чтобы взять его посредством платка, а не прикасаться к нему руками. Когда это произошло, он посмотрел на меня и, обернувшись к своим, улыбаясь, сказал: «Учитесь у итальянцев»[113], так он похвалил мои манеру и способ обращения с футляром. На верху этого футляра находился балас[114], сделанный в форме финика, чистый и хорошего цвета, в 100 каратов, вокруг которого находились несколько крупных [камней] бирюзы, но старых, и несколько крупных

tachia[1224]. In cima di questa tachia[1225] era uno balasso forado de la[1226] forma de un datolo[1227], netto e[1228] di bon color, de charati[1229] .100., attorno del qual[1230] erano certe turchese grande, ma vechie[1231], et certe perle grosse, anchora[1232] esse vechie[1233]. Drieto a questo fece portar alcuni vasi de porcellana e[1234] di diaspro molto belli.

Un'altra volta ch'io fui[1235] con esso lo[1236] ritrovai in una camera sotto un paviglion[1237] et alhora mi[1238] dimandò quello mi pareva de essa e[1239] se'l se ne feva de cusì fatte[1240] ne i logi de Franchi. Li risposi[1241] che'l me[1242] pareva benissimo e[1243] che non era da far comparation tra i[1244] nostri logi e i soi, conciosia che[1245] molto mazor era la potentia sua cha[1246] la nostra e[1247] poiché da nui non[1248] se usa simil[1249] camere. Et invero era bellissima et[1250] ben lavorata de lignami[1251] in modo de[1252] una cuba, infassada[1253] de panni de setta[1254] recamadi e[1255] doradi e ne la[1256] parte inferiore d'ognio[1257] intorno insternuta de[1258] tapedi bellissimi. Poteva voltar da[1259] passi .14. De[1260] sopra a[1261] questa camera era una tenda quadra grande recamada, destesa in forza[1262] de .4. arbori, la quale li feva umbra. Tra la quale e la cuba era un bel paviglion[1263] de bucassin, da la[1264] parte de drento[1265] tutto lavorado e[1266] recamado. La porta de la camera[1267] era de sandali a tarsia[1268] con fili d'oro e radiceli di[1269] perle per dentro, lavorada e intagiada[1270]. El signor ritrovai[1271] che sedeva insieme[1272] con certi sui principali et haveva dinanzi sé un[1273] fazolo ingropato[1274], el quale[1275] esso aperse e[1276] trasse d'esso una filza de[1277] balassi .12., simili a olive, netti, de bon color[1278], de carati da .50.[1279] in .75. l'uno. Drieto a questo tolse un[1280] balasso de[1281] onze .2½. in tavola de una bella forma, grosso un detto[1282], non forado, de color perfettissimo, in uno canto[1283] del qual erano certe litterine[1284] moresche. Dimandai che lettere eran quelle et esso me[1285] respose che[1286] eran sta' fatte per un signor, ma da poi altri signori, e[1287] slmilmente lui, non li volea haver voluto[1288] metter lettere[1289], che in tutto saria[1290] sta' guasto. Dimandome da poi quello a mio giuditio[1291] podeva valer quel[1292] ballasso. Io lo guardai e[1293] surrisi, et egli a me[1294] : «Di' che te ne par[1295]». Risposi[1296]: «Signor, io non ne vidi[1297] mai un simile[1298], né credo che'l se ne trova[1299] alcuno che li possa star a parangon e (se li desse pretio[1300] et el balasso havesse lengua) me dimanderia se[1301] io ne havea mai più veduto simili[1302]. Et io seria[1303] constreto[1304] a responderli de no. Credo, signor, che non se potria apretiar con oro ma con qualche città». Guardomi et disse : «Prancataini, Cataini[1305], tre ochi ha il[1306] mondo, do[1307] ne hanno Cataini e[1308] uno i

жемчужин, тоже старых. После этого принесли несколько очень красивых ваз из фарфора и яшмы[115].

Когда я был с ним в другой раз, я нашел его в некой палате, и тогда он спросил меня, как она мне представляется, и используют ли так же сделанные в землях франков. Я ответил ему, что она кажется мне прекраснейшей, и что не буду делать сравнение между нашими землями и его, поелику его мощь значительно больше нашей, и поскольку у нас не используются такие палаты. А она действительно была прекрасной, и хорошо сделанной из дерева в форме купола[116], отделана шелковыми тканями, вышитыми и золочеными, а во внутренней части везде вокруг выстлана прекраснейшими коврами. Ее окружность — около 14 пассов. Сверху над этой палатой находится большой квадратный вышитый тент, натянутый с силой на четырех деревьях, которые создают тень. Между ним и куполом находится красивый шатер из бокасина, во внутренней части везде отделанный и вышитый. Дверь палаты — из сандала, инкрустированная золотой проволокой и перламутром с внутренней стороны, отделанная и резная. Синьор сидел вместе с несколькими своими первейшими людьми, перед ним был платок, завязанный узлом. Он развязал его и вытащил из него нитку с 12 [нанизанными] баласами, подобными оливе, чистыми и хорошего цвета, от 50 до 75 каратов каждый. Затем он достал балас в 2½ унции, плоский, красивой формы, тяжелый, как сказано, не просверленный, совершеннейшего цвета, на боковой стороне которого были некоторые арабские буквочки. Я спросил его, что это за буквы, и он ответил мне, что они сделаны для некого монарха, но более поздние монархи, равно как и он, не хотели добавлять буквы, чтобы не повредить его в целом. Затем он спросил меня, сколько, по моему разумению, может стоить этот балас. Я посмотрел на него и улыбнулся, а он мне: «Во что ты его оценишь?» Я ответил: «Синьор, я никогда не видел ничего подобного, и думаю, что не найдется такого, что могло сравниться бы с ним, и (если бы я назвал цену, а балас имел бы язык) он спросил бы меня, видел ли я еще подобный. И я должен был бы ответить ему, что нет. Думаю, синьор, он не будет оцениваться золотом, но каким-нибудь городом»[117]. Он посмотрел на меня и сказал: «Пранкатаини[118], катаини, три глаза имеет мир, два их имеют катаини, а франки — один». Радостно он сказал: «Вот уж правда», — и повернувшись к окружающим сказал: «Я спросил этого посла, сколько стоит этот балас, и мне был дан такой ответ», повторив им все

Franchi». Baldamente el disse: «Bel vero», e[1309] voltandose verso li circonstanti disse: «Ho dimandato[1310] a questo ambassatore[1311] quello po' valer[1312] questo balasso[1313], et me ha fatta la sì fatta risposta», replicandoli tutto quello li havea[1314] ditto. (Questa parola «Cataini, Cataini» havea aldita[1315] per avanti da uno ambassator[1316] de l'imperator[1317] tartaro el qual[1318] retornava[1319] dal Cataio[1320] del 1436, el qual (facendo la via de la[1321] Tana) io acettai[1322] in casa con tutti li soi[1323], sperando haver[1324] da lui qualche zoia; et un zorno, rasonando del Cataio[1325], me disse como[1326] quelli capi de la[1327] porta de[1328] quel signor sapevano chi erano Franchi, e[1329] dimandadoli io se l'era possibile che havesseno[1330] cognition de' Franchi disse: «E comme[1331] non la dobbiamo[1332] haver nui? Tu sai come nui semo apresso[1333] Capha e che al continuo pratichemo[1334] in quel logo[1335]; e loro vieneno[1336] in el nostro lordo»). E sogionse[1337]: «Nui Cataini havemo do ochi[1338], e vui Franchi uno». E[1339] (voltandosse verso i Tartari i quali erano lì) azonse[1340]: «E vui nisuno», surridendo[1341] tuttavia. E perhò[1342] meglio intesi el[1343] proverbio di questo signor quando usò quelle parole. Fatto questo el me mostrò un[1344] rubino de onze[1345] .1½. a la[1346] forma de una castagna tonda, de bel[1347] colore e[1348] netteza, non forado, ligado in un[1349] cerchio d'oro, el qual[1350] a mi parse cosa[1351] mirabile per esser de[1352] tanta grandeza. Mostromi[1353] poi più baiassi zieladi e[1354] non zieladi, fra li quali el ne[1355] era uno a tavola quadra a modo de una bocheta, sul[1356] quale erano .5.[1357] baiassi in tavola e fra essi quello de mezo[1358] de carati[1359] circa .30., i[1360] altri de carati[1361] .20., in mezo di[1362] quali erano perle grosse e turchese grande, ma non de[1363] gran conto, imperochè[1364] erano vechie[1365]. Drieto a questo el fece portar alcuni subbi de panno d'oro e de[1366] seda e de zambeloti[1367], damaschini frodati de[1368] seda e de armelini[1369] e de[1370] zebelini[1371] bellissimi e disseme[1372] : «Questi sono de li panni de la nostra terra[1373] de Ies[1374]. I vostri panni sono[1375] belli, ma pesano un pocho tropo[1376]». Fece poi[1377] portar alcuni tapedi bellissimi, lavoradi de[1378] seda. El dì sequente fui[1379] da esso, feceme andar da presso e disse[1380]: «Io voglio che tu habbi un[1381] poco di tanfaruzo». E detemi in man[1382] uno camain de la grandeza[1383] de uno marcello in el qual[1384] era sculpita[1385] una testa de[1386] dona molto bella con cavelli da drieto e[1387] con una ghirlanda[1388] atorno, e[1389] disse: «Guarda, è questa Maria?». Resposi che no, e lui[1390]: «Mo' chi ella?». Et io li dissi che era figura de qualchuna de le dee antique[1391] che adoravano i burpares[1392], cioè li idolatri. Dimandome come lo[1393] sapeva, et io risposi

то, что было сказано ему. (Эту пословицу «Китайцы, китайцы…» я слышал раньше от одного посла татарского императора, который возвратился из Китая в 1436 году, которого (во время путешествия в Тану) я принимал в доме со всеми его [людьми], надеясь получить от него какие-либо драгоценные камни. В один день, рассказывая о Китае, он сказал мне, что приближенные[119] того [китайского] государя рассчитывали, что они были франки, а когда я спросил его, возможно ли, чтобы у них были знания о франках, он ответил: «А почему мы не должны иметь их? Ты знаешь, насколько мы близко к Каффе, и мы постоянно имеем связи с этим городом, а они приходят в нашу орду»). И он ухмыльнулся: «Мы, китайцы, имеем два глаза, а вы, франки — один». И (поворачиваясь в сторону татар, которые были там) дополнил: «А вы — ни одного», все еще улыбаясь. Вот поэтому я лучше понял пословицу этого синьора, когда он использовал те слова. После этого он показал мне рубин в 1½ унции в форме круглого каштана, хорошего цвета и чистоты, не сверленый, оправленный в золотой обруч, который показался мне удивительным по причине такой величины. Затем он показал мне больше баласов, оправленных и неоправленных, среди которых там был один плоский квадратный в виде пузырька, на котором были 5 плоских баласов, и между этими, которые в среднем каратов около 30 — другие, по 20 каратов, в середине которых были крупные жемчужины и крупная бирюза, но не большой важности, поскольку были старые. Затем он принес некоторые кафтаны из золотой парчи, и шелка, и камлота, дамаскина[120], вышитые шелком, и [отделанные мехом] горностая и соболя[121], и сказал мне: «Они из тканей нашего города Йез[122] [Йезд]. Ваши ткани красивы, но они стоят немного слишком[123]». Потом он приказал принести некоторые красивейшие ковры, сделанные из шелка. Когда я в следующий раз был у него, он подошел ко мне поближе и сказал: «Я хочу, чтобы ты получил немножко танфаруджо». И он дал мне камею величиной в марчелло[124], на которой была вырезана голова женщины, очень красивая, с волосами сзади и с венком вокруг, и сказал: «Посмотри, это Мария?». Я ответил ему, что нет, а он: «Так кто она?». И я сказал ему, что это изображение какой-то из древних богинь, которой поклонялись бурпары[125], то есть идолопоклонники. Он спросил меня, откуда я знаю, и я ответил ему, что знаю это, поскольку такие вещи делали прежде прихода Иисуса Христа. Он немного повел головой и ничего не сказал больше. Потом он показал мне 3 алмаза, один —

che la cognosceva imperochè questi lavori furon fatti avanti l'advento de[1394] Iesù Christo. Scorlò un[1395] poco la testa e non disse altro. Poi el me[1396] mostrò .3.[1397] diamanti, uno de carati[1398] .30. di[1399] sotto e[1400] di sopra netissimo e gli[1401] altri de carati[1402] .10. in .12. tutti in ponta, et dissemi: «Sonovi[1403] de sì fatte zoie[1404] da vui?». Et digandoli io de no[1405], tolse in man un mazo de[1406] perle de fili .40.[1407] in ciascuno di quali[1408] erano perle .30.[1409] de carati[1410] .5. in .6.[1411] l'una, la mità di[1412] esse tonde e belle, el resto da zoielar[1413], non disconze[1414]; poi fece metter[1415] in un bacil[1416] d'argento cerca[1417] perle .40.[1418] simile a peri[1419] e zuche[1420] de carati .8. in .12. l'una, tutte[1421] non forade e[1422] di color bellissimo, e sogionse[1423] cosi surridendo[1424]: «Io te ne mostreria[1425] una soma». Questo fu a una festa de notte a suo modo[1426], che fo a la circoncision[1427] de do sui[1428] fìoli. El di sequente[1429] (andando[1430] per esser con lui[1431]) el ritrovai ne la[1432] terra in uno[1433] campo grande, nel[1434] qual prima erano sta' seminati frumenti[1435] e da possa, per far[1436] una festa, segadi in herba e pagati[1437] a quelli de chi erano. In quel logo eran driciati[1438] molti paviglioni; voltosse[1439] verso alcuni de quelli[1440] erano con esso e[1441] disse: «Andati e[1442] mostratili questi paviglioni». Erano circa .100. per numero, di[1443] quali me ne[1444] furon mostrati circa .40. di[1445] più belli. Tutti havean le sue camere dentro e[1446] le coperte stratagliate de diversi colori et al basso tapedi bellissimi, tra i quali e quelli del Cairo e de Borsa[1447] (al mio iuditio[1448]) è tanta differentia, quanta[1449] è tra li panni di[1450] lana francescha e[1451] quelli de[1452] lana del signor Matheo[1453]. Feceme[1454] poi entrar[1455] in do[1456] paviglioni i quali erano pieni di[1457] vestimenti a suo modo, de[1458] seda e d'altre[1459] sorte de panni, messi in un[1460] gran cumolo[1461], da una de le[1462] bande di quali[1463] erano molte selle[1464] fornite d'argento, e me[1465] dissero: «Tutti questi fornimenti el dì de la festa serano[1466] donati via per el[1467] signor». Le selle[1468] erano .40. Me mostroron[1469] etiamdio do[1470] porte lavorate grande, de sandali, de piedi[1471] .6. l'una, intagliate con oro e[1472] radice de perle per entro[1473] a lavor de tharsia[1474]. Poi me ne[1475] tornai dal signor e da lui tolsi licentia. El[1476] sequente zorno lo ritrovai sentato al suo logo[1477] usato, dove li fu portate .8.[1478] piadene grande de legno in ciascuna de le qual erano[1479] un pan de zucharo[1480] candì fatto[1481] in diversi modi, de peso de libre .8.[1482] l'uno, et atorno eran tazete[1483] con confetion de[1484] diversi colori ma per la mazor[1485] parte de terzie[1486]; poi fo portate piadene assai con altre[1487] confection e[1488] frutti. Queste .8. ordinò a cui[1489] se dovessero dar[1490], nel numero di[1491]

в 30 каратов, сверху и снизу чистейший, а другие — от 10 до 12 каратов, оба заостренные, и сказал мне: «Делают у вас такие камни?». И когда я говорил ему, что нет, он достал рукой связку жемчуга из 40 нитей, в каждой из которых было по 30 жемчужин от 5 до 6 каратов каждая, половина из них — круглые и красивые, остальные — не пригодные для оправы. Затем он принес в серебряном тазу около 40 жемчужин, подобных грушам и тыквам, от 8 до 12 каратов каждая, все не просверленные и прекраснейшего цвета, и усмехнулся, также улыбаясь: «Я мог бы показать тебе вьюк этого». Это было сделано перед празднеством ночью, по его обычаю, на котором он был в окружении двух своих сыновей. Затем (придя, чтобы быть с ним) я обнаружил его на поле, в большом лагере, на котором сначала была посеяна пшеница[126], а затем, для празднества, всходы были выкошены, а тем, кому они принадлежали — заплачено. В этом месте было разбито множество шатров; он повернулся в сторону некоторых из тех, кто был с ним, и сказал: «Идите и покажите ему эти шатры». Их было числом около 100, из которых мне показали около 40 наиболее красивых. Все они имели комнату внутри, а покрытия — с полосками[127] разных цветов, а снизу — красивейшие ковры, среди которых были из Каира и Бурсы[128] (по моему рассуждению), и такое разнообразие, какое бывает среди шерстяных тканей франков и шерстяных [тканей] синьора Маттео[129]. Потом он предложил мне войти в два шатра, которые были наполнены одеждами, по его обычаю, шелковыми и других сортов тканей, сложенными в большой ворох, с одной стороны которого было множество седел, украшенных серебром, мне сказали: «Все эти приготовления — к празднеству, на котором они должны быть розданы синьором». Седел было 40. Он показал мне также две двери, красиво сделанные, из сандала, по 6 футов каждая, с врезными золотом и перламутром изнутри, выполненные инкрустацией[130]. Затем я вернулся от синьора, поскольку он предложил мне уйти. На следующий день я нашел его сидящим на своем обычном месте, куда были принесены 8 больших деревянных чаш, в каждой из которых была голова белого сахара разной формы весом 8 либр каждая, а вокруг были чашечки со сладостями разных цветов, но по большей части [заполненные] на треть[131]; затем принесли множество чаш с другими сладостями и фруктами. Эти 8 он приготовил для тех, кому должен был подарить, в их числе я был первым. Наверняка они стоили от 4 до 5 дукатов каждая. Остальное было роздано среди дру-

quali io fui el primo. Valevano per certo da .4.[1492] in .5.[1493] ducati l'una. El resto fu[1494] dispensato tra[1495] li altri, secondo la condition loro. Nel seguente[1496] zorno lo ritrovai[1497] sentato insieme[1498] con persone più de .15000., i principali di quali[1499] tutti havevano[1500] tende sopra il[1501] capo, e[1502] da .5. in .6. stavano avanti el[1503] signor in piedi e[1504] lo signor li comandava, dicendo: «Andati a vestir[1505] i tali e[1506] i tali», nominandogeli. I[1507] quali andavano da[1508] quelli tali e levavanoli[1509] da sentare e menavagli a li paviglioni dove erano li vestidi e vestivanoli[1510] secondo la lor[1511] conditione et ad[1512] alcuni davano de le[1513] ditte selle, ad[1514] alcuni altri[1515] davano cavalli[1516], li quali a mio giuditio furon[1517] da .40.[1518]. Li vestidi furon da[1519] circa .250., tra quali fui anchora[1520] io. Fatto questo[1521] vennero alcune femine e comincioron[1522] a ballare et[1523] a cantare insieme[1524] con alcuni che sonavano. Eravi su uno tapedo un capello a[1525] forma d'un[1526] pan de zucharo[1527] el quale haveva per sopra frappe e[1528] baronzoli a[1529] modo de capelli de Zubiari[1530], e pocho[1531] lontano uno el quale stava[1532] a guardar[1533] quello comandava el signor. Monstrò[1534] el signor[1535] a chi doveva esser[1536] posto in capo quel capello[1537] et incontinente colui el tolse et andò davanti a quell'altro el quale se levò in piedi e, cavatosi[1538] la sessa, se misse quel capello, che certo non era homo de sì bona vista che non fusse[1539] parso un brutto e deserto[1540]; et havendolo[1541] in capo venne avanti dal[1542] signor, ballando come sapeva, e lo[1543] signor fece de atto a quello[1544] che li stava in piedi e[1545] disse: «Dali una pezza di camocato»[1546]. Et egli[1547] si tolse questa peza[1548] e menavola attorno[1549] del capo de colui che ballava con el capello e de li[1550] altri homeni e[1551] femene e[1552] (dicendo alcune parole in honor del signor) la butava[1553] davanti li sonatori. Continuò questo ballare e butar[1554] de peze fino a[1555] hore .23. e[1556] (per quanto io puoti[1557] numerar) in questo tempo tra damaschini, bochassini, zambelotti[1558], camocati et altri simili furon donate da peze[1559] .300. et da cavalli .50. Fatto questo comincioron a zugare[1560] alle braze[1561] in questo modo: vegnivano[1562] davanti el[1563] signor dui nudi con[1564] mudande de camoza fin a le chavechie[1565], non se afferavano[1566] a traverso, ma cercavano de brancarse su la copa e l'uno[1567] e l'altro se schivava da[1568] tal presa. Pur (quando uno havea preso l'altro in la copa[1569]) colui ch'era preso (non se possendo prevaler altramente) se bassava quanto più poteva et egli[1570] el brancava per la schena et alciandolo et cercava de butarlo[1571] con la schena in zoso; imperochè altramente non se[1572] intendeva esser butato[1573] zoso; intantogих, в соответствии с их положением. На следующий день я встретил его сидящим вместе с более чем 15000 людей, главные из которых все были с тентами над головой. А от 5 до 6 стояли перед синьором, а синьор приказывал им, говоря: «Иди одевать того-то и так-то», называя им это. Те, которые шли к тем, кого назвали, поднимали их [из сидячего положения] и вели в шатры, где была одежда, и одевали его в соответствии с положением, некоторым давали упомянутые седла, а некоторым иным давали лошадей, которых, по моему мнению, было более 40. Одетых было около 250, среди них я был также. Когда это было сделано, пришли несколько женщин и начали танцевать и петь вместе с некоторыми, которые играли [на музыкальных инструментах]. На одном был колпак в форме сахарной головы, поверху которого была бахрома и подвески наподобие шапок зубьяров[132], а на небольшом расстоянии стоял тот, кто должен был следить, что ему приказывал синьор. Синьор показывал ему, на чью голову должно положить эту шапку, и тот немедленно снимал ее и выходил вперед, к тому другому, который поднимался на ноги, снимал свой тюрбан и надевал эту шапку. Он в определенном смысле не был человеком такого хорошего вида, и не казался грязным и запущенным; и с ней на голове он вышел вперед к синьору, танцуя как мог, а синьор обратился к тому, который стоял на ногах, и сказал: «Дай ему кусок камокаты[133]». И он достал этот кусок и обернул его вокруг головы того, который танцевал с шапкой, а из остальных мужчин и женщин одна (произнося некоторые слова в честь синьора) бросилась впереди певцов. Эти танцы и бросание кусков продолжались до 23 часов[134] и (до тех пор, пока я мог считать) в это время из дамаскинов, бокасинов, камлотов, камки и другого подобного было выдано 300 кусков, а лошадей — 50. Когда это было сделано, они начали состязания в борьбе следующим образом: перед синьором выходили двое обнаженных в «кальсонах» из камчи вплоть до щиколоток, они не хватали друг друга поперек, но пытались хвататься под затылок, и один и другой избегали такого захвата. Как только (когда один захватывал другого за шею), тот, который был захвачен (не имея возможности подняться по-другому), опускался, насколько мог, и тот его захватывал за спину, пытаясь поднять его, и старался бросить его спиной вниз, поскольку иначе не мог бросить вниз. В то время как многие, которые оставались брошенными вниз немного (до четырех раз), а затем бросали соперника на спину и побеждали. Предстал тогда перед синьором один из этих обнаженных настолько гро-

chè molti, li quali se lassavano[1574] buttar zoso in quatro[1575], da poi butavano il[1576] compagno in schena et vencevano[1577]. Presentatosi alhora davanti[1578] el signor uno de questi nudi, tanto grande che'l pareva[1579] uno gigante[1580], el signor li comandò che'l dovesse zugar[1581], dicendo: «Trovati un[1582] compagno». E[1583] lui se inzenochiò[1584] davanti e[1585] disse alcune parole. Dimandai quello havea ditto; me fu risposto[1586] che l'havea dimandà de gratia al signor che'l non lo[1587] facesse zugar[1588], perchè altre fiate havea zugato[1589] et (nel strenger[1590]) morto[1591] alcuni; e lo signor li fece[1592] la gratia. Questo zovene[1593] era bello e[1594] ben fatto, de anni .30. vel circa[1595]; a questi zugadori[1596] furon donati cavalli. Da poi partito mi, durò per insino ad[1597] hore do[1598] de notte cotal festa et furon donate altre cose[1599] assai. In quel tempo fu adornata tutta quanta la terra, et[1600] specialmente li bazarri[1601], imperochè ogniuno metteva fuora le lor robbe[1602]. Fu etiamdio posto un[1603] pretio de corradori a piedi, i quali havevano a correr[1604] uno miglio e mezo[1605], non de tutta corsa, ma de un[1606] bon trotto, essendo spogliati nudi et uncti tutti da[1607] grasso per conservation de[1608] i nervi, con una mudanda de cuoro per uno; cominciavano[1609] da un[1610] capo de certo spatio et[1611] quando che trottando eran venuti a l'altro capo tolevano da alcuni deputati a ciò[1612] una freza bolata[1613] (per dare ad[1614] intendere a coloro li[1615] quali per esser[1616] molto lontani non l'havrian[1617] possuto veder che[1618] erano zonti al termine) et trottando indrietto[1619] (quando erano[1620] zonti al termine) toglievano anche lì una freza, e cusì[1621] facevano un buon[1622] spatio di tempo, tanto quanto le gambe[1623] li portava, e[1624] colui il[1625] quale più volte[1626] faceva questo cammino[1627] haveva el pretio. Questi a chi fo proposto simile[1628] precio sono[1629] correri del signor[1630], i quali caminano descalci[1631] et quasi nudi e[1632] non cessano mai de trottar[1633] le belle .10. zornade continue[1634].

Fatte[1635] queste feste, el signor deliberò[1636] de andar[1637] alla campagna con le sue gente, secondo il lor[1638] costume; et dimandome se io[1639] voleva andar[1640] con esso e stentar[1641] o[1642] romagnir lì e[1643] darmi bon tempo. Resposi che più a grato me iera d'esser[1644] dove lui se ritrovava con ogni faticha e desasio[1645], che dove lui non se ritrovava[1646] con ogni reposso[1647] et abundantia. Parse che havesse grata questa resposta[1648] molto forte, et in segno de ciò incontinente el me mandò uno cavalo[1649] con un paviglion e[1650] danari. Partito adoncha de la[1651] città con la sua gente, cavalcò verso quelle parte dove intendeva esser miglior[1652] herbe et aqua, facendo nel principio da miglia .X.[1653] in .15. al zorno. Con[1654] el

мадный, что он казался гигантом. Синьор приказал, чтобы он состязался, сказав: «Выбери себе соперника». И он встал на колени напротив синьора и произнес какие-то слова. Я спросил, что он сказал, и мне ответили, что он просил помилования у синьора, за то, что он не будет бороться, поскольку, когда он боролся в прошлый раз, он убил нескольких, и синьор помиловал его. Он был молод, красив и хорошо сложен, лет 30 или около того. Этим борцам подарили лошадей. Затем я ушел, праздник продолжался вплоть до двух часов ночи[135], и было подарено множество других вещей. В это время была украшена вся та земля[136], и особенно базары, поскольку каждый вынес наружу свое добро. Затем была установлена награда для бегунов, которые должны были бежать полторы мили, но не на полную скорость, а красивой рысью, они были обнажены[137] и намазаны жиром для предохранения жил, в одних кальсонах[138] из кожи каждый. Они начинали с одного конца определенного пространства, и когда трусцой доходили до другого конца, брали у людей, для того поставленных, стрелу с печатью (чтобы можно было понять по цвету тем, которые находились слишком далеко и не могли видеть, кто добрался до границы-финиша), а когда они возвращались назад (когда достигали границы), они получали еще одну стрелу, и так делали хороший промежуток времени, столько, сколько могли их ноги, и тот, кто большее число раз проделал этот пробег, получил приз. Те, для которых была приготовлена подобная награда, были скороходами синьора, которые ходят босиком и почти голые, и никогда не прекращают свою красивую рысцу 10 дней подряд.

Совершив эти празднества, синьор решил отправиться в степь[139] со своими людьми, согласно их обычаю, и спросил меня, хочу ли я пойти с ним и разделить с ним труды и размышления, и дал мне отдых. Я ответил, что мне было бы более приятно быть там, где находится он в тяжелых трудах и бедствиях, чем там, где его нет, в полном покое и изобилии. Показалось, что этот ответ был очень приятен ему, и в знак того он немедленно прислал мне лошадь с шатром и деньги[140]. Итак, выехав из города со своими людьми, он двигался в ту сторону, где предполагал лучшую траву и воду, проделывая вначале от 10 до 15 миль в день. С ним шли трое его сыновей. Кто захотел бы описать все вещи, достойные записи, пусть возьмёт на себя[141] эту трудную обязанность и расскажет какими-либо витиеватыми словами, более или менее неправдоподобно, потому я отмечу это частично, а остальное предо-

quale andoron[1655] tre soi figlioli[1656]. Chi volesse notar tutte le cose degne de nota torria una difficil provincia et diria qualche volta parole pocho[1657] meno de incredibile, donde io le noterò in parte e[1658] del resto lasserò[1659] la cura a[1660] scrittori più diligenti, overo ad indagatori di queste cose terrene più curiosi[1661] di quello[1662] son io. Essendo adoncha[1663] in campagna, uno suo figliolo[1664], el qual[1665] stava ne le parte de Bagdath[1666] (cioè Babilonia[1667]) insieme con la madre, il[1668] venne a visitare e fecelli[1669] appresentar cavalli .20. bellissimi, gambelli .100. et alcuni panni de seda[1670]. Da poi per i[1671] baroni de ditto figliol[1672] li furono presentati[1673] gambelli e[1674] cavalli assai et in quel medesimo instante[1675] in mia presentia ditto signor li donò a chi li[1676] piaque. Poi fu[1677] portato da manzar. Non molto da poi, essendo in campagna, el[1678] venne nuova[1679] come un altro suo figliol nominado Ogorlumahumeth avea[1680] occupato Syras, terra grande sottoposta[1681] al padre, et questo[1682] perchè el[1683] ge era sta' ditto che[1684] ditto padre era morto et egli[1685] voleva la terra per sì. Sentita incontinente[1686] questa novella el signor se[1687] levò e[1688] con tutta la sua gente se[1689] ne andò a Syras, la qual[1690] era lontana dal logo dove nui eravamo migliara[1691] .120., et andò con tanta presteza[1692] che da meza[1693] notte per insino al vesparo[1694] del zorno sequente facevano[1695] miglia .40. et in tre zorni haveria zonto[1696] lì. Chi potria creder[1697] che tanto populo cioè maschi, femine, puti et in cuna, potesseno[1698] far tanto camino, portando tutte le lor robbe con sì, con tanto modo et ordine, con tanta dignità e pompa, e che[1699] mai non li manchasse il[1700] pane, rarissime volte il[1701] vino, el qual[1702] per il simil mai saria manchato[1703] se'l non fusse che bona parte de loro non ne beve? Et oltra di questo, abundasse de carne, frutti e tutte le altre[1704] cose neccessarie[1705]? Io che l'ho[1706] veduto non solamente il[1707] credo ma el so[1708]; et acciochè quelli (se[1709] alcuni mai capitarano[1710] de lì) i[1711] quali ne capitarano intendano se io[1712] scrivo il[1713] vero o non, e quei[1714] che non hanno voluntà de capitar lì possano creder[1715], se cusì[1716] a lor pare, io ne farò de ciò special[1717] mentione. Li signori et homini da[1718] fatti i[1719] quali sono[1720] con il[1721] signor et hanno siego le mogliere[1722], li figlioli[1723], li famegli et[1724] fantesche et le[1725] facultà, sogliono haver in el[1726] suo comitato gambeli e[1727] muli assai, el numero di quali[1728] metterò qui di[1729] sotto. Questi[1730] portano li puti[1731] da late[1732] in cuna in su l'arzon[1733] del cavallo et la madre over baila[1734] cavalcando li latta. Le cune sono[1735] una più, l'altra mancho[1736] bella, secondo le condition dei[1737] patroni, con li soi felci de[1738] sopra lavorati d'oro e seta[1739].

ставлю заботе писателей более прилежных[142], более проницательных в этих делах земных, более любопытных в них, чем я. Находясь таким образом в степи, он отправился проведать одного своего сыночка, который остался в стороне Багдада (то есть Вавилонии)[143] вместе с матерью, и приготовил ему подарок: 20 прекраснейших лошадей, 100 верблюдов и некоторые шелковые ткани[144]. Затем баронам упомянутого сыночка были подарены многочисленные верблюды и лошади, и в тот же самый момент, в моем присутствии, упомянутый синьор одарил их, к их удовольствию. Затем он отправился на пир. Немного позже, когда он был в степи, ему пришло известие, что другой его сын, по имени Огорлумахумет[145], занял Сирас[146] [Шираз], обширную область, подчиненную отцу. И это потому, что ему сказали, что упомянутый отец умер, а он хотел [захватить] область для себя. Обдумав непродолжительно эту новость, синьор поднялся со всеми своими людьми и пошел в Шираз, который располагался в 120 милях[147] от того места, где мы были. И пошел с такой скоростью, что с полуночи до вечера следующего дня проделал 40 миль, и в три дня добрался туда. Кто бы мог поверить, что весь народ, то есть мужчины, женщины, слуги и [дети] в колыбелях, могли бы проделать такой переход, неся с собой все свое имущество, с таким умением и порядком, с таким величием и торжественностью; и что они никогда не испытывали недостатка в хлебе, редчайших сортах вина, в котором равным образом никогда не было недостатка, если не считать того, что добрая их часть не пьет его? И сверх этого было изобилие мяса, фруктов и всех прочих необходимых вещей? Я, который видел это не единожды, знаю, что это так. И дабы те (хотя некоторые никогда не окажутся там), которые появятся там, поняли, говорю я правду или нет; а те, у кого нет желания попасть туда, могли бы верить, если им так кажется, я им сделаю об этом особенный отзыв. Господа и воины, которые были с синьором, везли с собой жен, детей, семьи, слуг и имущество. Кроме того, у них в походе было множество верблюдов и мулов, число которых я определю потом. Они везли с собой грудных младенцев в колыбелях, на седлах лошадей, и мать или кормилица кормили их грудью во время скачки. Колыбели были одна — более, другая — менее красивыми, в соответствии с положением их хозяев, с навесами сверху, сделанными из золота и шелка. В левой руке они держали колыбель, она же была занята уздой; правой гнали лошадь, бия ее плетью, подвязанной к мизинцу[148]. Дети, которые не были грудными, передвигались верхом,

Con la man zancha[1740] tieneno[1741] la cuna e[1742] con quella istessa la briglia; con la dreta caciano[1743] el cavallo, batendolo[1744] con una scorizata, la[1745] quale gli è ligada[1746] ad dedo picolo[1747]. Li puti[1748] che non sono da lacte[1749] portano pur a cavallo, su alcune pergolete che sono de qua e di là[1750], coperte e[1751] lavorate secondo le lor condition. Le donne vanno a cavallo accompagnate[1752] l'una con l'altra con le sue[1753] fantesche e[1754] famegli avanti, secondo el grado loro. Gli[1755] homini da fatti siegueno[1756] la persona del signor, e sono[1757] tutti de tanto numero che da un[1758] capo a l'altro di questa gente è una meza[1759] zornata. Le donne vano[1760] con el volto coperto de tella tessuta de[1761] seda de cavallo, sì per non esser[1762] vedute come etiamdio per non recever polvere ne gli[1763] occhi cavalcando per logo polverulento, et per non esser[1764] offese ne la[1765] luce cavalcando contra el sole quando è bel sereno.

Fu fatta[1766] in quel tempo la monstra de[1767] gente et animali in questo modo: in[1768] una campagna grandissima fu circondata da[1769] cavalli che l'uno tochava[1770] la testa de[1771] l'altro, con li sui homini[1772] suso, parte armati e[1773] parte non, una superficie de circa .30. miglia, li qual[1774] stetero cusì[1775] da la[1776] matina perfina ad[1777] hore .24. Era qualchuno che andava sopravendendo e facendo la discretion[1778], non perhò[1779] che togliesse[1780] in nota il nome nè i segni dei[1781] cavalli, como si[1782] suoi far di qua, ma solo che[1783] dimandava chi[1784] erano i[1785] capi e[1786] guardava el numero e[1787] como[1788] erano in ordine[1789] e scorreva. Io con uno famiglio scorrando presto andava[1790] contando con alcuni grani di[1791] fava, i quali butava[1792] in la scarsella quando havea numerata una cinquantena. Fatta[1793] poi la mostra, feci la discretione e[1794] trovai el numero e[1795] qualità de le[1796] infrascritte cose, le qual[1797] meterò secondo l'ordine che io ho in scriptura[1798].

Paviglioni .6000.
Cambeli[1799] .30000.
Muli da soma .5000.
Cavali[1800] da soma .5000.
Asini[1801] .2000.[1802]
Cavalli da conto .20000.

De questi cavalli cera[1803] .2000. eran coperti de certe coperte de ferro a quadreti[1804] lavorati de[1805] argento et oro, ligati[1806] insieme con maiete[1807], le qual andavan[1808] quasi in terra. Per sotto l'oro haveano una franza. Gli[1809] altri eran[1810] coperti alcuni di[1811] cuoro a nostro modo, alcuni de[1812] seda, alcuni de zupa de[1813] lavoro tanto denso che non[1814] saria passato da[1815] una freza. Le coperte[1816] da dorso de l'homo eran tutte in el[1817] modo de[1818] una de

под какими-либо навесами, которые виднелись там и сям, покрытые и отделанные в соответствии с их положением. Женщины ехали в компании одна с другой, со своими слугами и семьями впереди, в соответствии с их положением. Воины следовали за персоной синьора, вместе они были настолько многочисленны, что от одного края этих людей до другого было полдня [пути]. Женщины двигались с лицом, обтянутым тканью из шелка, на лошадях, и для того, чтобы их не видели, и также для того, чтобы не засорить глаза, скача по пыльному месту, и чтобы не слепило, когда они скачут против солнца в очень ясную погоду.

В это время[149] был сделан смотр людям и животным следующим образом[150]: некая величайшая равнина была окружена лошадьми так, что одна касалась другой головой, со своими людьми верхом, частью вооруженными, а частью — нет, на площади около 30 миль. Так стояли с утра до 24 часов[151]. Был некто, который шел и появлялся неожиданно, и определял, прежде чем занести в список, ни имя, ни знаки лошадей, как делается у нас, но только спрашивал, кто их [всадников] главы, смотрел на их число, и насколько они в порядке, и проходил дальше. Я со слугой, двигаясь быстро, прошел, считая с помощью зерен бобов, которые бросал в сумку, когда набирались каждые полсотни. После совершения смотра я сделал оценку и сосчитал количество и качество нижеописанных вещей, которое приведу, следуя порядку, который имею в записи.

Шатры 6000
Верблюды 30000
Мулы вьючные 5000
Лошади вьючные 5000
Ослы 2000
Лошади верховые[152] 20000

Из этих лошадей около 2000 были покрыты некими панцирями из квадратных пластин железа, отделанных серебром и золотом, соединенных вместе с помощью колец, которые доходили почти до земли. Ниже золота у них была бахрома. Другие были покрыты — некоторые выделанной кожей, по нашему обычаю, некоторые шелком, некоторые стеганными попонами, настолько плотными, что их не могла бы пробить стрела. Верхняя одежда мужчин была единого образца, который описан выше. Те [панцири] из железа, о которых мы сказали выше, изготавливаются в Бешене[153], что на нашем языке значит «Пять деревень». Это город в две мили в окружности на горе, в котором не живет никто, кроме тех, кто занимается ремеслом, и (если кто-нибудь захочет научиться ремеслу) [, то] принимается

le[1819] soprascritte. Quelle de ferro che habiamo[1820] ditto in prima se fanno in Beschene[1821], che in nostra lengua[1822] voi dir[1823] Cinque Ville, la quale[1824] è una terra che volta do[1825] miglia et è[1826] su un monte, in la qual non habita alcuno salvo che quello[1827] del mistiero[1828] et (se alcun forestiero[1829] voi imparar[1830] el mistier[1831]) si acceptato[1832] con segurtà[1833] de mai non se partir de lì, ma star insieme con gli altri et far[1834] el mistiero[1835]. Vero è che altrove etiamdio se fa simil lavori, ma non cusì[1836] sufficienti.

Muli da conto .2000.
Mandre d'animali minuti .20000.
Animali grossi .2000.
Leompardi da caza .100.
Falconi zentil e[1837] villani .200.
Levrieri[1838] .3000.
Brachi[1839] .1000.
Astori .50.
Homini da spada .15000.

Famigli, gambelieri, bazarioti e[1840] simili con spada .2000.

Con[1841] archi .1000.

Puol esser in summa homini a cavallo da fatti .25000.

Villani, pedoni con spade et archi .3000.

Femene da conto e mezane[1842] in summa[1843] .10000.

Fantesche .5000.

Putì e pute da dodese anni[1844] in zoso .6000.

Puti e pute[1845] in tutte e pergole in summa[1846] .5000.

In questo numero d'homini e[1847] cavalli sono[1848] lanze circa[1849] .1000.

Targete[1850] .5000.

Archi cerca .10000.[1851]

El resto chi con una cosa, chi con[1852] l'altra.

Ne li bazari sono[1853] le cose sottoscritte con el suo precio e maistri[1854]:

E primo maistri[1855] da far vestidi,[1856] caligari, fabri, maistri[1857] da sele[1858], da freze e[1859] da tute le cose che bisognano al campo in grande[1860] numero. Poi sono queli[1861] che fanno pan e carne e[1862] che vendeno[1863] frutti e vino[1864] et altre cose con grandissimo ordine[1865], che de tutto se trova. Sonnovi[1866] etiamdio speciari[1867] assai. El pan costa pocho[1868] piui di quello costa a Venetia[1869]; el vino[1870] costa a rason[1871] de ducati .4.[1872] la nostra quarta, non perchè nel paese non ge ne sia ma perchè in bona parte non ne usano. Carne a rason de marcheti .3. e .4. [1873] la lira. Caso marcheti .3.[1874] Risi marcheti[1875] .2.½. Frutti d'ogni sorte marcheti .3.[1876] et similiter melloni, dei[1877]

с условием никогда не уходить оттуда, но находиться вместе с остальными и заниматься ремеслом. В действительности в других местах также изготавливаются подобные изделия, но не столь совершенные.

Мулы верховые . . . . . 2000.
Стада мелких животных . . . . . 20000.
Крупные животные . . . . . 2000.
Леопарды прирученные . . . . . 100.
Соколы породистые и дикие . . . . . 200.
Борзые . . . . . 3000.
Легавые . . . . . 1000.
Ястребы . . . . . 50.
Люди с саблями . . . . . 15000.

Слуги, погонщики верблюдов, торговцы и подобные с саблей . . . . . 2000.
С луком . . . . . 1000.
Всего вооруженных всадников . . . 25000.
Вилланы пешие с саблями и луками 3000.

Женщин знатных и среднего положения всего . . . . . 10000.
Прислуга . . . . . 5000.

Мальчики и девочки старше двенадцати лет . . . . . 6000.

Мальчиков и девочек всего и навесов в сумме . . . . . 5000.

В этом числе людей и лошадей наемников около . . . . . 1000.
Щиты . . . . . 5000.
Луков . . . . . около 10000.

Остальные — кто или с одним предметом, или с другим.

На их базарах — нижеописанные вещи, с их ценой и ремесленниками.

В первую очередь это ремесленники, которые делают одежду, башмачники, кузнецы, изготовители седел, стрел, и всех предметов, в которых они нуждаются в лагере в огромном количестве. Затем — те, что готовят хлеб и мясо, и продают фрукты и вино, и другие предметы в величайшем порядке, которые встречаются повсюду. Есть также многочисленные торговцы специями. Хлеб стоит немного дороже, чем таковой стоит в Венеции, вино оценивается из расчета 4 дуката за нашу кварту[154], не потому, что в стране его немного, а потому, что добрая их часть им не пользуется. Мясо считается по 3—4 маркета за лиру[155]. Сыр — 3 маркета, рис — 2½ маркета. Фрукты всех сортов — 3 маркета, а равным образом дыни, которые там встречаются, которые весят от 24 до 30 лир каждая. Фуражное зерно — по цене 8 маркетов за меру[156]. Подковать одну лошадь — стоит 30 маркетов. Ремней, войлока, кожаного товара, седел и другого снаряжения лошадей — большой недостаток. Лошади на продажу не встречаются, если только не клячи, за которых хотят от 8 до 10 дука-

quali se ne trovan[1878] che pesano lire .24. in .30. l'uno. Biava da cavalli a rason de marcheti .8.[1879] la prebenda. La ferradura d'uno[1880] cavallo a rason de marcheti .30. [1881] De cenge[1882], feltri, corame, selle et[1883] altri fornimenti de cavallo è gran caristia[1884]. Cavalli da vender[1885] non se trova salvo che roncini, i[1886] quali vagliono[1887] ducati .8. in .10. l'uno. Vengono da[1888] Tartaria (come habbiamo ditto di[1889] sopra) mercadanti[1890] con cavalli .4000. in .5000. in uno chiapo[1891], i quali funo[1892] venduti da .4.[1893], .5. in .6. ducati l'uno e sono[1894] da soma e picholi[1895]. Nel numero dei[1896] gambelli soprascriti ne[1897] sonno ottomila da do gobe[1898]. Hanno le sue coperte lavorade[1899] con campanelle, sonagli e[1900] paternostri de[1901] più sorte. De questi (secondo la condition de le[1902] persone) tal ne ha .10. tal .20. tal .30. ligati uno in capo de l'altro, e[1903] per pompa ciascuno mena li soi[1904], né mai li mette alcuno suso. Gli[1905] altri gambelli da una gobba portano i[1906] paviglioni e[1907] le robbe de li paroni[1908] in casse[1909], sacchi e some. Similmente nel numero di[1910] muli soprascritti ne[1911] sonno da .2000.[1912] che non portano covelle ma fino[1913] menati per pompa, coperti con coperte belle e[1914] lavorate meglio de quello sonno[1915] le coperte di[1916] gambelli. A questo instesso[1917] modo sono nel numero di[1918] cavalli soprascritti da mille cusì[1919] adornati. Et[1920], quando el se camina de notte con[1921] el populo, quelli da conto et per el simil le donne[1922] se fanno portar davanti lumiere[1923] al nostro modo, le qual[1924] fino portate da famegli e[1925] fantesche. Quando el signor cavalca, vanno davanti de lui cavalli cinquecento[1926] e più ; avanti di quali[1927] vanno alcuni corrieri[1928] con alcune bandiere[1929] in man bianche e quadre[1930] cridando: «Largo, largo!». Et tutti escono da la[1931] strada facendo largo. Questa è una parte de quello ho veduto cerca[1932] el modo, ordine, dignità e pompa che[1933] usano queste gente con il suo signor[1934] in el lor[1935] campo quando stano in la[1936] campagna, et è[1937] molto meno di quello potria dire.

Io in quel tempo, per non me sentir bene, me partì[1938] de campo et andai straman cerca meza[1939] zornata ad Soltania, che[1940] in nostro idioma voi dir Imperial. Questa è una terra la qual[1941] mostra esser[1942] stata nobilissima et è del ditto signor. Non ha mura, ma un[1943] castello murato el qual[1944] è ruinoso per esser[1945] sta' destrutto zà quatro[1946] anni avanti da uno[1947] signor chiamato Giausa[1948]. Volta el castello uno miglio. Di[1949] drento ha una moschea alta e grande in .4. crosete di .4. [1950] volti alti, la cuba[1951] grande de[1952] la qual[1953] è mazor de quella de[1954] San Zuanne Paulo di[1955] Venetia,

тов за штуку. Приходят из Татарии (как я сказал выше) купцы с лошадьми, от 4000 до 5000 в одном табуне, которых продают [по цене] от 4—5 до 6 дукатов за штуку, и вьючных, и мелких. В числе вышеупомянутых верблюдов восемь тысяч — двугорбые. У них попоны сделаны с колокольчиками, бубенчиками и крупными бусами[157] многих сортов. Из них (в соответствии с положением персоны) тот имеет 10, другой — 20, третий — 30 [верблюдов], связанных за головы один с другим, и для помпы каждый гонит своих, не усаживая никого сверху. Другие верблюды, одногорбые, возят шатры и утварь хозяев в ящиках, мешках и тюках. Подобным образом в числе вышеописанных мулов более 2000, которые не возят корзинки, но их гоняют для помпы, покрытых попонами, отделанными более красиво, чем те попоны верблюдов. Таким же точно образом в числе вышеописанных лошадей более тысячи так же украшены. А когда он [синьор] передвигается ночью с людьми, с теми, которые знатные, и подобными им женщинами, вперед отправляются факелы (по нашему обычаю), которые несут слуги и свита. Когда скачет синьор, впереди него идут лошади [числом] пятьсот и более. Впереди них идут несколько гонцов с некоторыми флагами, белыми и квадратными, крича: «Расступись, расступись!». И все, кто окажется на дороге, расступаются. Это одна часть того, что я увидел относительно их обычая, порядка, достоинства и великолепия, которых придерживаются эти люди со своим синьором в лагере, когда находятся в степи. И это почти все, что я хотел бы сказать.

Я в то время, поскольку чувствовал себя не очень хорошо, отправился из лагеря в сторону приблизительно юга[158], в Солтанию[159] [Султанию], что на нашем наречии значит Императорская. Этот город представляется знаменитейшим и принадлежит упомянутому синьору. Она не имеет стен, а только замок со стенами, он в руинах, поскольку разрушен уже четыре года назад неким синьором по имени Джяуза[160]. Окружность замка — одна миля. Внутри нее [Султании] имеется высокая и большая мечеть[161], с 4 сводами[162], 4 высоких куполов, из них большой купол — еще больше, чем таковой у [церкви] Святых Иоанна и Павла в Венеции[163], втрое по ширине. Один из этих куполов[164] в конце имеет медную дверь в три пасса высотой, отделанную ажурной резьбой. Внутри находится множество могил государей, которые были в прежние времена. На юг[165] от этой двери находится еще одна подобная, а по бокам — две другие поменьше, одна сбоку, в кресте, по образцу

di treatanta largeza[1956]. Uno de[1957] quei volti in capo ha una[1958] porta de rame alta tre passi lavorada a zelosìe. Dentro ce sono[1959] sepulture assai de li signor che eran[1960] a quel tempo. Per mezo de[1961] questa porta ne è un'altra simile e[1962] dai ladi do[1963] altre menor[1964], una per lado[1965], in croce, in modo che la cuba grande ha .4.[1966] porte, do[1967] grande et do picole[1968]. Le balestrade de le[1969] qual sono[1970] de rame, large tre quarti de uno braso e grosso mezo brazo, intagliate[1971] con el borio a fogiame e dessegni[1972] a lor modo bellissimi. Per dentro di quali[1973] è oro et argento batudo, che[1974] invero è cosa mirabile e[1975] di valor grandissimo. Le zelosie de le[1976] porte ch'i' ò[1977] ditto di[1978] sopra stano[1979] in questa guisa: sono[1980] alcuni pomi grandi come pani, alcuni picoli[1981] come narancie[1982], con alcuni brazuoli i quali branchano un panno et l'altro, come zà mi arrecordo haver veduto scolpito[1983] in legno in qualche logo[1984]. La manifattura[1985] de l'oro et[1986] argento è di tanto magisterio che'l non è magior[1987] dal canto nostro[1988], a chi bastasse[1989] l'animo di farla, se[1990] non con gran tempo. La terra è assai grande, circonda[1991] miglia .4., è fornita ben de aque e[1992] (se da altro el non se potesse comprender[1993]) dal nome solo el se intende che è stata molto notabile. Al presente è mal habitata; puoi far da[1994] anime .7000. in .10000. e forsi piui. Stando in ditta terra fui[1995] avisato como[1996] el signor havendo sentito quello di che ho[1997] fatto mentione di sopra, che un[1998] suo figliolo[1999] havea occupata Syras[2000], si levava de lì[2001] con la sua gente per seguire il[2002] camino verso Syras; et incontinenti mi[2003] levai da Soltania[2004] (dove alhora mi ritrovava[2005]) et andai a Culperchean[2006] che vuol[2007] dir in nostra lengua[2008] Schiavo del Signor[2009], terra pichola[2010], ma tale che mostra pur haver hautti[2011] di boni edifici[2012] per le ruine che si[2013] vede. Volta do[2014] miglia et fa fogi[2015] circa .500. In el[2016] qual logo[2017] morite il mio interprete e[2018] da quel tempo indrieto[2019], mentre io steti[2020] in quel paese, che fu[2021] anni circa .5., mai trovai alcuno ch'havesse[2022] la lengua et perciò fu neccessario[2023] che io (el qual la intendeva) fesse l'officio de l'interprete, oltre il[2024] costume degli[2025] altri ambassatori. Partito de lì me[2026] n'andai verso il[2027] signor il[2028] qual solicitava il suo[2029] camino a[2030] Syras. Un[2031] zorno, essendo con esso, vidi una gran severità di questo signor[2032]. Eravi apresso di[2033] lui uno chiamato Coscadam de anni circa .80., prosperoso perhò de la[2034] persona, el qual haveva da circa .5.[2035] over .6. figlioli[2036] tutti honoradi[2037] dal signor[2038] et era homo di grado apresso[2039] ditto signor[2040]. Comandò che'l fusse[2041] preso (per haver inteso che Ogorlumahumeth[2042] fi-

большого купола имеет 4 двери, две большие и две маленькие. Их створки медные, шириной в три четверти браччо, и высотой в браччо[166], они покрыты красивейшими резными узорами в их стиле. Внутри них набросаны золото и серебро, что действительно достойно удивления, и огромнейшая ценность. Резьба ворот, о которых я сказал выше, выполнена в такой манере: есть некие крупные шляпки большие, как хлебцы, некоторые маленькие, как померанцы, с некими ветвями, которые обвивают те и другие шляпки, как я уже описывал виденное вырезанным на дереве в другом месте[167]. Отделка золотом и серебром выполнена с таким мастерством, что нет в нашем краю лучшего, кому хватило бы духу сделать ее, если только не за очень большое время[168]. Город очень велик, составляет в окружности 4 мили, он хорошо обеспечен водой и (если о другом [городе] этого нельзя подразумевать) уже по одному имени можно понять, что он весьма замечателен. В настоящее время он плохо населен, от 7000 до 10000 душ[169], а возможно больше. Оставаясь в упомянутом городе, я вмиг узнал, что синьор услышал, о чем было сказано выше, что один его сын захватил Шираз, он поднялся на него со своими людьми, чтобы последовать в поход на Шираз. И незамедлительно я покинул Султанию (где я тогда находился) и отправился в Кульперкеан[170] [Кульпайган], что на нашем языке значит «Раб государя», город маленький, но представляется, что там были хорошие здания, видимые в руинах. Его окружность — две мили, там около 500 семей[171]. В этом городе умер мой переводчик, и с того времени, хотя я оставался в той стране около 5 лет[172], я не встретил никого, кто знал бы [наш] язык, и по этой причине было необходимо, чтобы я (что понятно) взял на себя обязанности переводчика, в отличие от обычая других послов. Выехав оттуда, я отправился в сторону синьора, который ускорял свой поход на Шираз. Однажды, будучи с ним, я видел большую суровость этого синьора. Был рядом с ним некто по имени Коскадам[173], лет около 80, процветающий по причине происхождения, у него было не то 5, не то 6 сыновей, все они были в почете у синьора, и он сам был по положению близким к упомянутому синьору. Он приказал, чтобы его схватили (поскольку узнал, что его сын Огорлумахумет, который захватил Шираз, написал ему некие письма, которые тот не захотел показать), и первым делом сбрили ему бороду. Затем он приказал, чтобы его доставили в мясную лавку, и чтобы достали два крюка, за которые подвешивают мясо, и чтобы их воткнули ему под лопатки, с каж-

gliol suo, che havea occupata Syras, li havea scritto alcune lettere le quale esso non ge havea voiù mostrare) e[2043] prima li fece rader la barba, poi comandò che fusse portato alla becharia[2044] et che fusse spogliato et che fusser tolti do uncini de[2045] quelli con[2046] li quali se apicha[2047] la carne e[2048] che li fusseno fichati[2049] drieto a le spale[2050], uno per ladi, e che cusì[2051] fusse apichato[2052] abasso dove se apicha[2053] la carne, essendo tuttavia vivo. El quale de lì[2054] a do[2055] hore morite. E[2056] (per quanto io intesi) questo Ogurlumahumeth[2057] (inteso che'l padre vegniva a[2058] Syras) se haveva[2059] levato de lì e stavassi de fora e[2060] scriveva a uno suo barba pregandolo che'l lo[2061] recomandasse al padre, che[2062] lui era aparechiato de star dove[2063] el padre voleva[2064] purché gli[2065] desse[2066] da viver.

Tutta questa ragion de la[2067] Persia fino[2068] qui per la via che nui[2069] havemo cavalcata è region[2070] deserta, ceneracia[2071], credegna, scagliosa e[2072] petrosa, de poche aque[2073], e de qui viene che (dove se trovano aque) sonno qualche ville, in gran parte perhò[2074] destrutte, ciascuna de le qual[2075] ha un castello fatto de[2076] terreno. Le semenason, vigne et frutti[2077] sonno fatti[2078] per forcia[2079] di aqua, im mo'[2080] che dove non se hanno aque male se po'[2081] habitare. Sogliono menare[2082] per sotto terra .4. e[2083] .5. zornate lontano da le fiumare[2084] donde le togliono, e menonele[2085] a questo modo: vanno a la fiumara[2086] et fanno da presso[2087] una fossa simile[2088] a un[2089] pozzo. Poi vanno cavando al drito[2090] verso[2091] al logo[2092] dove la vogliono[2093] condur con la rason del livello, sì che habbia a descender[2094], un canalleto[2095] el qual sia più profondo[2096] che non è el[2097] fondo de la[2098] fossa di[2099] sopra ditta. E[2100] quando hanno cavato circa[2101] .20. passa di questo canaleto[2102] fanno un'altra fossa simile[2103] alla prima, e cusì de[2104] fossa in fossa menano per quelli canalli[2105] l'aqua dove che vogliono over fanno (per dir meglio) l'alveo et aquedutto per el qual la se possi menar. Quando hanno furnito questa[2106] opera, apreno el capo de la[2107] cava verso la fiumara e ge[2108] danno l'aqua[2109], la qual[2110] per quei lor aquedutti[2111] conduceno in la terra e[2112] dove vogliono, menandola per le radice di[2113] monti e[2114] togliandola alta in la fiumara[2115], imperochè se non fesseno[2116] in cotal modo non ce potrian[2117] stare, attendando che lì rare volte piove. Dicendo io a quelli de l'exercito che'l paese loro era molto sterile, me respondevano che non me dovesse maravigliare perchè la via che facevano era fresca[2118], in la qual se trovavano meglio[2119] herbe et era in paese molto più sano. In queste parte non ce sonno boschi nè arbori, dico pur uno, salvo che frutdoй стороны, и чтобы так подвесили низко там, где подвешивают мясо, а он все еще был жив. Через два часа он умер. И (насколько я узнал) этот Огурлумахумет (узнав, что его отец пришел в Ширaз) ушел оттуда в степь и написал одному своему дяде[174], умоляя его заступиться перед отцом, что он готов остаться там, где хочет отец, лишь бы его оставили в живых.

Вся эта область Персия, по дороге, где мы скакали — область пустынная, пепелистая, глинистая, щебенистая и каменистая, безводная, а где встречается вода — находятся какие-то деревни, однако по большей части разрушенные, в каждой из которых есть замок, сделанный из сырцового кирпича[175]. Посевы, виноградники и фруктовые сады орошаются водой, а те места, где воды мало — плохо населены. Они могут проводить ее под землей на расстояние 4—5 дней пути от реки, откуда они ее берут, и проводят ее таким способом[176]: идут к реке и делают рядом с ней яму, подобную колодцу. Затем копают прямо в ту сторону, куда собираются провести, с расчетом уровня, так, чтобы был спуск, чтобы этот желобок был более глубоким, чем дно ямы, упомянутой выше. И когда прокопают около 20 пассов этого желобка, делают другую яму, подобную первой. И так от колодца к колодцу ведут эти каналы для воды, или делают (чтобы сказать больше) каналы и водопроводы, по которым она может продвигаться. Когда выполняют эту работу, они открывают верхнюю часть колодца со стороны реки, и туда поступает вода, которая по этим водопроводам поступает в город, и куда они хотят. Они проводят ее до подножий гор, а берут выше по реке, потому что если бы не делали таким образом, то не могли бы жить, поскольку дожди здесь редки. Когда я говорил тем [людям] из войска, что их страна весьма пустынна, мне отвечали, что я не должен удивляться, поскольку дорога, которую проделывали — прохладная, на которой встречалось больше трав, и находилась в стране наиболее здоровой. В этой местности нет ни лесов, ни деревьев, даже одиночных, за исключением фруктовых, которые сажают там, где есть [хоть] немного воды, которые иначе не принимаются. Древесина, из которой строят дома — это деревья, которые растут во влажных местах в достаточном для их нужд количестве. Поэтому среди них есть плотники, которые по необходимости известны бережливостью и (из одного дерева в две ладони в окружности, распиленного на доски) делают дверь в два пасса длиной в раме, так хорошо отделанную с внешней стороны, и [с такой] красивой мозаикой, что она выглядит каким-то чудом. Также этим спо-

tari[2120] che piantano dove li po' dar aqua[2121], che altramente non apigliariano. I lignami[2122] con li quali[2123] fanno le case[2124] sonno albare, de le[2125] qual tante[2126] ne piantano in logi[2127] aquosi che sonno bastanti a lor[2128] bisogno. Et perhò[2129] hanno tra loro[2130] optimi marangoni, li[2131] quali da la neccessità[2132] son sta' constreti[2133] a sparagnare et (d'un legno che volta do[2134] palmi, segato in tole[2135]) fanno una porta de do[2136] passa longa saolzada[2137] e tanto ben lavorata de fora[2138] via e[2139] ben comessa che certo è una maraviglia. Et in questo modo fanno etiamdio balconi et altri lavori al uso domestico neccessarii[2140]; vero è[2141] che de[2142] drentovia se[2143] vedono li pezi. De[2144] questi legni fanno etiamdio de casse[2145]. Et a confirmation[2146] che'l non ce sian[2147] altri albori[2148] nè picoli[2149] nè grandi, nè in monte nè in[2150] piano, ho ritrovato qualche fiate[2151] uno arbusto de spin al[2152] qual per un miraculo[2153] ho veduto ligate peze e straze [2154]assai, con le qual se danno[2155] ad intender guarir la[2156] febre, et altre infirmitate[2157].

Nel campo (quantunque el ce sia gente assai) non se[2158] trova uno che se lamenti; tutti stano[2159] di bona voglia, cantano, solaciano, rideno[2160].

Seguendo il[2161] camin trovamo una terra nominata Spaham[2162], la qual[2163] è stata mirabile e (perfin[2164] al presente) murata con terreno e[2165] fossi; volta circa miglia quatro e[2166] (mettendo in conto li borgi[2167]) circa miglia .10. In li borgi sono così[2168] belli edificii como ne la[2169] terra. Intesi che (per esser[2170] numerosa di[2171] populo et per haver molta gente da fatti, per esser richa[2172]) qualche volta non dava cusì[2173] obedientia al suo signor, e[2174] che mo' anni .20.[2175] essendo signor de la[2176] Persia uno chiamato Giausa el qual fu a questa terra per volerla metter[2177] in obedientia, esso[2178] (conciate[2179] le cose sue) se partì, donde che (pocho[2180] da poi havendo rebelato[2181]) mandò el suo[2182] exercito, comandando[2183] a tutti quelli de [1]'exercito nel ritorno portassero una testa per uno, saccigiata e[2184] brusata che[2185] havesseno la terra; li qual obedirono a la[2186] polita in tanto che (cusì[2187] come io essendo in quelle parte sentiti[2188] parlar a molti di quei che[2189] erano sta' in quel exercito) alcuni, i quali non trovavano cusì[2190] teste de maschi, se mettevano a tagliar teste de[2191] femine e[2192] rasavali el capo per obedire. De qui viene[2193] che tutta la ruinorno e dissiporno[2194]. De presente per la sesta[2195] parte la se habita. Ha de molte antiquità grande e[2196] notabile, fra le[2197] quale questa tiene il principato, che in essa è una cava quadra con[2198] aqua drento[2199] alta un passo, viva e[2200] netta e[2201] bona da bevere, d'intorсобом они делают балконы[177] и прочие изделия, необходимые для домашнего использования. В действительности изнутри видят только их часть. Из этих деревьев делают также сундуки. И в подтверждение того, что там нет других деревьев, ни маленьких, ни больших, ни в горах, ни на равнине, я встретил однажды колючий кустарник, как чудо. Я увидел [на нем] подвязанные многочисленные лоскутки и [шелковые] очески, с помощью которых они рассчитывают исцелить лихорадку и другие болезни[178].

В лагере (хотя там множество людей) не встретится и одного горестного, все в хорошем настроении, поют, играют [на музыкальных инструментах], смеются.

Продолжая переход, мы встретили город, называемый Спахам[179] [Исфахан], который чудесен и (вплоть до настоящего времени)[180] защищен земляной стеной и рвами. В окружности — около четырех миль, а (если учитывать пригороды) — около 10 миль. В пригородах такие же красивые здания, как и в городе. Я узнал, что (по причине многочисленности населения, наличия множества воинов и богатства) он несколько раз отказывал в покорности своему синьору; и что теперь [прошло] уж 20 лет, когда синьором Персии был некто по имени Джяуза, который пришел в этот город, поскольку хотел привести его к покорности; он (устроив свои дела[181]) ушел. Поскольку (немного позже они взбунтовались) [он] направил туда свое войско, приказав всем из войска, чтобы при возвращении каждый принес голову, а захваченный город — разграбить и сжечь. И они подчинились приказу настолько, что (поскольку я был в тех местах и слышал разговоры многих из тех, кто был в этом войске) некоторые, которые не нашли голов мужчин, отрезали головы женщин и стригли их для исполнения [приказа]. Так случилось, что весь его разрушили и разогнали. В настоящее время он заселен на шестую часть. Здесь множество древностей, великих и замечательных, среди которых первое место занимает квадратная пещера высотой в один пасс с источником внутри[182], вода живая и чистая и хорошая для питья, рядом с ней берег, а вокруг нее — колонны со сводами, многочисленные комнаты и места для купцов с их товарами. Это место ночью держат закрытым для безопасности имущества. В этом городе есть много других вещей и красивых изделий[183], о которых в настоящее время (сейчас) не скажу другого, кроме того, что в то время (по их словам) там имелось 150 000 душ и больше.

Затем мы встретили Кассан[184] [Кашан], город хорошо населенный, в котором по боль-

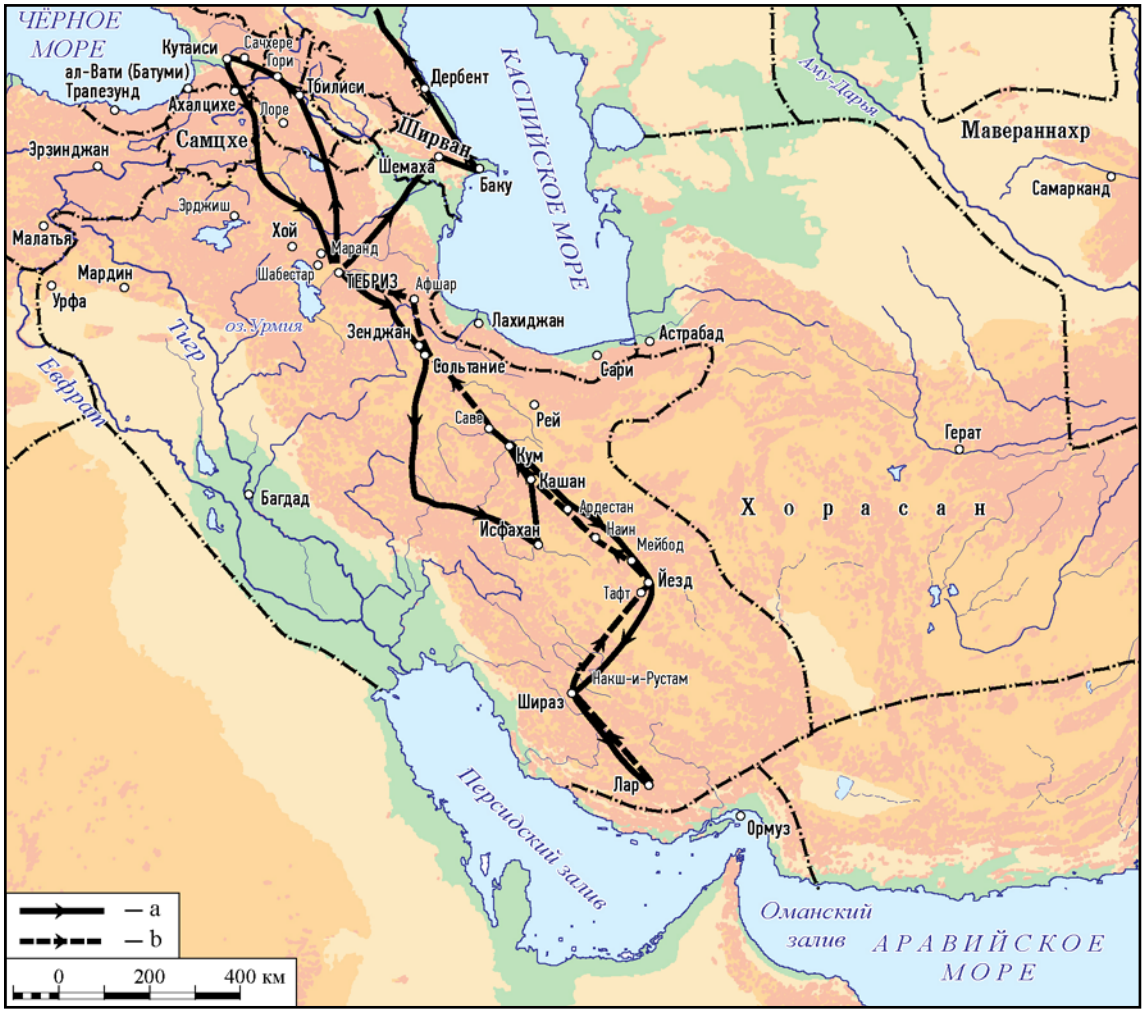


Рис. 2. Основные пункты в Иране и сопредельных странах, упоминаемые Иосафатом Барбаро, и маршруты его путешествий по владениям Узун-Хасана: a — маршруты И. Барбаро; b — возвращение из ширазского похода.

Fig. 2. Main localities in Iran and adjacent countries mentioned by Giosafat Barbaro and his itineraries across Uzun-Hassan's possessions: a — G. Barbaro's itineraries; b — return from the voyage to Shiraz.

no la quale è una riva, e[2202] atorno essa colonne con li sui volti, stantie e logi inumerabili[2203] da mercadanti[2204] con le lor mercadantie[2205]; el qual logo se tien la notte serrato per segurtà de le[2206] robbe. Altre più cose et lavori belli se ritrovano in questa terra, de le quali[2207] al presente non dirò altro che questo[2208], che in quel tempo (per quel che dicono coloro) l'haveva[2209] da anime .150000. in suso.

Trovassemo poi Cassan[2210]; città ben populada[2211], in la qual per la mazor[2212] parte se fanno lavori di seda e gottoni in tanta quantità, che chi volesse in un[2213] zorno comprar[2214] per .10000. ducati[2215] de questi lavori li troveria[2216] da vender. Volta circa[2217] miglia .3., è murata et[2218] di fora ha bei borgi e[2219] grandi. Zonzessemo ad Com[2220], città mal acasada, la qual volta[2221] .6. miglia et[2222] è murata. Non è terra de mistiero, ma viveno[2223] de lavorar la terra, fanno vigne et giardini[2224] ashей части делают изделия из шелка и хлопка в таком количестве, что если кто-то захочет в один день купить на 10 000 дукатов этих изделий, то он найдет их в продаже. В окружности около 3 миль, окружен стеной, а снаружи имеются большие и красивые пригороды. Затем мы прибыли в Ком[185] [Кум], город плохо застроенный, окружность которого 6 миль, он окружен стеной. Это не город ремесленников, но они живут обработкой земли, возделывают многочисленные виноградники и сады, и совершеннейшие дыни, каждая из которых весит 30 лир; они зеленые снаружи и белые внутри, сладкие как сахар. Здесь 20 000 семей. Затем, немного дальше мы встретили Йез[186] [Йезд], город ремесленный, здесь будут изделия из шелка, хлопка, камлоты и другое подобное. Возможно, некоторые подумают, что то, что я говорю — неправда, но то, что это правда, знают те, кто видел. Окружность [города] —

sai e melloni[2225] perfettissimi, taluno di quali[2226] pesa lire .30.; sono[2227] verdi de[2228] fuora e drento[2229] bianchi, dolzi[2230] quanto un zucharo[2231]. Fa fogi .20000. Seguendo[2232] più oltra trovassemo Iex[2233], terra de mistiero[2234], come sarian lavori di seda, gottoni e ciambelotti[2235] et altri simili[2236]. Penserano[2237] alcuni che quello ch'io dirò non sia vero e pur è vero, come sa[2238] quelli che l'hanno[2239] visto. Volta circa miglia .5., è murata[2240], ha borgi grandissimi, e non di meno quasi tutti texeno e[2241] lavorano diversi mistieri[2242] de le sede che vengono da Strava e da la Azi e da le[2243] parte che sonno verso i Zagatai[2244], verso il[2245] Mar de Bachu; le miglior vengono a Iex[2246] la qual poi fornise de i soi[2247] lavori gran[2248] parte de l'India, de la[2249] Persia, dei Zagatai, de[2250] Icim e Macini[2251], parte del Cataio[2252], de Bursa[2253] e de la[2254] Turchia. Im mo' che chi vol[2255] boni panni de la[2256] Soria e[2257] belli e boni lavori, togliono de questi e[2258] (quando el va un[2259] mercadante a questa terra per lavori) in el[2260] fontego. In el qual[2261] atorno atorno son botegine, e in mezo[2262] un altro logo[2263] quadro pur con botege[2264], ha do[2265] porte con[2266] una cadena, acciochè in esso non entrino cavalli. Custui insieme[2267] con gli[2268] altri entrano e[2269] (se cognosceno[2270] alcuni di quelli) vanno a seder lì, se non, sentano dove li piace in questi botegini, ciascuno[2271] di quali è .6. piedi per quadro, e[2272] (quando che son[2273] più merchadanti) sedono[2274] uno per botegino[2275]. A una hora de zorno vengono alcuni con lavori de[2276] seda et altre[2277] sorte in brazo e[2278] passano intorno, non dicendo altro, ma i merchadanti che stano[2279] lì (se vedono cosa[2280] che li piaqua[2281]) li chiamano e[2282] guardanola da presso se la ge piace[2283]; el precio[2284] è scritto su una carta atorno il lavoro; piacendoli il lavoro et[2285] il[2286] pretio, lo tuole[2287] e buttalo dentro del bottegino, e 'ste cose[2288] se spaciano[2289] in un[2290] tratto senza far[2291] altre parole, imperochè colui che ha data la robba[2292] cognoscendo il patron del botegin se ne[2293] parte senza dir altro; e[2294] questo mercato dura fino[2295] hora di sexta. A hora di vesparo[2296] vengono i venditori e togliono i soi danari[2297]; se qualche[2298] fiata non trovano chi compri[2299] le sue robbe[2300] per il pretio notato a torno, hanno costume di[2301] bassar il[2302] pretio et ritornar un altro zorno. Dicesse[2303] che quella terra vol al[2304] zorno do[2305] some di seda, che sono[2306] al modo nostro lire .1000.[2307] de[2308] peso. De lavori de ciambelotti e[2309] gottoni et altri simili non dico altro, perché da quelli de seda che se fanno[2310] el se pol far[2311] la stima quanto più se ne faci[2312] de queste altre cose.

Tutto il[2313] camino fin qui fatto[2314] se drecia[2315] alla via de sirocho; tornarò[2316] per la via

около 5 миль, [он] окружен стеной. У него огромнейшие пригороды, и тем не менее почти все ткут и изготавливают разнообразные изделия из шелка, которые идут в Страву[187] [Астрабад], и в Ази[188], и в страны[189], которые находятся в стороне Чагатаев[190], в сторону моря Баку, большая часть идет в Йедз, который затем снабжает своими изделиями большую часть Индии, Персии, Чагатаев, Чина и Мачина[191], краев Китая[192], Бурсы и Туркии[193]. Таким образом, если кому-то нужны хорошие ткани из Сирии, и красивые и хорошие изделия, берут у этих и в их фондако (когда приходит в этот город купец за товарами). В нем [фондако = караван-сарае] везде вокруг находятся лавки, а в середине — еще другое квадратное пространство, также с лавками, у него двое ворот с цепью, дабы в него не проходили лошади. Купцы вместе с другими входят и (если знают некоторых из них) садятся с ними, если нет, выбирают себе подходящую лавку, каждая их которых — 6 футов в квадрате, и (когда много товаров) — сидят по одному на лавку. К часу дня приходят некоторые [продавцы] с изделиями из шелка, и других сортов, в руках, и проходят внутрь, не говоря [ничего] другого. А купцы, которые там находятся (если видят товар, который им нравится), зовут их и смотрят вблизи, насколько хорош товар. Цена написана на бумаге вокруг товара. Если их устраивает товар и цена, его берут и бросают в лавочку. Так товар продается в один момент без лишних слов, после чего тот, кто дал товар, поняв хозяина лавочки, удаляется, ничего не говоря. И эта торговля продолжается до шести часов. В вечерний час приходят продавцы и забирают свои деньги; если в какой-то раз не находят того, кто бы купил их товары за цену, указанную вокруг [на обертке], обычно понижают цену и возвращаются в другой день. Говорят, что этому городу в день требуется два тюка шелка, что по нашим меркам составляет 1000 лир веса[194]. Не буду говорить более об изделиях из камлота, хлопка и других подобных, поскольку те, что делаются из шелка, стоят намного больше, чем эти остальные вещи.

Весь путь, проделанный до этого места, был в направлении на юго-восток[195]. Вернусь на дорогу востока, и находится [здесь] огромнейший город [Шираз], в окружности вместе с пригородами в 20 миль, с бесчисленным населением, многочисленнейшими купцами, поскольку все купцы, что приходят из верхних стран[196], то есть из Эрэ[197] [Герата], Санмаркаанта[198] [Самарканда] и еще выше (желая идти по дороге в Персию) проезжают через Шираз[199]. Здесь встречаются многочис-

de levante[2317], et è terra[2318] grandissima; volta con i[2319] borgi da miglia .20., ha populo inumerabile, mercadanti[2320] assaissimi, perché[2321] tutti i mercidanti[2322] che vengono da le[2323] parte di[2324] sopra, cioè da Ere[2325], Sanmarcahanth[2326] e da lì[2327] in suso (volendo vegnir[2328] per la via de la[2329] Persia) passano[2330] per Syras. Qui capitano zoglie assai, sede, spetie minute e[2331] grosse, reobarbari, sementine. È[2332] del signor Assambei, circondata de[2333] muri de terreno[2334] assai alti e forti, de[2335] fossi, con[2336] le sue porte, ornata de assaissime[2337] et bellissime moschee e case[2338] ben adornate de musaico et altri ornamenti. Fa da .200000. anime e[2339] forsi più. Stasse in essa securamente, sencia[2340] vania di[2341] alcuno. Partendo di[2342] qua el se ense de la[2343] Persia e vassi ad Ere[2344], terra posta ne la regione de Zagatai[2345]. Questa terra è del figliol[2346] che fo del soldan Bossaith[2347], è grandissima, menor perhò[2348] un terzo[2349] che non è Syras; lavora sede et altri lavori como Syras. Non dico de castelli, terriciole e[2350] ville assai, poste a questa[2351] via, per non haver cosa memorabile. Vassi[2352] poi un[2353] poco per grieto[2354], caminando per logi[2355] deserti et sterili, dove non se trovano aque, salvo cha[2356] di pozi[2357] fatti a mano; herbe poche se hanno, boschi mancho; et dura questo camino .40.[2358] zornate. Poi se ritrova[2359], in quella istessa region de Zagatai[2360], Sanmarchaanth[2361], città grandissima e ben populata, per la quale vano e[2362] vengono tutti quelli de Cim e Macini[2363] e del Cataio, o mercadanti[2364] o viandanti che siano. Lavorassi[2365] in essa mistieri[2366] assai[2367] e trovassi mercadanti[2368] assai. I[2369] signori de la[2370] qual furon figlioli[2371] de Giarda[2372]. Non passai più avanti a questa via, ma (perché l'intesi[2373] da molti) dico che questi[2374] Cim e Macim (di quali pocho[2375] avanti ho fatta mentione) sonno do[2376] provincie grandissime e sono[2377] de quelli idolatri. La region[2378] è quella dove se fanno i cadini e piadene di[2379] porcellana. In questi logi son[2380] gran merchadantie, maximamente zoglie et[2381] lavori de seda et de altre sorte. De lì se va in la provincia del Cataio, de la[2382] qual dirò quello[2383] che[2384] so per rellation de[2385] uno ambassador[2386] del Tartaro el qual vene[2387] de lì, retrovandome[2388] io a la[2389] Tana. Essendo un zorno con lui in parlamento[2390] di[2391] questo Cataio[2392], me disse che passando i logi proximamente[2393] scritti, intrato[2394] che'l fu nel paese del Cataio[2395], sempre[2396] li furon[2397] fatte le spese de logo in logo perinsina[2398] che'l zonse[2399] a una terra nominata Cambale[2400], dove fu recevuto honorevolmente, e datoli stantia; e[2401] cusì dice che fino fatte le spese a tutti li merchadanti[2402] che passano[2403] de lì[2404]. Poi fu condutto dove

ленные драгоценности, шелка, специи легкие и тяжелые, ревень, цитварное семя. Он принадлежит синьору Хасанбею, окружен многими стенами из земли, высокими и крепкими, рвами с их воротами, украшен многочисленнейшими и красивейшими мечетями и домами, хорошо отделанными мозаикой и другим декором. Здесь 200 000 душ, и даже более. Находиться в нем безопасно, без какого-либо стеснения. Выйдя из него, покидают Персию и идут в Эре, город, расположенный в области Чагатаев[200]. Этот город принадлежит сыну султана Боссаита[201], он огромнейший, но втрое меньше, чем Шираз. Здесь производят шелка и другие товары, как в Ширазе. Не буду говорить о многочисленных замках, городках и деревнях, расположенных по этой дороге, поскольку в них нет удивительных вещей. Если затем идти немного на северо-восток, проходя по местам пустынным и бесплодным, где не встречается вода, за исключением колодцев, сделанных руками, травы мало, деревьев нет, и длится этот переход 40 дней. Затем встречается в той самой области Чагатаев Санмаркаант [Самарканд], город огромнейший и хорошо населенный, через который проходят все, кто из Чина, Мачина и Китая, будь то купцы или путники. В нем встречаются многочисленные изделия и многочисленные купцы. Владетели его — сыновья Джарды[202]. Я не ходил дальше по этой дороге, но (поскольку слушал многих) скажу, что эти Чин и Мачин (которые я упомянул немного раньше) являются двумя огромнейшими провинциями, там живут язычники. Это та область, где делаются чаши и блюдца из фарфора[203]. В этих местах множество товаров, особенно драгоценностей и изделий из шелка и других сортов. Из них можно идти в провинцию Китай, о которой поведаю то, что знаю по рассказу посла Татарии, который вернулся оттуда, когда я был в Тане[204]. Проведя один день с ним в разговорах об этом Китае, он сказал мне, что проходя места только что описанные, он вошел в страны Китая, все время делая траты от места к месту, пока не прибыл в город, называемый Камбале[205] [Ханбалык, Пекин], где был принят с почетом, и ему предоставили помещение; как он сказал, тут он расплатился со всеми купцами, которые проходили с ним. Затем его провели туда, где находится государь. Когда он пришел ко входу, его поставили на колени снаружи, место было плоское, очень широкое и длинное, в конце его была каменный помост, на котором сидел синьор на кресле, повернувшись спиной в сторону ворот. По бокам были 4 сидящих [человека], повернутые [лицом] в сторону ворот, и от ворот

era il signor[2405]. Zonto a la[2406] porta, fu[2407] fatto inzenochiar[2408] lì de fuora; el logo era a pepiano, largo e longo molto, in capo dil[2409] quale era uno[2410] pavimento di[2411] pietra e su esso il[2412] signor sentato in su una cariega[2413], el qual[2414] voltava le spale[2415] verso la porta. Da i ladi erano .4. sentadi, volti[2416] verso la[2417] porta, et da la[2418] porta per insino dove erano questi .4.[2419] di qua et[2420] di là stavano alcuni maccieri[2421] in piedi con bastoni d'argento, lassando in mezo[2422] al modo d'una calle, in la qual calle per tutto erano[2423] alcuni[2424] trucimani sentadi[2425] su i calcagni, come fanno[2426] di qua da nui le femene[2427]. Redutto l'ambassador a questa porta (dove ritrovò le cose ordinate nel modo scritto di sopra) li fu[2428] ditto che'l[2429] parlasse quel che esso voleva e[2430] cusì fece la sua ambassata[2431], la qual i trucimani de man in man exponevan[2432] al signor overo[2433] a quelli .4.[2434] che li sentavano[2435] a lato. Fugli risposto che'l fusse il[2436] benvenuto e[2437] dovesse ritornar a logiamento[2438], dove se gli faria[2439] la risposta[2440]. Per la qual cosa non gli[2441] fu più[2442] bisogno ritornar dal signor[2443], ma solamente a[2444] conferir con alcuni di quelli del signor, li quali li fidevano mandati a casa et refferivano[2445] di qua e[2446] di là quella faceva bisogno[2447], in modo che presto fu spaciato[2448] e gratamente. Uno de i famegli[2449] di questo ambassator[2450] et uno suo famiglio[2451] (li quali ambi dui erano stati con esso) me[2452] dissero cose mirabile de la iustitia che se faceva in quel logo[2453], fra le qual[2454] questa ne è[2455] una, che (essendo un zorno in madian[2456], che vol dir in piaza[2457]) a una femina che portava una zara de latte in capo uno vene e tolse la zara, e cominciando[2458] a bevere, lei si[2459] misse a cridar[2460]: «O povere vidue, a che modo possemo portar[2461] le nostre robbe[2462] a vendere!». Subito costui fu[2463] preso e[2464] con la pata[2465] tagliato a traverso, in modo che'l se vedeva in un trato[2466] insire sangue e latte de le[2467] budelle. E[2468] questo istesso poi[2469] mi affirmò ditto ambassator, e sozonse[2470] che (lavorando certa[2471] femina gottoni a molinello) haveva[2472] tratta fuora una spuola e[2473] messa da drieto apresso[2474] de sì; uno che passava a caso di là tolse questa puola[2475] et andossene[2476] alla bonhora[2477]; ella se voltò et veduto che l'havè, cominciò a cridar[2478] et fuli ditto: «S'è[2479] colui che va in là che te l'ha[2480] tolta?». Costui subitamente fu preso e per il simile[2481] tagliato a traverso. Dicesse[2482] che non solamente in la terra, ma de fora[2483] nelle strade d'ognio[2484] intorno dove capitano viandanti, se trovano insuso qualche saxo o[2485] altro logo cose perdute per[2486] altri viandanti e per altri trovate, e che[2487] niuno è cusì furbito[2488] che li basta

вплоть до того места, где были эти 4, там и сям стояли на ногах булавоносцы с серебряными дубинами, оставляя в середине некое подобие улицы, и на этой улице везде были переводчики, сидящие на пятках, как это у нас делают женщины. Когда посол прошел к этим дверям (где он увидел вещи, расположенные в порядке, описанном выше), ему было предложено сказать, что он хотел, и таким образом он выполнил свое поручение, которое переводчики от одного к другому передали синьору через тех 4, которые сидели по боками. Затем его в ответ поприветствовали, и ему следовало вернуться в свое жилище, куда ему доставили ответ. Для этого дела ему не требовалось больше возвращаться к синьору, но исключительно обсудить с несколькими из [людей] синьора, которым было поручено прийти в дом и рассмотреть с разных сторон, что требовалось, по порядку, и всё это было сделано очень быстро и любезно. Один из слуг этого посла и один из его свиты (которые оба были с ним) рассказали мне удивительные вещи о правосудии, которое совершается в том месте. Среди них одна, что (когда они были однажды днем на майдане[206], то есть на площади) к одной женщине, которая несла на голове кувшин молока, некто подошел, выхватил кувшин и начал пить. Она принялась кричать: «О бедные вдовы, каким образом мы можем носить наше добро на продажу!». Тут же этот тип был схвачен и разрублен саблей поперек, таким образом, что было видно, как вместе вытекают кровь и молоко из его кишок. Это также затем подтвердил мне упомянутый посол, и добавил, что (некая женщина, выделывая хлопковую пряжу) вынесла на улицу челнок и положила сзади рядом с собой; некто, кто проходил мимо ее дома, взял этот челнок и убрался восвояси. Она обернулась и увидела, что произошло, и начала кричать ему со словами: «Тот-то, кто пошел туда, ты украл?». Этот тип тут же был схвачен и также разрублен поперек. Он сказал, что не только в городе, но снаружи на дорогах везде вокруг, где встречаются путники, если встречают на поверхности скалы или другого места предметы, потерянные другими путниками и другие находки, то нет ни одного настолько хитрого, чтобы ему хватило духу взять это себе. И более того (если кого-либо, кто находится в пути, спросит кто-то, к кому имеет подозрения или не слишком доверяет, куда он едет), добравшись туда, он жалуется на того, кто говорил такие-то слова и задавал такие-то вопросы. И тому, кто спрашивал, требуется найти какую-то причину, достаточную для этого его вопроса, в противном случае он будет наказан. По этим примерам

l'animo di[2489] tuorle per sì. E[2490] più che (se uno essendo in camino fusse[2491] adimandato da qualchuno che[2492] esso havesse suspeto[2493] o de chi tropo[2494] non se fidasse, dove el va) andandossene[2495] a lamentar[2496] colui che fi dimandato di tal parole e di cotal dimanda[2497], el bisogna che[2498] colui ch'ha dimandato attrovi[2499] qualche casone licita di questa sua dimanda, altramenti[2500] el fi punito. Per le qual cose el se po' comprender[2501] che questa terra è terra di libertà et di[2502] gran iustitia.

Circa il[2503] fatto de le marchadantie, intesi[2504] che tutti li mercadanti[2505] che vengono in quelle terre portano le lor merchadantie[2506] in quelli fontegi, e li deputati a ciò[2507] le vano[2508] a vedere et (essendovi[2509] cosa che piacia al signor[2510]) pigliano quello gli[2511] piace, dagandoli a[2512] l'incontro altre robbe per el valsente di[2513] essa. El resto rimane in libertà dil merchadante[2514]. A minuto in quel logo si[2515] spende moneta di charta[2516], la quale ogni[2517] anno fi mutata con nova stampa, e[2518] la moneta vechia[2519] in capo de l'anno si[2520] porta alla cecca, dove e'gli fi[2521] data altretanta di[2522] nova e bella, pagando tutta via do[2523] per cento de moneta d'[2524]argento bona; et la moneta vechia se buta in focho[2525]. L'argento et[2526] l'oro se vendono a peso e fasse[2527] etiam di questi metalli certe monete grosse. La fede di questi Cathaini[2528] stimo che sia pagana, quantunque[2529] molti di Zagatai[2530] et altre natione, li quali vengono de lì, dicono[2531] che sian christiani, imperochè[2532] dimandandoli io in che modo el sano[2533] che siano christiani, me[2534] respondeno che in li lor[2535] templi essi[2536] tengono statue, sì[2537] come famo nui. Accadetime[2538] nel tempo ch'io era[2539] in la Tana, stagando[2540] ditto ambassator con mi (como[2541] ho ditto di[2542] sopra), che mi passò[2543] davanti un[2544] Nicolo Dedo[2545], nostro venetiano vechio, il qual a le[2546] fiate portava una vesta di[2547] panno fodrata di cendado[2548] a manege[2549] aperte (come zà si[2550] usava in Venetia) sopra uno zupon[2551] de pelle con uno capuzo[2552] in spalla et un capello di[2553] paglia in capo da soldi .4. Et incontinente (visto che l'have') ditto ambassador con maraveglia[2554] disse: «Questi sonno de i[2555] habiti che portano i Cathaini[2556], somegliano quelli de la[2557] nostra fede, perché portano l'habito nostro». In quel paese non nasce vino per esser la region[2558] molto frigida; altre vittuarie nasceno assai. Questo, insieme con molte altre cose, le qual[2559] de presente io lassarò, et quello ch'io so per relation de[2560] ditto ambassator del Tartaro e de li soi[2561] familiari per quanto spetta[2562] alla provintia dil Cataio[2563], dove io personalmente non son stato.

Tornerò[2564] da capo a Thauris[2565] et (così come di sopra ho ditto quello si trova[2566] caminando tra[2567] greco e[2568] levante) cusì de[2569] легко понять, что эта земля — земля свободы и великой справедливости.

Относительно того, что делается в торговле, я узнал, что все купцы, которые приходят в те земли, доставляют свои товары в те фондако, и посланные для этого смотрят (если предмет нужен синьору), покупают то, что понравилось, давая взамен другие товары, по стоимости этого. Остальное остается в распоряжении купца. Во-вторых, в этом месте обращаются бумажные деньги[207], которые каждый год меняются на новый штамп, а старые купюры в конце года относят на монетный двор[208], где за них дают другие, новые и красивые, за что везде платят два процента в хорошей серебряной монете; а старую купюру бросают в огонь. Серебро и золото продают на вес, а также из этих металлов делают некие крупные монеты. Веру этих китайцев я оценю как языческую, хотя многие из чагатаев и других народов, которые приходят от них, говорят, что они христиане. После этого я их спрашивал, откуда они знают, что они христиане. Мне отвечали, что в их храмах держат статуи, как делается у нас. В то время, когда я был в Тане, со мной произошло следующее. Со мной был упомянутый посол (как я сказал выше), ко мне вперед прошел Николо Дьедо, наш старый венецианец, который в тот раз носил одежду из сукна, подбитую тафтой, с открытыми рукавами (как тогда носили в Венеции) поверх зипуна из кожи, с капюшоном на спине, и в соломенной шляпе за 4 сольди на голове. И тут же (увидев это) упомянутый посол с удивлением сказал: «Это одежды, которые носят китайцы, привозят их вьюками из [страны] нашей веры, чтобы носить нашу одежду». В той стране не родится виноград, поскольку область очень холодна, но другой пищи родится много. Это, вместе со многими другими вещами, которые я сейчас оставлю, и то, что я знаю по рассказам упомянутого посла Татарии и его слуг, поскольку рассмотрел провинцию Китай, где я лично не был[209].

Вернусь в пределы Тавриза и (так же, как выше я сказал, что встречается, если ехать на восток-северо-восток) теперь расскажу о том, что встречается, если ехать на восток-юго-восток. Первое, что мы встречаем — город, который называется Куэрк[210], оставив некие замки, которые видны прежде, чем въехать в упомянутый город, поскольку в них нет ничего достойного упоминания. В этом городе есть колодец с водой в виде фонтана, охраняемой ее талассиманами[211], то есть священниками. Говорят, что эта вода

presente dirò quello si[2570] trova caminando tra[2571] levante et syrocho. Primo[2572] nui ritroviamo una città la qual[2573] se chiama Chuèrch[2574], lassando certi castelli li quali se vedeno prima che se ariva in[2575] ditta città, di quali non habbiamo cosa alcuna memorabile da dir[2576]; in questa città è una fossa d'aqua[2577] nel modo di[2578] una fontana, la qual[2579] fi guardata da quelli soi[2580] talassimani[2581], cioè[2582] preti. Questa aqua[2583] dicono che ha grande[2584] virtù contra la levra e[2585] contra le cavalete. De[2586] l'uno et[2587] l'altro de li qual[2588] incommodi[2589] io ne ho veduto qualche[2590] non voglio dir experientia, ma credultà[2591] de alcuni. In quelli tempi passò uno Franzoso[2592] con alcuni famegli et[2593] guide Mori[2594] per quella via, el qual sentiva di[2595] lepra et (per quanto intendessemo) andava per bagnarse[2596] in ditta aqua[2597]. Quello poi[2598] seguisse io noi so; ma publicamente se diceva che molti ne eran[2599] sanati. Essendo anchora[2600] io in quel paese, venne un Armenio[2601] mandato (molto avanti che[2602] io prendesse il[2603] camino a quelle parte) dal re de[2604] Cypro per tuor di quella aqua[2605], et de ritorno (essendo io in la campagna do[2606] mesi da poi ch'io era[2607] zonto in Thauris) retornò con quella aqua[2608] in un fiascho[2609] de stagno et stetessi[2610] con mi do[2611] zorni. Poi se ne[2612] andò alla sua via e ritornò[2613] in Cypro, in el[2614] qual logo ne la[2615] ritornata[2616] mia trovandomi[2617], io vidi[2618] quello istesso fiascho di aqua apichato su un[2619] bastone el qual era porta[2620] fuora de certa torre, et intesi da li homeni dil[2621] paese che per quel aqua[2622] non havevano haute più cavalete[2623]. Dove etiamdio vidi[2624] alcuni ucelli[2625] rossi e[2626] negri i[2627] quali se chiamano uceli de Machometto, che[2628] hanno costume di[2629] volar in frotta, como storneli[2630], i quali, per quello ch'io intesi essendo pur in Cypro in la ritornata mia, quando vengono cavalete[2631] che se ne trovano tutte le amazano[2632], et in qualunque logo[2633] sentano esser[2634] de[2635] ditta aqua voleno[2636] verso esso, così[2637] come affirmano tutti li paesani. Questa città Cuerch è picola[2638] ma de passo, imperochè per essa passa chi va al Mar Rosso[2639], cioè al Sino Persico.

In su questo mare s[2640]i ritrova una insula in la quale è una città nominata Ormous[2641], lontana da terraferma da .18. in .20. miglia; volta la insula circa miglia .60.; la terra è grande et ben populata, non ha altra aqua cha[2642] quella de pozi[2643] e di cisterne e (quando[2644] quella si[2645] mancha) sogliono andar[2646] a torne[2647] in terraferma, dove etiamdio hanno le sue semenason. Paga tributo al signor Assambei; lavora lavori de seda assai[2648]. I mercadanti che vanno da India in Persia o da Persia in India[2649] in bona parte dano[2650] de

имеет большую силу против проказы и против саранчи. По поводу обеих напастей — не видел чего-либо, не могу сказать достоверного по опыту, но [побуждает] легковерие некоторых. В эти времена прошел один француз с некими слугами и проводниками маврами по этой дороге, который чувствовал проказу и (как мы узнали) пошел купаться в эту воду. Я не знаю, что случилось потом, но он прилюдно сказал, что многие вылечились. Когда я еще был в той стране, пришел один армянин, посланный (намного раньше, чем я предпринял поездку в эти страны) королем Кипра[212], чтобы взять этой воды и вернуться (когда я был в степи на два месяца позже того, как я прибыл в Тавриз), возвращался с этой водой в оловянной фляжке и оставался со мной два дня. Затем, когда я возвращался своей дорогой и попал на Кипр, на обратном пути она мне там встретилась, я увидел эту самую фляжку воды на шесте, который был у ворот некой башни, и я узнал от жителей этой страны, что благодаря этой воде у них нет больше саранчи. Там я видел также неких красных и черных птиц, которые называются птицами Мухаммеда, которые обычно летают стаями, как скворцы, которые, как я узнал, будучи на Кипре при моем возвращении, когда идет саранча, которая им встречается — всю съедают, и если в каком-либо месте, где они сядут, есть упомянутая вода, то они садятся рядом с ней, так же, как подтвердили все жители. Этот город Куэрк — маленький, хотя через него проходят те, кто идет к Красному морю, то есть к Персидскому заливу[213].

На этом море есть остров, на котором находится город под названием Ормуз[214], на расстоянии от суши от 18 до 20 миль[215], окружность острова — около 60 миль. Город большой и хорошо населенный. Здесь нет другой воды, кроме как из колодцев и цистерн, и (когда ее не достает) они вынуждены идти на материк, где они также получают свое зерно[216]. Плата идет синьору Хасанбею. Здесь делают множество товаров из шелка. Купцы, которые идут из Индии в Персию, или из Персии в Индию, по большей части останавливаются на этом острове. Владетеля его зовут султан Сабадин[217]. Он посылает на дорогу в Индию некоторые свои барки для ловли раковин жемчуга, но многие теряет. А (когда я был там) два купца, которые шли из Индии, появились там с жемчугом, драгоценными камнями, изделиями из шелка и специями. В этом Персидском заливе находится устье Евфрата[218], реки зна-

capo in questa insula. El signor[2651] se chiama soltan[2652] Sabadin. Manda alla via de India certe sue barche a peschar le hostrege da le[2653] perle e perdene[2654] assai. Et (essendo io de lì) do[2655] merchadanti che vegnivan de[2656] India capitorno[2657] lì con[2658] perle, zoglie[2659], lavori de seda e[2660] spetie. In questo Colpho[2661] Persico mette capo Euphrate[2662], fiume nominatissimo, sul quale[2663] cerca .6.[2664] zornate in suso è Bagdath[2665], cioè Babilonia[2666] Vecchia, la qual[2667] è stata famosa, come ciascuno[2668] intende, seben de presente in gran parte è[2669] destrutta; pol far[2670] da fogi[2671] .10000. È[2672] ubertosa del viver[2673]; ha frutti avantagiati, come sarian datali, pistachi et[2674] altri simili in grande[2675] quantitade et[2676] in summa bontade, fra li[2677] quali se ritrovano[2678] codogni dil[2679] sapor e grandeza[2680] de li nostri. Trovansi[2681] etiamdio pur codogni i quali non hanno quel duro di drento[2682] che suoi havere[2683] il codogno, ma sono[2684] al mangiar como sarian[2685] peri glacioli dulcissimi. Trovassi[2686] una sorte di[2687] pomi ingranati non tropo[2688] grandi, ma per la mazor[2689] parte con il scorcio[2690] suttile, i quali se curano così come se curano[2691] le narancie[2692] et in li quali ni[2693] più ni meno si po' caciar[2694] li denti comò[2695] se faria in un[2696] pomo. Imperochè non hanno quelle tramezadure[2697] in mezo[2698], excetto cha[2699] un pocho[2700] nel fondo; il[2701] sapore è mixto di dolceza[2702] con alquanto de garbeto[2703] et sonno o[2704] senza quello pocho legneto hanno gli altri dentro del[2705] grano, o non cusì[2706] tenero che non se[2707] sente in bocha, nì è[2708] bisogno di[2709] sputar covele fora[2710], più di quel che è a chi mangiasse[2711] uva passa. Fanno anchora zuchari[2712] assai et de essi[2713] bone confection, maximamente syropi[2714], de i quali ne furnisseno[2715] la Persia et altri logi[2716].

Ritornarò ad Ormuos et parlarò qualche coseta di logi i quali li sonno a[2717] l'incontro, i quali sono[2718] di là dal ditto colpho verso[2719] tramontana, la quale è da la[2720] banda de la[2721] Persia, e da[2722] l'altra parte è la Siria[2723] e Barbaria[2724]. In quelli logi sonno machomettani[2725]; el colpho in sì è largo[2726] miglia .300. e[2727] li logi di là[2728] dal colpho[2729] sonno de l'India, e fino possessi da .3.[2730] signori machometani. Il[2731] resto de l'India tutto fi possesso dal re[2732] Prete Giani[2733]. Venendo a terra a terra, via per syrocho e[2734] levante, cusì[2735] come va il colpho[2736], in capo si[2737] trova una città chiamata Calachuth[2738], città di[2739] fama grandissima, la qual[2740] è comò[2741] una stala[2742] over hospitio di merchadanti[2743] de diversi logi[2744], come seria dir de quelli che vengono drento al colpho de il Cataio[2745] et de tutte quelle parte, dove sempre se ritrovano navilii assai e grandi, conciossia che[2746] non fa gran fatto fortune. La terra si è di[2747] pas-

менитейшей, на которой в 6 днях выше находится Багдад, то есть Старая Вавилония, которая знаменита, как каждый знает, хотя в настоящее время она по большей части разрушена, может насчитывать от 10 000 семей. Он изобилен для жизни. Здесь имеются ценные фрукты, как финики, фисташки и другие подобные в огромном количестве и хорошего качества, среди которых встречается айва, по вкусу и размеру как наша. Встречается также айва без твердости внутри, какую обычно имеет айва, но для еды она — как были бы груши, белые, сладчайшие. Встречается также один сорт гранатов, не таких крупных, но по большей части с тонкой корочкой, с которыми обращаются, как обращаются с померанцами, и их, ни больше, ни меньше, можно кусать зубами, как это делается с яблоком. Это потому, что у них нет перегородок внутри, за исключением одной небольшой в основании; вкус — смешанный, из сладости с некоторой терпкостью; и они или без этой некоторой деревянности, которую другие имеют внутри зернышек, или не настолько мягкие, что не чувствуются во рту, и нет необходимости выплевывать косточки, как и когда едят виноград. Также [здесь] делают много сахара, а из него — хорошие сладости, особенно сиропы, которые поставляют отсюда в Персию и другие места.

Вернусь в Ормуз и расскажу некоторые вещички о местах, которые расположены напротив, которые оттуда, от упомянутого залива — к северу, которые находятся со стороны Персии, а с другой стороны находятся Сирия и Барбария[219]. В этих местах живут магометане. Ширина залива — 300 миль, а места за заливом — индийские, до владений 3-х государей магометан. Остальная часть Индии — владение пресвитера Иоанна[220]. Если идти от города к городу по дороге на юго-восток и восток, как идет залив, в конце находится город, называемый Калякут[221] [Кожикоде], город величайшей славы, который как место стоянки и приюта купцов из разных мест, как бы сказать тех, что приходят внутрь залива из Китая и всех тех стран, где часто встречается множество больших кораблей, поелику не часто случаются сильные шторма. Город перевальный, торгующий всеми родами [товаров], большой и [густо] населенный. Если возвращаться по упомянутому берегу к Ормузу, встречается город, называемый Лар[222]; это город большой и хороший, в нем 2 000 семей, он торговый и перевальный, поэтому те, кто ходят и приходят по этому заливу, часто делают остановку в этом городе. Дальше находится

so, merchadantesca d'ogni rasone[2748], grande e[2749] populosa. Retornando[2750] su la riva preditta a[2751] l'incontro de Ormuos[2752] se ritrova[2753] una terra chiamata Lar; è terra grossa e bona; fa[2754] fogi .2000.; è mercadantesca e[2755] di passo, imperhochè quelli che vanno e[2756] vengono per questo colpho[2757] sempre danno di[2758] capo a questa terra. Trovassi[2759] poi Syras de la qual[2760] habbiamo parlato di sopra, e[2761], scorrendo via, se va ad[2762] una grossa villa chiamata Camara. Poi una zornata lontano et[2763] se trova uno ponte grande di sopra el Bindamyr[2764], et qual[2765] è fiume molto grande. Questo ponte se dice che fece far[2766] Salomon.

Alla villa de Camara el[2767] se[2768] vede uno[2769] monte tondo el qual da uno lado mostra[2770] esser tagliato et fatto in una facia[2771], alta circa .6. passa; in la summità dil[2772] monte è uno piano et atorno colonne .40.[2773] le quale se chiamano Cilmynar[2774], che voi dir[2775] in nostra lengua[2776] .40. colonne, ciascuna de le qual[2777] è longa braza[2778] .20., grossa quanto abracia .3. homeni; de le qual perhò parte ne son[2779] ruinate; per quello si vedeva[2780] è stato zà[2781] un bello edificio[2782]. In su questo piano è tutto un pezo de saxo[2783], sul quale sonno sculpite figure de homini assai, grandi come ziganti, e[2784] sopra di tutte è una figura simile[2785] a quelle nostre che nui[2786] figuramo Dio Padre, in uno tondo, la qual[2787] ha un[2788] tondo per mano e[2789] sotto la qual sono[2790] altre figure picole[2791]; davanti, la figura de un[2792] homo apogiato ad un arco, la[2793] qual se dice esser[2794] figura di[2795] Salomon.

Più sotto ne sonno molte altre le qual[2796] par che tengono[2797] li sui[2798] superiori di[2799] sopra, e[2800] di questi minori[2801] uno è lo qual par che[2802] habbia in capo una mitria di[2803] papa, e[2804] tien la man alta aperta, mostrando di[2805] voler dar la bededition[2806] a quelli li son di sotto, li quali guardano ad essa e par che stagano in certa expectation de dicta benediction. Più avanti è una figura grande a cavallo che par che sia d'un[2807] homo robusto; questa dicono esser de Sampson[2808], apresso la qual son[2809] molte altre figure vestite alla francese, o hanno capelli[2810] longi. Tutte queste figure sonno de uno mezo[2811] relievo.

Do[2812] zornate lontano da questo logo[2813] è una villa nominata Thymar[2814] et de lì a do[2815] zornate un'altra[2816] villa dove è una seppultura ne la qual[2817] dicono esser[2818] sta' seppulta[2819] la madre di Salomone[2820], sopra la quale è fatto a modo de una giesiola e[2821] sonnovi lettere arabice le qual[2822] dicono: «Mader Sulcimen», zoè[2823] madre di Salomon[2824]. Questo logo[2825] per quei di là[2826] se chiama Messet Fulcimen,

Шираз, о котором мы говорили выше. А если идти по дороге, приходят к большой деревне, называемой Камара[223] [Кинара]. Далее, на расстоянии одного дня пути находится мост через Биндамир[224] [Кур], а это очень большая река. Про этот мост говорят, что его построил Соломон[225].

В поселке Камара[226] видна круглая гора, которая с одного бока покрыта резьбой, как фасад, высотой в 6 пассов[227]. На вершине горы — плоское место, а вокруг — 40 колонн, которые называются Чильминар[228], что на нашем языке значит «40 колонн», каждая из которых — 20 браччо в длину, а по величине — в 3 обхвата, однако часть из них разрушена. Поэтому видно, что прежде здесь было красивое здание. Над этой плоскостью находится монолитная скала, на которой вырезаны фигуры многих людей, больших, как гиганты, а сверху всех — фигура, подобная тем нашим, на которых мы изображаем Бога-Отца в кругу, который держит круг в руке, и под ним есть другие мелкие фигуры. Впереди — фигура человека, держащего лук, про которую говорят, что это фигура Соломона[229].

Еще ниже — множество других, которые держат стоящих сверху. И среди этих меньших есть один, у которого на голове митра, как у Папы, с открытой рукой, показывая, что хочет благословить тех, которые находятся ниже, и смотрят на него, поэтому стоят в некотором ожидании упомянутого благословения. Еще впереди есть большая фигура сильного человека на лошади, про нее говорят, что это Самсон, рядом с ней находится много других фигур, одетых по-французски или имеющих длинные волосы. Все эти фигуры сделаны полурельефом[230].

На расстоянии двух дней пути от этого места находится поселок, называемый Тимар[231], а от него в двух днях пути — еще один поселок, где находится гробница, в которой, говорят, погребена мать Соломона, над которой сделано некое подобие церквушки, и там арабские письмена, которые говорят: «Мать Сулемана», то есть мать Соломона[232]. Это место среди местных называется Мечеть Фульчимен, что на нашем языке значит «Храм Соломона». Его ворота смотрят на восток[233].

Оттуда за три дня приходят в поселок, называемый Дехебет[234] [Дехбид], в котором обрабатывается земля и изделия из хлопка. Далее через два дня приходят в место, называемое Варгари[235] [Фарагхе], по причине прохода [перевала] это город большой и красивый, в настоящее время там 1000 семей, в нем обрабатывают землю и хлопок, как и выше.

che vuol dir[2827] in nostra lengua Templo di Salomon[2828]; la porta del quale[2829] guarda in levante.

De lì a tre zornate se viene ad[2830] una villa chiamata Dehebeth, in la[2831] qual el[2832] se lavora terre e lavori de gottoni; do[2833] zornate più oltra el[2834] se venne ad un logo[2835] ditto Vargari[2836], el qual per il passato fu grande terra e bella[2837]; de presente fa fogi .1000. et in esso le lavora[2838] pur terre e[2839] gottoni como[2840] di sopra.

Quatro[2841] zornate più in là se attrova[2842] una villa nominata Deisser et .III.[2843] zornate di[2844] là un'altra villa[2845] nominata Taste, da la[2846] qual caminando una zornata se trova Iex, de la qual[2847] habbiamo assai parlato di[2848] sopra. De lì se va a Meruth, terra picola, et[2849] do zornate più in là[2850] a una villa ditta Gnerde[2851], in la qual[2852] habitano alcuni nominati Abraini[2853], i quali (a mio iuditio) o sonno descesi[2854] da Abraam over[2855] hanno la fede di Abraam[2856]; questi portano in capo capelli longi.

Do[2857] zornate più oltra el se ritrova una terra la qual[2858] fi chiamata Naym[2859], terra mal habitata; fa foghi[2860] da[2861] .500. Do[2862] zornate di[2863] là de la qual se ritrova[2864] una villa ditta Naistam[2865], et de lì a do[2866] zornate Nardistan[2867], terra picola[2868], la qual[2869] po' far[2870] da foghi[2871] .500. Tre zornate lontano[2872] da la qual[2873] se vede Cassan[2874], de la qual[2875] habbiamo parlato di sopra; et de lì a .3.[2876] zornate Com[2877] sopra nominata. Una zornata lontano Savia[2878] la qual fa da foghi[2879] .1000. In tutti[2880] li quali logi[2881] se lavorano terre et[2882] lavori di gottoni. Tre zornate lontano[2883] da Sava se trova una terra picola[2884] chiamata Euchar; e[2885] in tre zornate che se faciano[2886] più in là Soltania[2887] ditta di[2888] sopra, da la[2889] qual sette zornate lontano è Thauris; da questo logo anchora chi se partisse et andasse per sopra il Mar de Bachu, per la parte di levante, la qual è de region di Zagatai, troveria le infrascritte terre: da Thauris a Soltania .7. zornate; da Soltania a l'Euchar .3. zornate; da Euchar a Sava .4. zornate[2890]; da Sava a Choi[2891], terra picola[2892], .6. zornate; da Choi a Rhei[2893], ad Sarri, pur terra picola, .3. zornate[2894]; da Sarri a Syndan[2895], terra picola[2896], .4. zornate; da Syndan[2897] ad Tremygan[2898], terra picola, .4. zornate; da Tremygan a Bilan[2899] .6. zornate. Poi se ritrova Strava, da la[2900] qual se dinominano[2901] le sede chiamate stravatine[2902]; questa terra è[2903] apresso il Mar di Bachu[2904], ha scito[2905] non molto sano[2906], fa poco frumento, el suo manzar[2907] è de risi, del qual etiamdio ne fanno il[2908] pane. In la qual e tutte le ville ad essa sottoposte (in ogni logo[2909] dove

Четырьмя днями далее там находится поселок, называемый Дейззер[236] [Дехшир], а в трех днях от него еще один поселок, называемый Тасте[237] [Тафт], если идти от него, в одном дне находится Йезд, о котором мы много говорили выше. От него идут в Мерут[238] [Майбуд], маленький город, а двумя днями дальше — в поселок Гнерде[239] [Акде], в котором живут некие называемые абраины, которые (по моему разумению) или последователи Авраама, или имеют веру Авраама, они носят длинные волосы на голове.

Двумя днями далее находится город, называемый Наим[240] [Наин], город плохо населенный, от 500 семей. В двух днях от него находится поселок, называемый Наистам[241] [Наистанак], в двух днях от него — Нардистан[242] [Ардистан], город маленький, в котором менее 500 семей. На расстоянии трех дней от него виден Кассан [Кашан], о котором мы говорили выше, а от него в 3 днях — Ком [Кум], выше названный. На расстоянии одного дня — Савия[243] [Саве], в которой от 1000 семей. Во всех этих местах обрабатывают землю и изделия из хлопка. На расстоянии трех дней от Савы находится маленький город, называемый Эукар[244] [Афшар], а через три приходят далее в Солтаниййю, упомянутую выше, на расстоянии семи дней от которой — Тавриз. Если кто-то выйдет затем из этого города и пойдет вверх[245] к морю Баку, в страну востока, которая является областью Чагатаев, он встретит нижеописанные города: от Тавриза до Солтаниййи — 7 дней, от Солтаниййи до Эукара — 3 дня, от Эукара до Савы — 4 дня, от Савы до Хоя[246], маленького города — 6 дней, от Хоя до Рея[247] и до Сарри[248], тоже маленького города — 3 дня, от Сарри до Синдана[249], маленького города, — 4 дня, от Синдана до Тремигана[250], маленького города — 4 дня, от Тремигана до Билана[251] — 6 дней. Далее находится Страва, по которой именуются шелка, называемые страватины. Этот город находится рядом с морем Баку, в месте не очень здоровом, производит мало пшеницы, его пищу составляет рис, из которого там также делают хлеб. В нем все деревни, ему подчиненные (в каждом месте, где находится вода) производят и получают шелк из коконов, и вдоль берегов рек находятся лачуги с их котлами шелка, поскольку они держат большое количество шелковичных червей и большое изобилие белого тутовника. В этих местах встречаются бесчисленные куропатки, настолько, что (когда синьор или другая замечательная персона устраивает пир), он готовит этих куропаток, и каждому дается блюдо риса, а затем куропатки, так

se ritrovano aque[2910]) fanno e trazeno seda de follisei e[2911] per le rippe di quei[2912] fiumi sonno lor casupule[2913] con le sue caldere da la[2914] seda, imperochè tegnono[2915] gran quantità de vermi de seda[2916] et hanno gran copia de morari bianchi. In questi logi[2917] se ritrovano pernise innumerabile, im mo' che[2918] (quando el signor o altra persona excelente pastiza[2919]) el se cuoce[2920] di queste pernise[2921] et a ciascuno si[2922] da una scutela[2923] de risi et poi pernise[2924], in tanto che tutto il populo mangia pernise[2925], le qual[2926] apresso di loro non sonno in pretio. In su el litto[2927] del mar preditto se trovano più terre, cioè Strava, Lahazibenth, Madrandaniet[2928] altre le qual[2929] de presente non dico. Et in queste terre sono le miglior[2930] sede che vengano[2931] di quel logo[2932].

Non mi par inconveniente (essendo in logo[2933] assai vicino) di[2934] voler dir etiamdio quello si[2935] trova andando da Trabesonda ad Thauris[2936], caminando per garbin[2937]. Et primo de Trabesonda[2938] dico che è stata una bona e[2939] grossa terra sul Mar Magior el[2940] cui signor per avanti haveva titulo de imperator[2941]. Imperochè era[2942] fratello del imperator[2943] de Constantinopoli e voleva anchor lui esser[2944] chiamato imperator; de la[2945] qual cosa processe che[2946] i successori (quantunque non fussero fratelli de imperator[2947]) de mano in mano se hanno dato o (per dir meglio) tolto questo titulo de imperio[2948]. Di questa terra non dico altro per esser[2949] assai nota a tutti. Partendo da essa[2950] per andar a Tauris, e[2951] (così come habbiamo ditto[2952]) camminando per garbino[2953], el se trovan[2954] molte ville e castelluci; vasse[2955] etiamdio per monti e[2956] boschi deshabitati[2957]. Il primo logo[2958] notabile che si[2959] trova è uno castello in piano, in una valle d'ognio[2960] intorno circondata de[2961] monti, nominato Baiburth[2962], castel forte e[2963] murato, de territorio molto fruttifero; po' far[2964] da basso del castello da fogi[2965] .1500.; è del signor Assambei. Cinque zornate più in là el se trova Arsengan[2966], la qual[2967] è sta' gran cittade ma de presente per la mazor[2968] parte è destrutta[2969]; camminando tra ponente e garbin[2970] do[2971] miglia più in là si[2972] trova lo[2973] Euphrate[2974], fiume nominatissimo[2975], el qual se passa per un ponte de pietra cocta[2976] de .17. archi[2977], bello e grande. Poi se ritrova un[2978] castello nominato Carpurth, el qual[2979] è cinque[2980] zornate lontano da Arsengan. In questo logo[2981] era la moglie del signor Assambei, quella che fu figliola de [1]' imperator de Trabesonda[2982]. È logo[2983] forte; fi habitato la mazor[2984] parte da greci; è calogeri[2985] assai i quali stano[2986] in compagnia de ditta donna. Trovasse in via molто весь народ ест куропаток, которые среди них не в цене. На берегу упомянутого моря находится много[252] городов, то есть Страва, Лаазибент[253], Мадрандани[254] и другие, о которых сейчас не буду говорить. И в этих городах множество шелков, которые поступают из того места[255].

Будет удобно (поскольку это место совсем близко) рассказать также о том, что встречается, если идти из Трапезунда[256] в Тавриз, двигаясь на юго-запад[257]. Во-первых, скажу о Трапезунде, что расположен этот хороший и большой город на Великом [Черном] море, государь его прежде имел титул императора. Поскольку он был братом императора Константинополя, и хотел также называться императором; по этой причине он рассудил, что и преемники (хотя они не были братьями императора) могут из рук в руки передавать или (чтобы сказать более) брать этот титул империи. Об этом городе не буду говорить другого, поскольку он хорошо известен всем. Выйдя из него, чтобы идти в Тавриз, и (так как мы сказали) двигаясь на юго-запад, [идущий] встретит многочисленные деревни и маленькие замки и также будет проходить через горы и необитаемые леса. Первое достойное упоминания место, которое он встретит, — это замок на равнине, со всех сторон окруженной горами, называемый Байбурт[258], замок сильный и окруженный стенами, на территории очень плодородной, внизу от замка — до 1500 домов, он принадлежит синьору Хасанбею. Пятью днями позже там находится Арсенган[259] [Эрзинджан], который является большой крепостью, но в настоящее время по большей части разрушенной. Если пройти на запад-юго-запад две мили дальше, там находится Евфрат, река знаменитейшая, которую переходят по мосту из обожженного кирпича[260] с 17 арками, красивому и большому. Затем встречается замок, называемый Карпурт[261] [Карпут], который располагается на удалении пяти дней от Эрзинджана. В этом месте находилась жена синьора Хасанбея, которая была дочерью императора Трапезунда[262]. Это сильное место, населенное по большей части греками. Здесь много монахов греческого обряда, которые находятся под властью упомянутой дамы. Встречается на дороге множество деревень и маленьких замков, затем встречается замок, называемый Москоне[263], и другой, называемый Алла[264], и еще один, называемый Тене[265], все крепкие, с хорошими стенами, каждый из которых имеет внизу от 500 домов, и в их сторону течет большая река, через которую переправляются на барках, и не так далеко идти до упомянутого выше Карпурта.

te ville e castelluci; poi se ritrova un castello ditto Moschone et uno[2987] altro ditto Halla et uno[2988] altro ditto Thene[2989], tutti forti e ben murati, ciascuno di quali ha da basso da[2990] fogi[2991] .500. et a parte di quali[2992] va darente uno[2993] fiume grosso, el qual se passa con barche e[2994] viene non molto lontano da Carpurth sopranominato[2995]. I populi habitanti sotto le iurisdiction[2996] di questi castelli fino nominati Comari[2997], che in nostra lingua voi dir mandrieri[2998]. Poi (caminando alla via de levante) el se ariva a un castello[2999] murato el quale è su uno saxo[3000], chiamato Pollu[3001]; fa da basso da fogi[3002] .300.; de sotto al qual[3003] passa un fiume. Andando pur per la via[3004] de levante quatro[3005] zornate più in là[3006] el se ariva ad uno[3007] castello nominato Amus el quale[3008] è in campagna, mal[3009] habitato. Tutto el[3010] paese de Trabesonda[3011] e confini fa vini assai; le vigne se ne vanno per i[3012] arbori senza esser brusate[3013]; una de le[3014] nostre botte continuamente in quel logo[3015] val meno de uno ducato. Li[3016] boschi sonno pieni di noselle assae, de[3017] sorte de[3018] quelle de[3019] Puglia, et altri frutti assai boni; in alcune[3020] parte fa certi vini nominati zamora.

Di là se entra ne la Turchomania la qual era prima Armenia[3021]; mo' quelli che nasceno in essa fino chiamati Caracoilu, che voi dir[3022] in nostra lengua Castroni Negri, così como[3023] la provincia di Persia e[3024] Zagatai si chiamava[3025] Accorlu, che voi dir[3026] nel nostro idioma[3027] Castroni Bianchi. I qual[3028] nomi tra loro son[3029] nomi de parte, come saria a dir tra nui[3030] Rosa Biancha e[3031] Rosa Rossa, over Gelphi e Gebilini[3032], over Zamberlani e Mastrucieri[3033]. Sotto i qual tituli[3034] vi sonno gran partesani[3035]. Trovasi poi un[3036] castello nominato Mus fra certe montagne, picolo ma forte, el qual[3037] è posto[3038] in monte; ha da basso una città[3039] che volta cerca .3.[3040] miglia et fa populo assai. Tre[3041] zornate più[3042] in là se trova un logo[3043] ditto Allarch, bel[3044] castello e[3045] forte, el qual[3046] è sopra un lago longo[3047] miglia [150]., largo (dove è più largo) miglia .50. Da la[3048] parte de tramontana, lontano da questo lago miglia .15., se trova un altro lago el qual volta circa miglia .80., atorno dil[3049] quale ce[3050] sonno alcuni castelli. Sotto Allarh[3051] è una terra la qual[3052] fa da mille fogi[3053]; in ambidui questi lagi sonno molti navilii i quali navigano in mar[3054] al suo viagio. Et è anchora[3055] sopra questo secondo lago una[3056] terra nominata Ceus, bona terra e murada. Una zornata lontano[3057], andando per marina via, se trova una terra ditta Herzil[3058], la qua[3059]l ha un[3060] fiume che se passa[3061] per un ponte de .5.[3062] volti, e[3063] da Ceus fina ad

Народ, живущий под юрисдикцией этих замков, называется комары[266], что на нашем языке значит пастухи. Затем (идя по дороге на восток) прибывают в окруженный стенами замок, расположенный на скале, называемый Поллу[267] [Палу]. Снизу находится от 300 домов, под которыми течет река. Идя также на восток четыре дня далее, прибывают в замок, называемый Амус[268] [Муш], который находится в местности, плохо населенной. Вся страна Трапезунда и пределы производит множество вин. Виноградные лозы там вьются по деревьям безо всякого обрезания. Одна из наших бочек постоянно в этом месте стоит менее одного дуката[269]. Леса полны множества орехов такого же сорта, как в Апулии[270], и множества других хороших фруктов. В некоторых местах делают особенные вина, называемые джамора.

Отсюда идут в Туркоманию[271], которая раньше была Арменией. Теперь те, кто рождается в ней, называются Каракойлу[272], что на нашем языке значит Черные Бараны. Точно так же, как провинция Персия и Чагатай называется Аккорлу[273], что значит на нашем наречии Белые Бараны. Эти названия среди них являются названиями партий, как было бы сказать между нами, Белая Роза и Алая Роза[274], или гвельфы и гибеллины[275], дзамберланы и струмьеры[276]. Под всеми ними подразумеваются большие группы сторонников. Затем встречается замок, называемый Мус[277] [Муш], среди неких гор, маленький, но сильный, который расположен на горе, а под ним — город, окружность которого около 3 миль, со множеством жителей. Далее через три дня там находится место, называемое Алларк[278] [Ахлат], красивый и крепкий замок, который находится над озером длиной в 150 миль, шириной (в наиболее широком месте) 50 миль[279]. К северу от этого озера на расстоянии 15 миль находится еще одно озеро[280], окружность которого около 80 миль, вокруг которого расположены некоторые замки. Ниже Аллархa находится город, в котором от тысячи домов. В обоих этих озерах множество кораблей, которые плавают в море своим ходом. Есть также над этим вторым озером город под названием Кеус[281], хороший город, окруженный стеной. На расстоянии одного дня, если идти дорогой по морскому берегу, находится город, называемый Эрдзил [Эрджиш][282], рядом с которым находится река, которую переходят по мосту с пятью арками. А от Кеуса вплоть до Эрдзиса [Эрджиша] есть 4 других моста, подобных этому, по которым переходят реки. В Эрдзисе находится погребение матери Джуизы, который был синьором Персии

Herzis sono .4.[3064] altri ponti simili a questo[3065] per i quali se passa el fiume. In Herzis è la sepultura[3066] de la madre[3067] de Giausa signor che fu de la[3068] Persia et di Zagatai[3069]. Lontano da[3070] 'sto logo[3071] miglia .5. se va ad Orias, castello forte, posto sopra un monticello; el logo continua per levante meza[3072] zornata, in la qual[3073] se va ad Choi[3074], non quella de la qual[3075] habbiamo parlato di sopra, ma una[3076] altra de[3077] quel nome; cinque[3078] zornate lontano da la qual[3079] el se trova una campagna in la quale è una grande[3080] città, altre volte destrutta per el Tamberlan. Trovasi[3081] etiamdio molte ville e[3082] drieto ad esse[3083] un altro lago longo miglia .200. e[3084] largo miglia .30., in el qual ci sono alcune insule[3085] habitade. Finalmente si[3086] trova do[3087] città, Tessu[3088] et Zerister, le qual tra[3089] tutte do fanno[3090] da fogi[3091] .3000. Altre cose memorabile non habbiamo vedute[3092] in questi logi, salvo cha, che in tutti se fanno[3093] lavori de gottoni, de telle[3094] de canevo, de grisi e de[3095] schiavine assai e[3096] qualche pocho[3097] di lavor di seda[3098]. Hanno carne assai, maximamente de castroni; vini et altri frutti assai, i quali essi conduseno[3099] in Mar Mazor, in le terre che sono lì attorno[3100].

Tornando da capo a Thauris e[3101] caminando prer greco[3102] et levante, et scorrendo qualche volta per tramontana, e tochando un poco de[3103] maistro (pretermettendo etiamdio tutto quello che se trova in mezo[3104], per non esser[3105] terre da conto, ni[3106] degne de le qual si facia mencione[3107]), dico che .12. zornate lontano se trova Sammachi la qual città è ne la Media, in la region[3108] de Thezichia, el signor de la qual se dimanda[3109] Sirvansa. Faria questa città ad un[3110] bisogno da .800. in .1000. cavalli[3111]. Confina sul Mar de Bachu[3112] per zornate .6., el qual li è[3113] a man drita; e[3114] con Mengerlia[3115] da man zancha verso el Mar Mazor[3116], et Caitacchi, i qual sono[3117] cerca il[3118] Monte Caspis[3119]. Questa è bona città, fa fogi[3120] da quatro in cinque millia[3121], lavora lavori de[3122] seda e[3123] gottoni ed[3124] altri mistieri[3125], secondo li lor[3126] costumi; è in[3127] l'Armenia Grande e bona parte de gli[3128] habitatori sonno Armeni. Partendo[3129] de qui se va a Derbenth[3130], terra (como[3131] se dice) edificata da Alexandro[3132], la qual[3133] è sul Mar de Bachu, un miglio lontana[3134] dal monte, et ha sul monte un[3135] castello e[3136] poi se ne vien[3137] al mare con do ale[3138] de muro per insimo in aqua, im mo'[3139] che le teste de i muri[3140] sonno do[3141] passa sotto aqua. La terra è[3142] da una porta a l'altra larga mezo miglio. I muri de la qual sonno de saxi[3143] grandi alla romana. Derbench[3144] in nostro idioma vol[3145] dir stret-

и Чагатая[283]. На расстоянии 5 миль от этого места находится Ориас[284], крепкий замок, расположенный на вершине холма, его владение тянется на восток на полдня, в этом месте находится Кой, не тот, о котором мы говорили выше, но другой того же названия. На расстоянии пяти дней от него находится долина, в которой расположен большой город, ранее разрушенный Тамерланом. Встречается также множество деревень, а за ними еще одно озеро длиной в 200 миль, а шириной — в 30 миль[285], на котором есть несколько населенных островов. Наконец, встречаются два города: Тессу[286] [Тессудж] и Джеристер[287] [Шабистар], в обоих от 3000 домов. Других запоминающихся вещей мы не видели в этих местах, за исключением того, что везде производятся изделия из хлопка, много полотна из конопли, шерсти и грубой шерсти, и несколько меньше изделий из шелка. У них много мяса, особенно баранины, много вина и других фруктов[288], которые они доставляют на Черное море и в города, расположенные вокруг.

Возвращаясь в пределы Тавриза, и двигаясь на северо-восток и восток, и проходя несколько в сторону севера, и отклоняясь немножко к северо-западу (пропуская также все, что встречается по пути, поскольку здесь нет ни знаменитых городов, ни [чего-либо] величественного, что было бы достойно упоминания), скажу, что через 12 дней встретится Саммаки[289] [Шемаха], город в Мидии, в области Тезикии[290], владетель которой называется Сирванса[291] [Ширваншах]. При необходимости этот город может выставить от 800 до 1000 всадников. Его границы простираются до Моря Баку на шесть дней, которое находится справа; и [граничит] с Менгрелией [Мегрелией] слева, со стороны Великого моря[292], и кайтаками[293], которые находятся у Каспийских гор[294]. Это хороший город, в нем от четырех до пяти тысяч домов. Здесь производят изделия из шелка и хлопка и другие товары в соответствии с их обычаями. Он находится в Великой Армении, и большая часть его обитателей — армяне. Если выйти отсюда — проходят в Дербент[295], город (как говорят) построенный Александром, который находится на море Баку, в одной миле от горы. На горе находится замок, и затем оттуда к морю идут две стены вплоть до воды, так что торцевая часть стен уходит на 2 пасса под воду. Ширина города от ворот до ворот — полмили[296]. Его стены — из больших камней поромански[297]. Дербент на нашем наречии значит «узкий», а многие (которые знают положение места) называют его Тамиркапы[298], что на нашем языке значит «Железные Ворота».

to e[3146] da molti (li[3147] quali intendono la condition del logo[3148]) fi chiamato Tamircapi[3149], che voi dir[3150] in nostra lengua[3151] Porta di Ferro; e certo colui che impuose questo nome gli impuose[3152] nome molto conveniente, conciosia che[3153] questa terra divide la Media da la Scytia[3154], in tanto che chi vuol[3155] partir de Persia, de Turchia, de Suria[3156] e de li[3157] paesi se[3158] trovano da[3159] lì in suso e passar[3160] ne la Scytia conviene che[3161] entri per una porta di questa terra et esca per l'altra ; la qual cosa (a chi altramente[3162] non intendese el sito de i logi[3163]) pareria mirabile e pocho[3164] meno de impossibile. La cason di questo è che[3165] dal Mar de[3166] Bachu al Mar Mazor[3167] per[3168] via dritta (come saria per l'aiere) sono[3169] .500. miglia e tutto questo terreno è pien[3170] di montagne e valle, ben[3171] in qualche logo[3172] habitade da[3173] alcuni signoroti[3174], in li territorii li quali[3175] niuno è che ardisca di[3176] calarse per paura di[3177] non esser[3178] robato, ma in la mazor[3179] parte deshabitato[3180]; donde che quando qualcuno[3181] deliberasse (vogliando far[3182] questo cammino[3183]) de non passar per Derbenth, egli saria neccessario che andasse[3184] prima in Zorzania, poi in Mengleria, la qual[3185] è su lo[3186] Mar Mazor, ad un[3187] castello nominato Aluathi, dove el[3188] se ritrova una montagna altissima, et lì converria che'l lassasse i cavalli e[3189] che se n'andasse[3190] a piedi su per brichi tanto, che tra l'ascender e descender[3191] camminasse zornate do[3192]. Poi abasso troveria[3193] la Circassia, de la qual[3194] habbiamo parlato di sopra in la prima parte. El qual passo fi usato solamente da quelli che stano alli confini; nì per[3195] tutta questa distantia el se[3196] intende ch'alcuno passi per ello, da essi in fora[3197], per esser logo incommodissimo[3198]. Donde (tornando a proposito[3199]) la cason[3200] del stretto è che il[3201] mar mangia[3202] per infino[3203] apresso la montagna dove è Derbenth; de li in[3204] avanti è spiaza[3205] e molto pocho[3206] terreno; et[3207] è questo stretto longo[3208] circa miglia .60., pur alquanto habile al cavalcare. De là in drieto[3209], voltando a man stancha[3210], el monte volta et puolsi andar[3211] sopra il monte, el qual[3212] antiquamente si[3213] nominava Monte Caspio. De presente se chiama Santa Maria de Monte Caspio, dove[3214] se riduceno[3215] frati di san Francesco e[3216] qualche nostro prete a la[3217] latina. Li populi che habitano in questi lochi se chiamano Chaitacchi[3218] (comò è ditto di sopra), parlano idioma separato da gli[3219] altri, sonno christiani molti de loro, dei quali parte fanno alla greca, parte a la[3220] armenia, et alcuni a la[3221] catholica. Sul mar di[3222] questa parte è un'altra città nominata Bachu[3223], da[3224] la qual fi

И верно, тот, кто налагает это название, применяет его правильно, поелику этот город отделяет Мидию от Скифии[299], так что если кто-то хочет уехать из Персии, из Туркии, из Сирии и из стран, которые находятся сверху в Скифию, должен пройти через одни ворота этого города и выйти через другие. Эта вещь (для тех, кто не знает положения мест) должна казаться удивительной и почти невозможной. Положение таково, что от Моря Баку до Моря Великого по прямой дороге (если бы это было по воздуху) — 500 миль[300], и вся эта земля наполнена горами и лощинами, в некоторых местах хорошо населенными, под властью некоторых князьков, в их земли никто не отваживается спускаться по причине боязни быть ограбленным. Но по большей части они необитаемы. По этой причине, когда кто-либо решит (желая совершить этот переход) не через проход Дербента, ему будет необходимо сначала идти в Дзордзанию [Грузию], затем в Менглерию [Мегрелию], которая находится на Великом море, к замку, называемому Алвати[301] [Батуми], где находится высочайшая гора. И там он вынужден оставить лошадей и идти пешком по обрывистым и лесистым местам с подъемами и спусками два дня. Затем внизу появляется Чиркассия [Черкесия], о которой мы говорили выше в первой части. И этот проход используется исключительно теми, кто находится в тех пределах. На всем этом расстоянии, если кто-то захочет пройти по нему и [выйти оттуда] наружу нет другого прохода, поскольку это место неудобнейшее. По этой причине (возвращаясь к теме) причина узости [прохода] в том, что море подходит близко к горе там, где находится Дербент, и перед ним очень небольшое пространство земли, и эта теснина — длиной около 60 миль, однако по ней можно ехать верхом. За ним [Дербентом] сзади, обернувшись налево, горы поворачивают и можно идти по горам. В древности они назывались Каспийскими горами. Сейчас они называются Святая Мария Каспийских гор[302], где проповедуют братья-францисканцы и некоторое количество латинских священников. Народы, которые живут в этих местах, называются кайтаки (как было сказано выше), они говорят на языке, отличном от всех остальных. Большинство из них христиане, из них часть по греческому обряду, часть по армянскому, а некоторые по католическому[303]. На море в этой части есть еще один город, называемый Баку, по которому названо Море Баку[304]. Рядом с ним находится гора, которая выбрасывает черное масло, очень вонючее, которое пригодно для использования при освещении ночью, и для смазы-

ditto el Mar de Bachu[3225], apresso la qual[3226] è una[3227] montagna che buta alio[3228] negro, de gran puza[3229], el qual se[3230] adopera ad[3231] uso de lucerne le[3232] notte et ad uncion de gambeli do[3233] volte a l'anno, perché (non li ungendo[3234]) diventano scabiosi. Ne la[3235] campagna del[3236] Monte Caspio signoreggia[3237] uno Tumembi[3238], che in nostra lingua voi dir[3239] Signor de Diecemillia[3240]. Sotto la signoria dil qual[3241] se usano case de la[3242] forma de una bareta, simile[3243] in tutto et[3244] per tutto a quelle de le qual havemo[3245] parlato ne la[3246] prima parte, fatte de un cerchio di legno[3247] (forato intorno intorno) de dimetro[3248] de un[3249] passo e mezo[3250], in el qual fichano[3251] certe bachete[3252] che in la parte superiore tutte devengono[3253] in uno circuleto picolo[3254]; et poi tutto[3255] coprino di feltre[3256] o de panni secondo la lor[3257] conditione, e[3258] (quando non li piace d'habitar[3259] in un logo) togliono[3260] ditte case e mettenele su[3261] carri et vanno ad habitar[3262] altrove. Retrovandome io[3263] da questo signor, agiunse lì un[3264] figliol de l'imperator tartaro el qual[3265] havea tolta[3266] per moglie[3267] una figliola[3268] di questo signor, el padre del quale nuovamente[3269] era sta' scaciado[3270] de signoria. Costui se[3271] era posto in una de simil case et stavasse sentado[3272] in terra, et a la[3273] zornata fideva visitado[3274] da alcuni dil[3275] suo paese e anchora[3276] da qualchuno del paese dove el[3277] se ritrovava. El modo di questa visitation era che (quando zonzevano[3278] apresso alla porta un tratto di pietra) se[3279] havevano arme le mettevano[3280] in terra et[3281], fatti alcuni passi verso a la[3282] porta, se inzenochiavano[3283], et questo facevano do[3284] over tre volte, andando sempre più avanti, pur che stesseno da lontano almeno passa .X., e[3285] in quel logo[3286] dicevano el fatto suo et hautta[3287] che havevano[3288] la risposta, ritornavano indricto non voltando le spale al[3289] signor. Io fui qualche volta con il signor Tumembi[3290], la vita dil[3291] qual (per quello ch'io vidi[3292]) era un continuo star in bevarie, et beveva vino di miel avantegiato.

Non è fuor di proposito[3293] (da poi che[3294] habbiamo ditto de le[3295] cose del Monte Caspio e de la condition[3296] di quelli che[3297] li habitano[3298] intorno) che io recita[3299] una hystoria[3300] intesa novamente da uno fra' Vincentio de[3301] [1]'Ordine di san Dominico[3302], nasciuto in Capha, il qual[3303] era sta' mandato per certe facende in le[3304] parte di[3305] qua et partite già[3306] mesi diece[3307] da quelle parte, imperochè reputo che faci[3308] al proposito de la[3309] fede nostra. Disse costui che el[3310] partì del paese del soldano certa secta[3311] de machometani[3312] con fervor di la[3313] sua fede, cridando alla morte

вания верблюдов два раза в год, поскольку (если их не смазывать) они становятся чесоточными[305]. На равнине Каспийских гор властвует Тумемби[306] [Тюменьбей], что на нашем языке значит «господин десяти тысяч». Подчиненные его власти используют дома в форме берета, подобные во всем тем, о которых я говорил в первой части[307]. Они сделаны из деревянных обручей, продырявленных вокруг, диаметром в полтора пасса, в которые вставляют некоторые скобы, которые с внешней части все сходятся в один маленький кружок, и затем все покрывается войлоком или тканями, в соответствии с положением, и (когда им неприятно жить в одном месте) они снимают эти жилища и ставят их на повозки, и идут, чтобы жить в другом месте. Когда я встречался с этим господином, к нему приехал сын татарского императора[308], который хотел взять в жены дочь этого господина, отца которого недавно согнали с царства. Он расположился в одном из подобных домов и оставался сидящим на полу. И днем его посетили некоторые из его страны, и также некоторые из страны, где он находился. Порядок этого приема был таков: (когда они подходили на расстояние броска камня к двери) те, кто имел оружие, клали его на землю и, сделав несколько шагов в сторону двери, становились на колени, и так делали два или три раза, подходя все время ближе, пока не приближались на расстояние по крайней мере 10 шагов[309], и с этого места говорили о своем деле и, получив ответ, возвращались, не поворачиваясь спиной к господину. Я встречался несколько раз с господином Тюменьбеем, жизнь которого (по тому, что я видел) проходила в постоянной пьянке, а пил он дорогое вино из меда.

Не будет лишним (поскольку мы поведали о делах Каспийских гор и об условиях тех, кто обитает вокруг), чтобы я рассказал историю, услышанную недавно от брата Винченцо[310] из ордена Святого Доминика, уроженца Каффы, который был послан по некоторым делам в те страны и уехал десять месяцев назад из тех стран, после того, как посчитал, что выполнил предназначение[311] по части нашей веры. Он сказал, что вышла из страны султана некая секта мусульман, с рвением их веры призывая к умерщвлению христиан. И чем дальше они проходили в сторону Персии, тем больше увеличивались в числе эти мошенники; они выбрали дорогу в сторону Моря Баку и пришли в Шемаху, а затем в Дербент, а оттуда в Тюмень. Они были частью верхом, частью пешие, частью вооруженные, а частью без оружия, в громаднейшем количестве.

de christiani; e[3314] quanto più camminavano[3315] verso la Persia, tanto più se[3316] ingrossavano questi ribaldi; preseno la via verso il Mar[3317] de Bachu e venero[3318] a Samachi[3319] e da poi in Derbenth e[3320] di là in Tumen, et[3321] erano parte[3322] a cavallo, parte a piedi, parte armati et parte senza[3323] arme, in grandissimo numero. Capitorno ad un[3324] fiume nominato Terch che è ne la[3325] provincia di Tezechia[3326], et intorno in el[3327] Monte Caspio, dove sono[3328] molti christiani catholici, e (in ogni logo[3329] dove hanno ritrovato[3330] christiani) senza alcuno rispetto[3331] hanno morti tutti[3332], femine, maschi, puti[3333] e grandi. Drieto a questo[3334] scorseno nel paese di Gog e[3335] Magog, i qual[3336] pur sono[3337] christiani, ma fano[3338] alla greca, e[3339] di questi feceno il simile[3340]. Poi tirò no[3341] verso la Circassia, camminando[3342] verso Chippiche e[3343] verso Charbatri che trambedoi sono[3344] verso il[3345] Mar Mazor[3346], et similmente feceno[3347] in quei logi[3348], per infina[3349] che quei de Tetarcossa e[3350] de Cremuch fono a le[3351] man con essi e sì li ruppe, con uno tanto gran[3352] fracasso, che'l non ne scampò vinti per centenaro[3353], i quali fuzitero[3354] alla malhora nel suo paese. Sichè puotemo intender a quanto[3355] mala condition se[3356] ritrovano christiani[3357] che habitano lì[3358] intorno. Questo fu del [14863359].

Dico de Derbenth[3360] una cosa la qual par[3361] maravigliosa. Da una porta andando a questo logo, per infina[3362] sotto le mura, se retrovano[3363] uva e[3364] frutti d'ogni sorte e[3365] specialmente mandolari; da l'altra porta non è frutti nì[3366] albori alcuni, excepto[3367] cha[3368] codognari salvadegi[3369], et questo dura per .X., .XV. et .XX.[3370] miglia da quel canto et anchora[3371] più oltra. Vidi (essendo in quel loco[3372]) in un[3373] magazeno do anchore[3374] de .800.[3375] e[3376] più libre l'una, che me dimostra nel passato esser[3377] sta' usati in quelle[3378] parte navilii molto[3379] grossi. De presente le mazor anchore che si[3380] trovano sonno de .150. per infino[3381] a .200. libre l'una.

Narrato fin qui quello che apartien a le ragion de le[3382] qual una parte ne ho aldita, ma la magior[3383] parte con gli ochi[3384] proprii veduta, ritorno[3385] a Thauris e narrerò[3386] quello feci con il signor Assambei, el[3387] qual partendose da Tauris fece una[3388] voce di voler andar contra a[3389] l'Othoman, quantunque[3390] io per segnali[3391] che vedeva non lo credesse. Eravamo in tutto (questo posso[3392] stimare) homini da fatti a cavallo da .20. in .24. millia[3393]; homini da fatti a piedi da .4. in .5. millia[3394]; homini che venivano per subsidio del campo circa .6. millia[3395]; de donne, puti[3396] et famegli non dico altro, per haverne[3397]

Они появились у реки, называемой Терек[312], которая находится в провинции Тезекия[313], и около Каспийских гор, где много христиан-католиков, и (в каждом месте, где они находили христиан) безо всякого уважения убивали всех, женщин, мужчин, детей и взрослых. Затем они вошли в страны Гога и Магога[314], которые тоже христиане, но по греческому обряду, и с ними сделали то же самое. Затем они потянулись в сторону Черкесии, проходя в сторону [племени] Киппике[315] и в сторону [племени] Карбатри, которые оба находятся со стороны Великого моря, и подобным образом поступили в тех местах, наконец с ними сразились те из [племен] Тетаркосса и из Кремука и нанесли им такое сокрушительное поражение, что не спаслись и двадцать на сотню, которые в беспорядке спасались бегством в свою страну. Поэтому можем представить, в каком жалком положении находятся христиане, которые живут вокруг. Это случилось в 1486 году.

Расскажу одну вещь о Дербенте, которая также замечательна. От одних ворот, если идти в этот город, вплоть до [места] под стеной, встречается виноград и фрукты всех сортов, особенно миндаль; от вторых ворот нет ни фруктов, ни каких-либо деревьев, за исключением дикой айвы, и это продолжается на 10, 15 и 20 миль от этого конца, и даже более того. Я видел (будучи в этом месте) на одном складе два якоря по 800 и более либр каждый, поэтому понял, что в прошлом в этих странах использовали очень большие корабли. В настоящее время наибольшие якоря, которые встречаются — от 150 вплоть до 200 либр каждый.

Все рассказанное здесь относительно областей я частично услышал там, но по большей части видел собственными глазами. Вернусь в Тавриз, и расскажу, что я делал с синьором Хасанбеем[316], который, отправившись из Тавриза, обмолвился о желании идти против Османа, однако я, по некоторым признакам, которые заметил[317], не поверил ему. Нас было всего (насколько я мог оценить) воинов верховых — от 20 до 24 тысяч; воинов пеших — от 4 до 5 тысяч; людей, которые шли для обслуживания лагеря, — около 6 тысяч; о женщинах, детях и прислуге не скажу больше, поскольку об этом выше сказано достаточно. Итак, пройдя 7 дней, мы повернули направо, напротив Джорджании [Грузии], в пределы Великого моря, в которую вошли, поскольку синьор намеревался разграбить ее. Он отправил вперед своих разведчиков, следуя их обычаю, которых было от 5000 всадников. Они шли впереди, и лучшее, что могли сде-

ditto sufficientemente di sopra. Adoncha[3398], caminato che havessemo zornate .7.[3399], se voltassemo a man drita[3400], incontra a la[3401] Zorzania, in li confini dil[3402] Mar Mazor[3403], in la qual entrassemo[3404], perché el signor[3405] havea voluntà de depredarla. El quale[3406] mandò avanti li soi[3407] corradori, secondo il lor costume[3408], che fu da cavalli .5000., li[3409] quali se facevano[3410] avanti al meglio che possevano[3411], tagliando e brusando i boschi[3412], imperochè havevamo[3413] a passar[3414] montagne grande e[3415] boschi grandissimi. Nui[3416] vedevamo i fogi[3417] da lontano et sapevamo che via havessimo a tenir[3418] et insieme trovavimo la via fatta. Do zornate dentro a la Zorzania zongiessemo ad Zifilis[3419], la qual[3420] (per esser[3421] non solamente essa ma tutta la region[3422] di questa parte de qua arbandonata[3423]) havessemo senza contrasto. Passando più oltra andassemo ad Gory[3424] et ad[3425] alcuni altri logi circostanti[3426] i quali tutti furono[3427] messi in preda. Et fatto questo istesso d'una[3428] gran parte de la region[3429], el signor Assambei venne in composition con[3430] el re Pancratio, re de la Zorzania, e[3431] con Giurgura[3432], el qual confina con questo re, che li dessero .16000. ducati[3433] et che gli[3434] dovesse lassar[3435] el paese, excepto cha Zefilis[3436]; donde (volendo pagar el re Pancratio e Giurgura[3437] questi danari[3438]) mandòno .4.[3439] balassi i quali erano rasonevoli, non cusì[3440] grandi nè cusì[3441] belli come quelli che se monstrano su l' altar di[3442] San Marco[3443] in Venetia, ma in quel modo. El signor[3444] Assambei, havuti questi .4.[3445] balassi, mandò per mi che li dovesse veder[3446] et estimar[3447], et prima ch'io andasse dal ditto signor[3448] li ambassatori dil[3449] re Pancratio e[3450] di Giurgura[3451] (quelli che havevano portati li ballassi[3452]) me mandorono a dir[3453] ch'io facesse bona[3454] stima, conciosia che anchora[3455] loro erano christiani. Zonto ch'io fui dal signor[3456], me fece dar[3457] questi balassi, et guardandone uno per suttile, fu[3458] dimandato dal signor[3459] Assambei quel che valeva quello e[3460] respondendoli: «Signor, el[3461] val .4000. ducati[3462]», lui se la[3463] rise et disse: «Hor sono molto[3464] cari nel tuo paese; non voglio balassi, ma voglio danari[3465]». Le anime (che in quel tempo furon[3466] tolte de ditti logi[3467]) se dicevano esser da .4. in .5. milia. I luogi[3468] i quali nui scoressimo fonno[3469], a man zancha[3470] verso la region[3471] de Gurgura[3472], Cotathis[3473], castello del re Pancratio[3474], el qual[3475] ha una terriciola[3476] sopra un monticello con un fiume[3477] davanti che se passa per uno ponte di[3478] pietra assai grande; Schender[3479], castello assai passente[3480], et zornate .4.[3481] lontano Gori la qual[3482] ha un fiume assai grande. Poi (passata

лать — вырубали и выжигали леса, поскольку мы должны были пройти большие горы и величайшие леса. Мы видели огни вдали и понимали, какой дороги должны держаться, и вместе мы проделали [этот] путь. Через два дня пути по Грузии мы прибыли в Цифилис[318] [Тифлис], который (поскольку не только он, но и вся страна в этой части была покинута [жителями]) был взят без сопротивления. Пройдя немного дальше, мы пришли в Гори[319], и в некоторые другие окружающие места, которые все были разграблены. То же самое было сделано с большой частью страны. Синьор Хасанбей пришел к соглашению с царем Панкратием[320], царем Грузии, и с Гюргурой[321], который граничил с этим царем, чтобы они дали ему 16 000 дукатов, и что они должны оставить страну, за исключением Тифлиса. По этой причине (поскольку царь Панкратий и Гюргура хотели заплатить эти деньги) они отправили 4 баласа, которые были умеренными, ни такие большие, ни такие красивые, как те, что видны на алтаре Святого Марка в Венеции[322], но такого образца. Синьор Хасанбей, получив эти баласы, отправил за мной, чтобы я посмотрел на них и оценил. А прежде, чем я пришел к упомянутому синьору, послы царя Панкратия и Гюргуры (которые доставили баласы) попросили меня, чтобы я дал хорошую оценку, поелику они тоже были христиане. Когда я прибыл к синьору, он дал мне эти баласы. И когда я смотрел на один [из них] на вес, он спросил меня, сколько стоит этот, я ответил: «Синьор, он стоит 4 000 дукатов». Он усмехнулся и сказал: «Ну, они очень дороги в твоей стране, не хочу баласы, но хочу динары». Людей (которые были захвачены в это время в упомянутых местах), как говорили, было от 4 до 5 тысяч. Места, которые мы проходили, были слева, со стороны Гюргуры: Котатис[323] [Кутаис], замок царя Панкратия, у которого маленький городок на холме, с рекой впереди, которую переходят по очень большому каменному мосту; Скендер[324] [Сачкере], очень мощный замок, в 4 днях пути от Гори, рядом с очень большой рекой. Затем (пройдя высокую гору) мы оказались в стране Хасанбея, которая в Великой Армении. Затем на удалении трех дней пути мы встретили замок Лорео[325] [Лори], на расстоянии четырех дней пути от которого находится Гора Ноя[326], на которой оказался ковчег после успокоения потопа, который находится на высочайшей горе, рядом с ней огромная долина в два дня пути в окружности; и постоянно зи-

una alta montagna) retrovassemo[3483] nel paese de Assambei el qual è ne l'Armenia Mazor[3484]. Et tre zornate lontano ritrovassimo[3485] el castello Loreo, quatro zornate lontan dal quale trovassemo il Monte[3486] di[3487] Noè, quello dove l'archa da poi[3488] el diluvio se ripossoe, el qual[3489] è sopra un monte altissimo, che ha una grande pianura e pol[3490] voltar do[3491] zornate; continuamente l'inverno et la instate[3492] ha neve suso. Davanti dil[3493] quale è un monte picolo anchora[3494] lui carcho di[3495] neve. Do[3496] zornate lontano è un castello nominato Cagri, e questo è habitato[3497] per Armeni d'ognio[3498] intorno i quali fanno alla cathelana et ha più ville intorno[3499], che tutte[3500] fanno alla catholica[3501]; do[3502] monasteri[3503], el principal di[3504] quali se chiama Alengia, ha da[3505] monachi .50. observanti de la regula di[3506] san Benedetto. Dicono messa a[3507]l nostro modo in sua lengua[3508]. El prior del qual[3509] (da poi la ritornata mia a Venetia) manchò[3510], et venne[3511] uno de quelli de lì[3512], el qual[3513] capitò a San Zuanne Paulo[3514] in Venetia et venneme a ritrovar[3515] a casa per esser ricomandato[3516] (mediante la intercession[3517] mia) da la[3518] illustrissima signoria nostra al summo pontifice, che el[3519] fesse prior[3520] de ditto monasterio, imperochè era[3521] fratello del prior morto.

Fatta che hebbe[3522] el signor Assambei con[3523] il re Pancratio e Gurgura[3524] la sopraditta composition, et havuto che hebbe[3525] i ducati .16000., deliberò de ritornar[3526] a Thauris et io (el qual[3527] vedeva che'l non[3528] haveva un minimo pensier di[3529] andar contra l'Othoman), presi[3530] licentia con intention de retornermene a casa per la via de Tartaria. E vignivame con uno ambassador[3531] del ditto signor Assambei accompagnato da molti Tartari mercadanti, da li[3532] quali intesi quello ch'io ho scritto nella prima parte, che Hagmet[3533] figliolo de Edelmugh[3534], nepote de imperator di[3535] Tartari, da poi la morte del padre era[3536] fatto grande apresso[3537] ditto imperator[3538]; el qual Hagmeth[3539] dal pro prio padre me era sta' dato per[3540] figliolo; et desiderava de[3541] sequir il[3542] camino a quella via, rendendome certo che da lui haveria hautta optima[3543] compagnia. Ma (per le[3544] guerre le qual[3545] erano in quelle parte) non[3546] me bastò l'animo de seguir el[3547] camino; donde el ne[3548] fu neccessario[3549] de mutar il[3550] pensiero e di retornar a Thauris[3551], la qual cosa fu del [1478]. Tornato ch'io fui lì[3552], trovai[3553] el signor Assambei infermo, el qual[3554] la notte de la[3555] Epiphania morite. Haveva[3556] .4. figlioli, .3. de una[3557] madre et uno de un'altra; quella[3558] istessa notte li .3.[3559] fratelli uterini fecero strangolar[3560] el quarto che non era uterino,

мой и летом на вершине снег. Впереди нее есть маленькая гора, которая также осыпана снегом. На расстоянии двух дней находится замок, именуемый Кагри[327] [Киагри], он населен армянами везде вокруг, они католики[328], у них много деревень в окрестностях, все они придерживаются католичества, [здесь] два монастыря, главный из которых называется Аленджия[329] [Алинджак], там 50 монахов, придерживающихся устава [ордена] святого Бенедикта. Они совершают мессу по нашему обряду на своем языке. Настоятель его (после моего возвращения в Венецию) скончался, и оттуда пришел один из них, который оказался в [соборе] Св. Иоанна и Павла в Венеции, и пришел навестить меня домой, чтобы получить рекомендацию (посредством моей просьбы) от нашей блистательнейшей синьории к великому понтифику, чтобы он стал настоятелем упомянутого монастыря, поскольку он был братом умершего настоятеля.

Заключив соглашение с царем Панкратием и Гюргурой и получив 16 000 дукатов, синьор Хасанбей решил вернуться в Тавриз, а я (который видел, что он не имеет ни малейшего намерения идти против Османа) получил разрешение[330] с замыслом вернуться домой через Татарию[331]. Я сошелся с послом упомянутого синьора Хасанбея, сопровождаемым множеством купцов-татар, от которых узнал то, что написано в первой части, что Ахмед сын Эдельмуга, племянник императора татар, после смерти отца оказался очень приближенным к упомянутому императору. Этого Ахмеда собственный отец дал мне в сыновья, и я решил предпринять переход по этой дороге, поскольку был уверен, что получу от него наилучший прием. Но (из-за войн, которые были в тех странах) мне не хватило духу ехать этим путем, по этой причине было необходимо изменить замысел и вернуться в Тавриз, что произошло в 1478 году. Вернувшись туда, я нашел синьора Хасанбея настолько больным, что в ночь Святой Епифании он умер[332]. У него было 4 сына, 3 от одной матери и один от другой. В эту самую ночь 3 единоутробных брата задушили четвертого, который не был единоутробным, юношу 20 лет, и между ними тремя разделили государство. Затем второй брат убил старшего и стал синьором, и так он правит вплоть до настоящего времени[333].

Когда все происходило бурно[334], я (который уже получил хорошее разрешение на уход от отца и сыновей при живом отце) присоединился к одному армянину, кото-

zovene de anni .XX.[3561], e tra lor[3562] tre partitero[3563] la signoria. Da poi el secondo fratello fece amazar el mazore[3564] e rimase lui signor, im mo' che signoregia fino[3565] al presente.

Essendo le cose tutte in combustione, io (el qual haveva hauta[3566] bona licentia dal padre e da li[3567] figlioli, vivendo el padre) mi acompagnai[3568] con uno Armenio[3569] el qual[3570] andava in Assengan[3571], dove per stantia habitava; menai[3572] con mi uno garzon schiavon[3573], el quale solo me restava de tutti quelli che haveva[3574] menati con mi in quel paese. Vestitimi de li drapi[3575] ch'io haveva, poveri et[3576] miserabili, et cavalcassemo continuamente et frequentamente per el[3577] dubito che havevamo de le[3578] novità le qual[3579] sogliono acader[3580] quando morono[3581] simil signori. A [29] di aprile[3582] zonzessemo in Assengan[3583] in el qual logo steti circa[3584] un mese, aspettando una caravana[3585] che andava in Alepo[3586]. Partendo da questo logo ritrovassemo Cymis Cassegh[3587], Arapchir, che sonno castelluci. Poi zongiessemo ad[3588] una città nominata[3589] Malathia, la qual[3590] è bona e marchadantesca[3591], da Assengan[3592] alla qual sono[3593] montagne e valle assai e vie petrose et cative[3594]. Vero è che pur si[3595] ritrovano qualche casali e luoghi habitati da non[3596] molti. Essendo in questa terra in un fontego con quelli de la[3597] caravana (con li quali me[3598] era acompagnato), colui da la[3599] gabella (el quale era lì) andava sopravedendo chi erano quelli che dovevan pagar[3600] et io in 'sto mezo me ne[3601] stava in[3602] uno logo remotto[3603], aspettando che la caravana se levasse; et ecco che uno de[3604] ditta caravana me se fesse apresso[3605] et disse: «Che fai tu? Quel da la[3606] gabella vol che tu pagi[3607] ducati .5.[3608] perché ha[3609] inteso che tu vai ad Coz» (che in nostro idioma voi dir Hierusalem[3610]). «Vate ad excusare»[3611]. Andai et[3612] ritrovai che'l sentava su uno saccho e[3613] dimandai quello esso[3614] voleva da mi[3615]. Respose: «Va, paga .5. ducati»[3616]. Et dicendoli tutti quelli de la[3617] caravana (perchè cusì havevano[3618] inteso da mi) che io andava[3619] a Syo[3620] a trovar[3621] uno mio figliolo et excusandome, pur voleva costui ch'io pagasse. Syo è logo[3622] molto nominato in la Persia et in tutte quelle parte, e fi[3623] chiamato Seghex[3624], che voi dir[3625] in nostro idioma Mastico, perchè lì nasce il[3626] mastico el qual[3627] in quelle parte fi molto adoperato. In questo mezo[3628] uno el qual[3629] (per quello ch'io[3630] stimava) doveva esser[3631] domestico de questo da la[3632] gabella, disse: «Deh, lassai stare»; et egli[3633]: «Voglio ch'el pagi», stagando tuttavia con il[3634] capo inclinato in terra, donde colui li dette de la man[3635] sotto el naso et disseli: «Va con el diavolo», et incontinente li incominciò[3636] insir sangue dil[3637]

рый шел в Эрзинджан, где он жил постоянно. Со мной остался единственный слуга далматинец[335] из всех тех, которые были посланы со мной в те страны. Мы оделись в грубые шерстяные одежды, которые были у меня, бедные и убогие, и поскакали безостановочно и спешно, из-за опасения, что получим новости, которые обычно случаются после смерти таких синьоров. 29 апреля мы прибыли в Эрзинджан, и в этом месте оставались около месяца, ожидая каравана, который шел в Алеппо[336]. Отправившись из этого места, мы проехали Кимис Кассег[337] [Чемишгезек], Арапкир[338], это маленькие замки. Затем мы прибыли в город, называемый Малатья[339], хороший и торговый. От Эрзинджана до него находятся многочисленные горы и долины, а дороги — каменистые и скверные. В действительности все же встречаются какие-то населенные деревни и городки, но не много. Когда мы были в этом городе в фондако, с теми из каравана (с которыми мы были спутниками), пришел сборщик пошлин (который был там) и осматривал тех, кто должен был платить, а я в этот момент оставался там в отдаленном месте, дожидаясь, когда караван отправится. И вот один из упомянутого каравана приблизился ко мне и сказал: «Что ты делаешь? Тот сборщик пошлин хочет, чтобы ты заплатил 5 дукатов, потому что узнал, что ты идешь в Коз[340]» (что на нашем наречии значит Иерусалим). «Идите объясниться[341]». Я пошел и нашел его сидящим на мешке, и спросил, чего он от меня хочет. Он ответил: «Давай, плати 5 дукатов». И тогда говорили ему все те из каравана (потому что они уже знали от меня), что я иду в Сио[342] [Хиос] искать моего сына, и свидетельствовали в мою пользу, но тот хотел, чтобы я заплатил. Сио — это место, весьма именитое в Персии и всех тех краях, оно называется Седжед, что на нашем наречии значит «мастика», поскольку там родится мастиковое дерево, которое во всех тех краях широко используется. В этот момент тот, кто (насколько я мог оценить) должен был быть напарником[343] этого сборщика пошлин, сказал: «Ох, оставь его», а он: «Хочу, чтобы он заплатил», стоя все время с головой, склоненной к земле. Тогда тот, который говорил, дал рукой под нос и сказал ему: «Иди с дьяволом», и немедленно кровь пошла из носа. И тот сборщик пошлин сказал тому, который ударил: «О, сумасшедший, и всегда ты был сумасшедшим», и вытащил меня из толпы и сказал: «Идите с Богом». И тогда я сел на лошадь и поехал вместе с караваном. Эта

naso. Et colui de la gabella disse a[3638] quello li havea[3639] dato: «O mato[3640], sempre tu fusti mato», e[3641] brancomi fuor de la[3642] turba et disse : «Vate[3643] con Dio». Et io me ne[3644] montai a cavallo et andai con la caravana. Questa Malathia è del Soldano. Caminando trovassemo più castelli e ville e belli paesi et[3645] (passato lo Euphrate[3646]) zongiessemo[3647] in Alepo, de la[3648] qual terra non parlerò[3649] per esser logo assai domestico a tutti; è terra[3650] grandissima e[3651] molto merchantesca[3652]. Partendome da quel logo[3653] el me fo dato per li nostri mercadanti uno muchario, che vol dir in nostro idioma guida[3654], con il[3655] qual io et il famiglio[3656] mi partì per venir a le[3657] marine, cioè a Barutho[3658]. Essendo su la marina per mezo[3659] Tripoli, trovassemo una grande frotta di Mamaluchi i quali zugavano[3660] a l'arco, alcuni di[3661] quali (visto che hebbeno[3662] el guida) cominciorno a stringer li lor cavalli[3663] per andarme[3664] avanti. Io (el qual me acorsi che haveano voglia di farme qualche male) comandai al famiglio[3665] che dovesse andar[3666] avanti insieme[3667] con il guida, et pian piano li veniva drieto[3668]. Zonto ch'io fui[3669] apresso questi Mamaluchi[3670] (i quali za me[3671] erano andati avanti per do trati[3672] d'arco) passai de longo un pocheto[3673], et incontinente uno di essi[3674] me chiamò e[3675] disseme: «Padre, aldì». Io mostrando de[3676] bona terra, me acostai e disseli[3677]: «Che vi piace?». Et egli a me: «Dove andè vu?»[3678]. Al qual: «Vo (dissi) dove[3679] la mia mala fortuna mi[3680] porterà». Me dimandò[3681] per che rason[3682] usava simil[3683] parole, et io li respuosi[3684] che l'anno passato haveva[3685] venduto un[3686] ligazeto di[3687] seda a certo mercadante et hora hora[3688] venuto in Alepo[3689] per haver i miei danari e[3690] (non l'havendo[3691] trovato) havea inteso che l'era andato a Baruto[3692], sichè andava cercando la mia povertà[3693]. Mossese a pieto (aldito che hebe[3694] questo) et disse[3695]: «O povereto, andate con Dio». Io tolsi dil[3696] camino et gionsi il[3697] guida, el qual (como[3698] mi vite) incominciò a rider[3699] et dire: «Hay, hay, hay», volendo per questo significar[3700] ch'io havea saputo uscir de le man[3701] di questi Mamaluchi[3702], imperochè nè lui sapea[3703] turchesco, nè io moresco. In questo modo zongiessemo[3704] a Baruto[3705] e (de lì[3706] a pochi zorni) el venne una nave de Candia con la qual[3707] de suo ritorno passai in Cypro[3708] et di quel logo con l'diuto del Signor Dio me ne veni[3709] a Venetia.

Parmi[3710] rasonevole (dapoi ch'io ho[3711] ditto le cose apartinente al camino) che dica etiamdio[3712] le cose partinente[3713] alcune a superstitione, alcune a simulatione de religione[3714], et alcune a la mala compagnia che[3715] hanno li christiani in quei logi[3716] ch'io vidi. Essendo

Малатья принадлежит султану. Когда мы шли, нам встречалось много замков, и деревень, и красивых мест, и (переправившись через Евфрат) мы прибыли в Алеппо[344]. Об этом городе не буду говорить, поскольку место хорошо знакомо всем. Это огромнейший и весьма торговый город. Когда я отправлялся из этого места, наши купцы дали мне мукария[345], что значит на нашем наречии «проводника», с которым я отправился вместе со своим слугой к морскому берегу, то есть к Баруто[346] [Бейруту]. Когда мы были на берегу к югу от Триполи[347], мы встретили большую ватагу мамлюков[348], которые состязались в стрельбе из лука. Некоторые из них (было видно, что они имели руководителя) начали подгонять своих лошадей, чтобы подойти ко мне ближе. Я (догадавшись, что они имеют намерение причинить мне какой-либо вред), приказал слуге, что они должны пойти вперед вместе с проводником, и тихо-тихо пошел сзади. Когда я был поблизости от этих мамлюков (которые уже приблизились ко мне на расстояние двух выстрелов из лука), я пошел еще медленнее, и тут же один из них окликнул меня и сказал мне: «Отец, слушай». Я, показывая доброе расположение, сказал ему: «Что вам угодно?». А он мне: «Куда вы идете?». На это я сказал: «Я иду, куда моя злая судьба ведет меня». Он спросил меня, по какой причине я использовал подобные слова, и я ответил ему, что в прошлом году я продал тюк[349] шелка некоему купцу и в назначенное время пришел в Алеппо, чтобы получить мои деньги, и (не найдя его) узнал, что он ушел в Бейрут, поэтому я иду [туда], ища там свою бедность. Он сказал: «О бедный, идите с Богом». Я продолжил путь и догнал проводника, который (когда меня увидел) начал смеяться и говорить: «Ай, ай, ай», желая этим показать, что мудро ускользнул из рук этих мамлюков, поскольку ни он не понимал по-тюркски, ни я по-арабски. Таким образом мы прибыли в Бейрут. А (через немного дней) туда пришел корабль с Кандии [Крита], на котором я переправился на Кипр, а из этого места, с помощью Господа Бога, приехал в Венецию.

Мне кажется благоразумным (после того как я рассказал о вещах, относящихся к путешествию) рассказать также о вещах, относящихся — некоторые к суеверию, некоторые к лживой религии, некоторые к плохому обращению с христианами в тех местах, которые я видел. Итак, по пути в сторону Самаки [Шемахи] я остановился в одной маленькой гостинице, в которой было погребе-

adoncha[3717] per caminar verso Samachi, alozai[3718] ad uno hospitalleto in el qual[3719] era una[3720] sepultura sotto un[3721] volto di pietra; apresso questa sepultura[3722] era un[3723] homo di tempo, con barba et capelli longi[3724], nudo, salvo cha[3725] che con una pelle era un pocho coperto[3726] davanti et da[3727] drieto, el qual[3728] stava sentato in terra[3729] sopra uno pezo di stuora[3730]. Io el salutai et dimandai quel[3731] che esso faceva[3732]; me rispose che vegiava[3733] suo padre et io li dimandai: «Chi è nostro padre?»[3734]. E lui a me[3735]: «Padre[3736] è chi fa ben[3737] al proximo, come questo che è in questa[3738] sepultura. Io son stato .XXX.[3739] anni; holi fatta[3740] compagnia in vita et voglioglielа far anchor da poi[3741] la morte, intantochè (quando morirò) voglio esser sepelito anchora[3742] mi in questo logo[3743]. Ho viduto di[3744] mondo assai; hora ho deliberato de[3745] star cusì[3746] fin alla morte». Un altro, ritrovandomi[3747] in Thauris, el giorno de la commemoration di[3748] morti, in el[3749] qual giorno[3750] etiamdio apresso[3751] di loro era la commemoration di[3752] morti, non che sempre venga[3753] in simil giorno, ma a caso, vidi[3754], stagando in uno cymiterio, un, pocho[3755] lontano, che stava sentato apresso da una sepultura[3756] et havea molti ocelli adosso, ma specialmente[3757] corvi e cornachie[3758], et (credendo che fusse un[3759] corpo morto) dimandai a quelli che[3760] erano meco che cosa era quello ch'io vedeva. Me resposeno che[3761] era uno santto[3762] vivo, a cui non se[3763] trovava in quel paese un altro simile[3764]: «Vedete vui[3765] quelli ocelli? Ogni giorno[3766] vanno a mangiar[3767] lì et (comò el ne chiama[3768] uno) el viene, perchè l'è un santto[3769]». Et sugionse[3770]: «Andemo più apresso, che vedereti»[3771]. Andassemo adoncha apresso di[3772] lui meno d'un tratto di pietra et vedessemo che l'haveva[3773] certi scuodeloti[3774] de vivande et de altri cibi et che questi ocelli li volavano per infina[3775] nel volto per mangiare[3776] et egli li parava via con le man[3777], et qualche volta ad[3778] alcuno di[3779] essi porgeva[3780] qualche cibo. Del quale coloro me dissero[3781] molti miraculi[3782], secondo el giuditio[3783] loro, i quali però apresso di[3784] ogniuno che habbia bon inteletto[3785] son molte paccie[3786].

Un altro ne vidi (essendo il[3787] signor Assambei in l'Armenia Mazor[3788], la qual[3789] de presente se[3790] chiama Turchomania[3791]) che havendo (un giorno che'l[3792] ditto signor era messo in ordine de levarsi per venir[3793] in Persia e per andar contra il[3794] signor Giausa, signor de la[3795] Persia e[3796] de Zagatai per insina a la cità[3797] de Here[3798], et mangiava insieme con la sua corte) tratto[3799] de un baston[3800] che l'havea[3801] in mano in li cattini dei qual[3802] essi mangiavano et ditto alcune parole, et rottoние под каменным куполом. Рядом с этим погребением был человек в возрасте, с бородой и длинными волосами, обнаженный, только со шкурой, слегка прикрывающей его спереди и сзади. Он сидел на земле поверх куска циновки. Я его приветствовал и спросил его, что он делает. Он ответил мне, что пришел к своему отцу. А я спросил его: «Кто наш отец?». А он мне: «Отец — тот, кто делает добро ближнему, как тот, кто находится в этом погребении. Я уже 30 лет нахожусь с ним вместе при жизни, и хочу делать это также после смерти, в то время (когда умру) хочу быть похороненным также в этом месте. Я видел многое в мире, теперь я решил оставаться здесь вплоть до смерти». Другое: когда я находился в Тавризе, в день поминок мертвых, который не всегда происходит в определенный день, но по случаю[350], я видел, находясь на одном кладбище, немного в стороне, что рядом с одним погребением множество птиц перед могилой, но особенно воронов и ворон. И (полагая, что там было мертвое тело) я спросил тех, кто был рядом, что это за явление, которое я видел. Мне ответили, что это один живой святой, которому не найти другого подобного в той стране: «Видите вы этих птиц? Каждый день они кормятся здесь, и (когда он позовет одну из них), она идет, поэтому он — святой». И просили: «Пойдем поближе, чтобы вы увидели». Поэтому мы подошли поближе к нему, менее чем на расстояние броска камня, и увидели, что у него были некие блюдечки с едой и другими кушаньями[351], и что эти птицы подлетали к нему вплоть до лица, чтобы поесть, а он отгонял их рукой, а иногда какой-нибудь из них протягивал какую-либо еду. О нем они рассказали мне много чудес, в соответствии с их разумением, которые, однако, для каждого, имеющего здравый ум, являются весьма сумасбродными.

Я видел еще одного такого (когда синьор Хасанбей был в Великой Армении, которая в настоящее время называется Туркомания). (Однажды, когда упомянутый синьор решил подняться, чтобы идти в Персию, и напасть на синьора Джуизу, синьора Персии и Чагатая вплоть до города Гер[352] [Герата], и пировал вместе со своим двором) он [«святой»] ударил палкой, которую держал в руке, по блюдам, из которых они ели, и сказал какие-то слова, и разбил их все (он был сумасшедшим хорошей пробы). Синьор спросил, что было сказано, и ему ответили те, кто слышал, что он сказал, что синьор должен победить и разгромить своего врага так, как он разбил те блюда. Синьор ска-

li tutti[3803] (et[3804] questo era matto di bona materia[3805]), dimandò il[3806] signor quello l'havea ditto et[3807] fuli risposto[3808] da quelli lo havevano inteso che l'havea ditto ch'el signor doveva esser[3809] vittorioso et romper lo animico[3810], così come lui havea rotto quelli catini[3811]. El signor disse: «È vero?». Et (confirmato che haveno[3812] quelli che gè l'havevan[3813] ditto che[3814] era vero) comandò che fusse governato per infina[3815] che tornasse, promettendo che li faria honor e[3816] bona compagnia. Andò, rompete, conquassò et ucise[3817] l'inimico; prese tutta la Persia per insino ad Here[3818] et redusse tutti[3819] d'ognio intorno a sua obedientia, et (non dismenticato de la[3820] promessa) lo[3821] fece ricoglier et trattar[3822] honorevolmente. .8. mesi da poi ditta vittoria io me ritrovai de lì[3823] et vidi il che modo el rideva trattato. Costui ogni giorno[3824] a ciaschaduno[3825] el qual[3826] a hora debita andava alla sua porta (fusse in quanto numero se volesse) faceva dar da mangiare[3827], facendoli prima sentar in modo de un[3828] circulo. I qual (mettando una volta con l'altra) non eran nè[3829] mancho[3830] de .200. nè più di .500. Et lui ogni giorno[3831] havea da viver et da vestir assai bene. Quando el signor cavalcava per le campagnie[3832], fideva messo su un[3833] mulo con une subo in dosso, con le braze e[3834] man sotto il[3835] subo, le qual man li[3836] fidevano ligate davanti perché era acustumato[3837] alle fiate di[3838] far qualche pacia[3839] periculosa; a piedi li andavano apresso molti di quelli dravis[3840]. Essendo un giorno[3841] io sotto el paviglion de un[3842] Turco amico mio, capitò lì uno di[3843] quell dravis, al qual[3844] questo Turcho dimandò como[3845] faceva el dravis e[3846] se'l facevi paccie e si'l[3847] parlava e si'l manzava[3848]. Et egli rispose[3849] che'l faceva seconde usanza alcune fiate paccie[3850], secondo la luna, e[3851] che'l stava talvolte do o .3.[3852] zorni che non manzava et faceva paccie[3853], sichè bisognava ligarlo, et che'l parlava ben, ma mal a proposito, et che'l manzava quello li fideva[3854] dato, e alcune fiate se straciava li drapi[3855] da dosso. Et sogionse: «Un giorno[3856] andassemo dal signor che[3857] era in[3858] Spahan, el qual lo[3859] mandò in un palazo[3860] che già fece far Ugurlomahumeth[3861], dove stessemo da .4. o .5.[3862] zorni; volendoni[3863] partir li dicevamo: "Andamo via„ et lui rispondeva[3864]: "Io voglio star qui„. Pur tanto fessemo che lo menassemo via». Et da costui intesi in che modo passò la novella quando trasse del[3865] baston in li catini[3866], el qual la disse ridando[3867]. Dimandò il[3868] Turcho amico mio comò[3869] facevano loro de denari[3870], facendo tanta spesa, et egli[3871] rispuose[3872] che gli[3873] era sta' diputato[3874] un certo tanto et (se più[3875] gli bisognava) più se haveva[3876], in modo che'l se pol[3877] concluder che li pacci habino[3878] bon

зал: «Это правда?». И (получив подтверждение, что то, что он сказал — правда) он распорядился, чтобы за ним ухаживали вплоть до его возвращения, обещая, что обеспечит ему почет и хорошее обращение. Он пошел, разгромил, завоевал и выгнал врага; захватил всю Персию вплоть до Гера, и все вокруг привел в повиновение. И (не забыв обещания) отыскал его [того помешанного] и почетно принимал. Через 8 месяцев после упомянутой победы я встретился с ним и видел способ приятного обращения. Этот тип [с другими] каждый и всякий день в положенный час приходил к его дверям (их было такое количество, сколько тот хотел); он давал им еду, сначала предлагая сесть кружком. Их (количество менялось от случая к случаю) было не меньше 200 и не больше 500. И он [синьор] каждый день давал им пищи и одежды, очень хорошей. Когда синьор скакал по степи, он следовал за ним на муле, с зипуном на плечах, с руками под зипуном, а руки были связаны впереди, потому что он был иногда близок к тому, чтобы совершить угрожающее сумасбродство. Пешком рядом с ним шли многие из этих дервишей[353]. Когда я был однажды в шатре одного турка, моего друга, туда вошел один из этих дервишей, которого этот турок спросил, как дела, будет ли он безумствовать, или разговаривать, или есть. И тот ответил, что по обыкновению он несколько раз впадает в безумие в соответствие с луной, и что иной раз два или 3 дня не ест, а пребывает в безумии, поэтому его приходится связывать; что он говорит хорошо, но некстати; что он ест то, что ему дают, а иногда рвет на себе одежду. И добавил: «Однажды мы пришли к синьору, который был в Спахане [Исфахане], который послал его во дворец, который уже построил Огрулмухаммед, где мы оставались 4 или 5 дней. Когда мы захотели уехать, сказали ему: "Пошли прочь". А он: "Я хочу остаться здесь". Однако нам пришлось увести его». Именно от него я узнал, каким образом произошел тот случай, когда он бросил палку в блюда, которую он рассказал смеясь. Я спросил турка, моего друга, как они получают деньги, делая такие расходы. И он ответил, что ему было установлено определенное содержание, и (если он нуждается в большем) — больше получает. Таким образом, можно сделать заключение, что сумасшедшие составляют хорошую долю среди них, и что с малыми трудами, и небольшими добрыми делами эта компания заслуживает признания святыми. Над могилами (когда совершают поминове-

partito apresso di loro[3879] et che con pocha fatica e[3880] poche operation bone la brigata se acquista[3881] opinion de santti[3882]. Sopra le sepulture[3883] (quando fanno la commemoration de lor[3884] morti) se ritrova[3885] gran multitudine de maschi e[3886] femine, vecchi e puti[3887], i quali sentano a grumii con li[3888] sui preti et con candele impigliate[3889], i quali[3890] preti o legeno o orano in sua lengua[3891] et, furnito che[3892] hanno di leger et orare[3893], fannose portare da manzar[3894] in quel loco e[3895] per tanto per le strade sempre vanno e[3896] vengono molte persone da quei[3897] cimyterii. El logo dove sono[3898] volta da .4. in .5. miglia et per le strade che menano a questo logo sonno[3899] poveri che adimandano elemosina, alcuni di quali[3900] etiamdio se[3901] offeriscono de dir qualche[3902] oration a utilità de li[3903] benefattori. Le sepulture[3904] hanno certi saxi de sopra driciati[3905] in piedi con lettere che dinotano[3906] el nome del sepulto et alcune[3907] hanno qualche capella[3908] de muro di sopra. E[3909] questo basti de le[3910] cose pertinente a superstitione. De quelle chepertengono a simulation di[3911] religione, ne dirò una, et volesse Iddio[3912] che fra nui christiani over non si ritrovasse simil[3913] simulatione over fusser punite[3914] secondo come fu questa, la qual dirò, che mi par che'l primo saria[3915] bono et el secondo non cativo. Trovosse[3916] uno machometano[3917] a lor[3918] modo sancto[3919] el qual[3920] andava nudo, como[3921] vanno le bestie, predicando e parlando de de le cose de la lor[3922] fede. Costui (havendo fatto zà in uno bon[3923] credito) et havendo acquistato un gran concorso de populi idioti che'l seguitavano[3924], non se contentando de quello l'haveva[3925], disse che'l voleva farse[3926] serrar in uno[3927] muro et starvi .40. giorni degiuno[3928], affirmando che li bastava l'animo uscir[3929] sano et de non haver per questo alcuna lesion[3930] al corpo. Vogliendo adoncha far questa experientia, fece portar pietre cotte alla foresta, de le qual[3931] con gieso[3932] (che in quelle parte se adopera[3933] per calcina) el se fece far[3934] una caseta rottonda[3935], in la qual fu amurato, e (ritrovandossi in el[3936] fin di .40.[3937] zorni vive e sano) tutti li altri si stupivano[3938]. Uno, el qual[3939] era più scorto, sentite che[3940] in quel logo era stuffo di[3941] certo sapor di[3942] carne, et (facendo cavar) retrovò[3943] la magagna. Venne la cosa ad[3944] orecchie dil signor[3945] el qual[3946] lo misse nelle man[3947] del cadi laschar; fu[3948] retenuto etiamdio[3949] certo suo discipulo, il[3950] qual senza troppo[3951] tormento confessoe[3952] che havea forato el muro da una parte a l'altra[3953] et messovi un[3954] canoncino per il qual de notte gli[3955] fondeva brodi[3956] et altre cose sustantiale, et trambidui furon[3957] fatti morire.

ние мертвых) находится огромное множество мужчин и женщин, стариков и детей, которые сидят большими толпами, со своими проповедниками, держа свечи. Эти проповедники читают или произносят речи на своем языке, а закончив читать и проповедовать, отправляются пировать в то место. И поэтому по улицам постоянно идет и бредет множество людей к этим кладбищам. Место, где они находятся — от 4 до 5 миль в окружности. А по дорогам, которые ведут к этому месту, находятся нищие, которые просят милостыню, некоторые из которых также произносят благодарственные речи о пользе их благодетелей. Над погребениями находятся некие каменные надгробия, поставленные вертикально, с надписями, где называется имя погребенного, над некоторыми имеются часовни со стенами. Этого достаточно о вещах, относящихся к суевериям. О тех, которые относятся к лживости религии, скажу одно. По воле Божьей, между нами христианами или не случается подобная ложь, или наказывают того, кто ее совершил. То, что скажу, во-первых, будет полезным, а во-вторых, не вредным. Был один мусульманин, по их образцу святой, который ходил голым, как ходят звери, предсказывая и рассказывая о делах их веры. Этот тип (завоевав сначала надежное доверие) и приобретя большое количество слабоумных приверженцев, которые следовали за ним, не будучи довольным тем, что уже имеет, сказал, что хочет запереть себя в стену и оставаться 40 дней заключенным, утверждая, что ему достаточно духа, [чтобы] выйти здоровым и не причинить этим какого-либо вреда телу. Желая затем проделать этот опыт, он притащил обожженных кирпичей[354] в лес, из них с помощью гипса (который в тех странах используется вместо извести) сделал себе круглую хижину [ящик], в которой был замурован. И (когда он появился через 40 дней живой и здоровый) все остальные поразились. Один, который был более проницательным, учуял, что в этом месте был запах, определенно запах мяса, и (начав допытываться) обнаружил обман. Это дело дошло до ушей синьора, и он передал его в руки кадия[355]. Он был задержан, также и некий его последователь, который без лишних пыток признался, что просверлил стену от одного конца до другого и поместил туда тростниковую трубочку, через которую ночью он пропускал бульоны и другие питательные вещества. Они оба были казнены.

Quanto a la[3958] mala compagnia che[3959] hanno li christiani in quei logi[3960] ch'io vidi, reciterò quello ch'io intesi del [14873961] del mese de decembrio da une Pietro de Guascho zenovese[3962], nasciuto in Capha, el qual[3963] (nel tempo ch'io era in Persia) se ne[3964] venne de lì et stete[3965] con mi cerca tre[3966] mesi. Costui (adimandato de le[3967] novelle de quelle parte) me disse che[3968] un giorno[3969] (essendo[3970] in Thauris[3971] uno Armenio[3972] chiamato Choza Mirech, richo[3973] mercadante, in bazaro[3974] a certa sua botega de orevese[3975]) el venne lì uno azi[3976] al suo modo santto[3977], et disseli che'l dovesse renegar[3978] la fede de Christo e farse machometano[3979]. Et respondendoli costui humanamente (e[3980] suadendoli che non li desse impacio[3981]) pur perseverava et importunava che'l renegasse. Costui li mostrò certi denari[3982] con intentione de dargeli, aciò che'l lassasse star[3983], et ello li[3984] disse: «Non voglio denari[3985], ma voglio che tu renegi[3986]». Respondendoli Coza Mirech che'l non voleva renegar[3987], ma voleva star[3988] alla sua fede de Iesù Christo, cusì[3989] como[3990] era stato fino[3991] a quel tempo, quel ribaldo se voltò e tolse la spada de vagina ad[3992] uno che[3993] era lì et deteli[3994] su la testa in modo che l'amaciò[3995] et fugite[3996] via. Un figliolo di costui de circa[3997] anni .30. (el qual[3998] era in botega) incominciò a pianger[3999] et (uscito di botega[4000]) andò verso la porta del signor[4001], et feceglielo assaper. El signor (mostrando d'haver molto molestia[4002] questa cosa) ordinò che'l[4003] fusse preso e[4004] mandólo a cercar[4005]; el quale[4006] fu ritrovato do[4007] zornate lontano da Thauris in una città nominata Meren e[4008] fu portato avanti[4009] el signor, el qual[4010] subito se fece dar un coltello e[4011] con sua propria man lo amaciò e commisse[4012] che'l fusse butato in piacia e[4013] lassato, aciò che li cani el manzasseno[4014], dicendo: «Come? La fede di Machometo cresse[4015] in questo modo?». Approximandosse[4016] la sera, molti del populo (che[4017] erano più zelanti de la lor[4018] fede) andorono da uno darviscassun[4019], el[4020] qual era in guardia de la[4021] sepultura de Assambei, padre del moderno signore et era (come seria dir[4022] da nui) prior de [1]'hospetale[4023], homo da conto et apresiato[4024], el qual[4025] era stato[4026] thesauriero dil[4027] signor passato, et a costui dimandoro[4028] licentia de poter levar[4029] quel corpo, che li cani la notte non lo[4030] manzasseno. Lui (non pensando più oltra) li dette licentia et el populo lo tolse[4031] et sepelite[4032]; inteso che havè[4033] questo el signor[4034] (che presto fu, imperochè[4035] la piaza[4036] è vicina al palazo[4037] suo), comandò che darviscassim[4038] fusse preso e[4039] menato da lui. El qual[4040] disse: «Te basta l'animo

Что касается плохого обращения с христианами в тех местах, что я видел, расскажу то, что я узнал в декабре 1487[356] года от Пьетро де Гуаско, генуэзца, уроженца Каффы, который (в то время как я был в Персии) пришел оттуда и был со мной около трех месяцев. Он (на расспросы о новостях из тех стран) рассказал мне следующее. Был в Тавризе один армянин по имени Кодза Мирек[357], богатый купец, в ювелирной лавке на базаре. Однажды к нему пришел один хаджи[358], по его виду святой, и сказал ему, что он должен отступиться от веры в Иисуса Христа и сделаться мусульманином. А он ответил тому по-человечески (льстя ему, дабы не сказать ему неприятность), чтобы защититься и уклониться от отступничества. Он показал ему какие-то деньги с намерением дать ему их, дабы он оставил его в покое, а тот сказал ему: «Не хочу денег, но хочу, чтобы ты отрекся». Когда Кодза Мирек отвечал ему, что он не хочет отступаться, но хочет остаться в своей вере в Иисуса Христа, так как он оставался до того времени, тот мошенник обернулся и выхватил саблю из ножен у одного, кто был там, и ударил его по голове так, что убил, и выбежал на улицу. Его сын около 30 лет отроду (того, чья была лавка) начал плакать и (выйдя из лавки) пошел к дверям синьора, и рассказал ему об этом с подробностями. Синьор (показывая, что его очень беспокоит это дело) приказал, чтобы его [хаджи-мошенника] схватили, и отправил [своих слуг] искать его. Его нашли в двух днях пути от Тавриза, в городе под названием Мерен[359] [Меренд] и доставили синьору, который тут же взялся за кинжал и своей собственной рукой убил его. И приказал, чтобы его бросили на площади и оставили, дабы собаки его съели, приговаривая: «Как? Вера Мухаммеда усиливается таким способом?». С приближением вечера многие из народа (которые были более рьяными в своей вере) пошли к одному дервишу Кассуну[360], который охранял погребение Хасанбея, отца нынешнего синьора[361], и был (как бы мы сказали у нас) смотрителем странноприимного дома[362], человеку благородному и приближенному, который был казначеем прежнего синьора. И у него они попросили разрешения поднять то тело, чтобы собаки ночью не съели его. Он (недолго думая) дал им разрешение, и люди взяли его и похоронили. Синьор, узнав, что произошло (это случилось быстро, поскольку площадь находилась рядом с его дворцом), приказал, чтобы дервиша Касима схватили и доставили ему.

di comandar[4041] contra el mio comandamento? Orsù, che'l sia morto», et subito fu[4042] morto. Drieto[4043] a questo disse: «Da poi[4044] che'l populo ha fatto contra el mio comandamento, tutta questa terra porti[4045] la pena e[4046] sia messa a sacco». E[4047] così la sua gente cominciò[4048] a sachegiar[4049] la terra con un spavento et rumor de tutti grandissimo. Durò questa cosa da tre[4050] in .4. hore, poi comandò che dovesser lassar stare de sachegiare[4051] più oltra et dette a tutta la terra[4052] taglia de[4053] certa summa de oro. Finalmente fece vegnir[4054] el figliol de questo Cazo[4055] Mirech da sì e confortolo[4056] et acareciolo[4057] con bone et humane[4058] parole. Era Chazo Mirech[4059] homo richissimo e[4060] de optima[4061] fama. E[4062] questo basti quanto a le[4063] cose de la[4064] mala compagnia che[4065] hanno christiani in quei logi. E[4066] quanto a la fin di[4067] questa seconda parte et consequenter de tutta la opera[4068], descritta per mi con quello miglior ordine che[4069] ho possuto in tanta varietà de cose, de logi, e de tempi[4070]; et furnita di descriver[4071] a dì .XXI. decembrio .MCCCCLXXXVII., ad[4072] laude del signor nostro Iesù[4073] Christo, vero Dio et vero homo, al quale nui christiani et[4074] specialmente nasciuti in la illustrissima città nostra di Venetia siamo molto più obligati di quello è 'ste gente barbare, aliene dal suo culto e[4075] piene de mali costumi.

Quivi finisse el trattato delle cose vedute per mi Iosaphath Barbaro citadin de la illustrissima cità de Venetia in do viazi che io feci, uno a la Tana et uno in Persia[4076]

Он сказал: «Тебе хватило духа давать распоряжения против моих приказаний? Что, не боишься смерти?». И тут же его убил. После этого он сказал: «Доколе народ будет сопротивляться моим приказам, весь этот город будет наказан и разграблен[363]». И его люди начали грабить город к величайшему ужасу и возмущению всех[364]. Это продолжалось от трех до 4 часов, затем он приказал прекратить дальнейший грабеж, а сверх того назначил городу [в качестве] выкупа определенную сумму золота[365]. В конце концов, он позвал к себе сына этого Кадзо Мирека и утешил его, и приласкал его добрыми и человеческими словами. Кадзо Мирек был очень богатым и с добрым именем. Этого достаточно о том, что касается плохого обращения с христианами в тех местах. Подходит к концу вторая часть и, следовательно, все произведение, написанное мной в такой последовательности, в какой мог, при таком разнообразии событий, мест и времен. А закончено описание 21 декабря 1487 года[366], с хвалами господу нашему Иисусу Христу, истинному Богу и истинному человеку, которому мы христиане, и особенно уроженцы нашего блистательнейшего города Венеции, более преданы, чем те варварские народы, чуждые его культу и исполненные дурными обычаями.

Здесь кончается трактат о вещах, виденных мной, Иосафатом Барбаро, гражданином блистательнейшего города Венеции, в двух путешествиях, которые я совершил, одно в Тану и одно в Персию.

Примечания к тексту оригинала (разночтения по C, A, R)

1 *Пропущен заголовок*
2 come uso a stentare
3 fra
4 barbare
5 volunteroso
6 d’
7 fu’
8 insiemi
9 ambasiador di
10 della
11 quale
12 la
13 el Othoman
14 conciosia cosa ch’ancor
15 partissimo. Se partimo da
16 due gallie
17 drieto
18 venivano due galie carche d’
19 et
20 ch’io appresentasse
21 de Charaman
22 et
23 L’
24 schiopetti
25 *Пропущено* da trarli
26 et
27 *Пропущено* e
28 schioppetteri
29 quattro colonelli
30 el
31 ch’era Tomaso
32 quall’havea
33 furono
34 scarlatto
35 colori
36 il
37 ambasiador
38 papa, venne al re
39 noi
40 zoè
41 ambasiador
42 il
43 passare
44 essere
45 di voler dimorar
46 in nel
47 insiemi con el ditto ambassiador
48 quale havea retrovato
49 mene galia
50 li ambesiadori
51 è uno certo
52 Siggi (*A* и *R*: Sigi)
53 fossemo
54 luogo (*R* detto Cassambeg)
55 le fussero
56 fortezze
57 havea
58 contento et vagabonde, i qualli
59 *R* signore, nominato Pirameto
60 seme
61 *пропущено* noi
62 questi
63 havevemo
64 l’altre grande
65 *пропущено* e
66 littere
67 in le
68 di bono
69 presto veneria
70 di Venetiani colla
71 che’l se recovraria
72 e specialmente i lochi
73 apresentar
74 gallie che erano rimaste
75 venir a Siggi
76 intesi
77 Piero
78 insiemi
79 provedidori
80 Vittor
81 et
82 cum
83 galie
84 capitanii
85 arrivate
86 Churcho (*R* che appresso gli antichi era Coricos = который у древних был Корикосом)
87 uno bello
88 Curcho
89 Contarino
90 inpresa
91 lui dovesse venir a Siggi
92 mi
93 che più
94 consequiria
95 comandase
96 obederia
97 Siggi
98 Curco
99 .XX. milgia
100 il quel ch’io
101 comenzato
102 armata et venesene a Siggi.
103 galie
104 due galie sottil et due grosse
105 della illustrissima
106 gallie
107 Cypri
108 galie doi
109 maistro
110 gallie
111 quale
112 erano
113 sonno tutte galie
114 nonanta nove
115 con i soi sttadiotti, zoè
116 galia excepto 5 galie.
117 Zonto
118 mettessemo cavalli
119 le quale comenzorno
120 sequente
121 mi
122 che quel castello li pareva molto fotte, per rispetto del sito
123 inexpugnabile
124 l’è in
125 Et domandandome
126 resposeli essere
127 ch’era
128 fallo
129 selli ritrovava più de .XXV. homini
130 havevano
131 defender intorno per spatio d’un
132 Donde che mi pareva certo
133 prosequendo
134 el se haveria
135 Stette
136 sospeso
137 *Пропуск от* el dito *до* et non
138 doe
139 ch’aveva
140 d’una
141 detto
142 Theminga (*A* и *R*: Thetninga)
143 capitanio
144 se me alegrò
145 et volsì
146 andassi
147 *Пропущено* istesso
148 so signore et così
149 Temingha
150 et comenzassemo
151 della
152 sequente circa
153 quattro
154 Theminga
155 che l’era
156 offerirle de darge
157 et robbe.
158 Feceme motto
159 capitanio
160 promettere
161 mezzo
162 Theminga
163 cum
164 *Пропущено* sue
165 et
166 sariano
167 *Пропущено* e
168 stare
169 loco
170 sariano
171 al loro
172 referito
173 cum el signore de
174 *R*: castello, che era detto Mostapha et era nativo della Caramania = …замка, которого звали Мустафа, а он был уроженцем Карамании...
175 quale
176 cum
177 quale
178 et
179 poi
180 fermandoli
181 *Пропущено* con
182 et le robbe.
183 Et
184 et lassai intrar
185 et
186 galia insiemi
187 el
188 volevano essere
189 Mi resposeno che desideravano
190 Soria, per
191 d’esser
192 delle
193 galie
194 et robbe
195 et così li promisse
196 sequitò
197 delle quale
198 havea insacato. Usito
199 della
200 et drieto
201 li
202 li quali
203 essere
204 tutto et
205 cum el
206 galiotti
207 recevere
208 Alii
209 galliotti né comandamento né minazze del
210 come
211 el capitanio et
212 ch’havevano
213 essendogli stata
214 adonca el
215 et
216 el capitanio
217 et
218 et volsi
219 andassi
220 el capitanio
221 della disubedientia et pazzia
222 galiotti et
223 lui haveva
224 fare
225 di ch’
226 robbado
227 adunque
228 haveva un asino = осла *(A и R повторяют C)*
229 carco de ditte robbe
230 di
231 menne
232 Temingha
233 hebbi
234 cum
235 el modo *(A и R повторяют C)*
236 m’era sta’ ditto
237 promisseli
238 farria
239 Siggi insiemi
240 suoi
241 del
242 fussero
243 di ch’era sequito
244 prendea
245 comenzai a attar
246 et quello
247 sequito
248 sequito
249 galliotti
250 despiacer del capitanio
251 provedidori et
252 capitanio
253 fo promesso
254 Vittor
255 insiemi
256 carco della
257 di
258 la havirono
259 furon
260 asprissime
261 dovissero
262 et
263 questa
264 ricerchadecum
265 ritrovate
266 et le
267 delle
268 di ch’erano
269 ch’eran
270 si come quelle
271 ritrovono
272 come
273 ritrovano
274 de
275 insiemi
276 conciosia cosa che in quello era
277 *Пропущено* insieme = вместе
278 alla
279 trovava
280 ch’
281 popolo
282 furno presentate
283 capitanio
284 il quale
285 fare
286 ogni uno

287 et cosi vennero
288 Extimavase
289 signore
290 gran
291 pottè vedere
292 preciose
293 pani et desene migliara
294 di
295 havea havuti dui
296 robbe erano *вместо* e uno
297 et cum
298 senne
299 Rodi
300 luogo
301 *Пропущено* per
302 havuto del
303 de
304 restituito
305 de questo
306 venero
307 et
308 rasoni promissioni suasioni
309 *Пропущено* contentò de
310 desmontare
311 poco
312 poi
313 delle
314 morire et
315 come se
316 stato poco
317 d’
318 ch’
319 cugnata
320 D’armada ritornò al Cucho sopranominato Curcho et
321 loghi
322 oppugnar
323 era
324 quello
325 a porte
326 et
327 et
328 et
329 menne
330 Salefica (*R* famosa, che si chiamava antichatnente Seleucia = ...знаменитая, которая в древности называлась Селевкия...)
331 el
332 et disse
333 ch’
334 dentro
335 volesseno
336 et
337 et le
338 battaglia
339 che non
340 accettariano
341 andarian per fil de spada
342 risposto
343 menne andasse
344 et
345 mandarian
346 l’
347 sequente
348 ch’
349 et
350 andassero
351 ge la
352 et
353 capitanio
354 armada senne
355 et
356 messe
357 di
358 Imperoch’el
359 manchato di
360 in nel
361 eramo state
362 in
363 provisioni
364 andosene
365 galie sutil et due
366 insiemi
367 et
368 m’
369 stette
370 Giunse
371 tempo dui galie
372 quale
373 arcivescovo de Nicosia
374 catalano et
375 uno
376 dittatore
377 doveva contrazzer
378 cun una
379 Zaccho naturale con un fiol (*R* figliol naturale) del ditto re Ferdinando, et stagando comenzò
380 *Пропущено* el
381 piazza
382 et poco
383 *Пропущено* e
384 1’
385 capitanio
386 due galie
387 quale
388 cum el
389 verso
390 suspectò
391 et
392 Vittor
393 provedadori cum .10. galie sottile, le quale
394 ritrovò
395 galie
396 et
397 insiemi
398 et
399 sequaci
400 et
401 havean
402 et
403 bonahora et
404 Et
405 imbassiador
406 tornò
407 dal summo
408 imbasiador di
409 a suso
410 galia
411 *Пропущено* do = два
412 galie
413 *Пропущено* le
414 *Пропущено* e
415 i presenti
416 comandai ch’io
417 *Пропущено* de
418 et
419 remandate
420 et
421 fece restare
422 isola
423 etritomarme al viazzo
424 in sul
425 mezzo
426 mezzo miglio = полмили (*R* un terzo di miglio, che era appresso gli antichi Eleusia = трети мили, которая рядом с древней Элевсией…)
427 avante
428 essere uno
429 statto
430 e bello
431 ma al
432 *Пропущено* è
433 ha sale
434 maistre
435 inscrittion
436 qual
437 d’essere
438 et simile alle armene
439 di quelle ch’
440 di presente conciosia cosa che
441 sapevano leggere
442 alla via del porto cioè alla bocca
443 *Пропущено* in
444 spiazza
445 saxo insuso
446 alto el qual è il sabion
447 spiazza
448 uno
449 scarpato
450 cum
451 mure
452 et
453 cenze dui
454 de
455 quale
456 de
457 armene
458 instantia
459 et
460 lochi
461 quattro
462 serveno a
463 gran
464 della
465 di
466 delle quale sonno
467 capo e queste sonno si da uno capo come
468 canto della
469 insino
470 mezzo
471 monstra essere
472 marmore
473 circunstanti
474 sono lochi montuosi e
475 Istria
476 gente
477 et
478 et animali spetialmente bovi et
479 quello io
480 *Пропущено* é molto = очень
481 come se sia
482 sonno
483 della
484 sonno dui
485 Siggi
486 de
487 suso
488 un
489 i qual
490 dal mare *вместо* da questo = «от моря» *вместо* «от этого» [первого]
491 6, cioè da esso castello et è assai forte posto apresso al mare
492 et
493 maistro
494 (*R* Seleuca, cioè Seleutia che è lontana dal mare cinque miglia = Селеука, то есть Селеуция, которая расположена в пяти милях от моря)
495 quale
496 la qual
497 fiume (*R* appresso gli antichi Calicadnus = у древних — Каликадн)
498 mete
499 appresso al
500 simili
501 grandezza
502 a questo
503 a modo di
504 circumdato
505 pezzo
506 intorno intorno
507 el
508 si vedono
509 pezzo
510 seperate
511 della
512 della
513 sonno
514 et sonno di
515 cerca quindici
516 se
517 e forte
518 cum
519 guardia dinanti
520 carco et
521 di
522 (*A и R* erto *вместо* rato = отвесным *вместо* твердым)
523 si puole ascendere
524 d’intorno et tanto
525 dalle
526 tre
527 d’
528 *Пропущено* et
529 la sua centa
530 il
531 Seleucha
532 sui
533 et
534 le
535 della
536 et *вместо* è
537 stana
538 formento.
539 Ditta
540 del trenta e più
541 *Пропущено* mo’
542 fatta nel sasso quadra et
543 cinque
544 25 et più longa larga 7
545 quella
546 e
547 mancare
548 il
549 Menore (*R* al presente, ma anticamente era nella Cilicia che fu presa dai Turchi quando occuparono il restante dell’Asia Minore, ai quali fu levata da Rubino et Leone fratelli d’Armenia, circa il 1230 et la ridussero in regno et da loro fu detta Armenia, la quale Armenia = …в настоящее время, но в древности он был в Киликии, которая была рядом с турками, когда они захватили остальную Малую Азию, которая была им оставлена братьями Рубеном и Леоном [ца-
550

рями] Армении около 1230 г., и царство было восстановлено ими и названо Армения, то есть Армения…)
551 per insino al
552 Tauro
553 loro linguazzo Corthescan
554 Et stette
555 et
556 aviai
557 *Пропущено от* via *до* et in una zornata.
558 uscetti
559 del terren
560 loco che trovai
561 Tarsos (*A* Trarsus)
562 della
563 Menore. La volta tre miglia, la terra, l'à
564 un
565 il
566 si
567 della
568 et
569 fiumera
570 dui lati
571 25
572 quale
573 primo
574 il
575 scalla
576 quale
577 tigneria
578 monticello
579 non troppo
580 lontana
581 della
582 quaranta, suso
583 incomenzorno
584 ballar
585 delle
586 et della
587 de Macometto
588 lentamente
589 mesura. Et
590 *Пропущено* ballando = танцуя
591 modo
592 et
593 con el
594 et
595 di
596 tollevano
597 ch'
598 et
599 alli alloggiamenti; et
600 loco
601 il
602 cotale demonstratione
603 fossero sforzati
604 farli
605 gottonine et essa è
606 *Пропущено* Posta
607 1'
608 Menore.
609 dire
610 et
611 per fino
612 l'
613 Eufrates
614 Zonto
615 Eufrates, (*R* che divideva lo stato del re di Persia da quel del soldano = …которая отделяет страну царя Персии от страны Султана…)
616 retrovassemo
617 uno navilio del Soldano il quale
618 strano cum il qual passassemo
619 son
620 sasso
621 per molti et mali
622 reducono
623 da llì
624 Dall'
625 sonno
626 Armeni
627 allozzassemo
628 el
629 (*R* Orpha)
630 quale
631 governasi
632 Valibec (*R* Balibech), fratello
633 rovinata
634 obsidione
635 Bir
636 à uno
637 *Пропущено* in
638 *Пропущено* logo
639 senne
640 (et monstre de vedermi voluntieri)
641 a
642 dette
643 littere
644 essere stata strutta
645 del
646 qual
647 un
648 Meredin, alla
649 puol andare si
650 scalla
651 della
652 sonno
653 di piera
654 da
655 quattro
656 duro
657 scalla
658 *Пропущено* e
659 da ogni banda con l'aque dolcissime per
660 sonno
661 uno
662 quale
663 rocca
664 alta passi
665 della quale
666 retrova
667 simele alla preditta
668 che
669 delle
670 de milgio
671 fochi
672 de seta.
673 *Пропущено* è
674 dire
675 *Пропущено* che è tanto alta
676 che *вместо* i quali
677 d'essi
678 loco allozzai
679 hospitale
680 Zanizubei
681 hanno
682 manzare et si sonno
683 pareno da conto
684 alli
685 tapeti de meglior
686 nelle
687 intravenne
688 stavami
689 sentando
690 hospital
691 vien
692 un
693 uno
694 capriolo -
695 et
696 et tolsese la tascha et cavò in suo libretto
697 incomenzò
698 legere
699 officio
700 mi si
701 ancora
702 *Пропущено* et
703 respondendoli disse ch'era
704 et mi
705 «Ancor
706 forastiero. Et però l'ò
707 Et
708 in tal
709 che mi faceva una gran maraveglia, confortandome al ben vivere, al vivere modestamente et desprezar el mondo
710 com'io menne
711 et
712 piaccia
713 de abbandonarlo
714 Meredino cavalcassemo
715 sei
716 a
717 Assanchipli (*A* Asancheph, *R* Assanchiph)
718 alla
719 aggionge
720 nella
721 piccolo
722 dextra habitationi di
723 et
724 sinistra se retrova
725 quale
726 edificata
727 'n ce sonno
728 vi habita
729 quale
730 fazzata de
731 sonno innumerabille
732 habitationi
733 sonno
734 de passa
735 zappano (*A* camminino, *R* caminino)
736 altezza
737 el
738 voltandose
739 manca
740 mercatanti di
741 mestieri Et *вместо* É
742 frequentata
743 e mezzo
744 el
745 la
746 habitationi
747 (*R* fiume il cui nome è Set, già fu detto Tigris = …река, название которой — Сет, раньше называлась Тигр…)
748 et larga
749 insino a
750 de
751 i
752 pesi stanno
753 toccano
754 puol sustentar
755 senne andamo
756 et lochi montuosi
757 troppo
758 lontani
759 due
760 quasi verso levante
761 delle
762 uno
763 torrioni
764 delle
765 della
766 demonstra essere
767 tre
768 et *вместо* è
769 habitada
770 et di
771 intrar, passassemo dui
772 dui
773 piera
774 passaria
775 delli
776 el
777 albero
778 sonno
779 ne' loghi *вместо* veloci
780 Bithlis (*A* Bettalis)
781 Issam (*A* Isan) Et
782 insino
783 loco
784 Menore, ma più tosto è da credere che el sii parte della Mesopotamia (*R повторяет M*)
785 si ritrovano
786 ancor
787 dalle
788 Sonno
789 reggione
790 vivono
791 come
792 *Пропущено* e
793 et
794 quale
795 de
796 zambellotti
797 quale
798 et
799 lavate et
800 comenzaremo
801 Tauro
802 Mazzore nelle
803 Trabisonda
804 vasene
805 syrocco
806 *Пропущено* verso el Sino Persicho
807 intrar di
808 sonno
809 aspri habitadi
810 chiamani Cordi (*R* Curdi) ch'
811 dalli circumvicini et sonno tanti
812 edificato
813 dirupi
814 brichi, sempre stanno in su i passi
815 a derobare; molti delli
816 lo danno
817 charavane
818 de llì.
819 Ho
820 della
821 de aprille
822 Chisam
823 de uno
824 mezza
825 venne *вместо* lontano
826 dalla
827 *Пропущено* in
828 l'imbassiador del signor
829 d'
830 *Пропущено* alta
831 Cordi et ditti ambiadoe, el mi'

cancellero insiemi con doi altri morti et doi altri feriti
832 et tutto
833 puro
834 tolse
835 et fuggiti
836 dui feriti ne
837 insiemi
838 *Пропущено* se
839 chilipho cioè
840 *Пропущено* da
841 Vasam città ruinada et
842 habitada da circa
843 fuoghi; dui
844 trovassemo
845 Coy
846 quale ancora
847 è
848 fuogi
849 d’artificio
850 lavorar
851 calipha
852 de suoi
853 appresso de Tauris
854 sopra
855 retrovassemo
856 (*A* turcimani)
857 compagni
858 venivano
859 dimandome
860 andavemo
861 respose
862 andavamo a trovar el
863 littere
864 drizavano
865 Rechieseno
866 che quella mostrassemo
867 dicendo che’l
868 gliel
869 mano
870 dettemi
871 massellata
872 quattro
873 et lassonne
874 Tauris (*R* Tauris che già fu detta Echatana, capo della Media = … Тавриз, который раньше назывался Экбатана, столица Мидии…)
875 uno cavarsora (*A* cavorstra), zoè
876 asaper
877 chi era
878 et
879 *Пропущено* d’ — andare
880 incontinente
881 mi
882 così
883 mi rendo conto che quello havea
884 tutti
885 dui
886 Vedime voluntieri et prima mi
887 *Пропущено* el
888 *Пропущено* ben
889 ben inteso ambassiadore et degli altri dui et dello
890 promettendo di provedere
891 alcuno
892 littera
893 Fecimela legger
894 conciosia cosa ch’ ritrovava
895 sapessero legger et interpretar
896 ch’
897 ch’
898 sui
899 modo consiglieri et
900 rubato et
901 nota
902 s’haveva
903 et
904 menne
905 ritrovai
906 signore
907 havea
908 et dentro d’essa uno
909 cinqui passi dove sentavano
910 suoi
911 .10.
912 erano
913 una altra
914 appresso
915 bacchetta
916 uno giardino
917 di
918 dalla
919 dritta
920 poi è cerca
921 trenta
922 lozza
923 quattro
924 sei
925 mezzo
926 lozza
927 a uno canaletto
928 de
929 lozza
930 el
931 uno
932 de broccato
933 cum
934 alle spalle
935 Al lado
936 quale
937 uno
938 moresca
939 simitarra, et
940 lozza era piena de
941 sentava delli suoi
942 lozza
943 di
944 *Пропущено* a esser
945 sonatori
946 tenivano
947 roverse, cioè capipiedi; leuti
948 zimbali et canti (*A* tutti *вместо* canti; *R* canti)
949 seguente me
950 vestire due
951 quale
952 un iubo fodrato di varo (*R* barco)
953 zuba et fazol
954 zenzere
955 pezza
956 bambaso
957 mettere
958 et zio *вместо* ducati .20.
959 dir
960 maidam, cioè alla piazza, veder el tanfarugo (*A.* tanfaruccio), cioè
961 suso
962 piazza cerca
963 doi cotanto. Et li figlioli
964 erano ad
965 furono
966 certi lovi salvatici legati per uno pie’ da driedo
967 i
968 a
969 a
970 insino (*A* insino *R* infino) a mezzo la piazza
971 atto a ziò si
972 innantì
973 et elio li va a
974 alla
975 della
976 essere
977 atto
978 *Пропущено* per saverse
979 brancava
980 brazzi
981 poter trappar
982 *Пропущено* de
983 cavalli
984 li
985 et
986 terra et parte in quell’acqua, la qual passa
987 et
988 stracco
989 facevan venire
990 Et
991 condotto
992 signore
993 loco
994 de
995 sentar
996 loco
997 Et
998 sentare
999 lozza et
1000 *Пропущено* le
1001 loro conditioni
1002 *Пропущено от* a la *до* et avanti
1003 a ciascaduno
1004 uno bazzil
1005 quale
1006 inchistarra de vitto (*A* ingristera di vino *R* inghistara di vino)
1007 tazza
1008 mezzo
1009 ch’
1010 mandati
1011 uno
1012 El quale fu primo
1013 cathena
1014 quale
1015 linguazzo
1016 barbut (*A* baburcht *R* baburth)
1017 simele
1018 pelo
1019 negro
1020 fazza
1021 tacche
1022 negre
1023 simele
1024 d’essere
1025 feroce
1026 fo adutto uno leone
1027 poco
1028 subito
1029 in aguatu
1030 el quale
1031 in
1032 furono menadi due elephanti, i
1033 furon mezzo il
1034 guardando
1035 signore bassarono
1036 come
1037 *Пропущено* li
1038 fare
1039 di questo fo poi menato a uno arbore ch’
1040 era uno
1041 *Пропущено* et
1042 havea
1043 et misse
1044 arbore
1045 scuriate
1046 fo
1047 zirapha
1048 quale
1049 zirnapha
1050 uno
1051 corto
1052 sonno
1053 l’onga
1054 come el boe
1055 pillo
1056 pavonazzo
1057 pro rata la pelle
1058 et piccoli
1059 el loco
1060 biancho
1061 pelo
1062 longetto
1063 corne piccole
1064 uno
1065 uno
1066 brazzo, pavonazza come la
1067 lingua
1068 et
1069 ha
1070 presenza
1071 simele
1072 ch’uno
1073 furono
1074 gabie
1075 colombi
1076 simile alli
1077 ch’
1078 el
1079 uno poco
1080 de una
1081 delli
1082 luogo
1083 altrimenti
1084 li harian
1085 questi furono
1086 papagalli
1087 becco
1088 di
1089 et
1090 di
1091 *Пропущено* che
1092 lo zibetto
1093 *Пропущено* da
1094 e
1095 *Пропущено* dove
1096 fo
1097 ch’
1098 ambassiadori mi
1099 et dissemi ch’
1100 bonahora
1101 ch’
1102 fu et
1103 fu
1104 fo
1105 mi
1106 Rispose ch’ ‘1 meimendor (*A* il mio mandare)
1107 il
1108 indignato
1109 et
1110 otto
1111 intercession
1112 battuto
1113 chiamare
1114 trovoli
1115 loco
1116 fo posto el di avanti
1117 di
1118 delli ambasiadori
1119 trionphi
1120 suoi
1121 et
1122 et
1123 nella lozza
1124 più de 40
1125 delli
1126 circa
1127 delli
1128 circa
1129 tra due
1130 circa
1131 piazza
1132 *Пропущено* circa
1133 .2000.
1134 expettation
1135 manzare
1136

mezzo el
dui ambassiadori
furono
mezzo el signore
incontinenti si comenzorono a portare
et
ch’
I
li
circa
uno
haveano
brazze
cinque
sottilissime delle quale
Пропущено sesse
mettere
cinque
hanno
pezze
in brazzo
novi
mano
tazza
nelle quale
como dinotorò
venneno
charmi et pedìene
porzellane
legno
portate con stanghe
quattro homeni. Passato
Пропущено e
a
el
ambassiadori se (*R* ne le parti de India = …в краях Индии…) era
che ‘l
musolman
machometan
che ‘l ne era dui
et
erano
et dissemi che’l
darme uno poco de tanfarazzo et mostrarme
d’
mi
uno
d’
uno
coratti .2. et
dui
dui
caratti
do fili
de lire cinque
vintiquattro
de lire
uno
caratti
camino, i
essere
dalli
delle reggione
Mostrate che ‘l mi
meme
di
Пропущено subzonzendo = приговариавая
l’à
Пропущено de là zoè da l’elpho
bello et
mazzore
Пропущено от Drieto *до* «Io
mostrare ancora
taccia da
putto et
fazoletto in mano
brancarla
col fazzoletto et
toccarla
mano.
Пропущено esso
risguardò et rivoltato
sui sorridendo
como
et
de
taccia
quella taccia
forato della
detalo
et
colore di caratti
quale
vecchie
ancora
vecchie
et
che fui
ello
paviglione
allhora me
d’essa et
fava così fatti
resposi
mi
et
fare comparatione coi
loggi et sui, conciosia cosa che
maggior potentia era la sua che
et
niuno non
simel
Пропущено et
lavorada di legnami
d’
e fasada
seda
et
et nella
П р о п у щ е н о ognio
fornita de = украшена (*A* coperta *R* coperto = покрыта)
de
quattordici. Di
Пропущено a
recamata, distesa in fozza
uno bello paviglione
boccasin dalla
dentro
lavorato et
cammera
tersia
radice de
et intaiada
trovò
Пропущено insieme = вместе
davanti a sè uno
ingroppato
qual
et
filsa di
colore
caratti .50.
uno
d’
deto
un cantori
littere
mi
ch’
et
l’haveva voluto
littere
seria
iudicio
quello
et
Пропущено et egli a me = а он мне…
tenne pare
Rispose
viddi
uno simele
trove
paragone, et selli dessi predo
s’
simele
saria
constretto
Guardome disse pian (*R* pian): «Cataini
occhi hano el
dui
Catanini et
«Bene el vero», et
«Io ho domandato
ambassiadore
pole valere
Повторено a questo ambassiador
haveva
oldita
ambassiadore
imperador
Пропущено el qual
ritornava
Cathaio
della
acceptai
suoi
havere
Cathaio
come
della
del
et
ch’avessemo
come
debbiamo
appresso
pratichiamo
loco
venneno
Et soggionse
dui occhi
uno». Et
П р о п у щ е н о azonse = дополнил
sorridendo
Et però
il
mi mostrò uno
unce
alla
di bello
et
uno
quale
una cosa
essere di
Mostrommi
et
el ve
d’una barchetta (*A* brocchetta), suso el
cinque
mezzo
caratti
l’
caratti
mezzo delli
di
imperoch’
vecchie
et de
et di zambellotti
fodrati di
et de armellini
Пропущено e
de zebbellini
dissemi
sonno delli nostri panni della terra (*R* Iesdi)
sonno
uno poco troppo».
Пропущено poi
di
foi
et disseme
uno
de tafarango». Et dettemi man
chamain della grandezza
in el quale
scolpita
di
driedo et
girlandetta
et
Risposi de non, e lui disse
desi che ‘ll’era qualche donna antiqua
burbares
la
di
uno
Poi mi
tre
caratti
de
et
verissimo et l’
caratti
dissimi «Sonno
zoglie
digandoli non
mano uno mazzo di
quaranta
ciaschuno era de quelli
perle trenta
caratti
sie
d’
zoieler
desconze
mettere
uno baccil
circa
quaranta
pere
zucche de
Пропущено tutte = все
et
et soggionse
sorridendo
tenne mostrarla
a suo modo di notte
fu alla circumcision
dui suoi
seguente
andendo
essere anche lui
nella
un
: in el
formenti
fare
et pagadi
luogo erano drezzati
voltosi
Пропущено de quelli
ch’ et

et
de
menne
quaranta de
et
quello dello Cayro et di Buorsa
iudicio
quanto
della
et
della
de San Mattheo (*A и R повторяют C*)
Fecemi
intrar
duoi
de
di
et altri
uno
cumulo
delle
quale
stelle
arzento, et mi
saranno
il
stelle
quaranta. Mi mostraron
due
di piedi
et
dentro
di tersia
menne
Nel
loco
otto
ciaschuna delle quale era
zucchero
fatti
di lire otto
tazette
confettioni di
maggior
tertie (*A* treggere *R* trezie)
Пропущено altre = другими
confettioni et
a chi
dare
dei
quattro
cinque
fo
fra
sequente
retrovai
insiemi
quelli
haveano
de sopra el
Пропущено e
al
et
«Andate vestire
et
nominandogli. Li
lì da
et li levavano li
et menavan da li da li vestiti et vestivali
loro
a
Пропущено le
stelle, a
Пропущено altri
i cavalli
iuditio furono
quaranta
Пропущено da
quali fu ancora
queste
et comenzorono
e
insiemi
cappello in
de un
zuccaro
scape et
al
Zinchari
poco
che stava
guardare
Mostrò
Пропущено el signor
dovea essere
cappello
et, chavatosi
fosse
diserto
riavendoli
del
sapea, e ‘l
quel
et
«Dalli de chamocato».
elgi
pezza
menavala a torno
cappello et delli
homini et
et
buttava
ballava et buttar
pezze per insino
vintitrè et
potè
boccasini, zamellotti
de pezze
comenzorono zucat
brazze
venivano
al
cum
camozza fino alle cavecchie
afferravano
et l’uno
schivavano della
coppa
elgi
alzando et cercava buttarlo
s’
buttato
lassavan
quattro
buttavan el
venzeva.
Presentatosi da poi avanti
che pareva
zigante
che dovesse zuccar
uno
Et
s’ingenocchiò
et
risposo
nol
zucar
zucato
strenzer
morti
lo fece
zovane
et
circha
zucatori
fino a
dui
a tal festa furon donate cose
Пропущено et
spetialmente i bazari
la robba
uno
correre
et mezzo
d’uno
tutti onti de
conservatione di
comenzavano
uno
e
a ziò
frezza bollata
a
i
essere
havevan
vedere ch’
indrieto
eran
anco una frezza, et così
bon
gamme
et
el
Пропущено più volte
camino
anco fu preposto simil
sonno
signore
camminavano descalsi
et
trottare
continuo
Fatto
Пропущено deliberò
andare
el loro
s’io
andare
Пропущено e stentar
a
et
Risposeli che m’era de essere
et desiaso
trovava
reposo
risposta
cavallo
uno paviglione et
aduncha della
essere megliore
.10.
Cum
andorono
sui fioli
poco
notarò im parte et
lassare
alli
coriosi
quelli
Et stato adunca
finolo
quale
nella Bagadath
Babillonia
el
et feceli
seta
.40. *вместо* per i
fiol
apresentati
et
medemo istante
le
fui
li
nova
fiolo nominato Ogorlu Maumeth (*A* Ogarlu Mahumet *R* Gorlumahumet) havea
sotoposta
Пропущено questo
gli
che’l
elgi
Пропущено incontinente = непродолжительно
si
Пропущено e
et se
quale
eramo miglia
prestezza
mezza
vesporo
facemmo
havria zonti
credere
et femine, putti et in cune, potessimo
et pompa che
mancasse el
el
qual
simile non seria mancato
et tutti altre
necessarie
l’ò
el
lo so
s’
capitaranno
Пропущено i
capiteranno intendono s’io
el
et quelli
capitare possano credere
così
spetial
de
Пропущено i
sonno
el
sieco (*R* seco) la mogliera
fioli et
Пропущено et
et la
havere nel
gambelli et
quelli
de
Quali
putti
latte
arcion
bayla
sonno
altre manco
de
suoi felzi di
et sea
(*R* sinistra *вместо* zanca)
tenevano
et
dretta cazano
battendolo
li
ligata
piccolo
putti
sonna da latte
algune pergolette che non sonno di là, qua et di là
et
accompagnata
altra, le sue
et
loco. Li
seguino
et sonno
uno
mezza

vanno
de tella tessuda di
si non per essere
nelli
essere
per el
facta
di
Пропущено in
circumdata de
toccava
dell’
suoi homeni
et
le quale
così
Пропущено la
fin a
sopravidendo et descrittion
però
tolse
de
come se
chi
ch’
Пропущено i
et
et
come
ordene
fameglio scorrando questo laudava,
de
buttava
Fata
descrittione et
et
delle
quale
qual’ i’ò qui sotto descritto
Gambelli
Cavalli
Aseni
(*R* .20. mila)
circa
e quadretti
di
ligate
maiette
quale usandone
Li
erano
de
di
zuppe di
non havevan
Пропущено da
frezza. De coperte
in nel
di
delle
habbiamo
Besche (*R* Beschent)
lingua
dire
qual
dui
Пропущено è
quelli
mestiero
s’alcun forastiero
imparare
mistiero
fia accettato
sigurtà
l’altri a fare
mestiere
così
gentili et
Livrieri
Bracchi
Famegli gambalieri bazzariotti et
Cum
Femine et mezzane
Пропущено in summa
Putti et putti de anni .12.
Putti et putte in cune (*R* cune) (*A* in adulte pargolette)
suma
et
Пропущено sono
lanze circa
Targere in numero
.1000.
et chi un’
bazari sonno
pretio et maestri
E prima maestri
vestiti
de maestri
selle
frezze et
gran
sonno quelli
pan, carne (*R* et tagliare carne = и разделывают мясо) et
vendino
Пропущено e vino
ordene
tutte. Sonno
spetiarie
poco
in Vinetia
vin
raxon
quattro
marchetti tre et quattro
marchetti tre
marchetti
marchetti tre
meloni di
Senne trova
marcelli otto
feradura d’un
marchetti .36. (*A повторяет M; R повторяет C*)
zegne
et selle e
carestia
vendere
Пропущено i
quelli vaglino da
di
de
mercatanti
chiazzo
fiano
quattro in
et sonno
et piccoli
de
me
due gobbe
lavorate
et
di
delle
et
suoi
Li
li
et
robbe delli patroni
case
de
Пропущено ne
do milia
sonno
Пропущено e
di quelle sonno
de
istesso
de
milli così
Пропущено Et
cum
simile donne
lumere
Пропущено le qual
et
.500.
quelli
correri
una bandiera
bianca et quadra
sonno dalla
circa
ch’
el so’ signore
lo lor
stanno alla
Пропущено è
mi parti
(*A* fuori di man, *R* fuor di man *вместо* straman) circa mezza
Ssoltania ch’
Пропущено la qual
essere
uno
quale
essere
già quattro
d’un
Panza
De
quattro grossere di quattri
alta cuba è
Пропущено de
quale
Пропущено quella de
Zuane Polo de
de tretanta larghezza
di
d’una
‘n ce sonno
delli signori ch’erano
mezzo di
porta è un’altra simele et
doi
menora
lato
ch’ha quattro
dui
dui pizzole
balestrate della
sonno
.4. quarte d’uno brazzo e grosso mezzo brazzo intagliati
al bario a foiami et desegni
i quali
battudo ch’
et
Lo cielo si è delle
ch’ho
de
stanno
sonno
piccoli
naranze
sculpito
loco
manifactura
e de l’
non è maistro
Пропущено nostro = нашем
che li bastasse a
de fare si
circunda
et
comprendere
fare da
fo
come
de ch’ho
ch’uno
fiolo
(*R* Siras)
levà de lli
sequir el
incontinente me
Soldania
all’hora me ritrovai
Colpercham
vol
lingua
Signore
piccola
monstra da havere havuti
edificii
se
.2.
fuochi
In nel
luogo
et
indriedo
ch’io stette
fui
che havesse
che lingua, però fo necessario l’
oltra el
delli
de lli mene
el
el
sollecitava el so’
ad
Uno
lui signore
de
della
quale havea cinque
fioli
honorati
signore
appresso
signore
che fusse
ch’ Agorlumaumeth (*R* Gorlumahumeth)
non li havea mostrate, et
beccaria
fusse tolto dui onzini di
cum
s’appicca
et
fusse ficcato
spalle
lato et cusì lo
apicato
s’appicca
quale de lli
due
moritte. Et
Ogurlomaumeth (*R* Gurlhumahumeth)
veniva ad
si havea
de llì et stavasi di fuora et
Пропущено lo
et che
apparecchiato dove
volesse
li
desse dinari
reggion della
sino
Пропущено nui
reggion

2071 cenerizza
2072 et
2073 acque
2074 però
2075 zaschuna del quale
2076 di
2077 fructì
2078 facti
2079 forza
2080 acque in modo
2081 mal si puol
2082 menarle
2083 et
2084 dalle fiumere
2085 et le menano
2086 alla fiumera
2087 d'appresso
2088 simele
2089 uno
2090 dreto
2091 *Пропущено* verso
2092 loco
2093 togliono
2094 a scendere
2095 canaletto
2096 profonde
2097 il
2098 della
2099 *Пропущено* di
2100 Et
2101 cerca
2102 canaletto
2103 simele
2104 et cosi de
2105 canali
2106 fornito ditta
2107 della
2108 el gè
2109 acqua
2110 quelli
2111 aquedutte
2112 et
2113 de
2114 et
2115 fiumera
2116 fosseno
2117 potria
2118 frescha
2119 meglior
2120 scettari
2121 ponno dare acqua
2122 legnami
2123 qual
2124 cuse
2125 albori, delli
2126 tanto
2127 lochi
2128 loro
2129 però
2130 tra loci
2131 i
2132 dalla necessità
2133 constretti
2134 dui
2135 tavole
2136 dui
2137 (*R* soazata)
2138 et lavorada di fuora
2139 et
2140 necessarii
2141 *Пропущено* è
2142 *Пропущено* de
2143 si
2144 pezzi. Di
2145 le case
2146 confermation
2147 sia
2148 arbori
2149 piccoli
2150 nè in o in
2151 fiata
2152 el
2153 miracolo
2154 ligatte in pezze et strazze
2155 dando
2156 di guarire da
2157 infirmitade
2158 ne sia
2159 stanno
2160 cantando, sollazzando, ridendo
2161 Sequemo el
2162 (*R* Saphan)
2163 quale
2164 et perinfin
2165 è murata cum terreni et
2166 et
2167 borghi
2168 sonno cusì
2169 nella
2170 essere
2171 dal
2172 essere ricca
2173 così
2174 et
2175 .10.
2176 della
2177 voler metterla
2178 *Пропущено* esso = он
2179 conzate
2180 poco
2181 rebellato
2182 so'
2183 comandò
2184 sachizata et
2185 ch'
2186 i quali obederiano alla
2187 cosi
2188 sentetti
2189 quelli ch'
2190 così
2191 le teste delle
2192 et
2193 vienne
2194 minò et desipò
2195 sexta
2196 *Пропущено* e
2197 el
2198 cum
2199 dentro
2200 et
2201 et
2202 et
2203 innumerabili
2204 mercatanti
2205 loro mercantie
2206 delle
2207 della qual
2208 quello
2209 loro) l'havea
2210 Cassam
2211 populata
2212 mazzor
2213 volesse per un
2214 compra'
2215 ducati .10000.
2216 trovarla
2217 circha
2218 *Пропущено* è murata = окружен стеной
2219 et
2220 poi a Cam (*R* Corno)
2221 volge
2222 *Пропущено* et
2223 vivono
2224 zardini
2225 et meloni
2226 quelli
2227 sonno
2228 di
2229 et dentro
2230 dolci
2231 uno zuccharo
2232 .2000. Sequendo
2233 Rex (*R* Iesdi)
2234 mestieri
2235 et zambellotti
2236 *Пропущено* et altri simili = и другое подобное
2237 Penseranno
2238 sanno
2239 l'àn
2240 meglia cinque et murata
2241 et
2242 tesseno et mestieri
2243 Strana et da Lazi (*R* l'Azi) et dalle
2244 l' Ragathai
2245 el
2246 meglior venneno da Rex (*A* Iesdi)
2247 delli suoi
2248 grande
2249 da la
2250 da Razzathai, da
2251 (*R* de i Cini et Macini) et
2252 Cathaio
2253 (*A* Bursia)
2254 et della
2255 In modo che vole
2256 della
2257 et
2258 togliano de questi et
2259 uno
2260 va in nel
2261 quale
2262 sonno botteghe et in mezzo
2263 loco
2264 botteghe
2265 due
2266 cum
2267 Costui insiemi
2268 li
2269 entrono et
2270 cognosseno
2271 bottegini, ciaschuno
2272 et
2273 sonno
2274 mercadanti, sentano
2275 bottega
2276 di
2277 altra
2278 brazzo et
2279 stanno
2280 si vedeno cose
2281 piace
2282 et
2283 piase
2284 pretio
2285 *Пропущено* et
2286 el
2287 tolle
2288 botteghino; esse cose
2289 spazzano
2290 uno
2291 fare
2292 roba
2293 el bottegino senne
2294 et
2295 insino a l'
2296 vestro
2297 a togliere i suoi dinari
2298 qualchuno
2299 che toglie
2300 robe
2301 de
2302 el
2303 Dicese
2304 vole el
2305 dui
2306 sonno
2307 (*A* diecimila)
2308 de
2309 zambellotti et
2310 di che se fanno di seda
2311 puol fare
2312 senne fazza
2313 el
2314 fatto fin qua
2315 drizza
2316 syrocho, tornerò
2317 levante, che partito da Thauris fino a Spaham son venuto quasi per levante. Et prima dirò et principaliter, = …востока, которая ведет от Тавриза в Спаам [Исфахан], расположенный почти на востоке. И, скажу, первый и основной… (*R* di Siras *вместо* et principaliter = Шираз *вместо* основной)
2318 terra di sopra nominata, la quale è l'ultima della Persia alla via di levante = город, упомянутый выше, который является крайним в Персии на дороге востока… (*A* levante, ove prima si trova la città de Syras la quale)
2319 li
2320 merchadanti
2321 et perché
2322 *Пропущено* i merchadanti = купцы
2323 per le
2324 de
2325 Eri
2326 San Marchante (*A* Sanmarcahanth *R* Sammarcant)
2327 et da lli (*A* et da Nisu *вместо* e da lì in suso)
2328 venir
2329 della
2330 pasavano
2331 et
2332 reubarbari, semenzine. Et
2333 circumdata da
2334 terreni
2335 di
2336 cum
2337 amplissime
2338 et così
2339 et
2340 senza
2341 de
2342 Partendote de
2343 esse della
2344 et vassenc ad Eri
2345 nella reggione del Zaghatai
2346 fiol
2347 noi Bassath (*R* Busech)
2348 però
2349 *Пропущено* un terzo = втрое
2350 terrizuole et
2351 quella
2352 Vasi
2353 uno
2354 greco
2355 lochi
2356 che
2357 pozzi
2358 quaranta
2359 trova
2360 instessa reggion Zagathai
2361 Sanmarhanth (*R* Sammarcant)

vanno et
(*R* Cini et Macini)
et del Cathaio, o merchadanti
Lavorasse
essi mestieri
Пропущено assai
et trovassi merchadanti
Et
della
fioli
Giausa (*R* Giausa)
intisi
questo
poco
due
et sonno
reggione
de
lochi sonno
zoie e
Cathaio del
Пропущено quello
ch'io
relation d'
ambassadore
venne
et ritrovandomi
alla
Пропущено in parlamento
de
Cathaio
proximamente
Пропущено intrato
Cathaio
et strato sempre
foron
perinsino
gionse
(*R* Cambalu)
et
merchadanti
passavano
Пропущено de lì
el signore
alla
fo
inzenocchiare
cavo del
un
de
e suso el
(*A* catedra *вместо* cariega = кафедре *вместо* кресле)
quale
spalle
quattro sentati, volto
de là
dalla
quattro
e
mazzieri
mezzo
calle erano
Пропущено alcuni
trucimenni sentati
facino
femine
fo
che
et
l'ambasiata sua
trucimanni exponean da mano in mano
over
Пропущено .4.
stavano
resposto ch'el fosse el
et
allo alloggiamento
li farà
resposta
li
più de
al signore
Пропущено a
referivano
et
come faceva bisogno
spazzato
di famegli
ambassador
figliolo = сын (*R повторяет C*)
lui, mi
luoco
quale
n'è
madia
in una piazza
et comenzando
se
cridare
portare
robe
fo
et
spada (*R* spada)
vedea in tratto
delle
Et
Пропущено istesso poi = подтвердил затем
ambasiadore, et soggionse
ditta *вместо* certa = названная *вместо* некая
havea
spada (*R* spada)
et
di driedo apresso lei
spad
andosene
bona hora
comenzò a cridare
«L'è
la ha
et simele
Dicesi
fuora
da ogni parte
sasso
o per
trovati, che
così forbito
de
Et
fosse
ch'
suspetto
o che di troppo
andandose
lamentare
et dimandare
ch'
atrovi
domanda, altramente
puol
de
al
delle mercantie inteso
merchadanti
loro merchantie
acciò
vanno
et essendovi
piazza al signore
li
all'
d'
de merchadante
luogo se
carta
ognio
Пропущено e
la moneta vecchia
se
el gi fi
Пропущено di
doi
de
vecchia si butta in fuoco
e
et farsi
Capitani (*A и R* Cataini)
quantunche
Zagathai
dicano
imperò chi
il sanno
mi
nel loro
Пропущено essi
così
facemo. Accadeteme
ch'era
standо
nui, come
de
el me passò
uno
Diedo (*A* Diedo)
vecchio et quale alle
de
de zendado
maneghe
se
zipon
un capuzzo
cappello de
maraviglia
delli
(*R* Cataini)
della
essere reggione
quale
di
et de suoi
aspetta
provincia del Cathaio
Tornarò
(*R* Tauris)
se trova et
fra
et
così da
se
fra
syroccho. Prima
quale
Cuerch (*R* Cuerch)
arrive a
dire
acque
d'
quali
sui
(*A* talafstimani *R* talassimani)
zoè
Quell'acqua
gran
et
cavallette. Dell'
et dell'
delli quali
Пропущено incommodi = напастей
quel che
crudeltà
un Francioso
e
de Mori
de
bagnarsi
acqua et
Пропущено poi
erano
ancora
Armeno
ch'
el
di
de quell'acqua
doi
ch'era
quell'acqua
fiasco
stettesi
doi
senne
et retornò
in nel
luogo in
retornata
trovandome
viddi
apiccato su uno
porto (*A* sporto)
dalli homini del
quella acqua
havevano più havute cavallette
viddi
ocelli
et
Пропущено i
ocelli de Macometto, ch'
de
come stornelli
cavallette
l'ammazzano
qualunche loco
essere
Пропущено de
acqua volano
essi, cusl
piccola
(*R пропущено* Rosso = Красному)
se
Ormus (*R* Ormus)
acqua che
pozzi
et quando
li
andare
tuorre
Пропущено assai
Persia India
danno
soldan
soldan
hostrege dalle
et perdono (*R* ne prendono)
de lli, doi
venivano dal
capitolo
cum
et zoie
Пропущено e
Colfo
d'Eufrate (*R* Eufrate)
qual
.60.
Abagdat (*R* Bagadeth)
Babillonia
quale
ciaschuno
è in
puol fare
fuochi
Et
vivere
dattoli, pistacchi et

2675 gran
2676 e
2677 i
2678 trovano
2679 del
2680 grandezza
2681 Trovasi
2682 dentro
2683 haver
2684 sonno
2685 manzar come sariano
2686 gragnoli dolcissimi. Trovasi
2687 de
2688 troppi
2689 ma la mazzor
2690 el scorzo
2691 *Пропущено* così come se curano
2692 naranze
2693 né
2694 se puol cazzare
2695 come
2696 uno
2697 tramezzadure
2698 mezzo
2699 *Пропущено* cha
2700 poco
2701 el
2702 misto de dolcezza
2703 de garbetto
2704 *Пропущено* o
2705 poco lignetto hanno di dentro del
2706 et cosi
2707 si
2708 bocca non è
2709 de
2710 covelle fuora
2711 quelle che si magnassi
2712 ancora zuccari
2713 esse
2714 confettion, massimamente de scyroppi
2715 fornisseno
2716 lochi
2717 all'
2718 sonno
2719 verso la
2720 è alla
2721 della
2722 e da là
2723 l'altra parte è Soria
2724 (*R* Arabia *вместо* Siria e Barbaria)
2725 quello loco sono macomettani
2726 colfo è largo in sì
2727 et
2728 lochi de llà
2729 colfo
2730 tre
2731 macomettani. El
2732 *Пропущено* re
2733 Ianni
2734 syrocco et (*R* per scirocco et ostro uscendo dal colfo = …на юго-юго-восток, выходя из залива…)
2735 così
2736 el colfo
2737 se
2738 Calacuth (*R* Calicuth)
2739 de
2740 quale
2741 come
2742 sala (*R* stapola)
2743 mercadanti
2744 lochi
2745 saria a dir de dentro il colfo del Cathaio
2746 conciosia cosa che
2747 de
2748 mercatandesca, d'ogi sorte et
2749 et
2750 Ritornando
2751 all'
2752 Ormus
2753 trova
2754 fa de
2755 et
2756 et
2757 colfo
2758 de
2759 Trovasi
2760 della quale
2761 et
2762 via sino a
2763 *Пропущено* et
2764 al Bindamir (*R* Bindamyr)
2765 el quale
2766 fare
2767 *Пропущено* el
2768 si
2769 un
2770 donde el qual donde da un lato dimostra
2771 fazza
2772 del
2773 quaranta
2774 Cymminar (*A* Cylmynar *R* Climinar)
2775 dire
2776 lingua
2777 e ciascuna delle quale
2778 brazza
2779 abrazza .3. homini delle quale però parte sonno
2780 quel si vede
2781 già
2782 edifitio
2783 pezzo de sasso
2784 giganti, et
2785 simele
2786 noi
2787 quale
2788 uno
2789 et
2790 quale sonno
2791 piccole
2792 uno
2793 appoggiato a arco, el
2794 essere
2795 de
2796 quale
2797 tengano
2798 soi
2799 lì di
2800 et
2801 minore
2802 ch'
2803 de
2804 et
2805 de
2806 benedittion
2807 d'uno
2808 essere dì Sanson (*R* Sansone)
2809 quale sonno
2810 et hanno capilli
2811 mezzo
2812 Doi
2813 loco
2814 (*R* Thymar)
2815 due
2816 è un'altra
2817 sepoltura della quale
2818 essere
2819 sepulta
2820 de Salamone
2821 d'una chiesuola et
2822 quale
2823 (*R* le quali dicono, sicome da quelli di quel luogo intendemo, «Messer Sulcimen», che vuol dire in nostra lingua Tempio di Salomone) «Mater (*A* Mater) Sultimen», zioè
2824 Salamon
2825 locho
2826 quelli de llà
2827 vol dire
2828 lingua Tempio de Salamon
2829 qual
2830 vien a
2831 Dehebet in nella
2832 *Пропущено* el
2833 zottoni, dui
2834 *Пропущено* el
2835 vien a uno loco
2836 (*R* Vargau)
2837 e bella terra
2838 essa se lavora
2839 et
2840 come
2841 Quattro
2842 più su se trova
2843 Desser (*R* Deister) et tre
2844 de
2845 una villa
2846 dalla
2847 ritrova Iex (*R* Iesdi), della quale
2848 de
2849 piccola, et .7.
2850 ha
2851 Guerde (*A* Guerde)
2852 quale
2853 Abrayni
2854 iudicio sonno discesi
2855 Habraam overo
2856 Habraam
2857 Due
2858 quale
2859 Naim (*R* Naim)
2860 fuoghi
2861 *Пропущено* da
2862 Dui
2863 da
2864 trova
2865 Naisdam
2866 due
2867 Nardittam (*R* Hardistan)
2868 piccola
2869 quale
2870 fare
2871 fuochi
2872 lontane
2873 da quella
2874 Cassam
2875 della qual
2876 tre
2877 (*R* Como)
2878 lontana Sava (*A* и *R* Sana)
2879 fogi
2880 *Пропущено* In tutti
2881 ogi
2882 e
2883 lontane
2884 piccola
2885 *Пропущено* e
2886 facciano
2887 Soldania
2888 de
2889 della
2890 loco de Thauris per andar a Strava accostandose al Mar di Bacuch, andando fra griego e levante, prima se trova Soldania, zornate sette, da Soltania ad Euchar zornate tre, da Euchar a Sava quattro zornate (*R повторяет M*) (*R* Euchara)
2891 Coy (*R* Coi)
2892 piccola
2893 Chos a Rchei (*A Пропущено* Rhei)
2894 terra piccola, mal habitata, .3. zornate d'Archei (*R* da Rhei) pizzola
2895 ad Sydam (*R* Sidam)
2896 pizola
2897 Sidam
2898 Tremigan (*R* Tremigan)
2899 *Пропущено от* terra *до* Bilan
2900 Istrava, dalla
2901 dominavano
2902 stravai (*R* stravatine)
2903 et
2904 de Bacuch
2905 sito
2906 sanno
2907 manzare
2908 el
2909 loco
2910 ritrovavano acque
2911 *Пропущено* e
2912 quelli
2913 casuppole
2914 caldare dalla
2915 tengano
2916 da seda
2917 questo logo
2918 innumerabile, in modo che
2919 excellente pastizza
2920 coxe
2921 pernice
2922 se
2923 scutella
2924 et due pernice (*R* due)
2925 magna pernixe
2926 quale
2927 suso el lito
2928 La Haribent (*A.* Lanzibenth), Mandrandari
2929 quale
2930 sonno le meglior
2931 vengono
2932 luogo
2933 loco - 2: - 5:
2934 de
2935 se
2936 Trabisonda a Tauris
2937 (*R* scirocco *вместо* garbin)
2938 Trabisonda
2939 et
2940 Mazzore el
2941 havea titolo de imperadore
2942 ch'era
2943 imperadore
2944 et volea lui ancora essere
2945 imperador dalla
2946 cosa che
2947 imperador
2948 d'imperio
2949 essere
2950 da quella
2951 et
2952 ditto de sopra
2953 (*R* scirocco *вме-*

сто garbino = юго-восток *вместо* юго-запад)
trova
et castellucci, vase
et
dishabitati
loco
se
П р о п у щ е н о ognio
circumdata da
Bayburth
et
ha il
fuochi
(*R* Arzengam)
quale
: ma adesso per la mazzor
distrutta
garbino (*R* tra levante e scirocco *вместо* ponente e garbin = на восток-юго-восток *вместо* запад-юго-запад)
doi
se
Пропущено lo
Eufrates (*R* Eufrate)
notatissimo
cotta
archi .17.
trova uno
quale
.5.
loco
fiola de 1’ imperador de Trabisonda (detta Despinacaton = называемая Деспинакатон)
loco
mazzor
caloieri
stanno
Moscont (*R* Moschont) e un
un
Terre
Пропущено da
fuochi
quelli
un
et
Carpacurth sopranominati
iurisdittion
nominato Coynari (*A u R* Coniari)
dire mandriari
arriva a uno castel
sopra un saxo
Pallu (*R* Pallu)
fuochi
quale
pure alla via
.4.
Пропущено più in là
arriva a un
qual
compagnia male
il
Trabisonda
Пропущено i
bruscate (*A* brusate *R* bruscate)
delle
Пропущено in quel logo
Le
de noxelle assai, della
di
di
in quale
(*R* Armenia Maggiore)
dire
come
et
se chiama
dire
nostra lingua
quali
sonno
tra nui a dire
Bianca et
Guelphi et Gebel...
overo Zambellani et Stramoieri (*R* Zamberlani e Strumieri)
titulo
ne son gran parte savii
uno
piccolo, al quale posta
Пропущено от in *до* una città
circa tre
Dui, tre
Пропущено più
uno loco
bello
et
quale
uno logo longo circa
Dalla
atorno del
‘n ce
Allarch (*R* Alart)
quale
foghi
mare (*R* Mare Caspio)
viazzo. Ecce ancora
è una
lontana
Vergi (*A* Herzil *R* Herzis)
quale
uno
se parte
da .15.
et
fino a Ergis sonno quattro
questi
fiume ditto Vergis. In Hergis sepoltura
Пропущено de la madre
fo della
Zagathai
Пропущено da
(*R* lago) el lago
et mezza
Пропущено in la qual
a Choy (*R* Coi)
dilla quale
un’
di
.5.
da quella
gran
il Tamburlan (*A* Zamberlan *R* Tamberlano). Trovase
et
a esso
et
in nel quale ce sonno molte insole
se
doi
Tessa
quale fra
due fanno
foci
veduti
lochi, salvo che tutti fanno
telle
gris, de
et
poco
seta
esso condusser
sonno de lì atorno
et
per griego
toccando uno poco da
mezzo
essere
ne
delle quale se facci; mentione
nella regione
della quale si domanda
ad uno
(*A* da 8000 in 10000 *R* da 8 in dieci millia) chavalli
Bacuch
la quale è li
dritta et
Mengleria (*R* Mengrelia)
Mazzor
quali sonno
al
Caspio (*R* Caspio)
fuoghi
milia
di
Пропущено e
et
lavori et mistieri
i lori
et nella
delli
Partendoti
(*R* Derbent)
come
è edificata da Ailessandro
quale
lontano
uno
Пропущено e
se vien
due alle
in modo
de muri
doi
Пропущено è
sassi
Derbenth (*R* Derbent)
modo vol
Пропущено e
i
loco
(*A* Temircapi *R* Thamircapi)
dire
lingua
et lo posse nome questo nome l’impose
conciossia cosa che
dalla Scythia (*R* divida la Media dall’Albania che hora è parte di Tartaria, di modo che chi vuol = отделяет Мидию от Албании, которая сейчас является частью Татарии…)
vol
(*R* Soria)
et delli
si
Пропущено da
a passar
nella Scythia (*R* Tartaria *вместо* Scytia) convien ch’
Пропущено altramente
intendesse i siti de lochi
poco
ch’
di
Mazzor
è *вместо* per
aere) sonno
pieno
e bene
loco
d’
signorotti
dei quali
de
de
essere
mazzor
dishabitade
qualchuno
fare
camino
Пропущено от de *до* ch’andasse
quale
suso el
Mazzor, a uno
Пропущено el
conviene che lasse el cavallo et
ne andasse
ascendere et descendere
el camin è de dui zornate
trova
della quale
ivi per
si
fuora
essere loco incomodissimo
preposito
casso
che’l
manza
insino
Пропущено in
spiazza
poco
e
Пропущено longo
driedo
stanca
andare
el quale
se
(*R пропущено от* De presente *до* dove)
reduceno
et
alla
Caitacchi (*R* Caitacchi)
separati dalli
alla
alla
da
(*R* Bacha)
di
(*R* Bacha)
appresso al quale
uno

3228 butta oglio (*A* olio)
3229 puzza
3230 s’
3231 a
3232 la
3233 a ontion di gambelli due
3234 ongendo.
3235 Nella
3236 de
3237 signorezza
3238 Timombei (*R* Tumambei)
3239 dire
3240 Signore di Dicemilia
3241 del quale
3242 delle
3243 berretta, simile
3244 e
3245 delle qual habbiamo
3246 nella
3247 fatta d’uno legno
3248 diametro
3249 uno
3250 o mezzo
3251 in ello quale ficcano
3252 bacchette
3253 divengono
3254 circuletto piccolo
3255 tutte
3256 de feltro
3257 loro
3258 et
3259 de habitare
3260 uno loco toglieno
3261 et menanole su i
3262 a habitare
3263 Ritrovandom’io
3264 signore, azonse lì uno
3265 quale
3266 tolto
3267 moglier
3268 fiola
3269 qual novamente
3270 scazzato
3271 s’
3272 stavase sentando
3273 alla
3274 visitato
3275 del
3276 et ancora
3277 *Пропущено* el
3278 azonzevano
3279 piera, s’
3280 meteva
3281 zoso et
3282 verso la
3283 s’ingenocchiavano
3284 due
3285 et
3286 luogo
3287 havutta
3288 haveano
3289 spalle el
3290 Timombei (*R* Tumambei)
3291 del
3292 viddi
3293 fuore de proposito
3294 ch’
3295 delle
3296 et della conditione
3297 *Пропущено* che
3298 l’habbitano
3299 ch’io recite
3300 hitoria
3301 Vincenzo de
3302 Domenico
3303 el quale
3304 nelle
3305 de
3306 partito za
3307 .X.
3308 faccia
3309 della
3310 che’l
3311 setta
3312 macomettani
3313 della
3314 et
3315 caminavano
3316 s’
3317 via del Mar
3318 et vennero
3319 Sanmacchi (*R* Sammachi)
3320 dopo Derbent (*R* Derbent) et
3321 e
3322 parte
3323 senz’
3324 Capitarono a uno
3325 Terch et nella
3326 (*R* Elochzi *вместо* Tezechia)
3327 in nel
3328 sonno
3329 locho
3330 ritrovati
3331 respetto
3332 morti tutte
3333 e maschi, putti
3334 questi
3335 et
3336 quali
3337 sonno
3338 fanno
3339 et
3340 el simele
3341 tornorno
3342 Cercassia, caminando
3343 Chippide et
3344 Carbathei (*R* Carbathei) ch’ambe sonno
3345 el
3346 Mazzor
3347 fecero
3348 quelli luoghi
3349 insino
3350 quelli di Tarcossa (*A* Titarcossa) et
3351 alle
3352 *Пропущено* gran
3353 .10.
3354 fugirono
3355 puotono intendere a quanta
3356 si
3357 Добавлено i
3358 *Пропущено* lì
3359 .1386.
3360 Dirò de Derbent
3361 quale parà
3362 insino
3363 ritrovano
3364 et
3365 *Пропущено* e
3366 nè
3367 excetto
3368 *Пропущено* cha
3369 salvatichi
3370 .20.
3371 ancora
3372 logo
3373 uno
3374 due àncora
3375 (*A* .80.)
3376 et
3377 esservi ancora
3378 quella
3379 molti
3380 áncora mazore che se
3381 insino
3382 apartient alla reggione (*A* и *R* regioni) delle
3383 mazor
3384 li occhi
3385 ritornerò
3386 et narrarò
3387 et
3388 de Thauris dette una
3389 *Пропущено* a
3390 qualunque
3391 singuli
3392 in uno quanto posso
3393 mila
3394 mila
3395 mila
3396 putti
3397 haver
3398 Adonca
3399 sette
3400 dretta
3401 alla
3402 del
3403 Mazzore
3404 intrasserm
3405 signore
3406 *Пропущено* El quale
3407 i suoi
3408 i loro costumi
3409 i
3410 facean et
3411 potevano
3412 i lochi et boschi
3413 havevano
3414 passare
3415 *Пропущено* e
3416 Noi
3417 fuochi
3418 havevamo da tegnire
3419 a Zafilis (*R* Tiflis)
3420 quale
3421 essere
3422 reggion
3423 abbandonata
3424 a Gori (*R* Gori)
3425 a
3426 alcuni lochi circumstanti
3427 forono
3428 instesso a una
3429 della reggion
3430 cum
3431 della Giorgiana et
3432 Gurgura (*R* Gorgora)
3433 ducati .1600.
3434 li
3435 lassasse
3436 excetto che Zifilis
3437 Pangratio e Gurgora
3438 dinari
3439 mandovi quattro
3440 così
3441 così
3442 suso l’ altare de
3443 Marcho
3444 signore
3445 *Пропущено* .4.
3446 dovessemo vedere
3447 stimare
3448 signore
3449 del
3450 Pangratio et
3451 Gurgora
3452 baiassi
3453 dire
3454 dovesse far bona
3455 consiosia ch’ancora
3456 signore
3457 feci dare
3458 *Пропущено* fu
3459 signore
3460 et
3461 *Пропущено* el
3462 ducati .4000.
3463 sella
3464 sonno molti
3465 dinari
3466 furono
3467 ditto loco
3468 lochi
3469 scorressero, forono
3470 zanccha
3471 reggion
3472 Gurgora (*R* Gorgora)
3473 Cotatis
3474 Pangratio
3475 quale
3476 terrezuola
3477 (*R* fiume che si chiama il Fasso, già nominato Phasis, chi mette nel Mar Maggiore = …река, которая называется Фасco, раньше называлась Фазис, которая впадает в Великое море…)
3478 de
3479 Scander (*R* Scander)
3480 pasente (*R* forte *вместо* passente)
3481 quattro
3482 quale
3483 ritornassemo
3484 quale è nella Armenia Mazzor
3485 trovassemo
3486 *Пропущено от* el castello *до* el monte
3487 de
3488 dopoi
3489 riposò la quale
3490 et puol
3491 due
3492 e la estate
3493 del
3494 piccolo ancora
3495 carco de
3496 Doe
3497 habitati
3498 *П р о п у щ е н о* d’ognio
3499 *Пропущено* intorno
3500 tutti
3501 catholica (*A* и *R* catholica)
3502 è *вместо* do
3503 monastieri
3504 dei
3505 de
3506 osservanti della regola di
3507 messe a
3508 lingua
3509 quale
3510 *Пропущено* manchò
3511 *Пропущено* venne
3512 de lli
3513 quale
3514 et Paulo
3515 retrovar
3516 essere recomandato
3517 l’intercessione
3518 dalla
3519 pontifice, che ‘1
3520 priore
3521 imperoch’era
3522 ch’bbe con
3523 cum
3524 Pangratio et Gurgora
3525 ch’bbe
3526 ritornare
3527 quale
3528 che non
3529 de
3530 prese

vignarne cum mio Assanabassador signor
mercatanti, dalli
ch’ho Agmeth
del Mulg (*R* Edelmug)
dello imperador de
è
appresso
imperador
Agmeth
ditto per
Пропущено de
el
havuta ottima
Пропущено le
quale
non ne
seguire et
Donde me
necessario
el
e ritornare a Tauris
Пропущено lì
retrovò
quale
della
moritte. Havea
tre d’una
d’una altra; in quella
tre
strangolare
.20.
loro
partirono
amazzare el mazzore
signorezza in fin
io ch’aveva havuta
et dalli
me accompagnò
Armeno
quale
Arsengam (*R* Arsengan)
e menai
me uno zargone schiavone
ch’haveva
Vestiteme delli drappi
Пропущено et
il
delle
quale
accadere
moreno
A dì .29. aprile
Arsengam
luogo stetti cerca
uno charavana
Aleppo (*R* Aleppo)
loco retrovassemo Cimis (*R* Cimis) Assegh (*R* Casseg)
zonzessemo a
chiamata
quale
et mercadantesca
da Arsengam
quale sonno
ivi son petrose e cattive
se
et lochi habitadi, ma non
della
m’
della
dovevamo pagare
mezzo meme
Пропущено in
un logo remoto
della
fece appresso
dalla
paghi
cinque
hai
dice Iherusalem (*R* Gierusalem)
«Vatte a recusare»
e
sacco et
ch’esso
me
ducati cinque»
della
così haveano
Пропущено che io andava
(*R* Sio)
trovare
loco
et fi
(*R* Sephex)
dire
ci nasce el
quale
mezzo
quale
Пропущено io
dovea essere
di questi dalla
«De, lassai stare»; elgi
el
con le mane
comenzò a
del
E disse colu della gabella a
haveva
matto
stu fosti matto» et fuori della
«Va
meme
Пропущено e belli paesi et
Euphrates (*R* Euftate)
zonzessemo
Aleppo, della
parlarò
son lochi assai domestici et terra
et
merchadantescha
loco
mocato (*R* mucharo), ch’in nostro idioma vol dire guida
el
lo fameglio
venire alle
Barutto (*R* Baruto)
mezzo
de Mamalucchi (*R* Mammalucchi) quali zucavano
de
ch’ebbeno
comenzorono strenzere le loro cavalli
andarne
fameglio
andare
Пропущено insieme
dreto
che fui
Mamalucchi
già m’
doi tratto
pochetto
d’essi
et
monstrando di
accostai et dissegli
andate ?»
qual io dissi: «Dove
me
domandò
rasone
simele
et io resposi
havea
uno
de
hora era (*A u R* era)
Aleppo
dinari et
lo havendo
Barutto
pietà (*R* pietà)
ch’ebbe
Пропущено et disse
del
e gionse al
quale, come
vide incomenzò a ridere
significare
dire e usir dalle mani
Mamalucchi
sapeva
zonzessemo
Batutto
de llì
quale
(*R* Cipro)
aiuto de Dio meme venni
Parme
Пропущено ho
ch’etiamdio dica
apartinente
relligione
de mala conditione o compagnia ch’
lochi
adonca
Sammachi (*R* Sammacchi), allozai
a hospitaletto in nel quale
Пропущено una
uno
seppoltura
uno
longhi
Пропущено salvo cha = только
poco coverto
di
quale
Пропущено in terra = на земле
pezzo de stora
quello
esso facea
vegniva
vostro patre?»
Пропущено E lui a me = А он мне
«Patre
bene
è questo
trenta
fatto
vogliogella fare ancora da po’
essere seppellito ancora
luogo
veduto del
Пропущено de
così
ritrovandome
della commemoratione de
in nel
zorno
appresso
commeration de
vegna
viddi
uno, poco
appresso da una seppultura
spetialmente
et cornacchie
fossa uno
ch’
resposono che ‘l
un santo
si
simele
voi
zorno
magnare
come li chiama
vene per uno sentito
soggionse
vederete»
adonca appresso de
havea
scudellotti
insino
magnare
mani
a
d’
li porgeva
disseno
miracoli
iuditio
appresso d’
bono intelletto
patie
el
Mazzor
quale
si
Turcomania (*R* Turcolania)
zorno el
venire
et per venire contra el
della
et
insino alla città
Heri
et tratto
uno bastone
haveva
cattivi de quali
parole, eccoti tutti
Пропущено et
bona maniera
el
Пропущено et
resposto
dovea essere
l’inimico
cattivi
haveano
la havevano
ch’
insina
honore et
rompette, conquistò e vinse
a Heri
redusse tutto el paese a
della
li
ricogliere et trattare
de llì
zorno
ciaschuno
quale
magnar
d’uno
Пропущено né

manco
zorno
campagne
suso uno
brazze et
el
quale mano le
accostumato
de
patia
darvis
zorno
d'un
de
darvis el quale
Turcho domandò come
darvis et
pazzie et se '1
et se '1 magnava
elgi respose
pazzie
et
over tre che '1
pazzie
fidava
sguarzava i drappi
zorno
ch'
Пропущено in
Spam (*R* Spaham), ello quale
palazzo
fare Ugurlu Maumeth (*R* Gurlomahumet)
quattro over cinque
volendone
respondeva
el trasse del
cattivi
redando
al
come
dinari
Пропущено et egli
respose
li
deputato
e più
havea
puol
paci habbino
appresso di loco
faticha et
s'aquista
santi
seppolture
loro
ritrovati
et
vecchi e putti
a grumi (*R* grumi) con le
impiate (*R* accese)
qual
lingua
fornito ch'
de lezzere et orar
portar da magnare
luogo et
et
quelli
sonno
sono
quelli
s'
qualch'
delli
In le seppulture
sassi drizzati
denota
seppulto et alcuno
cappella
Et
delle
simulatione de
Idio
trovasse simile
ovvero fossero pointe
dirrò, che vui direti che'l primo serà
cattivo. Trovose
machomettano
loro
santo
quale
come
delle cose della loro
fatto un bon
che lo sequitavano
che l'havea
volea farse
un
quaranta zorni dezuno
de uscirne
lesione nulla
el quale
gesso
adoperava
fare
casetta rotunde
fo ammurato, et ritrovandosi in nel
de quaranta
se stopivano
quale
sen tette ch'
stufo de
sapore de
trovò
a 1'
del signore
quale
mane
chad luscher (*R* cadi lascher); fo
et insieme uno
el
tropo
confessò
et l'altra
uno
li
bruodi
trambedoi furono
alla
ch'
Пропущено in quei logi (*R* 1478)
Piero de Guasco (*R* Guasco) genovese
quale
im Persia, senne
stette
.3.
adomandato delle ne disse ch'
zorno
Пропущено essendo
Tauris
Armeno
Coza Mirech (*R* Chozamirech)
ricco
bagaro
orexe
azzi
santo
renegare
et farsi macomettano
et
impazo
dinari
dargli acciò che lassassi stare
Пропущено li
dinari
rineghi
renegare
stare
Пропущено cusì
come
fina
a
ch'
detteli
lo amazzò
fuggette
cerca
quale
in botega incomenzò a piangere
bottega
signore
di haver molta molesta
che 'l
et
cercare
qual
due
et
avante
quale
dare uno cortello et
mano l'amazò et comisse
buttato in paga et
acciò che cani lo magnasse
de Macometto cresce
Approssimandosi
ch'
della loro
duram cassam
Пропущено el
della
saria a dir
hospitale
preciato
quale
sta'
del
domandorono
levare
non li
sel tolse
seppellitte
ch'ebbe
signore
Пропущено imperochè = поскольку
piazza
palazzo
cassam (*R* daviscassun)
et
al qual
de comandare
fo
Driedo
Пропущено Da poi
porte
et
et
comenzò
sachigiar
.3.
dovessero restare de sacchizare
alla terra
d'
venire
Caza (*R* Chozamirech)
et confortollo
accarezolo
amorevole *вместо* humane
Cozamirech (*R* Cozamirech)
et
ottima
Et
quante alle
della
ch'l
quelli luoghi. Et
alla fine de l'opera
quel megliore modo ch'
luoghi et tempi
fornita de scrivere
.1487. al
Idio
Пропущено et
et
С Пропущено от quivi *до* Persia (*R заменено на* Il fine del viaggio di messer Iosafa Barbaro alla Tana e nella Persia = Конец путешествия господина Иосафата Барбаро в Тану и в Персию).

Примечания к тексту перевода

[1] Дата ошибочная, в действительности должен быть 1473 г. Указание на 1471 в г. самом начале сочинения породило досадные ошибки в современных публикациях (Ахмадов 1984: 41; Виноградов, Нарожный, Нарожная 2001: 131). Дата действительного отправления посла определяется по выданным ему инструкциям (Скржинская 1971: 78, прим. 59—61; Barbaro 1973: 260—262, nota 175; ср.: Волков 2006: 285).

[2] Этого посла звали Хаджи Мухаммед (Azimamet, Azimaumet) (Barbaro 1973: 263—264, note 176, 177; Cornet 1852: 12, 16, 29, 32, 36—38, 40—41, 92, 121—124).

[3] Также Хасанбек или Узун Хасан (871—883/1466—1478), представитель династии Ак-Коюнлы, или туркменов Белого Барана (Лэн-Пуль 2004: 183—184).

[4] Легкие и тяжелые галеи отличались пропорциями (легкие — у́же), числом мачт (легкие — 1, тяжелые — 2—3), грузоподъемностью, маневренностью и скоростью (Карпов 1994: 18—19; Шершов 1994: 53—57).

[5] Движение тяжелых галей позади естественно из-за их тихоходности.

[6] Поручение И. Барбаро было дано дожем Никколо Троном 28 января 1473 г. (Скржинская 1971: 78; Cornet 1856: 68—75).

[7] Караман (Карамания) — область Киликийского Тавра, занимавшая полосу побережья Малой Азии, граничащую на западе с Антальей. В области после распада державы Сельджукидов правила династия Караман Оглу. Основателем династии был тюрок Караман. Верховным правителем Карамана в рассматриваемое время был Пир Ахмад ибн Ибрагим, начавший править с 869 г. х. (1464—1465 г.). В конце царствования его соправителем был младший брат Касим, вплоть до смерти в 1474 г. Караман окончательно завоеван Османами в 888 г. х. (1483—1484 г.) (Kramer 1927: 789—790, 792—797).

[8] Точные характеристики оружия затруднительны, поскольку они менялись с течением времени, а названия дают только самое общее представление. Бомбарда — из числа ранних артиллерийских орудий, применявшихся при осаде крепостей. Спингарды и скопеты — легкая ручная артиллерия.

[9] В сенатской документации железные инструменты перечисляются более конкретно: «ломов — 300, мотыг — 3000, лопат 4000» (pali ferrei CCC, zappe 3000, et badilia 4000 et quequmque alie artigliarie que collegio vise fuerint) (Cornet 1856: 66, doc.52, 11.01.1472).

[10] Этот офицер был знаком Барбаро по службе в Албании (Barbaro 1973: 267, nota 183).

[11] Слово «provisionadi» обозначает людей, находящихся на содержании, стипендиариев.

[12] Барбаро прибыл в Фамагусту 29 мая 1473 г.

[13] Фамагуста не изменила своего названия до настоящего времени, это главный порт острова, расположенный на его восточном побережье.

[14] Папа Сикст IV (Франческо делла Ровере) (1471—1484). Один из участников антиосманской коалиции в составе германского императора, Франции, Испании (Кастилии и Арагона), Венеции и Неаполя.

[15] Фердинанд II (Католик) (1452—1516). С 1468 г. король Сицилии, с 1479 г. король Арагона, в 1479—1504 гг. король Кастилии как муж королевы Изабеллы. Во время его правления заложена основа единой Испании, в 1492 г. он отвоевал Гранаду и завершил Реконкисту.

[16] Сочетание слов «fra terra» встречается в сочинении Барбаро дважды, в первый раз в связи с территорией России, при указании на местоположение области Кремук (Скржинская 1971: 128, 153, §42). Буквально — «среди земли», что отражает обычное для морских народов разделение суши на имеющую и не имеющую выход на морское побережье.

[17] Разрешение на задержку до определения безопасного пути к Узун Хасану было дано в поручении от 28 января (Barbaro 1973: 268, nota 188).

[18] Допустимы разные варианты перевода: «на суше», «на земле», «в городе». Неоднозначность возникает почти всегда, когда в источнике использовано слово «terra». Во время первого рейда вдоль азиатского побережья (07.05—21.06) Барбаро был вместе с послами, представлявшимися на Кипре (Cornet 1852: passim) и караманцем Хаджи Бакром (Azibachir) (Cornet 1852: 48).

[19] Сохранилась современная деревня Сикеле, замок предположительно располагался к западу от нее (Il Nuovo Ramusio 1973: 269, nota 191). Более вероятно, что это замок западнее Ташуджу (36°18′18″ СШ, 33°51′06″ ВД).

[20] До османского завоевания владельцем замка был Касим, младший брат Пир Ахмада.

[21] Прежний правитель области Пир Ахмад.

[22] Племянник дожа Томмазо Мочениго (1414—1423) был назначен генеральным капитаном моря (главнокомандующим флотом) 19 августа 1470 г., 4 ноября 1471 г. получил звание прокуратора Св. Марка.

[23] Проведиторы флота избраны 17.02.1472 г.

[24] Современный Корикос (Кыз-Калеси), греческое название — Корикос, в прошлом — главный порт Киликийской Армении. Султаном Карамана Курко захвачен только в 1448 г., до этого принадлежал королям Кипра. Этот замок отметил в своем сочинении Перо Тафур (Тафур 2006: 66).

[25] Агостино Контарини был супракомитом, то есть старшим офицером, венецианской галеи; брат Амброджио.

[26] Объединенный флот антиосманской коалиции. Великим магистром госпитальеров Родоса в это время был Джованни Баттиста Орсини (1467—1476).

[27] Король Кипра — Джакомо II Бастардо (1464—1474).

[28] Модон и Корон — главные порты и крепости на Пелопоннесе. Это означает, что флот папы фактически не участвовал в боевых действиях.

[29] Для наименования греческих федератов использовано греческое слово «стратиоты» (στρατιώται). Первоначально слово обозначало просто воинов в самом общем смысле. В данном случае — легкая кавалерия.

[30] Очевидно, военачальник Касима до первого османского завоевания. Имя точно не идентифицируется. Возможно, Темир-ага.

[31] Оставленный Османами владетель не определен.

[32] Использованное слово zurma перевести точно сложно. Современная аналогия — «ciurma»: гребцы на галере, толпа, ватага, сброд. В рассматриваемое время «шиурма» — это экипаж судна в самом общем виде (Карпов 1994: 82—83). Для потенциальных читателей сочинения — итальянцев существенным было сопутствующее значение слова «гребец» (galeotto; galieoto у Барбаро): висельник, каторжник, преступник в самом широком значении.

[33] Буквальный перевод начала фразы: «И в знак этого…»

[34] Надсмотрщик за гребцами, по происхождению — с Крита (Кандии).

[35] Силефика (Silephica) — современный город Силифке, историческая Селевкия.

[36] Простой смысловой перевод: «но все будут убиты».

[37] Джакомо (Яков) умер 6 июля 1473 г.

[38] Традиционное название островов Эгейского моря.

[39] Легкие галеи находились под командованием Контарини и Пезаро, тяжелые — Мудаццо, Малипьеро и Соранцо. Наименование судов по старшему офицеру было обычным у венецианцев.

[40] Описание события с реконструкцией условий: (см.: Forcellini 1912: 553—563; 1913: 87—114, 441—482; 1914: 172—214, 168—198, 459—494, 767—787).

[41] Никосия (Лефкосия) сохранила название до современности, столица Кипра.

[42] Словом «naturale» действительно обозначаются внебрачные дети. У. Томас перевел как «незаконнорожденная дочь».

[43] Черинес (Cerines) — порт на северном побережье Кипра. По легенде, Киринея была основана персидским царем Киром Ахеменидом. Современное название — Кирения.

[44] В тексте только местоимение «тот» (quello).

[45] Кандия — одновременно и остров Крит, и главный город на острове (ныне Ханья). В восприятии венецианцев эти два понятия сливались, поскольку нахождение обычно было связано с городом, а все остальное оценивалось как его округа.

[46] О войсках, оружии и подарках дож сделал специальное распоряжение 4.11.1473 г.

[47] Оба замка в Корикосе построены армянским царем Рубеном в конце XII в. Один находится на берегу моря, другой — на островке в 100 м от берега.

[48] Обычное у Барбаро сравнение со знакомыми ландшафтами Адриатики.

[49] Уже упомянутая Селевкия, современный Силифке. В действительности направление по прямой — на запад-юго-запад. Реально расстояние значительно больше — порядка 25 км, то есть миля соответствует приблизительно 2,5 км.

[50] Река Каликадно, современная Гёксу. Традиционно Барбаро сравнивает ее с большой рекой области Венето, а театр — с Веронским. Устье Гёксу в действительности находится почти на таком же расстоянии от Курко, как и Селевкия.

[51] Для обозначения высоты использовано слово «piedi».

[52] Вероятно, подразумевается, что кладка стены сплошная, а не два щита с забутовкой внутреннего пространства. Однако это сложно определить визуально.

[53] В общем смысле «пасс» обозначает шаг, но при измерении расстояний под этим словом подразумевается пара шагов.

[54] Историческая Малая Армения простиралась к западу от Евфрата, к северу — до хребта Антитавр, к югу — до хребта Тавр.

[55] Corchestan (Corthescan) — Курдистан. В настоящее время область приходится на территорию Турции, Ирана, Ирака и Сирии.

[56] Из-за непогоды Барбаро причалил 4.02 у мыса Св. Федора, а 6.02 — у Корико (Карагоза — Курко). (Cornet 1852: 121—122).

[57] Город сохранил свое название до настоящего времени, расположен в том же или Ичель.

[58] Туркменская династия (с 740/1339—1340 г.), основателем которой был Зайн ад-Дин Карадджа Бек ибн Ду-л-Кадр. Во время поездки Барбаро (с 870/1465—1466 г.) владетелем был Будаг Бек. В период с 872/1467—1468 по 877/1472—1473 власть узурпировал его брат Шахсавар, также упомянутый в тексте (Сессуар) (Mordtmann 1987: 959—961).

[59] Султаном устойчиво называется египетский владыка, турецкий — Османом, а представители Аккоюнлу — синьором или владыкой Персии.

[60] Адена (Adena) — современная Адана, главный город одноименного ила Турции.

[61] Современное название реки — Сейхан.

[62] Использовано слово «suffi». Суфизм — мистико-аскетическое направление в исламе. Подробнее см.: Кныш 1991б: 109—193.

[63] Орфография гидронима предельно близка к современной: Euphrate.

[64] Орфе (Orphe) — современная Урфа (Шанлыурфа), главный город одноименного ила в Турции, в прошлом — Эдесса.

[65] Вероятно, это не собственное имя, а попытка передачи титула. У Узун-Хасана было 6 братьев, но ни один не носил похожего имени.

[66] Бир (Byr, Bir) — Биреджик, город в Месопотамии, на левом берегу Евфрата. Буквально — «Маленький Бир».

[67] Бир и Урфа были разрушены египетским султаном в конце 1472 г., когда Узун Хасан осадил Малатью.

[68] Мердин (Merdin, Meredin) — современный Мардин, главный город одноименного ила Турции.

[69] Маврами или морисками Барбаро обычно называет арабоязычных мусульман.

[70] Джанджибек.

[71] Слово «карандоло» (carandolo) — вероятно, искаженное персидское слово «кэлэндэр» (کلندر), обозначающее посох, грубого человека и бродячего дервиша. Возможна другая орфография [гäлäндäр] (قلندر) приблизительно с тем же значением — дервиш, странствующий аскет.

[72] «De tasca» также можно перевести «из сумы».

[73] Современный Хасанкейф, город на правом берегу Тигра в 80 км к северо-востоку от Мардина. Древние развалины расположены к юго-востоку от современного населенного пункта.

[74] Словом «terra» обозначается и город, и место, и более обширная территория. В данном случае речь идет о городе. В настоящее время единственный населенный пункт на участке прямого маршрута — Ханлы. Древнее городище находится на противоположном берегу от селения Бешири.

[75] Река не идентифицируется однозначно. Это может быть Тигр, но скорее — его левый приток, у которого находится Бешири с развалинами на противоположном берегу.

[76] Город Сиирт в 50 км к северо-востоку от Хасанкейфа, главный город одноименного ила Турции.

[77] Современное название реки — Битлис, левый приток Тигра.

[78] Современное название реки — Изидхане-су.

[79] Общее название ворсистой шерстяной ткани, преимущественно из верблюжьей и козьей шерсти. Фактическое значение слова менялось со временем. Первоначально это ценные ткани, затем широко используемые для форменной одежды, к XX в. — преимущественно для крестьянского быта, причем слово стали применять и к хлопчатобумажным тканям.

[80] Использовано название «Sino Persico».

[81] Название курдов несколько искажено: Corbi.

[82] Через год после возвращения Барбаро в Венецию это разбойное нападение обсуждалось в Сенате (11.01.1480).

[83] Предположительно, городок Хизан в 27 км к югу от озера Ван. Возможно, современный Ширван в 16 км к северо-северо-востоку от Сиирта.

[84] Этого предводителя дервишей звали Касим (Cornet 1856: 124).

[85] Вастан (Vastan) — разрушенный замок Вастан (Вазан), к западу от современного города Геваш, недалеко от южного побережья озера Ван.

[86] Слово «fogi» может быть переведено по-разному: очаги, семьи, дома. Суть информации от этого не меняется.

[87] Хой (Choy) — современный город Хой в Иране (Западный Азербайджан).

[88] Современный Тебриз.

[89] Смысловой перевод: «Он замахнулся…»

[90] Caversera — искаженное «караван-сарай». Архитектурное сооружение особой планировки, сочетающее внутренний двор, склады и лавки, гостиничные помещения. Действительно близкий синоним из итальянского — фондако.

[91] Буквально — «все, что было на спине».

[92] Слово обозначает крытую галерею или постройку для официального делопроизводства.

[93] Точные характеристики оружия по использованным устаревшим словам (un brochier alla morescha con la sua simitara) затруднительны.

[94] Очевидно, речь идет о мозаичных панно из кашинных плиток, широко использовавшихся в Персии. Они противопоставлены европейским мозаикам из камня и смальты.

[95] Речь идет о струнных и духовом инструментах, но европейские названия относятся к ним по самому общему сходству.

[96] Слова для обозначения одежды (un subbo fodrate de barco et una zuppa) имеют самое общее значение. Характеристика «de barco» не обязательно является искажением слова «парча» (broccato). Вполне возможно, что речь идет о кафтане с металлическими накладками или застежками (от «brocca»).

[97] Наиболее вероятно, что «fazuol» — производное от «fardello». Бытовое значение слова: узел, тюк, ноша. Также оно имело устойчивую весовую характеристику вьюка при налогообложении в торговле. Здесь, скорее всего, просто «кусок», «сверток».

[98] Искаженное арабское слово, от «тафарраджа» (تفرّج) — любоваться, развлекаться, прогуливаться.

[99] Буквально — «в ту воду».

[100] Возможно, этим владыкой был Бахлол-хан (855—894/1451—1489), основатель династии Лоди в Дели. Во всяком случае, такое сопоставление предлагают комментаторы (Il Nuovo Ramusio 1973: 280, nota 250). Действительно, этот правитель воевал с индусскими княжествами, главное из которых — Джаунпур (Антонова, Бонгард-Левин, Котовский 1979: 192—193). Однако добраться из Дели до Персии водным путем, не столкнувшись с другими индийскими мусульманскими владениями, сложно. Поэтому не менее вероятно, что не упомянутым по имени владыкой был Бахманидский или Гуджаратский султан. В Гуджарате на это время приходится правление Махмуд-шаха I Байкара (863—913/1458—1511) (Лэн-Пуль 2004: 225). Его владения действительно находились сразу за Персидским заливом, а султанат достиг наивысшего могущества (История Востока 1995: 471—472). Несколько менее вероятно, что владыкой был Бахманидский султан Мухаммед-шах II (867—887/1463—1482), государство которого при министре Махмуде Гаване (1446—1481) также процветало (Лэн-Пуль 2004: 228—229; Антонова, Бонгард-Левин, Котовский 1979: 198—199; История Востока 1995: 470—471). Стимулом для отправления посольства с подарками могли оказаться успешные войны начала 1470-х гг. при Махмуде Гаване: захват Конджеверама (1471), главного порта Виджаянагара — Гоа (1472), победа над Мальвой и др.

[101] Бабинкт (Babincth). Определение вида животного затруднительно. Вероятно, персидское название тигра — искаженное [бабр] (ببر). У У. Томаса переведено как «рысь», но доставка такого животного из Индии выглядела бы странной. Предпочтительнее связывать полосатого кошачьего хищника с яркой окраской именно с тигром.

[102] Буквально – «посланца», «посыльного».

[103] Явно соответствует паре шагов.

[104] «Браччо» обозначает и руку в целом, и локоть. Величина локтя как меры длины существенно изменялась в зависимости от города и даже сорта продаваемых тканей. В данном случае речь идет именно о локте, но Барбаро использовал это слово и для обозначения предметов величиной в полную руку.

[105] Виверра, или циветта, — животное семейства виверровых. Индийская циветта отличается крупными размерами.

[106] Цибетин — ароматическое вещество из желез виверры или циветты.

[107] Использовано узнаваемое слово «tolpani».

[108] Использовано слово «bombasine». Общее название для тонких, преимущественно хлопчатобумажных тканей.

[109] Буквально – «прошли».

[110] Название «un dedal da arco» (буквально — «напалечник лука») — предмет совершенно конкретный, известный по материалам раскопок и в музейных собраниях. Кольца для стрельбы из лука широко распространились после монгольского завоевания, когда стал практиковаться «монгольский» способ стрельбы. Именно их любили украшать как престижные безделушки. Подробнее: (Волков 1992: 174—175, 182; 2003б: 154—156). Драгоценными камнями обычно украшали широчайшую гладкую внешнюю поверхность колец, по которой должна скользить тетива, что делало их совершенно бесполезными для стрельбы.

[111] Для характеристики огранки используются два определения: «in ponta» (заостренный) и «in tavola» (плоский). Второе название сохранилось в ювелирном деле до настоящего времени в форме «таблица», это наиболее архаичный способ огранки (Тойбл 1982: 131—132, 158—159; Марченков 1992: 43, рис. 7: д). Первое название может относиться к разным способам бриллиантовой огранки: два основных типа в настоящее время — бриллиантовая и ступенчатая (Марченков 1992: 39).

[112] Использовано несколько иное название: «Colpho de Persia».

[113] Выражение «Guarda Italiani» буквально значит «смотри на итальянцев».

[114] Баласы — разновидность рубинов, встречающихся в Бадахшане. Слово происходит от арабского названия города Балх (بلخ) в области Бадахшан (بدخشان). Добыча этих камней была широко известна: «Бадахшан — месторождение рубина» (ʿАджāʾиб ад-дунйā 1993: 185, 493). Персидское название камня — лал (لعل). Арабское название камней группы корунда — «йакут» (ياقوت), рубин — «якут ахмар» (ياقوت احمر). Подробнее см.: (ал-Бируни Абу-р-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед 1963: 34—38, 423, прим. 5). Описание добычи баласов в Бадахшане дается у Марко Поло (Марко Поло 1997: 221—222). На карте мира Фра Мауро 1459 (1460) г., видеть которую у Барбаро была возможность по должностному положению, Бадахшан назван Баласианом (balasian) (Gasparrini 1954, tav. XXXIII (b 7)), север-

нее — две сопроводительные надписи «In questo monte se trova balasi asai» (В этой горе встречаются многочисленные баласы) (Gasparrini 1954: tav. XXXIII, D 6; E 6).

[115] Использованное слово «diaspro» в современном языке обозначает только яшму. Учитывая контекст, можно допускать, что речь идет о китайском селадоне, который по цвету копировал излюбленный в Поднебесной нефрит.

[116] Слово cuba — арабского происхождения, от «куббат» (قبة) — свод, купол, шатер.

[117] Яркий рассказ об особенно крупном камне на самом деле не столь оригинален, он навеян одним фрагментом из произведения соотечественника Барбаро, Марко Поло, где описываются сокровища царя острова Цейлон. «Самый красивый на свете рубин у здешнего царя; такого никто не видел, да и увидеть трудно; он вот какой: в длину он в пядь, а толщиной с человеческую руку. На вид самая яркая в свете вещь, без всяких крапин, и красен как огонь, а дорог так, что на деньги его не купить. Великий хан, скажу вам по правде, присылал к этому царю своих гонцов и наказывал о том, что хочет купить тот рубин: коль царь пожелает его отдать, так великий хан прикажет ему уплатить то, что стоит большой город» (Марко Поло 1997: 324).

[118] Оба названия относятся к Китаю, конкретизация по районам в связи с разной орфографией едва ли отражает достоверные знания о Дальнем Востоке (ср.: Il Nuovo Ramusio 1973: 281, nota 259). Традиционно названия относятся к Северному Китаю, как и «Чин».

[119] Буквально: «главы двери» (capi de la porta).

[120] Дамаскин — толстая шелковая материя с вытканными узорами. Кроме Дамаска, производилась в Йезде и Александрии.

[121] Армелин и цибелин — горностаевый и соболий мех, использовавшийся для отделки.

[122] Йез (Ies) — Йезд, город в центральной части Ирана, центр одноименного остана.

[123] Простой смысловой перевод – «стоят слишком дорого».

[124] Марчелло — венецианская серебряная монета достоинством в пол-лиры (10 сольди). Название — производное от имени дожа 1473—1474 гг. Никколо Марчелло. Вес монеты — около 3,26 г. На одной стороне изображен Св. Марк и коленопреклоненный дож, на другой — Христос. Следовательно, гемма была мелкой.

[125] Использовано искаженное персидское сложное слово «ботпэрэст» (بتپرست) — идолопоклонник.

[126] Словом «frumento» может обозначаться не только пшеница, но и злаки вообще.

[127] Допустимо также, что под словом «stratagliate» подразумеваются изрезанные (из отдельных полос ткани) или зубчатые (с фигурно обрезанными краями) покрытия.

[128] Бурса — город в западной части Турции, недалеко от Мраморного моря, центр одноименного ила.

[129] Фраза «tra li panni di lana francescha e quelli de lana del signor Matheo» обозначает преимущественно импортные шерстяные ткани с запада.

[130] Выражение «a lavor de tharsia», скорее всего, обозначает инкрустацию (intarsio). Менее вероятно, что речь идет об изготовлении в городе Тарсус, на юге Турции, недалеко от Мерсина.

[131] Не исключено, что в выражении «per la mazor parte de terzie» слово «terzia» обозначает не треть, а какой-либо иной род сластей.

[132] Zubiari — поредположительно искаженное Zingari (цыгане).

[133] Камоката (camocato, cammocca, camucca) — легкая шелковая ткань, камка, камча, обычно противопоставлялась более тяжелой ткани, дамаскину.

[134] 23 часа — приблизительно за час до заката.

[135] Приблизительно через два часа после заката.

[136] В первую очередь речь идет о городе.

[137] Буквально — «раздеты догола».

[138] Тип одежды «кальсоны из кожи» (mudanda de cuoro) пришлось перевести несочетающимися в русском языке словами, исходя из современного значения слова mutande: кальсоны, женские трусы, женское трико. Изображение борцов на средневековых миниатюрах в обтягивающих штанах — обычно.

[139] Указание «alla campagna» характеризует не столько ландшафт, сколько противопоставляет место городу. Возможный перевод: «отправиться из города».

[140] Слово «danari» может обозначать и деньги вообще, и конкретно золотые динары.

[141] Буквально — «позаимствует».

[142] Возможно, саркастический намек на А. Контарини, но это не обязательно.

[143] Сопоставление Багдада с Вавилонией традиционно для средневековых авторов. Другая распространенная ошибка — сопоставление минарета ал-Мальвия Большой мечети Мутаваккиля в Самарре с Вавилонской башней. «В сторону» Багдада от Тебриза — это на юго-юго-запад.

[144] Под словом «panni» могут подразумеваться не только ткани, но и готовые одежды.

[145] Огрул-Мухаммед, старший сын Узун Хасана.

[146] Область на юге Ирана, приблизительно соответствующая современному остану Фарс.

[147] Величина мили не была строго определенной. В первой части сочинения дается расстояние от Таны до Паластры (Азов — Белосарайская коса), которое при сравнении с реальностью дает милю длиной более 2 км. Здесь миля расстояния от Корикоса до Силифке — порядка 2,5 км.

[148] Есть неоднозначность в переводе фразы «la quale gli è ligada ad dedo picolo» Трудно сказать, идет ли речь о маленьком пальце, или о маленьком кольце на пальце (напалечнике).

[149] Если смотр был сделан до прихода орды в Шираз, то это дополнительный день в общем времени пути. 120 миль за 3 дня — и без того много. Приходится предполагать, что или смотр был сделан до отъезда Барбаро в Султанию, или после прихода в Шираз, когда Узун Хасан уже был хозяином положения.

[150] Описание Барбаро отличается очень высокой точностью и подробностью для средневековья. Вероятно, это одна из немногих записей, сделанных непосредственно в Персии.

[151] Указание на время (до заката) показывает, что смотр занял полный световой день.

[152] Словосочетание «cavalli da conto» не вполне понятно. Скорее речь идет обо всех лошадях, не предназначенных для перевозки поклажи, поскольку имеется некоторое противопоставление этих лошадей вьючным. В случае самого простого перевода «по счету» или «числом» это определение оказывается излишним: все остальное тоже дано по счету (если только определение не относится ко всей «таблице»). У. Томас перевел это место как «horses of service» (лошади для службы), что подразумевает в первую очередь службу военную, поскольку другая у туркменов маловероятна (Barbaro 1873: 66). Словосочетание «da conto» встречается в «Путешествии» еще трижды. При описании передвижения шаха ночью: «Et, quando el se camina de notte con el populo, quelli da conto et per el simil le donne se fanno portar davanti lumiere al nostro modo». В «маршруте» по территории к северу от Тебриза: «per non esser

terre da conto, ni degne de le qual si facia mencione». При характеристике дервиша Кассуна: «homo da conto et apresiato», где это однородный член к слову «приближенный» [к монарху]. Возможное общее значение — «выдающийся, знатный». Буквальный перевод «лошади знатные» совсем не вписывается в русский язык, как и «достойные учета». Допустимо, что Барбаро указал количество без учета кляч и жеребят. Возможная калька перевода – «почтенные».

[153] Бешен (Beschene, Besche, Bescent) — название реконструируется как Бешкент, что действительно соответствует смысловому переводу Барбаро. Надежная локализация населенного пункта невозможна. В.Ф. Минорский предполагал, что это селение Кубачи в Дагестане (Minorsky 1940: 168). Основанием для этого послужило упоминание ал-Масуди о производстве доспехов в Кубачи (Зарикаран): «Затем в сторону Сарира и гор — владение Зарикаран (Зарих-Гаран), что означает “мастера кольчуг”, потому что большинство из них делает кольчуги, стремена, уздечки, мечи и другие роды оружия из железа» (Минорский 1963, прил. 3: 203). Версия подкрепляется тем, что и персидское (Зарикаран) и турецкое (Кубачи) название значат «кольчужники» (самоназвание кубачинцев — урбуган). Кроме того, горное село состоит из нескольких отдельных поселений, без оживленной связи с остальным Дагестаном.

На карте Фра Мауро 1459 (1460) г. обозначен город Bischente у северо-западного побережья Каспия (Gasparrini 1954, tav. XXXIV: d 10) и Bisie у южного берега (Gasparrini 1954, tav. XXVII: o 31). Второй попадает во владения Узун Хасана, первый — более созвучен. Локализацию пункта это не упрощает.

[154] Дукат (цехин) — золотая венецианская монета весом около 3,5 г. Кварта (около 42,92 л) = 1/14 анфоры (около 601 л).

[155] Лира (либра) тяжелая — около 350—477 г. Маркет — мелкая серебряная монета.

[156] Мера неопределенна. Возможно, мина или капицио, но даже при условии, что это фуражное зерно, цена очень мала.

[157] Слово «paternostri» использовано в произведении дважды. В первый раз оно касалось керамических пряслиц, находимых при раскопках холма Контеббе (Кобякова городища): «Нашли также пять-шесть бусин величиной с померанец; они были из обожженной глины, глазурованные, похожие на те, что изготовляются в Марке и привешиваются к неводам» (Скржинская 1971: 117, 140, §11). Вероятно, во второй раз этим словом названы просто крупные бусы безотносительно к материалу, из которого они изготовлены. Это место является веским подтверждением того, что слово «pomegranate» следует переводить как «померанец», а не «апельсин», поскольку реальные размеры бусин даже с недостаточно окультуренный апельсин невозможны.

[158] Это место (straman cerca meza zornata) допускает другой вариант: «в сторону приблизительно на полдня пути». В действительности Султания находится на расстоянии существенно более 120 миль от Шираза.

[159] Султания — крупный город того времени, расположенный к юго-востоку от города Зенджан. Основана в 1285 г. Хулагуидом Аргуном. В настоящее время — село Сольтание. Сохранился замечательный памятник архитектуры — мавзолей Ольджейту-Ходабенде (1305—1313 гг.), погребение в действительности — кенотаф.

[160] Джехан-шах (841—872/1437—1467), предпоследний представитель династии Кара-Коюнлы (Лэн-Пуль 2004: 183).

[161] В действительности мечеть не должна быть особенно высокой, не считая не сохранившихся минаретов. Надо полагать, речь идет об уже упомянутом мавзолее, входившем в единый ансамбль с мечетью (подробнее см.: Godard 1938: 1103—1118; Pope 1938a: pls. 381—385; 1938b: pls. 525a, 526a). В прошлом сооружение воспринималось именно как мечеть по причине наличия михраба. В начале XIX в. более сохранные, чем в настоящее время, развалины интерпретировали как мечеть (Dubeux 1841: pls. 29—34). Тогда были видны развалины еще одной «внешней» мечети с мавзолеем, расположенные недодалеку, но размеры этого сооружения меньше (Dubeux 1841: pls. 27, 28).

[162] Возможно, это слово переводится «пересечениями». Скорее всего, речь идет о свойствах основного светлого зала мавзолея, поскольку в комплексе сооружений всего 2 купола: у основного зала (зияратханы) и гурханы. Примиряя текст с имеющимися остатками, можно предложить следующий вариант перевода: «с 4 арочными нишами с 4 сводами, над которыми большой купол…».

[163] Доминиканская церковь XIII в. с погребениями дожей, расположенная недалеко от дома Барбаро (прихода Св. Марии Формозы).

[164] Более правдоподобно, что имеется в виду не купол, а южная арочная ниша основного зала здания, в которой действительно находилась дверь в гурхану.

[165] Возможный вариант перевода: «В середине этой двери…». Возможно также: «На юг от портала…». В действительности купольная камера с «погребениями» находится именно с южной стороны от основного зала мавзолея (Godard 1938: 1117, fig. 401).

[166] Более вероятно, что имеется в виду не локоть, а полная рука.

[167] В действительности описание деревянных резных дверей следует ниже, что может свидетельствовать о записи сочинения отдельными блоками, объединенными позже. Впрочем, описания орнамента там тоже нет. В этом месте и вовсе не обязательно описание деревянных изделий. Сами двери не сохранились, но резной ганчевый орнамент в софитах внутренних арок мавзолея вполне подходит под описание И. Барбаро (Pope 1938a: pl. 383), что вполне естественно, если они были выполнены в едином стиле. «Кулинарные» сравнения при описании орнамента не должны смущать современного читателя, они присутствуют в Библии (ср: 2-я Паралипоменон, 3:16; 4:13 и др.).

[168] Весьма скромная оценка отечественных ремесленников, что делает честь объективности венецианца.

[169] Слово «anime» значит «души», но непонятно, все ли это население в целом или ответственные налогоплательщики. Критерий оценки несколько расходится с обычным для Барбаро числом «домов — очагов — семей».

[170] Кульпайаган (Culperchean), город в персидской провинции Луристан. Предложенная Барбаро этимология названия сомнительна. Она связана с выведением первой половины слова от корня «гули» (раб — كولي) + per +хан. Впрочем, это мало влияет на смысл текста в целом. В определениях смысла названий на незнакомых языках у Барбаро бывали и более серьезные погрешности. Например, название «Новгород» он трактовал как «Девять замков», правильно определив значение русского «город», а первую половину восприняв на родном языке: «nove» — девять.

[171] Это общее место, связанное со сложностью перевода. Слово «fuoco» (множественное число — fogi) «свет, очаг, дом, семья». Главный спорный вопрос при переводе — «дом» или «семья». К счастью, значения слова очень близки.

[172] Время пребывания в Персии преувеличено. Барбаро прибыл в пределы Персии весной 1474 г., а отбыл обратно в первой половине 1478 г. Переводчик умер рано, что может быть связано с побоями по пути к Тавризу.

[173] Кошкадам (Coscadam) — исходное имя не идентифицируется однозначно. Наиболее вероятно, что это персидское имя «Хушкадам» (خوش قدم) — «счастливый» (Гафуров 1987: 208).

[174] Определение адресата «uno suo barba» не обязательно подразумевает родного дядю, коих было как минимум шесть. «Борода» может обозначать и просто человека в возрасте и с положением.

[175] Фраза, характеризующая обычный замок: «un castello fatto de terreno». Надо полагать, что «сделанный из земли» подразумевает сделанный из сырцового кирпича. Однако в средние века применялись и конструкции из пахсы.

[176] Этот способ прокладки водопроводов широко распространен с древности. В золотоордынское время он постоянно практиковался на территории Улуса Джучи. И даже в Тане (Азове), где жил Барбаро, от XV в. сохранились следы такого рода сооружений.

[177] Слово «balcone» обозначает балкон, террасу. По смыслу допустима такая же характеристика окон.

[178] Обычай навешивания лоскутков на деревья распространен в мусульманских странах и в настоящее время. Параллельно с ним существует обычай навешивания лоскутков на внутреннюю сторону женских халатов и шаровар.

[179] Спахам (Spaham) — Исфахан, город в центральной части Ирана, центр одноименного остана. Область соседствует с Ширазом, поэтому естественно его упоминание сразу после ухода Узун Хасана из Фарса.

[180] По смыслу под настоящим временем скорее подразумевается 1474 г., но обычно такая формулировка связана со временем составления сочинения, концом 1480-х гг.

[181] Фраза «conciate le cose sue» буквально переводится «исправив…» или «примирив свои дела». Допустимо заключение договора.

[182] Дословный перевод фразы «cava quadra con aqua drento alta un passo»: квадратная пещера с водой внутри на высоту один пасс.

[183] Упомянутые «cose et lavori belli» (вещи и красивые изделия) могут быть и продукцией ремесленников города, и постройками, о которых должна идти речь по контексту.

[184] Кашан (Cassan, Каззан) соответствует современному городу Кашану в 150 км к северу от Исфахана. До XIV в. известен как единственный центр производства люстровой керамики в Персии.

[185] Ком (Com) — современный город Кум в 90 км к северо-западу от Кашана.

[186] Йедз (Iex) — упоминавшийся прежде Йезд, расположенный в 450 км к юго-востоку от Кума. Последовательность маршрута нарушена, но это может быть связано с изменением направления кочевки орды, которая не обязательно двигалась постоянно в одну сторону. Не совсем увязывается с такой интерпретацией уточнение «немного дальше».

[187] Итальянское название города Астрабада, расположенного недалеко от юго-восточного побережья Каспийского моря, в остане Мазендеран. В первый раз упомянут в первой части сочинения в связи с корсарством венецианцев на Каспии.

[188] Предположительно соответствует деревне Аз, расположенной у другого мазендеранского города Сари. Возможны и иные варианты локализации: Абескун, Ашраф и др. Допустимо также, что это сокращенное название Хаджи-Тархана (Астрахани).

[189] Буквальное значение слова «le parte» — стороны.

[190] Во время пребывания Барбаро в Персии династия Чагатая, второго сына Чингиз-хана, давно пресеклась (Бартольд 1964а: 540). Первоначальная территория улуса Чагатая — от правобережного Хорезма и восточнее. Однако архаизм наименования вполне оправдан, поскольку уже в начале XV в. в Персии распространилось наименование чагатаями подданных Тимура, что отметил Руи Гонсалес де Клавихо: «И так были запуганы жители этих селений, что как только увидят [какого-нибудь] чакатая, сейчас же бегут, а чакатаями называют они людей из войска Тамурбека, из одного с ним племени» (Клавихо 1990: 62—63).

[191] Чин и Мачин — два названия, относящиеся к современному Китаю. Чин — название Китая по династии Цинь (255—206 гг. до н.э.), первоначально распространилось у ближайших соседей — индийцев и малайцев, а затем проникло на запад. Относится преимущественно к Северному Китаю. Второе слово — производное от индийского названия «великая империя». Традиционно мнение, что Мачин — это Южный Китай (Хождение 1986: 163, прим. 137). На карте Фра Мауро 1459 (1460) г. к Мачину также отнесены области Таиланда, Камбоджи, Бенгалии, Северо-Восточной Индии (Gasparrini 1954: tav. XIV: p 30; XX: g 14; XXI: L 6 и др.).

[192] Еще одно название Китая, которое обычно связывается с Северным и Западным Китаем. Подробнее см.: (Марко Поло 1997: 276—277).

[193] По контексту упоминания после Бурсы должно обозначать османские владения в целом. В такой форме название использовано в сочинении один раз.

[194] Пример сопоставления местной единицы измерения (тюка) и венецианской (либры). В Венеции шелк продавали легкими либрами, составляющими около 301 г. Исходя из этого, тюк соответствует приблизительно 150,5 кг.

[195] Направление действительно соответствует участку Кум — Йезд. Не совсем вписывается в контекст дальнейшее упоминание «дороги востока» в связи в Ширазом, в действительности расположенным к юго-западу от Йезда. Погрешность объясняется положением Шираза на востоке Персии.

[196] Место существенно для понимания ориентировки венецианца XV в.: северные страны воспринимаются как верхние. Возможно, это показатель знакомства с картами, птолемеевскими и современными автору.

[197] Эрэ (Ere, Eri) — Герат, город на северо-западе Афганистана. Во времена Барбаро оставался главным городом Хорасана.

[198] Санмаркаант (Sanmarcahanth, San Marchante, Sammarcant) — город Самарканд. Первоначально он находился на холме Афрасиаб к югу от современного города. После монгольского завоевания жизнь переместилась на современную территорию города, а на Афрасиабе, превращенном в кладбище, постепенно был возведен ансамбль мавзолеев Шах-и-Зинда. При Тимуре город был столицей обширного государства.

[199] Фарс в то время был самой восточной частью Персии, через него проходили самые оживленные дороги с востока и северо-востока.

[200] Уже встречавшийся анахронизм упоминания династии здесь проявляется сильнее. Герат после монгольского завоевания находился под властью Ильханов (Хулагуидов). Во времена Барбаро здесь правили Тимуриды, при которых город достиг расцвета.

[201] Тимурид Абу Саид ибн Мухаммед ибн Джелал-ад-Дин Мираншах ибн Тимур правил в Ге-

рате в 1458—1469 гг. После его смерти к власти пришел Султан Хусейн (1469—1506), не являвшийся его сыном. Власть старшего сына Абу Саида — Султана Ахмеда (1469—1494) — распространялась на земли Самарканда (Бартольд 1964б: 170—174; 1971: 77).

[202] Наиболее вероятно, что речь идет опять же о предпоследнем представителе династии Кара-Коюнлы Джехан-шахе (1437—1467). Однако, как уже говорилось выше, Самарканд во время путешествия Барбаро находился под властью Тимуридов.

[203] Есть определенные сложности с переводом «cadini e piadene di porcellana». Предложен самый простой вариант перевода, соответствующий современным словам «catini e piattini». Да не обвинит меня читатель в маниакальном стремлении найти слова для китайского селадона, который во времена Барбаро еще поставлялся на Запад. Первое слово может быть диалектным производным от «giada» (нефрит, жадеит). В Китае нефрит преимущественно обрабатывался, а не добывался. Подбор цветов глазурей селадона считается попыткой имитировать этот природный камень. Тогда допустимо, что слово «cadini» как раз обозначает селадоновые сосуды. Диалектное слово piadena обозначает сосуд, охарактеризовать форму и назначение которого затруднительно (zupperria, cantimplora). В итоге можно допускать авантюрный вариант перевода: «селадоны и сосуды из фарфора».

[204] Речь об этом шла прежде, событие относится к 1436 г., самому началу пребывания Барбаро в Тане.

[205] Камбале (Cambale, Cambalu) — Ханбалык, современный Пекин.

[206] Слово, весьма распространенное не только в Персии (میدان), но и во всех сопредельных странах.

[207] Это подтверждение сообщения Марко Поло, вероятно, сделанное на основании целенаправленных расспросов Барбаро.

[208] Словом «цекка» (cecca, zecca) назывался монетный двор в Венеции, от него же происходит слово «цехины».

[209] Дословно: «Это, вместе со многими другими вещами, которые я сейчас оставлю, и то, что я знаю по рассказам упомянутого посла Татарии и его слуг, поскольку рассмотрел провинцию Китай, где я лично не был».

[210] Куэрк (Chuerch, Cuerch) — испорченное название. Идентификация зависит от того, что считать пределами Тавриза. Если автор возвращается в описании из Китая в пределы владений Узун Хасана, а не конкретно «в пределы Тавриза», то город следует искать к юго-востоку от Шираза. В этом случае искажены могут быть названия следующих городов: Курм, Джарум, Фордж (Форг). В юго-восточном направлении от собственно Тебриза есть город с похожим названием Кередж, к юго-востоку от Хамадана, приблизительно на половине пути от Тебриза к Персидскому заливу; другой возможный — Куркуб, расположенный между Васитом и Джунджишапуром.

[211] Значение слово объяснено самим автором. Вероятно, происходит от арабского «тайласан» (طيلسان), обозначающего головной убор предсказателя, судьи.

[212] Этим королем был Яков Лузиньян, о смерти которого Барбаро говорил прежде.

[213] Фактическая ошибка: Красное море и Персидский залив представлены как один и тот же объект.

[214] Ормуз (Ormous, Ormus) — остров в Ормузском проливе.

[215] Расстояние указано верно.

[216] Возможный вариант перевода — «…где у них также посевы».

[217] Султан Шихаб ад-Дин.

[218] Багдад (Bagdath) в действительности стоит на Тигре.

[219] Под Берберией (Barbaria), надо полагать, подразумеваются не североафриканские кочевники, а области, заселенные кочевыми арабами на Аравийском полуострове.

[220] Упомянутый «Prete Giani» — персона легендарная, эта часть текста вставлена редакторами, к произведению Барбаро отношения не имеет.

[221] Calachuth (Calacuth, Calicuth) — современный Кожикоде в штате Керала на Малабарском побережье Индии (11°15′ с.ш., 75°64′ в.д.). В этом городе появился Васко да Гама в 1498 г.; в начале XV в. его достигла китайская экспедиция путешественника Чжэн Хэ (Усов 2009: 790).

[222] Город Лар (Lar) сохранил название до настоящего времени (у южной границы остана Фарс), но располагался не на берегу залива, а приблизительно в 90 км от него. Несогласованность текста не так велика, поскольку Лар находится на дороге от прибрежного Лингаха (современный Бендер-Ленге) в Шираз.

[223] Камара (Camara) соответствует деревне Кинара в долине Марвдашт, в 4 км к юго-востоку от развалин Персеполя.

[224] Биндамир (Bindamir) — река Кур.

[225] В действительности мост построен по повелению Амира Адуда ад-Даула около 970 г.

[226] Название (Кенаре, کناره) населенного пункта (29°55′ с.ш., 52°52′ в.д.) сохранилось до настоящего времени. Далее речь идет о развалинах Персеполя.

[227] Рядом с Персеполем находится гробница Артаксеркса III, которая, как и большинство ахеменидских царских захоронений, оформлена в виде портала.

[228] Персидское چهل منار «чеһэл мӓнар» (сорок башен) Барбаро перевел в целом правильно.

[229] Два предложения о колоннах разбивают характеристику гробницы Артаксеркса III. Описание довольно точное, объект опознаваем, хотя большинство ахеменидских гробниц сходны. Сначала описывается верхний ярус композиции, где находятся «летящий» Ахурамазда, а ниже — царь и жертвенник огня. «Человек» в кругу (с крыльями) с кругом в руке — Ахурамазда, человек, держащий лук, — Артаксеркс III. Далее описывается стандартное изображение двух ярусов более мелких людей, поддерживающих царя.

[230] «Впереди» — вероятно, по ходу движения орды. В 3,5 км к северу от Персеполя в местечке Некш-и Раджаб (Накше-Раджаб) действительно находятся сасанидские скальные рельефы. Самый примечательный всадник — Шапур I (с приближенными). Возможно, речь идет о сасанидских рельефах из Накш-и-Рустама в 6,5 км к северу от Персеполя (там больше всадников и длинноволосых людей во «французской» одежде), но этому противоречит полное молчание о переправе через реку Польвар (Сивенд), царских скальных гробницах Ахеменидов, кубическом храме и прочем.

[231] Thimar. Л. Локхард предложил связывать топоним с деревней Таймарджан, расположенной существенно северо-западнее. Резонно предполагать, что пункт находится приблизительно между Персеполем и Пасаргадами (около 40 км по прямой, более 80 км по дороге), где название не сохранилось. Приблизительно на половине пути находятся 2 телля (30°03′02″ с.ш., 53°03′10″ в.д.; 30°02′56″ с.ш., 53°03′24″ в.д.). Более соответствует средневековому населенному пункту городище у водохранилища Сиванд (30°08′29″ с.ш., 53°05′19″ в.д.).

[232] Название Тахт-и Мадер-и Сулейман (Трон матери Соломона) или Кабр-и Мадер-и Сулейман (Могила матери Соломона) сохранилось до нашего времени

(Бартольд 1971: 153; 2003: 153). Именно с Сулейманом (Соломоном) связывали развалины Пасаргад.

[233] Предположительно, гробница Кира Ахеменида, использовавшаяся затем как мечеть с михрабом под названием «Мечеть матери Соломона» (Бартольд 1971: 153; 2003: 153). Ориентировка постройки указана правильно.

[234] Дехебет (Dehebeth) — современный город Дехбид, к северу от Тахт-и Мадер-и Сулеймана. Современное селение того же названия (Дехбид, 29°47′30″ с.ш., 53°11′40″ в.д.) к описанию отношения не имеет.

[235] Варгари (Vargari, Vargau). Название искажено, на перевале по дороге в Йезд находится поселок Фарагхе (31°03′ с.ш., 53°02′ в.д.). При продолжении движения на север той же дорогой ближайший населенный пункт — Абаркух.

[236] Дейзер (Deisser, Desser, Deister) соответствует селению Дехшир (31°27′10,4″ с.ш., 53°51′2″ в.д.) далее по дороге в Йезд (на северо-восток).

[237] Тасте (Taste), предположительно, соответствует городку Тафт, в 40 км к юго-западу от Йезда (31°44′34″ с.ш., 54°11′47″ в.д.)..

[238] Мерут (Meruth) — современный Майбуд (Мейбод), к северо-западу от Йезда.

[239] Gnerde (Guerde) — предположительно, Акде, далее по дороге в Кум.

[240] Найм (Naym, Naim) соответствует городку Наин, далее по дороге в Кум.

[241] Наистам (Naistam, Naisdam), предположительно, соответствует местечку Наистанак в 22 км к северо-западу от Наина.

[242] Нардистан (Nardistan, Narditтam, Hardistan) соответствует городку Ардистан, далее по дороге в Кум, в 90 км к северо-западу от Наина.

[243] Савия (Savia, Sava, Sana) — современный город Саве (Савва), в 60 км к северо-западу от Кума.

[244] Эукар (Euchar) — город Афшар на дороге Тегеран — Тебриз, в 40 км к северо-западу от Зенджана.

[245] В данном случае движение «вверх» в действительности не столько на север, сколько на восток.

[246] В первый раз Хой упомянут также как маленький город, но вписать реальный город Хой в маршрут Тебриз — Астрабад принципиально невозможно. Единственный значительный населенный пункт на дороге Савве — Рей в то время — Мешкуя. Но сопоставление его с Хоем было бы чрезмерным насилием над источником. В целом описание этой дороги сделано, скорее всего, не по собственным наблюдениям, а неудачно скомпилировано из разнородных отрывочных сведений (ср.: Barbaro 1973: 293, nota 341).

[247] Рей (Rhei, Rchei) — Рей, крупный город (того времени) к югу от Тегерана. Помещение Рея и Сари приблизительно в одно место — бессмысленно, поскольку города расположены далеко друг от друга. Примечательно, что в издании Альдо название Рея в этом месте не напечатано.

[248] Сари (Sarri) — город в Табаристане (остан Мазендеран).

[249] Синдан (Syndan, Sydam, Sidam). В маршрут совершенно не вписывается. Возможно, Зенджан.

[250] Тремиган (Tremygan, Tremigan). Возможно, поселеок Тимиджан в Гиляне.

[251] Билан (Bilan) — видимо, сильно искаженное название области Гилян.

[252] Буквально — «больше». Возможно, подразумевается большая плотность населенных пунктов на побережье.

[253] Лаазибент (Lahazibenth, La Haribent, Lanzibenth) — предположительно, город Лахиджан в Гиляне, на правом берегу реки Сефид-руд, недалеко от побережья Каспия.

[254] Мадрандани (Madrandani, Madrandari) — предположительно искаженное название области (а не города) Мазандеран у южного побережья Каспия.

[255] Шелковые ткани Гиляна и Мазандерана действительно составляли значительную часть товарооборота вплоть до XVIII в.

[256] Современный Трабзон на южном побережье Черного моря.

[257] В действительности направление Трапезунд — Тебриз по прямой — не на юго-запад, а на юго-восток. Возможно, для ориентировки использовался очень короткий начальный отрезок пути. Возможно также, что в памяти Барбаро сохранилась ошибочная ориентировка в целом, тогда понятно и направление от Тебриза в сторону Каспийского моря «вверх».

[258] Барбаро точно передал турецкое название, сохранившееся до современности. Во времена Трапезундской империи замок и долина называлась Пайперт (Карпов 1981: 22, 29, 227).

[259] Arsengan (Arzengam) — Эрзинджан, центр одноименного ила в Турции.

[260] «Ponte de pietra cocta» — буквально: «мост из обожженного камня».

[261] Карпурт (Carpurth) — Карпут, город в 120 км к югу от Эрзинджана.

[262] Катерина (Феодора) Комнина, дочь Иоанна IV Комнина.

[263] Москоне (Moschone, Moscont, Moschont) — пункт не идентифицирован.

[264] Halla — пункт не идентифицирован.

[265] Thene (Terre) — предположительно, замок Кале к востоку от современной Малатьи и югу от Эски-Малатьи.

[266] Comari, Coniari, Coynari — явно искаженное название, сомнителен даже исходный язык.

[267] Pollu, Pallu соответствует современному Палу, городу на реке Мурат-су в 9 км к востоку-юго-востоку от Кованджилара, к востоку от города Элязыга.

[268] Amus — современный город Муш на левобережье той же реки Мурат-су между Палу и озером Ван.

[269] Бочки как единицы измерения отличались в разных городах. Венецианская бочка соответствует приблизительно 751 л. Цена бочки вина менее одного дуката — необыкновенно низкая.

[270] Традиционное для Барбаро сравнение туземных предметов с итальянскими. Орехи действительно составляли вторую по значению статью экспорта Трапезундской империи.

[271] Туркомания (территория, контролировавшаяся тюркскими кочевниками) в предшествующее время входила в Великую Армению.

[272] Каракойлу (Caracoilu) — объединение кочевников Кара-Коюнлы. Барбаро перевел название как «Черные Бараны».

[273] Аккорлу (Accorlu) — объединение кочевников Ак-Коюнлы (Белые Бараны). Это как раз владения Узун Хасана. Отнесение к его территории «Чагатаев» верно лишь отчасти, поскольку Узун Хасану принадлежала только часть прежних владений Тимуридов.

[274] Алая Роза и Белая Роза — объединения сторонников Ланкастеров и Йорков, воевавших в Англии (1455—1485).

[275] Гибеллины и гвельфы — две основных политических группировки в Италии, первые были сторонниками германского императора, вторые — папы римского. Слово «гибеллины» происходит от итальянского названия родового владения Штауфенов —

бурга Вайблинген. «Гвельфы» — искаженная фамилия противников Штауфенов — Вельфов (Всемирная история 1957, т. 3: 391).

[276] Дзамберланы и струмьеры — аналогичные группировки во Фриульской марке.

[277] Mus — скорее всего, более ходовая орфография названия того же города Муш.

[278] Allarch — предположительно, Ахлат, город на северо-западном побережье озера Ван.

[279] Действительные размеры озера Ван — приблизительно 125 × 58 км.

[280] Приблизительно в 19 км к северо-западу от Ахлата находится озеро Назик-гёль, но его окружность существенно меньше 80 миль — не более 25 км.

[281] Ceus — возможно, городок Керс к северо-западу от озера Ван. Если исходить из того, что описывается дорога в Тебриз, то более вероятный претендент на это имя — современный Адильджеваз (с развалинами замка) на северном побережье озера Ван.

[282] Herzil (Vergi, Herzis, Ergis) — соответствует современному городу Эрджиш (с развалинами замка) на северном побережье озера Ван.

[283] Повторение погрешности о подчинении туркменами Кара-Коюнлы владений тимуридов (чагатаев).

[284] Orias — возможно, деревня Рази, расположенная в 90 км к востоку от озера Ван и в 50 км к западу от города Хой (Barbaro 1973: 205, nota 295).

[285] По размерам и описанию соответствует озеру Урмия, длина которого около 117 км, а ширина — более 40 км.

[286] Tessu (Tessa) — соответствует городу Тесуджу в 40 км к юго-востоку от Хоя, в 6 км к северу от побережья озера Урмия.

[287] Zerister — городок Шабистар между Тебризом и Тасуджем.

[288] Фраза «vini et altri frutti assai», скорее, подразумевает «много винограда и других фруктов».

[289] Sammachi — Шемаха, город в Азербайджане, в 90 км к западу от Сумгаита, в 115 км от Баку. Во времена Барбаро — один из главных городов Ширвана. Не вполне понятно, почему для названия области использовано архаичное слово «Мидия». Возможно, на эту мысль натолкнуло название протекающей неподалеку реки Пирсагат или средневековые карты.

[290] Название области не поддается уверенной интерпретации. Связь его с Чечней, на которой упорно настаивал Л. Локхарт (Il Nuovo Ramusio 1973: 296, 297, note 376, 388) выглядит сомнительной. В этом месте текста — прямое указание на то, что Тезикия (Тезекия) — область, в которой находится Шемаха. Ср. прим. 313.

[291] Sirvansa — Ширваншах, династия владела территорией современного Азербайджана и южной частью Дагестана вплоть до Дербента.

[292] Описание в очередной раз показывает ориентировку путешественника лицом на север.

[293] Caitacchi — в настоящее время кайтаки, один из народов Дагестана.

[294] Наименование Кавказа Каспийскими горами традиционно в античных и средневековых источниках.

[295] Derbenth — современный город Дербент в Дагестане. В рассказе о Дербенте следовало бы ожидать вставку о венецианском корсаре Дзуане да Валле, которого Барбаро упомянул в первой части сочинения (Скржинская 1971: 115, 138, §9).

[296] Поскольку Барбаро лично присутствовал в Дербенте, указание на расстояние позволяет определить величину мили в его понимании.

[297] Квадровая кладка названа «alla romana».

[298] Название широко использовалось в тюркских языках, буквально — «Железные Ворота».

[299] Наименование степной зоны Скифией — традиционная адаптация античных сведений.

[300] Эта характеристика дает величину «мили Барбаро» в интервале 1,1—1,5 км. Это близко к миле портоланов (1230 м). Однако вероятность более или менее точного определения расстояния по прямой через горы — почти нулевая.

[301] Aluati — форма собственного имени с арабским определенным артиклем (ал-Вати). Соответствует современному Батуми в Аджарии.

[302] Применительно к Кавказу в целом это название по другим источникам не известно. На итальянских картах Каспийского моря название «Санта Мария» действительно встречается, но на западном побережье Каспия к северу от Кавказа.

[303] Л. Локхарт посчитал кайтаков преимущественно мусульманами (Il Nuovo Ramusio 1973: 296, nota 382), однако исламизация населения Северного Кавказа — явление позднее, широко распространившееся в XVIII в. Поэтому в тексте Барбаро едва ли можно заметить серьезную погрешность.

[304] На итальянских картах, где есть Каспий, действительно море называется «Mare di Bacu», но до XV в. оно чаще именовалось «морем Сарая» — «Mare di Sara», «Mare di Sala».

[305] Описания использования в средние века нефти в медицинских целях встречаются нередко.

[306] Tumembi, Timombei, Tumambei — вероятно, не собственное имя, а титул. Барбаро совершенно правильно перевел смысл титула (бек тумена). Этимологически связано с северокавказской Тюменью. Ни по контексту, ни по смыслу невозможно связать его с Таманью, как это сделала Е. Ч. Скржинская.

[307] Описание татарских юрт дается в «Путешествии в Тану» (Барбаро 1971: 120, 144; Il Nuovo Ramusio 1973: 78).

[308] Императором (ханом) в это время был Ахмат, следовательно, его племянником был сын Махмуда. Наиболее известным из сыновей Махмуда был Касим, управлявший Астраханью, но у него было не менее двух братьев (один из них — Джанибек). Прием собственных подданных татарским царевичем в Тюмени, скорее, свидетельствует о том, что он прибыл из Астрахани.

[309] Более вероятно, что в данном случае речь идет об одном шаге, поскольку на расстоянии 10 пассов (пар шагов) вести беседу затруднительно.

[310] Иных сведений о Винченцо не сохранилось.

[311] Буквально — «намерения».

[312] Terch традиционно и надежно сопоставляется с рекой Терек.

[313] Участок течения Терека вдоль Кавказского хребта (в данном случае Терского) весьма продолжителен. Связывать Тезекию (Tezechia, Elochzi) с территорией Чечни в современных существенно преувеличенных границах не имеет смысла. Более вероятно, что топоним связан с территорией современной Северной Осетии. Собственное имя Elochzi (Эльокдзи) есть только в наиболее жестко отредактированном издании Дж. Б. Рамузио. Во всех остальных изданиях и рукописях — Тезекия. Примечательно, что приблизительно в это же время тезеков на корабле отметил Афанасий Никитин (Хождение 1986: 44). «И пошли мы, заплакав, на двух судах в Дербент: в одном судне посол Хасан-бека, да тезики, да нас, русских, десять человек…». С «тезиками» связываются купцы иранского происхождения (Хождение 1986: 139, прим. 28). Осетины — иранского происхождения, но едва ли это могли распознать русские в XV в. Ло-

кализация области в варианте издания Дж. Б. Рамузио (Эльокзи) породила обширную литературу (Кузнецов 2003: 156—157; Криштопа 1970: 117, 121; Нарожный 2001: 20—21). В пользу того, что Тезекия — область, связанная с Шемахой, свидетельствует общий характер боевых действий шейха Хейдара (Ашурбейли 1983: 252—257). На карте мира Фра Мауро город с названием Тезек (texech) расположен к северо-западу от Аральского моря (Gasparrini 1954: tav. XXXIII: m 9). В целом же «этноним» тезик (таджик) связывался с ираноязычными купцами и оседлыми мусульманами в весьма широком смысле, иногда как противопоставление тюркам (Бартольд 1964б: 121, 456—462, 469—470, 640; 1964а: 312—314).

[314] Название мифических народов, обитающих на краю Света, запертых стеной Александра Македонского (Волков 2012б: 26—27). Их упоминание в тексте не следует связывать с какими-либо конкретными племенами и народами, это свидетельствует только о том, что они находились за Железными Воротами (Дербентом).

[315] Определение мест обитания племен «киппике» и «кабатри» не представляется в настоящее время возможным. Подробнее: Волков 2003: 224—260.

[316] События относятся к 1477 г.

[317] Буквально — «видел».

[318] Zifilis (Tiflis — современный Тбилиси, по обоим берегам реки Куры.

[319] Gory (Gori) — современный город Гори при слиянии рек Б. Лиахви и Куры в 76 км к западу-северо-западу от Тбилиси.

[320] Pancratio — Баграт VI, первоначально эристав Самокалако (Кутаиси с прилегавшими землями). Объявил себя царем в 1466 г., умер в 1478 г. (Бердзенишвили, Дондуа, Бумбадзе, Меликишвили, Месхия 1962: 266—268).

[321] Giurgura (Gurgura, Gorgora) соответствует имени Кваркваре, атабага Самцхе (со столицей в Ахалцихе), который участвовал в борьбе Баграта VI с царем Георгием (Бердзенишвили, Дондуа, Бумбадзе, Меликишвили, Месхия 1962: 266—268). Во время похода правителем Самцхе (Саатабаго) был Манучир I (1475—1487), сын Кваркваре II.

[322] Упомянутые Барбаро рубины происходили из короны византийских императоров (Il Nuovo Ramusio 1973: 298, nota 396).

[323] Cotathis, Cotatis — современный Кутаиси, столица Багратидов Абхазии. До 1122 г. — столица Грузии, с XV в. — центр Имеретинского царства. В предельно близкой форме (Cottatis) город упомянул о. Архангелло Ламберти около середины XVII в. (Юрченко 1877: 184).

[324] Schender — Сканда, современный город Сачкере в 29 км к востоку от Кутаиси.

[325] Loreo соответствует Лори (Лориберд). Город основан Давидом I Безземельным (989—1048). При Тимуре разрушен, в 1441 г. вошел в состав Картли. Развалины находятся на юго-восток от Дманиси.

[326] Традиционное название горы Большой Арарат.

[327] Cagri соответствует поселку Киагри в 42 км к юго-западу от Еревана, в 4 км к северу от реки Аракс.

[328] Часть армян поддержала унию Ферраро-Флорентийского собора 1439 г.

[329] Аленджия (Alengia) — крепость Алинджак в 24 км к востоку от Нахичевани.

[330] Несколько раз использованное в сочинении слово «лицензия» (licentia) подразумевает отпуск, разрешение на отъезд.

[331] Буквально — «через дорогу Татарии».

[332] Ночь с 5 на 6 января 1478 г.

[333] Подразумевается время составления сочинения — рубеж 1480—1490-х гг.

[334] Буквально: «когда все дела горели».

[335] Слова «uno garzon schiavon» могут быть переведены по-разному. Самые простые варианты: мальчик-раб, юноша-слуга. Е.Ч. Скржинская посчитала, что речь идет о слуге-славянине (Скржинская 1971: 82). В критическом издании глоссарий диалектных слов включает слова «Schiavon» со значением «Dalmata» (далматинец, далматинский) (Il Nuovo Ramusio 1973: 342).

[336] Alepo (Aleppo) — современный Халеб в Сирии.

[337] Cymis Cassegh (Cimis Assegh, Casseg) предположительно, соответствует современному поселку Чемишгезек в 92 км к юго-юго-западу от Эрзинджана, восточнее Арапкира.

[338] Arapchir соответствует современному городу Арапкир, расположенному севернее Малатьи.

[339] Malathia соответствует современной Малатье, центру одноименного ила в Турции, у подножия хребта Малатья, на правобережье реки Тохма (древняя Мелитена).

[340] Арабское название Иерусалима — Кудс (القدس).

[341] Буквально — «для дознания».

[342] Остров Хиос (тур. Сакиз) (Mordtmann 1934: 84).

[343] Выражение «domestico de questo da la gabella» может означать как напарника по сбору пошлины, так и родственника (приближенного), занимающегося тем же (сбором пошлины-габеллы).

[344] Не совсем понятно, зачем потребовалось переправляться через Евфрат на пути из Малатьи в Халеб.

[345] Использованное слово «muchario» означает погонщика в караване. Производное от персидского مکاری (мокари) — дающий внаем вьючных животных, занимающийся транспортировкой грузов на вьючных животных.

[346] Barutho (Barutto, Baruto) соответствует современному Бейруту.

[347] Tripoli — ливанский город Триполи в 67 км к северу от Бейрута.

[348] Арабское название воинов из числа рабов, преимущественно тюркских и черкесских, закупленных на территории Золотой Орды. Встреча с ними на территории египетского султана закономерна.

[349] Слово «ligazeto» обозначает сверток, пакет, рулон.

[350] Вероятно, так отмечены особенности лунного календаря.

[351] В качестве однородных членов использованы синонимы, практически без различий в оттенках значения. Если однокоренные слова в одном предложении я, по возможности, переводил разнокоренными в угоду защитникам русской словесности, то здесь насилие над источником невозможно.

[352] Герат на территории современного Афганистана.

[353] Слово «dravis» — искаженное «дервиш».

[354] Традиционное название обожженного кирпича — «pietre cotte», буквально — «обожженные камни».

[355] Должность «cadi laschar» (кади-и лашкар) обозначает не просто судью, а войскового.

[356] Запись состоялась спустя несколько лет после возвращения Барбаро в Венецию. Само событие произошло 24 марта 1486 г. Сохранились два «мученичества», перевод одного из них (Писец Мовсес. История мученичества блаженного страстотерпца (подвижника) Мирака Тавризеци) опубликован (Памятники 1973: 288—295; Армянские 1994: 402—405; Новые 1998: 128—131). Также имеется памятная запись о смерти Мирака в 1486 г. (Армянские 1994: 401), свидетель-

ствующая еще и о написании «Мученичества» вскоре после происшествия. Этим объясняется и близкое сходство в передаче событий у Барбаро и автора агиографического сочинения.

[357] Персона канонизирована, что позволяет уточнить некоторые детали происшедшего. Choza Mirech (Coza Mirech, Chozamirech) — Ходжа Мирак. Ходжа в данном случае, скорее, не собственное имя (Гафуров 1987: 205), а уважительный эпитет, который вполне соответствует устойчивому в житии определению «старейшина». В целом персидское слово «ходжа» [хадже] (خواجه) — уважаемый человек, сановник, господин, хозяин, глава, собственник, богатый человек, везир, купец, наставник, почтенный старец и т. п.

[358] В «Истории мученичества Мирака» названо имя этого «хаджи»: Мехти (Армянские 1994: 291—294; Новые 1998: 128—130). Судя по описанию персонажа, это тот самый приближенный ко двору сумасшедший дервиш, о котором прежде писал Барбаро.

[359] Meren соответствует городу Меренд, расположенному между Тебризом и Хоем.

[360] Darviscassun (duram cassam, darviscassim) предположительно реконструируется как дервиш Касим, но возможны и другие варианты: Хасан, Хатим, Хашим, Хаким (Гафуров 1987: 156, 204—205).

[361] Во время событий, описанных Пьетро Гуаско, в Тебризе правил Якуб, седьмой сын Узун Хасана. Он же фигурирует и в «Мученичестве».

[362] Характеристика «prior de l'hospetale» подразумевает смотрителя гостиницы при погребении или мечети. В «Мученичестве» должность указана более конкретно: завиедар (Памятники 1973: 293; Армянские 1994: 404; Новые 1998: 130), что подразумевает более широкие религиозные и организационные функции, чем просто «смотритель» (Кныш 1991а: 72). Поэтому буквальный перевод слова «prior» — «настоятель» более точно отражает ситуацию, хотя в русском языке (и итальянском тоже) эта должность совсем не сочетается с гостиницей. Здесь мы имеем дело с красноречивым свидетельством того, что буквальный перевод источника (а не художественного произведения) точнее, чем подбор выражений современного литературного языка.

[363] Буквально — «отправлен в мешок».

[364] Буквально — «при величайшем ужасе и возмущении всех».

[365] Буквально — «выкуп из определенной суммы золота».

[366] Фраза с точной датой есть только в издании Дж. Б. Рамузио. Е. Ч. Скржинская обоснованно рассматривала иные варианты проверки даты написания «Путешествия» (Скржинская 1971: 11 и сл.).

Литература

'Аджā'иб ад-дунйā (Чудеса мира). 1993. Смирнова Л. П. (критич. текст, пер. с перс., введ., комм.). Памятники письменности Востока LXXXIII. Москва: Наука; Восточная литература.

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. 1974. Гарданов В. К. (сост., ред., вступл.). Нальчик.

Акчокраклы О. 1927. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII—XV вв. *ИТОИАЭ* I (58), 5—17.

Акчокраклы О. 1929. Старо-Крымские надписи (по раскопкам 1928 г.). *ИТОИАЭ* II (60), 152—159.

ал-Бируни Абу-р-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. 1963. *Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия)*. Москва: АН СССР.

Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. 1979. *История Индии*. Москва: Мысль.

Аталиков В. М. 1993. Северный Кавказ в XIII—XIV вв. *Живая старина. Журнал по проблемам краеведения КБР* (3). Нальчик, 13—26.

Ахмадов Я. З. 1984. Европейские авторы XV—XVI вв. о горских народах Северного Кавказа. В: Гриценко Н. П. (отв. ред.). *Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом*. Грозный: Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР, 40—55.

Ашурбейли С. 1983. *Государство Ширваншахов (VI—XVI вв.)*. Баку: Элм.

Барбаро И. 1836. Путешествие Иосафата Барбаро в Тану. Семенов В. (перев. с ит.). В: *Библиотека иностранных писателей о России*. Отд. 1. Т. 1. Гл. III. Санкт-Петербург: М. Калистратов, 1—65.

Барбаро И. 1971. Путешествие в Тану. В: Скржинская Е. Ч. (вступ. ст., пер. и комм.). *Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.* Москва; Ленинград: Наука, 111—187.

Бартольд В. В. 1963а. История Туркестана. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 2. Ч. 1. *Общие работы по истории Средней Азии: Работы по истории Кавказа и Восточной Европы*. Москва: Наука, 105—166.

Бартольд В. В. 1963б. Таджики. Исторический очерк. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 2. Ч. 1. *Общие работы по истории Средней Азии: Работы по истории Кавказа и Восточной Европы*. Москва: Наука, 449—468.

Бартольд В. В. 1963в. Таджики (Из «энциклопедии ислама»). В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 2. Ч. 1. *Общие работы по истории Средней Азии: Работы по истории Кавказа и Восточной Европы*. Москва: Наука, 469—470.

Бартольд В. В. 1963г. Рецензия на книгу: В. И. Масальский, Туркестанский край (1913). В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 2. Ч. 1. *Общие работы по истории Средней Азии: Работы по истории Кавказа и Восточной Европы*. Москва: Наука, 635—642.

Бартольд В. В. 1964а. Чагатай-хан. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 2. Ч. 1, 2. Москва: Наука, 538—544.

Бартольд В. В. 1964б. Улугбек и его время. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. 2. Ч. 2. *Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии*. Москва: Наука, 25—196.

Бартольд В. В. 1971. Историко-географический обзор Ирана. В: Бартольд В. В. *Сочинения* VII. *Работы по исторической географии и истории Ирана*. Москва: Наука, 29—225.

Бартольд В. В. 2003. Историко-географический обзор Ирана. В: Бартольд В. В. *Работы по исторической географии и истории Ирана*. Классики отечественного востоковедения. Перепеч. с изд. 1971 г. Москва: Восточная литература, 29—225.

Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д., Думбадзе М. К., Меликишвили Г. А., Месхия Ш. А. 1962. *История Грузии* I. *С древнейших времен до 60-х годов XIX века*. Тбилиси: Учпедгиз.

Бонаккорсо Питти 1972. *Хроника*. Гуковская З. В., Гуковский М. А., Рутенбург В. И. (подгот.). Ленинград: Наука.

Бларамберг И. 1992. *Кавказская рукопись*. Ставрополь:

Ставропольское книжное издательство.
Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. 2001. О локализации «области Кремух» и о Белореченских курганах. *МИАК* 1, 124—137.
Волков И.В. 1989. Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Азове. В: Максименко В.Е. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 году.* Тезисы докладов к семинару. Азов: АКМ, 7—11.
Волков И.В. 1992. Атрибуция нескольких золотоордынских вещей из золотоордынского Азака. *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Москва.
Волков И.В. 2003. Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. *МИАСК* 2, 224—260.
Волков И.В. 2005. Замечания об области Кремук. В: *Четвертая Кубанская археологическая конференция: тезисы и доклады*. Краснодар: Символика.
Волков И.В. 2006. Размышления о хронологии, исторической географии и точности. *МИАК* (6), 278—327.
Волков И.В. 2010. Описание борщевика, сделанное в XV в. в связи с Таной. *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007—2008 гг.* 24. Азов: Азовский музей-заповедник, 473—478.
Волков И.В. 2012а. Сведения о Китае в сочинении венецианца Иосафата Барбаро. В: Кобзев А.И. и др. (ред.). *Общество и государство в Китае* XLII (3). Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая 7. Москва: ИВ РАН, 78—88.
Волков И.В. 2012б. Поволжье на средневековых европейских картах (в связи с попыткой пересмотра даты основания Самары). *Среднее Поволжье в контексте средневековой Российской истории: на перекрестке культур (конец XIII—XVI в.)*. Самара: ООО «Офорт», 24—79.
Всемирная история. 1957. Энциклопедия. Т. 3. Москва: Государственное издательство политической литературы.
Даль В.И. 2003. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1. Москва: Русский язык-Медиа.
Добролюбский А., Губарь О., Красножон А. 2002. *Борисфен — Хаджибей — Одесса: Историко-археологические очерки*. Одесса; Кишинев: Высшая антропологическая школа.
История Востока. 1995. Т. 2. *Восток в средние века*. Москва: Восточная литература.
Карпов С.П. 1981. *Трапезундская империя и западноевропейские государства*. Москва: МГУ.
Карпов С.П. 1994. *Путями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв*. Москва: Наука.
Клавихо Р.Г. 1990. *Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406)*. Мирокова И.С. (пер., предисл. и комм.). Москва: Наука.
Клепиков С.А. 1959. *Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века*. Москва: Всесоюзная книжная палата.
Марко Поло. 1997. Книга о разнообразии мира. В: Плано Карпини Дж. дель. *История монгалов*. 3-е изд.; Гильом де Рубрук. *Путешествие в восточные страны*. 3-е изд.; *Книга Марко Поло*. 4-е изд. Москва: Мысль, 190—380, 404—426.
Кныш А.Д. 1991а. Завийа. В: Прозоров С.М. (ред.). *Ислам: Историографические очерки*. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 72.
Кныш А.Д. 1991б. Суфизм. В: Прозоров С.М. (ред.). *Ислам: Историографические очерки*. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 109—207.
Криштопа А.Е. 1970. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане. В: Магомедов Р.М. (отв. ред.). *Вопросы истории и этнографии Дагестана*. Сб. науч. сообщений 1. Махачкала: Дагестанский гос. ун-т им. В.И. Ленина, 110—123.
Кузнецов В.А. 2003. *Эльхотовские ворота в X—XV веках*. Владикавказ: Кавказская здравница.
Лавров Л.И. 1976. Кавказская Тюмень. В: Гаджиев В.Г. (отв. ред.). *Из истории дореволюционного Дагестана*. Махачкала: (б.и.), Дагестанский филиал АН СССР, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, 163—175.
Лавров Л.И. 2009. Кавказская Тюмень. В: Лавров Л.И. *Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев*. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 440—447.
Лэн-Пуль С. 2004. *Мусульманские династии*. Москва: Восточная литература; Муравей.
Марченков В.И. 1992. *Ювелирное дело*. Москва: Высшая школа.
Минорский В.Ф. 1963. *История Ширвана и Дербенда*. Москва: Издательство восточной литературы.
Нарожный Е.И. 2001. О локализации маршрута Сефевидов шейха Хайдара на Северном Кавказе (80-е годы XV века). В: Виноградов В.Б. (отв. ред.). *Вопросы северокавказской истории* 6. Ч. II. Армавир: АГПУ, 20—32.
Николаев В. 1954. *Водяные знаки Оттоманской империи*. Т. 1. София: Болгарская Академия наук.
Полиевктов М.А. 1935. *Европейские путешественники по Кавказу*. Тифлис: АН ГССР.
Скржинская Е.Ч. 1971. *Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.* Е.Ч. Скржинская (вступ. ст., пер. и комм.). Москва; Ленинград: Наука.
Тафур Перо. 2006. *Странствия и путешествия*. Санчес Л.К.М. (пер., предисл. и комм.). Москва: Индрик.
Тойбл К. 1982. *Ювелирное дело*. Москва: Легкая и пищевая промышленность.
Усов В.Н. 2009. Чжэн Хэ. В: *Духовная культура Китая: энциклопедия* 4. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 790.
Фоменко И.К. 2001. Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам XIII—XVII вв. В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века* (5). Москва; Санкт-Петербург: Алетейя, 40—107.
Фоменко И.К. 2007. *Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII — XVII в.* Москва: Индрик.
Хождение 1986: *Хождение за три моря Афанасия Никитина*. 1986. Лурье Я.С., Семенова Л.С. (изд.). Ленинград: Наука.
Юрченко П. 1877. Описание Колхиды или Мингрелии о. Ламберти, миссионера Конгрегации для распространения христианской веры. *ЗООИД* 10, 178—224.
Barbaro I. 1543. Viaggio del magnifico messer Iosaphat Barbaro, ambasciatore della illustrissima republica di Venetia alla Tana. *Viaggi fatti da Vinetia alla Tana, in Persia, in India, et in Costantinopoli, con la descrittione particolare di città, luoghi, siti, co-*

stumi et della Porta del Gran Turco et di tutti le intrate, spese, et modo di gouerno suo, et della ultima impresa contra Portoghesi. Vinegia: figliuoli di Aldo, 3—64.

Barbaro G. 1559. Il vaggio della Tana, & nella Persia. In: Ramusio G.B. *Secondo volume delle navigationi et vaggi*. Venetia: Uivnti, 91v—112r.

Barbaro J. 1873. Travels to Tana and Persia. Thomas W. (transl.). In: Stanley of Alderley, Lord (ed.). *Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini*. Works issued by The Hakluyt Society 49. London: Printed for the Hakluyt Society, 3—101.

Barbaro I. 1973. Vaggi di Giosafat Barbaro. In: *Il Nuovo Ramusio*. Vol. VII: *I viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini*. A cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca e M.F. Tiepolo. Roma, 111—187.

Bryer A. 1961. The littoral of the Empire of Trebizond in two fourteenth century portolano maps. In: *'Αρχειον Πόντου* 24. 'Αθηναι, 97—127.

Cornet E. 1852. *Lettere al Senato Veneto di Giosafatte Barbaro ambasciatore ad Usunhasan di Persia tratte da un codice originale della I.R. Biblioteca di Vienna e annotate* VIII. Vienna: Libreria Tendler & comp.

Cornet E. 1856. *Le querre di Veneti nell'Asia 1470—1474: Documenti cavati dall'Archivio ai Frari in Venezia* X. Vienna: Libreria Tendler & comp.

Dubeux M.L. 1841. *La Perse*. (L'Univers. Histoire et Description de tous les peoples. Vol. 2). Paris.

EI: Houtsma M.Th., Arnold T.W., Basset R., Hartmann R. (eds.). 1987. *E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam 1913—1936*. Vol. 1: 1—546; Vol. 2: 546—1086. Photometrical reprint. Leiden; New York; København; Köln: E.J. Brill.

Forcellini F. 1912. Strane periperzie d'un bastardo di Casa d'Aragona. In: *Archivio Storico per le Provincie Napoletane* 37, 553—563.

Forcellini F. 1913. Strane periperzie d'un bastardo di Casa d'Aragona. In: *Archivio Storico per le Provincie Napoletane* 38, 87—114, 441—482.

Forcellini F. 1914. Strane periperzie d'un bastardo di Casa d'Aragona. In: *Archivio Storico per le Provincie Napoletane* 39, 172—214, 168—198, 459—494, 767—787.

Furusiyya. 1996. Vol. I: *The Horse in the art of the Near East*. Alexander D. (ed.). Riyadh (Kingdom of Saudi Arabia): King Abdulaziz Public Library.

Furusiyya. 1996. Vol. II: *Catalogue*. Alexander D. (ed.). Riyadh (Kingdom of Saudi Arabia): King Abdulaziz Public Library.

Gasparrini T.L. 1954. *Il Mappamondo di Fra Mauro*. Roma: Istituto poligrafico dello stato.

Godard A. 1938. The mausoleum of Öljeitü at Sultāniya. In: *SPA* II. *Architecture, ceramic arts, calligraphy and epigraphy*. London; New York: Oxford University Press, 1103—1118.

Golubovich G. 1927. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francescano* V. *Dal 1346 al 1400*. Firenze: Quaracchi presso Firenze, Collegio di S.Bonaventura.

Il Nuovo Ramusio. 1973. Vol. VII: *I viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini*. A cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca e M.F. Tiepolo. Roma: Istituto poligrfico dello Stato.

Minorsky V. 1940. A civil and military parade in Fārs in 881 (1476). In: *Bulletin of the School of Oriental Studies* 10 (1), 141—178.

Mordtmann J.H. Dhū'l Kadr. In: *EI* II, 959—961.

Mordtmann J.H. 1934. Sākiz. In: *EI* IV.

Pegolotti F.B. 1936. *La prattica della mercatura*. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press.

Pope A. (ed.). 1938a. *A survey of Persian Art from prehistoric times to the present.* Vol. IV. *Plates. Pre-Achaemenid, Achaemenid, Parthian and Sasanian Period, Architecture of the Islamic Period*. London; New York: Oxford University Press.

Pope A. (ed.). 1938b. *A survey of Persian Art from prehistoric times to the present.* Vol. V. *Plates. Architectural Ornament, Pottery and Faience, The Art of the Book.* London; New York: Oxford University Press.

Robin C.J. 1996. Sabeans and Himyarites discover the horse. In: Alexander D. (ed.). *Furusiyya* I. *The Horse in the art of the Near East*. Riyadh (Kingdom of Saudi Arabia): King Abdulaziz Public Library, 60—71.

Thiriet F. 1961. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie* 3. Paris; La Haye.

Winter H. 1962. The Fra Mauro portolan chart in the Vatican. In: *Imago Mundi: a review of early cartography* XVI. Amsterdam: N. Israel.

References

'Adzhā'ib ad-duniā (Chudesa mira) (Ajaib ad-Dunya, Rarities of the World). 1993. Pamiatniki pis'mennosti Vostoka (Oriental Written Accounts) LXXXIII. Moscow: "Nauka" Publ.; "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiiakh evropeiskikh avtorov XIII—XIX vv. (The Adyghe, Balkars and Karachay in European Accounts of 13—19th cc.). 1974. Nalchik (in Russian).

Akchokrakly, O. 1927. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* I (58), 5—17 (in Russian).

Akchokrakly, O. 1929. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* II (60), 152—159 (in Russian).

Abū Rayhān al-Bīrūnī. 1963. *Sobranie svedenii dlia poznaniia dragotsennostei (Mineralogiia) (Collection of Knowledge to Study Gems (Mineralogy))*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Antonova, K.A., Bongard-Levin, G.M., Kotovskii, G.G. 1979. *Istoriia Indii (History of India)*. Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).

Atalikov, V.M. 1993. In *Zhivaia starina. Zhurnal po problemam kraevedeniia KBR (Living Antiquity. Journal on Local Lore Problems in Kabardino-Balkar Republic)* (3). Nalchik, 13—26 (in Russian).

Akhmadov, Ya.Z. 1984. In *Voprosy istoricheskoi geografii Checheno-Ingushetii v dorevoliutsionnom proshlom (Questions of Historical Geography in Checheno-Ingushetia Before the Revolution)*. Grozny: Checheno-Ingushetian Institute of History, Sociology and Philology at the Council of Ministers of the Chechen-Ingushetian Autonomous Soviet Socialist Republic, 40—55 (in Russian).

Ashurbeili, S. 1983. *Gosudarstvo Shirvanshakhov (VI—XVI vv.) (The Shirvanshahs' State (6th—16th cc.))*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Barbaro, J. 1836. In *Biblioteka inostrannykh pisatelei o Rossii (Library of Foreign Writers on Russia)*. Unit. 1. Vol. 1. Saint Petersburg: "M. Kalistratov" Publ., 1—65 (in Russian).

Barbaro, J. 1971. In *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh sviazei v XV v. (Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italian-Russian Connections in 15th Century)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 111—187 (in Russian).

Bartold, V.V. 1963a. In *Works*. Vol. 2. Part 1. *Obshchie raboty po is-*

torii Srednei Azii: Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy (General Works on History of Middle Asia: Works on History of the Caucasus and Eastern Europe). Moscow: Nauka, 105—166 (in Russian).

Bartold, V.V. 1963b. In *Works*. Vol. 2. Part 1. *Obshchie raboty po istorii Srednei Azii: Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy (General Works on History of Middle Asia: Works on History of the Caucasus and Eastern Europe)*. Moscow: Nauka, 449—468 (in Russian).

Bartold, V.V. 1963c. In *Works*. Vol. 2. Part 1. *Obshchie raboty po istorii Srednei Azii: Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy (General Works on History of Middle Asia: Works on History of the Caucasus and Eastern Europe)*. Moscow: Nauka, 469—470 (in Russian).

Bartold, V.V. 1963d. In *Works*. Vol. 2. Part 1. *Obshchie raboty po istorii Srednei Azii: Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy (General Works on History of Middle Asia: Works on History of the Caucasus and Eastern Europe)*. Moscow: Nauka, 635—642 (in Russian).

Bartold, V.V. 1964a. In *Works*. Vol. 2. Part 1, 2. Moscow: Nauka, 538—544 (in Russian).

Bartold, V.V. 1964b. In *Works*. Vol. 2. Part 2. *Raboty po otdel'nym problemam istorii Srednei Azii (Works on some Issues of History of Middle Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 25—196 (in Russian).

Bartold, V.V. 1971. In *Works* VII. *Raboty po istoricheskoi geografii i istorii Irana (Works on Historical Geography and History of Iran)*. Moscow: "Nauka" Publ., 29—225.

Bartold, V.V. 2003. In *Raboty po istoricheskoi geografii i istorii Irana (Works on Historical Geography and History of Iran)*. Reprinted from 1971. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 29—225. (in Russian).

Berdzenishvili, N.A., Dondua, V.D., Dumbadze, M.K., Melikishvili, G.A., Meskhiia, Sh.A. 1962. *Istoriia Gruzii (History of Georgia)* I. *S drevneishikh vremen do 60-kh godov XIX veka (Since Earliest Times to 60s of 19th c.)*. Tbilisi: "Uchpedgiz" Publ. (in Russian).

Bonakkorso, Pitti 1972. *Khronika (Chronicle)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Blaramberg, I. 1992. *Kavkazskaia rukopis' (Caucasus Manuscript)*. Stavropol: "Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Vinogradov, V.B., Narozhnyi, E.I., Narozhnaia, F.B. 2001. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Proceedings and Researces on the Archaeology of Kuban)* 1, 124—137 (in Russian).

Volkov, I.V. 1989. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1988 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 1988).* Azov: Azov Museum of Local, 7—11 (in Russian).

Volkov, I.V. 1992. In *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ia (Antiquities of Northern Caucasus and Black Sea Region)*. Moscow (in Russian).

Volkov, I.V. 2003. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Proceedings and Researches on the Archaeology of North Caucasus)* 2, 224—260 (in Russian).

Volkov, I.V. 2005. In *Chetvertaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (IVth Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: "Simvolika" Publ. (in Russian).

Volkov, I.V. 2006. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Proceedings and Researches on the Archaeology of Kuban)* (6), 278—327 (in Russian).

Volkov, I.V. 2010. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2007—2008 gg. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2007—2008).* 24. Azov: Azov: Azov Museum-Reserve, 473—478 (in Russian).

Volkov, I.V. 2012a. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae (Society and State in China)* XLII (3). Uchenye zapiski IV RAN, Otdela Kitaia (Scientific Reports of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, China Department) 7. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 78—88 (in Russian).

Volkov, I.V. 2012b. In *Srednee Povolzh'e v kontekste srednevekovoi Rossiiskoi istorii: na perekrestke kul'tur (konets XIII—XVI v.) (Middle Volga Region in the Context of Medieval Russian History: at the Crossroads of Cultures (late 13th — 16th cc.))*. Samara: "Ofort" Publ., 24—79 (in Russian).

Vsemirnaia istoriia (World History). 1957. Vol. 3. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury" Publ. (in Russian).

Dahl, V.I. 2003. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)* 1. Moscow: "Russkii iazyk-Media" Publ. (in Russian).

Dobroliubskii, A., Gubar', O., Krasnozhon, A. 2002. *Borisfen — Khadzhibei — Odessa: istoriko-arkheologicheskie ocherki (Borysthenos — Hacibey — Odessa: Historical and Archaeological Essays)*. Odessa; Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).

Istoriia Vostoka (History of Orient). 1995. Vol. 2. *Vostok v srednie veka (Orient in the Middle Ages)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Karpov, S.P. 1981. *Trapezundskaia imperiia i zapadnoevropeiskie gosudarstva (The Empire of Trebizond and Western European States)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Karpov, S.P. 1994. *Putiami srednevekovykh morekhodov: Chernomorskaia navigatsiia Venetsianskoi respuBliki v XIII—XV vv. (Following the Itineraries of the Medieval Sailors: Black Sea Navigation of the Venice Republic in 13th — 15th cc.)* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Clavijo, R.G. de. 1990. *Dnevnik puteshestviia v Samarkand ko dvoru Timura (1403—1406)* (*Narrative of the Embassy of Ruy Gonzalez de Clavijo to the Court of Timour at Samarcand AD 1403—6*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Klepikov, S.A. 1959. *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII—XX veka (Filigrees and Stamps on Paper Produced in Russia and Abroad in 17th — 20th cc.)*. Moscow: "Vsesoiuznaia knizhnaia palata" Publ. (in Russian).

Marco Polo. 1997. In Plano Carpini, G. del. *Istoriia mongalov*. 3-e izd.; Guillaume de Rubrouck. *Puteshestvie v vostochnye strany*. 3-e izd.; *Kniga Marco Polo*. 4-e izd. (Plano Carpini, G. del. *Ystoria Mongalorum*; Guillaume de Rubrouck. *The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts*; *Book of Marco Polo*). Moscow: "Mysl'" Publ., 190—380, 404—426 (in Russian).

Knysh, A.D. 1991a. In *Islam: Istoriograficheskie ocherki (Islam: Historiographic Essays)*. Moscow: "Nauka" Publ., "Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ., 72 (in Russian).

Knysh, A.D. 1991b. In *Islam: Istoriograficheskie ocherki (Islam: Historiographic Essays)*. Moscow: "Nauka" Publ., "Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ., 109—207 (in Russian).

Krishtopa, A.E. 1970. *Voprosy istorii i etnografii Dagestana (Issues of History and Ethnography of Dagestan)* 1. Makhachkala: "V.I. Lenin" Dagestan State University, 110—123 (in Russian).

Kuznetsov, V.A. 2003. *El'khotovskie vorota v X—XV vekakh (Elhot Gates in 10th — 15th cc.)*. Vladikavkaz: "Kavkazskaia zdravnitsa" Publ. (in Russian).

Lavrov, L.I. 1976. In *Iz istorii dorevoliutsionnogo Dagestana (From History of Pre-Revolutionary Dagestan)*. Makhachkala: (s. ed.), Dagestan Branch of the USSR Academy of Science, *G. Tzadasa* Institute of History, Language and Literature, 163—175 (in Russian).

Lavrov L.I. 2009. In *Izbrannye trudy po kul'ture abazin, adygov, karachaevtsev, balkartsev (Selected Papers on the Culture of Abazins, Adyghe, Karachay and Balkars)*. Nal'chik: "Poligrafkombinat im. Revoliutsii 1905 g." Publ., 440—447 (in Russian).

Lane-Poole, S. 2004. *Musul'manskie dinastii (The Mohammedan Dynasties)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ.; "Muravei" Publ. (in Russian).

Marchenkov, V.I. 1992. *Iuvelirnoe delo (Jewelry)*. Moscow: "Vysshaia shkola" Publ. (in Russian).

Minorsky, V.F. 1963. *Istoriia Shirvana i Derbenda (The History of Shirvan and Derbent)*. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).

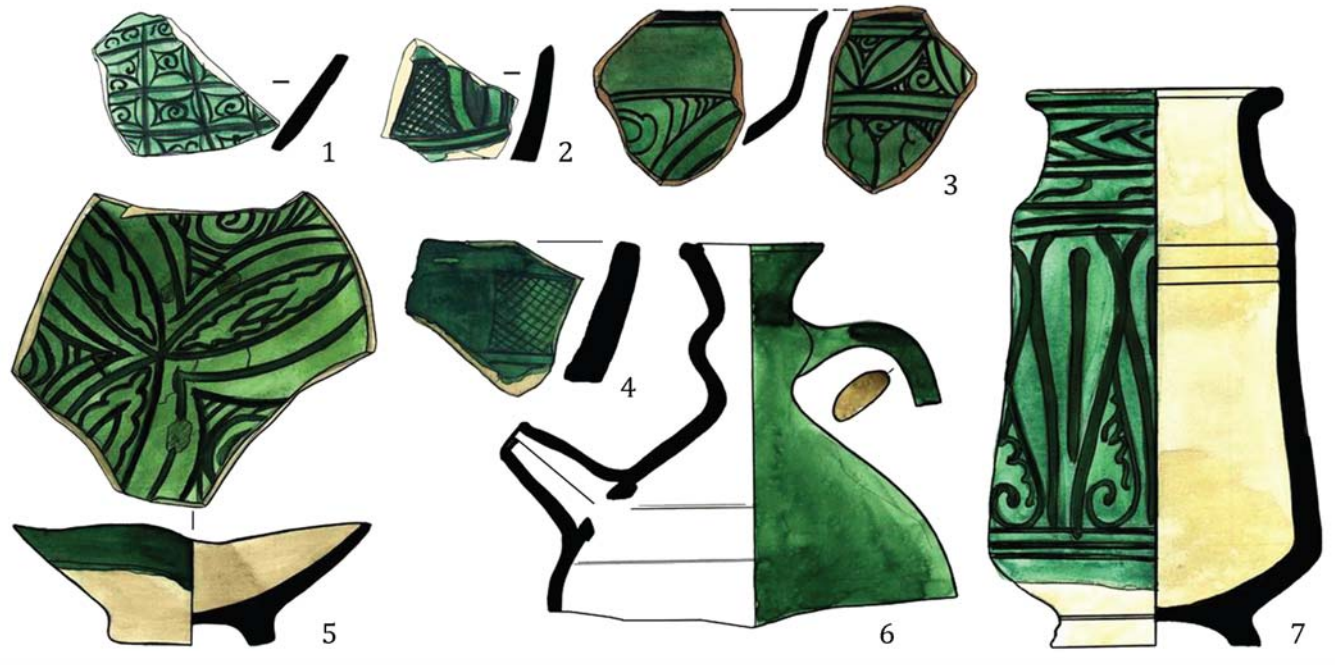
Narozhnyi, E.I. 2001. In *Voprosy severokavkazskoi istorii (Issues of North-Caucasus History)* 6. Part II. Armavir: Armavir

State Pedagogical University, 20—32 (in Russian).
Nikolaev, V. 1954. *Vodianye znaki Ottomanskoi imperii (Watermarks of the Ottoman Empire)* 1. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences (in Russian).
Polievktov, M.A. 1935. *Evropeiskie puteshestvenniki po Kavkazu (Evropeiskie puteshestvenniki po Kavkazu)*. Tiflis: Academy of Sciences of the Georgian SSR (in Russian).
Skrzhinskaya, E. P. 1971. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh sviazei v XV v. (Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italian-Russian Connections in 15th Century)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
Tafur, Pero. 2006. *Stranstviia i puteshestviia (Journeys and Travels)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
Tojbl, K. 1982. *Iuvelirnoe delo (Jewelry)*. Moscow: "Legkaia i pishchevaia promyshlennost'" Publ. (in Russian).
Usov, V.N. 2009. In *Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia (Spiritual Culture of China: Encyclopedia)* 4. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. of the Russian Academy of Sciences, 790 (in Russian).
Fomenko, I.K. 2001. In *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* (5). Moscow; Saint Petersburg: "Aleteia" Publ., 40—107 (in Russian).
Fomenko, I.K. 2007. *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII—XVII vv. (How the World Looked on the Ancient Portolanos. Pontic Area. Late 13th — 17th cc.)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
Khozhdenie za tri moria Afanasiia Nikitina (The Journey of Afanasiy Nikitin Beyond the Three Seas). 1986. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
Yurchenko, P. 1877. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 10, 178—224 (in Russian).
Barbaro I. 1543. Viaggio del magnifico messer Iosaphat Barbaro, ambasciatore della illustrissima republica di Venetia alla Tana. *Viaggi fatti da Vinetia alla Tana, in Persia, in India, et in Costantinopoli, con la descrittione particolare di città, luoghi, siti, costumi et della Porta del Gran Turco et di tutti le intrate, spese, et modo di gouerno suo, et della ultima impresa contra Portoghesi*. Vinegia: figliuoli di Aldo, 3—64.
Barbaro G. 1559. Il vaggio della Tana, & nella Persia. In: Ramusio G.B. *Secondo volume delle navigationi et vaggi*. Venetia: Uivnti, 91v—112r.
Barbaro J. 1873. Travels to Tana and Persia. Thomas W. (transl.). In: Stanley of Alderley, Lord (ed.). *Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini*. Works issued by The Hakluyt Society 49. London: Printed for the Hakluyt Society, 3—101.
Barbaro I. 1973. Vaggi di Giosafat Barbaro. In: *Il Nuovo Ramusio*. Vol.VII: *I viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini*. A cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca e M.F. Tiepolo. Roma, 111—187.
Bryer A. 1961. The littoral of the Empire of Trebizond in two fourteenth century portolano maps. In: *'Αρχειον Πόντου* 24. 'Αθηναι, 97—127.
Cornet E. 1852. *Lettere al Senato Veneto di Giosafatte Barbaro ambasciatore ad Usunhasan di Persia tratte da un codice originale della I.R. Biblioteca di Vienna e annotate* VIII. Vienna: Libreria Tendler & comp.
Cornet E. 1856. *Le querre di Veneti nell'Asia 1470—1474: Documenti cavati dall'Archivio ai Frari in Venezia* X. Vienna: Libreria Tendler & comp.
Dubeux M.L. 1841. *La Perse*. (L'Univers. Histoire et Description de tous les peoples. Vol. 2). Paris.
EI: Houtsma M.Th., Arnold T.W., Basset R., Hartmann R. (eds.). 1987. *E. J. Brill's First Encyclopaedia of Islam 1913—1936*. Vol. 1: 1—546; Vol. 2: 546—1086. Photometrical reprint. Leiden; New York; København; Köln: E.J. Brill.
Forcellini F. 1912. Strane periperzie d'un bastardo di Casa d'Aragona. In: *Archivio Storico per le Provincie Napoletane* 37, 553—563.
Forcellini F. 1913. Strane periperzie d'un bastardo di Casa d'Aragona. In: *Archivio Storico per le Provincie Napoletane* 38, 87—114, 441—482.
Forcellini F. 1914. Strane periperzie d'un bastardo di Casa d'Aragona. In: *Archivio Storico per le Provincie Napoletane* 39, 172—214, 168—198, 459—494, 767—787.
Furusiyya. 1996. Vol. I: *The Horse in the art of the Near East*. Alexander D. (ed.). Riyadh (Kingdom of Saudi Arabia): King Abdulaziz Public Library.
Furusiyya. 1996. Vol. II: *Catalogue*. Alexander D. (ed.). Riyadh (Kingdom of Saudi Arabia): King Abdulaziz Public Library.
Gasparrini T.L. 1954. *Il Mappamondo di Fra Mauro*. Roma: Istituto poligrafico dello stato.
Godard A. 1938. The mausoleum of Öljeitü at Sultāniya. In: *SPA* II. *Architecture, ceramic arts, calligraphy and epigraphy*. London; New York: Oxford University Press, 1103—1118
Golubovich G. 1927. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francescano* V. *Dal 1346 al 1400*. Firenze: Quaracchi presso Firenze, Collegio di S.Bonaventura. — 442 p.
Il Nuovo Ramusio. 1973. Vol.VII: *I viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini*. A cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca e M.F. Tiepolo. Roma: Istituto poligrfico dello Stato.
Minorsky V. 1940. A civil and military parade in Fārs in 881 (1476). In: *Bulletin of the School of Oriental Studies* 10 (1), 141—178.
Mordtmann J.H. Dhū'l Kadr. In: *EI* II, 959—961.
Mordtmann J.H. 1934. Sākiz. In: *EI* IV.
Pegolotti F.B. 1936. *La prattica della mercatura*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press.
Pope A. (ed.). 1938a. *A survey of Persian Art from prehistoric times to the present*. Vol. IV. *Plates. Pre-Achaemenid, Achaemenid, Parthian and Sasanian Period, Architecture of the Islamic Period*. London; New York: Oxford University Press.
Pope A. (ed.). 1938b. *A survey of Persian Art from prehistoric times to the present*. Vol. V. *Plates. Architectural Ornament, Pottery and Faience, The Art of the Book*. London; New York: Oxford University Press.
Robin C.J. 1996. Sabeans and Himyarites discover the horse. In: Alexander D. (ed.). *Furusiyya* I. *The Horse in the art of the Near East*. Riyadh (Kingdom of Saudi Arabia): King Abdulaziz Public Library, 60—71.
Thiriet F. 1961. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie* 3. Paris; La Haye.
Winter H. 1962. The Fra Mauro portolan chart in the Vatican. In: *Imago Mundi: a review of early cartography* XVI. — Amsterdam: N. Israel.

Список сокращений

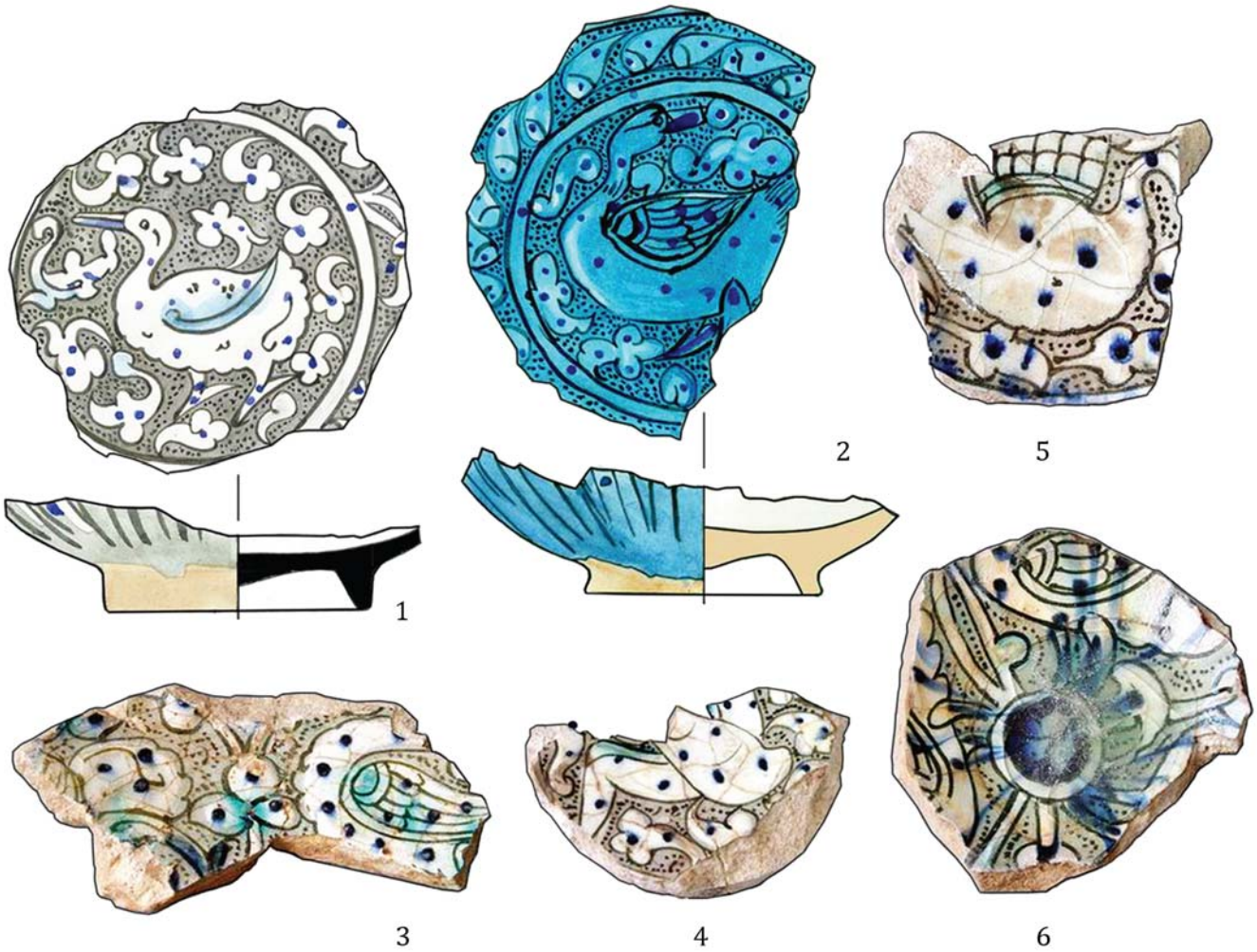
АААИК	— Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев.
АВУ	— Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АГОИАМЗ	— Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. Астрахань.
АГУ	— Астраханский государственный университет. Астрахань.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Екатеринбург.
АИА	— Архив Института археологии АН СССР / РАН. Москва.
АКМ	— Азовский краеведческий музей. Азов.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АНТ	— Академия наук Татарстана. Казань.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП УРСР	— Археологічні пам’ятки УРСР. Київ.
АПУ	— Астраханский педагогический университет. Астрахань.
АС	— археологический съезд.
АЭМК	— Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БАН	— Болгарская Академия наук (Българската Академия на науките). София.
БГИАМЗ	— Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Болгар.
БГИКЗ	— Бахчисарайский Государственный историко-культурный заповедник. Бахчисарай.
БФАН СССР	— Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа.
ВААЭ	— Волго-Ахтубинская археологическая экспедиция.
ВГИ	— Волжский гуманитарный институт. Волжский.
ВИА	— Всеобщая история архитектуры. Ленинград; Москва.
ВОКМ	— Волгоградский областной краеведческий музей. Волгоград.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ВУА	— Военно-ученый архив.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГНИМА	— Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева. Москва.
ГОМ РТ	— Государственный объединённый музей Республики Татарстан. Казань.
ДНУ	— Днепропетровский национальный университет. Днепропетровск.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДСПК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЗВОИРАО	— Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ЗКМ	— Запорожский краеведческий музей. Запорожье.
ЗНУ	— Запорожский национальный университет. Запорожье.
ЗОКМ	— Запорожский областной краеведческий музей. Запорожье.
ЗООИД	— Записки Одесского археологического общества истории и древностей. Одесса.
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии наук УССР. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАзГУ	— Известия Азербайджанского государственного университета. Баку.
ИАН	— Императорская Академия наук. Санкт-Петербург.
ИАЭ РАН	— Институт антропологии и этнографии Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии материальной культуры. Москва.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
ИЯЛИ	— Институт истории, языка и литературы им. Г. И. Ибрагимова. Казань.
КАРМ	— Комплексная архитектурно-реставрационная мастерская.
КБР	— Кабардино-Балкарская Республика.
КОГУП	— Кировское областное государственное унитарное предприятие.

КРКМ — Крымский республиканский краеведческий музей. Симферополь.
КС — Киевская старина. Киев.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Санкт-Петербург.
КСНРПМ — Крымская специализированная научно-реставрационная производственная мастерская «Укрреставрация». Симферополь.
КФ ИА НАНУ — Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины. Симферополь.
КФАН — Казанский филиал Академии наук СССР. Казань.
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет. Ленинград
ЛФВ — Личный фонд Воронина Ю. С.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МарГУ — Марийский государственный университет. Йошкар-Ола.
МарНИИЯЛИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Йошкар-Ола.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
МОН РК — Министерство образования и науки Республики Казахстан. Алматы.
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАН РК — Национальная академия наук Республики Казахстан.
НГПУ — Нижегородский государственный педагогический университет. Нижний Новгород.
НЗХТ — Национальный заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
НРТО — Научно-реставрационный технологический отдел.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ПАП — Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
ПАЭ — Поволжская археологическая экспедиция.
ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
РА — Российская археология. Москва.
РАН — Российская Академия наук. Москва.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Москва.
РУЖД — Рязано-Уральская железная дорога.
СА — Советская археология. Москва
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СКАЭГЭ — Старо-Крымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа.
СНРПМ — Специальные научно-реставрационные производственные мастерские.
СОМК — Саратовский областной музей краеведения. Саратов.
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
ССПК — Старожитності Степового Подніпров’я і Криму. Запоріжжя.
СУАК — Саратовская Ученая архивная комиссия. Саратов.
ТА — Татарская археология. Казань.
ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
Труды АС — Труды археологического съезда.
УИИЯЛ УрО РАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.
ФМД — Феодосийский музей древностей. Феодосия.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ХНУ — Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина. Харьков.
ХСб — Херсонесский сборник. Севастополь.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив. Москва.
AMV — Acta Musei Varnensis. Варна.
ASLSP — Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova.
EI — E. J. Brill’s First Encyclopaedia of Islam 1913—1936. Leiden; New York; København; Köln.
SPA — A survey of Persian Art from prehistoric times to the present. London; New York.



Илл. 1. Городище Сарайчик. Красноглиняная керамика с зеленой поливой и орнаментом в технике «резерва» (О.В. Кузнецова, рис. 2).

Ill. 1. Saraichik Hillfort. Redclay ceramics with green glazing, ornamented by using 'reserve' technique (O.V. Kuznetsova, fig. 2).



Илл. 2. Городище Сарайчик. Кашинная керамика с прозрачной бесцветной и голубой поливой, подглазурной росписью и подглазурным рельефом (О.В. Кузнецова, рис. 6).

Ill. 2. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics with transparent colorless and blue glazing, with glazed-over polychromic painting and glazed-over relief (O.V. Kuznetsova, fig. 6).

Илл. 3. Городище Сарайчик. Кашинная керамика с подглазурной росписью и подглазурным рельефом (О.В. Кузнецова, рис. 7).

Ill. 3. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics with glazed-over painitng and glazed-over relief (O.V. Kuznetsova, fig. 7).

Илл. 4. Городище Сарайчик. Кашинная керамика минаи (О.В. Кузнецова, рис. 11, фрагмент).

Ill. 4. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics Minai (O.V. Kuznetsova, fig. 11, fragment).

Илл. 5. Городище Сарайчик. Кашинная керамика с черной росписью (О.В. Кузнецова, рис. 12, фрагмент).

Ill. 5. Saraichik Hillfort. Kashan ceramics with black painting (O.V. Kuznetsova, fig. 12, fragment).

Илл. 6. Увекское городище. Детали серебряного поясного набора (Д.А. Кубанкин, рис. 4).

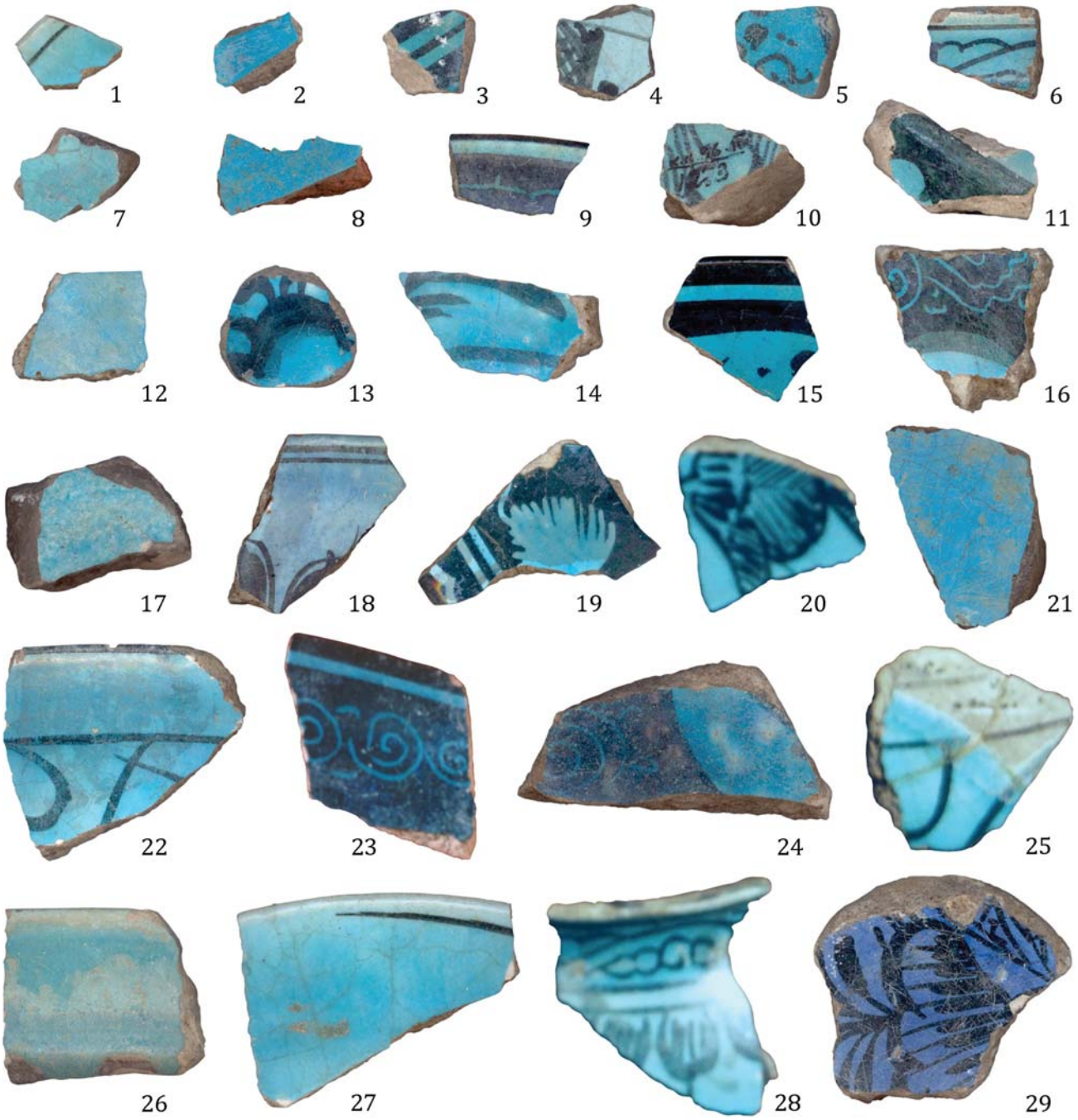
Ill. 6. Uvek Hillfort. Details of a silver belt set (D.A. Kubankin, fig. 4).

Илл. 7. Увекское городище. Серебряная с позолотой чаша (Д.А. Кубанкин, рис. 5).

Ill. 7. Uvek Hillfort. Gilded silver cup (D.A. Kubankin, fig. 5).

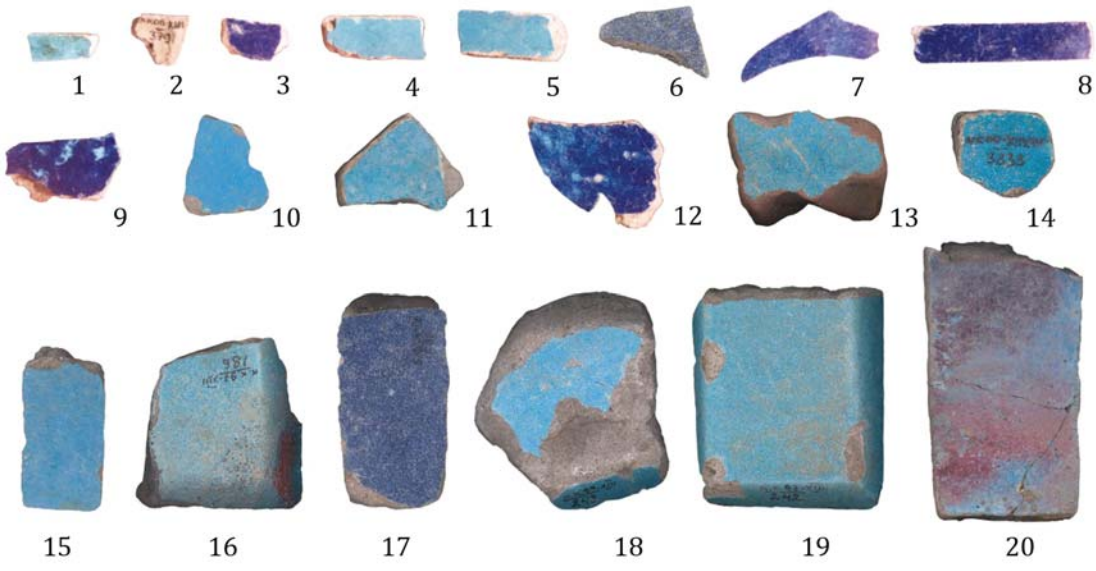
Илл. 8. Увекское городище. Фрагмент архитектурного блока (Д.А. Кубанкин, рис. 6).

Ill. 8. Uvek Hillfort. A fragment of an architectural block (D.A. Kubankin, fig. 6).



Илл. 9. Казанский кремль. Фрагменты поливной кашинной керамики (А.Г. Ситдиков, рис. 3).

Ill. 9. Kazan Kremlin. Fragments of Kashan glazed pottery (A.G. Sitdikov, fig. 3).



Илл. 10. Казанский кремль. Поливные изразцы (А.Г. Ситдиков, рис. 4).

Ill. 10. Kazan Kremlin. Glazed tiles (A.G. Sitdikov, fig. 4).

Илл. 11. Казанский кремль. Изделия из цветного металла (А.Г. Ситдиков, рис. 6).

Ill. 11. Kazan Kremlin. Non-ferrous finds (A.G. Sitdikov, fig. 6).

Илл. 12. Донецкая область. Случайные находки (Э.Е. Кравченко, рис. 2, фрагмент).

Ill. 12. Donetsk Oblast. Stray finds (E.E. Kravchenko, fig. 2, fragment).

Илл. 13. Находки с территории Донецкой области: бронзовые зеркала, медный браслет, бронзовые серьги (Э.Е. Кравченко, рис. 9).

Ill. 13. Finds from Donetsk Oblast: bronze mirrors, copper bracelets, bronze earrings (E.E. Kravchenko, fig. 9).

Илл. 14. Донецкая область. Вещи из погребений: золотые украшения и керамическая ойнохоя (Э.Е. Кравченко, рис. 10, фрагмент).

Ill. 14. Donetsk Oblast. Items from burials: gold decorations and ceramic oenochoe (E.E. Kravchenko, fig. 10, fragment).

Илл. 15. Царино городище (Маяки). Медный позолоченный медальон с изображением св. Николая (Э.Е. Кравченко, рис. 24, фрагмент).

Ill. 15. Tzarino fort (Mayaki). Copper gold-plated medallion with Saint Nicholas image (E.E. Kravchenko, fig. 24, fragment).

Илл. 16. Донецкая область. Амфора (Э.Е. Кравченко, рис. 15, фрагмент).

Ill. 16. Donetsk Oblast. Amphora (E.E. Kravchenko, fig. 15, fragment).

Илл. 17. Царино городище. Фрагменты красноглиняных сосудов, покрытых зеленой поливой (Э.Е. Кравченко, рис. 27, 28, фрагменты).

Ill. 17. Tzarino fort. Fragments of red clay vessels covered by green glaze (E.E. Kravchenko, fig. 27; 28, fragments).

Илл. 18. Царино городище. Фрагменты красноглиняной посуды с желтой поливой и штампованных сосудов, покрытых пятнами непрозрачной бирюзовой глазури (Э.Е. Кравченко, рис. 29; 30).

Ill. 18. Tzarino fort. Fragments of red clay vessels wiht yellow glaze, and of stamped with spots of non-transparent turquoise glaze (E.E. Kravchenko, fig. 29; 30).

Илл. 19. Царино городище. Фрагменты красноглиняных сосудов с росписью ангобом под прозрачной желтой глазурью. Поливная керамика с поселения, прилегающего к городищу (Э.Е. Кравченко, рис. 31; 32, фрагмент).

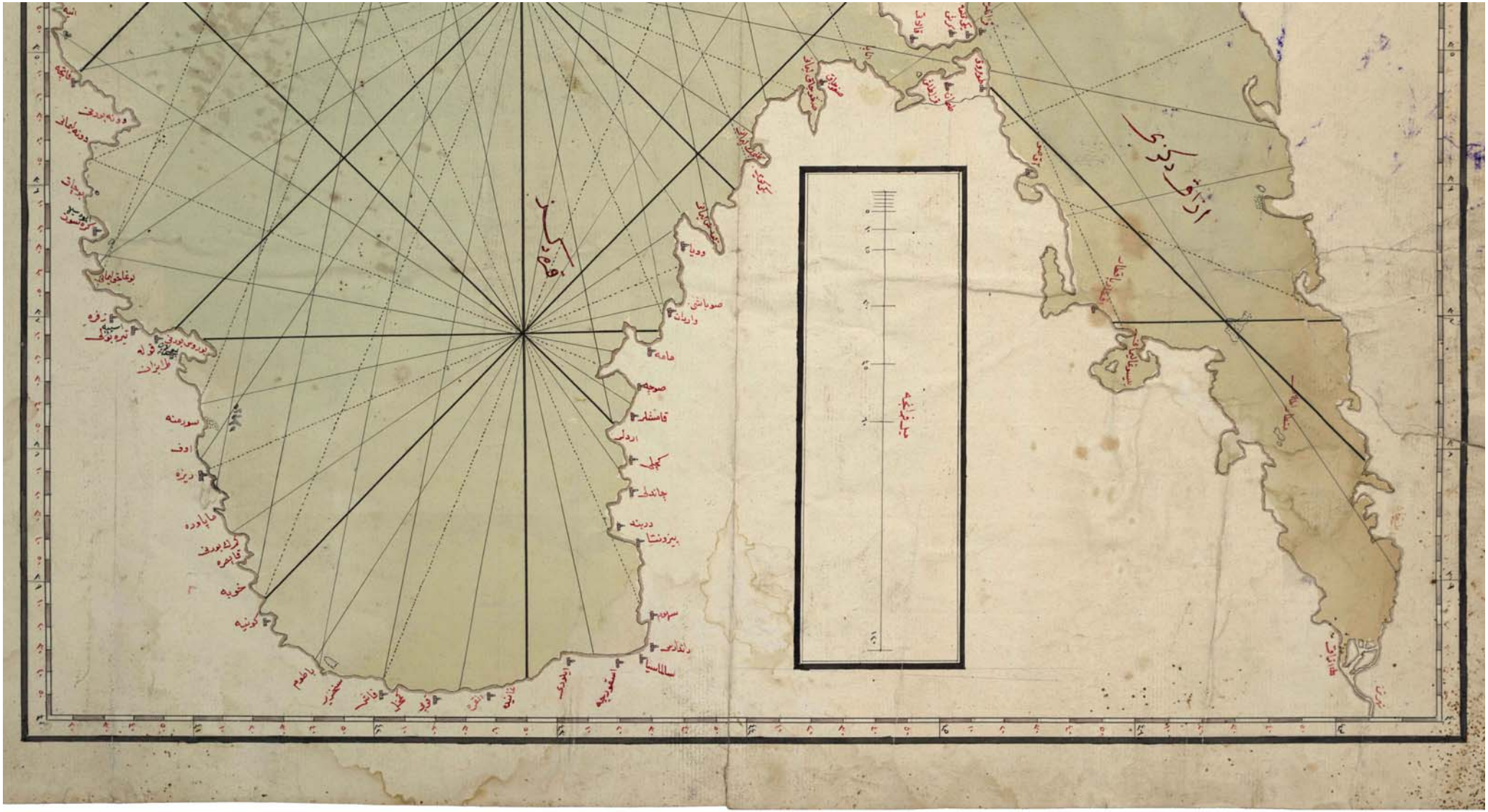
Ill. 19. Tzarino fort. Fragments of red clay vessels with engobe painting under transparent yellow glaze. glazed ceramics from the settlement adjacent to the fort (E.E. Kravchenko, fig. 31; 32, fragment).

Илл. 20. Царино городище. Поливная кашинная керамика и китайский фарфор (Э.Е. Кравченко, рис. 32, фрагмент).

Ill. 20. Tzarino fort. Glazed Kashan ceramics and China porcelane (E.E. Kravchenko, fig. 32, fragment).

Илл. 21. Белгород-Днестровский. Фрагменты импортной среднеазиатской (?) стеклянной посуды и импортной византийской керамики (Г.С. Богуславский. рис. 3).

Ill. 21. Belgorod-Dnestrovskyi. Fragments of imported Central Asian (?) glass ware and imported Byzantine pottery (G.S. Boguslavskiy, fig. 3).



Илл. 22. Турецкая карта Чёрного и Азовского морей из собрания Государственного исторического музея (И. В. Волков, рис. 1).

Ill. 22. Turkish Map of the Black and Azov Seas from the State Historical Museum (I. V. Volkov, fig. 1).

Илл. 23. Карта Чёрного моря, составленная французским инженером Ж.-Н. Белленом. Париж, 1772 г. (И.В. Волков, рис. 3).

Ill. 23. Black Sea map by french engineer Jaques Nicolas Bellin. Paris, 1772 (I.V. Volkov, fig. 3).

ECHELLES
Reduites sur une Latitude moyenne.
Lieues Marines de France et d'Angleterre de Vingt au Degré.
Milles Communs d'Italie de Soixante au Degré.
Verts de Russie de Cent quatre et demi au Degré.
Milles Grecs et d'usage en Turquie de Soixante quinze au Degré.
MER DE ZABACH ou D'AZOF
nommée par les Turcs AZAK DEGNYZI
autrefois PALUS MŒOTIS
PLAINES DE
LA CRIMÉE
TARTARES DE KUBAN
Desert d'Anapa
CIRCASSIE
Mont Caucase
Detroit de Zabach
Anciens la Chersonese Taurique et les habitans Taures Schitas
GUNDOGOUSI
aujourdhui MER NOIRE
en Russe et en Polonois CZARNE MORE
Golphe de Samson
Trebizonde
Trapenzontas
Gunhie ou Gonieh
Copi
Anargia
Hori
Derbent
Ardler
Mamai
Vardan
Azof
Prix. tre

Илл. 24. Фрагмент карты Северного Причерноморья Д.Ф. Стоцмана (до 1788 г.) (И.В. Волков, рис. 5).

Ill. 24. Fragment of the Northern Pontic map by D.F. Stotzmann (before 1788) (I.V. Volkov, fig. 5).